This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855278 7

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

НА

1850 ГОДЪ.

ЧАСТЬ VI.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1850.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770749A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 31-го 1850 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 21. Ноябрь. Кн. 1.

NOV

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ТЮФЯКЪ.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ДОМАШНІЯ СЦЕНЫ.

Болѣе полугода прошло послѣ женитьбы Павла. Наступила снова зима, снова начались удовольствія. Въ городѣ ничего не случилось достопримѣчательнаго. Значительной перемѣны въ жизни главныхъ лицъ моего разсказа никакой не было. Павелъ жилъ съ женою и съ матерью; Кураевъ не уѣзжалъ еще въ Петербургъ; хорошіе пріятели его по-сю-пору еще не пріискивали ему тамъ частнаго мѣста. Лизавета Васильевна жила въ деревнѣ; Перепетуя Петровна рѣшительно разошлась съ своимъ роднымъ племянникомъ, даже голубушку-сестрицу третій мѣсяцъ не видала. Она нѣкоторымъ образомъ, дѣйствительно, была права въ своемъ неудовольствіи на Бешметевыхъ: во-первыхъ, если читатель помнитъ поступокъ съ нею Владимира Андреевича на свадьбѣ, то, конечно, уже согласится, что это поступокъ

PERL JAN 21 1935

Digitized by Google

скверный; во-вторыхъ, молодые, дѣлая визиты, объѣхали сначала всѣхъ знатныхъ знакомыхъ, а къ ней уже пожаловали на другой день послѣ обѣда, и потомъ, когда она начала имъ за это выговаривать, то оболтусъ племянникъ, по обыкновенію, сидѣлъ дуракомъ, а племянница вздумала еще вздернуть свой носъ и съ гримасою пропищать, что если, говоритъ, вамъ непріятно наше посѣщеніе, то мы и совсѣмъ не будемъ ѣздить,—а послѣ и кланяться перестала. Она ужъ сама не станетъ заискивать: извините,—не такого характера, и потому совершенно прервала съ неблагодарными всякое сношеніе, и подала на Павла ко взысканію вексель. Впрочемъ она очень тосковала, что не видитъ бѣдную сестрицу, и каждый день посылала Палашку навѣдываться о ея здоровьѣ, а тутъ, къ слову конечно, спрашивала, каково поживаютъ и молодые. Палашка, обыкновенно, на вопросъ Перепетуи Петровны, отвѣчала, что все,—слава Богу!—хорошо, а послѣ кой-что и поразскажетъ. Таковъ ужъ Русскій человѣкъ — на вопросы не любитъ отвѣчать, а предпочитаетъ разсказывать самъ отъ себя, когда ему вздумается. Изъ разсказовъ своей горничной Перепетуя Петровна узнала, что Владиміръ Андреевичъ по-сю-пору еще ничего не далъ за дочкою; что въ приданое приведенъ всего только одинъ Спиридонъ Спиридонычъ, и тотъ ничего не сможетъ дѣлать, только развѣ пыль со столовъ сотретъ, да подсвѣчники вычиститъ, а то все лежитъ на печи, но хвастунъ большой руки; что даже гардероба очень мало дано, — всего четыре шелковыя платья, а изъ бѣлья такъ—самая малость. Хозяйствомъ молодая барыня ничего не занимается, даже столъ приказываетъ самъ Павелъ Васильевичъ, а она все для себя изволитъ дѣлать наряды, *этта* на дняхъ отдала одной портнихѣ триста рублей; что молодые почиваютъ въ разныхъ комнатахъ: Юлія Владимировна взяла себѣ кабинетъ Павла Васильевича и всѣ окошки обвѣшала тонкой-претонкой кисеей, а баринъ почиваетъ въ угольной, днемъ же постель убирается; что у нихъ часто бываютъ гости, особенно Бахтіаровъ, что и сами они часто ѣздятъ по гостямъ, — Павлу

Digitized by Google

Васильевичу иногда и не хочется, такъ Юлія Владимировна сейчасъ изволятъ закричать, расплачутся и въ истерику впадутъ. Слушая эти разсказы, Перепетуя Петровна обыкновенно приговаривала: «такъ ему дураку и надобно,—еще по щекамъ будетъ бить: какъ бы родство-то свое больше уважалъ да почиталъ, такъ бы не то и было!»

Вечеромъ, наканунѣ новаго года, Павелъ сидѣлъ въ комнатѣ у матери. Старуха цѣлую осень замѣтно слабѣла, а въ этотъ день съ нею повторился параличный припадокъ; послали за докторомъ, который поставилъ ей около десятка горчишниковъ, и обѣщался ночью еще разъ заѣхать. Видно было, что онъ даже опасался за жизнь больной, которая была въ совершенномъ безпамятствѣ и никого не узнавала. Павелъ послалъ сказать Перепетуѣ Петровнѣ и отправилъ нарочнаго къ сестрѣ. Не смотря на болѣзнь матери, Юліи Владимировны не было дома,—она находилась у модистки, гдѣ дѣлалось для нея новое платье, въ которомъ она должна была явиться на балъ въ дворянское собраніе. Павелъ былъ худъ и блѣденъ. Видно, золотое время для счастливыхъ людей не слишкомъ счастливо прошло для него. Онъ сидѣлъ около больной и держалъ ее за руку; ключница Марѳа стояла въ ногахъ, пригорюнившись и вздыхала; молодая горничная дѣвка приготовляла новый горчишникъ, (перемаравши въ немъ руки и лице). Пріѣхала Юлія Владимировна, въ сопровожденіи гризетки, бережно несшей новое платье. Сначала она прошла въ свой кабинетъ, или, какъ она его называла, будуаръ, и еще разъ начала примѣривать обнову. Платье сидѣло необыкновенно ловко. Юлія Владимировна съ полчаса любовалась предъ большимъ зеркаломъ своимъ платьемъ и собой; она оглядывала себя во всевозможныхъ положеніяхъ — и спереди, и съ боковъ, и загибала даже голову, чтобы заглянуть на свою турнюру, и потомъ подвигала стулъ и садилась, чтобъ видѣть, каково будетъ платье, когда она сядетъ. Платье было отличное. Переодѣвшись, Юлія Владимировна вошла въ комнату больной.

— Что жъ вы не собираетесь? По-сю пору не бриты,— сказала она, даже не поздоровавшись съ мужемъ.

Digitized by Google

— Я сегодня не могу ѣхать, Юлія, — проговорилъ Павелъ.

— Вотъ прекрасно! вотъ хорошо!—вскрикнула Юлія какимъ-то непріятно звонкимъ голосомъ,—зачѣмъ же я платье дѣлала? зачѣмъ вы это меня дурачите?

— Вы видите, матушка умираетъ.

— Скажите, пожалуйста, что выдумалъ! Во-первыхъ, матушка не умираетъ, а обыкновенно больна; а во-вторыхъ, развѣ вы поможете, что тутъ будете сидѣть?

— Воля твоя, я не въ состояніи.

— И вы это рѣшительно говорите?

— Вы знаете, когда можно ѣхать, я ѣду.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, что вы рѣшительно не хотите ѣхать?

— Я не могу ѣхать.

— Очень хорошо! отлично! вы думали меня испугать— ужасно испугалась, — я одна поѣду.

Павелъ ничего не отвѣчалъ.

— И непремѣнно поѣду. Нарочно, знаетъ, что мнѣ хочется, выдумалъ предлогъ, какого совсѣмъ нѣтъ.

— Предлогъ у васъ передъ глазами, Юлія.

— Никакого у меня нѣтъ предъ глазами предлога, а есть только ваши выдумки, я одна поѣду.—Проговоря это, Юлія вышла въ угольную, и, надувши губы, сѣла на диванъ. Спустя нѣсколько минутъ, она начала потихоньку плакать, а потомъ довольно громко всхлипывать. Павелъ прислушался и тотчасъ догадался, что жена плачетъ. Онъ тотчасъ было всталъ, чтобъ идти къ ней, но раздумалъ и опять сѣлъ. Всхлипыванія продолжались. Герой мой не въ состояніи былъ долѣе, какъ говорится, выдержать свой характеръ; онъ вышелъ въ угольную и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на жену. Юлія, при его приходѣ, еще громче начала рыдать.

— О чемъ же вы плачете? — спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Всегда напротивъ,—говорила сквозь слезъ Юлія:— если бы я знала, я просила бы папеньку. Какъ я поѣду одна? Зачѣмъ же я дѣлала платье?—Вѣчно съ вашими глупостями; я не служанка ваша смѣяться надо мной: поутру сбиралась, а вечеромъ сиди дома!

— Ахъ, какъ вы малодушны!

— Самъ ты малодушенъ—тюфякъ!

Павелъ улыбнулся и сѣлъ около жены, но Юлія отодвинулась на другой конецъ дивана.

— Не извольте садиться около меня.... неблагодарный.... вчера что вечеромъ говорилъ?

— Я и теперь скажу тоже.

— Очень нужны мнѣ твои слова, притворяется туда же, умереть для васъ готовъ, а съѣздить на вечеръ не хочется!

— Какъ вы несправедливы ко мнѣ! Что, если мы поѣдемъ, а матушка умретъ,—что́ даже посторонніе скажутъ? Съ какими чувствами мы будемъ веселиться?

— Вотъ прекрасно! — съ какими чувствами! Не прикажете ли все сидѣть да плакать? Подите вонъ: видѣть васъ не могу! — Наказалъ меня Богъ, по милости папеньки. Наденька теперь, я думаю, ужъ совсѣмъ одѣлась. — При этихъ словахъ Юлія снова залилась слезами и упала на подушку дивана.

— Юлія! это вѣдь смѣшно,—вы ребячитесь,— сказалъ Павелъ, подходя снова къ женѣ.

— Отойдите отъ меня — вскрикнула Юлія, оттолкнувъ мужа рукой, и продолжала плакать.

Павлу жаль было жены: онъ, замѣтно, началъ сдаваться.

— Не плачьте, Юлія, я поѣду, — проговорилъ онъ.

Юлія не унималась.

— Я поѣду, я пойду сейчасъ бриться. Ну, вотъ, видите, я пошелъ бриться,—говорилъ Павелъ и дѣйствительно пошелъ въ залу.

По уходѣ мужа, Юлія тотчасъ встала и отерла глаза.— Дуракъ эдакой, говорила она про себя, глядясь въ зеркало: вотъ, теперь съ красными глазами поѣзжай на балъ, — очень красиво.

Digitized by Google

Мужъ и жена начали одѣваться. Павелъ уже готовъ былъ черезъ четверть часа, и, въ ожиданіи одѣвавшейся еще Юліи, пришелъ въ комнату матери и сѣлъ, задумавшись, около ея кровати. Послышались шаги и голосъ Перепетуи Петровны. Павелъ обмеръ: онъ предчувствовалъ, что безъ сцены не обойдется, и что тетка непремѣнно будетъ протестовать противъ ихъ поѣздки.

— Батюшки мои! Что это у васъ надѣлалось?—говорила Перепетуя Петровна, входя въ-попыхахъ въ комнату и не замѣчая Павла. — Господи!—она совсѣмъ кончается.... Матушка-сестрица! Господи! какой въ ней жаръ! Да былъ ли у ней лекарь-то?

— Лекарь былъ, тетушка,—произнесъ Павелъ.

Перепетуя Петровна наконецъ замѣтила племянника.

— Что, батюшка,—сказала она,—уморилъ матушку-то? дождался этакаго счастья?—Смотри, какимъ франтомъ, модный какой!.... На такой радости-то?.... Что, мать-то умираетъ, что ли?

Павелъ не смѣлъ объявить теткѣ, что онъ ѣдетъ въ собраніе. Но Перепетуя Петровна сама догадалась.

— На балъ, что ли, они куда ѣдутъ праздновать кончину матери? — спросила она, обращаясь къ ключницѣ. Марѳа молчала.

— На балъ, что ли, ѣдете съ супругой-то? — продолжала она, обращаясь къ Павлу.

— Насъ звали, тетушка, на дворянскій балъ.

— Да что, Павелъ Васильевичъ, съ ума, что ли, вы сошли, помѣшались, что ли, вы совсѣмъ съ своей благовѣрной-то? — Царица небесная! — Не позволю вамъ этого сдѣлать, не позволю срамить вамъ нашего семейства! Извольте сейчасъ раздѣваться и остаться при матери, и жену не пускайте. Что это такое? на что это похоже? — Вы, пожалуй, и на похороны-то цыганскій таборъ приведете, — цыгане этакіе.... фигуранты! только по баламъ ѣздить, — нроюрдонитесь еще, по міру пойдете! — Много отвалили

Digitized by Google

за жешушкой-то, — въ кулакѣ, я думаю, все приданое унесешь! — Не смѣйте, сударь, ѣздить!

Старуха въ это время застонала.

— Матушка моя! голубушка! и ты мучишься, — какъ не мучиться, видя этакую неблагодарность и безстыдство! — Мое не такое здоровье, да въ груди закололо.

Въ это время въ комнату вошла совсѣмъ одѣтая Юлія. Увидѣвши тетку, она нахмурила брови и даже не поклонилась ей, но обратилась къ мужу.

— Что жъ? поѣдемъ, пора!

Павелъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Перепетуя Петровна вся вспыхнула.

— Нѣтъ, сударыня, не пора и не можетъ быть пора, потому что у него мать умираетъ.

Юлія сдѣлала гримасу и продолжала натягивать французскія перчатки. «Велите подавать лошадей,» сказала она стоявшей тутъ горничной.

—Велите отложить лошадей,—перебила Перепетуя Петровна, поднимаясь со стула и пришедши въ совершенный азартъ. — Павелъ Васильичь! что жъ вы молчите? Велите сейчасъ отложить лошадей. Останьтесь дома и оставьте ихъ: онѣ не смѣютъ противъ вашего желанія дѣлать!

Юлія взглянула на Перепетую Петровну и залилась самымъ обиднымъ смѣхомъ.

— Что, ваша тетка, вѣрно, сумасшедшая? — спросила она Павла.

Перепетуя Петровна, не слишкомъ осторожная въ собственныхъ выраженіяхъ, но любила впрочемъ, чтобъ ей говорили дерзости.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, а сумасшедшія-то вы съ муженькомъ! — Какъ вы смѣли мнѣ это сказать? Я, сударыня, дворянка почище васъ: я не выходила въ одной рубашкѣ замужъ, не командовала своимъ мужемъ. Я не позволю ругаться нашимъ семействомъ, которое васъ облагодѣтельствовало,—пищая этакая! — Какъ вы осмѣлились сказать мнѣ это? — Не смѣй ѣхать! говорятъ тебѣ, Па-

Digitized by Google

велъ, не смѣй ѣхать! — Командирша какая! — Много ли лошадей-то привели? — клячи не дали. Франтитъ, туда же! Слава Богу, пріютили подъ кровлю, кормятъ....такъ нѣтъ еще....

Юлія сначала съ презрѣніемъ улыбалась; потомъ въ лицѣ ея появились какія-то кислыя гримасы, и, при послѣднихъ словахъ Перепетуи Петровны, она рѣшительно не въ состояніи была себя выдержать, и проговоря: «сама дура!» вышла въ угольную, упала на кресла и принялась рыдать, выгибаясь всѣмъ тѣломъ. Павелъ бросился къ женѣ и всталъ даже передъ ней на колѣна, но она толкнула его такъ сильно, что онъ едва устоялъ на мѣстѣ. Перепетуя Петровна, стоя въ дверяхъ, продолжала кричать: — вишь, какъ кобенится, вишь, какъ гнетъ, — вставай, батюшка, на колѣна,—еще пощечину дастъ; вотъ такъ,—въ губу бы еще ногой-то! Таковскій!....

— Ой-ой! умираю!—кричала Юлія.

Больная, обезпокоенная крикомъ, застонала. Павелъ былъ точно помѣшаный: не помня себя, вошелъ снова въ комнату матери и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Чтобы окончательно дорисовать эту драматическую сцену, явился Михайло Николаевичь Масуровъ, весь въ мѣлу, съ взъерошенными волосами и съ выбившеюся изъподъ жилета манишкою. Вошелъ онъ, по обыкновенію, быстро. Первый предметъ, попавшійся ему на глаза, была лежавшая на диванѣ Юлія.

— Это что такое?—проговорилъ онъ,—вѣрно умерла матушка? Юлія Владимировна! а Юлія Владимировна! что вы такое дѣлаете?

Вслѣдъ за тѣмъ Масуровъ вошелъ въ спальню матери и увидѣлъ тамъ сидѣвшаго Павла, и державшагося обѣими руками за голову. Перепетуя Петровна въ это время была въ дѣвичьей, и предъ лицемъ дѣвокъ ругательски ругала ихъ молодую барыню, и запретивъ имъ строго ухаживать за ней, велѣла тотчасъ же разложить лошадей. — Что, они угорѣли всѣ, что ли? Матушка-то, кажется, жива....еще

Digitized by Google

дышетъ. Павелъ Васильевичь! братецъ! полноте, что вы тутъ дѣлаете?

—Спасите жену,—она умираетъ,—проговорилъ Павелъ,—Бога ради, спасите!

Масуровъ пожалъ плечами и пошелъ къ Юліи.

— Должно быть, угорѣли; старуху, вѣрно, отъ того и схватило.

Юлія по прежнему лежала на диванѣ, съ закрытыми глазами, всхлипывая и вздрагивая всѣмъ тѣломъ; по щекамъ ея текли крупныя слезы.

— Сестрица! Юлія Владимировна! вставайте, перестаньте плакать, что это вы дѣлаете?—Перестаньте гнуться, шею сломаете; постойте—хоть я вамъ платье-то разстегну. Платье-то какое славное: видно, бальное.

Масуровъ остановился и нѣсколько минутъ посмотрѣлъ на невѣстку.

— Что жъ мнѣ съ ней дѣлать? Ей-Богу, не знаю; развѣ водой вспрыснуть, пожалуй, умретъ еще, — никого нѣтъ, проклятыхъ.

Съ этими словами онъ вышелъ въ залу, въ лакейскую; но и тамъ никого не было изъ людей. Дѣлать было нечего,—Масуровъ вышелъ на дворъ, набралъ въ пригоршни снѣгу, и вслѣдъ затѣмъ, вернувшись къ своей паціенткѣ, началъ обкладывать ей снѣгомъ голову, лице и даже грудь. Юлія сначала задрожала, чихнула, и, открывши глаза, начала потихоньку приподыматься. Павелъ, подглядывавшій потихоньку всю эту сцену, хотѣлъ было, при началѣ леченія Масурова, выйдти и остановить его; но, увидя, что жена пришла въ чувство, онъ только перекрестился, но войдти не рѣшился и снова сѣлъ на прежнее мѣсто. Между тѣмъ Юлія совершенно уже опомнилась, и водя рукою по лбу, какъ бы старалась припомнить все, что случилось.

— Здравствуйте, сестрица! что это такое съ вами? Я думалъ, что вы совсѣмъ ужъ умерли.

—Велите подать лошадей мнѣ,—говорила она,—я не могу здѣсь остаться: меня скоро бить начнутъ. Скорѣй лошадей мнѣ! Онѣ заложены.

Digitized by Google

Масуровъ вышелъ и скоро вернулся.

— Лошади разложены, сестрица! — сказалъ онъ.

Юлія пожала плечами.

— Есть съ вами лошади?—Дайте мнѣ вашихъ лошадей!

— У меня извощикъ, та soeur.

— Ничего, проводите меня.

— Извольте, сестрица, — да вотъ какъ же Павелъ-то Васильевичъ? Ему надобно сказать: онъ очень безпокоится.

— Пусть онъ безпокоится о своей мерзкой тетушкѣ! Дайте мнѣ салопъ,—онъ въ лакейской виситъ.

Масуровъ повиновался. Юлія уѣхала.

— Куда это Юлія поѣхала?—спросилъ Павелъ, выйдя къ Масурову.

— Право, не сказала. Вотъ, узнаемъ отъ извощика, какъ вернется.—Что такое у васъ вышло?

Павелъ вздохнулъ и не въ состояніи былъ ничего сказать. Явилась Перепетуя Петровна и разсказала Масурову, въ чемъ дѣло было.

Вернувшійся извощикъ донесъ, что Юлія поѣхала къ отцу. Масуровъ еще съ полчаса пробылъ у брата и по своему успокоивалъ его и тетку. Павлу онъ говорилъ что это ничего, что у него Лиза первый годъ, вышедши замужъ, каждый день падала въ обморокъ, что будто бы дѣвушки, сдѣлавшись дамами, всегда бываютъ какъ-то раздражительны, чувствительны, и что только на это не надобно смотрѣть и много уважать. У Перепетуи Петровны онъ внимательно выслушалъ трижды разсказъ о злодѣйскихъ поступкахъ племянницы, и вполнѣ согласился съ нею, что Юлія даже не стоитъ названія благородной женщины; а потомъ, объяснивши, что онъ еще не доигралъ партію въ бостонъ, отправился куда ему нужно. Перепетуя Петровна осталась у сестры, и говорила, что она пробудетъ у ней всю ночь и день, хоть бы отъ этого ея племянницу разорвало пополамъ, потому что для ней, т. е. Перепетуи Петровны, обязанности сестры всего дороже.

Digitized by Google

Между тѣмъ какъ происходили выше-изложенныя мною происшествія, Владиміръ Андреевичъ сидѣлъ дома, и встрѣчалъ новый годъ одинъ. Онъ слегка страдалъ, и потому, боясь простуды, не выѣзжалъ. Семейство же свое онъ не хотѣлъ лишить удовольствія, и отпустилъ Марью Ивановну съ Наденькой на дворянскій балъ. Владиміръ Андреевичъ былъ на этотъ разъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ только сегодня поутру получилъ письмо изъ Петербурга, извѣщавшее его, что наконецъ нашли ему тамъ мѣсто; и въ настоящее время онъ разсчитывалъ свои средства. Отъ заложеннаго въ Опекунскій Совѣтъ имѣнія онъ совсѣмъ хотѣлъ отступиться. Частные долги у него были всѣ по мелочи и по роспискамъ. Слѣдовательно, объ нихъ безпокоиться было нечего. Онъ продастъ домъ, экипажи, лошадей, мебель, всю домашнюю утварь,—всего будетъ тысячъ пятнадцать,—и слѣдовательно, пріѣхать въ Петербургъ и обзавестись на первый разъ будетъ у него съ избыткомъ. Наденьку сейчасъ же, по пріѣздѣ въ Петербургъ, выдастъ замужъ, а Марьѣ Ивановнѣ на весь домашній расходъ будетъ давать двѣ тысячи, а остальныя двѣ тысячи на собственное удовольствіе, — не дурно, право, не дурно!

На этой самой мысли Владимира Андреевича вошла Юлія.

— А! ты какъ появилась? — Что это значитъ, и въ бальномъ платьѣ? — Отъ чего ты не на балѣ?

Юлія молча поцѣловала руку отца и, бросившись въ кресла, закрыла глаза платкомъ.

— Что съ тобой, Джули? — спрашивалъ удивленный и нѣсколько испуганный Владиміръ Андреевичъ.

— Я не могу съ нимъ жить, папа.

— Съ кѣмъ не можешь жить?

— Съ мужемъ.... Меня разругали, обидѣли.... выгнали....

Владиміръ Андреевичъ сильно обезпокоился.

— Кто тебя разругалъ? Кто тебя выгналъ?

— Онъ, съ своей мерзкой теткой; она говоритъ, что я нищая, что они меня хлѣбомъ кормятъ.... Это ужасно, папа!

Digitized by Google

При этихъ словахъ Юлія залилась слезами.

— Ей-Богу, ничего не понимаю! — Перестань плакать-то; разскажи, что такое?

— Сегодня поутру....

— Ну?

— Сегодня поутру я сбиралась ѣхать на балъ, онъ — ничего.... хотѣлъ ѣхать....

— Дальше.

— Потомъ я послѣ обѣда поѣхала за этимъ платьемъ; пріѣзжаю — ужъ совсѣмъ не то: я, говоритъ, не могу ѣхать, матушка умираетъ; ну, вѣдь, знаете, папа, она каждый день умираетъ.

— Ну, конечно. Старуха полумертвая, — давно бы ужъ пора въ Елисейскія поля! — Продолжай.

— Я начала ему говорить, что это не хорошо, что я сдѣлала платье; ну, опять ничего — согласился: видитъ, что я говорю правду. Совсѣмъ ужъ собрались. Вдругъ чортъ приноситъ этого урода толстаго, и кинулась на меня.... Ахъ! папа, вы, я думаю, дѣвку горничную никогда такъ не браните, — я даже не въ состояніи передать вамъ. Съ монмъ-то самолюбіемъ, каково мнѣ все это слышать!

— Ну, что же онъ-то?

— Ну, что онъ.... какъ будто вы, папа, не знаете его, тюфяка; вѣдь онъ очень глупъ. Я не знаю, какъ вы этого не видите.

Владимиръ Андреевичь задумался и началъ ходить по комнатѣ.

— Во-первыхъ, тебя, стало быть, не выгоняли, а бранилась только эта дура Перепетуя. Отъ чего жъ ты сама ее не бранила?

— Я не могу, папа. Я только и назвала ее дурой: у меня грудь захватило, и сдѣлалась со мною, по обыкновенію, истерика.

Владимиръ Андреевичь сноваза думался и началъ ходить большими шагами по комнатѣ.

Digitized by Google

— Все это пустяки,—произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія.—Я сейчасъ выпишу его сюда и дамъ ему хорошую головомойку, чтобъ онъ дурьей породѣ своей не позволялъ властвовать надъ женою.

— Выпишите, папа, и поговорите, чтобъ онъ просто не пускалъ въ домъ эту мерзкую Перепетую.

Владимиръ Андреевичъ сѣлъ и написалъ зятю записку слѣдующаго содержанія: «Павелъ Васильевичъ! прошу васъ покорно, не медля, пожаловать ко мнѣ, мнѣ нужно очень съ вами объясниться. Надѣюсь, что исполните мое желаніе.

Доброжелатель вашъ такой-то....»

— Припиши и ты, Юлія, — сказалъ Кураевъ, подавая дочери записку.

Юлія написала: «Павелъ! пріѣзжай сію секунду къ папенькѣ; въ противномъ случаѣ ты никогда меня не увидишь.»

Человѣкъ былъ отправленъ.

— Есть ли вамъ жить-то чѣмъ? Деньги есть ли у васъ? спросилъ Кураевъ.

— Какія, папа, деньги, — на дняхъ пять-сотъ рублей заняли, а теперь всего двѣсти осталось. Вы ему поговорите о службѣ, — служить не хочетъ.

— Отъ чего же онъ не хочетъ служить?

— Въ какіе-то магистры хочетъ готовиться, въ Москву, говоритъ, поѣду, тамъ меня профессоромъ сдѣлаютъ. Какой онъ профессоръ, — я думаю, ничего и не знаетъ.

— Что жъ, ему тамъ обѣщали, что ли?

— Я не знаю. Поговорите ему, пожалуйста; намъ скоро будетъ не чѣмъ жить совсѣмъ.

— То-то и есть поговорить.... Самой надобно не малодушничать ... Онъ человѣкъ добрый; изъ него можно, какъ изъ воску, все сдѣлать. Изъ чего сегодня алярму сдѣлали!—Очень весело судить васъ! Гдѣ нельзя силой надобно лаской, любовью взять.... такъ, вѣдь, нѣтъ, намъ все хочется повернуть,—сейчасъ бы вотъ было по нашему. Ну, если старуха дѣйствительно умираетъ, можно было бы и пріостаться, не ѣхать, — что за важность?

Юлія слушала выговоръ папеньки, потупившись.

Digitized by Google

Явился Павелъ.

— Ну, что у васъ тамъ такое?—Садитесь-ка сюда,— началъ довольно ласково Владиміръ Андреевичъ.

(Владиміръ Андреевичъ, какъ уже извѣстно моему читателю, былъ человѣкъ очень гуманный въ обращеніи съ людьми, независящими отъ него непосредственно.)

Павелъ сѣлъ и, кажется, рѣшительно не смѣлъ взглянуть на жену.

— Я васъ хочу попросить, Павелъ Васильевичъ,— началъ Владиміръ Андреевичъ,— пожалуйста, не позволяйте теткѣ въ вашемъ домѣ дѣлать этакихъ комедій,—что это такое? На что это похоже? Между благородными людьми, образованными, браниться....фу ты, мерзость какая! Дочь моя такъ воспитана, что она рѣшительно не только не испытала на себѣ, даже не видала, не слыхала ничего подобнаго; она даже и то не въ состояніи была передать всѣхъ сальныхъ выраженій: у нея языкъ не поворачивается! Конечно, это происходитъ отъ невѣжества Перепетуи Петровны,—такъ ваша обязанность остановить ее. Вы, кажется, человѣкъ, получившій воспитаніе.—Не нравится,—не ѣзди: какая вамъ надобность въ ней?

— Она пріѣхала къ матушкѣ.

— Прекрасно! такъ она и сиди у матушки,—на васъ-то она какое имѣетъ вліяніе? До васъ ей какое дѣло? Помилуйте, въ нашемъ образованномъ вѣкѣ отцы родные не мѣшаются въ семейныя дѣла дѣтей. Ну, вотъ я, скажите пожалуйста, мѣшался ли хоть во что-нибудь? позволилъ ли я себѣ оскорбить васъ хотя какимъ-нибудь ничтожнымъ словомъ? Вы вѣжливы, а я еще того вѣжливѣе, и прекрасно.

Павелъ сидѣлъ потупившись, и, кажется, вполнѣ соглашался съ словами Владиміра Андреевича, будучи самъ убѣжденъ, что Перепетуѣ Петровнѣ не въ свое дѣло не слѣдовало мѣшаться.

— Ну, что матушка-то, скажите пожалуйста, плоха?

— Очень слаба. Сейчасъ былъ докторъ и пустилъ ей кровь.

Digitized by Google

— Да, вотъ еще кстати,—я, признаться сказать, хотѣлъ съ вами поговорить, — началъ опять Владиміръ Андреевичъ.—Что вы съ собой думаете дѣлать? отъ чего вы не служите?

Этотъ вопросъ очень смѣшалъ Павла.

— Я приготовляюсь на магистра-съ.

— Что жъ, вы занимаетесь—повторяете старое, что ли, или впередъ учите?

— Ничего не дѣлаетъ, — подхватила Юлія.

— Нѣтъ еще. Я буду заниматься,—отвѣчалъ Павелъ, совершенно сконфузившись.

Съ самой же свадьбы, или, лучше сказать, съ самаго сговора онъ почти не бралъ книги въ руки. Сначала, какъ мы видѣли, хлопоталъ о свадьбѣ и мечталъ о грядущемъ счастіи, а потомъ ... потомъ, мы увидимъ въ послѣдствіи, что занимало умъ и сердце моего героя.

— Вотъ видите, что я вижу изъ вашихъ предположеній, разсуждалъ Владиміръ Андреевичъ. Вы еще не начали заниматься, а времени ужъ у васъ много пропущено; а слѣдовательно, я полагаю, что вамъ трудно будетъ выдержать экзаменъ. Это я знаю по себѣ,—я тоже первые чины получалъ по экзаменамъ; такъ куда какъ это трудно! Ну, положимъ, что вы и выдержите экзаменъ, что жъ будетъ дальше?

— Я надѣюсь получить каѳедру профессора.

— Какъ же, т. е. васъ сейчасъ и сдѣлаютъ профессоромъ послѣ экзамена?

— Нѣтъ еще.... но большая надежда получить.

— Такъ, стало быть, это пустяки, — однѣ только надежды. Нѣтъ, Павелъ Васильевичъ, на жизнь нельзя такъ смотрѣть, жизнь серьёзное дѣло; пословица говоритъ: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки. — Полноте, батюшка, пріискивайте-ка здѣсь мѣсто, — терять время нечего; вы теперь человѣкъ женатый. — Вотъ, ужъ двѣнадцать часовъ. Честь имѣю васъ поздравить съ новымъ годомъ. Малый! дай шампанскаго! — Вотъ видите, жизнь-то

Digitized by Google

какова: пришелъ новый годъ, — нужно бутылку шампанскаго, а это стоитъ двѣнадцать рублей, — вотъ жизнь-то какова!

Подали бутылку шампанскаго. Владимиръ Андреевичь заставилъ дочку выпить цѣлый бокалъ, а Павла стаканъ, и самъ тоже выпилъ стаканъ, а вслѣдъ затѣмъ, разгулявшись, предложилъ дѣтямъ и самъ выпилъ еще.

— Ну, теперь помиритесь же, да смотрите, не ссориться, жить въ любви. Юлія! поцѣлуй мужа, да крѣпче, чтобъ сердце мое родительское радовалось.

Юлія подошла къ мужу и, все-таки не хотя, поцѣловала его, но Павелъ.... Вино великое дѣйствіе оказываетъ на человѣка. — Онъ обхватилъ жену и началъ цѣловать ее. Напрасно Юлія толкала его въ грудь, напрасно дѣлала гримасы; онъ не выпускалъ ее и цѣловалъ ея лице, шею и грудь.

— Браво....важно!....говорилъ старикъ;—выпьемте еще по стакану, а ты, Юлія, еще полбокала, непремѣнно. Чокнемтесь!

Павелъ на этотъ разъ не заставилъ себя упрашивать, залпомъ выпилъ стаканъ, и совершенно ожилъ.

— Батюшка! я сдѣлаю все, что вы прикажете! я готовъ умереть для Юліи.—Юлія! я васъ боготворю.

— А тетка гдѣ?

— Тетка у насъ.

— Я, Павелъ, не поѣду домой, если тетка у насъ,— возразила Юлія.

— Я ее прогоню, я ее въ шею вытолкаю, если хочешь.

— Въ шею толкать не слѣдуетъ,—замѣтилъ Владимиръ Андреевичь,—а напишите ей отсюда письмо, въ которомъ попросите ее убираться, куда ей угодно.

— Хоть двадцать напишу, — сказалъ Павелъ.

— И прекрасно,—сказалъ Владимиръ Андреевичь,—вотъ вамъ бумага.

Павелъ началъ писать; но, написавши: милостивая государыня, Перепетуя Петровна!—остановился.

Digitized by Google

— Позвольте мнѣ вамъ продиктовать,— сказалъ Владиміръ Андреевичъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Кураевъ началъ: «Давишній вашъ поступокъ, выходящій изъ всякихъ границъ приличія, поставляетъ меня въ необходимость попросить васъ немедленно удалиться изъ моего дома, въ который ни я, ни моя жена, въ противномъ случаѣ, не можемъ возвратиться, опасаясь скандалезныхъ сценъ, столь неприличныхъ и невыносимыхъ для каждаго образованнаго человѣка.»

Павелъ написалъ, и тотъ же часъ отправилъ это письмо къ себѣ на домъ. Бешметевъ еще часа два сидѣлъ у тестя. Допили всю бутылку. Въ припадкѣ нѣжности, Павелъ далъ слово Владимиру Андреевичу отказаться отъ своей мысли о профессорствѣ, и завтра же начать пріискивать себѣ должность. Возвратившійся слуга донесъ, что Перепетуя Петровна, по полученіи письма, тотчасъ же уѣхала.

Павелъ, возвращаясь съ женою домой, обхватилъ ее сверхъ обыкновенія за талію и началъ цѣловать.

— Оставь, пожалуйста, завтра Бахтіарова у насъ, обѣдать — онъ такой милый, такъ любитъ тебя!

— Оставлю, душа моя, оставлю,—чего я для тебя не сдѣлаю, хоть это и, знаешь, для меня....

— Что такое?

— Такъ, ничего.... горько немного....

— Вотъ, какія глупости выдумалъ.

Пріѣхавши домой, они застали священника, который соборовалъ старуху.

—

Digitized by Google

II.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Старуха умерла. Смерть ея не произвела на Павла того сильнаго впечатлѣнія, какого бы слѣдовало ожидать по его искренней къ ней любви. Герой мой думалъ о себѣ, о своемъ тяжеломъ и безотрадномъ положеніи. Не смотря на свою неопытность, онъ скоро, и очень скоро, догадался, что жена не любитъ его, что вышла за него замужъ такъ, можетъ быть для того, чтобъ сдѣлаться дамой, можетъ быть, даже ее принудили къ тому. Павелъ проклиналъ свою недальновидность, помѣшавшую ему узнать чувства Юліи, когда она еще была невѣстой.—Что теперь мнѣ дѣлать? думалъ онъ. Буду стараться внушить ей любовь къ себѣ: буду угождать малѣйшимъ ея желаніямъ, прихотямъ, даже капризамъ. Постараюсь ей объяснить самого себя. Утвердившись на этой мысли, Павелъ каждый день просыпался съ твердымъ намѣреніемъ высказать женѣ, какъ онъ ее любитъ, какъ онъ страдаетъ, видя ея холодность, и объяснить ей, что такимъ образомъ жить невозможно въ супружествѣ, — просить ее хоть приневоливать себя и постараться къ нему привыкнуть. Но герою моему не только не удавалось вполнѣ объясниться съ женою, но даже заговорить объ этомъ. Юлія вѣчно была занята: она то капризничала и сердилась на Павла, то хлопотала о своемъ туалетѣ, то принимала гостей, или сбиралась на балъ; и только иногда, — что, можетъ быть, случалось не болѣе двухъ или трехъ разъ, — она дѣлалась какъ бы внимательнѣе къ мужу, и заговаривала съ нимъ ласково. Обрадованный Бешметевъ тотчасъ приступалъ къ объясненію; но Юлія слушала его довольно невнимательно, и почти всегда перебивала просьбой — дать ей денегъ, или познакомиться съ какимъ-нибудь новопріѣзжимъ молодымъ человѣкомъ.

Такъ проходили дни за днями. Павелъ, какъ робкій любовникъ, подмѣчалъ каждое слово жены, каждое движе-

Digitized by Google

ніе, каждый взглядъ ея, и старался ихъ перетолковать въ свою пользу.—Вотъ, она, кажется, начинаетъ привыкать ко мнѣ и любить меня, думалъ онъ, но тотчасъ же, вслѣдъ затѣмъ, кидался невольно ему въ глаза такой поступокъ Юліи, который очень ясно высказывалъ не только отсутствіе любви, но даже уваженія.

Мученія Бешметева еще не ограничивались этимъ: онъ ужъ ревновалъ Юлію къ довольно опасному человѣку—къ общему мучителю мѣстныхъ губернскихъ мужей—Бахтіарову. Губернскій левъ бывалъ у нихъ довольно часто, но съ какою цѣлію, рѣшить было трудно, потому что съ Юліей онъ былъ только вѣжливъ; но за то сама хозяйка очень много обнаруживала къ гостю вниманія. Она, обыкновенно, безъ всякой скрытности, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала его пріѣзда, съ самымъ глубокимъ вниманіемъ прислушивалась къ каждому его слову, не пускала его, когда онъ сбирался ѣхать домой, и ревновала его къ всѣмъ городскимъ дамамъ; а въ его отсутствіе старалась со всѣми говорить объ немъ, и приходила въ искренній восторгъ, говоря объ его наружности, или припоминая разсказываемые имъ анекдоты.

Не задолго до смерти старухи, Бахтіаровъ сдѣлался гораздо внимательнѣе къ Юліи, и началъ бывать у ней безъ Павла. Я не въ состояніи описать тѣхъ мученій, которыя переживалъ Бешметевъ. Нѣсколько разъ онъ думалъ отказать Бахтіарову отъ дому; но положитъ ли этимъ конецъ? Ему очень хотѣлось разспросить людей, что дѣлаетъ Бахтіаровъ, когда бываетъ у жены въ его отсутствіе; но и этого герой мой не рѣшался сдѣлать: изъ деликатности ему казалось, что подобными разспросами онъ унизитъ и себя и Юлію.

Нечаянный пріѣздъ Лизаветы Васильевны значительно успокоилъ ревность Павла, во-первыхъ, потому, что Бахтіаровъ съ перваго же дня началъ къ нимъ ѣздить рѣже, и снова сблизился съ Масуровымъ; и во-вторыхъ, Лизавета Васильевна была на этотъ разъ откровеннѣе, и вполнѣ

Digitized by Google

посвятила Павла въ тайну своихъ отношеній къ Бахтіарову и своихъ чувствованій къ этому человѣку. Она разсказала брату, какъ губернскій левъ началъ за пей ухаживать, съ перваго ея появленія въ обществѣ, какъ она сначала привыкла его видѣть, потомъ стала находить удовольствіе его слушать, и потомъ начала объ немъ безпрестанно думать: однимъ словомъ, влюбилась, и влюбилась до такой степени, что въ обществѣ и дома начала замѣчать только его одного; всѣ другіе мужчины казались ей совершенно ничтожными, тогда какъ онъ владѣлъ всѣми достоинствами: и умомъ, и красотою, и образованіемъ, а главное, онъ былъ очень несчастливъ; онъ очень много страдалъ прежде, а теперь живетъ на свѣтѣ съ растерзаннымъ сердцемъ, не зная, для кого и для чего. Съ юныхъ лѣтъ онъ хотѣлъ быть чѣмъ-то выше посредственности, и, можетъ быть, достигнулъ бы этого; но люди и страсти испортили его на первыхъ порахъ. Вотъ въ чемъ увѣрялъ ее Бахтіаровъ, и просилъ у ней сочувствія, просилъ ее врачевать его больное сердце своею юною любовію. Лиза сочувствовала, тѣмъ болѣе, что это все такъ возможно, такъ походитъ даже на Байрона, котораго она уже успѣла прочитать. Предусмотрительная Перепетуя Петровна замѣтила любовь племянницы къ франту, и довольно тонко начала съ того, что ласково вошла съ нею въ искреннее объясненіе по этому предмету. Довѣрчивая Лиза призналась теткѣ, что Бахтіаровъ говорилъ ей о любви своей, и что она сама его тоже любитъ. Старая дѣвушка, услышавши, какой опасности подвергалась ея племянница, всплеснула руками, и подняла на цѣлый домъ тревогу; разбранила не слишкомъ деликатно Лизу за ея, будто бы, безнравственные поступки, и, призвавъ сестру и зятя, торжественно объявила имъ, что дочь ихъ погибла, потому что ее поймалъ въ свои сѣти модникъ Бахтіаровъ. Старики перепугались, и уже всѣмъ хоромъ принялись бранить Лизу, толкуя ей каждый по своему, что мужчина имѣетъ право говорить о любви только невѣстѣ; если же онъ скажетъ это не невѣстѣ, то тотчасъ же долженъ сдѣлать предложеніе;

Digitized by Google

въ противномъ случаѣ онъ низкій человѣкъ и ищетъ только одной погибели дѣвушки. Въ примѣръ приведена была какая-то Машенька Жилова, которую увезъ музыкальный учитель, и потомъ бросилъ, а это уморило старика ея отца, уморило потомъ и ее самое. Лиза плакала въ продолженіе всѣхъ этихъ выговоровъ, плакала и остальной весь день, а въ вечеру написала Бахтіарову письмо, въ которомъ, пересказавъ о случившемся, просила его на другой же день сдѣлать ей предложеніе, и успокоить папеньку, маменьку и ее. На это письмо Бахтіаровъ на другой день прислалъ самый страстный отвѣтъ, въ которомъ, проклиная судьбу, признавался, что онъ жениться не можетъ, потому что женатъ, но умолялъ Лизу любить его по прежнему и не проклинать его. Лиза цѣлую недѣлю, послѣ этого открытія, не осушала глазъ, но видѣть Бахтіарова ужъ болѣе не хотѣла. Каждодневные визиты, дюжина самыхъ страстныхъ писемъ, даже нѣсколько ночныхъ прогулокъ подъ окнами, со стороны губернскаго льва, остались безъ всякаго успѣха. Ему не удавалось ни видѣться, ни поговорить съ M-lle Бешметевой. Родственная Перепетуя Петровна, чтобы окончательно исправить бѣду, не замедлила пріискать для племянницы жениха въ особѣ Михайла Николаевича Масурова. Старики согласились; Лиза тоже согласилась, и чрезъ недѣлю была сыграна свадьба, а черезъ мѣсяцъ молодые супруги уѣхали въ дальнее имѣніе Масурова, въ которомъ, по его словамъ, были три каменныя усадьбы.

Лизавета Васильевна не перестала любить Бахтіарова. Мужа она не уважала. Встрѣчу ея съ Бахтіаровымъ и дальнѣйшую тактику съ той и другой стороны мы видѣли уже прежде. Въ деревню уѣхала Лизавета Васильевна послѣ свиданія съ теткою, отъ которой она узнала всѣ городскіе толки; но, кажется, главною причиною ея отъѣзда было то, что бѣдная женщина стала очень бояться самой себя. Живя въ деревнѣ, она приходила въ состояніе полнаго отчаянія: ходила, въ весеннее время, по сырой землѣ, въ однихъ башмакахъ, съ цѣлію получить горячку; ѣздила

Digitized by Google

верхомъ на невыѣзженныхъ лошадяхъ,—и вотъ теперь разстроила свое здоровье совершенно. Бахтіаровъ писалъ къ ней нѣсколько писемъ, надъ которыми плакала она по цѣлому дню, но не допускала себя прочитать ихъ и даже нераспечатанными отправляла обратно. Но теперь она чувствуетъ себя болѣе способною владѣть собою, и не допуститъ Бахтіарова заговорить съ нею о любви; но не видѣть его совершенно у ней недостаетъ силъ.

Вотъ что разсказала Павлу Лизавета Васильевна.

Что касается до Юліи, то она въ настоящее время тоже страдала, не менѣе другихъ. Лишенная правильнаго или, лучше сказать, всякаго нравственнаго воспитанія, она имѣла свой идеалъ мужа, къ которому, конечно, никакимъ образомъ не могъ подходить неуклюжій и неловкій въ обращеніи Павелъ. Внутреннихъ его достоинствъ, которыя бы могли составить счастіе другой женщины, Юлія не могла ни понять, ни оцѣнить. — Она вышла замужъ, главное, за тѣмъ, что этотъ бракъ выгоденъ. Но и въ этомъ отношеніи она ошиблась: Павелъ былъ небогатъ и не чиновенъ. Часто М-me Бешметева проплакивала даже цѣлыя ночи, послѣ встрѣчи въ обществѣ съ другою какою-нибудь молоденькой дамою, въ богатомъ нарядномъ платьѣ, пріѣхавшею шестерней въ каретѣ, съ чиновнымъ, но не старымъ еще, мужемъ, съ которымъ обходятся за-панибрата всѣ сильные въ губерніи. Но еще невыносимѣе были для нея слухи о новыхъ партіяхъ, дѣлаемыхъ ея сверстницами, которыя, какъ она была убѣждена, не стоили ея башмака, а между тѣмъ выходили за красивыхъ и богатыхъ людей. Кромѣ того, она, какъ мы знаемъ, была влюблена, влюблена еще въ дѣвушкахъ, въ того же счастливца—Бахтіарова, который такъ жестоко оскорбилъ ея самолюбіе своимъ невниманіемъ. Выходя замужъ, она думала досадить губернскому льву, быть съ нимъ какъ можно холоднѣе и ласкаться въ его присутствіи къ Павлу. Все это легко бы было исполнить для Юліи, потому что Бахтіаровъ бывалъ у нихъ до-

Digitized by Google

вольно часто. Но вышло совсѣмъ иначе; въ присутствіи его она сдѣлалась еще холоднѣе къ мужу и какъ бы невольно заговаривалась съ гостемъ, и по цѣлымъ часамъ не спускала съ него глазъ, а недѣли черезъ двѣ уже рѣшительно убѣдилась, что она обожаетъ этого человѣка, и дала себѣ слово употребить всѣ средства, чтобы и его заставить полюбить себя. Юлія начала дѣйствовать безъ всякой осторожности: видимо старалась остаться съ Бахтіаровымъ наединѣ, заговаривала съ нимъ о любви. Однажды, въ бесѣдѣ tête-à-tête, Бахтіаровъ, молча и довольно не церемонно, взялъ у Юліи руку и поцѣловалъ ее. М-me Бешметева хотѣла была разсердиться, но Франтъ посмотрѣлъ на нее такимъ убѣдительнымъ взоромъ, что она только вздохнула. Пріѣхавшая въ это время съ визитомъ, одна почтенная дама перервала эту интересную сцену. Уѣзжая, Бахтіаровъ спросилъ у Юліи, когда она будетъ дома одна.

— Послѣ завтра поутру, — отвѣчала она.

Въ продолженіе этихъ двухъ дней Юлія обдумалась и дала себѣ слово держать Бахтіарова въ почтительномъ отдаленіи, и только влюбить его въ себя и заставить его, на досаду прочимъ дамамъ, предпочтительно передъ всѣми заниматься ею одною въ обществѣ. Въ назначенный день она приняла его въ гостиной, съ умысломъ растворивъ дверь въ сосѣднюю комнату, въ которой сидѣла горничная и что-то шила. Бахтіаровъ замѣтилъ эту предосторожность и съ кислою гримасою усѣлся противъ Юліи. Разговоръ начался на Французскомъ языкѣ. Юлія, въ сильномъ волненіи, призналась ему, что она его давно любитъ, но любовію чистою, что будто бы его не любила такъ ни одна женщина. Бахтіаровъ былъ совершенно спокоенъ и только не много скученъ; впрочемъ онъ увѣрилъ Юлію, что онъ тоже ее любитъ давно, но жениться на ней не могъ по одной тайной причинѣ, холоденъ съ нею былъ потому, что боялся увлечься безполезною страстію.

Пріѣздъ Лизаветы Васильевны измѣнилъ ходъ происшествій, потому что измѣнилъ совершенно Бахтіарова, ко-

Digitized by Google

торый сталъ гораздо рѣже ѣздить къ Бешметевымъ, и цѣлые дни по прежнему просиживалъ у Масуровыхъ; съ Юліей же онъ болѣе не заговаривалъ о любви.

Истинно страдала бѣдная Юлія, терзаемая досадою, любовію, обиженнымъ самолюбіемъ и ревностію. Не видя почти цѣлую недѣлю Бахтіарова, она рѣшилась написать ему письмо на Французскомъ языкѣ, которое и имѣю честь представить въ переводѣ:

«Что ты со мной сдѣлалъ? Я плачу, я умираю, я чувствую всѣ муки ада, потому что не вижу тебя. Если ты меня не любишь, скажи мнѣ, умертви меня, и я тебя буду благословлять, потому что теперь я умираю каждую минуту. О, приди, приди, дай мнѣ тебя видѣть, пересказать тебѣ все то, что я чувствую. А если нѣтъ.... я умру. Видишь, я забываю стыдъ, самолюбіе, и пишу къ тебѣ.

Вся твоя.»

Юлія въ этомъ письмѣ хотѣла поразить Бахтіарова силою страсти, но ни подозрѣнія, ни ревности, по самолюбію, не хотѣла высказать. Павелъ въ этотъ день на весь вечеръ ушелъ къ сестрѣ. Юлія отправила письмо съ своей приданою горничной, которая, впрочемъ, забѣжавши въ кухню, не преминула разсказать прочей братіи, что барыня послала ее съ какою-то записочкой къ Бахтіарову. Отправивши свое посланіе, Юлія, въ ожиданіи отвѣта, безъ преувеличенія, начала переживать муки ада. Ей вдругъ сдѣлалось стыдно и страшно своего поступка: — что, если Бахтіаровъ не любитъ ее и только обманываетъ? — Что, если онъ будетъ показывать это письмо своимъ знакомымъ, и объ этомъ узнаетъ весь городъ и папенька Владиміръ Андреевичъ? — Юлія расплакалась и молила Бога, чтобъ ея посланіе какимъ-нибудь образомъ не дошло по своему назначенію. Она рѣшилась даже уѣхать къ отцу, пробыть у него цѣлый вечеръ; но.... Бахтіаровъ явился. Юлія задрожала; она даже была не въ состояніи отвѣчать на его обычное привѣтствіе, и сидѣла, какъ уличенная преступница.

Digitized by Google

— Вы желали меня видѣть,—сказалъ губернскій франтъ, усаживаясь очень близко около хозяйки.

Юлія была не въ состояніи ничего отвѣчать.

— Вы любите меня,—продолжалъ онъ, взявши ее за руку.

Юлія потихоньку выдернула руку и отодвинулась; но Бахтіаровъ опять взялъ ея руку.

— А вы такъ меня не любите, вы меня обманываете,— проговорила со слезами на глазахъ М-пе Бешметева.

— Съ чего же это вы взяли? Я васъ очень люблю,— проговорилъ левъ, и хотѣлъ Юлію взять за талію.

Но она быстро встала и перешла на другой конецъ комнаты.

— Я не хочу, чтобы вы такъ любили меня,—сказала она.

— Какъ же вы хотите? — спросилъ Бахтіаровъ.

— Я хочу, чтобъ вы меня любили, какъ братъ, какъ другъ, чтобъ вы только гуляли со мной, говорили; мы станемъ вмѣстѣ читать, заниматься музыкой. Я васъ люблю чистою любовію.

На словѣ: чистая любовь, Бахтіаровъ сдѣлалъ гримасу.

— Adieu, madame,—проговорилъ онъ, взявшись за шляпу.

Юлія взглянула ему въ глаза.

— Куда же вы? — спросила она.

— Куда-нибудь,—отвѣчалъ франтъ.—Я не могу васъ видѣть, я не долженъ даже васъ видѣть, потому что я слишкомъ страстенъ, слишкомъ люблю васъ. Въ письмѣ вашемъ вы гораздо болѣе обнаружили чувствъ, стало быть, вы меня обманывали....

— Нѣтъ, я писала, что чувствовала; ты самъ это очень хорошо знаешь.

— Adieu, madame, — проговорилъ опять Бахтіаровъ.

— Постой, выслушай меня,—сказала Юлія, взявъ его за руку,—развѣ это не любовь, что я объ тебѣ только и думаю, что ты для меня, я не знаю, что такое?

Digitized by Google

— Право? — спросилъ Бахтіаровъ.

Пріѣхавшій отъ сестры Павелъ остановилъ дальнѣйшее развитіе этой сцены. Бахтіаровъ успѣлъ уже пересѣсть въ почтительное отдаленіе отъ хозяйки. Разговоръ не начинался, всѣмъ было неловко.

Павелъ, на этотъ разъ, почти не обратилъ никакого вниманія на то, что засталъ губернскаго льва наединѣ съ женою, но думалъ о бѣдной Лизаветѣ Васильевнѣ, которая разсказала ему, что Бахтіаровъ пересталъ къ нимъ ѣздить и прислалъ къ ней письмо, которое она, противъ собственной своей воли, приняла и прочитала. Бахтіаровъ писалъ, что онъ отказывается отъ свиданія съ нею, потому что страсть его возрастаетъ съ каждымъ днемъ; что онъ уже долѣе не въ состояніи владѣть собою и готовъ, не смотря на ея холодность, при ея мужѣ броситься къ ея ногамъ и молить о любви. Послѣ этого письма, Бахтіаровъ цѣлую недѣлю не бывалъ у нихъ. Лизавета Васильевна говорила, что она уже привыкла не видѣть его, что Бахтіаровъ сдѣлалъ это потому, что благороденъ и не хочетъ погубить ее. Сказавши это, бѣдная женщина расплакалась и проплакала цѣлый вечеръ.

—

Digitized by Google

III.

СОПЕРНИЦЫ.

Кураевъ наконецъ уѣхалъ въ Петербургъ, а Павелъ опредѣлился на службу. Случилось это слѣдующимъ образомъ: Владиміръ Андреевичъ, какъ вы видѣли еще въ первой главѣ, совѣтовалъ зятю, не разсчитывая на профессорство, опредѣлиться къ должности, а потомъ началъ убѣждать его сильнѣе и даже настаивать, говоря Павлу, что семейный человѣкъ не то, что холостой,—онъ долженъ трудиться каждую минуту и не имѣетъ никакого права терять цѣлые годы для слишкомъ невѣрныхъ надеждъ, что семьянину даже не прилично сидѣть, какъ школьнику, за учебникомъ.

— Павелъ Васильевичъ,—говорилъ Владиміръ Андреевичъ своимъ внушительнымъ голосомъ, — мы вамъ отдали дочь не для того, чтобы она терпѣла нужду, тѣмъ болѣе, отъ чего проистекаетъ эта нужда? — Извините меня, просто отъ вашей лѣности. Что вы теперь дѣлаете?—ничего! Я вамъ долженъ прямо сказать, вы не можете быть профессоромъ,—вы, вѣрно, уже все перезабыли; но вы можете, и по вашимъ способностямъ и по вашему воспитанію, быть хорошимъ чиновникомъ. Полноте, милый мой, выкиньте изъ головы ваши бредни, и завтра же поѣдемте со мною къ доброму моему и почтенному Назанову; онъ васъ полюбитъ и выведетъ въ люди.

Павелъ не возражалъ тестю, потому что въ словахъ Владиміра Андреевича было много горькой истины. Грустно и тошно сдѣлалось моему герою, когда онъ пристальнѣе вглядѣлся въ самого себя и свое положеніе: заниматься науками онъ дѣйствительно не могъ; для чегоже онъ трудился десять лѣтъ? чѣмъ вознаграждены эти труды? Въ обществѣ онъ до сихъ поръ не имѣетъ никакого значенія, а въ домашней жизни.... Въ домашней жизни онъ могъ бы быть счастливъ, но Юлія, жестокая Юлія, она рѣшительно не любитъ его, она не можетъ даже выслушать его, когда онъ начнетъ ей говорить о самомъ себѣ, или даже о чемъ бы то ни было, не говоря уже о томъ

Digitized by Google

счастіи, которое могло бы возникнуть изъ взаимной любви, дружескихъ вечернихъ бесѣдъ, изъ этой обоюдной угодливости, и проч. и проч. Ничего этого не было, а между тѣмъ нужда, этотъ бичь даже счастливыхъ супруговъ, начала уже ощутительно показываться въ ихъ жизни. Деньги были всѣ прожиты, надѣлано тысячи три долговъ, карета сломалась, одну лошадь совершенно испортили,—все бы это слѣдовало исправить, а на что? Денегъ всего пятьдесятъ рублей, которыхъ едва достанетъ на недѣлю. Богъ съ нимъ, съ профессорствомъ, рѣшилъ Павелъ, опредѣлюсь на службу и стану трудиться.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что, при этихъ размышленіяхъ Павлу, не смотря на всю его неопытность въ практической жизни, невольно пришло въ голову: отъ чего Владиміръ Андреевичъ самъ ничего не далъ за дочерью, почему всѣ заботы складываетъ на него, а въ то же время рѣшительно не оцѣниваетъ ни его благородства, ни его любви къ Юліи; что Владиміру Андреевичу слѣдовало бы прежде внушить дочери, чтобы она любила и уважала мужа, а потомъ уже и отъ него требовать строгаго и предусмотрительнаго исполненія обязанностей семьянина.

Не какъ бы то ни было, Павелъ рѣшился служить, и на другой же день объявилъ о своемъ намѣреніи Владиміру Андреевичу, который тотчасъ же свезъ его къ Назанову, занимавшему довольно значительное мѣсто. Назановъ былъ дѣйствительно добрый, а главное дѣло, опытный начальникъ. Съ перваго же раза онъ увидѣлъ въ Павлѣ дѣятельнаго и способнаго чиновника, и потому, послѣ нѣсколькихъ недѣль испытанія и приготовленія, далъ ему мѣсто столоначальника. Павелъ началъ работать неутомимо: написанные имъ доклады и бумаги невольно кидались въ глаза отчетливостію, краткостію и ясностію изложенія. Дѣла принятаго имъ стола пошли гораздо быстрѣе и правильнѣе, однимъ словомъ, въ какіе-нибудь два или три мѣсяца Бешметевъ успѣлъ заслужить, что называется, канцелярскую славу; начали даже поговаривать, что врядъ ли начальство не готовитъ его въ секретари. Всѣ эти служебные подвиги герой мой совер-

Digitized by Google

шилъ съ величайшимъ усиліемъ надъ самимъ собою, или, лучше сказать, надъ своимъ сердцемъ. Онъ былъ привыченъ и способенъ ко всякому занятію, но трудно было ему просиживать почти цѣлые дни, не видавшись съ Юліею: онъ не зналъ, что она дѣлаетъ, а главное, его мучило подозрѣніе, не сидитъ ли у ней Бахтіаровъ. Какъ бы желая разсѣять себя, онъ еще прилежнѣе и внимательнѣе начиналъ работать цѣлое утро, цѣлый вечеръ до поздней ночи. Возвращаясь домой, Павелъ находилъ Юлію постоянно печальною и чѣмъ-то разстроенною. Она тоже боролась съ своимъ сердцемъ. Бахтіаровъ сдержалъ свое слово и не бывалъ у нихъ. М-ше Бешметева ровно двѣ недѣли не давала воли этому бѣдному сердцу, и только посылала къ Бахтіарову то за книгами, то за нотами, который все это присылалъ къ ней, но самъ не являлся. Но наконецъ въ ней не стало больше силы не видѣть его; она написала къ нему письмо, въ которомъ умоляла его прійдти къ ней. Посланіе это отправлено было съ тою же горничной.

Поутру въ этотъ день случилось одно ничтожное и неважное происшествіе, имѣвшее, какъ увидитъ читатель, довольно важное послѣдствіе. Юлія сбиралась ѣхать съ визитами и велѣла себѣ, между прочимъ нарядомъ, подать тюлевый воротникъ, который и былъ поданъ; но оказалось, что надѣть этого воротничка не было никакой возможности, потому что онъ скверно вымытъ и еще хуже того вытюженъ. Юлія Владимировна очень разсердилась на горничную, которая, въ оправданіе свое, донесла госпожѣ, что воротничекъ этотъ мыла не она, а ключница Марѳа. Юлія Владимировна позвала Марѳу и спросила ее, какъ она смѣла такъ сверно вымыть. Старая и почтенная ключница, очень обижавшаяся тѣмъ, что ее заставляютъ, какъ простую прачку, полоскать всякую дрянь, объяснила, что она лучше мыть не умѣетъ, и что уже она стара, и потому съ нея грѣхъ спрашивать, какъ съ молоденькой. Юлія, конечно, еще болѣе разсердилась за подобную дерзость, и закричала на Марѳу, говоря, что она ее заставитъ мыть хорошо, и назвала ее, въ заключеніе своего монолога, мерзавкою. Марѳа

Digitized by Google

съ своей стороны тоже очень разсердилась и возразила госпожѣ, что она не мерзавка, что ее никогда такъ не называла,—царство небесное! старая барыня, и что отъ чего-де Юлія Владимировна не спрашиваетъ ничего съ своего приданаго человѣка, который будто бы уже скоро очумѣетъ отъ сна, а требуетъ только съ людей барина, и что лучше бы-де привести съ собою молодыхъ горничныхъ, да и распоряжаться ими.

— Вонъ пошла, скверная! — закричала Юлія Владимировна и плюнула. — Ахъ, ты, негодная! сего дня же заставлю Павла Васильевича наказать тебя. Вонъ пошла, тебѣ говорятъ,—выгоните ее вонъ!

Мареа, не переставая говорить и расплакавшись, ушла въ дѣвичью, ворчала цѣлое утро и не явилась даже къ столу, говоря, что она оплеванная, а въ вечеру отправились къ людямъ Лизаветы Васильевны. Юлія Владимировна была вспыльчива, но не зла. Когда возвратился Павелъ, она даже забыла разсказать ему про грубость Мареы и, кажется, тѣмъ бы и все и должно было кончиться, но Мареа сидѣла очень долго у прислуги Лизаветы Васильевны, жаловалась на барыню, разсказывала утреннее происшестіе и, къ слову, разсказала много кой-чего еще и другаго, а именно: что баринъ хоть ничего и не видитъ, а барыня-то пришаливаетъ съ высокимъ барономъ, съ Бахтіаровымъ, что у нихъ переписка,—что все будто бы за книжками посылаетъ свою приданую дуру. Анъ дѣло-то не то,—вотъ, и сегодня отправлена къ нему записочка. Петрушка своими глазами видѣлъ въ щелку, какъ они цѣловались.

— Вѣдь, въ него и наша-то влюблена,—замѣтила горничная Лизаветы Васильевны на слова Мареы, и вечеромъ, раздѣвая барыню, никакъ не утерпѣла, чтобы не разсказать ей новости, сообщенной Мареою, и съ нѣкоторыми даже прибавленіями. Лизавета Васильевна, выслушавши весь этотъ разсказъ, сначала вспыхнула, а потомъ страшно побѣднѣла, какъ будто бы вся кровь бросилась къ сердцу.

— Кто же это тебѣ наболталъ? — спросила она.

Digitized by Google

— Ключница ихная,—она не станетъ врать,—сегодня цѣлый вечеръ сидѣла у насъ, и все, все, что ни есть, разсказала.

— Да отъ чего же они знаютъ, что у нихъ переписка?

— Ну, какъ, матушка, не знать! — Вотъ и сегодня послала опять съ записочкою.

— И сегодня? — едва могла выговорить Масурова.

— И сегодня,—отвѣчала горничная.—А *этта* такъ все за книжками будто бы посылала къ нему, раза по два въ день. Ну, а ужъ извѣстно, какія книжки-то.

— Все это пустяки, — у меня не смѣйте никому болтать, — проговорила Лизавета Васильевна, и выслала горничную отъ себя.

Нѣсколько минутъ она не могла прійдти въ себя, — такъ поразила ее сообщенная горничною новость: неужели это правда? думала она, неужели Бахтіаровъ обманывалъ ее? неужели онъ такой интригантъ, — онъ, который былъ при ней всегда такъ холоденъ со всѣми другими женщинами? неужели онъ влюбленъ въ Юлію и интригуетъ съ нею? Нѣтъ, это не можетъ быть: они изъ пустяковъ, обыкновенно, выводятъ свои заключенія. Можетъ быть, она такъ только привѣтлива съ нимъ, какъ хозяйка; но эта переписка? Прислугѣ не прійдетъ въ голову выдумать о перепискѣ. Вотъ что думала Лизавета Васильевна, а между тѣмъ сердце ея разрывалось на части. Сила любви, говоритъ одинъ писатель, заключена въ насъ самихъ и никакъ не условливается достоинствомъ любимаго человѣка, котораго мы сами украшаемъ изъ собственнаго воображенія, и такимъ образомъ любимъ въ немъ свой призракъ. Лизаветѣ Васильевнѣ Бахтіаровъ казался чѣмъ-то выше всѣхъ другихъ людей. Отторгнувшись отъ его исканій еще до замужества своего, отторгаясь и теперь отъ нихъ, вслѣдствіе нравственнаго инстинкта она все-таки не переставала любить и уважать его. Въ своихъ отношеніяхъ съ нимъ она видѣла что-то поэтически-прекрасное: она воображала, что они оба страдальцы, родные по душѣ, но отторгнутые обстоятельствами, хотя и должны жить далеко другъ отъ друга, но съ непрестанною мыслію

Digitized by Google

одинъ о другомъ, съ вѣчною и неизмѣнною любовію. Вотъ что она думала прежде, но что же выходитъ теперь: онъ обманывалъ ее, какъ обманывалъ другую, третью; можно ли, любя одну, интриговать съ другою? Въ состояніи ли, напримѣръ, она не только полюбить другаго мужчину, — но Боже мой! — даже подумать о другомъ, кромѣ него, тогда какъ онъ, можетъ быть, теперь, въ эту минуту, счастливъ съ другою, съ которою смѣется надъ нею и надъ ея любовію. Напрасно разсудокъ говорилъ бѣдной женщинѣ, что это не должно ее безпокоить, что, отторгнувшись отъ Бахтіарова, она не имѣетъ никакого права облзывать его, какъ мужчину, на вѣрность, что это даже лучше, потому что предохранитъ ее самое навсегда отъ паденія. Но сердце не слушало, оно тосковало, грустило и ревновало: Пріѣхалъ Михайло Николаевичъ, и, какъ обыкновенно, немного пьянъ; онъ началъ было длинный разсказъ о томъ, что кто-то безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, прибилъ кого-то стуломъ. Но Лизавета Васильевна, ссылаясь на болѣзнь, просила мужа идти въ свою комнату. Тотъ ушелъ, но только не въ свою комнату, а велѣлъ заложить лошадь, и опять куда-то уѣхалъ.

На другой день поутру, часу въ двѣнадцатомъ, Масурова отправилась къ брату. Я не могу здѣсь умолчать о томъ, что единственной причиною этой поѣздки былъ разсказъ горничной дѣвки. Я, вѣрно, застану его у нея, думала Лизавета Васильевна, а если нѣтъ, то нарочно буду заговаривать объ немъ, и увижу, какъ она будетъ себя вести. Пріѣхавши къ Бешметевымъ и увидя у крыльца лошадь Бахтіарова, она тихо прошла лакейскую, въ которой никого не было, и еще осторожнѣе пошла по залѣ. Дверь въ гостиную была притворена, и оставалось небольшое отверстіе. Лизавета Васильевна не могла утерпѣть, и, не входя въ комнату, заглянула въ щель. Всѣ сомнѣнія рушились: Бахтіаровъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ Юліей, которая одною рукой, опирающеюся на столъ, поддерживала свою голову, а другою держала затянутую въ перчатку руку льва. Она была грустна и въ замѣтномъ волненіи. Что же касается до

Digitized by Google

Бахтіарова, то онъ тоже смотрѣлъ довольно пристально на Юлію, но съ какимъ именно выраженіемъ, Масурова не могла уже замѣтить, потому что сама едва удержалась на ногахъ. Дрожащими руками схватилась она за косякъ двери и нѣсколько минутъ пробыла въ совершенно безчувственномъ состояніи. Пришедши нѣсколько въ себя, она отошла отъ двери, начала довольно громко кашлять и съ этими уже предосторожностями вошла въ гостиную. При входѣ ея, хозяйка сидѣла у окна за пяльцами, Бахтіаровъ оставался на прежнемъ мѣстѣ. Юлія въ смущеніи поздоровалась съ сестрой и просила ее сѣсть. Нѣсколько минутъ продолжалось странное молчаніе.

— А братъ гдѣ?—спросила наконецъ Лизавета Васильевна.

— Онъ на службѣ, — отвѣчала Юлія. — Какъ теперь ваше здоровье?

— Мнѣ лучше.

Здѣсь разговоръ прекратился на нѣсколько минутъ.

— Какъ здоровье Михаила Николаевича?

— Онъ здоровъ.

И опять разговоръ прекратился.

— Какое у васъ миленькое платье! Гдѣ брали?

— У Кривоногова.

— У него всѣ товары со вкусомъ.

— Нельзя сказать!

Опять молчаніе, которое перервала уже Лизавета Васильевна.

— Что вы теперь подѣлываете? — спросила она.

— Ничего особеннаго,—вышиваю подушку.

— А я такъ ужасно скучаю: книгъ совершенно нѣтъ. Вы, я слышала, ma soeur, берете книги у Александра Сергѣича, сказала Лизавета Васильевна, указавъ глазами на Бахтіарова.

При этомъ намекѣ, Юлія вся вспыхнула. Что же касается до губернскаго льва, то въ первую минуту онъ надулся, но потомъ на устахъ его появилась улыбка, какъ будто бы ему былъ пріятенъ намекъ Масуровой. Возобновившійся потомъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, разговоръ также какъ-то не вязался, но за то очень много го-

Digitized by Google

ворили глаза: Бахтіаровъ, не говорившій почти ни слова, нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на Лизавету Васильевну, которая видно была не въ состояніи вынести его взгляда и потупилась; Юлія, повидимому, глядѣвшая на свою работу, въ то же время прилежно слѣдила за Бахтіаровымъ, и, поймавъ его длинный взглядъ на Масурову, посмотрѣла на него съ нѣмымъ укоромъ. Губернскій левъ тотчасъ началъ глядѣть на потолокъ. Лизавета Васильевна съ своей стороны тоже все видѣла, и наконецъ встала.

— Куда же вы?—спросила Юлія тѣмъ тономъ, которымъ обыкновенно говорятъ хозяева гостямъ такого рода, которымъ искренно желаютъ, чтобы они поскорѣе убирались во-свояси.

— Домой. Дѣти одни. Прощайте, ma soeur, adieu m-r, проговорила Масурова и уѣхала.

Во всей этой сценѣ Масурова, какъ мы видѣли, по возможности владѣла собою. Но когда она возвратилась домой, силы ее оставили; блѣдная, истерзанная, упала она на кресло и долго сидѣла въ такомъ положеніи, а потомъ позвала было къ себѣ Костю, игравшаго у окошка бумажною лошадью, хотѣла ласкать его, заговаривала съ нимъ. Но все напрасно, — слезы невольно текли по щекамъ ея. Господи! — проговорила она, оттолкнула отъ себя ребенка, и ушла въ свою комнату. Пріѣхалъ Михайло Николаевичъ и не могъ добиться отъ жены ни одного слова. Она сидѣла задумавшись, и, кажется, рѣшительно не понимала и не видѣла, что происходитъ вокругъ ея.

По отъѣздѣ Масуровой, Бахтіаровъ и Юлія нѣсколько минутъ молчали.

—Она все знаетъ, сказала, вздохнувъ, Бешметева. Вотъ, видишь ли, — продолжала она, устремивъ на Бахтіарова нѣжный взоръ,—что я еще сдѣлала,—ничего, а между тѣмъ злые люди клевещутъ на меня. Но я теперь спокойна; совѣсть меня не укоряетъ; если бы даже и папенька узналъ, я бы и тому сказала, что я люблю тебя, но люблю благородною любовію. Я не понимаю, что у васъ, мужчинъ, за страсть отнимать у женщинъ спокойствіе души, дѣлая изъ

Digitized by Google

нихъ, чистыхъ и прекрасныхъ, какихъ-то гадкихъ существъ, которыхъ вы сами будете послѣ презирать.

Бахтіаровъ не обратилъ, кажется, должнаго вниманія на этотъ прекрасный монологъ, потому что занятъ былъ какими-то собственными соображеніями, и при послѣднихъ словахъ онъ всталъ и взялся за шляпу.

— Куда же? — спросила Юлія.

— Нужно. Надо поздравить одного именинника,—отвѣчалъ левъ.

— Опять меня оставляешь, — Богъ съ тобой!

— Нужно. Увидимся.

— Скоро?

— Скоро.

— Постой, два слова. Было у тебя что-нибудь съ Масуровой?

— Рѣшительно ничего.

— Лжете вы, m-r,—она въ васъ влюблена по уши, а теперь ревнуетъ.

— Ты думаешь?

— А ты не видишь будто бы.... Охъ, какой ты хитрецъ!

— Adieu,—проговорилъ франтъ, и, какъ бы желая загладить свою холодность, взялъ руку Юліи и крѣпко поцѣловалъ ее...

Долго, очень долго смотрѣла Юлія въ слѣдъ своему обожателю, и потомъ въ раздумьѣ сѣла за пяльцы, но не могла вышивать, потому что въ подобномъ состояніи только для вида садилась за работу.

Между тѣмъ Бахтіаровъ пріѣхалъ домой. Здѣсь я считаю себя обязаннымъ представить читателю моему тотъ монологъ, который произнесъ самъ съ собою красивый тридцатипятилѣтній джентельменъ, ходя взадъ и впередъ по своему залу.

— Чудная эта женщина—Масурова, думалъ онъ,—какіе у ней прекрасныя манеры! на сколько она лучше этой Бешметевой! А эта, рѣшительно, дрянь: въ каждомъ словѣ, въ каждомъ ея движеніи такъ и лѣзетъ въ глаза провинціей; покуда молчитъ, еще ничего, свѣжа, грудь хорошо развита, должно быть, и довольно страстная женщина.... Но

Digitized by Google

Масурова.... чортъ знаетъ, что это за женщина. Вотъ, три года, какъ я за ней ухаживаю, и какъ она себя выдерживаетъ! Не можетъ же быть, чтобы это было одно кокетство; ну, а если это проистекаетъ изъ нравственнаго чувства, изъ какого-то прирожденнаго благородства? Но страннѣе всего, я самъ съ нею теряюсь, я не могу быть ни рѣшительнымъ, ни настойчивымъ, дѣлаюсь какимъ-то приторнымъ вздыхателемъ, т. е. отъявленнымъ дуракомъ. Сегодня она рѣшительно ревнуетъ. Давно бы мнѣ схватиться за эту мысль. Притворюсь спокойнымъ, заведу у ней подъ носомъ интригу, а женщины изъ ревности, что въ переводѣ значитъ, изъ самолюбія, рѣшатся ни все. Интереснѣе всего, что и эта госпожа Бешметева толкуетъ о какомъ-то идеализмѣ.

Затѣмъ губернскій левъ еще глубже началъ вглядываться въ свое сердце, и нижеслѣдующія мысли родились въ его головѣ: я просто ее люблю, какъ не любилъ ни одной еще въ мірѣ женщины. Какъ иначе объяснить, что я по цѣлымъ вечерамъ припоминаю то время, когда она была еще дѣвушкой? Что это было за умное и милое существо! Какъ былъ я счастливъ, просиживая у нихъ, въ ихъ душныхъ комнатахъ, цѣлые дни и наслаждаясь только тѣмъ, что глядѣлъ и любовался на нее. Даже теперь я женился бы на ней, и право былъ бы, по возможности, счастливъ. Мой разсчетъ вѣренъ: какая, и въ настоящемъ своемъ положеніи, она нѣжная мать и терпѣливая жена.

Результатомъ этихъ размышленій было то, что Бахтіаровъ рѣшился ѣхать къ Масуровымъ.

Время до семи часовъ показалось ему очень долго, — онъ безпрестанно глядѣлъ на часы, и наконецъ, не дождавшись, отправился въ шесть съ половиною. Въ разсчетѣ его было не застать Масурова дома, но сверхъ ожиданія Михайло Николаевичъ оказался на лицо. Увидѣвши Бахтіарова, онъ искренно обрадовался.

— А! ваше баронство! — вскричалъ Масуровъ. — Лиза! баронъ пріѣхалъ. — Я васъ все зову барономъ: у васъ въ лицѣ есть что-то такое важное, баронское. Милости прошу. Мы съ женою часто объ васъ говоримъ. Я васъ ужъ съ

Digitized by Google

недѣлю не видалъ, ну, думаю, мой баронъ, должно быть, какую-нибудь баронессу обхаживаетъ.—Говоря такимъ образомъ, Масуровъ ввелъ своего гостя въ гостиную. Прозвать пріятеля барономъ, Михайло Николаевичь выдумалъ экспромптомъ,—отъ радости, что его увидѣлъ. Лизавета Васильевна сидѣла за самоваромъ. Она поклонилась гостю довольно сухо.

— Честь имѣю представить вамъ г-на барона,—говорилъ Масуровъ.—Прошу покорнѣйше къ столу. Я надѣюсь, что ваше баронство не откажетъ намъ въ чести выпить съ нами чашку чаю. Милости прошу. Чаю намъ, Лиза, самаго сладкаго, какъ, напримѣръ, поцѣлуй любви! Что, важно сказано? Эхъ чортъ возьми! Я когда-то, вѣдь, стихи писалъ. Помнишь, Лиза, какъ ты еще была невѣстою, я къ тебѣ акростихъ написалъ:

Лицемъ прелестна, какъ богиня,
Или какъ будто бъ самъ амуръ,
За все, за все тебя я обожаю нынѣ,
А прежде все влюблялся въ дуръ.

Этотъ акростихъ Михайло Николаевичь тоже создалъ экспромптомъ.

— Что, вѣдь, не дурно?.... Ну, а ваше баронство, вы, я думаю, переписали акростиховъ всякаго рода: и къ Катенькамъ, и къ Машенькамъ, и къ Лизанькамъ,—ко всему женскому календарю. Нынче, впрочемъ, я очень началъ любить Перепетую, потому что имя это носитъ драгоцѣнная для меня особа, собственно, моя тетка. На дняхъ дала триста рублей взаймы.—Что же вы трубки не курите? —Малой, дай трубку, вычисти хорошенько, горячею водой промой, знаешь!.... Люблю я васъ, Александръ Сергѣевичь, — ей-Богу, славный вы человѣкъ!

Бахтіаровъ поклонился.

— Право, ей-Богу,—продолжалъ Масуровъ,—я очень склоненъ къ дружбѣ. Будь я подлецъ, если не готовъ, вотъ такъ, какъ теперь мы сидимъ, прожить десять лѣтъ въ деревнѣ. Жена, пріятель,—чортъ возьми!—чего же больше?

Такъ говорилъ безъ умолку Масуровъ, очень обрадованный пріѣздомъ Бахтіарова. Онъ потомъ разсказалъ, что

Digitized by Google

въ Малороссіи даже и были такіе два помѣщика и жили почти такимъ образомъ въ деревнѣ, одинъ женатый, а другой холостой, и что прожили, кажется, двадцать лѣтъ, никуда не выѣзжая. Бахтіаровъ, замѣтно, мало слушалъ хозяина, и все вниманіе его было обращено на хозяйку. Лизавета Васильевна занималась съ сидѣвшимъ около нея Костей, съ которымъ случилось весьма печальное приключеніе: онъ забилъ себѣ въ ротъ огромный кусокъ кренделя, намоченный въ горячемъ чаѣ, и обжогся.—Выброси, говорила мать, но Костя не выпускалъ и, со слезами на глазахъ, продолжалъ управляться съ горячимъ кускомъ. Наконецъ терпѣнія не стало: онъ заплакалъ. Мать взяла его къ себѣ на руки и утѣшала, говоря, что это ничего, что все прошло. Ребенокъ утѣшился и, вставши къ матери на колѣна, началъ съ нею играть, заливался громкимъ смѣхомъ и притопывалъ ноженками.

Вотъ на что смотрѣлъ съ искреннимъ чувствомъ Бахтіаровъ.

—Юлія Владимировна пріѣхала,—сказалъ вошедшій слуга.

— А! — закричалъ Масуровъ, и бросился встрѣчать гостью. Лизавета Васильевна взглянула на Бахтіарова и вышла въ залу. Въ лицѣ губернскаго льва ясно обозначалась досада.

Здѣсь я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Бешметева, по отъѣздѣ Бахтіарова, осталась, какъ мы знаемъ, въ странномъ состояніи духа. Ей очень хотѣлось скорѣй его опять увидѣть и поговорить съ нимъ. У ней едва достало терпѣнія дождаться вечера, т. е. того времени, въ которое Павелъ, обыкновенно, снова уходилъ въ присутствіе. Наконецъ время это пришло. Юлія тотчасъ же написала къ Бахтіарову страшно-страстную записку, въ которой заклинала его прійдти къ ней на вечеръ. Воротившаяся горничная донесла, что Бахтіарова нѣтъ дома, и что онъ сейчасъ куда-то уѣхалъ со двора. Юлія едва не умерла отъ досады. Но гдѣ ему быть? Куда онъ уѣхалъ? Неужели онъ отправился къ Масуровымъ? — И въ сердцѣ Юліи Владимировны забушевало то же чувство ревности, которое,

Digitized by Google

за нѣсколько часовъ, такъ сильно мучило Лизавету Васильевну, и она, подобно той, вздумала съѣздить къ невѣсткѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Но на лошади уѣхалъ Павелъ. Нетерпѣніе Юліи было слишкомъ сильно. Она не въ состояніи была даже подождать экипажа, и пѣшкомъ отправилась къ Масуровымъ. Шла она, видно, очень быстро, потому что пришедши въ лакейскую, принуждена была сѣсть, и едва уже переводила дыханіе.

— Сестрица, прекраснѣйшая изъ всѣхъ сестрицъ! — говорилъ Масуровъ, цѣлуя ея руку.—Ужасно какъ я люблю цѣловать ваши ручки. Что это какія вы блѣдныя? Не опять ли истерика?

— Нѣтъ, я пѣшкомъ пришла, устала.—Кто у васъ?

— Никого нѣтъ, — все свои.

— Кто же?

— Одинъ только Бахтіаровъ.

Юлія вздрогнула, но впрочемъ встала и пошла въ залу, гдѣ ее встрѣтила хозяйка.

— Вотъ, какъ я вамъ скоро отплатила визитъ, — даже пѣшкомъ пришла. Павелъ уѣхалъ, но мнѣ хотѣлось пройдтись.

Вошедши въ гостиную, Юлія небрежно кивнула головою Бахтіарову и сѣла на диванъ. Михайло Николаевичъ не замедлилъ усѣсться близъ нея.

— Помните, сестрица, какъ я васъ снѣгомъ-то оттиралъ, — началъ онъ,—вы такія были тогда хорошенькія, что просто ужасъ....

— А теперь что же? — спросила Юлія.

— А теперь еще лучше, честное слово!

— Знаете, что, сестрица, признаться вамъ? — продолжалъ Масуровъ.

— Въ чемъ признаться?

— Я въ васъ влюбленъ.

— Право? — Отъ чего же вы давно мнѣ этого не скажете? Бѣдненькій! — мнѣ васъ очень жаль.

— А вы, я думаю, кузина, меня терпѣть не можете?

Digitized by Google

— Напротивъ; вы сами у насъ никогда не бываете.

Юлія Владимировна любезничала съ Масуровымъ для того, чтобы досадить Бахтіарову, но, къ вящему ея мученію, замѣтила, что тотъ почти не обращаетъ на нее вниманія и разговариваетъ вполголоса съ Лизаветой Васильевной. Ей очень хотѣлось къ нимъ прислушаться. Но голосъ Михайла Николаевича заглушалъ всѣ ихъ слова.

Юлія справедливо желала подслушать разговоръ Бахтіарова съ Лизаветой Васильевной, который былъ весьма многозначителенъ.

— Я не могъ исполнить своего слова и не видѣть васъ,— сказалъ, вполголоса и съ чувствомъ, франтъ.

— Вы, вѣрно, пріѣхали къ мужу,—отвѣчала тоже вполголоса Масурова.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ васъ видѣть.

— Mercі.

— Позвольте мнѣ опять бывать у васъ, видѣть васъ хоть не надолго, хоть на минуту.

— Какъ вы смѣшны, m-r Бахтіаровъ!

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что говорите самыя старыя пошлости.

Франтъ насупился. Въ это время на него взглянула Бешметева.

— М-г Бахтіаровъ есть съ вами лошадь?—спросила она.

— Есть, — отвѣчалъ тотъ.

— Довезите меня до дому,—я пѣшкомъ.

Франтъ нѣсколько минутъ думалъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ и отошелъ отъ Лизаветы Васильевны.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что Юлія рѣшилась на опасную и не весьма приличную поѣздку съ Бахтіаровымъ, съ цѣлію досадить Лизаветѣ Васильевнѣ. Франтъ, съ своей стороны, согласился на это съ удовольствіемъ, имѣя въ виду окончательно возбудить ревность въ Масуровой.

Послѣ вышеописанной сцены всѣмъ сдѣлалось какъ-то не ловко: Лизавета Васильевна потупилась; Бахтіаровъ сѣлъ поодаль и продолжалъ по временамъ взглядывать на нее.

Digitized by Google

Юлія была къ тревожномъ состояніи и едва могла выслушивать продолжающіяся любезности Масурова, который увѣрялъ ее, что онъ завидуетъ Павлу. Чрезъ четверть часа Юлія уѣхала вмѣстѣ съ Бахтіаровымъ. Масуровъ очень просилъ было взять его съ собою и позволить ему встать на запятки; но запятки были заняты лакеемъ. M—me Бешметева сѣла въ экипажъ, почти не помня себя отъ ревности. Въ противномъ случаѣ, какъ я уже и прежде успѣлъ замѣтить, она никакъ бы не позволила себѣ сдѣлать подобнаго неосторожнаго поступка.

— И послѣ этого вы скажете, что у васъ ничего нѣтъ съ Масуровой?—сказала она, схвативъ своего обожателя за руку и крѣпко сжавъ ее.

— Что же такое у меня съ ней?

— Какъ что?—Зачѣмъ ты сегодня къ нимъ пріѣхалъ?

— Такъ, отъ нечего дѣлать.

— Послушай, зачѣмъ ты меня обманываешь? Если не любишь, скажи мнѣ прямо; что у тебя за желаніе терзать и мучить бѣдную женщину, которая тебя обожаетъ?

Послѣ этихъ словъ Юлія принялась потихоньку плакать.

— Перестаньте, Юлія; вы до безумія ревнивы, — говорилъ Франтъ. — Пойдемте, мы пріѣхали.

Бешметева опомнилась.

— Гдѣ мы? — спросила она, замѣтивъ, что это былъ не ихъ домъ.

— Выходите, m-me — говорилъ вышедшій уже Бахтіаровъ.

— Что ты хочешь со мной дѣлать?—почти вскрикнула Юлія. Ни за что, ни за что въ свѣтѣ, лучше умру, а не пойду!

Франтъ пожалъ плечами и захлопнулъ дверцы экипажа.

— Къ Бешметевымъ, — сказалъ онъ кучеру и, не поклонившись Юліи, ушелъ въ домъ.

—

Digitized by Google

IV.

ПАВЕЛЪ ВСЕ УЗНАЛЪ.

Лизавета Васильевна сдѣлалась больна. Болѣзнь ея была, видно, слишкомъ серьезна, потому что даже самъ Михайло Николаевичь, который никогда почти не замѣчалъ того, что дѣлается съ женою, на этотъ разъ замѣтилъ, и, совершенно растерявшись, какъ полоумный, побѣжалъ бѣгомъ къ лекарю, вытащилъ того изъ ванны, и, едва давъ ему одѣться, привезъ къ больной. Врачь этотъ пользовался въ городѣ огромною извѣстностію. Онъ былъ человѣкъ еще не старыхъ лѣтъ, былъ не много педантъ въ своемъ ремеслѣ, т. е. любилъ потолковать о болѣзняхъ и о способахъ своего леченія, выражаясь по преимуществу на Французскомъ языкѣ, съ которымъ впрочемъ былъ не слишкомъ знакомъ. Онъ щупалъ нѣсколько секундъ пульсъ больной, прикладывался ухомъ къ ея груди, и потомъ съ очень серьезнымъ лицемъ вышелъ въ гостиную, гдѣ, увидѣвши Масурова съ слезами на глазахъ, сказалъ:

— У ней воспаленіе въ легкихъ.

— Что же, это опасно? — спросилъ Масуровъ.

— Какъ вамъ сказать? — каковъ будетъ исходъ болѣзни; но, вотъ видите, я бы желалъ, главное, знать основную причину болѣзни. Позвольте мнѣ съ вами переговорить.

— Сдѣлайте милость, — отвѣчалъ Масуровъ.

— Во-первыхъ, я вамъ объясню, что воспаленіе въ легкихъ есть двоякое: или чисто чахоточное, въ слѣдствіе худосочія, и въ такомъ случаѣ оно болѣе опасно, но есть воспаленіе простое, которое условливается простудою, гемороидальною посылкою крови, или даже часто какимъ-нибудь нравственнымъ потрясеніемъ, и въ этомъ случаѣ оно болѣе излечимо; но дѣло въ томъ, что, при частомъ повтореніи этихъ варварскихъ воспаленій, можетъ образоваться худосочіе, т. е. почти чахотка. — Теперь позвольте васъ спросить: супруга ваша золотушна?

Digitized by Google

На этотъ вопросъ Михайло Николаевичь рѣшительно ничего не могъ отвѣчать.

— Не жаловалась ли она, по крайней мѣрѣ, часто на грудную боль?

Михайло Николаевичь сказалъ, что жена больше жаловалась на головную боль.

Врачь задумался.

— Не было ли у нихъ прежде кашля, кровохарканія?— спросилъ онъ.

Михайло Николаевичь не зналъ и этого. Лизавета Васильевна никогда не говорила мужу о своихъ болѣзняхъ.

— Впрочемъ я вамъ скажу, — продолжалъ докторъ, — что способы леченія одинаковы, но хотѣлось бы основательнѣе узнать, потому что я поставляю себѣ за правило—золотушные субъекты, пораженные легочнымъ воспаленіемъ, по исходѣ воспалительнаго періода, излечивать радикально, т. е. дѣйствовать противъ золотухи, исправлять самую почву.

Блеснувши такимъ образомъ предъ Масуровымъ медицинскими терминами, врачь велѣлъ пустить больной кровь, поставить къ лѣвому боку шпанскую мушку и прописалъ какой-то рецептъ.

Масуровъ всю ночь не спалъ, а поутру послалъ сказать Павлу, который тотчасъ же пришелъ къ сестрѣ. Михайло Николаевичь дня три сидѣлъ дома, хоть и видно было, что ему очень становилось скучно: онъ безпрестанно подходилъ къ женѣ.

— Ну, вѣдь, тебѣ лучше, Лиза?—вѣдь, ты по виду-то, ей-Богу, совсѣмъ здорова. Хоть бы посидѣла, походила, а то все лежишь. Встань, душка, вѣдь лежать, ей-Богу, хуже. Вотъ бы вышла въ гостиную, посидѣла съ братцемъ; а я бы съѣздилъ, — мнѣ ужасно нужно въ одномъ мѣстѣ побывать.

Лизавета Васильевна улыбалась.

— Да ты поѣзжай.

— Нѣтъ, душа моя,—я далъ себѣ слово, покуда ты лежишь, на шагу изъ дома.—Павелъ Васильевичь, сдѣлайте

Digitized by Google

милость, сядемте въ бостончикъ,—я васъ въ двѣ игры выучу, или вотъ что, давайте въ штоссъ — самая простая игра.

Павелъ не рѣшался играть ни въ бостончикъ, ни въ банкъ, говоря, что онъ ненавидитъ карты. Михайло Николаевичъ, отъ скуки, принялся было возиться съ Костей на полу, но и это запретилъ пріѣхавшій докторъ, говоря, что шумъ вреденъ для больной. Масурову сдѣлалось невыносимо скучно, такъ что онъ вышелъ въ гостиную и легъ на диванъ. Павлу, который обыкновенно очень мало говорилъ съ зятемъ, наконецъ сдѣлалось жаль его; онъ вышелъ къ нему.

— Какимъ образомъ сестра захворала? — спросилъ Бешметевъ.

— Должно быть, простудилась,—отвѣчалъ Масуровъ,—я ужъ это и не помню какъ; только была у насъ, вотъ, ваша Юлія Владимировна да Бахтіаровъ, вечеромъ сидѣли; только она ихъ пошла провожать. У Юліи-то Владимировны лошади, что ли, не было,—только она поѣхала вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ экипажѣ.

— Съ кѣмъ? — спросилъ, вспыхнувши, Павелъ.

— Съ Бахтіаровымъ; а Лиза вышла провожать ихъ на крыльце, да, я думаю, съ часъ и стояла на улицѣ-то. Я и кричалъ ей нѣсколько разъ: что ты, Лиза, стоишь?—простудишься,—ничего, говоритъ, мнѣ душно въ комнатѣ; а оттуда пришла такая блѣдная, и тотчасъ же легла.

— А въ которомъ часу Юлія уѣхала? — спросилъ Павелъ.

— Да очень еще рано—только что мы чай отпили; ну, вѣдь, вы знаете, весна, время сырое. Я помню, разъ въ полку, въ весеннюю ночь, правду сказать, по любовнымъ дѣлишкамъ, знаете.... да такую горячку схватилъ, что просто ужасъ. Ахъ, чортъ возьми! эта любовь!—Да, вѣдь, ужъ и женщины-то! Онѣ въ этомъ отношеніи отчаянныѣ насъ,—въ огонь, кажется, полѣзетъ!

Павелъ на этотъ разъ очень недолго оставался у сестры и скоро ушелъ домой.

Digitized by Google

Прошла недѣля. Лизаветѣ Васильевнѣ сдѣлалось лучше. Докторъ объявилъ, что воспаленіе перехвачено. Услышавши, что у ней уже съ полгода есть небольшое кровохарканіе, и прекративши, какъ онъ выражался, сильное воспаленіе, онъ хотѣлъ приняться лечить ее радикально противъ золотухи. Между тѣмъ Павелъ, день ото дня, дѣлался задумчивѣе и худѣлъ; онъ даже ничѣмъ почти не занимался въ присутствіи и сидѣлъ, потупя голову и закрывши лице руками. Его мучила ревность, страшная, мучительная ревность. Случайно сказанныя Масуровымъ слова, что Юлія уѣхала отъ нихъ въ одномъ экипажѣ съ Бахтіаровымъ, не выходили у него изъ головы. Чрезъ нѣсколько дней борьбы съ самимъ собою, онъ наконецъ рѣшился спросить объ этомъ жену.

— Вы на дняхъ отъ сестры пріѣхали съ Бахтіаровымъ?

— Да, онъ довезъ меня въ своемъ экипажѣ,—отвѣчала Юлія совершенно спокойнымъ голосомъ.

— Или она діаволъ, или она невинна! Я бы на ея мѣстѣ, при такомъ вопросѣ, умеръ отъ стыда,—подумалъ Павелъ и уже не разспрашивалъ болѣе жены. Подозрѣнія его еще болѣе увеличились отъ нѣкоторыхъ вопросовъ Лизаветы Васильевны,—такъ, напримѣръ, она спрашивала: кто у нихъ часто бываетъ? нельзя ли Павлу перемѣнить мѣсто и ѣхать въ Петербургъ, потому что въ здѣшнемъ городѣ всѣ помѣшаны на сплетняхъ и интригахъ,—а также и отъ нѣкоторыхъ замѣчаній ея, что Юлія еще очень молода и немного вѣтрена, и что надъ нею надобно имѣть внимательный надзоръ. Благородная Лизавета Васильевна была не въ состояніи сказать брату прямо того, что она знала; но, съ другой стороны, ей было жаль его, ей хотѣлось предостеречь его; но къ чему это поведетъ? думала она: можетъ быть, зло пройдетъ, и онъ не узнаетъ. А что думала о самой себѣ, на это можетъ отвѣчать ея болѣзнь.

Наконецъ у Павла не достало болѣе силы переживать свои мучительныя сомнѣнія.—Скажу, что пойду на цѣлый вечеръ къ сестрѣ и самъ возвращусь потихоньку домой,—онъ, вѣрно, у ней,—и тогда....тогда надобно будетъ посту-

Digitized by Google

пить рѣшительно; но, Боже мой! какъ бы я желалъ, чтобъ это были одни пустыя подозрѣнія. Вотъ что думалъ герой мой, возвращаясь домой обѣдать. Пришедши къ себѣ, онъ боялся взглянуть на Юлію: ему было совѣстно ея, ему казалось, что она уже знаетъ его намѣреніе и заранѣе оскорбляется имъ. Юлія была, дѣйствительно, въ этотъ день чѣмъ-то очень встревожена.

— Ты рано ли сегодня придешь?—спросила она Павла.

— По обыкновенію,—отвѣчалъ Павелъ; но у него едва достало силы проговорить это слово.

Читатель, конечно, догадывается, что Павелъ не занимался въ присутствіи своими дѣлами и сидѣлъ насупившись.

— Зачѣмъ это, Павелъ Васильевичь, ходите, когда у васъ голова болитъ,—сказалъ молодый писецъ,—и намъ бы полегче было, и мы бы не пришли,—у насъ очень мало дѣлъ-то.

— Я сегодня уйду рано: у меня очень голова болитъ,—отвѣчалъ Павелъ.

— Павелъ Васильевичь, а мнѣ нужно уйдти. у меня дяденька имянинникъ.

— Вишь, какой подхалимъ, вѣчно выпросится, — подхватилъ другой необыкновенно бѣлокурый и страшно рябой писецъ.

Павелъ ушелъ чрезъ полчаса. Онъ шелъ домой быстро, и, кажется, ничего ясно не сознавалъ и ничего опредѣлительно не чувствовалъ; только подойдя къ дому, онъ остановился. Не лучше ли вернуться назадъ и остаться въ счастливомъ невѣдѣніи. Но какъ будто бы какая внѣшняя сила толкала его. Что будетъ, то будетъ, подумалъ онъ, и вошелъ въ лакейскую, въ твердомъ убѣжденіи, что непремѣнно застанетъ Юлію въ объятіяхъ Бахтіарова. Онъ прошелъ залу,—въ ней было темно; прошелъ въ гостиную,—и тамъ темно. Весь домъ былъ пустъ, только въ дѣвичьей свѣтился огонекъ. Павелъ вошелъ туда.

— Никого нѣтъ дома? — спросилъ онъ.

— Никого-съ, — отвѣчала, вставши на ноги, Марѳа.

Digitized by Google

Павлу очень хотѣлось спросить, гдѣ барыня, но онъ опять не рѣшился.

— Дайте мнѣ свѣчку въ гостиную,—проговорилъ онъ какимъ то страннымъ голосомъ и вышелъ изъ дѣвичьей.

Свѣча была подана.—Гдѣ же она? подумалъ онъ, я непремѣнно долженъ спросить: гдѣ она. Есть же на свѣтѣ люди, которые сдѣлали бы это не думавши.

— Марѳа! — закричалъ Павелъ необыкновенно громкимъ голосомъ.

Марѳа предстала.

— Есть какое-нибудь тамъ вино?

—Есть, Павелъ Васильевичь,—мадеры, что ли, прикажете?

— Давай мадеры!

Марѳа принесла цѣлую бутылку и рюмку, но Павелъ потребовалъ стаканъ, и, не переводя духу, выпилъ стакана три. Вино значительно прибавило энергіи моему герою. Посидѣвши нѣсколько минутъ, онъ неровнымъ шагомъ вошелъ въ дѣвичью и позвалъ Марѳу въ гостиную: Марѳа вошла за нимъ съ нѣсколько испуганнымъ лицемъ.

— Гдѣ барыня?—спросилъ Павелъ, не подымая глазъ на служанку.

— Я не знаю, батюшка.

— Врешь, ты знаешь....гдѣ барыня?

— Батюшка, Павелъ Васильевичь! наше дѣло рабское.

— Гдѣ барыня? — повторилъ Павелъ.

— Павелъ Васильевичь! я маменькѣ вашей служила, я не могу вамъ льстить. Онѣ изволили уѣхать, батюшка, Павелъ Васильевичь.

— Куда?

— Наше дѣло подчиненное,—вы со мной можете все сдѣлать, а я скрыть не могу, потому что маменькѣ вашей служила и вамъ служу.

— Куда же она уѣхала?—тебя спрашиваютъ.

— Онѣ изволили уѣхать, Павелъ Васильевичь, не въ доброе мѣсто. Горько намъ, батюшка Павелъ Васильевичь, мы не осмѣливались только вамъ докладывать, а намъ очень горько.

Digitized by Google

— Говори все!

— Если вы изволите приказывать, я не смею ослушаться,—онѣ изволятъ быть теперь у Бахтіарова. Я своими глазами видѣла, — наши пролетки у его крыльца. Я кучеру-то говорю: злодѣй! что ты дѣлаешь? Куда барыню-то привезъ? Не твое, говоритъ, дѣло, старая чертовка; даже еще выругалъ, разбойникъ. Нѣтъ, думаю я, злодѣи этакіе, не дамъ я господина моего срамить, тотчасъ же доложу, какъ пріѣдетъ домой!

Черезъ нѣсколько минутъ Павелъ уже былъ близъ квартиры Бахтіарова. Пролетка его дѣйствительно стояла у крыльца губернскаго льва. Кучеръ, разобидѣвшій Марѳу, полулежалъ на барскомъ мѣстѣ и мурлыкалъ тоненькимъ голоскомъ: разлапушка-сударушка.

— Съ кѣмъ ты здѣсь?—проговорилъ Павелъ, быстро подошедъ къ нему и толкнувъ его въ бокъ.

Кучеръ вскочилъ, вытянулся и поблѣднѣлъ.

— Съ кѣмъ ты здѣсь? — повторилъ Павелъ.

— Я-съ....на лошади-съ....отвѣчалъ кучеръ.

— Гдѣ барыня? — сказалъ Павелъ.

— Не могу знать, Павелъ Васильевичь,—отвѣчалъ кучеръ.

— Гдѣ барыня?—закричалъ уже Павелъ, и, схвативши кучера за воротъ, началъ съ несвойственною ему силою его трясти.

— Батюшка, Павелъ Васильевичь! я не могу ничего знать. Онѣ изволили сюда уйдти.

Павелъ выпустилъ его изъ рукъ и нѣсколько минутъ глядѣлъ на него, какъ бы размышляя, убить ли его, или оставить живымъ; потомъ, рѣшившись на что-то, повернулся и быстрыми шагами пошелъ домой. Дорогой онъ прямикомъ прорѣзывалъ огромныя лужи, наткнулся на лотокъ съ калачами и свернулъ его, сшибъ съ ногъ какую-то нищую старуху, и когда вошелъ къ себѣ въ домъ, то у него ужъ не было и шляпы. Кучеръ остался тоже въ безпокойномъ раздумьѣ..... Вотъ что, проговорилъ онъ, почесывая затылокъ, пожалуй, вѣдь, и въ части высѣчетъ,—вотъ тебѣ и синенькая. Эка чортова оказія вышла!

Digitized by Google

Пришедши домой, Павелъ тотчасъ же написалъ къ женѣ письмо слѣдующаго содержанія:

«Я знаю, гдѣ вы. Тамъ вы съ вашимъ любовникомъ, конечно, счастливѣе, чѣмъ были съ вашимъ мужемъ. Участь наша рѣшена: я васъ не стѣсняю болѣе и предоставляю вамъ полную свободу; вы можете оставаться тамъ сегодня, завтра и всю жизнь. Черезъ часъ я пришлю къ вамъ ваши вещи. Я не хочу васъ ни укорять, ни преслѣдовать; можетъ быть, я самъ виноватъ, что осмѣлился искать вашей руки, и не знаю, по какимъ причинамъ, противъ вашего желанія, получилъ ее.»

Написавши это письмо, Павелъ тотчасъ же отправилъ его къ женѣ. Герой мой въ эти критическія минуты очень походилъ на сумасшедшаго. Лице его было блѣдно и всѣ черты его исказились и имѣли какое-то странное выраженіе. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ на одномъ мѣстѣ, потомъ всталъ, быстро вошелъ въ комнату матери, которая сдѣлалась его кабинетомъ, и взглянулъ на бритвенный ящикъ.... Но въ это время что-то стукнуло. Павелъ вздрогнулъ, обернулся, и глаза его остановились на иконѣ Божіей Матери, предъ которой такъ часто молилась его мать старуха. Онъ бросился предъ образомъ на колѣни. Выраженіе лица его умилилось, спасительныя слезы бросились изъ глазъ. Долго и какъ бы забывши все, молился Павелъ, а потомъ, замѣтно уже успокоившись, вышелъ въ гостиную, позвалъ къ себѣ горничную Юліи и велѣлъ ей отобрать всѣ вещи жены.

Чтобы хоть нѣсколько оправдать совершенно неприличный поступокъ Юліи, я долженъ вернуться назадъ и объяснить нижеслѣдующія обстоятельства.

Мы видѣли уже, какъ въ послѣдній разъ разстался Бахтіаровъ съ Юліею. Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ не ѣздилъ къ Бешметевымъ, но видимо безпокоился о здоровьѣ Лизаветы Васильевны, потому что каждый день стороной навѣдывался о ней. Напрасно Юлія посылала къ нему за книгами, писала къ нему полныя отчаянія записки; Бахтіаровъ книги присылалъ, но самъ не ѣхалъ и приказывалъ сказать, что онъ боленъ и никуда не выѣзжаетъ.—

Digitized by Google

«Я пойду къ нему, для его здоровья я рѣшусь на все!— пусть онъ пойметъ, какъ я его люблю; можетъ быть, онъ, бѣдненькій, умираетъ теперь, и я должна забыть все.» Принявши такое намѣреніе, Юлія, какъ и прежде, начала переживать муки ада. Не сознавая почти ясно того, что дѣлаетъ, призвала она кучера, дала ему, ни съ того ни съ сего, пять рублей на водку, а часовъ въ шесть вечера, велѣвши заложить лошадь и выѣхавши изъ дому, приказала везти себя къ Бахтіарову. Дорогой впрочемъ она придумала: «приду, взгляну на него, скажу ему, что я пожертвовала для него всѣмъ, чтобы только видѣть его, и тотчасъ же уѣду домой.»

Между тѣмъ какъ Юлія принимала и исполняла свое намѣреніе, губернскій левъ, какъ говорится, проводилъ этотъ день глупо. Поутру онъ всталъ, отъ скуки ли или отъ чего другаго, въ дурномъ расположеніи духа, и часу до двѣнадцатаго хандрилъ, а потомъ придумалъ, для разсѣянія, угостить свою особу завтракомъ на крѣпкую руку. Въ слѣдствіе чего призванъ былъ поваръ, который объявилъ, что у него готовится необыкновеннаго свойства бифштексъ, который и былъ тотчасъ же спрошенъ, и къ оному потребованы бутылки двѣ вина. Часу ко второму по полудни все это было употреблено до-чиста, а за тѣмъ, пообѣдавъ, на сколько достало силъ, Бахтіаровъ подъ пасмурную погоду заснулъ и часу въ шестомъ проснулся уже въ совершенно дурномъ состояніи духа и съ неимовѣрною жаждой, которую онъ и рѣшился утолить холоднымъ шампанскимъ и зельцерскою водой. Въ это самое время лакей доложилъ, что пріѣхала какая-то дама. Бахтіаровъ едва успѣлъ запахнуть надѣтое на немъ широкое пальто, какъ явилась Юлія. Она вошла не много сценически, какъ входятъ трагическія актрисы въ послѣднихъ актахъ драмы.

—Ты, конечно, не ждалъ меня,—сказала она, беря франта за руку, — но я пришла, чтобъ видѣть тебя,—продолжала она, усаживаясь на диванъ и устремляя на льва отчаянно-нѣжный взоръ.

Digitized by Google

Не знаю, что думалъ Бахтіаровъ; но только нѣсколько минутъ онъ глядѣлъ на гостью съ довольно страннымъ выраженіемъ.

— Неужели ты и теперь сомнѣваешься въ моей любви?

— Юлія, я васъ очень радъ видѣть,—проговорилъ наконецъ хозяинъ,—позвольте, впрочемъ, я скажу, чтобы никого не принимали.

И въ слѣдъ за тѣмъ, вышедъ на нѣсколько минутъ, онъ вернулся къ своей гостьѣ и усѣлся рядомъ съ нею.

— Право, вы очень милы,—продолжалъ онъ,—что рѣшились посѣтить меня въ моей хандрѣ. Долой вашу шляпу, и давайте ваши ручки, — онѣ удивительно хороши.

— Я къ тебѣ на минуту; я хотѣла только тебя видѣть, и прощай.

— Вотъ пустое! Куда вамъ торопиться-то? Кто можетъ знать, что вы у меня?

— Я сама знаю, какія я глупости дѣлаю, и никогда себѣ этого не прощу.

— Пустое вы говорите, Юлія, — какія это глупости. Малой! давай намъ скорѣй шампанское и воду; выпейте со мною вина, я сегодня въ удивительномъ расположеніи духа пить вино.

— Но ты, вѣдь, боленъ, другъ мой, — можетъ быть тебѣ это будетъ вредно.

— Мнѣ вино никогда не бываетъ вредно. Мы съ вами будемъ пить вмѣстѣ.

— Я не могу.

— Вотъ пустяки. А если я буду просить у васъ, какъ жертвы?

— Если требуешь, какъ жертвы—изволь; но только сейчасъ же поѣдемъ ко мнѣ.

— Хорошо.

Вино было подано.

Въ это самое время подано было также и письмо Павла къ Юліи, которая, прочитавъ его, побѣднѣла и передала Бахтіарову, который, съ своей стороны, тоже былъ замѣтно сконфуженъ роковымъ посланіемъ.

Digitized by Google

— Отъ кого же онъ узналъ?—проговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія.

— Я не знаю, — отвѣчала Юлія.

Бахтіаровъ вошелъ въ залу. Стоявшій въ лакейской кучеръ объяснилъ ему все.

— Онъ самъ здѣсь былъ у крыльца,—сказалъ Бахтіаровъ, возвратившись къ совершенно растерявшейся Юліи.

— Что мнѣ теперь дѣлать? — спросила она.

— Вамъ надобно ѣхать.

— Я боюсь, Александръ,—возразила Юлія,—поѣдемъ вмѣстѣ со мною; скажемъ, что мы катались, и я къ тебѣ заѣхала на минуту.

— Вотъ прекрасно! Вы хотите, чтобъ при васъ же была дуэль.

— Ахъ, я боюсь, Александръ!

— Что жъ вы боитесь?

— Я не знаю. Я прежде его никогда не боялась.— Если онъ меня убьетъ?

— Вотъ что выдумала! Много что побранитесь, еще сами прикрикните на него, и скажите, въ самомъ дѣлѣ, что катались.

— Я скажу, что тебѣ дала лошадь, а сама гдѣ-нибудь была.

— Ну, и чудесно.

Юлія встала, надѣла шляпку, но остановилась: ей, видно, очень не хотѣлось ѣхать.

— Ахъ, Александръ! до чего ты меня довелъ? Что теперь со мною будетъ?

— Вы сами очень неосторожны, Юлія.

— Вотъ прекрасно! Я же виновата. Ты ужасный человѣкъ; ты рѣшительно не понимаешь меня. Какъ же мнѣ быть осторожной, когда я однимъ только тобою дышу, когда ты моя единственная радость? Я ненавижу моего мужа, я голоса его слышать не могу! Что же мнѣ дѣлать? Научи меня, какъ разлюбить тебя.

— Можно любить и быть болѣе скрытною.

Digitized by Google

— Нѣтъ, Александръ,—я не могу скрываться, я сегодня же скажу ему, что я люблю тебя, и пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ—пусть убьетъ меня, пусть прогонитъ,—я рѣшительно не могу безъ тебя жить. Другъ мой, милый мой! возьми меня къ себѣ, спаси меня отъ этого злодѣя; увези меня куда-нибудь,—я буду служить тебѣ, буду рабою твоею.

— Все это иллюзіи,—вы, Юлія, еще слишкомъ молоды.

— Нѣтъ, другъ мой,—это не иллюзіи, а любовь. Послушай, если мужъ меня прогонитъ—развѣ ты не обязанъ меня взять къ себѣ? Развѣ ты уже не отнялъ теперь у меня добраго имени?

— Вамъ пора ѣхать, Юлія.

— Если онъ меня прогонитъ, или будетъ кричать, я сегодня же прійду къ тебѣ,—я не въ состояніи съ нимъ жить.

Бахтіаровъ ни слова не сказалъ на это. Послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительности Юлія уѣхала.

— Чортъ возьми!—проговорилъ самъ съ собою губерскій левъ,—эта сумасшедшая женщина, пожалуй, навяжется мнѣ на руки. Она совершенно какъ какая-нибудь романическая героиня изъ дурацкаго романа. Надобно отъ нея рѣшительно отвязаться.—Я предчувствую, что она сегодня непремѣнно прійдетъ. Уѣхать развѣ куда-нибудь? Такъ завтра пріѣдетъ; надобно какъ-нибудь однимъ разомъ кончить. Напишу я къ ней записку и отдамъ Жаку, чтобы вручилъ ей, когда пожалуетъ. Даже комнаты велю запереть, чтобы въ домъ не пускали, а то, пожалуй, усядется, да станетъ дожидаться.

Рѣшившись такимъ образомъ, Бахтіаровъ тотчасъ же написалъ записку къ Юліи:

«Я не могу принять васъ къ себѣ, потому что это повлечетъ новое зло. Мужъ вашъ узналъ,—слѣдовательно, наши отношенія не могутъ долѣе продолжаться. Увезти васъ отъ него—значитъ погубить васъ навѣкъ,—это было бы глупо и безчестно съ моей стороны. Образумьтесь и

Digitized by Google

помиритесь съ вашимъ мужемъ. Если онъ считаетъ себя обиженнымъ, то я всегда готовъ, какъ благородный человѣкъ, удовлетворить его.»

Бахтіаровъ позвалъ человѣка, одѣлся, отдалъ ему записку и велѣлъ передать ее Юліи, если она пріѣдетъ; про себя велѣлъ сказать, что онъ уѣхалъ на нѣсколько дней, и приказалъ запереть комнаты.

Догадливый Жакъ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Онъ тотчасъ же заперъ двери и, закуривши сигарку, усѣлся на рундукѣ крыльца.

— Матушка, Юлія Владимировна! Ваше высокоблагородіе! заступитесь за меня, сдѣлайте Божескую милость,— примите все на себя: вамъ, вѣдь, ничего не будетъ. Я, молъ, его черезъ силу заставила. Ваше высокоблагородіе! заставьте за себя вѣчно Бога молить!

Все это говорилъ кучеръ, везя Юлію домой, которая и сама была въ такомъ тревожномъ состояніи, что, кажется, ничего не слышала и не понимала, что вокругъ ея происходитъ; но впрочемъ, пріѣхавши домой, она собралась съ духомъ и вошла въ гостиную, гдѣ сидѣлъ Павелъ, довольно смѣло.

— Что это такое значитъ ваше письмо?—проговорила она, снимая шляпку и садясь на диванъ.

Павелъ, видно, не ожидавшій жены, всталъ въ недоумѣніи при ея приходѣ, а при послѣднихъ словахъ рѣшительно остолбенѣлъ.

— Я ѣздила прокатиться и заѣхала къ нему,—велика важность! — У него часто бываютъ дамы.

— Юлія! Вы такъ молоды и такъ.... началъ Павелъ.

— Что такое?

— И ужъ такъ безстыдны!

— Самъ ты, безстыдный человѣкъ, выдумалъ какую исторію! Мало ли чего вамъ наскажутъ ваши люди?

— Я вамъ писалъ и теперь повторяю: я не могу съ вами жить.

Юлія посмотрѣла на мужа.

— Что жъ! вы хотите меня прогнать?

Digitized by Google

— Не прогнать, а предоставить вамъ полную свободу,— вы можете сейчасъ же ѣхать, куда вамъ угодно.

— Вы этого не можете сдѣлать,—я ваша жена, вы должны меня содержать.

— Я васъ обезпечу, дамъ вамъ содержаніе, но жить съ вами не хочу.

— Ахъ, Боже мой! какъ вы меня испугали! Я очень рада,—сдѣлайте милость, только обезпечьте меня.

— Я это зналъ, и потому прошу васъ сейчасъ же ѣхать.

— Что такое?

— Я сейчасъ васъ прошу выѣзжать изъ моего дома.

— Куда жъ я поѣду?

— Куда угодно.

— Что жъ, ты съ ума сошелъ, или пьянъ?

— Я не сошелъ съ ума и не пьянъ, но повторяю вамъ, что вы должны сію же секунду оставить меня,—деньги и всѣ ваши вещи собраны.

— Смотри, что выдумалъ; *я думала, что онъ такъ говоритъ.* Ахъ, ты дрянь!

— Вы можете браниться, сколько вамъ угодно, потому что такой женщинѣ все прилично.

— Какая же я по вашему мнѣнію?

— Развратная и безстыдная.

— Такъ, вотъ же тебѣ за это, — вскрикнула Юлія и плюнула на мужа.

Павелъ поблѣднѣлъ и затрясся.

— Послушай, глупая женщина,—я добръ, но и могу быть бѣшенъ.

Глаза его горѣли, на губахъ показалась пѣна. Юлія отскочила и упала на кресло.

— Онъ меня убьетъ! — Люди! люди! Онъ меня убьетъ!

Прибѣжало нѣсколько человѣкъ, но Павелъ былъ уже въ залѣ и, схватившись себя за волосы, какъ полуумный, прижался къ косяку.

Digitized by Google

— Я не могу съ нимъ жить, онъ меня убьетъ сегодня же ночью! Гдѣ мои вещи? подайте ихъ сюда, я сейчасъ ѣду. Женился насильно, да еще убить хочетъ; я завтра же къ папенькѣ напишу письмо. Еслибъ я даже любила Бахтіарова, что жъ такое? не тебя же любить. Благородный человѣкъ скрылъ бы. Велите заложить лошадей, я сейчасъ ѣду, а завтра напишу папенькѣ письмо, бумагу подамъ и вытребую себѣ слѣдующую часть.

— Вы будете получать и безъ бумаги приличное отъ меня содержаніе,—отвѣчалъ Павелъ изъ залы.

Юлія надѣла шляпку, забрала свои вещи и вмѣстѣ съ горничною куда-то уѣхала. Но чрезъ полчаса она явилась. И въ этотъ разъ она уже едва вошла въ залу. Горничная вела ее подъ руку. Вошедши въ гостиную, Юлія пріостановилась и, вырвавшись изъ рукъ служанки, совершенно безъ чувствъ упала на полъ. Павелъ, услышавши стукъ, вошелъ въ гостиную и увидѣлъ Юлію почти мертвую на полу. Служанка бросилась принести спиртъ и позвать прочихъ, чтобы поднять барыню. Бешметевъ на этотъ разъ рѣшительно не обезпокоился обморокомъ жены, и возвратился къ себѣ въ комнату.

Юлія пришла въ себя, но истерическое состояніе еще продолжалось. Она плакала навзрыдъ, и не смотря на то, что стоны ея доходили до ожесточеннаго супруга, онъ не только не пришелъ къ ней помириться, но напротивъ послалъ къ ней горничную и велѣлъ спросить ее, когда она его оставитъ. Служанка не рѣшалась передать этого барынѣ. Но Павелъ написалъ женѣ записку, въ которой прямо просилъ ее выѣхать изъ его дома. Юлія на это отвѣчала ему словесно, что онъ дуракъ, что она, на зло ему, нарочно не поѣдетъ, и что если онъ хочетъ, такъ пусть самъ убирается вонъ.

Этимъ объясненіемъ кончился роковой для моихъ супруговъ день.

—

Digitized by Google

V.

БАХТІАРОВЪ.

До сихъ поръ я имѣлъ честь представлять губернскаго льва или въ обществѣ, или въ его интересныхъ бесѣдахъ съ дамами, или наконецъ излагалъ тѣ отзывы, которые дѣлали объ немъ эти дамы; слѣдовательно, знакомилъ читателя съ этимъ лицемъ по источникамъ весьма невѣрнымъ, а потому считаю не лишнимъ хотя вкратцѣ прослѣдить прошлую жизнь, въ которой выработалась его представительная личность, столь опасная для мѣстныхъ супруговъ. Отецъ его былъ помѣщикъ двухъ тысячь душъ. До пятидесяти лѣтъ прожилъ онъ холостякомъ, успѣвши въ продолженіе этого времени нажить основательную подагру и тысячь триста денегъ; имѣніе свое держалъ онъ въ порядкѣ и не закладывалъ, развлекаясь обыкновенно псовою охотой и двумя или тремя доморощенными шутами, и наконецъ сбиралъ къ себѣ раза по три въ годъ всю свою огромную родню и задавалъ имъ на славу праздники. Но подъ старость, къ ужасу своей родни, мечтавшей уже о грядущемъ послѣ него наслѣдствѣ, онъ женился на молоденькой Француженкѣ, жившей въ гувернанткахъ у его сосѣда. Первымъ и единственнымъ плодомъ этого брака былъ нашъ губернскій левъ. Не смотря на обидные толки обманутой въ ожиданіяхъ родни, ребенокъ, заимствовавъ отъ матери черные глаза и нѣжную кожу, видимо наслѣдовалъ крѣпкія мышцы и длинный ростъ папеньки. Не минуло еще ребенку семи лѣтъ, какъ старикъ отецъ умеръ. Бахтіарова тотчасъ же переѣхала въ Петербургъ, чтобъ заняться воспитаніемъ сына. Еще десяти лѣтъ, Саша, красивый, какъ амуръ, щегольски танцовалъ всевозможные танцы, говорилъ на трехъ языкахъ, ѣздилъ мастерски верхомъ и дрался на

Digitized by Google

рапирахъ. Дальнѣйшее воспитаніе сына Бахтіарова вздумала докончить въ Парижѣ. Услышавши это намѣреніе, вся родня пришла въ отчаяніе, пророча, что сиротка самъ непремѣнно будетъ года черезъ три Парижскимъ ветошникомъ, потому что матушка, конечно, не замедлитъ промотать все состояніе съ какимъ-нибудь своимъ старымъ любовникомъ. Злопророчество это отчасти начало сбываться, потому что Бахтіарова, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Парижъ, отдала сына одному дальнему ея родственнику, профессору какой-то Парижской школы, съ видимою цѣлью свободнѣе насладиться удовольствіями Парижской жизни. Двадцать тысячь въ одинъ мѣсяцъ утонуло въ модныхъ магазинахъ, и, можетъ быть, къ концу года къ этому числу прибавился бы еще нуль, но судьба берегла сироту. Француженка простудилась на одномъ гуляньѣ и умерла тифомъ. Саша остался въ полномъ распоряженіи своего наставника, который былъ по породѣ и по душѣ истый Нѣмецъ. Систему воспитанія онъ имѣлъ свою и довольно правильную: онъ полагалъ, что всякій человѣкъ до десяти лѣтъ долженъ быть на рукахъ матери и воспитываться матеріально, т. е. спать часовъ по двадцати въ сутки, поѣдать неимовѣрное количество картофеля, и для укрѣпленія тѣла поиграть полчаса въ сутки мячикомъ или въ кегли; на одиннадцатомъ году поступить къ родителю или наставнику, подъ ферулой котораго обязанъ выучить полупудовыя грамматики и лексиконы древняго міра и десятка три всякаго рода учебниковъ; послѣ этого лѣтъ въ восемнадцать, съ появленіемъ страстей, поступить въ какой нибудь Германскій университетъ, для того чтобы пріобрѣсть факультетское воспитаніе и насладиться жизнію. Такого рода системѣ воспитанія хотѣлъ подвергнуть почтенный профессоръ и сироту Бахтіарова; но, къ несчастію, увидѣлъ, что это почти невозможно, потому что ребенокъ былъ уже четырнадцати лѣтъ и не зналъ еще ни одного древняго языка и, кромѣ того, оказывалъ рѣшительную неспособность выучивать длинные уроки, а лѣтъ въ пятнадцать, ровно тремя годами ранѣе противъ системы

Digitized by Google

Нѣмца, началъ обнаруживать явное присутствіе страстей, потому что, не смотря на всѣ предпринимаемыя Нѣмцемъ мѣры, каждый почти вечеръ присутствовалъ за театральными кулисами, бѣгалъ по бульварамъ, знакомился со всѣми сосѣдними гризетками, и наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, пойманъ былъ наставникомъ въ довольно двусмысленной сценѣ съ молоденькою экономкой, взятою почтеннымъ профессоромъ въ домъ для собственнаго комфорта. Убѣдившись рѣшительно послѣднимъ обстоятельствомъ въ присутствіи страстей въ молодомъ воспитанникѣ, Нѣмецъ рѣшился отправить его въ одинъ изъ Германскихъ университетовъ. Юноша, съ своей стороны, очень этому обрадовался, потому что Нѣмецъ, а главное дѣло его кухня, не смотря на привлекательную экономку, страшно ему надоѣли, и такимъ образомъ, мѣсяца черезъ два, онъ уже былъ въ Германіи.

Наставникъ снабдилъ Бахтіарова цѣлою дюжиной рекомендательныхъ писемъ къ знаменитымъ ученостямъ. Но онъ не явился ни къ одной изъ нихъ, и даже, можетъ быть, не постучалъ бы и въ университетъ, если бы еще существовавшая въ то время бурша не подѣйствовала сильно на его воображеніе. Онъ тотчасъ же перемѣнилъ модный Парижскій фракъ на полу-Испанскій колетъ, запасся лосинною курткой и рапирами, началъ выпивать невѣроятное количество пива, курить крѣпкій кнастеръ и волочиться за Нѣмками. Прошло два года. Бахтіаровъ по слуху узналъ философскія системы, понялъ духъ Римской исторіи, выучилъ нѣсколько монологовъ Фауста; но наконецъ ему страшно надоѣли и туманная Германія, и бурша, и кнастеръ, и Мюнхенъ, онъ рѣшился ѣхать въ Россію и тотчасъ же поступить въ кавалерійскій полкъ, — и не болѣе какъ черезъ годъ изъ него вышелъ красивый, ловкій и довольно исполнительный офицеръ.

Богатство, красота, прекрасныя манеры, безъидейное, но, въ то же время, многостороннее воспитаніе сблизили Бах-

Digitized by Google

тіарова на дружескую ногу съ нѣкоторыми изъ его аристократическихъ товарищей. Но честолюбивому корнету хотѣлось болѣе,—ему хотѣлось попасть въ тотъ завѣтный кругъ, въ которомъ жили его друзья, посмотрѣть поближе на тѣхъ милыхъ женщинъ, о которыхъ они безпрестанно говорили и въ которыхъ были влюблены. Его представили, но замѣченъ онъ не былъ. Бахтіаровъ впрочемъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не отступятся отъ своего намѣренія при первой неудачѣ. Онъ поклялся заставить себя замѣтить, и съ этой цѣлію вздумалъ удивить Петербургъ богатствомъ: купилъ превосходные экипажи, перемѣнилъ ихъ черезъ мѣсяцъ, нанялъ огромную и богатую квартиру и началъ давать своимъ породистымъ пріятелямъ Лукулловскіе обѣды, обливая ихъ съ ногъ до головы шампанскимъ и старымъ венгерскимъ.

Слухъ о неимовѣрныхъ издержкахъ его достигъ до будуаровъ, его стали замѣчать, остроуміе его начало смѣшить; и такимъ образомъ прошли три года. Но между тѣмъ какъ честолюбивый корнетъ предавался обаяніямъ общества, въ которомъ все такъ льстило его самолюбію, такъ пріятно развлекало, такъ умно и такъ ловко умѣло заинтересовать и умъ его и сердце, родительское состояніе приходило къ обычному концу, т. е. къ продажѣ за долги съ аукціоннаго торга. Бахтіаровъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы дойдти до-нельзя. Разсчитавши въ одно прекрасное утро, что онъ уже никакъ не можетъ жить долѣе такимъ образомъ, рѣшился съ разу перемѣнить образъ жизни, и, убѣдя почти вполнѣ своихъ пріятелей, что онъ въ сплину и что ему все надоѣло, скрылся изъ общества и принялся для поправленія ресурсовъ составлять себѣ выгодную партію.

Звѣзда его еще не угасла. Онъ успѣлъ сыскать себѣ, сообразно съ своими планами, невѣсту. Это была богатая купеческая вдова, нѣкогда воспитанная, по волѣ родителей, въ какомъ-то пансіонѣ, и потомъ, по волѣ того же родителя,

Digitized by Google

выданная за купца съ бородою, который впрочемъ скоро умеръ отъ удара, предоставивъ супругѣ три фабрики и до милліона денегъ. Пять лѣтъ купчиха вдовствовала, питая постоянно искреннее желаніе выйдти замужъ за молодаго, краснваго и здороваго офицера. Всѣми этими качествами въ избыткѣ владѣлъ Бахтіаровъ, и потому не удивительно, что онъ очень скоро успѣлъ въ своихъ исканіяхъ и получилъ, по совершеніи брака, сверхъ титла супруга, тысячь пятьдесятъ на собственные его расходы. Какъ ни выгоденъ былъ этотъ бракъ, но все-таки честолюбіе корнета, принадлежавшаго нѣкогда къ иному кругу, должно было сильно пострадать; потому на другой же день брака, къ ужасу богатой вдовы, онъ подалъ въ отставку, съ намѣреніемъ тотчасъ же переѣхать въ Москву. Какъ молодая супруга ни убѣждала не снимать мундира, который къ нему такъ шелъ, онъ его снялъ, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они переселились въ Москву. Цѣлый годъ для обоихъ прошелъ сносно. Бахтіаровъ развлекался въ клубахъ, обѣдалъ въ гостинницахъ, а остальное время выѣзжалъ рысаковъ и присутствовалъ на бѣгахъ. М-те Бахтіарова между тѣмъ наряжалась до-нельзя и ѣздила на всевозможныя гуляпья.

Бахтіаровъ, выпросивъ у жены всѣми правдами и неправдами довольно значительную сумму, разошелся съ ней и рѣшился переѣхать въ провинцію. Съ этою цѣлію онъ купилъ въ той губерніи, гдѣ мы въ первый разъ съ нимъ познакомились, имѣніе, и переѣхалъ туда съ намѣреніемъ осуществлять на практикѣ свои агрономическія свѣдѣнія. Но вышла неудача. Какъ поля ни отдыхали въ шестипольной системѣ, какъ ни сѣялся клеверъ, какъ ни укатывался овесъ; ни хлѣба, ни овса, ни сѣна не только что не прибывало, по напротивъ того, года черезъ два, агрономъ долженъ былъ еще съ Февраля мѣсяца начать покупку хлѣба и корма. Проклиная жестокій климатъ и дурную почву, Бахтіаровъ переселился въ губернскій городъ и съ перваго же появленія въ свѣтѣ сдѣлался постояннымъ и исключительнымъ предметомъ раз-

Digitized by Google

говоровъ губернскихъ дамъ, что, конечно было результатомъ его достоинствъ: привлекательную наружность его читатель уже знаетъ, про Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки и говорить нечего, — онъ зналъ ихъ въ совершенствѣ. Разговоръ его былъ, когда онъ хотѣлъ, необыкновенно занимателенъ и остроуменъ, по крайней мѣрѣ въ это вѣрили, какъ въ аксіому, всѣ дамы. И, въ самомъ дѣлѣ, Парижъ, напримѣръ, онъ зналъ какъ свою деревню, половину Германіи пѣшкомъ выходилъ, и цѣлые два года жилъ въ лучшемъ Петербургскомъ обществѣ. Но я, какъ безпристрастный историкъ, долженъ здѣсь замѣтить, что съ дамами онъ вообще обращался не съ большимъ уваженіемъ, и одна только Лизавета Васильевна составляла для него какъ бы исключеніе, потому ли, что онъ не могъ, не смотря на его старанія, успѣть въ ней, или отъ того, что онъ дѣйствительно понималъ въ ней истинныя достоинства женщины, или наконецъ потому, что она и станомъ, и манерами, и даже лицемъ очень много походила на тѣхъ милыхъ женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ когда-то въ большомъ свѣтѣ,—этого не могъ рѣшить себѣ даже самъ Бахтіаровъ.

Digitized by Google

VI.

ДЕРЕВНЯ.

На другой день послѣ описанной мною между Павломъ и Юліею сцены, оба они были больны. Бешметевъ, видя, что жена не хочетъ его оставить, рѣшился самъ отъ нея уѣхать, съ благороднымъ впрочемъ намѣреніемъ — предоставить ей половину своего состоянія. Принявши такое намѣреніе, онъ еще раннимъ утромъ выпросился въ отпускъ, съ тѣмъ, чтобъ на другой же день уѣхать, и велѣлъ Марѳѣ сказать объ этомъ женѣ. Лично они не видались. Юлія испугалась не на шутку. Разойдтись съ мужемъ! но что объ этомъ скажутъ въ свѣтѣ, а главное — какъ приметъ это Владиміръ Андреевичъ? И наконецъ, за что же онъ такъ съ ней поступаетъ? что такое она сдѣлала? Однако надобно было что-нибудь предпринять; Павелъ рѣшительно сбирался въ деревню. — Не просить же у него прощенія. И кто теперь безъ папеньки внушитъ дураку? На этой самой мысли застала ее старинная наша знакомая Ѳеоктиста Саввишна, которая только ей одной извѣстными средствами уже знала все недавно описанное происшествіе до малѣйшихъ подробностей, и въ настоящее время пришла навѣстить людей въ горѣ.

— Сейчасъ только услышала отъ вашей дѣвушки, что вы не такъ здоровы, — говорила она, поздоровавшись съ хозяйкой, — давно сбиралась зайдти, да все некогда. — У Маровыхъ сватьба затѣвается, — ну, вѣдь, вы знаете, этотъ домъ, послѣ вашего папеньки, теперь, по моимъ чувствамъ, въ глаза и за глаза можно сказать, для меня первый домъ. — Что съ вами-то, — время-то сырое — простудились, вѣрно?

— Я очень несчастлива, Ѳеоктиста Саввишна, — отвѣчала Юлія, закрывши глаза.

— Что это, Юлія Владимировна, — что такое съ вами?

— Мужъ не хочетъ жить со мною.

— Павелъ Васильевичъ? Да что это ему сдѣлалось?

Digitized by Google

— Ревнуетъ меня,—нельзя мнѣ шагу сдѣлать: вчера поѣхала я кататься; вдругъ ему пришло въ голову, что я заѣзжала....

— Куда же это, онъ думаетъ, заѣжала?

— Ну, къ этому мерзавцу Бахтіарову.

— Скажите пожалуйста,—говорила Ѳеоктиста Саввишна, качая головою,—какая ревность! Но впрочемъ, я вамъ скажу, не огорчайтесь очень, Юлія Владимировна,—мужчины всѣ таковы: имъ бы все самимъ дѣлать, а намъ бы ничего.

—Но онъ не хочетъ жить со мною,—перервала Юлія,—ѣдетъ въ деревню. Поговорите ему, что вѣдь онъ съ ума сошелъ, что благородные люди такъ не дѣлаютъ, что это подло, что онъ меня можетъ ненавидѣть, но все-таки пусть живетъ со мною, по крайней мѣрѣ для людей,—я ему не помѣшаю ни въ чемъ.

— Ой, Юлія Владимировна! Какъ васъ можно ненавидѣть?—Такъ, въ горячности—больше ничего. Извольте, я поговорю, только сначала сторонкой кой-что поразузнаю, и сегодня же дамъ отвѣтъ. — Вамъ бы давно ко мнѣ прислать,—какъ вамъ не грѣхъ?—случилось этакое дѣло, а меня не требуете; вы знаете, какъ я предана вашему семейству,—еще на дняхъ получила отъ Владимира Андреевича письмо, поручаютъ старую коляску ихъ кому-нибудь продать.—До пріятнаго свиданія.

Выпедши отъ Бешметевыхъ, Ѳеоктиста Саввишна начала обдумывать свои дѣйстія во вновь предпринятомъ ею на себя подвигѣ. Она очень сожалѣла, что на этакой случай въ городѣ нѣтъ Перепетуи Петровны, которая, разсердившись на племянника, все лѣто жила въ деревнѣ и даже на зиму не хотѣла пріѣзжать въ городъ, чтобы только не видѣть семейнаго сраму, и которая, конечно бы, въ этомъ дѣлѣ приняла самое живое участіе и помогла бы ей уговорить Павла. Но дѣлать нечего. Сваха отправилась къ Лизаветѣ Васильевнѣ: лично самой говорить Павлу она считала и неудобнымъ и безполезнымъ.

Масуровой только что передъ приходомъ Ѳеоктисты Саввишны разсказала горничная, что случилось у Бешметевыхъ. Она встревожилась и хотѣла послать за братомъ.

Digitized by Google

— Матушка, что это у вашихъ-то надѣлалось?—начала прямо Ѳеоктиста Саввишна.—Я сейчасъ отъ нихъ, Юлія Владимировна въ слезахъ, Павелъ Васильевичь огорченъ,—и не видала его. Говорятъ, онъ совсѣмъ хочетъ уѣхать въ деревню, а супругу оставить здѣсь. Сами посудите,—вѣдь это разводъ, на что это похоже? мало ли что бываетъ между мужемъ и женою,—вы сами по себѣ знаете. А вѣдь, вышло-то все изъ пустяковъ. Вчерась поѣхала кататься съ этимъ вертопрахомъ Бахтіаровымъ.

Лизаветѣ Васильевнѣ было очень непріятно, что происшествіе это знала даже и Ѳеоктиста Саввишна, но дѣлать было ужъ нечего.

— Я ничего хорошенько не слыхала,—отвѣчала она,—это, вѣрно, какіе-нибудь пустяки.

— Какіе, матушка? Я сейчасъ отъ нихъ, — возразила Ѳеоктиста Саввишна.—Юлія Владимировна со слезами просила меня пересказать вамъ. Вы знаете, говоритъ, какъ я люблю и уважаю сестрицу; я бы сама, говоритъ, сейчасъ къ ней поѣхала, да не могу,—очень разстроена. Попросите, чтобы она поговорила брату не дѣлать этого. Ну, ужъ коли ему такъ хочется ѣхать въ деревню, можно ѣхать вмѣстѣ.

— Если братъ думаетъ ѣхать въ деревню, то конечно поѣдетъ съ женой, — отвѣчала Лизавета Васильевна.

— Въ томъ-то и дѣло, что хотятъ ѣхать одни,—это-то и безпокоитъ Юлію Владимировну. Пошлите-ка за нимъ, родная, да поговорите съ нимъ.—Я бы ему сама сказала—да мое дѣло стороннее, какъ-то не ловко. Я, вотъ, хоть тутъ за ширмами посижу, а вы ему поговорите.

— Когда же онъ хочетъ ѣхать?

— Да сегодня въ ночь, или завтра утромъ.

Лизаветѣ Васильевнѣ самой хотѣлось видѣться съ братомъ, но только безъ Ѳеоктисты Саввишны. Съ другой же стороны, она знала, что госпожу Пономареву отклонить отъ какого бы то ни было дѣла, въ которомъ она уже приняла участіе, не было никакой возможности, а потому ограничилась только тѣмъ, что отослала сваху въ мезонинъ къ дѣтямъ, и тотчасъ же послала за братомъ. Прошелъ часъ, другой, третій—Павелъ не являлся. У дѣятельной Ѳеоктисты

Digitized by Google

Саввишны не достало терпѣнія дожидаться, и потому она, отправившись, куда ей было нужно, обѣщала вечеркомъ непремѣнно забѣжать.

Часу въ третьемъ пришелъ Павелъ.

Нѣсколько минутъ братъ и сестра молчали.

— Ты, братецъ, поссорился съ женой?—спросила наконецъ Лизавета Васильевна.

Павелъ молчалъ.

— Ты не огорчайся, другъ мой,—мало ли что бываетъ въ семействѣ? Я съ моимъ благовѣрнымъ раза три въ иной день побранюсь. Правда ли, что ты хочешь одинъ ѣхать въ деревню?

— Да, я сегодня въ ночь ѣду.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Не дѣлай, братецъ, этого,—это грѣхъ. Ты мужчина долженъ быть великодушенъ.

— Я могу великодушно простить слабость, но никогда — порокъ.

— Но отъ чего же прощаетъ мнѣ мой мужъ?

— Какое сравненіе!

— Одно и тоже. Я также любила другаго человѣка.

— Не говори мнѣ этого, Лиза. Ты ангелъ.

— Хорошо, я не буду говорить, только дай мнѣ слово ѣхать съ ней вмѣстѣ въ деревню Какъ хочешь понимай ее самъ, но общественно ее безславить ты не имѣешь права, потому что самъ женился на ней противъ ея воли.

Послѣднія слова, кажется, очень поколебали рѣшительность Павла.

— Мнѣ трудно съ ней жить, Лиза. Я теперь ее очень хорошо понялъ, и больше не могу ее любить.

— Не говори, братъ,—все время. Ты прежде ее любилъ, теперь не любишь, а послѣ опять будешь. Также и она прежде тебя не любила, а теперь полюбитъ. Повѣрь, мой другъ, въ бракѣ связуетъ насъ Богъ, и этими узами мы не можемъ располагать по собственному произволу.

— Лиза! вели мнѣ дать вина, мнѣ очень грустно,—прервалъ вдругъ Павелъ.

Digitized by Google

Лизавета Васильевна посмотрѣла съ удивленіемъ на брата и велѣла впрочемъ подать вина. — Бешметевъ залпомъ выпилъ цѣлый стаканъ.

— Цѣлый годъ я приносилъ этой женщинѣ жертвы,— началъ онъ,—цѣлый годъ она ничего не видѣла и не понимала; даже теперь, я увѣренъ, она не раскаявается, а вотъ еще ты хочешь, чтобы я принесъ ей новую жертву.

— Не для нея, братъ, но для меня, — я тебѣ совѣтовала жениться, и на моей совѣсти ваше счастіе.

—Я дѣйствительно не правъ,—продолжалъ Павелъ,— что женился наобумъ, не понимая ничего; но теперь я ее знаю. Вотъ что она такое, — выслушай меня, Лиза! она не образована, дурнаго характера, не любитъ, даже терпѣть не можетъ меня, и, тяжело сказать, развратна. Долженъ ли я жить съ ней?

— Долженъ. Мало этого,—ты долженъ ее исправить: на твое попеченіе она отдана Богомъ. Еще разъ прошу тебя, прости ее и не оставляй.

— Изволь, Лиза,—но только здѣсь я не могу остаться: мнѣ стыдно стѣнъ.

— И не оставайтесь, сегодня же поѣзжайте въ деревню.

— Но я не могу съ ней говорить.

— И не говори. Я ей напишу, или велю сказать. Когда ты думаешь выѣхать?

— Завтрашній день.

Братъ и сестра разстались.

Не болѣе, какъ черезъ полчаса послѣ ухода Павла, явилась къ Лизаветѣ Васильевнѣ Ѳеоктиста Саввишна и, къ удивленію своему, услышала, что у Бешметевыхъ ничего особеннаго не было, что, можетъ быть, они побранились, но что завтра утромъ оба вмѣстѣ ѣдутъ въ деревню. Сваха была впрочемъ опытная женщина, обмануть ее было очень трудно. Она разомъ смекнула, что дѣло обдѣлалось, какъ она желала, но только отъ нея скрываютъ, чѣмъ она очень оскорбилась, и потому, посидѣвши не долго, отправилась къ Бешметевой.

— Ну, вотъ, матушка, дѣло-то все и обдѣлалось, — извольте-ка сбираться въ деревню,—объявила она, пришедши

Digitized by Google

къ Бешметевой. Ну, ужъ Юліи Владимировна, выдержала же я за васъ стойку. Я, вѣдь, пошла отсюда къ Лизаветѣ Васильевнѣ. Сначала, было, куды, — такъ на стѣну и лѣзутъ; да что, говорю я, позвольте-ка васъ спросить, Владимиръ-то Андреевичь еще не умеръ, пріѣдетъ и изъ Петербурга, да вы, я говорю, съ нимъ и не раздѣлаетесь за этакое, что называется, безчестіе; ну, и струсили. Хорошо, говорятъ, только чтобы ѣхать въ деревню.

— Я, пожалуй, въ деревню поѣду,—отвѣчала Юлія, которая сама чувствовала, что въ городѣ ей оставаться не такъ-то ловко, тѣмъ болѣе, что можетъ встрѣтиться съ ужаснымъ Бахтіаровымъ.—Видѣли ли вы мужа?—спросила она.

— Какъ же,—грустный такой: онъ, вѣдь, васъ очень любитъ. Что, онъ теперь дома?

— Кажется, дома.

— А вотъ, я съ нимъ поговорю. И съ этими словами Ѳеоктиста Саввишна отправилась въ комнату Павла.

— А вы въ деревню изволите собираться, Павелъ Васильевичь, — на долго ли, отецъ мой?

— Не знаю.

— Да супруга-то съ вами ли ѣдетъ? — прибавила она вполголоса, — онѣ что-то ничего не говорятъ.

— Мы оба ѣдемъ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Такъ-съ, въ коляскѣ?

— Въ коляскѣ.

Переговоривши такимъ образомъ, сваха пришла къ Юліи и посовѣтовала ей велѣть горничной тотчасъ же укладываться. Такимъ образомъ на другой день поутру супруги вышли, каждый изъ своей комнаты, не говоря другъ съ другомъ ни слова, сѣли въ экипажъ и отправились въ путь.

Небольшая усадьба Бешметева не отличалась ни живописнымъ мѣстоположеніемъ, ни широкимъ довольствомъ капитальныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Она была въ страшной глуши, окружалась со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и болотами. Небольшой барскій домъ, или скорѣе флигель, нѣсколько людскихъ строеній, амбаръ, погребъ, сарай, да покосившаяся

Digitized by Google

на бокъ толчея,— вотъ и все тутъ. Въ продолженіе своего путешествія супруги мои, вмѣсто того, чтобы объясниться и яснѣе разузнать роковое для нихъ происшествіе, ни слова почти не сказали объ этомъ и переговорили только о совершенно постороннихъ для нихъ предметахъ, такъ напр. о попавшемся имъ на пути скверномъ мостѣ, объ очень худой коровѣ, о какой-то необыкновенно-живописной въ сторонѣ усадьбѣ, и наконецъ убѣждали вмѣстѣ хозяина постоялаго двора, заломившаго съ нихъ тройную цѣну за ночлегъ.

Пріѣхавши въ усадьбу, они начали съ того, что взяли себѣ совершенно отдѣльныя комнаты, на противоположныхъ концахъ дома, и каждый изъ нихъ помѣстился въ своемъ отдѣленіи по своему. Юлія повѣсила на маленькія окна драпировку, разставила на комодѣ свои модныя вещицы, и, впявши канву, рѣшилась вышивать какого-то длинноногаго рыцаря. Что касается до Павла, то онъ разложилъ свои книги, въ намѣреніи заниматься. Между собой они видались только за столомъ, и то не всегда, и почти ничего не говорили другъ съ другомъ. Вотъ какова была внѣшняя жизнь Бешметевыхъ, и конечно, она была результатомъ внутренняго и нравственнаго ихъ убѣжденія. Юлія своею порочною измѣною,—въ порокѣ жены Павелъ нимало уже не сомнѣвался,—эта, нѣкогда обожаемая, Юлія въ одинъ махъ упала съ пьедестала, на которомъ герой мой прежде держалъ ее въ своемъ воображеніи. Будь на мѣстѣ Павла другой мужъ, болѣе опытный въ житейскомъ дѣлѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, предварительно разузналъ бы все хорошенько, и убѣдившись, что ничего серьезнаго не было, не произвелъ бы, конечно, никакой тревоги, а заключилъ бы все дѣло приличнымъ наставленіемъ, приболѣе грубомъ характерѣ, двумя-тремя тузами коварному существу. Но не такъ взглянулъ на это Павелъ, пуританинъ по своимъ понятіямъ, образовавшимся въ одностороннемъ воспитаніи, и изъятый самъ отъ юношескихъ дурачествъ своею вялою и флегматическою природою. Въ чувствахъ къ женѣ онъ какъ-то раздвоился: свой призракъ, видимый нѣкогда въ ней, онъ любилъ по прежнему; но-

Digitized by Google

Юлію живую, съ ея привычками, словами и дѣйствіями, онъ презиралъ и ненавидѣлъ, даже жить съ ней остался потому только, что считалъ это своимъ долгомъ и обязанностію. Юлія, съ своей стороны, еще болѣе стала не любить Павла. Въ своихъ отношеніяхъ съ Бахтіаровымъ она не видѣла ничего преступнаго, напротивъ того, она постоянно боролась и осталась вѣрна мужу. Но такъ строго и за что же осудилъ ее этотъ безалаберный человѣкъ? Что такое она сдѣлала? Ничего,—она любила другаго, но не его же, болвана, любить: онъ дуракъ, рѣшила она, и не хотѣла оставить его отъ того только, что боялась общества и папеньки. Къ этимъ горькимъ размышленіямъ моей героини присоединялась еще страшная ненависть къ Бахтіарову, о которомъ она не могла равнодушно вспомнить.

Прошла недѣля, другая, третія и наконецъ мѣсяцъ. Обоимъ супругамъ сдѣлалось невыносимо скучно. Юлія рѣшительно не знала, что дѣлать: наскучавшись, даже наплакавшись, она, обыкновенно, принималась вышивать рыцаря, у котораго, въ слѣдствіе того, въ какія-нибудь двѣ недѣли обозначились даже ноги, и уже начиналась лежащая у этихъ ногъ собака. Павелъ, думавшій заниматься, ничего не дѣлалъ; но, обыкновенно, лежалъ и думалъ; предметомъ его размышленій были по преимуществу женитьба и Юлія. Онъ, какъ нарочно, вспоминалъ всѣ не слишкомъ чистые поступки Владимира Андреевича, дававшаго только совѣты и не сдѣлавшаго лично для дочери ничего; вспоминалъ все невниманіе и даже жестокосердіе, которое обнаруживала Юлія въ отношеніи къ его больной матери, всю нелюбовь ея и даже неуваженіе, оказываемое ею въ отношеніи его самого, наконецъ ея грозную измѣну и то презрѣніе, которое обнаруживалъ Бахтіаровъ къ безстыдной женщинѣ. О поступкѣ губернскаго льва съ Юліей Павелъ былъ увѣдомленъ отъ людей, съ которыми онъ уже не стыдился говорить о женѣ. Герой мой въ своемъ желчномъ расположеніи, въ бездѣйствіи и скукѣ, не замѣчая самъ того, началъ увеличивать обычную порцію вина, которое онъ прежде пилъ въ весьма маломъ количествѣ. Обѣдъ былъ, какъ я и прежде замѣчалъ,

Digitized by Google

единственное время, въ которое супруги видались. Къ этому-то именно времени Павелъ и дѣлался значительно навеселѣ. Въ подобномъ состояніи непріязненное чувство къ женѣ возрастало въ немъ до ожесточенія, и онъ ее начиналъ, какъ говорится, пикировать.

— Что, Константинъ, — говорилъ напримѣръ онъ, обращаясь къ стоящему лакею, — не хочешь ли, братецъ, жениться?

— Никакъ нѣтъ-съ, Павелъ Васильевичь, отвѣчалъ тотъ.

— Отъ чего же, братецъ? Ничего, — будетъ только на свѣтѣ лишній дуракъ,

— Сохрани Богъ, Павелъ Васильевичь, возражалъ лакей.

— Далъ мнѣ Богъ умъ и другія способности, — разсуждалъ потомъ Павелъ вслухъ, — родители употребили послѣднія крохи на мое образованіе, и что же я сдѣлалъ для себя? Женился и пріѣхалъ въ деревню. Для этого достаточно было ѣсть и спать, чтобы вырости, а потомъ ѣсть и спать, чтобы умереть.

— Кто же васъ заставлялъ жениться? — возражала Юлія.

— Собственная глупость и неблагопріятная судьба.

— Сегодня именины у Портновыхъ, и у нихъ, вѣрно, балъ, — сказалъ однажды Бешметевъ.

Въ этотъ день онъ былъ даже пьянъ.

— Какъ вамъ, Юлія Владимирова, я думаю, хотѣлось бы туда попасть!

Юлія не отвѣчала мужу.

— Вы бы тамъ увидѣлись и помирились съ однимъ человѣкомъ; онъ бы васъ довезъ въ своемъ фаэтонѣ, а можетъ быть, даже вы бы и къ нему заѣхали, и время бы провели препріятно.

Юлія не могла этого вынести и залилась слезами.

— Подлый и низкій человѣкъ! — въ состояніи была только проговорить она, и ушла къ себѣ въ комнату. Цѣлый день она послѣ того плакала. Павелъ не обратилъ сначала вниманія на слезы и уходъ жены; но, выспавшись, ему, видно, сдѣлалось совѣстно своихъ словъ: онъ спрашивалъ у людей, что дѣлаетъ жена. Ему отвѣчали, что ле-

Digitized by Google

житъ въ постелѣ, плачетъ и нѣсколько разъ принимала гофманскія капли.

Дня три послѣ этого супруги не видались. Юлія не могла понять, что сдѣлалось съ мужемъ. Она прежде была увѣрена, что онъ въ нее влюбленъ, и поэтому она можетъ дѣлать все, что ей угодно, и что ей достаточно ласково взглянуть на него, чтобы осчастливить на цѣлую недѣлю; но что жъ выходитъ теперь? онъ осмѣливается ей дѣлать безпрестанныя обиды. Откуда въ немъ эта дерзость? Марѳа разрѣшила ея сомнѣнія.

— Не плачьте, матушка,—сказала она, утѣшая плачущую Юлію, послѣ одной новой выходки Павла,—вѣдь, это онъ сказалъ такъ, не въ своемъ разумѣ, хмѣльненекъ былъ маленько.

— Какъ хмѣльненекъ? Развѣ онъ пьетъ? — спросила Юлія

— Пьетъ, матушка, и порядочно таки этимъ занимается, — отвѣчала служанка.

— Господи! только этого не доставало!—вскрикнула Юлія, всплеснувъ руками.—Онъ дуракъ, злой и пьяница; теперь онъ говоритъ колкости, а тамъ и бить начнетъ.

Она рѣшилась было написать обо всемъ къ отцу, но потомъ раздумала: Владиміръ Андреевичъ, вѣроятно, будетъ спрашивать Павла, а тотъ ужъ, конечно, напишетъ ему все. А этого ей очень не хотѣлось. Не зная рѣшительно, что будетъ съ нею впередъ, она дала себѣ слово не уступать Павлу, и на колкости его, на сколько станетъ силъ, отвѣчать бранью и угрозами. Такимъ образомъ непріязненное расположеніе монхъ супруговъ другъ къ другу росло съ каждымъ днемъ. Сколько оба они страдали, я не въ состояніи описать. Оба худѣли и блѣднѣли съ каждымъ днемъ; для Юліи не проходило дня безъ слезъ, а Павелъ, добрый мой Павелъ, рѣшительно сдѣлался мизантропомъ. Въ обыкновенномъ состояніи онъ страдалъ и тосковалъ, а выпивши, начиналъ проклинать себя, людей, жену и даже Лизавету Васильевну, съ которою совершенно пересталъ переписываться и не отвѣчалъ ни слова на ея письма.

—

Digitized by Google

VII.

СОСѢДКА.

Между тѣмъ переѣздъ Бешметевыхъ въ деревню послужилъ значительнымъ предметомъ для толковъ. Молва о случившемся происшествіи между Бешметевымъ и Бахтіаровымъ дошла до сосѣдей, прежде еще ихъ пріѣзда. Исторія эта въ различныхъ мѣстахъ разсказывалась различно. Одни говорили, что Юлія, влюбившись въ Бахтіарова, ушла къ нему ночью; мужъ, узнавши объ этомъ, пришелъ было за ней, но его выгнали, и онъ былъ столько глупъ, что не въ состояніи былъ ничего предпринять; что на другой день поутру Юлія возвратилась къ мужу, потому что Бахтіаровъ, которому она, видно, наскучила, прогналъ ее, и что теперь между ними все уже кончено. Болѣе же подозрительные умы говорили, что интрига не кончена, что это только одинъ отводъ, что Бахтіаровъ скоро пріѣдетъ къ нимъ въ деревню. Какъ бы то ни было, надъ Павломъ всѣ смѣялись, а Юлію обвиняли въ безнравственности. Дамы, особенно позначительнѣе, говорили вслухъ, что онѣ даже не заплатятъ визита, если новая сосѣдка вздумаетъ пріѣхать къ нимъ. Но Бешметева ни съ кѣмъ не знакомилась. — И прекрасно дѣлаетъ, говорили тѣ же дамы, по крайней мѣрѣ, этимъ она доказываетъ, что она умная женщина, и, понимая себя, не хочетъ собою компрометировать другихъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что, не смотря на подобные обидные возгласы, были нѣкоторыя дамы, которымъ очень желалось познакомиться съ Бешметевыми, особенно съ тѣхъ поръ, какъ всѣ уже убѣдились, что новые сосѣди не думаютъ знакомиться ни съ кѣмъ.

По преимуществу, это желаніе овладѣло одною почтенною помѣщицей и самою ближайшею сосѣдкой Бешметевыхъ, Катериной Михайловной Саничъ. Дама эта была уже старуха, и съ незапамятныхъ годовъ вдовствовала въ своей усадьбѣ, поправляя всю жизнь разстроенное покойнымъ

Digitized by Google

супругомъ состояніе Происхожденія она была темнаго, и, какъ говорилъ слухъ, вышедши весьма двусмысленно въ Петербургѣ замужъ за немолодаго уже Саничь, переѣхала съ нимъ въ деревню, привезя съ собою и того времени столичныя моды и столичный тонъ. Съ самаго пріѣзда обнаружила она мягкосердое къ несчастіямъ ближнихъ сердце и рѣшительную наклонность протестовать противъ мнѣній сосѣдей. Выгонялъ ли кто управляющаго за пьянство и плутовство, спасалась ли жена отъ жестокосердаго мужа, отказывала ли какая-нибудь дама молоденькой гувернанткѣ за то, что ту почтилъ особеннымъ вниманіемъ супругъ,— всѣхъ принимала къ себѣ Саничь и держала при себѣ, покуда судьба несчастныхъ жертвъ не устроивалась. Услышавши о пріѣздѣ Бешметевыхъ и о случившейся съ ними непріятной исторіи, и затѣмъ узнавши, что деревенскія дамы не хотятъ этой новой сосѣдкѣ заплатить даже визита, она начала съ того, что во всеуслышаніе объявила нижеслѣдующее свое рѣшеніе: дама эта поступила дурно, но онѣ не должны ее судить строго, потому что это можетъ случиться со всякой, и потому она Бешметеву пріиметъ, сама къ ней поѣдетъ; а какъ бы это ни показалось другимъ, для нея все равно.

— Вѣрно, думаетъ занять у нихъ денегъ,—замѣтилъ одинъ сосѣдъ, имѣвшій наклонность каждый поступокъ человѣка перетолковывать въ дурную сторону.

Желаніе, хотя и не высказанное, познакомиться съ Бешметевыми, раздѣляли также бѣдныя дворянки, для полученія законнаго права выносить на моихъ героевъ всѣ возможныя сплетни, за которыя онѣ, обыкновенно, получаютъ отъ своихъ покровителей мѣсто за столомъ и поношенныя платья. Эти личности уже нѣсколько разъ порывались войдти въ домъ Бешметевыхъ, но Павелъ велѣлъ отказывать всѣмъ. Даже, можетъ быть, добрѣйшей госпожѣ Саничь не удалось бы исполнить ея христіанскаго дѣла, познакомиться съ Бешметевыми, если бы сама судьба не распорядилась та-

Digitized by Google

кимъ образомъ, что знакомство это началось рѣшительно безъ всякаго вѣдома съ той и другой стороны.

Юлія Владимировна пріѣхала къ обѣднѣ въ свой приходъ, почтенная Саничь была уже тамъ, и послѣ обѣдни, какъ бы случайно, не замедлила подойдти къ Бешметевой. Разговоръ, какъ водится, начался съ пустяковъ, съ хорошей погоды; затѣмъ Катерина Михайловна была такъ любезна и внимательна, что Юлія разговорилась, ярко описала новой знакомой скуку деревенской жизни, къ которой она еще совершенно не привыкла. Саничь не преминула объяснить, что она очень хорошо знаетъ Владимира Андреевича и до-нельзя его уважаетъ. Однимъ словомъ, дамы познакомились. Катерина Михайловна пригласила сосѣдку, безъ церемоніи по деревенски, для того только, чтобы провести еще нѣсколько пріятныхъ часовъ въ столь миломъ для нея знакомствѣ,— ѣхать къ ней. Юлія, поблагодаря за ея лестное расположеніе, согласилась на предложеніе съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ обѣ дамы поѣхали въ одномъ экипажѣ.

Здѣсь я долженъ объяснить, что милосердая Катерина Михайловна въ это время дала пріютъ въ своемъ обширномъ домѣ одному безмѣстному Французу-гувернеру, котораго завезъ въ эту глушь одинъ сосѣдній помѣщикъ за довольно дорогую плату, но черезъ двѣ же недѣли отказалъ ему, говоря, что m-r Мишо (имя гувернера) умѣетъ только выѣзжать лошадей, но никакъ не учить дѣтей. Почтенный отецъ семейства до того желалъ отдѣлаться отъ наставника, что даже отказался отъ данныхъ ему впередъ 300 цѣлковыхъ и просилъ только m-r Мишо убираться, куда ему угодно. Гувернеръ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи; у него не было ни копейки, и я не знаю, чѣмъ бы все это для него кончилось, если бы милосердая Катерина Михайловна, узнавши о новой жертвѣ, не послала къ нему тотчасъ лошадей съ приглашеніемъ пріѣхать къ ней. Французъ, разумѣется, не замедлилъ согласиться, и, предоставя о будущемъ заботиться своей судьбѣ, пріѣхалъ и поселился весьма

Digitized by Google

комфортабельно въ нижнемъ этажѣ дома своей покровительницы, прося ее безпрестанно занять гдѣ-нибудь, хотя напрокатъ, сынка или дочку, которыхъ бы онъ, по его словамъ, удивительно воспиталъ. Поживя такимъ образомъ, онъ, обыкновенно, разсказывалъ различные комеражи, происходившіе въ домѣ почтеннаго, но выгнавшаго его помѣщика. Старуха помирала со смѣху, слушая разсказы своего милаго Француза, который былъ дѣйствительно милъ. Имѣлъ ли онъ собственно достоинства воспитателя, я не знаю; по крайней мѣрѣ, если ихъ и имѣлъ, то тщательно скрывалъ таковыя. Но за то онъ владѣлъ другими достоинствами, а именно: имѣлъ чисто Французскую выразительную физіономію, былъ прекрасно одѣтъ, щегольски ѣздилъ верхомъ и мастерски стрѣлялъ, игралъ довольно не дурно на фортепіано, а главное — надѣленъ былъ способностію болтать по цѣлымъ днямъ на всѣ возможные тоны и насвистывать цѣлыя оперы, при чемъ обыкновенно представлялъ оркестръ, всѣхъ пѣвцовъ и даже самый хоръ. По-Русски m-r Мишо говорилъ чисто, что̀ и заставляло думать, что врядъ ли онъ и не родился въ Россіи; но впрочемъ самъ онъ увѣрялъ, что произошелъ на свѣтъ на берегахъ Сены и даже въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи, откуда для развлеченій пріѣхалъ въ Россію и принялся образовывать юношество. Вотъ какого человѣка встрѣтила Юлія въ домѣ своей новой знакомой.

Старуха еще дорогой разсказала Бешметевой о своемъ миломъ жильцѣ, и, пріѣхавъ, тотчасъ же познакомила ихъ. Разговоръ сейчасъ завязался. М-г Мишо не замедлилъ пропѣть комическимъ тономъ нѣсколько арій изъ Лючіи, представилъ оркестръ изъ Фра-Діаволо, потомъ описалъ породу Нормандскихъ лошадей, описалъ также ужасное происшествіе, постигшее одинъ Французскій фрегатъ, попавшійся въ плѣнъ къ дикимъ, и, въ заключеніе, нарисовалъ каррикатуру одного знакомаго сосѣда. Юліи было невыразимо весело; она забыла свои непріятности, забыла мужа, смѣялась и говорила безпрестанно. Милосердая хозяйка тоже покатывалась со смѣху, слушая милашку-Француза, который не ограничился еще

Digitized by Google

этимъ, но, перестроивъ себя на печальный ладъ, продекламировалъ нѣсколько стихотвореній изъ Виктора Гюго, при чемъ, возведя очи къ небу, вспомнилъ о своей невѣстѣ, будто бы два года тому назадъ умершей, и потомъ, разчувствовавшись, усѣлся за фортепіано и проигралъ двѣ аріи изъ Шуберта.

Такимъ образомъ день прошелъ весьма скоро. Юліи не хотѣлось ѣхать; она готова была остаться тутъ еще день, недѣлю, мѣсяцъ. Когда она сѣла въ экипажъ, сердце ея замерло при одной мысли, что она, послѣ такого пріятнаго общества, должна воротиться въ свою лачугу, встрѣтиться съ несноснымъ супругомъ.

Пріѣхавши домой, впрочемъ она не видала Павла и встрѣтилась съ нимъ уже на другой день за обѣдомъ. Бешметевъ даже не спросилъ жены, гдѣ она была цѣлый день.

На третій день Юлія сама уже рѣшилась сказать мужу, что завтрашній день пріѣдетъ къ нимъ отплатить визитъ Саничъ, съ которою она познакомилась въ прошлое воскресенье. Павелъ на это ничего не отвѣчалъ, но только на другой день, еще часу въ десятомъ утра, уѣхалъ въ городъ.

Катерина Михайловна пріѣхала въ четвергъ, и, послѣ обычныхъ привѣтствій, спросила Юлію о мужѣ. Бешметева нѣсколько сконфузилась и нашлась только сказать, что Павелъ, по очень нужнымъ дѣламъ, уѣхалъ въ городъ, но что, пріѣхавши, онъ непремѣнно пріѣдетъ съ нею представиться къ Катеринѣ Михайловнѣ, которую онъ будто бы безмѣрно уважаетъ. Просидѣвши часа два, Саничъ уѣхала, взявши съ Юліи честное слово быть у нея въ слѣдующее воскресенье. Юлія обѣщалась, рѣшившись впрочемъ не везти мужа къ новой знакомой, а если та спроситъ объ немъ, то солгать или на болѣзнь, или на что-нибудь подобное. Поэтому она ничего и не говорила Павлу, который, пріѣхавъ изъ города, велъ себя по прежнему, т. е. цѣлые дни не видался съ женою, а за обѣдомъ говорилъ

Digitized by Google

ей колкости. Юлія дала себѣ слово не обращать вниманія на дурака, и сносила все молча, даже не слушая того, что онъ говоритъ.

Въ слѣдующее посѣщеніе Бешметевой къ Саничъ, Французъ превзошелъ самъ себя, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Юліи онъ такъ былъ любезенъ, что та, какъ бы невольно, проговорила съ нимъ цѣлый вечеръ, и когда она собралась домой, то Мишо объявилъ ей рѣшительное намѣреніе провожать ее верхомъ и защищать, въ случаѣ какой-либо опасности, до послѣдней капли крови. Сказано и сдѣлано: до самыхъ послѣднихъ воротъ Французъ галопировалъ подлѣ коляски Бешметевой, и при прощаніи объявилъ, что на дняхъ же явится съ визитомъ. Бешметева, не подумавши, согласилась на это посѣщеніе, но, пріѣхавши домой, она вспомнила о Павлѣ, объ этомъ отвратительномъ Павлѣ. Что же такое? подумала она,—я ему скажу завтра рѣшительно, и онъ, вѣрно, куда-нибудь уѣдетъ. Не стѣснять же себя для него на каждомъ шагу.

На этой мысли Юлія успокоилась.

Digitized by Google

VIII.

ОТЪѢЗДЪ.

Павелъ, не смотря на то, что даже и не спросилъ Юліи о новомъ ея знакомствѣ съ добрѣйшею Катериною Михайловною и милымъ m-r Мишо, зналъ уже все. Петрушка, подсмотрѣвшій нѣкогда въ щелку, какъ Юлія цѣловала Бахтіарова, подсмотрѣлъ и на этотъ разъ, и, какъ водится, сообщилъ въ людской съ всевозможными подробностями о посѣщеніи Юліею сосѣдки, о самой сосѣдкѣ и наконецъ и о ловкомъ учителѣ. Все это подслушала Марѳа и тѣмъ же вечеромъ сообщила барину. Такимъ образомъ Бешметевъ узналъ, что Юлія цѣлый вечеръ говорила по-Французски съ гувернеромъ, что этотъ гувернеръ игралъ на фортепьянахъ, а Юлія Владимировна слушала, что наконецъ m-r Мишо провожалъ ее верхомъ до самыхъ воротецъ въ озимое поле. Для мнительнаго и уже рѣшительно разубѣжденнаго въ своей супругѣ моего героя было слишкомъ достаточно; это, вѣрно, новая интрига, рѣшилъ онъ и далъ себѣ слово на этотъ разъ не быть такимъ дуракомъ, какъ прежде, и не пускать къ себѣ этого новаго мерзавца въ домъ. Принявши это намѣреніе, онъ почти ни слова не говорилъ съ женою, и даже, во избѣжаніе непріятныхъ съ нею встрѣчъ, придумалъ уйдти съ ранняго утра на цѣлый день охотиться. М-г Мишо, какъ нарочно, пріѣхалъ въ этотъ день съ первымъ визитомъ. Юлія, обрадованная тѣмъ, что гость пріѣхалъ такъ кстати, т. е. безъ мужа, встрѣтила его очень любезно и, конечно, такъ же бы любезно провела съ нимъ цѣлый день, если бы не услышала, часу въ первомъ, что Павелъ воротился. Ожидая каждую секунду, что милый супругъ войдетъ, и можетъ быть, сочинитъ сцену, она совершенно растерялась, и потому, какъ m-r Мишо ни былъ занимателенъ и любезенъ, Юлія, ссылаясь на головную боль, сдѣлалась молчалива и рѣшительно не въ состояніи была поддерживать разговоръ. Гувернеръ догадался и скоро уѣхалъ; на него произвела самое невыгодное впечатлѣніе нелюбезность хозяйки, которая, вмѣстѣ съ ея некомфорта-

Digitized by Google

бельною гостиною, рѣшительно уронила ее въ его глазахъ. Онъ съ перваго свиданія счелъ ее, по ея развязнымъ манерамъ и умѣнію выражаться на Французскомъ языкѣ, дамою comme il faut, имѣющею свой будуаръ съ извѣстными прихотями, хорошій завтракъ и цѣльное вино. Но что же вышло?—Она живетъ только что не въ кухнѣ, ничего не дала ему пить и ѣсть, а главное—была молчалива, какъ сова, при всей его любезности.

Здѣсь я долженъ объяснить, что Павелъ воротился домой совершенно случайно. Собравшись на охоту, онъ сыскалъ себѣ, предварительно, довольно опытнаго руководителя въ особѣ сосѣдняго мужика Ѳаддея, перебившаго на своемъ вѣку безчисленное множество перпатыхъ и около сотни медвѣдей. Ѳаддей за любезное ему дѣло принялся, какъ и надобно ожидать отъ истаго охотника, горячо, т. е. провелъ моего героя верстъ пять по болоту, убилъ двухъ утокъ и одного даже бекаса, и хотѣлъ уже вести барина еще далѣе къ мѣсту, гдѣ, по его словамъ, была уйма рябчиковъ. Бешметевъ, вооруженный ружьемъ, былъ однимъ только жалкимъ зрителемъ успѣховъ своего спутника и усталъ до невѣроятности. Услышавши, что ему предстоитъ отойдти отъ дома еще верстъ пять, рѣшительно отказался и возвратился домой черезъ силу, съ полнымъ убѣжденіемъ, что охота не можетъ служить ему времяпрепровожденіемъ. Войдя въ домъ, онъ еще въ лакейской замѣтилъ модное пальто, и, не спрашивая, догадался, кому оно принадлежитъ. Онъ ограничился только тѣмъ, что посмотрѣлъ на ружье, и, вернувшись къ себѣ въ комнату, бросилъ его на полъ съ такою силою, что стволъ выскочилъ изъ ложа.

Однако надобно было что-нибудь предпринять: послать лакея сказать Французу, чтобъ онъ убирался, откуда пришелъ, или позвать Юліо и требовать отъ нея, чтобъ она сейчасъ же выпроводила гостя, или наконецъ войдти самому и оказать ему явную невѣжливость, напримѣръ, спросивъ его, зачѣмъ онъ пожаловалъ. Между тѣмъ какъ такимъ образомъ Павелъ, выходя изъ себя отъ досады и ревности, придумывалъ средства, какими слѣдуетъ выпроводить m-r

Digitized by Google

Мишо, тотъ уѣхалъ, и потому герой мой рѣшился все вымѣстить на Юліи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не замѣчая самъ того, выпилъ нѣсколько рюмокъ вина. Юлія не менѣе супруга была разсержена.—Господи, говорила она сама съ собою, до чего довелъ меня этотъ уродъ? Я не могу принять постороннаго человѣка въ свой домъ, провесть два часа въ недѣлѣ пріятно.—Онъ меня истерзаетъ, живую положитъ въ могилу.

Съ такого рода чувствованіями супруги сошлись къ обѣду и нѣсколько минутъ не говорили другъ съ другомъ ни слова.

— Если сегодняшній господинъ,—началъ Павелъ, обращаясь къ лакею,—когда-нибудь пріѣдетъ еще, то сказать ему, что его не велѣно пускать.

— Если Мишо пріѣдетъ,—возразила Юлія, на сколько стало у ней силы, рѣшительнымъ голосомъ,—то сказать ему, что я его принимаю.

— А я приказываю сказать,—перебилъ Павелъ,—что его не велѣно пускать,—слышишь ли?—а если не пойдетъ, такъ вытолкать его въ шею! Кто хочетъ съ нимъ видѣться, такъ могутъ найдти мѣсто въ полѣ, на улицѣ, у него въ спальнѣ,—только не въ моемъ домѣ.

Въ продолженіе всей этой рѣчи Павла Юлія дрожала, и при послѣднихъ словахъ, будучи не въ состояніи ничего отвѣчать на несправедливую обиду, упала со стула въ страшной истерикѣ. Павелъ не бросился къ женѣ, какъ онъ это дѣлалъ прежде; онъ даже не позвалъ къ ней на помощь и ушелъ къ себѣ въ комнату. Съ Юліею былъ неподдѣльный и сильный истерическій припадокъ; она рыдала на цѣлый домъ. Нѣсколько минутъ Павелъ сидѣлъ въ какомъ-то ожесточенномъ состояніи, и потомъ, видно, будучи не въ состояніи слышать стоны жены, выбѣжалъ изъ дома и почти бѣгомъ пошелъ въ поле, въ лугъ, въ лѣсъ, самъ не зная куда и съ какою цѣлью. Пробѣжавши версты три, наконецъ утомился, упалъ на траву и, какъ малый ребенокъ, началъ рыдать. Трудно перечислить и опредѣлить тѣ чувствованія, которыя породили эти слезы; это было—ревность, злоба

Digitized by Google

жалость, раскаяніе, однимъ словомъ все то, что можетъ составить для человѣка нравственный адъ. Но отъ чего страдали и терзали другъ друга эти два человѣка? Странно сказать, но оно справедливо. Отъ одного только непониманія одинъ другаго, разницы въ воспитаніи и рѣшительной неопытности въ практической жизни.

Между тѣмъ Юлія проплакалась. Слезы облегчили ее, и за тѣмъ, нѣсколько успокоившись, она рѣшилась тотчасъ же ѣхать къ Катеринѣ Михайловнѣ, разсказать ей все и просить у ней совѣта, что ей дѣлать. Долѣе жить съ Павломъ, она уже видѣла, что для ней нѣтъ никакой возможности.

Въ это самое время милосердая Катерина Михайловна была въ исключительно филантропическомъ расположеніи духа, въ слѣдствіе того, что ей принесли оброка до полуторы тысячи ассигнаціями, и, неизвѣстно откуда, явился кочующій по помѣщикамъ разнощикъ съ краснымъ товаромъ, и потому старуха придумывала, кому изъ горничныхъ, которыхъ было у ней до двухъ десятковъ, и что именно купить на новое платье, глубоко соображая въ то же время, какой бы подарокъ сдѣлать и милому m-r Мишо, для котораго всѣ предлагаемыя въ безграмотномъ реэстрѣ матеріи,—начиная отъ Англійскаго трико до Индійскаго кашемира,—казались ей недостойными. Въ это самое время пріѣхала Юлія. Катерина Михайловна обрадовалась до невѣроятности, выбѣжала встрѣтить гостью еще въ лакейскую, и, замѣтивши, что у Бешметевой заплаканы глаза и что она очень блѣдна, перепугалась и тотчасъ же спросила:

— Что это съ вами, безцѣнная моя,—вы больны, или плакали,—Боже мой! не умеръ ли кто-нибудь изъ близкихъ вамъ?

На этотъ радушный вопросъ Юлія ни слова не отвѣчала, и только, сжавши руку у доброй Катерины Михайловны, просила отвести ее въ отдаленную комнату и позволить поговорить съ ней наединѣ. Просьба эта, конечно, сейчасъ же была исполнена. Въ самой отдаленной и даже темной комнатѣ, предназначенной собственно для храненія

Digitized by Google

гардероба: старухи, Юлія съ слезами разсказала хозяйкѣ все свое горькое житье-бытье съ супругомъ, который, по ея словамъ, былъ ни болѣе ни менѣе, какъ пьяный разбойникъ, который, конечно, на дняхъ убьетъ ее, и что она, только не желая огорчить папеньку, скрывала все это отъ него и отъ всѣхъ; но что теперь уже болѣе не въ состояніи,—и готова бѣжать хоть на край свѣта и даже ѣхать къ папенькѣ, но только не знаетъ, какъ это сдѣлать, потому что у ней нѣтъ ни копейки денегъ: мерзавецъ-мужъ обобралъ у ней все ея состояніе и промоталъ, и теперь у ней только бриллiантовыя серьги, фермуаръ и брошки, которыя готова она кому-нибудь заложить, чтобъ только уѣхать къ отцу. Катерина Михайловна, исполненная, какъ извѣстно моему читателю, глубокой симпатіи ко всѣмъ страданіямъ человѣческимъ, пролила предварительно обильныя слезы; но потомъ пришла въ истинный восторгъ, услышавши, что у Юліи нѣтъ денегъ, и что она свои полторы тысячи можетъ употребить на такое христіанское дѣло, т. е. отдать ихъ m-me Бешметевой для того, чтобъ эта несчастная жертва могла сейчасъ же уѣхать къ папенькѣ и никакъ не оставаться долѣе у злодѣя-мужа. Юлія, разумѣется, на все это согласилась съ удовольствіемъ и благодарностію. Принявши такое намѣреніе, обѣ дамы начали придумывать, какъ бы все это сдѣлать безъ шума и безъ огласки. Катерина Михайловна рѣшительно объявила, чтобы за вещами послала ея человѣка, а между тѣмъ сама хоть недѣльку бы у ней отдохнула и подкрѣпилась къ такому дальнему вояжу. Юлія и на это согласилась. Посланъ былъ человѣкъ съ запискою отъ Бешметевой къ ея горничной, которой было поручено, забравши вещи Юліи, точасъ же пріѣхать къ Катеринѣ Михайловнѣ, а если будетъ спрашивать баринъ, такъ ему сказать, что она ничего не знаетъ, а только ей такъ приказано.

Предпринятое дамами намѣреніе онѣ не открыли никому и даже m-r Мишо сказали только, что Юлія пріѣхала къ Катеринѣ Михайловнѣ на нѣсколько дней. Французъ, съ своей стороны, хотя уже и разочарованный въ m-me

Digitized by Google

Бешметевой, однако очень обрадовался, узнавъ, что она проститъ нѣсколько времени у m-me Саничь.

Чувство удовольствія одушевило еще болѣе и безъ того уже довольно одушевленнаго m-r Мишо,—и поэтому въ этотъ вечеръ онъ превзошелъ всякую мѣру любезности. Не говоря уже объ анекдотахъ, о каламбурахъ, объ оркестрѣ изъ Фенеллы, просвистанномъ имъ съ малѣйшими подробностями, онъ представилъ даже Бразильскую обезьяну, лѣзущую на дерево при видѣ человѣка, для чего и самъ влѣзъ удивительно ловко на дверь, и наконецъ, вечеромъ усадилъ Юлію и Катерину Михайловну за столъ, велѣвъ имъ воображать себя дѣвочками, m-me Саничь безпамятною Катенькою, а Юлію шалуньей Юлинькой, и самого себя, надѣвши предварительно чепецъ, очки и какую-то коцавейку старой экономки, ихъ наставницею подъ именемъ m-me Гримардо, которая и преподаетъ имъ урокъ, и затѣмъ началъ имъ разсказывать нравственные анекдоты изъ дѣтской книжки, укоряя безпрестанно Катеньку за безпамятство, а Юлиньку за рѣзвость. M-r Мишо такъ былъ милъ въ этой шуткѣ, такъ уморительно гримасничалъ, что даже лакеи и горничныя, выглядывавшіе изъ дверей, не могли удержаться отъ смѣха, а сама хозяйка и Юлія смѣялись почти до истерики. Юлія не только не безпокоилась, но даже почти совсѣмъ забыла въ этомъ пріятномъ обществѣ свое непріятное положеніе, тѣмъ болѣе, что возвратившаяся горничная и привезшая ей вещи объявила, что Павелъ даже и не спросилъ, куда и за чѣмъ барыня уѣхала. Слѣдовательно, переселеніе произошло тихо и смирно.

Павла мы оставили бѣжавшимъ изъ дома отъ стоновъ и рыданій жены. Нѣсколько успокоившись, онъ началъ придумывать, какимъ бы образомъ помириться съ Юліей, противъ которой онъ чувствовалъ себя на этотъ разъ совершенно неправымъ. Но какимъ образомъ это сдѣлать?—Заговорить съ ней? Но она, конечно, не будетъ отвѣчать. Прійдти прямо и просить у ней прощенія?—Это смѣшно, да и онъ не въ состояніи до того унизиться. Написать ей записку, въ которой сказать ей, что онъ ее ревнуетъ и проситъ ее, чтобъ

Digitized by Google

она откровенно призналась, если любитъ этого Француза, и въ такомъ случаѣ предложитъ ей, не стѣсняя болѣе ни себя, ни его, разъѣхаться, и что онъ, съ своей стороны, предоставитъ ей полную свободу, и даже часть состоянія. Съ такимъ намѣреніемъ возвратился онъ домой. Первый его вопросъ былъ: что барыня? И каково же было его удивленіе, когда онъ услышалъ, что Юлія, которую онъ ожидалъ увидѣть въ страшной истерикѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ слезахъ, вскорѣ же послѣ его ухода уѣхала, и уѣхала къ Саничъ, т. е. къ Французу, а послѣ того прислала записку къ горничной, чтобъ та привезла ей всѣ вещи! Такъ, стало быть, все это притворство, комедія, и что теперь уже она вполнѣ обличила себя, потому что уѣхала къ Саничъ и требуетъ своихъ вещей, вѣроятно, съ намѣреніемъ бѣжать съ Мишо. Что, если и этотъ обожатель поступитъ такъ же съ этою безнравственною женщиной, какъ и Бахтіаровъ, т. е. прогонитъ ее? Неужели же и на это новое безчестіе онъ долженъ смотрѣть равнодушно? Лучше не останусь живой, думалъ Павелъ, чѣмъ позволю ей переступить порогъ моего дома. Суди меня Богъ и люди, я съ ней не буду болѣе жить! Рѣшившись на это, Бешметевъ призвалъ Марѳу и Константина и строго приказалъ имъ не пускать рѣшительно ни жену, ни ея посланныхъ въ домъ, и не принимать никакихъ писемъ. Тоже было сказано и собравшейся горничной Юліи, которая, впрочемъ, какъ мы видѣли, не передала этого барынѣ. Подобное рѣшеніе, видно, было слишкомъ тяжело моему герою. Съ какимъ-то отчаяніемъ бросился онъ на постель, и, не смыкая глазъ, пролежалъ цѣлый вечеръ и цѣлую ночь.

Посидѣвши нѣсколько минутъ, Юлія просила Катерину Михайловну позволить съ ней поговорить наединѣ, которая, конечно, сейчасъ исполнила ея желаніе. Такимъ образомъ обѣ дамы опять очутились въ отдаленной и темной комнатѣ, гдѣ Юлія начала умолять Саничъ завтрашній же день чѣмъ свѣтъ отпустить ее въ Петербургъ, говоря, что она слышала, будто бы Павелъ хочетъ пріѣхать и силою ее взять. Какъ ни жаль было добрѣйшей Катеринѣ

Digitized by Google

Михайловнѣ разстаться съ Юліей, но дѣлать нечего; она сама очень хорошо понимала, какая можетъ произойдти непріятная исторія, если мужъ пріѣдетъ и вздумаетъ взять Юлію силою. Согласившись отпустить Бешметеву, она тотчасъ же принялась хлопотать объ экипажѣ, собственно предназначенномъ для развоза несчастныхъ жертвъ, и въ которомъ Юлія должна была доѣхать до губернскаго города. Юлія же, съ своей стороны, приказала горничной укладывать всѣ свои вещи. Всѣ эти приготовленія обѣ дамы дѣлали со всевозможною скрытностію. Но m-r Мишо провѣдалъ и началъ разспрашивать, что такое это значитъ, сначала людей, а потомъ приступилъ и къ Катеринѣ Михайловнѣ, которая, для христіанскаго дѣла, рѣшилась даже солгать и объявила любопытному Французу, что Юлія на нѣсколько дней ѣдетъ домой, потому что у ней боленъ мужъ, и что дня черезъ три она возвратится къ ней и уже прогоститъ цѣлый мѣсяцъ.

Вечеръ прошелъ довольно скучно; хозяйка грустила, что она должна разстаться съ милашкой Юліей, которая должна одна, въ такомъ ужасномъ положеніи, проѣхать такое длинное пространство, и наконецъ придумала сама проводить несчастную жертву хоть до губернскаго города. Юлія тоже не могла безъ ужаса себѣ представить, какъ поѣдетъ она одна, а главное, какъ пріймetъ папенька ея поступокъ. Французъ былъ недоволенъ тѣмъ, что дамы что-то такое замышляютъ и скрываютъ отъ него. Часовъ въ десять всѣ разошлись, Юлія съ хозяйкой въ ея спальню, а Французъ въ свой нижній этажъ. Катерина Михайловна, оставшись съ Юліей наединѣ, начала съ того, что подала Юліи полторы тысячи и очень обидѣлась, услышавши, что та хочетъ дать ей въ нихъ росписку; а потомъ, когда Юлія хотѣла у ней поцѣловать руку, она схватила ее въ объятія и со слезами на глазахъ начала ее цѣловать, и вслѣдъ за тѣмъ объявила, что она сама ѣдетъ провожать ее до губернскаго города.

Еще m-r Мишо покоился мирнымъ сномъ и даже видѣлъ очень пріятные сны, какъ двѣ дамы, съ предварительными слезами и прощаніемъ, усѣлись въ экипажъ и отправились въ дальній путь.

—

Digitized by Google

IX.

ОПЯТЬ РОДСТВЕННИЦА.

Въ той же самой гостиной, въ которой мы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, познакомились съ почтенною Перепетуей Петровной и ея знакомою Ѳеоктистой Саввишной, онѣ по прежнему сидѣли на диванѣ, и по прежнему Перепетуя Петровна была въ траурѣ. Обѣ онѣ тождественно пополнѣли, и разговоръ былъ между ними, какъ и прежде, на печальный ладъ.

— Легко сказать, — говорила Перепетуя Петровна,— въ какіе-нибудь три года перенесла я три потери.

— И говорить ничего не могу, и утѣшать не смѣю,— перебила Ѳеоктиста Саввишна; одно только скажу:—берегите себя. Что вы теперь остались? Круглая, можно сказать, сирота, а я по себѣ знаю, что такое одиночество, особенно для женщины, когда не видишь ни въ комъ опоры.

—Матушка моя,—возразила Перепетуя Петровна,—о прочихъ я не говорю,—старики уже были; всѣ мы должны ожидать одного конца. Но Павелъ-то, голубчикъ мой! только бы, что называется, жить, да радовать всѣхъ, только что въ возмужалость началъ приходить....

При послѣднихъ словахъ старуха зарыдала.

— Полноте, Перепетуя Петровна, успокойтесь, умоляю васъ, не кладите вы на себя руки,—вѣдь, это грѣхъ,—говорила Ѳеоктиста Саввишна;—лучше вы мнѣ разскажите, какъ все это случилось: я, вѣдь, ничего хорошенько не знаю.

— Охъ, Господи, Боже мой! — отвѣчала Перепетуя Петровна,— не знаю, будетъ ли силы и пересказать-то все мое горе. Жила, сударыня моя, въ деревнѣ, ничего не знала, не вѣдала, слышу только, что была какая-то исторія, что переѣхали въ усадьбу, и больше ничего. — И вы, вотъ, Ѳеоктиста Саввишна, Богъ съ вами! хоть бы строчку написали.

Digitized by Google

— Не говорите этого, Перепетуя Петровна, не претендуйте на меня,—перебила Ѳеостиста Саввишна, — вы знаете, я думаю, мой характеръ, — гдѣ не мое дѣло, а особенно въ семейныхъ непріятностяхъ, я никогда не вмѣшаюсь; за это, можно сказать, всѣ меня здѣсь и любятъ, потому что болтовни-то отъ меня пустой не слышатъ. Что я вамъ могла написать? Одно только огорченіе доставить; такъ ужъ извините,—какъ вы тамъ хотите, меня понимайте, а мнѣ ваше-то здоровье дорого не меньше своего.

— Знаю, голубушка моя, все ваше расположеніе очень хорошо понимаю и цѣню; да вы, вѣдь, знаете мою родственную любовь, — самой себя, кажется, для ихъ счастія не пожалѣла бы. Да вышло-то все не такъ, какъ не послушались старой тетки-то. Недѣли черезъ двѣ уже узнала, что она изъ деревни-то отъ него уѣхала; что, думаю, мнѣ дѣлать? — однако написала къ нему письмо, и письмо, знаете, этакое строгое, сейчасъ, пишу, пріѣзжай ко мнѣ. Не тутъ-то было: ни самъ не ѣдетъ, ни письма не шлетъ; я другое—и на это ничего; пишу въ деревню къ Лизѣ — та отвѣчаетъ, что тоже ничего не знаетъ и сбирается сама къ нему ѣхать. Я—въ городъ, къ тому, къ сему, — васъ тогда не было;—никто ничего не знаетъ. Вдругъ, говорятъ, Владиміръ Андреевичъ пріѣхалъ, а на другой день и самъ явился.... я такъ и обмерла: ну, сами посудите, каково было встрѣтиться послѣ этакихъ происшествій. Что такое, говоритъ, почтеннѣйшая Перепетуя Петровна, ребятишки-то наши надѣлали? Не знаю, говорю, батюшка, вамъ лучше должно быть извѣстно. Все, говоритъ, пустяки: вамъ бы, Перепетуя Петровна, да по родственному-то вашему расположенію, тому и другому намылить голову, да еще и поучить, какъ надобно жить въ супружествѣ; свою-то я ужъ поучилъ и привезъ ее теперь съ собою, а со своимъ-то вы поуправьтесь, такъ дѣло и поправимъ. Мое, говоритъ при отъѣздѣ было первое и послѣднее слово: слушайтесь и уважайте Перепетую Петровну. — Нѣтъ, говорю, Владиміръ Андреевичъ, я прежде и не это ска-

Digitized by Google

зала, да знаете, какую непріятность получила, такъ благодарю покорно!

— Какой, можно сказать, — перебила Ѳеоктиста Саввишна, — Владиміръ Андреевичъ примѣрный отецъ: изъ Петербурга прискакалъ. Нынче родители-то выдадутъ дочку замужъ, да и не думаютъ,—живи себѣ, какъ хотятъ.

— Кто говоритъ?—подхватила Перепетуя Петровна,— конечно, человѣкъ умный, понимаетъ все.—Ахъ Боже мой! На чемъ я остановилась? памяти совсѣмъ нѣтъ.

— Ну, ужъ извините, и я не помню, — отвѣчала Ѳеоктиста Саввишна, — нынче и я совсѣмъ растеряла соображеніе.

— Да вотъ, какъ Владиміръ Андреевичъ ко мнѣ пріѣхалъ, сидимъ, разговариваемъ. Юлія Владимировна тоже пріѣхала; ну, этакая, знаете, почтительная, на этотъ разъ, нечего сказать очень довольна: цѣлуетъ руки, тетенька, говоритъ, поучавствуйте въ нашей жизни; мы, говоритъ, люди молодые. И придумали мы, сударыня ты моя, за нимъ послать экипажъ — мою бричку, будто бы отъ меня. Только что мы этакъ рѣшили, я еще не успѣла хорошенько заснуть—тоска такая; вдругъ, въ полночь, будятъ: что такое? Говорятъ, Константинъ пріѣхалъ, такъ и обмерла заранѣе; является, и знаете нашу прислугу, никакой, вѣдь, не имѣютъ осторожности,—съ перваго слова, ни съ того ни съ сего: «Павелъ Васильевичъ приказалъ долго жить, третьяго дня изволили скончаться.» Охъ, Господи, Боже мой! Какъ сидѣла на постелѣ, такъ и упала, и только ужъ на другой день въ состояніи были разспросить хорошенько. Холера, говорятъ, въ полторы сутки свернула.

— Что мудренаго? что мудренаго? У меня такъ четыре кухарки умерли. Какъ найму, такъ и умретъ, — на пьяницъ она какъ-то все больше нападала.

— Извѣстное дѣло: что ужъ у пьянаго взять, и распотѣетъ, и холоднаго напьется, и съѣстъ какую-нибудь дрянь.

Digitized by Google

Всего вреднѣе грибы: *я*, признаться сказать, до нихъ большая охотница, а въ холеру таки не ѣла.

— А что, Перепетуя Петровна, вамъ, по расположенію вашему, сказать мнѣ можно: правду ли говорятъ, что Павелъ Васильевичь испивалъ?

— Было, Ѳеоктиста Саввишна,—отвѣчала со вздохомъ Перепетуя Петровна,—и порядочно было, особенно подъ конецъ; въ семейныхъ непріятностяхъ, закатитъ за галстукъ, да и пойдетъ, говорятъ, ее писать—такая и этакая, все отпоетъ: мало ли что ему, можетъ быть, извѣстно было, чего и мы не знаемъ. Отъ этого, говорятъ, она его и оставила.

— Послушайте, Перепетуя Петровна,—перебила Ѳеоктиста Саввишна,—они, должно быть, давно этого ужаснаго порока придерживались. Помните, какъ вы мнѣ говорили, еще задолго до свадьбы, что онъ уединеніе любитъ, я тогда, конечно, говорить не хотѣла, а сама съ собой подумала: пьетъ, думаю, и пьетъ, должно быть, запоемъ. У меня были этакіе знакомые, на видъ ничего, а пьютъ,—и только этакъ благороднаго общества чуждаются, да кой-что еще заводятъ; этого-то я смертельно боялась, думаю, будетъ скоро и *это*,—а убьетъ это Перепетую Петровну.

— Нѣтъ,—возразила Перепетуя Петровна,—этого-то бы я уже никакъ не допустила, сама бы своими руками разплескала рожу, хоть купчиха какая будь.

— Гдѣ, матушка, теперь Лизавета Васильевна?

— Съ мужемъ, въ деревнѣ теперь живетъ; вы, вѣдь, я думаю, слышали, имъ наслѣдство досталось, и какой, можно сказать, благородный человѣкъ Михайло Николаевичь! какъ только получилъ имѣнье, тотчасъ же все на дѣтей перевелъ; конечно, Лиза настояла, но другой бы не послушался. Она-то, голубушка моя, все хилѣетъ, особенно послѣ смерти брата,

— Какъ Павла-то Васильича имѣніе теперь?

— Все женѣ отдалъ, еще при жизни сдѣлалъ ей купчую. Владимиръ Андреевичь пріѣзжаетъ къ мнѣ благо-

Digitized by Google

дарить, а я, признаться сказать, прямо выпечатала ему: какъ вы, говорю, тамъ не понимали покойника, а онъ былъ добрый человѣкъ, дай Богъ Юліи Владимировнѣ нажить мужа лучше его, пусть теперь за Бахтіарова пойдетъ, да и посмотритъ.

— Да гдѣ его взять-то теперь? Въ Одессу уѣхалъ, провалиться бы ему съ головой проклятому! Не любила, сударыня, этого человѣка, — точно разбойникъ какой; сколькимъ онъ, можно сказать, непріятностей сдѣлалъ! Вотъ, хоть бы, между нами сказать, — вы, вѣдь, на меня не разсердитесь, — какъ и Лизавету-то Васильевну онъ срамилъ!

— Не говорите лучше мнѣ про этого мерзавца; пускай тоска нападетъ на злодѣя!

— Вѣдь, этакой былъ, можно сказать, безстыдный человѣкъ, — послѣ этой исторіи, какъ я слышала, началъ опять ѣздить къ Михайлу Николаевичу. Хорошо, что, вѣдь, Лизавета-то Васильевна женщина съ характеромъ — просто не велѣла его пускать въ домъ, да и только; а то, вѣдь, пожалуй, и тутъ что-нибудь бы было.

А. Писемскій.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУСАЛКА.

(Софьѣ Григорьевнѣ Мей.)

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное:
Тучей потемнѣло, брыжжетъ мелкой зернью —
Такъ и отливаетъ серебромъ да чернью.
Вѣтеръ по дубровѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ,
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прыщетъ,
И на голосъ бури, побросавши пряжки,
Вынырнули со̀ дна рѣзвыя русалки....
Любо непрещенымъ въ бурю-непогоду
Кипятить и пѣнить жаркой грудью воду,
Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Любо звонкимъ смѣхомъ съ громомъ окликаться!
Волны имъ щекочутъ плечи наливныя,
Чешутъ бѣлымъ гребнемъ косы разсыпныя;
Ласточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
Руки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;
Огонькомъ подъ пепломъ щеки половѣютъ;
Яркимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ.
Шумная ватага стройныхъ хохотушекъ
Рѣетъ надъ водою роемъ лѣтнихъ мушекъ;
Плещутся русалки, мчатся въ перегонку,

Digitized by Google

Лишь одна отстала, отплыла въ сторонку....
Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ,
Полными руками прутья ивъ разводитъ,
Притаилась въ листвѣ на прибрежьѣ черномъ,
Словно бѣлый лебедь въ тростникѣ озерномъ.
Вотъ ужъ по немногу непогодь стихаетъ;
Вѣтеръ съ листьевъ воду вѣникомъ сметаетъ;
Тучи разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды;
Бисеромъ перловымъ высыпали звѣзды;
Мѣсяцъ двоерогій съ неба голубова
Засвѣтилъ отломкомъ перстня золотова....
Вдругъ, неподалеку, между пней и кочекъ,
Вспыхнулъ, словно свѣчка, синій огонечекъ,
Змѣйкой потянулся подъ травой высокой,
Свѣтлякомъ запрыгалъ надъ густой осокой,
Звѣздочкою взвился къ деревамъ вѣтвистымъ
И закапалъ съ листьевъ дождикомъ огнистымъ.
Искры, словно кудри, на̀ вѣтеръ бросая,
Онъ передъ русалкой пляшетъ, распѣвая:
«Слушай, водяная! быль, не небылица,
«Какъ жила на свѣтѣ красная дѣвица,
«Красная дѣвица — изъ дѣвицъ царица:
«Толь не черноброва, то ль не бѣлолица!
«Да на грѣхъ та дѣвка съ парнемъ полюбилась,
«Съ парнемъ полюбилась, въ прорубь утопилась!»
Вспрыгнула русалка, злится и топочетъ,
Изловить блудящій огонечекъ хочетъ;
По проворнѣй зайца огонекъ несется,
Около русалки по тропинкамъ вьется,
Скачетъ, словно бѣлка, съ вѣтки на другую,
Манитъ за собою, дразнитъ водяную:
«Слушай! полюби-ка ты меня, молодка!
«Я ли ужъ не парень? Для любой — находка!
«У меня въ болотѣ тина да трясина:
«Спи—не просыпайся, что̀ твоя перина!....
«Полно, не поймаешь: я тебя проворнѣй;
«Поплывемъ-ка лучше — въ озерѣ просторнѣй!»

Digitized by Google

Онъ ужъ надъ водою и дрожитъ, и вьется,
А за нимъ русалка бѣшено несется....
И опять по вѣтру искры разсыпая,
Огонечекъ пляшетъ, тихо напѣвая:
«А бывало дѣвка въ Божій храмъ ходила,
«На селѣ подъ праздникъ хороводъ водила,
«Ночь на посидѣлкахъ вплотъ до утра пряла
«Да своей старухѣ пѣсни распѣвала,...
«Чай теперь получше у тебя есть прялка?»....

Но его не слышитъ болѣе русалка:
Воду разогнала взмахомъ торопливымъ
И на дно нырнула съ хохотомъ тоскливымъ.

Л. Мей.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 22. Ноябрь. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ,

СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

ПЕРЕВОДЪ Л. МЕЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

Принцу Петру Георгиевичу

ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ.

Digitized by Google

770749

Digitized by Google

Ваше Императорское Высочество!

Императорскій Александровскій Лицей, въ которомъ я имѣлъ счастіе окончить курсъ наукъ, процвѣтаетъ подъ Высокимъ Начальствомъ и благотворнымъ попеченіемъ Вашего Императорскаго Высочества.

Еще въ Лицеѣ возъимѣлъ я намѣреніе перевести народнымъ языкомъ и размѣромъ древнѣйшій памятникъ нашей словесности, Слово о полку Игоря, и первоначальные мои опыты были представляемы Гг. Директоромъ Лицея и Начальникомъ Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній на публичное испытаніе воспитанниковъ въ 1841 году.

Нынѣ, прислушавшись къ Русской рѣчи и основательнѣе изучивъ подлинникъ, я рѣшился приступить вновь къ переводу завѣтнаго памятника старины, и почитаю себя вполнѣ счастливымъ, что мой посильный трудъ, обративъ на себя вниманіе Вашего Императорскаго Высочества, удостоился чести — быть украшеннымъ Высокимъ Вашимъ Именемъ.

Вашего Императорскаго Высочества

всенижайшій

Левъ Мей.

Digitized by Google

Digitized by Google

СЛОВО

о полку Игоря, сына Святославова, внука Олегова. [1])

Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ
Пѣсню слезную о полку Князя Игоря,
Князя Игоря Святславича! [2])
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавнюю былинушку,
Не по замыслу Боянову.
Коли вѣщему Бояну приключалося
Про кого-нибудь пѣсню складывать,
Растекался мыслію онъ по лѣсу,
Мчался сѣрымъ волкомъ по полю
И сизымъ орломъ подъ облакомъ.
Про былыя про усобицы
Пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памятны:
Втапоры на стадо лебедей
Напускали десять соколовъ:
Чей соколъ на стадо первый палъ,
Тотъ и первый свою пѣсню пѣлъ
Ярославу Князю старому,
Али свѣтъ-Мстиславу храброму,
Какъ Ределю могутной нашъ Князь зарѣзывалъ
Передъ тѣми-ли дружинами Косожскими,
Али красному Роману Святославичу. [3])
Да Боянъ не десять соколовъ
Напускалъ на стадо лебедей,
А персты свои искусные
Распускалъ онъ по живымъ струнамъ,
И во славу удалыхъ Князей
Рокотали струны вѣщія.

—

Digitized by Google

Такъ затянемъ-же, ребята, пѣсню дружную,
Что отъ стараго Владимира
И до нынѣшняго Игоря,
Какъ, исполнясь духа ратнаго,
Опоясавъ умъ свой крѣпостью,
Изощривши сердце мужествомъ,
Онъ навелъ свой полкъ на землю Половецкую,
За свою-ли землю Русскую....

Посмотрѣлъ на солнце Игорь Князь —
Видитъ: меркнетъ солнце свѣтлое
И дружины покрываетъ тмой.
И промолвилъ Игорь воинамъ:
«Други-братья! Помужаемся:
Воленъ Богъ въ небесномъ знаменьѣ,
А намъ лучше быть изрубленнымъ,
Чѣмъ въ позорный во полонъ попасть:
Сядемъ, братцы, на лихихъ коней,
Да посмотримъ-ка на синій Донъ!» [4])
Занялись у Князя думы пыломъ-полымемъ,
Да и жаль ему, что знаменье
Заступило путь-дорогу на великій Донъ. [5]).
»Захотѣлось мнѣ, промолвилъ онъ,
Съ вами, братцы, приломить копье
Концомъ поля Половецкаго:
Аль сложу свою я голову,
Аль напьюсь шеломомъ изъ Дону.»
Охъ ты, гой-еси гремучій соловей Боянъ!
Кабы ты теперь, соловушко,
Намъ защелкалъ про дружины Князя Игоря,
(Ты порхнулъ-бы въ вѣтви мысленнаго дерева,
Ты взвился-бъ умомъ подъ облако,
Свилъ-бы свиткомъ славу нашихъ дней,
Да со славой стародавнею
И порхнулъ-бы-полетѣлъ стезей Траяновой
По полямъ и по угоріямъ.
Вотъ тебѣ-бы пѣсню складывать про Игоря,
Про того-ли внука про Олегова,

Digitized by Google

Да не буря соколàмъ несетъ
Черезъ поле-степь широкую —
Стан галочьи метутся на великій Донъ:
Не тебѣ, Бояну вѣщему,
(Внуку мудрому Велесову)
Намъ пришлося пѣсню складывать.

Кони ржутъ за Сулою;
Звенитъ слава въ Кіевѣ;
Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ,
А въ Путивлѣ знамена стоятъ.
Поджидаетъ Игорь-Князь
Милà-брата Всеволода.
Молвитъ буй-туръ Всеволодъ:
»Нѣтъ мнѣ свѣту свѣтлаго,
Кромѣ брата милова,
Игоря роднаго:
Оба мы Святославичи.
Сѣдлай, братъ, лихихъ коней,
А мои осѣданы,
У Курска сготовлены;
А мои Куряне-то
На стрѣльбу досужливы,
Подъ трубами повиты,
Подъ шеломами взлелѣяны,
Концомъ копьевъ вскормлены,
Дороги имъ вѣдомы,
Овраги имъ знаемы,
Лукѝ ихъ натянуты,
Колчаны отворены,
А сабли отпущены;
Скачутъ они по полю,
Словно волки сѣрые,
Себѣ чести-почести,
Князю — славы ищучи.«

Втапоры вступаетъ Игорь-Князь въ золотъ стремень,
Выѣзжаетъ въ поле чистое....

Digitized by Google

Заступило солнце путь ему потемками;
Застонала ночь, грозою разбудила птицъ;
Воютъ звѣри на распутіи;
Кличетъ *дивъ* съ вершины дерева,
Вѣсти шлетъ землямъ незнаемымъ:
И Поморью, и Посулію,
И Корсуню, и Сурожу съ Волгой-рѣченькой,
И тебѣ, Тмутараканскій истуканъ!
Тутъ-то Половцы путями неготовыми
Побѣжали на великій Донъ;
Заскрипѣли ихъ телѣги со полуночи,
Словно лебеди крикливые снялися съ мѣстъ.
Игорь воиновъ на Донъ ведетъ:
Налетаютъ птицы стаями, почуя кровь;
По оврагамъ волки воемъ ворожатъ грозу,
И орлы звѣрей сзываютъ клёктомъ на кости,
И лисицы на красны щиты разлаялись....
Охъ ты, гой-еси земля Русская,
За холмами ты схоронилася!
Поздно. Меркнетъ ночь; свѣтъ-зорька закатилася;
Потемнѣло поле чистое;
Задремала пѣсня соловьиная;
Пробудилося говоръ галочій.
А какъ Русскіе по полю по великому
Изгороду изъ щитовъ багряныхъ вывели,
Себѣ чести, Князю славы добываючи.

Спозаранокъ было въ пятницу,
Потоптали наши витязи
Половецкую силу поганую,
Поразсыпались стрѣлами по полю,
Красныхъ дѣвокъ схвативъ Половецкихъ,
Съ ними золото, ткани и бархаты,
А намётами, епанчицами
И кожухами, и узорочьемъ
Стали витязи мосты-мостить
Надъ болотами да надъ топями.
Знамя красное и та хоругвь бѣлая

Digitized by Google

Со багряной чолкой и съ древкомъ серебрянымъ
Достаются храброму Святославичу.
Дремлетъ на полѣ гнѣздо Олега храброе:
Залетѣло далеко оно,
Да ни соколу, ни кречету
На обиду не родилося,
Не токма тебѣ, черну ворону,
Половчину нечестивому.
Сѣрымъ волкомъ въ степи Гзакъ бѣжитъ,
А Кончакъ ему слѣдъ правитъ на великій Донъ. 7)

На другой-то день ранымъ-ранёшенько,
Алой кровью зори разливаются;
Идутъ съ моря тучи черныя,
(На четыре солнца надвигаются)
Въ нихъ трепещутъ молньи синія:
Быть-гремѣть грому немалому
И стрѣлами литься дождику,
Отъ того-ли отъ Дону великаго!
Тутъ-то копья поломаются,
Тутъ-то сабли поизубрятся
На Каялъ-рѣкѣ, у Дона у великаго!
Охъ ты, гой-еси земля Русская,
За холмами ты схоронилася!
Вотъ и вѣтры, внучата Стрибоговы, 8)
Навѣваютъ стрѣлы отъ моря
На могучій полкъ Князя Игоря.
Стономъ-стонетъ и гудитъ земля;
Рѣки мутно въ берегахъ текутъ;
Съ поля пороси снимаются; 9)
Знамена шумятъ — и Половцы
Идутъ отъ Дону, отъ моря, ото всѣхъ сторонъ.
Отступили полки Русскіе....
Дѣти вражьи оцѣпили степи криками,
Наши витязи щитами-ли багряными.

Яръ-туръ Всеволодъ! ты впереди стоишь!
Прыщешь стрѣлами на воиновъ,
О шеломы ихъ гремишь мечомъ булатнымъ....
А куда, ребята, Туръ скакалъ,
Гдѣ на Турѣ золотой шеломъ посвѣчивалъ,
Тамъ легли горою головы,
А шеломы вражіи Аварскіе
Поразбиты саблями калеными
Отъ тебя-ли, яръ-туръ Всеволодъ!
Да и что ему, ребята, головы жалѣть,
Коль забылъ онъ жизнь и почести,
И Черниговъ, и отцовскій золотой престолъ,
И своей хозяйки милыя,
Красной Глѣбовны обычаи и свычаи. [10])

Протекли вѣка Траяновы,
Миновали лѣта Ярославовы,
Полегли полки Олега Святославича. [11])
Тотъ Олегъ ковалъ крамолу лезвеемъ меча,
Сыпалъ стрѣлы по родной землѣ
И во Тмутаракань-градѣ въ стремена вступилъ;
Звонъ его слыхалъ и Всеволодъ,
Ярослава Князя мощный сынъ,
А Владимиръ во Черниговѣ [12])
По утрамъ уши закладывалъ;
А Бориса Вячеславича [13])
Заманила слава къ гибели
И на конскій зеленóй коверъ
Уложила Князя храбраго
За обиду за Олегову.
Да какъ съ той-же со Каялы Святополкъ велѣлъ
На Венгерскихъ иноходцахъ увезти отца
Ко святой Софіи Кіевской. [14])
Втапоры-то, при Олегѣ Гориславичѣ,
Засѣвались и росли однѣ усобицы,
Гибла жизнь Даждь-Божья племени,
И въ такихъ крамолахъ княжескихъ

Digitized by Google

Коротали люди весь свой вѣкъ.
Втапоры-то на святой Руси
Не покрикивали пѣхари,
Только вороны, на трупахъ сидя, каркали,
Да склевались галки на кормы летѣть.
То бывало въ прежнія усобицы,
А такой рати не слыхано:
Сползарилось и до вечера,
А со вечера-то до свѣту,
Каленыя стрѣлы сыпалотся,
По шеломамъ сабли прыгаютъ
И стальныя копья ломятся
Середь поля незнакомаго,
Середь той земли Половецкія.
Почернѣла земля подъ копытами,
Вся костями была посѣяна,
Вся улита кровью алою,
И взошелъ посѣвъ тоскою на святую Русь.

Что шумитъ-звенитъ на свѣтѣ-зарѣ на утренней?
Игорь-Князь своимъ полкомъ ворочаетъ,
Мила-брата Всеволода жалѣючи.
Бились день, другой день бились,
А къ полудню-то на третій день
Пали стяги Князя Игоря.
Тутъ, на берегѣ Каллъ-рѣки,
Оба брата разлучились,
Тутъ вина не стало болѣе кроваваго,
Тутъ покончили пирушку наши витязи:
Напоили святовъ до пьяна
И легли за землю Русскую....
Прилегла трава отъ жалости,
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.

Подошло, ребята, время невеселое,
И пустыней сила прибавилася;
Залегла обида горькая
Въ силы племени Давидъ-Вольгово,

Digitized by Google

Стала дѣвою на землю на Траянову,
Лебедиными крылами расплескалася
На синемъ на морѣ, у Дону:
Пробудила время смутное.
А Князья-то позабыли брань на поганыхъ,
А за тѣмъ, что брату молвилъ братъ:
»То мое и это-вотъ опять мое!«
Повели Князья про малость рѣчь великую,
А невѣрные со всѣхъ сторонъ съ побѣдами
Приходили въ землю Русскую.
Охъ, далеко залетѣлъ соколъ,
Загоняючи птицъ на море!
А ужъ Игорева полку воскресить нельзя.
Крикнулъ Карна ему въ слѣдъ, и Жля
Наскочилъ на землю Русскую,
Изъ роговъ каленыхъ полныя бросючи.[15])
Зарыдали жены Русскія, возговорили:
»Какъ милыхъ-то ладъ намъ мыслію смыслити,
Ни завѣтной думой сдумати,
Ни очами ихъ заридѣти,
А не то-что златомъ, серебромъ побряцивать!«
Застоналъ, ребята, Кіевъ подъ невзгодою,
А Черниговъ подъ напастями,
И тоска всю землю Русскую
Поняла, что воды полыни
А Князья ковали сами на себя бѣду,
А поганый ворогъ рыскалъ по святой Руси,
Со двора по бѣлкѣ подать отбираючи.
Такъ-то храбрые Святославичи,
Игорь съ Всеволодомъ, худую славу подняли:
Знать задаромъ уложилъ ее
Ихъ отецъ Святославъ, Князь Кіевскій,
Тотъ-ли грозный и Великій Князь,
Былъ грозой; своей дружиной сильною,
Да мечами-ли булатными
Страхъ нагналъ на землю Половецкую:
Притопталъ онъ холмы со оврагами,
Возмутилъ онъ рѣки со озерами,

Digitized by Google

А Кобяка нечестиваго,
Словно вихорь, вырвало изъ луки морской,
Изъ полковъ великихъ Половецкихъ,
И упалъ Кобякъ во стольномъ градѣ Кіевѣ,
Въ свѣтлой гридницѣ Святославовой.
Тамъ и Нѣмцы со Венедцами,
Тамъ и Греки со Моравами
Поютъ славу Святославову
И понбоятъ Князя Игоря,
А за то, что силу Русскую
Погрузилъ на дно Каялъ-рѣки,
И ту рѣку Половецкую
Позасыпалъ Русскимъ золотомъ.
Тутъ Князь-Игорь изъ сѣдла изъ золоченаго
Пересѣлъ въ сѣдло Кощеево...
Городскія стѣны понадушились,
И веселье призатихнуло.

Святославу снился смутный сонъ:
«Будто я въ горахъ подъ Кіевомъ,»
Говоритъ онъ; «будто въ эту ночь
Одѣвали меня съ вечера
На кровати на тесовой черной разовъ;
Подносили зелено вино,
А вино-то съ зельемъ смѣшано....
Будто тощими колчанами
Мнѣ на грудь изъ грязныхъ раковинъ
Крупный жемчугъ сыпали... и тяжили...
Будто доски всѣ безъ матицы
Въ златоверхомъ моемъ теремѣ...
Будто всю ночь съ вечера прокаркали
На лугу у Плѣснска вражьи вороны,
Залетали въ дебры Кисанову,
И никакъ мнѣ не согнать ихъ въ морю синему.»
А бояре говорятъ ему:
«Князь! печаль заполонила умъ,
Отъ того, что оба сокола

Digitized by Google

Отлетѣли съ золота престола отнята
Поискать Тмутаракань вдвоемъ,
Аль испить шеломомъ изъ Дону.
И что тѣмъ-ли сизымъ соколамъ
Обрубили крылья Половцы
И въ желѣза ихъ опутали.
(Наступила тма на третій день:
Оба солнушка померкнули
И погасли два столпа багряные,
Съ ними оба молодые мѣсяца,
Святославъ съ Олегомъ, тмой покрылися.)
На Каялъ-рѣкѣ затмился свѣтъ;
По Руси метнулись Половцы,
Словно барсовъ лютый выводокъ,
Потопили Русь въ синемъ морѣ
И придали Хану буйство превеликое.
На хвалу хула поднялася,
А нужда на волю-вольную,
И повергнулся *дивъ* на землю.
Вотъ и Готскія красныя дѣвицы
Запѣваютъ на бѣрегѣ, у моря:
Русскимъ золотомъ звенятъ онѣ
И поютъ про время Бусово,
Шараканью мести лелѣючи, [18])
А ужъ намъ, твоей дружинѣ, нѣтъ веселія!»

Втапоры Святославъ Великій Князь
Золотое слово выронилъ:
Со слезами его слово было смѣшано.
И сказалъ онъ: «Охъ, племянники —
Игорь съ Всеволодомъ! Не въ пору вы
Стали землю Половецкую
Сокрушать мечами, славы ищучи:
Одолѣли вы нечестіемъ
И нечестіемъ поганую кровь пролили.
Ваше сердце, въ буйствѣ закаленное,
Сталью крѣпкою заковано...

Digitized by Google

Посмѣялись вы надъ сѣдиной моей!
Я не вижу власти сильнаго,
Многовоевъ Ярослава, брата милаго, [19])
(Со Черниговскими былями,
Со *Могутами*, съ *Татранами*, съ *Шельбирами*,
Со *Топчаками*, съ *Ревугами*, съ *Ольберами*).
Безъ щитовъ, съ однимъ лишь засапожникомъ,
Разгоняютъ они громкимъ крикомъ вороговъ,
Возвѣщая славу прадѣдовъ.
Но вы молвили: — мы сами помужаемся,
Сами славой прошлой раздобудемся,
Сами славой будущей подѣлимся! —
Развѣ диво, братцы, старику помолодѣть?
Коли соколъ понимается,
Отбиваетъ онъ съ налету птицъ
И не дастъ въ обиду своего гнѣзда.
Да бѣда: Князья не въ помочь мнѣ;
Подошла година смутная....
Вонъ Ромны кричатъ подъ саблей Половецкою,
А Владимиръ Князь подъ ранами;
Сыну Глѣбову — печаль-тоска!

Князь Великій Всеволодъ! не мыслію [20])
Перенестися тебѣ издали
Поберечь отцовскій золотой престолъ.
Можешь ты разбрызгать Волгу веслами,
Можешь вылить Донъ шеломами....
По ногатѣ при тебѣ была бы плѣнница,
По рѣзанѣ бы и плѣнникъ былъ, [21])
А за тѣмъ, что можешь ты стрѣлять
На сухомъ пути живыми шересперами,
Сыновьями Глѣба разудалыми. [22])
Вы, Давидъ и буйный Рюрикъ Князь! [23])
Ваши шлемы золоченые
По рѣкѣ кровавой плавали,
И рычатъ дружины ваши храбрыя,
Словно туры, пораженные

Digitized by Google

Каленóю саблей нá полѣ невѣдомомъ.
Вы вступите во золóтъ стремень
За обиду земли Русскія
И за раны Князя Игоря Святславича.

Ярославъ Князь, Осмомысломъ вѣщимъ прозванный! [24])
Высоко сидишь ты въ Галичѣ
На престолѣ златокованномъ,
Подперъ горы ты Карпатскія
Что своими-ли дружинами желѣзными,
И, Дунаю затворивъ врата,
Королю загородилъ ты путь,
Черезъ облако громадами кидаючи,
На Дунай суда снаряжаючи.
По землѣ твой громъ растекается;
Отворяешь ты ворота въ стольный Кіевъ-градъ
И стрѣляешь по Султанамъ на чужихъ земляхъ:
Такъ стрѣляй-же по Кончаку нечестивому,
За свою-ли землю Русскую
И за раны Князя Игоря Святславича!

Вы, Романъ съ Мстиславомъ буйные! [25])
Васъ манитъ на поле молодечество,
Высоко вы, буйные, взлетаете,
Словно сóколъ, въ воздухѣ ширяетесь,
Словно сóколъ, птицъ одолѣвающій.
Есть у васъ броня желѣзная
Подъ шеломами Латинскими,
А отъ нихъ дрожитъ земля и страны Ханскія,
А Литва, Ятвяги, съ Деремелою
Да и съ Половцами копья побросали въ прахъ
И склонили головы подъ вашъ булатный мечъ.
Но для Игоря померкнулъ ужъ свѣтъ солнечный,
И съ деревьевъ не къ добру листы свалилися.
Города по Роси и Сулѣ-рѣкѣ
Размежеваны, раздѣлены,
А ужъ Игорева полку воскресить нельзя!

Digitized by Google

Кличетъ Донъ тебя, удалый Князь,
Всѣхъ Князей къ побѣдамъ призывающи,
Да лишь Ольговичи храбрые
И поспѣли на тотъ бранный зовъ.

Ты, Ингварь, и ты, Князь Всеволодъ, [26])
И всѣ трое вы Мстиславичи,
Шестокрыльцы не худа̀ гнѣзда!
Вамъ на волости побѣда жребій кинула.
Для чего же вамъ шеломы золоченые
И щиты, и копья Ляшскія?
Ставьте на̀ полѣ ворота изъ каленыхъ стрѣлъ,
За свою ли землю Русскую
И за раны Князя Игоря Святославича!

Не течетъ Сула̀ струею серебристою
Къ Переяславлю ко городу,
И Двина болотомъ подъ невѣрный крикъ
Къ Полочанамъ грознымъ катится.

Только ты лишь, Изяславъ, Васильковъ сынъ, [27])
Позвонилъ мечами острыми
О шеломы о Литовскіе,
Затуманилъ славу дѣдову, Всеславову,
Самъ-же саблями Литовскими,
На травѣ на окровавленной,
Подъ щита̀ми затуманился....
Славу взялъ съ собой на ложе онъ, промолвивши:
»Князь! твою дружину̀ храбрую
Пріодѣли птицы крыльями,
Полизали у ней звѣри кровь.«
Не случилося тутъ братьевъ Изяславовыхъ
Брячислава не случилося со Всевлодомъ:
Онъ одинъ изъ тѣла храбраго
Душу выронилъ жемчужную
Сквозь златое ожереліе.
Голоса уныли; смолкнуло веселіе;
Трубы трубятъ Городенскія.

Digitized by Google

Ярославъ и внучата Всеславовы! [28])
Понижайте знамена свои
И вложите ржавый мечь въ ножны:
Не добыть вамъ славы дѣдовой.
Вы-то первые и начали крамолами
Наводить враговъ на землю Русскую
И на жизнь-ли на Всеславову;
А до той поры отъ Половцевъ
Не видать было насилія.

На седьмомъ вѣку Трояновомъ, [29])
Кинулъ жеребій Всеславъ о милой дѣвицѣ....
Опираясь ходулями,
Изъ окна скокнулъ онъ къ Кіеву, [30])
И коснулся тамъ древкомъ копья
Золота престола княжаго;
А оттуда лютымъ звѣремъ во полуночи
Убѣжалъ изъ Бѣлагорода,
Обернувшись мглою синею,
А по утру ужъ тарапами
Отворялъ ворота въ Новѣгородѣ,
Разшибая славу Ярославову.
А съ Немиги до Дудутокъ проскакалъ, какъ волкъ. [31])
На Немигѣ-то снопами стелютъ головы,
Бьютъ цѣпями ихъ булатными,
На сыромъ току животъ кладутъ.
Вывѣваютъ душу изъ тѣла.
Берега Немиги окровавились:
Не добромъ они засѣяны,
А засѣяны костями были Русскими.
Князь Всеславъ людей судилъ-рядилъ,
Вѣдалъ онъ удѣлы Княжіе,
А самъ волкомъ рыскалъ по ночи изъ Кіева
И до самыхъ куреней Тмутараканскіихъ,
Хорсу путь перебѣгаючи. [32])
У святой Софіи въ Полоцкѣ
Чуть ударили къ заутренѣ,
Онъ и въ Кіевѣ услышалъ звонъ.

Digitized by Google

Да въ иномъ душа и вѣщая,
А отъ бѣдъ страдаетъ часто онъ.
Для того впервóй пѣвецъ Боянъ
И сложилъ припѣвку мудрую:
«Суда Божья ни гораздому, ни хитрому
Ни гораздой птицѣ миновать нельзя!»
О, стонать тебѣ, святая Русь,
Время прежнее поминаючи,
Поминаючи удалыхъ Князей!
Да нельзя вѣдь было стараго Владимира
Пригвоздить къ вершинамъ Кіевскимъ;
Знамена его въ раздѣлъ пошли, [33])
И теперь хвостами порознь развѣваются:
Тѣ у Рюрика, другія взялъ Давыдъ.
Поютъ копья на Дунай-рѣкѣ.

Ярославны голосъ слышанъ.... [34])
Перелетною кукушкой
По утру она кукуетъ

— «Полечу, Княгиня молвитъ,
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣкѣ,
Вытру раны я у Князя
На его кровавомъ тѣлѣ!»

Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ
Приговариваючи:
— «Охъ ты, вѣтеръ, буйный вѣтеръ!
Для чего насильно вѣешь,
Для чего на легкихъ крыльяхъ
Ты стрѣлковъ наносишь ханскихъ
На удàлую дружину
Моего милòва друга?
Али мало тебѣ вѣять

Digitized by Google

Вверхъ подъ облако, лелѣя
Корабли на сѝнемъ морѣ?
Для чего мое веселье
По ковыль-травѣ развѣялъ?»

Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ ты, Днѣпръ мой пресловутый!
Черезъ каменныя горы
Въ Половецкую страну
Ты пробился; ты лелѣялъ
Святославовы насады
До Кобякова полку:
Прилелѣй-же мнѣ милóва,
Чтобы нà море по у́тру
Мнѣ не слать къ милóму слёзъ!»

Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ ты, солнце, мое солнце,
Солнце свѣтлое мое!
Всѣмъ тепло и всѣмъ красно́ ты:
Для чего-жъ лучемъ горячимъ
Опалило ты дружину
Моего милóва друга
И въ безводномъ полѣ жаждой
У нея луки стянуло,
И колчаны ей истомой
Заложило, запекло?« —

Прыщетъ море со полу́ночи
Идутъ тучи мглою черною;
Князю Игорю Богъ кажетъ путь
Изъ земли изъ Половецкой въ землю Русскую
Къ золоту престолу отчему. —
Погасаютъ зо́ри красныя вечерніи;

Digitized by Google

Игорь спитъ не спитъ, а мыслію
Измѣряетъ поле отъ Дону великаго
И до малаго Донца рѣки.
Конь осѣданъ со́ полуночи;
За рѣкою засвисталъ Овлуръ, [88])
Разумѣть велитъ: не мѣшкать Князю Игорю!
Загудѣла, заходила-ходенемъ земля;
Зашумѣла зелена́-трава;
Снялись съ мѣста ставки Половецкія,
А Князь Игорь горностаемъ проюркнулъ въ тростникъ,
Кануль въ воду бѣлымъ гоголемъ,
И взмахнулся на добра́ коня;
Соскочивъ съ него, какъ сѣрый волкъ,
Проскакавши по лугамъ Донца,
Полетѣлъ въ туманѣ со́соломъ,
Лебедей съ гусями избиваючи
На обѣдъ, на полдникъ и на вѣчерю.
Коли Игорь соколо́мъ летѣлъ,
Такъ Овлуръ за нимъ, какъ волкъ, бѣжалъ,
Студену́ю росу отряхаючи;
А лихихъ коней ужъ загнали.
Говоритъ Донецъ: — «Охъ, Игорь Князь!
Много, Князь, тебѣ величія,
А Кончаку недолюбія,
А землѣ Русской веселія!»
Игорь молвитъ: — «Охъ, Донецъ-рѣка!
И тебѣ не мало вѣдь величія:
Ты волнами Князя убаюкивалъ,
Стлалъ ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева зеленаго
Одѣвалъ его мглами теплыми;
На водѣ стерегъ его — гоголемъ,
На струяхъ стерегъ его — чайками,
На вѣтру́ стерегъ его — чернедьми.
А Стугна́-рѣка не таковская
И бѣжитъ струей не доброю,
Не свои ручьи пожираючи,
Чо кустамъ струга́ растираючи.

Digitized by Google

Ростислава, Князя юнаго, [36])
Не пустилъ на темный берегъ Днѣпръ:
Горько плачетъ Ростислава мать по юношѣ;
Прилегли цвѣты отъ жалости
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.»

Не сороки встрекотали тамъ,
Гзакъ съ Кончакомъ выслѣжаютъ Князя Игоря.
Тогда вороны не каркали,
Галки смолкли, а сороки только прыгали
Въ зеленыхъ лозахъ, безъ стрекота.
Дятлы тектомъ кажутъ путь къ рѣкѣ,
Соловьи веселой пѣсней величаютъ свѣтъ.
Говоритъ тогда Кончаку Гзакъ:
— «Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
Такъ стрѣлами золочеными
Разстрѣляемъ мы соколика.»
А Кончакъ ему въ отвѣтъ на то:
— «Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
Такъ соколика опутаемъ
Мы красавицею-дѣвицей.»
А Кончаку снова молвитъ Гзакъ:
«Коли дѣвицей-красавицей
Мы соколика опутаемъ,
Не видать намъ ни соколика,
Ни красавицы той дѣвицы,
А начнутъ насъ въ Половецкомъ полѣ птицы бить.»

У пѣвца у Святославова,
У пѣвца былаго времени —
Ярославова, Олегова
И супруги-ли Когановой, [37])
Рѣчь Боянова въ конецъ пойдетъ:
»Тяжело быть головѣ безъ плечъ,
Худо быть безъ головы плечамъ,»
А землѣ Русской безъ Игоря:
Солнце свѣтится намъ на небѣ,
А Князь Игорь на святой Руси.

Digitized by Google

Поютъ дѣвицы на Дунай-рѣкѣ,
Голоса ихъ вьются отъ моря до Кіева.
Ѣдетъ Игорь по Боричеву [58])
Ко Пречистой Пирогощей Богородицѣ.
Страны рады, грады веселы,
Величаютъ пѣсней на́большихъ,
А потомъ и молодыхъ Князей.
Слава Игорю Святославичу,
И тебѣ буй-туру Всеволоду,
И тебѣ, Владиміръ Игоревичь! [59])
Много здравствуйте Князья и со дружиною,
Православною поборницей
Христіанъ на силы на поганыя!
Слава всѣмъ Князьямъ, да и дружинѣ ихъ.
Аминь!

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Древняя рукопись «Слова о полку Игоря,» хранившаяся въ библіотекѣ Графа Мусина-Пушкина, утрачена въ 1812 году; но несомнѣнность ея былаго существованія доказывается: во-1-хъ, изданіемъ въ 1804 году самимъ Графомъ подлиннаго текста и перевода *Слова*, во-2-хъ, непреложнымъ свидѣтельствомъ лицъ, видѣвшихъ подлинникъ. Съ 1804 года появилось въ свѣтъ до 18 изданій *Слова*, съ переводами на Русскій и иностранные языки. Укажемъ на труды Гг. *Шишкова*, *Пожарскаю*, *Граматина*, *Снегирева*, *Сахарова*, *Вельтмана*, *Деларю*, *Дубенскаю*, *Максимовича* и *Головина*.

«Слово о полку Игоря», находило столько защитниковъ и противниковъ, возбуждало столько давнорѣшенныхъ вопросовъ, что я считаю лишнимъ утруждать вниманіе читателей напоминовеніемъ тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны *за* и *противъ* этого драгоцѣннаго отзвука былой Русской рѣчи. Ограничусь приведеніемъ словъ Н. М. Карамзина:

«Слово о полку Игоревѣ сочинено въ XII-мъ вѣкѣ, и, безъ сомнѣнія, «міряниномъ..... Вѣроятно, что оно, въ разсужденіи слога, оборотовъ, срав«неній, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ «Князей и богатырей....» Предлагая содержаніе «*Слова*» «и мѣста значи«тельнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ «нашихъ предковъ,» Карамзинъ заключаетъ: «Читатель видитъ, что сіе «произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка «живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными стихотворству «юныхъ народовъ.» Этотъ приговоръ незабвеннаго нашего Исторіографа вполнѣ подтверждается изысканіями Гг. Максимовича, Погодина, Снегирева и Дубенскаго. По мнѣнію Г. Погодина, сочинитель «Слова» былъ лицомъ, участвовавшимъ въ походѣ Игоря, а по мнѣнію Г. Дубенскаго, писалъ «*Слово*» для Кіевскаго Князя Святослава: доказательствомъ перваго мнѣнія служатъ подробности описываемаго происшествія, доказательствомъ втораго — собственныя слова пѣвца, который называетъ себя «*Святославлимъ пѣснотворцемъ*.»

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о моемъ переводѣ.

Изучая «*Слово*,» я убѣдился въ близкомъ сродствѣ его съ нашими народными сказками и пѣснями: тотъ-же складъ рѣчи, тотъ-же напѣвъ. Естественно, что подобное убѣжденіе породило мысль о возможности уложить «Слово о полку Игоря» въ народный сказочный размѣръ, и я рѣшился на эту попытку.

Сдѣлавъ при началѣ незначительное отступленіе отъ подлинника, я строго держался его до самаго конца; но, проходя нѣкоторыя темныя мѣста *Слова* ощупью, заранѣе приношу извиненіе въ томъ, что перетолковалъ ихъ по своему, и — можетъ быть — неправильно. При переводѣ я старался употреблять выраженія или существующія, или былыя, но близко знакомыя Русскому уху.

Представляя теперь мой переводъ на судъ просвѣщенной публики, я прошу благосклонныхъ читателей считать мой трудъ не болѣе какъ слабымъ опытомъ — передать стародавнюю народную рѣчь — современной народной рѣчью, пересказать правнукамъ завѣтное *слово* пращуровъ.

Digitized by Google

2) Сочинитель *Слова* выбралъ предметомъ своего повѣствованія одинъ изъ походовъ Русскихъ Князей на Половцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ юго-восточной Руси. Въ 1185 году, въ княженіе Всеволода Георгіевича во Владимирѣ и Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ, племянники Святослава Кіевскаго, Сѣверскіе Князья Игорь и Всеволодъ Святославичи всѣли на конь и повели свои дружины къ Дону, на Половцевъ. Игорь княжилъ въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, Всеволодъ въ Трубчевскѣ. Вотъ какъ начинаетъ лѣтопись описаніе этого похода: «Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце, стояще, яко мѣсяцъ, и рече боляромъ своимъ: — Братіе и дружино! Тайны Божія никто жь не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ и міру своему, а намъ что есть Богъ, на добро или на наше зло, а тоже намъ видѣти!» Не слушая совѣтовъ своихъ Боляръ, говорившихъ: «Князь! непріятели многочисленны; удалимся: теперь не на наше время,» Игорь смѣло шелъ впередъ, и въ первой-же схваткѣ съ Половцами разбилъ ихъ на голову и овладѣлъ богатымъ ихъ станомъ. Но «разбитые Половцы, говоритъ Карамзинъ, соединились съ новыми толпами, отрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще большей помощи, не хотѣли сразиться копьями, три дни дѣйствуя однѣми стрѣлами.» Два дня пробивались смѣлые Князья сквозь многочисленныя полчища враговъ, но «третьяго дня къ полудню падоша стязи Игоревы,» и самъ онъ былъ отведенъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, братомъ и племянниками. Усердіе конюшаго и одного Половчина, по имени Овлура, помогли Игорю освободиться изъ продолжительной неволи, и онъ ускакалъ ночью изъ Половецкаго стана. Черезъ 11 дней онъ уже былъ въ Русскомъ городѣ Донцѣ. Половцы, по мнѣнію Карамзина, были единоплеменны съ Печенѣгами и съ нынѣшними Киргизами; извѣстно, что кочевья ихъ были разсѣяны по степямъ Волги и Дона и по сѣвернымъ прибрежьямъ Чернаго моря.

3) Романъ Святославичъ, внукъ Ярослава Великаго, княжилъ въ Тмутаракани въ 1100 годахъ.

4) Слова: «воленъ Богъ въ небесномъ знаменьѣ,» взяты мною изъ вышеприведеннаго отрывка лѣтописи.

5) Подлинныя слова: «Спала Князю умъ похоти и жалость ему: знаменіе заступи искусити Дону великаго.» Мнѣ кажется, что *спала* одного корня съ *опалою*, съ *пыломъ* и значила — пылкость; слова: *опалився, спалився* часто встрѣчаются въ лѣтописяхъ: *Опалився Великій Князь на Псковичь* (Пск. Лѣт.) Припомнимъ еще Польское слово — *Zapal*. И такъ, если мы примемъ слово *спала* за существительное, смыслъ рѣчи будетъ такой: пылкость овладѣла умомъ Князя и жаль ему, что знаменіе препятствуетъ — *искусити Дону великаго. Заступи* прошедшее время отъ глагола заступать. Въ подлинникѣ сказано далѣе: «Солнце ему тьмою путь заступаше.» *Похоти* прошедшее время отъ неизвѣстнаго глагола, на который указываетъ Малороссійскій *сховать*, спрятать, прикрыть, схватить, *похитить*.

6) О, *Русская земля! уже за Шеломянемъ еси. Шеломя* могло быть названіемъ какого-нибудь урочища; но мнѣ кажется, что *шеломя* означаетъ цѣпь холмовъ: шеломъ и холмъ одного корня, какъ Скандинавскіе *holm* и *helm*. У насъ употребляется въ нѣкоторыхъ губерніяхъ слово *холмовина*, которымъ ближе всего перевести *шеломя*.

7) *Кончакъ* и *Гзакъ* — имена Половецкихъ Хановъ. На Кончаковой дочери женился въ послѣдствіи сынъ Игоря Владиміръ.

Digitized by Google

[8]) *Стрибогъ*, извѣстный и Нестору, былъ, кажется, Славянскимъ богомъ погоды.

[9]) Слово *поросн* употребляется донынѣ въ южныхъ губерніяхъ и означаетъ туманы, поднимающіеся по утру изъ росы. Производство его ясно: *по росѣ*.

[10]) Въ подлинникѣ: *своя милыя хоти*. *Хоть* значитъ жена, хозяйка; я произвожу его отъ глагола хотѣть, желать, и полагаю, что *хоть* ближе всего передается нашимъ словомъ: *желанная*. Глѣбовна, дочь Рязанскаго Князя Глѣба.

[11]) Олегъ Святославичь, внукъ Ярослава Великаго. Не имѣя удѣла, Олегъ ушелъ къ своему брату Роману въ Тмутаракань, и вмѣстѣ съ находившимся тамъ Борисомъ Вячеславичемъ и нанятыми Половцами ходилъ на своего дядю Всеволода Черниговскаго.

[12]) Владимиръ Мономахъ.

[13]) Изгнанный Олегомъ, Всеволодъ ушелъ къ Изяславу въ Кіевъ: Великій Князь обѣщалъ брату *положить за него голову*, собралъ многочисленную дружину и пошелъ на племянниковъ. Олегъ уклонялся отъ неровной битвы, но пылкій Борисъ хотѣлъ сражаться одинъ, сразился съ Изяславомъ около Чернигова и палъ на мѣстѣ битвы. Слова: *за обиду Олегову*, выражаютъ, можетъ быть, что Борисъ обидѣлъ Олега, не послушавшись его совѣтовъ. Борисъ Вячеславичь, по мнѣнію Карамзина, былъ сыномъ Вячеслава и дочери Штадскаго Графа *Оды*, воспитывался нѣсколько лѣтъ въ Саксоніи, какъ видно по Нѣмецкимъ лѣтописямъ, а въ Несторовой лѣтописи встрѣчается только съ 1077 года, когда, овладѣвъ, въ отсутствіе Всеволода, Черниговымъ, не удержался въ этомъ городѣ и убѣжалъ къ Тмутараканскому Князю.

[14]) Великій Князь Изяславъ сдержалъ данное Всеволоду слово и *положилъ за него голову* въ битвѣ съ Олегомъ. По словамъ пѣвца Игорева, Святополкъ поднялъ трупъ отца и отвезъ въ Кіевъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что битва происходила не на Каялѣ, а не далеко отъ Чернигова; но можетъ быть, Изяславъ преслѣдовалъ бѣгущаго Олега до Каялы и погибъ на берегахъ этой рѣки. Каяла — Кагальникъ, впадающій въ Донъ.

[15]) и [16]) Въ 1184 году Святославъ Всеволодовичь Кіевскій, Владимиръ Переяславскій, Глѣбъ Туровскій и другіе Князья ходили на Половцевъ. Разбивъ непріятеля на голову, Князья привели въ Кіевъ множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ вѣроятно былъ и упоминаемый въ «*Словѣ*» *Кобякъ*. Въ этомъ-же походѣ Князья разбили Половецкаго Хана Кончака, съ которымъ былъ *Бесерменинъ*, *стрѣлявшій живымъ огнемъ*. Вотъ и объясненіе пламенныхъ роговъ. Карна и Жля — Половецкіе Ханы.

[17]) *Кощей* значитъ отрокъ Княжеской дружины.

[18]) Въ подлинникѣ: *поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю*. Вѣроятно, собственныя имена Хановъ.

[19]) Игорь и Всеволодъ, готовясь въ походъ на Половцевъ, взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго вспомогательную дружину *Ковуевъ*, по мнѣнію Карамзина, единоплеменныхъ съ *Черными Клобуками*. Не подразумѣвались-ли этихъ *Ковуевъ* составляли упоминаемые въ *Словѣ*: *Могуты*, *Татраны*, *Шельбиры* и пр.

[20]) Всеволодъ Георгіевичь Владимирскій, сынъ Георгія Долгорукаго.

Digitized by Google

21) Въ подлинникѣ: *чага* и *кощей*. *Чага* значитъ невольница, а значеніе *кощея* объяснено выше.

22) Сыновья Глѣба Рязанскаго. Въ подлинникѣ: *Ты-бо мостиши по суху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Шереширы* я перевожу *шереспером* или *шерешпером*, (рыба, cyprinus jaxa). Эта рыба принадлежитъ къ роду карпій и дѣлаетъ надъ водою огромные скачки, *стрѣляетъ по водѣ*, какъ выражаются рыбаки. Пѣвецъ Игоря, любящій сравненія, могъ уподобить сыновей Глѣба *шереширамъ*. Это предположеніе подтверждается словами: *по суху*.

23) Давыдъ и Рюрикъ сыновья Великаго Князя Ростислава Мстиславича.

24) Ярославъ Владимировичъ Галицкій.

25) Романъ Мстиславичъ Волынскій и Мстиславъ Ярославичъ Луцкій.

26) Ингварь и Всеволодъ Луцкіе, братья Мстислава Ярославича. Мстиславичами они названы по прадѣду, Мстиславу Великому.

27) Изяславъ сынъ Василько Рогволодовича Полоцкаго, сосланнаго Великимъ Княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ въ Грецію (въ 1129 г.), и возвратившагося въ Россію въ 1137 году. Изяславъ погибъ въ схваткѣ съ Литовцами.

28) Ярославъ, Полоцкій, внукъ или правнукъ Всеслава Брячиславича Полоцкаго. Сочинитель намекаетъ, что Полоцкіе Князья первые призвали на помощь Половцевъ въ 1128 году.

29 30 31) Всеславъ Брячиславовичъ, Князь Полоцкій, внукъ Изяслава и правнукъ Рогнѣды, въ 1097 овладѣлъ Новгородомъ. Великій Князь Изяславъ и его братья, Всеволодъ и Святославъ, соединенными силами пошли на Всеслава, разбили его на берегахъ Нѣмена, плѣнили и отвезли въ Кіевъ. Въ 1068 году Великій Князь и его братья были побѣждены Половцами, и Кіевляне, недовольные Княземъ, взбунтовались и освободили Всеслава изъ темницы. Слова подлинника: *Тѣй клюкам подпрѣся окни*, по моему мнѣнію, указываютъ на способъ освобожденія Всеслава: ему подали ходули, *клюки*, и онъ выпрыгнулъ изъ окна. Это подтверждается словами лѣтописца, который разсказываетъ, что Бояре Изяславовы, во время Кіевскаго мятежа, совѣтовали Князю подозвать Всеслава къ окну темницы и убить стрѣлой. Изгнанный изъ Кіева, Изяславъ убѣжалъ къ Польскому Королю Болеславу II-му, который принялъ изгнанника, обѣщался ему помочь, и дѣйствительно пошелъ съ войскомъ на Кіевъ. Всеславъ, стоявшій станомъ подъ Бѣлгородомъ, не рѣшился вступить въ битву и ускакалъ ночью въ свою отчину. Слова подлинника: *возни стрикусы* я перевожу *тараканы*. *Немига* — рѣка Нѣменъ. *Дудутки* — названіе неизвѣстнаго мнѣ урочища.

32) Слова подлинника: *до куръ Тмутараканя* я полагаю возможнымъ перевести *Тмутараканскими «куренями,»* словомъ, пришедшимъ къ намъ съ того же юга, гдѣ была и Тмутаракань. *Хорсъ*, по Нестору, одинъ изъ Славянскихъ боговъ.

33) Въ подлинникѣ сказано: *сего-бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а другіе Давидовы; нъ розни кося имъ хоботы, пашутъ*. Я перевожу эти слова такъ: *знамена его* (Владимира) *отошли — одни къ Рюрику, другія — къ Давыду; но у нихъ они развѣваются хвостами порознь. «Розни кося имъ*

Digitized by Google

хоботы.» — *Рози* — врозь; *нося хоботы*, нося хвосты. *Пашуть* — третье лицо множ. ч. наст. времени отъ глагола пахнуть. Вѣтеръ пашетъ, парусъ пашетъ и т. д. *Хоботъ* — хвостъ. Полотна знаменъ могли такъ называться.

54) Дочь Ярослава Владимирковича Галицкаго, супруга Игоря.

55) *Овлуръ* или *Лаверъ*— Половчинъ, способствовавшій къ бѣгству Игоря.

56) Ростиславъ, сынъ Всеволода Ярославича, во время схватки съ Половцами близъ Триполя, въ 1093 г., утонулъ въ Стугнѣ; тѣло несчастнаго юноши было принесено его матери.

57) Соглашаясь съ мнѣніемъ Г. Дубенскаго, я перевожу *иходы—концомъ*, и считаю это слово опискою: здѣсь должно быть — *исходы*. Смыслъ рѣчи будетъ такой: *Боянъ сказалъ конечное присловье* (*исходы*) на (пѣснь) *Святославова пѣснотворца* (пѣснетворца) *стараго времени: Ярославова, Олегова и Кагановой супруги*, (*хотя*). Кто эта супруга Каганова, — супруга Св. Владимира Анна, или Св. Ольга? неизвѣстно. Владимиру придавали Хозарское титло Кагана; могли такъ называть и Игоря.

58) Боричевъ взвозъ, по Нестору, былъ въ Кіевѣ. Храмъ *Пирующей* Богородицы былъ заложенъ В. К. Мстиславомъ Изяславичемъ въ 1131 году.

59) Владимиръ Игоревичъ — сынъ Игоря Святославича. Онъ оставался еще нѣсколько времени послѣ отца въ плѣну у Половцевъ, и женился въ послѣдствіи на дочери Половецкаго Хана *Кончака*.

Вотъ тѣ примѣчанія, которыя я счелъ нужнымъ сдѣлать къ моему переводу. Болѣе подробныя филологическія и историческія объясненія читатели найдутъ въ прежнихъ переводахъ *Слова*.

Л. Мей.

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА XIII.

ВСТУПЛЕНЬЕ ВЪ СВѢТЪ.

Digitized by Google

То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшеткой,
Теперь надменно лепится на свѣтъ!....

Лермонтовъ. Сказка для дѣтей.

Nous voyons tout à travers nous-mêmes; nous sommes un milieu toujours interposé entre les choses et nous. L'homme n'habite, à proprement parler, que lui-même, que sa tête et son coeur. Tous les lieux, qui ne sont pas là, ont beau être devant ses yeux, à ses côtes, ou à ses pieds, — il n'y est point.

Pensées de Joubert.

Voir le monde, — c'est juger les juges!

Idem.

Then must I plunge into the world,....
Where revil calls, and laughter wikly loud,
False to the heart, distorts the hollow cluk,
To leave the flagging spirit doubly weak!....

Childe Harold's Pilgrimage.

Digitized by Google

I.

Ich bin wündig, — denn ich liebe!
(Schiller, im Wallenstein).

25-го Декабря 18....

За завтракомъ, когда Княгиню мы
Соборомъ поздравляли съ Рождествомъ,
И всѣ ей подносили дань работы
Какой-нибудь, — она намъ объявила,
И Надинькѣ и мнѣ, что послѣ завтра
На балъ насъ повезутъ, представятъ въ свѣтъ.
Князь хочетъ, Князь велитъ, Князь къ ней писалъ,
Чтобъ *вмѣстѣ* насъ обѣихъ вывозили;
Письмо его мнѣ отдали, — что дѣлать? —
Я покорилась, я вступаю въ свѣтъ!

Да! Въ этотъ свѣтъ, мнѣ странный, ненавистный,
Гдѣ я, для всѣхъ чужая, сирота,
И безприданница, должна исчезнуть,
Затертая блестящею толпою
Красавицъ и наслѣдницъ.... гдѣ меня
Никто не ждетъ, гдѣ не должна найдти я
Ни ласки, ни привѣта, ни веселья!

О! годъ тому назадъ, — я бъ приняла
Такую вѣсть иначе: я была
Тогда еще пылка и любопытна,
Любила новизну, искала жизни,
Хотѣла все узнать, все видѣть, слышать.
Тогда не знала я тѣхъ горькихъ истинъ,
Что натолкованы теперь мнѣ крѣпко,

Digitized by Google

О мнѣ самой, о назначеньѣ въ свѣтѣ,
О всемъ ничтожествѣ моемъ.... Тогда
Ребенкомъ я довѣрчивымъ вошла бы
На лощеной паркетъ блестящихъ залъ,
И стала бъ ждать, и требовать бы стала
Своей законной доли въ наслажденьѣ,
Въ весельѣ всѣхъ! — Я бросилась бы вся,
И сердцемъ и душой, въ столичный вихрь,
Въ тревожный шумъ, въ приманки полный омутъ,
Въ нарядахъ, въ суетѣ искала бъ счастья,
И думала бъ, что танцовать есть *жить*,
Что дѣвичья душа забавъ лишь просить....
Теперь.... теперь была не даромъ я
У двухъ властей различныхъ въ тяжкой школѣ,
На роковомъ искусѣ двухъ страданій!
Нещадная княжна не даромъ мнѣ
Въ насмѣшкахъ колкихъ, въ злобныхъ наущеньяхъ
Преподавала свѣтскую премудрость:
И цѣну ужъ себѣ, — или безцѣнокъ
Я знаю, я постигла наконецъ!
Тщеславіе во мнѣ она убила,
Ребяческихъ понятій простоту,
Волненія мечты нетерпѣливой —
Все рушила она, все обрекла
Разсѣяться, какъ дымъ передъ глазами,
Какъ легкій сонъ предъ истиной суровой.
До гордости моей лишь не достигла
Ея вражда!.... До сердца моего
Лишь не дошли вседневныя обиды....
Но сердцу былъ иной урокъ: его
Въ священную вдругъ тайну посвятили,
Возвысили высокимъ откровеньемъ
Любви, любви святой! Узнала я
И жизни цѣль, и сердца назначенье,
И рано я, и скоро научилась
Тревожному, но сладостному чувству....
Еще не надоѣло дѣтство мнѣ, —
А женщиной уже я пробудилась;
Еще не насмѣялась вдоволь я

Digitized by Google

Ребяческимъ и беззаботнымъ смѣхомъ, —
А слезы замѣнили ужъ его!....

Да! опоздалъ призывъ забавъ и свѣта!
Ужъ онъ меня теперь не соблазнитъ!
Что балы мнѣ? что шумная толпа?
Межъ ей и мной стоитъ завѣтный образъ,
Онъ стережетъ, онъ бережетъ меня,
Онъ отъ меня, какъ отъ рабы своей,
Отгонитъ всѣхъ другихъ, отвѣетъ прочь
Чужихъ очей приманчивые взгляды,
Чужихъ рѣчей ласкающую силу!
Онъ траурной фатою облечетъ
И бала блескъ, и свѣта искушенья.

II.

Quand à lui mon coeur se donna,
J'ignorais la coquetterie,
Il m'aimait sans ces atours-là!
A quoi me sert d'être jolie,
Il n'est plus là pour m'admirer!....

26-го Декабря 18....

Меня измучили. День цѣлый, то
Придетъ швея изъ магазина, съ платьемъ,
Которое примѣрить десять разъ
Велятъ мнѣ терпѣливо; то опять
Цвѣты въ большихъ картонахъ принесутъ, —
И надо выбирать, — и насъ къ княгинѣ
Поспѣшно требуютъ, или сама
Подымется торжественно она
Къ намъ вдругъ на верхъ, — и толкамъ, приказаньямъ,
Приготовленьямъ нѣтъ конца и счета!
Къ чему, за чѣмъ все это?.... *для кого?*....
Кто тамъ меня увидитъ?.... По неволѣ
И думать не даютъ мнѣ о другомъ, —
Все этотъ балъ проклятый на умѣ,
Преслѣдуетъ меня какъ привидѣнье,
Угрозой тяготѣетъ надо мной.

Digitized by Google

III.

Among the cold, the careless, and the false,
What part have I in them.... or they in me?....
Miss L. E. Landon.

28-е Декабря 18....

Ахъ! кончено!.... Вчерашній страшный день
Насталъ, — и миновалъ! — Одна усталость,
И пустота въ тяжелой головѣ,
Свидѣтельствуютъ мнѣ о прошломъ балѣ,
О выѣздѣ, о свѣтѣ. — Нѣтъ слѣдовъ
Иныхъ во мнѣ, ни около меня!

Насъ два часа готовили, рядили, —
Мнѣ модный *куаферъ* такія букли
Взбивалъ, что я отъ боли раза два
Ужъ плакать принималась; но княгиня
Стояла тутъ, — и грозный видъ ея
Меня молчать заставилъ, и терпѣть! —
Готовы, — отправляемся! Княжна,
Окинувши меня враждебнымъ взоромъ
Отъ головы до ногъ, расхохоталась,
И матери своей сказала мелькомъ:
«Охота жъ вамъ, *maman*, ей приколоть
«Пунцовую камелью, — безъ того
«Она блѣдна, какъ смертъ.... (Княжна сама
Румянится, но тайно; Надя разъ
Съ Алиной подсмотрѣли, и по дому
Спѣшили протрезвонить новость эту.)
Княгиня равнодушно отвѣчала:
«Не все ли намъ равно, — лишь бы прическа
«Была по модѣ, — словомъ, такъ, какъ должно?....

Пріѣхали. Ведутъ насъ, — представляютъ
Какой-то странно-сгорбленной старушкѣ,
Сіятельной притомъ, — хозяйкѣ дома;
Она кивнула намъ слегка вельможнымъ

Digitized by Google

Своимъ чепцомъ. Насъ посадили рядомъ;
Не знаю, какъ сестра, — а я дрожала,
Въ глазахъ моихъ все было какъ-то мутно,
Казалось мнѣ, что пляшутъ предо мной
Не только пары быстрыя, но люстры,
Карнизы, потолки, всѣ гости, зала,
Весь домъ.... И долго, долго мы сидѣли
Вдвоемъ, безъ словъ; вотъ Надѣ наконецъ
Алина кавалера подвела, —
Она пошла вальсировать.... Потомъ
Представили другихъ ей; я осталась
Одна, — ко мнѣ никто не подходилъ,
И никого не подводили мнѣ.
И на мою бѣду, моей Елены
Тутъ не было: она не такъ здорова,
И выѣзжать не можетъ; какъ нарочно!
Мнѣ было дико, скучно и неловко;
Но я на то была давно готова!
Какъ истуканъ, глядѣла я на танцы,
На пестрые наряды, на толпу,
Еще въ ней ничего не отличая,
И вотъ въ моихъ ушахъ, въ моемъ умѣ
За музыкою вслѣдъ, вдругъ какъ-то странно
Забило что-то въ тактъ, кадансъ знакомый
Какъ-будто напѣвался самъ собой
Внутри меня.... И чувствовала я,
Что замерла душа въ какомъ-то снѣ,
Что память, воля, мысли, все во мнѣ
Какъ будто задремало въ общемъ шумѣ,
Отъ блеска, отъ толпы, отъ отчужденья....
Вдругъ назвали меня, — гляжу, военный,
И статный и красивый, предо мной, —
Зоветъ меня учтиво на мазурку....
Покуда я готовила отвѣтъ,
Онъ угадалъ мое недоумѣнье,
Сказалъ, что онъ давно меня ужъ ищетъ,
Что онъ родня Еленѣ, что она
Ему мое на балѣ появленье
Заранѣй возвѣстила, что онъ ждалъ....

Digitized by Google

Я поняла! — «Вы присланы на помощь
«Оставленной».... — сказала я ему, —
«Не знаю, должно ль мнѣ васъ наказать
«Принятіемъ такого приглашенья?»....
«Нѣтъ, нѣтъ!» — воскликнулъ онъ, — «я къ вамъ не присланъ,
«Я самъ желалъ представленнымъ вамъ быть;
«Просилъ о томъ давно подругу вашу,
«Но случай все мѣшалъ; а здѣсь, сегодня,
«Я обѣжалъ всю залу: васъ никто
«Не знаетъ.... Такъ пришлось рѣшиться мнѣ
«И самому являться; извините, —
«И сдѣлайте мнѣ честь позволить мнѣ
«Быть вашимъ кавалеромъ!....»
Мы пошли,
Мы отыскали мѣсто; разговоромъ
Онъ разогналъ почти мою неловкость, —
Сталъ называть красавицъ, львовъ и львицъ,
Показывалъ салонныхъ корифеевъ....
И я при первомъ турѣ съ нимъ по залѣ
Хоть и дрожала, но ужъ было мнѣ
Какъ будто безопаснѣй, опираясь
На руку, мнѣ протянутую въ помощь,
Отъ добраго участія ко мнѣ. —
Лишь только сѣли мы опять на мѣсто,
Княжна къ намъ подскочила, объявляя,
Что ужъ пора домой.... За нею вслѣдъ
Покинула и балъ я, и мазурку....

IV.

She felt, she was alone....
Miss Landon.

31-е Декабря 18....

Вчера опять меня возили въ свѣтъ,
Опять на балъ, и на показъ столицѣ.
Все такъ же скучно было мнѣ! — Къ несчастью,
Не встрѣтился мнѣ тамъ родня Елены,

Digitized by Google

Знакомый незнакомецъ мой. Но впрочемъ,
И безъ него, другіе отыскались,
Которые со мною танцовали,
Не присланные даже мнѣ никѣмъ!
А кто они? — не знаю! Я пыталась
У нашихъ дамъ спросить: куда! Княжна
Всегда однимъ и тѣмъ же отвѣчаетъ:
«Не видитъ, — не замѣтила, — не знаетъ!»
Алина близорука; для нея
Лишь тѣ одни на свѣтѣ существуютъ,
Которые у ногъ ея! — А Надя,
Подобно мнѣ, на балѣ какъ въ лѣсу;
Но ей то все равно! она себѣ
Безъ робости, безъ страха, веселится,
Ужъ перейдя порогъ блестящей залы.
Все видитъ, все замѣтитъ; отъ души
Смѣется иногда каррикатурамъ,
Гуляющимъ въ натурѣ средь толпы....
Я ничего и никого смѣшнаго
Примѣтить не умѣю. Для меня
Всѣ кажутся похожи межъ собою,
Мужчины на мужчинъ, и даже дамы
Всѣ другъ на друга, голосомъ, одеждой....
И разница межъ ними только есть,
Смотря по лѣтамъ ихъ или по званью;
Всѣ для меня какъ вылитые вмѣстѣ,
Въ одну условную приличій форму....
Ничто, никто не выдается рѣзко
И смѣло изъ предѣла общихъ типовъ,
Никто не смѣетъ быть самимъ собой,
Всѣ говорятъ, глядятъ, смѣются, ходятъ,
Какъ будто въ мѣрку, на единый ладъ,
По принятому въ обществѣ уставу.
Но Надинькѣ забавно между ними;
Завидую я, право, ей подъ часъ!
Ей только бы вертѣться и плясать,
И только бы нарядъ ей былъ къ лицу, —
И вотъ она довольна въ полной мѣрѣ!

Digitized by Google

Межъ ей и мной нѣтъ разницы трехъ лѣтъ,
А какъ же я далеко впереди
И зрѣлостью, и горемъ!.... Ахъ! дай Богъ,
Чтобъ долѣе она такъ оставалась,
Чтобы была ребенкомъ — и счастлива,
Чтобъ ей не знать....
А мнѣ, — мнѣ тяжело
И скучно за обѣихъ! — Нынче тоже
Дается гдѣ-то праздникъ, — réveillon:
Княгиня собирается, и насъ
Хотѣла взять съ собой; но *я*, ссылаясь
На подвиги вчерашніе, сказалась
Рѣшительно уставшею, и дома
Я остаюсь. — *Сегодня* мнѣ грустнѣе
Всѣхъ прочихъ дней: *сегодня* ровно годъ,
Какъ познакомилась я съ *нимъ*, какъ онъ
Пріѣхалъ вдругъ, такъ неожиданно и странно,
Какъ сказочный герой. — *Сегодня* старый
И многозначущій въ судьбѣ моей
Оконченъ годъ; и вотъ, настанетъ *новый*....
И что́-то онъ съ собою принесетъ?....
Хорошаго не жду *я*, — отъ дурнаго
Избави Богъ!.... Какъ можно этотъ день
И этотъ вечеръ, точно *роковой*,
Безумно проводить въ толпѣ и шумѣ,....
И мыслію въ себя не углубляться,
Не провѣрять себя, свой души?....
Не вопрошать таинственной судьбы
О томъ, что́ намъ она вдали готовитъ?....

Я въ шесть часовъ у всенощной была,
Потомъ писала въ Крымъ; къ Еленѣ тоже,
Чтобъ извиниться передъ ней, на ужинъ
Ея не въ силахъ я поѣхать. Тамъ
Мнѣ все бъ напоминало слишкомъ живо
Прошедшій *новый годъ*.... Однако спать
Не *лягу я*, — и не могу: мнѣ что́-то
Особенно мечтается сегодня....

Digitized by Google

И грустно, и свѣтло, и какъ-то страшно
На сердцѣ у меня: вся голова
Горитъ волненьемъ страннымъ: я чего-то
Какъ будто жду.... А между тѣмъ, такъ вѣрно,
Извѣстно мнѣ, что нечего мнѣ ждать!....
Былое, незабвенное, опять
Въ одной очаровательной картинѣ
Мнѣ видится, мнѣ снится, пробуждая
Во мнѣ такъ много чувствъ, воспоминаній!....
И *онъ*, все *онъ* въ тѣхъ грезахъ обитаетъ!
И рвутся все къ нему и мысль и сердце....
Беру перо, — оно чертитъ невольно
Призванья, заклинанья и обѣты....
Пускай чертитъ!.... *Туда* имъ и дорога!....
За чѣмъ *не мнѣ*?.... Ахъ, крылья дайте, крылья!
Чтобъ улетѣть *къ нему, его* искать....
Его найдти, — и мигъ одинъ блаженства
Вблизи *его* опять вкусить и знать!

К М У.

Я вѣрую въ тебя ....
Съ слѣпой покорностью, съ немолчною хвалой,
По вдохновенію, безъ страха и сомнѣнья,
Всемъ сердцемъ, всей душой!

* *
*

....и въ добровольной мукѣ
Такъ исповѣдую любовь свою къ тебѣ:
Вѣрна тебѣ въ слезахъ, въ томительной разлукѣ,
Въ страданьи и борьбѣ!....

* *
*

Такъ память о тебѣ живетъ во мнѣ понынѣ:
Мнѣ утѣшительна, мнѣ дорога она,
Какъ постарѣвшее преданье о святынѣ,
Какъ память дѣтскаго, плѣнительнаго сна....

* *
*

Digitized by Google

Ты въ мірѣ для меня свѣтило упованья,
Маякъ спасительный во мглѣ житейскихъ грозъ;
Твой образъ сторожъ мой въ минуту испытанья,
Наперсникъ думъ моихъ и радостей, и слезъ!

**
*

Хоть ты меня любилъ лишь дружбою безпечной,
Хоть ты меня понять не могъ, иль не хотѣлъ,
Хоть чувствомъ молодымъ и теплотой сердечной
Ты, многоопытный, до время оскудѣлъ:

**
*

Хоть я твоей любви разборчивой не стою,
Хотя, дитя душой, тебѣ я не равна, —
Но скоро горемъ я сравняюся съ тобою,
Созрѣю, въ таинство любви посвящена.

—

V.

Si je sais le monde, c'est que, dans ce tourbillon brillant où l'on croit s'étourdir, je conserve la faculté de penser.

Madame de Cubières.

17-е Января 18....

Опекуна желанья исполняя,
Я приняла всѣ навыки домашнихъ,
Всѣ ихъ обычаи: я много выѣзжаю,
Я вижу свѣтъ. И въ немъ ужъ не чужая, —
Имѣю ужъ знакомыхъ межъ мужчинъ,
А между дѣвушекъ уже друзей
По свѣтскому — отъ нынѣшней кадрили
До завтрашняго вальса! Какъ онѣ,
На балахъ тоже я окружена,
И какъ онѣ, танцую тоже я.
И Надя увѣряетъ, что *побѣды*
Я совершаю.... что межъ модныхъ львовъ
Поклонники вздыхаютъ ужъ по мнѣ....

Digitized by Google

То правда ли, не знаю: мнѣ само̀ѣ
Не удалось, иль не пришлось замѣтить....
Что иногда смѣшитъ меня, такъ это,
Что княжій домъ сталъ полонъ новыхъ лицъ,
Въ немъ прежде небывалыхъ, — и они,
Сіятельной Княжной не занимаясь,
Относятся лишь къ Надѣ и ко мнѣ.
Княжна за то на нихъ сердито смотритъ,
И злѣйшія свои имъ строитъ мины....
Но есть у насъ оплотъ! Княгиня Софья,
Любя дразнить Княжну, — всѣмъ угнетеннымъ
Защитница, и всѣхъ ихъ прибираетъ
Подъ крылышко къ себѣ; зоветъ ихъ часто,
Любезна къ нимъ, и норовитъ всегда
Составить кругъ, гдѣ бъ мнѣ съ сестрой пришлось,
На зло Княжнѣ, бесѣдовать съ гостями,
Ей столь противными.... И тутъ пойдутъ
Между Княгиней Софьей, и Адиной
И Надинькой, такіе телеграфы,
Миганья и улыбки, что и мнѣ
Нельзя не раздѣлять забавы ихъ! —
Но это все.... увы! одна лишь форма
Пустая и ничтожная, лишь дань
Наружная приличьямъ общежитья....
А сердцемъ я не тамъ!....

Нѣтъ, сердцемъ я
Не тамъ, а далеко!!.... И часто мнѣ
Упреки слышатся со всѣхъ сторонъ
За пасмурный мой видъ, за томный взоръ,
Разсѣянный и вѣчно въ даль вперенный....
Не имъ меня, не имъ меня понять!!

Когда душа прозритъ
Сіянье свѣтозарное любви,
Когда она чудеснымъ откровеньемъ
Исполнится, возвысится, тогда

Digitized by Google

Ей, дивною зарею просіявшей,
И холодно, и пусто въ шумномъ свѣтѣ,
И внѣшняя ужъ ей несносна жизнь!

Но пусть бы молодежь въ усахъ и шпорахъ
Дивилася мечтательницѣ блѣдной,
И сверстницы веселыя мои,
Охлаждены угрюмостью моею,
Мгновенно бъ удалялись отъ меня! —
Вѣдь правы всѣ они! — Ни смѣху ихъ,
Ни розовымъ улыбкамъ я не вторю,
Въ бесѣду ихъ не приношу я, точно,
Ни рѣзвости, ни живости приличной,
Но вотъ что̀ болѣе дивитъ меня,
Что даже и за будущность пугаетъ:

Когда еще недавно, съ годъ тому,
Я торопилась думать, видѣть, знать,
И до всего мечтою любопытной
Касалась я въ горячемъ нетерпѣньѣ,
И пламенно желала и ждала,
Увидѣть свѣтъ, быть въ свѣтѣ, свѣтомъ жить, —
Тогда — онъ снился мнѣ какъ бы рѣшеньемъ
Всѣхъ силъ и всѣхъ потребностей ума.
Понятіе блестящее о немъ
Воображенье создавало мнѣ;
Я думала, что онъ осуществитъ,
Исполнитъ, превзойдетъ мои мечтанья....
Но что̀ жъ сбылось? Чѣмъ кончилися грёзы?....
Дѣйствительность теперь я познаю,
Существенность нашла и обсудила, —
Она бѣдна предъ вымысломъ моимъ!....

Кто виноватъ — я, или свѣтъ?.... Межъ нами
Кто нашему неладу есть причина?
Я ль слишкомъ много требую, иль онъ
Даетъ и представляетъ слишкомъ мало?....
Меня ль взыскательной, съ избыткомъ чувствъ
И умственныхъ потребностей и силъ

Digitized by Google

Природа создала? Иль онъ сіяньемъ
Мишурныхъ, пустозвонкихъ наслажденій
Морочитъ лишь довѣрчивыхъ, скрывая
Отъ юныхъ глазъ, отъ взоровъ молодыхъ
Лишь пустоту, и дымъ, и ложь обмановъ?....
Иль издали сулитъ онъ только намъ
Все то, чего въ немъ нѣтъ, чего не можетъ
Онъ дать своимъ приверженцамъ пустымъ?

Во всемъ ли такъ, во всемъ ли суждено
Мнѣ ошибаться вѣчно и всегда?....
Всегда ль душа безмѣрная моя
Возможнаго границы перейдетъ
Въ своихъ мечтахъ, желаньяхъ, ожиданьяхъ,
Чтобъ только о существенность скупую
Разбиться?.... Чтобъ увидя цѣль свою
Лицомъ къ лицу, достигнувъ исполненья,
Вездѣ найдти обманъ и недочетъ?
Чтобъ никогда, ни въ чемъ ея желанья,
Ея мечты вполнѣ не совершались?....
Чтобъ жизнь всегда, какъ хитрый воръ, бѣжала
Отъ жадныхъ рукъ моихъ?.... Чтобъ счастья, счастья
Алкала я, — и мнѣ бы утоленья
Не находить ни въ чемъ здѣсь на землѣ!....

VI.

КЪ НЕМУ.

A toi.... toujours à toi!.... Que chanterait ma lyre....
Victor Hugo.

Weil ſie ſtark war,—ſo wurde auch ihre Liebe ſtark.
Gräfine Hahn-Hahn.

Такъ, — мы разрознены!.... Разлука, разстоянье,
И прихоть случая, и рокъ, и власть людей
Межъ насъ, разрушивши надеждъ очарованье,
Преградой возстаютъ на много грустныхъ дней....

Digitized by Google

Такъ, мы разрознены, — другъ другу чужды стали,
И врядъ ли встрѣтимся на поприщѣ земномъ!
Напрасно счастья мы въ грядущемъ ожидали,
Напрасно думали найдти его вдвоемъ!....

Вдвоемъ?.... О! вѣрно, нѣтъ! — Любя тебя такъ страстно,
Одна, одна лишь я мечтала и ждала....
Но ты не раздѣлялъ моей мечты прекрасной,
Тебя любовь моя тревожить не могла!

Ты не любилъ меня!.... Безумно ошибаясь,
Любовью назвала вниманье дружбы я;
А ты, тщеславіемъ невольнымъ увлекаясь,
Ты неумышленно въ обманъ вовлекъ меня.

Но все, я при тебѣ и близъ тебя питала
Надежду тайную тебя воспламенить,
Но все я близъ тебя дни свѣтлые видала,
Твоимъ присутствіемъ могла дышать и жить!

Теперь — ты далеко.... теперь мои страданья,
Тоска и грусть мои тебя не возмутятъ;
Въ тебѣ замолкнуло мое воспоминанье, —
И вѣрно сны твои о мнѣ не говорятъ!

Ужъ ты въ моихъ глазахъ не ищешь слезъ примѣты,
Ужъ ты не ищешь въ нихъ признанья и огня,
Ужъ ты не слушаешь ни клятвы, ни обѣты,
Что̀ выманить умѣлъ, бывало, у меня....

Ужъ не читаешь ты, какъ прежде, улыбаясь,
Стихи неловкіе, но страстные мои....
О, нѣтъ! въ безмолвіи и пустотѣ теряясь,
До слуха твоего не долетятъ они!....

Но я люблю тебя, какъ встарину, какъ прежде, —
Все такъ же пламенно, съ такой же простотой....
И хоть я болѣе не предаюсь надеждѣ,
Но нынѣ и всегда стремлюсь къ тебѣ душой.

Digitized by Google

И если до тебя дойдетъ молва пустая,
Что свѣтъ и суета испортили меня,
Что я, минувшаго завѣтъ позабывая,
Кружусь въ чаду забавъ,.... что измѣнилась я:

О! я молю тебя, — не вѣрь симъ слухамъ ложнымъ,
Не оскорбляй меня сомнѣніемъ своимъ, —
Не думай, чтобъ ты веселіемъ могъ ничтожнымъ
Быть въ жертву принесенъ, — быть менѣе любимъ!

Нѣтъ! я не измѣнюсь!!.... Ужъ сердце закоснѣло
Въ любви возвышенной, въ любви своей святой;
Хоть безъ тебя оно, сгарая, ужъ потѣло,
Но въ немъ по прежнему живетъ лишь образъ твой!....

VII.

Il ne vient pas,.... et toujours je l'attends,
Ma voix l'appelle, et mon coeur le souhaite,
.....
Et tous les soirs en pleurant je répète:
Il ne vient pas, il ne vient pas!....

26-е Января 18....

Не будетъ онъ!.... я тщетно жду его....
Онъ увлеченъ судьбой невозвратимой....
И можетъ быть, вдали, другой любимый,
Какъ легкій сонъ, меня забылъ давно!....
Не будетъ онъ!
Не будетъ онъ, и жалобы мои,
Какъ зовъ въ степи, замолкнутъ безъ отвѣта;
Вся жизнь моя, свиданьемъ не согрѣта,
Въ холодной мглѣ погаснетъ безъ любви, —
Не будетъ онъ!
Не будетъ онъ! Зачѣмъ еще мнѣ жить,
Зачѣмъ влачить не нужныхъ дней оковы?....
Завиденъ мнѣ могилы миръ суровый....
Чего мнѣ ждать? о чемъ судьбу молить?
Не будетъ онъ!....

Digitized by Google

VIII.

Qu'ai-je appris?.... Oh! mon Dieu! sa vie est menacée.
On tremble pour ses jours?....

M-me Desbordes Valmore.

5-е Февраля 18...

Вотъ слѣдствіе, вотъ дѣйствіе разлуки:
Межъ тѣмъ, какъ я, увлечена невольно
Чужою прихотью, чужою блажью,
Спокойно, или просто равнодушно
Забавамъ безъ веселья предаюсь, —
Онъ боленъ былъ,.... *ему* грозила смерть!....
Вчера письмо товарищей его
Елену извѣстило осторожно....
Онъ занемогъ давно,.... недѣли двѣ
Въ опасности жестокой находился....
Теперь ему полегче, — онъ встаетъ,
Онъ въ памяти, но слабъ еще. — Елена
Въ отчаяньи; она дрожитъ и плачетъ,....
И если онъ не скоро исцѣлится,
Она къ нему поѣдетъ непремѣнно.

Она — сестра, — она имѣетъ право
Любить его, ходить за нимъ, беречь
Его здоровье, расточать ему
Сердечныя заботы, попеченья....
А я?.... а я?.... Я право лишь имѣю
Молиться, плакать и страдать!....
Когда судьба, когда вся жизнь моя
Виситъ на волоскѣ, на шаткомъ словѣ
Уѣзднаго врача, на равнодушномъ
Усердіи лѣниваго слуги,
Иль друга, занятаго всякимъ вздоромъ, —
Я не могу, не смѣю, не должна
Ему служить.... быть тамъ.... и взоромъ полнымъ

Digitized by Google

Участья всемогущаго; стеречь
Сокровище мое, мое блаженство,
И болѣе, чѣмъ жизнь мою! ... Мнѣ должно
Остаться здѣсь, спокойною казаться,
По прежнему дѣлить наружный блескъ,
И безтолковый шумъ всѣхъ посторонникъ....
Должна, какъ грѣхъ и стыдъ, скрывать предъ ними
Свою печаль, волненіе свое,
Должна, какъ всѣ они, не измѣнясь,
Плясать, и выѣзжать, и наряжаться!....
Предъ свѣтомъ, предъ людьми, мы съ *ними* чужіе!
Мнѣ не простятъ малѣйшій знакъ участья,
И за одну слезу меня осудятъ,
И осмѣютъ, и строго втопчутъ въ грязь
Своей неумолимой клеветы!....
И съ ними завсегда кажи улыбку,
Хоть адъ въ душѣ, носи нѣмую маску,
Которая бъ скрывала, какъ подъ гробомъ,
Всѣ тайны сердца, всѣ изгибы мысли,
Всѣ складки поблѣднѣвшаго чела!....
Онъ боленъ былъ, — а *я* о томъ не знала!....
Его томилъ недугъ, — *я* далеко была!....
Я пламенной мольбы о *немъ* не возсылала,
Стеречь и охранять *его* я не могла.
Безъ кровныхъ, безъ друзей, одинъ, одинъ съ чужими,
Напрасно, можетъ быть, онъ милыхъ сердцу звалъ,
И окружаемый знакомыми одними,
Напрасно въ ихъ глазахъ привѣта онъ искалъ.
Ни чей понятный взоръ, какъ лучь звѣзды надежной,
Въ часъ испытанія, съ заботливостью нѣжной,
Ему слова любви въ отраду не шепталъ.
Ни чья, ни чья рука, дрожа, не подносила
Цѣлительный фіалъ къ его нѣмымъ устамъ,
И ни одна душа предъ небомъ не курила
За здравіе его молебный ѳиміамъ!....
Межъ тѣмъ въ невѣдѣньѣ, въ безпечности глубокой,
Я проводила дни обычной чередой,
Не чувствуя въ душѣ, какой ударъ жестокій
Мнѣ приготовленъ былъ враждебною судьбой....

Digitized by Google

Ахъ! сердце трепетомъ и хладомъ замираетъ,
Какъ вспомню я, что смерть могла грозить ему!....
Хотя онъ живъ, здоровъ, но страхъ меня смущаетъ, —
И я ужъ жребію не вѣрю своему.
Ты, ты спасло его, Святое Провидѣнье,
Ты сберегло его изъ жалости ко мнѣ!....
Не тщетно приношу я часто въ дань Тебѣ
И слезы горькія, и жаркія моленья!
Храни, храни его!.... ахъ еслибъ я могла
Жизнь долголѣтнюю и счастье золотое
Купить *ему*, пожертвуя собою, —
Я жизнь и счастье бы въ дань тотчасъ принесла,
Я все бы за него съ восторгомъ отдала!!....

IX.

O man!
Thou pendulum between a smile and tear!....
(Byron)

8-е Февраля 18....

Онъ ожилъ, онъ здоровъ, о, слава Богу!!....
Онъ самъ къ Еленѣ пишетъ, — я читала,
Я видѣла дрожащія черты
Его руки,.... и ими взоръ мой жадный,
Восторженный, протяжно упивался....
Я видѣла, что этою рукой
Написано заботливо и нѣжно,
Повторено не разъ и *Зины* имя!
Да! Онъ мнѣ шлетъ поклонъ свой задушевный
Изъ-за могилы, — пишетъ онъ, шутя!
Онъ съ клятвою священной увѣряетъ,
Что образъ мой надъ нимъ въ жару недуга
Носился, какъ хранитель, данный небомъ,
Что сердцемъ и душой меня онъ звалъ
Въ часы уединеннаго страданья,

Digitized by Google

Что свѣтлымъ обо мнѣ воспоминаньемъ
Онъ встрѣтилъ, онъ почтилъ выздоровленье,
И жизни обновленной свыше даръ.

Но онъ по прежнему томитъ меня,
По прежнему мнѣ сердце вѣчно мучитъ
Сомнѣніемъ своимъ неумолимымъ:
Онъ слышалъ, онъ узналъ о перемѣнѣ
Въ судьбѣ моей, — о появленьѣ въ свѣтъ,
О частыхъ выѣздахъ, и онъ боится,
Что этотъ переломъ въ привычкахъ, въ жизни,
И даже въ мысляхъ, долженъ измѣнить
Меня, и всѣ мои былыя чувства....
Боится увлеченья за меня,
И суетности женской искушеній,
Боится, что неопытна, пылка,
Всѣ прежнія привязанности сердца
Забуду я въ чаду утѣхъ и баловъ,
Средь новыхъ и блистательныхъ знакомствъ!....

Зачѣмъ меня ты подозрѣньемъ
Несправедливымъ оскорбилъ?
Зачѣмъ заранѣй обвиненьемъ
Незаслуженнымъ укорилъ?
Ты думать могъ, что въ свѣтскомъ шумѣ,
Любви забвенье встрѣчу я,
Что измѣню священной думѣ,
И вдругъ пересоздамъ себя?....
Скажи, мое ль воображенье
Науку суеты пойметъ?
Мое ли сердце обрѣтетъ
Въ ней пищу, жизнь и утоленье?....
Отвѣтствуй: я ли создана.
Для самолюбія пустаго?
Уставъ тщеславья мелочнаго
Моя ль душа принять должна?....
О, нѣтъ! о, нѣтъ!.... Повѣрь, сильнѣе
Святая страсть во мнѣ горитъ,
Я чувствую еще живѣе,

Digitized by Google

Что съ бытіемъ моимъ ты слитъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ новая открылась
Мнѣ жизни общей сторона,
И въ ней, одна лишь пустота,
Съ тѣхъ поръ, какъ знать я научилась,
Гдѣ истина, гдѣ суета....
Повѣрь, любви высокой долю
Я понимаю, я цѣню,
И вѣрность гордую мою
Я сердца вѣтреннаго волей
Повѣрь, во вѣкъ не замѣню!...

Графиня Е. Ростопчина.

Digitized by Google

УТРО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

(*Сцены.*)

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

НЕДОПЕКИНЪ, Семенъ Парамонычъ.
ЛИСАВСКІЙ, Сидоръ Дмитричъ.
1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.
2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.
СМУРОВЪ, купецъ, дядя Недопекина.
ВАСЯ, племянникъ Смурова, двоюродный братъ Недопекина.
СИДОРЫЧЪ, прикащикъ тетки Недопекина.
ИВАНЪ, лакей.
ГРИШКА, мальчикъ.

Богато-меблированная комната: на задней стѣна дверь въ переднюю, на лѣвой — въ кабинетъ; направо отъ зрителей турецкій диванъ и всякаго рода мягкая мебель; съ лѣвой стороны — письменный столъ съ богатыми принадлежностями; ближе къ зрителямъ трюмо; окна роскошно драпированы, на стѣнахъ эстампы.

I.

Иванъ и Сидорычъ сидятъ на креслахъ, Гришка стоитъ.

ИВАНЪ.

Да посиди, куда ты?

СИДОРЫЧЪ.

Пора-съ, еще надо кое-куда зайдти.

ИВАНЪ.

Еще успѣешь. Да тебѣ на что Семена-то Парамоныча?

СИДОРЫЧЪ.

Да тетинька ихъ завтрашняго числа къ себѣ на вечеръ просятъ.

Digitized by Google

ИВАНЪ.

Ну такъ не поѣдетъ: и дожидаться тебѣ нечего.

СИДОРЫЧЬ.

Отъ чего жъ не поѣдутъ-съ?

ИВАНЪ.

Нечего ему дѣлать у васъ, вотъ тебѣ и все. Ваши-то вѣдь какъ есть русаки. Вѣдь вы по буднямъ-то изъ одной чашки ѣдите, въ восьмомъ часу спать ложитесь. Только въ имянины да по праздникамъ и раскошеливаетесь. А мы, видишь, какъ живемъ. Смотри (*показываетъ кругомъ*)! то-то, вотъ оно и есть. Такъ-то, братецъ ты мой! Да теперь будемъ говорить насчетъ компаніи: какая у васъ компанія? Ни обращенія никакого, ни политики. Намъ, братъ, у васъ нечего дѣлать. Вотъ онъ меня за что уважаетъ? Потому, я всѣ эти порядки знаю. Я, братъ, служилъ все у хорошихъ людей. У генерала Симевича два года служилъ, у совѣтника служилъ. Такъ ужъ мнѣ пора знать. Ужъ онъ такъ меня и спрашиваетъ: что, говоритъ, Иванъ, это какъ у генерала? — вотъ говорю, такъ и такъ; а это какъ? — а это вотъ такъ, молъ. Хорошо, говоритъ.

СИДОРЫЧЬ.

А скоро они встанутъ?

ИВАНЪ.

А ты, вотъ, смотри на часы. У насъ ужъ теперь извѣстный. Ужъ поневолится, да проспитъ до втораго часу. Я еще такого и не видывалъ, чтобы кто такъ модѣ подражалъ. Вотъ теперь встаетъ во второмъ часу; а скажи ему, что господа встаютъ съ пѣтухами вмѣстѣ, — вѣдь и онъ тоже съ пѣтухами станетъ вставать.

СИДОРЫЧЬ.

Тонъ наблюдаютъ-съ.

ИВАНЪ.

Ужъ какъ наблюдаетъ-то, просто смѣхъ смотрѣть на него. Увидитъ гдѣ на гуляньѣ или въ тсатрѣ, какъ кто одѣтъ, какъ кто ходитъ, сейчасъ и перенимаетъ; вотъ здѣсь и учится передъ зеркаломъ. Ей-Богу. А все-таки, братъ, у насъ чего нѣтъ, все это на барскую ногу. Видишь какъ мы жи-

Digitized by Google

вемъ. А ты что! Вамъ хоть горы золотыя давай; ужъ это все одно; заведеніе такое, самое необразованное. А мы, видишь, какъ живемъ. Вотъ, хочешь книжку почитать?

СИДОРЫЧЪ.

Коли можно, такъ дайте какую-нибудь позанятнѣе.

ИВАНЪ.

Ужъ что тутъ толковать!

СИДОРЫЧЪ.

Да не спросили бы неровно.

ИВАНЪ.

Ахъ ты какой человѣкъ! Говорятъ: бери; такъ бери. Вотъ тебѣ (*даетъ книгу*). У насъ, братъ, все есть: всякія книги, журналы, ноты всякія; вотъ видишь (*показываетъ ему*). Мы, братъ, по-барски живемъ. Вотъ, хочешь цыгаръ!

СИДОРЫЧЪ.

Пожалуйте парочку.

ИВАНЪ.

Что парочку! бери десятокъ. У насъ, братъ, хорошія цыгары; 50 рублей сотня.

СИДОРЫЧЪ.

Ну какъ узнаютъ, забранятся пожалуй.

ИВАНЪ.

Что толковать! ужъ ты бери, коли даютъ. Приходи въ другой разъ: еще дамъ, у насъ этого добра не переводится.

СИДОРЫЧЪ.

За тѣмъ прощайте-съ. Неколи мнѣ ждать-то. Я ужъ завтра зайду-съ.

ИВАНЪ.

А намъ, братъ, не рука по вашимъ вечеринкамъ ѣздить! (*Сидорычъ уходитъ, Гришка за нимъ. Иванъ садится на кресло и беретъ газету. Гришка возвращается.*) А я тебѣ, Гришка, одинъ разъ навсегда говорю: коли хочешь ты быть человѣкомъ, ты старшихъ слушай, да не огрызайся, ты со старшихъ примѣръ бери.

ГРИШКА.

Да, со старшихъ. А ты зачѣмъ бариновы цыгарки раздаешь?

Digitized by Google

ИВАНЪ.

Не тебя ли еще спрашиваться? А ты платье вычистилъ?

ГРИШКА.

Да когда чистить-то.

ИВАНЪ.

А что жъ ты цѣлое утро дѣлалъ-то?

ГРИШКА.

Небось ничего не дѣлалъ.

ИВАНЪ.

Ну смотри.

ГРИШКА.

Да что смотрѣть! Я небось ходилъ. А самъ что дѣлалъ! Все утро Пчелу читалъ.

ИВАНЪ.

Такъ вотъ я и стану тебѣ платье чистить! (*Передразниваетъ его*) Пчелу читалъ! Я, братъ, свое дѣло знаю. (*Звенятъ*). Отопри пошелъ (*встаетъ со стула*).

II.

ЛИСАВСКІЙ (*входитъ, свищетъ*).

Сеничка дома?

ИВАНЪ.

Семенъ Парамонычъ!

ЛИСАВСКІЙ.

Ну да.

ИВАНЪ.

Да вы не очень кричите, почиваетъ-съ.

ЛИСАВСКІЙ.

Ну я подожду. (*Садится на кресло, разбираетъ книги*). А гдѣ Библіотека для Чтенія?

ИВАНЪ.

А я почемъ знаю? чай сами же взяли.

ЛИСАВСКІЙ.

Что ты врешь.

ИВАНЪ.

Что мнѣ врать-то. Вы, Сидоръ Митричь, книжки-то, которыя взяли, принесите.

Digitized by Google

ЛИСАВСКИЙ.

Ну ужъ это не твое дѣло.

ИВАНЪ.

Конечно не мое. А неравно спроситъ, я долженъ отвѣчать-то.

ЛИСАВСКИЙ.

Дай огню (*беретъ сигару, а двь кладетъ въ карманъ*).

ИВАНЪ.

Гришка, подай огню. Вотъ вы, Сидоръ Митричь, всегда у барина цыгары берете; а онъ спрашиваетъ! Отчего, говоритъ, Иванъ, скоро цыгары выходятъ, ты, говоритъ, смотри, чтобъ не таскали.

ЛИСАВСКИЙ.

Пошелъ, братецъ, ты мнѣ надоѣлъ ужъ. Ну скажи, что я беру.

ИВАНЪ.

То-то скажи. А оно не хорошо; съ нашего брата спрашиваютъ (*уходитъ*).

ЛИСАВСКИЙ (*молча читаетъ какой-то журналъ*).

Что такое! Статья о театрѣ! Посмотримъ, посмотримъ. (*Читаетъ*) «Гдѣ найдешь не знаешь, потеряешь не ожидаешь, или не берись за гужъ, если не дюжъ. Шутка въ 1 дѣйствіи, а если бы не дверь на улицу, такъ была бы не шутка, а серьёзное дѣло, водевиль Лисавскаго.» (*Читаетъ про себя*). Нѣтъ, это выше силъ! Это ни на что не похоже. «Ни малѣйшаго таланта!» Ахъ онъ мерзавецъ. Желалъ бы я знать, кто это написалъ? Кто бы? (*Думаетъ*). Нѣтъ, не онъ, гдѣ ему. Развѣ вотъ этотъ. Да ужъ кромѣ его некому. Онъ думаетъ, можетъ быть, что я не узнаю. Нѣтъ, погоди, голубчикъ; вѣдь ужъ этого не скроешь. Это чортъ знаетъ что такое! «Ни малѣйшаго таланта.» Только бы мнѣ узнать, ужъ я доѣду. Да это онъ; нечего и толковать; по глазамъ видно, что мерзавецъ. Однако это непріятно: вдругъ тебя ругаютъ публично. Кто! Андронову до сихъ поръ 15 цѣлковыхъ долженъ; да и у меня, кажется, просилъ. Да просилъ, просилъ, это я помню. (*Смотритъ на рукавъ*) Ну, одно за другимъ: тамъ какая-то

Digitized by Google

скотина ругается, тутъ фракъ протерся. (*Съ отчаяніемъ махнувши рукой*). Это со мной только съ однимъ и можетъ случиться. Гонитъ судьба, преслѣдуетъ. (*Сидитъ нѣсколько времени задумавшись*). Кажется, у Сенички лишній есть. — Иванъ!

ИВАНЪ (*входитъ*).

Что угодно?

ЛИСАВСКІЙ.

Что, Сеничка зеленый фракъ не носитъ?

ИВАНЪ.

Не носитъ.

ЛИСАВСКІЙ.

Ну такъ ты, Ваня, завяжи его въ платокъ.

ИВАНЪ.

Ужъ это я безъ приказанія не могу-съ.

ЛИСАВСКІЙ.

Ну такъ прикажутъ.

ИВАНЪ.

А тогда дѣло другаго рода; хоть два завяжемъ. А безъ приказанія не могу. Вотъ вы бекешку-то взяли одинъ разъ надѣть, да и заносили совсѣмъ. Этакъ всякому раздавать, такъ не напасешься. Мнѣ что за дѣло: не мое, а барское. Наше дѣло, извѣстно, лакейское, а и то совѣсть знаешь.

ЛИСАВСКІЙ.

Вѣдь, вотъ, Ваня, ты и обижаешь меня, а вѣдь я тебя люблю.

ИВАНЪ.

Ваша любовь-то извѣстно какая: изъ нея шубу не сошьешь. Вы у барина и то и сё берете, а я еще отъ васъ гривенника не видалъ. Хоть бы когда въ глаза плюнули. Только кричите: подай то, подай другое. Я и у хорошихъ людей жилъ, да этакаго обращенія не видалъ. Извѣстно, ужъ благороднаго человѣка сейчасъ видно.

ЛИСАВСКІЙ.

Да нельзя же мнѣ при людяхъ къ тебѣ на шею кидаться. А наединѣ я съ тобой всегда по дружески. Ей-Богу,

Digitized by Google

Ваня, по дружески. Да чѣмъ мнѣ гордиться-то передъ тобой, чѣмъ ты хуже меня! Ты свое дѣло знаешь, ты честенъ. Честность вѣдь, Ваня, великое дѣло. Я больше за честность и люблю тебя. Я всякому готовъ быть другомъ, только будь честенъ.

ИВАНЪ.

Какое же въ этомъ дружество можетъ заключаться? Сказано лакей. Какая отъ этого можетъ честность произойдти!

ГРИШКА (*входитъ*).

Пріѣхалъ кто-то.

ИВАНЪ.

Проси.

ЛИСАВСКІЙ.

Разбуди, поди.

ИВАНЪ.

Разбуди! не велитъ будить-то.

ЛИСАВСКІЙ.

Ну такъ я самъ пойду (*уходитъ*).

III.

Входятъ двое молодыхъ людей: 1-й входитъ въ комнату, а 2-й остается въ дверяхъ.

2-й МОЛОД. ЧЕЛОВѢКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ.

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Да полно, братецъ, что за вздоръ.

2-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Ни за что на свѣтѣ.

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Помилуй, ты его не знаешь: онъ отличный малый.

2-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Я съ нимъ не знакомъ. Да и съ какой стати я явлюсь къ нему вдругъ знакомиться. Что онъ за птица!

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Какое тебѣ дѣло. Въ нынѣшній вѣкъ на это надо смотрѣть съ философской точки зрѣнія; хорошо кормитъ, вино

Digitized by Google

хорошее; чего жъ тебѣ еще. Очень нужно тебѣ его образованіе и манеры. Нѣтъ, ты останься, посмотри, какъ онъ радъ будетъ съ тобой познакомиться.

2-й мол. человѣкъ.

Вѣдь мы ему дѣлаемъ честь своимъ знакомствомъ, а не онъ намъ, значитъ не прилично мнѣ къ нему являться первому. Онъ можетъ подумать, что я нарочно для того набиваюсь на знакомство, чтобы обѣдать на его счетъ.

1-й мол. человѣкъ.

А тебѣ-то что за дѣло, что онъ подумаетъ.

2-й мол. человѣкъ.

Не пойду, воля твоя не пойду.

1-й мол. человѣкъ.

Ты то возьми: у него денегъ можно занять.

2-й мол. человѣкъ

Да я все это понимаю! Что ты мнѣ еще разсказываешь! Да все-таки какъ-то тяжело. Ты подумай, какую мы будемъ роль играть.

1-й мол. человѣкъ.

Никакой роли! Поѣдимъ, выпьемъ, и все тутъ.

2-й мол. человѣкъ.

Нѣтъ. — Прощай.

1-й мол. человѣкъ.

Ну такъ ты вотъ что: отправляйся къ Шевалье и жди, а я его привезу туда. Тамъ и познакомитесь; онъ насъ обѣдомъ угоститъ.

2-й мол. человѣкъ.

Ну вотъ это другое дѣло; а то все какъ-то неловко. Прощай. (*Уходитъ*).

ЛИСАВСКІЙ (*выходя изъ кабинета*).

А! здравствуйте!

1-й мол. человѣкъ.

Что онъ проснулся?

ЛИСАВСКІЙ.

Одѣвается.

Digitized by Google

1-й мол. человѣкъ.

Послушайте, господинъ Лисавскій, это вы ему писали письмо въ стихахъ къ одной особѣ; мнѣ его показывали.

ЛИСАВСКІЙ

Конечно я, гдѣ жъ ему-съ.

1-й мол. человѣкъ.

Я такъ и думалъ. Очень хорошо написано, очень хорошо.

ЛИСАВСКІЙ.

А вы видѣли мой водевиль: «Одинъ женихъ за троихъ, или то же, да не то»?

1-й мол. человѣкъ.

Нѣтъ, не видалъ. А что же?

ЛИСАВСКІЙ.

Тамъ у меня есть куплетецъ: Хоть онъ въ рядахъ торгуетъ плохо, а лѣзетъ въ креслахъ въ первый рядъ

1-й мол. человѣкъ.

А, понимаю. Очень хорошо написано, и, главное дѣло, очень похоже.

IV.

НЕДОПЕКИНЪ (*входитъ и машетъ Лисавскому; тотъ уходитъ*).

1-й мол. человѣкъ.

Bon jour, M-sier Недопекинъ!

НЕДОПЕКИНЪ.

Извините, я васъ заставилъ дожидаться. Я вчера поздно пріѣхалъ. А впрочемъ я всегда такъ встаю: въ половинѣ перваго. (*Вынимаетъ часы*) Вотъ ровно половина перваго. Я читаю долго по вечерамъ.

1-й мол. человѣкъ.

Вы читаете?

НЕДОПЕКИНЪ.

Читаю. Знаете, нельзя-съ.

1-й мол. человѣкъ.

Что же вы читаете?

Digitized by Google

НЕДОПЕКИНЪ.

Журналы, ученыя сочиненія. Я всѣ почти журналы выписываю.

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Русскіе?

НЕДОПЕКИНЪ.

Русскіе.

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Полноте, что вы! (*смѣется*) Да что тамъ читать-то? Переводные Французскіе романы.

НЕДОПЕКИНЪ.

Да-съ, Французскіе романы.

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Такъ ужъ лучше его въ подлинникѣ прочесть.

НЕДОПЕКИНЪ.

Да-съ, это несравненно лучше-съ.

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

А вы сами ничего не пишете?

НЕДОПЕКИНЪ.

Я думаю что-нибудь написать. Я стихи пишу-съ. Я пѣть хочу учиться; только не знаю, гдѣ взять учителя, чтобы самаго лучшаго. Не знаете ли вы?

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Самыхъ лучшихъ нѣтъ здѣсь. А вотъ, если вы хотите, я васъ познакомлю съ однимъ литераторомъ, — умнѣйшій малый.

НЕДОПЕКИНЪ.

Ахъ, сдѣлайте одолженіе!

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Вы приходите нынче обѣдать къ Шевалье; я васъ отрекомендую.

НЕДОПЕКИНЪ.

Непремѣнно буду-съ.

1-й МОЛ. ЧЕЛОВѢКЪ.

Такъ прощайте, до свиданія.

НЕДОПЕКИНЪ.

Прощайте-съ. Я непремѣнно, непремѣнно буду-съ.

Digitized by Google

V.

ЛИСАВСКІЙ (*изъ двери*).

Что, ушелъ?

НЕДОПЕКИНЪ.

Ушелъ. Послушай, скоро ли ты меня по-Французски-то выучишь?

ЛИСАВСКІЙ.

Да зачѣмъ тебѣ такъ скоро понадобилось?

НЕДОПЕКИНЪ.

Какъ зачѣмъ! читать Французскія книги. Не Русскія же читать! Ха-ха-ха! Кто же Русскія читаетъ! Нѣтъ, братъ, насъ не обманешь. (*Ходятъ обнявшись*).

ЛИСАВСКІЙ.

Послушай, Сеничка! А вѣдь ты хорошъ, ей-Богу хорошъ. Вѣдь ты себѣ цѣны не знаешь. Погляди-ка ты на себя. Вѣдь это идеалъ мужчины: Аполлонъ, Аполлонъ, просто Аполлонъ. (*Недопекинъ стоитъ передъ зеркаломъ и улыбается.*) Знаешь ли что, Сеня?

НЕДОПЕКИНЪ.

А что?

ЛИСАВСКІЙ.

Ты красавецъ, рѣшительно красавецъ; только позволь, другъ, тебѣ правду сказать.

НЕДОПЕКИНЪ.

Говори.

ЛИСАВСКІЙ.

Только ты, Сеня, не сердись! Ты одѣваться не умѣешь. Имѣй-ка я твое состояніе, такъ я бы, знаешь ли, какъ одѣвался.

НЕДОПЕКИНЪ.

А какъ?

ЛИСАВСКІЙ.

Убилъ бы всѣхъ, да и все тутъ. Ну вотъ теперь ты порядочно одѣтъ, можно сказать, безукоризненно. А иногда надѣваешь, чортъ знаетъ что! Зеленые фраки носишь, просто гадость.

НЕДОПЕКИНЪ.

Да съ чего же ты взялъ? я ужъ зеленаго давно не ношу.

Digitized by Google

ЛИСАВСКІЙ.

Какъ не носишь, да недавно надѣвалъ.

НЕДОПЕКИНЪ.

Когда надѣвалъ! Что ты врешь-то! Стану я зеленый фракъ носить.

ЛИСАВСКІЙ.

Толкуй! толкуй! А зачѣмъ-же ты его сшилъ?

НЕДОПЕКИНЪ.

Такъ, сшилъ да и все тутъ. Что жъ не сшить! Денегъ что ли у меня нѣтъ.

ЛИСАВСКІЙ.

Счастливецъ ты, Сеня: богатъ, какъ чортъ, хорошъ! Я, братъ, все любуюсь на тебя! Вѣдь угораздило же тебя такимъ красавцемъ родиться. Каково, я думаю, на тебя смотрѣть женщинамъ. Вѣдь это, братъ, смерть, ей-Богу смерть! Только ты ужъ, Сеня, не дурачься: зеленыхъ фраковъ не носи.

НЕДОПЕКИНЪ.

Говорятъ тебѣ, не ношу.

ЛИСАВСКІЙ.

Охъ, Сеня, боюсь, осрамишь ты мою головушку.

НЕДОПЕКИНЪ.

Да, ей-Богу, не надѣну.

ЛИСАВСКІЙ.

А вотъ взять его у тебя, такъ короче дѣло-то будетъ.

НЕДОПЕКИНЪ.

Да возьми пожалуй! Ты думаешь, одѣваться не умѣю. Да я захочу, такъ у меня завтра сто фраковъ будетъ. Я, братъ, знаю, какъ одѣваться, ты меня не учи, сдѣлай милость. А то важность мнѣ зеленый фракъ (*ходитъ передъ зеркаломъ*).

ЛИСАВСКІЙ.

Ты, Сеня, не сердись; я любя, ей-Богу любя. Иванъ! (*входитъ Иванъ*) Завяжи въ платокъ зеленый фракъ (*Иванъ уходитъ*). А что мы, Сеня, съ тобой завтракать будемъ?

НЕДОПЕКИНЪ.

Да мнѣ что-то не хочется.

Digitized by Google

ЛИСАВСКІЙ.

Какъ это ты, Сеня, говоришь: не хочется. Дивлюсь я на тебя. Да веди ты, братецъ, правильную жизнь. Положи ты себѣ за правило: завтракать въ часъ, обѣдать въ четыре. Всѣ порядочные люди такъ дѣлаютъ.

НЕДОПЕКИНЪ.

Развѣ всѣ въ часъ завтракаютъ?

ЛИСАВСКІЙ.

Да разумѣется, что всѣ; а то какъ же?

НЕДОПЕКИНЪ.

Что жъ, давай, закусимъ что-нибудь.

ЛИСАВСКІЙ.

Да не что-нибудь, а надобно выбрать полегче, позящнѣе. Вотъ, напримѣръ: спаржу, изъ дичи что-нибудь, лафита хорошаго.

НЕДОПЕКИНЪ.

Ну ужъ это мы съ завтрашняго дня заведемъ, а теперь такъ что-нибудь: ужъ одинъ день не счетъ, вѣдь мнѣ еще нынче обѣдать у Шевалье. Иванъ! (*входитъ Иванъ*) Принеси намъ позавтракать, да вина дай получше. (*Иванъ уходитъ*) Съ какимъ, братецъ, я тамъ писателемъ нынче познакомлюсь, не тебѣ чета. Вотъ ты и знай нашихъ.

ЛИСАВСКІЙ.

Сеня, возьми меня!

НЕДОПЕКИНЪ.

А тебѣ что тамъ дѣлать? Это, братъ, не твое общество.

ЛИСАВСКІЙ.

А ты думаешь, твое? Они же надъ тобой послѣ смѣются, а я бы тебя, по крайней мѣрѣ, поддерживалъ.

НЕДОПЕКИНЪ.

Толкуй, толкуй! (*Иванъ приноситъ завтракъ. Садятся*).

ЛИСАВСКІЙ.

Вѣдь мнѣ все равно, какъ хочешь, такъ и дѣлай; я тебѣ по дружбѣ говорю.

Digitized by Google

НЕДОПЕКИНЪ (*показывая ему бутылку*).

Погляди-ка! А! Какова штука-то! Ты посмотри, чего стоитъ-то! Ты, я думаю, съ роду не пивалъ. Только этого ужъ я тебѣ не дамъ.

ЛИСАВСКІЙ.

Полно дурачиться-то, наливай!

НЕДОПЕКИНЪ.

Нѣтъ ужъ, не дамъ.

ЛИСАВСКІЙ.

Вотъ ужъ не люблю.

НЕДОПЕКИНЪ.

Нѣтъ, жирно будетъ васъ этакимъ виномъ поить. Ата́нде-съ!

ЛИСАВСКІЙ.

Что ломаешься-то. Вѣдь ты вкуса не знаешь въ этомъ, тебѣ бы только ярлыкъ дорогой, а тамъ хоть уксусу налей.

НЕДОПЕКИНЪ.

Разсказывай, разсказывай.

ЛИСАВСКІЙ.

Велика важность! Да я и самъ не хочу; и просить будешь, такъ не стану.

НЕДОПЕКИНЪ.

Да не безпокойся, я и не дамъ.

ЛИСАВСКІЙ.

Да я и завтракать не стану (*встаетъ*). И чортъ меня дернулъ связываться-то съ тобой.

НЕДОПЕКИНЪ.

Да ты и не связывайся.

ЛИСАВСКІЙ.

А ты думаешь, нужно очень! Вашего брата и по-Русски-то говорить порядочно выучишь, а вы ужъ и зазнаетесь. Безъ меня-то ты до сихъ поръ говорилъ бы: оттедова, откуличи, а́хтеръ.

НЕДОПЕКИНЪ.

Ты мнѣ деньги-то отдай, которыя бралъ.

Digitized by Google

ЛИСАВСКІЙ (*садясь къ столу*).

Нѣтъ вѣдь, вотъ, Сеня, что душу-то возмущаетъ — это неблагодарность.

НЕДОПЕКИНЪ.

Ну полно, не сердись (*наливаетъ ему*). Я пошутилъ.

ЛИСАВСКІЙ.

Нѣтъ вѣдь ей-Богу, Сеня, обидно.

НЕДОПЕКИНЪ.

Что жъ, ты принесъ стихи?

ЛИСАВСКІЙ (*отдаетъ*).

На, возьми. Только ты, пожалуйста, Сеня, будь осторожнъ въ словахъ. Я знаю, что это шутка; да все-таки не хорошо — дурныя замашки: между порядочными людьми этого не бываетъ. Ты знаешь, я щекотливый человѣкъ.

НЕДОПЕКИНЪ (*читаетъ*).

Ну ужъ хорошо, будетъ толковать-то. Что это я не разберу.

ЛИСАВСКІЙ (*беретъ у него, и читаетъ*).

Я видѣлъ васъ, какъ вы сидѣли въ ложѣ,
И, Боже мой, какъ были вы похожи
На пери, на жизель, на этѣхъ фей....

НЕДОПЕКИНЪ.

Что такое «фей»?

ЛИСАВСКІЙ.

Ахъ, какъ ты этого не знаешь! Это такія воздушныя существа.

НЕДОПЕКИНЪ.

Хорошо, хорошо, читай!

ЛИСАВСКІЙ (*читаетъ*).

Не пери, на жизель, на этѣхъ фей,
Что граціей и легкостью своей
Къ себѣ сердца и взоры привлекаютъ....

НЕДОПЕКИНЪ.

Ну остальное я самъ разберу.

ЛИСАВСКІЙ.

Кстати, ты нынче будешь въ театрѣ?

Digitized by Google

НЕДОПЕКИНЪ.

Какъ же! Вѣдь нынче балетъ. Зайди, возьми мнѣ кресло въ первомъ ряду.

ЛИСАВСКІЙ.

Хорошо. Такъ ты дай денегъ. (*Недопекинъ даетъ*). Ну прощай!

НЕДОПЕКИНЪ.

Прощай!

ЛИСАВСКІЙ (*возвращаясь*).

Такъ я ужъ кстати и себѣ возьму рядомъ съ тобой, а?

НЕДОПЕКИНЪ.

Ну возьми, чортъ съ тобой! Иванъ! Давай одѣваться! (*Входитъ Иванъ съ платьемъ и Гришка. Недопекинъ надѣваетъ пальто, шляпу, беретъ палку и начинаетъ ходить передъ зеркаломъ; Гришка смотритъ на него.*)

ГРИШКА.

Вонъ у Яшки-то у княжескаго штаны-то вотъ тутъ съ пуговками.

НЕДОПЕКИНЪ.

Иванъ, какія тамъ еще пуговки?

ИВАНЪ.

Это такъ точно, это грума называется.

НЕДОПЕКИНЪ.

Ну такъ ты вели ему сдѣлать.

ИВАНЪ.

Это грума, а то вотъ вмѣсто кучера во фракѣ сажаютъ — такъ это жокей. (*Недопекинъ уходитъ, Гришка за нимъ. Иванъ прибираетъ со стола, разставляетъ мебель; потомъ садится съ книгой на кресло. Звонятъ.*)

ИВАНЪ.

Нѣтъ тебѣ покою ни на минуту; и свой-то съ ногъ собьетъ; а тутъ чужіе то-и-дѣло шляются.

Digitized by Google

VI.

СМУРОВЪ (*входитъ; за нимъ Вася*).

Что, Семенъ дома?

ИВАНЪ.

Уѣхали-съ.

СМУРОВЪ.

А не знаешь куда?

ИВАНЪ.

Не знаю. Подождите, можетъ, скоро будетъ.

СМУРОВЪ.

Подождемъ! Садись, Вася, будемъ его милости дожидаться.

(*Иванъ уходитъ. Молчаніе.*)

ВАСЯ.

Абрамъ-то Сидорычь говоритъ нынче: я, говоритъ, протестую.

СМУРОВЪ.

Ишь ты, срамъ какой! А еще-то много долженъ, не слыхалъ ты?

ВАСЯ.

Тысячь на пять серебромъ наберется.

СМУРОВЪ.

Все по довѣренности матери?

ВАСЯ.

По довѣренности.

СМУРОВЪ.

Платежи-то не скоро?

ВАСЯ.

По одному-то на этой недѣлѣ надо платить. Данъ былъ Бѣлорыбицыну; а онъ Семену Арефьичу передалъ. Семенъ-то Арефьичь вчера и говоритъ въ трактирѣ: мнѣ, говоритъ, заплатитъ, а то я старуху-то и въ яму потяну.

Digitized by Google

СМУРОВЪ.

Да и по дѣломъ ей, дурѣ, коли допустила до этого. Хорошо еще, что я-то хватился; а то онъ накуралесилъ бы, что и не разхлебаешь. Ишь ты, какъ разукрасилъ съ дуру-то! Трюмо завелъ! (*смѣется*) книжки разныя! Покажь-ка, Вася, что тамъ за книжки.

ВАСЯ (*беретъ книгу*).

Французская, должно быть, либо Нѣмецкая.

СМУРОВЪ.

Нешто онъ по-Французски-то знаетъ?

ВАСЯ.

Гдѣ, дядинька, знать! Такъ для близиру лежатъ.

СМУРОВЪ.

Эка дурачина-то. (*Смѣется, потомъ вздыхаетъ*) Эхъ, то-то глупо-то! То-то бить-то некому (*Молчаніе*). Чей это мальченко-то у него?

ВАСЯ.

Матренинъ внучекъ, что у тетиньки-то живетъ старуха; еще она сродни тетиньки-то.

СМУРОВЪ.

Такъ, стало быть онъ сынъ Сидорыча-то, что у свата на фабрикѣ?

ВАСЯ.

Сынъ. А сестру его, Дашу, помните, тетинька замужъ выдавала за лавочника. Еще, помните, Ганька-то кудрявый весь сажей вымазался.

СМУРОВЪ.

Помню, помню. Отецъ-то — славный малый, честный; а мальчишку-то какъ обезобразили. Вѣдь вотъ отецъ-то его ни въ чемъ не замѣченъ; а сынишка-то что дѣлаетъ. Обругать надо человѣка — этакую штуку надѣть. Конечно онъ мальчишка, его, какъ хошь, тормоши; да за что же обезьяной-то наряжать! Какъ его зовутъ-то?

ВАСЯ.

Гришуткой.

Digitized by Google

СМУРОВЪ.

Гришутка, а Гришутка?

ГРИШКА (*входитъ*).

Чего изволите-съ?

СМУРОВЪ.

Повернись-ка, повернись! Хорошъ, братъ, нечего сказать.

ВАСЯ.

Дядинька! Точно онъ физикъ какой галанской. На птицу похожъ.

СМУРОВЪ.

Будешь похожъ, когда этакой кортеколъ надѣнутъ.

ГРИШКА.

Да нынче такъ носятъ.

СМУРОВЪ.

Да кто носитъ-то, глупый! Носятъ! Мало ли что носятъ! Всѣхъ нищихъ не перещеголяешь! Ну за что тебя такъ обругали! Эхъ Гриша, Гриша! Не хорошо, братецъ! Ты чѣмъ здѣсь занимаешься-то!

ГРИШКА.

Ни чѣмъ не занимаюсь. На посылкахъ, да пыль сотрешь, за столомъ прислужишь.

СМУРОВЪ.

Балуешься ты здѣсь, я внижу, около моего племянника-то. Тебя одѣли дуракомъ, а ты и радъ. А ты полно паясничать-то, ты ужъ не маленькой, пора и объ себѣ подумать. Чего ты здѣсь дождешься? Ничего не дождешься, ни лысаго бѣса. А ты бы просился у бабушки-то, чтобъ тебя куда въ порядочное мѣсто отдали; въ лавку, что ли куда; по крайности со временемъ человѣкъ будешь. А то, что народъ-то смѣшишь! Я, вотъ, бабушкѣ то поговорю. (*Входитъ Иванъ*). Что жъ, скоро ли будетъ то?

ИВАНЪ.

Не знаю, можетъ быть и вовсе не пріѣдетъ. Да вотъ, вы напишите, что вамъ нужно (*подаетъ ему бумагу и перо*).

СМУРОВЪ.

Напишите! А что я стану писать! Ишь ты разгулялся очень! Какого я ему рожна напишу! Умны вы очень! На-

Digitized by Google

пишите! Дуракъ ты, я вижу, и съ бариномъ-то съ твоимъ; а то еще «напишите» Очень мнѣ нужно! Поди-ко-сь, господа какіе! Пойдемъ, Вася.

ИВАНЪ.

Что же сказать прикажете, коли Семенъ Парамонычь спросятъ?

СМУРОВЪ.

Скажи ему, что дуракъ онъ: вотъ что.

ВАСЯ.

Дядинька, онъ говоритъ, что онъ образованный человѣкъ.

СМУРОВЪ.

Какъ же ему не быть образованнымъ! Изъ трактировъ не выходитъ, по рощамъ шампанское пьетъ. (*Ивану*) Такъ ты слушай! Ты скажи ему, чтобъ онъ нынче же къ матери пріѣхалъ, что дядинька, молъ, нарочно заѣзжалъ. Да ты скажи ему, что я самъ старухѣ-то скажу, чтобы она довѣренность-то уничтожила, да въ газетахъ публикуемъ, что долговъ за него не платимъ, тогда и живи, какъ онъ хочетъ: ужъ я ему ни слова не скажу. Мы ему хвостъ-то прижмемъ (*уходятъ*).

А. Островскій.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 23. Декабрь. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СВ. ИГУМЕНЪ ѲЕОДОСІЙ.

Св. Ѳеодосій, славный Игуменъ Печерскаго монастыря, родился въ Василевѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

Отецъ его, принадлежавшій, вѣроятно, къ военному сословію, вскорѣ переведенъ былъ Княземъ на жительство въ Курскъ. Въ этомъ городѣ Ѳеодосій провелъ свое дѣтство и юность.

Съ малыхъ лѣтъ полюбилъ онъ ходить въ церковь и слушать божественную службу. Рано началъ онъ учиться грамотѣ, и въ короткое время выучился читать и писать такъ, что всѣ дивились его понятливости, не меньше какъ и благонравію: особенно отличался онъ покорностію, не только предъ учителемъ, но и предъ товарищами; въ дѣтскихъ играхъ не принималъ никогда никакаго участія, терпѣть не могъ нарядныхъ одеждъ, и всего болѣе занимался чтеніемъ Свя-

* Предлагаемый отрывокъ написанъ по житію и лѣтописи Нестора. Всѣ подробности, здѣсь собранныя, принадлежатъ или самому Св. Ѳеодосію, или братіи, или жизнеописателю, или наконецъ ихъ современникамъ, что для насъ въ историческомъ итогѣ равно любопытно, показывая, какими мыслями, чувствованіями, вѣрованіями отличалось время. Моего здѣсь только расположенія и повѣствованіе. *М. П.*

Digitized by Google

щеннаго Писанія. Съ лѣтами увеличивалась въ немъ набожность: онъ посѣщалъ каждодневно церковь, и думалъ только о томъ, какъ спасти душу свою, подражая въ жизни святымъ угодникамъ Божіимъ. Когда ему исполнилось 13 лѣтъ, отецъ его умеръ. Молодой человѣкъ началъ ходить на поле и тамъ, въ рубищѣ, работать вмѣстѣ съ рабами, не смотря на запрещенія матери. Но больше всего занимала его мысль побывать въ Святой землѣ, и поклониться мѣстамъ, прославленнымъ подвигами и страданіями Спасителя.

Шли паломники. Ѳеодосій упросилъ ихъ взять его съ собою въ Палестину. Тѣ обѣщались, и, оставляя Курскъ, дали ему знать о томъ на канунѣ. Ночью, когда всѣ въ домѣ спали, Ѳеодосій собрался, вышелъ изъ города, и вскорѣ присоединился къ богомольному обществу. Мать, проснувшись, была внѣ себя отъ гнѣва, поспѣшила вслѣдъ за бѣглецемъ, и вскорѣ его настигла. Избивъ его, привела назадъ связаннаго и заперла въ клѣти. Юноша радовался своему униженію. Чрезъ два дня мать выпустила его изъ клѣти, но заковала ноги въ желѣза, въ предупрежденіе новаго бѣгства. Впрочемъ, не смотря на свою жестокость, она любила его больше всѣхъ дѣтей своихъ, и чрезъ нѣсколько времени сняла оковы, прося убѣдительно, со слезами, чтобъ онъ не оставлялъ ея болѣе.

Ѳеодосій находилъ себѣ одно утѣшеніе въ церкви. Литургія не совершалась иногда за неимѣніемъ просфоръ. Молодой человѣкъ выучился самъ печь просфоры, покупалъ жито, мололъ своими руками, и приносилъ просфоры въ церковь. Сверстники смѣялись надъ такимъ занятіемъ, мать запрещала, но онъ привелъ ее въ удивленіе, какъ замѣчаетъ жизнеописатель, премудростію своего отвѣта, сказавъ: по слову Христа Спасителя, сіе есть тѣло Его, за ны ломимое, — мнѣ ли не радоваться, сподобясь приготовлять хлѣбъ, претворяемый въ святую плоть Христову.

Мать однако же мѣшала ему безпрестанно, такъ или иначе, слѣдовать влеченію своего сердца, и онъ рѣшился уйдти отъ нея; скрылся было въ сосѣднемъ городѣ у священника, но опять былъ найденъ и возвращенъ въ Курскъ.

Digitized by Google

Посадникъ полюбилъ его за смиреніе его, и велѣлъ ему жить при своей церкви; велѣлъ надѣть на него чистую одежду, но Ѳеодосій тотчасъ отдалъ ее нищимъ, другую — также, что повторилось нѣсколько разъ. Случился праздникъ. У посадника обѣдали городскія почетныя лица. Матери хотѣлось, чтобъ ея сынъ показался въ людяхъ прилично, она пришла одѣть его сама и увидѣла сорочку его всю въ крови: благочестивый юноша носилъ вериги. Мать насильно сняла съ него желѣзную цѣпь, которая вгрызлась въ тѣло его и причиняла язвы, изъ коихъ точилась кровь.

Чтобъ положить навсегда конецъ тягостной борьбѣ, Ѳеодосій рѣшился постричься. Однажды, какъ мать отъѣхала на село, онъ выбѣжалъ изъ дома, прямо за городъ, чтобъ идти въ Кіевъ и водвориться въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Но онъ не зналъ дороги. Къ счастію случилось идти обозу съ купцами туда же. Провѣдавъ это, онъ пошелъ вслѣдъ за ними издали, и останавливался близъ ихъ ночлеговъ; но наученный прежними неудачными опытами, онъ не открылъ никому цѣли своего путешествія. Такъ достигнулъ онъ благополучно Кіева, куда издавна рвалась душа его.

Новое затрудненіе! Ни въ одномъ монастырѣ не хотѣли принять его: гдѣ по молодости, гдѣ по бѣдности, гдѣ по разнымъ другимъ причинамъ.

Онъ явился наконецъ къ Св. Антонію, и просилъ оставить при себѣ. Ты молодъ, сказалъ ему старецъ, а здѣсь мѣсто тѣсно, пещера скорбна, перенесешь ли ты всѣ лишенія? Ѳеодосій отвѣчалъ со смиреніемъ: Богъ привелъ меня къ твоей святости, спастимися тобою, веля, отче святый. Что повелишь мнѣ сотворити, то и сотворю. И Антоній, прозрѣвъ въ немъ будущаго великаго подвижника и создателя святыя церкви Печерскія, приказалъ великому Никону принять Ѳеодосія и облечь его въ святой иноческій образъ.

И юноша, достигнувъ цѣли своихъ желаній, въ тишинѣ и уединеніи, вдали отъ міра, на свободѣ, предался, съ восторгомъ сердечнымъ, благочестивымъ упражненіямъ и подвигамъ, проводя ночи въ бдѣніи и прославленіи Бога,

Digitized by Google

преобѣждая сонную тягость, трудясь плотію, воздерживался отъ богопротивныхъ помысловъ, устремляя мысленно взоры въ небо, и занимаясь чтеніемъ Священнаго Писанія. Самъ Святый Антоній и великій Никонъ дивились его трудамъ въ такой юности, и прославляли о немъ Бога.

Но мать нашла его и здѣсь. Искавъ долго по всѣмъ сосѣднимъ мѣстамъ, и обѣщавъ большую награду тому, кто извѣститъ ее о пребываніи ея сына, она провѣдала наконецъ, что Ѳеодосій, года за четыре, ходилъ по монастырямъ Кіевскимъ, и просилъ о постриженіи; тотчасъ отправилась она въ Кіевъ, обошла всѣ монастыри, распрашивала — но напрасно: его не было нигдѣ Наконецъ, по долгихъ тщетныхъ исканіяхъ, узнала она, что сынъ ея укрывается въ пещерѣ Антоніевой. Какъ достать его оттуда? Лестію послала она просить старца, чтобъ онъ сподобилъ благословить ее: многъ путь гнавши, я хочу только поклониться ему и насладиться его бесѣдою. Антоній вышелъ. Жена говорила много, и наконецъ обратилась къ настоящей причинѣ своего посѣщенія: молю тя, отче, повѣдай мнѣ, гдѣ сынъ мой; я мучуся неизвѣстностію. Старецъ, простъ бывъ умомъ, не разумѣлъ лести ея, и отвѣчалъ, что сынъ ея живъ, и что ей печалиться объ немъ нечего. — Такъ я хочу видѣть его, отче, воскликнула хитрая жена. Столько прогнала я путь; неужели же я ворочусь домой, не увидѣвъ его? — Приди завтра, успокоилъ ее добродушный пустынникъ. Сынъ твой не хочетъ никого видѣть, но я упрошу его выйдти къ тебѣ поутру.

Антоній передалъ свой разговоръ блаженному Ѳеодосію, которому было очень прискорбно узнать, что онъ не могъ утаиться отъ поисковъ. На другой день старецъ убѣждалъ его увидѣться съ матерью, но Ѳеодосій объявилъ рѣшительно, что къ ней не выйдетъ. Наставникъ долженъ былъ сообщить матери объ его отказѣ. Та не могла болѣе притворяться, и перемѣнивъ рѣчь, не съ смиреніемъ, а съ гнѣвомъ начала упрекать старца: «ты взялъ моего сына, и укрылъ въ своей пещерѣ! Выведи мнѣ его. Я умру, если не увижу его; покажи мнѣ его, не то я погублю себя передъ дверями сей пещеры.»

Digitized by Google

Антоній въ великой горести пошелъ къ Ѳеодосію, и молилъ его показаться. Тому тяжело было ослушаться старца, и онъ вышелъ къ несчастной. Но кого она увидѣла! Прежній ли это былъ прекрасный юноша? Гдѣ свѣтлыя очи, гдѣ алыя ланиты, гдѣ длинныя шелковыя кудри, гдѣ бѣлое тѣло, гдѣ красота? Блѣдный, худой, истомленный, съ поникшей головою, съ тусклыми очами, безъ кровинки въ лицѣ, однѣ кости, обтянутыя кожею,—вотъ въ какомъ жалостномъ видѣ ненаглядный сынъ явился передъ нетерпѣливою матерью. Она бросилась къ нему на шею, сжала его въ своихъ горячихъ объятіяхъ, и долго не выпускала, обливаясь горькими слезами, не въ силахъ произнесть ни слова. Пойдемъ домой, сынъ мой, наконецъ, опомнившись, начала она увѣщавать юношу. Ты будешь жить, какъ тебѣ угодно для спасенія души твоей, только чтобъ былъ ты на глазахъ моихъ: не могу вынести разлуки съ тобою. А когда я умру, тогда ты похоронишь мое тѣло и воротишься въ свою пещеру.

Если ты хочешь всегда видѣть меня, постригись въ какомъ нибудь Кіевскомъ монастырѣ, сказалъ ей Ѳеодосій, тогда найдешь ты и меня, и царствіе небесное. Мать не соглашалась. Нѣсколько дней сряду увѣщавали они другъ друга, безъ успѣха. Ѳеодосій, оставаясь одинъ, укрывался въ пещеру, и молился Богу неотступно о спасеніи души матери своей—и Богъ услышалъ теплую молитву праведника.

Мать пришла къ нему и наконецъ объявила: будь по твоему желанію! я рѣшилась. Ѳеодосій обрадовался, сообщилъ свою радость Антонію, и оба вмѣстѣ прославили Бога, обращающаго сердца къ покаянію. Старецъ преподалъ наставленіе новой послушницѣ, — извѣстилъ о ея желаніи Княгиню, — и мать Ѳеодосія постриглась въ женскомъ монастырѣ Св. Николая. Сама она пересказала всѣ сіи подробности брату, именемъ Ѳеодору, который былъ келаремъ при Ѳеодосіѣ и сообщилъ ихъ жизнеописателю Святаго Ѳеодосія Нестору.

Послѣдняя мірская печаль у Ѳеодосія миновалась, и онъ устремился еще съ большею ревностію на своемъ тѣсномъ пути, прилагая труды къ трудамъ и подвиги къ подвигамъ.

Digitized by Google

Число братіи около преподобнаго Антонія возросло между тѣмъ до 15. Они ископали пещеру обширную въ крутомъ Днѣпровскомъ берегу, и устроили въ ней церковь и кельи, которыя цѣлы до нашего времени и привлекаютъ къ себѣ богомольцевъ со всей Россіи. Ѳеодосій наложилъ на себя новое послушаніе: служить всѣмъ безъ исключенія; крѣпкій и сильный, онъ работалъ не зная отдыха, кололъ дрова, носилъ воду, мололъ муку. Всякому иноку выдавалось свечера жито для помолу на завтрашнюю пищу. Ѳеодосій ночью, когда братія предавалася сну, собиралъ всѣ доли, и измоловъ собственными руками, клалъ каждому его часть въ извѣстное мѣсто. Остальное время ночи проводилъ въ славословіи. Спалъ онъ очень мало, и никто не видалъ его лежавшаго на ребрахъ. Когда одолѣвала его усталость, онъ прислонялся къ столу, и подремавъ мало, принимался опять за свои занятія. Иногда выходилъ изъ пещеры, стоялъ на горѣ, раздѣваясь до пояса и открывая свое тѣло комарамъ и оводамъ, которые летали въ лѣсу надъ рѣкою тучами. Злыя насѣкомыя терзали его, кровь текла ручьями, а онъ, неподвижный, прялъ волну и пѣлъ псалмы, пока не ударятъ въ било; тогда первый приходилъ въ церковь и становился на свое мѣсто, а выходилъ изъ нея послѣдній. На тѣло свое сверху для прикрытія накидывалъ онъ ветхую шерстяную свиту, а подъ исподомъ носилъ всегда власяницу, свитую изъ самыхъ жесткихъ щетинныхъ волосъ, коими безпрестанно уязвлялся. Такъ изнурялъ онъ плоть свою и такъ боролся съ ея требованіями. Всѣ иноки, даже самые старые и строгіе, удивлялись его терпѣнію и твердости.

За всѣ сіи подвиги Антоній удостоилъ его пресвитерскаго сана, а вскорѣ по удаленіи Варлаамовѣ, нарекъ Игуменомъ.

Новое званіе открыло новое поприще для подвиговъ его смиренія и показало въ новомъ блескѣ его добродѣтели; показало, на какую степень высоты онъ поставилъ уже душу свою. Любовь, любовь и любовь дышала во всѣхъ его дѣйствіяхъ и привлекала къ нему сердца.

Никогда не сердился онъ, и никто не видалъ въ его глазахъ ни малѣйшаго гнѣвнаго воспламененія, никогда не

Digitized by Google

былъ онъ пасмуренъ, тихое веселіе выражалось постоянно на спокойномъ лицѣ его.

Число братій увеличивалось съ каждымъ днемъ: Ѳеодосій, помня, какъ тяжело было ему самому слышать отказъ, по прибытіи въ Кіевъ, принималъ всякаго, хотя и невдругъ, а искусивъ предварительно въ службахъ и послушаніяхъ. «Къ нему пришелъ и я худой, недостойный, меньшій всѣхъ въ монастырѣ отца нашего Ѳеодосія, и принялъ онъ меня на 18 году», говоритъ незабвенный Несторъ, которому Богъ судилъ послѣ описать его жизнь, судьбы монастыря и всея Руси.

Когда братій умножилось до ста, Ѳеодосій долженъ былъ озаботиться о построеніи новой церкви и новыхъ келлій. и началъ искать чернеческаго правила. Получивъ уставъ Студійскаго монастыря изъ Царяграда, учредилъ онъ у себя всѣ пѣнія, молитвы и стоянія, весь рядъ церковный, какъ поклоны держати и чтенія почитати и проч. У него переняли и другіе монастыри Русскіе, для которыхъ Печерскій монастырь сдѣлался образцемъ и примѣромъ.

Самъ Ѳеодосій жилъ, по прежнему, въ безпрерывномъ бдѣніи, колѣнопреклоненіи, молитвословіи, что, однако жъ, старался скрывать всегда отъ братіи. Ночью, услышавъ, что кто нибудь подходитъ къ его кельѣ за благословеніемъ къ утреннему пѣнію, онъ никогда не отвѣчалъ на первый вызовъ, молчалъ долго, давая разумѣть, что спитъ и не слышитъ прихода, и уже послѣ втораго и третьяго вопроса: «благослови отче» отвѣчалъ онъ какъ бы просыпаясь: «Господь Іисусъ Христосъ благословитъ тя, чадо». Но кто подходилъ тихо, и останавливался одаль предъ его кельей, тотъ слышалъ всегда его глубокія воздыханія и учащенные земные поклоны.

Труды его также шли обыкновеннымъ порядкомъ: по прежнему ходилъ онъ на работу прежде всѣхъ, мѣсилъ тѣсто, пекъ хлѣбы, рубилъ дрова, повторяя съ веселымъ видомъ слова Спасителя: кто хочетъ быть начальникомъ, тотъ будь всѣмъ слуга. Однажды не достало дровъ. Келарь Ѳедоръ, сообщившій всѣ эти подробности Нестору, пришелъ сказать Игумену: вели наколоть дровъ кому нибудь, у кого нѣтъ дѣла. У меня нѣтъ дѣла, отвѣчалъ Ѳеодосій, взялся за

Digitized by Google

топоръ и началъ колоть. Братія послѣ обѣда увидѣла его за работою, принялися всѣ и заготовили топлива на долго. Въ другой разъ понадобилась въ поварнѣ вода для варива, а принесть было некому. Тотъ же келарь Ѳедоръ приходитъ къ Ѳеодосію и сказываетъ. Игуменъ всталъ, поспѣшилъ къ колодезю, и натаскалъ воды.

Случилось ему быть у Князю Изяслава за какимъ-то дѣломъ. Князь находился далеко за городомъ, и продержавъ Ѳеодосія поздно вечеромъ, — чтобъ дать ему возможность отдохнуть, велѣлъ отвезти въ монастырь на возу. Дорогою отрокъ, правившій конемъ, видя его въ худой одеждѣ, счелъ простымъ инокомъ: сядь-ко ты самъ на коня, сказалъ онъ своему сѣдоку, а я усталъ, пусти меня лечь; ты живешь всегда въ праздности, такъ можешь и потрудиться немного. Ѳеодосій тотчасъ послушался и сѣлъ на коня. Когда одолѣвала его дремота, онъ слезалъ, и шелъ подлѣ коня, ведя его подъ уздцы, а потомъ, уставши, опять садился. Между тѣмъ начало разсвѣтать: Ѳеодосій разбудилъ отрока: ну теперь ты отдохнулъ, садись же на коня. Бояре собирались къ Князю и, встрѣчаясь, кланялись Игумену. Отрокъ, видя общее уваженіе къ своему сѣдоку, испугался, а когда у воротъ монастырскихъ, вся братія вышла къ нему на встрѣчу, былъ уже внѣ себя отъ страха. Ѳеодосій взялъ его за руку, привелъ въ трапезу, велѣлъ накормить и надѣлить кунами. Все это разсказывалъ послѣ онъ самъ великому Никону.

Ветхое рубище Ѳеодосія, за которое осуждали его многіе, говоритъ Несторъ, сіяло на немъ какъ честная багряница Царская въ глазахъ благоговѣйной братіи и православнаго народа, приходившаго къ нему съ своими нуждами, какъ къ своему наставнику и утѣшителю, земному ангелу и небесному человѣку.

Единственное удовольствіе, которое онъ, кажется, позволялъ себѣ иногда, было подвизаться вмѣстѣ съ великимъ Никономъ, котораго онъ любилъ горячо и чтилъ какъ отца, пріявъ отъ него и мнишескій образъ: Никонъ связывалъ книги, а Ѳеодосій пріуготовлялъ для него нити.

Digitized by Google

Сохранилось еще извѣстіе о совокупныхъ трудахъ его съ инокомъ Ларіономъ, который былъ хитръ книгамъ: въ то время, какъ тотъ переписывалъ, Ѳеодосій прялъ руками волну, а устами тихо воспѣвалъ псалмы. Видѣть иногда ночью передъ собою живое существо, другаго брата, въ одинакихъ трудахъ, было уже для сихъ строгихъ отшельниковъ наслажденіемъ, которое позволять себѣ они рѣшались только изрѣдка. Посѣщалъ иногда знаменитаго болрина Яна и жену его Маріо, которыхъ любилъ много за благочестивую жизнь. Выходилъ также препираться съ Жидами, желая получить отъ нихъ смерть; писалъ объ ереси Латинской.

Никого, теплый на любовь, не отпускалъ онъ безъ помощи. Сострадательное его сердце внушило ему благую мысль построить для убогихъ особый домъ подлѣ монастыря, съ церковью Св. Стефана. Тамъ велѣлъ онъ пребывать слѣпымъ, хромымъ, трудноватымъ и нищимъ, подавая имъ отъ монастыря десятую часть на содержаніе. Это былъ первый странноприимный домъ въ Россіи, или лучше сказать, первая наша богадѣльня.

Всякую субботу посылалъ онъ возъ хлѣбовъ въ погребъ, гдѣ содержались узники.

Однажды привели къ нему разбойниковъ, хотѣвшихъ обокрасть монастырское село, связанныхъ по рукамъ и ногамъ. Онъ сжалился надъ ними, велѣлъ ихъ накормить и напоить, далъ имъ всякаго добра, и своей бесѣдой такъ умилилъ ихъ сердца, что они оставили свой промыселъ.

Всѣ обиженные находили въ немъ своего заступника. Вдова встрѣтила его идущаго по монастырскому двору въ обыкновенномъ его рубищѣ, и спросила, гдѣ Игуменъ. На что тебѣ его? отвѣчалъ Ѳеодосій, это человѣкъ грѣшный. Я не знаю, грѣшный онъ, или нѣтъ, отвѣчала женщина, а знаю, что онъ избавляетъ многихъ отъ скорби. Мнѣ надо попросить его, чтобъ онъ заступился за меня передъ судьею,—и разсказала, въ чемъ состояла ея обида. Ступай съ Богомъ домой, я передамъ Игумену твое дѣло, сказалъ ей Ѳеодосій, отпуская, а самъ пошелъ къ судьѣ и убѣдилъ его удовлетворить вдову.

Digitized by Google

Принимая живое участіе въ людскихъ горестяхъ, онъ училъ переносить ихъ безъ ропота, терпѣть все во славу Божію, укрѣплялъ примѣрами святыхъ угодниковъ, — и несчастные отходили отъ него утѣшенными, радуясь имѣть и слушать такого боговдохновеннаго наставника.

О братіи своей заботился онъ болѣе всего. Ночью обходилъ онъ всѣ келліи. Если слышалъ кого творящаго молитву, то останавливался и благодарилъ Бога. Къ бесѣдовавшимъ вдвоемъ или втроемъ, онъ стучалъ обыкновенно въ дверь и удалялся тихо. Чрезъ нѣсколько времени, позвавъ виноватыхъ вмѣстѣ съ прочими, онъ начиналъ для испытанія говорить издалека о подобныхъ случаяхъ: съ легкимъ сердцемъ кто, тотъ уразумѣвалъ свою вину и просилъ немедля прощенія, а омраченный слагалъ ее мысленно на другаго, и осуждался послѣ на эпитимію.

Объ оставлявшихъ монастырь, Ѳеодосій печалился и молился Богу, чтобъ всякое заблудшееся овча возвратилося опять къ избранному стаду. Такихъ принималъ съ радостію и увѣщавалъ стоять впредь крѣпче и не поддаваться соблазнамъ. Ему хотѣлось, чтобъ всѣ ему ввѣренные, по слову Евангелія, спаслися.

У себя не держа ничего, такъ училъ и другихъ. Если, ходя по кельямъ, онъ находилъ что у братіи изъ брашенъ, одеждъ или иного имѣнія, то бросалъ тотчасъ лишнее въ огонь. Мы отреклися міру, говорилъ онъ, такъ на что же намъ имѣніе! Какъ можно приносить молитву чисту, если есть сокровище въ кельѣ! Что говоритъ Господь: идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше! Или: безумне, въ сію нощь душу истяжутъ твою, а яже собра, кому будутъ!

Онъ старался особенно водворить въ себя и въ своихъ учениковъ надежду на всегдашнюю помощь Божію и не заботиться, по слову Евангельскому, о завтрашнемъ днѣ, что ямы и что піемы.

Однажды, разсказываетъ Несторъ, приспѣвшу празднику Св. Успенія, не стало въ монастырѣ деревяннаго масла. Строитель разсудилъ сбить масло изъ льняного сѣмени, и спросилъ Ѳеодосія. Тотъ согласился. Когда масло было

Digitized by Google

сбито, строптель увидѣлъ вдругъ мышь на днѣ сосуда, и пошелъ донесть Игумену: я накрылъ сосудъ-отъ, и не могу понять, откуда заползла гадина. Божіе указаніе, сказалъ Ѳеодосій. Намъ надо было положиться на вышнюю помощь. Вылей масло на землю. Потерпимъ. — И въ самомъ дѣлѣ вечеромъ кто-то отъ богатыхъ прислалъ братіи цѣлую корчагу деревяннаго масла. Всѣ кадила были наполнены, и на утрій день сотворися праздникъ велій.

Въ другой разъ доложили Ѳеодосію о недостаткѣ припасовъ. Подождите мало, отвѣчалъ онъ, и если не получите ничего, сварите пшено и поставьте братіи съ медомъ. Прошло нѣсколько времени,—вдругъ везутъ на дворъ отъ одного боярина два воза всякихъ брашенъ: хлѣба, рыбы, сыра, пшена, меда. Ѳеодосій сказалъ келарю: видишь, братъ, что Господь о насъ печется. Сотвори же нынѣ обѣдъ великъ: се убо посѣщеніе Божіе есть. Возвеселимся съ братіею. — Братія была угощена, а онъ все-таки веселился духовно, ѣлъ черствый хлѣбъ, пилъ воду и хлѣбалъ зелье, вареное безъ масла.

Самъ послушный, онъ училъ и другихъ послушанію: въ день Св. Димитрія Ѳеодосій пошелъ съ братію въ монастырь сего святаго къ празднику. На встрѣчу ему, еще въ монастырѣ, принесъ кто-то хлѣбовъ очень бѣлыхъ. Игуменъ велѣлъ предложить ихъ оставшимся инокамъ. А келарь подумалъ: нѣтъ, я подамъ лучше завтра эти хлѣбы всей братіи, а нынѣ остающіеся поѣдятъ и монастырскаго хлѣба. Такъ и сдѣлалъ. Ѳеодосій замѣтилъ на другой день за трапезою чужіе хлѣбы. Откуда эти хлѣбы, спросилъ онъ келаря, который и сказалъ ему о своемъ распоряженіи. Ѳеодосій велѣлъ ихъ собрать и бросить въ рѣку, какъ предметъ ослушанія, а на келаря наложилъ эпитимію, не веля ничему быть безъ благословенія.

Предъ наступленіемъ Великаго Поста, на канунѣ Масляной недѣли, Ѳеодосій имѣлъ обыкновеніе уединяться въ печеру на всю четыредесятницу, простясь съ братьею и преподавъ наставленіе, какъ проводить постное время въ молитвахъ нощныхъ и дневныхъ, какъ блюстися отъ по-

Digitized by Google

мысловъ скверныхъ, кои называлъ бѣсовскимъ насѣяніемъ,— какъ воздержваться отъ излишняго вкушенья брашна, ибо въ яденьи и питіи многомъ возрастаютъ помыслы, говорилъ онъ, а помысламъ возрастшимъ сотворяется грѣхъ. Противьтесь всѣми силами пронырствамъ діаволимъ, наказывалъ онъ братіи, будьте бодры на пѣніе церковное, на преданья отеческая и на чтенья книжная, а болѣе всего старайтесь имѣть въ устахъ псалтирь Давидовъ, имъже прогоняется бѣсовское упыніе, и такъ питая любовь ко всѣмъ меньшимъ и послушаніе къ старшимъ, въ воздержаніи и смиреніи проводите постъ». Игуменъ бралъ съ собою въ пещеру мало коврижекъ хлѣба, затворялся извнутри, а снаружи дверь засыпалася землею. Если случалась до него крайняя нужда, то говорили съ нимъ чрезъ оконце, и то только въ субботу или воскресенье.

У святыхъ отшельниковъ, живущихъ въ тишинѣ, ни чѣмъ не возмущаемой, свободныхъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, устремляющихъ все свое вниманіе, всѣ силы своей души на размышленіе о грѣхахъ и удаленіе отъ искушеній, бываетъ обыкновенно самая тяжелая, самая жестокая борьба съ злыми духами, которые мѣшаютъ имъ въ благочестивыхъ занятіяхъ. Вдругъ иногда поднимается шумъ и крикъ, разсказывалъ о себѣ самъ Ѳеодосій, множество колесницъ скачетъ въ тѣсной пещерѣ. Кони бросаются прямо въ лице. Земля трясется подъ ногами. Гора обваливается на голову. Ѳеодосій стоитъ твердо, не обращаетъ никуда взоровъ, поетъ псалмы — и все пропадаетъ. Въ другой разъ послышатся гусли и сопели, органы и бубны, раздастся музыка и пѣніе, громче и громче, сладкіе голоса приближаются къ самому уху — Ѳеодосій крѣпится, творитъ молитву, и все утихаетъ. Но вотъ сомкнулъ онъ глаза, и опять слышится то же громозвучіе, и опять запѣваетъ онъ тихимъ голосомъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его,—и враги расточаются. Однажды начинаетъ онъ класть земные поклоны,— вдругъ огромный черный песъ подвернулся ему подъ ноги и не даетъ ему доклониться до земли. Ѳеодосій хочетъ ударить его, — тотъ исчезаетъ. Ужасть напала на меня, и

Digitized by Google

я хотѣлъ бѣжать, но укрѣпился, участилъ колѣнопреклоненія, и бодрость возвратилась.

Въ послѣдствіи Ѳеодосій такъ окрѣпъ въ подобныхъ борьбахъ, что бѣсы перестали уже безпокоить его, и скрывались отовсюду, по разсказамъ братіи, гдѣ бы онъ ни являлся съ своей святой молитвою.

Одного инока, именемъ Ларіона, того самаго, который занимался переписываніемъ книгъ, бѣсы измучили. Легъ онъ однажды отдохнуть, какъ вдругъ наскочило ихъ множество, такъ что вся келлія наполнилась ими: одни принялись таскать его за волосы, другіе схватили стѣну и хотѣли обрушить ее на него. Несчастный не могъ вытерпѣть и пришелъ къ Игумену проситься въ другую келлію. Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Ѳеодосій, не отходи, чтобы бѣсы не похвалялись о тебѣ и не взяли бъ больше власти надъ тобою. Оставайся и молись. Не могу, отвѣчалъ Ларіонъ, такъ много бѣсовъ! Тогда Ѳеодосій перекрестилъ его и сказалъ: иди, отселѣ они не будутъ тебѣ пакостить. Ларіонъ повѣрилъ, помолился и уснулъ сладкимъ сномъ: никто не смѣлъ къ нему прикоснуться.

Слава о святой жизни Ѳеодосія распространилась по всей Русской землѣ: его называли земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Князья, бояре и всѣ люди искали его бесѣды и приходили къ нему за благословеніемъ, просили у него совѣтовъ или утѣшенія. Кіевскій Князь Изяславъ посѣщалъ его часто, Черниговскій Святославъ завидовалъ брату, что онъ имѣетъ такаго свѣтильника въ свей области, какъ разсказывали многіе Черниговскіе монахи, Переяславскій Всеволодъ и его приближенные награждали монастырь безпрерывно вкладами.

Изяславъ оказывалъ великое уваженіе преподобному Ѳеодосію. Однажды пріѣхалъ онъ съ немногими отроками, и слѣзъ съ коня у воротъ, а на конѣ никогда не въѣзжалъ онъ на монастырскій дворъ. Привратникъ не пускалъ, говоря, что не велѣно отпирать воротъ до вечерни. Я Князь, сказалъ Изяславъ, меня ли ты не пустишь? Не велѣно пускать и Князя. Если хочешь, подожди до вечерни. Изяславъ

Digitized by Google

послалъ его къ Игумену, а самъ остался у воротъ и дожидался отвѣта, пока Ѳеодосій вышелъ и его припялъ, объяснивъ причину монастырскаго правила.

Изяславъ часто оставался за трапезою, и вкушая простыхъ монастырскихъ брашенъ, говорилъ: отче, всѣхъ благихъ міра сего исполнился домъ мой, рабы мои изготовляютъ мнѣ всякія дорогія яства, но онѣ не приходятъ мнѣ такъ по вкусу, какъ твои; никогда у себя не ѣмъ я такъ сладко, какъ здѣсь. Отъ чего это происходитъ? Ѳеодосій, желая «увѣрить Князя на любовь Божію», отвѣчалъ: если хочешь знать, такъ вотъ отъ чего: когда у насъ братія задумаютъ что стряпать, хлѣбъ печь или варить сочиво, то возмутъ сперва благословеніе отъ Игумена, потомъ положатъ три поклона передъ олтаремъ, зажгутъ свѣчу отъ святаго престола и разведутъ ею огонь. Вся служба совершается съ молитвою и благословеніемъ Божіимъ, а твои рабы работая ссорятся, бранятся, клянутся, приставники ихъ бьютъ, и все происходитъ съ грѣхомъ. Изяславъ, выслушавъ, сказалъ: по истинѣ, отче, такъ есть, какъ ты говоришь.

Между тѣмъ произошло смятеніе въ братьяхъ. Меньшіе, Святославъ и Всеволодъ, выгнали старшаго Изяслава, который въ другой разъ принужденъ былъ скитаться по чужимъ странамъ, напрасно ища помощи. Овладѣвъ Кіевымъ, побѣдители прислали звать Св. Ѳеодосія къ себѣ на обѣдъ. Не пойду на пиршество Іезавелино, пріобщится вашего брашна: оно исполнено крови и убійства,—сказалъ онъ посланному, и присоединилъ еще многое въ укоризну Князьямъ, веля передать имъ все. Они не смѣли прогнѣваться на Ѳеодосія, зная его свята человѣка, но не послушались его рѣчей; и онъ началъ обличать Святослава, какъ неправедно возставшаго на старшаго брата, иногда посылалъ къ нему письма, иногда поручалъ боярамъ пересказывать свои упреки изустно. Наконецъ написалъ къ нему длинное посланіе, заключая его словами: гласъ крови брата твоего вопіетъ на тя къ Богу, какъ Авелева на Каина. Святославъ, прочтя посланіе, пришелъ въ неистовство, «какъ левъ рыкнулъ на праведнаго», ударилъ хартіей о земь,—и промчалась молва,

Digitized by Google

что быть Ѳеодосію осуждену на заточеніе. Братія поражены были горестію, и обратились всѣ молить преподобнаго, чтобъ онъ оставилъ Князя въ покоѣ. Самъ великій Никонъ со страху рѣшился уйдти въ Тмутораканскій свой монастырь, какъ ни убѣждалъ его Ѳеодосій не разлучаться съ нимъ до кончины. Бояре приходили многіе, разсказывали о княжемъ гнѣвѣ и просили не противиться ему: «онъ ушлетъ тебя на поточеньe.» Ѳеодосій оставался твердымъ. Чего же лучше, братія, говоритъ Ѳеодосій. Не о чемъ скорбѣть мнѣ: у меня нѣтъ ни дѣтей, ни семьи, ни богатства. Я готовъ на поточеніе. Ему даже очень хотѣлось поточену быти. И началъ онъ укорять Святослава еще болѣе о братоненавидѣніи, не велѣлъ у себя въ монастырѣ на эктеніяхъ поминать его имени, какъ сѣдшаго черезъ законъ на Кіевскомъ столѣ, а велѣлъ поминать только имя Изяслава, законнаго Князя. Святославъ, какъ ни былъ разгнѣванъ на Ѳеодосія, не осмѣливался причинить ему ни малѣйшаго зла, въ страхѣ предъ его добродѣтелями. Ѳеодосій, много-молимъ отъ братіи и бояръ, наипаче же разумѣвъ, что не успѣетъ ничто же укоризнами, размыслилъ лучше убѣждать иначе Князя, чтобъ онъ возвратилъ брату его область,—позволилъ поминать и его имя на эктеніяхъ, лишь только послѣ Изяславова.

Святославъ, узнавъ объ умилостивленіи Ѳеодосія, обрадовался, потому что очень желалъ бесѣдовать съ нимъ и насытиться духовныхъ словесъ его. Тотчасъ послалъ онъ къ Ѳеодосію, спросить, позволитъ ли ему придти въ монастырь или нѣтъ. Ѳеодосій позволилъ, и Святославъ, обрадованный, явился съ своими боярами. Игуменъ съ братіею, вышедъ изъ церкви, встрѣтилъ его и поклонился по обычаю, а Князь сказалъ ему: се, отче, не смѣлъ придти къ тебѣ, думая, что ты гнѣваешься, и можетъ быть не пустишь меня въ монастырь. А Ѳеодосій отвѣчалъ: что успѣетъ гнѣвъ нашъ еже на державу вашу. Но подобаетъ намъ обличать и глаголать вамъ потребное на спасеніе души, а вамъ лѣпо есть того послуiшати. Они вошли въ церковь, и по молитвѣ сѣли. Ѳеодосій много говорилъ отъ святыхъ книгъ, и потомъ старался показать Князю, какъ любилъ его братъ,

Digitized by Google

а Князь износилъ многія вины на него, за кои не хотѣлъ сотворить съ нимъ мира. По многой бесѣдѣ Святославъ отъиде въ домъ свой, благодаря Бога, что сподобился бесѣдовать съ такимъ мужемъ. И съ тѣхъ поръ часто приходилъ къ нему насыщаться духовнаго того брашна, которое было для него слаще медвенаго сота.

И Ѳеодосій посѣщалъ его, всегда напоминая о страхѣ Божіемъ и братней любви. Однажды пришелъ къ нему святый мужъ, какъ въ палатѣ его пировался пиръ: раздавались шумныя клики и радостные плески, кто игралъ на гусляхъ, кто на органахъ, кто пѣлъ пѣсни, пляска во всемъ размахѣ, какъ есть обычай передъ Княземъ. Ѳеодосій взглянулъ, остановился у дверей, и сѣлъ, поникнувъ очами долу. Вдругъ шумная толпа увидѣла святаго мужа въ его ветхой одеждѣ, сидящаго вдали въ глубокой задумчивости,— и внезапно все умолкло по знаку Княжескому. Ѳеодосій приподнялъ тогда голову и произнесъ тихимъ голосомъ: а будетъ ли такъ, чадца, на томъ свѣтѣ! У Князя показались слезы, онъ прекратилъ празднество. И послѣ всегда прекращалъ онъ свои игры, когда показывался Игуменъ въ его жилищѣ. Если случалось ему впредь узнать, что идетъ Св. Ѳеодосій, онъ выходилъ встрѣчать за дверями. Отче, говорилъ ему Святославъ, истинно говорю тебѣ, что еслибъ отца возвѣстили мнѣ возставшаго отъ мертвыхъ, я не обрадовался бы ему столько, сколько радуюсь всегда твоему приходу; его не боялся, его не сомнѣвался я столько, какъ твоей преподобной души.—Если ты боишься меня столько, отвѣчалъ ему Ѳеодосій, такъ сотвори волю мою и возврати брату столъ его отца. И Святославъ умолкалъ, не зная, что отвѣчать ему. Такъ разжено было сердце у него на брата, что имени его не могъ онъ слышать равнодушно.

Между тѣмъ Ѳеодосій съ братіею, по благословенію святаго Антонія, который былъ еще живъ и пребывалъ въ своей пещерѣ въ совершенномъ уединеніи, моляся и постяся, рѣшился поставить каменную церковь и обнести монастырь оградою. Лишь только въ народѣ стало извѣстно о такомъ намѣреніи, со всѣхъ сторонъ собралось множество

Digitized by Google

людей на помочь. Пріѣхалъ Князь Святославъ, и по молитвѣ началъ первый копаніе; за нимъ принялись всѣ: кто возилъ землю, кто стругалъ бревна, кто носилъ воду. Игуменъ участвовалъ во всѣхъ работахъ вмѣстѣ съ братьями. Дѣло пошло успѣшно, основанье наполнялось, выходило уже изъ земли. Но не привелъ Богъ увидѣть великій храмъ Успенія Божіей Матери, ни Ѳеодосію, ни Антонію, ни Святославу. Всѣ трое скончались впродолженіи одного года, одинъ за другимъ: сперва Антоній, потомъ Ѳеодосій, и вскорѣ Святославъ.

Ѳеодосій, проведя время великаго поста по обыкновенію въ пещерѣ, отпраздновалъ потомъ съ братіею день Свѣтлаго воскресенья, и занемогъ. Пять дней продолжалась его болѣзнь — на шестой, почувствовавъ себя очень дурно, ввечеру, велѣлъ положить себя на сани и подвезть къ церкви, а братію созвать, гдѣ бы кто ни былъ. Собрались всѣ, иноки, приставники и тіуны, и всѣ монастырскіе слуги. Ѳеодосій преподалъ имъ наставленіе въ послѣдній разъ, завѣщавая каждому оставаться въ порученной ему службѣ, исполнять ее со всякимъ прилежаніемъ и страхомъ Божіимъ, въ покорности любве. Потомъ долго со слезами говорилъ о спасеніи души, о братолюбіи, о богоугодномъ житіи, — и въ заключеніе спросилъ: братья моя, и отцы мои, и чада моя! смерть меня постигаетъ. Кого наречь вамъ игумена? — Кого тебѣ угодно, отвѣчали они рыдая. И онъ назначилъ Іакова Пресвитера. Братія переговорили между собою, и стали просить у него Стефана Демественника: «онъ твой ученикъ, служилъ тебѣ и взросъ подъ твоей рукой, его намъ дай, а Іаковъ», сказали они, «не здѣсь постриженъ». Ѳеодосій, выговоря имъ за желаніе исполнить свою волю, а не Божію, благословилъ Стефана и сказалъ ему: чадо, се предаю ти монастырь, блюди его со опасеніемъ, и держи все, какъ устроилъ я въ службѣ, не измѣняй преданія монастырскаго и устава, но твори все по закону и чину. Онъ умолкъ. Братья взяли его, и, отнесл въ келью, положили на одрѣ. Три дня лежалъ онъ почти безъ чувства, не могій повести и глазами. На шестой день

Digitized by Google

пришелъ къ нему Князь Святославъ съ сыномъ Глѣбомъ. Я отхожу отъ сего свѣта, сказалъ ему Ѳеодосій, отдаю монастырь подъ твое покровительство, не дай въ обиду Игумена Стефана. Князь облобызалъ его и обѣщался исполнить все по его волѣ. На седьмой день, изнемогая совершенно, призвалъ Игуменъ братію, и сказалъ имъ: если по моемъ отшествіи монастырь обиловать будетъ черноризцами и всѣми потребами, то вѣдайте, что Богъ пріялъ меня, а если вы оскудѣвать начнете, то значитъ, что я не угодилъ Ему. Братья всѣ плакали и говорили: отче, молися за насъ Богу; мы знаемъ, что Богъ не презритъ твоей молитвы. Ѳеодосій велѣлъ положить тѣло свое въ пещерѣ, гдѣ совершилъ труды свои многіе, и похоронить ночью. Потомъ перецѣловалъ ихъ всѣхъ поодиначкѣ, простился и отпустилъ. Братъ, служившій ему, сталъ у двери и смотрѣлъ чрезъ скважину; онъ увидѣлъ, что Ѳеодосій поднялся съ одра, упалъ на колѣни предъ образомъ Божіей Матери, долго молился со слезами, и потомъ поднялся съ веселымъ лицемъ, легъ на свой одръ и сложилъ руки крестомъ. Братія собрались къ нему снова и сидѣли всю ночь надъ умирающимъ. На 8 день, во 2 субботу по пасхѣ, въ часъ вторый дня, мѣсяца Мая въ 3 число, индикта въ 11 лѣто, отъ Р. Х. 1074, отъ С. М. 6582, предалъ святый душу свою въ руцѣ Божіи.

По наступленіи вечера братья взяли честное тѣло его, и поя молитвы, псалмы и пѣсни духовныя, со свѣщами въ рукахъ, хваля и славя Бога, отнесли его въ пещеру, въ указанное имъ мѣсто.

Церковь Печерская довершена была по кончинѣ его черезъ три года преемникомъ его Игуменомъ Стефаномъ, и освящена въ 1089 г. Митрополитомъ Іоанномъ, Всеволоду Князю державшу столъ Кіевскій.

На другой годъ (1090) по освященіи церкви Печерской, Игуменъ и черноризцы, сотворше совѣтъ, рѣшили: не добро отцу нашему Ѳеодосію лежать не въ церкви своей, что самъ основалъ, — и выбрали мѣсто, гдѣ положить его мощи.

Digitized by Google

Предъ праздникомъ Успенія Божія Матери, за три дня, Игуменъ призвалъ къ себѣ инока Нестора лѣтописателя. «Пойдемъ въ пещеру къ Ѳеодосію,» сказалъ онъ мнѣ, такъ разсказываетъ самъ Несторъ. «Я пошелъ съ нимъ, и мы осматривали вмѣстѣ пещеру, назначили мѣсто, гдѣ былъ погребенъ Ѳеодосій. Игуменъ велѣлъ мнѣ откопать его съ кѣмъ нибудь изъ братіи втайнѣ. Я приготовилъ лопаты, чѣмъ копать. Во вторникъ вечеромъ, не вѣдущу никому же, пришелъ я въ пещеру съ товарищемъ. Мы пропѣли псалмы, и я началъ копать, усталъ и передалъ товарищу; мы копали до полуночи и не могли докопаться. Я началъ тужить, не ошибаемся ли мы, копая на иномъ мѣстѣ, взялъ однако же лопату и принялся снова за работу; а другъ легъ отдохнуть передъ пещерою. Между тѣмъ ударили въ било. Братъ закричалъ ко мнѣ: ударили въ било! А я въ самый тотъ мигъ коснулся мощей, и закричалъ ему: прокопалъ! И взялъ меня ужасъ, я началъ молиться: Господи помилуй, Господи помилуй! Потомъ послалъ извѣстить Игумена, который тотчасъ и пришелъ съ двумя братьями. Мы окопали много и влезли въ яму: Ѳеодосій лежалъ цѣлый и невредимый; власы только притяскли къ головѣ. На другой день собрались Епископы, Игумены со всѣхъ монастырей съ черноризцами, благовѣрные люди, и, взявъ мощи Св. Ѳеодосія, съ горящими свѣщами и кадильями положили въ притворѣ церковномъ съ правой стороны, въ четвергъ, мѣсяца Августа въ 14 число, въ часъ 1 дня, Индикта въ 14 лѣто,—и отпраздновали день тотъ свѣтло.

Долго по преставленіи Св. Ѳеодосія братія ни о чемъ не говорили болѣе, какъ о блаженномъ своемъ Наставникѣ, которому всѣ они преданы были душею, и котораго любили сердечно. Повторялись всѣ рѣчи, припоминались его поступки. Нѣкоторымъ изъ нихъ являлся онъ во снѣ. Многіе случаи, остававшіеся при жизни въ неизвѣстности, иногда по его именнымъ приказаніямъ, переходили теперь изъ устъ въ уста. Какъ о жизни, такъ и о кончинѣ его открывались новыя обстоятельства. Князь Святославъ разсказывалъ, что

Digitized by Google

въ самый часъ кончины пр. Ѳеодосія онъ видѣлъ огненный столпъ надъ монастыремъ, почему и уразумѣлъ, что преставляется Св. Ѳеодосій. Замѣчали, что ко времени пренесенія его тѣла въ пещеру, народу собралось множество къ святымъ воротамъ, ни кому не повѣстившу, и дожидалось выносу, сидя и ходя около воротъ; много было и бояръ,—но братія, въ силу его приказанія погребсти его тѣло въ тишинѣ, пережидали, заперши ворота,—и вдругъ пролился дождь, такъ что народъ долженъ былъ разойдтися, и завѣщаніе могло быть исполнено въ точности, солнцу возсіявшу.

Такъ точно, при обрѣтеніи Несторомъ мощей его, два брата, сидѣвшіе въ своихъ келліяхъ и смотрѣвшіе на пещеру, видѣли вдругъ надъ нею три столпа радужныхъ, которые спустились оттуда надъ церковь. А Стефанъ, перешедшій передъ тѣмъ игуменомъ въ другой монастырь, увидѣлъ черезъ поле надъ пещерою зарю великую, и подумалъ, что переносятъ уже тѣло Ѳеодосія, о чемъ извѣщено было предварительно. Ему стало жаль, что это происходитъ безъ него; онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ братомъ Климентомъ, видя передъ собою безпрестанно зарю, а какъ подъѣхалъ къ пещерѣ, гдѣ копалъ Несторъ, такъ ничего не стало уже видно.

Чудный свѣтъ надъ монастыремъ многіе видали часто ночью и прежде.

Одинъ бояринъ, проходя полемъ, верстахъ въ 15 отъ монастыря, увидѣлъ вдругъ Печерскую церковь на облакахъ и погналъ къ ней съ своими отроками, — а какъ подъѣхалъ, то она уже снизошла на землю и стала на свое мѣсто.

Другой увидѣлъ свѣтъ около монастыря, а въ свѣтѣ передъ церковью Ѳеодосій молился съ воздѣтыми къ небу руками.

Да, заключаетъ Несторъ, монастырь казался всему народу небомъ, гдѣ паче солнца сіялъ Св. Ѳеодосій добрыми своими дѣлами, а звѣздами около него были его ученики.

Изъ бесѣдъ и совѣщаній между иноками, оказалось яснымъ, что Ѳеодосій еще при жизни своей удостоился благодати Божіей: одинъ братъ Даміанъ, больной при смерти, молилъ Бога только о томъ, чтобъ не быть отлученну на томъ свѣтѣ

Digitized by Google

отъ Ѳеодосія, и вдругъ видитъ онъ: Ѳеодосій у его одра, падъ на персѣхъ, цѣлуетъ его любезнѣ и говоритъ: о чадо, о чемъ молишися—Богъ послалъ меня извѣстить тебя—будетъ исполнено по прошенію твоему. И сказавъ это, невидимъ сталъ. Даміанъ понялъ, что это видѣніе, (ибо въ двери никто не входилъ, да и стоялъ являвшійся не на дорогѣ отъ двери), послалъ за Ѳеодосіемъ, и спросилъ его съ веселіемъ: о отче, будетъ ли такъ, какъ обѣщалъ ты? Игуменъ не понималъ его рѣчи. Тогда Даміанъ объяснился, и Ѳеодосій «мало улыбнуся» (можетъ быть единственная его улыбка на землѣ), прослезился и отвѣчалъ: буди ти, чадо, что изрекъ ангелъ во образѣ моемъ, а я грѣшный какъ могу обѣщать славу ту, что уготована Богомъ для святыхъ его?—. Даміанъ простился съ братіею, и въ радости скончался.

Огласились и многія чудеса Ѳеодосія: Пришелъ однажды строитель донесть ему, что хлѣба нѣтъ въ монастырѣ. Ѳеодосій велѣлъ посмотрѣть въ житницѣ. Тамъ нѣтъ ничего, отвѣчалъ инокъ, я и сусѣкъ подмелъ. Къ углу только пригребъ я пригоршни три отрубей, либо четыре. —Поди же, и вѣруй, что отъ сихъ пригоршней можетъ умножиться жито. И въ самомъ дѣлѣ, строитель, подойдя къ житницѣ, увидѣлъ ее ужъ полнехоньку, и жито пересыпалось въ закромъ черезъ стѣну на землю.

Князь Изяславъ просидѣлъ однажды поздно въ монастырѣ, заслушавшись сладкихъ рѣчей Ѳеодосія. Наступилъ вечеръ. Князь остался на вечернее славословіе. Полился дождь. Ѣхать было нельзя. Игуменъ велѣлъ приготовить ужинъ для Князя. Ключарь отвѣчалъ, что у нихъ нѣтъ меду. Ѳеодосій спросилъ: нѣтъ ли хоть мало. Ничего, отвѣчалъ ключникъ, я и бочку опрокинулъ. Посмотри истье, сказалъ Ѳеодосій. — Говорю тебѣ, честный отецъ, что я и бочку опрокинулъ. — Иди же по глаголу моему, во имя Господа нашего Іисуса Христа, и обрящеши все на потребу. Экономъ удалился и нашелъ бочку полную меду. Онъ воротился со страхомъ возвѣстить Игумену. Молчи, подавай Князю и братіи. Это благословеніе Божіе.

Digitized by Google

И обитель его никогда не оскудѣвала, никогда не было въ ней ни въ чемъ недостатка. Экономъ Евдокимъ пришелъ сказать Ѳеодосію, когда тотъ трудился въ кельѣ съ Ларіономъ, что на завтра нѣтъ хлѣба для братіи. Ѳеодосій отвѣчалъ: теперь наступаетъ только вечеръ, утро далеко; потерпи моляся Богу. Можетъ быть Онъ попечется объ насъ. Прошло еще нѣсколько часовъ. Экономъ приходитъ съ прежнимъ напоминаніемъ: хлѣба нѣтъ. Не будетъ, отвѣчалъ Ѳеодосій, такъ сходишь завтра на торгъ, и купишь взаемъ, а мы отдадимъ послѣ, Богу благодѣющу. Но лишь только вышелъ экономъ, какъ является въ келью какой-то юноша, и не говоря ни слова кладетъ гривну злата на столъ. Ѳеодосій позвалъ тотчасъ экономa, и отдалъ ему злато, а кто былъ юноша, не могли добраться никакъ. Привратникъ божился, что ворота были заперты, и не проходилъ передъ его глазами никто.

Въ вербную пятницу, послѣ тягостныхъ трудовъ великаго поста, Ѳеодосій велѣлъ испечь для братіи бѣлыхъ хлѣбовъ по уставленному обычаю. Келарю почему-то не захотѣлось исполнить этого приказанія, и онъ отвѣчалъ, что нѣтъ такой муки. Братія шла уже къ скудному обѣду, какъ вдругъ увидѣли всѣ, что на дворъ везутъ цѣлый возъ бѣлыхъ хлѣбовъ отъ какого-то доброхотнаго дателя. А когда чрезъ два дня келарь сталъ печь хлѣбы изъ той муки, коей сказалъ не быти, и началъ мѣсить тесто, то вдругъ оказалась въ немъ жаба.

Пришелъ священникъ изъ города просить вина для совершенія литургіи. Ѳеодосій призвалъ келаря и велѣлъ дать. Тотъ отвѣчалъ, что у нихъ самихъ мало, и едва достанетъ обѣдни на двѣ либо на три. Вылей все, возразилъ Ѳеодосій, а намъ Богъ дастъ. Келарь все-таки ослушался и оставилъ себѣ на завтрашній день. Священникъ принесъ показать, сколько ему налито. Вылей все, повторилъ Ѳеодосій, и о завтрашнемъ днѣ не пекись. И въ самомъ дѣлѣ, когда кончилась трапеза, взъѣхало на дворъ два воза съ корчагами вина, что ключница Всеволодова приносила въ даръ Печерскому монастырю.

Digitized by Google

Такъ и по кончинѣ его, на поляхъ монастырскихъ всегда былъ урожай ивъ стадахъ приплодокъ, по замѣчанію всей братіи. Какъ всего прибывало, такъ все и сохранялось въ цѣлости. Обитель Ѳеодосіева, при жизни его и по смерти, была безопасна отъ всякаго злаго обстоянія. Ѳеодосій ежедневно и еженощно обходилъ монастырь съ молитвою, и враги не могли переступить чрезъ святую ограду.

Однажды ночью злые люди хотѣли украсть имѣніе, сокрытое на полатяхъ. Дворъ былъ разгороженъ по случаю построекъ. Воры приходятъ прямо къ церкви. Тамъ слышится пѣніе. Они ушли въ лѣсъ, и переждавъ нѣсколько времени, воротились, но пѣніе все еще продолжается. Они назадъ, пробыли еще сколько-то въ лѣсу, и опять къ церкви, полагая, что теперь навѣрное кончилась служба, но нѣтъ: все тѣ же голоса слышатся, и видится свѣтъ, и чуется страхъ. Нѣсколько разъ подходили они такимъ образомъ, пока наконецъ въ самомъ дѣлѣ собрались монахи пѣть заутреню. Перебьемъ же ихъ и возмемъ все, закричали злодѣи, разсердяся, что были останавливаемы морокомъ. Бросились, но, о чудо! церковь со всѣми сущими въ ней поднялась на воздухъ, такъ что стрѣлами до нея дострѣлить было нельзя. Воры убѣжали, и уже послѣ нѣкоторые, покаясь, пришли къ Ѳеодосію и разсказали о чудѣ. Иноки же, ничего не чувствовавъ прежде, теперь только поняли, что-то служили и пѣли ангелы, которые охраняли обитель, — и возблагодарили Бога.

А въ другой разъ разбойники, хотѣвшіе ограбить монастырское село, увидѣли около него стѣну столь высокую, что перелѣзть черезъ нее не было никакой возможности.

Не только разбойники, но и бѣсы трепетали присутствія Ѳеодосія: однажды начали они пакости дѣяти въ поварнѣ, разсыпали муку, проливали воду, били посуду. Ѳеодосій, пришедъ туда, затворилъ двери, остался тамъ всю ночь на молитвѣ, — и бѣсы пропали. Такъ же точно изгналъ онъ ихъ въ другой разъ и изъ хлѣва, по разсказамъ приставниковъ.

Digitized by Google

Все это разсказывалось, узнавалось, открывалось, — новыя чудеса увеличивали вѣру къ почившему Ѳеодосію.

Одинъ бояринъ убоялся поточену быти отъ Князя за какую-то вину; прибѣгнулъ съ молитвою къ Св. Ѳеодосію, и увидѣлъ его во снѣ, предрекающаго, что Князь отложитъ гнѣвъ свой, что и случилось.

Человѣкъ нѣкій, отходя въ путь, принесъ иноку Кононy луконце серебра на сбереженіе. Другой увидѣлъ и укралъ. Кононъ, скорбя о подозрѣніи, на него падающемъ, молилъ Бога открыть похитителя. Св. Ѳеодосій во снѣ указалъ ему мѣсто, гдѣ серебро было спрятано, и тотъ, проснувшись, нашелъ все сполна.

Крылошанинъ храма Св. Софіи занемогъ, огнемъ жегомый, помолился, — и увидѣлъ Св. Ѳеодосія, подающаго ему посохъ и велящаго идти. Проснувшись, онъ выздоровѣлъ и пришелъ въ монастырь разсказать братіи о своемъ исцѣленіи.

Въ уваженіе всѣхъ сихъ чудесъ и явленій, Ѳеоктистъ, Игуменъ Печерскій, явился къ Святополку, чрезъ 25 лѣтъ по кончинѣ Ѳеодосія, просить его, чтобъ онъ велѣлъ вписать святаго въ синодикъ. Князь былъ радъ, и велѣлъ исполнить то по всѣмъ епископіямъ. Такимъ образомъ епископы съ 1108 года начали поминать его на всѣхъ соборахъ, — и православный Русскій народъ, стекаясь ежегодно толпами со всѣхъ сторонъ къ Кіевскимъ пещерамъ, ублажаетъ Святаго Ѳеодосія вмѣстѣ съ наставникомъ его Святымъ Антоніемъ, какъ ревностныхъ своихъ ходатаевъ и молитвенниковъ предъ престоломъ Вышняго о земномъ благоденствіи Отечества.

М. Погодинъ.

Digitized by Google

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИНДІИ.

КНЯЗЯ САЛТЫКОВА.

(Окончаніе.)

Визагапатамъ, на Коромандельскомъ берегу, 21-го Іюля 1845.

Признайся, что Индія тебѣ страшно надоѣла. Цѣлые годы я только и болтаю съ тобой объ одной Индіи; самъ сытъ ею по горло, и не знаю какъ выбраться отсюда поскорѣе. Чтобы доѣхать до Бомбэя и осмотрѣть проѣханныя страны, мнѣ нужно полгода, а изъ Бомбэя я пріѣду въ Парижъ, за всѣми остановками, мѣсяца въ три. Прибавь къ этому еще три-четыре недѣли, которыя я пробуду въ Бомбэѣ и, можетъ быть, въ Гоа. За тѣмъ у меня не останется никакихъ сожалѣній объ Индіи, исключая неудавшейся поѣздки въ Кашмиръ. Видишь ли, я слишкомъ старъ для этой поѣздки, и не рѣшусь на нее даже и тогда, если какимъ нибудь чудомъ устранятся всѣ непреодолимыя препятствія, какъ-то: тоги, разбойники, невольничество и голодъ. Что эти препятствія не мнимыя, я въ этомъ вполнѣ увѣренъ.

Впрочемъ, главная причина, почему мнѣ Индія такъ опротивѣла, это безпрестанная оффиціальность. Пріѣдешь на станцію, и вмѣсто того, чтобы надѣть халатъ и лечь спать, изволь заниматься туалетомъ и отправляться въ дамское об-

Digitized by Google

щество. Я только и отдыхаю, тѣлесно и душевно, въ паланкинѣ: *тѣлесно*, потому что въ паланкинѣ удобно лежать, а тряска почти незамѣтна; *душевно*, потому что я развлекаю докучныя мысли пріятнымъ чтеніемъ и дорожными видами. Однако въ настоящую минуту дорога не очень развлекательна.... Дня черезъ три я увижу *Джагарнатъ*, этотъ знаменитый храмъ, воспѣтый *Bernardin de Saint-Pierre* въ »Индійской хижинѣ.«

Куттакъ, городъ между Джагарнатомъ и Калькуттою, 26-го Іюля.

Какая страшная скука! Представь себѣ: носильщики, вмѣсто того, чтобы отнести меня въ Джагарнатъ, пронесли меня другой дорогой сюда, верстъ 60 повыше. Никакъ не могу понять, какимъ образомъ произошла эта ошибка. Дѣло было ночное. Теперь я принужденъ возвращаться назадъ, чтобы побывать въ Джагарнатѣ, а не посмотрѣть на него жалко!

Джагарнатъ, правильнѣе Джаганатъ, 29-го Іюля.

Я здѣсь уже три дня и успѣлъ срисовать съ натуры и храмъ, и главнаго жреца; остается срисовать парію Bernardin de Saint-Pierre. Въ храмъ не допускается ни одно нечистое существо; позволяется ходить кругомъ: довольно и этого. Джагарнатъ — прескверная пагода, но за то существуетъ около 600 лѣтъ. Индійцы отдаютъ ему предпочтеніе потому, что въ немъ обитаетъ безъименный духъ, и обитаетъ уже нѣсколько вѣковъ.

Великій жрецъ, *Чатиссани-Джогъ-Наикъ*, большой охотникъ до попугаевъ и колибри; клѣткамъ у него нѣтъ числа, и онъ съ удовольствіемъ показываетъ своихъ пернатыхъ плѣнниковъ. У этого высокаго и толстаго брамина, должно быть, элефантіазисъ; но эта болѣзнь его не слишкомъ безпокоитъ, и, не смотря на тучность ногъ и прочихъ членовъ онъ двигается легко и всходитъ даже, съ своими клѣтками и любимой черной обезьяной, на кровлю и тер-

Digitized by Google

расы своего дома. Домъ его противъ храма. Грязный Индійскій городокъ, въ которомъ находится Джагарнатъ, называется Пури. Кстати сказать по-Французски *pourri*, потому, что весь окрестный воздухъ зараженъ міазмами. Впрочемъ иначе и быть не можетъ въ такомъ мѣстѣ, куда сходится все отребіе Индійскаго населенія. Здѣшній Раджа (находящійся отчасти подъ надзоромъ Англичанъ) ненавидитъ Европейцевъ. Это—высокій, худой и сгорбленный старикъ, черный какъ уголь, одѣтый съ ногъ до головы въ бѣлыя ткани. На лбу у него проведены три широкія черты бѣлаго и желтаго цвѣта. Невдалекѣ отъ его мрачнаго и убогаго дворца находится огромный прудъ; посрединѣ пруда выстроенъ храмъ, изъ котораго при солнечномъ закатѣ вылетаютъ потрясающіе звуки мѣдныхъ трубъ, гонговъ и тамтамовъ. Въ пруду роятся крокодилы.

Пури построенъ на самомъ берегу моря; волны омываютъ уединенный домикъ, въ которомъ я поселился у одного изъ находящихся здѣсь Англичанъ, м Шора. Этому бѣдному молодому человѣку, исправляющему должность судьи, не болѣе 24 лѣтъ; здоровье у него слабое; онъ разлученъ со всѣми родными, и долженъ провести еще цѣлыя 20 лѣтъ въ судѣ и расправѣ съ Индійцами. Въ Пури находится онъ не съ большимъ четыре года. Лучшая его надежда—возможность отпроситься лѣтъ черезъ шесть въ отпускъ, повидаться съ родными въ Англіи и возвратиться въ Пури, чтобы доживать урочные года въ ожиданіи пенсіи въ 800 или 1000 ф. стерлинговъ. Теперь онъ получаетъ 700 ф. стерлинговъ, но этотъ окладъ увеличится; притомъ же Шоръ живетъ разсчетливо. Море страшно шумитъ подъ моими окнами; сильный и холодный вѣтеръ завываетъ; волны бѣшено бьются о песокъ; меня разбираетъ охота выкупаться въ морѣ, да вотъ бѣда: акулы!

Впрочемъ я каждое утро и вечеръ обливаюсь нѣсколькими ведрами холодной и прѣсной воды. Здѣшній удушливый климатъ пріучилъ меня къ холодной, или — сказать

Digitized by Google

правильнѣе — не кипяченной водѣ; совершенно холодной воды не найдешь въ этомъ жаркомъ поясѣ.

На берегу пруда находится Индійская хижина, что-то въ родѣ часовни, населенной крысами, при которыхъ живетъ приставникъ, обязанный ихъ кормить. Не знаю, писалъ ли я тебѣ, что около Гайдрабада я видѣлъ старую Голконду; крѣпость и кладбище, усѣянное огромными мавзолеями, похожими на пагоды, кажутся вымершимъ городомъ. Я не въѣзжалъ на кладбище, чтобы не нарушить спокойствія его обитателей: летучихъ мышей, волковъ и гіенъ. Верстахъ во ста оттуда я проѣзжалъ мимо Голкондскихъ копей: эти алмазныя копи уже давно оставлены за скудостью въ алмазахъ и за трудностью разработки. Послѣднія строчки я пишу въ Куттакѣ, куда меня снова принесли; Джагарнатъ я оставилъ вчера вечеромъ.

Балассоръ, 5-го Августа.

Я медленно подвигаюсь къ Калькуттѣ, по дождю и грязи, безконечными болотами, въ которыхъ царствуютъ лягушки. Иногда, если за безпорядкомъ недостаетъ на дорогѣ носильщиковъ, меня опускаютъ наземь въ моемъ палакинѣ, и большую часть ночи провожу я въ ожиданіи. Вдругъ одинокая лягушка начинаетъ кричать надъ самымъ ухомъ, и право подъ часъ не хуже козла: такъ здоровы у нихъ здѣсь голоса. Невольно бросаетъ въ дрожь! Тогда я бужу Франсуа, который тоже лежитъ въ своемъ палакинѣ, и приказываю ему шумѣть. Случается, что въ этомъ проходитъ цѣлая ночь, т. е. если привалъ есть только условленное мѣсто сдачи для носильщиковъ и негдѣ укрыться. Утромъ, или раньше, носильщики отыскиваются такъ или иначе, какъ почтовыя лошади; минуетъ затрудненіе, и минутное отчаяніе забывается. Забываются и лягушки, которыхъ голоса покрываются голосами носильщиковъ: послѣдніе непрерывно поютъ однообразный речитативъ, впрочемъ довольно пріятный и склоняющій ко сну. Ба-

Digitized by Google

лассоръ станція, гдѣ есть для путешественниковъ очень изрядный домикъ, съ постелью, купальней, кухней, пятью-шестью слугами Индійцами, и всѣмъ необходимымъ для удобнаго помѣщенія. Поэтому я остановился въ Балассорѣ на сутки и болѣе, съ тѣмъ, чтобы, переодѣться и отдохнуть отъ скуки путешествія подъ дождемъ. Въ той части Индіи, гдѣ я теперь, такіе домики встрѣчаются приблизительно черезъ каждыя восемьдесятъ верстъ, и я рѣшился останавливаться въ нихъ каждый день и проводить всѣ ночи. Мѣстами, неподалеку отъ этихъ станцій, есть Англійскіе чиновники, военные и гражданскіе; они живутъ въ прекрасныхъ загородныхъ домахъ, лежащихъ другъ отъ друга въ бо́льшемъ или мѣньшемъ разстояніи. Когда они узнаютъ о пріѣздѣ на станцію путешественника, то спѣшатъ пригласить его остановиться у нихъ, или по крайней мѣрѣ отобѣдать, позавтракать и т. п., а не рѣдко предлагаютъ ему и припасы на дорогу. Я большею частію отказываюсь, предпочитая одиночество, въ особенности когда станція хороша. Другое дѣло—обѣдъ; на этотъ предметъ я болѣе падокъ; не для чего быть вѣчно медвѣдемъ, а иногда общество развлекаетъ.

Такъ вчера нѣкто, докторъ Д..., подъѣхавшій верхомъ къ моей станціи, разсказалъ мнѣ, что въ Балассорѣ расположенъ отрядъ синаевъ, подъ начальствомъ Англійскаго капитана, и есть два-три гражданскіе чиновника для пошлиннаго сбора и т. д., капитанъ надъ портомъ и цѣлое управленіе парусныхъ судовъ для сообщенія съ Калькуттою въ видахъ соляной торговли Балассора; все это, въ подобномъ видѣ, было здѣсь нѣкогда у Голландцевъ и у Датчанъ.

Въ Индіи очень часто и не подозрѣваешь близости живыхъ людей: до того дома низки, разбросаны и закрыты лѣсами.

И такъ вечеромъ, приглашенный на Европейскій обѣдъ, я легко досталъ носильщиковъ, потому что въ населеніи нѣтъ недостатка, но все оно прячется Богъ знаетъ въ ка-

Digitized by Google

кихъ хижинахъ. По обыкновенію, меня понесли къ доктору въ паланкинѣ, при свѣтѣ факела. Въ заключеніе довольно продолжительнаго перехода по лѣсному пустырю, я увидѣлъ наконецъ огни между деревьями, и вошелъ въ чрезвычайно красивый домъ, гдѣ уже былъ приготовленъ столъ, роскошно убранный. Въ гостиной было шесть человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, очень нарядныхъ: близость Калькутты здѣсь уже замѣтна. Одна изъ дамъ была молода и хороша собою; другая — тоже молода и очень недурна; третья — крайне порядочна, но уже не первой молодости. Первая и родилась и получила воспитаніе въ Индіи. Индія даетъ развязность, *desinvoltura*, рѣзко противоположную природной Англійской чопорности.

Эта дама пѣла намъ простыя Англійскія пѣсни, безъ аккомпанимана и безъ всякой методы, но такъ просто и съ такимъ рѣшительнымъ отсутствіемъ аффектаціи, что пѣніе ея было и трогательно и пріятно. Мистеръ Г., одинъ изъ гостей и капитанъ сипаевъ, имѣетъ обязанностію по возможности противодѣйствовать приношенію человѣческихъ жертвъ. Въ продолженіе полутора года своихъ разъѣздовъ по околодку онъ спасъ сорокъ человѣкъ, и косвенно, съ помощію своего вліянія, избавилъ отъ смерти еще до ста. Одинъ изъ жертвоприносителей, схваченный имъ и теперь по неволѣ вынужденный помогать ему въ открытіи другихъ, разсказывалъ ему страшныя вещи объ этихъ жертвахъ. Есть люди, дѣлающіе себѣ ремесло изъ того, чтобы воровать дѣтей: они тайно продаютъ ихъ жертвоприносителямъ, которые, заплативъ за нихъ, пребываютъ въ счастливой вѣрѣ, что кровь, ими проливаемая, падаетъ не на нихъ, а на продающихъ. Долго, иногда многіе годы, эти дѣти, хотя и тайные плѣнники, пользуются всѣми правами собственныхъ дѣтей покупателя, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока семейству послѣдняго не грозитъ никакое несчастіе. Но лишь только оказывается что-нибудь подобное, рѣшаютъ, что пришло время принести жертву духу зла, который, по ихъ убѣжденію, падокъ до человѣческаго мяса.

Digitized by Google

Вотъ тебѣ, всего лучше, собственныя слова мистера Г.: «the nay is positively to cut by slices every bit of the flesh from the body and the face, and to scrape it off the bones, whilst the victim is yet alive and the bowels and other intestines are fearfully moving even a long time after that.»

Калькутта, 21 Августа 1845.

Меня превосходно принялъ здѣшній генералъ-губернаторъ, сэръ Генри Гарднигъ, человѣкъ до нельзя учтивый и исполненный вниманія ко мнѣ. Онъ скоро отправляется осматривать Пенджабъ, и оставляетъ на свое мѣсто сэра Герберта Маддока, въ должности вице-губернатора; въ качествѣ дармоѣда, *toad-eater*'а, какъ говорится, по-Англійски, я ужъ помѣстился въ его домѣ, среди прелестнаго парка, гдѣ славно ѣдятъ и курятъ лучшій на цѣломъ свѣтѣ «гука».

Воздухъ освѣженъ дождями, которыхъ время уже пришло; небо покрыто. За всѣмъ этимъ неблагоразумно было бы отмѣнить дѣйствіе экрана, привѣшеннаго къ потолку, и не смотря на то, что и окна и двери открыты, потому что иначе сдѣлалась бы обильная испарина и нужно бы было тотчасъ купаться и еще мѣнять бѣлье. Ты понимаешь, что, въ такомъ климатѣ, не купаться по крайней мѣрѣ два раза въ день — нельзя. Однакожъ одинъ Англичанинъ увѣрялъ меня, что купаться не благоразумно, что онъ, вмѣсто купанья, заставляетъ тереть себя, какъ лошадь, волосяными перчатками, и что это средство достаточно замѣняетъ купанье. Зная, до какой степени Англичане любятъ воду, я не совсѣмъ повѣрилъ ему. Какъ бы то ни было, онъ имѣлъ любезность подарить мнѣ пару такихъ перчатокъ.

Я нѣсколько дней провелъ за городомъ, у генералъ-губернатора, верстахъ въ двадцати отсюда. Это мѣсто называется Баракпоръ. Паркъ хорошъ и расположенъ по берегу Ганга. Покои замка очень велики. Бездна прислуги особеннаго сословія — Индусовъ касты, называемой Бера, назначена къ экранамъ или опахаламъ, висящимъ на всѣхъ

Digitized by Google

потолкахъ. Управляющій, которому порученъ надзоръ за ними, отвѣчаетъ за то, чтобы опахала не останавливались: они должны дѣйствовать день и ночь, приводимыя въ движеніе слугами, смѣняющимися черезъ часъ и безпрестанно дергающими веревки. Надъ каждою постелью такіе же экраны; ихъ называютъ *понка*; они не только чрезвычайно освѣжаютъ воздухъ и избавляютъ отъ испарины, но съ помощію вѣтра, ими производимаго, отгоняютъ и насѣкомыхъ. Нерѣдко постель и понка покрываются обширной сѣткой, для большей предосторожности отъ насѣкомыхъ. Важность опахалъ этихъ въ Калькуттѣ можно сравнить съ важностью печей для Петербурга.

Сэръ Гербертъ Маддокъ собирается дать балъ, и получилъ уже изъ Лондона пропасть хрустальныхъ люстръ, которыя теперь прикрѣпляютъ къ потолку танцовальной залы: онъ хочетъ, чтобъ эта зала была одна *blaze of light*, т. е. солнце среди темнаго Индійскаго парка, ее окружающаго. Но затрудненіе въ томъ, что нужно сдѣлать много необходимыхъ вырѣзокъ въ огромномъ экранѣ, пересѣкающемъ потолокъ во всю его длину, и въ другихъ, второстепенныхъ; иначе нельзя совмѣстить люстръ съ этою утварью, столько необходимою, а въ танцовальной залѣ въ особенности, — и хозяинъ боится, чтобы вырѣзки, которыя сдѣлаютъ для люстръ, не ослабили черезъчуръ освѣжающее дѣйствіе понка. Сэръ Гербертъ Маддокъ любитъ, чтобъ все у него было хорошо; его Французскія блюда въ самомъ дѣлѣ очень хороши, и, кромѣ его, въ цѣлой Индіи ни у кого нѣтъ подобныхъ. Я говорю о Французскихъ блюдахъ.

Намедни былъ маскарадъ у госпожи Мортонъ, гдѣ былъ и я. Я не люблю засиживаться долго за полночь, и потому пробылъ не долго. Вечеръ былъ очень людевъ и оживленъ; танцовали польку и мазурку.

Аллагабадъ, 17-го Октября 1845.

Я только-что оставилъ Бенаресъ, гдѣ провелъ около десяти дней. Индія не имѣетъ для меня прежняго очаро-

Digitized by Google

ванія, хотя и былъ я въ Бенаресѣ во время самыхъ главныхъ праздниковъ года, и всѣ представленія и религіозныя процессіи чрезвычайно занимательны. Въ этихъ сценахъ Индійской миѳологіи дѣйствовали люди всѣхъ половъ и лѣтъ, выкрашенные и одѣтые богами, богинями и другими силами небесными и подземными. Тутъ былъ, на носилкахъ, Кришна, выкрашенный съ головы до ногъ въ яхонтово-голубую краску, обвѣшанный запястьями, ожерельями, въ страшномъ вѣнкѣ и огромныхъ серьгахъ, — ну точь въ точь такъ, какъ рисуютъ и вырѣзываютъ это божество, опирающимся на Индійскихъ молочницъ и играющимъ на кларнетѣ; былъ тутъ и Рама, весь розовый и вооруженный щитомъ и прямою саблею, которою онъ показывалъ видъ, что сражается, принимая притомъ воинственныя и чрезвычайно забавныя позы, и окруженный людьми, выкрашенными и одѣтыми обезьянами, съ длинными хвостами и остроконечными мордами, которые, слѣдуя за шествіемъ, тоже сражались въ тактъ. Потомъ являлась великолѣпная и блестящая колесница, и въ ней трое хорошенькихъ дѣтей, выкрашенныхъ въ желтое и увѣнчанныхъ на подобіе боговъ, чрезмѣрно украшенныхъ поддѣльными каменьями, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и сидѣвшихъ недвижимо, не хуже любой статуи. Говорятъ, увы! что бѣдныхъ этихъ дѣтей приносятъ въ жертву вскорѣ за тѣмъ, и что нѣтъ никакой возможности ни доказать, ни открыть это; но что не бывало примѣра, чтобъ они не исчезали до конца года, вслѣдъ за торжествомъ, въ которомъ участвовали. Надѣюсь, что это одна изъ тѣхъ сказокъ, которыми такъ часто угощаютъ путешественниковъ.

Къ одному изъ лучшихъ зрѣлищъ этихъ процессій я отношу представленіе богини Кали, богини смерти и разрушенія. Ее представляла женщина, выкрашенная въ синюю, почти черную краску, съ распущенными волосами и стоявшая на носилкахъ; она топтала ногами мужчину, выкрашеннаго въ бѣлое и розовое, котораго голова была спрятана въ отверзтіе между тряпьемъ, замаранным красною краскою,

Digitized by Google

такъ что все это было похоже на человѣка, которому бы отрубили голову. Въ одной рукѣ она держала за волосы картонную голову; другою махала мечемъ, и опускала его надъ умершимъ. Ротъ ея былъ въ красныхъ пятнахъ. Былъ еще маленькій ребенокъ, желтый: онъ сидѣлъ на носилкахъ, поджавъ ноги, и представлялъ старичка, что-то въ родѣ брамина, плѣшиваго и съ бородой совершенно бѣлой. Вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, показались, между прочимъ, войны великановъ, картонные уроды, вышиной съ домъ, изъподъ которыхъ видна была бѣготня маленькихъ ножекъ. Эти ночныя сцены происходили по сосѣдству загороднаго дома Раджи Бенаресскаго, ибо есть и по сіе время Бенаресскій Раджа, толстый черный юноша, улыбающійся, жующій «бетель» и разъѣзжающій на слонѣ. Я самъ разъѣзжалъ на слонѣ, среди толпы зрителей и дѣйствовавшихъ лицъ. Но уже въ городѣ, увлеченный потокомъ одной изъ этихъ процессій, на которыя бросаютъ массы цвѣтовъ со всѣхъ крышъ, оконъ и балконовъ, ломящихся подъ безчисленною толпою, — въ городѣ я нечувствительно вмѣшался въ процессію съ моей бѣлой шляпой, и, только услыхавъ смѣхъ зрителей, а наконецъ цѣлаго Бенареса, замѣтилъ мое положеніе: можно было подумать, что мнѣ хотѣлось играть роль въ этой сценѣ.

Станція Арулъ, 24-го Октября 1845.

Въ Аллагабадѣ отправлялся я въ одинъ садъ смотрѣть нѣсколько большихъ мавританскихъ зданій, надгробныхъ памятниковъ Великаго Могола Джеганъ-Гира, его супруги, дочери, и другихъ. Я снялъ съ нихъ рисунки. Въ силу общей привычки, у меня, за неимѣніемъ другаго экипажа, были наняты поденные носильщики, всего шесть человѣкъ, которымъ я платилъ не болѣе трехъ франковъ: это цѣна для иностранцевъ; туземцы платятъ еще дешевле. Носильщики очень услужливы, знаютъ мѣстность и хорошо понимаютъ незнающихъ ихъ языка. Они же привели или принесли меня въ одно подземелье. Въ Аллагабадѣ спускаешься съ факеломъ

Digitized by Google

въ черный лабиринтъ, и находишь направо и налѣво бездну каменныхъ лингамовъ и статуй полу-людей полу-слоновъ. Эти лингамы вымазаны масломъ, украшены цвѣтами и усыпаны мукой или хлѣбнымъ зерномъ. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда при мрачномъ свѣтѣ факела, я увидѣлъ, что по лингамамъ ползаютъ огромные кокроаки (особенный родъ таракановъ), привлеченные сюда масломъ и жиромъ!

Биваръ, другая станція, 25-го Октября.

Изъ Аллагабада въ Агру переѣздъ мой устроенъ и заплаченъ напередъ, по обычаю страны. Ночью я ѣду въ паланкинѣ, днемъ останавливаюсь, чтобъ избѣжать солнечнаго жара; но эта предосторожность почти уже не нужна, потому что съ каждымъ днемъ становится холоднѣе, — и я отложу ее скоро вовсе, почему и буду подвигаться поспѣшнѣе.

Здѣсь расположенъ теперь полкъ Англійскихъ уланъ, идущій въ Пенджабъ: количество слоновъ, верблюдовъ, телѣгъ, воловъ, палатокъ, огней и людей неисчислимо. Въ одной изъ палатокъ, которую ставятъ рядомъ съ занимаемымъ мною дак-бунгало, т. е. почтовымъ домомъ, есть прехорошенькая Англійская дама; ставятъ около моего жилища и другія палатки, такъ что я буду «окруженъ». Кажется, полкъ пробудетъ здѣсь болѣе одного дня. Что до меня, я выступлю вечеромъ, какъ дѣлаю всегда.

Агра, 23-го Октября.

Я пріѣхалъ вчера, какъ предвидѣлъ, въ два часа утра. Дак-бунгало очень покоенъ, такъ что я, хотя и съ благодарностью, отказываюсь отъ приглашеній генералъ-губернатора, который теперь здѣсь, и губернатора Агры, весьма любезно предлагающихъ мнѣ — первый палатку въ своемъ лагерѣ, второй — помѣщеніе въ своемъ домѣ, расположенномъ среди парка. Однакожъ я препорядочно рискую, потому что еслибъ пріѣхалъ еще кто-нибудь, я долженъ уступить мѣ-

Digitized by Google

сто новопріѣзжему, по положенію. Здѣсь можно пользоваться станціей не болѣе сутокъ, потому что Агра одно изъ самыхъ проѣзжихъ мѣстъ, а вѣроятіе войны съ Сейками порождаетъ большое движеніе къ сѣверу. Поэтому, всякій пріѣзжающій имѣетъ право тебя выгнать; во 1-е: почтовой домъ состоитъ изъ двухъ помѣщеній, совершенно раздѣльныхъ. Правда есть у меня сосѣдъ, занимающій другую половину, но я надѣюсь, что онъ скоро уберется; 2-е: я крѣпко разсчитываю на связи и отношенія большей части путешественниковъ — Англичанъ, статскихъ и военныхъ, съ жителями Агры, отношенія, которыя заставятъ ихъ скорѣе пристать у знакомыхъ, нежели на станціи.

Найдя нанять кабріолетъ, я, между прочимъ, отправился вчера осмотрѣть дворецъ Великихъ Моголовъ; онъ пустъ, и огороженъ стѣнами великолѣпнаго укрѣпленія — родъ кремля: въ этихъ воздушныхъ мраморныхъ павильонахъ я былъ удивленъ, встрѣтивъ генералъ-губернатора съ его адъютантами и другими лицами, снимающаго дагерротипы, которыми онъ занимается *con amore*.

Агра, въ отношеніи къ мавританской архитектурѣ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ, и, быть можетъ, одна изъ диковиннѣйшихъ мѣстностей всего земнаго шара. Изъ другихъ мѣстъ, виденныхъ мною, къ этому подходятъ только Дели и Каиръ. Здѣсь, въ Агрѣ, бездна памятниковъ изъ самаго лучшаго мрамора; каждый, въ своемъ родѣ, единственный, каждый — самаго строгаго стиля, украшенъ сложными деталями, чрезвычайно гармонирующими между собою и нисколько не нарушающими дѣственной чистоты архитектурныхъ линій. Почва плоска и безобразна, пыли очень много; но тамъ и сямъ есть очаровательные сады, гдѣ кричатъ попугаи и журчитъ вода. Кромѣ этого, передъ тобою безплодныя равнины, усѣянныя палатками, населенныя слонами и верблюдами, людьми, стряпающими на воздухѣ, женщинами, которыя носятъ воду — все это покрыто пылью, или базары длинные, узкіе и набитые народомъ, окаймленные домами съ ма-

Digitized by Google

британскими балконами. На этихъ базарахъ расположены разные Индійскіе съѣстные припасы, игрушки, гуки, табакъ и одежды, блестящія, но грубой работы.

Генералъ-губернаторъ предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ сегодня вечеромъ въ одну изъ окрестностей, гдѣ есть Французскій женскій монастырь. Странное явленіе въ Индіи! Располагаю съѣздить.

Агра, 29-го Октября.

Довольно грустно смотрѣть на бѣдныхъ Французскихъ монашенокъ; онѣ большею частію изъ Ліона. Есть у нихъ однакожъ хорошенькій садикъ для прогулокъ, а иногда онѣ ходятъ къ Гималаю, гдѣ тоже устроено у нихъ прибѣжище для отдыха послѣ истомленія отъ зноя. Сухой и холодный воздухъ теперешній придаетъ мнѣ бодрости, и я дѣлаю прогулки до шести верстъ. Сейчасъ получилъ я изъ Дели письмо отъ моего коммиссіонера Натмаля; пишетъ, что у него набралось много вещей для меня, и я рѣшаюсь ѣхать.

Еще Агра, 4-го Ноября.

Проѣздъ генералъ-губернатора сдѣлалъ то, что всѣ носильщики теперь заняты, и я долженъ былъ пробыть здѣсь все это время. Наконецъ *дакъ* мой заказанъ къ завтрашнему вечеру. За неимѣніемъ лучшаго, занимаюсь рисованіемъ здѣшней архитектуры, что идетъ довольно худо, и не совсѣмъ развлекательно; прямыя и параллельныя линіи безъ конца, десятки колоннъ, похожихъ одна на другую, десятки куполовъ, одинъ какъ другой, и Богъ знаетъ сколько аркадъ, оконъ, дверей и т. д. Но это не совсѣмъ безполезно.

Долпуръ, 6-го Октября.

Наконецъ, послѣ Богъ знаетъ какихъ усилій, я добился, какъ милости и заплативъ порядочную сумму, возможности выѣхать въ Гваліоръ; но вотъ я на третьей станціи застрялъ со вчерашняго вечера, въ мѣстѣ, истинно ужасномъ; а уже полдень. Ты еще болѣе будешь смѣяться надо мной,

Digitized by Google

что я опять охотой пошелъ въ эту каторгу. Такъ графъ Ф. говоритъ, что весь Востокъ не стоитъ и часоваго путешествія. Но который, ты этого не говоришь? — Я получилъ въ Агрѣ письмо твое изъ Парижа, передъ отъѣздомъ твоимъ въ Петербургъ. Послѣднему я очень радъ. Дай Богъ, чтобъ я какъ-нибудь выбрался изъ этой стороны, и поскорѣе увидѣлся съ тобой!

Агра, 10-го Ноября.

Среди пустыни есть крѣпость на скалѣ, у подножія которой городъ, населенный почти пятьюдесятью тысячами Маратовъ. Это — Гваліоръ. Я пріѣхалъ туда 7-го числа, на ночь, и резидентъ, мистеръ Шекспиръ, послалъ вскорѣ предупредить Магараджу, что Русскій путешественникъ нарочно пріѣхалъ издалека, чтобъ посмотрѣть на него и на его столицу. Вслѣдствіе этого явилось два слона, за мной и за Англійскимъ резидентомъ, который живетъ довольно далеко отъ города. Мы проѣзжали по улицамъ, унизаннымъ балконами, на которыхъ была тьма народа. Пріѣхавъ на дворъ дворца, мы слѣзли, и, предводимые прислугою Раджи, взошли, одинъ за другимъ, по узкой лѣстницѣ до двери, гдѣ толпились вооруженные люди, танцовщицы и музыканты. Въ это время началась музыка и пляска, а мы продолжали идти, кланяясь направо и налѣво, между двухъ рядовъ Маратскихъ воиновъ, стоявшихъ въ длину залы длинной, низкой и въ концѣ которой сидѣлъ на своемъ тронѣ Магараджа. Онъ — мальчикъ десяти лѣтъ, весь облѣпленный жемчугомъ и брилліантами, держащій въ одной рукѣ кинжалъ Гваліорскій, а въ другой — шпагу Индо-Германскаго вида. Онъ черенъ, какъ всѣ Индійцы, но очень хорошъ собою, очень граціозенъ и важенъ. Каждую минуту молодой слуга, стоявшій позадъ его, совалъ ему въ руку свѣжіе листья бетеля, которые ребенокъ сейчасъ же клалъ въ ротъ.

Меня посадили возлѣ него, и онъ спросилъ у меня, какъ я себя чувствую. Я отвѣчалъ на это, что не боленъ.

Digitized by Google

Въ свою очередь я спросилъ у него о здоровьѣ, и, какъ я получилъ отвѣтъ удовлетворительный, то разговоръ объ этомъ прекратился. За тѣмъ положили предо мной дорогія ткани, жемчугъ и небольшіе брилліанты. Я отказался отъ этихъ богатыхъ подарковъ, выразивъ мою признательность; но когда предложили мнѣ полное Маратское вооруженіе, я подумалъ о тебѣ, и, поспѣшно положивъ на него руку, велѣлъ отнести домой. Его отправятъ въ Индору, гдѣ я возьму его и вышлю къ тебѣ. Начался потомъ шумный фейерверкъ, и весь городъ былъ иллюминованъ плошками.

У молодаго Гваліорскаго государя есть очаровательная, четырнадцатилѣтняя кузина; по обычаю всѣхъ Индійскихъ женщинъ высшаго сословія, она живетъ затворницей.

Непосредственно за хрустальнымъ тропомъ, на которомъ сидѣлъ Магараджа, — кресломъ, въ которое вдѣланы зеркала, она была спрятана зеленой занавѣсью съ небольшимъ отверстіемъ, закрытомъ сѣткою, и къ которому княжна, незримо для присутствовавшихъ, вольна была приложить свое ушко или прекрасный ротикъ.

Я сѣлъ на полъ у самой дырочки, и услышалъ тоненькій голосокъ, который спрашивалъ меня, какъ и себя чувствую, *саабъ атша хаи?* Отвѣтивъ, что чувствую себя не дурно, *харабъ неи*, я сейчасъ же, съ тѣмъ присутствіемъ духа, которое даетъ привычка къ придворной жизни, оборотилъ вопросъ, и съ своей стороны освѣдомился о ея здоровьѣ. Очаровательная княжна, съ быстротою на отвѣты, прирожденной первобытнымъ племенамъ Индіи, не колеблясь отвѣчала мнѣ, что чувствуетъ себя очень хорошо. Окончивъ бесѣду нашу, къ взаимному удовольствію нашему и общему всѣхъ присутствовавшихъ, я опять подошелъ къ Магараджѣ и изъявилъ ему желаніе удалиться. — Коли такъ, сказалъ онъ мнѣ, — я украшу васъ гирляндами цвѣтовъ и надушу эссенціями. — Вслѣдъ за этимъ онъ обвѣшалъ меня гирляндами жасминовъ, и въ то же время всего меня облили розовыми и сандаловыми эссенціями и масломъ, а руки набивали бетелемъ и позолоченными гвоздичками.

Digitized by Google

За тѣмъ мы опять прошли рядами Гваліорскихъ воиновъ, и влѣзли на слоновъ, чтобы вернуться къ дому капитана Шекспира, по иллюминованнымъ улицамъ Гваліора, на которыхъ тѣснилась толпа и раздавалась шумная Маратская музыка.

Этотъ великолѣпный пріемъ наводитъ меня на мысль, что меня, при этомъ дворѣ, приняли за какого-нибудь Европейскаго Раджу. Одной изъ причинъ этого было, я думаю, чрезвычайно любезное письмо генералъ-губернатора, сэра Г. Гардинга, предупредившаго молодаго Раджу о моемъ пріѣздѣ.

Дели, 14-го Ноября.

Вчера, середь ночи, пріѣхалъ я на станцію Дели, страшный сарай. Задолго до свѣту пошелъ я, по пустымъ еще улицамъ, бродить въ пальто, потому что ночью уже холодно, и я отправился къ большой мечети, величественному зданію изъ бѣлаго и краснаго мрамора, на которое я поднялся по широкой наружной лѣстницѣ, *come quello della Santa-Trinita a Roma, piazza di Spagna*, а за тѣмъ на одинъ изъ ея стройныхъ минаретовъ, откуда я любовался на Монгольскую столицу, еще закутанную въ таинственныя сырыя сумерки утра. Великій Моголъ спалъ въ своемъ мраморномъ дворцѣ, окруженномъ садами, дворами, разнообразными кіосками, красивыми мечетями и грудой хижинъ, образующихъ пыльныя и незатѣйливыя улицы: все это замкнуто въ великолѣпное, зубчатое укрѣпленіе изъ камня цвѣта краснаго мрамора, и котораго высокія стѣны и мавританскія башни образуютъ просторный четвероугольникъ на плоской почвѣ прибережья рѣки Джумны.

Когда я проходилъ большею улицей, Regent-Street Дели, называемой Чанди-Чокъ, меня узнали нѣкоторые купцы; воротившись домой, я нашелъ уже шатавшагося вокругъ моей квартиры любимаго моего мѣнялу, Натмаля, закутаннаго всего въ красную ткань: онъ объявилъ мнѣ, что онъ въ траурѣ, что онъ сходитъ сожжетъ своего отца, и

сейчасъ же вернется. Между тѣмъ явилась другая компанія купцовъ, джоварлалская, которая наполнила мою маленькую комнатку щитами, саблями, топорами и кинжалами; я накупилъ всего на триста рупій. Уже къ вечеру воротился Натмаль, совершенно сжегши покойника и бросивъ прахъ въ священный потокъ Джумны. Вещи, которыя принесъ онъ и показывалъ дрожавшею отъ жадности рукою, куплены мною за семьсотъ пятьдесятъ рупій: это — камакъ или лукъ изъ фунатской стали съ золотыми насѣчками, такой же щитъ, нѣсколько кинжаловъ, вооруженіе и т. д.

Холера, къ несчастію, уже производитъ кое-какія опустошенія. Въ настоящее время, говорятъ, она коситъ не болѣе двадцати жертвъ съ населенія, такого какъ въ Римѣ. Но это много для поры года, когда обыкновенно прекращаются и повѣтрія и болѣзни.

Генералъ-губернаторъ ѣдетъ сегодня на границу Пенджаба, подающую Англійскому правительству поводъ къ кое-какимъ безпокойствамъ. Онъ не переставалъ быть чрезвычайно внимательнымъ ко мнѣ, что показалось мнѣ особенно пріятно послѣ неопредѣленнаго пріема, сдѣланнаго мнѣ его предмѣстникомъ.

Дели, 22-го Ноября.

Я съѣздилъ въ Мирутъ, лежащій верстахъ въ шестидесяти отсюда, и только что вернулся въ Дели, но уже велѣлъ, чтобы послѣ завтра все было готово къ отъѣзду. Я оставляю Дели не совсѣмъ безъ сожалѣнія. Въ день моего прибытія въ Мирутъ, скорѣе всего одинъ изъ Англійскихъ военныхъ пунктовъ, умеръ отъ холеры Англійскій уланъ; я узналъ это отъ полковника, у котораго останавливался. Эпидемія была очень сильна въ Мирутѣ, но теперь слабѣетъ. Полкъ Европейскихъ улановъ пострадалъ менѣе другихъ, а все-таки потерялъ двадцать человѣкъ въ мѣсяцъ. Другіе Европейскіе полки теряли людей сотнями въ такое же пространство времени, а туземцы умирали тысячами. На-

Digitized by Google

стоящее время года, на нынѣшній разъ, очень неблагопріятно. Болѣзнь приписываютъ недостатку въ дождяхъ; теперь встрѣчаются только частные случаи.

На первой станціи отъ Джайпура въ Раджпутанѣ, 4-го Декабря.

Вотъ я ужъ и далеко отъ Дели. Въ день моего отъѣзда мнѣ принесли продавать еще цѣлую кучу разныхъ оружій, довольно любопытныхъ, но дорогихъ, и я не сошелся въ цѣнѣ. Я понадѣялся, что къ вечеру мнѣ принесутъ ихъ опять, но пришлось пуститься въ дорогу безъ этого, и не безъ сожалѣнія.

Уже почти на выѣздѣ изъ Дели, въ концѣ длинной улицы базара, людной и шумной, одинъ изъ мѣнялъ догналъ мой паланкинъ съ новыми предложеніями. Я принялъ ихъ и согласился подождать за городскими воротами съ моими паланкинами и всѣмъ *кагоромъ*, т. е. по-Русски пожалуй кагаломъ (кагоромъ называется совокупность носильщиковъ; ихъ было у меня сорокъ). Вскорѣ, при свѣтѣ факеловъ, разложили передо мной оружія; деньги были отсчитаны — препорядочная сумма!.... вещи поспѣшно уложены, а всѣ мои носильщики и Францъ получили отъ мѣнялъ щедрые магарычи, въ силу обычая, весьма утвердившемуся въ Индіи.

Послѣ этой покупки, я, съ моими носильщиками, одними на всю дорогу, отправился въ Джайпуръ, лежащій въ трехъ-стахъ верстахъ отъ Дели: переходъ этотъ я сдѣлалъ въ пять сутокъ, полагая по шестидесяти верстъ въ ночь; дорога—страшный песокъ и пустыня; день проводилъ я въ гадкомъ каравансараѣ. Вообрази, какого труда стоитъ подобное путешествіе несчастнымъ носильщикамъ. Съ меня взяли они двѣсти рупій; кромѣ того, я давалъ имъ по двѣ рупіи въ ночь *на водку*. Джайпуръ красивый городъ въ прекрасномъ мавританскомъ стилѣ; онъ лежитъ въ пустынѣ, и имѣетъ до двухъ-сотъ тысячь жителей. Я видѣлъ въ большомъ прудѣ крокодиловъ, которыхъ приманиваютъ кишками животныхъ, и на которыхъ ѣздятъ верхомъ. Эти крокодилы не такъ

Digitized by Google

длины, какъ въ Гангѣ и Индѣ. Самые большіе — десяти футовъ; въ тѣхъ рѣкахъ есть и по двадцати и по двадцати пяти!

Верстахъ въ восьми отъ Джайпура, Амберъ, старый городъ, имѣющій укрѣпленіе въ скалахъ и напоминающій Гренаду и Алгамбру, за исключеніемъ ея обширныхъ прудовъ и таинственныхъ и темныхъ садовъ... Я вошелъ въ языческій храмъ, гдѣ приготовляли къ приношенію жертву: это была коза. Шесть лѣтъ тому назадъ жертва была бы человѣческая. Привели жертву передъ идола; браминъ плеснулъ ей на голову воды и бросилъ желтыхъ цвѣтовъ, бормоча молитвы; потомъ ребенокъ и другой, взрослый человѣкъ, потащили ее на мѣстечко, усыпанное пескомъ, гдѣ съ разу отхватили ей голову пожемъ, съ виду похожимъ на бритву и который держали двумя руками. Голову и первую кровь собрали въ мѣдный тазъ и поставили передъ идоломъ, который задернули занавѣсомъ. Идолъ помѣщается въ чемъ-то похожемъ на святилище, въ глубинѣ четвероугольнаго двора. Когда былъ задернутъ занавѣсъ, шею животнаго опустили въ нарочно вырытую яму, чтобы дать стечь остальной крови. Мы вышли, и позавтракали въ пріятномъ саду, украшенномъ павильономъ изъ краснаго мрамора.

Молодой Магараджа Джайпура, тринадцати-лѣтній ребенокъ, очень некрасивой наружности, принялъ насъ сидя на тронѣ. Спросивъ о моемъ здоровьѣ, о томъ, гдѣ Россія, и сколько времени нужно, чтобы доѣхать туда изъ Джайпура, Магараджа приказалъ своему учителю Англійскаго языка спросить у него нѣсколько словъ изъ этого языка, которому онъ учится изъ угожденія резиденту. Потомъ онъ всталъ съ трона, пошелъ въ залу для стрѣльбы, взялъ лукъ и стрѣлы, и показалъ намъ свое искусство въ стрѣльбѣ. Въ правой стѣнѣ были небольшія отверстія, черезъ которыя можно было переговариваться съ его матерью; возлѣ нихъ стоялъ евнухъ. Она сказала мнѣ, что желала бы, чтобы я пріѣхалъ во дворецъ, на цѣлый день, отобѣдалъ и посмотрѣлъ на

Digitized by Google

бой слоновъ. Игрушки Магараджи — деревянные слоны и лошади, соотвѣтствующіе его росту; онѣ стоятъ въ тронной залѣ. Послѣ этого мы вошли на верандасъ, выходящій на довольно просторный дворъ, и гдѣ были поставлены бархатныя сѣдалища; явилась сначала маленькая каретка, въ самомъ Индійскомъ вкусѣ, запряженная четверней газелей: она разъ объѣхала кругъ въ нашихъ глазахъ. Потомъ влетѣлъ носорогъ, за которымъ бѣжало два человѣка съ палками, для управленія имъ, какъ буйволомъ.

Брочъ (по-Англійски Broache), 23-го Января 1846.

Завтра думаю быть въ Суратѣ, откуда, на пароходѣ поѣду въ Бомбэй. Съ нѣкотораго времени я живу не иначе какъ въ палаткахъ, а иногда и безъ палатокъ, подъ одними деревьями, и сплю въ моемъ паланкинѣ. Индійцы самые страшные сектаріанцы, какихъ только можно представить себѣ; они способны сломать домъ, еслибъ ночевалъ въ немъ человѣкъ, не принадлежащій къ ихъ кастѣ. Дѣло въ томъ, что они никого не впускаютъ въ свое жилище, развѣ это какой-нибудь заброшенный сарай. Но и эти мѣста обыкновенно грязны, потому что, хотя Индійцы, безъ сомнѣнія, и купаются никакъ не менѣе двухъ разъ въ день, но все вокругъ нихъ чрезвычайно неопрятно; улицы, базары и дома такіе же въ отношеніи къ чистотѣ какъ въ Векіо-Наполи, или въ Чивита Векіѣ, этой неносной трущобѣ.

Сурать, 21 Января.

Я пріѣхалъ сюда только сегодня утромъ, и видѣлъ еще немногое. Городъ наиболѣе населенъ гебрами, поклонниками огня, которыхъ въ Индіи зовутъ *парсіями*. Они держатся религіи Зороастра, и толпою выселились въ Суратъ и Бомбэй, во время введенія въ Персіи магометанства. Черты ихъ напоминаютъ Грузинцевъ. Нарядъ ихъ своеобразенъ и совершенно однообразенъ, — одинъ и тотъ же для всѣхъ. Странная шапка, легкая и столчая, сдѣланная изъ сѣроватаго ситца, лоснящался какъ клеенка, подклѣенная и на

Digitized by Google

ватѣ, всегда одна и та же, безъ малѣйшихъ измѣненій, и для богача и для бѣднаго. Самая одежда просто изъ бѣлой кисеи, довольно длинна, безъ таліи, или, вѣрнѣе, съ таліей подъ мышками; панталоны, изъ такой же матеріи, ни широки, ни узки. Жрецы ихъ носятъ бороды, бѣлыя шапки вмѣсто сѣрыхъ, и черныя туфли. Они молятся во время восхожденія и захожденія солнца, и имѣютъ небольшіе храмы священнаго огня. Никогда гебръ или парсій не зажжетъ тебѣ трубки или сигары: онъ считаетъ это за профанацію огня. Не знаю какъ они готовятъ кушанье, но мнѣ случалось живать у нихъ, и ни въ чемъ, съ этой стороны, не было недостатка. Если не ошибаюсь, имъ воспрещено только на предметы не необходимые употреблять огонь, а въ особенности гасить его, потому что пожары гасятъ. Они очень промышленны, торговы и богаты. Самый страшный милліонеръ ихъ въ Бомбэѣ: Джемседжи-Джиджибой.

Рисунокъ, который посылаю тебѣ, представляетъ Марата-Раджу, независимаго и богатаго, который постоянно живетъ въ Бародѣ, откуда я пріѣхалъ. Цифра его дохода — предметъ удивленія Англичанъ; эта цифра — 1,000,000 ф. стер. — Но онъ скупъ, и живетъ грязно, какъ обыкновенно Индійцы, что менѣе удивительно; потому что они хоть и моются по нѣскольку разъ въ день, но часто бываетъ, что въ грязи, въ какомъ-нибудь скверномъ прудѣ, полномъ лягушекъ, зеленомъ и подернутомъ мохомъ и плесенью, котораго воду вдобавокъ они пьютъ, несчастные, — или же въ болотѣ, населенномъ крокодилами, которыхъ они и не думаютъ обѣгать, хотя частехонько бываютъ съѣдаемы ими. Вчера, покуда я на лодкѣ ѣхалъ съ Англичаниномъ къ острову, на которомъ ростетъ величайшее въ Индіи дерево, товарищъ мой выстрѣлилъ по одному изъ этихъ животныхъ, и промахнулся, какъ это бываетъ большею частью.

Раджа, о которомъ идетъ рѣчь, по имени Ганквойръ, намедни, въ самый жаръ, непремѣнно хотѣлъ меня посадить въ свою охотничью колесницу, запряженную бѣлыми

Digitized by Google

горбатыми волами, безмѣрно быстрыми и красивыми,—бокъ о бокъ съ леопардомъ, очень кроткимъ и пускаемымъ по равнинамъ на оленей, лосей и дикихъ козъ. Я отговорился, потому что онъ въ сущности былъ не совсѣмъ любезенъ, и не стоилъ подобной жертвы. За то вечеромъ онъ пригласилъ меня на представленіе, которое давала труппа актеровъ, принадлежащихъ къ его двору, и разъигрывающая фарсы, какъ въ Сан-Карлино. На нихъ чисто національная печать: они полны комизма и естественности.

Въ одномъ изъ этихъ фарсовъ одинъ изъ актеровъ обратилъ мальчишку въ скрипку или что-то похожее на гитару. Вотъ какъ онъ это сдѣлалъ. Въ одинъ мигъ опрокинулъ его въ положеніе инструмента, сорвалъ съ него кисейную чалму, распустилъ ее отъ головы до ногъ въ видѣ струнъ, настроилъ за уши, и началъ пилить и наигрывать, довершая очарованіе диковиннымъ подражаніемъ звукамъ инструмента своимъ голосомъ. Въ то же время, сосѣдъ его невозмутимо серьёзно билъ въ барабанъ по головѣ и спинѣ другаго мальчишки, который стоялъ на четвереньках.

Сурать, 1-го Февраля 1846.

Я уже рѣшился ѣхать въ Бомбэй на парусномъ суднѣ, когда пріѣхалъ пароходъ. Такъ какъ здоровье мое поправилось, я принялся за прежнюю не-діэту и сырую воду, отъ которой, по случаю легкой диссентеріи, долженъ былъ воздержаться на нѣсколько дней. Сурать престрашная большая деревня; только гебры или поклонники огня дѣлаютъ ее сносною, подобно Бѣлорусскимъ Евреямъ, доставляя Европейцу все нужное. Я получилъ нѣсколько приглашеній отъ Англичанъ переселиться къ нимъ: отъ судей, сборщиковъ податей, ихъ помощниковъ и капитановъ полковъ, здѣсь расположенныхъ. Нельзя пожаловаться на негостепріимство; я все-таки предпочитаю остаться на общественной станціи для путешественниковъ, конечно лишенной комфорта и

Digitized by Google

похожей на лазаретъ или пустую гауптвахту, но гдѣ я по крайней мѣрѣ свободенъ, *my own master*. Меня здѣсь изрядно обокрали, потому что двери и окны худо закрыты, и воры входятъ такъ же свободно, какъ вѣтеръ, которому всегда бываешь радъ. Но я уже познакомился съ Суратскимъ полиціймейстеромъ, очень любезнымъ гебромъ, который приставилъ къ моей квартирѣ двухъ солдатъ, и съ тѣхъ поръ меня не обкрадываютъ. Вещи, украденныя какъ бы по какому-то волшебству изъ-подъ носу у меня и у Франца, слѣдующія: серебряные приборы, сертукъ джаксоновскій изъ чернаго сукна, довольно новый, который былъ и очень приличенъ и очень полезенъ, и бутылка самаго рѣдкаго вина.

Есть въ Суратѣ Индійскіе купцы, *банианы*, какъ ихъ называютъ, которые ведутъ торговлю опіумомъ и имѣютъ по меньшей мѣрѣ сорокъ тысячъ франковъ ежемѣсячнаго дохода. Любопытны свадьбы ихъ дѣтей. Кромѣ того, что послѣднія, въ этихъ случаяхъ, покрыты драгоцѣнностями и съ большимъ торжествомъ проходятъ по Сурату, лица ихъ сплошь закрыты бездной крошечныхъ блестокъ, золотыхъ, серебряныхъ и разноцвѣтныхъ, которыя лѣпятъ имъ на лобъ, вокругъ глазъ, на щеки и подбородокъ, въ видѣ маленькихъ и весьма сложныхъ арабесковъ. Это похоже на тонкую татуировку, блестящую и красивую какъ мозаика, хотя маленькія существа, украшенныя этимъ способомъ, напоминаютъ гораздо менѣе людей, нежели идоловъ, искусно отдѣланныхъ.

Девять дней блуждалъ я по лѣсу Парія-джунгль, между Бародой и Суратомъ, гдѣ ѣлъ я вещи самыя нездоровыя и пилъ постоянно дурную воду. Отъ этого и сдѣлалась у меня диссентерія, которую въ Суратѣ вылечили мнѣ лауданумомъ, ипекакуаной и голубыми пилюлями изъ каломеля въ небольшомъ количествѣ, до трехъ гранъ послѣдняго, и частицы клещевиннаго или касторовaго масла, при пятидневной діэтѣ, т. е. саго на водѣ и сухарной водѣ.

Digitized by Google

Бомбэй, 9-го Февраля.

Я писалъ для тебя въ Суратѣ рисунки, и продолжалъ ихъ здѣсь. Это занятіе наполняетъ длинные, однообразные часы. Пароходъ мой идетъ въ Суэцъ 1-е Марта, и я располагаю воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ побывать въ Гоа.

Изъ Египта я намѣренъ, черезъ Вѣну и Лондонъ, ѣхать въ Пстербургъ Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я говорилъ о Раджѣ-Маратѣ Бароды, Гаиквойрѣ, у котораго я былъ. Онъ суевѣренъ и боится волшебниковъ и колдуновъ. Намедни бродяга-пустынникъ, или факиръ, пришелъ въ Бароду, и, остановившись передъ его дворцомъ, принялся съ дикими криками требовать пристанища. Раджа выслалъ своего камергера звать его обѣдать, но нищій взбѣсился, дерзко выразилъ, что для такого лица какъ онъ, не грѣшно бы было и обезпокоиться самому Раджѣ, и оставилъ Бароду, произнося проклятія. Раджа до того испугался, что сейчасъ же послалъ въ слѣдъ ему депутацію съ пятью тысячами рупій. Какому-то глупому Индусу, неизвѣстно почему слывущему за лекаря и состоящему при его особѣ, Раджа платитъ безумную сумму — пятнадцать тысячъ рупій въ мѣсяцъ. Эти нелѣпости почти невѣроятны; но люди, говорившіе мнѣ объ этомъ, основательно знаютъ это дѣло, и сомнѣваться не должно. Англичане слишкомъ сильны въ ариѳметикѣ и не ошибутся въ счетахъ.

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА XIV.

СВѢТСКІЯ ИСКУШЕНЬЯ.

Digitized by Google

Frailty.... thy name is woman!....

Shakespeare, Hamlet.

Вотъ наконецъ и всю измѣнчивость здѣшняго въ самой
Печали нашей мы видимъ!.... И такъ скажу, къ сожалѣнью,
Горе земное не вѣдомо!....

Жуковскій, Ундина.

It suits me well to mingle now
With things, that never pleased before!....

Byron, Miscellaneous Poems.

Le coeur et l'esprit d'une femme sont bien froids si elle n'est pas agréablement émue quand elle s'aperçoit qu'elle plait.

Miss Owenson, Yda l'Athénienne.

Digitized by Google

I.

Oh! pardon that in crowds a while
I waste one thought I owe to thee,
And, self — condemn'd, appear to smile,
Unfaithful to thy memory!....

Byron, Miscellaneus Poems.

Сначала въ обществѣ явилась я
Безъ замѣчанія и безъ значенья,
Какъ дѣвочка ничтожная; едва
Меня терпѣлъ столицы высшій кругъ;
И покровительство Княгини мнѣ
Не было ни въ подпору, ни въ защиту.
Лишь только съ нею вмѣстѣ я войду
На балъ или раутъ, она съ Княжной
Меня покинутъ обѣ, гдѣ случится,
Съ кѣмъ Богъ привелъ.... и мною ужъ потомъ
До самаго разъѣзда не займутся.
И долго я въ собраньяхъ многолюдныхъ
Была одна, межъ незнакомыхъ лицъ,
Какъ средь глуши лѣсной, въ пустынѣ дикой;
И вѣрно бы отъ скуки и болѣзни
Я обезумѣла бъ, когда съ собой
Сердечную мечту свою, какъ тѣнь,
Я всюду не возила бы.... Но скоро
Какая-то молвы нелѣпой прихоть
Вниманье обратила на меня,
Вдругъ разошлась по обществу, — (откуда? —
Богъ вѣсть!) что я пишу и сочиняю....
И многимъ я диковинкой кажусь....
И на меня ужъ смотрятъ любопытно,
А чаще косятся, — какъ будто я
Какой-то звѣрь невиданный, заморскій....
Пишу и сочиняю!!.... Боже мой!
Такъ величать меня за двѣ-три пѣсни,
Что дѣтская сестеръ моихъ болтливость

Digitized by Google

Иль добрыхъ Мѣховскихъ предубѣжденье
Успѣли расхвалить и показать
Другимъ, какъ я, мечтательницамъ бѣднымъ!....
Но это мнѣ вредитъ. — Во-первыхъ, я
Боюсь, что кто-нибудь неосторожно
Промолвится случайно при Княгинѣ,
Или, — что бъ хуже было! — при Княжнѣ,
Всегда готовой подсмотрѣть, подслушать
Все то, что̀ можетъ ей противъ меня
Оружіемъ служить. А во-вторыхъ,
Поэтъ въ кисейномъ платьѣ и въ вѣнкѣ
На балѣ, — есть явленіе смѣшное
Для гордыхъ, свѣтскихъ дамъ, для модныхъ львицъ.
Отнѣкиваюсь я всегда, гдѣ можно,
Отъ пѣсней и стиховъ моихъ, — стараюсь
Отречься отъ себя самой, какъ будто
Отъ глупенькой кузины — провинціалки!
Но между тѣмъ, меня въ углу моемъ
Отыскивать ужъ стали: старички,
Поэты, дипломаты, всѣ со мною
Бесѣдуютъ, мнѣ съ ними ужъ не страшно, —
Не такъ дика, не такъ я болтлива,
Какъ за два мѣсяца; и съ ними я
Могу уже смѣяться и шутить,
Иль понимать разумныя ихъ рѣчи. —
И я теперь съ Княжною смѣю спорить,
Когда, подъ часъ, великолѣпный вздоръ
Отпуститъ свысока она, и рада
Познаніямъ своимъ. — Я возражаю,
Я привожу примѣры, опираюсь
На книги, факты, мнѣнья.... И она,
Блѣднѣя и себѣ кусая губы,
Вдругъ замолчитъ; а за меня возстанутъ
Поборники мои.... Конечно, мнѣ
Не сходитъ даромъ съ рукъ такая дерзость, —
И я свою минутную побѣду
Потомъ гоненьемъ долгимъ злобы мелкой
И зависти ея должна купить! —
Но ужъ за то, и мигъ побѣды сладокъ,

Digitized by Google

Когда онъ мститъ за вѣчную вражду!
Но ужъ за то, и свѣтъ мнѣ сталъ ареной,
Гдѣ я сражаюсь гордо и отважно
Какъ женщина, — за женское тщеславіе, —
Какъ жертва, — за достоинство свое!....
И свѣтъ теперь не такъ мнѣ ненавистенъ,
И въ немъ, порой, забывшись, я живу,
Я чувствую, одушевляюсь, мыслю....
И голова горитъ, и кровь по жиламъ
Течетъ скорѣй....

Но если вдругъ въ то время
Моимъ глазамъ покажется Елена, —
Опомнюсь я, — и судорожный трепетъ
Всѣмъ существомъ моимъ вдругъ овладѣетъ,
Межъ тѣмъ какъ сердце мнѣ пронзаетъ жало
Неоспоримой, но острой боли....
За ней, смѣющейся, живой, веселой,
Я слѣдую померкшимъ, грустнымъ взоромъ,
Я на нее смотрю, какъ на залогъ,
Напоминающій былые дни
И краткое блаженство и страданье....
И мнѣ ея прелестный, свѣжій обликъ,
Какъ памятникъ надгробный, говоритъ
Лишь о минувшемъ, объ утратѣ тяжкой!....
Она на умъ приводитъ мнѣ опять
Тѣ радости, которымъ нѣтъ замѣны,
Которыя въ присутствіи ея
Меня такъ тѣшили, такъ волновали!
Которыхъ повѣсть ей равно знакома,
Какъ мнѣ самой, какъ сердцу моему....
И горе обновленное мое
Мнѣ чувствовать даетъ краснорѣчиво,
Какъ настоящее безстрастно, мертво,
Какъ все вокругъ меня и въ сердцѣ пусто!....
Тогда начатая улыбка гаснетъ
На скованныхъ устахъ.... тогда я вдругъ
Подъ бальными уборами блѣднѣю....
Охота говорить, иль танцовать,

Digitized by Google

Желаніе успѣха и хвалы, —
Проходитъ.... Я нѣма и неподвижна;
И надъ толпой, роящейся вокругъ,
Восходитъ и паритъ знакомый образъ,
Тотъ образъ вѣчно-милый, незабвенный....
Какъ незакатная заря любви,
Какъ призракъ вездѣсущій, какъ укоръ!....

II.

Ma joie a le caractère d'un feu d'artifice: — elle jaillit, brille et s'éteint dans l'obscurité.

La Comtesse Merlin.

10-е Марта 18....

Когда, порою, съ устъ моихъ
Улыбка бѣглая сорвется, —
Когда въ глазахъ, всегда нѣмыхъ,
Веселье вспыхнетъ и зажжется,
Когда, толпой окружена,
Въ кругу забавномъ, говорливомъ,
Воображеніемъ игривымъ
Мгновенно я увлечена, —
Вся предаюсь бесѣдѣ шумной,
И смѣху общему смѣюсь:
Тогда себѣ, какъ полоумной,
Сама я внутренно дивлюсь!
Съ негодованьемъ и презрѣньемъ
Вникаю я тогда въ себя,
И говорю съ недоумѣньемъ:
«Ужель вертушка эта — я?!....
«Ужель безпечная, живая,
«Похожа я на всѣхъ другихъ?....
«Ужель, былое забывая,
«Могу дѣлить я радость ихъ?!....»
И въ мигъ веселости не стало....
Какъ прежде, пасмуренъ мой видъ,
И тяжкій грузъ тоски бывалой
Мнѣ сердце сирое тѣснитъ.

Digitized by Google

Избранница судьбы жестокой,
Для испытаній, для скорбей, —
На мнѣ печать ея затѣй!
Неизгладимо и глубоко,
Она на сердце, на чело
Свое бѣдовое клеймо
Мнѣ въ день рожденья положила....
И сердце стонетъ и горитъ,
И горе взоръ мой омрачило,
И молодость моя забыла
Все, что другихъ животворитъ.

Толкуютъ люди межъ собою:
«Она спокойна, весела;
«Ей бытія заря мила;
«Ей жизнь игрушкой золотою;
«Ее на радостномъ пути
«Любовь и счастье ожидаютъ,
«И ей въ таинственной дали
«Всѣ блага міра обѣщаютъ!» —
О! еслибъ прочитать во мнѣ
Тогда могли чужіе взоры!....
Въ сокрытой сердца глубинѣ,
Они бъ увидѣли укоры
Любви, пенявшей на себя!
Они узнали бы съ участьемъ,
Что часто горемъ и несчастьемъ
Испытана бывала я!
Узнали бы, что я всечасно
Кляну даръ юности напрасный;
И въ сердцѣ бы нашли моемъ
Тоски безчувствіе глухое,
Воспоминанье роковое,
Да сожалѣнье о быломъ.
Моя веселость — мигъ забвенья;
Спокойный взоръ мой — принужденье;
Моя улыбка — бѣглый лучь
Въ день лѣтній, мелькомъ изъ-за тучь,
Отъ солнца павшій въ запустѣнье!....

Digitized by Google

III.

La curiosité.... le défaut d'Eve....

Balzac.

14-го Марта 18....

Не Наденька одна, сама Алина, —
(Хоть это не совсѣмъ чистосердечно)
Меня теперь съ побѣдой поздравляютъ,
И лестной по всему, — признаться должно! —
Есть нѣкто Мирскій, Князь, богатъ, хорошъ,
Уменъ, и всюду принятъ превосходно, —
Его-то мнѣ въ угодники даютъ....
Конечно, до поста, почти всегда,
Вездѣ онъ танцовалъ со мной мазурку;
Конечно, онъ представился Княжнѣ,
Сталъ часто ѣздить къ намъ, — моимъ сосѣдомъ
У чайнаго стола, въ гостиной, въ залѣ, —
Но въ голову не приходило мнѣ,
Что Мирскій....Впрочемъ, стану замѣчать!....
Хоть это мнѣ, безспорно, все равно, —
А такъ .... изъ любопытства, на досугѣ,
Я буду наблюдать: авось узнаю,
Какъ любятъ насъ, когда насъ точно любятъ!....

IV.

Mais il me suit partout.... en vain je le regarde,

Bon ange.

17-е Марта 18....

И до Княжны дошелъ домашній слухъ
О волокитствѣ Мирскаго: — она
Не вѣритъ, говоритъ, что невозможно
Такой «*дѣвчонкѣ жалкой и ничтожной*
Понравиться такому человѣку
Богатому и знатному!....» — А, право!....
Не вѣрите, Княжна?....такъ посмотрите,—
Докажемъ вамъ.... Но нѣтъ! зачѣмъ, зачѣмъ?....
Пусть думаетъ она себѣ, что хочетъ, —
Мнѣ и тягаться съ нею нѣтъ охоты;
До Мирскаго какое дѣло мнѣ?....
Нѣтъ, онъ не занятъ мной! нѣтъ, онъ не долженъ
Быть мною занятымъ! ...я не позволю....,

Digitized by Google

V.

La fatalité ne poursuit-elle pas les âmes exaltées, les poëtes dont l'imagination tient à la puissance d'aimer et de souffrir ?....

M-me de Staël, Corinne.

28-е Марта 18....

Я очень молода, я мало дней жила....
Но бытія вполнѣ прямую цѣну знаю,
И свѣтлымъ призракамъ его не довѣрю,
И рано опытность страданья обрѣла.

Я видѣла и свѣтъ, и суеты земныя,
И пышность общества, и ложный блескъ его:
И мнѣ наскучили веселости пустыя,
И тѣсенъ шумный свѣтъ для нрава моего.

Въ изящности искусствъ, въ высокомъ вдохновеньѣ
Напрасно думала найти отраду я:
Мнѣ недостаточны ихъ были утѣшенья,
Въ холодной пустотѣ плыла душа моя.

Ужъ прибѣгала я и къ дружбѣ чистой, нѣжной,
Всѣ чувства, всѣ мечты лишь посвящала ей, —
Но ей ли утолить весь жаръ души мятежной!....
Нѣтъ!.... холодна она для пылкости моей!....

Въ тоскѣ мечтательной, въ волненьѣ безотчетномъ,
Все съ нетерпѣніемъ ждала чего-то я, —
Покуда *онъ* предсталъ видѣньемъ мимолетнымъ,
Покуда съ нимъ и въ немъ открылась цѣль моя....

Любовь, одна любовь, высокая, святая,
Могла одушевить меня своимъ огнемъ!
Ей предавался, ей жребій свой ввѣряя,
Я ожила живымъ, волшебнымъ бытіемъ.

Не долго длилося мое очарованье!
Не долго я мечтой утѣшена была!....
Весна моей души до время отцвѣла,
И мнѣ осталося одно воспоминанье!

Digitized by Google

VI.

Oblivion ! !.... Self-oblivion ! !

Manfred, — Byron.

2-го Апрѣля 18....

Есть доброе, полезное вліянье
Въ разсѣянномъ и мелочномъ быту:
Во мнѣ онъ мысль и душу убиваетъ;
Онъ сушитъ, онъ мертвитъ во мнѣ больное,
Измученное сердце.... И когда
Я утомлюсь въ роящихся гостиныхъ,
Отъ блеска, отъ огней, отъ пляски, шума;
Когда умаюсь я, — и поздно ночью,
Усталая, полсонная, домой
Я возвращусь, — тогда, я по неволѣ
Въ блаженномъ забытьѣ, въ изнеможеньѣ,
На нѣсколько часовъ теряю память,
А съ ней и скорбь мою! — Тогда тускнѣютъ
Всѣ милыя, опасныя видѣнья....
И бальный разговоръ, безсвязный, скучный,
Своею пустотой въ ушахъ моихъ
Звучитъ, и заглушаетъ благотворно
Тотъ голосъ незабвенный, сладкозвучный,
Что вѣчно я безсоннымъ сердца слухомъ
Все слышу, и во снѣ, и на яву....
Тогда и сны мнѣ душу не тревожатъ....

И этотъ хмѣль усталости, безсилья,
Отраденъ мнѣ. И эта тишь въ душѣ,
Холодное, нѣмое замиранье,
Мнѣ отдыхомъ животворящимъ стали. —
Не плачу я.... не помню.... не грущу....
Мнѣ лучше!.... Слава Богу!.... Свѣтъ помогъ
Не исцѣлиться мнѣ, не угорѣть
Въ чаду его веселыхъ обаяній, —
А утомиться, задремать.... замохнуть!....

Digitized by Google

Прошла пора волшебныхъ впечатлѣній,
Пора надеждъ, думъ свѣтлыхъ, ясныхъ дней,
Пора любви, томительныхъ волненій,
Пора мечты и младости моей!....

И спитъ душа, и сердце замолчало....
Ужъ нѣтъ ее, мечты колдуньи нѣтъ!
Безсильно то, что прежде волновало,
И днкъ ужъ сталъ мнѣ радости привѣтъ,

И на душѣ лежитъ свинецъ страданья,
И въ сердцѣ хладъ, какъ въ камнѣ гробовомъ....
Отвыкла я отъ воли, отъ желанья;
Я сплю....увы!....разувѣренья сномъ!

Ничто, ничто меня не потревожитъ,
Надеждѣ я и страху ужъ чужда;
Змѣя-тоска мнѣ тихо сердце гложетъ,
Въ немъ поселясь хозяйкой навсегда.

Я на землѣ какъ узникъ равнодушный,
Который ждетъ, чтобъ казни часъ насталъ:
Съ покорностью безсмысленно послушной
Иду, куда перстъ рока указалъ.

Куда мой путь?.... что́ сбудется со мною?....
Не знаю я, и не стараюсь знать:
Мнѣ все равно, ни силой, ни мольбою
Мнѣ участи по сердцу не призвать....

Но въ мірѣ мнѣ что жребій ни пророчитъ,
Смерть или жизнь, могилу иль вѣнецъ,
Добру, какъ злу, онъ срока не отсрочитъ:
Всему придетъ въ свою чреду конецъ....

VII.

Elle ne se plaignait point; elle ne pleurait point; elle ne parlait jamais de lui.... un étranger l'aurait crue heureuse!....

Chateaubriand.

14-е Апрѣля 18....

Елену поражаетъ перемѣна
Въ умѣ моемъ и нравѣ. — Я теперь

Digitized by Google

Не восхищаюсь музыкой иль книгой,
Не забываюсь въ думахъ при лунѣ,
И не дрожу, читая наизусть
Стихи моихъ возлюбленныхъ поэтовъ....
Когда она заговоритъ о братѣ,
Я замолчу. — Все сказано давно,
И повторять знакомое — что пользы?....
Она находитъ даже, что и къ ней
Я холоднѣй и равнодушнѣй стала....
Что не ищу сердечныхъ съ ней бесѣдъ,
И ничего ужъ ей не повѣряю.....
Но что жъ мнѣ повѣрять?.... Я ничего
Въ себѣ самой, въ другихъ не нахожу,
Что бъ стоило вниманья! — Ей, однако,
Я напишу отвѣтъ свой откровенный.
Вчера, намъ помѣшали. — Не хочу,
Чтобъ и она во мнѣ такъ ошибалась,
Чтобъ и она меня не понимала!....

VIII.

Письмо Зинаиды къ Елизѣ.

Прости мнѣ, о мой другъ, безчувственность мою,
Мое холодное, сухое обращенье,
Мое нелѣпое со свѣтомъ примиренье,
И все, что въ забытьи я часто говорю!....
Прости мнѣ и ума и сердца увяданье,
Изнеможеніе душевныхъ силъ моихъ,
Утрату пылкости, утрату чувствъ живыхъ,
Прости мнѣ мрачное спокойствіе страданья!

Такъ! измѣнилась я съ недавнихъ поръ!
Я стала суетной толпѣ во всемъ подобна,
Я понимать тебя, какъ прежде, не способна,
И справедливъ твой дружескій укоръ!
Я слишкомъ сблизилась съ поклонниками свѣта,
Я слишкомъ далеко отстала отъ тебя!
Воспоминаніемъ я рѣдко лишь согрѣта,
И чистыхъ слезъ его ужъ не достойна я.

Digitized by Google

Но знаешь ли, мой другъ, что этотъ хладъ сердечный
Стократъ мучительнѣй и скорби и любви?
Что лучше бъ было мнѣ терзаться ими вѣчно,
Чѣмъ въ мертвой пустотѣ влачить всѣ дни свои, —
Какъ съ неба падшій духъ, на землю вдругъ сосланный,
Который свой эдемъ возлюбленный, желанный,
Не можетъ позабыть.... и грезитъ имъ въ дали?....

Вотъ я, — вотъ мой удѣлъ и жалкій и унылый,
Вотъ какъ я молодость провесть осуждена!....
Хоть я ужъ не грущу, но прежде я грустила,
Но жизнь моя въ цвѣту была отравлена.

Мучительной тоски воспоминанье
На все грядущее мое существованье
Должно тѣнь мрачную свою распространить;
Безпечность дѣтскую и сердца молодаго
Довѣрчивый покой, — чѣмъ можно замѣнить?....
Вступивъ въ тернистый путь страданья роковаго,
Измѣривъ мракъ и глубь пучины ада земнаго,
Вернуся ли назадъ? могу ли позабыть?....

И такъ, прошу тебя, когда, подъ часъ, улыбку
На пасмурномъ челѣ замѣтитъ вдругъ твой взоръ, —
Будь снисходительна .... смягчи свой приговоръ,
Прости безумію минутную ошибку.

IX.

Ils te diront sans doute,
Ils te diront un jour:
«Je t'aime!» — Eh bien, redoute
Ce mot trompeur d'amour....

22-е Апрѣля 18....

Мнѣ часто говорятъ, что я мила....
Мнѣ часто говорятъ, что я прекрасна....
И хвалятъ мой уборъ небрежно ловкій....
Я слушаю.... краснѣю.... улыбаюсь....
Мнѣ весело! мнѣ жить легко тогда!
И чувство новое во мнѣ родится:

Digitized by Google

Тогда горжусь я женщиною быть
Горжусь, что право нравиться, что право
Любимой быть и привлекать сердца,
Дано и мнѣ, какъ женщинамъ другимъ;
Тогда моя живая голова
Закружится, забредитъ.... не надолго!....

Спокойствія, самопознанья часъ
Придетъ: во мнѣ разсудокъ безпощадный,
Правдивое и любящее сердце
Пробуждены, и громко порицаютъ
Тщеславія ребячествую слабость....
Съ собою ссорюсь я; мнѣ стыдно, больно....
Заочно каюсь я, — *ему, ему*....
Заочно у него прошу прощенья....
Чтобъ испытать, чтобъ наказать себя,
Во весь тотъ день я къ зеркалу ни разу
Не подхожу.... Нарядами своими
Не занимаюсь.... И хоть балъ, хоть вечеръ,
Я дома остаюсь, вверху, одна....

X.

J'ai cherché le bruit, la lumière,
Le jour, l'air bruyant du plaisir....
Mais cette fièvre passagère
M'a fatigué sans me guerir!....

Polonius.

5-е Мая 18....

Когда явилась въ свѣтѣ я, —
Въ душѣ моей любовь пылала,
И полно страстнаго огня,
Все сердце билось, трепетало.
Увы!.... я думала тогда,
Что сохраню свои обѣты,
Что лести чуждые привѣты
Меня не тронутъ никогда.
Я думала, что власть разлуки
Безсильна будетъ надо мной,

Digitized by Google

Что вѣкъ томясь въ сердечной мукѣ,
Я ею буду жить одной....
Теперь.... теперь, къ былымъ мечтаньямъ,
Къ былому чувству своему,
Къ своимъ роднымъ воспоминаньямъ
Я не даю летѣть уму.
Я холодна.... къ всему что прежде,
Во мнѣ питало жаръ святой;
Готова я прильнуть душой
Къ другой ласкающей надеждѣ....
Готова жить другой мечтой!....

Мнѣ надоѣлъ хладъ одинокій,
Безстрастной жизни пустота,
Мнѣ въ тягость цѣпь тоски глубокой....
Минула траура чреда!
Я молода: передо мною
Вся жизнь съ своею пестротою,
И длинный рядъ годовъ другихъ,
И Божій міръ съ своей красою,
И свѣтъ, и блескъ забавъ живыхъ,
И женской гордости стремленья,
И всѣхъ тщеславій суета....
И облечется въ наслажденье
Бывалой жизни нищета!....
Да! на веселье, счастье, радость
И мнѣ, и мнѣ права даны, —
Я ими дремлющую младость
Спасу отъ скучной тишины!....
Но что̀ виной сей перемѣны?....
Что̀ взволновало вдругъ меня?....
Не знаю.... Но свободна я,
И я свободна безъ измѣны!....
Аминь!.... Любила я одна, —
И разлюбя, кого обижу?....
Я образумиться вольна....
И если я исцѣлена,
И страсть моя погашена, —
Я преступленья въ томъ не вижу.

Digitized by Google

XI.

Le désespoir a beau sourire,
Sa gaieté ressemble au délire,
Son calme au calme du tombeau;
Dans ses fers il s'agite, il chante,
Mais les sons que sa bouche enfante
Dans son âme n'ont pas d'écho!

Polonius.

Того же дня вечером.

Безумна я!.... Рукою дерзновенной
Я на себя, на чистую любовь,
На сердце вѣрное, хулу писала....
Въ измѣнѣ обвинила я себя....
Я лгу! я лгу!.... Въ припадкѣ злой тоски,
Возстала я на горе, муку, слезы,
На скорбь мою.... Себя увѣрить я
Хотѣла и старалась въ невозможномъ, —
Въ томъ, что любовь моя охолодѣла,
Прошла ..... Не правда то! .... Она жива,
Она цѣла во мнѣ и невредима, —
На зло всѣмъ искушеньямъ, всѣмъ совѣтамъ
Дѣвическаго демона — тщеславья
И любопытства! .... Онъ шепталъ мнѣ тихо
О наслажденьяхъ, радостяхъ, забавахъ ....
Онъ соблазнялъ меня, торгуясь хитро,
И предлагая свѣтлую надежду
Купить цѣною мрачныхъ сожалѣній, —
Страданіе и душу промѣнять
На счастья блескъ и торжества улыбку....
Я не хочу! .... Я не могу! .... Былое,
Какъ стражъ ревнивый, какъ хранитель-геній,
Стоитъ, расправя крылья надо мной, —
И гонитъ прочь, и мощно отвѣваетъ
Всѣ наущенья духа зла. — Какъ бредъ
Больнаго, въ головѣ моей мятежной
Остыла вспышка давишней борьбы:
Мирюсь опять я съ долею своею,
Смиряюсь предъ удѣломъ роковымъ.
Любовь моя, — завѣтъ священной муки —
Да! я твоя!.... а ты, ты *все его*,
Принадлежишь *ему*..., теперь и вѣчно!....

Digitized by Google

БЫВАЛОЕ ДѢЛО.

(Отрывокъ.)

— Cousine, да который годъ вашей Алинѣ?

— Который годъ? Какъ тебѣ сказать?.... Ей должно быть лѣтъ восемнадцать - девятнадцать ... Она родилась въ-тотъ самый годъ, какъ былъ у насъ Турецкій посланникъ.... Да что тебѣ до ея лѣтъ?

— У ней должны быть свои понятія, свои убѣжденія, можетъ быть и сердце ея ужъ занято; почемъ знать?

— Какой ты смѣшной, Serge! во-первыхъ, она ребенокъ и очень рада будетъ выйдти за мужъ; а чѣмъ ты ей не пара? — А занято ли ея сердце — этого я не знаю; ну, а если бы и такъ, тебѣ-то что за дѣло?

— Что за дѣло мнѣ до этого? Какъ вы странно судите!

— Полно, пожалуйста: ты ужасный ребенокъ; кто же спроситъ у Алины, занято ли ея сердце, и кѣмъ? Вѣдь она и сама знаетъ, что безъ согласія отца и матери она никогда не выйдетъ за мужъ....

— Это безчеловѣчно....

— Ха-ха-ха! Хорошо, что мы съ съ тобой здѣсь вдвоемъ; я тебя люблю и желаю тебѣ добра, ты это знаешь: послушайся меня, выкинь ты изъ головы свою Нѣмецкую философію, а пуще всего не говори такихъ глупостей при

Digitized by Google

чужихъ; какъ-разъ прослывешь сумасшедшимъ: все это очень хорошо тамъ, въ вашей Германіи, а у насъ....

— Все, что ни вижу я здѣсь, все, что ни слышу я отъ васъ, удивляетъ меня....

— А меня удивляетъ то, что можно дожить до твоихъ лѣтъ и остаться ребенкомъ.... Ты мнѣ скажи, хочешь ты жениться на Алинѣ, или нѣтъ. Отецъ и мать будутъ рады имѣть тебя зятемъ, и я берусь все дѣло устроить очень скоро....

— Я не прочь, cousine, но....

— Что за «но»?

— Я не видалъ Алину слишкомъ десять лѣтъ; конечно, она была очень милый ребенокъ, и если хоть вполовину.... Но скажите, пожалуйста, cousine, отчего вамъ такъ хочется меня женить?

— Какъ отчего?.... Оттого, что я тебя люблю; оттого, что я принимаю въ тебѣ участіе, и желаю твоего счастія....

— Да почему же вы знаете, что я, женившись, буду счастливъ?

— Какъ почему? Да вѣдь тебѣ надо же жениться, а какой тебѣ еще партіи? Алина молода, хороша собой, за ней дадутъ не менѣе полуторы тысячь душъ.... Связи, родство, все тутъ есть!....

— А она, можетъ быть, и не думаетъ обо мнѣ.

— Опять свое....

— Не буду, не буду, belle cousine, но, ради Бога, научите, что жъ мнѣ дѣлать?

— Жениться: я тебѣ твержу это цѣлый часъ.... Скажи только, что ты этого хочешь: за остальное я берусь.

— Что дѣлать? Видно быть по вашему.... Извольте, я въ вашемъ распоряженіи.

— Давно бы такъ.... Мы все это устроимъ какъ нельзя лучше.... Кстати, ты еще не знаешь моего мужа....

Digitized by Google

— Нѣтъ, и мнѣ очень бы хотѣлось....

— Поймать его не такъ легко, какъ ты думаешь.... Онъ очень занятъ.... Позвони пожалуйста.

Serge потянулъ за сонетку; вошелъ лакей....

— Попросите Николая Василича, чтобъ онъ зашелъ ко мнѣ передъ тѣмъ, какъ поѣдетъ. Что, онъ занятъ?....

— Изволятъ заниматься въ кабинетѣ съ секретаремъ.

— Ступай.... Пожалуйста полюби моего мужа.... C'est un très-galant homme!

— Онъ гдѣ-то служитъ?

— Какъ же.... et il est très-bien vu....

— Однако мнѣ пора: боюсь опоздать въ университетъ.... Хотѣлось бы послушать диссертацію.

— Какъ это любезно.... для какой то диссертаціи ты не хочешь подождать полчаса, чтобы познакомиться съ моимъ мужемъ.

— Виноватъ, но право....

— Я тебя прощаю.... Но помни, Serge.... Я это говорю для твоей же пользы.

— Даю вамъ слово исправиться.

— Ну хорошо; вѣрю.... Но отчего ты мнѣ не разскажешь ничего о своихъ путешествіяхъ.... Вѣдь ты былъ и въ Парижѣ и въ Италіи.... ты былъ вездѣ....

— Да, я изъѣздилъ всю Германію....

— Ну, Германія твоя — Богъ съ ней.... Je vous la livre....

— Отчего жъ Богъ съ ней?

— Такъ, не люблю я ея; скажи, пожалуйста, чтожъ тамъ дѣлаютъ въ Парижѣ; не повѣришь, какъ мнѣ хочется съѣздить за границу; мужъ давно обѣщалъ мнѣ, да все нельзя. Служба!.... На будущій годъ заставлю его взять отпускъ....

— Куда жъ вы поѣдете?

— Какъ куда? — Разумѣется, во Францію, въ Парижъ, ну въ Италію: je voudrais voir l'Italie....

— Поѣдемте вмѣстѣ....

Digitized by Google

— По университетамъ? Слуга покорная....

Вошелъ тотъ же лакей:

— Николай Василичь....

— Вотъ мужъ мой.... Рекомендую.... Serge N***, сынъ покойной тетушки Настасьи Николавны.

— Очень, очень радъ.... Она очень часто говорила мнѣ объ васъ.... Вашъ батюшка, помнится, служилъ при графѣ?....

— Да, онъ былъ, кажется, адъютантомъ у графа.

— Какъ же, помню, помню: и непремѣнно бы пошелъ далеко.... я всегда это говорилъ.... если бы не ранняя кончина.... Но судьбы Божіи неисповѣдимы.... Очень радъ! очень радъ....

— Я такъ люблю кузину, такъ много ужъ обязанъ ей съ дѣтства, что смѣю надѣяться, что, хоть поэтому, вы не откажете мнѣ въ вашей дружбѣ....

— Какъ же, какъ же! Скажите же пожалуйста, какъ намъ считать васъ, какъ временнаго гостя, или какъ постояннаго жителя столицы?

— Я право не знаю, какъ сказать; да вотъ кузина....

— Мнѣ хочется женить его на Алинѣ Бѣлогубской: n' est-ce pas, cela serait très-convenable?

— Чего же лучше, чего же лучше!.... Жениться, и потомъ послужить.... Бы гдѣ теперь служите?

— Я не служу.... Я только что воротился изъ-за границы....

— Хорошо, но у васъ вѣдь долженъ быть чинъ; какой у васъ чинъ?

— Я.... не имѣю чина.... Я докторъ философіи....

— Что жъ? ничего.... Это почти восьмой классъ; васъ утвердятъ въ восьмомъ классѣ черезъ два года по вступленіи на службу.... вы времени еще не потеряли.

Вошелъ камердинеръ Николая Василича со шляпой, носовымъ платкомъ, перчатками и коробочкой, въ которой заключались мятныя лепешки.

Digitized by Google

— Карета готова-съ.

Николай Василичь поцѣловалъ руку у жены, и свою, лѣвую, протянулъ Serg'y....

— Прощайте, однакожъ — сказалъ онъ: — вы сегодня обѣдаете у насъ, за-просто.... мы обѣдаемъ въ половинѣ шестаго.... А мнѣ пора....

— Nicolas, — сказала жена—какъ ты думаешь?—съѣздить ему къ Бѣлогубскимъ съ визитомъ, или ты завтра позовешь ихъ обѣдать?

— Нѣтъ, лучше съѣздить съ визитомъ.... Вѣдь старики знаютъ васъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Serg'y.... А если не примутъ.... загните двѣ карточки, и тогда завтра же поговоримъ о томъ, какъ иначе устроить ваше первое свиданіе....

Съ этими словами Николай Василичь, еще разъ поцѣловавъ руку у жены, сказалъ ей:

— Если бы заѣхалъ графъ Петръ Матвѣичь, скажи ему, что я сегодня вечеромъ въ яхтъ-клубѣ: послѣднее засѣданіе!—любезно улыбнулся Serg'y, и поѣхалъ....

— Cousine, такъ какъ же? Я сегодня обѣдаю у васъ?

— Да, пріѣзжай.... а покуда съѣзди къ Бѣлогубскимъ.

Serge пожалъ плечами, улыбнулся полускептически, и вышелъ.

Бѣлогубскіе не приняли Serg'a....

Не обязаны же они были въ самомъ дѣлѣ сейчасъ вспомнить, какъ и почему они когда-то знали его, кто былъ его отецъ, гдѣ служилъ, и сколько душъ ему оставилъ....

На другой день былъ обѣдъ у Николая Василича. Serge былъ представленъ Бѣлогубскимъ. Вскорѣ объяснилось, кто онъ таковъ, и что, и какъ: его просили бывать....

Когда его, тутъ же, подвели къ Алинѣ, она, какъ и слѣдовало, немножко сконфузилась, потомъ нашлась сказать нѣсколько приличныхъ любезностей; вспомнила даже

Digitized by Google

что-то изъ прошедшаго, и, разумѣется, сказала, что очень рада будетъ возобновить прежнее знакомство.

Повидимому, на первый разъ, все обошлось такъ, какъ хотѣлось кузинѣ....

Но Serg'у, когда онъ вглядывался въ Алину, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобъ подсмотрѣть, подслушать ея задушевную мысль, Богъ знаетъ почему становилось жалко ея: онъ самъ дѣлался грустенъ....

Впрочемъ впечатлѣніе это было минутное: уроки кузины начинали дѣйствовать.

Черезъ нѣсколько дней у Бѣлогубскихъ назначенъ былъ балъ.

Понятно, что на этомъ балѣ были Николай Василичъ, и его жена, и Serge.

Serge, по совѣту кузины, протанцовалъ съ Алиной нѣсколько контрадансовъ, valse abonnée и мазурку.

Николай Василичъ, вставшій изъ-за преферанса, во время сдачи, и выходившій въ залу, гдѣ танцовали, говорилъ:

— Хорошо, хорошо!

На утро послѣ бала, Бѣлогубскіе объявили Алинѣ, что Serge проситъ ея руки, что у него двѣ тысячи душъ, и что она должны выйдти за него замужъ....

Можетъ быть, вамъ и случалось видѣть такія сцены.... Это, нерѣдко, цѣлыя драмы....

На этотъ разъ, вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, какъ все это было.... Во время бала кузина, выбравъ благопріятную минуту, когда, въ разговорѣ о хлопотнѣ и заботахъ, связанныхъ съ званіемъ хозяйки дома и матери взрослой дочери, мать Алины довела незамѣтно рѣчь до того, какъ трудно нынче выдавать дочерей замужъ,—кузина предложила Serg'а, и сказала, что онъ уполномочилъ ее сдѣлать формальное предложеніе.

Первыя слова матери Алины были, разумѣется:

— Я не знаю какъ благодарить за честь.... Да, ради Бога, не подумайте и проч.,—Но въ заключеніе она тутъ же сказала, что непремѣнно поговоритъ объ этомъ съ мужемъ,

Digitized by Google

который, вѣроятно, позаботится и о томъ, чтобы выхлопотать мѣсто Serg'y, и дня черезъ два дастъ отвѣтъ.

Бѣлогубскій, какъ нѣжный отецъ, сейчасъ понялъ, что въ предложеніи Serg'a заключается счастіе его дочери, и, рѣшивши съ женою дать отвѣтъ утвердительный, на другой день, прежде даже нежели ѣхать, куда нужно было по службѣ, усѣлся съ женою въ своемъ кабинетѣ, велѣлъ дворецкому съѣздить купить два обручальныя кольца, и послалъ за Алиной.

Послѣ бала, на которомъ не могла повидимому скучать Алина, она встала съ какими-то тяжелыми предчувствіями.

Любезности Serg'a заставили ее задуматься. Онъ не былъ противенъ ей: для этого онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ порядоченъ, и не надоѣдалъ ей ни мало; онъ не преслѣдовалъ ея, какъ это дѣлаютъ иногда свѣтскіе юноши, эти сердцеѣды по преимуществу; но Алина поняла, что внимательность его, не взирая на недавнее еще знакомство— о прежнемъ не кстати было бы и вспоминать—должна была непремѣнно имѣть положительную цѣль.

А сердце ея давно уже не принадлежало ей.... И никакого исхода! потому что тотъ, кому отдалось оно, это бѣдное восемнадцатилѣтнее сердце, былъ человѣкъ недостойный Алины по понятіямъ свѣта, былъ человѣкъ, за котораго, хоть изчахни она, хоть умри она съ горя, никогда бы отецъ и мать не согласились отдать ее замужъ.

Да и нельзя было этого требовать отъ нихъ: это хорошо понимала и сама Алина.

Неудивительно, что она немножко и поплакала послѣ бала....

Утромъ, когда ее позвали въ кабинетъ отца, и она по привычкѣ бросилась къ зеркалу, передъ тѣмъ какъ идти внизъ, она не безъ смущенія замѣтила, что на глазахъ ея были видны слѣды недавнихъ слезъ, что глаза были краснѣе обыкновеннаго. Чтобы избѣжать непремѣннаго выговора, хотя бы за дурное расположеніе духа, эту столь невыгодную рекомендацію для благовоспитанной дѣвушки, Алина

Digitized by Google

насильно приняла веселый видъ, и, почти съ улыбкой на устахъ, благодарила отца и мать за вчерашнее удовольствіе, по обычаю поцѣловавъ ручку у того и другой.

— Вы меня спрашивали, папа, — начала она.

— Да, мой другъ; мы хотѣли вмѣстѣ съ матерью поговорить съ тобой о важномъ дѣлѣ.... Ты знаешь, Aline....

— Да, ты знаешь — перебила мать.

— Знаю, maman — краснѣя отвѣчала Алина.

— Нѣтъ, ты не знаешь — началъ опять отецъ, — но ты должна знать, что тебѣ необходимо выйдти замужъ: тебѣ девятнадцатый годъ.... пора....

— Мнѣ такъ хорошо съ вами, — рѣшилась было сказать Алина.

— Какой ты ребенокъ! — перебилъ опять отецъ — ты сама не знаешь, чего тебѣ хочется, и не понимаешь своей пользы: вотъ почему наша обязанность, какъ отца твоего и матери, думать за тебя....

— Папа, за что вы хотите гнать меня отъ себя? — и слезы выступили на глазахъ Алины.

— Ну полно, полно реблчиться: ты въ куклы наигралась до-сыта. Пора подумать о чемъ нибудь посерьёзнѣе....

Въ это время мать Алины, сама того не замѣчая, спускала петли филе, вмѣсто того чтобы подвигать впередъ начатую давно уже работу.

Можетъ быть, слова мужа и умоляющіе взгляды Алины привели ей на память одинъ изъ эпизодовъ ея прошедшаго.... Кто знаетъ!....

Мужъ продолжалъ:

— Сергѣй Михайлычь вчера сдѣлалъ мнѣ и матери твоей предложеніе: онъ просилъ твоей руки. Il a de la fortune et un nom. Мы ужъ дали слово за тебя....

— Да, мы дали слово, Алина, — почти шопотомъ и дрожащимъ голосомъ проговорила мать.

Алина взглянула на нихъ. Ей какъ будто бы казалось, что они шутятъ. Однако же она знала ихъ, и хорошо знала. Но подъ часъ такъ трудно повѣрить тому, чему не хотѣлось бы вѣрить....

Digitized by Google

Алина взглянула на обоихъ. Отецъ держалъ въ одной рукѣ табакерку, а другою перетиралъ въ ней свой любимый лаферм. Мать, оправившись отъ перваго смущенія, опять принялась за свое вязанье. Они были совершенно покойны, какъ будто бы такъ и слѣдовало имъ, какъ будто бы, вслѣдствіе принятаго ими рѣшенія, ничто уже не должно было тревожить ихъ.

Алина поняла, что видно быть всему, что рѣшено ими: она вспомнила, передъ кѣмъ стояла; кровь кинулась ей въ голову, слезы брызнули градомъ, и она бросилась на шею къ отцу.

— Папа, папа.... — Больше она ничего не могла выговорить.....

Мать оставила свое филе, и принялась утѣшать ее.

— Алина, Алина, да полно, другъ ты мой! Какое ты, право, дитя!

— Перестань, перестань, наконецъ; вѣдь это глупо — сказалъ отецъ — ты разстроишь меня на цѣлый день, а мнѣ сегодня непремѣнно надо видѣться съ министромъ.... Что это, сударыня! Такъ вотъ тѣ правила любви и почтенія къ родителямъ, которыя вамъ внушали съ дѣтства.... Прошу покорно утереть эти слезы!

— Ne la brusquez pas! — рѣшилась сказать мать — это все пройдетъ. Какъ ты хочешь ... Это невольное смущеніе.

— Ну да, и оно должно непремѣнно пройдти.... Терпѣть не могу слезъ. Да и некогда мнѣ. Матушка — продолжалъ онъ, доставши что-то изъ своего бюро, и подавая женѣ свернутую бумагу — а ты съѣзди съ ней въ «à la Toilette», и распорядись этимъ билетомъ; если чего не достанетъ, прикажи, чтобъ мнѣ послѣ подали счетъ.

— Que vous êtes bon! — сказала жена. — Aline — продолжала она — что жъ ты стоишь, мой другъ! благодари отца....

Какъ приговоренная къ смерти, Алина утерла слезы, и поцѣловала руку у отца.

— Mercі — едва слышно сказала Алина....

— То-то mercі! эхъ вы, глупыя дѣти.... не понимаете, не цѣните, что для васъ дѣлаютъ; ну, да Богъ тебя проститъ.... Прошу къ обѣду принарядиться.... Je n'entends pas

Digitized by Google

faire les choses à-demi: сегодня обѣдаетъ у насъ Сергѣй Михайлычъ, его кузина съ мужемъ, да я, можетъ, позову еще кое-кого; а передъ масляницей сыграемъ и свадьбу. Карету я думаю выписать изъ Вѣны; pour la corbeille.... не знаю поспѣютъ ли выслать изъ Парижа.... Коли успѣю, заѣду въ контору Языкова, и все толкомъ разспрошу.... Прощайте; карета давно готова.

Онъ уѣхалъ.

Оставшись на-единѣ съ матерью, Алина молча опять заплакала.

Мать сначала опять принялась утѣшать ее, потомъ и сама разсердилась, вслѣдствіе чего, наговоривъ ей тьму сентенцій на тему объ обязанностяхъ послушной дочери къ любящимъ ее родителямъ, насильно потащила ее съ собою по магазинамъ.

Въ февралѣ, въ семействѣ Бѣлогубскихъ все готовилось къ свадьбѣ.

Домъ, и прежде великолѣпный, былъ отдѣланъ за-ново. Бархаты по стѣнамъ, бронзы, мраморы, цвѣты, одно передъ другимъ спорило о вниманіи; каждая комната, казалось, хотѣла сказать: «посмотрите, какъ здѣсь должно быть весело; какъ всѣ здѣсь должны быть довольны и счастливы!»

На глазахъ прислуги сіяло радостное ожиданіе....

Все и все смотрѣло праздникомъ....

Насталъ вечеръ, назначенный для свадьбы.

Въ уборной Алины, съ вчерашняго утра, стояла богатая свадебная корзина, со всѣмъ, что вмѣщала она, пріѣхавшая прямо изъ Парижа на удивленіе и зависть многимъ-многимъ....

Вѣнская карета давно уже была помѣщена въ особенномъ сараѣ подъ тремя чехлами, и кучеръ, отмѣнный ѣздокъ, рѣдкій красавецъ и любитель парадныхъ выѣздовъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ приказанія запрягать орловскую четверню сѣрыхъ съ воронымъ наперекоски.

Отецъ Алины самодовольно поглаживалъ сѣдые баккенбарды....

Мать хлопотала о туалетѣ....

Digitized by Google

На Алину, полумертвую, сверхъ пышнаго подвѣнечнаго платья, навѣшали брилліантовъ тысячъ на двѣсти, и повезли ее на знаменитой четверкѣ....

Сергѣй Михайлычъ, или Serge, по случаю свадьбы приготовилъ великолѣпный локаль....

Проживъ мѣсяца три въ столицѣ, онъ успѣлъ по немногу примелькаться къ образу мыслей того круга, въ который былъ брошенъ не совсѣмъ ожиданно. По видимому онъ забылъ и Германію, и университеты, и диссертаціи, и все, чего такъ не любила кузина.... Кузина была довольна его успѣхами.... И, какъ награду за эти успѣхи, она, вмѣстѣ съ мужемъ и старикомъ Бѣлогубскимъ, умѣла выхлопотать ему отличное мѣсто.

Serge заказалъ блистательный свадебный ужинъ: распорядителемъ былъ самъ Сен-Жоржъ, которому пришлось по 25 р. сер. съ персоны, безъ вина....! Каждая ягодка клубники, каждая вишня стоила не менѣе рубля серебромъ.

Все было на славу.

— Oh! il fait les choses grandement! замѣтилъ уже за ужиномъ одинъ очень почтенный человѣкъ.—Noblesse oblige!

Звѣздъ и толстыхъ эполетовъ въ церкви было множество.

Въ той же церкви, поодаль отъ зрителей званыхъ, были, какъ и всегда, зрители незваные.... И въ числѣ послѣднихъ вы непремѣнно замѣтили бы молодаго человѣка, одѣтаго если не бѣдно, то очень скромно. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за брачнымъ обрядомъ. Блѣдность его лица, мутный, болѣзненный взоръ, отчаяніе, которое прочли бы вы во всѣхъ его чертахъ, какъ-то странно гармонировали съ физіономіею всѣхъ присутствовавшихъ, выражавшей или удовольствіе, или удовлетворенное любопытство....

Когда брачная церемонія кончилась, и народъ, званый и незваный, толпясь около юной четы, сталъ выходить изъ церкви, молодой человѣкъ едва устоялъ на ногахъ....

Алина какъ будто бы глазами искала кого то въ толпѣ, или темное, неясное чувство говорило ей, что тутъ непремѣнно долженъ быть кто-то....

Digitized by Google

Около года проѣздила Алина въ двуконой каретѣ; не было счета праздникамъ, баламъ и вечерамъ, на которыхъ видали ее съ Serg'емъ....

Кузина была довольна и Serg'емъ и тѣмъ, что она для него сдѣлала. Она иногда говорила ему:

— Ну, что? не говорила я тебѣ, что я все это устрою....?

— Да, да, я не знаю, какъ благодарить васъ — отвѣчалъ Serge, а самъ, Богъ знаетъ почему, послѣ этихъ словъ обыкновенно впадалъ въ какую-то мрачную думу.

Но, по истеченіи года — да прошелъ ли еще и годъ-то со дня свадьбы — Алина скончалась вслѣдствіе внезапно открывшейся чахотки. Доктора не знали чему приписать эту страшную болѣзнь

— Ей нуженъ былъ другой климатъ, — однако же заключили они въ одинъ голосъ, когда она уже лежала на столѣ.

— Да, ей не то нужно было, — забывшись, сказалъ Serge, которому пришелъ на память разговоръ его съ кузиной въ тотъ день, когда, возвратившись изъ-за границы, онъ пріѣхалъ къ ней въ первый разъ.

Serge уѣхалъ опять за границу; за чѣмъ, и въ Германію ли, рыскать по своимъ университетамъ? — не знаю.

Бѣлогубскіе шесть мѣсяцевъ носили трауръ по дочери, но теперь, слава Богу, кажется, утѣшились.

Они, говорятъ, живутъ все такъ же и тамъ же, и съ нетерпѣніемъ ждутъ будущей зимы, чтобы начать ее блистательнымъ баломъ. Второй дочери ихъ на святкахъ минетъ семнадцать лѣтъ. Надо же выдать ее за мужъ....

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 24. Декабрь. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА XV.

СВАТОВСТВО.

Digitized by Google

Plaire quand on est femme, oh! c'est chose facile!
Pour se faire une cour et flatteuse et docile,
Une femme a toujours sa grâce, sa beauté,
Sa magique parole, et son art enchanté.

M-me Hermance Lesguillon.

Languissante, abattue, j'ai longtemps vécu sans intérêt et sans interesser, comprenant à peine, encore moins comprise.... Vous vintes.... Vous me découvrites.... je fus comprise, appréciée, et je me réveillai. Je sentis que j'existais en retrouvant quelque chose de la douce illusion de mes heureux jours.

Miss Owenson, Yda l'Athénienne.

Digitized by Google

I.

Peut-être l'avenir me garde-t-il encore
Un retour de bonheur dont l'espoir est perdu?....
Lamartine, Méditations.

20-е Мая 18....

Примѣръ другихъ опасная задача....
По опыту я это познаю!
Мнѣ, мнѣ, къ всему и всѣмъ столь равнодушной, —
Мнѣ часто тяжело, когда смотрю
На молодыхъ и радостныхъ счастливицъ,
Которымъ жизнь отрадна и красна
Взаимною, спокойною любовью.
Завидно мнѣ, когда, свидѣтель скучный,
Я вижу, какъ за ними ходятъ слѣдомъ
Ихъ обожатели, какъ передъ ними
Дань поклоненій, пламенныхъ исканій
Умѣютъ расточать.... какъ на лету
Улыбки ловятъ ихъ, считаютъ взоры....
Какъ всюду ихъ съ восторгомъ ожидаютъ
И провожаютъ съ грустнымъ сожалѣньемъ....
Какъ жизнь для нихъ тревожна и полна,
Какъ свѣтъ для нихъ послушенъ, — служитъ имъ....
И часто мнѣ на умъ вопросъ приходитъ:
«За чѣмъ здѣсь нѣтъ *его* лишь одного?....
«За чѣмъ воспоминанье, — грустный призракъ, —
«Не замѣня присутствія блаженство,
«Лишь только мучитъ сердце мнѣ напрасно?....»

Digitized by Google

О! если бы хотѣла только я....
О! если бы могла я.... знаю, здѣсь
Одно есть сердце.... знаю человѣка,
Кому бъ мое вниманье, мой привѣтъ
И дороги, и любы быть могли....
И многія, на мѣстѣ бы моемъ,
Блистательнымъ поклонникомъ гордились,....
И многія мнѣ, дѣвочкѣ незнатной,
Завидовать могли бъ.... Но что мнѣ въ томъ?....
Богатство, знатность, умъ, и красота,
И благородныхъ чувствъ врожденный даръ,
Все это хорошо,—хвалы достойно;
Но если сердце не лежитъ къ счастливцу,
Ихъ обладателю?.... Но совершенства, —
Что̀ въ нихъ, когда они принадлежатъ
Другому, — не *ему*!....

Порой, стараюсь
Отъ прежнихъ, милыхъ сновъ моихъ проснуться,
Отъ прежнихъ упованій отучиться; —
Мнѣ кажется, что сладко быть любимой,
Что счастіе *не сѣ ними* еще возможно, —
Но проблески и опыты измѣны,
Но навожденія науки свѣта,
И коротки, и за собой влекутъ
Раскаянья тоскливаго минуты.

II.

Que tout se taise quand Léonce ne parle pas!....
M-me de Staël, Delphine.

29-е Мая 18....

Чтобъ взволновать меня, чтобъ тронуть сердце,
Уснувшее въ безчувствіи мое, —
Его, его слова пусть повторяютъ!....
Чтобы привлечь, очаровать мой слухъ, —
Пусть голосомъ *его* заговорятъ,....

Digitized by Google

Чтобъ восхитить мой взоръ, пусть мнѣ покажутъ
Неподражаемой улыбки прелесть....
Чтобъ обаять, — чтобъ обмануть разсудокъ,
Не дремлющій во мнѣ и осторожный, —
Пусть мнѣ *его* знакомымъ, милымъ взоромъ
Повѣдаютъ любви желанной вѣсть; —
Но что́ *не онъ*, — но что не схоже *съ нимъ*, —
О! пусть то все и рушится и сгинетъ!....
Пусть, что́ *не онъ*, бѣжитъ меня на вѣкъ!...
Мнѣ чуждо, мнѣ смѣшно, мнѣ ненавистно
Всё, что̀ *не онъ*, всё, что̀ не дышетъ *имъ*!....

Оставьте вы меня съ тоской моей, —
Въ безчувствіи моемъ неисцѣлимомъ, —
Вы, любящій и льстящій понапрасну, —
Напрасно укоряющій!.... Оставьте!....
Нѣтъ у меня сочувствія для васъ,
И мѣста нѣтъ въ душѣ, лишь полной *имъ*!....'
Я холодна, дика, и боязлива,....
Я невнимательна, я равнодушна,
Я, можетъ быть, не благодарна къ вамъ....
Что̀ жъ вамъ во мнѣ? за чѣмъ я вамъ, скажите?
Чего еще хотите вы отъ сердца,
Печально занятаго имъ однимъ,
Своимъ кумиромъ тайнымъ, да! отъ сердца
На вѣки чуждаго для всѣхъ другихъ?
Вы видите, — не любятъ васъ, — не ждутъ; —
Едва ли замѣчаютъ, мимоходомъ....
Вы видите, исканьямъ вашимъ страстнымъ
Не заслужить ни тайныхъ ободреній,
Ни нѣжнаго сочувствія!.... Чего
Вамъ ждать отъ бѣдной женщины, убитой
Любовію другою, хоть любовью
Непонятой, мучительной, напрасной, —
Но вѣрною, и нынѣ и во вѣкъ?....

Бѣгите, — добрый путь! Меня забудьте,
Скорѣе разлюбите!.... И утѣшьтесь!....
Прійдется вѣрно вамъ ужъ не впервые

Digitized by Google

И забывать, и замечтаться вновь
Предъ новою красой,.... передъ иным
Кумиромъ, вами избраннымъ слегка....
Но я, я молода, едва лишь я
Жить, чувствовать и мыслить начинаю:
Я не могу еще, я не умѣю
Святыней чувствъ безтрепетно играть,
И разрушать любимыя мечты,
Чтобъ новыя и чувства и надежды
Себѣ привить по прихоти своей! —

Я вѣрю вышнему небесъ надъ нами
Предназначенью: вѣрю роковому
И первому внушенью сердца въ насъ, —
Догадливому выбору его....

И хоть я не нашла, какъ бы желала,
Сочувствія и преданности въ томъ,
Кто первый мнѣ явился, — какъ достойный,
Самой судьбой мнѣ посланный, — однако
По прежнему, онъ милъ и дорогъ мнѣ;
По прежнему, холодный, равнодушный, —
Онъ мнѣ милѣй, онъ мнѣ дороже *васъ*,
Влюбленнаго и преданнаго мнѣ!

Какъ радостно я отдала бъ сей часъ
Всю вашу лесть, всѣ ваши угожденья, —
Вашъ страстный разговоръ, и *васъ* самихъ,
И даже *васъ*, и съ вами цѣлый міръ,
За легкое *его* воспоминанье, —
За мысль *его* одну, за вздохъ случайный,
Или издали мнѣ тайно подаренный!....

III.

On flatte mon orgueil, on séduit ma raison,
Mais mon coeur est plus tendre.... il échappe à la ruse!
M-me Desbordes-Valmore.

3-е Іюня 18....

Елена въ траурѣ: родня какой-то,
Изъ дальнихъ, чуть знакомыхъ по преданью,
Вдругъ вздумалъ умереть; она на дачѣ,
И выѣзжать не можетъ. Но за то,

Digitized by Google

У ней въ недѣлю разъ бываютъ гости,
Въ ея приморской виллѣ, столь прелестной....
Тамъ, небольшой, но избранный кружокъ
То тѣсно вдругъ сойдется въ разговорѣ,
То разойдясь, вновь дробится свободно
На частныя бесѣды. Вотъ вчера
Былъ день назначенный, и я всѣхъ раньше
Пріѣхала, нарочно, чтобъ застать
Ее еще одну, и поболтать.
Меня вдругъ принимаютъ, какъ-то странно,
Особенно торжественно; — съ усмѣшкой
Мнѣ говорятъ, что нежданную радость
Готовятъ мнѣ.... что встрѣчею пріятной
Мнѣ услужить хотятъ. — Я задрожала
Отъ радости: мнѣ вдругъ пришло на умъ,
Что возвратился *онъ*.... И я.... Забилось
Отвыкшее во мнѣ отъ счастья сердце,
Такъ сильно, что едва я не упала,
Безъ силы и безъ чувствъ; и свѣтъ дневной
Померкнулъ вдругъ въ глазахъ моихъ. — Елена
Пронзительно смотрѣла на меня:
— «Что жъ?.... Угадала ты?....»

И входитъ Мирскій,....

Князь Мирскій, — самый тотъ, кто вѣчно, всюду,
Какъ тѣнь моя, за мною слѣдомъ ходитъ....
Является и въ раутахъ и на балахъ,
Безсмѣннымъ ординарцемъ ставъ при мнѣ
У Столбиныхъ, кто лишь со мной одною
И говорить и танцовать старался!....
Кого молва болтливая заранѣй
Въ искатели ко мнѣ опредѣлила ...
Князь Мирскій у Елены!.... Но за чѣмъ?....
Досада.... гнѣвъ.... душевная обида,
Вотъ, вотъ что мнѣ приходъ его внушаетъ!
И можно ли Еленѣ ошибаться?....
Не грѣхъ ли надо мною ей шутить?....
Какъ вздумала она, что Мирскій можетъ
Порадовать меня?.... Давно ль она,

Digitized by Google

Давно ль читать въ душѣ моей забыла,
Или понять не хочетъ ужъ меня?....
Я встала.... Выдержать ея улыбки,
Переносить напрасныя догадки
Я не могла! — Я въ кабинетъ ушла,
И просидѣла тамъ у Мѣховскаго,
Безсмысленно смотря, какъ въ вистъ играютъ....
Домой въ слезахъ вернулась я. Теперь
Она меня конечно осуждаетъ,
Быть можетъ, сердится.... Мнѣ все равно! ...
За чѣмъ она нарочно позвала,
Какъ будто на смѣхъ мнѣ, — такого гостя?
И этотъ Мирскій.... какъ онъ надоѣлъ,
Какъ онъ несносенъ мнѣ!.,. Ужъ я ему
За это удружу: недѣли двѣ
Съ нимъ говорить не стану, — не хочу!....
Не можетъ быть, чтобъ нѣ шутя Елена
Предполагала.... чтобъ *его* сестра
Могла во мнѣ такъ странно сомнѣваться,
Обидѣть подозрѣньями меня?....

IV.

Mais si d'autres m'on fait un reproche semblable,
J'aurais cru que du moins tu me l'épargnerai....
Polonius.

4-е Іюня 18....

Елена рано утромъ завѣзжала....
Мы объяснились: шумъ пустой молвы
Ей разсказалъ, что я моимъ вниманьемъ
Ужъ отличила Мирскаго, что онъ
Мнѣ нравится, — поклоняетъ мнѣ явно, —
И разный вздоръ! — Давно не бывши въ свѣтѣ,
Повѣрила она; она находитъ,
Что это очень просто, что не мнѣ
Въ мои года, противустать побѣдно
Такому искушенью, что едва ли
Остаться равнодушной я могу,
Когда себя я вижу ежедневно
Предметомъ избалованнымъ исканій
Такой любви....

Digitized by Google

Напрасно я клялась ей,
Старалась убѣдить ее, напрасно
Доказывала ей, что я теперь
Все таже, какъ бывало, — все какъ прежде
Живу, дышу однимъ воспоминаньемъ
Мучительно безцѣннымъ! — Нѣтъ! она
Не вѣритъ мнѣ, — твердитъ, что я себя
Обманывать хочу пустымъ упрямствомъ,
Себѣ отчета строгаго еще
Не давши въ чувствахъ новыхъ, — въ увлеченьи
И новомъ и невольномъ.... Какъ вчера,
Расплакалась опять я, разсердилась....
Ничто не помогло! — Елена тоже,
Несносная, по-свѣтски нынче судитъ;
Упрямая, разцѣловавъ меня,
Уѣхала съ догадками своими....
И кто теперь ее переувѣритъ?....

V.

Письмо Зинаиды къ Еленѣ:

Je ne mérite pas que vous me traitiez ainsi: — ne me condamnez pas sans m'entendre!....

Gerfaut, par Charles de Bernard.

6-го Іюня 18....

«Какъ, милый другъ, слова чужія
Предубѣдить тебя могли, —
Напрасны клятвы ужъ мои,
И ты не вѣришь мнѣ впервые?....
Ты слѣпо слухъ склонила свой
Къ разсказамъ суетно-холоднымъ,
И дружбы гнѣвомъ благороднымъ
Не платишь клеветѣ пустой!....
Меня кокеткой называютъ....
Меня въ ковàрствѣ обвиняютъ,
Въ измѣнѣ уличить хотятъ....
Не вѣрь!! О мнѣ что въ свѣтѣ знаютъ?....
Тамъ мимолетомъ наблюдаютъ,
И на угадъ тамъ говорятъ!....

Digitized by Google

Мнѣ въ общемъ мнѣньи мало нужды,
Я не боюсь молвы слѣпой,
Хвала и брань равно мнѣ чужды,
Равно безвластны надо мной: —
Но дружбы мнѣніемъ священнымъ
Я дорожу!.... Но для меня
Закономъ мощнымъ, неизмѣннымъ
И рѣчь твоя, и мысль твоя!....
Ты знаешь, — я ль душой невѣрной
Могу былое позабыть?
Ты знаешь, — мнѣ ли измѣнить
Тому, кого люблю безмѣрно?....
Мнѣ ль удовольствія искать
Въ кокетствѣ низкомъ и презрѣнномъ?....
Съ больной душой, съ умомъ стѣсненнымъ
Мнѣ ль милой быть, мнѣ ль привлекать?....
Могу ль съ мечтой души проститься, —
Надъ обожателемъ другимъ
Побѣдой легкою гордиться....,
И въ шумѣ свѣта веселиться,
И жить тщеславіемъ пустымъ?....»

VI.

La solitude dans les fêtes du monde est si aride pour l'être qui s'y déplait.

M-me de Krudener, Valerie.

On m'appelle ici l'Etrangère,
C'est le nom de qui n'a point d'or!
Si je ris, — je suis trop légère!
Si je rêve, — on en parle encore!

M-me Desbordes Valmore.

10-го Іюня 18....

Нѣтъ! вижу я, не создана для свѣта
Моя душа; — не можетъ нравъ мой вольный
Привыкнуть къ вѣчному притворству въ немъ! —
Не можетъ пылкое воображенье
Жить пустотой, ничтожествомъ и скукой!....
Нѣтъ, вижу я, меня не понимаютъ,

Digitized by Google

И не поймутъ!.... И лучшіе друзья,
Все, что я дѣлаю, чтобъ избѣжать
Хотя на мигъ, моей тоски безсмѣнной,
Готовы приписать тщеславной блажи,
Готовы называть кокетствомъ свѣтскимъ....
Я Мирскаго межъ прочихъ отличила
За искренность рѣчей и обхожденья,
За то, что онъ во мнѣ меня лишь цѣнитъ
Безъ замысловъ, безъ лести, безъ расчета:
И вотъ ужъ всѣ, и вотъ сама Елена
Убѣждены, что я люблю его,
Что онъ мнѣ нравится:....

А между тѣмъ,
Владимира завѣтный, милый образъ
Неизгладимъ во мнѣ, въ душѣ моей,
И Мирскому холоднымъ уваженьемъ,
Сухою благодарностью плачу я!....

Но не хочу, чтобъ люди, чтобъ Елена,
Чтобъ Мирскій обвинять могли меня:
Я прекращу ихъ толки и намеки, —
Я выѣзжать не буду; — перестану
Жить этой жизнью, чуждой мнѣ, несродной....

Среди пировъ и въ шумѣ свѣта
Ищу напрасно счастья я:
Мнѣ дики рѣчи безъ привѣта,
Мнѣ странны взгляды безъ огня!
Когда въ пылу своихъ веселій
Живая тонетъ суета, —
Я холодна.... мой взоръ безъ цѣли....,
Мнѣ сердце давитъ пустота!

*

Прекрасенъ свѣтъ съ его волненьемъ,
Его забавы веселятъ,
Когда сердечнымъ сновидѣньемъ
Мечты живутъ, мечты кипятъ....
Когда по заламъ, по гостинымъ

Digitized by Google

Любимая мелькаетъ тѣнь....
Когда присутствіемъ единымъ
Вся жизнь полна, какъ въ красный день.

*

И хороша улыбка счастья
На женскихъ розовыхъ устахъ,
Когда безумное пристрастье
Намъ свѣтится въ чужихъ глазахъ....
Когда признанья и обѣты
Намъ льются пламенной рѣкой....
Когда вся будущность одѣта
Надежды свѣтлою зарей!....

*

Какъ женщина свободно дышетъ,
И какъ становится милѣй,
Когда она, краснѣя, слышитъ
Гимнъ увлекательный страстей!
Когда улыбкою привѣтной
Въ счастливцы жалуетъ она, —
Когда, взирая безотвѣтно,
Казнить на смерть она властна!

*

И милы ей тогда наряды,
И памятны обновы ей,
Когда внимательные взгляды
Все ловятъ, все слѣдятъ на ней;
То лента выскажетъ сомнѣнье,
То цвѣтъ любимый встрѣчи вѣсть....
Все полно смысла и значенья,
Чтобъ думу сердца перевесть.

*

Но мнѣ безсмѣнно-одинокой,
Но мнѣ, ни кѣмъ не занятой,
Чужой для всѣхъ, отъ всѣхъ далекой, —
Мнѣ пустъ и скученъ свѣтъ живой!
Томлюсь тоскою безотрадной,
Ищу кого-то.... что-то жду,....
То для забавъ я зритель хладный, —
То угорѣла бъ въ ихъ чаду! —

*

Digitized by Google

Боюсь, всеобщее влеченье
Меня въ свой омутъ увлечетъ....
Боюсь, боюсь, что ихъ волненье
Меня какъ вихорь обовьетъ....
Видъ счастья, видъ любви взаимной
Мнѣ можетъ сердце заразить,
И холодъ добровольной схимы
Безумнымъ пыломъ замѣнить....

VII.

Oui, son nom dans ma voix est un secret intime,
S'est mon cri de bonheur, c'est la foi qui m'anime!
M-me Desbordes Valmore.

12- Іюня 18.... На Каменномъ-Островѣ.

Сегодня насъ перевезли на дачу, —
Гдѣ Столбины роскошно торжествуютъ
Рожденье матери. — Должна была я
Въ гостиную блестящую явиться,
Какъ ни желала я уединенья.
Тутъ Мирскій былъ. — Опять онъ подошелъ,
Заговорилъ, и близъ меня остался....
Что было дѣлать мнѣ?.... Какъ мнѣ уйдти?....
Я видѣла, что острые глаза
Насмѣшливой княжны въ меня вперились
Что отгадать хотѣлось ей смертельно,
О чемъ у насъ нескладная шла рѣчь,....
И злобная улыбка исказила
Дрожащія и блѣдныя уста.
Она сердилась издали, — и вдругъ
На встрѣчу побѣжавъ къ пріѣзжей дамѣ,
Она удачно близъ меня порхнула, —
И прошипѣла мимоходомъ мнѣ,
Въ полголоса, чтобъ князь разслышать могъ.
«Вамъ весело?.... тѣмъ лучше!.... Гдѣ-то *онъ*,
Онъ,.... прежній вашъ кумиръ и обожатель?....»

Digitized by Google

Я вспыхнула.... Я думала всегда,
Что тайна задушевная моя,
Столь чистая, хранимая такъ свято, —
Извѣстна только мнѣ, да вѣрной Сарѣ,
Да доброй, снисходительной Еленѣ....
Какъ мнѣ подозрѣвать, что вдругъ княжна,
Не бывши никогда у Мѣховскихъ
Свидѣтельницей встрѣчь моихъ съ ихъ братомъ,
Не знавшая Владимира, — заочно
Мое съумѣетъ сердце разгадать!
Какъ мнѣ подозрѣвать, что злоба можетъ
Расчитывать такъ вѣрно, — быть вдали
Такъ проницательна! ...
Но Мирскій слышалъ....
Онъ понялъ все.... Встревоженный, смятенный,
Онъ требовалъ истолкованья словъ
Таинственной княжны.... Онъ знать хотѣлъ,
Кто этотъ *онъ*,.... чье имя лишь одно
Меня уже тревожитъ и волнуетъ?
Онъ умолялъ меня ему признаться,
Довѣриться ему, — сказать безъ страха,
О комъ я думаю, *кто* былъ мнѣ милъ? —
О! Богъ свидѣтель мнѣ, что не боялась
Чистосердечной рѣчью я прервать
Сношенья съ нимъ, — и удалить его!
Я не хочу любви его, исканій,
Я не желала, не ловила ихъ! —
Нѣтъ! потому я правды не сказала, —
Чужому, постороннему не стала
Завѣтной тайны сердца открывать, —
Что говорить мнѣ больно о минувшемъ,
Что называть *его* языкъ не можетъ....
Нѣтъ! выражать нескромными словами
Свою любовь, покровъ съ нея снимать
Не стану я!....
Кто *онъ*?.... Откуда онъ?.... Куда опять сокрылся?....
Чужимъ не слѣдуетъ, и не къ чему то знать!....
Его безцѣнный слѣдъ мнѣ въ душу запонился,

Digitized by Google

И любопытнымъ тамъ его не отыскать!....
Мнѣ, мнѣ принадлежитъ тотъ образъ неизмѣнный,
Вселившійся въ меня, доступный мнѣ одной:
Я сохраню его въ тиши, во мнѣ священной,
И имъ не подѣлюсь съ холодною толпой!

И пѣла, я ему живаго вдохнула!
Ему именъ пустыхъ
Въ воззваньяхъ пламенныхъ своихъ я не давала....
Безъ надписи пойметъ *онъ* тайну словъ моихъ!....
Какъ духъ.... какъ съ неба гость....какъ горнее видѣнье,
Онъ для меня всегда пребудетъ *гамъ*!....
Что имя!.... Звукъ и дымъ, — земное выраженье!....
А *я его* люблю восторгомъ неземнымъ!

VIII.

i.... Plus fière de ce qu'elle perdait que de tout ce qu'on pouvait lui offrir....

Marie de Mancini, par M-me Sophie Gay.

Elle ne renonçait pas à un avenir pour celui qui, peut être ne songeait plus à elle, mais elle ne connaissait pas d'avenir sans lui.

Léonce de Biran, par M-me de Cubières.

15-го Іюня 18.... На Каменномъ-Островѣ.

Не помогла княжнѣ ея уловка,
Затѣйливой придуманная злобой,
Не удалось коварствомъ ей отбить
Мнѣ преданнаго сердца!.... Нѣтъ, напротивъ,
Она лишь ускорила объясненье, —
Она виновницей, что мнѣ судьба
Блестящую дорогу открываетъ....
Князь Мирскій предложилъ свою мнѣ руку, —
Свою любовь, — а съ нею вмѣстѣ имя
Старинное и громкое, — богатство
Прославленное свѣтомъ-сребролюбцемъ....
Я отказала!....

Digitized by Google

Да!.... я, сирота,
Питомка бѣдная въ богатомъ домѣ, —
Безъ связей, безъ родства, и безъ значенья, —
Я отвергаю княжество и знатность,
И золото!.... я отвергаю все, —
И юношескій жаръ любови страстной,
И благородный нравъ, — и мѣткій умъ,
И сердце, мнѣ дарёное вполнѣ....
Княгини Мирской званья не хочу,
И знатной дамой быть пренебрегаю....
Хотя всѣ тѣ, кто нынѣ отравляютъ
И жизнь мою и молодость гоненьемъ,
Обидами и ненавистью горькой,
Всѣ тѣ, кто Зиною пренебрегаютъ,
Вдругъ стали бъ кланяться, и угождать
И униженно льстить *княгинѣ Мирской*!....
Княгинѣ Мирской, — молодой супругѣ
Владѣтеля огромнаго богатства!....

Не поклонюсь златому я тельцу, —
И не продамъ себя рабой презрѣнной
Разочётамъ низкимъ, мелкому тщеславью!....
Нѣтъ, — не хочу по-свѣтски поступить!
Пожертвовать свободой, безкорыстьемъ,
И тайной думой, тайнымъ сердца сномъ,
Чтобъ цѣпію алмазною на вѣки
Сковать себя, — и сердце задушить!

Я отказала, — твердо, безвозвратно!

А между тѣмъ, всѣ Стодбины вскружились,
Взволнованы блестящимъ предложеньемъ,
Совѣтуютъ.... хотятъ меня принудить
Его принять.... И въ домѣ всѣ углы
Разсказами и толками о мнѣ
Кипятъ съ утра.... всѣ точно въ лихорадкѣ....
Княгиня-мать пришла ко мнѣ сама,
Увѣщавать, — учить меня добру

Digitized by Google

И разуму, — какъ говорится здѣсь,
Княжна мигренемъ вдругъ занемогла!
И камергеръ, и модная жена,
И гордыя кузины, — всѣ они
Изумлены безумной вспышкой князя,
Его любовью къ дѣвочкѣ ничтожной,
Не значущей. — Но болѣе еще
Изумлены ея отказомъ дерзкимъ;
Не надивятся глупости моей,
Не понимаютъ, — какъ упрямлюсь я,
Какъ смѣю «нѣтъ» сказать и повторять,
Когда онѣ по милости своей
Благоволили жребій мой рѣшить, —
И за меня всѣ «*да*» сказать готовы.

Но я не слушаю ни наставленій,
Ни выводовъ ихъ логики премудрой,
Ни ариѳметики, всесильной здѣсь:
Я слѣдую наказу убѣжденья
И совѣсти моей; я поступаю,
Какъ Богъ и сердце тайно мнѣ велятъ!
Я Мирскаго благодарить велѣла
За честь, имъ мнѣ оказанную нынче
Своимъ сердечнымъ выборомъ; велѣла
Ему сказать, что къ браку безъ любви
Недостаетъ рѣшимости во мнѣ,
А что любви къ нему въ душѣ моей
Я не нашла, не чувствую.... Что вѣрно
Сочувствія межъ насъ недостаетъ. —

Надѣюсь, — онъ пойметъ, — и исцѣлится,
И свидимся мы съ нимъ когда нибудь
Хорошими друзьями, — безъ зазрѣнья!....

Любя *его*, принадлежать другому!....
И мнѣ въ удѣлъ сей тяжкій долгъ избрать?
Мнѣ, — измѣня обѣту дорогому, —
Иной обѣтъ предъ алтарями дать?....
Жестокіе!.... Они не понимаютъ,

Digitized by Google

Что̀ буду я, ихъ волѣ покорясь;
Судьбой моей они располагаютъ,
Ни чувствъ моихъ, ни сердца не спросясь!
Могу ли я забыть любовь былую....
Могу ли я перемѣнить себя,....
Замѣнитъ ли одна рука моя
Привязанность и преданность прямую?....
Позволено ль коварствомъ подкупнымъ
Обманывать искателя младаго,
И заплатить за жаръ огня святаго
Кокетствомъ лишь расчетливымъ однимъ!....
Когда во мнѣ, любовью ослѣпленный,
Онъ думаетъ сочувствіе сыскать,
Должна ли я, играя имъ надменно,
Безумныя мечты его питать?....
Должна ли я надеждою напрасной
Его привлечь, въ немъ сердце упоить,
Его на мигъ блаженствомъ озарить,
Чтобъ ложь прозрѣвъ, онъ въ правѣ былъ, несчастный,
Проклятіемъ меня обременить?....

Ахъ, нѣтъ!.... Грѣшно и низко бы то было!...
Довѣріе — святыня!.... Горе той,
Кто, не понявъ измѣны первой силу,
Сомнѣніямъ предастъ весь вѣкъ чужой!

Но я, — любви я слишкомъ цѣну знаю,
Чтобъ ею мнѣ безсмысленно шутить!
Я не могу другаго полюбить, —
Но искренно въ немъ чувство уважаю!
Побѣду я замѣтила свою
Безъ радости, безъ гордости сердечной....
И клятву я самой себѣ даю
Любви *ко̀ толѝу* остаться вѣрной вѣчно!

Digitized by Google

ГЛАВА XVI.

ВОЗВРАТЪ ВЛАДИМИРА.

C'est qu'après le malheur m'est venu ton sourire,
C'est que c'était l'hiver, et que c'est le printemps.

Victor Hugo.

Laissez d'un retour imprévu
Laissez moi goûter tous les charmes!
Hélas! j'ai retrouvé des larmes,....
Mais je l'ai vu!

M-me Desbordes-Valmore.

If I should meet thee
After long years,....
How should I greet thee?....
With silence and tears!....

Byron, Miscellaneous Poems.

I.

Bonheur de se revoir aprés les jours d'absence,
Qui des plus tendres voeux réalise l'éspoir,....
Plus je souffris, et plus je bénis ta puissance,
Bonheur de se revoir!....

Unes des romances favorites de Pauline B.

(Дневникъ Зинаиды былъ прерванъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ: ей нечего было разсказывать по однообразію ея скучной жизни.)

5-е Ноября 18.... въ Петербургѣ.

Записку мнѣ приносятъ отъ Елены....
Она вернулась въ городъ, — брата ждетъ, —
Владиміръ завтра будетъ здѣсь, — онѣ ѣдетъ
Сюда опять на полгода, — на долго!....

—

Digitized by Google

Что̀ слышу я?.... что̀ мнѣ сказали?....
Кто завтра будетъ?....

Боже мой!

Что совершается со мной?
Бывъ долго жертвою печали,
Ужъ радости не вѣрю я!
Ужъ вѣсть о ней страшитъ меня!....
Боюсь повѣрить поздравленьямъ
И дружбы сладостнымъ словамъ....
Боюсь предаться заблужденьямъ,
И обольстительнымъ мечтамъ....
Быть можетъ, надо мной смѣялись?
Быть можетъ, это только сонъ?
Но мой покой ужъ возмущенъ, —
Надежды въ сердцѣ мнѣ закрались,
И ими слабый умъ прельщенъ!....

О радость, радость!.... гость залетный,
Гость рѣдкій, нежданный, почетный, —
Не губивай меня!.... постой!
Другъ другомъ мы давно забыты:
Дай отдохнуть душѣ убитой,
Дай ознакомиться съ тобой!....
Отвыкла я отъ ожиданья,
Отъ счастья, отъ надеждъ живыхъ, —
Меня пугаетъ упованье,
И исполненье думъ моихъ!....
Боролась долго я съ судьбою,
Страдала много.... Но тоскою
За чѣмъ день свѣтлый омрачать?
За чѣмъ мятежною душою
Былое горе вспоминать?....
Теперь мнѣ все — очарованье,
Весь міръ надеждой озаренъ,
Твержу въ восторгѣ ожиданья:
«Ахъ! скоро, скоро будетъ *онъ*!....»

Digitized by Google

II.

Que je l'aime! il est revenu!
Je ne sens plus sa froide absence;
Lui n'a pas senti ma présence,....
Mais je l'ai vu!

M-me Desbordes-Valmore.

7-е Ноября 18....

Я видѣла *его*!.... *Онъ* здѣсь!.... *Онъ* возвратился!!....
Своей счастливою семьею окруженъ,
Очаватель мой передо мной явился,....
И какъ въ былые дни, мнѣ улыбнулся *онъ*!....
Присутствіемъ *его* всѣ явно восхищались,
Онъ всѣми ласково, радушно принятъ былъ,
Къ нему друзей слова и взоры обращались,
Онъ занималъ умы, весь кругъ онъ оживилъ....
Но *я*, — сторонній гость, свидѣтель безучастный,
Одна, упорное молчаніе храня, —
Я сердца своего восторгъ таила страстный,
Я знала, помнила, что смотрятъ на меня:
Избытокъ пылкихъ чувствъ, невольное смятенье,
Порывы радости безумной и живой,
Ланитъ румяный жаръ, и страхъ, и сердца бьенье,
Все должно было скрыть....

Все скрыто было мной!....

Я на привѣтъ *его* едва лишь отвѣчала,
Я удалить *его* старалась отъ себя,
Блаженствомъ, страстію душа моя пылала, —
А равнодушною все притворялась *я*!
О! если бъ *онъ* хотѣлъ своимъ всесильнымъ взглядомъ
Въ душѣ неопытно-лукавой прочитать!....
Нѣтъ, *онъ* обманутъ былъ моимъ поддѣльнымъ хладомъ,
Онъ хитрости моей не могъ подозрѣвать....
А *я*, — безумная!.... я втайнѣ проклинала
Спасительную ложь, терпѣніе свое,
Успѣхъ крушилъ меня.... невольно я желала,
Чтобъ лицемѣріе не удалось мое.

Digitized by Google

Никѣмъ незримая, я тихо предавалась
Обворожительнымъ надеждамъ и мечтамъ,
Глядѣла на *него*.... имъ долго любовалась....
Внимала всей душой *ему*, его словамъ.
Мнѣ раемъ вѣяли звукъ голоса любимый,
И краснорѣчіе плѣнительныхъ рѣчей!
Мнѣ солнцемъ молодымъ, звѣздой незаходимой
Свѣтился милый взоръ сіяющихъ очей!
Разлуку, скорбь, тоску, — я все позабывала,
Я забывала міръ,.... на время близъ *него*
Все счастіе земли вполнѣ *я* ощущала, —
Любила пламенно, и видѣла его!....

III.

N'ayant point d'amour, il n'imaginait point qu'elle l'aimât.... C'est une erreur dans laquelle un homme seulement peut tomber!....

E. L. Bulwer, Maltravers.

12-е Ноября 18....

Надъ головой, надъ участью моею, —
Надъ всѣмъ, что̀ дѣлаю, что̀ начинаю,
Что̀ я задумаю лишь только, — есть,
Есть приговоръ судьбы неумолимый,
Клеймо злой неудачи, отверженья....
Я думала, мнѣ сердце говорило,
Что должно мнѣ Владимира принять
Разумнѣе, смѣлѣе, холоднѣе;
Что свѣтъ, достоинство и скромность мнѣ
Велятъ владѣть собой, таить волненье,
Порабощать себя, свою любовь
Приличьямъ, принятымъ уставомъ свѣта.
Я думала, такъ лучше. — Но увы!
Ошиблась *я*,.... ошибся тоже онъ!....
Не удалось невинное притворство:
Теперь, во мнѣ онъ началъ сомнѣваться, —
Онъ говорилъ сестрѣ, что *я не та*,
Какой была передъ его отъѣздомъ, —
Что не люблю его!

Digitized by Google

О! горе мнѣ!!....
Какъ я могу разсѣять подозрѣнье
Въ умѣ неблагодарномъ и пугливомъ, —
Въ взыскательномъ, несправедливомъ сердцѣ?....
Какъ заблужденье гордаго разсудка
Я истреблю? Какъ я переувѣрю
Того, кто ужъ любви давно не вѣритъ?....
Холодное сужденіе одно,
Безстрастное, слѣпое наблюденье —
Не замѣнятъ ему святыхъ внушеній,
Взаимности, — не могутъ объяснить
Души чужой волненье, страсть и муку, —
Онъ не пойметъ!.....
Теперь, со мною онъ
Не такъ внимателенъ, какъ прежде былъ, —
И больше не насмѣшливъ и не колокъ, —
Не дразнитъ ужъ меня, со мной не шутитъ;
Онъ пересталъ кокетничать и льстить,....
Онъ самъ не тотъ!! я вижу, замѣчаю,
Скорблю.... Мои мечты, мои надежды,
Восторги нѣжные, ... что́ съ вами сталось?....
Гдѣ вы, — гдѣ вы, еще не давно мною
Игравшіе заманчиво?.... Увы!....
Вы сгинули.... пропали.... разлетѣлись!
Какъ *я его* ждала!.... Какъ страстно *я*,
Какъ глупо трепетала въ день свиданья, —
Присутствіемъ его какъ восхищалась!....
За чѣмъ, за чѣмъ?.... *Онъ* здѣсь, — но не со мной!....
За чѣмъ, за чѣмъ?.... *Онъ* здѣсь, — не для меня!....

IV.

Faute de s'entendre....

25-е Ноября 18....

Видаемся, встрѣчаемся мы съ *нимъ*.....
И дни идутъ.... Но пользы нѣтъ мнѣ въ томъ. —
Нѣтъ перемѣны въ грустныхъ отношеньяхъ,
Въ холодности взаимной нашей. — Мы
То какъ чужіе, — лишь нѣмымъ поклономъ

Digitized by Google

Привѣтствуемъ другъ друга; — то пройдемъ
Какъ будто незнакомые, — безъ взора
И безъ привѣта мимо. — Иногда,
Когда я пріѣжаю, онъ уходитъ, —
И цѣлый день невидимъ остается....
Въ другіе дни, — начнетъ онъ стороною,
Иносказательно судить о свѣтѣ,
Объ искушеньяхъ неизбѣжныхъ въ немъ....
Объ дѣвушкахъ, — объ ихъ призваньѣ модномъ,
И это всё, чтобъ уколоть меня
Незримою ироніи стрѣлой.
А я молчу!.... Какъ отвѣчать? что̀ дѣлать?....
Начну ли защищаться, — докажу,
Что приняла чужія обвиненья,
Незаслуженныя!.... Что я себя
Въ насмѣшливомъ узнала описаньѣ!....
Я вижу, понимаю, — на меня
Вооруженъ Владиміръ подозрѣньемъ:
Ему отсюда дали знать, что Мирскій
Ухаживалъ за мной.... Но онъ не знаетъ,
Что руку князя и любовь его
Отвергла я.... Не знаетъ, — знать не хочетъ,
Что, выѣзжая, живши въ модномъ свѣтѣ,
Не увлеклась ничѣмъ я, и никѣмъ, —
Его, его храня въ святынѣ сердца!....
Онъ ждетъ, — что снова, какъ ребенокъ слабый,
Я передъ нимъ повергну въ прахъ и душу,
И гордость женщины.... О нѣтъ! напрасно!...
Нѣтъ!.... не унижусь я!.... Когда бъ хоть словомъ,
Когда бъ призывомъ сердца всемогущимъ
Онъ сердце бы мое хотѣлъ привлечь,....
Я бъ бросилась безумно въ сѣть его,
Очнулась бы опять его рабою,
Поклонницей.... Но онъ играетъ мною,
Не любитъ, не страдаетъ; только въ немъ
Лишь самолюбіе раздражено....
Я выдержу: онъ отъ меня ни слова
Вовѣки не услышитъ въ оправданье,
Когда онъ самъ, онъ только виноватъ....

Digitized by Google

V.

L'orgueil est entre nous... il glace, il est mortel....

M-me Desbordes-Valmore.

5-е Декабря 18....

Елена плачетъ, — за меня, за насъ, —
И требуетъ, и проситъ, чтобы я
Шагъ первый къ примиренью совершила....
Извѣстно ей, сколь гордъ и непреклоненъ
Владиміръ; сколь сердитъ онъ на меня
За мой пріемъ холодный и несмѣлый.
Она хотѣла оправдать меня, —
Въ моей любви нѣмой его увѣрить....
Онъ слушать не хотѣлъ!.... Какъ ей насильно
На мѣсто бури грозной поселить
Надежду кроткую въ мятежномъ сердцѣ?....
Какъ доказать слѣпому свѣтъ дневной?....
Про Мирскаго и сватовство его
И мой отказъ, она ужъ много разъ
Правдивую ему твердила повѣсть:
Онъ ей не отвѣчалъ!....
Еленѣ страшно
За будущность ея мечты любимой....
Она давно, — и мнѣ не говоря, —
Надѣялась, желала породненья
Двухъ близкихъ ей сердецъ.... Она мечтала,
Что братъ ея меня полюбитъ самъ,....
Мою любовь не только отгадала, —
Валѣѣяла она, какъ лучшій даръ
Владиміру, уязвленному прежде
Обманомъ и измѣной.... Но теперь, —
Разсѣялись, развѣялись тѣ сны:
И ненависть взамѣнъ любви счастливой
Межъ нами воцарится.... И онъ,
И я, — мы убѣгаемъ другъ отъ друга....

Digitized by Google

Нѣтъ! что бъ Елена мнѣ ни говорила,
Я не рѣшусь на этотъ первый шагъ,
Я не пойду на встрѣчу гордецу
Съ любовію моей и заклинаньемъ....
Я тоже жду.... Но ждать такъ, — хуже смерти!....
И нѣтъ мученья равнаго съ моимъ!....

VI.

Je sentis qu'un malheur tournait autour de moi....

M-me Desbordes-Valmore.

10-е Декабря 18....

Княжна опять задумала коварство,
Иль что нибудь недоброе: — вчера
Вдругъ въ маскарадъ отправилась она
Подъ маскою; — а я была съ княгиней
И Зуровыми въ ложѣ; и оттуда
Я видѣла, какъ вдругъ она пристала
Къ Владимиру, вошедшему лишь въ залу;
Какъ въ разговоръ вовлечь его старалась,....
Какъ долго объ руку ходила съ нимъ,
Смѣялась.... на ухо ему шептала,
Потомъ грозилась пальцемъ на него, —
Какъ будто убѣдить его, увѣрить
Она хотѣла въ чемъ-то. Я смотрѣла
Съ вниманіемъ и страхомъ. Мнѣ сдавалось,
Что мнѣ готовится ударъ смертельный,
Что встрѣча, — не случайная, быть можетъ, —
Владимира, кумира моего,
Съ враждебнымъ геніемъ моимъ, — княжной, —
Должна мнѣ предвѣщать бѣду и горе....
И мрачная боязнь съ тѣхъ поръ тѣснитъ
Больную грудь мою, — тревожитъ мысли,
И безъ того ужъ полныя волненья....

Digitized by Google

VII.

Le doute.... si dramatique en amour.
Balzac.

15-е Декабря 18....

Какъ угадала я!.... И какъ поспѣшно
На дѣлѣ объяснилось мнѣ теперь
Событіе, замѣченное мной
Въ таинственныхъ продѣлкахъ маскарада!
Какъ ясно мнѣ, что у княжны есть виды,
Есть замыслы....

У молодой княгини
Вчера, для избранныхъ былъ вечеръ данъ,
Какъ будто за-просто, и невзначай:
Владимиръ тамъ присутствовалъ! — А въ домѣ
Онъ прежде не бывалъ, онъ не знакомъ
Ни съ старою, ни съ молодой княгиней....
Меня не позвали!!.... И даже Надѣ
Ни слова не сказали. Дишь княжна,
Ея кузины Зуровы, да князь
И нѣсколько мужчинъ еще тамъ были.
Елена не была.... Она не знаетъ,
Какъ братъ ея сошелся вдругъ съ людьми,
Которыхъ онъ такъ долго ненавидѣлъ....
Какъ это всё смѣшно, неловко, странно!....
Какъ это всё недоброе сулитъ!....

VIII.

Je l' ai vu danser, je leur ai vu sourire,...
Quel contraste, grand Dieu! leur joie et mes douleurs!....
Antenart.

23-е Декабря 18....

Алина Зурова, вчера, на балѣ
Въ глазахъ моихъ, въ присутствіи моемъ,
Съ Владимиромъ мазурку танцовала....
Довольно для меня.... Я понимаю!!....
Онъ прошлою зимой не танцовалъ,....
Онъ прошлою зимой не ѣздилъ въ свѣтъ,
На балахъ не бывалъ.... О! понимаю!!..

Digitized by Google

IX.

L'heure du grand mécompte avait sonné pour elle.... ses illusions tombaient feuille à feuille....

Charles Didier, Charonnay.

28-е Декабря 18....

Я слышала, *другой* онъ очарованъ....
Я слышала, *другую* любитъ онъ....
Онъ красотой ея и тронуть и прикованъ,
Онъ ожилъ для нея,.... онъ счастливъ, восхищёнъ!....

Богъ съ нимъ!.... Окончился мой сонъ смѣшной, напрасный....
Богъ съ нимъ! Оторванъ онъ отъ сердца моего!
Теперь, я выучусь судить о немъ безстрастно,
Теперь, безъ трепета увижу я его! —

И не ревную я!.... и нѣтъ въ душѣ терзаній!
И ненависть къ сопернице молчитъ!
Окрѣпла я душой отъ прежнихъ испытаній,
И горе новое меня ужъ не сразитъ!

Пусть будетъ счастливъ онъ! вотъ все, что я желаю,
Вотъ все, что требовать дерзаю отъ судьбы!....
Онъ не любилъ меня, — давно я это знаю, —
Но живы, пламенны о немъ мои мольбы!

Digitized by Google

ГЛАВА XVII.

ОТРЕЧЕНЬЕ.

Quand une femme arrive à reconnaitre l'erreur de son amour à se repentir de sa faiblesse — elle passe comme un éponge sur sá vie pour en effacer tout.

Balzac, Etudes des Moeurs, Tome 8.

Souvent plus une douleur est grande et plus l'âme y puise d'energie.

M-me Mélanie Waldor, Pages de la vie intime.

Pourquoi vit-on encore quand la vie est sans charme?
Je croyais qu'on mourrait, je l'avais espéré....
Mais non on ne meurt point ni d'amour ni de larmes,
Car je l'ai tant aimé! car je l'ai tant pleuré!....

Le Comte de Rességui.

I.

Je n'aime plus! Ces paroles renferment un mystère tout aussi profond que celui contenu dans le mot: j'aime.

Balzac, Etudes de Moeurs.

1-е Января 18....

Довольно фиміамъ сердечный
Я гордому кумиру жгла....
Довольно клятвъ любови вѣчной
Ему я данью принесла....
Довольно я уничижалась
Предъ божествомъ, избраннымъ мной,

Digitized by Google

И страстью оживить старалась
Гранита холодъ вѣковой.

Конецъ обману и мечтаньямъ,
Конецъ безумію, слезамъ!....
Сказавъ «*прости*» воспоминаньямъ,
Я посмѣюсь минувшимъ снамъ....
Торжественно.... и безъ возврата!....
Я отрекаюсь отъ *него*,....
Какъ отъ врага, отъ супостата
Опаснѣй ада самаго!....

Теперь дней юности цвѣтущихъ
Недугъ враждебный исцѣленъ;
И взоромъ полнымъ чаръ могучихъ
Теперь меня не сглазитъ *онъ*!
Я не боюсь! Освободилась
Отчаяннымъ порывомъ я;
И жизнью вольной обновилась....
Нѣтъ, нѣтъ! не стоитъ *онъ* меня!

О! какъ *его* я обожала,
Какъ долго былъ мнѣ дорогъ *онъ*!....
И все прошло,.... и страсть пропала,
Какъ небывалое.... какъ сонъ!
Мнѣ странно сердца увлеченье,
И мнѣ смѣшна любовь сама;
Я вижу въ ней лишь заблужденье, —
Ошибку дѣтскаго ума!

И тосковать душею страстной
Я впредь не буду день и ночь,
Я не сгублю себя напрасно:
Прочь, горе!.... сожаленья, прочь!....
Самолюбивою забавой
Ему служить я не хочу;
Любовь была моей отравой,
Забвеньемъ сердце залечу!

Digitized by Google

II.

Malheur à moi! je ne sais plus lui plaire;
Je ne suis plus le charme de mes yeux...
M-me Desbordes-Valmore.

5-е Января 18....

Владиміръ Валентовичъ, братъ Елены, —
У *Столбиныхъ* бываетъ каждый день....
Не говоритъ со мной,.... но за Алиной, —
За модною, богатою невѣстой,
Ухаживаетъ явно!.... Такъ-то онъ
Переродился вдругъ!.... не презираетъ,
Не охуждаетъ больше все, что прежде
Такъ ненавидѣлъ онъ, и такъ бранилъ;
Онъ ищетъ тѣхъ, кого такъ избѣгалъ, —
И тѣхъ бѣжитъ, — кого искалъ такъ прежде....
Онъ всюду въ высшемъ свѣтѣ; — разъѣзжаетъ,
Знакомится.... Съ княжной, какъ старый другъ,
Съ ней подъ-руку гуляетъ по гостиннымъ....
И принятъ *здѣсь* какъ гость давно желанный, —
И веселъ, и спокоенъ, и доволенъ....

Смотрю, — и это всё сдается мнѣ
Какъ странный сонъ, — безсвязный, непонятный;
Смотрю — и никого не узнаю
Изъ дѣйствующихъ лицъ мудреной драмы, —
Или комедіи смѣшной и жалкой....
Чего хотятъ въ осѣлъномъ семействѣ?
Владимира къ чему бы имъ ловить? —
Онъ не богатъ, не знатенъ.... нѣтъ *карьеры*
Блестящей у него въ виду.... Такъ что жъ
Ихъ можетъ искушать?.... Заслуги, умъ
И гордая, высокая душа,
И чудный слова даръ, и глубь познаній, —
Они не понимаютъ и не цѣнятъ, —
И въ людяхъ имъ нужна лишь обстановка:

Digitized by Google

Зачѣмъ же имъ Владиміръ?.... Или только,
Ехидная догадливость княжны
Ей помогла мою провѣдать тайну, —
И хочется меня ей уничтожить,
Всѣ разомъ сокрушивъ мои надежды?....
Но я давно съ надеждами простилась, —
Мнѣ всё равно!.... Мнѣ только жаль *его*, —
Его, который такъ искусно завлеченъ,
И ослѣпленъ.... Что онъ найдетъ въ Алинѣ,
Въ прелестной этой куклѣ безъ души?....
Лишь кружева, да камни дорогіе,
Да ловкость въ вальсѣ, да отцовскій чинъ
Ей въ обществѣ значенье придаютъ....
И жениховъ не мало ужъ ловили, —
Да неудачно.... Вижу все, и знаю, —
Но не могу несчастнаго спасти; —
Не мнѣ, не мнѣ повязку ослѣпленья
Съ неблагодарнаго теперь снимать!....

III.

Il fallait l'excès du courage qu'elle s'était imposé pour supporter les émotions violentes qui l'attendait dans cette journée,

M-me Sophie Gay, Marie de Mancini.

12-е Января 18...

Сегодня, вечеромъ, помолвка будетъ
Владиміра съ Алиной!.... цѣлый домъ
Стоитъ вверхъ дномъ.... Княжна готовитъ праздникъ, —
Балъ нежданный, потѣшные огни,
Куплеты; у меня пришла просить
Совѣта для стиховъ, — упрямой рѣчки. —
Заранѣй описала мнѣ она
Нарядъ невѣсты, роскошь торжества,
И вензеля двойные обрученныхъ
На пламенныхъ щитахъ, — въ гирляндахъ пышныхъ....
Я слушаю,.... куплеты поправляю....

Digitized by Google

Готовила свой сборъ. — Княжна спросила,
Пойду ли я въ гостиную? Зачѣмъ,
Сегодня такъ блѣдна я?.... Вѣсъ лукавый!....
Такой вопросъ достаточенъ, чтобъ мнѣ
Полмертвой возвратить и жизнь и силу, —
Пойду! Пойду!....
Я ихъ увижу тамъ,
Его..... *ее*.... увижу обрученье,
Ихъ радость, ихъ любовь. Съ улыбкой должной,
Я подойду принесть дань поздравленья
Къ соперницѣ надменной, и къ *нему* —
Измѣнннику!....
О! я съ ума сошла!....
Какой измѣнникъ онъ?.... Вѣдь никогда
Не обѣщался онъ меня любить,....
Вѣдь никогда онъ не любилъ меня,....
Я только бредила,.... лишь *я* одна!....
Онъ очень хорошо и здраво судитъ, —
Онъ опытенъ, уменъ, — и жилъ не даромъ:
Онъ знаетъ свѣтъ и жизнь, — онъ разсчиталъ!....
Онъ разсчиталъ, что знатную Графиню,
Съ приданымъ и красой, съ отцемъ въ чинахъ,
Съ поддержкой у родныхъ,—съ значеньемъ въ свѣтѣ,
И связями, — нельзя-жъ не предпочесть
Мнѣ, — ничего не значущей, и бѣдной....
Невѣсту выбралъ онъ себѣ такую, —
Какая отвѣчать могла понятьямъ
И мнѣніямъ разсудка.... Онъ доволенъ, —
Тѣмъ лучше для него — для всѣхъ.... Теперь
Любовь моя ужъ не нужна ему....

—

Елена не довольна и грустна;
Ее, какъ и меня, дивитъ нежданный
Переворотъ; — и новая невѣстка
Ей не по-сердцу. — Но ея согласья,
Ея совѣта даже не просили, —
Все было рѣшено и безъ нея....
Она на свадьбѣ будетъ гость почетный, —
Не другъ родной, — не нѣжная сестра,
Свидѣтель счастья брата.... И она
Привозится на жертву блеску свѣта.

—

Пора одѣться мнѣ! Ужъ всѣ готовы,
Ужъ сестры внизъ сбѣжали любопытно, —
Ужъ Зуровы пріѣхали....

Digitized by Google

О Боже!
Дай власть мнѣ надъ собой, дай силу мнѣ,
И дай, молю, дай нужное терпѣнье,
Чтобъ выдержать могла я эту пытку,
Не измѣнивъ себѣ.... Пусть разорвется,
Пусть сокрушится сердце, — но улыбка
Чтобъ скрыла отъ друзей и отъ враговъ
Его мученья!.... Чтобъ спасти могла я
И гордость женскую, и женскій стыдъ!....

IV.

Sick at heart.... and lone.... and blighted,....
More than this, I scarce can die!
Byron, Miscellaneous Poems.

13-е Января 18.... на разсвѣтѣ.

Помолвка кончилась. Балъ тоже. — Мнѣ
Самъ Богъ помогъ! — Я показалась тамъ
Спокойна, равнодушна, весела....
Я всѣхъ, *всѣхъ ихъ* поздравила, какъ должно....
На балѣ я послѣднею осталась.
До самаго утра,.... я танцовала....
Елена только чуть не сокрушила
Стоической веселости моей:
Когда меня увидѣла она, —
Вдругъ слезы на глазахъ ея повисли, —
Я убѣжала....
Нынче, слава Богу,
Я отдохну! — Свободно, и на долго
Мнѣ успокоиться дано: Алина
Съ Владимиромъ въ деревню уѣзжаютъ;
Тамъ, въ отчинѣ ея старинныхъ предковъ,
Отпразднуютъ блистательную свадьбу. —
И можетъ быть, — ужъ *ихъ* я въ здѣшнемъ мірѣ
Не встрѣчу болѣе!.... Тѣмъ лучше! Мнѣ
Какъ будто нездоровится; устала,
Конечно, я, — иль даже простудилась, —
Я спать хочу....

Дневникъ Зинаиды снова прерывается; она долго была больна, потомъ слаба; не выѣзжала, и не показывалась въ обществѣ. Столбчныхъ. Весна проведена ею безъ всякихъ происшествій; потомъ ее по обыкновенію перевезли на дачу.

Digitized by Google

ГЛАВА XVIII.

ОТЧАЯНІЕ.

J'ai contemplé ma mort dans leur bonheur!....

M-me Desbordes-Valmore.

Предательства вѣрный уставъ наукѣ,
Служу приличію, фортунѣ, или судьбѣ, —
Подругу никогда я выберу себѣ,
И безъ любви рышусь отдать ей руку!

.....

И вѣсть къ тебѣ придетъ!.... но не завидуй нам....

Евгеній Баратынскій.

I.

Son âme était calme, — sa vie s'éteignait....

Léonore de Béran, par M-me Cubières.

6-е Іюля 18.... на дачѣ Каменнаго острова.

Я долго, — говорятъ, — была больна,
Не помню!.... И потомъ, я, видно, долго
Оправиться и мыслями собраться
Всё не могла. — Не помню ничего! —
Какъ будто мглой подернуто былое, —
Прошедшее.... Я знаю, что теперь
Я кашляю, слаба.... Но я покойна....
Лишь что-то скучно мнѣ....

И говорятъ,
Что я занемогла, сперва горячкой,
Потомъ какой-то странною болѣзнью
Томительной и длинной; будто нервы
Разстроены во мнѣ. — А началось
Все отъ того, — сказали доктора, —
Что танцами измучилась я слишкомъ
На томъ послѣднемъ балѣ, гдѣ была....

Digitized by Google

Въ то время возвратился князь Василій, —
Мой добрый, вѣрный, постоянный другъ, —
Отецъ родной по чувствамъ: — онъ сердился
На всю семью свою, за невниманье
Ко мнѣ; онъ все устроилъ для меня,
Чтобъ было мнѣ воскреснуть веселѣе, —
Чтобъ возвратясь на Божій свѣтъ изъ гроба,
Улыбками я встрѣчена была....
Онъ здѣсь теперь.... онъ мною дорожитъ,
И на меня всѣ иначе ужъ смотрятъ:
Не поздно ли?.... Могу-ли я ожить?....

II.

D'un souvenir si doux l'erreur évanide
Laisse au fond de mon âme un long étonnement
M-me Desbordes-Valmore.

8-е Іюля 18.... на Каменномъ островѣ.

Еще какъ-бы въ туманѣ предразсвѣтномъ
Неясныя мои блуждаютъ мысли;
Еще напрасно я хочу повѣрить
Себя, и разумъ свой, и ощущенья. —
Какъ въ сумеркахъ напуганный ребенокъ
Боится въ тёмный уголъ заглянуть, —
Такъ я боюсь больное тронуть сердце,
Разшевелить умолкнувшую память, —
И книгу черную минувшихъ дней
Раскрыть неосторожною рукою....
Не помнить, хорошо, — *забыть совсѣмъ*
Еще бы лучше было!....
Мнѣ сказали,
Что много писемъ есть ко мнѣ изъ Крыма,
Отъ Сары, отъ моихъ.... Еще сказали,
Что надо мной Елена просидѣла
Всѣ двадцать дней опасности моей,
Когда меня считали ужъ умершей.
Она меня на мигъ не покидала,

Digitized by Google

И ночью не спала, и днемъ страдала
Страданьями моими. Другъ безцѣнный!....
Какъ ты добра! какъ я тебя люблю, —
Но почему такія попеченья?....
Зачѣмъ меня спасла святая дружба?....
Кому нужна, кому мила я въ мірѣ?....
Зачѣмъ мнѣ жизнь?....
Теперь Елены нѣтъ, —
Въ Германію уѣхала она,
Къ водамъ....
И можетъ быть, неправда то,
Что сестры мнѣ твердятъ про Мѣховскихъ
И ихъ семейство, будто-бы Елена
По прежнему все съ огорченьемъ видитъ
Владимира женитьбу, — въ ссорѣ съ нимъ, —
И недружна съ надменною Алиной?....
А мнѣ, не все-ль равно? что мнѣ ихъ ссора?....
Ужь я почти забыла, что на свѣтѣ
Была Алина Зурова когда-то,
Что сдѣлалась теперь она женой
Владимира, — невѣсткою Елены!
Мнѣ все какъ будто странно, непонятно;
Какъ будто я отвыкла отъ житейскихъ
И свѣтскихъ отношеній; я похожа
На странника, вернувшагося вдругъ
Изъ длиннаго пути, изъ странъ далекихъ:
Роднаго дома онъ не узнаетъ. —
Сталъ чуждъ друзьямъ, забылъ воспоминанья,
И одичалый, остается нѣмъ,
Когда ему на языкѣ родимомъ
Сердечные вопросы предлагаютъ.

III.

A peine sur mon front quelques jours ont glissé, —
Il me semble qu'un siècle et qu'un monde ont passé!
Lamartine, Harmonies.

10-е Іюня 18....

Я принялась за Крымскія извѣстья,
Пакеты запоздалые открыла:
Читаю письма милыхъ, незабвенныхъ;

Digitized by Google

Благословляю их рукой, и сердцем,
Еще для них лишь не совсем остывшим....

Вот длинное и нежное письмо
От Сары: — отвечает мне она
На посланные Наденькой листы
Неконченнаго дневника, — когда
Без памяти, в бреду лежала я.
Наставница души моей душою
Вдали меня умела понимать:
Боится за меня, — велит мне быть
И разсудительной, и твердой; хочет,
Чтоб я отчаянью не предавалась, —
Чтоб я *минувшее* забыть решилась.
О будущем подумала.... И много
О молодости мне она толкует, —
Твердит о силе воли, — о надежде, —
О счастии другом....

Ах, Сара! Сара!

Чего она желает, ожидает
Для мертвеца, созданья без души,
Для сердца сокрушеннаго, — едва
Спасеннаго от бури, — но разбитым,
Отцветшим и отжившим навсегда?
Чего она боится за меня? —
Спокойна я,.... я не грущу!.... и даже
Мне не о чем грустить!.... Больна была я,
Теперь все кончено, прошло! Тем лучше;
Теперь здорова я умом и сердцем. —
Пора уж успокоиться моим.
Я напишу, — им надо отвечать, —
Моим друзьям от самой колыбели,
Друзьям моим до гроба!

Ах! зачем?

За чем расстались мы?.... я там, у них,
Была так безмятежна, так счастлива,....
Неопытна, и верила всему....

Digitized by Google

IV.

ОТВѢТЪ ЗИНАИДЫ НА ПИСЬМО САРЫ.

Oui je crois à l'amour: — j'y crois comme à l'écueil où viennent se briser les grandes et les vulgaires destinées; j'y crois, comme au volcan qui ne laisse que des cendres; comme à la chose mensongère qui promet les cieux et jette dans l'abime!!....

Corisande de Mauléon.

11-е Іюля 18.... на Каменномъ-островѣ.

Мой другъ!.... Не искушай меня надеждой ложной, —
Не спорь съ тоской моей, не утѣшай меня! —
Забвенье, счастіе, равно мнѣ невозможны,
Повѣрь мнѣ, — никогда не исцѣлюся я!
Я мысль и власть ума, и слезы истощала,
Чтобъ сердце слабое разсудку покорить;
Я гордость женскую на помощь призывала,
Напрасно, тщетно все!.... Мнѣ горя не забыть!....
Мнѣ сердца своего вовѣкъ не побѣдить!....

Я помню, были дни, — дни тайныхъ ожиданій,
И много въ будущемъ сулили мнѣ мечты!....
Я помню, какъ въ пылу неопытныхъ желаній,
Со всѣмъ довѣріемъ сердечной простоты,
Я теплою душой молилась, уповала,
Была младенчески-спокойна и ясна, —
Порока, хитрости, вражды не понимала,
Ко всѣмъ пріязненно радушія полна.
Въ ту пору, — если ты въ минуту горькой думы,
Разоблачала жизнь и свѣтъ передо мной,
И мнѣ дѣйствительность наукою угрюмой
Хотѣла объяснить, и опытъ тяжкій свой
Примѣромъ ставила боренія съ судьбой:
Съ участьемъ выслушавъ страдальческія пѣни,
Я спорила съ тобой, что счастье не мечта;
Что замѣняется веселій пустота
Святыми чувствами; что много наслажденій

Digitized by Google

Намъ сердце здѣсь даетъ; что не нужны ему
Ни злато звонкое, ни почести міркія;
Что чистую любовь двѣ души молодыя
Найдутъ и въ бѣдности; что свѣтлому уму
Ничтожны быть должны земныя испытанья,
Когда любовь ему здѣсь небо создаетъ.

Но нынче, — о мой другъ! — мой разумъ познаетъ
Ошибку прежнюю, и суетность мечтанья!....
Но нынче, — о мой другъ, — покровъ упалъ съ очей!
Съ тобою, опытной въ житейскомъ, я согласна;
Понятенъ сталъ мнѣ смыслъ убійственныхъ рѣчей,
Теперь разгаданы, теперь мнѣ слишкомъ ясны
Увѣщанія пророчицы моей!....
Нѣтъ счастья! нѣтъ его для насъ, смѣшныхъ созданій,
Рожденныхъ съ пламенной, чувствительной душой,
Для насъ, все ищущихъ любви и упованій,
Все дышащихъ несбыточной мечтой!....
Нѣтъ счастья!.... нѣтъ его для тѣхъ, кто понимаетъ
Всю цѣну счастія, всю полноту его,....
Кто страсть высокую свою предпочитаетъ
Всѣмъ свѣтскимъ выгодамъ, и сердца своего
Расчёту низкому толпы не покоряетъ!....»

Мой другъ, тебя страшатъ мой ропотъ безнадежный,
Мое отчаянье и ранній холодъ мой?....
Ты удивляешься, что сонъ мой золотой
Такъ скоро замѣненъ насмѣшкою мятежной,
Сужденьемъ опытнымъ?.... Но я-ль тому виной?....
Я-ль разувѣрилась?.... Я-ль тучу громовую
Себѣ накликала?.... Я-ль вѣтрено зову
Судьбу враждебную на битву роковую?....
Я-ль пепломъ юную осыпала главу?....
Быть можетъ, — если бъ жизнь меня не обманула,
Когда-бъ отъ глазъ моихъ любовь не ускользнула
Скатящейся звѣздой.... О! можетъ быть тогда
Я-бъ вѣру прежнюю и чувство сохранила
Въ душѣ восторженной, и тихо-бъ шли года,
И я-бъ все грезила,.... и я-бы все любила!!....

Digitized by Google

Усовершенствовать старался себя,
Достойнѣй и добрѣй я-бъ дѣлалась всечасно,
Достигла-бъ мыслію до высоты прекрасной!....
Чего-бы *для него* не совершила я?....
Теперь, все кончено!.... На землю я упала
Съ небесъ отверстыхъ мнѣ!.... Теперь взоръ грустный мой
Всечасно устремленъ въ мглу кельи гробовой, —
Надежды лучъ погасъ, и сердце замолчало!....

V.

Tout est fini maintenant,.... et j'oublie,
J'oublie un nom que je disais tout bas!
La Comte de Bussiguier.

Нельзя, мнѣ кажется, внезапно, вдругъ,
Въ одно мгновенье, разомъ постарѣть,
И въ полгода прожить почти полвѣка:
Но я въ себѣ такую перемѣну
И нахожу и чувствую, — что часто
Я думаю, со мной случилось тоже,
Что̀ съ древнимъ мудрецомъ, который въ думу
Глубокую душою погрузившись,
Въ пещерѣ жизнь свою провелъ незримо,
И старцемъ въ сѣдинахъ однажды вышелъ,
Вошедши юношей цвѣтущимъ. Или я,
Какъ спящая царевна въ старой сказкѣ,
Невѣдомо проспавши много лѣтъ,
Очнулась я, — и не могу узнать
Ни свѣта Божьяго съ его сіяньемъ,
Ни свѣта нашего, въ его мишурномъ
И ложномъ блескѣ, — ни себя самой,
Ни прежнихъ чувствъ, ни собственнаго сердца?....

Но тотъ мудрецъ, — онъ думалъ! Та царевна, —
Она во снѣ такъ сладостно мечтала, —
А я?....
И въ забытьи и на яву,
Я все страдала, мучилась, томилась!....

Digitized by Google

Я измѣнилась совершенно....
Я не могу узнать себя:
Исчезла вдругъ, какъ паръ мгновенный,
Вся пылкость прежняя моя,
Я не тоскую, какъ бывало,
Я не мечтаю.... не люблю....
Въ оцѣпенѣньи, въ скукѣ вялой,
Я неподвижно жизнь терплю,
Но не живу!.... Безъ вдохновеній,
Безъ жаркихъ думъ, нѣма, грустна,
Къ себѣ самой я холодна!
Въ душѣ лишь изрѣдка, случайно
Глаголъ былаго говоритъ, —
Когда ее разшевелитъ
Знакомыхъ звуковъ отзывъ тайный,
Или намекъ о старинѣ,
Иль имя,.... дорогое мнѣ....
Тогда, какъ будто пробудившись,
Въ свои вникаю чувства я,
И съ сномъ забытымъ вновь сдружившись,
Стараюсь воскресить себя;
Ловлю всѣ мысли, всѣ желанья,
Всѣ ощущенія свои,
И мимолетныя мечтанья,
И искры дремлющей любви;
Ловлю въ болѣзни и волненьи
Минувшаго безцѣнный слѣдъ,....
Какъ узникъ въ мрачномъ заточеньи
Денницы ловитъ дальній свѣтъ!
Мнѣ больно видѣть увяданье
Цвѣтущихъ силъ души моей....
Уже ли, слабое созданье! —
Я не снесу грозы страстей?....
Ужель, какъ трость, въ борьбѣ съ судьбою,
Поникнувъ долу головою,
Не оживу, не встану я?....
Иль мнѣ поэзіи сердечной
Прошла пора,.... и буду вѣчно
Дышать, всѣ чувства схороня,
Сухою прозой бытія?....

Digitized by Google

VI.

Elle est née une lyre harmonieuse,.... mais une lyre brisée; pour elle chaque souffrance est un chant.

Charles Nodier.

Младенчества и юности моей —
Так быстро, так нещадно пролетевшей,
Ленивыя, безпечныя привычки
Опять я принимаю: я опять
Безвыходно въ своемъ углу безмолвномъ,
День цѣлый занимаюсь. То пишу,
И вечеромъ усердно сожигаю,
Что въ день моимъ набросано перомъ.
Изъ шкапа пыльнаго на столикъ мой
Любимыя опять явились книги;
Читая ихъ съ улыбкою прискорбной,
Въ нихъ прежнія замѣтки нахожу....
И мнѣ смѣшно и больно: какъ недавно
Я думала, мечтала какъ ребенокъ,
А нынче?!.. И стихи мои былые
Ни видѣть, ни прочесть я не рѣшаюсь....
Они подъ опалою у меня, —
Такъ точно какъ наряды и уборы,
И бальные цвѣты мои.... Все это
Напоминаньемъ бы служить могло, —
Все это въ печь пойдетъ, — лишь въ городъ мы
Вернемся съ острововъ! — но фортопьяны
За то, опять, мнѣ любы и нужны;
По вечерамъ, по прежнему, я долго
Разсѣянной и бѣглою рукой
Тревожу ихъ покой, — въ безсвязныхъ грезахъ,
Въ неясномъ думаньѣ, забывшись, долго
Я пестрыя клавиши вопрошаю
И мнѣ они отвѣтъ даютъ урочный
Аккордами, то звучными, то часто
Таинственно-унылыми.... Тогда

Digitized by Google

И на устахъ, и въ мысляхъ, вдругъ, невольно,
И нехотя, безъ моего сознанья,
За звуками рождаются слова,
И составляютъ стихъ,.... потомъ строфу, —
И что-то въ нихъ знакомое поется....
А мнѣ всё на душѣ грустнѣй, грустнѣе,
И я пою и плачу.... И потомъ
Припадокъ горькаго рыданья смѣнитъ
Поэзіи и музыки припадокъ.

Вотъ нынче, вновь такое навожденье
Невѣдомыхъ властей, духовныхъ силъ,
Я испытала. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ,
Какъ я была больна, — мнѣ удалось
Припомнить на-лету, и удержать
Души моей урывчатыя тѣни.
Доселѣ въ нихъ дышали сердца муки,
Но не было въ нихъ смысла. Какъ дитя,
Я по складамъ въ духовной книгѣ мысли
Вторично подвизалась! Но дитя
Одни слова безпечнымъ языкомъ
Лепечетъ запинаясь; для меня
Подъ каждымъ словомъ грустное значенье,
Тяжелый смыслъ таинственно выходитъ
Изъ памяти туманной, — и боюсь,
Боюсь я этихъ призраковъ былаго! —

АККОРДЪ.

Что хочешь ты, о лира пѣснопѣнья?....
За чѣмъ такъ жалобно, такъ томно стонешь ты?
Давно тебя забыли вдохновенья,
Давно въ душѣ моей нѣтъ творческой мечты!....

Иль вновь ты думаешь любимыхъ струнъ игрою
Обворожить мой умъ, мнѣ сердце оживить?....
Нѣтъ, чары прежнія безвластны надо мною,
Пѣвицей страстныхъ чувствъ, какъ прежде, мнѣ не быть!

Одна изъ струнъ твоихъ.... гармоніи стеченье, —
Твоя нѣжнѣйшая, сладчайшая струна,
Дающая другимъ и жизнь и выраженье, —
Увы!.... ея ужъ нѣтъ.... оборвалась она!....

Digitized by Google

Прости, струна любви!.... Навѣкъ ты замолчала!....
Свершилось, — дважды мнѣ не навязать тебя!....
Ты противъ холода и бурь не устояла,
Ты съ стономъ порвалась — и онѣмѣла я!

Но вѣрной до конца была ты назначенью,
Но звукъ послѣдній твой былъ ропотомъ любви;
И вторили всегда души моей влеченью,
Брацанья и мелодіи твои!

И если той любви отринутъ даръ сердечный,
И если отклика нѣтъ пѣснямъ и мечтамъ, —
Отнынѣ замолчу! укроюсь въ тайнѣ вѣчной,
И положу предѣлъ своимъ безумнымъ снамъ!....

Но никогда, — клянусь! — не посвящу *другому*
Ни пѣсней, ни стиховъ, ни вѣщихъ струнъ моихъ!....
Я поклонялася кумиру роковому,
Но идоловъ себѣ не сотворю другихъ!....

Довольно разъ одинъ, въ избыткѣ чувствъ глубокихъ,
Неопытной душой, восторженнымъ умомъ
Воздвигнуть идеалъ всѣхъ совершенствъ высокихъ,
Его боготворить.... и обмануться въ немъ! —

Довольно разъ одинъ, въ слѣпомъ самозабвеньи,
Всей женской гордостью пожертвовать ему,
Надѣяться, мечтать, любить въ уединеньи
И вѣрной быть страданью своему.

Нѣтъ! сердца нѣжнаго я дважды не унижу,
Нѣтъ! въ заблужденіе я дважды не впаду!....
Разочарована, — вблизи ужъ жизнь я вижу, —
И съ зоркимъ разумомъ на встрѣчу ей иду....

А ты, молчи, молчи, о лира пѣснопѣнья!
Забудь бывалыя мелодіи твои!
Ужъ не дышать тебѣ восторгомъ вдохновенья,
Уже не быть тебѣ отзвучіемъ любви!

Digitized by Google

ГЛАВА XIX.

И ОНА ТО ЖЕ....

Vainement croit-on mourir au premier désastre; la vie est tenace; le malheur l'enracine. On se débat, on lutte, on se rélève lentement, peniblement; mais on se relève enfin et une fois debout, — o puérilité!.... On se prend encore à de nouvelles branches de l'arbre toujours doré de la vie!.... L'éspoir rentre au coeur....

(*Léa-Cornélia, par M-me d'Hautefeuille.*)

Elle avait traduit l'avenir en poème. Lorsqu'il lui fallût descendre des hauteurs de cet empyrée dans l'atmosphère temperée de la vie réelle, cette âme dût se pénétrér d'un froid mortel. Elle se demandait avec inquiétude si le monde finissait à l'horison borné qui l'oppressait de toutes parts. Le calme plat de ses jours pesait sur elle comme un manteau de plomb. Fatiguée du repos, elle eût voulu remuer à tout prix les eaux dormantes de sa vie.... Eh! sans doute elle pouvait être bien heureuse.... cependant elle se mourait d'ennui!....

(*Marianna, par Jules Sandeau.*)

I.

Laissez passer la justice de Dieu!....

(*Une formule d'autrefois.*)

25-е Іюня 18.... на Каменномъ-островѣ.

Алина Зурова.... Нѣтъ, — я ошиблась,
Алина Валентовичъ здѣсь опять,....
(Ее звать новымъ именемъ еще неловко мнѣ,—и надо пріучаться!)
Пріѣхала,.... и хочетъ въ Петербургѣ
Навѣкъ себѣ устроить пребыванье.
Но ей, по прежнему, но ей теперь ...
Красавицей блестящею не слыть....
Кумиромъ свѣта моднаго не быть!....
Она, — возможно-ли?.... едва въ полгода,

Digitized by Google

Такъ страшно измѣнилась, постарѣла,
И такъ блѣдна, худа, не хороша,
Что прежнюю спѣсивую Алину, —
Цвѣтущую, веселую, живую,
Никто не узнаетъ. Княжна, княгиня,
Знакомые, родные, — въ изумленьи;
Безъ жалости ее не могутъ видѣть. —
И кажется, она сама, бѣдняжка,
Убѣждена въ печальной перемѣнѣ,
Она скучна, грустна и непривѣтна.
Не любитъ выѣзжать, не любитъ свѣта;
Играетъ въ вистъ....

И мужъ ея такъ страненъ, —
Такъ молчаливъ! Онъ тоже постарѣлъ;
Онъ мраченъ, щекотливъ и раздраженъ
Какъ въ прежніе года, — когда впервые
Я встрѣтила его. Они другъ къ другу
Такъ холодны, такъ чинно церемонны,
Какъ будто непріязнью ядовитой
Смѣнилась ихъ любовь....

—

Мнѣ жаль обоихъ!....

—

Какъ коротка была улыбка счастья —
Для этихъ двухъ!.... Какъ скоро ихъ любовь
Увяла и потухла въ испытаньи
Желаннаго союза и блаженства!....
Какъ страшенъ ихъ примѣръ! Уже-ль, о Боже!
Уже-ль всегда здѣсь каждое желанье,
И каждая надежда въ страстномъ сердцѣ
Обманчивы, непрочны, преходящи?
Уже ль всегда ихъ исполненье губитъ?
И счастіе — загадка *на землѣ*,
Которой *въ небесахъ* намъ скажутъ слово?....

Мнѣ холодомъ повѣяло на душу
Отъ зрѣлища той молодой четы,
Которою недавно любовались, —

Digitized by Google

Пророча ей такъ много красныхъ дней....
И я сама,.... какъ блескомъ счастья ихъ
Я, скорбная, ослѣплена была, —
И какъ безумно ихъ я ревновала! —

II.

Dieu sait-il que je l'aime encore?....
Je ne le dis pas.... je l'ignore,
Je ne descends plus dans mon coeur!....
(*M-me Desbordes-Valmore, les Pleurs.*)

8-е Іюля 18....

Здѣсь всякой день у родственниковъ новыхъ
Бываетъ Валентовичъ. — Иногда
Онъ безъ жены, и въ эти дни уходитъ
Изъ комнаты, гдѣ царствуетъ княжна,
Съ своимъ шитьемъ и чиннымъ разговоромъ;
Къ моимъ сестрамъ садится онъ; и шутитъ
И шепчется весь длинный вечеръ съ ними.
Но взоръ его разсѣянъ, — не на нихъ
Онъ устремленъ,.... ко мнѣ, ко мнѣ одной!
И часто слышу я, что имя Зины
Онъ шепотомъ, украдкой, произноситъ....
Разспросами, догадками о мнѣ,
Томитъ сестеръ моихъ. Онѣ, какъ дѣти,
Довѣрчивы еще и простодушны,
Какъ женщины болтливы, — и ему
Успѣли разсказать всю жизнь мою,
Болѣзнь мою,.... занятія и скуку....
Затворничій мой бытъ вдали отъ свѣта.
Я вздали прислушаться успѣла,
И на лету ловила ихъ слова,
Участіе его.... Но я все дальше
Отъ нихъ сажусь.... Но я и не гляжу
Въ ту сторону.... Теперь, *и я* умѣю
Приличія безомѣнно наблюдать! —

—

Но, для чего, — ему, Алины мужу! —
Зачѣмъ разузнавать ему теперь

Digitized by Google

Что̀ дѣлаетъ, какъ мыслитъ, какъ живетъ,
Какъ мается въ тоскѣ уединенной
Забытая такъ скоро Зинаида?....
Зачѣмъ ему *чужою* заниматься?....
Теперь ужъ не свободенъ онъ, не долженъ
Самолюбиво смѣть желать, и ждать,
Чтобъ я о немъ по прежнему мечтала,
Чтобъ я по прежнему....

Посмотримъ!.... Скоро
Надѣюсь доказать ему, какъ я
Теперь перемѣнилась, поумнѣла,
И равнодушна стала, и легко
Минувшее забыла навсегда!!....

III.

.... Вы должны,
Я васъ прошу меня оставить!

(Онѣгинъ А. Пушкина).

12-е Іюля 18....

Я вся дрожу отъ гнѣва и досады,
Взволнована до слёзъ негодованьемъ....

Какъ смѣлъ онъ, какъ онъ могъ себѣ позволить,
Упрямый этотъ, дерзкій Валентòвичъ, —
По прежнему со мной заговорить?....
По прежнему смотрѣть!.... Какое право
Имѣетъ онъ преслѣдовать меня,
И своевольно нарушать молчанье, —
Холодное и вѣчное молчанье, —
Воздвигнутое мной преградой вѣрной
Межъ *имъ* и мной?....

Что̀ у него за цѣль?....
Не думаетъ ли онъ, что я измѣну
Могла простить, — что въ слабости ничтожной

Digitized by Google

Я, можетъ быть, перенесла её
Покорно, равнодушно?.... Или винить онъ,
Что я должна, какъ смирная овечка, —
Быть тронута теперь возобновленьемъ
Вниманія обиднаго ко мнѣ?....
Нѣтъ! нѣтъ!.... Не знаетъ онъ, не понимаетъ
Моей души чувствительной и гордой,
Расчету мелочному недоступной,
Но тоже недоступной и прощенью!....
Не понимаетъ женскаго онъ сердца,
Въ холодности его неумолимой, —
Какъ прежде онъ его не понималъ
Во всемъ пылу восторга молодаго....

—

Я не могу вовѣкъ ему простить....
Я не должна забыть.... Межъ имъ и мной,
Межъ имъ и мной вся вѣчность!!!

И не я
Тому виной!

—

Сегодня танцовать!
Домашніе всѣ наши собрались,
Нечаянно развеселясь. — Княжна,
Довольная какимъ-то новымъ бантомъ, —
Какъ ласточка порхала и рѣзвилась
Съ моими сестрами; Княгиня Софья
На фортопьянахъ имъ играла вальсы. —
Я, мѣста своего не покидая, —
Одна была въ гостинной, у балкона,
Задумалась; — вдругъ слышу, близъ меня,
Сквозь сумерки въ полголоса сказали:
»Когда-жъ мечтать, когда-жъ скучать однѣ
»Вы перестанете?....« Я содрогнулась, —
То Валентовичъ былъ. — Не знала я
Бѣжать ли мнѣ, иль отвѣчать ему, —

Digitized by Google

И прежде чѣмъ успѣла я рѣшиться,
Онъ крѣпко сжалъ мою нѣмую руку,
Онъ цѣловалъ ее,.... онъ былъ взволнованъ, —
И нѣженъ былъ его знакомый голосъ,
Въ глазахъ его знакомый взоръ горѣлъ....
Испугъ.... досада.... скорбь, ... всѣ чувства вдругъ
Откликнулись во мнѣ мятежнымъ хоромъ:
Какъ въ лихорадкѣ, задрожала я, —
И если памяти я не лишилась, —
То потому, что гордости
Всѣхъ громче гласъ во мнѣ заговорилъ.

»Что̀ съ вами?« — я съ усмѣшкою сказала, —
Опомнитесь,.... я васъ не понимаю!....«
Онъ былъ у ногъ моихъ.... »Прощенья, Зина!!
«О! какъ наказанъ я!..... какъ я обманутъ!!.....
«Какъ хитро разлучить съумѣли насъ!
«И какъ теперь я дорого плачу
«За слабость прошлую, за ослѣпленье!
«За то, что суетно прельстился я
«Любовью суетной и мнимой!..... Знайте, —
«Простить меня должны вы: я несчастливъ!.....
«По прежнему я васъ боготворю,....
«Теперь для васъ одной лишь сердце бьется,....
«Чтобъ съ жизнію отравленной, — съ собой
«Я примириться могъ, — мнѣ нужно видѣть
«Васъ ласковой ко мнѣ и благосклонной, —
«Мнѣ нужно быть, какъ прежде, вашимъ другомъ!!»
— Я слушала его въ оцѣпенѣньи,....
Мнѣ всё не вѣрилось что *онъ, онъ самъ*,
У ногъ моихъ.... я долго не могла
Сообразить, что смѣетъ мужъ Алины,
Мнѣ говорить словами страсти нѣжной....
Но я нашлась: »*По прежнему?!*.... Скажите, —
Что-жъ *прежде* общаго межъ нами было?....
По прежнему?!.... Но право, я не помню,
О чемъ вы говорите, — и зачѣмъ
Вы просите прощенья у меня, —
Что сдѣлали вы мнѣ?« — »О Боже! Зина!

Digitized by Google

«И вто *вы*, такъ строги, такъ жестоки,
«Такъ холодны?.... И *вы*, вы отъ *меня*,
«Вы отъ любви своей, отъ чувствъ святыхъ,
«Съ презрительной насмѣшкой отреклись? —
«Я ничего для васъ?.... Я позабыть,
«Быть можетъ, даже проклять!.... За меня
«Ни слова не замолвитъ сердце ваше?....
«Вы, вѣрно, ненавидите меня?»....
— Нѣтъ, — отвѣчала я, — о нѣтъ, я васъ
И не кляну, и не виню; я къ вамъ
Не чувствую вражды; я равнодушна, —
Не помню, чтобъ въ любви вамъ признавалась,
Не помню, чтобъ любила васъ; вамъ права
Я не дала преслѣдовать меня,
И васъ прошу на-вѣкъ меня избавить
Отъ всякихъ сценъ!.... Не то, самой княгинѣ
Я передамъ всѣ ваши разговоры! —

—

Я бросила его. Я прибѣжала
Къ себѣ, чтобъ скрыть безумный трепетъ мой,
Волненіе мое. Никто не будетъ,
Не долженъ знать объ этомъ разговорѣ, —
Объ дерзости его. Никто, никто!
И я сама хотѣла-бы забыть,
Какъ смутный сонъ, тревожный этотъ вечеръ!....

IV.

О! наша жизнь! гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано!
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты!....

Жуковскій.

18-е Іюля 18....

Да, — онъ несчастливъ!.... Правду онъ сказалъ. —
Алины нравъ испортился совсѣмъ. —
Изъ дѣвочки пустой, но миловидной,
Веселенькой, любезной, — вышла дама

Digitized by Google

Жеманная, капризная и злая.
Съ ея красой увялъ и свѣтскій умъ; —
А зависть, какъ грызучая змѣя
Въ ней поселилась, жжётъ её и бѣситъ, —
И вотъ она бранитъ и гонитъ міръ,
Родныхъ, подругъ, всѣхъ женщинъ молодыхъ,
Все, что̀ свѣжо, и нравится, и мило. —
Въ супружествѣ искала лишь она
Желанное давно и тщетно право
Носить чепецъ и выѣзжать одной....
Владимира она не понимала
И вовсе не любила. — Ей княжна
Натолковала объ его умѣ, —
Представила его героемъ страннымъ
Неизданныхъ романовъ, — и вскружила
Бѣдняжкѣ неразумную головку
Тщеславною мечтой его прельстить,
Его завлечь, — и плѣнникомъ законнымъ, —
Какъ льва цѣпнаго, — всюду представлять
Трофеемъ красоты неотразимой....
Княжнѣ хотѣлось только помѣшать
Любви моей къ Владимиру — какимъ-то
Внушеньемъ дьявольскимъ, извѣстной ей;
Княжнѣ хотѣлось только огорчить
И разсердить семейство Мѣховскихъ,
Особенно Елену; — ихъ она
За дружбу ихъ ко мнѣ терпѣть не можетъ.
И вотъ, ея змѣиныхъ искушеній
Послушалась несчастная Алина, —
Кокетничать съ Владимиромъ пустилась,
Заманивать его любовью ложной....
И свадьба ихъ устроилась, — на зло
И горе длинной жизни ихъ!.... Потомъ,
Увидѣли они свою ошибку. —
Сочувствія, согласія, любви
Межъ ними не бывало никогда. —
Не созданы они для высшей тайны
Любви святой, — любви чистосердечной!....

Digitized by Google

Онъ не для ней, — *она* не для него
Здѣсь на землѣ!! — Они страдаютъ оба,
Обоимъ цѣпь имъ тяжела равно. —
И скука, охлажденье, — сожалѣнье,
Вотъ грустные пенаты брака ихъ!
Ихъ изъ деревни выгнала тоска, —
Тоска по модномъ свѣтѣ у нее,
Тоска по перемѣнѣ у него, —
По чемъ нибудь другомъ.... Онъ о свободѣ,
Несчастный, и мечтать уже не смѣетъ!
Онъ право потерялъ сказать иль думать
«*Я!*« — для него всё *мы*....
Все это я узнала отъ сестры;
Владимиръ подружился съ ней, повѣрилъ
Ребяческой невинности ея
Всю пустоту и скорбь своей души, —
Ей разсказалъ всѣ происки, всѣ козни,
Которыми опутали его, —
Ей разсказалъ мучительную повѣсть
Вседневныхъ, неизбѣжныхъ столкновеній
Съ женою безразсудной и надменной,
Чрезъ мѣру избалованной богатствомъ
И лестію.... И Наденька о немъ
Груститъ и сожалѣетъ; онъ для ней
Какъ мученикъ высокихъ чувствъ своихъ.
И я бояться-бъ стала за нее,
Ундину свѣтлорусую мою,
Когда-бъ не знала я, что въ этомъ сердцѣ
И въ этой головѣ, спокойно все,
И мирно, и безпечно, — до поры,
Еще не наступившей для нея,
Поры любви, волненья и страданья....
Когда о мужѣ суетной Алины, —
Послушникѣ причудъ ея капризныхъ,
Съ участьемъ Надя долго говоритъ,
Я слушаю безмолвно, размышляя....
Дитя! что, если-бъ вѣдала она,
Какъ много слёзъ онъ стоилъ мнѣ когда-то.....

Digitized by Google

V.

There are in short whose days present
A constant scene of painful strife.

(*Barton, the Evergreen.*)

21-е Іюля 18....

Когда къ себѣ пришла я отъ обѣда,
Букетъ цвѣтовъ, рукою неизвѣстной
Мнѣ принесенный безъ меня, лежалъ
На низенькомъ окнѣ. — Я удивилась:
Кто могъ мнѣ принести, или прислать
Таинственный букетъ?.... Справляюсь въ домѣ, —
Безъ насъ, весь флигель запертъ былъ; — никто
Не приходилъ, и въ комнатѣ моей
Все оставалось тихо.... Но окно
Выходитъ въ полисадникъ, до него
Изъ улицы добраться можно было, —
Его не закрывали. — Стало быть,
Изъ улицы букетъ мнѣ принесенъ!....

Беру его.... записка въ немъ таится....
Руки знакомой почеркъ узнаю....
И Надинькѣ цвѣты передаются! —
Записку же не вскрытую, — въ пакетъ
Я тотчасъ запечатала: она
Отправлена по почтѣ городской,
Куда ей слѣдуетъ вернуться.... Нѣтъ!
Читать ея не стану....

И зачѣмъ?....
Я ни внимать, ни вѣрить не хочу
Напраснымъ и обманчивымъ словамъ, —
Словамъ, мнѣ сказаннымъ *его* умомъ. —
Не сердцемъ! нѣтъ! я вѣрить не должна,
И слушать даже было бы безумно!....
Межъ нами грѣхъ, межъ нами все былое,....
Иной обѣтъ и женщина другая!

Digitized by Google

VI.

When pride steels the bosom, the heart is unbending

(Byron, Hours of idleness).

25-е Іюля 18....

Меня преслѣдуютъ.... Меня хотятъ
Склонить, завлечь.... Покоя не даютъ....
Сейчасъ въ работномъ столикѣ своемъ
Я нахожу опять письмо съ кольцомъ.
Но ужъ письмо надписано рукою
Чужою, неизвѣстною: — пришлось мнѣ
Его прочесть.... — Кольцо же я узнала! —
То самое, что женщиной любимой,
Но вѣроломной, было въ старину
Подарено.... что долго у Елены
Хранилось, какъ залогъ вражды и горя,
И въ руки мнѣ досталось такъ чудесно,
И такъ необъяснимо до сихъ поръ, —
Въ день святочныхъ гаданій, въ самый день
Пріѣзда Валентовича, — и первой
Моей съ нимъ встрѣчи, — встрѣчи роковой
Для участи моей, какъ мнѣ казалось
Во время оно.... Время то прошло!

—

Кольцо мнѣ предлагаютъ, какъ залогъ,
Что прежнія любви воспоминанья
Мнѣ жертвуютъ; что сердца всѣ мечты,
Минувшее и будущее въ жизни
Отнынѣ *лишь одной* принадлежатъ....
Письмо наполнено безумныхъ клятвъ,
Моленій страстныхъ, горести глубокой, —
И тяжкихъ неутѣшныхъ сожалѣній. —
Елены именемъ меня онъ проситъ
Его простить: ему сказать въ отраду
Участья и любви одно лишь слово....
Нѣтъ.... Этому не быть!.... Нѣтъ! я должна

Digitized by Google

Казаться непреклонной и скорѣй
Сегодня-жъ прекратить отвѣтомъ строгимъ,
Рѣшительнымъ, всѣ просьбы, всѣ исканья,
Всѣ опыты надъ твердостью моей,
И письма, и букеты, и посланья....
Но какъ мнѣ быть?.... Ни посылать къ нему,
Ни говорить при всѣхъ съ нимъ не могу я!
А случая и средства выжидать,
Наединѣ, тайкомъ, съ нимъ объясниться, —
Я не хочу, чтобы не быть ни въ чемъ
Сообщницей его! чтобъ онъ не смѣлъ
И думать о безумномъ снисхожденьи, —
Чтобы не дать ему отрады сладкой
Сближенія минутнаго со мной! —
Чужіе мы!.... Останемся чужими!
Онъ не услышитъ больше голосъ мой....
Писать?!.... О! это хуже во сто разъ!
Короткости въ письмѣ гораздо больше, —
И больше правъ оно даетъ, чѣмъ рѣчи;
Письмо ужъ есть *отвѣтъ*.... Мнѣ отвѣчать
Не должно непростительнымъ словамъ! —

—

О! знаю!!.... Я при немъ, — при всѣхъ, — безстрашно
Въ гостинной, подъ часами положу
Его письмо, его кольцо, — и Надя
Ему на нихъ укажетъ; — онъ тогда
Ихъ долженъ будетъ взять. — А я забуду
Тетрадь мою, — ту записную книгу, —
Что знаетъ онъ издавна, — что читалъ
Такъ часто, такъ внимательно, такъ гордо,
Бывало, онъ, старался въ ней найдти
Желанныя признанья и намѣки....
Теперь онъ въ ней найдетъ слова другія: —
Упреки, назиданья — откровенье
Одной моей холодности къ нему!....
Отвѣтъ получитъ онъ, — послѣдній, твердый, —
Безъ имени, безъ подписи, и въ книгѣ
Начертанный, какъ выписка простая
Изъ новаго романа!.... Онъ пойметъ!!....

Digitized by Google

VII.

Отвѣтъ, написанный Зинаидою въ альбомъ.

Ce coeur n'est plus à toi!.... je te sauve un remords!....

(*M-me Desbordes-Valmore.*)

О! не волнуй меня напрасно,
Коварный, хитрый мой кумиръ!
Не воскрешай мечты опасной,
Не нарушай мой шаткій миръ!
Дай отдохнуть душѣ стѣсненной,
Дай закоснѣть въ разлукѣ ей, —
Дай ей забыть минувшихъ дней
Сонъ безразсудный, но священный!....

И что тебѣ во мнѣ?.... Какъ съ дѣтской простотой,
Какъ съ первымъ пламенемъ любви первоначальной,
Я не могу любить.... Какой-то хладъ печальный
Съ глухимъ безчувствіемъ теперь владѣютъ мной.
Блестящій душный свѣтъ, лесть, суетность пустая
Въ немного знойныхъ дней испортили меня;
Вкусивъ отраву ихъ, гласъ опыта внимая,
Боготворить тебя ужъ не умѣла-бъ я!

Когда моложе я, довѣрчивѣй была, —
Когда высокихъ чувствъ душа во мнѣ просила,
Когда сердечною я жизнію жила,
Безумно, преданно, безъ словъ тебя любила, —
Ты равнодушенъ былъ!.... О мнѣ ты не жалѣлъ!
Ты сердцемъ любящимъ, какъ дивомъ любовался;
Спокойный, — ты моимъ волненьемъ забавлялся,
Холоднымъ зрителемъ на скорбь мою смотрѣлъ....

Благодарю тебя!.... Своимъ пренебреженьемъ
Ты вразумилъ меня, покой мнѣ возвратилъ!
Меня, прозрѣвшую, надъ долгимъ заблужденьемъ,
Надъ дѣтской глупостью смѣяться научилъ!

Digitized by Google

Теперь все кончено межъ мною и тобою, —
Теперь ужъ для меня не милъ, не страшенъ ты;
Я встрѣтила тебя съ безтрепетной душою,
Ты тѣнь минувшаго, ты тѣнь моей мечты!....

Вотъ непритворное признанье,
Вотъ исповѣдь тебѣ моя! —
Своихъ рѣчей очарованье
Ты поздно тратишь для меня!
Внимать тебѣ опасно-бъ было....
Я впредь хочу, я впредь должна
Быть какъ статуя холодна,....
Быть безотвѣтна какъ могила.

VIII.

Proudly spoken, heart of mine!....

(*Miss Jewsbury, the Evergreen.*)

28-е Іюля 18....

Онъ видѣлъ ... прочиталъ.... съ тѣхъ поръ прошло
Уже три дня, — сюда онъ не являлся! —
Такъ понялъ онъ!.... Я рада! Слава Богу!....
Послѣднее минуло искушенье,
И мимо пронеслось.... Теперь, ни что̀,
Ни что̀ не будетъ мнѣ тревогой скучной,
Ни что̀ ужъ не напомнитъ мнѣ былое, —
Забытое!.... Я мудро поступила,
Собой довольна я....

Но почему
Такъ грустно мнѣ,.... неизъяснимо грустно?....
Зачѣмъ вокругъ меня такъ пусто все?....
Зачѣмъ-же одиночество мое
И сиротство души, какъ будто вдвое
Больнѣе мнѣ и тяжелѣе стали?....
Спокойна я.... такъ отъ чего-жъ несчастна?....

Digitized by Google

IX.

La nouvelle destinée où j'entrerai après cette destinée mortelle, sera-t-elle calme et supportable?....

(*Georges Sand, Lettres d'un Voyageur.*)

17-е Августа 18....

Князь Мирскій снова здѣсь. И снова онъ
Мнѣ говоритъ лишь о любви своей,....
Онъ проситъ, убѣждаетъ, умоляетъ
Отказъ мой прошлогодній отмѣнить,
Подумать, какъ онъ крѣпко, вѣрно, свято
Меня любилъ, — хоть былъ отринутъ мной....
Онъ цѣлый день то здѣсь, въ гостяхъ; — то ходитъ,
То проѣзжаетъ мимо.... Я вездѣ
Его встрѣчаю; всюду слышу имя
Его, произнесенное съ хвалою....
Всѣ просятъ за него, — и князь Василій,
И Надинька.... всѣ надоѣли мнѣ!....
Ужъ я отказъ готовила вторичный, —
Но вотъ, при мнѣ, съ Алиной разсуждая
О немъ, княжна сказала съ колкимъ смѣхомъ,
Что онъ женихъ прекрасный и готовый
Для Лизы Зуровой, меньшой графини, —
Сестры Алины.... О! такое слово,
Такой намёкъ завистницы моей, —
Ея обидный смѣхъ, обидный взглядъ, —
Они меня рѣшили!.... Уничтожу
Ея расчетъ, и всѣ ея гоненья, ...
Освобожусь отъ этой тяжкой жизни,
Подъ кровлею одной съ враждебнымъ, хитрымъ
И злобнымъ существомъ, — моею язвой,
Моимъ безсмѣннымъ демономъ!.... Отъ всѣхъ
Освобожусь, бездушныхъ, безсердечныхъ,
Надменныхъ Столбиныхъ! — Освобожусь
И отъ Владимира.... на вѣки, да!!....
Сегодня-же я Мирскому скажу,
Что я согласна быть.... его женой!

Digitized by Google

X.

I offer up affections
Void, violent and vain!
.....
I offer up my memory,
'Tis a drear and darkened page!
.....
I offer hopes, whose folly
Only afterthoughts can know!....
(*Miss L. E. Landon.*)

19-е Августа 18....

Я объяснилась съ Мирскимъ.... Въ тотъ же день
Онъ говорилъ съ княгинею; потомъ
Опекуна согласія спросились,
На совѣщанье позвали весь домъ,
Послали церемонно и за мною, —
Поздравили, — и я теперь невѣста!!....

Невѣста Мирскаго!!.... О! какъ судьба
Мечтами, мнѣньями, и волей нашей
Играетъ произвольно и нелѣпо!!....
Того ль ждала,.... того-ль желала Зина, —
Смиренная, сердечная, простая,
Поклонница не суетнаго блеска, —
Не почестей, не злата, не гербовъ, —
А тихаго, домашняго блаженства
И счастія двухъ любящихъ сердецъ?....,

—

Князь, — мой второй отецъ, — креститъ меня,
На радостную жизнь благословляетъ....
Доволенъ онъ: онъ долгъ исполнилъ свой, —
Онъ сироту блистательно пристроитъ....
Онъ безприданницу княгиней видитъ....
Чего-же больше?.... Сестры въ восхищеньѣ
Цѣлуютъ руки мнѣ.... твердятъ, что я
Сіятельной и знатной дамой буду, —

Digitized by Google

Всѣхъ ослѣплю алмазами своими,
Всѣхъ превзойду успѣхами въ гостинныхъ!....
И Надинька ужъ о приданомъ бредитъ....
И рады за меня онѣ, что скоро
Изъ рукъ княжны урвусь я, что отнынѣ
Свободна я, спокойна.... и любима,
Любима Мирскимъ,.... *львомъ, красавцемъ, княземъ!....*
Княжна удивлена, сердита даже, —
Занемогла мигренемъ, пожелтѣла!....
Алина морщитъ бровь; княгиня Софья,
И мужъ ея, всѣ прочіе, ко мнѣ
Съ привѣтами, улыбками, участьемъ
И поздравленьемъ тотчасъ поспѣшили. —
Всѣ веселы. — Для дома ихъ, вѣдь честь,
Что дѣвушка, живущая у нихъ,
Такую партію могла составить.
Богъ съ ними!.... Мнѣ теперь ужъ все равно,
Чистосердечно-ли, или притворно
Участье ихъ.... Я разстаюся съ ними, —
Мнѣ не до нихъ: волненье, безпокойство
И тайный страхъ за будущность мою, —
И мысли, полныя смятенья, грусти, —
Вотъ что теперь тревожитъ душу мнѣ!....

—

Невѣста Мирскаго!.... Что̀ скажетъ *онъ̀*,
Когда молва о томъ дойдетъ къ нему?....

XI.

Un chant couvre parfois bien des cris de martyre:

(*M-me Anaïs Ségalas.*)

25-е Августа 18....

Слова сердечныя, слова любви святой,
Не понялъ нѣкогда, не внялъ кумиръ холодный,
Вотще превознесенный мной:
И нынѣ, отъ цѣпей, отъ старыхъ клятвъ свободна,
Стыжусь своей тоски былой!....
Отвергнуто слѣпое заблужденье,

Digitized by Google

Сулимое мечтой я на яву нашла, —
Существенность смѣнила сновидѣнье,
Надежда новая въ душѣ моей взошла!
О! какъ любима я!.... Какъ сердце молодое
Возобновилося и ожило во мнѣ,
Почуя, что его вполнѣ
Вдругъ сердце понято другое!....
Какъ тѣсно жребіи и участи свои
Связали клятвою всесильною они!
Пусть это знаетъ *онъ*, — холодный горделивецъ!
Пусть вѣдаетъ, что даръ любви моей
Съ восторгомъ, съ радостью ждетъ пламенный счастливецъ.....
Что страсть его мнѣ льститъ, что я вѣрюсь ей,
Что я блаженствую.... за слезы прежнихъ дней!....

XII.

Il se peut que j'ae le coeur fatigué, l'esprit abusé par des idées fausses, mais j'en meurs, vois-tu!....
(Georges Sand, Lettres d'un Voyageur.)

30 Августа 18....

Спокойна я!!.... Въ душѣ моей
Утихло прежнее волненье,
И пагубной любви кипѣнье,
И легкомысліе страстей!!
Свободна я!.... Тоска былая
Теперь отъ сердца отлегла,
Мнѣ веселъ свѣтъ, мнѣ жизнь мила,
Мнѣ льститъ вся будущность златая.
Ласкающій, всесильный зовъ
Забавъ и счастья я внимаю,
Я къ нимъ стремлюся: — я желаю
Узнать восторгъ младыхъ годовъ....
Я горе мрачное забуду,
Я разцвѣту душою вновь,
Съ безпечными безпечна буду,
И истреблю свою любовь!....

—

Увы!.... Безумныя мечтанья,
Души больной мгновенный бредъ!....

Digitized by Google

Ни въ чемъ, ни въ чемъ очарованья
На поприщѣ земномъ мнѣ нѣтъ!
Напрасно къ бытію, къ стремленью
Я пробудить себя хочу,
Напрасно хладному забвенью
Я сердце страстное учу! —
Въ груди вдругъ вспыхнетъ искра жизни,
Чадъ свѣта голову вскружитъ,
Но совѣсть гласомъ укоризны
Тотчасъ въ душѣ заговоритъ:
И сердце мигомъ встрепенется
Отъ освѣжительнаго сна,
И снова въ немъ любовь очнется,
И вновь меня томитъ она.
Боюсь!!.... Что̀ сбудется со мною?....
Боюсь взглянуть въ пустую даль....
Когда-жъ я примирюсь съ судьбою,
Когда-жъ пройдетъ моя печаль?....
Съ моей душой вольнолюбивой,
Какъ стану въ тѣсномъ мірѣ жить?....
Я научусь ли быть счастливой?
Я научусь ли разлюбить?....

XIII.

I only know we loved in vain,...
I only feel: „Farewell! farewell!...“

(*Byron, Miscellaneous Poems.*)

18-е Сентября 18.... Въ городѣ.

Въ морскую службу записался вдругъ
Владимиръ Валентòвичъ!.... И вчера
Отправился ужъ онъ на кораблѣ, —
Объѣхать цѣлый свѣтъ. Причисленъ онъ
Къ коммиссіи ученыхъ; имъ даны
Задачи, порученья, предписанья
По разнымъ отраслямъ науки; имъ
Открытій много предстоитъ свершить....
И много подвиговъ, трудовъ, бореній,

Digitized by Google

Опасностей ихъ ждетъ въ пути далекомъ!....
На сколько лѣтъ отправились они?....
Невѣдомо!.... Корабль вооруженъ
Какъ для войны, — и даже, статься можетъ,
Не разъ ему случится въ дѣлѣ быть.

Всѣхъ изумилъ, всѣхъ испугалъ ужасно
Владиміръ предпріятіемъ своимъ. —
Отъѣздъ его былъ вовсе неожиданъ,
Страсть къ морю непонятна никому....
Друзья его старались удержать,
Знакомые, — пугали страхомъ смерти:
Встревожились и Столбины! — Алина
Въ отчаяньи, въ слезахъ. Она его
Просила, умоляла, заклинала
Перемѣнить намѣренье свое, —
Остаться здѣсь, — онъ былъ неумолимъ!
Онъ говорилъ, что праздный шумъ столицы,
Бездѣйствія убійственная скука
Въ немъ губятъ мысль, и душу, и здоровье;
Что въ странствіяхъ и дѣятельной жизни
Духовное найдетъ онъ возрожденье....

Лишь Наденька одна качала грустно
Умильною головкою своей, —
И говорила мнѣ, что догадалась,....
Что жаль ей путника, его тоски, —
Но что онъ самъ лишь виноватъ во всемъ....

Всѣ Зуровы, всѣ Столбины, и сестры,
И я, мы ѣздили въ Кронштадъ, на рейдъ,
Чтобъ проводить его. — Онъ насъ не ждалъ, —
И не доволенъ былъ; прощаться чинно
Съ людьми, къ которымъ онъ такъ равнодушенъ,
Несносною ему казалось пыткой....
Въ одинъ свободный мигъ, никѣмъ не зримый,
Онъ подошелъ ко мнѣ, мою взялъ руку,
Поцѣловалъ её, и крѣпко сжалъ....
Перекрестилъ меня. При разставаньи
На долго, — можетъ статься, *навсегда*,
Я не противилась; въ глазахъ моихъ

Digitized by Google

Онъ видѣть могъ глубокой скорби слёзы....
Но говорить, мнѣ недостало силы,
И оправдать себя я не могла....
И *понялъ ли меня* онъ наконецъ,
Въ разлуки часъ, въ минуту роковую?....
Открылось ли ему, что въ этомъ сердцѣ, —
Измученномъ и бѣдномъ сердцѣ Зины,
Любовь къ нему по прежнему горитъ?....

Ужъ поздно вечеромъ, въ ненастье, въ бурю,
Расправилъ паруса корабль огромный, —
И отплылъ медленно подъ грозный гулъ
Торжественно напутствующихъ пушекъ.
Я видѣла, какъ въ облачной дали
Тонула палуба,.... потомъ и мачты,
И парусовъ бѣлѣющія тѣни....
Я видѣла, какъ волны уносили
Того, ... того, кто былъ, въ душѣ моей,
Владиміромъ *могилъ*, — моей надеждой,
Моей звѣздой.... *Того*, кто отнялъ отнынѣ
Лишь Валентовичемъ, чужимъ, запретнымъ,
Невольнымъ привидѣньемъ для меня....
Я видѣла, какъ въ мракѣ и дали
Онъ медленно, таинственно терялся....
Какъ исчезалъ на небосклонѣ онъ,
Такъ точно, какъ исчезнетъ онъ и въ жизни
Невѣсты князя Мирскаго.... Потомъ, —
Потомъ и мы въ обратный путь помчались.

И нынѣ я больна; лежу въ постелѣ;
И грудь моя, и голова горятъ ...
Горятъ огнемъ снѣдающимъ; въ глазахъ
Все кружится, темнѣетъ, угасаетъ....
Конечно, я вчера въ ненастный день,
На холодѣ, у моря, простудилась....
.....
.....

Конецъ дневника Зинаиды.

Digitized by Google

ГЛАВА XX.

ЭПИЛОГЪ.

Wo ich sey, und wo mich hinge wendet
Als mein flücht'ger Schatte dir entschwebt?....
Hab' ich nicht beschlossen und geendet, —
Hab' ich nicht geliebet und gelebet?....
(*Schiller*).

Не узнавай, куда я путь склонила,
.....
О друг! я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила!
(*Переводъ В. А. Жуковскаго*)

И что̀-же сдѣлалось съ моею Зинаидой?....
Чѣмъ дней дѣвическихъ заключено житье?....
Чѣмъ въ свѣтѣ поминать теперь должны ее, —
Блестящей свадьбою, иль панихидой?....
Когда её встрѣчалъ у церкви звучный клиръ,
Онъ *многи лѣта* ей пропѣлъ, иль *вѣчный міръ*?....

Забыла ли она ребяческое горе,
И первую любовь, и юныя мечты?
Хоромы княжія ей любы иль пусты?
Что̀ ей супружество, — вседневныхъ бурей море,
Иль полусонный прудъ, гдѣ вѣчно тишь стоитъ,
И сердце охвативъ, въ плѣну его хранитъ?....

—

Но, можетъ быть, она не въ княжій домъ попала, —
Въ могилу темную.... но, можетъ быть, она,
Любовью и тоской до̀ время сражена,
Безсильна, немощна, увы! не устояла
Въ борьбѣ съ судьбой, съ людьми и съ страстію своей?....
О! гдѣ она теперь? О! что же сталось съ ней?....

—

И вы, читавшія разсказъ ея смиренный,
Простую исповѣдь восторженной души, —
Вы вѣрно молоды, вы вѣрно хороши,
Вы вѣрно женщина?.... И съ думой умиленной
Съ слезой сочувствія слѣдили вы за ней,
Сквозь испытанія ея тревожныхъ дней?....

—

Digitized by Google

Вы озабочены теперь ея судьбою,
Неконченная быль васъ сердитъ и томитъ?
Но пусть, но пусть надъ ней таинственно лежитъ
Завѣса вѣчная!.... Но предадимъ покою
Разсказа грустнаго неполные листы! —
Вы Зины участью напрасно заняты:

—

Той Зины больше нѣтъ!!.... Святое *Вдохновенье*
Ужъ въ ней *Дѣйствительность* убила навсегда;
Прошла, прошла для ней поэзіи чреда,
Въ ней полное сбылось души преображенье,
И если межъ живыхъ осталася она,
То въ мудрость свѣтскую вполнѣ посвящена!

—

Той Зины больше нѣтъ!.... Княгинею блестящей,
Въ алмазахъ, бархатѣ и шали дорогой
Вы въ свѣтѣ встрѣтите ее, — и тамъ порой
Своей любезностью среди толпы шумящей,
Веселымъ, ловкостью, она васъ удивитъ,
И въ свой богатый домъ на балъ васъ пригласитъ.

—

Быть можетъ, съ ней вчера вы долго толковали
О шляпѣ щегольской, о новыхъ кружевахъ;
И съ ней злословили; и съ гордымъ смѣхомъ въ прахъ
Другую женщину нещадно растоптали
За то, что пылкою душой увлечена, —
Любить осмѣлилась, безумная, она!....

—

Напрасно ей дало благое Провидѣнье
Нравъ независимый, младую красоту,
И сердце нѣжное, и свѣтлую мечту,....
Дѣйствительность убила *Вдохновенье!!*....
Въ гробу ли спитъ она, иль украшаетъ свѣтъ, —
Повѣрьте, все равно: — ужъ прежней Зины нѣтъ!!....

Гр. Евд. Ростопчина.

(Село Анна, 1842 г. — Село Воронцово 1850 г.)

Digitized by Google

НЕУДАЧНЫЙ МАСКАРАДЪ.

РАЗСКАЗЪ.

На одномъ вечерѣ, въ одномъ домѣ, гдѣ иногда, за невозможностью составить танцы или партію преферанса, толковали и о русской Литературѣ, рѣчь зашла о тѣхъ статьяхъ, которыя начали было появляться въ одномъ изъ нашихъ журналовъ подъ общей рубрикой: *Разсказовъ о житейскихъ глупостяхъ.*

— Эти статьи очень мнѣ нравятся,—сказала малоденькая дѣвушка;—онѣ легки, забавны и коротки. Вотъ три условія, которыя я люблю въ литературѣ.

— Если вы любите разсказы подобнаго рода,—подхватилъ, бывшій тутъ же, какой-то говорунъ и разскащикъ анекдотовъ,—такъ я вамъ разскажу исторію объ отличнѣйшей глупости одного изъ моихъ пріятелей.

— Разскажите, разскажите! — раздалось со всѣхъ сторонъ. — Когда слышишь о чужихъ глупостяхъ, такъ самъ себѣ какъ-то кажешься умнѣе.

Разскащикъ началъ.

Былъ бурный зимній вечеръ, и надобно еще прибавить, что это было на Святкахъ. Въ маленькой комнаткѣ, очень маленькаго и ветхаго деревенскаго домика, вполовину занесеннаго снѣжными сугробами, сидѣли двѣ старушки; одна худощавая и желтая, какъ мумія, съ завострившимся носомъ, съ выдавшимся впередъ подбородкомъ; другая довольно пол-

Digitized by Google

ная, съ круглымъ, плоскимъ лицомъ,—и обѣ съ мутными, плохо видящими глазами. На первой былъ довольно чистенькій, бѣлый чепчикъ и ситцевыя кофта и юбка; на второй китайчатая шубейка и на головѣ платокъ. Первая была хозяйка дома, очень небогатая помѣщица; вторая ея сосѣдка, дворянка изъ той же деревни пришедшая къ ней на вечерокъ. По костюмамъ ихъ, которые нынче ужь вовсе вывелись въ томъ сословіи, къ какому принадлежали онѣ, можете опредѣлить эпоху разсказа, т. е. что произшествіе случилось еще во время моей молодости.

Обѣ старушки сидѣли около стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ и стоялъ чайный приборъ со всѣми принадлежностями. Комната была освѣщена по праздничному. Двѣ сальныя свѣчи ярко горѣли по сторонамъ самовара, подлѣ котораго собесѣдницы, казалось, наслаждались полнымъ комфортомъ, не смотря на то, что въ то время никто еще не имѣлъ и понятія объ этомъ словѣ. Прислушиваясь къ шуму вѣтра, гудѣвшаго на улицѣ и съ громомъ потрясавшаго ставни, онѣ все ближе и ближе ютились къ теплу и свѣту, и съ новымъ, неистощимымъ наслажденіемъ приступали къ каждой вновь налитой чашкѣ чая. Хозяйка хотѣла наливать себѣ ужъ шестую чашку, а сосѣдкѣ, у которой и зубы были покрѣпче для прикуски сахару, и желудокъ, должно быть, вмѣстительнѣе, чуть ли не осьмую, когда сосѣдка наконецъ сказала:

— Не погодить ли маленько, Анна Никитишна; а то мы весь чай сопьемъ. Любови Карповнѣ ни чего не останется.

— Нѣтъ, кушай еще чашечку, Дарья Ивановна, а тамъ я подбавлю свѣженькаго чайку. Побѣжала на минутку, проказница, да вотъ дрогнетъ цѣлый часъ на стужѣ. Надобно согрѣть ее тепленькимъ.

— Какъ это вы позволяете?—замѣтила сосѣдка.

— Какъ быть-то, матушка, дѣло молодое, дѣвичье.... Бывало на святкахъ-то я и сама какого, какого гаданья не придумаю. Палашка!—прибавила барыня, обращаясь къ дѣвкѣ, которая прислуживала около чая, въ затрапезномъ платьѣ

Digitized by Google

и въ шерстяныхъ чулкахъ безъ башмаковъ, — поди, покличь барышню.

— Я ужъ ходила.

— Что же она?

— Сказали: отвяжись, надоѣла!

— Экая безстрашная! того не подумаетъ, что ноги промочитъ, простудится. Чтожь она тамъ дѣлаетъ?

— Стоятъ за амбаромъ да слушаютъ, гдѣ лаютъ собаки.

— А лаютъ?

— Лаютъ.

— Ахъ, Дарья Ивановна,—сказала Анна Никитишна съ горемъ,—вѣдь Орелко-то мой околѣлъ. А сторожъ-то, сторожъ какой былъ!.. Гдѣжь лаютъ? — прибавила она, обращаясь опять къ Палашкѣ.

— Далеко гдѣ-то. По вѣтру-то слышно какъ будто въ той сторонѣ, къ Крутому.

— Такъ чегожь она еще дожидается?

— Погоди, говоритъ, не пройдетъ ли прохожій! хочу знать, какъ откликнется.

— Экая сумасшедшая! Ну кого дождется она въ такую погоду.

— Вѣдь на дворѣ тепло, барыня, — сказала Палашка.

— Ну ужь ты, потатчица! а того не подумаешь, гадкая, что снѣгъ по колѣни; чай ей полны башмаки насыпались.

— Поди-ко ты, Палагеюшка, — сказала сосѣдка, — надѣнь отцовъ тулупъ и шапку, да обмани ее. Откликнись какимъ нибудь мужскимъ именемъ, да помудренѣе.

— И въ самомъ дѣлѣ, — прибавила Анна Никитишна, — обмани ее, такъ скорѣй придетъ.

Обрадованная этой выдумкой, Палашка опрометью бросилась изъ комнаты.

— Откликнись хоть Ефтифіемъ, Палагеюшка, — закричала ей вслѣдъ сосѣдка.

— А что, Анна Никитишна, — прибавила она по минутномъ молчаніи, — пора бы вамъ дочьку-то замужъ.

Digitized by Google

— Охъ, мать ты моя, и подумать-то страшно, отдать ее на чужія руки. Вѣдь еще ребенокъ, ничего не смыслитъ, — всего только девяднатцатый годокъ пошелъ. Да и за кого отдать? Нынче всякой наровитъ взять съ деньгами, а гдѣ онѣ у меня?

— И, матушка, ваша Любовь Карповна безприданница.

— Хороша-то хороша, нечего сказать, — подтвердила мать съ самодовольствіемъ.

— Опять же у васъ коли денегъ нѣтъ, такъ есть имѣньеце.... Конечно, дай Богъ пожить и вамъ, отъ слова не станется, — а послѣ васъ ей же пойдетъ. Да и въ домѣ-то у васъ, нечего Бога гнѣвить, и все хозяйственное заведеніе въ порядкѣ и всякаго добра довольно.

— Ужь разумѣется, коли къ чему придетъ, Любоньку голышомъ не отдамъ. Деньгами наградить не могу, а платьемъ и бѣльемъ снаряжу не хуже другихъ.

— Ну вотъ слава Тебѣ Господи! А мы и женишка найдемъ, которому денегъ не нужно; былъ бы только человѣкъ.

— Что ты, Дарья Ивановна! Кто же это такой?

— Да хоть бы Евтифій Михеичъ.

— Вотъ не ожидала-то! сколько разъ бывалъ, а никогда и виду не подастъ никакаго. Сидитъ, глазъ на Любоньку не подниметъ, словно и не видитъ ее.

— Несмѣлъ, матушка, больно несмѣлъ. Видите ли, вотъ ужь съ годъ я замѣтила, какъ пріѣдетъ къ намъ, да побываетъ у васъ или увидитъ Любовь Карповну въ церкви, и пойдетъ задумываться. — Что, молъ, вы, Евтифій Михеичъ? — «Да ничего, говоритъ, тетушка, такъ что-то скучно.» А нынче ужь и не вытерпѣлъ. «Видно, говоритъ, пришелъ часъ воли Божіей. Сосватайте, говоритъ, тетушка, мнѣ невѣсту, Любовь Карповну. Либо на ней, либо ни на комъ.»

— Охъ, матушка, дай ты мнѣ опомниться.... Нечего сказать, человѣкъ хорошій....

— Да ужь такъ-то хорошъ, лучше требовать нельзя. Хоть и сродственникъ мнѣ, а надобно чести приписать, человѣкъ степенный; и годами не ушелъ — всего лѣтъ трид-

Digitized by Google

цать съ небольшимъ, да и мѣстечко-то занимаетъ теплень-кое, — изъ повытчиковъ въ секретари глядитъ.

— Что̀ говоритъ, что̀ говоритъ. Да дѣвка-то, я чай, и руками и ногами.

Дарья Ивановна посмотрѣла на Анну Никитишну съ удивленіемъ.

— Что жъ, матушка, нешто онъ не нравится Любови-то Карповнѣ? Кажется, не гнусенъ собой?

— Не то, Дарья Ивановна, совсѣмъ не то. Лучше-то его никого она и не видывала; гдѣ ей причужать женихомъ въ этомъ захолустьѣ. Да боюсь, замужество-то ей покажется страшно.

— И, Анна Никитишна, Христосъ съ вами! чтобы дѣвушка въ 19 лѣтъ такъ ужь испужалась замужства. Мнѣ самой, когда сказали, что пріѣдетъ смотрѣть женихъ, правда, страшненько стало, а больше какъ-то весело и любопытно.

— Я-то какъ съ ней разстанусь на старости!—всхлипывала сквозь слезъ Анна Никитишна.

Въ эту минуту вбѣжала въ комнату дѣвушка, хорошенькая, полненькая, съ большими, выразительными, голубыми глазами, съ розовыми щечками, еще больше разгорѣвшимися отъ холода. Бѣлокурая головка ея была покрыта алымъ шелковымъ платочкомъ, на плечахъ была накинута довольно поношеная коротенькая шубка на заячьемъ мѣху. Она хохотала, какъ сумасшедшая, и тащила за собой Палашку, одѣтую въ мужской нагольный тулупъ, который ей былъ длиненъ на цѣлые пол-аршина, и въ мужскую шапку, которая нахлобучилась ей на все лицо.

— Хотѣли обмануть! — повторяла дѣвушка, продолжая смѣяться,—хотѣли обмануть! Какъ же, удастся! — И она сшибла съ Палашки шапку.

Взглянувъ на неуклюжій нарядъ Палашки, и увлеченные веселымъ, выливающимся прямо изъ души смѣхомъ дѣвушки, обѣ старухи тоже расхохотались.

— Полно тебѣ, проказница, хохотать-то, — сказала наконецъ Анна Никитишна, поглядывая съ любовью на свое

Digitized by Google

милое дитя;— перемѣни-ко скорѣе чулки, да садись пить чай. Палашка, разуй-ко ее. Ноги-то, я думаю, какъ у гуся.

— Нѣтъ, маменька, на мнѣ по два чулка.

Дѣвушка сбросила съ себя шубку, и осталась въ ситцевомъ платьѣ, голубаго цвѣта, и совсѣмъ еще новенькомъ, но, къ сожалѣнію, скроеномъ и сшитомъ не искусной рукой какой нибудь модистки-француженки, а грубой рукой доморощеной швеи, Палашки. Отъ этого ситцевое платьеце, довольно миленькое цвѣтомъ и узоромъ, не совсѣмъ стройно обрисовывало станъ, на которомъ оно сидѣло. Алый цвѣтъ платочка, скинутаго съ головы и наброшеннаго на шею, слишкомъ рѣзко отдѣлялся отъ голубаго цвѣта платья. Вообще въ нарядѣ Любоньки не было надлежащей гармоніи и такта.

Палашка, по приказанію барыни, начала разувать барышню, и увы! какъ историкъ строгій и безпристрастный, я долженъ сказать на счетъ обуви моей героини истину, еще больше горькую той, которую сказалъ на счетъ ея наряда. На ней были самые простые опойковые башмаки, сильно пахнувшіе кожей, и которые, при томъ, шилъ башмачникъ столько же искусный въ этомъ дѣлѣ, сколько и Палашка въ своемъ мастерствѣ. Подъ башмаками, на каждой ножкѣ дѣвушки, было по два толстыхъ шерстяныхъ чулка... Въ домѣ этомъ, какъ вы можете замѣтить, все было патріархальное: нравы, костюмы, даже самые привычки, потому что Палашка, скинувъ съ барышни башмаки, высыпала изъ каждаго по цѣлой горсти снѣгу, какъ это и предвидѣла Анна Никитишна; и не смотря на то, Любонька нисколько не боялась простуды.

Переобувшись, она начала пить чай, и чтобы придать этому занятію больше занимательности, пошла на споръ съ Дарьей Ивановной, кто больше выпьетъ чашекъ.

— Ну что же вы слышали, матушка, стоя подъ самоваромъ? — спросила Дарья Ивановна, желая какъ нибудь издалека свесть разговоръ на Евтифія Михеича.

— Слышала, въ которой сторонѣ быть мнѣ за мужемъ и какъ будутъ звать жениха, — отвѣчала дѣвушка весело.

— Въ которой же сторонѣ, матушка?

Digitized by Google

— Вонъ туда, далеко. — Дѣвушка указала рукой.

— Вѣдь это къ городу, — сказала сосѣдка, значительно взглянувъ на Анну Никитишну. — А какъ же жениха-то будутъ звать? — прибавила она. — Небось Ефтифіемъ?

— Да, вы научили Палашку-то и думали, что я неузнаю. Нѣтъ, еще прежде ее прошелъ настоящій прохожій и откликнулся.

— Какъ же его зовутъ?

— Солдатъ. — И дѣвушка опять захохотала.

— Что ты, съумасшедшая,— сказала Анна Никитишна, то же засмѣявшись; — придетъ же ей въ голову этакой вздоръ.

— Право, маменька. Стою я и вижу, кто-то идетъ далеко, по улицѣ; а темно, ничего не разберешь. Я и закричала ему: кто идетъ? А онъ какъ гаркнетъ: «солдатъ!» да такъ громко, что я индо вздрогнула, да поскорѣе домой. Тутъ я и встрѣтилась съ Палашкой.

— Видите какъ судьба-то, Анна Никитишна,— сказала сосѣдка: — вѣдь у насъ въ деревнѣ нѣтъ Ефтифія?

— Нѣту, матушка. Былъ Ефтюшка, Сидоровъ сынъ, да ужь давно умеръ.

— Вотъ то-то оно и есть. Отъ того-то Любови Карповнѣ и не пришлось услышать никакого другаго имени. А такъ, шаль прошла, шалью и откликнулась.

Любонька, вовсе не понимая, что такое говоритъ сосѣдка, съ любопытствомъ посматривала то на нее, то на мать.

— Что это тебѣ, Дарья Ивановна, далось это имя, Ефтифій, да Ефтифій? — сказала она наконецъ. — Кабы мнѣ кто такъ откликнулся, я бы плюнула.

— Не плюй, сударыня, въ колодецъ, годится водицы испить. Кабы тебѣ, примѣромъ сказать, откликнулся Ефтифій Михеичъ, неужто ты наплевала бы на него?

Дѣвушка опять посмотрѣла на мать.

— Не круто, Дарья Ивановна, не круто поворачивай дѣло,—сказала Анна Никитишна. — Пожалуй ты у меня ребенка-то въ самомъ дѣлѣ вдругъ испужаешь.

Digitized by Google

Не безпокойтесь, матушка, не въ первой мнѣ эти дѣла-то дѣлать. Вотъ что, моя красавица, — прибавила сосѣдка, ласково обращаясь къ Любонькѣ, — у Ефтифія Михеича давно по тебѣ сердечко болитъ. Да робокъ, самъ-то сказать никакъ не осмѣлится; а мнѣ и говоритъ: тетушка, говоритъ, скажите, говоритъ, Любови Карповнѣ, что я безъ нея жить не могу, что я бѣлаго свѣту лишусь, коли не осчастливитъ;— и много еще говорилъ такого жалкаго....Такъ какъ ты скажешь, моя сударыня, Любовь Карповна, откажешь или прикажешь?

— Сама не знаю, — сказала дѣвушка опустивъ глаза.

— Ты не робей, Любонька, — сказала Анна Никитишна, — я тебя не неволю. Ты у меня не перестарокъ какой. Такъ ты подумай, да и скажи намъ, какія твои мысли? .... А съ моей стороны часъ добрый. Ефтифій Михеичъ человѣкъ хорошій.

— И денежки есть, — подхватила сосѣдка; — станетъ рядить какъ куколку, — ужь это я говорю.

— Маменька, а маменька, — сказала Любонька, подумавъ немного, — подите-ко сюда!

Она отвела мать въ другой уголъ комнаты, и начала говорить шопотомъ:

— Знаете, что Палашка мнѣ сказывала: служивыя-то, что пришли къ намъ третьяго дня стоять, спрашивали ее про меня, хороша ли я. А она говоритъ: красавица. «А коли красавица, говорятъ, такъ долго не засидится; у насъ полковые какъ разъ подхватятъ замужъ.»

— А ты и вѣришь этому?

— А чтожъ?

— Глупая ты, глупая, неразсудливая!.... ну кто имъ велитъ взять тебя. Да они и не заглянутъ въ нашу лачужку.

Любонька опять призадумалась.

— Семъ я, погадаю въ зеркало,—сказала она.

— И, матушка, что ты это затѣваешь вздоръ какой!

— Что тамъ у васъ такое?—спросила сосѣдка, вслушавшись въ послѣднія слова Анны Никитишны, и давно

Digitized by Google

ужъ сгорая нетерпѣніемъ узнать, о чемъ толкуютъ мать съ дочерью.

— Да вотъ, мало ей того, что ходила слушать на улицу, хочетъ еще сидѣть передъ зеркаломъ.

— И, мать ты моя, да о чемъ же тебѣ еще гадать, когда ужь суженый въ очью совершается.

— Отстань ты отъ меня, Дарья Ивановна, съ своимъ суженымъ,— сказала дѣвушка съ сердцемъ.— Ужь коли Евтифій Михеичъ сватается, такъ мнѣ и погадать нельзя.. Экая невидаль: лёгко ли!..

— Ну какъ знаешь, моя сударыня, поддакнула сосѣдка, замѣтивъ, что съ упрямой дѣвочкой противорѣчіемъ ничего не сдѣлаешь;—да вѣдь гаданье-то это страшное. Не ровенъ часъ, что̀ привидится.

— Чему тутъ привидѣться? Извѣстное дѣло, сяду да загадаю: суженый, раженый, за кѣмъ мнѣ быть за мужемъ?— да за кѣмъ быть, того и увижу.

— Такъ-то такъ, а иной разъ вмѣсто суженаго-то увидишь и смерть свою.

— Какъ смерть? пешто это бываетъ?

Всяко случается, моя хорошая. Покойница матушка, царство ей небесное, такія-то страсти разсказывала мнѣ про это гаданье, что и не приведи Господи!...

И мать и дочь снова усѣлись около сосѣдки.

— Что жь она тебѣ разсказывала, Дарья Ивановна?—спросила дѣвушка съ любопытствомъ.

— А вотъ что. Была, изволишь ты видѣть, одна дѣвушка, вотъ хоть бы вы теперь; и за эту дѣвушку сватались два жениха.... Ну, моя матушка, вотъ какъ сватались они, то она и не знаетъ, кого изъ нихъ выбрать-то, — оба, видишь ты, хороши.... И долго тянулось это дѣло; а они оба ходятъ къ ней и подарки носятъ, а она беретъ себѣ да беретъ, а ни тому, ни другому не отказываетъ... Ну, моя матушка, вотъ какъ тянулось это дѣло-то, и приходятъ Святки. Вотъ дѣвушка-то себѣ и думаетъ, семъ-ка я, думаетъ, погадаю, кого изъ нихъ выбрать. Взяла, и накрыла столъ, поставила зеркало, поставила свѣчку, все какъ слѣдуетъ,

Digitized by Google

и сѣла, и сидитъ. А мѣсто-то, прости Господи, выбрала такое, гдѣ и Божьей иконы нѣтъ: сѣла-та она, изволишь ты видѣть, въ банѣ. Ну моя матушка, вотъ и сидитъ она, долго сидитъ.... только, въ самую въ полночь, и видитъ въ зеркалѣ, идетъ къ ней женихъ, и идетъ-то тотъ, котораго она больше любитъ....А другой-то, изволишь ты видѣть, былъ побогатѣе,— вотъ корысть-то проклятая все ее и разбивала въ мысляхъ-то.... Ну, моя матушка, вотъ какъ видитъ она, что женихъ-то идетъ, и обрадовалась человѣку желанному. Только глядь, а за нимъ, въ зеркалѣ-то, и другой стоитъ, да свирѣпой такой и съ длиннымъ предлиннымъ ножемъ въ рукѣ.... Какъ крикнетъ она, сердечная, да только ее и было.... На крикъ къ ней прибѣжала сестра, а она лежитъ на полу, бьется какъ голубь: подъ самымъ подъ сердцемъ рана, весь полъ въ крови, и по зеркалу кровавая струя бѣжитъ.... „Погубила, говоритъ, меня корысть проклятая, да сила нечистая, а больше никто не виноватъ“. Такъ съ тѣмъ и Богу душу отдала....

— Видишь какія страсти, Любонька! — сказала Анна Никитишна.

— А кто же, Дарья Ивановна, смерть-то видѣлъ? — спросила опять Любонька.

— Другая дѣвушка видѣла, сударыня ты моя. То же гадала, и видитъ въ зеркалѣ: смерть за ней стоитъ да и только. Обернулась, никого нѣтъ.... „Ну, говоритъ, знать мнѣ умереть нынѣшній годъ!.... »Думать да думать, тосковать да тосковать, да такъ таки году и не прожила.

Анна Никитишна перекрестилась.

— Сохрани тебя Господи, Любонька, сказала она;—ни за что не позволю тебѣ сидѣть одной передъ зеркаломъ.

— А я, маменька, вотъ что: я сяду смотрѣть въ зеркало здѣсь, у васъ. А то мнѣ и самой страшно.

И не дожидаясь отвѣта, дѣвушка перенесла свѣчи съ чайнаго стола на маленькой столикъ, стоявшій въ простѣнкѣ, между двухъ окошекъ. Поставила зеркало и усѣлась передъ нимъ. Обѣ старухи остались на своихъ мѣстахъ, въ полумракѣ.

— Да здѣсь ты ничего не увидишь, глупенькая!—сказала мать.

Digitized by Google

— А можетъ и увижу.

— Не троньте ее, Анна Никитишна, — прибавила сосѣдка въ полголоса.— Пускай себѣ позабавится; по крайней мѣрѣ ей ужь и думаться не будетъ.

Между тѣмъ Палашка приняла чайный приборъ, и ушла въ дѣвичью, играть въ карты. Въ комнатѣ наступила мертвая тишина. Только вѣтеръ еще пуще началъ выть и гудѣть за стѣной и еще сильнѣе порывалъ ставни. Сосѣдка однакожь, языкъ которой не могъ оставаться безъ движенія долѣе пяти минутъ, начала опять говорить шопотомъ.

— А что, Анна Никитишна, я чай, въ дѣвушкахъ-то и сами вы сиживали передъ зеркаломъ?

— Охъ, грѣшный человѣкъ, Дарья Ивановна, сидѣла.

— Видѣли что нибудь?

— Видѣла покойника, Карпа Василича.... Не то чтобы ясно, а такъ вижу какъ будто лицо, и на лицѣ какъ будто рубецъ.... И видѣла-то въ самую ту зиму, когда онъ былъ раненъ подъ Очаковымъ. Послѣ, когда онъ вышелъ въ отставку да сталъ за меня свататься, я и вспомнила: ну его видѣла да и все тутъ.

— Чудеса! подумаешь ты. Мнѣ то же, матушка, Иванъ Григорьичъ привидѣлся. Ну, какъ есть, вижу бороду, примолвите, онъ вѣдь, по русски въ бородѣ ходилъ. Покойникъ батюшка былъ на эти вещи человѣкъ строгій. «Дура ты, дура, говоритъ; это отраженіе отъ свѣчи». А какое тутъ отраженіе: рыжая борода, да и только....

Тутъ Любонька взвизгнула дикимъ голосомъ и бросилась къ матери. Обѣ старухи тоже невольно закричали.

— Что ты?.... что ты?.... Господь съ тобой! — спрашивала ее Анна Никитишна.

— Смерть! смерть! — кричала дѣвушка въ отчаяніи;— смерть я видѣла!....

Въ ужасѣ она закрыла лицо руками, прижалась къ матери и начала рыдать.

— Перекрестись, моя голубушка,— говорила сосѣдки;— что такое тебѣ привидѣлось?

Digitized by Google

— Смерть я видѣла, — повторяла Любонька; — смерть, бѣлую, страшную!....

— Анна Никитишна, — сказала сосѣдка, — вѣрно ей что нибудь померещилось: дверь-то въ коридоръ не притворена, не прошла ли тамъ Палагея въ бѣломъ платкѣ?

Но Палашка, по первому крику барышни, прибѣжала прямо изъ дѣвичьей, вмѣстѣ съ кухаркой Маланьей, съ отцомъ своимъ и со старостой. Она сказала, что прежде этого въ коридорѣ не была и ни за чѣмъ туда не входила.

Ободренная присутствіемъ прислуги, Анна Никитишна рѣшилась сдѣлать осмотръ по всему дому, чтобъ узнать причину испуга Любоньки.

Если я, въ началѣ моего разсказа, замѣтилъ, что комната Анны Никитишны была освѣщена по праздничному, такъ за то этимъ освѣщеніемъ и ограничивалось освѣщеніе цѣлаго дома; во всѣхъ остальныхъ комнатахъ было темно. И въ прихожей, и въ залѣ, — она же и гостиная, — хоть глазъ выколи. Только въ дѣвичей горѣлъ ночникъ, около котораго, по вечерамъ, и собиралась вся прислуга Анны Никитишны обоего пола, а въ томъ числѣ и староста, очень часто приходившій туда, въ праздничные вечера, поиграть съ Палашкинымъ отцомъ въ шашки. Осмотръ начали съ коридора, но въ немъ никого не было, да по видимому и быть не могло: черезъ коридоръ прибѣжали люди изъ дѣвичей, и при томъ онъ былъ въ половину освѣщенъ изъ комнаты Анны Никитишны, — дверь которой выходила въ коридоръ и, какъ замѣтила сосѣдка, была не притворена. Освидѣтельствовавъ коридоръ, заглянули въ залу — и всѣ остолбенѣли отъ ужаса.... Тамъ стояли четыре бѣлыя фигуры, закутанныя, съ головы до ногъ, въ длинные саваны. Когда свѣтъ отразился на нихъ, фигуры зашевелились, и изъ-подъ савановъ показались четыре мертвыя головы, съ оскаленными зубами.... При этомъ зрѣлищѣ, снова страшный крикъ раздался по всему дому. Анна Никитишна съ сосѣдкой бросились опять въ ту же комнату, въ которой сидѣли, а прислуга разбѣжалась кто куда попалъ. Палашка сама не помнитъ, какъ очутилась въ кухнѣ, кухарка Маланья

Digitized by Google

въ скотной, староста въ первой крестьянской избѣ, а Палашкинъ отецъ у старосты на дворѣ....

Староста однакожь первый опомнился отъ испуга. Собравъ караульщиковъ и кое-какъ отыскавъ разбѣжавшуюся дворню, онъ пошелъ наконецъ провѣдать барыню. Снова осмотрѣли весь домъ, но ужь не нашли ни мертвецовъ, ни даже малѣйшихъ признаковъ, откуда являлись они и куда исчезли. Палашкинъ отецъ, Василій, старый единственный лакей Анны Никитишны, которому она строго приказывала, каждый вечеръ, запирать изнутри дверь лакейской, и потомъ ужь идти сидѣть въ дѣвичью, ясно доказалъ, что и на этотъ разъ приказаніе барыни было имъ исполнено въ точности. Пока староста, съ караульщиками, осматривалъ прочія комнаты, онъ побѣжалъ прямо въ лакейскую и потомъ закричалъ: «Подите сюда, добрые люди, посмотрите, могъ ли тутъ кто нибудь пройдти?» Дѣйствительно староста и караульщики увидѣли, что дверь заперта на крючокъ. Исправность Василья еще больше утвердила всѣхъ въ томъ, что мертвецы были дѣйствительные мертвецы, потому что черезъ лакейскую имъ войдти было невозможно, а если бы они вошли черезъ дѣвичью, то ихъ бы увидѣли. Только одинъ караульщикъ, малой молодой и бойкой, не совсѣмъ убѣждался въ общемъ мнѣніи, и предложилъ вопросъ: точно ли Василій заперъ дверь съ вечера, или заперъ ее въ ту минуту, когда прежде всѣхъ вошелъ въ лакейскую и потомъ началъ кликать людей? Тотъ же караульщикъ намекнулъ еще, что Василій, съ вечера, былъ *по праздничному*, и что хмѣль съ него соскочилъ ужь послѣ испуга. При этомъ вопросѣ и этомъ намекѣ, самъ староста посмотрѣлъ на Василья сомнительно; но Василій торжественно побожился дочерью своей, Палашкой, что онъ не кривитъ душой. Зная, что Палашка всякой день бранится съ отцомъ и, заботясь о его поведеніи, часто прячетъ отъ него вино, которымъ онъ любилъ запасаться, всѣ засмѣялись; а между тѣмъ вопросъ караульщика, какъ дѣло темное, такъ и остался на душѣ Василья.

Въ эту ночь, въ маленькомъ домикѣ Анны Никитишны, никто не смыкалъ глазъ. Тѣ, которые видѣли мертвецовъ,

Digitized by Google

съ ужасомъ толковали о нихъ; тѣ, которые не видали, съ ужасомъ слушали эти толки. А у Любоньки къ утру сдѣлался жаръ и бредъ.

Въ это время я служилъ въ армейскомъ полку, и полкъ нашъ только что пришелъ на зимнія квартиры, въ уѣздъ. Эскадроны расположились по деревнямъ, а я, по разнымъ надобностямъ, остался дней на пять въ полковомъ штабѣ.

Въ полку былъ у меня задушевный пріятель. Не скажу вамъ его фамиліи, не скажу даже настоящаго его имени, тѣмъ больше, что имя его было слишкомъ обыкновенное и для повѣсти не очень красивое, т. е., въ родѣ Петра или Ивана. Для большаго благозвучія назову его Владимиромъ. Онъ былъ человѣкъ очень богатый, очень хорошо образованный, очень молодой, очень хорошей фамиліи и очень красивой наружности. Мы жили съ нимъ всегда на одной квартирѣ, дѣлили пополамъ каждую копѣйку, И тутъ, также какъ и всегда, онъ занялъ квартиру для насъ обоихъ. Изъ полковаго штаба я пріѣхалъ прямо къ нему.

Я спросилъ его, успѣлъ ли онъ познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ помѣщиковъ.

— Да, — сказалъ онъ, — сдѣлалъ знакомство славное. Не знаю даже, возможно ли и поправить то, что я натворилъ.

И онъ въ самомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно встревоженъ.

— Что же случилось?

— Да вотъ не дальше какъ третьяго дня собралось насъ человѣка четыре. Начали толковать, куда бы съѣздить и какъ бы провесть Святки повеселѣе. По собраннымъ справкамъ оказалось, что въ окружности помѣщиковъ очень мало, да и тѣ живутъ далеко, и что ближайшая наша сосѣдка, какая-то очень небогатая вдова Миронова, у которой прехорошенькая дочька. Загорѣлось желаніе ѣхать къ Мироновой ѣхать тотчасъ же. Это было ужъ вечеромъ. Сначала намъ показалось, что, и ѣхать въ первый разъ въ домъ въ это время неловко. Потомъ мы опять разсудили, что въ деревнѣ церемониться нечего, особенно съ барыней такого ро-

Digitized by Google

да, какъ эта Миронова, о которой мы успѣли собрать свѣденія довольно подробныя. Пока мы судили и толковали, мнѣ пришла мысль, по поводу Святокъ, ѣхать на этотъ вечеръ въ маскахъ, если не въ удовольствіе старухи, такъ по крайней мѣрѣ въ удовольствіе ея бѣдненькой дочьки, которая сидитъ въ четырехъ стѣнахъ и не видитъ свѣту Божьяго. Эта мысль всѣмъ понравилась. Стали придумывать костюмы, стали, за неимѣніемъ настоящихъ масокъ, вырѣзывать кое-какія изъ бумаги. Случайно прорѣзали на одной маскѣ и глаза и ротъ и мѣсто для носа до того огромные, что изъ нея вышла, ни дать ни взять, мертвая голова. Я нарѣзалъ еще на челюстяхъ зубы, надѣлъ маску — и товарищи ахнули отъ ужаса. Они нашли, что если къ этой маскѣ надѣть еще саванъ, то это выйдетъ мертвецъ совершенный. — Чего жь лучше, — замѣтилъ я, — чѣмъ намъ придумывать другіе костюмы, которыхъ мы едвали и наберемъ, поѣдемте мертвецами. А чтобъ не напугать старушку, явимся мертвецами любезными, разговорчивыми. Разскажемъ что-нибудь о нашей смерти, хоть то, напримѣръ, что мы вмѣстѣ съ покойнымъ Мироновымъ брали Очаковъ и тамъ положили свои головы. Потомъ пропляшемъ какой нибудь адской танецъ, а за тѣмъ скинемъ свои страшныя личины и изъ героевъ Очаковскихъ преобразимся въ современныхъ. — Вздумано, сдѣлано. Живо вырѣзали изъ бумаги еще три мертвыя головы, смастерили саваны изъ простынь — и отправились. Мы думали, что пріѣдемъ обыкновеннымъ порядкомъ, въ обыкновенный господскій домъ, т. е., что насъ подвезутъ къ крыльцу и что въ прихожей мы найдемъ хоть сальный огарокъ и хоть одного заспаннаго лакея, который бы могъ доложить, что пріѣхали маски; но, на бѣду, вышло иначе. Вечеръ былъ темный, дорогу занесло; мы заѣхали, откудато, съ задней калитки, увязли лошадей, и рѣшились до крыльца идти пѣшкомъ. Непогода разыгралась страшная. На дворѣ мы не встрѣтили ни человѣка, ни собаки, а за шумомъ вѣтра никто не слыхалъ и того, какъ вошли мы въ домъ. По крайней мѣрѣ въ первой комнатѣ было темно и насъ никто не встрѣтилъ; въ

Digitized by Google

другой тоже. Когда намъ удалось войдти такъ незамѣтно, мы рѣшились и продолжать наше путешествіе тѣмъ же порядкомъ. Двигаемся впередъ осторожно, и наконецъ, въ боковой комнатѣ, черезъ маленькій коридоръ, видимъ свѣтъ. Дверь отворена, и прямо противъ нея сидитъ дѣвушка передъ зеркаломъ. Мнѣ опять пришла мысль, подойдти къ ней незамѣтно и показаться въ зеркалѣ, не въ страшной маскѣ моей, а въ настоящемъ видѣ; только прежде хотѣлъ я заглянуть и послушать, есть ли еще кто нибудь въ комнатѣ. Но едва я успѣлъ подойдти къ двери, свѣтъ упалъ на меня, бѣлая фигура моя и страшная маска отразилась въ зеркалѣ, и бѣдная дѣвушка съ отчаяннымъ крикомъ бросилась прочь отъ него. Испугъ дѣвушки перепугалъ всѣхъ насъ. Я отступилъ опять въ темную комнату, къ товарищамъ. Сначала мы хотѣли уйдти, но одумались, что гораздо лучше открыть себя, чѣмъ оставить дѣвушку подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха. Пока мы разсуждали, какъ начать объясненіе, на крикъ дѣвушки сбѣжался весь домъ, къ намъ вошли со свѣчами, и мы въ ту же минуту хотѣли снять маски; но при первомъ нашемъ движеніи, при первомъ взглядѣ на наши мертвыя головы, отъ насъ все опять побѣжало съ страшнымъ крикомъ и воплемъ, и мы опять остались въ потьмахъ. Комната, которая была прежде отворена, заперлась. Мы попробовали войдти туда, но при первомъ стукѣ въ дверь, крикъ за нею до того усилился, что мы сочли за лучшее сыскать кого нибудь изъ людей и послать съ объясненіемъ къ господамъ, но и это не удалось. И люди и дѣвки — все разбѣжалось, попряталось, заперлось такъ, что мы не могли отыскать ни одной живой души. Неудача шутки нашей взбѣсила насъ; глупый суевѣрный страхъ всего этого народа заставилъ наконецъ потерять всякое терпѣніе. Мы уѣхали, отложивъ объясненіе до утра, а между тѣмъ поутру я узналъ, что дочь Мироновой лежитъ въ горячкѣ. Къ счастью, вчера же пріѣхалъ полковой нашъ докторъ. Я ему разсказалъ все. Онъ поѣхалъ провѣдать дѣвушку, какъ будто узнавъ о ея болѣзни случайно,—и я жду его съ не-

Digitized by Google

терпѣніемъ, потому что болѣзнь ея лежитъ у меня на совѣсти и сильно меня тревожитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ и докторъ.

— Ну что?—спросилъ Владимиръ.

— Не хорошо,—отвѣчалъ докторъ; — чистая горячка. Впрочемъ натура крѣпка, выдержитъ. Только надобно поскорѣе разувѣрить ее, что она видѣла не настоящаго мертвеца, а живаго.

— Да какъ же это сдѣлать, если она безъ памяти?

— Прежде всего надобно разувѣрить мать. А потомъ ужь я растолкую ей, какъ передать это дочери и въ какую минуту.

— Когда жь надобно это сдѣлать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Полагаю, что больная дня черезъ три, если не совсѣмъ избавится отъ безпамятства, такъ по крайней мѣрѣ по временамъ станетъ приходить въ сознаніе. Вотъ тутъ-то и нужно будетъ ее успокоивать.

— А что мать говоритъ?

— Мать сама въ страшномъ отчаяніи. Она тоже вполнѣ вѣритъ, что это были призраки сверхъестественные. Говоритъ, что въ тотъ годъ, когда умеръ ея мужу, ей такъ же представлялось бѣлое привидѣніе. Однимъ словомъ, если бы не болѣзнь дочери, которая пробудила въ ней всю послѣднюю энергію, я полагаю, что она и сама свалилась бы отъ страха.

— Поѣдемъ къ нимъ, — сказалъ мнѣ Владимиръ.

— Когда?

— Сей часъ же. Чѣмъ скорѣе начну я поправлять мою глупость, тѣмъ скорѣе успокоюсь.

— Не думаю однакожь, — замѣтилъ докторъ,—чтобъ твое признаніе могло заслужить тебѣ расположеніе старухи. Она проклянетъ тебя за твою неосторожность, и можетъ быть станетъ еще жаловаться.

— Ну дорогой я придумаю, какъ съ ней объясниться,— сказалъ Владимиръ, всегда нетерпѣливый и нелюбившій откладывать того, что задумалъ.—Поѣдемъ!

Digitized by Google

Мы поѣхали.

Насъ привезли къ небольшому двору, обставленному кругомъ разнаго рода хозяйственными строеніями, крытыми соломой и размѣщенными безъ всякой симметріи и плана, а просто, какъ говаривалъ одинъ мой знакомый архитекторъ, по перстному указанію. Передняя сторона двора огораживалась деревяннымъ, некрашеннымъ заборомъ, съ балясинами, и съ такими же точно воротами, только, видимо, недавно реставрированными, потому что бѣлизна ихъ новыхъ балясинъ ярко отдѣлялась отъ звеньевъ забора, почернѣвшихъ и заплеснѣвѣвшихъ отъ времени. Посереди этого двора стоялъ, словно старый лубочный коробъ съ прорѣзанными окошками, бревенчатый домикъ, очень мрачной наружности и тоже крытый соломою, только съ низенькимъ тесовымъ навѣсомъ надъ крыльцомъ. Не смотря на полуденную пору, ворота, по старинному обычаю, были затворены; но на этотъ разъ въ домѣ Анны Никитишны оказалось больше исправности, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда пріѣзжали маски, вѣроятно потому, что отъ нея очень недавно уѣхалъ гость, нашъ полковой докторъ; и вѣроятно по поводу того же визита Василій, выбѣжавшій отворить намъ ворота, былъ еще въ полной своей парадной амуниціи, т. е. въ сюртукѣ изъ толстаго домашняго сукна, съ огромными мѣдными пуговицами, въ пятакъ величиной.

Когда мы вошли въ переднюю, Палашка съ любопытствомъ заглянула на насъ изъ другой комнаты, и побѣжала доложить барынѣ о пріѣздѣ гостей. По увѣсистымъ и очень звучнымъ шагамъ ея, тотчасъ можно было заключить, что и она сверхъ вседневной своей комнатной обуви, т. е. чулокъ, нарядилась еще въ башмаки, самой прочной работы.

— Милости просимъ, — сказала старушка выходя къ намъ, — милости просимъ, дорогіе гости. Только пожаловали вы ко мнѣ въ несчастное время: дочь у меня больна при смерти.

По тревожному, озабоченному лицу Анны Никитишны было очень замѣтно, что ей вовсе не до насъ, и что если бъ она хотя сколько нибудь была знакома съ обычаемъ: не

Digitized by Google

принимать гостей, то вѣрно не приняла бы и насъ. Но этотъ обычай былъ до того чуждъ старинныхъ нравамъ нашимъ, и въ особенности нравамъ небогатыхъ деревенскихъ помѣщиковъ, что Аннѣ Никитишнѣ онъ не могъ придти и въ голову.

— Мы именно по этому-то случаю и пріѣхали къ вамъ, — сказалъ Владиміръ; — пріѣхали съ тѣмъ, чтобъ успокоить васъ и извиниться передъ вами, что мы, вовсе неумышленно, надѣлали вамъ столько безпокойства.

Тутъ онъ разсказалъ, какъ все случилось. Въ доказательство, онъ показалъ страшную маску и весь свой костюмъ, который привезъ съ собой.

Анна Никитишна долго не могла опомниться отъ изумленія, выслушавъ этотъ разсказъ. Крестясь и творя молитву, дивилась она, какъ могли люди крещеные надѣть на себя личины мертвецовъ. Но со всѣмъ тѣмъ было очень замѣтно, какъ обрадовалась она, узнавъ естественную развязку этого, по ея мнѣнію, сверхъестественнаго и зловѣщаго явленія. Она была похожа на человѣка, проснувшагося послѣ страшнаго сна.

— Слава тебѣ Госцоди! — говорила она. — Теперь я могу снять смертельный страхъ съ моей Любоньки. Дай только Богъ, чтобъ она поскорѣе опомнилась.

— Такъ какъ во всемъ виноватъ я, — прибавилъ Владиміръ, — то я счелъ обязанностью упросить нашего полковаго доктора, чтобъ онъ постоянно навѣщалъ больную до совершеннаго ея выздоровленья. Позвольте мнѣ также присылать всѣ лекарства и все, что только для нея будетъ нужно.

Это предложеніе вполнѣ примирило съ нами старуху, которая, какъ большая часть людей прожившихъ цѣлый вѣкъ въ бѣдности, была довольно скупа и разчетлива. Она даже позволила намъ взглянуть на больную, чего Владиміру очень хотѣлось.

Дѣвушка была въ совершенномъ безпамятствѣ. Ея густые, длинные волосы неопредѣленнаго цвѣта, въ безпорядкѣ

Digitized by Google

падали на грудь и плечи; ея глаза были открыты и свѣтились какимъ-то страннымъ огнемъ; ея щеки пылали яркимъ румянцемъ горячки, — но это болѣзненное состояніе не только не уменьшало красоты лица ея, а напротивъ придавало еще ему какую то оригинальную прелесть. Это была красота какая-то дикая, но роскошная, это было что-то похожее на вакханку въ минуту ея изступленія. И какъ-то чудно и грустно было видѣть эту дѣвушку въ маленькой, мрачной комнаткѣ, бѣдно обставленной, на скромной постелѣ, покрытой довольно толстымъ бѣльемъ. Она была похожа на прекрасную картину, нарисованную на темномъ фонѣ и отъ того еще ярче поражающую глаза зрителя.

И личность больной, и опасное ея положеніе, и эта бѣдная обстановка вкругъ нея сильно поразили и Владимира. Онъ вышелъ изъ ея комнаты еще больше печальнѣй, и съ этой минуты все его вниманіе, вся заботливость обратились на нее одну.

На другой же день онъ прислалъ для ея постели свое собственное тонкое бѣлье, ссылаясь на то, что докторъ находитъ это необходимымъ для большаго спокойствія больной. Потомъ, когда начала она выздоравливать, онъ доставлялъ ей всѣ прихотливыя вещи, полезныя въ это время для больнаго, и какія только можно было найдти въ нашемъ небольшомъ уѣздномъ городкѣ. Кромѣ того и самъ онъ всякой день бывалъ у Анны Никитишны. Но когда Любонька пришла въ сознаніе, докторъ запретилъ ему входить къ ней, опасаясь, что всякій разговоръ и всякое волненіе, которое неминуемо должно было произойдти, отъ присутствія посторонняго человѣка, въ дѣвушкѣ, совершенно чуждой свѣтскости, могутъ быть для нея вредны. Между тѣмъ Владимиру нетерпѣливо хотѣлось говорить съ ней. Онъ всякой день просилъ доктора сократить этотъ «карантинный срокъ», какъ называлъ онъ его запрещеніе; — и наконецъ желанная минута настала.

Digitized by Google

Больная всё еще не выходила изъ своей комнаты, но ужъ могла прохаживаться и сидѣть, когда докторъ объявилъ Владимиру, что онъ можетъ ее видѣть. Мы опять поѣхали вмѣстѣ.

Любонька была худа и блѣдна, но опять была хороша, только совсѣмъ въ другомъ родѣ. Большіе, темноголубые глаза ея сдѣлались еще больше, и теперь въ нихъ, вмѣсто прежняго яркаго огня, выражалась какая-то томность, которая разливалась и по всѣмъ нѣжнымъ чертамъ ея лица. Да, надобно сказать правду, это было одно изъ тѣхъ счастливыхъ лицъ, которыхъ ничто не безобразитъ, а къ которымъ напротивъ все идетъ,— и полнота, и румянецъ, и худоба, и блѣдность, и даже не совсѣмъ красивый чепчикъ и не совсѣмъ уклюжій ватный капотъ, которые были на ней. Когда мы вошли, она бодро сидѣла на какомъ-то старинномъ кожаномъ креслѣ, жесткомъ какъ желѣзо, и довольно весело разговаривала. Съ ней была мать и еще какой-то господинъ, который показался намъ довольно оригинальнымъ.

Онъ былъ больше молодъ, чѣмъ старъ, и съ лицомъ довольно цвѣтущимъ, но съ физіогноміей вовсе неопредѣленной. Его тонкія губы и правильный носъ были недурны, но оловянные глаза ровно ничего не выражали. Русые, кудрявые его волосы клочились на головѣ какъ баранья шапка, и поднимались высокимъ тупеемъ. На немъ были, довольно истертый коричневый фракъ стариннаго покроя, съ свѣтлыми пуговками и съ коротенькимъ лифомъ; черная, тоже довольно засаленная, косынка, навернутая на высокій подгалстучникъ; черная, шелковая манишка, очень коротенькій пестрый жилетъ и очень коротенькія брюки неопредѣленнаго цвѣта. Огромныя руки его, и еще больше огромныя ноги въ неуклюжихъ сапогахъ, далеко высовывались — первыя изъ-подъ короткихъ и узкихъ рукавовъ фрака, а послѣднія изъ-подъ короткихъ и узкихъ брюкъ, высоко вздернувшихся. Онъ сидѣлъ на кончикѣ стула, подогнувъ ноги, и обѣими руками держался за колѣни такъ крѣпко, какъ будто боялся, чтобы у него ихъ не украли.

Digitized by Google

При входѣ нашемъ разговоръ прервался. Любонька слегка покраснѣла, и этотъ румянецъ очень мило оттѣнилъ ея блѣдное личико.

— Какъ вы себя теперь чувствуете? — спросилъ ее Владимиръ.

— Ничего; прошло, — отвѣчала она.

— Чтожь ты, Любонька, не благодаришь Владимира Александрыча за его попеченія о тебѣ? — сказала мать. — Сколько онъ переслалъ тебѣ гостинцевъ!

— Какія славныя апельсины вы присылали! — сказала дѣвушка. — А это что вы еще присылали, какъ студень, такое свѣтлое?

— Это апельсинное желе. Оно очень полезно послѣ болѣзни.

— Я его не люблю. Конфекты лучше.

— Вы насъ извините, батюшка, Владимиръ Александрычь, ежели что и не такъ скажемъ, — подхватила старушка. Она у меня еще ребенокъ, никакаго обращенія не понимаетъ.

Разговоръ не вязался. Намъ было трудно найдти предметъ интересный для того круга, въ который попали мы; имъ было трудно найти предметъ интересный для насъ. Замѣтно также было, что кудрявому господину какъ-то неловко съ нами. Онъ повертѣлся на стулѣ, покашлялъ, посмотрѣлъ въ окно, замѣтилъ, что «погодка не такъ-то ладна», потомъ взялъ свой плисовый картузъ и сталъ подходить къ ручкѣ Анны Никитишны и Любоньки. Все это дѣлалъ онъ не совсѣмъ ловко. Поклоны его были похожи на спотыканье, а у дамъ онъ цѣловалъ ручку такъ крѣпко, что чмоканье раздавалось по всей комнатѣ. Въ дверяхъ онъ опять обернулся, чтобъ раскланяться окончательно, и потомъ едва попалъ въ дверь, зацѣпивъ плечомъ за притолку. Анна Никитишна пошла его провожать, и заговорилась съ нимъ.

— Кто этотъ господинъ? — спросилъ Владимиръ у Любоньки.

— Ефтифій Михеичь.

— А кто этотъ Ефтифій Михеичь?

Digitized by Google

— А вотъ племянникъ Дарьи Ивановны, сосѣдки нашей. Служитъ въ городѣ повытчикомъ.

— За чѣмъ же онъ здѣсь, у васъ?

Любонька улыбнулась и опустила глаза.

— Хочетъ жениться на мнѣ, — сказала она.

— И вы пойдете за него?

Дѣвушка уклонилась отъ прямаго отвѣта и отвѣчала косвенно.

— У него много денегъ....

Владиміръ пристально смотрѣлъ на нее, какъ бы желая разгадать, въ какомъ смыслѣ сказаны эти слова.

Дѣвушка опять улыбнулась и опять опустила глаза отъ его долгаго, пристальнаго взора. Она повернула голову къ своей постелѣ, подлѣ которой сидѣла, тронула рукой наволочку подушки и сказала:

— Какое тонкое бѣлье прислали вы.

— Я старался, сколько могъ, загладить мою неосторожность — сказалъ Владиміръ, — и обязанъ былъ заботиться о вашемъ выздоровленіи.

— Это кто напугалъ-то меня?

— Я, — отвѣчалъ Владиміръ.

Тутъ онъ разсказалъ, какъ онъ хотѣлъ показаться ей, сплвъ маску.

— Тогда бы вы не испугались меня? — спросилъ онъ.

— Чегожь бояться, — сказала дѣвушка засмѣявшись. Потомъ пристально оглядѣла насъ и прибавила: — какой славный сертуръ у васъ!

— А фракъ Ефтифья Михеича нравится вамъ?—спросилъ Владиміръ шутя.

— У него есть праздничный фракъ, — сказала дѣвушка очень серьёзно, — синій и съ такими же ясными пуговицами, какъ ваши.... И въ вашихъ все видно, какъ въ зеркалѣ, — она немножко нагнулась къ пуговицамъ Владимира, посмотрѣлась въ нихъ, и потомъ вдругъ прибавила съ какой-то наивной таинственностью: — Знаете что, когда Ефтифій Михеичъ будетъ моимъ женихомъ, онъ хочетъ по-

Digitized by Google

дать на васъ просьбу. Говоритъ, что вы за вашу шутку не отдѣлаетесь одними апельсинами да конфектами, а поплатитесь денежками....

Тутъ послышались тяжелые шаги Анны Никитишны.

— Маменькѣ не говорите, что я вамъ сказала,—прибавила скороговоркой Любонька.

Анна Никитишна замѣтила, что дочери ея пора дать покой, и пригласила насъ въ другую комнату. Владиміръ принялся ее разспрашивать объ Ефтифьѣ Михеичѣ, который, по чему-то, очень заинтересовалъ его.

Біографія Ефтифія Михеича оказалась очень небогата событіями.

Онъ былъ племянникъ Дарьи Ивановны. Поучившись въ Уѣздномъ Училищѣ, вступилъ въ гражданскую службу. Изъ писцовъ пробился въ столоначальники, или, какъ тогда называли, въ повытчики, изъ повытчиковъ, какъ выражалась тетка его, глядѣлъ въ секретари. Съ помощью «умѣренности и аккуратности», онъ скопилъ себѣ небольшой капиталецъ, а обезпечивъ себя такимъ образомъ и со стороны домашней жизни и со стороны службы, задумалъ жениться. По родству съ Дарьей Ивановной, онъ часто бывалъ у нея, а вмѣстѣ съ ней бывалъ у Анны Никитишны — и выборъ его палъ на Любоньку, во-первыхъ по красотѣ ея, а во-вторыхъ и по тому, что имѣньице Анны Никитишны, хотя очень небольшое, но довольно хорошо устроенное, современемъ непремѣнно должно было перейдти къ ея дочери; Ефтифій Михеичъ любилъ мѣшать пріятное съ полезнымъ. Къ этой краткой біографіи Анна Никитишна присовокупила, вмѣсто эпилога, жаркую похвалу его достоинствамъ и откровенное сознаніе въ томъ, что она на этотъ бракъ совершенно согласна. Эпилогъ этотъ, сколько я могъ замѣтить, очень не понравился моему пріятелю.

— Страшно подумать, — сказалъ онъ, когда мы поѣхали домой,—что эта бѣдная дѣвушка осуждена на такую горькую жизнь!

— На какую же?

Digitized by Google

— Прежде всего, никакого образованія, и никакихъ умственныхъ наслажденій; потомъ, никакихъ удовольствій: глушь, захолустье и бѣдность; наконецъ такой мужъ, какъ Ефтифій Михеичъ!.... Удивительная перспектива жизни!....

— Кто не получилъ образованія, т. е. ровно ужъ никакого, тотъ едва ли умѣетъ и жалѣть о томъ, что не получилъ его. Кто родился и выросъ въ бѣдности, тотъ не имѣетъ и понятія объ удольствіяхъ, которые необходимы для насъ; а при понятіяхъ и образованіи Любоньки чѣмъ же ей не мужъ Ефтифій Михеичъ?

— Гм! стало быть ты не замѣтилъ, съ какимъ горькимъ презрѣніемъ объявила она, что онъ хочетъ на ней жениться?

— Напротивъ мнѣ показалось, что она объявила объ этомъ съ нѣкоторымъ хвастовствомъ. Иначе за чѣмъ было бы ей говорить, что у него много денегъ?

— Боже мой, какъ же ты худо понялъ ее!—воскликнулъ Владимиръ.—Сказавъ, что у него много денегъ, бѣдняжка ясно намекнула намъ, что именно по этому только случаю мать приневоливаетъ ее къ такому замужеству; что она должна идти за него по необходимости, отъ того, что бѣдна, а онъ богатъ, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ ней. Да и если бъ онъ ей нравился, развѣ стала бы она съ такимъ милымъ простодушіемъ разсказывать, что онъ хочетъ подать на насъ просьбу? Нѣтъ, она очень хорошо понимаетъ его ничтожество!

Все это говорилъ Владимиръ съ такимъ убѣжденіемъ, что и я наконецъ согласился въ справедливости его замѣчаній. Участь Любоньки начинала казаться жалка и мнѣ.

Визиты наши къ госпожѣ Мироновой повторялись всякой день. Моя обязанность въ это время была толковать съ Анной Никитишной и слушать ея безконечные разсказы о старинѣ, о ея житьѣ бытьѣ съ покойнымъ Мироновымъ, между тѣмъ какъ Владимиръ постоянно былъ занятъ одной только Любонькой. Съ каждымъ днемъ онъ всё больше восхищался ея наивностью, ея простымъ обращеніемъ, чуждымъ всякаго свѣтскаго притворства. Какъ дитя любовалась

Digitized by Google

она его саблей и эполетами, его тонкимъ станомъ, его черными, молодыми усиками; гладила рукой его мягкіе волнистые волосы, называла его хорошенькимъ. Все это было для него до такой степени ново, и, вмѣстѣ съ красотою Любоньки, до такой степени увлекло его, что не больше какъ черезъ недѣлю послѣ перваго разговора съ ней, онъ, въ одинъ вечеръ, объявилъ Аннѣ Никитишнѣ, въ моемъ присутствіи, что желаетъ жениться на ея дочери.

Это предложеніе до того удивило старуху, которой и во снѣ не снился такой женихъ для ея Любоньки, что сначала она приняла его за шутку. Я самъ былъ удивленъ не меньше ея; я видѣлъ, что Любонька очень нравится Владимиру, но я все еще думалъ, что она нравится ему, какъ хорошенькая вещица, какъ куколка, которая и сама не имѣетъ большихъ претензій, и не захочетъ быть вороной въ павлиныхъ перьяхъ. Останавливать моего пріятеля, который сдѣлалъ свое предложеніе, вовсе не предупредивъ меня объ этомъ, было ужъ поздно; но я не вытерпѣлъ, чтобъ не сдѣлать ему нѣсколькихъ замѣчаній и о ничтожномъ происхожденіи дѣвицы Мироновой, и о ея воспитаніи, и о томъ наконецъ, что ей такъ же будетъ неловко въ нашемъ кругу, какъ Ефтифью Михеичу. Владиміръ ничего не хотѣлъ слушать.

— Происхожденіе ея, конечно, не знаменито—сказалъ онъ, — но оно благородно. Отецъ ея былъ дворянинъ и при томъ храбрый солдатъ. Имя ея замѣню я своимъ, да и право было бы глупо отказаться отъ счастья за тѣмъ только, что судьба посылаетъ его мнѣ въ лицѣ бѣдной дворяночки Мироновой, а не какой-нибудь княжны Зизи. Что же касается до образованія Любоньки, то я очень радъ, что она не получила никакого. Я дамъ ей воспитаніе, какое мнѣ надобно, воспитаю ее собственно для себя, — и ты увидишь, какъ разовьются ея умственныя способности, которыя при настоящемъ образѣ ея жизни, не имѣли никакихъ средствъ развиться.

Въ этомъ отношеніи пріятель мой отчасти былъ правъ. Вотъ какъ родилась и выросла Любонька.

Изъ дворянъ солдатъ Мироновъ, продолжая службу свою нѣсколько лѣтъ въ этомъ чинѣ, очень обрадовался,

Digitized by Google

когда наконецъ полкъ его двинули въ Крымъ, по случаю открывшейся войны съ Турками. Мироновъ былъ не плохой солдатъ, и надѣялся когда-нибудь быть генераломъ, во-первыхъ потому, что онъ располагалъ служить, если не до самой смерти, такъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока хватитъ силъ, а во вторыхъ и потому еще, что какъ-то разъ, когда онъ стоялъ часовымъ на какомъ-то посту, около Лимана, «батюшка Александръ Васильевичъ Суворовъ», какъ всегда называлъ его Мироновъ, объѣзжая посты, наѣхалъ и на него. «А что, братъ, глубокъ ли Лиманъ?»—спросилъ его Суворовъ.—Туркамъ по горло, а Русскимъ по колѣно,—отвѣчалъ Мироновъ безъ запинки. »Молодецъ, помилуй Богъ какой молодецъ!—сказалъ Суворовъ. — А какъ тебя зовутъ?» — Мироновъ, — крикнулъ солдатъ твердо и отчетливо, ободрившись еще больше похвалою начальника. «Хорошо, помилуй Богъ хорошо! — похвалилъ опять Суворовъ; — далеко пойдешь!».... Онъ записалъ имя солдата и поскакалъ дальше, а Мироновъ остался въ твердомъ убѣжденіи, что онъ дѣйствительно пойдетъ далеко. Но надежды Миронова и предсказанія знаменитаго полководца не сбылись.

При штурмѣ Очакова, когда въ войскѣ разнеслась вѣсть, что Суворовъ раненъ пулею съ непріятельскихъ укрѣпленій, Мироновъ пришелъ въ страшное ожесточеніе, и полѣзъ на приступъ какъ бѣшеный. Янычаръ ударилъ его саблею по лицу и разрубилъ ему щеку. Кровь брызнула ему въ глазъ и залила весь ротъ; но онъ все продолжалъ лѣзть на стѣну до тѣхъ поръ, пока другой сабельный ударъ не отхватилъ ему прочь кисть правой руки. Тутъ онъ полетѣлъ въ ровъ на груду мертвыхъ и раненныхъ. Богатырская сила и атлетическое сложеніе помогли однакожъ ему выбраться изъ этой груды. Кое-какъ дотащился онъ до того мѣста, гдѣ перевязывали раненныхъ, и тамъ, отъ сильной потери крови, повалился безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, первой мыслью его было спросить: «Живъ ли батюшка, Александръ Васильевичъ?» Когда ему сказали, что живъ, онъ хотѣлъ перекреститься, и тутъ только вспомнилъ, что у него нѣтъ правой руки. Это вос-

Digitized by Google

поминаніе навело его на другую мысль: онъ сообразилъ, что безъ руки, особенно безъ правой, больше служить невозможно, — и, въ первый разъ въ жизни, зарыдалъ какъ баба.... Дѣлать, однако жь, было нечего; получивъ Георгіевскій крестъ и отставку съ чиномъ капрала, онъ по выздоровленіи, отправился на родину, гдѣ впрочемъ родныхъ у него никого не было, и все достояніе состояло изъ одного двора крестьянъ.

И въ отставкѣ Мироновъ не терялъ своихъ военныхъ привычекъ. Мундиръ у него всегда былъ въ исправности, крестъ висѣлъ подъ образами. Зная грамотѣ, въ будни онъ занимался чтеніемъ духовныхъ книгъ дома, а по праздникамъ, одѣвшись въ полный парадъ, ходилъ къ заутренѣ и къ обѣднѣ, пѣлъ и читалъ съ дьячкомъ на клиросѣ.

Знакомство имѣлъ малое. Любимымъ его собесѣдникомъ былъ приходскій священникъ, которому онъ, безчестное число разъ, повторялъ одни и тѣже анекдоты изъ своей военной жизни и съ которымъ толковалъ иногда о Святомъ Писаніи.

Такая тихая, однообразная жизнь была однакожь ему въ тягость. Его безпрестанно глодала и мучила одна и та же мысль, что у него нѣтъ руки и что ему нельзя служить.

Однажды, когда священникъ спросилъ его, отъ чего онъ такъ часто задумывается, Мироновъ отвѣчалъ:

— Такъ, скучно что-то.

— А скучно, такъ жениться.

— Какъ жениться! — сказалъ Мироновъ съ удивленьемъ, — за чѣмъ жениться?

— Богъ дастъ, — наживете дѣтокъ себѣ на утѣшенье, другимъ на поглядѣнье. А то, подъ старость, пожалуй, некому будетъ и напиться подать.

Мироновъ былъ солдатъ Суворовской школы: нравовъ строгихъ, поведенія скромнаго. Онъ не любилъ женщинъ и никогда не думалъ жениться, но мысль, на которую навелъ его священникъ, т. е., что у него дѣйствительно можетъ родиться сынъ, который станетъ служить счастливѣе

Digitized by Google

его, и которому, быть можетъ, удастся пойдти дальше отца, ему понравилась.

— На комъ же жениться? — спросилъ онъ.

— Да вотъ хоть бы на дочкѣ сосѣда, Никиты Ивановича. Дѣвица честная, скромная.

— Хорошо, только я съ ней отъ роду не сказалъ ни одного слова.... При томъ же исколеченная рука, рубецъ на щекѣ.... Пойдетъ ли?

— Вотъ еще! Какого жь ей молодца надобно?

Въ самомъ дѣлѣ Мироновъ былъ молодецъ и красавецъ. Рубецъ на щекѣ немножко испортилъ его, но не обезобразилъ. Каждый разъ, когда онъ стоялъ въ церкви, въ своемъ свѣтло-зеленомъ мундирѣ, съ красными отворотами и съ золотымъ галуномъ, Анна Никитишна очень часто поглядывала на него, украдкой, и съ большимъ удовольствіемъ слушала его звучный, ровный голосъ .... Сватьба сладилась живо, «по-Суворовски», какъ говорилъ Мироновъ.

Но женившись, онъ скучалъ по прежнему, даже чуть ли еще не больше, потому что женитьба была для него только средствомъ, — цѣлью былъ сынъ.... И наконецъ этотъ сынъ родился.

Мироновъ самъ нянчилъ его, не смотря на то, что каждый разъ, когда онъ бралъ ребенка въ свою огромную лѣвую руку и неловко придерживалъ остаткомъ правой руки, у Анны Никитишны сердце обливалось кровью; самъ училъ лепетать первые звуки, и, помня изреченіе Суворова: «Ученье свѣтъ, а неученье тьма», самъ же началъ учить и грамотѣ очень рано. Лѣтъ въ восемъ ребенокъ довольно бѣгло читалъ; въ девять зналъ наизусть всѣ Суворовскія поговорки; въ десять лихо выкидывалъ артикулъ деревяннымъ ружьемъ, которое отецъ купилъ для него, какъ вещь необходимую. Мироновъ видѣлъ въ сынѣ втораго себя, видѣлъ свою будущую славу, всѣ свои надежды; — но и эти надежды опятъ не сбылись: мальчикъ умеръ.... Было и еще нѣсколько сыновей у Миронова, но всѣ они умирали

Digitized by Google

въ дѣтскомъ возрастѣ, и Анна Никитишна горько упрекала мужа за смерть каждаго ребенка: по ея мнѣнію, дѣти умирали отъ того, что отецъ ихъ заучивалъ. Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ супружества, Богъ далъ имъ дочь, Любоньку. «Эту ужъ я не отдамъ тебѣ на муку» — говорила Анна Никитишна. — До дѣвки мнѣ и дѣла нѣтъ, — сказалъ Мироновъ, и махнулъ рукой.

Учить Любоньку грамотѣ онъ дѣйствительно и не думалъ, по тогдашнимъ понятіямъ, что женщина должна знать только свое «кривое веретено»; но когда дѣвочка стала подрастать, онъ очень желалъ, чтобы она побольше сидѣла за рукодѣльемъ и поменьше бы бѣгала и ѣла. За это бывали у него съ Анной Никитишной частыя схватки. «Бога ты не боишься: — говорила она, — хочешь уморить и дѣвку, какъ уморилъ мальчиковъ!....» Мироновъ становился ужь старъ; раны его, къ ненастью, сильно разбаливались, сила воли ослабѣла въ немъ. Поворчитъ, поворчитъ, бывало, на жену, назоветъ ее «бабой дурой», а между тѣмъ опять смотритъ сквозь пальцы, какъ Любонька бѣгаетъ по улицѣ, или качается на доскѣ, перекинутой черезъ бревно, и ѣстъ сдобныя лепешки, которыя мать почти всякой день пекла для нея, потихоньку отъ мужа. Когда Любонькѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, Мироновъ умеръ; и тутъ ужь баловству къ ней матери не было больше никакихъ границъ.

Лѣтомъ цѣлые дни проводила она въ сообществѣ Палашки, которая была постарше ея двумя или тремя годами. То бѣгали онѣ по двору или прыгали въ перегонку на одной ногѣ; то сидѣли на огородѣ подъ старой березой, изъ которой Палашка научила Любоньку тянуть дудочкой сокъ; то отправлялись на рѣчку собирать камушки и бросать ихъ въ воду, а иногда и въ утокъ. Зимой, въ хорошую погоду, Любонька опять бѣгала по двору и играла съ Палашкой въ снѣжки; въ морозъ и вьюгу занималась играніемъ въ куклы — и больше ни чѣмъ. Все вниманіе Анны Никитишны, вся ея материнская нѣжность, сосредоточивались на

Digitized by Google

сна и аппетитѣ дочери. Если Любонька спитъ, Анна Никитишна только о томъ и хлопочетъ, чтобы въ домѣ ничто не стукнуло. «Не тронь дитя почиваетъ, — говорила она,— Христосъ съ ней!» И Любонька спитъ до обѣда. Если Любонькѣ скучно, Анна Никитишна начинаетъ ее кормить то тѣмъ, то другимъ. Слѣдствіемъ этой материнской нѣжности было то, что Любонька въ шестнадцать лѣтъ едва умѣла вязать чулокъ и держать въ рукахъ иголку, за которую взялась она наконецъ, не по принужденію матери, а по влеченію собственной женской натуры, невольно заставляющей каждую дѣвушку въ шестнадцать лѣтъ думать о нарядахъ. Когда пришла пора, потребность получше одѣться, поглаже причесать голову и заглянуть нѣсколько разъ въ день въ зеркало, проявилась и въ Любонькѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и ея занятія. Вмѣсто бѣганья, она чинно прогуливалась, съ той же Палашкой, на тотъ же огородъ и къ той же рѣчкѣ, но онѣ ужъ не прыгали на доскѣ, не бросали камнями въ утокъ, а скромно садились на траву и пѣли въ два голоса: «Чѣмъ тебя я огорчила», и «Вечеръ былъ я на почтовомъ! на дворѣ.» Анна Никитишна радовалась этой перемѣнѣ въ своей дочери, радовалась желанію ея одѣться не хуже другихъ, и, по силамъ и средствамъ, покупала ей наряды на послѣднюю копейку. Она желала бы поставить свою красавицу - дочку наравнѣ съ каждой уѣздной барышней, но кромѣ того, что воспитаніе Любоньки было такъ запущено, около нея не было и ни одного образца ни для науки одѣваться, ни для науки общежитія. Все общество Анны Никитишны состояло изъ извѣстной намъ сосѣдки, еще изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ дворянокъ такого же полета, да изъ какого нибудь Ефтифія Михеича. А *большой свѣтъ* Любонька видѣла, изъ году въ годъ, только на ближайшей сельской ярмаркѣ, гдѣ мать покупала для нея ситцы и платочки, а она, съ робкимъ любопытствомъ всматривалась въ наряды уѣздной аристократіи, изъ числа которой два или три семейства посѣщали иногда эту ярмарку.

Digitized by Google

Въ такой-то глуши выросъ и распустился этотъ полевой цвѣтокъ, прельстившій Владимира. И Владиміръ надѣялся, что цвѣтокъ этотъ разцвѣтетъ еще роскошнѣе въ той холѣ и нѣгѣ, которыя онъ готовилъ ему. Онъ былъ увѣренъ, что образованность быстро и плодотворно привьется къ этой дѣвушкѣ, вышедшей прямо изъ рукъ природы. Онъ, какъ новый Пигмаліонъ (извините за устарѣлость сравненія) хотѣлъ оживить эту статую, и заранѣе восхищался своимъ будущимъ прекраснымъ созданіемъ.

До великаго поста оставалось не много. Владиміръ ни отъ кого не зависѣлъ. Онъ спѣшилъ сватьбой, и въ одну недѣлю съѣздилъ за приданымъ въ Москву, отъ которой квартировали мы близко.

Когда Любонька, послѣ своихъ простенькихъ платьецевъ, увидѣла роскошныя платья, сшитыя по ея мѣркѣ въ лучшихъ модныхъ магазинахъ, увидѣла турецкія шали, серги, фермуаръ и еще множество дорогихъ бездѣлокъ, которыя привезъ ей Владиміръ, она, казалось, забыла весь свѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ и того, кто подарилъ ей всѣ эти вещи. По цѣлымъ днямъ любовалась она своими нарядами, примѣривала ихъ, раскладывала, смотрѣлась въ зеркало. Эта черта не понравилась мнѣ въ ней, а Владимира, напротивъ, восхищала.

— Ты знаешь — говорилъ онъ,—какъ дикари восхищаются нарядами и какъ дорого цѣнятъ они блестящія бездѣлушки, которыхъ никогда не видывали: Любонька теперь точно въ такомъ положеніи. А потомъ, когда она приглядится къ этимъ нарядамъ, когда привыкнетъ къ нимъ, она еще больше будетъ любить того, кто доставилъ ей столько удовольствія.

Я опять согласился съ нимъ, тѣмъ больше, что разговоръ этотъ былъ у насъ на канунѣ его сватьбы.

Вся сватьба была похожа на маскарадъ. По крайней мѣрѣ мнѣ очень смѣшно было видѣть и Анну Никитишну въ модномъ чепцѣ и богатомъ шелковомъ капотѣ, и Василья

Digitized by Google

въ новой ливреѣ, и Палашку въ завиткахъ и въ легонькомъ кисейномъ платьецѣ.

Женившись, Владиміръ тотчасъ же подалъ въ отставку, взялъ отпускъ, и на этотъ разъ совсѣмъ ужъ уѣхалъ въ Москву.

Само по себѣ разумѣется, что медовый мѣсяцъ былъ исключительно посвященъ любви. Потомъ взяли для Любоньки учителей.

Наслышавшись отъ Владиміра, какъ полезно ученье, и не зная еще хорошенько, что это за звѣрь такой, Любонька согласилась, безъ большихъ затрудненій, приняться за уроки. Но всѣ науки, кромѣ танцевъ, плохо давались ей. Изъ Русской и Французской азбуки она не могла заучить въ день пяти буквъ, а за Исторіей и Географіей, о которыхъ ей хотѣли дать первоначальное понятіе чтеніемъ вслухъ, просто засыпала. Скоро ученье ей до того опротивѣло, что при входѣ каждаго учителя она начинала плакать, а потомъ рѣшительно объявила мужу, что она не для того вышла за мужъ, чтобъ учиться, и учиться не хочетъ.... Тутъ только увидѣлъ Владиміръ, что онъ сдѣлалъ страшную глупость, т. е. что онъ женился чуть чуть не на пошлой дурочкѣ, и при томъ на дурочкѣ упрямой и своевольной, характеръ которой безвозвратно былъ испорченъ непомѣрнымъ баловствомъ матери....

— Чѣмъ же это кончилось? — спросили разскащика.

— Не знаю. Съ горя Владиміръ уѣхалъ въ чужіе краи, и вотъ ужь слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ я не видался ни съ нимъ, ни съ его женой.

Когда разскащикъ умолкъ, и когда нѣкоторые изъ слушателей, какъ это обыкновенно бываетъ, начали было дѣлать свои замѣчанія на счетъ его разсказа, какая-то дама, сидѣвшая подлѣ хозяйки, встала, чтобъ ѣхать. Хозяйка проводила ее до дверей, потомъ обратилась къ разскащику.

Digitized by Google

— Начало вашей повѣсти, сказала она, — очень заинтересовало эту даму, но конецъ, замѣтно, ей не понравился. И странно, что она вдрудъ и такъ скоро уѣхала, располагая прежде пробыть у меня цѣлый вечеръ.

— А кто эта дама?

— Госпожа N.

— Боже мой, какую же глупость сдѣлалъ и я!— воскликнулъ разскащикъ съ отчаяніемъ: — я разсказалъ при ней ея собственную исторію.... Вѣдь Владиміръ и Г. N одно и тоже лицо!....

И разскащикъ своимъ собственнымъ промахомъ доставилъ обществу гораздо больше удовольствія, чѣмъ своимъ разсказомъ.

П. Сумароковъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕСТРА МАРІЯ.

(Голландское происшествіе.)*

Солнце всходило.... не лучезарное и радостное солнце Испаніи или Италіи, котораго палящій зной, охвативъ небосклонъ, возвращаетъ къ жизни все, что дышетъ, котораго золотистые лучи, проникая чрезъ темную синеву южнаго неба, возбуждаютъ движеніе и силу во всемъ твореніи — солнце всходило надъ холодною страною Голландіи. Полуоткрывавшіяся облака пропускали слабый свѣтъ, еще безъ теплоты и блеска. Вся природа незамѣтно переходила отъ сна къ бдѣнію и не двигалась еще, хотя уже и не спала. То была жизнь въ молчаніи. Ни крикъ, ни веселое пѣніе, ни полетъ птицъ, ни блеяніе стадъ, не привѣтствуютъ появленія дня. На поверхности отмелей тростникъ склоняется подъ вѣтеркомъ, а морской песокъ, преодолѣвая эти малыя преграды, сыплется

* Эта повѣсть принадлежитъ одному молодому человѣку, подававшему о себѣ прекрасныя надежды; нѣкоторыя изъ его стихотвореній и повѣстей напечатаны были въ лучшемъ Французскомъ журналѣ: Revue de deux mondes. Издатель, помѣщая эту повѣсть нынѣшнимъ лѣтомъ, говоритъ объ авторѣ, недавно скончавшемся: «печаль была звѣздою его жалобной и нѣжной души. Она слышится во всѣхъ его созданіяхъ. Печатая послѣднюю его повѣсть, мы воздаемъ честь его памяти. Сочиненій, запечатлѣнныхъ нравственнымъ чувствомъ, столь высокимъ и чистымъ, не должно скрывать отъ публики, всего менѣе теперь: голоса, вѣщающіе объ укрощеніи и покорности, къ несчастію, стали такъ рѣдки.»

«Эта повѣсть была мнѣ разсказана, говоритъ авторъ въ одной нотѣ, а не выдумана. Дѣйствительность придаетъ ей еще болѣе прелести.»

Digitized by Google

на луга и покрываетъ ихъ зелень облакомъ пыли. Желтоватая рѣка, подернутая береговою тиною, течетъ спокойно, безъ живости и любви, въ ожидающее ее море. Издали, ея воды и берегъ кажутся одноцвѣтными и представляютъ видъ песчаной равнины, если только лучь свѣта, отражаясь на волнѣ, не образуетъ серебристой полосы и не обозначаетъ теченія рѣки. По ней плаваютъ тяжело-нагруженныя барки; ихъ тащатъ припряженныя лошади, которыхъ крѣпкія ноги уходятъ глубоко въ песокъ, вытаскиваются, и опять вязнутъ, и такимъ образомъ подвигаются къ цѣли не торопливо, но и безъ усталости. Сзади ихъ идетъ работникъ, съ бичемъ на плечѣ; онъ не погоняетъ лошадей, не смотритъ ни на текущую рѣку, ни на животныхъ, которыя тащатъ барку; онъ идетъ, и чтобы дойдти, вооружается только постоянствомъ.

Однакожъ, это не общій видъ Голландіи, но одинъ уголокъ картины, которая поражаетъ усталые взоры путешественника, проѣзжающаго сѣверную ея часть, гдѣ, кажется, слышнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, повелѣніе Божіе морю: «до сего дойдеши, и не прейдеши».

Это молчаніе, это спокойствіе предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, эти вездѣ слабыя тѣни, эти огромныя поля безъ движенія, — все вмѣстѣ имѣетъ свою поэзію. Вездѣ, гдѣ царствуетъ молчаніе и пространство, для поэзіи найдется мѣсто; она любитъ все — и веселые виды, и скучныя пустыни; ей, какъ легкокрылой птицѣ, вездѣ можно остановиться, все снесетъ ее, все ее сдержитъ, часто для нея довольно одной былинки.

Голландія, которую Бутлеръ называлъ *кораблемъ, вѣчностоящимъ на якорѣ*, также имѣетъ свою прелесть для того, кто, глядя на нее, размышляетъ. Любуешься медленно, но все-таки любуешься этою землею, которая, находясь въ борьбѣ съ моремъ, каждый день сражается съ нимъ, для того чтобы обезпечить свое существованіе, — этими терпѣливыми и мужественными людьми, которые воздвигаютъ новое укрѣпленіе взамѣнъ разрушеннаго, — этими городами, которые заставляютъ волны протекать у подножія своихъ стѣнъ, идти по начертанной тропѣ, довольствоваться своимъ

Digitized by Google

глубокимъ русломъ, — потомъ этими днями возмущенія, въ которые воды, будто припоминая свои первоначальныя владѣнія, хотятъ завоевать себѣ независимость, выступаютъ изъ береговъ, заливаютъ, разрушаютъ, и наконецъ, побѣжденныя рукою человѣческою, успокоиваются и покоряются снова. Тамъ жизнь походитъ на вечеръ, оканчивающій собою день битвы: есть усталость, гордость и торжество. Безстрастный обитатель этихъ странъ владѣетъ общимъ двигателемъ всего—*непреклонною волею*. Онъ увѣренъ въ успѣхѣ, потому что хочетъ его; онъ спокоенъ, потому что силенъ; онъ дѣйствуетъ медленно, потому что размышляетъ. Въ молчаніи при дѣлахъ важныхъ есть красота, которую душа наша должна научиться понимать, какъ она понимаетъ гармонію пѣнія или цвѣтовъ.

Въ минуту восхожденія солнца, быстро неслась по теченію рѣки лодочка. Два весла сильными взмахами ударяли по водѣ, пѣнили ее и взбрызгивали. Одинъ только человѣкъ сидѣлъ въ лодкѣ; то былъ юноша, рослый, гибкій, ловкій и сильный; онъ направлялъ свой челнокъ по извилистымъ берегамъ, избѣгая середины рѣки, хотя плаваніе было бы отъ того скорѣе, и хотя онъ спѣшилъ, словно боялся опоздать. Но въ этотъ ранній часъ окрестность была еще пуста, и однѣ только проснувшіяся птицы опередили молодаго человѣка. Онъ положилъ близъ себя свою большую шляпу изъ сѣраго войлока, и изъ-подъ его темнорусыхъ волосъ, откинутыхъ назадъ вѣтромъ, ударявшимъ ему въ лице, видны были правильныя черты его лица, его широкій лобъ и немного задумчивые глаза, какіе обыкновенно бываютъ у жителей сѣвера. На немъ была одежда студента Германскихъ университетовъ. По его чрезвычайной молодости было видно, что затворническая на школьныхъ лавкахъ жизнь составляла все его прошедшее, что вдыхать свѣжесть утра, чувствовать,— какъ вѣтерокъ игралъ съ его волосами, и какъ рѣка увлекала за собою лодку, было для него удовольствіемъ совершенно новымъ. Онъ спѣшилъ потому, что въ жизни бываютъ минуты, въ которыя всегда дурно считаешь часы: опережаешь ихъ, а думаешь, что опоздалъ; если нельзя заставить время поторо-

Digitized by Google

питься, по крайней мѣрѣ, всегда бываетъ сладостно ожидать въ томъ мѣстѣ, гдѣ надѣешься встрѣтить ожидаемое: нетерпѣніе становится спокойнѣе, счастіе, кажется, уже началось.

Лодочка обогнула одинъ изъ изгибовъ берега, выдававшійся наподобіе мыса, понеслась еще быстрѣе, какъ будто тотъ*, кто управлялъ ею, увидѣлъ цѣль своего плаванія. Въ самомъ дѣлѣ, въ небольшомъ разстояніи окрестность перемѣнила видъ. Лугъ склономъ доходилъ до рѣки, и густой заборъ изъ наклоненныхъ къ водѣ ивъ, почти безъ корней, — составлялъ съ этой стороны единственную ограду. Въ нѣсколько ударовъ веселъ лодочка приплыла подъ тѣнь ивъ, и остановилась. Весла упали по сторонамъ. Пловецъ бросилъ цѣпь на дерево и прикрѣпилъ лодку, которая тихо качалась, убаюкиваемая рѣкою. Молодой человѣкъ всталъ, и сквозь листья посмотрѣлъ въ даль; потомъ, не довѣряя своему зрѣнію, пропѣлъ вполголоса припѣвъ одной баллады, выражавшей жалобу любви, и полной народной поэзіи. Голосъ его, сначала тихій, для того чтобы не вдругъ перейдти отъ молчанія къ шуму, постепенно повышался съ послѣдними нотами припѣва; но его дрожащіе звуки проскользнули сквозь деревья и замолкли въ травѣ долины, не повторенные эхомъ.

Тогда юноша сѣлъ и сталъ любоваться мирною картиною, представлявшеюся его глазамъ. Сѣрое небо было пасмурно для того, кто смотрѣлъ на него безъ радости и надежды въ сердцѣ. Рѣка тихо катила свои холодныя и мутныя воды. Налѣво долина разстилалась далеко безъ всякаго возвышенія на ея поверхности. Нѣсколько мельницъ подымали на воздухъ свои огромныя крылья, ожидая вѣтра; а вѣтеръ, слишкомъ слабый, проходилъ мимо, оставляя ихъ недвижимыми. Направо, въ концѣ луга, который доходилъ до ивъ, единственной растительности на всемъ этомъ пустомъ горизонтѣ, виднѣлся четвероугольный кирпичный домъ; онъ былъ одинокъ, молчаливъ, правиленъ и грустенъ. Стекла въ окнахъ, тусклыя и зеленоватыя, не отражали солнечныхъ лучей. Позолоченныя форточки отличались своими странными рисунками. Грядки цвѣтовъ рисовались правильными четверо-

Digitized by Google

угольниками на пескѣ сада. Нѣсколько тюльпановъ, наклонивъ свои головки, слишкомъ тяжелыя для стеблей, нѣсколько далій, привязанныхъ къ подпоркамъ изъ бѣлаго дерева, были единственными цвѣтами, которые цвѣли въ глуши и были окружены заборпками изъ самшита. Вѣтеръ, пролетѣвъ мимо ихъ чашечекъ, не уносилъ за собою никакого благовонія. Деревья, рѣдкія и обнаженныя, рабы своеволія хозяина, были подстрижены въ видѣ стѣнъ или принимали тысячу странныхъ формъ. Ихъ зелень была покрыта пылью. Нѣсколько статуй изъ глины были поставлены на поворотахъ аллей и обрисовывали на самомъ узенькомъ пространствѣ самые сложные изгибы; но одна изъ этихъ аллей вела къ ивовой оградѣ. Тамъ природа вступила опять въ свои права, и взоръ отдыхалъ при видѣ этихъ свободныхъ, прихотливо разраставшихся деревьевъ, и при видѣ воды, текущей у ихъ корней: она подмыла землю и дошла до корней; ивы наклонялись къ рѣкѣ, и изъ ихъ согнувшихся стволовъ образовались висячіе мосты, которымъ не доставало только другаго берега. Однакожъ плотина, служившая имъ основаніемъ, была высока на столько, чтобы отдѣлить на нѣкоторое разстояніе деревья отъ воды. Только нѣсколько вѣтокъ, подлиннѣе прочихъ, слегка касались поверхности рѣки и были въ безпрерывномъ движеніи отъ ея теченія. Ихъ вѣтки блистали подъ водой и будто сожалѣли о томъ, что не могли слѣдовать за ея токомъ.

Подъ этимъ-то зеленымъ куполомъ пріютилась лодочка. Тамъ-то мечталъ юноша, смотря на небо, столько же грустное, какъ и его сердце, на волну, столь же невѣрную, какъ и его судьба. Нѣсколько ивяныхъ листковъ задѣвали его лобъ, когда движеніе лодочки приближало его къ деревьямъ; одна рука его свѣсилась за лодку и ощущала свѣжее прикосновеніе воды; тихій и пріятный вѣтерокъ игралъ его волосами; изъ нѣсколькихъ безъименныхъ цвѣточковъ, которые цвѣли у подножія ивъ, подъ защитою ихъ тѣни, исходили по временамъ благоуханія и неслись къ водѣ по волѣ вѣтра; птичка, спрятавшись подъ листьями, пѣла какую-то жалкую мелодію, — а студентъ, качаясь въ лодкѣ, ожидалъ люби-

Digitized by Google

мую имъ дѣвушку. Неблагодарный! онъ обвинялъ время въ медленности и просилъ его поторопиться; онъ былъ нечувствителенъ къ прелести настоящаго. О, если онъ состарѣется, то пойметъ тогда, что его участь давала ему сокровища самыя драгоцѣнныя въ жизни: надежду и молодость!

Вдругъ студентъ вздрогнулъ; онъ всталъ, вытянулся, смотря на листья ивъ, и прислушивался, едва дыша. Листья раздѣлились, и передъ нимъ мелькнуло лице молодой дѣвушки.

— Кристина! — воскликнулъ онъ.

Молодая дѣвушка вспрыгнула на дерево, болѣе всѣхъ наклоненное, и сѣла на эту подвижную скамейку, которая закачалась, не смотря на легкость дѣвушки; нагнувшись, одной рукой она взялась за вѣтки, падающія въ воду, а другой могла достать руку своего друга; онъ съ любовью пожалъ ее; тогда она выпрямилась, и дерево, нѣсколько облегченное, не много поднявшись, казалось, повиновалось ея волѣ; а юноша, сидя въ своей лодочкѣ, началъ говорить, смотря на иву, къ которой прислонилась его любезная.

Кристина Фанъ-Амбергъ не имѣла никакихъ отличительныхъ чертъ страны, въ которой она родилась. Волосы, черные, какъ крыло ворона, большими локонами осѣняли лице, полное силы и выраженія. Ея большіе, проницательные глаза не допустили бы лжи побѣдить ее; брови, почти прямыя, съ сильнымъ выраженіемъ, придали бы, можетъ быть, слишкомъ много характера этой молоденькой головкѣ, если бы прелестное выраженіе чистосердечія и веселости не означало скорѣе ребенка, нежели женщины. Кристинѣ было шестнадцать лѣтъ; маленькое серебряное кольцо придерживало волосы на ея лбу; то было праздничное украшеніе, по обычаю ея родины; но для молодой Голландки праздникомъ былъ тотъ день, когда она видѣла своего друга. На ней было ситцевое свѣтло-голубое платье съ маленькими букетами, а черная шелковая мантилья, назначенная для того, чтобы прикрыть ея талію, была накинута на волосы и падала на плеча, чтобы еще болѣе скрыть ее отъ нескромныхъ взоровъ. Сидя на стволѣ дерева, посреди вѣтокъ и близъ воды, Кристина была прелестна, подобно Офеліи Шекспира. Не смотря на молодость, красоту и

Digitized by Google

любовь, на лицѣ ея замѣтна была глубокая грусть. Товарищъ смотрѣлъ на нее печально, почти сквозь слезъ.

— Герберъ, — сказала молодая дѣвушка, наклонивъ голову къ своему другу, — Герберъ, не будь такъ печаленъ! Предъ нами много еще дней. Герберъ, придутъ лучшіе дни.

— Кристина, они отказали мнѣ въ твоей рукѣ, не пускаютъ меня къ себѣ въ домъ, хотятъ насъ разлучить, успѣютъ въ этомъ, можетъ быть, завтра.

— Никогда!.... — воскликнула молодая дѣвушка, и взоръ ея заблисталъ, какъ молнія, но, тоже подобно молніи, этотъ энергическій взоръ продолжался только одну минуту: его замѣнило выраженіе тихой грусти.

— Еслибъ ты захотѣла, Кристина, еслибъ ты захотѣла!.... Какъ бы легко было бѣжать намъ вмѣстѣ, соединить нашу судьбу на чужой сторонѣ и жить другъ для друга, забытыми и счастливыми!.... Я повезу тебя въ тѣ прекрасныя страны, гдѣ солнце блеститъ такъ, какъ ты видишь его во снѣ; я поведу тебя на вершины высокихъ горъ, откуда взору представляется неизмѣримый небосклонъ. Ты бы увидѣла лѣса съ тысячью разноцвѣтной зелени, рѣзкій и свѣжій вѣтеръ дулъ бы тебѣ въ лицо, и ты позабыла бы эти туманы, эту сырую землю, эти однообразныя поля! Мы бы любили другъ друга въ этихъ прекрасныхъ краяхъ.

Въ то время, какъ Герберъ говорилъ, молодая дѣвушка одушевлялась; ей казалось, что она видитъ то, о чемъ онъ разсказывалъ; ея пламенный взоръ смотрѣлъ на небосклонъ, какъ бы желая проникнуть за его предѣлы, уста ея открывались, какъ бы для того, чтобы подышать горнымъ воздухомъ; но вдругъ она закрыла себѣ глаза руками, и глубоко вздохнувъ, воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, надобно остаться здѣсь!.... Герберъ, это моя родина; но за чѣмъ она заставляетъ меня страдать? За чѣмъ она гнететъ меня такою грустію? Во снѣ, я вспоминаю другое небо, другую землю.... но это только одинъ сонъ! Я родилась здѣсь, и никогда не переходила за ограду этого луга. Вѣрно матушка моя слишкомъ много пѣла у моей

Digitized by Google

Digitized by Google

Евангеліе, что жена оставитъ отца и матерь свою и прилѣпится къ мужу. Она знаетъ мою любовь, и съ тѣхъ поръ, какъ тебя уже не пускаютъ къ намъ въ домъ, я не проронила ни одной слезинки такъ, чтобы матушка не застала меня при этомъ и сама не плакала въ отвѣтъ на мои слезы. Ты не знаешь матушки, Герберъ! Что-то говоритъ мнѣ: и она страдала, и она знаетъ, что надобно имѣть хоть немного на землѣ счастія, также, какъ надобенъ воздухъ для дыханія. Нѣтъ, право, я не удивлюсь, если когда-нибудь, цѣлуя мои волосы, какъ она дѣлаетъ всякій вечеръ, когда мы однѣ, если она скажетъ мнѣ: поѣзжай, мое бѣдное дитя!

— Не могу этому вѣрить, Кристина, она посовѣтуетъ тебѣ слушаться, утѣшиться, позабыть,—а я умру отъ этого!

— Забыть, Герберъ! мать моя не забываетъ, она помнитъ впродолженіе всей своей жизни. Забвеніе — это прибѣжище сердецъ неблагородныхъ. Нѣтъ, мнѣ никто не скажетъ, чтобы я позабыла.

И глаза Кристины заблистали опять мрачнымъ свѣтомъ; но на этомъ пятнадцатилѣтнемъ лицѣ это было какъ бы быстрымъ появленіемъ свѣта, освѣтившимъ его на минуту и опять погасшимъ. То было скорѣе откровеніемъ будущности этой женщины, чѣмъ выраженіемъ настоящей минуты. Душа пламенная обитала въ ней, но эта душа еще не сбросила съ себя дѣтскихъ пеленокъ. Она боролась, чтобы пробиться наружу; иногда ея усилія имѣли успѣхъ, и одно слово, одинъ крикъ открывали ея присутствіе.

— Нѣтъ, я не забуду, — прибавила Кристина, — потому что я люблю тебя, и ты меня любишь, меня, которую такъ мало любятъ! Ты не считаешь меня ни безумною, ни причудливою, ни странною; ты понимаешь мысли, которыя пробѣгаютъ въ головѣ моей. Я очень молода, Герберъ, однакожъ, положивъ руку на сердце, я отвѣчаю за будущность всей моей жизни. Я всегда буду любить тебя!... а посмотри, я не плачу. Я вѣрю въ счастіе этой любви; какъ? когда? не знаю: это тайна Бога, сотворившаго меня и пославшаго на землю не для одного страданія. Онъ пошлетъ мнѣ счастіе, *когда* Ему будетъ угодно, но все-таки пошлетъ!

Digitized by Google

Да, я молода, полна жизни, мнѣ надобно воздуха и пространства; я не стану жить здѣсь въ заключенiи и духотѣ! Міръ великъ, я узнаю его; сердце мое полно любви, и всегда будетъ любить. Прочь же слезы, другъ мой! препятствiя уничтожатся непремѣнно, потому что я хочу быть счастливою!

— И такъ, Кристина, другъ мой, за чѣмъ же медлить? Потерянный случай уже не найдется болѣе. Часто одна минута рѣшаетъ участь всей жизни.... Можетъ быть, теперь счастiе такъ близко отъ насъ! Можетъ быть, когда ты взойдешь въ эту лодочку, мы нѣсколькими ударами весъ будемъ соединены навѣки!.... Напротивъ, если ты опять ступишь на землю, мы будемъ разлучены навсегда. О, Кристина, пойдемъ! вѣтеръ подымается. Здѣсь, въ глубинѣ моей лодки, лежитъ парусъ, который вздуется въ одну минуту и унесетъ насъ скоро, скоро!

Слезы текли по горячимъ щекамъ Кристины. Она дрожала, смотрѣла на своего друга, на небосклонъ, на свободу; она колебалась, тяжелая борьба волновала душу этого ребенка. Она спрятала голову въ вѣткахъ ивъ, схватилась за стволъ дерева, ее поддерживавшаго, словно для того, чтобы воспротивиться желанiю скользнуть въ лодочку, потомъ, замирающимъ голосомъ, прошептала: «матушка!» Нѣсколько секундъ спустя, Кристина, поднявши свое блѣдное лицо, продолжала тихо:

— Если я уѣду, кому станетъ она разсказывать про свою милую родину? Если я уѣду, кто будетъ плакать возлѣ нея, когда она плачетъ? У ней есть другiя дѣти, но они веселы, счастливы, они не имѣютъ съ ней сходства; только я да матушка, мы одни грустимъ въ своемъ домѣ. Матушка умретъ отъ разлуки со мною. Мнѣ нужно или ея прощанiе и благословенiе, или должно остаться здѣсь, при ней, подобно ей мерзнуть отъ климата, быть заключенной въ этихъ стѣнахъ, терпѣть дурное обращенiе отъ тѣхъ, которые не любятъ. Герберъ, я не могу бѣжать, лучше подожду. До свиданiя, другъ мой!

Она хотѣла уже ступить на берегъ, но онъ остановилъ ее.

Digitized by Google

— Одну минуту, одну минуту, Кристина!... не понимаю, какое роковое предчувствіе сжимаетъ мнѣ сердце. Другъ мой! ужели не суждено намъ опять увидѣться? О! эта ива, эта лодочка, этотъ уголокъ земли, покрытый мохомъ и тростникомъ, ты, ты, тутъ, близъ меня!.... Ужели прошелъ теперь счастливѣйшій часъ во всей моей жизни?....

И юноша залился слезами, схватившись руками за голову.

Сердце Кристины билось сильно: но она восторжествовала: спрыгнувъ съ наклоненнаго дерева, она ступила на землю, и, отдѣленная такимъ образомъ отъ лодки, которая не могла пристать къ самому берегу, сказала:

— Прощай, Герберъ; когда нибудь я сдѣлаюсь твоею любящею и вѣрною женою; я буду ею, я хочу! Станемъ вдвоемъ молиться Богу, чтобъ онъ поскорѣе послалъ намъ это счастіе! Прощай, я люблю тебя, и до свиданія, потому что люблю тебя!

Ограда изъ ивъ и тростниковъ открылась, чтобъ дать возможность пройдти молодой дѣвушкѣ. Слышно было, какъ вѣтки захрустѣли подъ ея ногами и зашумѣла травка въ кустарникахъ, словно улетала птичка; послѣ воцарилось молчаніе. — Герберъ плакалъ.

Пробило восемь часовъ въ маленькомъ, красномъ домикѣ. Въ столовой, замѣнявшей гостиную, все семейство негоціанта Фанъ-Амберга собралось къ завтраку. Недоставало одного человѣка: Кристина еще не возвращалась. У камина стоялъ глава семейства, Карлъ Фанъ-Амбергъ, рядомъ съ нимъ братъ его, который, не смотря на старшинство, уступилъ ему право первенства и предоставилъ быть главою ихъ фирмы. Г-жа Фанъ-Амбергъ работала подъ окошкомъ, а ея старшія дочери, бѣленькія и бѣлокуренькія Голландки, приготовляли завтракъ.

Карлъ Фанъ-Амбергъ, строгій хозяинъ семейства, былъ высокаго роста; было что-то непреклонное во всей его наружности и безстрастное въ выраженіи лица. Это лицо, черты котораго казались съ перваго раза незначительными, выражало необходимость повелѣвать. Обращеніе его было холодно. Онъ говорилъ мало и никогда для того, чтобы хвалить, но иногда порицалъ сухо и повелительно. Взоръ его

Digitized by Google

всегда предшествовалъ словамъ и дѣлалъ ихъ почти безполезными, до такой степени этотъ впалый и маленькій, свѣтло-голубаго цвѣта, глазъ, по временамъ, заставлялъ сильно понимать себя. Честолюбіе и терпѣніе сдѣлали Карла Фанъ-Амберга богачемъ. Корабли его плавали по всѣмъ морямъ. Никѣмъ не любимый, но всѣми уважаемый, онъ имѣлъ большой кредитъ. Онъ былъ полный властелинъ у себя въ домѣ, и никому не приходила мысль прекословить его волѣ. Все передъ нимъ умолкало и преклонялось. Въ эту минуту онъ стоялъ, опершись на каминъ. Его черная одежда, чрезвычайно простая, не лишена была суроваго изящества.

Вильгельмъ Фанъ-Амбергъ, его братъ, имѣлъ характеръ, во всѣхъ отношеніяхъ противоположный Карлову. Онъ остался бы въ бѣдности съ малымъ наслѣдствомъ своихъ предковъ, если бы Карлъ не захотѣлъ сдѣлаться богачемъ. Онъ отдалъ свое имѣніе въ руки брата, сказавъ: «дѣлай, что хочешь.» Привязавшись къ мѣсту своего рожденія, онъ жилъ спокойно, курилъ и смѣялся, узнавая, по временамъ, сколько сотъ тысячъ франковъ доставалось на его долю. Однажды, когда ему объявили, что у него уже милліонъ, онъ написалъ: «Спасибо, Карлъ, это все для твоихъ дѣтей.» Потомъ позабылъ про свое богатство и нисколько не измѣнилъ образа жизни; продолжалъ носить платье изъ толстаго сукна, простаго покроя, какъ носятъ деревенскіе жители, боящіеся сосѣдства городовъ. Нѣсколько теологическихъ курсовъ были единственными занятіями его въ молодости. Отецъ его, ревностный католикъ, назначилъ его для служенія Богу, но по причинѣ нерѣшительности своего характера, Вильгельмъ не вступилъ въ духовное званіе, не женился, и спокойно проживалъ свой вѣкъ въ семействѣ брата. Постоянное чтеніе духовныхъ книгъ, единственное его воспитаніе, придало какую-то торжественность его разговору, рѣзко отличавшуюся отъ сельской простоты его особы. Это было единственною странностью Вильгельма, который отличался только здравымъ смысломъ и добрымъ сердцемъ.

Г-жа Фанъ-Амбергъ, сидя подъ окномъ, работала молча. Лице ея сохранило слѣды большой красоты. Она казалась

Digitized by Google

слабою и страждущею. Съ перваго взгляда можно было видѣть, что ея родина далеко отъ Голландіи. Ея черные волосы и смугловатый цвѣтъ лица показывали южное происхожденіе. Желѣзный характеръ Карла Фанъ-Амберга безъ малѣйшаго сопротивленія угнеталъ это слабое, молчаливо-покорное своему мужу существо. Она никогда не роптала; можетъ быть умирала, но умирала не жалуясь. Взоръ ея былъ глубоко-грустенъ; эта женщина, казалось, страдала и отъ видимой несчастной судьбы своей, и отъ неизвѣстныхъ несчастій, о которыхъ она сохранила воспоминаніе.

Кристина, третья дочь, была на нее похожа. Смуглая, подобно матери, она составляла рѣзкую противоположность съ свѣженькими личиками своихъ сестеръ. Г-нъ Фанъ-Амбергъ не любилъ Кристины. Холодный и грубый даже и тогда, какъ сердце его питало нѣжность, онъ, не любя, былъ строгъ до жестокости. Кристина не получила отъ него ни одного поцѣлуя. Она знала только ласки одной матери, и тѣ принимала втайнѣ, вмѣстѣ съ слезами. Эти двѣ бѣдныя женщины украдкою любили другъ друга.

Изрѣдка г-жа Фанъ-Амбергъ сильно кашляла. Сырой климатъ Голландіи медленно велъ ко гробу эту бѣдную женщину, рожденную подъ пламеннымъ небомъ Испаніи. Ея большіе, задумчивые глаза безсознательно останавливались на небосклонѣ, который одинъ, впродолженіе двадцати лѣтъ, поражалъ ея взоры. Туманъ и дождь окружали домъ. Она смотрѣла, вздрагивала, какъ бы пораженная смертельнымъ холодомъ, и потомъ принималась опять за работу.

Пробило восемь часовъ. Молоденькія Голландки, которыя, не смотря на богатство, служили своему отцу, едва успѣли поставить на столъ чай и копченую говядину, какъ Карлъ Фанъ-Амбергъ, обратясь къ женѣ, сказалъ грубо:

— Гдѣ ваша дочь, сударыня?

Безпокойный взоръ г-жи Фанъ-Амбергъ старался сквозь туманъ отыскать въ саду Кристину.

При вопросѣ мужа она встала, отворила дверь въ комнату дочери, два раза кликнула:—Кристина!—потомъ поблѣднѣла, не получивъ отвѣта. Она опять сквозь туманъ посмотрѣла въ даль.

Digitized by Google

— Отойдите, сударыня! — сердито сказала ей старая служанка Готонъ, нагнувшись на плиту въ сѣняхъ, которую она полила водою съ мыломъ и терла безъ милосердія, — отойдите, сударыня, стужа увеличитъ вашъ кашель: барышня очень далеко. Птичка улетѣла до зари!

Г-жа Фанъ-Амбергъ печально посмотрѣла на лугъ, гдѣ не слыхать было ни малѣйшаго шороха, и на столовую, гдѣ ожидалъ ее раздраженный мужъ; потомъ вошла опять въ комнату и сѣла въ молчаніи за столъ, кругомъ котораго сидѣли прочіе члены семейства.

Всѣ молчали. Всѣ читали въ глазахъ г-на Фанъ-Амберга, что онъ былъ недоволенъ, и никто не осмѣлился бы перемѣнить направленіе его мыслей. Жена его не переставала смотрѣть въ окно, надѣясь замѣтить какой-нибудь признакъ возвращенія дочери. Губы ея слегка касались молока въ чашкѣ, и видимое страданіе увеличивало еще болѣе блѣдность ея пріятнаго и грустнаго лица.

— Милая Анунціата, выпейте же немного чаю, — сказалъ ей деверь: — день будетъ сырой и дождливый; вамъ нужно согрѣть себѣ грудь, которая сегодня, кажется, въ довольно плохомъ состояніи.

Анунціата грустно улыбнулась ему и вмѣсто всякаго отвѣта, поднесла къ губамъ чай, который онъ ей подалъ; но усиліе было слишкомъ тяжело, и она поставила опять чашку на столъ.

Г. Фанъ-Амбергъ не смотрѣлъ ни на кого; онъ ѣлъ, устремивъ глаза въ тарелку.

— Сестрица, — возразилъ Вильгельмъ, — беречь свое здоровье наша обязанность; вы исполняете всѣ ваши обязанности: не должны забывать и этой.

Легкій румянецъ покрылъ лице Анунціаты. Взоръ ея встрѣтился со взоромъ мужа, который медленно повернулся къ ней. Дрожа и почти въ слезахъ, она ничего не отвѣчала. Совершенное молчаніе воцарилось, какъ и при началѣ завтрака.

Въ корридорѣ, близъ столовой, послышались шаги. Служанка что-то проворчала, но ея слова не долетѣли до гостиной. Потомъ дверь отворилась, и Кристина вошла.

Digitized by Google

Туманъ намочилъ ея ситцевое платье, вѣтеръ приподнялъ нѣсколько прядей волосъ. Ея черная мантилья блистала множествомъ дождевыхъ капель; она вся покраснѣла отъ замѣшательства и страха. Ея пустой стулъ стоялъ близь матери; она сѣла на него и склонила голову. Опоздавшему ребенку ничего не дали; молчаніе продолжалось.

Г-жа Фанъ-Амбергъ, увлеченная материнскимъ безпокойствомъ, вынула изъ кармана платокъ, отерла имъ глаза и волосы Кристины, и взяла руки ея, для того чтобы отогрѣть ихъ въ своихъ.

Г. Фанъ-Амбергъ во второй разъ во время завтрака посмотрѣлъ на жену: она въ ту же минуту опустила руку Кристины, тихо положила платокъ свой на колѣни, и склонивъ голову, подобно дочери, осталась неподвижною. Г. Фанъ-Амбергъ всталъ изъ-за стола. Заблистала слеза на глазахъ матери, когда она увидѣла, что дочери ея ничего не досталось. Она сѣла подъ окно и принялась за работу.

Кристина осталась на прежнемъ мѣстѣ, въ томъ же положеніи стыда и страха. Двѣ старшія дочери поспѣшили убрать приборы.

— Развѣ ты не видишь, что Вильгельмина и Марія занимаются хозяйствомъ: почему ты не дѣлаешь того же?

Услыша голосъ отца, Кристина вскочила и, схвативъ чашки и чайникъ, совершила нѣсколько путешествій изъ столовой въ буфетную.

— Потише! ты все перебьешь!—продолжалъ г. Фанъ-Амбергъ; — надобно начинать всякое дѣло въ свое время, чтобы окончить его, не торопясь.

Кристина остановилась и стала неподвижно посреди комнаты. Ея сестры, улыбаясь, прошли мимо, и одна изъ нихъ прошептала, — потому что никто не говорилъ громко въ присутствіи г. Фанъ-Амберга:

— Кристина не можетъ научиться хозяйству, смотря на звѣзды или на воду!

— Пустите-ка, сударыня; вы здѣсь все пачкаете! сказала вошедшая служанка. Перемѣните это мокрое платье, вы пачкаете стулья.

Digitized by Google

Кристина стояла посреди комнаты, не смѣя тронуться съ мѣста безъ приказанія властелина.

— Ступай! — сказалъ ей г. Фанъ-Амбергъ.

Молодая дѣвушка побѣжала, взошла на лѣстницу, потомъ въ свою комнату, и, опираясь на кровать, начала плакать. Г-жа Фанъ-Амбергъ работала молча, опустивъ голову.

Снявши со стола скатерть, Вильгельмина и Марія принесли на столѣ краснаго дерева большой кувшинъ съ пивомъ, стаканы, длинныя трубки и множество табаку. Онѣ придвинули два кресла; Карлъ и Вильгельмъ сѣли на нихъ.

— Ступайте къ себѣ, сударыни, — сказалъ тогда Г-нъ Фанъ-Амбергъ повелительнымъ голосомъ, которымъ обыкновенно говорилъ съ женою; мнѣ нужно поговорить о дѣлахъ, которыя до васъ не касаются. Однакожъ не уходите далеко; немного погодя, я позову васъ: мнѣ нужно поговорить и съ вами.

Анунціата поклонилась, въ знакъ повиновенія, и вышла изъ столовой. Вильгельмина и Марія приблизились къ своему отцу. Онъ, молча, поцѣловалъ ихъ хорошенькія бѣлокурыя головки. Оба брата закурили свои трубки и остались одни.

— Братъ Карлъ,—сказалъ тогда Вильгельмъ, положивъ руки на столъ и смотря въ лице г-ну Фанъ-Амбергу,—прежде чѣмъ говорить о дѣлахъ, позволь мнѣ высказать, хоть это будетъ тебѣ и непріятно, нѣсколько мыслей, которыя тяготятъ мнѣ душу. Здѣсь всѣ тебя боятся, и тебѣ недостаетъ совѣта, этой спасительной опоры всего человѣчества.

— Говори, Вильгельмъ, — отвѣчалъ холодно г. Фанъ-Амбергъ.

— Право, Карлъ, мнѣ невозможно не сказать тебѣ, что ты жестоко обращаешься съ Анунціатой, твоей женой. Богъ велитъ тебѣ покровительствовать ей, а ты позволяешь ей страдать, можетъ быть, умереть у тебя на глазахъ, нисколько не безпокоясь. Сильный долженъ помогать слабому. Въ своемъ домѣ надобно кротко обращаться съ чужестранцемъ, пріѣхавшимъ издалека. Мужъ обязанъ покровительствовать той, которую онъ избралъ себѣ въ жены. Однимъ словомъ, ты обращаешься жестоко съ Анунціатой.

Digitized by Google

— Развѣ она жалуется? спросилъ г. Фанъ-Амбергъ, наливая себѣ стаканъ пива.

— Нѣтъ, братъ; вѣдь одни только сильные жалуются. Дерево падаетъ съ трескомъ, тростникъ клонится къ землѣ безъ малѣйшаго шума. Нѣтъ, она не жалуется, если молчатъ, хворать и повиноваться всегда и вездѣ, подобно бездушной машинѣ, не значитъ жаловаться. Ты лишилъ жизни эту бѣдную женщину!.... Когда-нибудь она перестанетъ двигаться, дышать, но уже она давно перестала жить.

— Братъ, бываютъ такія опасныя слова, которыя не надо произносить, не подумавъ; бываютъ и сужденія, которыя не должно выражать, изъ страха сдѣлаться несправедливымъ.

— Развѣ я не знаю всей твоей жизни, точно такъ, какъ знаю свою, Карлъ, и почему не могу я говорить о ней съ сознаніемъ?

Г. Фанъ-Амбергъ выпустилъ облако дыма, опустился въ кресло и не отвѣчалъ ни слова.

— Братъ, я знаю тебя, точно также, какъ и себя, тихо продолжалъ Вильгельмъ; хотя Господь создалъ наши сердца и не въ одинъ день, и послалъ ихъ на землю для того, чтобы любить, а не понимать другъ друга, но я, братъ, читаю въ твоемъ сердцѣ. Когда простой домикъ батюшки показался тебѣ слишкомъ малымъ, я ничего не сказалъ: ты былъ честолюбивъ; а когда имѣешь это счастіе или несчастіе, надобно дѣлать какъ птицы, летѣть выше, надобно носиться. Ты уѣхалъ, я пожалъ тебѣ руку и проводилъ безъ упрековъ; надобно каждому предоставить быть счастливымъ по своему. Когда ты досталъ себѣ множество золота, и удѣлилъ мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало, ты сказалъ: «Еще!» я отвѣчалъ: «Будь по твоему!» Трудиться и богатѣть своею работою, это честно; тебѣ это нравилось; я любилъ болѣе спокойствіе, свою родину и свой простой бытъ. Мы были оба свободны. Ты возвратился женатымъ, я не одобрялъ твоей женитьбы. Во-первыхъ, гораздо благоразумнѣе избрать себѣ въ подруги дѣвушку изъ того уголка земли, гдѣ придется кончить дни свои: вѣдь что-нибудь да значитъ любить одни

Digitized by Google

и тѣ же мѣста; потомъ надобно поступить великодушно и оставить жену свою въ кругу ея семейства, друзей и предметовъ для нея знакомыхъ. Значитъ слишкомъ полагаться на себя, почитая одного себя въ силахъ составить ея счастіе. Счастіе иногда слагается изъ очень многихъ вещей. Часто незамѣтный атомъ служитъ основаніемъ большому зданію; что касается до меня, то я не люблю горделиваго опыта надъ сердцемъ другихъ. Однимъ словомъ, ты женился на чужестранкѣ, которая умираетъ здѣсь отъ холода, и которая, посреди нашихъ тумановъ, сожалѣетъ о солнцѣ Испаніи. Ты сдѣлалъ еще бо́льшую ошибку.... извини.... извини, братъ; но, чтобы болѣе не возвращаться къ этому предмету, я поговорю съ тобою хорошенько.

— Слушаю, Вильгельмъ, ты мнѣ старшій братъ.

— Благодарю за терпѣніе, Карлъ. Ты женился на молодой дѣвушкѣ. Твоя торговля заводитъ тебя въ Испанію; тамъ встрѣчаешь ты одного разорившагося Испанскаго вельможу, оказываешь ему большую услугу. Ты всегда былъ щедръ съ твоими деньгами, и богатство не научило тебя отказывать просящему. У этого человѣка была пятнадцатилѣтняя дочь. Она была прекрасна. Не смотря на твою мнимую безпечность, красота ея поразила тебя. Ты просишь у отца ея руки, думая только о томъ, что ты посредствомъ этого выводишь ее изъ бѣдности. Отказать въ твоей просьбѣ было-бы неблагодарностью въ отношеніи къ благодѣтелю. Тебѣ отдали Анунціату, и ты, братъ, взялъ ее, не посмотрѣвши внимательно ей въ лицо, — было ли оно весело или нѣтъ, не спросивши у этого ребенка, съ охотою ли онъ слѣдовалъ за тобою, не обратясь къ ея сердцу. Въ той странѣ сердце пробуждается рано.... можетъ быть, она покидала какія-нибудь мечты.... или свою первую любовь.... Извини, братъ, объ этомъ предметѣ трудно говорить.

— Оставь его, Вильгельмъ, возразилъ холодно г. Фанъ-Амбергъ.

— Ну, будь по твоему. Ты возвратился къ намъ, и такъ какъ дѣла твои требовали продолжительныхъ путешествій, ты поручилъ мнѣ Анунціату. Много лѣтъ прожила она

Digitized by Google

со мною въ этомъ домѣ. Карлъ, молодость этой женщины была печальна: она жила безъ удовольствія, безъ развлеченія, въ уединеніи и молчаніи. Твои старшія дочери, нынѣ радость нашего жилища, были тогда въ колыбели; онѣ не отвѣчали еще своей матери. Я былъ скучнымъ собесѣдникомъ этой прекрасной и молодой женщины; къ тому же, падобно отдать себѣ справедливость, у меня не было для нея помощи. Я честный, благоразумный, правдивый, добрый и простодушный человѣкъ, но я не читалъ ничего, и нисколько не мечталъ; знаю немного и никогда не догадываюсь; люблю покой, свое кресло, свои старинныя книги и свою трубку. Сначала я думалъ, потому только, что мнѣ было пріятно это думать, что въ удобномъ жилищѣ и въ епокойствіи, она будетъ счастлива по моему; наконецъ я понялъ, хотя, признаюсь, немного поздно, но все-таки я понялъ, а ты, я боюсь, и теперь не догадался, что эта женщина сотворена не для того, чтобы управлять хозяйствомъ Голландца. Во-первыхъ климатъ стѣснялъ ей грудь: она спрашивала у меня, неужели туманы продолжаются такъ долго всякій годъ, не придутъ ли болѣе жаркія лѣта, и зимы менѣе холодныя. И я отвѣчалъ ей: «нѣтъ, нынѣшній годъ только такъ дуренъ;» но я говорилъ ложь, всѣ зимы походятъ одна на другую. Она принималась пѣть романсы, болеро Севильи; но вскорѣ пѣніе ея замолкло, и она заливалась слезами; это слишкомъ сильно напоминало ей родину. Она сидѣла неподвижно, скучая и желая имѣть, какъ я читалъ то въ Библіи, крылья, какъ голубка, чтобы унестись въ небо.... Братъ, грустно было смотрѣть на это. Ты, ты не знаешь, какъ здѣсь, въ этой столовой, длинны были зимніе вечера. День кончался въ четыре часа, и она работала при свѣтѣ лампы до времени ложиться спать. Я пытался было начинать разговоръ, но она не знала того, что я зналъ, а я не зналъ, что она знала. И кончилъ тѣмъ, что оставилъ ее въ покоѣ, мечтать на свободѣ. Она работала или отдыхала, плакала или была спокойна: я не смотрѣлъ уже на нее для того, чтобы дать ей свободу мечтать, единственное благо, зависящее отъ меня; но это было грустно, братъ!

Digitized by Google

Наступила минута молчанія. Г. Фанъ-Амбергъ первый прервалъ ее, сказавъ строгимъ голосомъ:

— Г-жа Фанъ-Амбергъ жила у себя въ домѣ, съ своими дѣтьми, подъ покровительствомъ вѣрнаго друга. Мужъ ея работалъ въ дали, чтобы обогатить все семейство; она смотрѣла за домомъ и надзирала за внутреннимъ порядкомъ дома и воспитаніемъ дочерей; все это очень просто.

Онъ прибавилъ табаку въ свою трубку.

— Это опять правда, братъ, отвѣчалъ Вильгельмъ; но правда и то, что Анунціата была несчастна. Виновата ли она въ этомъ или нѣтъ, — разсудитъ Богъ. Предоставимъ ему, Карлъ, строгую справедливость, а мы будемъ сострадательны. Во время такого продолжительнаго отсутствія, случай привелъ къ намъ сюда Испанцевъ, которыхъ она знала еще съ дѣтства. Между ними былъ сынъ одного стараго друга ея отца. О! какое счастіе, смѣшанное съ волненіемъ, испытала она, увидавшись съ своими соотечественниками! Сколько слезъ, растворенныхъ радостью!.... потому что она не умѣла быть довольною и плакала отъ всего, что чувствовала! Съ какимъ жаромъ говорила она на отечественномъ языкѣ и слушала, какъ на немъ говорили! Ей казалось, что она видитъ Испанію. Прошло нѣсколько счастливыхъ дней. Она, какъ будто бы, ожила. Какъ пріятно найти друга, и будучи молодымъ, видѣть молодыхъ! Ты возвратился къ намъ и поступилъ, братъ, жестоко; однажды не объявивъ намъ причины, ты грубо заперъ иностранцамъ двери твоего дома. Скажи мнѣ, почему не хотѣлъ ты, чтобы соотечественники, друзья, товарищи дѣтства, говорили съ твоей женой объ ея семействѣ? Зачѣмъ потребовалъ ты отъ нея совершеннаго уединенія и разрыва съ ея прежними друзьями? Жена повиновалась тебѣ безъ ропота; но видишь ли, Карлъ, она страдала болѣе, нежели ты думаешь. Я очень хорошо наблюдалъ за ней, я, ея старый другъ! Съ этого послѣдняго доказательства твоей суровости, печаль ея приняла дуугой характеръ. Тщетно въ третій разъ сдѣлалась матерью, — она все-таки осталась несчастною. Братъ, рука твоя слишкомъ тяготѣетъ надъ этимъ слабымъ твореніемъ.

Digitized by Google

Г. Фанъ-Амбергъ всталъ и быстро началъ ходить по комнатѣ.

— Кончилъ ли ты, Вильгельмъ? Это—тягостный разговоръ, оставь его, братъ, не употребляй во зло права, которое я далъ тебѣ, позволяя говорить со мною свободно!

— Нѣтъ, я еще не совсѣмъ окончилъ то, о чемъ желаю поговорить съ тобою. Выслушай меня такъ, какъ бы выслушалъ ты батюшку. Онъ былъ простымъ крестьяниномъ, Карлъ; но его прямодушіе и его сердце могли бы подавать совѣты намъ съ нашимъ воспитаніемъ и прекраснымъ обращеніемъ. Ты мужъ холодный и строгій; но это еще не все: ты несправедливый отецъ! Кристина, твоя третья дочь, лишена той любви, которую ты обязанъ питать къ своимъ дѣтямъ, и отъ этой-то неравной любви заставляешь ты еще болѣе страдать Анунціату. Этотъ ребенокъ похожъ на нее; она такая же, какою была жена твоя въ пятнадцать лѣтъ, какъ я полагаю, живая и прелестная Испанка; она вся въ мать; ей тоже трудно жить въ нашемъ климатѣ, и хотя это ея родина, но, по странной игрѣ природы, она страдаетъ отъ него, какъ страдала Анунціата. Братъ, не легко воспитывать этого ребенка: она своевольна, страстна, пылка во всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ. Ей необходимы движенія, свобода, которая нисколько не согласуется съ нашимъ правильнымъ образомъ жизни; но у нея доброе сердце, и стараясь подѣйствовать только на него, можетъ быть, ты обуздалъ бы этотъ дикій характеръ. А ты для Кристины не больше, какъ неумолимый судья. Дѣтство ея было не инымъ чѣмъ, какъ продолжительнымъ горемъ. И потому, нисколько не усмирившись, она еще болѣе полюбила воздухъ, свободу; она выходитъ изъ дома, лишь только занимается заря; она считаетъ домъ клѣткою, желѣзные прутья которой причиняютъ ей боль, и всѣ твои усилія удержать ее напрасны. Братъ, полюби этого ребенка, для того чтобы онъ слушался тебя. Любовь — это самое лучшее средство, которое всегда имѣетъ успѣхъ тамъ, гдѣ не удались другія. Зачѣмъ не позволяешь ты этой молодой дѣвушкѣ, которая такъ спѣшитъ насладиться жизнію, выйти за любимаго ею человѣка? Студентъ Герберъ, нѣкогда

Digitized by Google

бывшій въ твоемъ торговомъ домѣ, не богатъ; этотъ союзъ не блестящій, но дѣти любятъ другъ друга. Во всякомъ случаѣ это бракъ такой же, какъ и всѣ другіе.

Г. Фанъ-Амбергъ продолжалъ ходить по комнатѣ; но тутъ онъ вдругъ остановился и отвѣчалъ:

— Кристинѣ только шестнадцать лѣтъ, и я исполняю свой долгъ, препятствуя этой безумной страсти, которая слишкомъ рано омрачаетъ ея разумъ. Что касается до моей неравной любви, какъ ты называешь ее, то она оправдывается, по твоему же мнѣнію, недостатками характера Кристины. Братъ, ты, который упрекаешь другихъ въ неумолимости, берегись самъ быть несправедливымъ судьею. Всякій поступаетъ по внутреннему внушенію, и не всякую мысль можно высказывать. Выпей свой стаканъ, Вильгельмъ, и выкуривши трубку, не закуривай другой. Сегодня не стану говорить съ тобою о дѣлахъ; уже слишкомъ поздно и я усталъ. Не всегда пріятно воспоминать о прошедшемъ и надо оставить его въ покоѣ. Я хочу остаться нѣсколько времени одинъ, выдь отсюда и вели г-жѣ Фанъ-Амбергъ придти ко мнѣ черезъ четверть часа.

— Зачѣмъ не говоришь ты: Анунціатѣ? Зачѣмъ это милое и страстное имя не выходитъ болѣе изъ устъ твоихъ?

— Скажи г-жѣ Фанъ-Амбергъ, что я хочу говорить съ нею, и оставь меня одного, братъ, продолжалъ съ сильной выразительностью г. Фанъ-Амбергъ.

Вильгельмъ, боясь, что перешелъ границы въ разговорѣ своемъ съ братомъ, всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Спустясь съ маленькой деревянной лѣсенки, ведущей на верхъ, Вильгельмъ колебался нѣсколько минутъ, куда идти; потомъ рѣшился и пошелъ на верхъ къ Анунціатѣ, въ комнату Кристины. — Это была маленькая, узенькая, чистенькая комнатка, съ нѣсколькими горшками цвѣтовъ, съ деревяннымъ Распятіемъ, къ которому были привѣшены четки, и съ чистою постелью; гитара Кристининой матери висѣла на стѣнѣ. Изъ окна, на этой высотѣ, можно было видѣть лугъ, рѣку и ивы. Кристина сидѣла въ своей постели; она еще

Digitized by Google

плакала; мать была возлѣ нея и подавала ей хлѣбъ и чашку съ молокомъ, въ которую капали слезы Кристины. Анунціата цѣловала глаза своей дочери, потомъ потихоньку утирала свои слезы.

Вошелъ Вильгельмъ; онъ остановился на нѣсколько минутъ на порогѣ, и съ состраданіемъ смотрѣлъ на картину, представлявшуюся его глазамъ.

Эти двѣ женщины, одна уже прекрасная, другая, еще сохранившая свою красоту, обѣ столь похожія другъ на друга лицемъ, что одна изъ нихъ казалась прошедшимъ, молодостью другой; одна, плачущая, потому что видитъ, какъ плачетъ другая, дочь, которая какъ будто снова начинаетъ страданія матери, и онъ, свидѣтель этихъ слезъ, но не повѣренный страданій, былъ сильно растроганъ, тщетно придумывая средства противу столькихъ бѣдствій.

— О! воскликнулъ Вильгельмъ, ударяя себя въ лобъ: если бы я женился, то желалъ бы видѣть близъ себя одни счастливыя лица; я бы желалъ, чтобъ жена моя веселилась, наряжалась и ѣздила бы на ярмарку съ прекрасною на головѣ діадемой изъ золота и жемчуга; я желалъ бы, чтобы дочь моя распѣвала пѣсни цѣлый день; я желалъ бы, чтобъ домъ мой былъ домомъ радости и смѣха. О! бѣдныя и милыя мои дѣти, не унывайте; я поработалъ за васъ, говорилъ много о васъ съ братомъ; правда, я не получилъ отвѣта, но доброе слово, которое идетъ прямо къ сердцу, пускаетъ тамъ ростки, какъ зерно въ землѣ. Завтрашній день, можетъ быть, будетъ счастливѣе нынѣшняго; надобно же умѣть выждать свою судьбу.

— Братъ, добрый братъ мой, поговори съ моею дочерью! отвѣчала Анунціата: она не хочетъ ни молиться, ни слушаться; ея сердце не покорно, и слезы ея не принесутъ никакого плода, потому что она угрожаетъ и ропщетъ. Спроси у нея, братецъ, кто ей сказалъ, что жизнь походитъ на счастіе, и что мы живемъ единственно для него! Научи ее исполнять долгъ и подай ей силу для этого исполненія.

— Мужъ твой зоветъ тебя, сестра; а я останусь съ Кристиной и поговорю съ ней.

Digitized by Google

— Сейчасъ, отвѣчала Анунціата, и она подошла къ зеркалу камина, помочила себѣ глаза, для того, чтобы исчезли слѣды слезъ, положила руку на сердце, чтобы остановить его біеніе, и, когда лице ея уже выражало только спокойствіе и тишину, она медленными шагами пошла съ лѣстницы.

Служанка Готонъ сидѣла на ступеняхъ.

— Вы балуете ее, сударыня, грубо сказала она госпожѣ своей; съ безумными должно говорить погрубѣе, вы балуете ее!

Готонъ была въ домѣ прежде Анунціаты, и съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣла, какъ пріѣхала чужестранка, привезенная ея господиномъ. Она никогда не признавала власти ея надъ собою; но такъ какъ она служила еще при матери Фанъ-Амберговъ, то при ворчливомъ характерѣ она угнетала свою кроткую госпожу, не страшась быть выгнанной за то изъ дома.

Анунціата вошла въ столовую, по которой ея мужъ медленно прохаживался; она остановилась въ дверяхъ, какъ бы ожидая приказанія. Лице г. Фанъ-Амберга было угрюмѣе и мрачнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ остановился передъ женой.

— Вѣрно ли, что никто не можетъ услышать насъ? одни ли мы здѣсь?

— Одни, отвѣчала удивленная Анунціата. Г. Фанъ-Амбергъ опять началъ ходить по комнатѣ, не говоря ни слова. Жена его, опершись рукою на спинку кресла, ожидала молча, когда ему угодно будетъ заговорить; наконецъ онъ сталъ передъ ней и сказалъ:

— Вы дурно воспитываете дочь вашу Кристину; я предоставилъ ее на ваше распоряженіе; вы не довольно за ней смотрите. Знаете ли вы, что она дѣлаетъ?

— Съ самаго дѣтства, съ кротостію продолжала Анунціата, останавливаясь на каждомъ словѣ, Кристина любитъ жить на вольномъ воздухѣ, бѣгать въ саду; она слабаго сложенія, и для того, чтобы его укрѣпить, ей нужно солнце и свобода. До сихъ поръ вы почитали приличнымъ этотъ образъ жизни, и я, не находя въ немъ ничего дурнаго, позволяла ей предаваться склонностямъ ея характера; если вы думаете иначе, она будетъ повиноваться....

Digitized by Google

— Вы дурно воспитываете дочь вашу, продолжалъ холодно Г. Фанъ-Амбергъ: она обезчеститъ имя, которое носитъ.

— Послушайте! воскликнула Анунціата, между тѣмъ какъ яркій румянецъ покрылъ ея щеки, а глаза заблистали на одну минуту подобно молніи.

— Обращайте на это вниманіе, сударыня; я хочу, чтобы имя мое уважалось, вы это знаете. Дочь ваша потихоньку ходитъ къ человѣку, которому я отказалъ въ ея рукѣ; сегодня утромъ, въ шесть часовъ, они были вмѣстѣ на лугу.

— Дочь моя, дочь моя! восклинула Анунсіата отчаяннымъ голосомъ. О! это невозможно! Нѣтъ, нѣтъ, она невинна, и останется невинною! Я встану между зломъ и ею, я спасу мою дочь! Она виновна! Нѣтъ, я съ нею! Я возьму ее въ свои объятія, я заткну ей уши, для того, чтобы она не слыхала опасныхъ словъ, я стану повторять ей: дочь моя, сохрани честь, если ты не хочешь, чтобъ я умерла!

Г. Фанъ-Амбергъ съ безстрастіемъ смотрѣлъ на страданіе матери. Передъ этимъ ледянымъ взоромъ, Анунціата смутилась за свое волненіе, старалась успокоиться, и сложивши на груди руки, въ слезахъ, которыя поспѣшила скрыть, она продолжала вполголоса:

— Увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?

— Эко вѣрно отвѣчалъ Г. Фанъ-Амбергъ; я не обвиняю, не будучи увѣренъ.

Наступила минута молчанія.

Г. Фанъ-Амбергъ продолжалъ:

— Вы запрете Кристину въ ея комнату и принесете мнѣ отъ нея ключь. Она останется тамъ надолго; я желаю, чтобы хорошенько подумала обо всемъ. Въ продолжительномъ заключеніи она потеряетъ эту любовь къ движенію и свободѣ, которая не ведетъ ее къ добру; посреди молчанія и совершеннаго уединенія, она успокоитъ волненіе своихъ мыслей. Никто не войдетъ въ ея комнату. Одна Готонъ будетъ относить ей необходимую пищу и будетъ брать у меня ключь. Вотъ что я разсудилъ и что рѣшился сдѣлать.

Г-жа Фанъ-Амбергъ стояла на томъ же мѣстѣ; нѣсколько разъ открывала ротъ, чтобы говорить, но ей недоставало на

Digitized by Google

то мужества; наконецъ она сдѣлала нѣсколько шаговъ и сказала вполголоса:

— Я, я, сударь, я буду видѣть дочь свою.

— Я сказалъ, — никто, отвѣчалъ Г. Фонъ-Амберъ.

— Но она будетъ предаваться отчаянію, если ничье слово не поддержитъ ее! Я стану говорить съ ней строго; вы можете на меня положиться. Позвольте мнѣ видѣть ее, только одинъ разъ въ день. Она можетъ занемочь, а кто будетъ знать это? Готонъ не любитъ ея. Умилосердитесь, позвольте мнѣ видѣть Кристину! Я буду оставаться у ней только одну, одну минуту!

Г. Фанъ-Амбергъ остановился, и, устремляя на жену свою взоръ, который заставилъ ее отступить, сказалъ:

— Не заставляйте повторять себѣ еще разъ; я не хочу болѣе говорить объ этомъ; не разсуждайте со мною, сударыня: никто не будетъ входить къ Кристинѣ: слышите ли вы?

— Слушаю, отвѣчала Анунціата.

— Ступайте къ вашей дочери и объявите ей мое приказаніе; сегодня вечеромъ, за обѣдомъ вы принесете мнѣ ключь отъ ея комнаты; ступайте.

Г-жа Фанъ-Амбергъ нѣсколько минутъ собиралась съ силами, чтобы выйдти: она боялась упасть къ ногамъ мужа. Наконецъ, опираясь на стулья, которые стояли на дорогѣ, она вышла изъ комнаты. Въ то время, какъ она сходила съ лѣстницы, Вильгельмина и Марія, напѣвая пѣсню, пробѣжали мимо ея, одна вслѣдъ за другой. При видѣ плачущей своей матери, онѣ замолчали, и, подобно двумъ испуганнымъ птицамъ, остались неподвижны передъ выраженіемъ глубокой имъ неизвѣстной горести. Анунціата подозвала дочерей къ себѣ, обняла ихъ, и слезы, катившіяся по щекамъ ея, упали на двѣ бѣлокуренькія головки, которыя она цѣловала.

— Будьте счастливы, дѣти мои, сказала она, будьте всегда счастливы, и дай Богъ, чтобы вы могли долго еще пѣть и смѣяться! — Потомъ, тихо отстранивъ ихъ, и принудивъ себя улыбнуться, она пошла къ Кристинѣ.

Вильгельмина и Марія, дрожа, вошли въ столовую; онѣ приблизились къ отцу: онъ стоялъ у камина, закрывши рукою голову такъ, что онъ не видѣлъ и не слышалъ ничего. Дѣти

Digitized by Google

стояли молча передъ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ глубокаго размышленія, г. Фанъ-Амбергъ поднялъ голову, и взявъ за руку Марію, поцѣловалъ ее въ лобъ. Губы его коснулись до волосъ, еще мокрыхъ отъ слезъ Анунціаты; онъ отступилъ, и взоромъ своимъ спрашивалъ дочь.

— Это сію минуту поцѣловала насъ матушка, отвѣчала она.

Г-жа Фанъ-Амбергъ, вошедши къ Кристинѣ, нашла ее одну, сидящую у кровати и истощенную пролитыми ею слезами. На ея хорошенькомъ личикѣ, иногда такъ выразительномъ, замѣтно было глубокое уныніе, на которое невозможно было смотрѣть безъ жалости Ея длинные волосы падали въ безпорядкѣ на смуглыя плечи; станъ ея сгибался; четки выпали изъ полуоткрытой руки; она старалась послушаться матери и помолиться, но могла только плакать. Ея черная мантилія, еще мокрая отъ дождя, лежала на столѣ; нѣсколько вѣтокъ ивы закрывались слегка шелковыми складками. Кристина смотрѣла на нихъ съ любовію и печалію; ей казалось, что прошелъ цѣлый вѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла на рѣкѣ, на старыхъ деревьяхъ и на лодочкѣ Гербера восхожденіе солнца. Мать медленно подошла къ ней.

— Дитя мое, продолжала Анунціата, гдѣ была ты сегодня на зарѣ?

Кристина тихо соскользнула съ постели на полъ, и, ставъ на колѣна передъ матерью, сказала:

— Я сидѣла на стволѣ одной изъ ивъ, что ростутъ надъ рѣкою. Я была возлѣ лодочки Гербера.

— Кристина, воскликнула г-жа Фанъ-Амбергъ, такъ это правда!... О, дочь моя, какъ могла ты до такой степени ослушаться? какъ могла ты позабыть мои наставленія, мои совѣты? Кристина, ты не думала обо мнѣ въ то время, какъ совершала это преступное дѣйствіе!

— Герберъ говорилъ мнѣ: пойдемъ, ты будешь моей женой, ты будешь свободна, счастлива; все готово для нашего бѣгства и для нашей сватьбы, — пойдемъ! Я отвѣчала: «Не хочу я оставить матушки!» Матушка, ты была моимъ ангеломъ-хранителемъ; если было преступленье слѣдовать за Герберомъ, то одно воспоминаніе о тебѣ помѣшало мнѣ совершить его. Я не захотѣла покинуть мать свою!

Digitized by Google

Лице Анунціаты просіяло свѣтомъ радости. «Благодарю Тебя, Господи!» прошептала она, и протянула руку къ дочери, стоявшей передъ ней на колѣнахъ, подняла ее и посадила возлѣ себя; потомъ, сѣвъ съ ней рядомъ, она сказала:

— Разскажи мнѣ все, Кристина, открой мнѣ твое сердце, скажи мнѣ всѣ свои мысли. Пожалѣемъ вмѣстѣ о твоихъ проступкахъ и вмѣстѣ станемъ надѣяться на будущее. Ну, дочь моя, не скрывай отъ меня ничего, — говори.

Кристина положила голову на плечо матери, а маленькую ручку въ ея руки, глубоко вздохнула, какъ будто бы слишкомъ тяжело было у ней сердце, чтобы говорить; потомъ сказала съ усталостью, съ усиліемъ:

— Боже мой! — матушка, мнѣ не въ чемъ тебѣ признаваться, чего бы ты еще не знала: я люблю Гербера. Ты, которая слѣдила за каждымъ шагомъ моей жизни, ты очень хорошо знала, что я должна была любить Гербера. Это первое сердце, которое я нашла для себя открытымъ. Вспомни, матушка, о той жизни, которую заставили меня вести здѣсь. Бывши еще ребенкомъ, я говорила сестрамъ своимъ: пойдемте со мною бѣгать по лугу, пойдемте за птичьими гнѣздами, станемъ вмѣстѣ пѣть и играть. — И сестры отвѣчали мнѣ: ступай одна, и остались на своемъ мѣстѣ, на порогѣ, занимаясь своимъ верстеномъ. Я не долго играла; ничто не нравилось мнѣ на землѣ; я стала смотрѣть на небо и нашла его прекраснымъ, особливо тогда, какъ оно покрывалось звѣздами; мнѣ казалось, что отъ нихъ сходило на меня глубокое спокойствіе. Я воображала себѣ, что для того, чтобы услышать звѣздное небо, непремѣнно надобно молчать и быть неподвижной. Я пришла къ тебѣ, матушка, какъ прежде приходила къ сестрамъ, и сказала: матушка, посмотримъ вмѣстѣ на небо; неужели эти звѣзды такіе же міры, какъ нашъ, гдѣ также скучаютъ, какъ у насъ? или тамъ рай, гдѣ успокоятся души наши? А ты мнѣ отвѣчала: Кристина, не думай объ этомъ, пряди ленъ, какъ твои сестры. Одинъ только голосъ на землѣ сказалъ мнѣ: пойду, куда пойдешь ты, буду мечтать, какъ ты мечтаешь; я, подобно тебѣ, нахожу, что на землѣ недовольно любятъ другъ друга, и избираю тебя, Кристина, для того, чтобы любить. Этотъ голосъ, матушка, былъ голосъ

Digitized by Google

Гербера. Герберъ не болѣе какъ бѣдный студентъ, ввѣренный попеченію моего отца; но у него благородное сердце и, подобно моему, нѣсколько грустное. Онъ ученъ, а кротокъ съ тѣми, которые ничего не знаютъ. Онъ бѣденъ, но гордъ, какъ король. Онъ любитъ и говоритъ объ этомъ только той, которая про то знаетъ. Матушка, я люблю Гербера.... Герберъ поступилъ честно, онъ пришелъ просить руки моей у батюшки, который, вмѣсто отвѣта, презрительно улыбнулся. Послѣ того Гербера удалили, и мнѣ пришлось жить безъ него; но я не могла вытерпѣть этого. Много и долго молилась я съ четками, которыя ты дала мнѣ. Я видѣла, какъ ты, матушка, молилась со слезами, и сказала про себя: и я плачу также, какъ и она, и должна молиться, подобно ей; но однажды, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, увидѣла вдали лодочку, которая плавала по рѣкѣ; по временамъ подымался въ воздухѣ бѣлый парусъ, точно также, какъ махаютъ платкомъ въ знакъ прощанія. Я все думала о Герберѣ: вѣдь было очень естественно думать о немъ, смотря на лодочку; я пустилась бѣжать по лугу и добѣжала до берега, и это онъ надѣялся видѣть меня и ожидалъ меня!.... Мы говорили о горестной разлукѣ нашей; я могла видѣть его только издали, лодочка качалась гораздо ниже ногъ моихъ. Долго разговаривали мы, и многія слова наши исчезали въ шумѣ вѣтра, шелестившаго листьями; но намъ достаточно было и того, что могли мы слышать, чтобы увѣриться въ вѣчной любви нашей. Сегодня утромъ, Герберъ, не надѣясь на перемѣну нашего положенія, хотѣлъ увезти меня съ собою; я могла бы бѣжать, но осталась для тебя, матушка.... Теперь ты знаешь все, и, если я виновата, то прости меня.

Г-жа Фанъ Амбергъ съ большимъ волненіемъ слушала разсказъ дочери. Закрывъ лице руками, и склонивши на грудь голову, она скрывала отъ Кристины все страданіе, которое эта причиняла ей; она боялась остановить словомъ или движеніемъ ту исповѣдь, которая изливалась изъ устъ ея дочери. Уже все было сказано, а Анунціата оставалась погруженною въ глубокія размышленія; она чувствовала, что страждущему сердцу Кристины необходимы были кроткіе

Digitized by Google

уроки, нѣжныя наставленія, а она приносила ей строгій приговоръ, который только усилилъ бы зло; она чувствовала, что относительно своей больной дочери, ей не позволено было подать помощи, которая могла спасти ее. Наконецъ она остановила на дочери взоръ, полный грусти, и отвѣчая скорѣе своимъ мыслямъ, нежели той, которая слушала ее, сказала:

— Такъ ты очень любишь его?

— О матушка! воскликнула Кристина, я люблю его отъ всей души! Ждать его, видѣть, потомъ воспоминать о немъ: вотъ вся жизнь моя! Мнѣ кажется, что я никогда не буду въ силахъ выразить, до какой степени сердце мое къ нему привязано. Часто я желаю умереть за него, не для того чтобы спасти ему жизнь, — нѣтъ, это слишкомъ просто, слишкомъ легко, — но умереть безъ пользы, для того именно, что онъ сказалъ мнѣ: умри!

— Замолчи, дитя мое, замолчи! Ты ужасаешь меня! воскликнула Анунціата, закрывая ей ротъ обѣими руками.

Кристина вырвалась изъ объятій матери.

— О! да, да, вы не знаете, сказала она, вы не знаете, что значитъ любить такъ! Никто никогда не могъ заставить любить себя такимъ образомъ.

— Замолчи, дитя мое, замолчи! повторяла Анунціата выразительно. О дочь моя, какъ вселить въ сердце твое мысли спокойствія и долга? Господи! благослови слова мои! Да найдутъ онъ путь къ ея сердцу! Кристина, выслушай меня.

Анунціата взяла ее за руки и заставила стать прямо передъ собою.

— Дитя мое, ты ничего не знаешь о жизни, идешь наудачу, и скоро собьешься съ настоящаго пути. Да, ты чувствуешь, что въ сердцѣ нашемъ бываютъ завлекательныя мечты, безпредѣльныя мысли; но видишь ли, Кристина, эту-то часть нашего бытія и должны мы посвящать Богу и возносить на небо, не потерявши изъ нея на землѣ ничего; это наша безсмертная душа, которой тяжко въ этомъ преходящемъ мірѣ и которая рвется поскорѣе достигнуть своей цѣли, вѣчной любви Бога. Всѣ молодыя сердца чувствовали то же волненіе, которое обнимаетъ тебя въ эту минуту. Благо-

Digitized by Google

родныя воспротивились ему и восторжествовали надъ нимъ, а другія изнемогли. Дитя мое, жизнь не легка; она имѣетъ свои испытанія, свои тяжкія борьбы; повѣрь мнѣ, для женщины нѣтъ истиннаго счастія внѣ исполненія долга. Когда на нашу долю и не выпадетъ счастія, то все-таки еще много важныхъ дѣлъ остается для насъ въ жизни. Счастіе имѣетъ свою возвышенность, какъ любовь свой восторгъ. Честь и уваженіе — не пустыя, безсмысленныя слова. Послушай, милое дитя мое: развѣ не страшишься ты оскорбить Бога, котораго любить научала я тебя съ самаго дѣтства? Дочь моя, обратись къ Нему, и Онъ утѣшитъ тебя. Кристина, въ Богѣ любятъ тѣхъ, отъ которыхъ удаляются на землѣ. Тотъ, который положилъ въ сердцѣ женщины такіе предѣлы, предвидѣлъ и всѣ жертвы, которыя налагалъ на нее въ будущности, и вѣрно сохранилъ сокровища любви для сердецъ, которыя разрываются, оставаясь покорными.

Анунціата быстро отерла слезы, струившіяся по ея прекрасному лицу, и, схвативъ Кристину за руку, воскликнула:

— На колѣни, дитя мое, станемъ обѣ на колѣни предъ образомъ Спасителя, которымъ я благословила тебя. День клонится къ вечеру, но мы еще видимъ Его, какъ Онъ простираетъ къ намъ руку. Господи, благослови дочь мою, спаси и утѣшь ее! Господи, умири ея сердце, содѣлай его кроткимъ и покорнымъ!

Анунціата встала, и, обнявши Кристину, цѣловала ее съ любовію, омочая волосы ея слезами и тысячекратно прижимая ее къ сердцу.

Колокольчикъ позвалъ къ обѣду. Г-жа Фанъ-Амбергъ вскочила, и, дѣлая усиліе, чтобы собраться съ мыслями, сказала задыхающимся голосомъ:

— Г. Фанъ-Амбергъ велѣлъ запереть тебя въ твоей комнатѣ и принести ему ключь; онъ хочетъ, чтобы ты никого не видѣла.... Ужъ пора, онъ ждетъ меня.

— Запереть! воскликнула Кристина, запереть! Одну на цѣлый день!

Анунціата повторила съ грустыс:

— Онъ велѣлъ, велѣлъ — и я должна повиноваться.

Digitized by Google

Она подошла къ двери, бросила на Кристину взоръ, полный любви и страданія, такъ что эта послѣдняя, въ смущеніи, допустила запереть себя безъ сопротивленія. Ключь повернулся въ замкѣ, и Анунціата, придерживаясь за перилы, сошла съ лѣстницы.

Она вошла въ гостиную Г. Амбергъ былъ одинъ.

— Долго же вы оставались на верху. Ну, увѣрились ли вы, что дочь ваша сегодня утромъ была съ студентомъ Герберомъ?

— Да, она была съ нимъ, прошептала Анунціата.

— Объявили ли вы ей мое приказаніе?

— Объявила.

— Заперли вы ее?

— Заперла.

— Гдѣ ключь?

— Вотъ онъ.

— Теперь за столъ, продолжалъ онъ, направляя шаги свои къ столовой; онъ прошелъ первый, Анунціата хотѣла итти за нимъ, но силы ей измѣнили, и она упала въ кресло, стоявшее предъ ней. — Г. Фаиъ-Амбергъ сѣлъ за столъ одинъ!

— Заперли! говорила Кристина, разлучили съ семействомъ! Заперли! О! видно, лугъ показался слишкомъ великъ для меня, домъ слишкомъ обширенъ; захотѣли сдѣлать для меня темницу болѣе тѣсную, стѣны которой были бы виднѣе. Заперли! Отняли ту малую часть воздуха, которымъ я дышала, ту малую часть свободы, которою я съумѣла завладѣть!

Кристина открыла окно, на сколько могла, облокотилась на перилы и стала смотрѣть на небо. Оно было очень темно: наступила глубокая ночь; звѣзды спрятались за облака и никакой свѣтъ не сходилъ на землю; только различные оттѣнки темноты обрисовывали эти мѣста, столь знакомыя Кристинѣ. Ивы, столь прекрасныя, когда ихъ освѣщало солнце, и когда стоялъ подъ ними Герберъ, теперь представляли взорамъ одну черную и неподвижную массу; глубокое молчаніе царствовало повсюду; невозможно было надѣяться на счастіе передъ этой природой, лишенной жизни

Digitized by Google

и свѣта. Кристина была въ лихорадкѣ, она чувствовала, что ее давитъ даже и ночь холодная и мрачная, какъ все ее окружающее. Сердце молодой дѣвушки билось сильно въ груди и отказывалось повиноваться. Она хотѣла побѣдить темноту, хотѣла видѣть, и взоры ея утомились, устремляясь на невидимые предметы. Она хотѣла побѣдить равнодушіе, любила, любила пламенно предъ этими ледяными сердцами и провозглашала о любви своей съ гордостію и счастіемъ; но некому было ее слушать, и ночной вѣтеръ далеко уносилъ отъ слуха человѣческаго слова любви, которыя исходили изъ ея устъ.

— Герберъ, милый Герберъ! что ты теперь дѣлаешь? будешь ли ты спокоенъ, думая о завтрашнемъ солнцѣ? ходишь ли ты осматривать парусъ, чтобы увѣриться, не мѣшаетъ ли ему что-нибудь выдержать вѣтеръ и быстро уносить за собою лодочку? или, можетъ быть, ты спишь, думая о старыхъ ивахъ, о шумѣ воды въ ихъ вѣткахъ, и слыша голосъ Кристины, которая говоритъ: я возвращусь! О, нѣтъ, Герберъ! существа столько согласныя между собою не могутъ одну и ту же минуту такъ различаться въ впечатлѣніяхъ. Ты грустишь, другъ мой, и не знаешь почему; а я грущу, зная о нашемъ несчастіи, — вотъ вся разница между нами, происходящая отъ разлуки.... Когда я опять увижу тебя, Герберъ, не знаю; но мы опять увидимся. Если Господь допускаетъ мнѣ жизнь, то допуститъ любить тебя.

Кристина затворила окно и одѣтая бросилась въ постель, дрожа отъ холода; она взяла свою шелковую мантилью и укуталась ею. Голова ея приникла къ груди; руки, сначала сжатыя для того, чтобы придержать мантилью, разошлись, упали по бокамъ, и она уснула въ слезахъ.

Первые лучи восходящаго солнца, хотя тусклые и слабые, разбудили Кристину, и она вскочила съ постели.

— Герберъ меня дожидается! воскликнула она.

Въ ея лѣта болѣе помнятъ о счастіи, чѣмъ о слезахъ. Начало дня было новымъ свиданіемъ любви; но едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ возвратилось воспо-

Digitized by Google

минаніе о прошедшемъ и запертая дверь ея комнаты поразила ея взоры. Она подошла къ окну, облокотилась, какъ наканунѣ, и стала печально смотрѣть вдаль. Одинъ изъ краевъ неба какъ будто бы прятался отъ солнца, потому что лучи его слабо прорѣзывались сквозь тучи. Бѣловатые листья деревьевъ дрожали отъ вѣтерка, имѣвшаго силу пригнуть только листокъ, а не цѣлую вѣтку; тонкая и высокая зелень луга виднѣлась слегка изъ-подъ туманнаго покрова, еще не разсѣявшагося отъ зари. Шумъ пробужденія еще не начинался. Вскорѣ показался бѣлый парусъ на поверхности рѣки, раздулся и поднялся вверхъ такъ же легко, какъ крыло прекрасной птицы. Нѣсколько разъ пролеталъ онъ мимо луга, спускался передъ деревьями, потомъ поднимался опять, загибая лодочку къ водѣ. Онъ дѣлалъ нѣсколько поворотовъ на маленькомъ пространствѣ, и, казалось, прильнулъ къ берегамъ, не въ силахъ будучи оторваться. По временамъ вѣтеръ приносилъ звуки, почти неуловимые, какъ послѣднія ноты пѣсни, потомъ лодочка вертѣлась снова и парусъ ея колебался въ воздухѣ. Лучь солнца болѣе теплый замѣнилъ бѣлый свѣтъ зари; песокъ и вода начали принимать разные цвѣта; на берегу показались люди; нѣсколько купеческихъ лодокъ поплыли по рѣкѣ; всѣ окна въ красномъ домикѣ отворились, какъ бы для принятія утренняго воздуха. Парусъ на лодкѣ былъ опущенъ, и она медленно удалилась, увлекаемая теченіемъ.

Кристина смотрѣла и плакала.

Два раза въ день Готонъ отворяла дверь къ молодой дѣвушкѣ и приносила ей скудную пищу. Два раза Готонъ выходила изъ комнаты, не произнеся ни слова; весь день прошелъ въ уединеніи и молчаніи.

Кристина не знала, что дѣлать, какъ убить время: она стала на колѣни предъ распятіемъ, держа въ рукахъ костяныя четки. Потомъ она сняла со стѣны гитару, надѣла на шею голубую совершенно полинявшую ленту, которая была подарена Анунціатѣ въ Севильи, но которую она ни подъ какимъ видомъ не хотѣла замѣнить новою; она хотѣла пропѣть нѣсколько любимыхъ пѣсенъ, но голосъ ея изсякъ отъ

Digitized by Google

слезъ, которыя сильнѣе потекли тогда, какъ она начала петь. Кристина подняла вѣточки ивъ и положила ихъ въ книгу, гдѣ они должны были высохнуть и сохраниться; но день былъ очень дологъ, и неутѣшная дѣвушка съ возрастающею тоскою билась въ своей тюрьмѣ. Голова ея горѣла, для груди ея недоставало воздуха. Наконецъ наступилъ вечеръ. Она сидѣла у открытаго окна, и холодный воздухъ ее немного успокоилъ; но ей не дали свѣчей, и часы проходили еще медленнѣе.

Въ то время, какъ Кристина плакала, Вильгельмина случайно сѣла на порогѣ съ пряжею и запѣла вполголоса. Кристина, въ восхищеніи отъ того, что услышала чей-нибудь голосъ, высунулась изъ окна и сказала:

— Сестра, пой погромче, чтобы я имѣла утѣшеніе слушать тебя! Меня заперли и я сижу одна уже давнымъ давно; у меня нѣтъ огня, чтобы работать; пой, милая сестра, чтобы я могла тебя слышать.

— Мнѣ жаль тебя, Кристина, отвѣчала Вильгельмина; надѣюсь, что батюшка не будетъ недоволенъ тѣмъ, что я пою въ саду; а я очень рада, что могу тебя развлечь хоть на нѣсколько минутъ.

Вильгельмина пѣла одну изъ самыхъ старинныхъ пѣсенъ Голландской поэзіи, одинъ изъ тѣхъ безцвѣтныхъ, ничего не значущихъ разсказовъ, тысячу разъ повторяемыхъ на всѣхъ языкахъ міра; но голосъ молодой дѣвушки былъ чистъ и свѣжъ, слова просты, вечеръ прекрасенъ, и Кристина слушала съ удовольствіемъ.

Каждый день
Уходила дѣва молодая
Въ темный лѣсъ, подъ липовую тѣнь,
На зарѣ милова поджидая
Каждый день.

Но напрасно
Каждый день его она ждала:
Въ небѣ станетъ такъ свѣтло и ясно,
А въ душѣ все та же ночь и мгла.
Все напрасно!

Digitized by Google

— Свѣтикъ мой!
Говоритъ ей рыцарь мимоходомъ,
Для чего проснулась ты съ зарей,
Передъ яснымъ солнечнымъ восходомъ,
Свѣтикъ мой?

Знать цвѣточикъ
Заманилъ красавицу сюда;
Но зачѣмъ цвѣты тебѣ, дружочикъ?
Ты сама мила и молода,
Какъ цвѣточикъ!

— Паладинъ!
Я пришла сюда не за цвѣтами....
У меня завѣтный цвѣтъ одинъ,
И его лелѣю я мечтами,
Паладинъ!

Цвѣтъ мой красный!
Гдѣ-то онъ, желанный мой, цвѣтетъ?
Гдѣ-то ты, о мой любовникъ страстный?
Здѣсь въ слезахъ твоя подруга ждетъ
Цвѣтъ свой красный!

— Охъ, дитя!
Далеко теперь твой другъ коварный;
Счастливъ онъ и веселъ, и шутя
Позабылъ на вѣкъ, неблагодарный,
Про дитя.

— О, дай Богъ
Не знавать милому ни ненастья,
Ни тоски, ни горя, ни тревогъ!
Если онъ другую любитъ.... счастья
Дай имъ Богъ!

Со слезами
Я ждала его издалека,
Но въ удѣлъ благими небесами
Суждена мнѣ вѣчная тоска
Со слезами....

— Милый другъ!
Молвитъ рыцарь, сдернувши забрало,
Здѣсь онъ, твой любовникъ и супругъ!
Лишь тебя ему не доставало,
Милый другъ!

Digitized by Google

— Слышала ли ты, сестра? спросила Вильгельмина, поднимая къ Кристинѣ голову.

— Слышала, Вильгельмина, голосъ твой пріятенъ и напѣвъ грустенъ; мнѣ пріятно было тебя слышать.

— Скажи мнѣ, Вильгельмина, гуляла ли ты сегодня утромъ? Далеко ли вы ходили?

— Я была на мызѣ съ батюшкою.

— О! какъ ты счастлива, сестра, что могла гулять по полямъ! Какъ завидую я крестьянину, который вонъ тамъ верхомъ! Завидую этой птичкѣ, которая порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, ища дерева, что̀ будетъ служить ей жилищемъ на эту ночь; этой мухѣ, которая жужжитъ и улетаетъ, куда глаза глядятъ; завидую всему, что пользуется свободою, сестра.

— Не могу ль я сдѣлать для тебя чего-нибудь, Кристина? Мнѣ жаль, что я сегодня утромъ смѣялась надъ твоими слезами, и, если найдется какое-нибудь зависящее отъ меня средство облегчить твое заключеніе, то я буду очень счастлива.

— Да наградитъ тебя Богъ за твое доброе сердце, милая Вильгельмина. Да, въ самомъ дѣлѣ, ты можешь доставить мнѣ удовольствіе, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Если, гуляя, ты пройдешь мимо луга, что близъ воды, то нарви мнѣ цвѣточковъ, которые растутъ на томъ мѣстѣ, и сдѣлавши изъ нихъ букетикъ, брось мнѣ въ окно. Надѣюсь, ты будешь довольно ловка, чтобы попасть вѣрно; а вѣдь доброе дѣло давать плѣннику цвѣты. Добрый ангелъ будетъ управлять твоей рукою, и ты добросишь до меня цвѣты.

— До завтра, Кристина! Вотъ въ столовой зажгли лампу; батюшка тамъ, мнѣ пора идти. Будь терпѣлива и тиха, и не упадай духомъ, сестра.

— Покойной ночи, Вильгельмина; благодарствуй, что поговорила со мной. Поцѣлуй нашу матушку лишній разъ,— она догадается, отъ кого этотъ поцѣлуй.

Кристина легла спать; но проведши день безъ привычнаго движенія, въ ужасномъ безпокойствѣ, бѣдная молодая дѣвушка не могла заснуть: она встала, стала ходить въ темнотѣ, опять легла, но сонъ ни на минуту не облегчилъ ея страданій; глаза ея, усталые и красные отъ слезъ, уви-

Digitized by Google

дали восхожденіе солнца безъ пріятныхъ мечтаній. Она ни на секунду не позабыла о своемъ заключеніи; печально посмотрѣла на бѣлый парусъ, который всякое утро показывался на небосклонѣ, подобно солнцу.

Цѣлый день прождала она Вильгельмину, надѣясь получить букетъ, но одна Готонъ прерывала совершенное уединеніе ея дня. Можетъ быть, узнали про невинный разговоръ ея съ сестрой и запретили Вильгельминѣ приходить въ другой разъ. Кристина задыхалась; то встревоженная, то изнемогающая, она ходила, садилась, плакала, роптала на свою судьбу, молилась. Наконецъ наступилъ вечеръ, но не слышать было сладкихъ пѣсенъ Вильгельмины. Молчаніе ничѣмъ не нарушалось, и въ красномъ домикѣ огоньки погасли одинъ за другимъ. Ночь и глубочайшій мракъ царствовали повсюду. Кристина сидѣла, свѣсившись за окно и простирая руки къ пространству; она не чувствовала холода. Она, подобно птицамъ, которыя, не надѣясь выйдти когда-нибудь изъ своей темницы, бьются объ желѣзныя прутья, нагибалась, не боясь упасть. Воздухъ и пустота имѣли на ея восторженную голову магнетическое дѣйствіе; ей необходимо было сдѣлать большое усиліе надъ собою, чтобы не броситься изъ окна на эту сырую траву, по которой она такъ часто гуляла. Вдругъ Кристина вздохнула; ей показалось, что у подошвы стѣны ее назвали по имени; она стала прислушиваться.

— Кристина, дочь моя! повторилъ тотъ же голосъ.

— Это ты, матушка! на дворѣ въ такое ужасное время! Войди въ комнату, умоляю тебя!

— Я пролежала два дня въ постели, дитя мое, больная; теперь чувствую себя лучше, и особенно чувствую, что мнѣ невозможно оставаться долѣе, не видавъ тебя, потому что ты мнѣ жизнь, сила и здоровье! О! хорошо ты сдѣлала, дитя мое, что не покинула меня, я бы умерла съ горя! Какова ты, Кристина? Даютъ ли тебѣ все нужное? Какъ живешь ты вдали отъ моихъ поцѣлуевъ и моей любви?

— Милая матушка, ради Бога, не простудитесь отъ ночной сырости; уйди, уйди, пожалуйста, ты убьешь себя!

Digitized by Google

— Одно твое слово отогрѣетъ меня; слышать тебя — моя жизнь, Кристина! Только вдали отъ тебя мнѣ холодно, и я чувствую, что изнемогаю. Дочь моя, тысячу разъ цѣлую тебя.

— Матушка, на колѣняхъ принимаю твои поцѣлуи и обнимаю тебя. Когда я увижу тебя, матушка?

— Когда сердце твое будетъ покорно, когда ты обѣщаешь повиноваться, когда ты не станешь стараться встрѣчать того, кого любить тебѣ запрещено. Дитя мое, ты должна поступить такъ.

— Матушка, прости мнѣ, что я заставила тебя плакать!

— Прощаю, прощаю тебя, дитя мое. Я не чувствую собственнаго горя, но не могу видѣть твоихъ страданій. Дочь моя, прибѣгни къ своему мужеству и разсудку; попробуй, послушайся.

И Кристина, мечтая, опиралась на перила, совершенно мокрыя, смотрѣла на черное небо, съ котораго шелъ мелкій, но безпрерывный дождь.

— Господи, да развѣ нѣтъ примѣра, что умирали отъ любви? Развѣ нѣтъ примѣра, что открывая глаза, видишь милый образъ и смотришь на него до тѣхъ поръ, пока глаза не закроются на вѣки? Развѣ нѣтъ примѣра, что сохраняли такое чувство, о которое сокрушались всѣ силы земныя, не поколебавъ его? Я ничего не знаю о жизни, но слушаю самоё себя, и какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ: ты не можешь перестать любить!.... Матушка, подите къ батюшкѣ; одушевитесь мужествомъ, котораго не имѣете, когда идетъ дѣло о васъ самихъ; поговорите съ нимъ посмѣлѣе; передайте ему, что я сказала вамъ, требуйте отъ него мнѣ свободы и счастія!

— Я! я, дочь моя! воскликнула съ ужасомъ Анунціата, мнѣ осмѣлиться противостать г. Амбергу! идти противъ его воли!

— Не противъ воли, но умолить его, но заставить сердце его понять, что чувствутъ мое сердце, заставить его видѣть, слышать! Кто можетъ это сдѣлать, кромѣ тебя? Меня заперли; сестры мои не понимаютъ, дядя никогда не любилъ. Надобны слова женщины, чтобы высказать чувства другой женщины.

Digitized by Google

— О дитя мое! о дочь моя! ты не знаешь, чего ты у меня просишь! Это свыше силъ моихъ.

— Ну, такъ не ходите, матушка. Простите меня, я думала только о себѣ. Если батюшка имѣетъ на васъ такое вліяніе, не подвергайтесь его гнѣву; подождемъ и станемъ молиться Богу.

Наступила минута молчанія.

— Дочь моя, продолжала г-жа Амбергъ, я одна тебѣ надежда и опора, и какъ ты призвала меня къ себѣ на помощь, я рѣшаюсь: пойду и поговорю съ нимъ. Небо рѣшитъ нашу участь.

Въ эту минуту Анунціата вскрикнула отъ ужаса: кто-то сильно схватилъ ее за руку; г. Амбергъ, не говоря ни слова, повелъ ее къ двери дома, ввелъ туда, заперъ дверь, вынулъ изъ замка ключь, и заставилъ г-жу Амбергъ пройдти впередъ себя въ столовую.

Тамъ еще догарала лампа, слабо освѣщавшая комнату; по временамъ она бросала то блестящій, то вдругъ потухавшій свѣтъ. Углы комнаты постоянно оставались въ темнотѣ, двери и окна были затворены, вездѣ царствовало глубокое молчаніе; лампа освѣщала вполнѣ только лице г. Фанъ-Амберга. Оно было спокойно, холодно, безстрастно. Его высокій станъ, проницательный взоръ его свѣтло-голубыхъ глазъ, строгая правильность его лица, все это вмѣстѣ, и притомъ ночью, представляло въ немъ неумолимаго судью.

— Вы хотѣли говорить со мною, сударыня, сказалъ онъ Анунціатѣ: говорите.

Анунціата, войдя въ комнату, бросилась въ кресло; капли воды падали съ ея одежды; ея волосы, смоченные дождемъ, падали прядями по плечамъ, и блѣдность, покрывавшая лице ея, придавала ей видъ скорѣе тѣни, нежели существа живаго. Холодъ заставилъ ее потерять память прошлаго, мысли ея помутились, она чувствовала только ужасное страданіе.

Голосъ г. Амберга заставилъ вздрогнуть Анунціату; слова, имъ произнесенныя, связали нить ея мыслей; эта слабая женщина вспомнила о своей дочери, превозмогла себя, собралась съ силами, и вставши, прошептала:

Digitized by Google

— Ну, теперь, потому что это необходимо!

Г. Амбергъ ожидалъ въ молчаніи; скрестивши руки на груди, устремивъ взоръ на жену, онъ стоялъ, какъ истуканъ, не помогая ни движеніемъ, ни словомъ бѣдному существу, трепетавшему передъ нимъ.

Анунціата подняла на него глаза, наполненные слезами. Не начиная еще говорить, она долго смотрѣла на него; ей казалось, что слезы ея вызовутъ слезы на глаза, обращенные на нее; ей казалось, что при видѣ ея, при видѣ столькихъ страданій, онъ вспомнитъ, что нѣкогда любилъ ее. Такимъ образомъ она долго смотрѣла на него глазами, въ которыхъ сосредоточивалась вся жизнь ея; но не одинъ мускулъ не измѣнился въ лицѣ г-на Амберга: онъ ждалъ.

— Мнѣ нужно все ваше снисхожденіе, прошептала Анунціата; я должна сдѣлать надъ собою ужасное усиліе, чтобы начать говорить.... обыкновенно я только отвѣчаю, первая не говорю никогда; сжальтесь надъ женщиною, которая колеблется, дрожитъ, желаетъ молчать, но принуждена говорить. Кристина!.... Будущность Кристины въ вашихъ рукахъ. Это несчастное дитя упросило меня смягчить гнѣвъ вашъ.... Если бы я отказалась, то не оставалось бы ни одного живаго существа, которое могло бы просить за нее прощенія. Вотъ отъ чего я хочу поговорить о ней съ вами.

Прошла минута молчанія. Г-жа Амбергъ дрожащими руками отерла слезы, которыя текли по щекамъ ея, и, собравшись съ духомъ, продолжала:

— Кристина достойна жалости, она наслѣдовала недостатки, которые вы порицаете во мнѣ, и всю дурную сторону моего характера; по несчастію, она похожа во всемъ на меня. О! повѣрьте мнѣ, сударь, я много старалась искоренить эти отпрыски моего несчастнаго организма; я долго боролась, увѣщавала, наказывала, не щадила ни совѣтовъ, ни просьбъ: все напрасно. Богу было угодно, чтобы я вытерпѣла это. Чего я не могла сдѣлать съ малолѣтнимъ ребенкомъ, то еще менѣе могу сдѣлать съ молодою дѣвушкою; характеръ ея не можетъ перемѣниться; она достойна порицанія, но достойна и жалости! Кристина любитъ всѣми силами души. Можно умереть отъ такой любви, и.... и.... если не умрешь,

Digitized by Google

то будешь страдать ужасно!.... Сжальтесь.... позвольте ей выдти замужъ за Гербера.

Анунціата закрыла глаза руками, и съ тоскою ждала, чтобы мужъ ея заговорилъ. Г. Амбергъ отвѣчалъ:

— Дочь ваша еще ребенокъ; она наслѣдовала, какъ вы говорите, характеръ, который необходимо должно обуздать. Я не хочу уступить первому капризу, волнующему эту безумную голову. Герберу только двадцать четыре года, его характеръ еще неизвѣстенъ. Вашей дочери нуженъ покровитель, нуженъ опытный руководитель; къ тому же, Герберъ не имѣетъ ни имени, ни состоянія, ни положенія въ свѣтѣ.... Никогда студентъ Герберъ не женится на дѣвушкѣ, которая носитъ имя Фанъ-Амбергъ.

— Въ жизни самый лучшій руководитель для женщины мужъ, котораго она любитъ, продолжала Анунціата, сложивъ руки и чуть дыша. Онъ для нея лучшій хранитель, и онъ-то подастъ ей силу переносить всѣ случаи жизни.... Умоляю тебя, Карлъ! воскликнула г-жа Амбергъ, падая на колѣни, составь счастіе нашей дочери! Не дѣлай тягостнымъ долгъ ея; не требуй отъ нея слишкомъ много мужества! Мы не болѣе какъ слабыя существа.... намъ нужна любовь и добродѣтель! Не принуждай же ее сдѣлать ужаснаго выбора!.... сжалься, сжалься надъ нею!....

— Сударыня, воскликнулъ г. Амбергъ, сильно вздрогнувъ на этотъ разъ, какъ можете вы, сударыня, говорить мнѣ подобныя вещи? Замолчите и научите дочь вашу не колебаться въ выборѣ между добромъ и зломъ. Вотъ что вы должны дѣлать, а не плакать у ногъ моихъ съ пустыми словами.

— Это дерзко, сударь, такъ говорить съ вами? Но гдѣ же взять мнѣ силы, какъ не въ своей горести? Я страдаю, я больна, и жизнь мою можно принести только въ жертву.... пусть же возьметъ ее дочь моя, я стану говорить за нее. Она бѣдное существо, жизнь котораго находится у васъ въ рукахъ; не погубите же ее своимъ суровымъ приговоромъ.

Г. Амбергъ подошелъ къ женѣ, взялъ ее за руку, и закрывая ей ротъ, сказалъ:

Digitized by Google

— Замолчите, слышите ли? Чтобъ не было въ моемъ домѣ подобныхъ зрѣлищъ, — ни шума, ни слезъ! Дѣти ваши близко, не тревожьте ихъ сна. Слуги надъ вами, не будите ихъ. Молчите! Пусть все идетъ своимъ порядкомъ. Никогда, — слышите ли? — никогда не разсуждайте со мною о приказаніяхъ, которыя я почелъ за нужное отдать: мнѣ должны повиноваться дѣти, мнѣ должны повиноваться и вы. Ступайте къ себѣ въ комнату, и чтобы завтра нашелъ я васъ тѣмъ же, чѣмъ вы были вчера.

Г. Амбергъ сдѣлался спокойнымъ, какъ и всегда, и медленно удалился.

— О дочь моя! воскликнула Анунціата съ отчаяніемъ, я ничего не могла для тебя сдѣлать. Что дѣлать, Господи! что дѣлать съ нимъ и съ нею? Оба неумолимы.

Лампа, которая до сихъ поръ чуть-чуть освѣщала это горестное зрѣлище, погасла совершенно; глубокая темнота царствовала повсюду; дождикъ стучалъ по наружнымъ стекламъ, вѣтеръ шумѣлъ; въ красномъ домикѣ пробило четыре часа утра.

Г-жа Амбергъ подошла къ окну и открыла его; нисколько не заботясь о сохраненіи своего здоровья, она хотѣла подышать воздухомъ, не смотря на сильный дождь. Она посмотрѣла, сквозь сумракъ, предшествующій разсвѣту, на тѣ мѣста, на которыхъ взоры ея такъ часто останавливались. Ея молодость, зрѣлый возрастъ, вся жизнь ея протекла здѣсь, передъ этимъ лугомъ и рѣкою, подъ этимъ туманнымъ небомъ, доставлявшимъ ей такъ мало солнечной теплоты. Она смотрѣла еще болѣе съ растроганнымъ сердцемъ, нежели когда-либо; она, казалось, предчувствовала свой близкій конецъ, и предавалась тому грустному чувству, которое овладѣваетъ нашимъ существомъ, когда мы въ послѣдній разъ смотримъ на все окружающее. Она умоляла бездушные предметы о томъ состраданіи, въ которомъ отказывали ей люди. Она потихоньку вручала этой землѣ, этому однообразному небосклону, ребенка, родившагося здѣсь. Она всему передавала свои слезы, материнскую любовь и опасенія. Она просила все, что видѣла, любить Кристину и покровительствовать ей. Холодъ усиливался, она почувствовала ужасную

Digitized by Google

боль въ груди и дыханіе у ней занималось. Удрученная горемъ и тѣлесными страданіями, она повлеклась къ себѣ въ комнату, бросилась въ постель, и при появленіи дня, уже не могла встать съ нея.

Кристина видѣла, какъ отецъ ея, схвативъ за руку мать, грубо ввелъ ее въ комнату; потомъ сквозь не очень толстыя стѣны, ей слышны были рыданія, просьбы, упреки. Она поняла, что тамъ рѣшается ея участь, что ея бѣдная мать пожертвовала для нея собою.

Кристина провела всю ночь въ ужасномъ страхѣ, предаваясь то отчаянію, то радостнымъ надеждамъ. Въ ея лѣта не легко разставаться съ надеждою жизни. Ужасъ однако преобладалъ надъ всѣми другими мыслями, и она охотно отдала бы половину своего существованія за то, чтобы кто-нибудь пришелъ поговорить съ ней и разсказать ей о всемъ происшедшемъ; но день прошелъ, а Вильгельмина не появлялась на порогѣ и не слышно было голоса ея матери. Глубокое молчаніе царствовало повсюду. Къ ней входила одна Готонъ; Кристина сдѣлала нѣсколько вопросовъ: старая служанка отвѣчала, что ей запрещено говорить.

Прошелъ еще день; ничто не возмущало уединенія Кристины; никто не отдернулъ завѣсы, скрывавшей отъ нея будущность. Бѣдная дѣвушка изнемогала, она даже потеряла всю силу своей горести. Она плакала тихо, не жалуясь, почти безъ ропота.

Наступила ночь; она заснула, задыхаясь отъ слезъ и страха. Кристина уже дремала почти съ часъ, какъ вдругъ стукъ ключа, повернувшагося въ замкѣ, разбудилъ ее. — Дверь отворилась, и — Готонъ, съ ночникомъ въ рукѣ, подошла къ ея постели.—Встаньте, сударыня, сказала она важнымъ голосомъ, и идите за мною.

Кристина, еще во снѣ, второпяхъ надѣла на себя платье, и, молча, слѣдовала за Готонъ, которая привела ее къ комнатѣ матери. Служанка отворила дверь и пропустила Кристину. Ужасное зрѣлище поразило взоры Кристины.

Анунціата, блѣдная и почти безжизненная, претерпѣвала послѣднія страданія, — борьбу жизни со смертію.

Digitized by Google

Предчувствіе не обмануло ее: слишкомъ сильное волненіе разорвало слабыя узы, привязывавшія ее къ землѣ. Лампа освѣщала вполнѣ ея кроткое и прекрасное лице, котораго страданіе не могло еще измѣнить; лобъ ея, столь же бѣлый, какъ и подушка, на которой она лежала, выражалъ покорность и мужество; искра радости заблистала на немъ, при входѣ Кристины. Вильгельмина и Марія, стоя на колѣняхъ, плакали въ ногахъ матери. Вильгельмъ, не много вдали, держалъ въ рукахъ книгу, въ которой хотѣлъ читать молитвы, но глаза его отвернулись отъ книги, чтобы посмотрѣть на Анунціату. Крупныя слезы катились изъ нихъ.

Г. Амбергъ, сидя въ головахъ жены, наклонилъ голову на руку. Никто не могъ видѣть выраженія его лица.

Кристина ужасно вскрикнула, и, бросаясь къ матери, которая приняла ее въ свои объятія, сказала, положивъ лице свое на лице Анунціаты:

— Матушка! я убила тебя! ты сдѣлала изъ любви ко мнѣ болѣе, чѣмъ могла.

— Нѣтъ, милое дитя мое, нѣтъ, отвѣчала Анунціата, цѣлуя дочь свою при каждомъ словѣ,—я умираю отъ старой и давно ничѣмъ неизлечимой болѣзни. Я счастлива, что вижу тебя въ послѣдній разъ.

— И мнѣ не позволили ходить за тобою, вмѣстѣ съ сестрами! воскликнула Кристина, приподымаясь, — отъ меня скрывали болѣзнь твою! меня оставили плакать о другихъ, а не о твоихъ страданіяхъ, матушка!

— Милое дитя, возразила тихо Анунціата, этотъ припадокъ сдѣлался внезапно; два часа тому назадъ еще не знали объ угрожающей мнѣ опасности; я сама просила, чтобы мнѣ позволили исполнить духовный долгъ прежде, чѣмъ позвать тебя. Я хотѣла вполнѣ предаться мыслію Богу. Теперь я могу вдоволь цѣловать милыхъ своихъ дѣтей.

И г-жа Амбергъ прижала вмѣстѣ къ сердцу своему трехъ дочерей, которыя обливали ее слезами.

— Милыя дѣти, сказала она, Господь исполненъ милосердія къ умирающимъ. Онъ освящаетъ благословенія, которыя мать даетъ своимъ дѣтямъ. Благословляю васъ, дѣти; помните меня и молитесь за меня всѣ.

Digitized by Google

Три молодыя дѣвушки наклонили голову подъ руку матери, ихъ благословлявшей, и отвѣчали однѣми слезами на это торжественное прощаніе.

— Добрый братецъ, продолжала Анунціата, наклонясь къ Вильгельму, который бросалъ на нее отеческіе взоры, полные горести и любви, — любезный братецъ, мы долго жили вмѣстѣ, и вы всегда были для меня вѣрнымъ, снисходительнымм и кроткимъ другомъ; благодарю васъ, братецъ.

Вильгельмъ отвернулъ голову, скрывая усилія, которыя дѣлалъ онъ, чтобы удержаться отъ слезъ; но все было напрасно: рыданіе вырвалось у него изъ груди вмѣстѣ съ дыханіемъ, и, отказываясь отъ наружной твердости, онъ сказалъ Анунціатѣ, показывая ей почтенное лице свое, орошенное слезами:

— Не благодарите меня, сестра, я мало для васъ сдѣлалъ. Я не развлекалъ вашего уединенія, но я любилъ васъ — это правда! Надѣюсь, сестра, что вы еще выздоровѣете.

Анунціата тихо покачала головою. Простившись со всѣми, она искала взоромъ своего мужа, чтобы сказать ему послѣднее прости; но слова замерли на устахъ; она посмотрѣла на него боязливо и грустно, потомъ закрыла глаза, какъ бы для того, чтобы остановить слезу, которая выкатилась изъ-подъ рѣсницы.

Г-жа Амбергъ видимо слабѣла; она ужасно задыхалась, и чѣмъ болѣе чувствовала приближеніе смерти, тѣмъ болѣе внутреннее смущеніе овладѣвало ею: но то не было сожалѣніе о жизни. Она была исполнена преданности къ Богу, но не была спокойна. Душа ея должна была страдать и волноваться до конца. Она посмотрѣла на дѣтей, потомъ отвернулась со слезами на глазахъ. Будущность одной изъ дочерей ея преогорчила послѣднія минуты ея жизни. Она не смѣла произнести имени Кристины, не смѣла просить за нее, а между тѣмъ страхъ и другія томительныя мысли наполняли попеременно ея бѣдное сердце. Она хотѣла говорить, хотѣла молчать. Она умирала такъ же, какъ и жила, скрывая свои мысли и слезы. По временамъ она обращалась къ мужу; но онъ, опираясь на руку, смотрѣлъ въ землю, и ей не удалось замѣтить ни одного ободрительнаго взора, который далъ бы ей смѣлость плакать вслухъ.

Digitized by Google

Спазмы, которые должны были разрушить эту слабую жизнь, все болѣе и болѣе усиливались. Умирающая Анунціата шептала едва слышнымъ голосомъ: — прощайте, прощайте!... Взоръ болѣе не повиновался ей, и никто не могъ бы сказать, на комъ именно онъ останавливался. Вильгельмъ подошелъ къ брату, и положивъ руку ему на плечо, сказалъ на ухо и такъ тихо, что онъ одинъ могъ слышать:—Карлъ, она кончается!

Наступило молчаніе. Г. Амбергъ остался неподвиженъ. Анунціата, откинувшись назадъ, казалось, болѣе не существовала. Вдругъ она сдѣлала движеніе, съ трудомъ поднялась, нагнулась къ г. Амбергу, ощупью нашла руку мужа, и схвативъ, прижала ко лбу эту неподвижную руку, поцѣловала ее, поцѣловала въ другой разъ, и скончалась во время этого поцѣлуя.

— На колѣни! воскликнулъ Вильгельмъ, на колѣни! душа ея улетѣла на небо! попросимъ ее помолиться за насъ.

И всѣ пали на землю.

Изъ всѣхъ молитвъ, возносимыхъ къ Богу человѣкомъ во время своей жизни, исполненной испытаній, ни одна молитва не бываетъ торжественнѣе той, которая вырывается изъ растерзаннаго сердца въ ту минуту, когда дорогая душа улетаетъ съ земли на небо, и въ первый разъ является предъ Творцемъ.

Г. Амбергъ всталъ. — Выйдте изъ этой комнаты, сказалъ онъ дѣтямъ и брату; я хочу остаться одинъ съ моею женою.

Медленно отошли всѣ отъ смертнаго одра; дверь отворилась и ее опять затворили. Покойница и мужъ ея остались одни.

Карлъ Амбергъ, стоя у постели, пристально смотрѣлъ на это блѣдное лице; оно снова, отъ спокойствія смерти, сдѣлалось столь же прекраснымъ, какъ было въ молодости. Слеза, оставшаяся на немъ отъ страданій жизни, слеза, за которою не появится другая, блистала на оледенѣвшей щекѣ усопшей; одна рука свисла съ постели отъ движенія, которое сдѣлала г-жа Амбергъ, чтобы взять за руку мужа; наклоненная голова ея лежала тамъ, гдѣ она поцѣловала эту строгую

Digitized by Google

руку. Г. Амбергъ посмотрѣлъ на все это, и сердце его тронулось.

— Анунціата! воскликнулъ онъ, Анунціата! Уже прошло пятнадцать лѣтъ, какъ это имя не выходило изъ устъ г. Амберга. Онъ бросился на тѣло жены, обнялъ его и поцѣловалъ въ лобъ.

— Анунціата! сказалъ онъ, не правда ли, ты чувствуешь этотъ поцѣлуй мира, который я съ любовію даю тебѣ? Анунціата, мы оба много страдали! Господь не далъ намъ счастія, Анунціата, я любилъ тебя со дня, когда въ первый разъ увидѣлъ тебя счастливымъ ребенкомъ въ Испаніи, до этого ужаснаго дня, въ который прижимаю тебя мертвую къ своему сердцу. О, Анунціата, какъ мы страдали!

Г. Амбергъ плакалъ.

— Миръ праху твоему, бѣдная женщина, прошепталъ онъ: найди на небѣ то спокойствіе, въ которомъ отказала тебѣ земля!

Дрожащею рукою онъ коснулся глазъ Анунціаты и закрылъ ихъ.

— Теперь, сказалъ онъ, ты уже болѣе не будешь плакать. Глаза твои закрылись навѣки.

Онъ взялъ руки жены и положилъ ихъ одну на другую.

— Ты часто, прошепталъ онъ, складывала ихъ, въ своихъ молитвахъ. Пускай же будутъ онѣ сложены навѣки.

Потомъ, приготовляясь покрыть лице Анунціаты, онъ сказалъ:

— Никакой человѣческій взоръ не увидитъ болѣе этого чела, одареннаго Богомъ такою красотою; гробъ скроетъ эту прелестную голову! Ты возвращаешься, Анунціата, къ Богу, съ тѣми дарами, которые Онъ далъ тебѣ; я смотрю на тебя въ послѣдній разъ.

Онъ покрылъ Анунціату погребальнымъ покровомъ; потомъ сталъ на колѣни.

— Господи, воскликнулъ онъ, будь милосердъ!

(*Окончаніе въ слѣд. книж.*)

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕСТРА МАРІЯ.

(*Окончаніе.*)

Когда Г. Амберг, при появленіи дня, вышелъ изъ комнаты жены, лице его имѣло свое обыкновенное выраженіе; характеръ, на минуту поколебавшійся, покорился самому себѣ и снова подошелъ подъ свой уровень. Анунціата унесла съ собою въ могилу послѣдній откликъ любви, послѣднюю слезу этого каменнаго сердца. Г. Фанъ-Амбергъ явился снова человѣкомъ, на лицѣ котораго никакое горе не оставляло слѣда. Дочери, увидавъ его, поклонились, Вильгельмъ не сказалъ ему ни слова; порядокъ и правильный образъ жизни снова водворились въ домѣ. Анунціату похоронили безъ шума, безъ поѣзда; она вышла, чтобы никогда болѣе не возвращаться въ это печальное жилище, въ которомъ бѣдная душа ея волновалась до самой смерти; она перестала жить также тихо, какъ замираетъ звукъ, какъ пролетаютъ облака, какъ увядаетъ цвѣтокъ; ничто не остановилось отъ того, что ея не было. Если ее оплакивали, то оплакивали потихоньку; хотя и думали о ней, но не говорили: имя ея болѣе не произносилось; только большее молчаніе царствовало внутри краснаго домика, и взоръ Г-на Амберга казался еще суровѣе, чѣмъ прежде.

Digitized by Google

Днемъ глубокая горесть Кристины повиновалась желѣзной волѣ, которая тяготѣла надъ всѣми членами семейства; бѣдная дѣвушка молчала, работала, садилась за столъ и продолжала жить, какъ будто бы сердце ея не было растерзано горемъ; но наступала ночь, и сидя въ этой комнатѣ, въ которой мать ея такъ часто плакала съ нею, она стонала и давала полную свободу тому, что таила въ глубинѣ сердца въ продолженіе нестерпимаго дня; она звала мать, говорила съ нею, протягивала къ ней руки; ей хотѣлось оставить этотъ міръ, чтобы слѣдовать за нею на небо; она говорила:

—Возьми меня, матушка! Въ разлукѣ съ тобою, въ разлукѣ съ нимъ, мнѣ не для чего жить; я не боюсь уже смерти съ тѣхъ поръ, какъ видѣла твою.

Она проводила цѣлыя ночи, смотря на небо; въ сіяніи звѣздъ, въ лучахъ мѣсяца искала Анунціату; воображая, что мать предстанетъ ей, она не вѣрила, что видѣла ее въ послѣдній разъ. Прислушивалась, во время глубокаго молчанія, надѣясь услышать тихій и столь любимый голосъ Анунціаты. Зашелеститъ ли въ листьяхъ вѣтерокъ, сердце Кристины забьется, замретъ. «Вотъ матушка,» говоритъ она; но нѣтъ, небо хранило у себя душу, улетѣвшую къ нему: неизмѣримый сводъ его закрылся за нею; никакая тѣнь не слетала съ него на землю, и никакой голосъ, подобно небесному пѣнію, не прерывалъ молчанія ночи.

Со смерти Анунціаты, Кристинѣ возвратили свободу. Можетъ быть, Г. Амбергъ думалъ, и не безъ основанія, что Кристина не употребитъ во зло свою свободу въ эти первые дни скорби; можетъ быть, еще предъ теплымъ прахомъ жены, онъ не рѣшался принять тѣхъ мѣръ, которыя были причиною столькихъ слезъ для усопшей. Какова бы ни была причина, но Кристина была свободна, по крайней мѣрѣ повидимому. Три сестры, въ глубокомъ траурѣ, не переступали своего порога; онѣ работали цѣлый день, въ столовой у низкаго окна, ужинали съ дядею и отцомъ, потомъ уходили къ себѣ въ комнаты. Но въ продолженіе длинныхъ часовъ молчаливой работы, Кристина думала о

Digitized by Google

своемъ другѣ, хотя не покушалась его видѣть, потому что ей слышался еще голосъ матери, шептавшій ей на ухо: »дочь моя, подожди, еще слишкомъ рано, чтобы быть счастливой; оплакивай меня одна и безъ утѣшенія.« Она думала, что Герберъ зналъ о ея несчастіи, и понималъ, что бываютъ такія горести, которыя должны оставаться неприкосновенными и при видѣ которыхъ все въ жизни должно умолкать. И такъ Кристина вполнѣ покорялась распредѣленію каждаго часа дня, и оставалась, подобно Вильгельминѣ, неподвижна и прилежна къ работѣ. Судя по этимъ тремъ молодымъ дѣвушкамъ, работавшимъ молча, съ неутомимымъ постоянствомъ, никто не могъ бы подумать, что сердца ихъ бились такъ различно, что тысячи мыслей пробѣгали въ этихъ молоденькихъ головкахъ, и что одна изъ нихъ задыхалась, какъ плѣнница, въ этой атмосферѣ молчанія и холоднаго однообразія.

Однажды утромъ, послѣ ночи, проведенной въ слезахъ, Кристина заснула отъ усталости. Сны, полные тревоги, наполняли ея душу; то мать обнимала ее, то убаюкивала, какъ убаюкиваютъ дремлющаго ребенка, и улетала съ нею, говоря: «я не хочу, чтобы ты жила! жизнь приноситъ страданія. Я просила Бога, чтобы Онъ прибралъ тебя въ молодости, для того, чтобъ ты не плакала, подобно мнѣ.» Минуту спустя, ей грезилось, что надѣваютъ на нее бѣлое платье и вѣнокъ изъ цвѣтовъ; что она стоитъ возлѣ Гербера, который говоритъ ей: «пойдемъ, моя невѣста! жизнь прекрасна, любовь моя не допуститъ до тебя слезъ; пойдемъ, мы будемъ счастливы вмѣстѣ!» — Кристина быстро вскочила; ей послышался какой-то глухой стукъ; она посмотрѣла вокругъ себя; окно было открыто, и на полу, посреди комнаты, лежало письмо, привязанное къ камешку; его-то паденіе и разбудило молодую дѣвушку. Первымъ движеніемъ Кристины было подбѣжать къ окну; но она никого не увидала; можетъ быть, кустарникъ шумѣлъ у рѣки, и глаза ея ничего не могли различить. Она подняла письмо и отгадала, что это былъ почеркъ Гербера. Кажется, что почеркъ любимаго человѣка всегда видишь не въ первый

Digitized by Google

разъ: сердце узнаетъ его, какъ будто бы глаза уже видѣли его. Кристина плакала отъ радости. О матушка! воскликнула она. Ей нужно было передать матери первую минуту счастія, которымъ насладилась она послѣ долгихъ дней горя и принужденія.

Кристина ошибалась. Если бы душа ея матери могла слетѣть къ ней съ неба, то она осѣнила бы своими крыльями письмо, для того, чтобы дочь ея не могла прочесть его; но Кристина была одна; лучь восходящаго солнца освѣщалъ вершины ивъ, и она прочла слѣдующее:

«Кристина! я могу написать тебѣ лишь нѣсколько строкъ: длинное письмо было бы трудно спрятать, и оно не дошло бы до тебя. Да услышитъ душа твоя мои просьбы, и да пойметъ она, чего я не могу выразить! Другъ мой! ты знаешь, что мои родители поручили меня на попеченіе твоего отца, и дали ему полную власть надо мною. Онъ можетъ употребить меня, какъ и куда ему будетъ угодно, судя по видамъ своего торговаго дома. Кристина, я получилъ приказаніе отправиться на кораблѣ въ Батавію.»

Кристина вскрикнула, и блистающими отъ слезъ глазами, прочла слѣдующія строки:

«Отецъ твой хочетъ раздѣлить насъ неизмѣримымъ океаномъ; онъ хочетъ разлучить насъ навсегда. Никогда болѣе не видѣться, никогда, возможно ли это, Кристина? Развѣ сердце твое научилось понимать эти слова со времени нашего свиданія? Нѣтъ, моя милая Кристина, нѣтъ, невѣста моя, намъ должно жить и умереть вмѣстѣ! Матери твоей нѣтъ; присутствіе твое не послужитъ никому счастіемъ.... Пойдемъ, убѣжимъ вмѣстѣ..... Въ гавани Гельдеръ стоитъ множество кораблей; они увезутъ насъ обоихъ далеко отъ мѣстъ, гдѣ мы такъ много страдали. Я все предвидѣлъ, все приготовилъ; только приходи. Я ожидаю. Кристина! отъ одного слова, которое начертишь ты, будетъ зависѣть жизнь моя. Я не хочу жить безъ тебя! Разлучены навсегда!.... Если ты подпишешь приговоръ, то я не окончу горькое существованіе, назначаемое

Digitized by Google

мнѣ Богомъ. Я скажу: несчастенъ тотъ день, въ который въ первый разъ увидѣлъ свою любезную! Этотъ день былъ всею моею жизнію. А ты, ты, Кристина, вдали отъ меня, неужели опять начнешь ты любить?.... полюбишь другаго?.... или будешь жить безъ любви? ... О, приходи, я такъ страдалъ безъ тебя. Мы поѣдемъ въ Испанію, въ Севилью, въ отечество твоей матери, въ страну, гдѣ умѣютъ любить съ самаго рожденія, гдѣ не умѣютъ жить, когда не умѣютъ любить! Я зову, ожидаю тебя, — Кристина! жена моя! Сегодня вечеромъ, въ полночь, приходи къ берегу рѣки: я буду тамъ, и вся наша счастливая будущность откроется передъ нами. Приходи, приходи, милая Кристина!»

Въ то время, какъ Кристина читала, слезы ея градомъ текли на письмо Гербера. Она чувствовала ужасное смущеніе. Она любила страстно, но была молода, и любовь еще не умѣла сообщить этой чистой душѣ ту смѣлость, которая побѣждаетъ всѣ препятствія. Она ужасалась. Всѣ благоразумныя слова, слышанныя ею въ отеческомъ домѣ, всѣ благіе совѣты дяди Вильгельма, всѣ святыя молитвы, выученныя ею съ дѣтства, отзывались у ней въ ушахъ; ей казалось, что деревянное Распятіе смотритъ на нее, а ея четки были горячи еще отъ пальцевъ.

— О! сонъ мой, сонъ! сказала она: Герберъ зоветъ свою невѣсту, мать—свою дочь! онъ—жизнь и любовь! она—смерть и небо!... О Господи, Господи, воскликнула Кристина, рыдая. Съ минуту она старалась смотрѣть на будущее, говоря себѣ, что не убѣжитъ, что останется въ этомъ скучномъ домѣ, что будетъ жить въ уединеніи, оплакивая Гербера, старѣя безъ него, безъ любви, въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ, гдѣ никогда не услышитъ слова, выходящаго прямо изъ сердца. Она отвернулась съ ужасомъ; она чувствовала, что будущность эта невозможна. Горько заплакала она; поцѣловала четки, молитвенникъ, какъ будто прощаясь со всѣмъ тѣмъ, что видѣло невинность ея первыхъ лѣтъ; потомъ сердце ея сильно забилось. Ея огненный взоръ высушилъ слезы. Она посмотрѣла на рѣку, на бѣлый парусъ, который, казалось, издалека напоминалъ ей клятвы любви;

Digitized by Google

она зарыдала, какъ бы безвозвратно разрушивъ связь прошедшаго съ будущимъ. При ней не было матери....И всѣ благочестивыя мысли, хранительницы невинности, улетѣли на небо вмѣстѣ съ нею. Кристина, преданная самой себѣ, покорилась внушенію своего пылкаго характера; она плакала, дрожала, колебалась и наконецъ вскричала: «Сегодня въ полночь, я буду на берегу рѣки!»—Кристина отерла слезы, и нѣсколько минутъ оставалась неподвижна, чтобы успокоить ужасное волненіе, овладѣвшее ея душею. Безпредѣльная будущность открывалась передъ нею; ей представлялась свобода; совсѣмъ другой міръ представалъ ея глазамъ; новая жизнь для нея начиналась.

Но однако нужно было, чтобы Кристина провела день спокойно, работая вмѣстѣ съ сестрами; нитка часто обрывалась подъ ея пальцами; она позабывала выдергивать иглу; ея мечтающіе взоры смотрѣли на небосклонъ, но только сквозь слезъ; ей казалось, что время остановилось; тысяча смутныхъ мыслей волновали ей голову: Герберъ, будущность, тихая, счастливая жизнь....

Въ то время, какъ Вильгельмина, сонная, пѣла медленно и вполголоса, вертя веретено, Кристина, нехотя, не смотря на душевное смущеніе, слушала странныя слова пѣсни. Слова эти едва произносились, и можно было подумать, что какое-то невидимое существо говорило устами Вильгельмины,—такъ была она нечувствительна къ словамъ пѣсни. Вильгельмина пѣла слѣдующій романсъ:

Я здѣсь грущу, томлюся и тоскую,
Хочу бѣжать!
Меня мечты манятъ въ страну иную,
Хочу бѣжать!

*

Но міръ великъ, а я мала, безсильна;
За чѣмъ бѣжать?
Здѣсь небеса смѣются такъ умильно!
За чѣмъ бѣжать?

*

Digitized by Google

Какъ ласточкѣ, мнѣ нужно жить на волѣ:
Хочу бѣжать!
Хочу искать цвѣтовъ въ широкомъ полѣ,
Хочу бѣжать!

*

Но птичкѣ милъ пріютъ роднаго крова:
За чѣмъ бѣжать?
За чѣмъ и мнѣ слетать съ гнѣзда роднова,
За чѣмъ бѣжать?

*

Припѣвъ этой пѣсни велѣлъ оставаться, и этотъ голосъ грустно проникъ въ глубину души Кристины. Нѣсколько слезъ упало и смочило ея работу. Она посмотрѣла на сестеръ. Вильгельмина кончила тѣмъ, что заснула, какъ будто собственный голосъ убаюкалъ ее; Марія распутывала узелъ, завязавшійся на пряжѣ, и всѣ мысли ея сосредоточились на этомъ занятіи, которое продолжалось довольно долго и не причиняло ей ни скуки, ни нетерпѣнія. Туманы окружили лугъ и образовали у окна густой покровъ, непроницаемый для глазъ. Ни въ чемъ не было жизни, ни въ существахъ живыхъ, ни въ предметахъ неодушевленныхъ. Кристина прижала руку къ сердцу и повторила слова пѣсни:

Какъ ласточкѣ, мнѣ нужно жить на волѣ:
Хочу бѣжать!
Хочу искать цвѣтовъ въ широкомъ полѣ:
Хочу бѣжать!

*

— Если на одномъ небѣ можно найдти солнце, спокойствіе и счастіе, шептала молодая дѣвушка, мнѣ не за чѣмъ искать его на землѣ: я умру, и послѣдую за матушкой!

Кристина принялась за работу, и снова стала считать каждую минуту, отдѣлявшую ее отъ назначеннаго срока.

Наступилъ вечеръ. Лампа замѣнила послѣдній свѣтъ дня. Всѣ, вмѣсто того, чтобы сидѣть подъ окномъ, собрались у стола. Вошли Вильгельмъ и Карлъ Амбергъ. Одинъ взялъ книгу и сталъ читать про себя, другой раскрылъ

Digitized by Google

длинные реэстры, въ которыхъ отдавались отчеты въ разныхъ торговыхъ оборотахъ. Самое глубокое молчаніе воцарилось въ комнатѣ. Лампа тускло освѣщала присутствующихъ. Взоры всѣхъ были такъ же грустны, какъ и сердца. Молодость, старость, безпечность, волненіе, страданіе, все подошло подъ одинъ покровъ. Молчаніе господствовало надъ всѣмъ. Часы били медленно. Когда молотъ ихъ пробилъ десять ударовъ, вокругъ стола сдѣлалось движеніе; книги закрылись, работы спрятались. Карлъ Ф. Амбергъ всталъ; старшія дочери подошли къ нему; онъ поцѣловалъ ихъ въ лобъ, не произнесл ни одного слова. Кристина, хотя и свободная, чувствовала еще себя подъ опалою, и только поклонилась отцу. Дядя Вильгельмъ, почти заснувшій надъ своею книгою, медленно положилъ въ карманъ очки, бормоча что-то въ родѣ: «прощай», но это слово остановилось на губахъ, не долетѣвъ ни до чьего слуха. Молча и тихо всѣ вышли изъ столовой. Три сестры вмѣстѣ взошли на лѣстницу. При входѣ въ свою комнату, Кристина почувствовала ужасную грусть. Она обернулась и издали посмотрѣла на сестеръ. Корридоръ былъ очень теменъ: узкую галлерею, въ самый полдень, слабо освѣщало одно маленькое окно. Свѣча, которую держала въ рукѣ каждая дѣвушка, освѣщала только ее самоё, и онѣ казались оттого какими-то ночными привидѣніями.

— Прощай, Вильгельмина! Прощай, Марія! шептала Кристина. Сестры обернулись, и Кристина прочла улыбку на ихъ кроткихъ лицахъ: дѣвушки послали ей рукою поцѣлуй и молча удалились.

Кристина вошла къ себѣ въ комнату и отворила окно; ночь была тихая; облака сновали передъ луною и омрачали на минуту ясность ея лучей. Нѣсколько звѣздъ блистало между облаками. Кристина не дѣлала никакихъ приготовленій къ побѣгу; она взяла съ собою только четки матери, да голубую ленту, такъ долго висѣвшую на гитарѣ, — надѣла на себя черную мантилью и сѣла подъ окномъ; сердце ея сильно билось; но ни одна ясная мысль не проходила въ ея умѣ. Все тѣло Кристины дрожало, но ей не было

Digitized by Google

страшно; глаза ея были полны слезъ, но эти слезы не были вызваны сожалѣніемъ; для нея наступала скорѣе торжественная, чѣмъ грустная ночь, минута борьбы уже прошла: Кристина рѣшилась, и ожидала.

Одинъ часъ.... а какъ различно длиненъ этотъ часъ въ различныя эпохи нашей жизни? Для Вильгельмины и Маріи, которыя спали, часъ ничего не значилъ въ эту минуту. Для дяди Вильгельма, который находился между сномъ и бдѣніемъ, онъ продолжался, какъ и обыкновенно. Для Карла Амберга, который работалъ, онъ былъ коротокъ. Для Кристины, которая ждала, онъ казался вѣчностью. Она всматривалась въ темноту, углублялась въ свои мысли и не могла постичь спокойствія окружавшихъ ее предметовъ: такъ сильно волновалась ея душа. «Съ невозмутимымъ спокойствіемъ проходитъ ночь надъ цѣлою вселенною», шептала Кристина. Ничто не колеблетъ неизмѣримаго ея покрова, которымъ одѣваетъ она и счастливцевъ этого міра, и несчастныхъ, чье сердце раздирается на части! Ночь — это вѣчное молчаніе, вѣчный покой.» И молодая дѣвушка, безпокойная, испуганная, прибавляла вполголоса: «Господи! какъ все темно и нѣмо вокругъ меня! Герберъ, какъ хочется мнѣ услыхать твой голосъ!» И Кристина принялась плакать, какъ ребенокъ.

Наконецъ настала минута, въ которую часы краснаго домика медленно пробили двѣнадцать: каждый ударъ отозвался въ сердцѣ Кристины. Она встала и на мгновеніе остановилась, какъ вкопанная, потомъ собралась съ силами, вооружилась всѣмъ своимъ мужествомъ, всею волею, и, посмотрѣвъ вокругъ себя, прошептала: прощай, матушка! — Много живыхъ существъ покоилось подъ этимъ кровомъ; но Кристина сочла за нужное проститься только съ тою, которой уже не было. — Прощай, матушка! — повторила она. По прежде обдуманному плану, Кристина подошла къ окну: шпалера, назначенная для вьющихся растеній, окружала довольно низкую стѣну. Твердою ногою Кристина стала на шпалеру; цѣпляясь руками за вѣтки, она сходила медленно, останавливаясь каждый разъ, когда подъ ногою или

Digitized by Google

подъ рукою хрустѣли сухое дерево и листья. Молчаніе было такъ глубоко, что малѣйшій шорохъ, казалось, могъ нарушить общее спокойствіе: сердце Кристины разрывало грудь. Наконецъ Кристина достигла земли. Сначала она не смѣла пошевелиться: ей казалось, что ее видятъ, что ее слышатъ; но съ движеніемъ Кристины кончился шумъ, и молчаніе, утѣшительное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное молчаніе, воцарилось снова.

Кристина сдѣлала нѣсколько шаговъ, подняла голову и посмотрѣла на домъ; въ окнѣ ея отца сверкалъ еще огонекъ: она вздрогнула, но одна рѣшительная минута придала ей болѣе мужества, чѣмъ цѣлые полчаса обдуманной предосторожности, и Кристина пустилась бѣжать вдоль по лугу; задыхаясь, добѣжала она до ивняка; ей казалось, что позади ея слышится шорохъ въ травѣ отъ чьихъ-то шаговъ, страхъ ослѣплялъ, омрачалъ ея разсудокъ. Прежде чѣмъ зайдти за деревья, она обернулась въ послѣдній разъ. Все было тихо и пусто. Кристина вздохнула свободнѣе; раздвинула вѣтки ивъ, чтобы проложить себѣ дорогу, тотчасъ узнала любимое дерево, свидѣтеля ея прежнихъ ожиданій. Склонившись надъ водою, Кристина прошептала такъ тихо, что только одно сердце могло услышать: Герберъ, ты тутъ?

Весло плеснуло по водѣ.

— Я здѣсь, Кристина! отвѣчалъ Герберъ.

Лодка пристала къ ивѣ; студентъ приподнялся и протянулъ руки Кристинѣ, которая легко прыгнула въ лодку. Тревожно бились сердца молодыхъ людей, но они не произнесли ни одного слова. Герберъ поспѣшно схватилъ весла, и выплылъ изъ тѣнистаго залива, ломая вѣтки, цѣплявшіяся за лодку. — Онъ достигъ середины рѣки. Тогда бѣлый парусъ, знакъ ихъ любви, тихо поднялся посреди ночной темноты; вѣтеръ надулъ его; лодочка поплыла по теченію воды, и Герберъ, едва вѣря своему счастію, сѣлъ у ногъ молодой дѣвушки.—Слыша, что Кристина плачетъ, онъ также заплакалъ. Они оба молчали, оба были тронуты, безпокойны и счастливы. Ночь была прекрасна; мѣсяцъ иг-

Digitized by Google

ралъ на водѣ нѣжнымъ отливомъ; вода нашептывала свою ночную, благозвучную сказку; вѣтеръ вѣялъ свѣжею прохладою въ лицо; парусъ склонялся къ пловцамъ, какъ крыло незримаго существа.... Герберъ и Кристина были молоды, любили другъ друга: невозможно было, чтобы радость не возвратилась въ ихъ сердце.

— Благодарю, благодарю, Кристина, шепталъ Герберъ, благодарю за твою преданность, за твое довѣріе и любовь. О! какъ жизнь будетъ теперь прекрасна. Мы теперь вмѣстѣ — и навсегда!

— Вмѣстѣ и навсегда! повторила Кристина, заплакавъ и снова.

Молодая дѣвушка чувствовала, что большое счастіе, какъ и большое горе, выражается слезами.

— Моя невѣста, моя жена! продолжалъ студентъ, теперь мы живемъ общею жизнію! О, если бы будущность длилась безкопечно, если бы мы могли найдти на землѣ забытый уголокъ и позабыть весь міръ.

— Герберъ, я слишкомъ счастлива!

— Довольно одного дня нашей двойной жизни, Кристина, и потомъ можно умереть, не правда ли? не лучше ли умереть, чѣмъ состарѣться, не узнавши такого дня! Любовь—вотъ вторая душа нашего существа!.... Другъ мой! посмотри вокругъ себя, посмотри и благоговѣй передъ любовію! Видѣла ли ты что-нибудь подобное прежде этого счастливаго часа, въ который мы смотримъ на все вмѣстѣ?

Кристина подняла свои большіе глаза къ небу, — долго смотрѣла на мимолетныя облака, на блистающія звѣзды, на всѣ эти лучи, сходящіе на землю, и смотря, тихо пожимала руки Гербера; но посреди этого сладкаго восторга Кристина вскрикнула:

— Посмотри, Герберъ, парусъ упалъ на мачту, вѣтеръ такъ утихъ, что мы не двигаемся съ мѣста!

— Какое намъ дѣло до паруса? крикнулъ Герберъ; я стану грести. Пристань недалеко, корабль стоитъ на якорѣ и поджидаетъ нашего прибытія, чтобы унести насъ на тотъ край свѣта.

Digitized by Google

Герберъ взялся за весла, и съ открытою головою, съ волосами, развѣвающимися по вѣтру, правилъ лодочкою съ быстротою молніи. Кристина, сидя противъ него, завернулась въ свою черную мантилью, и улыбалась сквозь слезы. Она съ усиліемъ смотрѣла на небо и на все его величіе, на все, что отвращало взоры ея отъ взоровъ Гербера: она еще не довольно насмотрѣлась на своего любимца, къ которому такъ страстно привязалась во время разлуки; она не могла еще вдоволь насладиться счастіемъ—любить его, глядѣть на него....

Лодочка неслась, вспѣнивая воду; до разсвѣта оставалось еще долго; все улыбалось двумъ бѣглецамъ, которые смотрѣли другъ на друга и молчали, увлекаемые волною. Любовь, молчаніе, ночь, мечты, счастіе, которое дѣлаетъ жизнь такъ прекрасною, все заставляло сердца ихъ сильно биться.

Вдругъ Кристина вскрикнула:

— Герберъ, милый Герберъ, ты ничего не слыхалъ?

Герберъ пересталъ грести, нагнулся и сталъ прислушиваться.

— Я ничего не слышу, сказалъ онъ, кромѣ всплесковъ воды на береговой песокъ.

Онъ взялся за весло и лодочка быстро понеслась. Кристина побѣдпѣла; привставши немного и смотря назадъ, она старалась разглядѣть что-то, но было слишкомъ темно.

— Успокойся, моя милая, сказалъ Герберъ, улыбаясь Кристинѣ; отъ страха тебѣ слышится шумъ, котораго нѣтъ: ничто не измѣнилось вокругъ насъ; все тихо и спокойно; все, какъ будто, любитъ насъ и покровительствуетъ намъ.

— Герберъ, крикнула Кристина, вскакивая съ мѣста, я не ошибаюсь! Герберъ, чье-то весло ударяетъ по водѣ сзади насъ....не останавливайся, не прислушивайся.... ради Бога, Герберъ, греби, греби!

Ужасъ Кристины былъ такъ великъ, она такъ была увѣрена въ своихъ словахъ, что Герберъ молча повиновался ей, и какой-то страхъ овладѣлъ его душою. Кристина придвинулась къ нему, сѣла у его ногъ и прошептала:

Digitized by Google

— Герберъ, за нами погоня! Шумъ твоихъ веселъ мѣшаетъ тебѣ слышать. Какая-то лодка плыветъ за нами!

— А если и такъ, сказалъ Герберъ, такъ что же?... Другая лодка не несетъ Кристины, ею не управляетъ человѣкъ, который защищаетъ свою жизнь, свое счастіе, свою жену! Рука моя утомитъ его руку, его лодка не догонитъ моей!

И Герберъ удвоилъ усилія; жилы его рукъ такъ надулись, что готовы были лопнуть, потъ градомъ катился по его лбу. Лодочка неслась словно на крыльяхъ. Кристина прижалась къ ногамъ молодаго человѣка, какъ бы ища близъ него убѣжища.

— Увы! сказала она, я не могу помочь тебѣ, не могу ничего сдѣлать, даже не могу просить Бога или матушку спасти насъ!... Ни Онъ, ни мать не слышатъ молитвы дочери, которая бѣжитъ изъ родительскаго дома.

Герберъ продолжалъ грести; дыханіе медленно выходило изъ его груди; раздувшіяся ноздри просили больше воздуха, котораго не доставало для дыханія.

Вдругъ онъ вскрикнулъ:

— Слышу! о! я тоже слышу!

Онъ пригнулся къ весламъ и сдѣлалъ отчаянное усиліе. Слезы, струившіяся изъ глазъ его, мѣшались съ каплями пота, падавшими со лба.

Какія-то другія весла ударяли по водѣ недалеко отъ лодочки Гербера; ими управляла сильная и крѣпкая рука. Молодой студентъ чувствовалъ, что силы его истощались; онъ гребъ, съ ужасомъ смотря на Кристину; никто не говорилъ; одинъ шумъ двухъ лодокъ прерывалъ молчаніе; рѣка пѣнилась и оставляла за ними длинныя борозды.

Все было спокойно и тихо, какъ и при отплытіи Кристины; одна душа молодой дѣвушки перешла отъ жизни къ смерти; глаза ея, полные мрачнаго огня, съ ужасомъ слѣдовали за каждымъ движеніемъ Гербера. Она видѣла по страдальческому выраженію его лица, по его слезамъ, что мало оставалось надежды спастись бѣгствомъ. Герберъ однако гребъ съ силою отчаянія; но роковая лодка, которой

Digitized by Google

еще не было видно, приближалась болѣе и болѣе съ каждою минутою, тѣнь ея ложилась по рѣкѣ и почти смѣшивалась съ бороздою, оставляемой Герберовой лодкой.

Кристина выпрямилась и смотрѣла назадъ; въ эту минуту, мѣсяцъ, выходя изъ-за тучи, освѣтилъ вполнѣ блѣдное и безстрастное лице Г. Амберга. Кристина вскрикнула раздирающимъ душу голосомъ, и бросилась къ Герберу.

— Батюшка! батюшка! сказала она.

Герберъ тоже увидалъ Г. Амберга.. Студентъ слишкомъ долго прожилъ въ домѣ Карла Амберга, и испыталъ, подобно прочимъ, удивительное вліяніе, которое производилъ этотъ человѣкъ однимъ своимъ взглядомъ. Казалось, мракъ разрѣдѣлъ, чтобы представить взорамъ двухъ бѣглецовъ отца, властелина и судью.

— Герберъ, остановись! крикнула Кристина, мы погибли! спастись намъ невозможно: ты видѣлъ батюшку?

— Не мѣшай мнѣ грести, отвѣчалъ Герберъ, освобождаясь изъ объятій Кристины, которая держала его за руку. Онъ такъ сильно ударилъ весломъ, что лодочка словно отпрыгнула на нѣкоторое разстояніе.

— Герберъ, продолжала Кристина, говорю тебѣ, что мы погибли! Развѣ ты не видишь батюшки?.... Ты вѣдь знаешь, что всякое сопротивленіе напрасно. Герберъ, я не хочу возвратиться домой. Сейчасъ насъ настигнутъ и разлучатъ. Опрокинь лодку, и умремъ вмѣстѣ, милый Герберъ!

Кристина кинулась въ объятія къ своему другу; весла выпали изъ рукъ молодаго человѣка; онъ громко вскрикнулъ и судорожно прижалъ Кристину къ сердцу. Одну, одну минуту онъ покушался послушаться Кристины и кинуться вмѣстѣ съ нею въ рѣку; но его благородное сердце побѣдило это искушеніе.

— Нѣтъ, сказалъ онъ; Господь даровалъ тебѣ жизнь,— Онъ долженъ и отнять ее! Рука моя, которая желала бы повергнуть къ ногамъ твоимъ всѣ сокровища міра, не дастъ тебѣ смерти!

Кристина рыдала, опираясь на его плечо; Герберъ проговорилъ задыхающимся голосомъ:

Digitized by Google

— Невѣста моя, другъ мой, Богъ да благословитъ тебя! Ты любила меня мужественно; ты, по преданности своей, покусилась на невозможное; ты осмѣлилась мнѣ ввѣриться, а я, я несчастный не могу защитить тебя! О! моя бѣдная Кристина, повинуйся твоему отцу, и пусть я не буду причиною твоего вѣчнаго несчастія! Господи! развѣ Ты не пошлешь мнѣ никакого средства къ ея спасенію?

И Герберъ бросилъ отчаянный взглядъ на рѣку, на берега, ища этого средства: но его не было.

— Герберъ, Герберъ! говорила Кристина, безъ тебя мнѣ ничто на землѣ не мило! я умру!

Въ это мгновеніе догонявшая лодка сильнымъ толчкомъ ударила въ лодку Гербера, и явился Г. Амбергъ, быстро перешагнувшій туда изъ своей лодки. Герберъ машинально прижалъ Кристину къ сердцу и отступилъ, словно хотѣлъ силою отнять ее у отца, словно въ этой лодочкѣ онъ могъ отодвинуться такъ далеко, чтобы не быть достигнутымъ; сильною рукою Г. Амбергъ схватилъ Кристину, которой гибкій станъ перегнулся къ плечу отца, какъ тонкая тростинка.

—Милостивый государь, кричалъ Герберъ съ отчаяніемъ, умилосердитесь надъ нею! Я одинъ виновенъ! Не отягощайте ее никакимъ наказаніемъ: я обѣщаю удалиться, отказаться отъ нея. Умилосердитесь, Г. Фанъ-Амбергъ!

Герберъ говорилъ истукану, который не хотѣлъ ни слышать, ни отвѣчать. Освободивъ руку Кристины изъ рукъ студента, который ее еще удерживалъ, Г. Амбергъ перешелъ въ свою лодку, и сильнымъ ударомъ ноги, оттолкнулъ лодку Гербера. Повинуясь этому толчку, обѣ лодки отскочили одна отъ другой: одна, управляемая мощною рукою, поплыла вверхъ по рѣкѣ; другая, предоставленная самой себѣ, увлечена была въ противоположную сторону, вдоль по теченію. Стоя на кормѣ лодки, поднявъ высоко голову, скрестивъ на груди руки, Г. Амбергъ бросилъ ужасный взглядъ на молодаго человѣка и исчезъ въ темнотѣ. Все кончилось....

Digitized by Google

Черезъ недѣлю послѣ этой роковой ночи, рѣшетки монастыря затворились за Кристиною Фанъ-Амбергъ.

У Бельгійской границы, на вершинѣ холма, возвышается огромное, неправильное, бѣлое зданіе, безпорядочная груда стѣнъ, крышъ, зубцевъ и площадокъ. У подножія холма стоитъ деревня; ея жители никогда не смотрятъ безъ благоговѣйнаго чувства на это зданіе, возвышающееся надъ нихъ смиренными жилищами, потому что отъ нихъ виднѣется колокольня церкви, и слышится безпрестанно звонъ колоколовъ, которые далеко говорятъ, что на вершинѣ холма молятся Богу за весь міръ. Это зданіе—монастырь; бѣдные и больные знаютъ очень хорошо дорожку черезъ холмъ, ведущій къ гостепріимному крову сестеръ-посѣтительницъ. Видъ его не имѣетъ ничего сельскаго; природа не потрудилась украсить это уединеніе и заставить думать о Богѣ по красотамъ созданной Имъ вселенной. Это одинъ изъ не посѣщаемыхъ никѣмъ уголковъ земли; тѣ, которые родились въ немъ, не нуждаются въ красотѣ, чтобы любить его; онъ миренъ, безъ крайней бѣдности, безъ лишняго богатства; онъ не многолюденъ и не пустъ. Солнце не много туманно, морской вѣтеръ дуетъ здѣсь почти безпрестанно. Въ своемъ порывѣ, вихрь не останавливается тамъ, гдѣ кончаются волны, но пролетаетъ и надъ сосѣдними землями и вьется надъ соломенными кровлями деревни. Рѣдкая зелень кое-гдѣ смѣшивается съ линіями небосклона. Тѣ, которые пришли сюда и выстроили себѣ обитель для вѣчныхъ молитвъ, имѣли, конечно, ту твердую и истинную вѣру, которая умѣетъ молиться безъ помощи воспламененнаго воображенія.

Этотъ-то монастырь затворилъ свои двери за Кристиною Фанъ-Амбергъ. Въ это-то строгое мѣсто, убѣжище молчанія и самолишенія, вошла Кристина, полная молодости, жизни и любви. Ей казалось, что могильный камень налегъ ей на голову.

Въ одной келіи, не отличавшейся ни удобствомъ, ни украшеніемъ отъ другихъ монастырскихъ келій, сидѣла у окна игумена и читала письмо. То была женщина лѣтъ сорока, пріятнаго лица, нѣсколько блѣднаго и нѣжнаго; но

Digitized by Google

спокойнаго и полнаго чистоты. Смотря на нее, можно было подумать, что она никогда не знавала ни солнечнаго луча, ни свѣтскаго шума, и въ самомъ дѣлѣ это была правда. Войдя въ монастырь еще въ первой молодости, и проживъ въ немъ весь вѣкъ, игуменья ничего не знала объ остальномъ мірѣ. Религія явилась къ ней не какъ утѣшительница слезъ: нѣтъ, она была для нея началомъ и концемъ. Въ душѣ монахини все было спокойно; душа эта походила на дерево, до листьевъ котораго никогда не касался вѣтеръ. Глаза ея не видали ничего, кромѣ монастырскихъ стѣнъ. Уши ея слышали только пріятные и тихіе голоса подругъ, пѣніе молитвъ, звонъ колоколовъ. Сердце ея чувствовало одно равнодушіе къ свѣту и благоговѣйное желаніе вознестись къ Богу. Она не знала, что можно было любить жизнь. Она жила, не считая дней и не позволяя себѣ желать окончанія ихъ, также, какъ не позволяла скоро ходить по монастырскому помосту. Она была осторожна, умѣренна въ движеніяхъ, мысляхъ, счастлива этимъ всегда одинаковымъ благополучіемъ, которое происходитъ отъ чистой совѣсти и любви къ Богу. Прежде чѣмъ сдѣлаться начальницею монастыря, она называлась Луизою-Маріею, а теперь просто настоятельницею. Спустя три года, она должна была имѣть счастіе опять вступить въ число сестеръ, у которыхъ была одна забота молиться.

Вотъ письмо, которое читала настоятельница;

«*Честная мать игуменья!*

Посылаю вамъ племянницу вашу Кристину Фанъ-Амбергъ и прошу оказать мнѣ услугу оставить ее при себѣ. Я намѣренъ посвятить ее монашескому званію; употребите же все вліяніе вашихъ мудрыхъ совѣтовъ, чтобы предуготовить къ этому ея умъ. Важные проступки, совершенные этою дѣвушкою, заставляютъ меня удалить ее изъ дома, и для того, чтобы успокоить цѣлую жизнь ея, надо наблюдать за нею такъ строго, какъ невозможно въ другомъ мѣстѣ, кромѣ монастыря. Сдѣлайте милость, моя любезная и достопочтенная родственница, примите ее подъ кровъ свой;

Digitized by Google

самая лучшая будущность для вашей племянницы—остаться навсегда въ монастырѣ. Если она станетъ спрашивать про одного человѣка, по имени Гербера, вы можете сказать ей, что онъ уѣхалъ въ Батавію, и что оттуда онъ отправится въ наши самыя отдаленныя конторы.

Съ истиннымъ почтеніемъ
остаюсь вашъ
родственникъ и другъ
Карлъ Фанъ-Амбергъ.

Письмо это не возбудило въ настоятельницѣ никакого любопытства; она еще не видала Кристины и не могла говорить съ нею въ эту минуту: то былъ часъ молчанія. Прочитавши письмо Карла Амберга, который былъ членомъ ея семейства, она постаралась отвлечь свои мысли отъ этого предмета, и взяла свою книгу, въ которой искала какого-либо правила, для размышленія надъ нимъ. Душа ея, давно привыкшая къ повиновенію, опять вошла сама въ себя и возвратилась къ важнымъ мыслямъ. Когда колоколъ прозвонилъ, настоятельница присоединилась къ хору, долго молилась съ сестрами, забыла всю вселенную и встала, не зная, часы или минуты провела она на колѣняхъ передъ алтаремъ.—Она подала знакъ, что молчаніе кончилось, говоря монахинѣ, сопровождавшей ее: «Господь да благословитъ насъ, любезная сестра!» И вошедши въ келію, послала за Кристиною Амбергъ.

Кристина вошла; глаза ея были полны слезъ, щеки красны,—такъ часто отирала она себѣ глаза платкомъ, которымъ бѣдная дѣвушка хотѣла скрыть свои слезы; дыханіе ея часто прерывалось и вылетало изъ губъ рыданіемъ; члены ея судорожно дрожали, она насилу держалась на ногахъ, и казалось, ужасно страдала душою и тѣломъ.

Настоятельница съ удивленіемъ посмотрѣла на Кристину: никогда еще не видала она живаго существа въ такомъ волненіи. Сердце ея, которое не привыкло останавливаться на несчастіяхъ другихъ, потому что все вокругъ ея было спо-

Digitized by Google

войно, почувствовала въ ту же минуту жалость, и слезы выступили у нея на глазахъ; но онѣ не походили на слезы Кристины; онѣ были пріятны и будто падали съ неба въ утѣшеніе несчастнымъ.

Монахиня встала, подошла къ Кристинѣ, стоявшей у дверей, посадила ее возлѣ себя и тихо сказала ей:

— Дитя мое, я вижу, что ты очень нуждаешься въ помощи Божіей; Онъ обитаетъ въ этомъ жилищѣ, гдѣ Ему служатъ съ любовію; ты будешь съ нами молиться Ему, а мы станемъ молиться съ тобою.

— Я не могу здѣсь оставаться, сударыня! вскричала Кристина; я умру, если меня запрутъ!.... я не хочу сдѣлаться монахинею! возвратите мнѣ свободу!

Слова эти были произнесены со всею силою отчаянія, съ такимъ выраженіемъ, какого монастырскія стѣны еще никогда не слыхали. Настоятельница осталась на минуту неподвижною отъ удивленія; взоръ ея остановился на Кристинѣ, какъ будто она не понимала слышанныхъ ею словъ.

— О, позвольте мнѣ уѣхать, сударыня! продолжала молодая дѣвушка, падая на колѣни предъ монахинею, орошая слезами ея руки и цѣлуя ихъ, — сжальтесь, позвольте мнѣ ѣхать! я всю жизнь была свободна; я—невѣста одного бѣднаго человѣка, который умретъ, если насъ разлучатъ. Я сдѣлаюсь его преданною и покорною женою; стану любить его и исполнять всѣ свои обязанности. У меня нѣтъ матери; нѣтъ во всемъ мірѣ ни одного существа, которое бы сжалилось надо мною! Вы, сударыня, такъ похожи на ангела....отпустите меня!

Настоятельница была тронута. Въ ея смущеніи было какое-то удивленіе, даже почти страхъ: она ужасалась, видя человѣка, который созданъ Господомъ, для того, чтобы служить Ему и постигать Его, и который предавался бурѣ страстей, подобно листу, оторванному отъ дерева; но про себя, въ глубинѣ души, ея прямой и просвѣщенный разумъ строго упрекалъ Карла Амберга въ злоупотребленіи роди-

Digitized by Google

тельской власти. Она подошла къ Кристинѣ и сказала ей кротко:—Зови меня *матерью*, здѣсь никто не называетъ меня *сударынею*; мы всѣ составляемъ одно огромное семейство; вокругъ тебя будутъ однѣ сестры, а меня ты должна называть *матерью*. Не разсказывай мнѣ твоей прежней жизни: я не въ состояніи излечить твоихъ ранъ. Ты найдешь въ этотъ домъ сердца просвѣщеннѣе моего, которыя будутъ твоими руководителями. Ты понимаешь, дитя мое, что нынче не можешь выйдти отсюда; тебя отдали на мои руки, и я могу выпустить тебя изъ этого монастыря только тогда, когда твой отецъ потребуетъ тебя къ себѣ. Такъ какъ онъ заблагоразсудилъ не пускать тебя на нѣкоторое время къ себѣ въ домъ, мнѣ кажется, дочь моя, что послѣ родительскаго дома, первый домъ—есть домъ Божій. Попробуй, подыши нѣсколько воздухомъ этого убѣжища міра; найди между нами покой, не ища однако же свободы; облекись въ платье бѣлицы, власяницу, подъ которой сердце привыкаетъ биться для одного Бога.

— Мнѣ! мнѣ! вскрикнула Кристина, мнѣ перестать носить мірское платье! О, я стану думать, что разлучаюсь, съ Гербером на вѣки! Я буду думать, что между нимъ и мною возникаетъ вѣчное препятствіе! О, нѣтъ, нѣтъ, никогда! Матушка, развѣ не сойдешь ты ко мнѣ на помощь!

—Платье бѣлицы не есть одежда монахини. Одежда эта должна дважды перемѣниться предъ постриженіемъ. Одежда, которую я предлагаю тебѣ, назначена для тѣхъ, которые хотятъ испытать жизнь въ монастырѣ; ты скинешь и оставишь ее у насъ тогда, какъ дверь эта отворится передъ тобою и ты вступишь опять въ свѣтъ. Наша обитель совсѣмъ не домъ воспитанія, къ намъ можно вступить только бѣлицею; если бы ты пробыла у насъ нѣсколько мѣсяцевъ, все-таки должна слѣдовать правилами и принять монастырское одѣяніе. Ты разсердила своего отца—что же ты выиграешь, воротясь къ нему? Постарайся сми-

Digitized by Google

чить его гнѣвъ своею покорностью; подожди, останься здѣсь: за тебя станутъ молиться Богу....Здѣсь никто долго не страдаетъ.

— О Боже мой! Боже мой! говорила Кристина, что мнѣ дѣлать? что будетъ со мною? развѣ мнѣ нѣтъ мѣста на землѣ....развѣ нѣтъ ни одного сердца, которое бы сжалилось надо мною? Что дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать?

— Повиноваться и молиться, дитя мое, отвѣчала настоятельница; время сдѣлаетъ остальное. Не бойся, я буду покровительствовать тебѣ.

— Я не могу молиться, сказала Кристина. Отчаяніе не знаетъ молитвъ. Я возмущаюсь противъ своей судьбы. Я хочу любить свободно и жить на вольномъ воздухѣ; здѣсь, здѣсь я не могу молиться.—Настоятельница зажала руками уста Кристины.

— Ну, такъ мы будемъ молиться за тебя, сказала она.

— О, сказала Кристина, если всѣ мои усилія возвратить себѣ свободу тщетны, все-таки на свѣтѣ есть существо, которое страдаетъ, но съумѣетъ освободить бѣдную плѣнницу. Герберъ сказалъ мнѣ, что ничего нѣтъ невозможнаго для тѣхъ, которые любятъ. Герберъ придетъ ко мнѣ на помощь!

— Герберъ уѣхалъ въ Батавію, и останется тамъ долго, оттуда поѣдетъ еще дальше; онъ уѣхалъ изъ Голландіи на нѣсколько лѣтъ, какъ пишетъ твой отецъ.

Кристина громко вскрикнула, и впала въ изнеможеніе; потомъ, обративъ къ настоятельницѣ свое блѣдное лицо, покрытое слезами, сказала:

— Теперь мнѣ всѣ мѣста равны, всѣ одежды одинаковы для глазъ моихъ. Герберъ меня покинулъ, Герберъ согласился на вѣчную разлуку!

Недѣлю спустя, Кристина облекалась въ одежду бѣлицы.—Зная, что одежда эта не отнимаетъ ея свободы, она однакожъ плакала. Двѣ постриженныя монахини помогали ей. Неподвижная, какъ статуя, она допустила одѣть

Digitized by Google

себя, но сердце ея сильно возмущалось противъ всего, чѣмъ она хоть по одному виду принимала обязанность. Она желала свободы, за неимѣніемъ другаго счастія, и ея пламенное воображеніе подучало ее переплыть моря и отыскать Гербера. Никогда еще смиренная одежда бѣлицы не скрывала болѣе взволнованнаго сердца, никогда еще не орошалась она такими горькими слезами.

Когда церемонія приближалась къ концу, одна монахиня взяла руку Кристины, и хотѣла, по требованію монастырскаго устава, снять у ней съ пальца золотое кольцо Кристина сказала:

— Это Герберъ подарилъ; это кольцо — единственное благо, которое остается у меня, и съ которымъ я разстанусь только послѣ смерти!

Настоятельница вошла въ эту минуту.

— Я хочу носить это кольцо! повторила Кристина, показывая ей кольцо, блестѣвшее на ея пальцѣ.

Настоятельница удалила прочихъ монахинь, и, устремивъ на Кристину взоръ, полный спокойствія, материнской любви и важности, сказала:

— Дитя мое....

Слова эти напомнили молодой дѣвушкѣ то счастливое время, когда говорила съ нею мать.

— Дитя мое, слова «я хочу» никогда не произносятся у насъ. Мы должны повиноваться. Будь увѣрена, что никто не вступаетъ сюда по своей волѣ; покуда эта обитель для тебя не что иное, какъ убѣжище, избранное твоимъ отцомъ. Если послѣ того, какъ ты услышишь людей, которые будутъ тебѣ говорить о Богѣ, ты станешь также плакать, какъ сегодня, двери отворятся, и я отдамъ тебя отцу: а теперь повинуйся, какъ повинуемся и мы.

— Кольцо мое, бѣдное кольцо мое! горестно продолжала Кристина: это все, что у меня оставалось отъ Гербера.

— Здѣсь между сестрами существуютъ лучшія узы, дитя мое. Молитва, вотъ воспоминаніе, которое соединяетъ лучше

Digitized by Google

всѣхъ видимыхъ знаковъ тѣхъ, которые безъ угрызенія совѣсти могутъ думать другъ о другѣ. А что это у тебя за волосяная цѣпочка на шеѣ?

— Это матушкины волосы! отвѣчала Кристина; даже здѣсь я могу ихъ цѣловать и орошать своими слезами!

— Здѣсь ты ближе къ небу, гдѣ твоя матушка, ближе, чѣмъ была прежде, живя въ свѣтѣ; но здѣсь, даже это воспоминаніе, дитя мое, должно принести въ жертву Богу. Монахиня не должна носить никакого земнаго украшенія.

— Увы! увы! сказала Кристина, стало быть у меня ничего не останется на землѣ, ни существъ, мною любимыхъ, ни вещи любимой мною по воспоминаніямъ объ нихъ.

— Дай мнѣ кольцо твоего жениха: я отдамъ его тебѣ, когда ты выйдешь отъ насъ. Что касается до волосъ твоей матушки, выслушай: на концѣ галлереи, въ углубленіи стѣны, находится часовня, куда каждую весну мы приносимъ первые наши цвѣты и плоды. Иногда намъ дозволяется относить туда вещи, которыя дороги для нашихъ сердецъ: положи и ты тоже, какъ священный залогъ, волосы твоей матери, ты можешь видѣть ихъ и молиться предъ алтаремъ, на которомъ они будутъ лежать.

Кристина послѣдовала за настоятельницею. — Молча шли онѣ по крытымъ ходамъ, которые окружали рѣшетку. Одинъ шорохъ шаговъ ихъ слышался на каменныхъ плитахъ; лоскутъ неба, виднѣвшійся надъ стѣнами, былъ покрытъ тучами; солнечный лучь слабо освѣщалъ почернѣвшія отъ времени стѣны; все было одиноко и нѣмо. Обитель эта не была однимъ изъ тѣхъ монастырей, въ которые воспитываемыя тамъ молодыя дѣвушки приносятъ съ собою молодость, шумъ, движеніе, и поселяютъ ихъ возлѣ строгаго спокойствія монашеской жизни. Эта обитель была обителью молчанія, молитвъ и лишеній, которыя могутъ постигать однѣ простыя, однѣ возвышенныя души, но души страждущія, какъ душа Кристины, отступаютъ въ смущеніи при видѣ этого святаго мѣста.

Digitized by Google

Настоятельница остановилась передъ маленькой часовнею. Видно было, что всѣ любили эту часовню. Многочисленныя приношенія украшали ее. Казалось, что въ ней спокойствіе было еще ощутительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; въ ней было еще темнѣе. Въ этомъ углу стѣнъ солнце скрывалось скорѣе, чѣмъ на краю монастыря. Настоятельница взяла волосы Кристининой матери и положила ихъ на алтарь. Кристина стояла на колѣняхъ, съ наклоненной головою.

— Дочь моя, сказала настоятельница, тихо положивъ руку на плечо Кристины, наблюдай за твоими словами и мыслями: Господь обитаетъ на этомъ алтарѣ; подъ ногами твоими — могилы; ступени эти — гробницы. Сестра Фанъ-Амбергъ, помолись здѣсь нѣсколько минутъ, потомъ пойдемъ за нами по этой галлереѣ на клиросъ.

Кристина осталась одна, стоя неподвижно, не смѣя пошевелиться. Вечеръ былъ тихъ и пріятенъ; повсюду царствовало мирное молчаніе. Трава, росшая на лугу, освѣщалась первыми лучами мѣсяца. Могилы, покрытыя травою, не имѣли ничего мрачнаго. Это былъ священный отдыхъ послѣ святой жизни; но смущеннымъ взорамъ Кристины ничто не представлялось въ настоящемъ видѣ. Возрастающая темнота, сосѣдство мертвецовъ, ея черныя одежды, это имя сестры Фанъ-Амбергъ, которое какъ будто бы говорило, что она не прежняя Кристина, эти высокія стѣны, ее окружавшія, все поразило ее ужасомъ. Ей казалось, что ее душатъ, что она живая сошла въ могилу; и она сама испугалась своихъ громкихъ рыданій, которыя повторялись подъ монастырскими сводами, своей тѣни, увеличивавшейся отъ мѣсячныхъ лучей, испугалась молчанія, посреди котораго слышались ея вздохи и рыданія. Она не молилась, но съ ужасомъ смотрѣла вокругъ себя и, преклонясь къ стѣнѣ, не трогалась съ мѣста.

Съ вершины церковныхъ сводовъ послышался звукъ колокола: словно съ неба сходилъ медленный и тихій благовѣстъ; онъ былъ грустенъ и пріятенъ.—Кристина слу-

Digitized by Google

шала. Ея больное воображеніе старалось подслушать въ немъ голосъ, который, казалось, звалъ ее сквозь волны океана; потомъ молодой дѣвушкѣ послышался шепотъ души ея матери, звавшей ее къ себѣ съ высоты небесъ: — молись! молись!.... — и Кристина тихо отвѣчала ей: — я стану молиться, когда буду свободна, а здѣсь я не хочу молиться.

Въ то время, когда такъ тревожно волновалось сердце Кристины, во внутренности тѣхъ же самыхъ стѣнъ, другія сердца, спокойно-веселыя, говорили: «благословенъ ты Господи, даровавшій намъ спокойное убѣжище, миръ на каждый день и великое благо любить Тебя!» Въ углубленіи клироса отворились двери; длинный рядъ монахинь, медленно, молча, склоня голову, прошелъ мимо Кристины; потомъ послушницы, одѣтыя въ бѣлое, а за ними бѣлицы въ длинныхъ, черныхъ шерстяныхъ рясахъ, волочащихся по плитамъ. Послѣдняя изъ нихъ тихо подошла къ Кристинѣ, взяла ее за руку, чтобы приподнять, и пальцемъ показала на клиросъ; изъ отворенной двери видны были свѣчи, горѣвшія предъ алтаремъ, и монахини, шедшія впереди, преклонялись предъ святилищемъ. Кристина встала и присоединилась къ хору.

На нѣкоторое время, сестру Фанъ-Амбергъ оставили погруженною въ самое себя, требуя только, чтобы она присутствовала при молитвахъ. Кристина провела эти дни въ ужасномъ страданіи. Ни одинъ взоръ не останавливался на ней, не увидавъ всего ея лица въ слезахъ. Въ монастырѣ не то, что въ свѣтѣ гдѣ тысяча попеченій, тысяча заботъ окружаютъ васъ въ горести. Кристина плакала, не скрывая своихъ слезъ; ее видѣли и жалѣли о ней безъ шума. Въ монастырѣ другъ, утѣшитель—Богъ. И всѣ старались сохранять молчаніе для того, чтобы голосъ Его былъ слышнѣе.

Дни сменялись днями, а Кристина не переставала горько плакать. Она роптала на небо и на людей; сердце ея возмущалось; все ее ужасало, все заставляло страдать. Она

Digitized by Google

садилась у дверей, у этихъ вѣчно запертыхъ дверей, и ей казалось, что тамъ воздухъ доходилъ къ ней свободнѣе, чѣмъ посреди монастыря. Когда настоятельница останавливалась передъ ней и старалась успокоить ее кроткими словами, Кристина не отвѣчала на слова, склоняла на грудь голову и плакала по-прежнему.

Настоятельница, безмолвная и просвѣщенная свидѣтельница этого страданія, тронута была въ глубинѣ сердца. Долго смотрѣвши на Кристину, она взяла перо и написала слѣдующее:

Г-ну Карлу Фанъ-Амбергу.

«Любезный мой родственникъ!

«Вы прислали ко мнѣ дочь вашу, желая, чтобы она сдѣлалась монахинею. Спѣшу васъ увѣдомить, что послѣ зрѣлыхъ размышленій, мнѣ кажется, что этому не слѣдуетъ быть. Иногда Господь призываетъ души набожныя и счастливыя, и онѣ приходятъ къ Нему въ началѣ своей веселой и радостной жизни; другой разъ души, удрученныя горемъ которыя идутъ къ Нему, какъ къ утѣшителю ихъ страданій; но Онъ не открываетъ своего святаго жилища тѣмъ, которые вступаютъ въ него изъ одного повиновенія посторонней волѣ, и которыхъ сердце разрывается на части отъ такой жертвы. Тѣмъ не менѣе эти послѣдніе также его дѣти; онъ говоритъ имъ «ступайте служить мнѣ въ другомъ мѣстѣ». На небѣ всѣмъ служителямъ Божіимъ найдется мѣсто, смотря по лозѣ, которую они обработывали. Умоляю васъ, другъ мой, прислать за Кристиною, оказать ей снисходительность и позволить ей жить въ родительскомъ домѣ, который тоже одинъ изъ домовъ Божіихъ. У насъ дочь ваша не можетъ быть счастлива, а мы всѣ счастливы. Прощайте! Господь съ вами, любезнѣйшій родственникъ!

«Сестра Луиза Марія,
«настоятельница монастыря посѣтительницъ въ.....

Потомъ она стала ожидать отвѣта, окружая Кристину спокойствіемъ и молчаніемъ, и моля Бога придти на помощь къ этой несчастной дѣвушкѣ. Но-этотъ-то именно покой

Digitized by Google

и молчаніе и убивали Кристину. Ей хотѣлось разразиться упреками, возмутить все ее окружающее волненіемъ собственнаго сердца. Монастырскіе законы желѣзнымъ игомъ тяготѣли надъ ней.

Правило, привычка, и происходящіе отъ нихъ порядокъ и единство, казались больной душѣ ея несносными. Когда высокія мысли не произвели добровольной жертвы, то вещи, требующія ея матеріально, покоряя дѣйствія, но не покоряя разума, достигаютъ до насъ, заставляя жестоко страдать. Ходить Кристина должна была медленно; говорить должна была шепотомъ; при звукѣ колокола должна была становиться на колѣни съ черствымъ сердцемъ; пробьетъ десять часовъ, должна ложиться безъ сна; чуть начнетъ разсвѣтать, должна вставать, съ глазами, отяготѣвшими отъ безсонницы. Девять разъ въ день, колоколъ призывалъ къ молитвѣ. Для монахинь колоколъ былъ дружескимъ голосомъ, сходящимъ съ неба, который, означая время, какъ будто облегчалъ его теченіе; но для Кристины онъ былъ наказаніемъ повиновенія, терзавшимъ душу, преданную земнымъ страстямъ.

Ночью, одна въ своей келіи, она вставала, подходила къ маленькому окну, и старалась увидать уголокъ неба. Мѣсяцъ, облака, напоминали ей ту послѣднюю ночь надежды и любви, когда она плыла въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, сидя возлѣ Гербера, надѣясь на вѣчный союзъ ихъ душъ, мечтая о свободѣ подъ прекраснымъ небомъ Испаніи. Потомъ она звала Гербера, говорила съ нимъ и плакала. Послѣ этихъ безсонныхъ ночей, она всходила на хоры, съ глазами мокрыми отъ слезъ, съ мертвенною блѣдностію на лицѣ, и взоръ настоятельницы останавливался на ней, какъ бы для того, чтобы изъявить ей сострадательное участіе и сдѣлать ей молчаливый упрекъ.

Однажды настоятельница позвала ее къ себѣ и сказала:

— Дочь моя, мнѣ хочется поговорить съ тобою, и постараться помочь тебѣ. Твои безпрестанныя слезы огорчаютъ мое сердце; я не воображала, чтобъ человѣкъ могъ столько

Digitized by Google

плакать. Законы нашей обители, которые я всякій день перечитываю, говорятъ въ отношеніи настоятельницы: «*она станетъ воспитывать съ материнскою любовію сестеръ, которыя, подобно малымъ дѣтямъ, еще слабы въ благочестіи, помня, что говоритъ святой Бернаръ пастырямъ душъ: долгъ пастыря пещись о душахъ слабыхъ, а не о сильныхъ.*» — Ну, страждущая дочь моя, такъ жизнь тебѣ кажется очень тяжела?

— Тяжела, отвѣчала Кристина, и свыше того, что я въ силахъ перенести.

— Тебѣ только шестнадцать лѣтъ, ты зависишь отъ всѣхъ тебя окружающихъ: тебѣ нигдѣ нельзя быть свободною.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я несчастна, и не мѣшайте мнѣ оплакивать мое несчастіе!

— Дочь моя! продолжала настоятельница, я вполнѣ понимала всю цѣну моего мирнаго счастія, которымъ наслаждалась; но ты показываешь мнѣ и всѣ несчастія, отъ которыхъ я была предохранена. Что можетъ казаться здѣсь хуже твоего волненія, которымъ свѣтъ наполнилъ твое сердце? Съ дневными лучами, колоколъ, одинъ и тотъ же съ самаго дѣтства, пробуждаетъ насъ къ молитвѣ. Мы любимъ его; онъ напоминаетъ намъ спасительныя мысли, которыя должны сопутствовать намъ во всякомъ мѣстѣ. Нѣкоторыя сестры поютъ на клиросѣ, и пѣніе ихъ чисто и пріятно. Молитвы, читаемыя про себя, прекрасны; но онѣ становятся еще прекраснѣе, воспѣваемыя молодыми голосами: глубокое спокойствіе нисходитъ въ наши сердца, ничто не занимаетъ нашихъ мыслей, никакое зло не можетъ случиться: мы ничего не можемъ потерять, никакое несчастіе не можетъ насъ достигнуть. Часы не бываютъ ни длинны, ни коротки: мы всегда заняты и всегда одинаковы. Мы въ точности слѣдуемъ правиламъ святаго, который начерталъ намъ путь къ достиженію неба. Наши труды назначены или для бѣдныхъ, или для обители. Бываютъ часы великаго молчанія; но кто привыкъ углубляться въ самого себя, тотъ слышитъ гласъ Божій во время всеобщаго молчанія. Мы повинуемся не земнымъ властямъ, но

Digitized by Google

Богу. Никакое начальство здѣсь не продолжительно. Чрезъ три года, я стану со всѣми вами рядомъ. Мы бѣлны, но всякій день приноситъ намъ насущный хлѣбъ и одежду, предохраняющую отъ холода. Между нами нѣтъ никакихъ узъ родства, а между тѣмъ всѣ мы сестры, и для того, чтобы мы любили всѣхъ и каждаго, запрещается намъ одна исключительная дружба. Для того, чтобы сердце наше было легче для всѣхъ людей, намъ запрещается избирать одного. Если ничто не принадлежитъ намъ; если мы въ своихъ кельяхъ являемся только-что вымолетчыми жильцами; если мы оставляемъ свои четки и беремъ новыя, которыя еще не видали насъ молящимися, такъ это потому, что мы блаженныя души, ищущія неба; и для того, чтобы быть готовыми къ минутѣ разставанія, должно прежде всего разорвать узы, удерживающія насъ на землѣ. Мы въ затворѣ, но какое намъ дѣло до свѣта, котораго не знаемъ? Души наши умѣютъ переноситься за стѣны этого монастыря; онѣ не ищутъ пути земнаго, но возносятся, летятъ на небо, покланяться Богу. Наконецъ мы спокойны, и всякая заблудшая овечка, приходящая издалека, чтобы войти подъ кровъ нашъ, говоритъ, что покой пребываетъ только здѣсь, и что его нельзя найти между людьми. Всѣ наши сестры — добры и просты, проворны въ работѣ, кротки духомъ, умѣютъ улыбаться послѣ молитвы подать наставленія всякому и развлечь каждаго. Сестра Фанъ-Амбергъ, не противься же мирной атмосферѣ, царствующей въ этой обители; не требуй отъ Всемогущаго, сотворившаго тебя для вѣчнаго счастія, чтобы Онъ даровалъ тебѣ и земныя блага жизни, которая для Него — одна минута. Отверзи душу твою вѣрѣ. *Вѣра есть заря, которая, едва начавъ заниматься, постепенно увеличивается до тѣхъ поръ, пока день совершенно разсвѣтетъ.*

Настоятельница замолчала. Кристина сидѣла, склонивши голову; она слушала, не переставая однакожъ плакать; сердце ея оставалось глухо ко всѣмъ голосамъ, совѣтовавшимъ ей позабыть того, кого она любила. Настоятельница сложила руки и стала тихо молиться подлѣ нея; она не сказала молодой дѣвушкѣ о письмѣ, написанномъ ея отцу, — стрѣла въ сердцѣ

Digitized by Google

своемъ надежду отослать ее когда-нибудь въ ея семейство; но исполненная святаго рвенія, она старалась, по крайней мѣрѣ, краткимъ пребываніемъ Кристины въ монастырѣ, укротить эту пламенную и непокорную душу.

Однажды Кристину послали ходить за больной сестрой. Одна монахиня смѣнялась другою у страдальческаго ложа. Кристина, вошедши къ ней въ келію, удивилась, видя, что она потеряла строгой и печальный видъ прочихъ келій. Изъ отвореннаго окна падалъ солнечный лучь. На маленькомъ столикѣ, возлѣ кровати, стоялъ стаканъ съ цвѣтами,—эта роскошь, запрещаемая въ монастырѣ. Бѣлый букетъ украшалъ образъ Богоматери. Благочестивая книга лежала открытая возлѣ монахини. Больная кротко улыбнулась удивленной Кристинѣ.

— Сестра! сказала она ей, подойди и подыши пріятнымъ запахомъ, наполняющимъ эту комнату. Святой Францискъ Сальскій написалъ собственною своею рукою, что надобно дѣлать комнату больныхъ пріятною и приносить въ нее цвѣтовъ, для развлеченія глазъ. Сестра, ангели Божіи нисходятъ къ постелѣ страждущихъ, потому что Господь любитъ страждущихъ съ покорнымъ сердцемъ. Посмотри: наше жилище оживляется по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ концу. Оно, какъ будто бы, приготовляется къ празднику, потому что не праздникъ ли это, когда душа улетаетъ на небо?

— Сестра, сказала ей Кристина, ты страдаешь?

— Да, страдаю и думаю, что скоро умру.

— Увы! Боже мой! ты такъ еще молода!

— Я вѣрю въ Бога, призывающаго меня, и готова итти къ Нему.

— Ты уже давно въ монастырѣ?

— Десять лѣтъ.

— Десять лѣтъ! Боже мой!

— Время это прошло очень скоро, оно утѣшило меня въ горѣ, которое я унесла за собою, оставляя свѣтъ.

— Горе, сказала ты? такъ ты плакала? О! разскажи мнѣ, пожалуйста, сестра!...

Digitized by Google

— Я лишилась жениха своего за три дня до срока, назначеннаго для нашей свадьбы. Онъ умеръ въ глазахъ моихъ; я бы желала умереть вмѣстѣ съ нимъ: Господь не допустилъ этого. Я, по крайней мѣрѣ, сдѣлала то, что было въ моей власти,—оставила свѣтъ, пришла молиться за него и ожидать минуты, когда я соединюсь съ нимъ.

— Разлучена на вѣки съ тѣмъ, котораго любила! О! какъ должна была страдать ты, сестра моя!

— Разлучена на землѣ, но не навсегда, отвѣчала монахиня; и все-таки, прибавила она, я жила возлѣ него: тѣ, которыхъ нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ, не далеко отъ тѣхъ, которые живутъ для молитвы.

— И ты не всегда, не всегда плакала?

— Я плакала, сестра, и твои слезы напомнили мнѣ про мои собственныя; но я жила въ свѣтѣ болѣе тебя и научилась понимать его. Все разлучается на землѣ; разлучаются по смерти, по забвенію, даже по перемѣнамъ въ привязанности; всегда вѣдь любятъ меньше, разъ любивши сильно. Все грустно, вездѣ плачутъ понемногу. Ну, а я пришла утѣшиться надеждами вѣчными, вмѣсто разрушенныхъ надеждъ земли. Жизнь не длинна; самые счастливые тѣ, которые смотрятъ за ея предѣлы. Я жила мирно съ однимъ воспоминаніемъ, умираю съ надеждою.

Кристина не дѣлала болѣе вопросовъ, но слезы ея текли, и внутренній голосъ говорилъ ея сердцу, что она всегда будетъ плакать.

Однажды, ночью, во время сна монахинь, раздался звонъ монастырскаго колокола. Колоколъ этотъ возвѣщалъ, что какая-то сестра отходила: то была монахиня, за которою ходила Кристина нѣсколько дней, прежде, чѣмъ кончилось ея краткое существованіе.

Если жизнь монастырская отличается отъ прочей жизни, смерть отличается еще разительнѣе отъ смерти во всякомъ другомъ мѣстѣ. И потому въ этой келіи, которую одна душа должна была оставить, чтобы полетѣть на небо,

Digitized by Google

не было ни страданій, ни слезъ; чрезвычайное благоговѣніе изображалось на всѣхъ лицахъ; всѣ были спокойны и преданы волѣ Божіей; пламя восковыхъ свѣчъ, принесенныхъ для послѣднихъ обрядовъ религіи, вмѣстѣ освѣщало лицо умирающей; губы ея открывались, чтобы отвѣчать на молитвы ея подругъ; пальцы ея еще перебирали четки, которыя каждый день она имѣла при себѣ. Въ ногахъ постели стояли на колѣняхъ настоятельница и прочія сестры, тѣ монахини, которымъ не нашлось мѣста въ комнатѣ, стояли на колѣняхъ за дверями, въ корридорѣ. Не было ни горести, ни смущенія, ни ужаса; молчаніе царствовало повсюду; однѣ молитвы прерывали его. Умирающая была спокойна; заботы о ней были благоговѣйны; смерть не была ужаснымъ привидѣніемъ, которое поражаетъ ужасомъ, но ангеломъ-утѣшителемъ, который приходитъ за дѣтьми Божіими, чтобы перенести ихъ къ Нему. Тамъ всѣ человѣческія страсти были забыты, всѣ земныя связи оставлены или побѣждены. Никакое сожалѣніе не омрачивало послѣдняго прощанія; раздавался одинъ гимнъ освобожденія; всѣ бившіяся сердца желали неба, всѣ глаза видѣли его отверстымъ для принятія невѣсты Христовой. Одна умирала, не любивши жизни, другія жили, не боясь смерти: это было торжественное и благоговѣйное зрѣлище. Подобно усталому путешественнику, который, медленно шедши по длинной и прямой дорогѣ, видитъ въ концѣ гостепріимный кровъ и достигаетъ съ сердцемъ, исполненнымъ веселія, мѣста покоя, также точно и монахиня, послѣ длинныхъ, всегда одинаковыхъ дней, достигаетъ дня смерти, дарующаго небо въ жилище.

Кристина встала на колѣни, но сердце ея было наполнено земными волненіями. Она любила жизнь, и просила у жизни, а не у неба, надежды на счастіе.

Посреди одной молитвы, душа монахини улетѣла; она почила въ Богѣ, безъ сожалѣнія, безъ боязни. Тогда совершились обряды, сопровождающіе смерть сестеръ-посвятительницъ. Изъ шкафа взяли вѣнокъ бѣлыхъ розъ, хранимый тщательно со дня произнесенія обѣтовъ, и надѣли ей на голову въ

Digitized by Google

послѣдній разъ. Этотъ бѣлый вѣнокъ носитъ монахиня въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ день постриженія, потомъ снимаетъ его, зная, что цвѣты эти коснутся ея чела тогда, какъ оно оледенѣетъ отъ холода смерти. Усопшую, съ вѣнкомъ на головѣ, поставили въ открытомъ гробѣ посреди монастырскаго хора; назначили двухъ сестеръ для того, чтобы стоять надъ нею и молиться. Кристина Фанъ-Амбергъ была одна изъ тѣхъ, которыя остались на колѣняхъ возлѣ умершей.

Ночь была продолжительна и торжественна: съ одной стороны, женщина, которой уже не было болѣе на свѣтѣ; возлѣ нея женщина, волнуемая всѣми земными страстями; между ними монахиня живая, какъ одна,—спокойная, какъ другая.

Съ разсвѣтомъ, настоятельница пришла помолиться близь покойницы, потомъ удалилась, оставивъ другихъ двухъ сестеръ стоять возлѣ гроба, какъ стояла Кристина.

— Дочь моя, тихо сказала она Кристинѣ, ночь эта должна была навести тебя на спасительныя размышленія. Если наша жизнь кажется тебѣ скучною, то наша смерть должна показаться тебѣ пріятною.

— Матушка, отвѣчала Кристина, я хочу умереть!

— Дитя мое, отвѣчала настоятельница, Господь продлитъ твою жизнь; душа твоя еще не готова; старайся молиться и молчать.

Однажды двери монастыря отворились, но не для того, чтобы впустить, а выпустить монахиню. Это было рѣдкимъ происшествіемъ, и, можетъ быть, самымъ тяжелымъ изъ испытаній, налагаемыхъ этимъ благочестивымъ дѣвамъ, жившимъ въ самоотверженіи. Одна монахиня этой обители въ продолженіе двадцати лѣтъ проводила однообразные и спокойные дни въ монастырѣ, котораго любила стѣны, церковь и лужокъ; ничто не принадлежало ей на землѣ: она каждый годъ перемѣняла келію, книги, четки; но стѣны этого монастыря, клиросъ, плиты, на которыхъ становилась она столько лѣтъ на колѣни, подруги, на которыхъ смотрѣла, когда даже и не говорила съ ними, все это было ея имущество, друзья и узы. Строгій приказъ

Digitized by Google

отъ высшаго начальства повелѣлъ монахинѣ отправиться за море, въ чужіе края, и принести подпору ревности и вѣры нѣкоторымъ отдаленнымъ монастырямъ, остаться тамъ на всю жизнь, не думая о возвращеніи подъ кровъ, ею избранный. Монастырскія стѣны никогда еще не схыхали никакого ропота. Монахиня приготовилась повиноваться молча. Если слезы и появлялись на ея глазахъ, она скрывала ихъ въ сердцѣ, и сердце это было такъ покорно, что она безъ сильной борьбы скрывала отъ всѣхъ тяготившее ее горе. Много рукъ протянулось къ удалявшейся; много лицъ призадумалось, много устъ открылось, но—*Господь съ тобою, сестра моя*! были единственныя слова, которыя вышли изъ этихъ устъ. Монастырь выпустилъ одну изъ дочерей своихъ. Остававшіяся молились; уѣзжавшая тоже. Растроганныя сердца выражали свое горе только кроткими словами: «буди Его святая воля!» потомъ двери затворились; спокойствіе, порядокъ, трудъ, пошли своимъ чередомъ. Приказаніе было исполнено, съ смиреніемъ и простотою, и все кончилось.

— Дочь моя, сказала Кристинѣ настоятельница, примѣръ самопожертвованія и совершенной покорности не вселяетъ ли въ душу твою самоотверженія?

Настоятельница не дѣлала болѣе вопросовъ; иногда только призывала Кристину къ себѣ въ келію, сажала ее возлѣ себя; давала ей книги и оставляла ее читать, или мечтать на свободѣ. Такъ же какъ и въ прочихъ келіяхъ, стѣны келіи настоятельницы были покрыты нравственными изрѣченіями: это была неслышимая, но назидательная бесѣда. Маленькая скамейка Кристины стояла противъ стѣны, на которой было написано: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы.* Въ продолженіе долгихъ часовъ молчанія, Кристина, поднимая глаза, видѣла это призваніе ко всѣмъ несчастнымъ. Когда она смотрѣла въ другую сторону, глаза ея встрѣчались съ деревяннымъ Распятіемъ; когда отворачивалась, видѣла, какъ настоятельница молилась на колѣняхъ; когда склоняла голову на грудь, открытый молитвенникъ поражалъ ея взоры. Иногда

Digitized by Google

для того, чтобы предаться мыслямъ своего сердца, Кристина закрывала глаза, но и тогда монастырскій колоколъ тихо звучалъ и призывалъ опять къ молитвѣ. Выходя изъ комнаты, она видѣла, какъ подруги ея, спокойныя и набожныя, кланялись ей, говоря: *Господь съ тобою, сестра!* За пищею тихій голосъ училъ ее благодарить Бога.

Въ другія минуты, при звукѣ колокола, призывавшемъ къ часу послушанія, всѣ монахини оставляли свои занятія и шли къ настоятельницѣ, ожидая отъ нея приказаній. Игуменья посылала сестеръ на разныя работы, по своему усмотрѣнію: каждая имѣла назначенный урокъ; ни одна не выбирала, — всѣ повиновались. Монахини расходились по всѣмъ угламъ монастыря, чтобы исполнять свое дѣло, и этотъ часъ получилъ благочестивое имя *часа послушанія.*

Кристина видѣла все это, но никто не обращался къ ней съ вопросами.... Что происходило въ ея сердцѣ—извѣстно одному Богу.

Колоколъ, пѣніе, молитвы, молчаніе, святые примѣры, кроткія наставленія, стѣны съ назидательными изреченіями, могилы, подававшія поводъ къ важнымъ размышленіямъ,— всѣ эти предметы, подобно невидимымъ ангеламъ, окружали Кристину; но никто ее не спрашивалъ. И что происходило въ ея сердцѣ, никто не узналъ того на землѣ.

Игуменья не получала никакого отвѣта на письмо свое къ Карлу Фанъ-Амбергу. Она написала во второй разъ, и еще настоятельнѣе просила отца Кристины; она почти приказывала, чтобы прислали за молодою дѣвушкой; но письмо ея вторично осталось безъ отвѣта.

Прошло пять лѣтъ.

Однажды, двери монастыря отворились и впустили незнакомаго человѣка, желавшаго говорить съ настоятельницею. Это былъ старичекъ; опираясь на свою трость, онъ съ удивленіемъ и волненіемъ смотрѣлъ вокругъ себя; стоя въ маленькой пріемной, нѣсколько разъ касался онъ рукою своихъ глазъ, какъ бы утирая слезы.

Digitized by Google

— Бѣдное, бѣдное дитя! прошепталъ онъ.

При входѣ настоятельницы за рѣшетку пріемной, старикъ съ живостью подошелъ къ ней.

— Я—Вильгельмъ Фанъ-Амбергъ, сказалъ онъ ей, братъ Карла Фанъ-Амберга; я пришелъ, сударыня, за Кристиною Фанъ-Амбергъ, его дочерью, а моей племянницей!

— Вы приходите очень поздно! отвѣчала настоятельница; сестра Марія готовится произнести обѣтъ.

— Марія!....я не знаю этого имени! продолжалъ Вильгельмъ Фанъ-Амбергъ; я зову Кристину, спрашиваю Кристину.

— Кристина Фанъ-Амбергъ, нынѣшняя сестра Марія, готовится къ постриженію.

— Кристина монахиня!.... О, Боже мой, это невозможно!.... Сударыня, сердце этой бѣдной дѣвушки растерзано, она постригается съ отчаянія: ее заставили слишкомъ много страдать.... съ ней поступили жестоко; но я приношу ей съ свободою то счастіе, котораго желала она всю жизнь: позволеніе выйдти замужъ за любимаго ею человѣка. Кристина поѣдетъ со мною, если только мнѣ можно будетъ поговорить съ ней.

— Поговорите съ ней, и пусть она ѣдетъ, если ей захочется.

— Благодарю, благодарю васъ. Пришлите мнѣ мое дитя, пришлите мнѣ Кристину, я жду ее съ нетерпѣніемъ и счастіемъ.

Настоятельница удалилась.

Оставшись одинъ, Вильгельмъ, глубоко тронутый, смотрѣлъ вокругъ себя; и чѣмъ болѣе смотрѣлъ онъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ смущеніе въ своемъ сердцѣ; ужасная тяжесть давила ему грудь; ему хотѣлось обнять Кристину, какъ онъ обнималъ ее еще маленькую, и поскорѣе бѣжать съ ней дальше отъ этихъ рѣшетокъ, пугавшихъ его.

— Бѣдное дитя, шепталъ онъ, какое убѣжище для прекрасныхъ лѣтъ твоей юности!.... О! какъ ты должна была страдать! Но утѣшься, милое дитя, я здѣсь!

Digitized by Google

Онъ вспоминалъ Кристину, когда она была дѣвушкою дикой, любящей свободу, бѣгающей по всѣмъ мѣстамъ; потомъ Кристину, когда она была женщиною страстной, полной смущенія, любви и независимости. Улыбка заблистала на устахъ старца, когда онъ думалъ о счастливомъ восклицаніи Кристины, когда онъ скажетъ ей: «ты свободна, и Герберъ ожидаетъ тебя, чтобы вести къ вѣнцу!» Сердце его билось такъ сильно, какъ еще никогда не случалось ему биться даже во время его молодости. Слезы противъ воли полились изъ глазъ его; онъ не зналъ, были ли то слезы печали, производимой видомъ этого мрачнаго мѣста, которое въ продолженіе пяти лѣтъ было жилищемъ Кристины, или слезы радости, происходившей отъ счастія видѣть и освободить ее? Онъ считалъ минуты, и не сводилъ глазъ съ маленькой двери, въ которую должна была войдти Кристина. Онъ за рѣшетками не могъ прижать ее къ сердцу, но могъ видѣть и слышать ее. Вдругъ кровь хлынула ему въ голову отъ шума двери, повернувшейся на петляхъ: дверь отворилась.... Послушница, вся въ бѣломъ, медленно подошла къ Вильгельму; онъ взглянулъ, отступилъ, колебался и вскрикнулъ: — О! Боже мой! ты ли это, Кристина?

Вильгельмъ съ любовію хранилъ воспоминаніе о смугломъ, живомъ, проворномъ ребенкѣ, съ блестящими глазами, съ лицомъ, загорѣвшимъ отъ солнца, съ быстрыми, движеніями, ребенкѣ, походившемъ на дикую козу, которая любитъ крутые скаты горъ. Теперь онъ видѣлъ передъ собою молодую дѣвушку, блѣдную и бѣлую, какъ ея покрывало; волосы ея были почти не видны подъ густою полотняною повязкою; ея высокій станъ слегка рисовался подъ шерстяными бѣлыми одеждами; движенія ея были медленны; черные глаза выражали чрезвычайную печаль; во всемъ ея существѣ изображалось глубокое спокойствіе. Казалось, глаза ея смотрѣли, не видя, уста разучились открываться для рѣчи, а уши слушали, не слыша. Сестра Марія была прекрасна, но красота ея неизвѣстна на землѣ. Безконечное

Digitized by Google

спокойствіе, ничѣмъ не возмущаемая тишина дѣлали ее прекрасною.

Старецъ смутился до глубины души; слова замерли на устахъ его; онъ протянулъ Кристинѣ руки, которыя не могли ее достать. Марія старалась улыбнуться, смотря на своего дядю, но осталась молчаливою и неподвижною.

— О, дитя мое! проговорилъ онъ наконецъ: о! какъ ты страдаешь здѣсь!

Марія покачала тихо головою; спокойный взоръ, который она устремила на дядю, ясно говорилъ противъ предполагаемыхъ имъ страданій.

— Возможно ли, чтобы пять лѣтъ могли такъ измѣнить тебя, моя Кристина? Не глаза, а сердце мое узнаетъ тебя, дитя мое! Видно, на тебя налагали много трудовъ, много лишеній?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ надъ тобою тяготѣло ужасное иго?

— Нѣтъ.

— Такъ ты была больна?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ сердце твое слишкомъ много страдало и наконецъ разорвалось на части. Ты много плакала?

— Я не помню.

— Кристина, жива ли ты? или это тѣнь Анунціаты, вышедшая изъ могилы?.... О, дитя мое, смотря на тебя, мнѣ кажется, что вижу ее, распростертую безъ жизни на смертномъ одрѣ!

Марія подняла свои большіе глаза къ небу, сложила руки и прошептала: — матушка!

— Кристина, поговори, поплачь со мною. Ты пугаешь меня своимъ спокойствіемъ и молчаніемъ.... Ахъ, да! въ моемъ смущеніи, я позабылъ объяснить тебѣ.... Выслушай меня: братъ Карлъ, по случаю банкротства одного изъ заморскихъ своихъ товарищей, увидѣлъ, что имѣніе его совершенно разстроено. Чтобы предупредить совершенное разо-

Digitized by Google

реніе, братъ принужденъ былъ немедленно плыть въ колоніи. Онъ уѣхалъ, надѣясь возвратиться черезъ нѣсколько лѣтъ; но теперь онъ отсрочиваетъ свое возвращеніе на неопредѣленное время: дѣла его непремѣнно требуютъ его отсутствія. Онъ взялъ съ собою своихъ старшихъ дочерей. Я, будучи слишкомъ старъ, чтобы занимъ слѣдовать, остался; а потому, что слишкомъ старъ, для одинокаго житья, мнѣ дали Кристину; но я не хотѣлъ имѣть тебя, дитя мое, безъ возможности составить твое счастіе. Я убѣдительно просилъ позволенія выдать тебя замужъ за Гербера. Ты уже теперь не богатая наслѣдница. Отецъ твой уѣхалъ; такой старикъ, какъ я, не можетъ служить тебѣ опорою долго; отецъ твой согласился на мою просьбу: онъ посылаетъ тебѣ, въ видѣ прощенія, свободу и позволеніе выйдти за Гербера.... Кристина, ты свободна, и Герберъ ждетъ свою жену.

Длинныя покрывала послушницы заколебались, какъ будто члены, скрывавшіеся подъ ними, задрожали немного; нѣсколько секундъ она не говорила ни слова, потомъ отвѣтила:

— Теперь уже поздно; я невѣста Христова!

Вильгельмъ испустилъ горестный вопль. Онъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на неподвижную молодую дѣвушку, которая стояла передъ нимъ.

— Кристина, воскликнулъ онъ, ты.... ты не любишь Гербера?

— Я невѣста Христова! повторила послушница, сложивши на груди руки, и поднявши глаза къ небу.

— О Боже мой, Боже мой! прошепталъ Вильгельмъ въ слезахъ, братъ убилъ этого ребенка! Сердце ея замерло отъ страданій! Бѣдная и милая жертва нашей строгости, скажи мнѣ, Кристина, скажи мнѣ, что съ тобою случилось съ тѣхъ поръ, какъ ты попала сюда?

— Я видѣла, какъ молились другія, и сама стала молиться. Были продолжительные часы молчанія, я молчала;

Digitized by Google

никто не плакалъ, я утерла свои слезы; сначала что-то холодное, потомъ пріятное овладѣло моею душею; здѣсь вездѣ слышался голосъ Божій, я стала Его слушать; полюбила Господа и предалась Ему.

Потомъ, какъ бы уставши отъ столькихъ словъ, Марія замолчала и впала во внутреннее созерцаніе, которое дѣлало ее безчувственною ко всему, ее окружающему. Въ эту минуту, раздался звукъ колокола; послушница вздрогнула и глаза ея заблистали.

— Господь зоветъ меня, сказала она, я иду молиться.

— Какъ, Кристина, дитя мое, ты хочешь меня покинуть?

— Развѣ не слышите вы колокола! это часъ молитвы.

—Но, дочь моя, дитя мое! я пришелъ, чтобы увезти тебя.

—Я не выйду уже отсюда. Прощайте, дядюшка, отвѣчала Марія, медленно удаляясь.

Отворивъ дверь, чтобы уйдти изъ пріемной, она повернулась къ Вильгельму; взоръ ея остановился на немъ съ выраженіемъ кротости и печали; губы пошевелились, какъ бы для того, чтобы послать ему поцѣлуй; потомъ она исчезла.

Вильгельмъ не старался ее удержать; онъ оперся головою на рѣшетку, и крупныя слезы потекли по его щекамъ. Колоколъ все звучалъ, и казался ему погребальнымъ звономъ по Кристинѣ. Сколько времени стоялъ онъ, погруженный въ размышленія.—Вильгельмъ не могъ дать себѣ отчета. Вдругъ ему послышался какой-то голосъ; то была настоятельница; завернувшись въ свои черныя рясы, она сѣла возлѣ рѣшетки съ другой стороны.

— Я предвидѣла вашу горесть, сказала ему настоятельница: наша сестра Марія не хочетъ за вами слѣдовать.

Вильгельмъ бросилъ на монахиню взоръ, исполненный страданія.

— Увы! увы! сказалъ онъ, этотъ ребенокъ, который прежде такъ любилъ меня, теперь увидѣлъ меня безъ радости и оставляетъ безъ сожалѣнія!

Digitized by Google

— Выслушай, сынъ мой, продолжала настоятельница, выслушай! Тому назадъ пять лѣтъ, привезли сюда дѣвушку въ отчаяніи, полную волненія и смущенія; она воображала, что, входя въ монастырь, она сходитъ въ могилу. Въ продолженіе цѣлаго года никто не видалъ лица ея безъ слезъ. Одинъ Богъ знаетъ, сколько проливаетъ человѣкъ слезъ, прежде, чѣмъ возвратится къ спокойствію и покорности: люди не въ состояніи счесть ихъ. Эта молодая дѣвушка много страдала; мы тщетно просили за нее прощенія, тщетно призывали ея семейство на помощь. Тогда она могла сказать, какъ написано: «я изнемогла рыдая, и глаза мои померкли отъ печали». Что могли мы для нея сдѣлать, какъ не молиться, потому что никто не хотѣлъ взять къ себѣ этого бѣднаго ребенка?....

— Увы! сказалъ Вильгельмъ, письма ваши не доходили. Братъ былъ далеко за моремъ, а я, не имѣя никакой надежды измѣнить рѣшеній Карла, я покинулъ его скучный, пустой домъ.

— Люди оставили этого ребенка, продолжала настоятельница, но Господь призрѣлъ на рабу свою и утѣшилъ ея душу. Если Онъ не возвратилъ силъ этому тѣлу, истощенному отъ страданій.... буди Его святая воля. Можетъ быть, оставивъ этой молодой дѣвушкѣ любовь Божію, которую пріобрѣла она столькими слезами, поступятъ благоразумно: можетъ быть, избавивъ ее отъ новыхъ потрясеній, поступятъ умно.

— Нѣтъ, нѣтъ! крикнулъ Вильгельмъ, я не могу такъ оставить эту послѣднюю отрасль моего семейства, подпору моей старости; я все испытаю, чтобы привести сердце ея къ первымъ чувствамъ.... Отдайте мнѣ Кристину только на нѣсколько дней.... Позвольте мнѣ только показать ей мѣста, въ которыхъ она родилась, мѣста, въ которыхъ любила.... Мои просьбы не убѣдятъ ее, но ваше приказаніе заставитъ ее повиноваться; велите ей возвратиться на нѣсколько часовъ подъ родительскій кровъ. Если она,

Digitized by Google

послѣ этого послѣдняго испытанія, захочетъ остаться здѣсь, тогда, нечего дѣлать: я возвращу ее вамъ.

— Возьми съ собою сестру Марію, сынъ мой, отвѣчала настоятельница, я сейчасъ вслю ей ѣхать съ тобою. Если слово Господне въ самомъ дѣлѣ коснулось души ея, всѣ голоса человѣческіе не дойдутъ до нея; въ противномъ же случаѣ, пусть не возвращается она въ монастырь, и да благословитъ ее Господь на всѣхъ путяхъ ея. Прощай, миръ тебѣ сынъ мой!

И настоятельница удалилась.

Лучь надежды оживилъ душу Вильгельма Фанъ-Амберга; онъ думалъ, что Кристина, переступивши за монастырскій порогъ, найдетъ опять прежній свой характеръ, молодость и любовь. Онъ воображалъ, что навсегда увезетъ дитя свое далеко отъ этихъ мрачныхъ стѣнъ. Волнуемый ужаснымъ нетерпѣніемъ, онъ ждалъ. Вскорѣ послышались легкіе шаги въ коррридорѣ за пріемною; Вильгельмъ бросился къ двери; Кристина стояла передъ нимъ, и никакая рѣшетка не раздѣляла ее отъ дяди.

— Милая моя Кристина! воскликнулъ Вильгельмъ, наконецъ-то я могу обнять тебя и прижать къ моему сердцу. Пойдемъ, мы возвратимся на свою родину, въ домъ, гдѣ мы живали вмѣстѣ!

Сестра Марія была еще блѣднѣе, чѣмъ при первомъ свиданіи съ Вильгельмомъ.—Если и возможно было замѣтить какое-нибудь выраженіе на этомъ спокойномъ лицѣ, это было скорѣе выраженіе печали; но, когда отворились двери и она переступила за порогъ, то отъ свѣта, воздуха и вѣтра, дувшаго ей въ лицо, она зашаталась и оперлась о наружную стѣну.

Солнце въ эту минуту проглядывало сквозь облака и бросало золотые лучи на поле и маленькую горку; воздухъ былъ чистъ, и горизонтъ, ровный и однообразный, отъ свѣта казался красивѣе.

— Посмотри, посмотри, дочь моя!....сказалъ Вильгельмъ Кристинѣ, которая оставалась неподвижною въ

Digitized by Google

немомъ созерцаніи, посмотри, какъ прекрасна земля! Какъ сладко дышать этимъ воздухомъ! Какъ весело быть свободною и подвигаться по этому неизмѣримому горизонту!

— О дядюшка, отвѣчала послушница, какъ прекрасно небо! Посмотри, какъ блеститъ солнце надъ нашими головами! на небѣ должно любоваться его лучами: они достигаютъ земли, тусклые и слабые.

Вильгельмъ потащилъ Кристину къ ожидавшей ихъ каретѣ; онъ сѣлъ возлѣ нея, и лошади поскакали.

Долго глаза ея были устремлены на стѣны монастыря; потомъ, когда изгибы дороги скрыли ихъ отъ взоровъ ея, она закрыла глаза и впала въ усыпленіе. Тщетно, въ продолженіе всего путешествія, Вильгельмъ старался заставить ее говорить; она думала, но уже не умѣла выразить своихъ мыслей; сильная усталость тяготила ее, когда заставляли ее отвѣчать; вся жизнь ея скрылась въ глубину души; она окружала ее тайною и молчаніемъ: ей нечего было сказать видимому міру. Иногда только она шептала: — о какъ длиненъ день! ничто не означаетъ часы его: я не слыхала еще ни одного звонка!

Блѣдная, неподвижная, молчаливая, совершила она это путешествіе возлѣ Вильгельма, машинально повинуясь ему, какъ будто надъ глазами ея было опущено покрывало. Она не замѣчала ни печали старца, ни страны, по которой она ѣхала. Наконецъ пріѣхали они къ красному домику; карета прокатилась по двору, заросшему травою. Готонъ вышла имъ на встрѣчу.

— Милости просимъ, сударыня! прошептала старая служанка.

Марія, опираясь на плечо своего дяди, вошла въ столовую, гдѣ такъ часто собиралось все семейство. Гостиная была пуста и холодна; никакая книга, никакая работа не придавали ей виду обитаемаго жилища; опустѣвъ, послѣ переселенія послѣднихъ хозяевъ, она ожидала новыхъ. Можно подумать, что мѣста имѣютъ жизнь, которую принимаютъ

Digitized by Google

или отдаютъ, смотря по тому—приходятъ ли къ нимъ или удаляются отъ нихъ. Кристина медленно прошла по этой, столь знакомой залѣ, и сѣла на кресло у окна, выходившаго на лугъ. Здѣсь-то двадцать лѣтъ жила ея мать, здѣсь прошло ея дѣтство возлѣ Анунціаты.

Вильгельмъ отворилъ окно, показалъ ей лугъ и дальше рѣку и ивы. Кристина глядѣла молча, опершись головою на руку, устремивъ глаза на горизонтъ. Долго стоялъ Вильгельмъ подлѣ нея; потомъ, положивши руку на плечо Кристины, позвалъ ее тихо; она встала. Онъ сказалъ ей, чтобы она шла за нимъ; она пошла. Они взошли по деревянной лѣстницѣ, прошли маленькую галлерею, и Вильгельмъ отворилъ дверь.

— Комната твоей матери! сказалъ онъ Кристинѣ.

Послушница сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась посреди комнаты; слезы полились изъ глазъ ея, она сложила руки и молилась.

— Дочь моя, сказалъ ей Вильгельмъ, она пламенно желала твоего счастія.

— И получила его, отвѣчала послушница.

Старецъ почувствовалъ смертельную тоску. Ему казалось, что онъ прижималъ къ сердцу своему мертвеца, которому любовь его не придавала ни дыханія, ни теплоты.

Марія подошла къ постели матери, поклонилась и поцѣловала подушку, которая поддерживала умирающую голову Анунціаты.

— Матушка, матушка, до скораго свиданія! шептала она.

Вильгельмъ вздрогнулъ; онъ взялъ Кристину и повелъ въ ея прежнюю комнатку. Кровать съ бѣлыми занавѣсами стояла еще тутъ; гитара висѣла на стѣнѣ; любимыя книги Кристины стояли на полкахъ ея деревяннаго шкафика. Окно было открыто, и изъ него виднѣлись ивы и рѣка; но Марія не глядѣла на это. Деревянное Распятіе еще висѣло на стѣнѣ; Кристина быстро подошла къ нему, стала на колѣни, приложила голову къ подножію Распятія, закрыла глаза

Digitized by Google

и стала дышать, словно какъ успокоившись послѣ продолжительной усталости. Она ни на что не смотрѣла, ни на жилище первыхъ лѣтъ, ни на садъ, по которому такъ часто бѣгала, ни на рѣку, свидѣтельницу ея любви. Она стояла, прижавши голову къ ногамъ Спасителя, подобно изгнаннику, который находитъ свое отечество, подобно матросу, который пристаетъ къ берегу.

Вильгельмъ, стоя передъ ней, съ глазами мокрыми отъ слезъ, смотрѣлъ на нее въ молчаніи. Готонъ, въ углу, изнанкой фартука отирала слезы. Прошло нѣсколько часовъ. Часы родительскаго дома пробили; птицы въ саду начали пѣть; вѣтеръ бушевалъ въ деревьяхъ; на верху голубятни заворковали горлицы; на птичьемъ дворѣ пропѣлъ пѣтухъ. Всѣ эти любимые звуки того мѣста, въ которомъ родилась Марія, не могли развлечь ее отъ задумчивости.

Вильгельмъ, съ сердцемъ, надрывающимся отъ горя, удалился и одинъ сошелъ въ столовую. Долго оставался онъ, поникнувъ головою на грудь, погруженный въ мрачныя размышленія, думая о предметахъ своей привязанности, удаленныхъ навсегда, потомъ о тѣхъ, которые, хотя возлѣ него, были отъ него еще дальше. Вдругъ послышались быстрые шаги; вошелъ молодой человѣкъ и бросился въ объятія Вильгельма.

— О Герберъ! сказалъ ему старецъ, я ждалъ тебя.

— Кристина! Кристина! крикнулъ Герберъ; гдѣ Кристина? не сонъ ли это? Г. Фанъ-Амбергъ отдаетъ мнѣ Кристину....я вижу опять свою родину, и мнѣ отдаютъ Кристину!....

— Карлъ Фанъ-Амбергъ отдаетъ ее тебѣ, но Господь отказываетъ, отвѣчалъ съ грустію Вильгельмъ.

Тогда онъ разсказалъ Герберу всѣ, что произошло въ монастырѣ, въ красномъ домикѣ; онъ разсказалъ съ тысячью подробностей, повторилъ ихъ тысячу разъ, не могши убѣдить Гербера въ печальной истинѣ.

Digitized by Google

— Это невозможно! выразительно повторялъ студентъ; если Кристина жива, если она здѣсь,—она отвѣтитъ на первое слово, произнесенное ея другомъ.

— Дай Богъ! сказалъ Вильгельмъ; я только на тебя имѣю надежду, пойдемъ, пойдемъ къ ней.

Герберъ быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ; сердце его было слишкомъ полно любви, и не боялось ничего. Кристина свободная была для него Кристиною, готовою сдѣлаться его женой. Онъ подошелъ къ ея комнатѣ, и отворилъ дверь; но вдругъ, словно пораженный молніею, остался недвижимъ на порогѣ. День догоралъ и послѣдніе лучи его освѣщали Марію, которая отдѣлялась, подобно тѣни, посреди темноты, отъ всѣхъ другихъ предметовъ, находившихся въ комнатѣ. Она стояла еще на колѣняхъ, опершись головою на Распятіе, и весь ея станъ терялся въ складкахъ послушничьей одежды

Она не слыхала, какъ отворилась дверь.

Герберъ долго смотрѣлъ на нее, и слезы градомъ полились у него изъ глазъ. Вильгельмъ взялъ за руки молодаго человѣка, и молча сжималъ ихъ.

— О, мнѣ страшно! прошепталъ Герберъ. Это не моя Кристина!....это тѣнь, вышедшая изъ земли, или ангелъ съ неба, занявшій ея мѣсто....

— Да, это уже не Кристина, печально отвѣчалъ Вильгельмъ.

Черезъ нѣсколько минутъ грустнаго созерцанія, Герберъ воскликнулъ:—Кристина! милая Кристина!....

При звукѣ этого голоса, послушница вздрогнула, и вставши передъ нимъ, отвѣчала: — Герберъ!....

Какъ и прежде, при голосѣ ея друга, который говорила ей: Кристина! Марія отвѣчала: — Герберъ!

Сердце молодаго человѣка забилось сильно; онъ бросился къ послушницѣ, взялъ ее за руки и воскликнулъ, вставъ передъ ней на колѣни:

— Это я! это Герберъ!

Digitized by Google

Послушница устремила на него свои черные большіе глаза; смотрѣла на него долго, и на лицѣ ея показался было легкій румянецъ, потомъ она опять поблѣднѣла и тихо сказала Герберу.

— Я не надѣялась видѣть тебя на землѣ.

— Милая Кристина, мы много страдали, много плакали, но теперь намъ предстоятъ счастливые дни! Другъ мой, невѣста моя, мы уже теперь не разстанемся!

Марія, съ усиліемъ освободивши руки свои изъ рукъ Гербера, подошла къ Распятію.

— Я невѣста Христова, прошептала она дрожащимъ голосомъ, Онъ ждетъ меня.

Герберъ испустилъ горестный вопль.

— О, Кристина, милая Кристина! помнишь ли ты наши клятвы, обѣщанія, любовь, слезы, надежды? Ты оставила меня, съ клятвою любить всегда. Кристина, если ты не хочешь убить меня отчаяніемъ, вспомни о прошедшемъ.

Марія стояла, устремивъ глаза на Распятіе, судорожно сжавши руки и поднявши ихъ къ Нему.

— Господи, прошептала она, призри на его сердце, какъ ты призрѣлъ на мое; это—благородное сердце, достойное любить Тебя, сильнѣе меня, Герберъ можетъ жить даже и послѣ многихъ, многихъ слезъ!.... утѣшь его, Господи!...

— Кристина, моя первая любовь! Кристина, любимая съ постоянствомъ во время разлуки! Кристина, единственное благо, единственная надежда моей жизни, неужели ты покинешь меня? это сердце, нѣкогда вполнѣ мнѣ преданное, неужели стало теперь неприступно для меня навсегда?

Устремивъ глаза на Распятіе, сложивши руки, послушница, какъ бы умѣя говорить только съ однимъ Богомъ, отвѣчала тихо:

— Господи, онъ страдаетъ, какъ страдала я! излей же на него цѣлебный бальзамъ, которымъ Ты исцѣлилъ мои раны! Оставляя ему жизнь, возьми его душу, какъ взялъ

Digitized by Google

Ты мою. Пошли ему это безпредѣльное спокойствіе, которое даешь Ты своемъ избранникамъ.

— О, Кристина, моя милая! воскликнулъ Герберъ, схвативъ за руки Марію, посмотри на меня, обрати на меня глаза твои, посмотри на мои слезы! другъ моего сердца, мнѣ кажется, что это сенъ.... проснись! развѣ не помнишь ты нашихъ свиданій? ивъ, склоненныхъ къ водѣ? моей лодочки, въ которой мы плыли цѣлую ночь, мечтая о счастіи жить вмѣстѣ? посмотри, посмотри!.... Луна всходила такъ, какъ она восходитъ въ эту минуту. Ночь была прекрасна, какъ прекрасна она теперь. Мы сидѣли другъ подлѣ друга, какъ я сижу подлѣ тебя. Насъ разлучили, но теперь мы можемъ остаться вмѣстѣ.... Кристина, развѣ ты перестала любить? развѣ ты позабыла?

Вильгельмъ подошелъ къ ней, и взялъ ее за руку.

— Милое дитя, сказалъ онъ, мы умоляемъ тебя не покидать насъ. Мы ожидаемъ отъ тебя нашего счастія; останься съ нами, Кристина.

Послушница, держа одною рукою за руку Гербера, а другою Вильгельма, медленно прошептала:

— Тѣло, находящееся во гробѣ, не поднимаетъ камня, чтобы выйдти на свѣтъ; душа, видѣвшая небо, не сходитъ на землю. Существо, которому Господь сказалъ: будь невѣстой Христовой, не оставляетъ Спасителя, чтобы соединиться съ человѣкомъ.... и та, которая должна скоро умереть, не должна имѣть земныхъ привязанностей....

— Герберъ, вскричалъ Вильгельмъ, замолчи! замолчимъ! я боюсь.... Пульсъ ея чуть-чуть бьется подъ моими пальцами!.... Мнѣ кажется, что она еще блѣднѣе того, какъ показалась мнѣ въ первый разъ за монастырскою рѣшеткою; мы заставляемъ ее страдать.... Довольно, Герберъ, довольно; ужъ лучше отдать ее Богу на землѣ, чѣмъ послать ее на небо.

— Дочь моя, прибавилъ Вильгельмъ, положивъ руку свою на безжизненное плечо Маріи, дочь моя, успокойся, не закрывай глазъ твоихъ.

Digitized by Google

И старецъ прижималъ къ своему сердцу молодую дѣвушку, какъ мать прижимаетъ своего ребенка.

— Прійди въ себя, продолжалъ онъ: я отвезу тебя въ домъ Божій.

Марія устремила на дядю печальный и кроткій взоръ; рука ея слегка сжала руку старца, и она, повернувшись къ Герберу, сказала едва слышнымъ голосомъ:

— Ты, Герберъ, ты будешь еще жить, не покидай же его.

— Кристина! воскликнулъ Герберъ, падая на колѣни передъ своею невѣстою, Кристина, стало быть, мы разстаемся съ тобою навсегда?

Послушница подняла глаза къ небу.

— Не навсегда! отвѣчала она.

— Молчи, Герберъ, молчи теперь! воскликнулъ Вильгельмъ. Оставимъ въ покоѣ эту молодую дѣвушку; буди Его святая воля!....Преклонимъ головы. О, милая моя Кристина, твои краткіе годы были полны жестокихъ испытаній! Можно сказать, Богу было не угодно, чтобы ты пришла на землю, что Онъ не назначилъ тебѣ на ней мѣста, и что Онъ зоветъ тебя къ себѣ, не восхотя оставить на землѣ....Когда мы всѣ тебя покинули, одинъ Богъ пришелъ къ тебѣ на помощь. Его любовь не то, что преходящая любовь человѣческая. Господь съ тобою!.... и да умилосердится Онъ и да не возьметъ тебя такъ скоро къ себѣ!.... Прощай, Кристина; возвратись съ миромъ въ святую обитель, и молись за насъ, дочь моя!....

Спустя нѣсколько дней, двери обители отворились, чтобы принять къ себѣ сестру Марію, и этотъ разъ уже затворились онѣ за нею навсегда.

Послушница насилу шла по монастырскимъ галлереямъ; она пала на колѣни предъ алтаремъ. Настоятельница опять подошла къ ней въ эту торжественную минуту.

Digitized by Google

— О матушка! воскликнула Кристина, залившись по прежнему слезами и плача, какъ плакала въ дѣтствѣ; я его видѣла, и разсталась съ нимъ! — Я здѣсь, Господи, здѣсь! Вѣрная своему обѣту, я жду вѣнца, который посвятитъ меня въ Твои невѣсты. Теперь одинъ только Твой голосъ будетъ поражать мой слухъ; я прихожу славословить Тебя, молиться и служить Тебѣ до конца моей жизни.... Матушка, велите приготовить власяницу, бѣлый вѣнокъ и серебряный крестъ, который долженъ мнѣ дать священникъ, во имя Іисуса Христа: я готова!

— Дочь моя! отвѣчала настоятельница, ты больна, тебя истощили столько потрясеній; не отложить ли на нѣкоторое время обрядъ твоего постриженія?

— Нѣтъ, матушка! не откладывайте, потому что я хочу умереть невѣстою Спасителя!.... а время летитъ! отвѣчала сестра Марія.

А. П.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРГО.

ПОВѢСТЬ АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ.

I.

Въ огромномъ готическомъ домѣ, на улицѣ Першъ-о-Марэ, жила въ 1804 году одна почтенная дама, извѣстная и любимая въ цѣломъ кварталѣ, по фамиліи Дорадуръ. Это была женщина добраго стараго времени, не придворная дама, но вышедшая изъ хорошаго средняго круга, женщина богатая, набожная, веселая и благодѣтельная. Жила она очень уединенно; единственнымъ занятіемъ ея было раздавать милостыню, да играть въ бостонъ съ сосѣдями. Обѣдала она въ два часа, ужинала въ девять. Изъ дома она выходила рѣдко, и то въ церковь, да иногда развѣ послѣ службы рѣшалась пройдтись по Королевской площади. Словомъ, она сохранила обычаи и даже костюмъ своего времени, мало заботясь о настоящемъ вѣкѣ; охотнѣе читала часословъ, чѣмъ журналы, предоставляя свѣту идти своей дорогой и думая только, какъ бы ей умереть спокойнѣе.

Такъ какъ она любила поговорить, и даже была нѣсколько болтлива, то въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ своего вдовьяго житья, держала при себѣ дѣвушку для бесѣды. Эта дѣвушка никогда ея не покидала и скоро сдѣ-

Digitized by Google

лалась ея другомъ. Ихъ безпрестанно видали вмѣстѣ у обѣдни, на прогулкахъ, у огня передъ каминомъ. Мамзель Юрсюль хранила ключи отъ погреба, отъ шкаповъ, даже отъ конторки съ деньгами. Она была длинная, сухощавая дѣва, съ мужской осанкой, говорившая какъ бы концами губъ, страшно властолюбивая и довольно упрямая. Госпожа Дорадуръ, ростомъ небольшая, облокачивалась всегда въ разговорѣ на руку этого презрѣннаго созданія, и позволяла ему водить себя за-носъ.

Она оказывала слѣпую довѣренность къ своей любимицѣ; въ духовномъ завѣщаніи ей ужъ заранѣе назначена была изрядная часть. Все это хорошо знала мамзель Юрсюль, и потому безпрестанно пѣла, что любитъ больше себя свою благодѣтельницу, и не иначе говорила о ней какъ со вздохами и возводя глаза къ небу.

Не къ чему говорить, что мамзель Юрсюль была настоящая хозяйка дома. Въ то время, когда госпожа Дорадуръ, опустившись въ свои длинныя кресла, вязала чулокъ въ уголку гостиной, мамзель Юрсюль, обремененная ключами, величественно обходила всѣ корридоры, толкала двери, расплачивалась съ торговцами и бранилась съ прислугой. Но лишь только наступалъ часъ обѣда и честная компанія садилась за столъ, она являлась смиренно, въ скромномъ темномъ платьѣ, униженно кланялась, умѣла держать себя въ сторонѣ и казаться какъ бы вовсе несуществующей. Въ церкви никто усерднѣе ея не молился, никто не опускалъ ниже глазъ; случалось, что госпожа Дорадуръ въ избыткѣ искренняго благочестія засыпала въ серединѣ проповѣди; мамзель Юрсюль толкала ее локтемъ, и проповѣдникъ былъ ей всегда очень благодаренъ. Мадамъ Дорадуръ имѣла дѣла съ фермерами, съ жильцами, съ своими повѣренными; мамзель Юрсюль повѣряла ихъ счеты, и въ дѣлѣ придирокъ не имѣла соперницъ. Благодаря ей, въ домѣ не было ни пылинки; все было вычищено, прибрано, вытерто, мебель въ порядкѣ, бѣлье чисто, посуда блестѣла какъ стекло, часы шли вѣрно: все это было необходимо ей для того, чтобы браниться вволю и царствовать во всей своей славѣ.

Digitized by Google

Сказать правду, госпожа Дорадуръ не сомнѣвалась въ недостаткахъ своей фаворитки, но она въ жизни умѣла отличать только доброе. Ктому же, много значила для нея привычка: уже двадцать лѣтъ мамзель Юрсюль подавала ей руку и пила съ ней кофе по утрамъ. Когда, бывало, ея любимица закричитъ слишкомъ громко, г-жа Дорадуръ оставитъ чулокъ, подниметъ голову и спроситъ, своимъ звучнымъ, какъ флейта, голосомъ: «что тамъ такое, моя милая?» Но ея «милая» не всегда удостоивала ее отвѣта, а если и вступала когда въ объясненіе, такъ до того начинала горячиться, что г-жа Дорадуръ обращалась тотчасъ къ своему чулку, напѣвая что-нибудь вполголоса, чтобы болѣе не слушать ея.

При такой продолжительной и постоянной довѣренности не трудно догадаться, что мамзель Юрсюль обманывала всѣхъ, начиная съ своей благодѣтельницы; она не только брала доходы съ хозяйства, которымъ распоряжалась, но и присвоивала себѣ, предупреждая завѣщаніе, разныя платья, бѣлье и другія вещи, принадлежавшія ея довѣрительницѣ. Безнаказанность, какъ извѣстно, придаетъ смѣлости человѣку: мамзель Юрсюль дошла наконецъ до того, что похитила ларчикъ съ брильянтами, которыхъ, правда, г-жа Дорадуръ никогда не употребляла въ дѣло, но которые хранила бережно и съ стародавнихъ временъ, въ воспоминаніе навсегда утраченныхъ ею прелестей. Г-жа Дорадуръ не хотѣла предавать суду женщину, которую такъ долго любила; она ограничилась тѣмъ, что удалила ее отъ себя и отказалась даже увидѣться съ нею въ послѣдній разъ; но потомъ вдругъ такъ почувствовала свое уединеніе, что залилась самыми горькими слезами. Не смотря на свое благочестіе, она не могла не посѣтовать на непостоянство всего земнаго и неумолимую вѣтреность случая, который не принимаетъ въ уваженіе даже стараго и сладкаго заблужденія.

Одинъ изъ ея сосѣдей, господинъ Депрѣ, пришелъ навѣстить ее и утѣшить въ горести; она обратилась къ нему за совѣтомъ.

Digitized by Google

— Что будетъ теперь со мною? — говорила она. — Я не могу жить одна; гдѣ я найду новаго друга? Ее я такъ любила, привыкла къ ней до того, что, не смотря на ея неблагодарность, мнѣ жалко было съ ней разставаться; кто поручится мнѣ за другую? Какую довѣренность могу я имѣть теперь къ незнакомкѣ?

— Несчастіе, которое васъ постигло, — говорилъ Депрѐ, — было бы безутѣшно, еслибъ заставило усомниться въ добродѣтели душу, подобную вашей. На свѣтѣ много дурныхъ людей и лицемѣровъ, но есть и честные люди. Возьмите себѣ другую компаньйонку не наобумъ, конечно, но нельзя же и вовсе не довѣриться своему выбору.

— Мнѣ кажется, вы говорите правду, — возразила г-жа Дорадуръ; — но я очень огорчена, и до сихъ поръ въ большомъ смущеніи. Я не знаю ни души въ Парижѣ; не можете ли вы мнѣ оказать услугу, навести справки и найдти честную и благородную дѣвушку, которая бы могла жить со мною и провожать меня въ церковь къ обѣднѣ.

Г. Депрѐ, въ качествѣ обитателя Марэ, былъ не слишкомъ расторопенъ и не водилъ большаго знакомства. Впрочемъ онъ пустился въ поиски, и, черезъ нѣсколько дней, г-жа Дорадуръ жила уже съ новой компаньйонкой, которую черезъ два мѣсяца она подарила своей полной дружбой, потому что была столько же довѣрчива, сколько добра.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, оказалась необходимость выгнать изъ дома новую любимицу, не какъ безчестную, но какъ не совсѣмъ честную женщину. Это было для г-жи Дорадуръ вторичнымъ огорченіемъ. Она хотѣла приступить къ новому выбору, прибѣгала ко всѣмъ сосѣдямъ, заглядывала и въ ежедневныя аффиши, но толку не было.

Ее взяло отчаяніе: добрая старушка, опираясь на палочку, брела въ церковь одна-одинешенька; она рѣшилась, говорила она, кончить дни свои безъ чужой помощи, и при людяхъ старалась казаться бодрою и веселою; но ея ноги тряслись, когда она входила на лѣстницу, потому что ей было 70 лѣтъ. По вечерамъ она сидѣла у огня, сложивъ руки и опустивъ голову; она не могла вынести своего оди-

Digitized by Google

ночества; ея здоровье, и безъ того слабое, скоро вовсе разстроилось; мало по малу она стала впадать въ меланхолію.

У нея былъ единственный сынъ, Гастонъ, съ раннихъ лѣтъ поступившій въ военную службу, и стоявшій съ своимъ полкомъ въ гарнизонѣ. Она написала къ нему, жаловалась на свою скуку, и просила его пріѣхать развлечь ее какъ-нибудь.

Гастонъ нѣжно любилъ свою мать; онъ подалъ отставку и получилъ ее; но на бѣду, полкъ его стоялъ въ Страсбургѣ, гдѣ, какъ извѣстно, лучшія гризетки цѣлой Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, только въ Страсбургѣ можно видѣть этихъ Нѣмокъ-брюнетокъ, которыя исполнены, въ одно время, и Германской томности и Французской живости. Гастонъ пользовался особеннымъ расположеніемъ двухъ хорошенькихъ табачныхъ торговокъ, которыя не выпускали его изъ города; напрасно убѣждалъ онъ ихъ, показывалъ даже письмо отъ матери: онѣ умѣли настроить его такимъ образомъ, что онъ поддался имъ, и со дня на день откладывалъ отъѣздъ.

Въ это же время г-жа Дорадуръ сдѣлалась очень больна. Она была такъ весела отъ природы и такъ мало привыкла скучать, что скука сама по себѣ была для нея болѣзнью. Лекаря не знали что̀ дѣлать.

— Оставьте меня, — говорила она: — я хочу умереть одна. Если меня бросило все, что̀ я любила, зачѣмъ мнѣ дорожить остаткомъ жизни, которая никому не нужна?

Въ домѣ было глубокое уныніе и страшный безпорядокъ. Прислуга, предвидя близкую кончину барыни, и зная, что завѣщаніе сдѣлано, стала пренебрегать своими обязанностями. И комнаты и мебель покрылись пылью.

— О моя милая Юрсюль! — воскликала г-жа Дорадуръ, — гдѣ ты? Ты бы теперь управилась съ этимъ народомъ!

Разъ какъ-то ей было хуже обыкновеннаго, она вдругъ удивила всѣхъ: бодро поднялась она на подушкахъ, распахнула занавѣски постели и надѣла очки. Въ рукахъ у ней было письмо, которое только-что подали ей; она рас-

Digitized by Google

печатала его съ большой осторожностью. Въ заглавіи листа была прекрасная виньетка, изображавшая храмъ дружбы съ жертвенникомъ по серединѣ и двумя пылающими сердцами на жертвенникѣ. Письмо было написано старинными крупными буквами, слова стройно вытянуты и съ большими вычурами при каждой прописной буквѣ. Это было поздравленіе съ новымъ годомъ, содержавшее въ себѣ слѣдующее:

«Милостивая Государыня,
Дражайшая маменька!

«Съ искреннимъ желаніемъ вамъ благополучнаго и счастливаго года взялась я за перо отъ имени всего семейства, въ которомъ я одна умѣю писать. Мы узнали, что вы были нездоровы, и молимъ Бога о сохраненіи вашего здоровья, и Онъ, безъ сомнѣнія, услышитъ наши молитвы. Я беру на себя смѣлость, посылаю вамъ прилагаемый при семъ гостинецъ, и съ истиннымъ почтеніемъ и привязанностію честь имѣю быть

Ваша крестница и покорная слуга,
Маргарита Пьеделѐ.»

Прочитавъ письмо, г-жа Дорадуръ положила его подъ подушку. Она тотчасъ послала за г-мъ Депрѐ и продиктовала ему отвѣтъ. Никто въ домѣ не зналъ объ этомъ; но едва отвѣтъ былъ отправленъ, больная сдѣлалась спокойнѣе, и черезъ нѣсколько дней стала такъ же весела и здорова, какъ была прежде.

II.

Пьеделѐ былъ Босерòнъ, т. е. урожденецъ Бòсы (Beauce), гдѣ провелъ всю жизнь и предполагалъ покойно кончить ее. Это былъ старый и честный фермеръ одного изъ помѣстій г-жи Дорадуръ, лежавшаго близъ Шартра и называвшагося Гонвиль. Въ жизнь свою Пьеделѐ не видалъ ни лѣса, ни горы, потому что выѣзжалъ изъ фермы только въ городъ или въ окрестности, а Боса, какъ извѣстно, составляетъ равнину. Видѣлъ онъ одну рѣку — Лѐру, которая

Digitized by Google

текла подлѣ его дома. Что касается до моря, онъ вѣрилъ въ него какъ въ райскую страну, т. е. думалъ, что надо ѣхать взглянуть на него; по всему этому только три вещи считалъ онъ достойными удивленія: сосѣднюю колокольню, красную дѣвицу, да доброе поле ржи. Ученость его ограничивалась увѣренностію въ томъ, что лѣтомъ тепло, а зимою холодно, да свѣдѣніями о цѣнахъ хлѣба на послѣднихъ торгахъ. Но когда въ полдень, часъ отдыха для работниковъ, этотъ добрый человѣкъ выходилъ съ задняго двора полюбоваться на свое поле, можно было заглядѣться на его высокій ростъ и широкія плеча. И казалось тогда, что колосья стояли прямѣе и величавѣе обыкновеннаго, что сошники плуговъ блестѣли ярче прежняго. Завидя его, деревенскіе ребятишки, развалившіеся въ тѣни и занятые обѣдомъ, почтительно снимали шапки, продолжая лакомиться добрымъ ломтемъ хлѣба и сыра. Волы съ горделивой осанкой отрыгали жвачку; лошади, пріободрившись, охорашивались подъ рукою хозяина, который любилъ гладить ихъ шеи, выгнутыя дугою. «Наша сторона — житница Франціи!» — говаривалъ добрякъ; потомъ онъ опускалъ на ходу голову, заглядывался на желтѣющія нивы и терялся въ этомъ созерцаніи.

Госпожа Пьеделё, его жена, подарила ему девять человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ восемь мальчиковъ, и если не всѣ они были шести футовъ роста, видно ужь нельзя было иначе. Отецъ, правда, былъ шести футовъ роста, въ матери было пять футовъ пять дюймовъ: она была самая видная женщина всего околодка. Эти восемь сыновей, сильныхъ какъ быки, страхъ и удивленіе деревни, рабски повиновались своему отцу. Они были, такъ сказать, первые и самые ревностные его слуги, исправлявшіе поочереди обязанности извощиковъ, пахарей, молотильщиковъ. Любо было глядѣть на молодцовъ, когда, засучивъ рукава, они съ вилами въ рукахъ поднимали скирды хлѣба, или шли въ воскресенье къ обѣднѣ, рука объ руку, а отецъ выступалъ впереди, или вечеромъ послѣ работы сидѣли въ кухнѣ за длиннымъ столомъ, и толковали за миской супа и чокались огромными оловянными стаканами.

Digitized by Google

Среди этой семьи великановъ родилось на свѣтъ маленькое созданье, полное здоровья, но граціозное въ высшей степени: то было девятое дитя госпожи Пьеделё—Маргарита, которую обыкновенно звали Марго. Она не доставала головой до локтей своихъ братьевъ, и когда отецъ цѣловалъ ее, то поднималъ на руки и ставилъ на столъ. Маленькой Марго не было еще и 16-ти лѣтъ; ея нѣсколько вздернутый носъ, хорошо очерченный ротъ, украшенный ровными зубами и вѣчно улыбавшійся, лобъ загорѣлый отъ солнца, полныя руки и круглый станъ давали ей видъ воплощенной веселости; за то и была она радостью всего семейства. — Не знаю, правo, — замѣчалъ иногда чудакъ Пьеделё, — какъ ухитрилась жена родить мнѣ этого ребенка: это даръ Провидѣнья, но все-таки это дѣвка соломенка, которая будетъ смѣшить меня всю жизнь.

Маргó управляла хозяйствомъ; Пьеделё мать, хотя и была еще очень крѣпка и здорова, предоставила ей эту часть, чтобы заранѣе пріучить ее къ порядку и бережливости. У Маргó хранилось бѣлье и вино; она смотрѣла за посудой, но не мыла ея; она накрывала на столъ, наливала вино и пѣла пѣсни за дессертомъ. Служанки въ домѣ звали ее не иначе, какъ мамзель Маргарита, потому что она умѣла и немножко поважничать. Впрочемъ всѣ добрые люди говорили о ней, что она умна и скромна. Я не утверждаю вовсе, чтобъ она не была кокетлива: она была молода, хороша собою и приходилась внучкой Еввѣ. Но напрасно бы кто изъ чужихъ молодцовъ, даже изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ, вздумалъ сильнѣе обыкновеннаго обхватить ея станъ; это не прошло бы даромъ: сынъ одного фермера, по имени Жарри, поцѣловалъ ее разъ въ танцахъ, за что и получилъ добрую пощечину.

Сельскій священникъ оказывалъ Маргò величайшее уваженіе. Если ему нужно было поставить кого въ примѣръ — онъ выбиралъ всегда ее. Однажды онъ упомянулъ о ней въ проповѣди, и назвалъ ее образцомъ для своей паствы.

Маргò умѣла шить и даже вышивать; отцу хотѣлось, чтобы она выучилась читать и писать, орѳографіи, не много

Digitized by Google

изъ грамматики и географіи. Ее взялась воспитать одна кармелитка. И Маргò сдѣлалось оракуломъ всего селенія; едва она раскрывала ротъ, поселяне останавливались удивленные. Она разсказывала имъ, что земля кругла,—и всѣ вѣрили ей на-слово. По воскресеньямъ составлялся кружокъ, если она плясала на лугу, потому что у нея былъ танцовальный учитель, и ея *па-де-буррэ* приводилъ всѣхъ въ изумленіе. Словомъ, она умѣла заставить и полюбить себя и дивиться себѣ, что, разумѣется, очень трудно.

Читатель уже знаетъ, что Маргò была крестница г-жи Дорадуръ, и что она написала ей поздравленіе съ новымъ годомъ на красивой бумажкѣ съ виньетками. Это письмо, и все-то изъ десяти строчекъ, стоило Маргò большихъ трудовъ и долгихъ размышленій, потому что она не сильна была въ стилистикѣ. Какъ бы то ни было, г-жа Дорадуръ, которая всегда очень любила Маргò и знала ее за самую честную дѣвушку, рѣшилась выпросить ее у отца, и взять ее къ себѣ въ компаньйонки.

Однажды вечеромъ, Пьеделѐ былъ у себя на дворѣ; его сильно занимало новое колесо, только что пригнанное къ одной изъ его телѣжекъ. Жена, стоя подъ навѣсомъ, преважно, огромными щипцами держала за носъ пугливаго быка, который то и дѣло рвался и не давалъ ветеринару дѣлать перевязку. Крестьянскія ребята вытирали соломой лошадей, возвращавшихся съ водопоя. Скотину начинали ужъ загонять, коровы тянулись къ своимъ хлѣвамъ при свѣтѣ садившагося солнца, и Маргò, сидя на кучѣ трилистника, читала старый нумеръ *Журнала Имперіи*, которымъ ссудилъ ее священникъ. Въ это время самъ священникъ подошелъ къ Пьеделѐ, и отдалъ ему письмо отъ г-жи Дорадуръ. Добрякъ почтительно раскрылъ письмо; но едва прочелъ онъ первыя строки, какъ опустился на лавку, встревоженный и удивленный.

— Мнѣ отдать дочь!—воскликнулъ онъ—мою единственную дочь, мою бѣдную Маргò!

На эти слова прибѣжала въ испугѣ Пьеделѐ мать; сыновья, возвращавшіеся съ поля, собрались вокругъ отца;

Digitized by Google

одна Маргó осталась въ сторонѣ, не смѣя ни двинуться, ни вздохнуть. Послѣ первыхъ восклицаній, вся семья хранила глубокое молчанье.

Тогда священникъ началъ говорить, и вычислялъ всѣ выгоды для Маргó принять предложеніе крестной матери. Г-жа Дорадуръ оказала большія услуги семейству Пьеделе, она ихъ благодѣтельница; ей нужно существо, которое услаждало бы ея жизнь, заботилось бы о ней и ея домѣ; она въ полной довѣренности обращается къ своимъ фермерамъ, и, безъ сомнѣнія, будетъ хорошо обходиться съ своей крестницей и упрочитъ ея будущность.... Пьеделе выслушалъ священника, не говоря ни слова, и попросилъ, чтобъ ему дали нѣсколько дней на размышленіе.

Только черезъ недѣлю, послѣ долгихъ думъ и многихъ слезъ, рѣшено было, что Маргò отправится въ Парижъ. Мать была неутѣшна; она говорила, что стыдно посылать ея дочь въ услуженіе, въ то время какъ ей стоитъ только выбрать перваго красавца изъ всего околодка, чтобъ сдѣлаться богатой арендаторшей. Сыновья Пьеделе, первый разъ въ жизни, не могли сойдтись другъ съ другомъ; они ссорились цѣлый день: одни соглашались, другіе противились. Короче, въ домѣ былъ безпорядокъ и горе неслыханное; но Пьеделе вспомнилъ, какъ въ неурожайный годъ г-жа Дорадуръ, вмѣсто того, чтобы требовать арендную плату, прислала ему мѣшокъ ефимковъ; онъ заставилъ молчать всѣхъ, и рѣшилъ, что дочь поѣдетъ.

Когда насталъ день отъѣзда, заложили лошадь въ телѣжку, чтобъ довезть Маргò до Шартра, гдѣ она должна была пересѣсть въ дилижансъ. Никто въ этотъ день не выходилъ на работу; почти вся деревня собралась на дворъ фермы. На дорогу Маргò надарили какъ приданымъ къ сватьбѣ: телѣжка внутри, сзади и сверху нагружена была ящиками и картонами; Пьеделе не хотѣли, чтобы дочь ихъ и въ Парижѣ ударила лицомъ въ грязь. Маргò простилась со всѣми, собиралась поцѣловаться съ отцомъ, когда священникъ взялъ ее за руку и далъ ей отеческое наставленіе на счетъ ея путешествія, будущей жизни и угрожающихъ ей опас-

Digitized by Google

постей. — Береги свое цѣломудріе, — сказалъ онъ заключеніе, — это самое дорогое сокровище; заботься о немъ, Богъ позаботится объ остальномъ!

Пьеделё былъ тронутъ до слезъ, хотя не совсѣмъ понялъ рѣчь священника. Онъ прижалъ дочь къ сердцу, поцѣловалъ ее, отошелъ отъ нея, потомъ опять подошелъ и поцѣловалъ ее въ другой разъ; онъ хотѣлъ говорить, но душевная тревога мѣшала ему.

— Помни совѣты духовнаго отца, — проговорилъ онъ наконецъ прерывавшимся голосомъ, — помни ихъ твердо, бѣдное дитя мое! — потомъ вдругъ прибавилъ: — да, чортъ возьми не измѣняй имъ!

Священникъ, простиравшій руки, чтобы благословить Маргò, остановился, услыша это грубое слово. Добрякъ произнесъ его, чтобы побѣдить свое смущеніе; онъ повернулся спиною къ священнику и пошелъ домой, не говоря ни слова.

Маргò взобралась на телѣжку; лошадь ужъ готова была тронуться, какъ вдругъ раздалось тяжелое рыданье, заставившее всѣхъ обернуться: тогда увидѣли мальчика лѣтъ 14-ти, котораго до тѣхъ поръ никто и не замѣтилъ. Его звали Пьеррò. Ремесло Пьеррò было не изъ самыхъ благородныхъ: онъ сторожилъ индѣекъ; но онъ страстно любилъ Маргò, не любовью, а дружбой. Маргò тоже любила бѣднаго мальчика; она не разъ давала ему то горсточку вишень, то кисть винограда, которыми онъ заѣдалъ сухой хлѣбъ свой. Онъ былъ не глупъ, она любила говорить съ нимъ и дѣлилась съ нимъ своими скудными познаніями, а такъ какъ они были почти однихъ лѣтъ, то нерѣдко случалось, что послѣ урока ученикъ и наставница играли между собою въ жмурки. Теперь Пьеррò былъ въ тѣхъ башмакахъ, которые подарила ему Маргò, сжалившись, что онъ ходитъ босикомъ. Онъ стоялъ въ углу двора, глядѣлъ на свои башмаки и плакалъ отъ всего сердца. Маргò сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ подошелъ, и протянула ему руку; онъ взялъ ее и поднесъ къ лицу какъ бы съ тѣмъ чтобы поцѣловать, но приложилъ ее къ своимъ глазамъ; Маргò отдернула ее, всю мокрую отъ слезъ. Она въ послѣдній разъ простилась съ матерью, и телѣжка отправилась въ дорогу.

Digitized by Google

III.

Когда Маргó сѣла въ дилижансъ въ Шартрѣ, мысль прокатиться двадцать льé, и потомъ увидѣть Парижъ, до того вскружила ей голову, что она забывала и ѣсть и пить. При всей печали, съ которой она разставалась съ своей стороной, она не могла не дать воли своему любопытству; ей же такъ часто говорили о Парижѣ, какъ о какой-то небывальщинѣ, что она не вѣрила себѣ, что увидитъ этотъ чудный городъ. Съ ней въ дилижансѣ ѣхалъ одинъ коммивояжёръ, который, по обычаю своего ремесла, любилъ поболтать. Маргò слушала его розсказни съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Изъ первыхъ же ея вопросовъ онъ убѣдился въ ея неопытности, и, пользуясь этимъ, принялся расписывать ей столицу съ такой наглой неправдоподобностью, что, слушая его, никто бы не узналъ, о чемъ шло дѣло,—о Парижѣ или о Пекинѣ. Маргò не могла перебить его, самъ же онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы остановиться при мысли, что съ перваго слова она пойметъ всю нелѣпость его повѣствованій. Это—завидное свойство хвастуновъ, которому нельзя не подивиться. Я помню подобный же случай со мной во время моего путешествія по Италіи: одинъ изъ моихъ спутниковъ расписывалъ мнѣ Геную, куда я ѣхалъ; онъ вралъ на пароходѣ, который насъ везъ, вралъ уже въ виду города, вралъ наконецъ въ самой гавани.

Дилижансы изъ Шартра въѣзжаютъ въ Парижъ черезъ Елисейскія поля. Предоставляю читателю судить объ удивленіи Босеронки при видѣ этого великолѣпнаго въѣзда, которому подобнаго нѣтъ въ мірѣ, и который, кажется, нарочно созданъ для того, чтобъ принять торжествующаго героя, властителя половины вселенной. Узкія и спокойныя улицы Маре́ показались Маргò уже жалкими. Когда фіакръ остановился передъ воротами дома г-жи Дорадуръ, красивая наружность дома очаровала ее. Дрожащей рукой схватилась она за колокольчикъ и дернула его со страхомъ, смѣшаннымъ съ тайнымъ удовольствіемъ. Г-жа Дорадуръ ждала свою крестницу; она приняла ее съ отверзтыми объятіями,

Digitized by Google

нѣжно обласкала ее, называла своей дочерью, посадила ее на кресло и велѣла дать ей поужинать.

Усталая отъ дороги, Маргò разсматривала обои, ковры и золоченую мебель, но въ особенности дорогія зеркала, украшавшія гостиную. До сихъ поръ убирая свою голову, она привыкла смотрѣться въ бритвенное зеркальцо отца; ей было чудно и невыразимо пріятно глядѣться теперь въ богатыя зеркала, отражавшія ея образъ въ разныхъ направленіяхъ. Нѣжный и вѣжливый тонъ крестной матери, ея благородныя и кроткія выраженія не менѣе пріятно поразили Маргò. Костюмъ старушки, ея широкое съ цвѣтами платье изъ пу-де-суа, большой чепецъ и напудренные волосы заставили Маргò призадуматься, и она увидала, что находится передъ существомъ совершенно особеннаго рода. Дѣвочка съ умомъ живымъ и легкимъ, какъ и всѣ дѣти, склонная къ подражанію, она не успѣла провести часа съ г-жею Дорадуръ, какъ уже старалась перенимать ея пріемы. Она выпрямилась, поправила свой чепчикъ, и призвала на помощь все, что знакомо ей было въ грамматикѣ. Къ несчастію, она выпила нѣсколько лишнихъ капель добраго столоваго вина, по милости крестной матушки, для подкрѣпленія своихъ силъ; голова стала измѣнять ей; глаза невольно закрывались. Г-жа Дорадуръ взяла ее за руку, и повела въ красивую комнату; послѣ чего, поцѣловавъ ее еще разъ, пожелала покойной ночи, и ушла къ себѣ.

Почти въ ту же минуту послышался стукъ въ дверь; вошла горничная, сняла съ Маргò платокъ и чепчикъ, и стала на колѣни, чтобы разуть ее. Маргò преспокойно спала себѣ, ничего не замѣчая. Только когда сняли съ нея сорочку, почувствовала она, что ее раздѣваютъ, и, не соображая того, что была безъ всякой одежды, отвѣсила горничной преважный поклонъ; за тѣмъ она прочла свою вечернюю молитву, и скоро легла въ постель. При свѣтѣ лампады она замѣтила, что въ ея комнатѣ была тоже золоченая мебель и висѣло одно изъ тѣхъ зеркалъ, которыя такъ пришлись ей по душѣ. Надъ этимъ зеркаломъ было трюмò, и маленькіе амуры, вырѣзанные на немъ, казались ей добрыми геніями,

Digitized by Google

приглашавшими ее поглядѣться въ зеркало. Она дала себѣ слово исполнить это приглашеніе; и, убаюкиваемая сладкими видѣніями, превосходно заснула.

Въ деревняхъ встаютъ рано, и Маргò поднялась на другой день съ птицами. Она сѣла на постели, и, увидя въ любезномъ зеркалѣ свое миленькое, заспанное личико, подарила себя граціозной улыбкой. Вскорѣ явилась опять горничная, и почтительно спросила, не хочетъ ли она взять ванну. Въ то же время, она накинула ей на плечи пунцевое фланелевое платье, которое показалось Маргò царской порфирой.

Зала, гдѣ устроены были ванны г-жи Дорадуръ, скорѣе была роскошное убѣжище свѣтскаго человѣка, чѣмъ купальня богомольной старухи. Эта зала была построена при Людовикѣ XV. Самая купальня, сдѣланная на возвышеніи, была опущена въ штукатуренное кружало, обведенное позолоченымъ карнизомъ, а на потолкѣ рѣзвились неизбѣжные амуры. На рѣшеткѣ противъ возвышенія видна была копія съ купальщицъ Бушѐ, копія, сдѣланная можетъ быть самимъ Бушѐ. Гирлянда цвѣтовъ красовалась на панеляхъ; мягкій коверъ покрывалъ паркетъ, и шелковая изящная занавѣсь пропускала таинственный полусвѣтъ черезъ рѣшетчатый ставень. Весь этотъ блескъ, конечно, поблекъ отъ времени, и позолота устарѣла; но тѣмъ пріятнѣе было глядѣть на все это: казалось, чувствуешь слѣды старины и упиваешься благоуханіемъ этой болѣе нежели полувѣковой вѣтрености и царствованія возлюбленнаго короля.

Оставшись одна въ этой залѣ, Маргò робко подошла къ возвышенію. Она разглядѣла сперва золоченые грифы, поставленные на каждой сторонѣ купальни; она не смѣла войдти въ воду, которая казалась ей, по меньшей мѣрѣ, розовой водою; слегка опустила она въ нее одну ногу, потомъ другую, и за тѣмъ остановилась съ благоговѣніемъ передъ рѣшеткой. Она не была знатокомъ въ живописи; нимфы Бушѐ показались ей богинями; она не могла вообразить себѣ, чтобы подобныя женщины существовали на землѣ, чтобы можно было имѣть такими бѣлыми ручками,

Digitized by Google

или ходить на такихъ маленькихъ ножкахъ. Чего бы не дала она, чтобы быть такой красавицей! Ей и не приходило на умъ, что она, съ своими загорѣлыми руками, во сто разъ лучше этихъ куколъ. Легкое колебанье занавѣси вывело ее изъ задумчивости; испугавшись, чтобы ея не застали въ такомъ видѣ, она по шею опустилась въ воду.

Ею овладѣло чувство нѣги и упоенія. Она стала, какъ дитя, играть въ водѣ концомъ своей рубашки; потомъ начала пересчитывать цвѣты въ комнатѣ; потомъ занялась разглядываніемъ маленькихъ амуровъ, но ихъ огромные животы ужасно ей не нравились. Она оперлась головой на край купальни, и взглянула въ полуоткрытое окошко.

Зала была устроена въ нижнемъ этажѣ, и окно выходило въ садъ. Это не былъ, конечно Англійскій садъ, но старинный садъ во Французскомъ вкусѣ, который стоитъ всякаго другаго: тутъ были красивыя аллеи, усыпанныя пескомъ и окаймленныя буксовыми кустами; огромные цвѣтники, блестящіе отборными цвѣтами; великолѣпныя статуи, размѣщенныя на опредѣленномъ разстояніи, и, въ серединѣ, лабиринтъ изъ молодыхъ грабинъ... Маргò заглядѣлась на лабиринтъ, мрачный входъ къ нему вызывалъ ее къ мечтанью. Ей тотчасъ пришли на память жмурки, и она подумала: «какъ удобно было бы спрятаться въ извилинахъ этихъ грабинъ!» Въ эту минуту вышелъ изъ лабиринта статный юноша въ гусарскомъ мундирѣ, и отправился по направленію къ дому. Миновавъ цвѣтникъ, онъ прошелъ такъ близко окошка купальни, что рукавомъ задѣлъ за ставни. Маргò невольно вскрикнула съ испуга. Молодой человѣкъ остановился, открылъ ставень и просунулъ голову: онъ увидѣлъ Маргò въ ваннѣ и покраснѣлъ, не смотря на свой гусарскій мундиръ; Маргò тоже покраснѣла, и молодой человѣкъ удалился.

IV.

Есть на свѣтѣ истина, досадная для всѣхъ, а въ особенности для молоденькихъ дѣвушекъ: «мудрость — своего рода трудъ». Чтобъ быть только благоразумнымъ, нужно

Digitized by Google

иногда перенести много зла непріятнаго, тогда какъ стоитъ только поддаться искушенію, чтобъ сдѣлать глупость. Гомеръ говоритъ, что Сизифъ былъ мудрѣйшій изъ смертныхъ; между тѣмъ поэты единодушно осудили его вкатывать огромный камень на вершину горы, откуда онъ тотчасъ опять падаетъ на бѣдняка, который съ-изнова принимается за свою работу. Толкователи не доискались смысла этой казни; что касается до меня, я, не задумываясь, скажу, что въ этой чудной аллегоріи древніе олицетворили мудрость. Въ самомъ дѣлѣ, мудрость—камень, который мы поднимаемъ, не двигая его съ мѣста, и который безпрестанно падаетъ намъ на голову. Замѣтьте, что если разъ не поддастся намъ мудрость, цѣлые годы трудовъ пойдутъ намъ ни во что, тогда какъ глупцу стоитъ однажды сдѣлать доброе дѣло, и всѣ уже кричатъ о немъ.

Глупость всего меньше похожа на камень; это мыльный пузырь, который исчезаетъ, вертясь и красуясь передъ нами, какъ радуга, всѣми оттѣнками видимаго міра. Случается, правда, что пузырь лопнетъ и въ глаза брызнетъ нѣсколько водяныхъ капель; но тотчасъ же выростаетъ изъ него новый, и надо только дохнуть, чтобы поддержать его на воздухѣ.

Этимъ философскимъ размышленіемъ я хочу показать, что нѣтъ ничего удивительнаго, если Маргò немножко влюбилась въ молодаго человѣка, котораго увидѣла изъ купальни; хочу сказать также, что ее нечего осуждать за это. Когда въ наши дѣла замѣшается любовь, нѣтъ нужды помогать ей, а запирать ей дверь, какъ извѣстно, не есть средство не впускать ея; здѣсь же она пробралась въ окошко, и вотъ какъ все это было. Молодой человѣкъ въ гусарскомъ мундирѣ былъ не кто иной, какъ Гастонъ, сынъ г-жи Дорадуръ, который, не безъ труда, урвавшись отъ своихъ Страсбургскихъ шашень, пріѣхалъ теперь къ матери. Небу угодно было, чтобы комната Маргò находилась на углу дома, гдѣ была также и комната молодаго человѣка, такъ что ихъ окна выходили одни противъ другихъ, и въ весьма близкомъ разстояніи. Маргò обѣдала съ г-жею Дора-

Digitized by Google

дуръ и сидѣла съ ней до ужина; съ семи же часовъ утра до полудня она оставалась у себя въ комнатѣ. Гастонъ большею частію былъ въ своей комнатѣ въ это время. Маргò, стало быть, не оставалось ничего больше, какъ шить подъ окошкомъ, и глядѣть на своего сосѣда.

Сосѣдство, во всѣ времена, было причиной великихъ несчастій; нѣтъ ничего опаснѣе хорошенькой сосѣдки; но пусть даже сосѣдка будетъ дурна собой, и то, видя ее каждый день, рано или поздно, по неволѣ найдешь ее хорошенькою. У Гастона, по обычаю молодыхъ людей, висѣло на окошкѣ круглое зеркальцо. Передъ нимъ онъ брился, чесался, повязывалъ галстукъ. Маргò замѣтила, что у него прекрасные русые волосы, которые вьются отъ природы; это замѣчаніе повело къ тому, что она купила стклянку душистаго масла, и что двѣ небольшія пряди черныхъ волосъ, выбѣгавшія изъ-подъ чепчика, всегда тщательно расчесывались и ярко блестѣли. Далѣе она замѣтила, что у Гастона превосходные галстуки, которые онъ мѣняетъ очень часто: она накупила дюжину фуляровъ, лучше которыхъ и не было въ цѣломъ Марэ. Сверхъ того, у Гастона была привычка, которая такъ не по сердцу пришлась Женевскому философу и поссорила его съ его другомъ, Гриммомъ. Гастонъ чистилъ себѣ ногти, какъ говорилъ Руссо, нарочно устроеннымъ для этого орудіемъ. Маргò вовсе не была такимъ великимъ философомъ, какъ Руссо; она не только не оскорблялась послѣднею операціею Гастона, но и купила себѣ особенную щеточку, и чтобы скрыть свою руку, нѣсколько красную (какъ я уже говорилъ вамъ), стала носить черныя полуперчатки, изъ которыхъ виднѣлись только кончики ея пальцевъ.

У Гастона были и другія чудныя вещи, которымъ Маргò не могла подражать, напримѣръ, красные панталоны и куртка небеснаго цвѣта съ черными шнурками. Была у Маргò, правда, пунцовая фланелевая блуза, но чѣмъ замѣнить голубую куртку? Она прикинулась больной, жалуясь на боль въ ухѣ, и сдѣлала себѣ маленькую шапочку изъ голубаго бархата, которую и надѣвала по утрамъ. Увидѣвъ

Digitized by Google

у Гастона надъ кроватью портретъ Наполеона, она захотѣла имѣть портретъ Жозефины.

Наконецъ, однажды за завтракомъ, Гастонъ сказалъ, что очень любитъ яичницу; Маргò побѣдила свою робость и рѣшилась на геройскій подвигъ: она объявила, что никто въ свѣтѣ не сдѣлаетъ яичницы лучше ея, что дома она всегда ее приготовляла, и упросила крестную мать испытать ея искусство по этой части.

Всѣмъ этимъ старалась бѣдняжка выказать свою робкую любовь, но Гастонъ не видѣлъ ничего. И какъ же было ему, смѣлому, гордому, привыкшему къ шумнымъ удовольствіямъ и военной жизни, замѣтить эти дѣтскіе пріемы любви? Страсбургскія гризетки не такъ берутся за дѣло, когда въ ихъ головѣ зародится подобный капризъ. Гастонъ обѣдалъ съ матерью, потомъ выходилъ изъ дома на весь вечеръ, а Маргò, не имѣя силы заснуть до его возвращенія, ждала его за занавѣской. Случалось иногда, что, проходя по двору и видя огонь въ ея комнатѣ, молодой человѣкъ говорилъ про себя: «отчего эта дѣвочка еще не спитъ?» Случалось также, что одѣваясь, онъ бросалъ на Маргò разсѣянный взглядъ, который проникалъ ей прямо въ сердце; но она тотчасъ отворачивалась, и скорѣе бы умерла, нежели бы осмѣлилась выдержать этотъ взглядъ. Надо сказать еще, что въ гостиной она держала себя иначе. Сидя подлѣ крестной матери, она старалась казаться серьезной, сосредоточенной въ себѣ, и съ большимъ вниманіемъ слушала болтовню г-жи Дорадуръ. Когда Гастонъ обращался къ ней съ вопросомъ, она охотно отвѣчала ему, но, что̀ покажется страннымъ—отвѣчала почти безъ смущенія. Объясни, кто можетъ, что творится тогда въ головѣ пятнадцатилѣтней дѣвушки!.... Любовь Марго была, такъ сказать, заключена въ ея комнатѣ; она находила ее тамъ, едва вступала въ нее, и оставляла ее за порогомъ; но она запирала дверь на ключь, чтобъ никто, въ ея отсутствіе, не осквернилъ ея маленькаго святилища.

Не трудно, впрочемъ, догадаться, что присутствіе г-жи Дорадуръ должно было сдѣлать ее осмотрительною, и за-

Digitized by Google

ставить призадуматься, потому что это присутствіе безпрестанно напоминало ей разстояніе, отдѣлявшее ее отъ Гастона. Другая на мѣстѣ Маргó, можетъ быть, впала бы въ отчаянье отъ этого, или вылечилась, увидя опасность своей страсти; но Маргò никогда не спрашивала себя, даже въ глубинѣ душѣ, къ чему поведетъ ее любовь; и, въ самомъ дѣлѣ, есть ли что безсмысленнѣе этого вопроса, вѣчно задаваемаго любовникамъ: «къ чему поведетъ это?».... Э, господа, это ведетъ къ любви, и къ любви....

Утромъ, проснувшись, Маргò вскакивала съ постели, босикомъ, въ чепчикѣ, подбѣгала къ окошку, и отдергивала занавѣску, чтобы посмотрѣть, открыты ли ставни у Гастона, Если они были закрыты, она тотчасъ же опять ложилась, и выжидала минуту, когда услышитъ стукъ оконной задвижки, въ которомъ никогда не ошибалась. Наступала эта минута, и она надѣвала туфли и утреннее платье, въ свою очередь отворяла окошко, и высовывала голову то въ ту, то въ другую сторону, съ заспаннымъ видомъ, какъ будто высматривая погоду. Потомъ она растворяла одинъ ставень окошка, чтобъ только Гастонъ могъ ее видѣть, ставила свое зеркало на маленькій столикъ, и начинала чесать свои чудные волосы. Она не знала, что истинная кокетка показывается только въ полномъ нарядѣ, но никогда не дастъ взглянуть на себя во время туалета: какъ Гастонъ чесался передъ нею, такъ и она чесалась передъ нимъ. Прикрываемая зеркаломъ, она осмѣливалась бросать робкіе взоры, всегда готовая опустить глаза, если глядѣлъ на нее Гастонъ. Расчесавъ хорошенько волосы, и подвивъ ихъ, она надѣвала свой маленькій тюлевый, шитый чепчикъ крестьянскаго покроя, котораго она ни за что не хотѣла оставить; этотъ маленькій чепчикъ былъ всегда безукоризненно бѣлъ, такъ же какъ и отложной воротничокъ, покрывавшій ея плечи. Въ такомъ видѣ, съ голыми руками, въ коротенькой юбкѣ, сидѣла она въ ожиданіи кофе. Вскорѣ являлась Пелажи, ея горничная, съ подносомъ въ рукахъ и въ сопровожденіи кошки, необходимой мебели въ Марэ, которая каждое утро непремѣнно приходила къ

Digitized by Google

Маргò съ привѣтствіемъ. Она удостоивалась милости быть допущенной на кресло противъ Маргò, которая раздѣляла съ ней завтракъ....

Разумѣется, это было для нея только предлогомъ пококетничать. Старая, избалованная кошка, какъ мячикъ, каталась по креслу, и пресерьёзно принимала на свой счетъ поцѣлуи, адресуемые вовсе не ей. Маргò дразнила ее, брала на руки, бросала на постель, то ласкала, то опять дразнила; десять лѣтъ уже проживала кошка въ домѣ, но никогда не была она въ такомъ почетѣ, и хоть не совсѣмъ довольная такимъ обращеніемъ, переносила его терпѣливо, потому что въ сущности была очень кроткаго нрава и питала большую дружбу къ Маргò. — Напившись кофе, Маргò опять подходила къ окну, еще разъ любопытствовала узнать погоду, потомъ захлопывала открытый ставень, но, разумѣется, не совсѣмъ. Для человѣка съ чутьемъ охотника это послужило бы достаточнымъ знакомъ къ тому, чтобъ быть на-сторожѣ. Маргò оканчивала свой туалетъ, и сказать ли, что она старалась, чтобы ее въ это время видѣли? Нѣтъ, она умирала и отъ страха быть увиданной, и отъ желанья, чтобъ ее какъ-нибудь увидали. А Маргò была честная дѣвушка? Да, честная, умная и невинная. Что же она дѣлала? Она обувалась, надѣвала юбку и платье, и по временамъ, черезъ оконную скважину, виднѣлась ея рука, протянутая къ столу за булавкой. Что же бы она сдѣлала, ссли бъ ее подстерегли? Она тотчасъ затворила бы окно. Для чего же было затворять его вполовину? Подите, спросите ее! Я право не знаю.

Дѣло было въ такомъ положеніи, когда, однажды, г-жа Дорадуръ вступила въ долгое совѣщаніе съ сыномъ. Между ними завелась какая-то таинственность, и они говорили подъ часъ загадочными полусловами. Черезъ нѣсколько времени, г-жа Дорадуръ сказала Маргò:

— Ты увидишь свою мать, моя милая; мы проведемъ осень въ Гонвилѣ.

Digitized by Google

V.

Гонвиль лежало въ милѣ отъ Шартра и почти въ полумилѣ отъ фермы, гдѣ жили отецъ и мать Маргò. Въ Гонвилѣ не было замка, но былъ за то великолѣпный домъ съ большимъ паркомъ. Г-жа Дорадуръ рѣдко навѣщала это помѣстье, и уже нѣсколько лѣтъ жилъ здѣсь одинъ управляющій. Эта неожиданность поѣздки, тайные переговоры молодаго человѣка съ старухой - матерью удивляли Маргò и тревожили.

Не прошло и двухъ дней съ пріѣзда г-жи Дорадуръ въ свою усадьбу, даже и не вся еще поклажа была разобрана,— на полянѣ показались десять великановъ, шагавшихъ въ стройномъ порядкѣ: семейство Пьеделѐ выступало съ обычнымъ привѣтствіемъ. Пьеделѐ мать несла корзинку съ плодами, каждый изъ сыновей держалъ въ рукѣ горшокъ левкоя, чудакъ отецъ важно шелъ съ двумя дынями въ карманахъ, которыя выбралъ самъ, найдя ихъ лучшими во всемъ огородѣ. Г-жа Дорадуръ приняла эти приношенія съ обычною любезностью; предвидѣвъ заранѣе посѣщеніе своихъ фермеровъ, она запаслась подарками для нихъ, и когда пришли они, тотчасъ же вынула изъ комода восемь шелковыхъ цвѣтныхъ жилетовъ сыновьямъ, кружево для матери, а для отца — красивую пуховую шляпу съ широкими полями и золотой пряжкой. Обмѣнялись привѣтствіями; Маргò, цвѣтущая радоотью и здоровьемъ, предстала передъ своей семьей; по очереди перецѣловали ее родные, а крестная мать стала при всѣхъ выхвалять ея кротость и благоразуміе, отчего щечки дѣвушки, уже раскраснѣвшіяся отъ полученныхъ поцѣлуевъ, загорѣлись новымъ, болѣе яркимъ румянцемъ. Пьеделѐ мать, глядя на нарядъ Маргò, рѣшила, что она должна быть счастлива, и, какъ добрая мать, не могла не назвать ея красавицей. — Правда, ей-Богу, правда! — подхватилъ отецъ. — Правда, правда!—повторилъ голосъ, который потрясъ Маргò до глубины сердца: это былъ голосъ вошедшаго Гастона.

Digitized by Google

Въ эту минуту, сквозь растворенную дверь, всѣ увидѣли стоявшаго въ прихожей Пьерро, сторожа индѣекъ, того самого, который такъ плакалъ при отъѣздѣ Маргò. Въ почтительномъ отдаленіи слѣдовалъ онъ за своими хозяевами, и не смѣя войдти въ залу, издали отвѣсилъ робкій поклонъ.

— Это что за мальчикъ?—спросила г-жа Дорадуръ.— Подойди сюда, мой милый, поздоровайся съ нами.

Пьерро поклонился еще разъ, но никакъ не могъ рѣшиться войдти; онъ покраснѣлъ какъ ракъ, и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, находите меня хорошенькой? — повторяла вполголоса Маргò, прогуливаясь одна по парку, когда ушло ея семейство. Но какъ смѣютъ мужчины говорить при всѣхъ такія вещи! Я не смѣю взглянуть ему въ лицо; отчего же онъ вслухъ говоритъ мнѣ вещи, которыя я не могу слышать не краснѣя? Вѣрно онъ привыкъ къ этому, или слишкомъ равнодушенъ, а вѣдь сказать женщинѣ, что она хороша, это много значитъ, это немножко похоже на объясненіе въ любви.

На этой мысли Маргò остановилась, и спросила себя: «что же это такое—объясненье въ любви?» Много слыхала она объ этомъ предметѣ, но не могла отдать себѣ ясный отчетъ въ слышанномъ. «Какъ говорятъ, когда любятъ?» спрашивала она себя, и не могла представить себѣ, чтобъ это дѣлалось одними словами: «я васъ люблю!» Ей казалось, что тутъ должно быть что-нибудь другое, что должна быть для этого особенная тайна, особенный языкъ, что-то такое, полное опасности и обаянія. Оно на своемъ вѣку прочла одинъ только романъ, не знаю право его заглавія: то былъ разрозненный томъ, который она еще дома нашла на чердакѣ; въ немъ шла рѣчь про одного Сицилійскаго разбойника, который похищалъ монахиню; встрѣтилось нѣсколько непонятныхъ фразъ, которыя и были, по ея мнѣнію, любовныя слова; а отъ священника она слыхала, что всѣ романы глупость, и теперь она жаждала узнать истину; но къ кому было обратиться съ вопросомъ?

Digitized by Google

Въ Гонвилѣ комната Гастона не была такъ близко къ ея комнатѣ, какъ въ Парижѣ. Не было, поэтому, ни украдкой бросаемыхъ взглядовъ, ни стука оконной задвижки. Каждый день, въ пять часовъ утра, раздавался слабый звукъ колокольчика подъ окномъ Гастоновымъ: лѣсничій будилъ его на охоту. Молодой человѣкъ вставалъ, и отправлялся. Спрятавшись за сторой, Маргò видѣла, какъ, окруженный собаками, съ ружьемъ въ рукѣ, онъ садился на лошадь, и исчезалъ въ туманѣ, застилавшемъ поля. Она слѣдила за нимъ взорами съ такимъ же трепетомъ, какъ плѣнная кастелланша за любовникомъ, отправляющимся въ Палестину. Часто случалось, что Гастонъ, не раздвигая плетня, пускалъ черезъ него свою лошадь. Тогда у Маргò вырывались вздохи, никому невѣдомые, но въ одно время и сладкіе и тяжелые. Она воображала себѣ охоту со всевозможными опасностями въ мірѣ. Когда, подъ вечеръ, Гастонъ пріѣзжалъ весь покрытый пылью, она осматривала его съ ногъ до головы, чтобы удостовѣриться, что онъ не раненъ, какъ будто бы онъ возвращался съ поля битвы; а когда онъ вынималъ изъ сумки зайца или пару куропатокъ и клалъ ихъ на столъ, онъ казался ей рыцаремъ-побѣдителемъ съ непріятельской добычей.

То, чего боялась она, таки случилось. Прыгая черезъ заборъ, Гастонъ упалъ съ лошади на кусты терновника и отдѣлался легкими царапинами. Сколько горькихъ мученій вызвалъ этотъ ничтожный случай! Благоразуміе почти оставило Маргò; прежде всего, ей только что не сдѣлалось дурно. Она скрестила руки и стала шепотомъ молиться: чего бы не дала она за одно позволеніе отереть кровь, которая текла по рукѣ молодаго человѣка! Она положила въ карманъ свой лучшій платокъ, единственный шитый платокъ свой, и съ нетерпѣніемъ ждала случая нечаянно вынуть его, чтобы Гастонъ хоть на минуту могъ обвернуть имъ свою руку; но она не дождалась и этого утѣшенія. За ужиномъ нѣсколько капель крови выступило изъ раны, но жестокій молодой человѣкъ не взялъ платка отъ Маргò, и завернулъ руку въ салфетку. Горько было Маргò отъ этого пренебреженія, и на глазахъ ея выступили слезы.

Digitized by Google

Она не могла, впрочемъ думать, чтобы Гастонъ превиралъ ея любовь; но онъ не зналъ о ней; какъ же было помочь этому? То Маргò успокоивалась, то опять начинала тревожиться. Событія самыя ничтожныя были для нея причиною то радости, то печали. Ласковое слово, взглядъ Гастона дѣлали ее счастливою на цѣлый день; если онъ проходилъ по залѣ, не замѣчая ея, или вечеромъ уходилъ въ свою комнату, не подаривъ ея, по обыкновенію, легкимъ поклономъ, она не спала всю ночь, доискиваясь, чѣмъ могла она не угодить ему. Если онъ нечаянно садился подлѣ нея и хвалилъ ея работу, она вся была веселье и благодарность; если онъ отказывался отъ блюда, которое она ему предлагала, она воображала себѣ, что онъ ея не любитъ больше.

Были дни, когда она казалась жалка самой себѣ: она сомнѣвалась въ своей красотѣ, и считала себя уродомъ цѣлое послѣ обѣда. Въ другія минуты, женская гордость возставала въ ней; подъ часъ, стоя передъ зеркаломъ, она пожимала плечами съ досады, раздумывая о равнодушіи Гастона. Съ отчаянья и гнѣва она рвала свои воротнички и надвигала чепчикъ на глаза; отъ вспышки гордости пробуждалось въ ней кокетство: она вдругъ появлялась середь дня одѣтая въ праздничное платье и нарядная до нельзя, какъ бы протестуя всей свой силой противъ несправедливости судьбы.

Маргò, въ своемъ новомъ положеніи, сохранила всѣ привычки прежняго. Въ то время, когда Гастонъ бывалъ на охотѣ, она цѣлыя утра проводила въ огородѣ; она искусно владѣла садовничьимъ ножомъ, граблями и лейкой, и не разъ давала садовнику дѣльные совѣты. Огородъ, тянувшійся передъ домомъ, служилъ и цвѣтникомъ; цвѣты, плоды и овощи уживались тамъ въ добромъ согласіи. Въ особенности любила Маргò огромный шпалерникъ изъ превосходныхъ персиковыхъ деревьевъ; о нихъ она заботилась съ особенной любовью, и каждое утро выбирала сама нѣсколько персиковъ для десерта. Между другими былъ тутъ одинъ персикъ больше другихъ; Маргò не могла рѣшиться со-

Digitized by Google

рвать его; онъ казался ей до того красивымъ, до того бархатнымъ, что она не смѣла разрознить его съ деревомъ, и съѣсть его считала только что не грѣхомъ. Всякій разъ, проходя мимо, она любовалась имъ, и строго наказывала садовнику беречь его, грозя, что, иначе, онъ навлечетъ на себя гнѣвъ ей крестной матери. Однажды, подъ вечеръ, возвращаясь съ охоты, Гастонъ проходилъ по огороду; мучимый жаждой, онъ протянулъ руку къ шпалернику, и случаю угодно было, чтобъ онъ сорвалъ любимый персикъ Маргò и откусилъ его безъ всякой церемоніи. Маргò въ это время была въ двухъ шагахъ, поливала овощи; она тотчасъ подбѣжала, но молодой человѣкъ, не замѣчая ея, пошелъ своей дорогой. Откусивъ отъ него раза два-три, онъ бросилъ персикъ на землю, и вошелъ въ домъ. Маргò съ перваго взгляда увидѣла, что ея дорогой персикъ погибъ. Грубое движеніе Гастона, небрежность, съ которою онъ бросилъ персикъ, произвели на дѣвочку странное и неожиданное впечатлѣніе. Она была огорчена и въ то же время восхищена: она подумала, что Гастона мучила сильная жажда отъ жара и усталости, и что персикъ долженъ былъ придтись ему по вкусу. Она подняла персикъ, и, сдунувъ съ него пыль, поглядѣла, не смотритъ ли кто на нее, потомъ робко поцѣловала его, но тутъ же почти невольно откусила отъ него немножко. Не знаю, какая странная мысль пробѣжала въ ея головѣ; думаю, можетъ быть о персикѣ, а можетъ и о самой себѣ; она тихонько прошептала:—злой человѣкъ, какъ вы испортили.... не зная сама что!

Читатель извинитъ меня за ребячества, которыми я его занимаю; но какъ разсказывать мнѣ иначе, когда моя героиня — дитя?

Г-жа Дорадуръ была приглашена на обѣдъ въ сосѣдній замокъ. Она взяла съ собой Гастона и Маргò. Разъѣзжаться стали поздно, и было далеко за полночь, когда они отправились домой. Маргò и ея крестная мать занимали большое мѣсто кареты; Гастонъ, сидя напереди и не имѣя сосѣда, протянулъ ноги и почти лежалъ на подушкѣ. На дворѣ свѣтила полная луна, но внутренность кареты оста-

Digitized by Google

валась въ темнотѣ; только по временамъ пробивалось нѣсколько лучей свѣта; разговоръ плелся медленно; хорошій обѣдъ, частью утомленіе, темнота, покойная качка берлины все клонило ко сну нашихъ путешественниковъ. Г-жа Дорадуръ заснула прежде всѣхъ, и, засыпая, положила ногу на переднюю скамейку, не заботясь о томъ, безпокоитъ ли это Гастона. Воздухъ былъ свѣжій; салопъ, накинутый на колѣна, покрывалъ въ одно время и крестную мать и крестницу. Маргò, уткнувшись въ свой уголъ, не дѣлала ни малѣйшаго движенія, хоть и не спала; но ей смерть хотѣлось узнать, спитъ ли Гастонъ. Ей казалось, что такъ же какъ у ней, и у него глаза должны быть открыты; она смотрѣла на него, не видя его, и спрашивала себя, то ли же самое дѣлаетъ онъ. Когда свѣтъ по временамъ прокрадывался въ карету, она слегка кашляла. Молодой человѣкъ былъ недвижимъ; она не смѣла говорить, боясь разбудить крестную мать. Она высунула голову и выглянула въ окошко; мысль о долгомъ путешествіи имѣетъ столько сходства съ мыслью о долгой любви, что, увидя мерцаніе луны и окрестныя поля, Маргò забыла, что ѣдетъ въ Гонвиль: она вполовину закрыла рѣсницы, и, едва глядя на мелькавшія деревья, воображала, что ѣдетъ въ Швейцарію или въ Италію съ г жею Дорадуръ и ея сыномъ. Отъ этого сна — не трудно догадаться — она перешла къ другимъ снамъ, и до того восхитительнымъ и сладкимъ, что вся отдалась имъ. И снилось ей, что она, не жена, а невѣста Гастона, объѣзжаетъ съ нимъ разныя земли; что она имъ любима и имѣетъ право его любить, и что, въ концѣ этого странствія, виднѣется счастіе, это обаятельное слово, которое такъ часто повторяла она, и, къ своему счастію, понимала такъ мало. Чтобы мечты были еще слаще, она вовсе закрыла глаза, потомъ заснула, и, по какому-то невольному движенію, тоже протянула ногу на переднюю подушку. Случай хотѣлъ, чтобъ она положила эту ногу, маленькую и искусно-обутую ножку, именно на руку Гастону. Гастонъ, казалось, ничего не чувствовалъ, но Маргò быстро вскочила; она впрочемъ не вдругъ отняла свою ногу, а по немногу отнимала ее. Сонъ до того убаюкалъ ее, что

Digitized by Google

и пробужденіе не могло ее образумить; и не ужели такой грѣхъ положить ногу на подушку, гдѣ спитъ вашъ женихъ, ѣдущій съ вами въ Швейцаріи? Мало по малу грезы разсѣялись; Маргò задумалась о невольной опрометчивости. «Замѣтилъ ли онъ это? спрашивала она себя, спитъ ли онъ, или только прикидывается? а если онъ спитъ, то какъ же не разбудило его это прикосновенье? Можетъ быть, онъ слишкомъ презираетъ меня, и поэтому не далъ замѣтить, что почувствовалъ это; можетъ быть, это было ему по сердцу, и онъ не показывалъ вида, въ ожиданіи, что я опять это сдѣлаю; можетъ быть, онъ думаетъ, что я сама сплю. Однако же, вѣдь непріятно чувствовать на своей рукѣ чужую ногу, если не имѣешь любви къ тому человѣку; мой башмакъ вѣрно замаралъ его перчатку, потому что мы много ходили сегодня; но можетъ быть, онъ и не хочетъ подавать вида, что думаетъ о такихъ пустякахъ. Что скажетъ онъ, если я еще разъ сдѣлаю то же самое? Но онъ хорошо знаетъ, что я никогда не рѣшусь на это; можетъ быть, онъ угадалъ мою нерѣшительность и тѣшится моимъ мученьемъ!» Въ такихъ мысляхъ, Маргò потихоньку отдергивала свою ногу со всевозможною осторожностью: маленькая ножка опять дотронулась пальцевъ руки молодаго человѣка, но такъ легко, что Маргò сама едва почувствовала прикосновенье. Никогда сердце ея не билось такъ скоро; она считала себя погибшей и вообразила, что сдѣлала неисправимую ошибку. «Что подумаетъ онъ? говорила она про себя, какое мнѣнье получитъ онъ обо мнѣ? Въ какомъ смущеніи буду я теперь? Я не рѣшусь взглянуть ему въ лицо. Велика была глупость и въ первый разъ, а теперь еще хуже. Какъ я докажу, что это не съ намѣреніемъ? Мужчины ничему не хотятъ вѣрить. Онъ будетъ смѣяться надо мной и перескажетъ всѣмъ, — крестной матушкѣ, а крестная матушка скажетъ моему отцу; какъ я покажусь на родной сторонѣ? куда я дѣнусь? что со мной будетъ? что изъ того, если я стану защищаться: вѣдь ужъ извѣстно, что я два раза дотронулась до него, и что никогда ни одна женщина не дѣлала ничего подобнаго. Послѣ всего этого, меньшее наказаніе для меня, если мнѣ при-

Digitized by Google

дется разстаться съ этимъ домомъ.» При этой мысли Маргò вздрогнула. Долго искала она въ головѣ средства оправдать себя; она рѣшилась писать на другой день большое письмо къ Гастону, и передать ему его тайкомъ; объяснить въ немъ, что нечаянно положила она свою ногу ему на руку, что проситъ у него прощенія, и умоляетъ забыть объ этомъ. «А если онъ не спитъ? думала она далѣе; если онъ догадывается, что я его люблю? если онъ понялъ меня? если онъ первый завтра же перескажетъ мнѣ наше приключеніе? если онъ признается, что онъ также меня любитъ? если онъ объяснится мнѣ....» Въ эту минуту карета остановилась. Гастонъ, который преисправно себѣ спалъ, началъ потягиваться, какъ обыкновенно человѣкъ послѣ крѣпкаго сна; онъ не могъ сразу припомнить гдѣ находится; объ это грустное открытіе разбились всѣ мечты Маргò, и, когда молодой человѣкъ, высаживая ее, подалъ ей руку, которой она дотронулась дорогою, она поняла ясно, что одна пространствовала все это время.

VI.

Два неожиданныя событія, одно забавное, другое серьёзное, столкнулись разомъ. Однажды утромъ, Гастонъ стоялъ у подъѣзда дома, и пробовалъ только что купленную лошадь; къ нему смѣло подошелъ мальчикъ, полунагой, едва прикрытый лохмотьями, и остановился передъ его лошадью. Это былъ Пьеррò, сторожъ индѣекъ. Гастонъ не узналъ его, и, принявъ его за нищаго, бросилъ ему въ шапку нѣсколько су. Пьеррò положилъ деньги въ карманъ, но вмѣсто того, чтобъ удалиться, побѣжалъ вслѣдъ за всадникомъ и опять сталъ передъ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Гастонъ два-три раза кричалъ ему, чтобы онъ остерегался, но напрасно: Пьерро бѣжалъ за нимъ, и все останавливалъ его.

— Что тебѣ надо отъ меня, шутъ ты эдакой? — спросилъ молодой человѣкъ; — или тебѣ хочется попасть подъ лошадь?

— Господинъ, — отвѣчалъ Пьеррò, не запинаясь, — я хочу послужить вашей милости.

Digitized by Google

— Кому?

— Вамъ, господинъ.

— Мнѣ? Что это тебѣ вздумалось? Я право не понимаю.

— Я хочу быть слугой вашей милости.

— Кто тебѣ сказалъ, что я ищу слуги?

— Никто, господинъ.

— За чѣмъ же ты пришелъ?

— Я пришелъ проситься въ слуги къ вашей милости.

— Ты дуракъ, или смѣешься, что ли, надо мной?

— Никакъ нѣтъ, господинъ.

— Пошелъ, оставь меня въ покоѣ.

Гастонъ бросилъ ему нѣсколько монетъ, и, повернувъ лошадь, продолжалъ свой путь. Пьеррò сѣлъ на ступеньку подъѣзда, и Маргò, проходя мимо, застала его заливавшимся горькими слезами. Она тотчасъ подбѣжала къ нему.

— Что съ тобой, мой бѣдный Пьеррò? что съ тобой случилось?

Пьеррò сначала не хотѣлъ говорить.

— Я хотѣлъ быть слугой вашего барина, — проговорилъ онъ наконецъ, рыдая,— но ихъ милости не угодно.

Не скоро заставила его Маргò высказаться. Наконецъ она поняла, въ чемъ дѣло. Съ ея отъѣздомъ изъ фермы, Пьеррò скучалъ, что не видитъ ея. То краснѣя отъ стыда, то заливаясь слезами, онъ разсказалъ ей свою печаль, и она не могла не засмѣяться и въ то же время не пожалѣть о немъ. Бѣдняжка, передавая свою тоску, говорилъ и о дружбѣ своей къ Маргò, и о своихъ башмакахъ, уже износившихся, и о своемъ грустномъ одиночествѣ въ полѣ, и объ индюкѣ, который умеръ недавно: все это мѣшалось въ его головѣ. Наконецъ, не въ силахъ уже перенести свою печаль, онъ рѣшился идти въ Гонвиль и поступить къ Гастону камердинéромъ, или конюхомъ. Это рѣшеніе стоило ему восьмидневнаго размышленія, и, какъ извѣстно, имѣло небольшой успѣхъ. И онъ говорилъ, что лучше умереть, чѣмъ воротиться на ферму. — Когда ужъ баринъ не хочетъ взять меня, — сказалъ онъ въ заключеніе своего раз-

Digitized by Google

сказа, — и я не могу быть при немъ, какъ вы при госпожѣ Дорадуръ, я уморю себя голодомъ. — Не нужно прибавлять, что послѣднія слова были прерваны новымъ потокомъ слезъ.

Маргò утѣшила его какъ умѣла, и, взявъ за руку, повела въ домъ. Тамъ, въ ожиданіи того, когда придетъ ему время морить себя голодомъ, она привела его въ буфетъ и дала ему кусокъ хлѣба, ветчины и плодовъ. Пьерро, отирая слезы, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, глядя во всѣ глаза на Марго. Она объяснила ему, что вступить къ кому-нибудь въ услуженіе можно только на незанятое мѣсто, и обѣщала при первомъ случаѣ принять на себя его просьбу. Она поблагодарила его за дружбу, увѣряла, что любитъ его по прежнему, отерла ему слезы, поцѣловала въ лобъ съ материнской нѣжностію, и уговорила наконецъ воротиться домой. Убѣжденный этимъ, Пьерро засунулъ въ карманы остатки своего завтрака; Маргò сверхъ того дала ему экю, на жилетъ и башмаки. Утѣшенный такимъ образомъ, онъ взялъ руку дѣвушки и прильнулъ къ ней губами, говоря тронутымъ голосомъ: «до свиданія, мамзель Маргарита.» Въ то время какъ онъ медленно удалялся, Маргò замѣтила, что маленькій мальчикъ по немногу становится большимъ. Она вспомнила, что онъ только годомъ ея моложе, и дала себѣ слово, при первомъ случаѣ, не цѣловать его такъ поспѣшно.

На другой день, она замѣтила, что Гастонъ, противъ обыкновенія, не поѣхалъ на охоту и что въ его туалетѣ больше заботливости и изящества. Послѣ обѣда, т. е. около четырехъ часовъ, молодой человѣкъ подалъ руку матери, и они вдвоемъ отправились къ подъѣзду. Они говорили шепотомъ и казались встревожены; Маргò, оставшись одна въ гостиной, глядѣла робко въ окно, какъ вдругъ на дворъ въѣхала дорожная карета. Гастонъ выскочилъ отворить дверцы; прежде вышла почтенная дама, за ней дѣвушка лѣтъ 19, роскошно-одѣтая и красавица собою. По пріему, оказанному пріѣзжимъ, Маргò заключила, что онѣ не только важныя особы, но и родныя ея крестной матери; имъ были

Digitized by Google

отведены двѣ лучшія въ домѣ комнаты. Когда пріѣзжія вошли въ гостиную, г-жа Дорадуръ сдѣлала Маргò знакъ и шепнула ей, чтобъ она вышла. Она удалилась нехотя, и пріѣздъ двухъ дамъ не предвѣщалъ ей ничего добраго.

На другой день она еще не рѣшалась идти къ завтраку, какъ пришла за ней крестная мать, и представила ее матери и дочери Версёль: это была фамилія пріѣхавшихъ. Войдя въ столовую, Маргò замѣтила, что на ея обыкновенномъ мѣстѣ, возлѣ Гастонова, была положена новая салфетка. Молча, но не безъ внутренней печали, сѣла она на другое мѣсто; ея стулъ заняла мадмуазель де-Версёль, и не трудно было замѣтить сразу, что молодой человѣкъ часто поглядывалъ на свою сосѣдку. Маргò не говорила ни слова за завтракомъ, и, когда она предложила Гастону одного кушанья, онъ какъ будто и не слыхалъ ея. Послѣ завтрака, пошли гулять въ паркъ; обошедъ нѣсколько аллей, г-жа Дорадуръ взяла за руку пожилую даму, а Гастонъ подалъ свою молодой красавицѣ; Марго, оставшись одна, шла позади всѣхъ; никто не думалъ о ней, не говорилъ съ нею; она остановилась, и повернула домой. За обѣдомъ, г-жа Дорадуръ велѣла принести бутылку фронтиньяна, и, соблюдая во всемъ старинные обычаи, протянула свой стаканъ, приглашая гостей чокнуться. Всѣ послѣдовали ея примѣру, исключая Маргò, которая не знала что ей дѣлать. Она все-таки подняла свой стаканъ, въ надеждѣ, что ее поддержатъ. Никто не отвѣчалъ на ея робкое движенье, и она опустила стаканъ, не дотронувшись до него.—Жаль, что не достаетъ пятаго, — сказала г-жа де-Версёль послѣ обѣда, — мы бы сыграли партію въ бульйотъ (тогда играли въ бульйотъ впятеромъ).—Маргò, сидя въ углу, не смѣла сказать, что она знаетъ эту игру, и г-жа Дорадуръ предложила сыграть въ вистъ передъ ужиномъ. За десертомъ мамзель Версёль просили спѣть; она долго отказывалась, потомъ затянула свѣжимъ и звонкимъ голосомъ какую-то веселую арію. Слушая ее, Маргò не могла не вздохнуть и не вспомнить объ отцовскомъ домѣ, гдѣ она всегда пѣвала за десертомъ. Уходя спать, она не нашла у себя въ комнатѣ своей

Digitized by Google

любимой мебели: большихъ креселъ и маленькаго столика, на который ставила свое зеркало, когда утромъ убиралась. Съ трепетомъ отворила она окно, чтобы взглянуть на свѣтъ, мерцавшій, по обыкновенію, изъ-за ставень Гастона: въ этомъ заключался всегда ея вечерній прощальный привѣтъ; но на этотъ разъ свѣта не было; Гастонъ на-глухо затворилъ свои ставни; она легла въ постель совсѣмъ убитая, и не могла уснуть цѣлую ночь.

Что привело сюда обѣихъ незнакомокъ, и долго ли онѣ пробудутъ здѣсь? — этого Маргò не могла узнать; но было ясно, что присутствіе ихъ связывалось съ тайными переговорами г-жи Дорадуръ и ея сына. Тутъ могла быть тайна, недоступная ея догадкамъ, и какова ни была эта тайна, Маргò чувствовала, что она должна разрушить ея счастье. Сначала она приняла этихъ дамъ за родственницъ; но потомъ она замѣтила, что имъ оказывали слишкомъ много пріязни и въ то же время слишкомъ много вѣжливости, для того, чтобы можно было счесть ихъ за родныхъ. Во время прогулки, г-жа Дорадуръ заботливо показывала матери, до какихъ поръ простираются стѣны парка; она говорила ей на ухо о произведеніяхъ и о цѣнѣ своихъ земель; можетъ быть, дѣло шло о продажѣ Гонвиля; что же будетъ тогда съ семьею Маргò? Оставитъ ли новый владѣлецъ прежнихъ фермеровъ? Но, съ другой стороны, какая неволя г-жѣ Дорадуръ продавать домъ, гдѣ она родилась, который такъ нравится ея сыну, — ей, съ ея большимъ и неразстроеннымъ состояніемъ? Незнакомки пріѣхали изъ Парижа; онѣ то и дѣло говорили о Парижѣ и казались не охотницы до деревенской жизни. Г-жа де-Версёль намекнула за ужиномъ, что имѣетъ доступъ къ императрицѣ, сопровождаетъ ее въ Мальмезонъ, и вообще пользуется ея особенной милостью. Можетъ быть, не было ли тутъ намѣренія попросить о повышеніи Гастона, и тогда понятно это ухаживанье за значительной дамой. Таковы были предположенія Маргò; но что ни придумывала она, умъ ея ничѣмъ не могъ удовлетвориться, а сердце не давало ей остановиться на единственно вѣроятномъ предположеніи, которое въ то же время одно и было истинно.

Digitized by Google

Двое слугъ съ трудомъ внесли большой деревянный ящикъ въ комнату, которую занимала мадмуазель Версёль. Выходя изъ своей комнаты, Маргò услышала звукъ фортепіано; первый разъ въ жизни доводилось ей слышать подобные аккорды; въ дѣлѣ музыки она не заходила дальше плясокъ своей деревни. Она остановилась отъ удивленія. Мадмуазель Версёль играла вальсъ; она прервала музыку пѣніемъ, и Марго тихонько подошла къ двери, чтобы разслушать слова.

Слова были Итальянскія. Мягкость этого незнакомаго языка поразила Маргò болѣе, чѣмъ гармонія самого инструмента. Кто же была эта красавица, у которой вылетали эти таинственныя слова посреди такой неслыханной мелодіи? Побѣжденная любопытствомъ, Маргò нагнулась, отерла глаза, на которыхъ блистали еще слезы, и взглянула въ замочную скважину. Она увидѣла мадмуазель Версёль въ утреннемъ уборѣ, съ обнаженными руками, съ распущенными волосами, съ полуоткрытыми губами и глазами, обращенными къ небу. Она приняла ее за ангела; ничего изящнѣе не видала она въ свою жизнь. Медленно, шагъ за шагомъ отступила она назадъ, ослѣпленная и вмѣстѣ очарованная, не зная сама, что въ ней происходитъ. Но, спускаясь съ лѣстницы, она нѣсколько разъ повторила тронутымъ голосомъ:—Какъ хороша-то, Боже мой, какъ хороша!

VII.

Не странно ли, что люди, сильнѣе другихъ въ чемъ-нибудь заинтересованные, скорѣе всѣхъ въ томъ-то и ошибаются? По обхожденію Гастона съ мадмуазель де-Версёль, самый равнодушный зритель угадалъ бы, что онъ влюбленъ въ нее; Маргò вовсе не видѣла этого, или, вѣрнѣе, не хотѣла видѣть. Несмотря на грусть, ее одолѣвавшую, какое-то непонятное, для иныхъ даже вовсе невозможное, чувство мѣшало ей разглядѣть истину; я говорю о томъ чувствѣ удивленія къ себѣ, которое умѣла пробудить въ ней мадмуазель де-Версёль.

Digitized by Google

Мадмуазель де-Версёль была высокая, прекрасная блондинка. Мало сказать о ней, что она нравилась: она обладала, если можно такъ выразиться, какой-то усладительной красотой. Дѣйствительно, въ ея взорѣ и разговорахъ дышало непостижимо пріятное спокойствіе, и нельзя было устоять противъ обаянія, производимаго ея присутствіемъ. Въ два-три дня она показала много дружбы къ Марго, какъ бы вызываясь сама на короткія отношенія. Она выучила ее разнымъ шитьямъ и вязаньямъ, ходила гулять съ ней подъ руку, и, аккомпанируя ей на фортепіано, заставляла ее пѣть ея родныя деревенскія пѣсни. Маргò тѣмъ болѣе была тронута этими изъявленіями расположенія, что сердце ея было глубоко растерзано. Уже болѣе трехъ дней она жила совсѣмъ забытая, заброшенная, когда молодая Парижанка подошла къ ней и заговорила съ нею въ первый разъ. Маргò вздрогнула отъ радости, отъ страха и удивленія. Она страдала отъ пренебреженія Гастона, и начинала подозрѣвать причину. Въ поступкѣ своей соперницы она нашла какую-то невыразимую отраду, смѣшанную съ горечью; прежде всего она поняла, что выйдетъ изъ того уединенія, въ которомъ она вдругъ очутилась, и въ то же время ей льстило вниманіе такой красавицы. Эта красавица, которая должна была возбудить въ ней ревность, очаровала ее съ перваго слова. Мало по малу, она страстно полюбила мадмуазель де-Версёль. Надивившись ея лицу, она стала дивиться ея походкѣ, ея изящной простотѣ, легкимъ поворотамъ ея головы и даже послѣдней ленточкѣ ея наряда. Она не сводила съ нея глазъ, и слушала ее съ крайнимъ вниманіемъ. Когда мадмуазель де-Версёль садилась за фортепіано, у Маргò глаза горѣли радостью, и она, казалось, говорила всѣмъ: «вотъ заиграетъ сейчасъ мой лучшій другъ» — такъ звала она ее, не безъ кое-какого чувства гордости. Когда онѣ проходили по деревнѣ, поселяне оборачивались. Мадмуазель де-Версёль не обращала на это вниманія, но Маргò краснѣла отъ удовольствія. Каждое утро, передъ завтракомъ, она навѣщала своего друга, помогала ей одѣваться, любовалась, и на то какъ та мыла свои бѣлыя ручки, и на то, какъ пѣла на мягкомъ Итальянскомъ языкѣ. Потомъ она

Digitized by Google

сходила съ ней вмѣстѣ въ залу, довольная собою, что удержала въ памяти какую-нибудь арію, которую и напѣвала потихоньку, сходя съ ней по лѣстницѣ. При всемъ томъ, ее давила тоска, и когда она оставалась одна, она принималась плакать. Г-жа Дорадуръ была на столько не проницательна, что и не замѣчала перемѣны въ своей крестницѣ. — Мнѣ кажется, ты блѣдна что-то,—говорила она ей однако подъ часъ;—или ты плохо спала сегодня? — Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, она переходила къ другимъ предметамъ. Гастонъ видѣлъ дальше своей матери, и, когда бралъ на себя трудъ подумать, не ошибался насчетъ задумчивости Маргò; но говорилъ себѣ, что у нея дѣтскій капризъ, частица ревности, такъ свойственной женщинамъ, и которая пройдетъ со временемъ. Надо замѣтить, что Маргò всегда избѣгала случая быть съ нимъ наединѣ. Мысль остаться съ нимъ съ глаза на глазъ пугала ее, и въ прогулкѣ, завидя его, она еще издалека скорѣе сворачивала въ сторону, такъ что ея предосторожности, происходившія отъ желанія скрыть свою любовь, казались молодому человѣку слѣдствіемъ нелюдимости ея характера.—Странная дѣвочка!—говаривалъ онъ, когда видѣлъ, что она убѣгала его; и, чтобы насладиться ея смущеньемъ, онъ не разъ настигалъ ее, не смотря на всѣ ея старанья уйдти отъ него. Тогда Маргò опускала голову, отвѣчала полусловами, и ёжилась, какъ ночная фіоль передъ зарей.

Дни проходили въ страшномъ однообразіи. Гастонъ ужъ не ходилъ на охоту; играли мало, гуляли рѣже; все время шло въ переговорахъ, и по нѣскольку разъ на дню г-жа Дорадуръ дѣлала Маргò знакъ удалиться, чтобы не стѣснять общества. Бѣдняжка то и дѣло сходила внизъ, и опять поднималась на верхъ въ свою комнату. Если она не впопадъ входила въ гостиную, обѣ матери обмѣнивались взглядами, и всѣ замолкали; когда ее вызывали внизъ, послѣ долгой и таинственной бесѣды, она садилась ни на кого не глядя, и безпокойство ея было похоже на тревожное чуство мореходца, когда гроза слышится издали и медленно приближается, хотя и ясно еще небо.

Digitized by Google

Разъ она проходила мимо комнаты мадмуазель де-Версёль; послѣдняя зазвала ее къ себѣ. Послѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ словъ, Маргò замѣтила прекрасный перстень на пальцѣ своего друга.

— Надѣньте его,—сказала мадмуазель де-Версёль,—посмотримъ, какъ онъ идетъ къ вамъ.

— Что вы! моя рука не довольно хороша для такихъ вещей.

— Постойте; этотъ перстень чудо какъ идетъ къ вамъ. Я подарю его вамъ въ день моей сватьбы.

— Развѣ вы идете замужъ? — спросила Маргò съ трепетомъ.

— Кто знаетъ?—отвѣчала, смѣясь, мадмуазель де-Версёль:—мы, дѣвушки, всегда готовы на это.

Предоставляю читателю судить, въ какое смущеніе бросили эти слова бѣдную Маргò; она повторила ихъ сто разъ днемъ и ночью, но повторила почти машинально, и не смѣя разгадать ихъ смыслъ. Впрочемъ, когда черезъ нѣсколько времени подали кофе послѣ ужина, и Гастонъ поднесъ ей чашку, она слегка оттолкнула его, и сказала: — Вы поднесете ее мнѣ въ день вашей сватьбы. — Молодой человѣкъ улыбнулся, и немного удивился этой выходкѣ; онъ не отвѣчалъ, однако, ни слова, но г-жа Дорадуръ нахмурила брови, и, съ недовольнымъ видомъ, попросила Маргò не вмѣшиваться въ чужія дѣла.

Маргò поняла теперь все; то, что желала, и въ то же время такъ боялась узнать, послѣ этого происшествія, казалось ей ясно, какъ день. Она убѣжала къ себѣ въ комнату, закрыла лицо руками, и горько плакала. Нѣсколько опомнившись, она осторожно заперла дверь, чтобы никто не могъ быть свидѣтелемъ ея горя. Запершись такимъ образомъ, она почувствовала облегченіе, и мало по малу стала разбирать, что происходитъ въ ея душѣ.

Не смотря на крайнюю молодость и безразсудную любовь свою, Маргò имѣла много здраваго смысла. Первое, что она почувствовала, была невозможность бороться съ обстоятельствами, въ которыя она поставлена. Она поняла,

Digitized by Google

что Гастонъ любитъ мадмуазель де-Версёль, что семейства согласились между собою, и бракъ уже рѣшенъ. Можетъ быть, уже назначенъ и день свадьбы; она вспомнила, что видѣла въ библіотекѣ человѣка, одѣтаго въ черномъ, который писалъ что-то на гербовой бумагѣ; безъ сомнѣнія, это былъ нотаріусъ, скрѣплявшій контрактъ. Мадмуазель де-Версёль была богата, Гастонъ тоже долженъ быть богатъ по смерти своей матери; что̀ могла она противъ всѣхъ уже сдѣланныхъ распоряженій, столько естественныхъ, столь справедливыхъ? Она привязалась къ этой мысли, и чѣмъ болѣе углублялась въ нее, тѣмъ неотразимѣе представлялись ей препятствія. Будучи не въ силахъ разстроить этотъ бракъ, она думала, что ей остается только не присутствовать при его совершеніи. Она выдвинула изъ-подъ кровати свой чемоданчикъ и поставила его посередь комнаты, чтобы уложить свои платья, съ твердымъ намѣреніемъ воротиться къ роднымъ; но рѣшимость измѣнила ей: не открывая чемодана, она сѣла на него, и принялась плакать. Въ такомъ горѣ провела она почти цѣлый часъ. Побудительныя причины, поразившія ее съ перваго раза, теперь мѣшались въ ея головѣ; слезы лились изъ глазъ и оглушали ее; она трясла головой, чтобы освободиться отъ нихъ. Въ этомъ положеніи, придумывая, на какое средство рѣшиться ей, она не замѣтила, что свѣча догорѣла и погасла. Она вдругъ очутилась въ темнотѣ; она встала и отворила дверь, чтобы спросить огня; но было уже очень поздно, и всѣ въ домѣ спали. Не смотря на это, она все шла ощупью, не воображая, что такъ поздно.

Сходя сверху, она увидѣла, что на лѣстницѣ темно, и что она, такъ сказать, одна въ домѣ: страхъ, свойственный ея лѣтамъ, овладѣлъ ею. Она прошла уже длинный коридоръ, который велъ къ ея комнатѣ, и остановилась, не смѣя воротиться назадъ. Случается иногда, что обстоятельство, въ сущности ничтожное, измѣняетъ ходъ нашихъ мыслей; темнота чаще всего производитъ это дѣйствіе. Лѣстница въ Гонвилѣ, какъ и во многихъ древнихъ зданіяхъ, была построена въ маленькой башнѣ, которую и занимала

Digitized by Google

она цѣликомъ, и вилась винтомъ вокругъ каменной колонны. Маргò въ нерѣшимости оперлась на эту колонну: холодъ отъ камня, пополамъ съ ужасомъ и печалью, заморозилъ кровь у ней въ жилахъ. Нѣсколько времени стояла она неподвижно; мрачная мысль пробѣжала въ ея головѣ; слабость, которую она чувствовала, родила въ ней мысль о смерти, и странно! — эта мысль, мигомъ возникшая и въ мигъ промелькнувшая, возвратила ей силы. Она вернулась въ свою комнату, и опять заперлась въ ней до разсвѣта.

Солнце едва встало, какъ она уже ушла въ паркъ. Осень въ этотъ годъ была великолѣпная; пожелтѣвшіе листья блестѣли какъ будто золотые. Они еще не падали съ вѣтокъ, и вѣтеръ, тихій и теплый, казалось, щадилъ почтенныя деревья Гонвиля. Было то самое время, когда птички въ послѣдній разъ предаются любви. Маргò было еще далеко до подобныхъ познаній; но она чувствовала, что ея горе становилось легче отъ благодѣтельной теплоты солнца. Она стала думать объ отцѣ, о семьѣ, и перешла къ своему первому намѣренію бросить все и удалиться. Скоро послѣднее показалось ей вовсе не такъ необходимымъ, какъ представлялось наканунѣ; она спросила себя, какое страшное зло сдѣлала она, для того чтобы быть изгнанной изъ того мѣста, гдѣ провела свои счастливѣйшіе дни. Она увѣрила себя, что можетъ остаться, не безъ страданій конечно, но страдая меньше, нежели бы покинувши Гонвиль. Она углубилась въ чащу сада, и то шла медленно, то едва переводя дыханіе отъ скорости, потомъ останавливалась и говорила себѣ: «любовь великое дѣло; надо имѣть много твердости, чтобы любить.» Это слово «любить», и увѣренность, что никто въ свѣтѣ не подозрѣваетъ ея страсти, невольно пробуждали въ ней надежду—какую? не знала и сама она, но тѣмъ легче поддавалась она надеждѣ. Ея лучшая тайна казалась ей сокровищемъ, зарытымъ въ ея сердцѣ; она не могла рѣшиться вырвать ее оттуда, клялась себѣ, что вѣчно сохранитъ ее и защититъ ото всѣхъ, хотя бы вѣкъ суждено ей было быть погребенной на днѣ души. И эта мечта росла въ ней, во вредъ разсудку; и какъ любящее

Digitized by Google

дитя, горевавшее по дѣтски, по дѣтски и утѣшалась она. Она задумалась о русыхъ волосахъ Гастона, объ окнахъ на улицѣ Першъ-о-Марэ; пыталась увѣрить себя, что бракъ еще не совершенъ, и что она могла не понять словъ крестной матери. Она легла подъ тѣнью дерева, и, разбитая тревогой и усталостью, скоро заснула.

Былъ полдень, когда она проснулась. Она осмотрѣлась кругомъ, едва припоминая свое несчастіе. Легкій шумъ не вдалекѣ заставилъ ее обернуться. Она увидѣла Гастона и мадмуазель де-Версёль, которые шли прямо къ ней; они были одни, и Маргò, спрятанная въ густотѣ деревьевъ, не могла быть замѣчена ими. Посерединѣ аллеи, мадмуазель де-Версёль остановилась, и сѣла на скамейку; Гастонъ нѣсколько времени стоялъ передъ ней, потомъ сталъ на колѣно, обнялъ свою невѣсту. и поцѣловалъ. Увидя это, Маргò вскочила не помня себя; невыразимая тоска овладѣла ею, и, не зная сама куда идти, она пустилась бѣжать по направленію къ деревнѣ.

VIII.

Съ тѣхъ поръ какъ Пьеррò не успѣлъ въ своемъ великомъ предпріятіи попасть въ услуженіе къ Гастону, онъ со дня на день становился печальнѣе. Утѣшенія, которыми надѣлила его Маргò, успокоили его на минуту; но это спокойствіе продолжалось до тѣхъ поръ, покуда были цѣлы запасы въ его карманахъ. Чѣмъ больше онъ думалъ о своей Маргò, тѣмъ больше чувствовалъ, что не можетъ жить безъ нея; а, сказать правду, жизнь, которую онъ велъ на фермѣ, не доставляла ему большихъ развлеченій, такъ же какъ и общество, въ которомъ онъ проводилъ свое время. И вотъ въ самый день отчаянія нашей героини, онъ шелъ вдоль по берегу рѣки, загоняя своихъ индѣекъ, какъ вдругъ увидѣлъ шагахъ во ста отъ себя женщину, бѣжавшую со всѣхъ ногъ, которая какъ будто металась изъ стороны въ сторону, и вдругъ исчезла за ивами, окаймлявшими берегъ. Это удивило его и встревожило; онъ пустился по слѣдамъ этой женщины, но, добѣжавъ до того мѣста, гдѣ она исчезла,

Digitized by Google

напрасно искалъ ее кругомъ по полю, и подумалъ, что она зашла въ сосѣднюю мельницу, но почему-то сталъ слѣдить за теченьемъ воды съ предчувствіемъ чего-то недобраго. Лёра, на этотъ разъ, раздулась отъ частыхъ дождей, и Пьерро, и безъ того невеселому, казалось, что ея волны глядѣли мрачнѣе обыкновеннаго. Вскорѣ онъ увидѣлъ что-то бѣлое, колыхавшееся въ тростникахъ; онъ подошелъ, и, прилегши животомъ къ берегу, вытащилъ трупъ.... трупъ самой Маргò. На бѣдной дѣвушкѣ не было и признака жизни; она лежала безъ движенія, холодна какъ мраморъ, съ открытыми и неподвижными глазами.

Пьеррò закричалъ, и на крикъ его сбѣжались всѣ бывшіе на мельницѣ. Отчаяніе его было такъ сильно, что онъ тутъ же хотѣлъ самъ броситься въ воду и умереть подлѣ единственнаго существа, которое любилъ. Онъ вспомнилъ впрочемъ, что слыхалъ о возможности возвратить къ жизни утопленника, если подать ему скорую помощь. Крестьяне, правда, утверждали, что Маргò умерла безвозвратно, но онъ не хотѣлъ этому вѣрить, не хотѣлъ даже оставить тѣла на мельницѣ; онъ вскинулъ его себѣ на плечи, и, какъ только могъ скорѣе, принесъ въ свой домишко. Небу угодно было, чтобы онъ встрѣтилъ на дорогѣ деревенскаго лекаря, который ѣхалъ верхомъ осматривать своихъ больныхъ. Пьеррò остановилъ его, и просилъ зайдти къ нему посмотрѣть, нѣтъ ли какой надежды.

Лекарь былъ одного мнѣнія съ крестьянами; взглянувши на трупъ, онъ сказалъ рѣшительно: она точно умерла, надо похоронить ее; по состоянію тѣла видно, что она больше четверти часа пробыла подъ водою. Послѣ этихъ словъ лекарь вышелъ изъ хижины, и собирался сѣсть на лошадь, говоря, что ему нужно ѣхать къ меру, чтобъ объявить объ этомъ по закону.

Кромѣ того, что Пьеррò страстно любилъ Маргò, онъ былъ еще страшно упрямъ; онъ хорошо зналъ, что она не была четверти часа въ водѣ, потому что почти видѣлъ какъ она бросилась. Онъ побѣжалъ за лекаремъ, и умолялъ его не уходить, не увѣрившись вполнѣ въ недостаточности всѣхъ пособій.

Digitized by Google

— А какой тебѣ хочется помощи?—сказалъ лекарь, недовольный.—Со мной нѣтъ ни одного нужнаго инструмента.

— Я сбѣгаю, — отвѣчалъ Пьеррò; — скажите только, какой принести инструментъ, и ждите меня здѣсь; я какъ разъ вернусь.

Лекарь, не хотѣвшій оставаться долѣе, закусилъ губы, смекнувъ, что сдѣлалъ глупость, упомянувъ о своихъ инструментахъ; хотя онъ былъ твердо увѣренъ въ смерти утопленницы, но понялъ, что не можетъ отказаться сдѣлать хоть какой-нибудь опытъ, подъ опасеніемъ повредить себѣ и своей репутаціи въ мнѣніи всего околодка.

— Ступай же, да поскорѣе, — сказалъ онъ Пьеррò;— возьми жестяной ящикъ у моей хозяйки, и принеси его сюда; я пока окутаю тѣло одѣялами, и попробую растирать его. Попщи также золы и вели разогрѣть; но все это ни къ чему не поведетъ, только убьемъ время, — прибавилъ онъ, пожимая плечами и топнувъ ногой; — ступай же скорѣй; слышишь, тебѣ говорятъ!

— Слышу, слышу! — отвѣчалъ Пьеррò, — и чтобы успѣть поскорѣй, если хотите, я возьму вашу лошадь.

И, не дожидаясь позволенія лекаря, онъ вскочилъ на лошадь, и пропалъ изъ вида. Черезъ четверть часа, онъ вернулся вскачь, съ двумя большими мѣшками золы.

— Вы видите, что я не терялъ времени, — сказалъ онъ, показывая на лошадь, которая едва стояла на ногахъ;— я не много разговаривалъ, не сказалъ просто никому ни слова: ваша хозяйка отлучилась куда-то, и я все обдѣлалъ самъ.

«Чортъ бы тебя взялъ!» подумалъ лекарь, «хороша моя лошадь»! и, ворча себѣ подъ носъ, онъ принялся посредствомъ пузыря дуть въ ротъ бѣдной Маргò, между тѣмъ какъ Пьеррò оттиралъ ей руки. Нагрѣвши золы, они насыпали ее на кровать, такъ что тѣло было совсѣмъ погребено въ немъ. Тогда лекарь брызнулъ нѣсколько капель какой-то жидкости на губы Маргò, затѣмъ покачалъ головой, и вынулъ часы.

—Очень жаль,—сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ,—но мертвые не должны мѣшать живымъ; меня ждутъ далеко отсюда, и я поѣду.

Digitized by Google

— Если вы останетесь еще на полчаса, я дамъ вамъ экю.

— Нѣтъ, любезный, это невозможно, и мнѣ не надо твоихъ денегъ.

— Вотъ вамъ экю,—отвѣчалъ Пьеррò и сунулъ деньги въ руку лекарю, какъ будто не слыша его словъ.

Это было все богатство бѣдняка; онъ вынулъ изъ своего тюфяка всю свою экономическую сумму, и лекарь, разумѣется, взялъ ее.

— Пожалуй, еще полчаса подожду, но потомъ уѣду безъ замедленія: ты видишь, все безполезно.

Цѣлые полчаса Маргò не подавала ни малѣйшаго признака жизни. Лекарь пощупалъ ея пульсъ, потомъ рѣшительно взялъ шляпу и трость, и пошелъ къ своей лошади. Пьеррò, не имѣя болѣе денегъ и видя, что упрашиванья ничего не помогутъ, пошелъ вслѣдъ за лекаремъ и остановился передъ лошадью съ такимъ же спокойнымъ видомъ, какъ въ тотъ день, когда остановилъ Гастона у подъѣзда.

— Что это значитъ?—спросилъ лекарь,—ты хочешь заставить меня ночевать здѣсь?

— Нисколько, — отвѣчалъ Пьеррò, — но вамъ нужно остаться еще полчаса, пока отдохнетъ ваша лошадь.

Говоря это, онъ держалъ въ рукѣ тычину виноградника и смотрѣлъ на лекаря такими страшными глазами, что лекарь въ третій разъ вошелъ въ хижину; но на этотъ разъ онъ ужъ не стѣснялся. Чортъ побери этого упрямца!— вскричалъ онъ;—этотъ бездѣльникъ съ своими шестью франками заставитъ меня потерять цѣлый луидоръ.

— Я слыхалъ, — возразилъ Пьеррò, — что и спустя шесть часовъ человѣкъ оживаетъ?

— Никогда; съ чего ты это взялъ? Ужъ не прикажешь ли мнѣ провести шесть часовъ въ твоей канурѣ!

— Ужъ пробудьте шесть часовъ-то, — продолжалъ Пьеррò; — или оставьте мнѣ ящикъ, трубки и все; и когда я часокъ другой погляжу на вашу работу, я и самъ съумѣю сдѣлать то же.

Digitized by Google

Какъ ни горячился лекарь, но, волей не волей, долженъ былъ просидѣть еще битыхъ два часа. По прошествіи этого времени, Пьеррò, начинавшій и самъ отчаяваться, выпустилъ своего плѣнника. Онъ остался тогда одинъ, у изголовья постели, неподвижный, въ какомъ-то тяжкомъ оцѣпенѣніи; такъ провелъ онъ остатокъ дня, не двигаясь съ мѣста, и уставивъ глаза на Маргò. Когда наступила ночь, онъ всталъ и подумалъ, что пора сходить къ Пьедерё объявить ему о смерти дочери. Онъ вышелъ изъ хижины и заперъ дверь; когда онъ запиралъ ее, ему послышалось, что слабый голосъ звалъ его; онъ вздрогнулъ и побѣжалъ къ постели; но Маргò лежала неподвижна; онъ разсудилъ, что ошибся; но этой минуты надежды достаточно было на то, чтобъ отнять у него рѣшимость идти со двора. «Пойду лучше завтра», подумалъ онъ, и опять сѣлъ у изголовья.

Внимательно глядя на Маргò, онъ увидѣлъ вдругъ какую-то перемѣну на ея лицѣ. Ему показалось, что когда онъ собирался уйдти, зубы ея были стиснуты; теперь же губы были полуоткрыты; онъ тотчасъ схватилъ докторскій инструментъ, и попробовалъ дуть въ ротъ Маргò; но такъ какъ онъ не умѣлъ хорошенько взяться за дѣло, труба не прилаживалась къ пузырю. Пьеррò уставалъ отъ напряженья, но воздухъ пропадалъ; онъ налилъ нѣсколько капель нашатырнаго спирта на губы больной, но онѣ не могли проникнуть до горла; онъ опять прибѣгнулъ къ трубѣ: ничто не удавалось. — Какія глупыя машины! — сказалъ онъ наконецъ въ досадѣ, едва переводя дыханіе отъ усталости; все это ни къ чему не годно и ни къ чему не ведетъ. — Онъ бросилъ инструментъ, нагнулся надъ Маргò, прильнулъ своими губами къ ея губамъ, и въ какомъ-то безнадежномъ порывѣ, напрягая изъ всей силы свои могучія легкія, заставилъ живой воздухъ проникнуть въ грудь дѣвушки; въ ту же минуту пепелъ заколыхался, двѣ умирающія руки поднялись, потомъ упали на шею Пьеррò. Маргò испустила глубокій вздохъ и вскрикнула: — Холодно.... мерзну!

Digitized by Google

— Нѣтъ, ты не мерзнешь,—отвѣчалъ Пьеррò, — ты лежишь въ горячемъ пеплѣ.

— Да, да.... за что же меня положили сюда?

— Ни за что, Маргò, это для тебя же. Какъ ты себя теперь чувствуешь?

— Не дурно, только я очень устала: помоги мнѣ подняться.

Добрякъ Пьеделё и г-жа Дорадуръ, извѣщенные лекаремъ, вошли въ хижину въ ту самую минуту, когда утопленница, полунагая, повиснувъ небрежно на рукахъ Пьеррò, глотала ложку лавровишневой воды.

— Такъ вотъ она! что же вы мнѣ тамъ пѣли?—воскликнулъ чудакъ.—Или вы не знаете, что такъ не дѣлается? Придти и говорить человѣку, что его дочь умерла! Не совѣтую вамъ повторять эту шутку, чортъ побери! это даромъ не пройдетъ!

И онъ бросился на шею къ дочери.

— Осторожнѣе, батюшка!— говорила она, улыбаясь — не жмите такъ крѣпко; еще недавно я была въ рукахъ смерти.

Нечего описывать удивленіе, радость г-жи Дорадуръ и всѣхъ родныхъ Маргò, подоспѣвшихъ другъ за другомъ. Гастонъ и мадмуазель де-Версёль то же пришли, и г-жа Дорадуръ, взявши Пьеделё за руку, разсказала ему въ чемъ дѣло. Предположенія, слишкомъ позднія, легко все объяснили. Когда Пьеделё узналъ, что причиной отчаянія его дочери была любовь, и что она едва не заплатила жизнью за свое пребываніе у крестной матери, онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ.

— Мы поквитались, — сказалъ онъ вдругъ, обратившись къ г-жѣ Дорадуръ. — Я былъ вамъ много долженъ, и много вамъ заплатилъ. Онъ взялъ дочь за руку, и увелъ ее въ уголъ хижины.—Послушай,—сказалъ онъ ей, показывая на приготовленный для нея саванъ,—возьми это, и, если ты честная дѣвушка, сбереги его для меня, а сама и не воображай топиться!

Потомъ онъ подошелъ къ Пьеррò, и крѣпко ударивъ его по плечу, сказалъ ему;

Digitized by Google

— Что жъ, отдать тебѣ, что ли, экю, который ты заплатилъ доктору?

— Отдайте, — отвѣчалъ Пьерро, — отдайте пожалуй мой экю, но мнѣ больше не нужно, слышите ли? Оно не изъ гордости, а оттого, что хоть и не многаго стоишь....

— Пошелъ же, дуралей!—возразилъ чудакъ, приправляя слова свои новымъ ударомъ, — ступай, погляди за своей больной; ишь бездѣльникъ! умѣлъ возиться тутъ съ нею, а не поцѣловалъ ни разу....

IX.

Прошло десять лѣтъ. Неудачи 1814 года наполняли Францію войсками. Задавленный цѣлой Европой, императоръ кончалъ съ чего началъ, и, въ концѣ своего поприща, напрасно искалъ блистательнаго вдохновенія Италійскихъ кампаній. Иностранные отряды, отправлялись въ Парижъ по берегамъ Сены, отброшены были назадъ въ сраженіи при Нанжисѣ, гдѣ пало десять тысячъ иностранцевъ. Одинъ офицеръ, тяжело раненный, оставилъ корпусъ, находившійся подъ командой Жерара, и отправлялся въ Босу. Онъ едва сидѣлъ на лошади; утомленный дорогой, онъ постучался, однажды вечеромъ, у воротъ одной фермы и просилъ ночлега. Угостивъ его добрымъ ужиномъ, фермеръ, которому было не болѣе 25 лѣтъ, представилъ ему свою жену, молодую и красивую крестьянку, почти однихъ съ нимъ лѣтъ и уже мать пятерыхъ дѣтей. Увидя ее, офицеръ не могъ скрыть своего удивленія, и хорошенькая женщина ласково привѣтствовала его улыбкой.

— Если не ошибаюсь.... позвольте узнать, не жили ли вы у г-жи Дорадуръ, и не зовутъ ли васъ Маргаритой?

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчала арендаторша; — если я не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ полковникомъ графомъ Гастономъ де-Гонвиль. А это Пьерръ Бланшаръ, мой мужъ, которому я обязана жизнью; поцѣлуйте моихъ дѣтей, графъ; вотъ все, что осталось отъ семейства, которое долго и вѣрно служило вашему.

Digitized by Google

— Возможно ли?—сказалъ офицеръ,—а ваши братья?

— Они остались при Шанпоберѣ и Монмирайлѣ, — отвѣчала арендаторша растроганнымъ голосомъ; — цѣлыя шесть лѣтъ батюшка поджидалъ ихъ.

—А я лишился моей матери,—продолжалъ офицеръ,— и въ одной этой кончинѣ я потерялъ столько же, какъ и вы. При этихъ словахъ онъ отеръ слезу.

— Ну-ка, Пьеррò,—прибавилъ онъ, обращаясь весело къ мужу, и наливая свой стаканъ, — выпьемъ за упокой умершихъ, мой другъ, и за здоровье твоихъ дѣтей! Бываютъ тяжкія минуты въ жизни, надо умѣть выбираться изъ нихъ!

На другой день, выѣзжая изъ фермы, офицеръ отблагодарилъ своихъ хозяевъ, и, садясь на лошадь, обратился къ арендаторшѣ:

— А ваша прежняя любовь, Маргò? вспоминаете вы о ней?

— Она осталась въ рѣкѣ, графъ, — отвѣчала Маргò.

— И, съ вашего позволенія, графъ, я не полѣзу за ней въ другой разъ! — прибавилъ Пьеррò....

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ СВѢДѢНІЙ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ, О КОЗЬМѢ МИНИНѢ, КНЯЗѢ ПОЖАРСКОМЪ И ПАТРІАРХѢ ЕРМОГЕНѢ.

Во время Нижегородской ярмарки 1850 года дѣлалъ я обычныя посѣщенія книжникамъ-антикваріямъ, и у Нижегородца Головастикова нашелъ любопытный хронографъ, проданный имъ извѣстному любителю древности А. И. Лобкову. Хронографъ въ листъ. Въ концѣ его выписки изъ разныхъ лѣтописей, хронографовъ, статейныхъ списковъ и проч. Заключается онъ описаніемъ Китая, составленнымъ въ 1674 году изъ статейныхъ списковъ, разсказовъ Даурскихъ козаковъ и очевидцевъ, бывшихъ въ Китаѣ.

Повѣствованіе о смутномъ времени весьма любопытно. Судя по тѣмъ подробностямъ, съ какими лѣтописатель говоритъ о Нижегородскихъ и Арзамасскихъ происшествіяхъ, надобно полагать, что хронографъ писанъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Цѣлыми страницами онъ схожъ съ *Хронографомъ Столяра*, принадлежавшимъ Н. М. Карамзину. Напр. мѣста И. Г. Р. т. XII, пр. 100, 116, 117, 132, 133, 134. Предлагаю здѣсь разсказъ о смутномъ времени по хронографамъ Лобковскому (такъ называю я его), по Ельнинскому, найденному мною у того же Головастикова въ 1842 году*, и др.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ убіенія перваго Лжедимитрія, т. е. въ Сентябрѣ 1606 г., въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода появились «*воры*» — неустроенная шайка бродягъ и искателей приключеній, которые ходили по селамъ и деревнямъ, жгли ихъ и грабили, провозглашая имя Димитрія, еще не явившагося въ странѣ Сѣверской. Страшась подходить къ твердынямъ Нижняго-Новгорода, они держались въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этого города. Березополье

* См. мою статью: «Нижній Новгородъ и Нижегородцы въ смутное время» (Отечественныя Записки N 7-й 1843 года).

Digitized by Google

(Горбатовскій уѣздъ) болѣе всего страдало отъ нихъ. Села Павлово и Богородицкое были главными ихъ притонами; здѣсь явились и Литовскіе люди, руководившіе толпы праднаго народа. Въ селѣ Троицкомъ (Горбат. уѣзда) надпись на храмозданномъ крестѣ и до сихъ поръ свидѣтельствуетъ объ этомъ времени. «Сіи святые олтари и престолы разорили воры, по заводу Польскихъ и Литовскихъ людей,» говоритъ эта надпись.

Нападая на проѣзжающихъ по большимъ дорогамъ, воры ловили и гонцовъ Царя Василія, ѣздившихъ въ Низовую сторону, и отсылали ихъ въ Путивль. Нижній пребывалъ вѣрнымъ Царю Василію.

Всю осень и зиму 1606 года «воры» бродили по областямъ Нижегородскимъ; въ слѣдующемъ году волненіе сдѣлалось страшнѣе. Холопы, бортники, крестьяне, недовольные новыми узаконеніями о переходѣ, безпрестанно увеличивали неподначальный сбродъ, который современники такъ удачно наименовали *вольницею*. Взбунтовалась и Мордва. — Отъ Нижняго до Алатыря и далѣе распространились безпорядки. Алатырь и Арзамасъ измѣнили Царю. Въ первомъ изъ этихъ городовъ воеводу Ждана Степановича Сабурова бунтовщики въ воду посадили, а товарища его, Казанца Аѳанасья Степановича Нормантова, били и въ тюрьму сажали и животы, пограбили.* Укрѣпившись въ Алатырѣ и Арзамасѣ, «Воры» пошли къ Нижнему. Здѣсь замѣчаются въ первый разъ *выборные люди* изъ народа, избранные къ воеводѣ, какимъ былъ въ послѣдствіи и Мининъ. Вотъ слова *Лобков. хроногр.* «А Нижній Новгородъ стоялъ за Царя Василія, отъ «воровъ» отъ Русскихъ людей былъ въ осадѣ, а стояли подъ Нижнимъ Русскіе люди и бортники, и Мордва, а съ ними былъ за воеводы мѣсто Ивашко Борисовъ Доможировъ Нижегородецъ, да съ нимъ выбраны два Мордвина Варгадинъ да Москонъ.»**—

---

* *Лобков. хроное.*

** Доможировы старинные Нижегородскіе дворяне были ключниками въ Нижнемъ еще при Грозномъ. Родъ ихъ угасъ лѣтъ пять тому назадъ. О выборныхъ людяхъ Москонѣ и Варгадинѣ — извѣстіе новое.

Digitized by Google

Они подошли къ Нижнему, опустошивъ окрестности, стали жечь посады Нижегородскіе, но не могли взять кремля, и не имѣя лодокъ, не могли разграбить лучшей части города, Нижняго посада.*

Не Кн. Ив. Мих. Воротынскій, но его подначальные воеводы посланы были Царемъ очищать Арзамасъ и Алатырь: Григ. Григ. Пушкинъ-Сулемша да Сергѣй Григ. Ододуровъ, да съ ними ратные люди Володимерцы, Суздальцы и Муромцы, а велѣно имъ идти на Арзамасъ и на Алатырь.** Воеводы очистили эти города, привели ихъ къ Царю Василію; Доможировъ, Варгадинъ, Московъ, осаждавшіе Нижній-Новгородъ, разбѣжались.

Слѣдуетъ разсказъ по Лобков. хронографу о происшествіяхъ въ Арзамасѣ и Нижнемъ-Новгородѣ въ 1608, разсказъ богатый новыми извѣстіями. — Я не повторяю извѣстій Ельнинскаго хронографа; онѣ въ статьѣ моей, напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ 1843 года, № 7.

Въ 1608 г. Арзамасъ опять измѣнилъ Царю, и посланы были воеводы съ ратными людьми подъ этотъ городъ, окольничій Князь Вас. Ѳед. Мосальскій, товарищемъ ему былъ Самойло Чевкинъ Рязанецъ и Яковъ Прокудинъ Суздалецъ. Въ то же время приготовились идти на Арзамасъ и Нижегородцы съ воеводами, стольникомъ Кн. Алексѣемъ Мих. Львовымъ-Ярославскимъ, у котораго товарищемъ былъ Влад. Влад. Анчковъ. Всѣ воеводы, т. е. Князья Мосальскій и Львовъ съ товарищами, двинулись изъ Нижняго разомъ, и подходя къ Арзамасу, своротили налѣво — пошли въ обходъ. Шли на Водъ, а оттуда на Кобылино***, и тогда съ противоположной отъ Нижняго-Новгорода стороны напали врасплохъ на Арзамасъ, въ которомъ съ приверженцами Лжедимитрія за-

---

* *Ельнин. хрон.* Извѣстіе новое.

** *Лобков. хронограф.* Извѣстіе, кажется, новое.

*** Дорога изъ Нижняго къ Арзамасу идетъ съ сѣвера на югъ. Водъ село Арзам. уѣзда на востокъ отъ Арзамаса на торговой дорогѣ изъ этого города въ село Мурашкино, а оттуда на Сибирскій трактъ. Кобылино, село Арзам. уѣзда на югъ отъ Арзамаса по дорогѣ изъ этого города въ Пензу.

Digitized by Google

сѣлъ Тушинскій окольничій Ѳедоръ Андр. Киреевъ, боярскій сынъ изъ Свіяжска. — Князья Мосальскій и Львовъ-Ярославскій взяли Арзамасъ съ бою, во время котораго Киреевъ былъ убитъ. Едва успѣли воеводы Царя Василія привести Арзамасъ къ крестному целованью*, какъ за три версты отъ города, на рѣчкѣ Авшѣ, явились новые враги. Нагорная Черемиса (Чуваши), Татары (предки нынѣшнихъ Сергачскихъ и Васильскихъ Татаръ) и Мордва, подъ начальствомъ Григ. Ив. Кошкарова да холопа Кн. Ивана Васильевича Голицына Прокофья Кушникова, пришли по вѣстямъ о взятіи Арзамаса. Воеводы Мосальскій и Львовъ-Ярославскій противъ нихъ вышли, разогнали ихъ и многихъ побили и языками поймали, а гонялись ихъ 15 верстъ до села Кобылина. Послѣ того воеводы казнили въ Арзамасѣ стрѣльцовъ, приверженцевъ Лжедимитрія, а главнаго мятежника Юшку Соловцова повѣсили.

Устроивъ такимъ образомъ дѣла въ Арзамасѣ, воеводы вскорѣ выступили въ походъ. Пришелъ къ нимъ отъ Царя Василія указъ: велѣно со всѣми ратными людьми идти къ Москвѣ, а въ Арзамасѣ устроить осаду и оставить Арзамасцевъ сколько пригоже. — Это распоряженіе было весною 1609 года, когда незабвенный Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій и Делагарди спѣшили на спасеніе Москвы.

Шли воеводы Мосальскій и Львовъ-Ярославскій изъ Арзамаса Муромскими лѣсами, а оставленные Нижегородцы воротились во-свояси; въ Арзамасѣ же въ осадѣ никто не остался. Положеніе этого города было опасно; крамола господствовала кругомъ; поэтому Арзамасскіе дворяне, дѣти боярскіе, съ матерями, и съ женами, и съ дѣтьми и съ священниками, всѣ ушли или въ Нижній или въ Муромъ. Арзамасъ же опять своровалъ, опять отложился отъ Царя Васи-

---

* Я пишу *целованье*, а не цѣлованье и не цалованье. Слово целовать, происходитъ отъ слова *чело*. Вообще въ Славянскихъ нарѣчіяхъ глаголъ целовать происходитъ отъ словъ лобъ, чело: *лобызать, целовать, челомкаться*. Въ Ардат. уѣздѣ Нижег. губ. говорятъ вм. целовать *чеповать*.

Digitized by Google

лія, и целовалъ крестъ Лжедимитрію. А Нижній-Новгородъ, говоритъ хронографъ, за воромъ въ воровствѣ не былъ, стоялъ крѣпко за Царя Василія.

Объ осадѣ Нижняго-Новгорода Княземъ Вяземскимъ Лобк. хроногр. говоритъ такъ:

Приходили подъ Нижній многіе воровскіе люди, а воеводы воровскіе были Князь Семенъ Юрьевичь Вяземскій да Тимоѳей Лазаревъ. И пришли они прежде въ село Богородское.* На нихъ выступили Нижегородцы съ воеводой Андреемъ Семеновичемъ Алябьевымъ, Московскіе стрѣльцы, бывшіе тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ съ своимъ головою Андр. Андреевичемъ Микулинымъ, Астраханскіе стрѣльцы, бывшіе тоже въ Нижнемъ, съ своимъ головою Богдан. Агаѳон. Износковымъ. На бою они многихъ воровскихъ людей побили, Вяземскаго и Лазарева (израненнаго) полонили и повѣсили въ Нижнемъ. Изъ воровскихъ людей, бывшихъ съ ними, Арзамасскіе дворяне и дѣти боярскіе Ѳедоръ Вас. Левашевъ, Ѳедоръ Степан. Чемизовъ, да еще 40 человѣкъ отъѣхали въ Нижній и целовали крестъ Царю Василію.

Слѣдуетъ разсказъ о возстаніи Нижегородцевъ и ополченіи Князя Д. М. Пожарскаго.

Убіеніе Ляпунова разрушило благія начинанія. Онъ палъ, по выраженію Карамзина, на гробъ своего отечества. Всѣ преданные ему разошлись изъ-подъ Москвы по разнымъ сторонамъ, а преданные Ляпунову были тѣ, которые были преданы Русскому Богу и Русскому Царю, котораго Богъ имъ далъ. Ушли и Нижегородцы съ воеводою своимъ Княземъ Александромъ Андреевичемъ Репнинымъ, не даромъ побывавъ въ Москвѣ: вмѣстѣ съ Муромцами бились они противъ Поляковъ у Тверскихъ воротъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Князь Трубецкой и Заруцкій признали Лжедимитрія Псковскаго, Поляки вытѣснили нашихъ изъ Москвы, и Левъ Сапѣга вошелъ въ Кремль съ свѣжимъ войскомъ. Смоленскъ

* На дорогѣ изъ Нижняго въ Муромъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ. Принадлежало Козьмѣ Минину, теперь Шереметевымъ; извѣстно своей кожевенной промышленностію.

Digitized by Google

палъ. Какъ въ 1610 г. смерть Скопина разрушила близкое спасеніе Руси, такъ и смерть Ляпунова въ 1611 году повергла ее въ крайнее бѣдствіе.

Вся Россія измѣнила Россіи, но бодрствовалъ Нижній-Новгородъ: въ немъ было всеобщее желаніе биться за православіе до послѣдней капли крови. Печерскій Архимандритъ Ѳеодосій, протопопъ Спасопреображенскаго собора Савва Евфимьевъ учили народъ въ храмахъ Божіихъ и въ домахъ — стоять крѣпко за вѣру и не поддаваться латинской прелести.* Въ Нижнемъ былъ тогда доблестный Алябьевъ, очистившій область Нижегородскую отъ «воровъ», смирившій Балахну и Муромъ. Онъ и дьякъ Семеновъ поддерживали въ народѣ мысль стоять твердо за себя. Не таковъ былъ стряпчій Биркинъ, присланный въ Нижній Ляпуновымъ. Этотъ человѣкъ, сперва слуга Царя Василія, потомъ преданный вору Тушинскому, потомъ опять служившій Царю законному, потомъ съ Ляпуновымъ измѣнившій ему, прибывъ въ Нижній, дѣйствовалъ по мысли Ляпунова; но когда подмосковная рать разсѣялась, тогда Биркинъ, подобно Казанскому дьяку Никонору Шульгину, готовъ былъ передаться первому встрѣчному, лишь бы только получить отъ того выгоды. Въ Нижнемъ считали Биркина человѣкомъ ненадежнымъ; земскій староста Козьма Мининъ называлъ его «сосудомъ сатаны.»**

Бодрствовалъ еще одинъ человѣкъ за Россію — великій заточенникъ, крѣпкій адамантъ, мученикъ за вѣру и Русь, патріархъ Ермогенъ, томившійся тогда въ Польской неволѣ, въ Московскомъ Кремлѣ. Уроженецъ Казани, потомъ священникъ Св. Николая Гостиннаго въ томъ же городѣ, потомъ Митрополитъ Казанскій, взысканный Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, гонимый Лжедимитріемъ, возведенный на патріаршескій престолъ при его паденіи — этотъ святитель крѣпко стоялъ за вѣру и свободу Руси, и изъ заточенія благословляя Нижегородцевъ на святый подвигъ возстанія, велѣлъ имъ взять въ полки свои принятую имъ на свои руки икону Ка-

* *Ельнин. хроногр.*

** *Ельнин. хроногр.*

Digitized by Google

занской Богородицы во время ея явленія.* Августа 28 прибылъ въ Нижній, безстрашный Родіонъ Моисеевъ, который, будучи посланъ Нижегородцами къ Ермогену, проникъ въ Кремль и видѣлся съ заточеннымъ святителемъ. Патріархъ послалъ съ нимъ грамоту Нижегородцамъ, приказывая имъ не признавать царемъ сына Марины Мнишекъ, которому уже присягнули Казанцы. Присылаемы были грамоты и изъ Лавры, гдѣ бодрствовали Діонисій и Палицынъ, призывавшіе Нижегородцевъ на спасеніе Москвы.

---

* Здѣсь кстати скажу нѣсколько словъ о сочиненіи Патріарха Ермогена *о явленіи Казанской Богородицы.* Учившись въ Казанскомъ Университетѣ, въ 1835 году видѣлъ я у моего учителя, адъюнкта Мих. Сапс. Рыбушкина, «Сказаніе о явленіи Казанской Богородицы», писанное небрежно и повидимому черновое. Г. Рыбушкинъ выдавалъ его за подлинное (см. Исторію города Казани, предисл. и т. II, стр. 73). — Бывши тогда 16-лѣтнимъ студентомъ, я не могъ разсмотрѣть рукопись какъ слѣдуетъ, а послѣ того не видалъ ея, но положительно говорю, что она не подлинная. — Въ 1842 году отыскавъ Ельнинскій хронографъ и найдя тамъ извѣстіе, что Ермогенъ, благословляя Нижегородцевъ, завѣщалъ имъ взять въ полки свои Казанскую икону, *или на руки принятую*, для объясненія этихъ темныхъ тогда для меня словъ, старался я всячески достать гдѣ-нибудь рукопись о Казанской иконѣ. Видалъ ее въ нѣсколькихъ сборникахъ и торжественникахъ, особенно у Семеновскихъ старообрядцевъ, но нигдѣ не нашелъ указанія на Ельнин. хронографъ. Въ 1845 г. смотрѣлъ торжественникъ Румянцовскаго музеума (№ 437 по Востокову), и тамъ не нашелъ. Наконецъ, какъ я писалъ въ издаваемыхъ тогда мною Нижегор. Вѣдомостяхъ, 1846 г. № 61, услыхалъ я отъ старообрядцевъ, что подлинныя сочиненія Ермогена Патріарха находятся въ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Дѣйствительно, тамъ нашелъ я сборникъ, описанный мною въ № 61 Нижегор. Вѣд. 1846 года, и сначала призналъ его за подлинный. Къ этому послужило поводомъ то, что въ немъ написано было извѣстіе, упоминаемое въ Ельнинскомъ хронографѣ. Въ 1847 году помѣстилъ я въ моей газетѣ (№ 26) замѣчанія на статью покойнаго Архіепископа Нижегородскаго Іакова «*о древностяхъ Пурихи*», и въ этихъ замѣчаніяхъ привелъ это извѣстіе. Вотъ оно: «Мнѣ «же тогда въ чину поповстѣ святаго Николы, иже зовется «Гостинъ, каменосердеченъ же сый, но обаче прослезихся и «припадохъ къ Богородицыну образу и къ чудотворной иконѣ

Digitized by Google

Между тѣмъ правительствовавшіе надъ Москвою бояре отпустили изъ стана Смоленскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые пришли къ нимъ изъ разоренной Смоленской земли. Бояре послали ихъ въ Арзамасъ, приговоривъ дать имъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ помѣстья изъ дворцовыхъ селъ, въ замѣнъ ихъ помѣстій, отнятыхъ и разоренныхъ Польскимъ

«и предвѣчному младенцу Христу. И потомъ поклонихся архі«епископу и благословеніе испросихъ, о еже бы повелѣлъ взяти «ми пречудную Богородицыну икону, архіепископъ же благо«словилъ мя и повелѣ взяти ми. — Азъ же, аще и недостоенъ «сый, но обаче со страхомъ и радостію прикоснухся чудотвор«ному образу и взяхъ з древца, иже бѣ поткнено на томъ «мѣстѣ, идѣжь и въ земли бѣ святая та и чудная икона. И «по повелѣнію архіепископа съ прочими святыми иконами и «честными кресты идохъ съ иконою въ близь сущую ту цер«ковь святаго Николы, ижь зовется Тульскій.» До словъ *повелѣ ли взяти* округлено чертою, и написано: *не пиши то, что вѣ чертѣ.* — Это заставило меня признать сборникъ тотъ подлиннымъ, черновымъ; такъ и назвалъ я его въ изданной мною «Справочной книжкѣ для пріѣзжающихъ на Нижегородскую ярмарку. Нижній Новгородъ, 1847.» Рукопись та откуда взялась въ монастырѣ, не знаю: ни въ старыхъ, ни въ новыхъ описяхъ ея нѣтъ. — Каково же было мое удивленіе, когда, въ 1847 году въ Сентябрѣ, въ Коморовскомъ скитѣ нашелъ я дестевой торжественникъ XVII ст. и въ немъ сказаніе о явленіи Казанской Богородицы съ приведеннымъ выше мѣстомъ и съ киноварною надписью на полѣ: «*не пиши, что вѣ чертѣ.*» Почеркъ Благовѣщенскаго сборника полуустав XVI ст. и мелкая кудрявая скоропись XVII ст. по статьямъ, какъ сказано въ № 61 Ниж. Вѣд. 1846 г.; почеркъ же скитскаго торжественника полуустав того же стол. Въ 1848 году на Нижегородской ярмаркѣ пріобрѣтена мною тетрадь, въ 4-ку, черновая, съ многочисленными поправками, выносками, помарками и съ чертою, сдѣланною вокругъ полустраницы, и надписью на боку: «....*е пиши.... то вѣ чертѣ*»—буква *н* и *т* отрѣзаны.— Поправки и выноски заставили меня заключить, что пріобрѣтенные мною листки были дѣйствительно писаны самимъ Ермогеномъ; въ этомъ удостовѣрило меня еще болѣе то, что въ концѣ сказанія находится бесѣда Ермогена съ Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, которой прежде я не видалъ, — не помню только, есть ли она въ Румянцевскомъ торжественникѣ. Но самое вѣрное доказательство подлинности моей рукописи слѣдующая надпись по листамъ, сдѣланная почеркомъ XVII ст.

Digitized by Google

Королемъ. Съ ними былъ посланъ Никифоръ Васил. Трохониотовъ. Смольяне пришли въ Арзамасъ и стали всѣ въ Выѣздной слободѣ, которая отдѣляется отъ города р. Тошею и поемнымъ лугомъ и находится на Муромской дорогѣ. Дворцовыхъ селъ мужики боярскаго указа не послушались и Смольнамъ дѣлить себя не дали. — И стояли Смольяне долгое время и бой съ мужиками былъ, только мужиковъ не осилили, потому что помогали имъ Арзамасскіе стрѣльцы 300 человѣкъ. Это было въ Іюлѣ или Августѣ 1611 года (119 г.), а осенью того же года (»и во 120 году въ осень«) около Дмитріева дня (26 Октября), Смольяне, видя, что имъ помѣстій Арзамасскихъ не получить, пошли въ Нижній-Новгородъ, посадскіе люди котораго уже звали ихъ, чтобъ шли они въ Нижній.*

Въ Октябрѣ 1611 г. Нижегородцы получили еще Лаврскую грамоту. Воеводы и духовенство собрались для совѣта, съ ними были и земскіе старосты и между ними Козьма Мининъ, честность котораго извѣстна была по дѣламъ городовымъ, а храбрость испытана въ походахъ Рѣпнина и Алябьева.— Во время совѣта Мининъ сказалъ: Св. Сергій явился мнѣ нынѣ во снѣ и повелѣлъ возбудить уснувшихъ, прочтите

привезены тѣ тетради къ Москвѣ изъ Казани, а письмо въ нихъ рука святѣйшаго Ермогена Патріарха Московскаго и всея Русіи, а писалъ тѣ тетради въ Казани Ермогенъ Митрополитъ тогда, какъ сія святая чудеса складывалъ и писалъ своею рукою. — Говорю все это для того, чтобы слова, сказанныя во всѣхъ спискахъ; *писано* (или списано) смиреннымъ Ермогеномъ Митрополитомъ Казанскимъ и автобіографическая прибавка, находящаяся въ нѣкоторыхъ спискахъ, не ввели кого-либо въ заблужденіе, какъ Г. Рыбушкина. — Прибавлю, къ этому что Александръ діаконъ въ отвѣтахъ на Питирима говоритъ: «да и въ тетратяхъ Ермана Патріарха о явленіи мощей Гурія святителя и Казанской Богородицы писано І-съ.» Александръ или другой какой-нибудь раскольникъ видѣлъ гдѣ-нибудь списокъ съ Ермогеновской рукописи, ибо въ подлинной слово Іисусъ писано И-съ, а въ Благовѣщенскомъ сборникѣ и скитскомъ торжественникѣ І-съ.

* *Лобков. хроногр.*

Digitized by Google

грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу.» Стряпчій Биркинъ противорѣчилъ, но Мининъ остановилъ его, замѣтивъ ему, что онъ догадывается о его замыслѣ*. По звону большаго колокола въ Спасопреображенскомъ соборѣ собрались на другой день Нижегородцы въ храмъ Божій. Тамъ протопопъ Савва сказалъ: «Увы намъ Господіе чада моя и братіе, увы намъ! Се бо пріидоша дни конечныя гибели: погибаетъ Московское Государство и вѣра православная гибнетъ. О горе намъ, о лютаго обстоянія! Польскіе и Литовскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили Московское Государство разорити и непорочную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересть обратити! И кто не восплачетъ здѣ, братія, кто же не источитъ источницы слезы отъ очей своихъ? Грѣхъ ради нашихъ попущаетъ Господь врагамъ нашимъ возноситися! Увы намъ, братіе моя и чада — благокрасный бо градъ Москву оные еретики до основанія разорили и людей его всеядному мечу предали. Что сотворимъ, братіе, и что возглаголимъ? Не утвердимся ли въ соединеніи и не станемъ ли до смерти стояти за вѣру Христіанскую чисту и непорочну и за Святую, Соборную и Апостольскую церковь Богородицы, честнаго Ея Успенія и за многоцѣлебныя мощи Московскихъ Чудотворцевъ. Се же и грамота просительная властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря.» Прочитавъ послѣ того грамоту, Савва произвелъ сильное впечатлѣніе на народъ.**

И Мининъ совѣтовалъ, говоритъ Лобковъ Хронографъ, съ Нижегородцами и всякими людьми, чтобы прося у Бога милости, начать доброе дѣло — помочь Московскому Государству, чтобъ собрався со всякими ратными людьми, идти подъ Москву, отъ злодѣевъ Поляковъ царство очистить и Москву доступить. — И почасту сходились, прибавляетъ Ельнинскій.

---

* Биркинъ измѣнилъ и предался Лжедимитрію.

** *Ельнин. хронограф.* См. Отеч. Зап. 1843 № 7. Саввѣ, также какъ и Мининy, пожалованы въ Нижнемъ дворовыя земли и домы. См. *Сотную грам.* 1621 г. Нижегор. Градск. Думы — теперь она въ Нижегородской Археографической Коммиссіи.

Digitized by Google

Козьма Мининъ, продолжаетъ Лобков. Хронографъ, Нижегородскихъ посадскихъ, торговыхъ и всякихъ людей окладывалъ, съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткамъ и промысламъ. Нижегор. Лѣт.* говоритъ, что собирали пятую деньгу. Въ бумагахъ Печерскаго монастыря видно, что сборъ былъ и съ монастырей и съ монастырскихъ вотчинъ.** — Мининъ посылалъ окладывать и въ города, бывшіе подъ Нижнимъ — въ Балахну и Гороховецъ.***

Собравъ казну, Нижегородцы совѣтовали поднять Смольянъ на службу большимъ жалованьемъ. Послали къ нимъ въ Арзамасъ съ зовомъ. Смольяне отвѣчали: «всѣ рады идти подъ Москву для очищенья ея отъ враговъ.» А Смольянамъ, замѣчаетъ при семъ Лобков. Хронографъ, Поляки и Литва грубны, искони вѣчные непріятели, жили Смольяне съ ними поблизку, и бои съ ними бывали частые, и Литву на бояхъ побивали. Когда пришли Смольяне въ Нижній, земскій староста Козьма Мининъ и всѣ посадскіе люди приняли ихъ честно, и кормъ имъ и лошадямъ стали давать довольно, и всѣхъ ихъ покоить, для того что они люди разоренные; Смоленскъ и помѣстья ихъ отошли къ Королю, а жены и дѣти померли въ Смоленскую осаду, а которые остались, тѣ въ неволѣ.****

А въ начальники кому идти подъ Москву, говоритъ Лобков Хроногр., обрали стольника Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который былъ въ то время въ своей вотчинѣ въ Суздальскомъ уѣздѣ.***** Къ нему ѣздилъ дворянинъ добрый Жданъ Петровичь Болтинъ (а не архимандритъ Ѳеодосій) да съ нимъ посадскіе люди. А велѣли Кн. Пожарскому говорить: ѣхать ему въ Нижній, и Нижегородцы и Смольяне бьютъ

---

* Древн. Росс. Вивл. Т. XVIII.

** Подлинники отправлены въ Св. Синодъ, списки въ Нижегор. Археографической Коммисіи.

*** Лобков. Хроногр.

**** Лобков. Хроног.

***** А не въ Пурихѣ, который, между прочимъ, тогда и не принадлежалъ Пожарскому, а пожалованъ былъ ему Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Digitized by Google

ему челомъ, чтобы былъ у нихъ воевода. Князь Дмитрій Михайловичь сказалъ: радъ идти съ вами подъ Москву и Московскаго Гсударства доступать. — И съ нимъ выбрали Козьму Минина владѣти и промышляти ратнымъ дѣломъ.*

Когда Пожарскій шелъ въ Нижній, встрѣтились ему на дорогѣ Дорогобужане и Вязьмичи, которые, ненавидя Ляховъ, ушли въ Калугу, оттуда подъ Москву въ станъ Князя Трубецкаго и Заруцкаго. Эти правительствовавшіе бояре послали ихъ въ Ярополчь (Вязники), приказывая тамъ уверстать ихъ помѣстьями. Но и имъ, какъ Смольянамъ, не дали здѣсь помѣстій; тогда узнавъ о приглашеніи односторонникъ съ ними Смольянъ, пошли они въ Нижній безъ зову и встрѣтились съ обраннымъ стратигомъ.

Лобковскій Хронографъ говоритъ, что Козьма Мининъ давалъ слѣдующее жалованье ратнымъ людямъ. Первой статьѣ 50 руб., второй статьѣ 45 руб., третьей 40 руб. а меньше 30 руб. не было. И роздали жалованье всѣмъ ратнымъ людямъ, и стрѣльцамъ, и казакамъ, и пошли въ Великій постъ 1612 года въ Ярославль, для соединенія съ ратными людьми Ярославскими, Костромскими, Вологодскими и другихъ городовъ и съ Поморскими людями, которые всѣ стали въ одномъ совѣтѣ по уговору Нижегородскихъ людей.— А прежде Князя Димитрія Михайловича вышелъ изъ Нижняго передовой полкъ подъ начальствомъ брата его, Князя Дмитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго.

П. Мельниковъ.

Семеновъ
8 Октября 1850 г.

* Лобков. Хроногр.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О СЛАВЯНСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ ВЪ ГРЕЦІИ.

СТАТЬЯ ФАЛЬМЕРАЙЕРА.

Древне-Византійскія земли, составляющія нынѣ Славонію, Кроацію, Далмацію, Боснію, верхнюю Албанію и Болгарію, включая сюда $^4/_5$ Ѳракіи и Македонію, по единству языка, заключаютъ въ себѣ чисто-Славянское населеніе. Жители остальныхъ земель на югъ отъ первыхъ твердо держатся мысли, что они прямые потомки древнихъ Эллиновъ. Заключеніе это выведено ими изъ того, что жители этихъ земель во всѣ времена, даже во времена сильныхъ утѣсненій съ Сѣвера, не переставали и еще не перестаютъ говорить по-Гречески. Не пустое любопытство празднаго туриста руководило насъ при посѣщеніи, одной за другой, провинцій, составлявшихъ нѣкогда Византійскую имперію. Не будемъ говорить о томъ, были или нѣтъ четыре древнія нарѣчія основою народнаго языка въ этихъ странахъ. Дѣло не о томъ. Но въ нынѣшней Греціи господствуетъ не одинъ полуобразованный Болгаро-Греческій языкъ. Почти половина населенія юнаго королевства, и даже нѣкогда классически-знаменитыхъ округовъ, говоритъ языкомъ Албанскихъ Шкипетаровъ, который къ Греческому имѣетъ такое же отношеніе, какое имѣлъ бы древне-Финикійскій городовъ Тира и Сидона къ языку Нѣмецкому. Въ издаваемыхъ безпрестанно путешествіяхъ, дневникахъ, топографическихъ и статистическихъ таблицахъ о Греціи, и Богъ вѣсть еще въ

Digitized by Google

сколькихъ конституціонныхъ проэктахъ и организаціяхъ возродившейся Греціи, никому ни разу не пришло на мысль разобрать происхожденіе Албанскаго населенія Аттики и Віотіи, и въ особенности храбрыхъ жителей Идры съ ея окружными островами, которыхъ обыкновенно производятъ прямо отъ воиновъ Мараѳона, Саламина и Левктръ. А между тѣмъ, въ этихъ самихъ Шкипетарахъ краніологически и физіологически находятъ удивительное сходство съ статуями и изображеніями древности, отрываемыми нынѣ. Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить античность древней Греціи, (привожу слова знаменитаго архитектора), нужно возстановленіе Аѳинъ не въ щеголеватой изящности эпохи Перикла, а съ отпечаткомъ Дорической грубости и простоты временъ Троянской войны. Такимъ образомъ античность домовъ и кривыхъ, узкихъ улицъ, въ высшей степени будетъ согласоваться съ античными физіономіями и языкомъ нынѣшнихъ жителей.

Нельзя не удивиться этой «celeritati ingenii» Нѣмецкихъ ученыхъ, а чтобы убѣдить этихъ господъ въ томъ, что говорящіе Албанскимъ языкомъ Шкипетары Аттики и восточной Греціи ни чуть не потомки Мараѳонскихъ подвижниковъ, для этого мы употребили слишкомъ двадцать лѣтъ на розысканія и почти тринадцать на полемику и ученые споры. Если же взять въ соображеніе, сколько времени нужно будетъ употребить на доказательство того, что названія городовъ ново-Греческой почвы, какъ-то: Варсова, Орсова, Каменцъ, Глацъ, Струцъ и Кукуруцъ, не Эллинскія, а чисто-Славянскія, хотя въ этихъ городахъ и господствуетъ теперь языкъ Греческій, — едва ли не цѣлой жизни человѣка понадобится на то, чтобы достигнуть этой цѣли. Я, съ своей стороны, не имѣю никакой надежды увидѣть конецъ этого спора, который сроднился съ однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ Германіи, и рѣшеніе котораго, безъ сомнѣнія, должно перейдти къ слѣдующему поколѣнію Никакой аргументъ, никакое доказательство не въ состояніи будутъ потрясти тѣ впечатлѣнія, которыя произвели на Нѣмцевъ, участвовавшихъ въ борьбѣ 1821—27 годовъ, событія этого пространства времени.

Digitized by Google

«Фанатизмъ—говорятъ философы — есть восторженность къ предмету отвлеченному, отрицательно относящаяся къ дѣйствительности»[6]. Приводить же логическія доказательства, подобныя восторженнымъ, было во всѣ времена трудомъ потеряннымъ, напраснымъ. Посему, да обратитъ юное поколѣніе свое вниманіе на мои изслѣдованія, которыя я исключительно посвящаю ему, какъ непричастному никакимъ мнѣніямъ и свободному отъ всѣхъ односторонніхъ впечатлѣній. Въ угоду ему попытаюсь еще разъ выступить на ученое поприще, но на этотъ разъ съ бо̀льшею осмотрительностію, а главное, съ добросовѣстностію, которой у насъ такъ рѣдко слѣдуютъ.

Замѣчу разъ навсегда, что предметомъ моихъ изслѣдованій будутъ исключительно земли, составлявшія древне-Греческій материкъ съ принадлежащими къ нему островами архипелага. Часть Цикладъ, Спорадъ и все прибрежіе Малой Азіи, оставляю въ сторонѣ, какъ непринадлежащія къ моему предмету. Главный тезисъ предлежащей статьи слѣдующій: племя, населявшее нѣкогда земли отъ Македонскаго залива до южной оконечности Мореи, говорившее Дорическимъ, Аттическимъ, Іонійскимъ и Эолійскимъ языкомъ,—впродолженіе вѣковъ совершенно исчезло. Остатки же его такъ смѣшались и слились съ Славянскимъ наплывомъ лѣвой стороны Дуная, что настоящее населеніе названныхъ округовъ хотя и говоритъ по-Гречески, но приписывать ему происхожденіе чисто-Греческое, было бъ противно и исторіи и тѣмъ даннымъ, которыя мы намѣрены привести, какъ подтвержденіе нашего положенія.

Не благоразумнѣе ли было выставить эту истину въ такомъ видѣ, чтобы она удовлетворяла и общественному мнѣнію, и современнымъ интересамъ, и взаимно бы ихъ помирила. Вопросъ распадается самъ по себѣ на двѣ отдѣльныя, другъ отъ друга независимыя части: на вопросъ о Шкипетарахъ-Албанцахъ, и на вопросъ о Славянахъ. Разрѣшеніе перваго не сопряжено съ большимъ затрудненіемъ. Добрая воля и нѣкотораго рода ученость достаточны для того,

[6] Гегель.

Digitized by Google

чтобы на самыхъ мѣстахъ, ими обитаемыхъ, собрать ясныя доказательства о ихъ племенномъ значеніи. Гораздо труднѣе рѣшеніе вопроса о Славянскомъ элементѣ, потому что, какъ извѣстно, только на небольшомъ участкѣ древней Греціи говорятъ такимъ языкомъ, гдѣ Славянскій элементъ очевиденъ, въ то время, какъ Албанскій языкъ господствуетъ еще на довольно значительномъ пространствѣ. Какое же доказательство можетъ убѣдить невѣрующихъ, что земли, издревле извѣстныя подъ именемъ Эллады, населены были по языку Славянскимъ племенемъ, и что впослѣдствіи, подчинясь вліянію Греческому, уступили мѣсто и языку Греческому.

Точкою отправленія нашихъ изслѣдованій будетъ эпоха за 800 лѣтъ до нашего времени. Въ 1000 году по Р. Х. полуостровъ Морея и все пространство къ сѣверу лежащаго материка, за исключеніемъ небольшихъ округовъ, искони были населены Славянскимъ племенемъ и носили названіе Славянской земли. Если удастся утвердить приведенное положеніе на началахъ науки, тогда главная цѣль будетъ достигнута, и нѣтъ сомнѣнія, что защитники ново-эллинизма не будутъ отъ этого въ отчаяніи. Не утѣшительно ли для нихъ то обстоятельство, что совершившееся превращеніе пришлаго Скиѳскаго элемента совершилось чрезъ Византійскихъ Грековъ? Еще легче объяснять, какимъ образомъ это случилось, тѣмъ болѣе, что у насъ предъ глазами другой живой примѣръ, а именно, совершенное онѣмеченіе другой вѣтви тѣхъ же Славянъ въ сѣверо-восточной Германіи. Мы увѣрены, что читатели съ положительнымъ умомъ не будутъ довольны подробнымъ изложеніемъ предмета во всѣхъ его мелкихъ частностяхъ. Они, скорѣе, потребуютъ, чтобы выводъ и заключеніе изъ читаннаго были предоставлены на ихъ собственное умозрѣніе. Поэтому мы постараемся дать нашему разсужденію такую форму, которая ясностію и краткостію, съ одной стороны, положительными умозаключеніями и ссылками на источники, съ другой, удовлетворила бы и любопытству любителей, и строго-логическому уму ученаго. Независимо отъ этого, намъ останется еще пожелать и самихъ Грековъ убѣдить въ истинѣ нашихъ словъ. Какое же

Digitized by Google

сходство между свободолюбивыми, умными, красивыми, одаренными художественнымъ вкусомъ, Эллинами, и сухопарыми, костливыми, лукавыми Скиѳами? Вопросъ этотъ часто былъ предлагаемъ мнѣ Нѣмцами, и я иногда отвѣчалъ на него. Теперь еще отвѣчу кратко, но точно.

Къ несчастію, доказательства, которыя приведу я, будутъ болѣе всего чувствительны моимъ противникамъ Грекамъ, потому что источниками моими будутъ лѣтописи, географія и языкъ ихъ страны и народа. Читая, наприм. у одного изъ Византійскихъ лѣтописцевъ, что «въ это время Пелопонезъ совершенно ославянился и обращенъ былъ въ варварство»; у другаго: «въ наше время почти весь Эпиръ, Элладу, Пелопонезъ и всю Македонію населяютъ Славяне, переселившіеся изъ Скиѳіи»—читая эти, такъ часто встрѣчаемыя мѣста, на чемъ, спрашиваю, остановится пытливый умъ изыскателя? Не попытается ли онъ прослѣдить предшествовавшія историческія данныя, если только онѣ существуютъ, и критически разобрать вопросъ? Всякому извѣстно, что политическія превращенія бываютъ далеко не такъ часто, какъ, напримѣръ, прибой воды во время прилива. Но въ періодъ продолжительныхъ смутъ и бѣдствій, которымъ подвергалась Византійская имперія, Славяне, обитавшіе къ сѣверу отъ Дуная, развѣтвившись, огромными массами переправлялись въ Аркадію и въ крутыя отлогости Спартанскихъ горъ. Этотъ пришлый народъ, разнствуя съ туземцами нравомъ и языкомъ, долженъ былъ произвести переворотъ и въ самой топографіи занятой имъ страны. Горы, долины, угорія, озера и рѣки, хижины, селенія, города, округи и наконецъ самая страна, получили новыя названія, которыя извлекались или изъ характера мѣстности, или изъ воспоминанія о матери-отчизнѣ.

Разсматривая съ большимъ стараніемъ номенклатуру Пелопонеза, мы дѣйствительно найдемъ все пространство этой страны покрытымъ чисто-Славянскими названіями; тогда и сказаніе Византійцевъ, что Морея, въ извѣстную эпоху, была дѣйствительно Славянскою землею, сдѣлается само со-

Digitized by Google

бою очевидно [1]. Противники въ приводимыхъ ими доводахъ говорятъ: «хотя и есть въ Греціи названія: Варсова, Каменцъ, Хирватецъ (Крабатецъ), Глоговъ, Березовъ, Левецовъ, Глацъ, Штруцъ, Буковина и Кукуруцъ, и слова Штруцъ, Кукуруцъ, Глогау и Хирватецъ отнюдь не классическія: но во всякомъ однакожъ случаѣ жители Пелопонезской Варсовы и Каменца говорятъ въ настоящее время вовсе не Славянскимъ, а Новогреческимъ языкомъ, слѣд. никогда не говорили по-Славянски, а по-Гречески, и поэтому безспорно принадлежатъ къ классическимъ потомкамъ Агезилаевъ, Филопоменовъ и Поливіевъ.»

Историки и филологи, съ которыми приходится мнѣ быть въ столкновеніи, при всей ихъ грамматической учености, такъ невѣжественны въ географическихъ и этнографическихъ познаніяхъ, и вообще такъ мало знакомы съ средними вѣками, что едва ли въ состояніи отличить чисто-Славянское названіе отъ древне-Греческаго. Подобнаго рода люди не только не имѣютъ понятія о географической картѣ, но даже имъ вовсе неизвѣстно небольшое пространство Греческаго материка. Они не въ состояніи замѣтить, что напр. Пирнага и Варвуцена (настоящее названіе двухъ рѣкъ въ Мессеніи и Аркадіи) принадлежатъ не Грекамъ, а совершенно другому народу; дѣтски вѣрятъ, что еще Менелай проводилъ лѣто въ нагорной деревнѣ Община (къ сѣверу отъ Мистры), и что Агамемнонъ, съ супругой своею Клитемнестрою, часто посѣщали годовой рынокъ въ Волгастѣ и Зопото. Надобно, впрочемъ, сознаться, что полемика съ такими учеными о судьбѣ Греціи въ средніе вѣка, можетъ принести видимую пользу. Шафарикъ, въ приложенной къ своей Народописи картѣ, ясно показалъ мѣста, хотя и не всѣ, которыя были

[1] Для точнѣйшаго изученія этого предмета необходимо или самому пройдти страну во всѣхъ направленіяхъ, или же руководствоваться лучшими топографическими и историческими источниками. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо обратить особенное вниманіе на карту, изданную Генер. штабомъ въ Парижѣ, и на Греческую Хронику въ стихахъ: «о войнахъ Франковъ въ Морѣ.»

Digitized by Google

занимаемы Славянами: у него, напр., въ Македоніи селенія Славянъ тянутся до самыхъ воротъ Солуни, а между тѣмъ онъ обходитъ безъ вниманія древніе Славянскіе города, расположенные по угоріямъ Олимпа: Нягосто, Коцани, Сервицу, Гревено и Анаселицу, обходитъ ихъ по той причинѣ, по которой отдалъ Нѣмцамъ также нѣкогда Славянскіе замки Померанія, Мекленбурга и Бранденбургской маркіи. Если бы ученый Шафарикъ, обозначая на своей картѣ земли, гдѣ раздавалась Славянская рѣчь, началъ свой трудъ съ 1,000 года нашей эры, онъ бы увидѣлъ, что только небольшіе участки между Темпейскою долиной и Матапанскимъ мысомъ (Майною) остались чисто-Греческими. Τί χμπωρίζεις — своризисъ—*что говоришь?* Ἔιναι ἐπάνω εἰς τήν πόλιτζα—*онъ стоитъ на карнизѣ.* Такъ говорятъ Θессаліотки города Турново. Буквы обоихъ этихъ выраженій и окончаніе перваго, безъ сомнѣнія, Греческія, сущность же Иллирико-Славянская. *Зборити* значитъ говорить, *По́лица* — карнизъ стѣны.

Намеки эти, безъ сомнѣнія, довольно темны, разъяснить же ихъ было бы невозможно. Какимъ образомъ вызваться на диспутъ съ простонародіемъ и женщинами Турново, чтобы подмѣтить и отдѣлить всѣ Славянскіе варваризмы, вкравшіеся въ языкъ ихъ семейнаго быта. Сидя на террасѣ въ Турновѣ (Τύρνοβα), вслушиваясь въ разговоръ уличныхъ зѣвакъ, я съ грустію обращаю свои взоры чрезъ мимотекущую *Саламбрію* [1], въ даль, къ лѣсистымъ дебрямъ Оссы. Какъ бѣдно и одиноко, словно пригвожденное къ каменистой крутизнѣ горы Киссовы, виситъ селеніе *Неволяны*, между тѣмъ какъ темною полосой тянется туманъ надъ Славянскими озерами Θессаліи—Незера и Карла [2]. Одинъ изъ сельскихъ мудрецовъ говорилъ

---

[1] У Эллиновъ—Пеней. У Страбона Саламбрія названа Θракійскою рѣкою.

[2] *Неволяны* названіе чисто-Славянское. *Киссова* Славянское названіе горы Оссы, означающее: влажный, водянистый. *Незеро* — езеро—озеро. Стоячія воды во Θракіи называются, какъ уже выше замѣчено, по большей части — *Незеро*. Древнее озеро Бѣбеисъ съ рѣчкою около *Велестины* называется теперь *Карла*, и по мнѣнію Шафарика (I. 495), принадлежитъ также къ Славянскимъ названіямъ.

Digitized by Google

мнѣ однажды, что, когда въ долинѣ земля высыхаетъ, то на вершинѣ Олимпа становится *бухово*, т. е. влажно. По этому случаю двѣ Темесварскія дамы замѣтили, какъ легко выучиться Новогреческому языку, когда знаешь по-Иллирійски[1].

Κάθε χωριό καί ζακόνι, κάθε μαχαλᾶς καὶ τάξι[2] — часто произносятъ на припѣвъ ребятишки Турнова. Почему объясненіе этихъ славянизмовъ такъ непріятно для Ѳессалійцевъ? Они надолго, быть можетъ навсегда, будутъ жить въ устахъ *Пенестовъ*, т. е. народа. Развѣ только богатый

Чтобы не наскучить читателю подробною выпискою собственныхъ именъ, собранныхъ мною въ Ѳессаліи, приведу въ примѣръ только слѣдующія: *Мелуна* — проходъ между Трново и Чарнчена; *Гуница* — переправа чрезъ р. Пеней повыше Лариссы; *Горица* (*Τκώριτζα*) — холмъ близъ развалинъ Димитріады; *Загора* — древній Пеліонъ; *Зервохія* — рѣка; *Бизица*, *Макриница*, *Сескло*, *Воло*, *Кукурава*, *Десяны*, *Зелицани*, *Карла*, *Субли*, *Цираги*, *Кипрена*, *Калица*, *Либотаня*, *Ревеникъ*, *Деменикъ* и *Тринова*,—всѣ эти чисто-Славянскія названія носятъ мѣста, находящіяся на классической почвѣ древней Магнезіи. Точно такъ и слава: лѣсъ — *Λίγγος* (лугъ по-Илл.) и гора — *Μπαρτζωγια* ни чуть не звучать по-Эллински. Извѣстно, что трудолюбивые, мирные, преданные земледѣлію *Велегизиты*, или, какъ ихъ называетъ Шафарикъ — *Велегосты*, поселившись въ окружностяхъ Ѳессалійскихъ Ѳивъ и Димитріады, выгодно сбывали продукты свои въ Солунь. Главный ихъ городъ *Велестинъ* (древ. *Φέραι*), населенный большею частію Турками существуетъ и въ настоящее время. О хлѣбной торговлѣ Ѳессалійскихъ Велегезитовъ см. Шафарика II, 226.

[1] Славянское окончаніе *ова* измѣняется въ Новогреческомъ языкѣ въ *аво*. *Бухова* — прилагательное, часто употребляется въ разговорномъ языкѣ Ѳесс. Грековъ, вмѣстѣ съ другими Славянизмами. Подобнаго рода заимствованія проистекли отъ незнанія или неимѣнія равносильно соотвѣтствующихъ выраженій въ древне-Греческомъ языкѣ.

[2] *Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай.* Подстрочный переводъ: Въ каждой деревнѣ свой законъ, въ каждомъ околодкѣ свой порядокъ. *Ζακόνι* — законъ; *Μαχαλᾶς* — Турец.

Digitized by Google

классъ *Турновцевъ* и *Велестинцевъ*, имѣющій болѣе способовъ образоваться въ юномъ королевствѣ, будетъ въ состояніи изгнать, и то только изъ своей среды, эти славянизмы и замѣнить ихъ Греческими словами. Равнымъ образомъ и многія названія, частію этимологически натянутыя, вошли въ новое королевство вмѣстѣ съ новымъ управленіемъ. Одна Славянская форма *неокончательнаго наклоненія* останется неотторгаемою отъ Новогреческаго языка; о ней будетъ изложено въ концѣ этой статьи. Насильственнымъ преобразованіемъ языка цѣль не можетъ быть достигнута. Просвѣщеніе и ученіе подѣйствуютъ гораздо скорѣе. Это можно видѣть не только въ Аѳинахъ, но и въ восточной части Греціи, гдѣ Албанскій элементъ, не имѣя ни училищъ, ни учебниковъ своего нарѣчія, постоянно сливается съ Новогреческимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ два, три поколѣнія сольется съ нимъ совершенно. Точно также совершился процессъ исчезновенія Славянскаго элемента въ Аркадіи, Элидѣ, Мессиніи, Акарнаніи, Этоліи, Ѳокидѣ, Локридѣ и Віотіи.

Хотя многіе изъ Албанцевъ, преимущественно округовъ Бордуніи, Лала, Фоніа и пр., приняли во время революціи магометанство, христіанская ихъ часть однакожъ довольно значительна въ Греціи, такъ что составляетъ почти половину народонаселенія. Не смотря на ихъ многочисленность, они имѣли гораздо меньше вліянія на чисто-Греческую народность, чѣмъ предшествовавшіе имъ Славяне. Если защитники Греческой народности, не смотря на перевѣсъ Славянскаго языка и обычая, господствующихъ отъ Дуная до Солуни и подножій Олимпа, имѣютъ достаточныя доказательства къ подтвержденію своего мнѣнія, въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ объяснить то превращеніе въ характерѣ населенности Пелопонеза, которое такъ явно совершилось?[1]

Во время Морейскаго возстанія, столько же были мнѣ извѣстны страна и народъ, который, подъ громкими именами Спартанцевъ, Эолянъ, Аркадянъ, Аргивянъ и Коринѳянъ, съ

[1] Подробнѣе см. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters.

Digitized by Google

оружіемъ въ рукахъ явился на сцену, — сколько и въ настоящее время извѣстенъ онъ моимъ антагонистамъ. Нѣмцы не только не имѣли хорошей географической карты, но ни одного сочиненія о новой Греціи. *Фоліантовъ* же Византійцевъ никто не читалъ, а если и читалъ, то не понималъ настоящаго смысла. Слово *Морея* возродило во мнѣ первое сомнѣніе. Чѣмъ болѣе вникалъ я въ послѣдствіи въ смыслъ другихъ мѣстныхъ названій, тѣмъ болѣе удивляли меня эти имена, звучащія вовсе не по-Гречески. Какимъ образомъ очутились въ центрѣ Пелопонеза *Валтеци*, *Витинъ*, *Каменцъ*? Что за слово *Мистра* на Тайгетѣ? Почему рѣчка у развалинъ Мегалаполиса не называется болѣе Гелисонъ, а переименована въ *Варвуцену*, и другая въ Чаконіи называется даже *Саввицей*, меньшею сестрой Сербской Саввы? Подъ вліяніемъ этихъ размышленій прочелъ я слѣдующее мѣсто у Константина Багрянороднаго въ его *Темахъ*, подъ заглавіемъ: *Пелопонезъ*:

Ὕστερον δὲ πάλιν τῶν Μακεδόνων ὑπὸ Ῥωμαίων ἡττηθέντων, πᾶσα ἡ Ἑλλάς τέ καὶ ἡ Πελοπόννησος ὑπό τήν τῶν Ῥωμαίων σαγήνην ἐγένετο, ὥστε δούλους ἀντ' ἐλευθέρων γενέσθαι. ἐσθλαβώθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος, ὅτε ὁ λοιμικός θάνατος πᾶσαν, ἐβόσκετο τήν ἀκουμένην, ὁπηνίκα Κωνσταντῖνος ὁ τῆς κοπρίας ἐπώνυμος τά σκῆπτρα τῆς τῶν Ῥωμαίων διεῖπεν ἀρχῆς, ὅστε τινά τῶν ἐκ Πελοποννήσου μέγα φρονοῦντα ἐπὶ τῇ αὐτοῦ εὐγενείᾳ, ἵνα μή λέγω δυσγενέια, Εὐφήμιου ἐκεῖνον τόν παβόητον γραμματικόν ἀποσκῶψαι εἰς αὐτόν τοτοὶ το θρυλούμενον ἰαμβεῖον:

«Γαρασδοειδὴς ὄψις ἐσθλαβωμένη.»

ἦν δέ οὗτος Νικήτας ὁ κηδεύσας ἐπὶ θυγατρί Σοφίᾳ Χριστοφόρῳ τὸν υἱὸν τοῦ καλοῦ Ῥωμάνου καὶ ἀγαθοῦ βασυλέως. Т. е.

«Позднѣе, когда Македоняне были побѣждены Римлянами, вся Грецiя и Пелопонезъ впали въ сѣти Римлянъ и изъ свободныхъ содѣлались рабами. Когда же въ царствованіе Константина Копронима черная смерть опустошила вселенную, вся провинція (Пелопонезъ) *ославянилась и содѣлалась варварскою.* По этому случаю, славный грамматикъ Евфимій сказалъ объ одномъ Пелопонезцѣ, гордившемся

Digitized by Google

благороднымъ своимъ происхожденіемъ (чтобъ не сказать не благороднымъ), слѣд. насмѣшливый ямбъ:

«Лукавообразное Славянское лицо.»

Пелопоннезецъ этотъ былъ Никита, который выдалъ дочь свою Софію за Христофора, сына добраго царя Романа.[1]»

Изъ этого мѣста удостовѣрился я въ перевѣсѣ Славянской номенклатуры топографіи Морен, что и было богатымъ источникомъ для изслѣдованій историческихъ судебъ Иллирійскаго материка. Самое слово ἐσθλαβώθη объяснило всю тайну Византійской старины. *Эта самая цитата* была въ глазахъ моихъ противниковъ истой занозою. Люди, никогда ни одной строки не читавшіе изъ Византійскихъ лѣтописей, не знавшіе даже объ ихъ существованіи, стали упрекать меня въ томъ, что *я* не такъ понялъ автора, что слово — ἐσθλαβώθη не значитъ *ославянился*, а значитъ: in servitutem redacta, въ рабство обращенный. Смыслъ же эпиграммы Евфимія не *лукавое Славянское лицо*, а

Старое, рабственное лицо,

i. e. Victa facies in servitutem redacta.

Притомъ же послѣднее выраженіе едва ли будетъ эпиграммой[2]. Въ Аѳинахъ пошли еще далѣе: и Нѣмецкій изслѣ-

---

[1] Const. Porphyrog. v. III p. 53. Thematibus.

[2] Напрасно Докторъ Тафель въ своихъ критическихъ примѣчаніяхъ къ Конст. Багрян. принимаетъ устарѣлое объясненіе — in servitutem redacta. Онъ выпустилъ изъ вниманія то обстоятельство, когда Византійскіе писатели понятіе in servitatem redigere выражали словомъ: σκλαβώνω (обращаю въ рабство), понятіе же о народѣ выражали словомъ σθλάβος. На языкѣ Византійцевъ σθλάβος безъ исключенія означало народное названіе *Славянинъ*, σκλάβος же, иногда принималось въ значеніи — *народъ*, иногда — *рабъ*.

Значеніе слова γαραβοεϊδὴς объяснилъ ученый Копитаръ изъ Русскаго *гораздъ*. Въ Чешскомъ яз. (см. Шаф. II, 475) находится также слово Horazd.

Къ нимъ прибавимъ еще собственно въ Ѳессаліи находящіяся: *Гура* — городъ и гора того же имени. *Богомилосъ* — городъ. *Рентина, Вытернико, Клиново, Грибово, Селивено, Лепеница*, гора *Смохово*. (Прим. перев.)

Digitized by Google

дователь и Константинъ Багрянородный торжественно были объявлены невѣждами. «Кто жъ этотъ Константинъ и что могъ онъ знать о Пелопонезѣ своего времени?» Константинъ Багрянородный, VII по имени, былъ Византійскимъ Императоромъ, царствовалъ 47 лѣтъ (912 — 959), и написалъ множество сочиненій, изъ которыхъ только три дошли до насъ, а именно: «Описаніе областей В. Р. имперіи», «О внѣшней политикѣ и внутреннемъ управленіи Имперіей», и сочиненіе «о церемоніяхъ Византійскаго двора». Константинъ принадлежалъ къ Славянскому семейству, говорилъ также по-Славянски, и въ своихъ ученыхъ занятіяхъ оставилъ намъ такія замѣтки, которыя едва ли можно найдти у другихъ Византійцевъ. Отецъ его, *Левъ Философъ*, былъ ученый мужъ, который не пренебрегалъ и поэзіей, не смотря на то, что писалъ весьма плохіе ямбы. Дѣдъ же, Имп. *Василій*, родомъ простой Македонскій селянинъ, дарованіями и счастіемъ, достигъ ни-

---

Одно обстоятельство, весьма важное въ отношеніи характера народонаселенія, упущено всѣми путешествовавшими по Греціи, которое однакожъ много объясняетъ характеръ народа и мѣстности. Во многихъ изъ этихъ городовъ сохранились въ народѣ сказанія, въ которыхъ вмѣсто древней миѳологіи Грековъ, является совершенно другое направленіе въ разсказѣ. Замѣчательно, что въ началѣ многихъ изъ вышеприведенныхъ городовъ *τὸ θηρίον* огромный крылатый змѣй, влюбленный въ дѣвушку, или просто заступившій какой-нибудь проходъ, чрезъ который лежитъ путь, умерщвляетъ всѣхъ, кто осмѣливается показаться тутъ. Это олицетвореніе разбойника, Гайдука. Вспомнимъ *змаја од Ястребца*, *змља Горынича* и пр. Каждое народное сказаніе облекается въ поэтическую форму. Мы удивляемся пластичности этихъ формъ, оставленныхъ намъ классическою Греціею. Сказанія же Ѳессалійскихъ Грековъ облечены въ форму болѣе грубую, характеры ихъ совершенно чужды всему, что носитъ отпечатокъ Греціи, напоминаютъ скорѣе сѣверъ, нежели игривое воображеніе юга. Самыя народныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ не что иное, какъ перифразъ пѣсенъ южныхъ Славянъ относительно ихъ характера.

Digitized by Google

нераторской короны и на долгое время утвердилъ чисто-Славянскую династію въ В. Р. имперіи [1].

Генеалогамъ, которымъ Багрянородный поручилъ описать жизнь и дѣянія своего предка, казалось вовсе неприличнымъ давать царствующему дому столь низкое происхожденіе. Посему они весьма обстоятельно повѣствуютъ, ссылаясь на какіе-то, имъ однимъ извѣстные источники, что Василій Македонецъ по отцу происходилъ отъ царственнаго Армянскаго поколѣнія Варшакидовъ, по матери же отъ Великаго Константина, и вообще велъ родъ свой отъ Александра Македонскаго. Еще въ самомъ юномъ возрастѣ, когда семейство его занималось полевыми работами, во время взятія Адріанополя Крумомъ, Василій въ пеленахъ былъ отправленъ въ Болгарію вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Есть преданіе, что во время жатвы, сначала орелъ, потомъ пророкъ Илія предсказали матери о скорой беременности и о рожденіи царственнаго младенца.

Первые годы Василія протекли въ нуждѣ и лишеніяхъ. Въ юношѣ зародилась мысль попытать счастіе въ Царьградѣ. Бѣдность заставила его пѣшкомъ пуститься въ путь, и, достигнувъ Константинополя, изнуренный, онъ провелъ первую ночь у городской стѣны, на помостѣ монастырской церкви. Его молодость, его сила расположили къ нему монастырскую братію. Ефремъ Византійскій говоритъ, что онъ былъ сложенія крѣпкаго, ловкій, жилистый, осанистый, румяный, привѣтливый, съ густыми волосами, съ доброю душою и рѣдкимъ природнымъ умомъ [2]. Съ такими качествами въ Константинополѣ можно было всего надѣяться. Чрезъ посредство иноковъ, Василій опредѣлился просто въ услуженіе къ одному придворному вельможѣ, въ короткое время успѣлъ получить полное его довѣріе, имѣлъ случай выказать при-

---

[1] За исключеніемъ царствованій Никифора Фоки и Іоанна Цимійскія, успѣвшихъ въ слѣдствіе политическихъ переворотовъ на время занять престолъ Византіи, — Славянская династія Василія Македонскаго управляла имперіей съ 866 до 1034 г., слѣд. 156 лѣтъ.

[2] Ephraemius Byzantinus. Ed. Bonn. p. 111.

Digitized by Google

сутствіе духа, всю силу своего характера и твердый, положительный умъ. Быстро пошло его повышеніе, такъ что въ 866 году Императоръ Михаилъ сдѣлалъ его своимъ соправителемъ, а въ слѣдующемъ, мы видимъ его самого на престолѣ Византійскомъ.

Уже при *Михаилѣ* императорскій дворъ, сенатъ и высшія государственныя должности были заняты Болгарами и другими Славянами [1]. Явленіе же Василія укрѣпило слишкомъ на полтора вѣка перевѣсъ Славянскаго элемента. Впрочемъ придворные и ученые не такъ ясно говорили о Василіѣ-Славянинѣ, потому что, какъ мы выше видѣли, они силились производить его отъ Македонскаго героя. Подробности его происхожденія были такъ извѣстны, что истина не замедлила перейти къ Арабскимъ писателямъ. Такъ напр. въ лѣтописи *Гамзы Испаханского*, подъ рубрикой *Василій Македонскій*, читаемъ слѣд. мѣсто: «потомъ царство перешло къ Славянской династіи, потому что Славянинъ Василій умертвилъ *Ал-Мотаца* (Михаила) въ 253 году (867 по Р. Х.) [2].»

Василій, не смотря на свою необразованность, былъ человѣкъ съ сильною волей, съ энергически-мощнымъ характеромъ. Качества эти не перешли однакожъ къ его наслѣдникамъ. Левъ Философъ, хотя и обладалъ большою ученостію, былъ въ управленіи слабъ, недѣятеленъ. Другой сынъ Василія, Александръ, преданный разврату, излилъ всѣ свои богатства и почести на любимца своего, именемъ Василича, изъ Славянъ [3]. Притомъ Александръ имѣлъ намѣреніе обойдти братанича своего и назначить Василича преемникомъ трона.

Къ счастію племянника, дядя умеръ, и семилѣтній Константинъ Порфирородный, сначала подъ опекой матери своей Зои, потомъ тестя своего Романа, вступилъ на престолъ.

---

[1] Славянинъ Даміанъ былъ В. Постельникъ и Патрицій. — *Ὁ Παρακοιμώμενος Δαμιανὸς κατρίκιος τῷ γένει Σκλάβος.* — Vita Basilii Maced. XVI.

[2] J. Reiske, comment. ad Const. Porphyrogeniti Ceremoniale Aulae Byzantinae. p. 142 Ed. Lips. 1754.

[3] *....Βασιλίτζην τὸν ἀπὸ Σκλαβισίαν...* Vita Alexandri etc. cap. II.

Digitized by Google

Съ Константиномъ и предшественникомъ его Львомъ Философомъ началась въ Византіи собственно эпоха писательства. Тема государей-писателей была обыкновенно одна и та же: прошедшая судьба или будущее благоденствіе государства и царствующаго дома. Здѣсь не мѣсто подробно разбирать дошедшія до насъ сочиненія Константина. Скажу только, что въ нихъ есть въ высшей степени замѣчательныя указанія, о которыхъ у другихъ лѣтописцевъ нѣтъ и помину. Именно Руссы οἱ Ῥῶς и вообще южные Славяне впервые являются въ сочиненіяхъ Константина на сцену, впервые выставлены съ свѣтлой и темной стороны ихъ быта. «Ненасытимое корыстолюбіе составляетъ главную черту характера Скиѳскихъ народовъ. Приводятъ все въ дѣйствіе, берутъ все, и съ каждымъ пріобрѣтеніемъ корысть ихъ безмѣрно ростетъ. За самыя ничтожныя услуги требуютъ безстыдно возмездія. Изъ нихъ всѣхъ нахальнѣе Хазары, Венгры и Руссы, которые толпою приходятъ въ Константинополь собственно для того, чтобы подъ ничтожнымъ предлогомъ выманить изъ царской одежницы вышитыя ткани, короны и пр., или же вывѣдать государственную тайну Греческаго огня»[1].

Въ то время, когда Константинъ писалъ свои фоліанты (950), большая часть Славянскихъ племенъ были язычниками. Христіанство еще не успѣло обуздать ихъ дикія стремленія, особенно Руссовъ. Кіевъ, τὸ Κίαβον, Κιοάβα, — Константинъ называетъ митрополіей и средоточіемъ безпокойныхъ, неукротимо къ югу стремящихся Ῥῶς.

Богатая Византія была для нихъ всегда лакомою приманкою, и если бы воинственныя племена Туркестана и Кипчака, если бы Печенѣги, Уцы, Половцы и, наконецъ, Татары не *заняли устій* Днѣпра, нынѣшней Молдавіи и вообще береговъ Евксинскаго Понта, то нѣтъ сомнѣнія, что независимость Восточной имперіи не устояла бы отъ нашествій Руссовъ. Упомянутыя племена живой преградой возставали между Кіевомъ и Византіей, способствуя такимъ образомъ

[1] Const. Porph. de Admin. Imperio. Cap. 13. p. 81.

Digitized by Google

къ продолженію политической жизни послѣдней. Византійская политика X вѣка всѣми силами старалась поддержать этотъ живой оплотъ. Чтобы уничтожить его и устранить всѣ препятствія, нужно было 900 лѣтъ тяжкихъ трудовъ и терпѣнія. Заключалось ли съ Греціей перемиріе, — неуживчивые Руссы тутъ же обращали свое оружіе на Славянскія племена, обитавшія къ сѣверу и западу отъ Кіева: на *Бербіанъ*, *Другобитовъ*, *Сербовъ*, *Кривичей* и на другія, имъ соплеменныя и платящія имъ подать [1]. Они никогда не оставались въ покоѣ. Всю страну отъ Кіева вверхъ по Днѣпру до Новгорода (Νεμογαρδ) и внизъ до жилищъ *Франговъ* за Эльбу, Багрянородный называетъ *Склавиніей*, Σκλαβίνιας, населенную *Другубитами*, *Ленцанами*, *Кривичами*, *Сербами* и пр. [2]

Названіе *Склавиніи* носитъ также страна, простирающаяся между моремъ Эгейскимъ вдоль по западной сторонѣ рѣки Марицы, отъ южнаго Дуная до Адріатическаго моря. Въ это пространство входила Македонія и Θессалія. *Названіе же Славиніи* носила эта страна еще въ VII в. до прибытія и водворенія тамъ Болгаръ. У Солуни находимъ Драгубитовъ и Салудатовъ; въ Θессаліи и ея сосѣдствѣ — Белегецайтовъ, Баюнитовъ и Берзитовъ; въ Мессиніи — Кривичей; на Тайгетѣ — Миленговъ; въ Эвротской долинѣ — Езеритовъ, а въ большей части Иллирика — Сербовъ. Въ Элидѣ, Аркадіи, Лаконіи, Чаконіи и на всемъ Пелопонезѣ являются племена подъ общими названіями — Σκλάβοι, Σκλαβίνοι, Σκλαβισιάνοι. Оно такъ и было, хотя никто не вѣритъ этому, и мнѣ первому пришлось на долю разъяснить истину. Но хронологія этихъ переворотовъ такъ неясна и запутана, что съ большимъ трудомъ нужно пробиваться сквозь ея сѣти.

---

[1] *Εἰς τὰς Σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ τῶν Σερβίων καὶ Κριβιτζῶν, οἵτινες εἰσὶ πακτιῶται τῶν Ῥῶς.* de Adm. Imp. C. 9. Здѣсь подразумѣвается не Дунайская Сербія, но страна, за Карпатами лежащая, откуда они вышли.

[2] Const. Porphyr. de Adm. Imp. C. 9.

Digitized by Google

Многіе спросятъ: когда же эти ужасы разразились надъ поэтическою Элладой? Развѣ кромѣ Славянина-Багрянороднаго не было другаго лѣтописца ему современнаго, который бы упомянулъ объ этомъ самомъ предметѣ? — Невѣжество, или вѣрнѣе, нелѣпое самолюбіе заставило гг. лѣтописцевъ искажать исторію. Еще въ началѣ VI ст. при Юстиніанѣ I (527—565) исторически можно принять начало постояннаго движенія Славянъ за Дунай и осѣдлости ихъ на Византійской почвѣ [1].

Долго ратовали пришлецы на чужой землѣ, опустошая ее, какъ это видно по краткому, но ясному свидѣтельству Прокопія [2]. Потокъ этотъ съ Сѣвера достигъ Пелопонеза уже въ концѣ VI столѣтія.[3] Послѣднее нашествіе Славянъ,

---

[1] Geschichte der Halbinsel Morea. I. ч. с. 151—213.

[2] «Въ концѣ 531 г. т. е. 13-го Юстиніанова правленія, показалась на небѣ комета, какъ предвѣстница нападенія Гунновъ, Славянъ, Болгаръ, Антовъ, и Геппидовъ на Визан. имперію.» *Μέγα δὲ ἐυθὺς στράτευμα Οὐννικὸν, διαβάντες ποταμὸν Ἴστρον, ξυμπάσῃ Εὐρώπῃ ἐπέσκηψαν* и пр. Procop. de bel. Persico, l. II, c. 4. «Вдругъ безчисленное войско Гунновъ, перешедъ Дунай, сдѣлало нападеніе на всю Европу» (т. е. на Иллирійскій полуостровъ по Прокопію).

Извѣстія Прокопія о нападеніяхъ съ Сѣвера Слав. народовъ см. также: кн. III, гл. 14, 29, 38, 40, кн. IV. гл. 25 de bello Gothico. Далѣе въ *Ἀνέκδοτα* или *Тайныхъ запискахъ*, гл. 18 у Менандра de legat. кн. II и VIII (стр. 164 Париж. изд.) — *Κεραϊζομένης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Σκλαβηνῶν.*

[3] Т. е. между 584 — 593 г. въ царств. Маврикія Каппадока. Войны съ Сассанидами до того обезсилили имперію, что предшественникъ Маврикія, Тиберій II, будучи не въ силахъ выдержать напоръ Аваровъ и Славянъ, по Дунаю осѣдлыхъ, ничего болѣе не могъ имъ противоставить, какъ просьбы, терпѣніе и униженіе. Бѣдствія — говоритъ Визант. дипломатъ Менандръ — понеслись со всѣхъ сторонъ на Грецію. Во Оракіи явилось 100,000 Славянъ, и въ то же время другія ихъ толпы явились въ другихъ мѣстахъ на произволъ оставленной Греціи, и никто не защищался. (*Μετὰ δὲ τὸ τέταρτον ἔτος Τιβερίου Κωνσταντίνου Καίσαρος ἐν τῇ Θράκῃ ξυνηνέχθη τὸ Σκλαβηνῶν ἔθνος μέχρι ποῦ χιλιάδων ἑκατόν,*

Digitized by Google

направленное къ Коринѳскому перешейку, съ достовѣрностію

Θράκην καὶ ἄλλα πολλὰ ληΐσασθαι. Menand. de legat. l. II, p. 84, Edit. Venet. — *Κεραϊζομένης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Σκλαβηνῶν καὶ ἀπανταχόσε ἀλλ' ἐπ' ἀλλήλων ἐπηρτημένων τῶν κινδύνων. Ὁ Τιβέριος οὐδαμῶς δύναμιν ἀξιόμαχον ἔχων. οὐδὲ πρός μίαν μοῖραν τῶν ἀντιπάλων μήτεγε πρὸς πᾶσαν.* Ibid. l. VIII. p. 110. Ed. Venet.). Все это такъ, отзовется критика, но гдѣ же здѣсь рѣчь о Пелопонезѣ? Пелопонезъ — глава и цитадель Греціи, — укрѣпленный Юстиніаномъ при Коринѳскомъ перешейкѣ, могъ бы легко остановить нашествіе варваровъ. (*Τὸν ἰσθμὸν ὅλον ἐν τῷ ἀσφαλεῖ ἐτειχίσατο· φρούρια δὶ ταύτῃ ἐδείματο, καὶ φυλακτήρια κατεδιήσατο· τούτῳ δέ τῷ τρόπῳ ἄβατα τοῖς πολεμίοις ἅπαντα πεποίηκεν εἶναι τὰ ἐν Πελοποννήσῳ χωρία.* Procop. de Aedif. IV, 2.) Но что Славяне въ это время перешли великую стѣну Ѳракійскаго полуострова, взяли Кассандру и прорвались чрезъ укрѣпленные Ѳермопилы, — противъ этого критики ничего не говорятъ. Они спрашиваютъ единогласно: гдѣ написано, что въ VI в. Славяне ворвались въ Пелопонезъ чрезъ Коринѳскій перешеекъ? Необходимость противнаго доказательства, — хотя мы далеки отъ упрека, — тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ болѣе вникаемъ въ смыслъ *Переписки папы Григорія В.*, *Церковной Исторіи схоластика Евагрія Антіохійскаго*, гдѣ находимъ, что именно около 584—593 гг. безчисленныя толпы варваровъ, движимыя корыстью, вышедши изъ отдаленной Славоніи, переходятъ Дунай, и въ одно время распространяютъ ужасъ по Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи, древ. Греціи, Албаніи, Истріи и Фріулю; являются у вратъ Солуни, опустошаютъ Адріанополь, и съ помощію Лонгобардскимъ мастеровъ строятъ корабли, чтобы лучше напасть на приморскіе города Далмаціи и въ случаѣ грозить самому Константинополю съ моря. (Le Beau, Hist. du Bas-Empire, ad ann. 593. — Gregor. Magn. ad Maximum Salonit. Episcop. l. x. Epist. 36. — Evagrius scholasticus. His. Eccles. l. VI, cap. 10). — Въ особенности патетическій цитатъ Евагрія весьма замѣчателенъ. Не смотря на это, гг. ученые мало обращали на него вниманія. «При сихъ обстоятельствахъ,» — продолжаетъ Евагрій, — «два раза Авары доходили до такъ называемой большой стѣны, взяли и опустошили Сингидунъ, Анхіалъ, и всю Грецію съ другими городами и крѣпостями, уничтожили и сожгли все.» Evagr. Hist. Eccles. l. VI,

Digitized by Google

можно отнести ко времени соцарствованія Константина

сар. 10. Но это, — скажутъ, — общія, отрывочныя выраженія, которыя въ сущности о Пелопонезѣ ничего не говорятъ. Съ нелѣпою усмѣшкою спрашивали даже, не есть ли *Ἑλλάδα*, о которой упоминается въ цитатѣ, какой-либо городъ, взятый, подобно Сингидуну и Анхіалу, приступомъ? Не надобно забывать, что географич. и топографич. картъ вовсе не было во время Евагрія, что подъ *Ἑλλάδα πᾶσαν* должно разумѣть и весь Пелопонезъ. Въ одномъ патріаршемъ донесеніи Алексѣю Комнину изъ конца XI ст. сдѣлана ссылка на грамоту Имп. Никифора (802 — 811), который, освободивъ жителей города Патръ, отъ осаждавшихъ ихъ Славяно-Аваръ, воздвигнулъ храмъ Св. Андрею. Это случилось, сказано въ донесеніи, въ 218 г. послѣ взятія Пелопонеза Аварами. (*Ἐν τῇ καταστροφῇ τῶν Ἀβάρων..... ἐπὶ διακοσίοις δέκα ἑπτὰ χρόνοις ὅλοις κατασχόντων τὴν Πελοπόννησον.* Leuncl. Jus Graeco-Romanum, pag. 278. Edit. Francof. 1596).—Если выключимъ указанное число лѣтъ изъ времени царствованія Императора Никифора, то событіе это должно отнести ко времени между 584 — 593 годами. (См. Geschichte von Morea, ч. I. ст. 183. — Славяне и Авары были синонимы у писателей того времени. У Конст. Багрян. ясно говорится: *οἱ ἐκεῖθεν τοῦ ποταμοῦ Σκλάβοι, οἱ καὶ Ἄβαροι καλούμενοι.* de Adm. Imp. c. 29, p. 127). Слѣд. изъ этого государственнаго акта можно вывести положительное заключеніе, что Пелопонезъ былъ завоеванъ и населенъ за 218 лѣтъ до пораженія при Патрахъ народомъ, вышедшимъ изъ Скиоіи, народомъ не христіанскимъ, говорившимъ совершенно другимъ языкомъ и неподчиненнымъ ни Акрокоринѳскому губернатору, ни Греческому правительству вообще. На это послѣднее положеніе противники ничего не отвѣчаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ позднѣйшихъ хронистовъ, котораго рукопись хранится въ Туринскомъ архивѣ, почерпнулъ изъ того же источника свое сказаніе о конечной славянизаціи Пелопонеза и о построеніи Монемвасіи. Разница только въ томъ, что въ Турин. рукописи время вторженія Славянъ показано подъ 588 годомъ, т. е. шестымъ царст. Имп. Маврикія, пораженіе же при Патрахъ подъ 805 г., т. е. четвертымъ царст. Имп. Никифора. Сверхъ того, въ хроникѣ этой сказано, что во время великой Аварской войны при Имп. Маврикіѣ, Ѳессалія, Эллада, Аттика и Эвбея имѣли одинакую съ Пелопонезомъ судьбу, а именно: кто не могъ спастись бѣгствомъ,

Digitized by Google

Багрянороднаго и Романа Лакапина (между 920 и 944 годами) [1].

Такимъ образомъ, главною точкою отправленія славянизаціи Пелопонеза будетъ сраженіе при Патрахъ, о которомъ, какъ Патріархъ Николай (XI ст.), такъ и Константинъ Багрянородный (X ст.) единогласно свидѣтельствуютъ, согласуясь и во времени, и въ мѣстности, и въ обстоятельствахъ, и въ слѣдствіяхъ [2]. Разница въ томъ, что по свидѣтельству перваго, Авары поселились въ Полопонезѣ 218 годами ранѣе, т. е. въ концѣ VI ст., по сказанію же втораго — только въ срединѣ VIII ст., именно въ правленіе Копронима Пелопонезъ *ославянился и содѣлался варварскимъ*. Оба эти свидѣтельства въ сущности ни чуть не противорѣчатъ другъ другу, ибо, болѣе или менѣе, раньше или позже, Славяне населили Морею, лишь бы дѣло это было вѣрно, лишь бы сомнѣніе исчезло. Впрочемъ, не безъ основанія замѣтили мнѣ, что, по сказанію Императора, Славяне сдѣлали сначала нападеніе на *жилища съ сосѣдствъ находившихся Грековъ*, затѣмъ пошли на Патры, обложили ихъ и начали осаду,

---

падалъ подъ остріемъ меча, а пришлецы, занявъ мѣста старожиловъ, до времени битвы при Патрахъ., оставались независимы отъ *Римскаго Императора*. Только на неприступныхъ утесахъ Чаконіи успѣли нѣкоторые спастись отъ нашествія Славянъ. — *Σθλαβινου ἔθνους*. (.... *ὁ δὲ Χαμνός* — ханъ—*λύει σπονδὰς αἰτῶν ὑπέρογκα καὶ ἐχειρώσατο Θετταλίαν, Ἑλλάδα, Ἀττικὴν καὶ Εὔβοιαν, καὶ Πελοπόννησον· καὶ καταφθείραντες τὰ γένη, κατῴκησαν αὐτοὶ ἐν αὐτῇ. οἱ δὲ δυνηθέντες ἐκφυγεῖν διεσπάρησαν. ....Τοίνυν οἱ Ἄβαροι κατασχόντες τὴν Πελοπόννησον ἐπὶ χρόνους σιη* (218) *μήτε τῶν Ῥωμαίων βασιλεῖι, μήτε ἑτέρῳ ὑποκείμενοι, ἦγουν ἀπὸ τοῦ* 6096 (588 по Р. Х.) *ἔτους τῆς τοῦ κοσμου κτήσεως, ὅπερ ἦν ἕκτον ἔτος τῆς βασιλείας Μαυρικίου καὶ μέχρι τοῦ τριακοστοῦ τρεῖς καὶ δεκάτου ἔτους, ὅπερ ἦν ἕτος δ' τῆς βασιλείας Νικηφόρου τοῦ παλαιοῦ*.... Codex 336, fol. 1. Bibliothec. Turin. vide Pasini, Catalog. MSC. Turin.).

[1] *Εἰσῆλθον οἱ Σκλαβησιανοὶ ἐν τῷ θέματι Πελοποννήσου*, Const. Porph. de Adm. Imp. C. 50. [2] Ibid. C. 49.

Digitized by Google

По этому, — говорятъ мои противники, — были же Византійскіе Греки въ Пелопонезѣ и въ особенности въ древней *Ахаіи*, которые въ состояніи были ратовать съ Славянами при Патрахъ. Въ этомъ смыслѣ текста нѣтъ никакого сомнѣнія [1]. Франки, приставъ (1205 г.) къ Пелопонезу, застали также древнее названіе Ахаіи, между тѣмъ какъ всю остальную часть полуострова не называли иначе, какъ Славянскимъ именемъ: *Морея* [2].

Мирное совмѣстничество (отъ 600 до 800 г.) двухъ, другъ другу совершенно чуждыхъ, племенъ на Пелопонезской почвѣ, одного слабаго, другаго сильнаго, конечно, было бы невозможно. Возраженіе же, что Скиѳскіе завоеватели никогда не достигали степени политической самостоятельности, а напротивъ, во всѣ времена были подданными Императоровъ, — это возраженіе неосновательно, потому что въ упомянутомъ патріаршемъ донесеніи ясно говорится: «они (пришлецы) такъ были отдѣлены отъ Римской власти, что ни одинъ Римлянинъ не смѣлъ ступить на ихъ землю» [3].

Какимъ-то наслѣдственнымъ, по преданію, правиломъ Византійской политики было, что царствующему на Босфорѣ необходимо должна быть подчинена и остальная Греція, на томъ основаніи, что вся эта страна составляла одинъ языкъ. Мнѣніе же Гризбаха, заимствованное имъ у Пуквилля, что на всемъ береговомъ пространствѣ Ѳракіи и Македоніи Греческое племя и языкъ преобладаютъ съ древнѣйшихъ временъ, — неосновательно [4]. Отъ устья Морицы внизъ до Лѣонской горы,

---

[1] .....*Πρῶτον μὲν τὰς τῶν γειτόνων οἰκίας τῶν Γραικῶν ἐξεπόρθουν....* — *κατεμήνυσε* (военачальникъ Коринѳа) *τῷ βασιλεῖ Νικηφόρῳ τὴν τὲ ἔφοδον τῶν Σκλαβηνῶν καὶ τὴν προνομὴν καὶ αἰχμαλωσίαν καὶ ἀφανισμὸν καὶ τὴν λεηλασίαν καὶ τ' ἄλλα δεινὰ ὅσα καταδραμόντες ἐποίησαν εις τὰ μέρη τῆς Ἀχαΐας.* Тамъ же.

[2] Chronique de la Morée. Edit. Buchon.

[3] *Καὶ τῆς Ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς ἀποτεμομένων ὡς μηδὲ πόδα βαλεῖν ὅλως δύνασθαι ἐν αὐτῇ Ῥωμαίων ἄνδρα.* Leunclav. Ibid.

[4] Reise durch Rumelien. ч. II, стр. 65.

Digitized by Google

еще въ половинѣ VII вѣка, берегъ былъ населенъ Славянами, а большая дорога — via Egnatia — отъ Константинополя до Солуня — была вся обсѣлена Славянскими выходцами. Именно Стримонскіе и Рунхинскіе Славяне, живя вокругъ Филиппы и Амфиполиса, гдѣ, между прочимъ, и нынѣ находятся Славянскія населенія большой и малой Орсовы, и занимаясь на своихъ монокспахъ морскими набѣгами на близъ лежащія острова и на Геллеспонтъ, нерѣдко бывали сильною подпорой своимъ единоплеменникамъ, помогая имъ нападать на Солунь съ моря [1].

Чтобы очистить отъ грабежа эту дорогу и возстановить Солунскую торговлю, Константинъ II выступилъ въ 658 г. лично противъ *Славоніи*, *побѣдилъ и многихъ плѣнилъ* [2].

Походъ этотъ на Славянское населеніе былъ, такъ сказать, наступательнымъ. Впрочемъ нельзя допустить, чтобы это движеніе Византійцевъ подѣйствовало на Славянъ и остановило ихъ непріязненныя покушенія: мы видимъ ихъ въ то же самое время и еще позднѣе осаждающихъ укрѣпленный Солунь съ моря и съ суши [3]. Юстиніанъ II Ринотметъ (съ 685 — 695, и потомъ съ 705 — 711) пошелъ далѣе Констанція II: онъ пробился сквозь Славянскія населенія къ самому Солуню, освободилъ Эмпоріумъ, разбилъ и подчинилъ себѣ *Стримонцевъ*, *Рунхинцевъ и дру-*

---

[1] Runchini vero, qui illis (Drugubitis) accesserant, mari per navigia accesserunt. Tafel, de Thessalonica, pag. LXXXVIII. — Otii vero impatientes Strymonii et Runchini nautas plurimas, qui devehendo Constplin frumento vacabant, inter eos, qui insulas atque Hellespontum habitabant, expoliantes, ipsam Propontidem ingressi sunt. Ubi vastata Parii et Proconnesi regione, usque ad portorium urbis regiae navigant; denique praeda onusti multisque navigiis aucti, casas suas Macedonicas repetunt. (Ibid. p. XCII.).

[2] Это повѣствуетъ Θеофанъ въ своей хроникѣ, но коротко и не ясно: *Τοῦτῳ τῷ ἔτει ἐπεστράτευσεν ὁ Βασιλεὺς κατὰ Σκλαβινίας, καὶ ᾐχμαλώτισε πολλοὺς* и пр. стр. 229.

[3] Срвн. Тафель стр. LXXXIII — CIV.

Digitized by Google

гія Славянскія племена, — о чемъ повѣствуетъ, также коротко, землякъ Ѳеофана Никифоръ Константинопольскій [1].

Юстиніанъ II, чтобы обезпечить имперію навсегда со стороны Славянскаго населенія, переселилъ часть покоренныхъ имъ Славянъ на Азіатскую сторону Геллеспонта. Колонисты эти были вѣроятно весьма многочисленны, если взять въ соображеніе, что Императоръ выбралъ изъ нихъ 30,000 воиновъ и снарядилъ изъ нихъ цѣлый корпусъ, воевавшій вмѣстѣ съ легіонами имперіи противъ Арабовъ [2]. Остальныхъ заставилъ также удалиться отъ береговъ Эгея, вверхъ по Струмѣ въ горы, о чемъ говоритъ и Константинъ Багрян. (de Themat. l. II. 3) Славянскія названія побережныхъ селъ и въ Халкидикѣ, по дорогѣ изъ Солуня на Аѳонъ, остаются тѣ же и до настоящаго времени. Языкъ же уступилъ мѣсто Греческому. Касательно переселеній изъ Европы въ М. Азію, послѣдующіе за Юстиніаномъ II Императоры не упускали этой мѣры изъ виду, и послѣ каждой побѣды, нагрузивъ суда плѣнными, переправляли ихъ на противоположный берегъ Азіи. Не смотря на эти средства Византійской политики, имперіи не удавалось вполнѣ остановить стремленіе и удалить Славянъ. Пока христіанская религія, озаривъ ихъ своимъ свѣтомъ, не остановила ихъ буйной храбрости, они не переставали возобновлять бой съ Византіей; такъ напр. Константину Копрониму (741 — 775) нужно было употребить всю свою силу, чтобы остановить возстаніе Македонскихъ Славянъ, еще прежде усмиренныхъ Ринотметомъ, и походъ 758 г. противъ нихъ былъ удаченъ [3].

---

[1] Nicephor. Patriarch. Hist. Byzant. pag. 19. Edit. Venet.).

[2] *Οὗτος Σθλαβικῶν βαρβάρων ἀποκρίνας ἡβῶντας ἄνδρας, ὁπλιτάς ῥωμαλέους, φονικὸν ἐκπνέοντας Ἄρην ἐν μάχαις, ἐς χιλιάδας τρὶς δέκ' ἀριθμουμένους, νέον συνεστήσατο σύνταγμα φίλον, λαὸν περιούσιον αὐτὸ καλέσας.* Ephraemius Byzant. p. 69. Edit. Venet.).

[3] *Τούτῳ τῷ ἔτει Κωνσταντῖνος τὰς κατὰ Μακεδονίαν Σκλαβινίας ἐχμαλώτισε, καὶ τοὺς λοιποὺς ὑποχειρίους ἐποίησεν.* Theoph. pag. 361.

Digitized by Google

Досадно подумать, какъ мало обращали вниманія лѣтописцы Греческіе на Славянскія дѣла. Такъ и здѣсь хронографъ Ѳеофанъ, свидѣтель перваго великаго похода, предпринятаго, по приказанію Императрицы Ирины (780—802), противъ Славянъ Ѳессаліи, внутренней Греціи и Пелопонеза, — только слегка упоминаетъ объ немъ. Ирина, Аѳинянка по мѣсторожденію, лучше своихъ предшественниковъ знала состояніе Греціи, и потому, собравъ войско по Ѳессаліи и Македоніи, поручила Патрицію Ставракію (783) идти *противъ Славянскихъ народовъ*. Куда же отправился Византійскій военачальникъ, чтобы усмирить этихъ *Славиновъ*? Ѳеофанъ говоритъ только, что «Ставракій вступилъ въ Ѳессалію и Элладу, и поработивъ всѣхъ, принудилъ платить подать имперіи. Проникнулъ даже въ Пелопонезъ, гдѣ многихъ полонилъ и большую добычу Римскому государству доставилъ[1].»

Вотъ все, что говоритъ Ѳеофанъ объ этомъ великомъ, по нашимъ Европейскимъ понятіямъ, событіи Византійской исторіи. Бывши очевидцемъ тріумфальнаго вшествія въ столицу Ставракія и плѣненныхъ имъ Славянскихъ князей, грамотный монахъ даже не вздумалъ записать, по крайней мѣрѣ, имена этихъ послѣднихъ. И въ этомъ отрывочномъ извѣстіи, не ясно ли показываетъ Ѳеофанъ, что древняя, классическая Эллада, и даже Пелопонезъ, были во власти *народа племени Славянскаго?* что этотъ народъ не былъ подчиненъ Императору, и не платилъ ему дани? что противъ него было нужно послать сильное войско, чтобы привести въ податную

---

[1] *Ἀποστέλλει Σταυράκιον τὸν πατρίκιον.... μετὰ δυνάμεως πολλῆς κατὰ τῶν Σκλαβίνων ἐθνῶν. Καὶ κατελθὼν ἐπὶ Θεσσαλίαν καὶ Ἑλλάδα ὑπέταξε πάντας, καὶ ὑποφόρους ἐποίησε τῇ βασιλείᾳ, εἰσῆλθε δὲ καὶ ἐν Πελοποννήσῳ καὶ πολλὴν αἰχμαλωσίαν καὶ λάφυρα ἤγαγε τῇ τῶν Ῥωμαίων βασιλείᾳ.* Theoph. Chronograph. p. 306. (Edit. Venet.). Въ текстѣ вмѣсто *Θεσσαλία* стоитъ ошибочно *Θεσσαλονίκη*, — объ этомъ весьма основательно замѣтилъ Тафель, стр. CVI, замѣч. 84 и на стр. XXII, замѣч. 29.

Digitized by Google

зависимость отъ имперіи? — Если же военачальникъ Ставракій выступилъ противъ *Славянскихъ племенъ* съ цѣлію покорить ихъ, если онъ, для достиженія этой цѣли, долженъ былъ исполосить всю Θессалію, Элладу и Пелопонезъ,— не прямое ли, не естественное ли изъ этого заключеніе, что всѣ эти страны были тогда во власти независимыхъ Славиновъ, —ἐσλαβώθη πάσα ἡ Πελοπόννησος καὶ ἐγένετο βάρβαρος.— Багрянородный правъ, сами видите. — Безъ сомнѣнія, намъ желательно было бы знать также, какъ далеко проникнулъ въ Пелопонезъ Ставракій; какія были сдѣланы распоряженія, чтобы упрочить навсегда зависимость провинцій: но объ этомъ Θеофанъ не говоритъ ни слова. Но что этотъ походъ Ставракія не имѣлъ никакихъ прочныхъ и выгодныхъ послѣдствій для имперіи, показываетъ всеобщее возстаніе Пелопонезскихъ Славянъ и упомянутая выше осада города Патръ при Никифорѣ I (807). [1]

Изъ упомянутаго патріаршаго донесенія видно, что, до битвы при Патрахъ, Греки находились въ миролюбивыхъ сношеніяхъ съ Славянами Пелопонеза. Но какія послѣдствія эта битва имѣла на мѣста, населенныя Славянами, — неизвѣстно. Положительно знаемъ только, что вся западная страна Морей, т. е. долина *Элиды*, округъ *Мессеніи* съ частію *Аркадіи* и *Ахаіи* — земли, принадлежавшія Патрасской епархіи, гдѣ и въ настоящее время множество городовъ и мѣстечекъ сохранили Славянскія названія, — все это пространство платило подать храму Св. Андрея. Да и въ самомъ Византійскомъ сократителѣ развѣ не ясно сказано, что около 1,000 года, древнія названія *Пизатовъ*, *Кавконовъ* и *Пилієвъ* пониже рѣки Алфея, совершенно исчезли, и на ихъ мѣсто появились Славянскія [2].

---

[1] Geſchichte der Halbinſel Morea. Ч. I, с. 218. Городъ хотѣлъ уже сдаться, и переговоры объ условіяхъ были заключены.

[2] *Νῦν δὲ οὐδὲ ὄνομα ἐστὶ Πισατῶν, καὶ Καυκόνων, καὶ Πυλίωνε ἅπαντα γὰρ ταῦτα Σκύθαι νέμονται.* — Geograph. vet. script. Graeci minor. Vol. II, p. 98.

Digitized by Google

Скиоы эти тѣ самые, которые, побѣжденные помощію Св. Андрея, содѣлались данниками его митрополіи. Никифоръ I, бывши, какъ извѣстно, до восшествія своего на престолъ, министромъ финансовъ, умѣлъ выгодно воспользоваться побѣдой надъ Пелопонезскими Славянами. Кромѣ дани Св. Андрею, они обязаны были платить также извѣстную сумму ежегодно и стратегамъ, главнымъ государственнымъ чиновникамъ, и содержать всѣхъ своихъ представителей, которые, въ видѣ заложниковъ, имѣли жительство въ Патрахъ. Для этой цѣли, Славяне долженствовали имѣть своихъ поставщиковъ съѣстныхъ припасовъ, поваровъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые искусны были въ приготовленіи разныхъ блюдъ. Митрополіи не было дѣла до ихъ содержанія, но всѣ эти расходы должны были держать *Склавины*, и общими силами, поколику каждому возможно было, содержать своихъ представителей — амапатовъ [1].

Чтобы предупредить и устранить разнаго рода злоупотребленія, Левъ Философъ особою грамотой приказалъ записывать и держать строгій отчетъ даже и въ мелочахъ дани, которую Патрасскіе Славяне платили Митрополиту. Въ теченіе 20-ти лѣтъ Славяне эти несли терпѣливо ярмо Византіи. Но въ правленіе Θеофила I послѣдовало общее ихъ возстаніе на всѣхъ пунктахъ Пелопонеза, и стремясь снова къ независимости, они стали грабить, жечь, брать въ плѣнъ, даже до временъ правленія наслѣдника Θеофила — Михаила (Винолюбца). Нужно было потушить это возстаніе. Для этой цѣли былъ высланъ протоспатарій Теокритосъ, которому

[1] *Ἐκ τότε δέ οἱ ἀφορισθέντες Σκλαβήνοι ἐν τῇ μητροπόλει καὶ τοὺς στρατηγοὺς καὶ τοὺς βασιλικοὺς καὶ πάντας τοὺς ἐξ' ἐθνῶν ἀποστελλομένους πρέσβεις ὡς ὁμήρους διατρέφουσιν, ἔχοντες ἰδίους καὶ τραπεζοποιοὺς καὶ μαγείρους καὶ πάντας τοὺς παρασκευάζοντας τὰ τῆς τραπέζης βρώματα, τῆς μητροπόλεως εἰς ταῦτα μηδὲν καινοτομουμένης, ἀλλ' αὐτὰ οἱ Σκλαβηνοὶ ἀπὸ διανομῆς καὶ συνδοσίας τῆς ὁμάδος αὐτῶν ἐπισυνάγουσι τὰς τοιαύτας χρείας.* — Const. Porph. de Admin. Imp. Cap. 49 (на концѣ).

Digitized by Google

удалось остановить дальнѣйшее распространеніе возстанія. Одни только *Езериты* и *Миленги* въ странѣ Лакедемона и Гелоса, т. е. въ долинѣ Еврота и по отлогостямъ горъ Майны, не были подвержены нападеніямъ Теокрита. Потому что, въ этой странѣ, говоритъ Багрянородный, находится крутая, непроходимая, далеко вдавшаяся въ море гора, называемая Пентадактилосъ (Тайгетъ). На одной сторонѣ ея утесистой отлогости живутъ *Миленги*, на другой же *Езериты* [1]. Теокритосъ могъ бы также подчинить Славянъ Спартанскихъ, если бы они согласились добровольно платить ежегодную дань: Миленги 60, а Езериты 300 золотыхъ [2].

Вся 50 глава de Administratione Imperii, какъ бы на зло гг. Эллиноманамъ, посвящена разсказу о Славянскомъ населеніи Евротской долины и Спартанскаго Тайгета. Поэтому легко понять можно, почему на прилежащихъ мѣстахъ Спарты, на отлогостяхъ горъ и ущеліяхъ Пентадак-

---

[1] *Ἔζερο, Ἰέζερο, Ὄζερο* — Славянское названіе Греческаго *Ἕλος*— болото, низменное мѣсто, стоячая вода. Здѣсь оно означаетъ извѣстную плодоносную, прибрежную долину и обильную водами низменность нижне-Евротскую, особенно то мѣсто устья, которое Греки называли *Ἕλος*. Народное названіе *Миленги*, которымъ именовались горные Славяне Мессинской отлогости Тайгета, объяснить трудно. Даже Шафарикъ, первый знатокъ языковъ Славянскихъ, Византійскихъ Μιλίγγοι не называетъ иначе, какъ *Миленцами*, *Милинцами*, *Мильчами* или *Мильчанами*, а *Ἐζερῖται* — всюдѣ *Езерцами*. Впрочемъ знаменитый славянистъ прямо указываетъ на *Россію*, *какъ родину и колыбель Пелопоневскихъ Миленцевъ* (II, 233—234). — «что народныя и мѣстныя названія Греціи перенесены сюда изъ сѣверо-восточныхъ странъ Славянской земли, съ Ильменскаго озера, Днѣпра, Зап. Двины и Оки, — нѣтъ никакого сомнѣнія. Большая часть населенія Греціи, въ теченіе средневѣковаго времени, были Славяне, потому что не только названія людей, но и городовъ, селъ, горъ и рѣкъ были чисто-Славянскія.»

[2] *Ἰστέον ὅτι τοῦ θέματος Πελοποννήσου Σκλάβοι ἐν ταῖς ἡμέραις τοῦ βασιλέως Θεοφίλου καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Μιχαὴλ ἀποστατήσαντες γεγόνασιν ἰδιόρρυθμοι, λῃλασίας καὶ ἀνδραποδισμοὺς καὶ πραίδας καὶ ἐμπρησμοὺς καὶ κλοπὰς ἐργαζόμενοι.*

Digitized by Google

тила до самаго Матапанскаго мыса, все носитъ еще названія чисто Славянскія, и даже во многихъ именахъ слышатся Славянскіе звуки. Взгляните изъ любопытства на Французскую Carte de la Morée (на 8 листахъ), вы насчитаете до 153 названій чисто Славянскихъ по Тайгету и обѣимъ сторонамъ Еврота [1]. Если же кто сомнѣвается въ Славянскомъ значеніи мѣстныхъ названій, какъ-то: *Косова*, *Левщова*, *Половица*, *Варсава*, *Сицова*, *Горица*, *Кривица*, *Сагань* и *Трикоцова*, — то можетъ оставить все это въ сторону и не ломать головы для приведенія своихъ доказательствъ.

Касательно Славянскихъ фамильныхъ названій ниже будемъ имѣть случай привести достаточныя доказательства. Тѣмъ болѣе необходимо обратить на это обстоятельство полное вниманіе, потому что оно наведетъ насъ на другое, болѣе важное открытіе; а именно: что въ половинѣ XV ст. горцы Майны говорили еще по-Славянски, и слѣдовательно, между Пелопонезскими Славянами долѣе всего удержался языкъ Сарматскій въ племени, населявшемъ древне-Спартанскую землю. Описанія Багрянороднаго, современныя почти самому дѣлу славянизаціи Тайгета и Евротской долины, не нашли еще себѣ настоящихъ цѣнителей, а которые и изучали его сочиненія, то превратными толкованіями давали имъ совершенно другой смыслъ, затемняя истину.

Царственный писатель былъ уже на престолѣ съ соправителемъ своимъ Романомъ, когда Миленцы и Езеряне, наскучивъ платить легкую дань имперіи, отказываютъ послѣдней въ этой повинности и обращаются въ независимую Морейскую общину [2]. Константинъ описываетъ гнѣвъ

---

[1] Подробный списокъ этихъ именъ см. въ соч. Ueber den Einfluß der Besitzung Griechenland's durch die Slaven,—рѣчь, читанная Фальмерайромъ въ Минхенской Академіи Наукъ въ 1835 году, стр 73.

[2] *Ἰωάννης ὁ Πρωτεύων ἐν τῷ αὐτῷ θέματι Πελοποννήσου ἀνήγαγε πρὸς τὸν αὐτὸν κύριον Ῥωμάνον περὶ τὲ τῶν Μιλήγγων καὶ Ἐζεριτῶν ὅτι ἀποστατήσαντες οὐ πείθονται*

Digitized by Google

своего тестя Романа, который, до выступленія войска противъ мятежниковъ, приказалъ военачальнику Криниту разъ навсегда покончить съ этими *Славянами*. Эта ничтожная горсть, защищаясь храбро, продлила покушеніе усмирить ее съ Марта мѣсяца по Ноябрь. Только тогда рѣшились они подчиниться, когда Криниτъ приказалъ выжечь весь хлѣбъ, посѣянный въ долинѣ, прилежащей къ Тайгету. Въ наказаніе вмѣнено было имъ платить впередъ ежегодную подать: Миленгамъ вмѣсто 60 — 600 золотыхъ, а Езеритамъ вмѣсто 300 также 600. Впрочемъ не долго платили они эту подать, не долго находились въ зависимости отъ Византіи. Послѣдовавшее вторженіе новой толпы изъ Славянскихъ колоній въ Іоніи, перешедшихъ въ Европу и Пелопонезъ, подстрекнуло и недавно огреченныхъ архонтовъ Мореи. Миленги и Езериты предоставили на выборъ имперіи: или отмѣненіе дани, или, въ противномъ случаѣ, они рѣшатся на конечное отторженіе отъ имперіи. Романъ, видя перешедшее къ нимъ изъ Азіи подкрѣпленіе, и боясь навсегда утерять эту провинцію, утвердилъ золотою грамотой прежнюю подать, т. е., что Миленги обязывались платить 60, а Езериты 300 золотыхъ ежегодно [1].

οὔτε τῷ στρατηγῷ οὔτε βασιλικῇ κελεύσει ὑπείκουσιν, ἀλλ' εἰσὶν ὥσπερ αὐτόνομοι καὶ αὐτοδέσποτοι καὶ οὔτε παρὰ τοῦ στρατηγοῦ δέχοντας ἄρχοντα οὔτε συνταξιδεύειν αὐτῷ ὑπείκουσιν οὔτε ἄλλην τοῦ δημοσίου δουλείαν ἐκτελεῖν πεί-θονται. Const. Porph. loco cit. cop. 50.

[1] *Καὶ εὐθέως γενομένης καὶ τῆς τῶν Σκλαβησιανῶν ἐπιθέσεως κατά τοῦ αὐτου δέματος ἀπεστειλαν οἱ αὐτοί Σκλάβοι ὅι τὲ Μιληγγοὶ καὶ οἱ Ἐζερῖται, πρός τόν κύριν Ρωμανόν τόν βασιλέα, ἐζαιτούμενοι καὶ παρακαλοίντες τοῦ συμπαθῆναι αὐτοῖς τὰς προσθήκας τῶν πάντων καὶ τελεῖν αὐτοὺς καθως καὶ πρώτερον ἐτέλουν. ἐπεὶ δὲ, καθὼς προείρηται, εἰσῆλθον οἱ Σκλαβησιανοὶ ἐν τῷ θέματι Πελοποννήσου, δεδιὼς ὁ βασιλεὺς ἵνα μή καὶ αὐτοὶ προστεθέντες τοῖς Σκλάβοις παντελῆ ἐζολόθρευσιν τοῦ αὐτοῦ θέματος ἐργάσωνται, ἐποίησεν αὐ τοῖς χρυσοβούλλιον.* — Const. l. cit. 50.

Digitized by Google

Самое положительное, документально доказанное событіе Византійскаго періода — это совершенная славянизація Лаконскаго округа, за исключеніемъ крѣпости Майны. Какъ современникъ, какъ принимавшій живое участіе въ дѣлахъ Пелепонезскихъ Славянъ, а главное, — какъ Славянинъ по происхожденію, — Императоръ Константинъ Багрянородный лучше всѣхъ могъ понять и обсудить это обстоятельство. «Жители крѣпости Майны, — говоритъ онъ, — не принадлежатъ къ племени упомянутыхъ Славянъ, но происхожденія древнихъ Римлянъ, которые и въ настоящее время отъ туземцевъ Эллинами называются. Страна, ими обитаемая, безводна и непроходима, но обилуетъ масличными деревьями, отъ которыхъ они питаются. Лежитъ же это мѣсто на крутовыдавшейся наклонности *Малеври*, т. е. по ту сторону *Езера* къ морскому берегу» [1]. Число этихъ Тангетскихъ Славянъ, обитавшихъ среди Майнотовъ, не обозначено у Константина Багрянороднаго. Онъ говоритъ только объ нихъ, что находясь постоянно вѣрными имперіи, они платили 400 золотыхъ, и что были обращены въ христіанство, съ другими Славянами, при прадѣдѣ его Василіѣ Македонскомъ.

Самое слово *Майна*, не принадлежитъ, какъ кажется, Греческой этимологіи [2]. Хотя самая крѣпость находится те-

[1] *Οἰτοῦ κάστρου Μαΐνης οἰκήτορες οὐκ εἰσὶν ἀπό τῆς γενεᾶς τῶν προῤῥηθέντων Σκλάβων ἀλλ ἐκ τῶν παλαιοτέρων Ῥωμαίων, οἱ καί μέχρι τοῦ νῦν παρά τῶν ἐντοπίου Ἕλληνες προσαγορεύονται.... ὁ δέ τόπος ἐν ᾧ οἰκοῦσιν ἐστιν ἄνυδρος καί ἀπρόσοδος, ἐλαιοφόρος δέ. ὅθεν καὶ τὴν παραμυθίαν ἔχουσι. διάκειται δέ ὁ τοιοῦτος τόπος εἰς ἄκραν τοῦ Μαλέα *, ἤγουν ἐκεῖθεν τοῦ Ἐζεροῦ πρὸς παραθαλασσίαν.* — Const. l. cit, cap. 50 p. 244.

* Вмѣсто: *τοῦ Μαλέα*, — вставленное въ заподныя изданія Византійцевъ, должно читать — *τοῦ Μαλεύρι*, какъ въ самой рукописи, *Τό Μαλεύρη*, — называется та часть горы, на которой стояла крѣпость Майна. *Τὸ Μαλέα* не могло быть въ Греческомъ употребленіи, какъ противное грамматической формѣ языка. Могло быть *ἡ Μάλεια*, или же *ἡ Μαλέα*, а по Евстаѳію — *τὸ Μάλαια*. Vide Hom. Odyss. IX, 80: *περιγνάμπτοντα Μάλειαν*. Strab. Geogr. l. VIII *μετὰ δέ Μαλέας*. Евстаѳій: *λέγεται δὲ καὶ Μάλεια ἐνικῶς καὶ Μάλεια πληθυντικῶς.*

[2] У Шафарика, ч. II. стр. 229. *Маняко* (I. Экз. Болгарскій) было отческимъ названіемъ у Славянъ. *Маняцы* — *Μαΐνατοι* — смѣсь Грековъ съ Славянами.

Digitized by Google

перь въ развалинахъ, но въ Аѳинахъ увѣряютъ, что нынѣшніе горцы этого округа, вмѣсто обыкновеннаго: φέρε νερὸ (принеси воды) — говорятъ χόμισον ὕδωρ. Это можетъ подтвердиться замѣненіемъ древне-Греческаго неокончательнаго наклоненія Славянскою формою Новогреческаго языка. Новогреческіе критики силились, безъ всякаго основанія, опровергнуть показанія Багрянороднаго. Если же въ Майнскомъ округѣ и сохранился остатокъ древне-Эллинской народности, то тщетно бы старались обратить и восточную часть Пелопонезскаго полуострова, т. е. Лаконію, страну между Аргосомъ и Монемвасіею, — также въ древнихъ Грековъ. Виллибальдъ, Эйхштетскій Епископъ, во время путешествія ко Гробу Господню, присталъ въ 723 году къ Монемвасіи, которую назвалъ городомъ *Славянской земли* [1]. Не ясное ли доказательство, что Пелопонезъ еще до сильнаго вторженія Славянъ при Копронимѣ (747) былъ извѣстенъ какъ terra Slavinica, и что свидѣтельства Евагрія схоластика и Патріарха Николая очевидно основаны на историческихъ фактахъ? Нѣмцамъ временъ Карла Мартеля мало было нужды до Греческихъ дѣлъ. Радботъ и Витикиндъ были озабочены своими. Свидѣтельство же Виллибальда будетъ также однимъ изъ яснѣйшихъ доводовъ, противъ котораго защитники Эллинства не въ состояніи ничего сказать.

Разсчитайте, сколь времени ушло, пока древне-Лаконская Монемвасія обратилась въ *городъ Славиніи*. И если, во время Константина Багрянороднаго, т. е. 200 годами позже посѣщенія Виллибальда Славинской Монемвасіи, — вторгается новая толпа *Славиніанъ* въ Пелопонезъ, то въ какомъ видѣ явился этотъ послѣдній и какое направленіе приняло народонаселеніе Эллады? Не разрѣшится ли вопросъ этотъ словами Страбона, что — «весь Эпиръ, вся почти Эл-

[1] *Et inde* (e Sicilia) *navigantes venerunt ultra mare Adriaticum ad urbem Manafasiam in Slavinica terra.* Itinerarium S. Willibaldi, Anglo-Saxonis, deinde Eichstadiensis Episcopi, cap. 2, 15 (Acta Sanctorum ad VIII Jul. pag. 504).

Digitized by Google

лада и Пелопонезъ, и Македонія обращены въ Скиескихъ Славянъ [1].»

Въ Аѳинахъ, въ слѣдствіе слѣпаго пристрастія къ народности, вывели то заключеніе, что, хотя Грецiя и находилась временно подъ вліяніемъ Славянъ, но это вліяніе было переходящее и не оставило по себѣ рѣшительно никакихъ слѣдовъ. Славянизація не имѣла вліянія ни на земледѣльческую массу народа, ни на горожанъ. На поверку этого заключенія выходитъ совершенно противное: только нѣсколько городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя отстояли себя отъ нападеній Славянъ, сохранили въ стѣнахъ остатки Византійскихъ Грековъ, остатки того не бранолюбиваго, лукаваго, барышничеству преданнаго народа, котораго Западъ, выражая свое сочувствіе, велегласно называетъ *Эллинами*. Отъ *Бѣлграда* Дунайскаго къ югу, по всему протяженію Иллирійскаго пространства до *Чимова* и *Половицы* въ Майнѣ, всѣ селенія, земли и города населены народомъ, который въ родовомъ своемъ началѣ былъ не Греческаго, а Славянскаго происхожденія.

Во всѣ времена наклонности и занятія Славянъ, ихъ характеризующія, были: земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, ярмарки, музыка, свадебныя пиршества, семейная загородная жизнь, нестѣсненное положеніе въ жизни, терпѣніе, привѣтливость, большой ростъ и сила. Славянскія племена управлялись отдѣльно другъ отъ друга, подъ властію независимыхъ князей [2]. Тайна Византійскаго безсилія впервые сказалась во время вторженія Аттилы, и съ тѣхъ поръ, ясное небо Романіи съ неопреодолимою силою влекло подъ свой сапфирный наметъ племена, обитавшія въ глухихъ, сосновыхъ лѣсахъ Вислы и горахъ Карпатскихъ. Первое

---

[1] *Καὶ νῦν δὲ πᾶσαν Ἤπειρον καὶ Ἑλλάδα σχεδὸν καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν Σκύθαι Σκλάβοι νέμονται.* — Geograph. vet. Script. Graeci minores. Oxon. 1763 Vol. II, pag. 98.

[2] *Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἑνός, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσιν.* — Procop. de bello Gotth. III, 14.

Digitized by Google

вторженіе повлекло за собою множество другихъ, и вскорѣ все пространство Иллирійскаго полуострова оросилось кровію пришлецовъ. Быстро развивались поколѣнія на новой землѣ, еще быстрѣе сроднились они климатически на завоеванной почвѣ. Евнапій замѣтилъ, что когда Вестъ-Готты перешли Дунай, то животворный воздухъ этихъ странъ благотворно подѣйствовалъ на нихъ, особенно на дѣтей, такъ что послѣднія, развиваясь быстро, могли вступать въ бракъ прежде срока совершеннолѣтія, и такимъ образомъ способствовали къ умноженію массы народа [1]. Предводимые князьями и жупанами, Славяне перенесли на Пелопонезскую почву не только названія селъ, горъ и рѣкъ сѣверной своей отчизны [2], но и самый характеръ своихъ самостоятельныхъ

---

[1] *Παῖδες δὲ αὐτῶν, καὶ τὸ οἰκετικὸν πρὸς τὲ τὴν εὐκρασίαν τῶν ἀέρων ἀνάβραμον, καὶ παρὰ τὴν ἡλικίαν ἤβησαν, καὶ πολὺ τὸ ἐπιφυόμενον ἦν πολέμιον γένος.* — Excerpta de Legat. p. 14. (Edit. Venet.).

[2] Топографію Мореи, на которую обращаемъ болѣе всего наше вниманіе, подтверждаетъ положеніе, выставленное въ началѣ этого очерка. Эта самая топографія породила тѣ непріязненные и кривые толки, которымъ я подвергался неоднократно. Противники мои говорятъ, что если нѣсколько мѣстныхъ названій дѣйствительно встрѣчаются въ Пелопонезѣ, то они такъ ничтожны, что не въ состояніи дать Славянское происхожденіе цѣлому народу. — Въ сущности однако мы видимъ совершенно противное. Даже въ настоящее время, когда протекло болѣе 1000 лѣтъ со временъ Патрасской битвы, не смотря ни на какіе перевороты, болѣе нежели *вдесятеро* сохранились Славянскія названія въ провинціяхъ: древней Аркадіи, Эпирѣ, Мессеніи и Лаконіи. Что Пелопонезъ въ настоящее время испещренъ Славянскими именами, что топографія его чисто Славянская, — эта истина неоспорима. Взгляните изъ любопытства на карту Пелопонеза, составленную во время Морейской экспедиціи (всѣ другія карты никуда не годятся), — прослѣдите одно за другимъ названія городовъ и сравните потомъ съ описаніемъ Павзанія. Европа изумилась бы, если показать ей топографію Мореи (т. е. той самой terra Slavinica, которую посѣтилъ Виллибальдъ) 800-тыхъ годовъ нашей эры. Если бы напр. Нѣмецкимъ колонистамъ на Волгѣ, въ

Digitized by Google

народныхъ общинъ. (Исключая короткаго времени, когда Славяне находились подъ властію Аваръ.) Это поселеніе совершилось по крайней мѣрѣ въ первое столѣтіе вторженія, и, такъ сказать, совершилось съ позволенія Византійскаго правительства. Славяне были тяжелы на руку и силою усвоивали завоеванное [1]. Обыкновенно они уничтожали все и созидали вновь по своему [2]. Одинъ Акрокоринѳъ, гдѣ обыкновенно было мѣстопребываніе Римскаго стратига, также сильно укрѣпленные торговые Патры, цитадели Навпакта и Мо-

---

Крыму и Юж. Россіи случилось со временемъ слиться съ чуждою имъ народностію, и утративъ свой родной языкъ, исчезнуть совершенно, то неужели названія селеній Золотурна, Цюриха, Шафгаузена, Гейльбронна и Фридрихсталя не укажутъ слѣда къ разрѣшенію тайны ихъ происхожденія? То же самое было и въ Греціи.

[1] Они знали свою силу и были убѣрены въ ней. Когда Авары требовали отъ нихъ покорности и дани, то Лавритъ и прочіе начальники спросили: кто подъ солнцемъ живущій добровольно откажется отъ своей свободы и сдѣлается подчиненнымъ другаго? До тѣхъ поръ, пока есть въ мірѣ воины и мечи, до тѣхъ поръ обычай побѣждать другихъ, но не самимъ быть побѣжденными, останется у насъ неизмѣннымъ. (*Λαυρίτης δὲ καὶ οἵγε ξὺν αὐτῷ (Σκλαβήνοι) ἡγούμενοι, καὶ τίς ἄρα, ἔφασεν, οὕτως πέφυκεν ἀνθρώπων, καὶ ταῖς τοῦ ἡλίου θερεταὶ ἀκτῖσιν οἳ τὴν καθ' ἡμᾶς ὑπήκοον ποιήσεται δύναμιν; κρατεῖν γὰρ ἡμεῖς τῆς ἀλλοτρίας ἐιώθαμεν, καὶ οὐχ ἕτεροι τῆς ἡμεδαπῆς. Καὶ ταῦτα ἡμῖν ἐν βεβαίῳ, μέχρι πόλεμοί τε ὦσι καὶ ξίφη.* — Excerpta de legat. p. 111. edit. Venet.)

[2] Не станемъ приводить всѣ ужасы первыхъ вторженій Славянъ за Дунай и въ Грецію. Укажемъ только на *Прокопія* de bello Gothico, кн. III. гл. 38; de bello Persico, кн. 2, гл. 4; Hist. Arcana, гл. 21. — *Евагрія* — Hist. Ecclesiast. кн. VI, гл. 10. Срв. Geschichte von Morea, ч. 1, гл. 3. Академическая Рѣчь: Welchen Einfluß стр. 54.] Въ позднѣйшія времена система войны Славянъ народовъ безспорно гораздо человѣколюбивѣе, но первыя ихъ движенія съ сѣвера къ югу обозначились въ лѣтописяхъ широкою, кровавою чертою.

Digitized by Google

немвасіи, — могли отстоять свою независимость[1]. Съ этой точки зрѣнія Пелопонезъ никогда не переставалъ быть провинціей Византійской имперіи. Не только власть Славянъ, но и Славянское названіе *Морея*, не были никогда признаны Византійской администраціей, не смотря на то, что на сѣверѣ полуострова, въ Болгаріи, независимость была утверждена договорными грамотами.

Въ годину бѣдствія, когда Авары и Славяне громили Константинополь съ суши, между тѣмъ, какъ Персидское войско обложило Босфоръ со стороны Скутари, — казалось, все было потеряно для имперіи. Тогда столица, находясь въ сношеніяхъ съ Коринѳомъ, Патрами, Солунью и другими приморскимм городами, была спасена помощію морской силы, которую сіи послѣдніе прислали ей. Римъ палъ подъ ударами варваровъ, — Константинополь успѣлъ устоять. Въ этомъ случаѣ сынъ Констанція Хлора былъ геніальнѣе Ромула. Босфоръ, Дарданеллы и Коринѳскій заливъ удержали остатки Византійскаго міра и утвердили возможность возстановленія.

Въ Византійскихъ хроникахъ часто встрѣчаются нападенія Скиѳовъ, направленныя преимущественно на три пункта имперіи: на *Константинополь*, *Солунь* и *Коринѳъ*. Въ этихъ самихъ лѣтописяхъ сохранилось множество извѣстій, хотя отрывочныхъ и безъ всякой внутренней связи, о сильномъ царствѣ Болгаръ, признанномъ и утвержденномъ, какъ мы уже сказали, договорными грамотами. Съ этимъ царствомъ Византія часто выступала на состязаніе, часто выдерживала борьбу на жизнь и смерть. Хотя Болгаре, подобно своимъ предшественникамъ — Славянамъ, и придерживались системѣ разрушенія и уничтоженія, но они не замедливали возстановлять снова и въ своемъ духѣ, и въ этомъ смыслѣ великолѣпная

[1] Въ хроникѣ Монемвасіи м. 588 — 805 годами упомянуто, что городъ Патры былъ совершенно опустошенъ, жители же переселились въ Реджіо, въ Калабрію. Вѣроятно, одинъ Акрополисъ былъ неприступенъ для Славянъ, гдѣ они были разбиты: *Καὶ ἡ μὲν τῶν Πατρῶν πόλις κατῳκίσθη ἐν τῇ τῶν Καλαβρῶν χώρα τοῦ Ῥηγίου.*

Digitized by Google

столица *Охридъ* въ южной Македоніи достаточно показываетъ развитіе ихъ внутренней и внѣшней жизни.

Въ состояніи ли были восточные хронисты, безъ образованія, лишенные всѣхъ положительныхъ источниковъ, обладая однимъ только письмочтеніемъ, войти въ подробности устройства изолированныхъ, отдѣльно управляемыхъ *Славянскихъ жупъ* Пелопонеза? Могли ли они, не понимая языка этихъ поклонниковъ *Радегаста*, этихъ земледѣльцевъ, оставить потомству ясныя объ нихъ понятія?

Если по строгому правилу исторической критики превращеніе Пелопонеза въ Славянскую *Морею* будетъ утверждено, то вопросъ: въ какомъ положеніи были дѣла на сѣверной сторонѣ Коринѳскаго залива, — рѣшить не трудно. Славянизація собственно называемой древней Эллады, проникнувъ и въ самыя ущелія Парнасса и Геликона, была, такъ сказать, прелюдіей славянизаціи всего Пелопонеза. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Акарнаніи все побережье отъ *Вониццы* до *Мисолонги* покрыто Славянскими именами. Всѣ озера носятъ Славянское названіе—*езеро*, и ни одно изъ древнихъ именъ не сохранилось. Отъ мыса *Вѣтерницы* въ Коринѳскомъ заливѣ до города *Ситина* (Ζητούνι), на всемъ этомъ гористомъ пространствѣ тянется непрерывная цѣпь Славянскихъ городовъ и мѣстечекъ [1]. Отъ Славянскаго *Езера* и Евротской долины до *Данцига* и *Новагорода* одинъ Славянскій языкъ обиталъ въ эту эпоху. Масса эта прерывалась только мильономъ Мадьяръ и немногими укрѣпленными городами съ прилежащими къ нимъ округами, гдѣ сохранился языкъ Греческій. Какимъ образомъ эти послѣдніе могли сохранить свою миньятюрную народность среди столькихъ, ихъ отвсюду осаждавшихъ бѣдствій, — объяснить гораздо труднѣе, нежели какимъ образомъ Славяне распростра-

---

[1] *Ситинъ* или *Сидинъ* — Цитуна (Ламія). Турки пишутъ и выговариваютъ *Иодинъ*. *Сытный, сыто* — Славянское коренное слово. То, что въ Славянскихъ лѣтописяхъ сохранилось подъ названіемъ *Ситна, Ситенъ, Сцитень, Цитень*, имѣетъ одно и тоже значеніе съ *Ситинъ* — Ζητοῦν — въ Ѳессаліи.

Digitized by Google

нялись и разселились по Греческой землѣ. Собственно такъ называемая Греція такъ не велика и съужена въ своихъ географическихъ границахъ, что не удивительно, когда во время послѣдняго возстанія Турки столь проворно похозяйничали въ Мисолонги и Аѳинахъ. «Ни одинъ человѣкъ, ни одно домашнее животное не осталось въ живыхъ» [1]. Если Турки въ *три* года успѣли причинить такое опустошеніе въ Греціи, то какія могли быть послѣдствія 300-лѣтнихъ сношеній Славянъ относительно народности этой страны?

Почему языкъ Славянскій сохранился въ странахъ пограничныхъ Ѳессаліи и лежащихъ отъ сей послѣдней къ сѣверу, между тѣмъ какъ къ югу отъ Олимпа и Темпейской долины, за исключеніемъ только небольшаго округа въ сѣверной Акарнаніи, — исчезъ совершенно? на вопросъ этотъ отвѣчать я не обязанъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не удивляться умозаключеніямъ гг. Нѣмецкихъ ученыхъ. «Мы никогда не слыхали, — говорятъ они, — не читали, чтобы въ Пелопонезѣ говорили когда по-Славянски; слѣдовательно во всѣ времена говорили тамъ однимъ Греческимъ языкомъ.» Ясно, что заключеніе это сдѣлано по всѣмъ правиламъ логики, и всѣ мои попытки доказать противное остались бы ничтожны, если бы не помогъ мнѣ Аѳинянинъ *Халкокондилъ*, писавшій въ половинѣ XV в. (1456). — Говоря о походѣ Турковъ на Болгаръ и Сербовъ, которыхъ высокопарный Аѳинянинъ не называетъ иначе какъ — *Мизами* и *Трибаллами*, замѣчаетъ, что они — «самый древній и самый многочисленный народъ изъ обитающихъ на землѣ.» Онъ не берется рѣшать вопроса, откуда вышли эти племена. Пришли ли они изъ Иллиріи въ Трибаллію и Мизію (Сербію и Болгарію), или же изъ-за Истра, изъ (Бѣло) Хорватіи и Пруссіи, странъ, лежащихъ на Сѣверномъ океанѣ? Выходцы ли они изъ Сарматіи, называемой теперь Русью, откуда двинутые, по причинѣ сильной стужи и холодовъ, перешли Дунай, и достигнувъ даже до Іонійскаго моря, заняли и населили все пространство земель до самой Венеціи? И на-

[1] Corresp. de Capodistria. Genève, 1839.

Digitized by Google

оборотъ: не были ли первою родиной ихъ земли, лежащія на Іонійскомъ морѣ, откуда они двинулись къ Сѣверу и разселились по Сарматіи и Руси? — Халкокондилъ знаетъ только то, что эти (Славянскія) племена, не смотря на разныя названія, подъ которыми онѣ являются въ исторіи, *по обычаямъ своимъ и языку ни чуть не отличаются другъ отъ друга. Жилища ихъ разбросаны по большей части Европы, и отчасти распространены по Пелопонезу, до горы Тайгета и (мыса) Тенара въ Лаконскомъ округѣ* [1].

Это свидѣтельство Аѳинскаго уроженца заключаетъ въ себѣ рѣшительный приговоръ и служитъ лучшимъ комментаріемъ извѣстій Константина Багрянороднаго [2]. Ни одинъ изъ Византійцевъ такъ основательно и здраво не обсудилъ силы и свойства распространенія Славянскаго племени, какъ Халкокондилъ, принадлежащій къ Новогреческому періоду. Дѣйствительно ли горцы Тайгета суть кровные потомки древнихъ Спартанцевъ, — задача эта разъяснена вполнѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, да и самъ Халкокондилъ нигдѣ не противорѣчитъ,—что Славяне, населявшіе Тайгетъ и занимавшіе въ исходѣ XV ст. прочія мѣста Пелопонеза, хотя и были совершенно не грамотны, говорили однакожъ двойнымъ, такъ сказать, языкомъ, какимъ и въ наше время говорятъ Албанцы Идры, Аттики и Віотіи. Во всякомъ случаѣ становится яснымъ выраженіе τὰ Σκλαβικά, въ эпитетѣ Спартанскихъ горъ, встрѣчаемое во Франкской хроникѣ, написанной въ XIII и XIV ст. на Греческомъ языкѣ. Кедринъ гово-

---

[1] *Τόσονδε μέντοι ἐπίσταμαι ὡς τοῖς ὀνόμασι ταῦτα δη τά γένη διεστηκότα ἀλλήλων, ἤθεσι μὲν οὔπω τι, γλώττῃ δέ καὶ φωνῇ τῇ αὐτῇ χρώμενοι, κατάδηλοι εἰσὶν ἔτι καὶ νῦν. Ὡς μέντοι διέσπαρται ἀνὰ τὴν Εὐρώπην πολλαχῇ ᾤκησαν, ἄλλη τε δή καὶ ἐν τινὶ τῆς Πελοποννήσου χώρας τε τῆς Λακωνικῆς ἐς τὸ Ταϊγέτου ὄρος, καὶ ἐς τὸ Ταίναρον ᾠκημένον.* — Chalc. Hist. Byzan. l. 1. 18.

[2] *Николай Халкокондилась*, называемый обыкновенно *Лаоникомъ*, описалъ въ синхронистическомъ порядкѣ исторію начала и развитія Турецкаго владычества при первыхъ семи Султанахъ, т. е. съ 1298—1462 г. Жилъ, по Фоссію, до 1490 года.

Digitized by Google

ритъ, что Болгаре, по истеченіи 100 лѣтъ послѣ перехода за Дунай, задолго предъ обращеніемъ своимъ въ христіанство, понимали очень хорошо Греческій языкъ. Если Славянскій элементъ въ Греческихъ земляхъ былъ элементомъ пришлымъ, то какими же судьбами взялъ такой сильный перевѣсъ надъ Греческой народностію, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, уступалъ ей въ языкѣ? Ежедневныя сношенія, войны, брачные союзы, переселенія цѣлыхъ городовъ и общинъ изъ Романіи въ страны Болгаріи, и съ Азіатскаго берега, въ свою очередь, въ населенную Славянами Романію, и наоборотъ, до такой степени смѣшали и такъ немногочисленное племя Грековъ (сравнительно съ Славянскимъ), которое съ теченіемъ времени незамѣтно слилось съ послѣднимъ. Удержи они языческое свое вѣрованіе и свою независимость въ политическомъ отношеніи, то и родной языкъ ихъ сохранился бы надолго. Какъ только Славянская династія въ лицѣ Василія I вступила на престолъ, земляки Императора, поселившіеся въ отдаленныхъ частяхъ Пелопонеза, немедленно изъявили согласіе креститься и вступить въ гражданство Византійскихъ *Римлянъ*. Но такъ какъ Славянскія общины Пелопонеза не имѣли ни своихъ жупаній, ни кралей, подобно Сербамъ и Болгарамъ, то Восточная Православная Церковь не почла за необходимое ввести къ нимъ,— подобно какъ къ Болгарамъ и Сербамъ, — вмѣстѣ съ *Славянскимъ* Богослуженіемъ и Св. книги, писанныя на *Славянскомъ* языкѣ.

Въ новообращенныя провинціи было отправлено Греческое духовенство. Въ новосооруженныхъ монастыряхъ и храмахъ, въ городахъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ населилось множество вновь прибывшихъ Грековъ. И послѣ этого удивительно ли, что образованный Греческій языкъ незамѣтно заступилъ мѣсто грубаго Славянскаго, который самъ отъ себя вымеръ и исчезъ? Сомнительно, впрочемъ, сдѣлать заключеніе, что Славянскій языкъ, или, вѣрнѣе, слѣды его исчезли также и на Тайгетѣ. Быть можетъ, слѣды этого языка въ Майнѣ также замѣтны въ семейномъ быту, какъ и языка Албанскаго. Но изслѣдованіе это необходимо предпринять

Digitized by Google

самому, а не довѣряться переводчику. Женщины и малолѣтнія дѣти будутъ въ такомъ случаѣ служить вѣрнѣйшимъ источникомъ, съ которыми въ разговорѣ можно схватывать чуждыя Греческому языку выраженія, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить въ Θессалійскомъ Турново.

Кромѣ номенклатуры мѣстъ, вообще необходимо подвергнуть строжайшему разбору формы языка простаго народа, особенно произношеніе и фамильныя имена. Въ новѣйшее время вышла въ Аѳинахъ Исторія монастыря *Μέγα Σπηλεον* [1]. Въ приложенномъ къ концу книги списку подписчиковъ мы читаемъ слѣд. имена: Герасимъ *Залангитисъ*, протодіаконъ въ Мисолонги. Г. *Залонгитисъ* въ Бониццѣ [2]. Братья *Конпица* изъ монастыря Св. Иліи въ Парнасскомъ округѣ въ *Тополя*. Гг. *Цуцулась*, *Грубу*, *Брикосъ*, *Турно* и *Петровикъ* въ Трикала. Гг. *Бѣлишчакъ*, *Бугумарась*, *Буцунарась* и *Чакосъ* изъ Ново-Гитіона въ Евротской долинѣ. Гг. *Склабуногамбросъ* и *Склабуносъ Склабунакосъ* изъ Пиргосъ въ Майнѣ. *Склабеась*, *Брумеась*, *Пацабелеась*, *Сболобеась*, *Богеасъ* и *Каблецеасъ* изъ Нтолоя въ Спартѣ. Всѣ эти господа принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ семействамъ, и не смотря на то, что въ семейномъ быту и въ жизни общественной говорятъ по-Гречески, носятъ однакожъ чисто Славянскія имена. Точно также и въ Янинѣ, городѣ извѣстномъ пѣвучимъ выговоромъ, большая часть жителей чисто Славянской крови. И тамъ, на каждомъ шагу встрѣчаешь фамильныя имена, какъ-то: *Богасъ*, *Главасъ*, *Рѣкасъ* и т. д.

Если эти славянизмы, такъ ясно высказавшіеся въ Новогреческой этимологіи, достаточно указываютъ, до какой степени чуждый элементъ поработилъ языкъ и народность Греческую: то что скажутъ скептики, если, обративъ вниманіе на синтаксисъ, т. е. на внутренній составъ, на духъ Новогреческой рѣчи, мы найдемъ въ ней законы, свойственные только языку Славянскому. Извѣстно, что Греческій языкъ, которымъ теперь говорятъ, неокончательнаго наклоненія не

[1] Авторъ этой Исторіи извѣстный Отецъ Экономосъ.

[2] *Лонгосъ* — лугъ, слѣд. *Залонгитисъ* — Залуговскій.

Digitized by Google

имѣетъ. Грекъ не скажетъ: «я хочу пить,» но выразитъ чрезъ сослагательное и союзъ: θέλω νὰ πῶ — *хочу, дабы я пилъ.* Въ древнемъ языкѣ, невозможность чего-либо, какъ-то: трудиться, ходить и пр. выражалась слѣд. образомъ: οὐ δύναμαι ἐργάζεσθαι. οὐ δύναμαι ἐλθεῖν, — теперь же говорятъ: δέν πορῶ νά δουλεύσω — *не могу, чтобы я работалъ,* δὲν ποροῦμεν νὰ ἐρχώμεσθα, — *не можемъ, чтобы приходить.* Все это доказываетъ гораздо болѣе, нежели всѣ замѣчанія Багрянороднаго, что въ Эллинскомъ народѣ произошелъ сильный переворотъ, измѣнившій совершенно характеръ его жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Явленіе это въ Новогреческомъ языкѣ еще не подверглось строгому изслѣдованію, и не смотря на то, что Гобгоузъ приписываетъ это измѣненіе Турецкому вліянію, но мы знаемъ, что въ Турецкомъ языкѣ неокончательное существуетъ и употребляется даже съ нѣкотораго рода роскошью и высокопарностью, какъ въ письменномъ, такъ и въ разговорномъ языкѣ. Даже и въ Византійской письменности сохранился онъ до паденія имперіи [1].

Греки и въ настоящее время употребляютъ выраженіе νὰ δουλεύσω, какъ бы въ духѣ древне-Греческомъ. Инстинктивно высказывается эта форма въ народѣ. Νὰ δουλεύσω есть его прямое наслѣдіе, и трудно ему измѣниться въ древнюю форму. Это *Славянское* неокончательное, перешедшее въ Грецію вмѣстѣ съ сѣверными переселенцами. *Не могу да робимъ,* — говорятъ обыкновенно южные Славяне. Слѣд. Новогреческое νά δουλεύσω будетъ естественный переходъ южно-Славянской формы въ народный языкъ новой Греціи.

---

[1] Константинъ Багрянородный сознается, что онъ писалъ *κατημαξευμένῳ λόγῳ-τ-διὰ κοινῆς καὶ καθωμιλημένης ἀπαγγελίας,* — и не смотря на то, нигдѣ не употребляетъ новой формы сослагательнаго съ союзомъ. De Admin. Imp. C. I. — Прибавочная частица *исъ* (изъ) или *с* (з, ц) часто встрѣчается предъ собственными именами Новогреческими. На вопросъ, какъ называется это мѣсто? непремѣнно отвѣтятъ: *Στοκόφινο,* а не *τό Κόφινο.* Частица *с* (з) есть принадлежность Славянскаго языка, такъ напр. городъ *Коростень* обыкновенно писался *Искоростъ.* Срв. Шафар. ч. II. стр. 124.

Digitized by Google

О сочиненіи Фальмерайера вотъ что писалъ мнѣ недавно одинъ изъ ученыхъ, занимавшихся долго этимъ предметомъ:

«Вопросъ о Славянствѣ Греціи не созрѣлъ еще для рѣшенія, потому что до сихъ поръ ни одинъ представитель изъ обѣихъ партій не разсмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ. Фальмерайеръ оказалъ великую услугу разсѣяніемъ народной и исторической мечты. Нельзя ожидать навѣрное, чтобъ Филеллины одержали надъ нимъ блистательную и полную побѣду, но пока еще онъ и его приверженцы движутся на зыбкой почвѣ. Въ ожиданіи, пока явится Русскій путешественникъ и провѣритъ его мнѣнія, Докторъ Лагусъ изъ Финляндіи, прошедшимъ лѣтомъ, вознамѣрился, изуча южно-Славянскія и Греческія народныя нарѣчія на мѣстѣ, въ Греціи отыскать живые аргументы противъ Фальмерайера *. Лагусъ написалъ сочиненіе, еще неконченное, на Шведскомъ языкѣ объ отношеніяхъ древне-классическаго міра къ среднимъ вѣкамъ, гдѣ онъ уже выступаетъ противъ Нѣмецкаго ученаго.

Изъ сочиненій и показаній покойнаго Французскаго ученаго Бюшона получены новыя данныя о Славянскомъ элементѣ въ Пелопонезѣ. Теперь довольно вѣроятно, что Пелопонезскіе Славяне перевелися уже въ 15 стол.

Объ исторіи Албанцевъ и ихъ распространеніи по Греціи надо ожидать дальнѣйшихъ заключеній отъ Цинкейзена, который имѣлъ случай отыскать неизвѣстные источники.

Поколику въ Греціи и Германіи писано противъ Фальмерайера, спорный вопросъ вступаетъ въ новую фазу. Опаснѣйшій противникъ для него, безъ сомнѣнія, есть Лудвигъ Россъ, прежде Профессоръ въ Аѳинахъ, теперь въ Галле. Россъ не знаетъ по-Славянски*, но онъ знатокъ разныхъ нынѣшнихъ нарѣчій и обычаевъ народныхъ, кои онъ изучалъ и наблюдалъ съ разными цѣлями, въ продолженіе своихъ путешествій по Королевству Греческому, на Греческихъ островахъ и въ Малой Азіи.» *М. П.*

---

* Слѣд. съ предубѣжденіемъ? *М. П.*

* Такъ опасности отъ него *быть не можетъ!* Есть множество Нѣмцевъ ученѣйшихъ въ Германіи, которымъ знакомы всѣ нарѣчія луны и діалекты послѣдней планеты, но вовсе непонятны Славянскіе звуки, среди которыхъ они живутъ,—и вотъ причина, почему они *не могутъ* рѣшить окончательно многихъ историческихъ вопросовъ. *М. П.*

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОБЪ ИСКОПАЕМЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ.*

Ископаемыхъ животныхъ нѣкогда смѣшивали съ окаменѣлостями, и потому имѣли объ нихъ ложное понятіе. Слово «ископаемый» очень неопредѣленно въ смыслѣ этимологическомъ; на языкѣ же геологическомъ оно имѣетъ самый точный смыслъ: слѣдуя Депэ (Deshayes), *ископаемыми* называютъ всякое тѣло, которое, будучи зарыто въ землю въ неизвѣстную эпоху, или сохранилось тамъ иногда вполнѣ, иногда же по частямъ, или оставило несомнѣнные слѣды своего существованія. Ископаемыми можно также считать слѣды, оставленные на древней почвѣ проходившими по ней животными; таковы, напримѣръ, слѣды лапъ нѣкоторыхъ пресмыкающихся на пескахъ, которые впослѣдствіи окрѣпли и были покрыты новыми песчаными слоями. Названіе *окаменѣлость*, какъ нынѣ его понимаютъ, придается тѣламъ, въ которыхъ органическое вещество совершенно замѣнено неорганическимъ, кремнеземомъ и известью. Дѣйствительныя окаменѣлости встрѣчаются только въ царствѣ растительномъ.

Издавна находили кости ископаемыхъ слоновъ, и почти всегда узнавали, какому животному онѣ принадлежали; но

---

* Изъ сочиненія Док. Бертрана: Lettres sur les révolutions du globe. Paris. 1845 г.

Digitized by Google

иногда тѣ же кости служили основаніемъ для сказокъ о скелетахъ древнихъ гигантовъ. Покуда анатомія оставалась во младенчествѣ, страсть къ чудесному, при всякой находкѣ большихъ костей, принимала ихъ за остатки гигантовъ, потому что скелетъ слона близко подходитъ къ скелету человѣка. 11 Января 1613 г., близъ замка Исомона, нашли въ песчаной почвѣ кучу костей, изъ которыхъ многія были переломаны рабочими; хирургъ Мазюрье, узнавъ объ этомъ открытіи, завладѣлъ костями и воспользовался ими для своего обогащенія. Онъ объявилъ, что найденъ гробъ длиною въ 30 футовъ, съ костями и съ надписью: *Тевтобухъ царь* (Teutobochus rex) и съ пятидесятью медалями съ изображеніемъ Маріи. Объявленіе Мазюрье, изданное отдѣльной брошюрой, возбудило любопытство публики. Мазюрье показывалъ свою находку за деньги въ Парижѣ и въ другихъ городахъ Франціи. Гассенди сочинителемъ брошюры считалъ іезуита Турнона и доказалъ, что медали никогда не существовали. Что жъ касается до костей, которыя чрезъ нѣсколько времени поступили въ Парижскій музей естественной исторіи, то онѣ принадлежали мастодонту, что видно при первомъ взглядѣ на форму зубовъ, а не слону, какъ полагали сначала, разсматривая ихъ по частямъ и по рисункамъ въ запискахъ медиковъ и хирурговъ, принимавшихъ участіе въ спорѣ *за* и *противъ* Мазюрье. Подобныя ошибки продолжались до 18 столѣтія. Но и въ это время, естественныя науки, подвинувшіяся много впередъ, не могли еще уничтожить всѣхъ предразсудковъ: тогда еще думали, что находимыя кости слоновъ относятся къ Римской эпохѣ. Это ложное мнѣніе основывали на томъ, что слоновыя кости находили въ окрестностяхъ Роны, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проходилъ Аннибалъ, и позже его Домитій Энобарбъ въ экспедиціи противъ Галловъ. Ни въ одной странѣ Европы не встрѣчали столько ископаемыхъ слоновыхъ костей, какъ въ долинѣ верхняго Арно; тамъ онѣ такъ обыкновенны, что крестьяне употребляли ихъ вмѣстѣ съ камнемъ на постройку домовъ; но узнавъ имъ цѣну, начали сберегать ихъ для продажи путешественникамъ. Кювье купилъ въ Ищизѣ большое

Digitized by Google

собраніе этихъ костей во время перемѣны лошадей на почтовой станціи. Такое множество слоновыхъ костей совершенно опровергаетъ упомянутое мнѣніе, будто бы онѣ суть остатки слоновъ, принадлежавшихъ войску Аннибала. Правда, что этотъ полководецъ, выигравъ сраженіе при Требіи, перешелъ Аппенины и разбилъ Фламинія при Тразименѣ; но Титъ-Ливій и Полибій согласно говорятъ, что онъ вошелъ въ Италію съ 32 слонами, и послѣ сраженія при Требіи осталось у него только восемь; при неудачной же попыткѣ перейдти Аппенины зимой, онъ потерялъ еще семь слоновъ, и весной, когда онъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи и достигъ долины верхняго Арно, у него оставался только одинъ слонъ. Всѣ предположенія, которыя можно было бы сдѣлать о происхожденіи этихъ костей во времена историческія, также неосновательны, какъ и предъидущее. Впослѣдствіи увидимъ, что одной подобной причиной нельзя объяснить столь общее явленіе: дѣйствительно, во всей Европѣ, въ Англіи, въ Германіи, ископаемыя кости встрѣчаются во множествѣ, хотя Римляне никогда не углублялись въ сѣверныя части этихъ странъ. Ископаемыя кости слоновъ попадаются въ сѣверныхъ частяхъ Ирландіи, въ Скандинавіи и даже въ Исландіи; ихъ находятъ въ Польшѣ и въ Россіи, въ странѣ, столь мало благопріятной для размноженія слоновъ. И въ какихъ Русскихъ провинціяхъ находятъ ихъ въ наибольшемъ количествѣ? Въ самыхъ холодныхъ мѣстахъ Сибири. Но, можетъ быть, ихъ еще болѣе на нѣкоторыхъ островахъ Ледовитаго океана. Коцебу находилъ ископаемыя кости слоновъ на берегахъ Америки, за полярнымъ кругомъ: такъ ихъ тамъ много, что его матросы употребляли ихъ вмѣсто топлива. Шамиссо, сопровождавшій Коцебу въ качествѣ натуралиста, привезъ въ Европу клыкъ четырехъ футовъ длины и пяти дюймовъ толстоты. Кювье нашелъ, что этотъ клыкъ очень сходенъ съ найденнымъ при копаніи канала Уркъ. Сибиряки, привыкшіе встрѣчать подъ землею чудовищныя кости, для объясненія этого явленія придумали замѣчательную басню. Они полагаютъ, что въ ихъ странѣ существуетъ животное, по величинѣ равное слону, и съ такими же клыками, но живущее

Digitized by Google

подъ землею, подобно кроту, и немогущее выносить дневнаго свѣта. Они называютъ его *мамонтомъ*, а ископаемые клыки — мамонтовыми рогами. Холодная температура страны сохраняетъ кости мамонта въ такой цѣлости, что онѣ замѣняютъ свѣжія кости слона и составляютъ важный предметъ торговли Сибиряковъ. Замѣчательно, что подобная басня ходитъ между Китайцами, которые подземное животное называютъ *tien-schu-ia*, и прибавляютъ, что его мясо очень здорово.

Ископаемыя кости, находимыя въ одномъ и томъ же мѣстѣ, принадлежатъ обыкновенно животнымъ, различнымъ и по величинѣ и по организаціи; но цѣлые скелеты встрѣчаются весьма рѣдко. Эти кости лежатъ иногда подъ осадками изъ прѣсныхъ водъ, а иногда бываютъ покрыты остатками морскихъ тѣлъ, какъ бы для свидѣтельства о переворотахъ, измѣнившихъ поверхность той страны, въ которой жили погибшія животныя.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній объ ископаемыхъ костяхъ, приступимъ къ подробнымъ изслѣдованіямъ о животныхъ, оставившихъ слѣды своего существованія во времена доисторическія.

I. СЛОНЫ.

Спрашивается: остатки слоновъ, встрѣчаемые въ Европѣ, во всей сѣверной Азіи, въ Америкѣ, и притомъ въ странахъ самыхъ холодныхъ, принадлежатъ ли животнымъ, жившимъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они оставили свои кости, или кости ихъ принесены водою изъ другихъ странъ? — Отвѣтъ утвердительный: разнообразіе земныхъ слоевъ, покрывающихъ эти остатки, прямо указываетъ на перевороты, истребившіе животныхъ, и слѣдственно уничтожаетъ мысль о наводненіи, которое могло бы разнести кости по земной поверхности. Это послѣднее предположеніе опровергается еще тѣмъ, что если бы кости подвергались дѣйствію водяныхъ потоковъ, то на нихъ оставались бы слѣды тренія, которое округляетъ даже твердые кремни; но онѣ такъ хорошо сохранились, что уцѣлѣли самыя нѣжныя хрящеватыя ихъ части. Если же допустимъ, что кости были переносимы

Digitized by Google

водой въ цѣлыхъ скелетахъ, то встрѣтимъ затрудненіе неразрѣшимое, потому что не найдемъ возможности объяснить, почему почти всѣ кучи костей состоятъ изъ остатковъ животныхъ, принадлежащихъ весьма различнымъ видамъ и родамъ, такъ что изъ нихъ почти никогда нельзя составить ни одного полнаго скелета.

И такъ ископаемые слоны жили въ тѣхъ самыхъ странахъ, въ которыхъ находятъ ихъ остатки, и которыя нынѣ суть самыя холодныя и даже необитаемы. Поэтому представляется новый вопросъ: не ужели эти страны были и прежде также холодны и также неблагопріятны для жизни? Въ такомъ предположеніи, надобно спросить: чѣмъ же питались жившія въ нихъ огромныя животныя? Нынѣ въ этихъ странахъ нѣтъ ни одного растенія, годнаго для питанія и поддержанія жизни. Путешественники свидѣтельствуютъ, что, начиная съ 68° сѣв. широты, березы и ясень исчезаютъ, ель и лиственница, деревья сѣверныхъ странъ, растутъ въ видѣ кустарника на почвѣ, которая едва оттаеваетъ лѣтомъ. Кранцъ увѣряетъ, что во всей Гренландіи нѣтъ ни одного дерева выше 6 футовъ. Самыя животныя или погибаютъ тамъ или перерождаются. Бѣлый медвѣдь, сѣверный олень, бѣлая лисица, назначенныя самой природой для странъ холодныхъ, съ большимъ трудомъ переносятъ перемѣны климата. Но остатки слоновъ находятъ подъ полярнымъ кругомъ, гдѣ эти животныя не могли жить, если бы температура полярныхъ странъ со временъ до-историческихъ оставалась неизмѣнной. Притомъ, остатки того же рода животныхъ находятся въ Германіи, во Франціи и даже въ Италіи; поэтому слѣдовало бы допустить, что слоны способны привыкать ко всякому климату; на земномъ же шарѣ, исключая человѣка и немногихъ родовъ животныхъ, наиболѣе ему полезныхъ (напримѣръ, собаки), мы не знаемъ ни одного, одареннаго такой счастливою гибкостью темперамента. Слоны совершенно неспособны переносить зной странъ тропическихъ и холодъ странъ полярныхъ. Слоны, носороги, иппопотамы заключены природою въ тѣсномъ кругѣ, внѣ котораго они не могутъ существовать.

Digitized by Google

Надобно предостеречь еще отъ одной гипотезы. Предполагаютъ, что медленное и постоянное пониженіе температуры заставило слоновъ мало по малу искать убѣжища въ странахъ болѣе теплыхъ, и такимъ образомъ, оставляя охлаждающіяся страны, они разсѣялись по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находятъ нынѣ ихъ остатки. По этой гипотезѣ, принятой Бюффономъ, ископаемыя кости принадлежали бы тѣмъ животнымъ, которыя были послѣдними въ ихъ первоначальномъ жилищѣ, и постепенное измѣненіе температуры имѣло бы вліяніе на ихъ шерсть, какъ видимъ это на собакахъ, которыя совершенно голы въ странахъ теплыхъ и покрываются густою шерстью на сѣверѣ. Первое возраженіе представляется въ очевидныхъ различіяхъ слона ископаемаго отъ нынѣ живущаго, — въ различіяхъ, которыя не могли произойдти отъ перемѣны климата. Второе возраженіе состоитъ въ уничтоженіи многихъ другихъ родовъ животныхъ, очевидно современныхъ слонамъ; ихъ остатки находятъ вмѣстѣ съ остатками сихъ послѣднихъ; одни и тѣ же перевороты уничтожили тѣхъ и другихъ. Эти перевороты происходили внезапно; если бы трупы слоновъ не были быстро охвачены холодомъ низкой температуры, то ихъ мясо не могло бы сохраниться. Если бы медленное измѣненіе температуры дозволило постепенное переселеніе въ страны теплыя, то почему ископаемые слоны Америки не спаслись подобно ископаемымъ слонамъ Европы? Почему не удалились они въ Мексику и въ страны соседственныя, которыхъ температура достаточна для ихъ существованія? Почему отъ наводненій не удалились они въ мѣста возвышенныя? — Наконецъ прибавимъ еще одно опроверженіе. По разсматриваемой здѣсь гипотезѣ невозможно объяснить, какимъ образомъ слоны уничтожились въ умѣренныхъ странахъ Европы, особенно въ Италіи, когда все доказываетъ, что они могутъ жить въ странахъ болѣе холодныхъ.

Изъ всего сказаннаго заключаемъ:

1) Слоны, которымъ принадлежали ископаемыя кости, жили нѣкогда въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ лежатъ ихъ остатки.

2) Слоны нынѣ живущіе не суть потомки ископаемыхъ.

Digitized by Google

5) Все, что можно сказать и что было придумано для объясненія ихъ уничтоженія посредствомъ медленнаго пониженія температуры, или посредствомъ прогрессивнаго дѣйствія океана на материки, не можетъ быть допущено.

Нынѣ существуютъ два вида слоновъ, извѣстныхъ со временъ историческихъ: слоны Индійскіе и Африканскіе, и потому любопытно знать, съ которымъ изъ этихъ видовъ ископаемый слонъ имѣетъ бо́льшее сходство. Кажется, что онъ близко подходитъ къ слону Азіатскому: подобно этому, онъ имѣетъ черепъ удлиненный и лобъ вогнутый; но отъ того и другаго вида онъ отличается тупою формою нижней челюсти, величиной коренныхъ зубовъ и въ особенности необыкновеннымъ развитіемъ гнѣздъ, изъ которыхъ выходятъ клыки. Что жъ касается до величины, то онъ кажется не много больше слона Индійскаго. Представьте же себѣ это животное, покрытое шерстью и гривой, съ весьма длинными и бѣлыми клыками, загнутыми въ спираль и свободно выходящими наружу, и съ хоботомъ, котораго образованіе отличалось отъ хоботовъ нынѣшнихъ слоновъ, по причинѣ огромныхъ клыковыхъ гнѣздъ. Такое животное должно отличаться отъ Индійскаго слона болѣе, нежели лошадь отъ осла, или собака отъ лисицы. Словомъ, ископаемый слонъ не могъ быть родоначальникомъ нынѣ живущихъ, также какъ лошадь не происходитъ отъ осла, или собака отъ лисицы.

II. МОСТОДОНТЫ.

Кювье назвалъ *большимъ мостодонтомъ* животное, которое во Франціи долгое время было извѣстно подъ именемъ *животнаго съ рѣки Огіо*. Оно жило въ одно время со слономъ, и кости его находятъ вмѣстѣ съ костями слона въ Сѣверной Америкѣ и рѣже въ Старомъ свѣтѣ. Въ общемъ очертаніи мостодонтъ во многомъ отличается отъ слона: корпусъ его длиннѣе и члены толще, но хоботъ, вѣроятно, походитъ на хоботъ слона. Главное же отличіе мостодонта состоитъ въ коренныхъ зубахъ, которые приближаются къ четыреугольной формѣ, на поверхности своихъ вѣнчиковъ имѣютъ большіе наросты (tubérosités) съ округленными острел-

Digitized by Google

ми, и расположены попарно, въ числѣ восьми или десяти, смотря по виду животнаго. Бюффонъ первый утверждалъ, что ископаемые зубы мостодонта попадаются въ Старомъ свѣтѣ, но судя по ихъ величинѣ, онъ обманулся касательно величины самого животнаго. «Квадратная форма, говоритъ Бюффонъ, этихъ огромныхъ зубовъ доказываетъ, что ихъ должно быть по нѣсколько въ каждой челюсти. Если предположимъ по шести или даже по четыре на каждой сторонѣ, то ужаснемся необыкновенной величинѣ головы, содержащей восемь зубовъ, изъ которыхъ каждый вѣситъ 10 или 12 фунтовъ.» Заключеніе справедливое, если бы взрослые мостодонты имѣли дѣйствительно по 16 зубовъ, какъ предполагалъ Бюффонъ, судя по челюстямъ молодыхъ животныхъ; но мостодонты роняли свои зубы также, какъ слоны, у которыхъ когда прорѣзывается задній зубъ, тогда выпадаетъ передній; въ этомъ увѣрились двумя полными скелетами мостодонта, собранными Американскимъ натуралистомъ Пилемъ.

Первыя свѣдѣнія объ ископаемыхъ костяхъ мостодонта были получены во Франціи въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Французскій офицеръ Лонгёйль нашелъ ихъ на берегу одного болота въ Америкѣ, и привезъ въ Парижъ бедренную кость, конецъ клыка и три коренныхъ зуба. Добантонъ, разсмотрѣвъ находку Лонгёйля, объявилъ, что бедренная кость и конецъ клыка принадлежали слону, а зубы — иппопотаму; потому что Добантонъ не могъ вообразить, чтобъ существовало такое животное, которое имѣло клыки слона и зубы иппопотама. Но вскорѣ послѣ того натуралисты принуждены были допустить существованіе такого животнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ они убѣдились, что нѣкогда жили на землѣ животныя, отличныя отъ современныхъ.

По мѣсту, гдѣ Лонгёйль нашелъ кости ископаемаго животнаго, начали называть его слономъ, мамонтомъ и просто животнымъ Огіо. Но всѣ эти названія несвойственны ему: названіе «Огійскій слонъ» нейдетъ, потому что животное не слонъ; мамонтомъ не прилично называть его потому, что это имя принадлежитъ уже слону Сибирскому; наконецъ нельзя удержать и названіе «Огійскаго животнаго»

Digitized by Google

по той причинѣ, что остатки его находятъ не на однихъ берегахъ Огіо, но во всей Сѣверной Америкѣ и во многихъ мѣстахъ Стараго свѣта. Кювье прозвалъ его *мостодонтомъ*, словомъ, составленнымъ изъ двухъ Греческихъ словъ, означающихъ животное съ бугорчатыми зубами. Природные жители Сѣверной Америки, также какъ Сибиряки, позаботились выдумать басню о своихъ мостодонтахъ. Они говорятъ, что эти огромныя животныя жили въ одно время съ гигантами, и Высшее Существо истребило молніей тѣхъ и другихъ. Когда громъ началъ поражать стадо мостодонтовъ, тогда одинъ самецъ подставилъ свою голову и долго выдерживалъ удары молніи; но будучи раненъ въ бокъ, бросился въ большое озеро, гдѣ и до сихъ поръ скрывается.

Форма зубовъ мостодонтовъ, похожихъ на зубы иппопотама, заставляетъ предполагать, что онъ питался предпочтительно корнями растеній, и безъ сомнѣнія, вырывалъ ихъ изъ мягкихъ и болотистыхъ береговъ рѣкъ; но онъ не жилъ въ водѣ, подобно иппопотаму, за неимѣніемъ плавательныхъ органовъ. Мостодонтъ есть животное чисто сухопутное.

III. ИППОПОТАМЪ, НОСОРОГЪ, ДИНОТЕРІУМЪ, МЕГАТЕРІУМЪ, ЛОШАДЬ И ПР.

Когда Кювье пріобрѣлъ для Парижскаго музея естественной исторіи полный скелетъ нынѣ живущаго иппопотама, тогда только открылась возможность составить полныя понятія объ иппопотамѣ ископаемомъ, котораго остатки находятъ во множествѣ въ песчаныхъ холмахъ долины верхняго Арно вмѣстѣ съ костями носорога и слона. Также при постройкѣ Іенскаго моста выкопали клыкъ иппопотама. Одинъ изъ видовъ этого животнаго, кажется, равнялся нынѣ живущему въ Египтѣ, только шея его должна быть короче. Другой видъ иппопотама не болѣе нашей свиньи; его костей довольно въ Парижскомъ музеѣ, и по нимъ можно вывести правильныя заключенія объ его формѣ, величинѣ и возрастѣ. Наконецъ челюсть со многими зубами заставляетъ допустить существованіе еще третьяго вида, средняго, но ближе подходящаго къ малому, нежели къ большому.

Digitized by Google

Въ древности носороги были многочисленнѣе, нежели въ наше время, и виды ихъ были также разнообразнѣе, нежели виды нынѣ живущихъ. Напримѣръ, принимая во вниманіе одинъ только ростъ, носорогъ Азіатскаго материка, считающійся самымъ большимъ, едва ли вдвое выше носорога Явы, который принадлежитъ къ самому меньшому виду этихъ животныхъ: но между ископаемыми носорогами существовали такіе карлики, которые были вчетверо менѣе носорога Палласа. Остатки этого вида встрѣчаются во множествѣ въ средней и сѣверной Европѣ, и также въ Азіи; онъ отличается отъ нынѣ живущихъ весьма замѣчательнымъ признакомъ: извѣстно, что огромный рогъ нынѣшнихъ носороговъ прикрѣпленъ къ оконечностямъ носовыхъ костей безъ всякой прочной опоры; но Палласовъ носорогъ имѣлъ въ ноздряхъ перегородку, на которую опирался костяной сводъ, служившій основаніемъ рогу. Палласъ нашелъ своего носорога на берегахъ Вилуя, впадающаго въ Лену. Послѣ Палласа было сдѣлано множество подобныхъ открытій, и носороги, сохранившіеся въ сѣверныхъ льдахъ, были покрыты шерстью, также какъ слоны тѣхъ странъ.

Извѣстный геологъ Гюо предложилъ слѣдующую гипотезу для объясненія существованія слоновъ и носороговъ въ сѣверныхъ странахъ Европы и Азіи: онъ предполагаетъ, что тамъ, гдѣ нынѣ находится Шпицбергенъ и острова, извѣстные подъ именемъ Новой Сибири, существовалъ въ древности обширный материкъ, обитаемый большими животными, каковы слоны и носороги; только ихъ организація была приспособлена къ перенесенію холода. Напоръ моря съ сѣвера залилъ этотъ материкъ и перенесъ на сѣверъ Сибири нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ; потомъ вода сбыла и на песчаной почвѣ оставила нѣсколько труповъ, которые, будучи обхвачены холодомъ, сохранились безъ поврежденія до нашего времени. Эта катастрофа, принадлежащая къ новѣйшимъ переворотамъ на нашей планетѣ, объясняетъ скопленіе этихъ животныхъ въ Сибирской почвѣ, и вмѣстѣ подаетъ надежду найдти новые экземпляры при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ; она также согласна съ

Digitized by Google

очертаніемъ береговъ Азіатскаго и Американскаго материка. «Впрочемъ, говоритъ Гюо, не приписывая большой важности этой гипотезѣ, замѣтимъ, что жители Гренландіи утверждаютъ, что внутри ихъ страны существуетъ черное и мохнатое животное, похожее на медвѣдя, шести брассовъ въ вышину.»

Древняя лошадь имѣетъ большое сходство съ нынѣшнею лошадью: все различіе, которое показываютъ ископаемыя кости, состоитъ въ размѣрахъ; эти кости принадлежали животному, которое было повыше нашего большаго осла, жило въ одно время съ носорогомъ и слономъ, и погибло отъ одного и того же переворота. Нынѣ живущей породы лошадей нельзя считать происшедшей отъ древней лошади.

Нѣкоторые остатки, не составлявшіе полнаго экземпляра, заставляли подозрѣвать древнее существованіе тапира, ростомъ равнаго или даже большаго слона; но новѣйшія изысканія въ различныхъ частяхъ Европы, и особенно въ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ, доказали, что упомянутые остатки не принадлежали животному изъ рода тапировъ, но виду или, лучше, двумъ видамъ уничтоженнаго рода *dinotherium*. Цѣлая голова динотеріума была привезена въ Парижъ и выставлена для любознательности публики, которая удивлялась въ ней только ужасной величинѣ, имѣющей болѣе одного метра въ длину и почти столько же въ ширину; но для натуралистовъ она составляла самый привлекательный предметъ изученія. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣвъ мускулы, двигавшіе эту колоссальную голову, положеніе и форму частей, соединявшихъ ее съ корпусомъ, и шарньеръ, на которомъ двигалась челюсть; судя объ объемѣ мягкихъ частей, по величинѣ отверстій, изъ которыхъ выходили кровяные сосуды, назначенные для питанія этихъ частей; разобравъ наконецъ множество самыхъ скрытныхъ признаковъ, натуралисты составили идею объ общемъ строеніи динотеріума, о мѣстѣ его между позвоночными, о родѣ его пищи, о мѣстѣ жительства, и пр. Впрочемъ, по недостатку другихъ костей животнаго, нѣкоторые вопросы остались неразрѣшенными, и теперь можно сказать только то, что динотеріумъ есть млекопитающее, принадлежавшее и къ голымъ толстокожимъ,

Digitized by Google

и къ моржамъ, и къ травоядным китамъ. Подобно симъ послѣднимъ, динотеріумъ питался растительной пищею, и потому долженъ жить въ прѣсныхъ водахъ, при устьяхъ большихъ рѣкъ и въ ихъ лощинахъ; его верхняя губа имѣла необыкновенную величину, а можетъ быть, была свернута въ хоботъ, служила орудіемъ для срыванія травъ, висѣвшихъ надъ водою или плававшихъ на ея поверхности; помощію клыковъ, онъ выкапывалъ сочные и твердые корни растеній. Болѣе всѣхъ толстокожихъ, иппопотамы предпочитаютъ мѣста влажныя; однако часть своей пищи ищутъ они на сушѣ, гдѣ проводятъ большую часть ночи: весьма сомнительно, чтобъ динотеріумъ имѣлъ такія же привычки. Что ему дѣлать на сушѣ? Онъ не могъ кормиться; длинные клыки, обременяя голову, заставляли его держать ее далеко отъ земли и мѣшали ему ходить; въ водѣ же, напротивъ, погруженная его голова много теряла изъ своего вѣса. Должно полагать, что подъ кожею динотеріума находился толстый слой жира, который облегчалъ его плаваніе и даже помогалъ ему держаться въ водѣ безъ движенія; такъ что для дыханія онъ выставлялъ только ноздри, подобно крокодиламъ, и также подобно имъ, онъ могъ поднимать голову посредствомъ двойнаго шарньера, соединяющаго его черепъ съ щеею. Нѣкоторые ученые думаютъ, что посредствомъ длинныхъ зубовъ своихъ дипотеріумъ могъ держаться у береговъ, и выставивъ надъ водою однѣ только ноздри, онъ спалъ спокойно, не заботясь о теченіи воды. Моржъ, выходя на берегъ, можетъ ползать на немъ посредствомъ своихъ лапъ, которыя походятъ на лапы морской коровы: ноги динотеріума имѣли ль такое же устройство? или не были ль онѣ расположены какъ у ламантина, т. е задніе соединялись съ хвостомъ и образовали толстую массу, способствующую плаванью, а переднія представляли плавательныя перья? или, напротивъ, не походили ли онѣ на ноги иппопотама, приноровленныя къ ходьбѣ? Эти вопросы до сихъ поръ не рѣшены, и надобно ожидать открытія новыхъ костей для точнаго ихъ рѣшенія.

Между животными древняго міра, долго считали только два рода, сходные съ тихоходами или лѣнивцами. Одинъ изъ

Digitized by Google

нихъ, *мегалоникса* былъ вырытъ въ одной пещерѣ въ Сѣверной Америкѣ; объемъ его, по крайней мѣрѣ, равнялся хорошему Швейцарскому или Венгерскому быку. Сначала приняли его за животное плотоядное, превосходящее ростомъ льва; но Кювье обнаружилъ ошибку. Исторія мегалоникса замѣчательна тѣмъ, что въ первый разъ была написана Джефферсономъ, который получилъ объ немъ свѣдѣніе отъ Вашингтона. Другое животное, принадлежавшее къ тому же семейству и замѣчательное по своимъ огромнымъ размѣрамъ, есть *мегатеріумъ*, котораго почти всѣ кости были найдены въ одномъ мѣстѣ, такъ что безъ труда составили полный скелетъ. Мегатеріумъ почти равняется слону; его голова во многомъ сходна съ головою тихохода; отличается же отъ нея хоботомъ или, по крайней мѣрѣ, весьма длиннымъ рыломъ, которое впрочемъ болѣе, нежели у тапира, но менѣе, нежели у слона. Короткая шея слона требовала хобота: для животнаго же ископаемаго, имѣвшаго небольшую голову, далеко отстоящую отъ плечъ, хоботъ былъ бы совершенно безполезенъ или даже безпокоилъ бы его. Нижняя челюсть мегатеріума была очень велика, потому что въ ней помѣщались огромные зубы, чудесно приноровленные для жеванія корней, вырываемыхъ имъ посредствомъ когтей, которыми были вооружены три или пять его пальцевъ переднихъ ногъ. Задніе члены мегатеріума были устроены грубо и прочно, и соединеніе ихъ съ тазомъ приноровлено для поддержанія его тяжелаго корпуса, который сверхъ того могъ опираться на длинный и толстый хвостъ, когда животное оставалось въ покоѣ. Тяжесть корпуса мегатеріума увеличивалась еще чешуйчатой броней, которою онъ былъ покрытъ, подобно другимъ беззубымъ тату и панголину. Неожиданное существованіе брони на мегатеріумѣ доказалъ Донъ-Дамазіо Ларангайя (Larangaia); онъ же опредѣлилъ истинную величину хвоста этого животнаго.

Тѣ же страны, въ которыхъ сохранился скелетъ мегатеріума, скрывали въ себѣ остатки другаго животнаго, не менѣе примѣчательнаго по своему росту. Это животное, которое должно причислить къ грызущимъ, представляетъ

Digitized by Google

также сходство съ толстокожимъ, съ беззубыми и даже съ травоядными китами; такъ что оно, подобно денотеріуму, служитъ доказательствомъ, что многія животныя древняго міра принадлежали разнымъ порядкамъ млекопитающихъ. Его назвали *токсодономъ*, по причинѣ дугообразныхъ его зубовъ. Голова токсодона была найдена на берегахъ Сарандиса, одного изъ притоковъ Рio-Негро, въ сорока лье къ сѣверо-западу отъ Монтевидео; она лежала въ глинѣ новаго образованія; длина ея содержитъ два фута и четыре дюйма, а наибольшая ширина одинъ футъ и четыре дюйма. Въ этой головѣ замѣчательно затылочное отверстіе, чрезъ которое головный мозгъ сообщается съ позвоночнымъ. Положеніе затылочнаго отверстія у разныхъ животныхъ составляетъ важный предметъ для изслѣдованія анатомовъ. У человѣка, который ходитъ стоймя, голова помѣщается на позвоночномъ столбѣ такимъ образомъ, что затылочное отверстіе горизонтально и находится по срединѣ основанія черепа. У животныхъ, которымъ назначено ходить на четырехъ ногахъ, положеніе этого отверстія должно быть различное, и Добантонъ первый замѣтилъ, что по мѣрѣ того, какъ животныя нисходятъ въ лѣстницѣ творенія и уменьшаются ихъ умственныя способности, затылочное отверстіе болѣе удаляется отъ средины черепа и отъ горизонтальнаго положенія. Къ этому послѣднему роду животныхъ принадлежитъ токсодонъ.

Остатки животныхъ, о которыхъ я теперь намѣренъ говорить, найдены въ почвахъ, древность которыхъ несомнительна; эти животныя имѣютъ всѣ признаки, доказывающіе, что они не принадлежатъ ни къ какому изъ нынѣ живущихъ родовъ, и замѣчательно, что до истребившаго ихъ наводненія они жили во Франціи; большая часть гипсовыхъ каменноломенъ служила имъ гробницею, особенно Монмартръ былъ послѣднимъ ихъ убѣжищемъ. Геніальный ученый, жившій близъ мѣстъ, заключающихъ столь драгоцѣнные остатки, разсмотрѣлъ ихъ, классифировалъ, и такъ сказать, воссоздалъ ихъ по прошествіи многихъ вѣковъ. Трудъ его былъ не легокъ. Правда, работники довольно часто находили въ каменноломняхъ остатки животныхъ; но эти остатки были

Digitized by Google

весьма хрупки; ихъ часто разбивали безъ вниманія. Сколько тысячъ костей навсегда пропали для любознательности натуралистовъ! Только съ того времени, какъ подобныя изысканія привлекли вниманіе многихъ ученыхъ, начали придумывать возможныя средства къ сохраненію костей. Но какъ изъ кучи костей выбрать именно тѣ, которыя принадлежали одному роду, одному виду?

Формой зубовъ, ихъ числомъ и размѣщеніемъ Кювье увѣрился, что животныя, которымъ принадлежали эти остатки, суть травоядныя и должны быть изъ порядка толстокожихъ, т. е. изъ семейства, составленнаго изъ слоновъ, тапировъ, иппопотама, свиньи и носорога. Натуралисты недостаточно знали это семейство, потому что трудно было имѣть полные скелеты: по этой причинѣ Кювье удовольствовался сначала только общими заключеніями; но вскорѣ потомъ онъ началъ различать зубы, принадлежащіе разнымъ видамъ, и возсоздавать челюсти и цѣлыя головы. Перешедши къ изученію ногъ, онъ достигъ такихъ же результатовъ, подтвержденныхъ новыми открытіями. Такимъ образомъ онъ составилъ головы двухъ видовъ, изъ которыхъ одному далъ названіе *палеотеріума*, а другому — *аноплотеріума*. Между аноплотеріумами онъ различилъ многіе подъ-роды, между же палеотеріумами — многіе виды. Теперь трудность состояла въ подборѣ ихъ, приличныхъ для упомянутыхъ головъ. Сперва Кювье принялъ въ основаніе объемы и пропорціональность частей, а потомъ уже руководствовался аналогіею, судя по соотвѣтственности частей въ различныхъ извѣстныхъ видахъ. Напримѣръ, голова палеотеріума была сходна съ головою тапира по числу, расположенію, свойству зубовъ и по другимъ подробностямъ ея формы; вмѣстѣ съ тѣмъ Кювье имѣлъ ноги, похожія на тапировыя: отсюда онъ заключилъ, что ноги и голова должны принадлежать одному и тому же животному. Различная величина этихъ ногъ прямо указывала на различные виды палеотеріума и служила подтвержденіемъ предварительныхъ предположеній. Касательно аноплотеріума Кювье шелъ тѣмъ же путемъ: изъ устройства головы онъ видѣлъ, что должны существовать родъ и многіе подъ-роды,

Digitized by Google

и потому не удивился, найдя различной величины ноги, которыя слѣдственно соотвѣтствовали головамъ различныхъ подъродовъ. Легко понять геніальность такихъ изслѣдованій и ту глубину естественныхъ знаній, которой обладалъ Кювье. Не надобно объ этомъ распространяться, и довольно сказать, что туловище было составлено также, какъ голова и ноги, и что непогрѣшительность и превосходство этой методы обнаружились тѣмъ, что всѣ животныя, найденныя впослѣдствіи въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, оправдали аналогическія заключенія, и не было надобности исправлять ихъ.

Палеотеріумъ отличается отъ аноплотеріума крѣпкимъ глазнымъ зубомъ, похожимъ на зубъ вепря; только у палеотеріума онъ менѣе выставленъ, нежели у послѣдняго; у палеотеріума онъ закрытъ совершенно губами, какъ у гиппопотама, тапира и свиньи. Но аноплотеріумъ не имѣетъ такого зуба. Это различіе открываетъ разность характеровъ того и другаго животнаго: аноплотеріумъ былъ смиренъ, что означаетъ и самое его названіе; потому что слово «аноплотеріумъ» составлено изъ двухъ словъ Греческихъ, означающихъ животное безобидное; «палеотеріумъ» же значитъ только животное древнее. Къ роду палеотеріума принадлежатъ животныя большія, малыя, среднія, толстыя и короткія. Для аноплотеріума равномѣрно приняты названія по объему тѣла и по пропорціональности его частей.

Гипсовая Парижская почва, кромѣ упомянутыхъ животныхъ, заключаетъ рѣдкіе остатки двухъ другихъ толстокожихъ. Одно, названное *хероптамомъ*, кажется, еще ближе подходитъ къ свиньѣ, нежели аноплотеріумъ. Другое животное—*адапсъ*, по расположенію и строенію зубовъ, принадлежало къ всеядным. Наконецъ, чтобъ ничего не опустить касательно исторіи четвероногихъ, населявшихъ въ древности нашу землю, надобно упомянуть, что въ различныхъ мѣстахъ Франціи нашли остатки толстокожихъ, названныхъ *лофіодонами*. Лофіодонъ долженъ быть современникомъ палеотеріума, болѣе его приближался къ тапиру, и имѣлъ болѣе двѣнадцати видовъ различной величины, отъ быка до Сіамской свиньи.

Digitized by Google

IV. млекопитающія морскія. ископаемыя птицы.

Чтобъ кончить древнюю зоологію высшихъ классовъ, остается сказать нѣсколько словъ о млекопитающихъ морскихъ, которыя, отличаясь признаками, позволявшими имъ жить въ водѣ и воздухѣ, должны были предшествовать млекопитающимъ сухопутнымъ. Ихъ остатки находятъ въ почвахъ, которыя древнѣе почвъ, заключающихъ кости палеотеріума и лофіодона. Съ перваго взгляда казалось, что морскія млекопитающія могли лучше, нежели прочія животныя сухопутныя, сопротивляться переворотамъ, производимымъ моремъ; но наблюденія не подтвердили этого положенія: сравненіе видовъ ископаемыхъ съ нынѣ живущими доказываетъ, что ни одинъ изъ нихъ не сохранился въ первоначальномъ своемъ состояніи. Было время, когда смѣшивали всѣ виды сухопутныхъ животныхъ и многія изъ нихъ считали морскими, а потому неудивительно, что кости, находимыя во множествѣ въ различныхъ мѣстахъ, принимали за кости морскихъ породъ, за кости тюленя, ламантина и другихъ подобныхъ животныхъ. Но кости тюленей, ламантиновъ, моржей и всѣхъ большихъ китовидныхъ чрезвычайно рѣдки.

Извѣстно, что у ламантиновъ нѣтъ заднихъ членовъ, и передніе также весьма коротки и служатъ только для плаванія, хотя они имѣютъ довольно ловкости и силы зацѣпляться за землю. Сквозь кожу, покрывающую оконечности ихъ переднихъ членовъ, ясно видны пять пальцевъ, изъ которыхъ четыре вооружены плоскими и округленными ногтями; такъ что эти члены, сравнительно съ плавательными перьями прочихъ китовидныхъ, можно назвать *руками*. «Эти «животныя, говоритъ Кювье, имѣютъ сосцы на груди, и переднюю часть своего тѣла весьма часто поднимаютъ изъ «воды; названіе «рукъ», данное ихъ плавательнымъ перьямъ, «рождаетъ мысль объ ихъ сходствѣ съ нашими руками; на«конецъ ихъ морды покрыты шерстью, которая могла ка«заться волосами: — всѣ эти признаки были основаніемъ

Digitized by Google

«баснословныхъ разсказовъ. Португальцы и Испанцы назы-«вали ламантина pesce-mulher, pesce-dona, т. е. *рыба-«женщина*. Дюгонгъ или Индійскій моржъ, принадлежащій «также къ семейству ламантиновъ, назывался *бородатымъ чело-«вѣкомъ*. Отъ этихъ названій недалеко предположеніе о суще-«ствованіи животнаго, похожаго на полу-человѣка и полу-«рыбу, и для путешественника невнимательнаго и мечтатель-«наго нетрудно было окончить метаморфозу.» Всѣмъ баснямъ о тритонахъ и сиренахъ мы обязаны этимъ животнымъ и неправильнымъ ихъ описаніямъ; отсюда же произошли раз-сказы о морскомъ человѣкѣ и о морской женщинѣ, собранные Мальетомъ, Ламенэй-де-Буа и другими болѣе учеными, чѣмъ разсудительными писателями.

Хотя ламантинъ встрѣчается нынѣ только въ жаркомъ поясѣ, однако жилъ нѣкогда и въ древнемъ морѣ, покрывшемъ Европу своими раковинами. Въ самомъ дѣлѣ, ископаемыя кости, очевидно принадлежавшія ламантину, найдены въ различныхъ мѣстахъ Франціи, близъ Анжера, Монтобена, въ окрестностяхъ Манта (Mantes), въ слояхъ земли, снятыхъ для постройки новой машины въ Марли и близъ Лонжюмо. Кости дельфина также рѣдки въ ископаемомъ видѣ, какъ и ламантина. Нѣкоторыя изъ нихъ, найденныя во Франціи, показываютъ, что древніе виды были отличны отъ нынѣ существующихъ животныхъ. Тоже можно сказать о нарвалѣ, прославившемся своимъ рогомъ или, лучше, зубомъ, который въ продолженіе многихъ столѣтій составлялъ предметъ любопытства и торговли. Что жъ касается до кашлотовъ и гипероодоновъ, то ихъ ископаемыхъ остатковъ найдено еще менѣе.

Хотя моря древняго міра были населены китами, которые не много отличались отъ нынѣ живущихъ, однако малознающіе люди весьма часто ошибаются и огромныя кости этихъ морскихъ животныхъ принимаютъ за кости сухопутныхъ млекопитающихъ особенныхъ родовъ и необыкновенной величины. Между такими костями, самая знаменитая была открыта въ Парижѣ 1779 г. однимъ винопродавцемъ

Digitized by Google

въ улицѣ Дофина. Роя въ своемъ погребѣ, онъ нашелъ кость замѣчательной величины, и не желая принять необходимыхъ предосторожностей вынуть ее цѣлою, онъ велѣлъ ее расколоть и вынулъ одну часть, которая вѣсила 227 фунтовъ. Изъ натуралистовъ, одинъ, Ломанонъ, взялъ на себя трудъ разсмотрѣть ее. Онъ снялъ съ нея слѣпокъ, составилъ рисунокъ, который вмѣстѣ съ описаніемъ помѣстилъ въ «Journal de phisique». Ломанонъ тогда же призналъ ее за кость изъ китовой головы. Впослѣдствіи кость эта перешла въ Гарлемскій музей Тейлера, откуда полученъ былъ вѣрнѣйшій съ нея слѣпокъ для Парижскаго музея. По описанію Ломанона и по этому послѣднему слѣпку, Кювье увѣрился, что кость дѣйствительно принадлежала древнему виду кита, столько различающемуся отъ нынѣ живущихъ, что великій натуралистъ нашелъ необходимымъ допустить древнее существованіе особеннаго рода, названнаго имъ *ziphius*. Животныя этого рода не походили ни на китовъ, ни на кашелотовъ, ни на гипероодоновъ. Они, въ порядкѣ китовидныхъ, занимали то же мѣсто, какое занимаютъ аноплотеріумъ въ порядкѣ толстокожихъ, а мегатеріумъ и мегалониксъ въ порядкѣ беззубыхъ.

Долгое время натуралисты сомнѣвались въ существованіи ископаемыхъ птицъ. Хотя нѣкоторые ученые разрѣшали этотъ вопросъ положительно, однако ихъ показанія встрѣчали непреодолимыя возраженія. Но въ 1782 г. на Монмартрѣ нашли настоящій орнитолитъ (такъ называютъ ископаемые остатки птицъ). Послѣ того Кювье получилъ значительное число орнитолитовъ изъ каменноломней Парижскихъ окрестностей, и упомянутое сомнѣніе перешло въ достовѣрность. Изъ орнитолитовъ Парижскихъ каменноломенъ составили 11 или 12 видовъ птицъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, два принадлежатъ птицамъ хищнымъ. Впрочемъ нельзя полагаться на точность этихъ опредѣленій, потому что различія между птицами не такъ ясны, какъ между млекопитающими.

Digitized by Google

V. ПРЕСМЫКАЮЩІЯСЯ, ЧЕРЕПОКОЖНЫЯ И МОЛЮСКИ.

Теперь переходимъ къ другому возрасту нашего міра. Если любопытны и поучительны изысканія геологовъ въ верхнихъ слояхъ земли, то не менѣе интересны изслѣдованія древнѣйшихъ ея слоевъ. Тогда земля была населена пресмыкающимися съ холодною кровью, а море наполнено было раковинами, которыя нынѣ весьма рѣдки. Тогда земля, только что открывшаяся изъ-подъ океана, состояла изъ острововъ, на которыхъ произрастали растенія, простыя по своему строенію, но многочисленныя и могучія.

Изъ числа пресмыкающихся, крокодилы суть самыя древнія. Ихъ кости встрѣчаются не только въ пластахъ средняго возраста, каковы суть гипсовые Монмартра, но и въ пластахъ древнѣйшаго образованія, въ окрестностяхъ Кана (Caen) и Гонфлёра: въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ остатки крокодиловъ смѣшаны съ пресмыкающимися особеннаго рода, которыя названы *ихтіозарусами* и *плезіозарусами*. Кажется, что крокодилы были весьма обыкновенны въ упомянутую эпоху, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Кана; ибо съ того времени, какъ вниманіе натуралистовъ было обращено на ископаемые остатки этихъ мѣстъ, найдено болѣе десяти экземпляровъ одного рода. Виды, жившіе около Гонфлёра, не должны быть малочисленнѣе. Въ Парижскомъ музеѣ сохраняется полная голова, которою мы обязаны заботамъ и терпѣнію Кювье. Исторія этого открытія любопытна. Кювье получилъ двѣ нижнія челюсти крокодила, найденныя близъ Гонфлёра; не смотря на ихъ сходства, онъ не принялъ ихъ за принадлежавшія одному виду. «Двѣ полученныя мною челюсти, пишетъ Кювье, навели меня на предположеніе, что въ Гонфлёрѣ могли существовать два вида крокодиловъ, и тогда я желалъ имѣть черепъ и верхнюю челюсть. Въ коллекціи костей, доставленной мнѣ изъ Руана, были нѣкоторые ихъ остатки. Но первый владѣлецъ коллекціи имѣлъ несчастную мысль обдѣлать и отполировать кости, и часть ихъ онъ роздалъ даже въ другія кабинеты. Случай помогъ мнѣ собрать шесть кусковъ, при-

Digitized by Google

надлежавшихъ одному черепу: изъ этихъ кусковъ два находились у аббата Башелье, два въ кабинетѣ Дрея и два были присланы ко мнѣ изъ Женевы. Изъ нихъ я составилъ значительную часть черепа, затылокъ и большую часть лба до морды. Потомъ, также случайно, я пріобрѣлъ три осколка одной морды изъ кабинетовъ аббата Бессона и Фожаза. Составивъ изъ нихъ морду, я вздумалъ приставить ее къ неполному черепу, и, къ полному моему удовольствію, морда какъ нельзя лучше пришла къ черепу. Такимъ образомъ изъ девяти кусковъ, полученныхъ мной изъ разныхъ мѣстъ, образовалась полная голова.» По этой головѣ должно заключить, что древній видъ крокодиловъ, жившихъ около Гонфлёра, различается отъ нынѣ живущихъ: 1) величиной головы, которая не менѣе трехъ футовъ, между тѣмъ какъ въ головѣ нынѣшняго самаго большаго экземпляра, принадлежащаго Кювье, только 31 дюймъ; 2) острою мордою, несмотря на огромность головы; 3) узкимъ затылкомъ, и наконецъ 4) тѣмъ, что въ ископаемой головѣ морда съуживается не вдругъ, но постепенно, почти неприметно. Такое различіе двухъ видовъ рѣзко обозначается и во всѣхъ другихъ ихъ частяхъ, именно, въ позвонкахъ и въ конечныхъ костяхъ.

Черепахи, кажется, также древни, какъ и крокодилы. Первыя соединены съ послѣдними во всѣхъ слояхъ, начиная съ древнѣйшихъ до самыхъ новыхъ; но нигдѣ не находятся въ такомъ множествѣ, какъ въ формаціяхъ, которыя заключаютъ остатки палеотеріума, и въ особенности около Парижа. Между остатками череповъ встрѣчаются такіе, которые доказываютъ, что многія изъ этихъ животныхъ, какъ и большая часть пресмыкающихся, находимымъ въ древнихъ почвахъ, были огромной величины.

Почти во всѣхъ мѣстахъ Тюрингіи, на границахъ герцогства Гессенскаго до Франконіи и Баваріи, распространенъ рухляковый и смолистый пластъ сланца, съ примѣсью зеренъ мѣднаго колчедана; этотъ пластъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ, содержащихъ остатки органическихъ тѣлъ, и вѣроятно глубочайшій изъ заключающихъ въ себѣ кости крокодиловъ; между тѣмъ, будучи закрытъ огромною массою

Digitized by Google

самыхъ древнихъ морскихъ произведеній, онъ, кажется, образовался подъ прѣсною водою, что доказывается находимыми въ немъ рыбами; по этому надобно думать, что онъ былъ нѣкогда открытъ, и потомъ залитъ моремъ. Долгое время не знали, какому животному принадлежали находимые въ немъ остатки, и относили ихъ къ крокодиламъ. Это мнѣніе, принимаемое и отвергаемое натуралистами, окончательно уничтожилъ Кювье, который доказалъ, что упомянутые остатки принадлежали ящерицамъ изъ рода мониторовъ.

Чтобъ кончить о животныхъ, принимаемыхъ за крокодиловъ, остается упомянуть объ ископаемомъ, которое сдѣлалось извѣстнымъ подъ именемъ *большаго Мастрихтскаго животнаго*. Оно не есть настоящій крокодилъ; но также должно быть причислено къ роду мониторовъ, или, лучше, къ особенному роду, близкому къ мониторамъ и игуанамъ. Натуралисты ошибались по причинѣ его огромности въ сравненіи съ тѣми пресмыкающимися, къ которымъ оно болѣе приближалось. Дѣйствительно, это животное по крайней мѣрѣ въ десять разъ длиннѣе ихъ. Въ его скелетѣ считаютъ 133 позвонка; голова равняется почти 4 футамъ; хвостъ, длиной въ 10 фут., тянется, разширяясь, и имѣетъ видъ весла. Длина его тѣла болѣе 24 футовъ. Крѣпкій хвостъ позволялъ ему презирать морскія бури: ибо хотя эта громадная ящерица принадлежитъ къ роду пресмыкающихся, изъ которыхъ ни одно не живетъ нынѣ въ морѣ; однако она, безъ сомнѣнія, была морскимъ животнымъ. Названіе *Мастрихтскаго животнаго* предлагали перемѣнить на *мозозауруса*.

Во многихъ мѣстахъ найдены пресмыкающіяся, относящіяся къ родамъ, болѣе или менѣе подходящимъ къ животному Мастрихтскому, и которыя также можно принимать за большихъ ящерицъ. Таковы, напримѣръ, остатки животнаго, которое Кювье предлагалъ назвать *геозаурусомъ*; они были найдены въ окрестностяхъ Мапгейма. Должно полагать, что животное имѣло отъ 12 до 13 ф. длины, почему и думали назвать его *гигантскою ящерицею*; но это названіе не можетъ быть нынѣ принято; потому что животное Мастрихт-

Digitized by Google

ское, принадлежащее къ тому же роду, вдвое болѣе его, и есть еще другая ящерица, имѣющая бо́льшую величину: это послѣднее пресмыкающееся назвалъ Кювье *мегалозаурусомъ*; его остатки найдены въ окрестностяхъ Оксфорда знаменитымъ Англійскимъ натуралистомъ Букландомъ. Огромность костей показала, что это животное имѣло 45 фут. длины. Впрочемъ такое заключеніе справедливо только въ томъ случаѣ, когда пресмыкающееся имѣло форму монпторовъ, у которыхъ хвостъ составляетъ треть всего корпуса; если же оно относится къ животнымъ съ менѣе длиннымъ хвостомъ, то длину его должно полагать въ 30 фут. Острые зубы доказываютъ обжорливость мегалозауруса, а другія части свидѣтельствуютъ, что огромное животное обитало въ морѣ, и притомъ не въ одномъ мѣстѣ; потому что сходные съ нимъ остатки найдены въ графствѣ Суссексъ. Между этими остатками попались зубы, имѣющіе признаки зубовъ травоядныхъ, и которые такъ похожи на зубы млекопитающихъ, что Кювье принялъ ихъ за зубы носорога. Эта ошибка привела его въ недоумѣнье объ отношеніяхъ между костями и почвою; великій натуралистъ замѣтилъ ее только при разборѣ большаго числа зубовъ, однихъ цѣлыхъ, другихъ болѣе или менѣе испорченныхъ.

Пресмыкающіяся изъ семейства ящерицъ суть созданія самыя необыкновенныя; ихъ организація представляетъ натуралистамъ формы самыя неожиданныя. Въ концѣ прошедшаго вѣка, въ Эйштедтѣ, повыше Соленгофена, въ известковыхъ сланцахъ, нашли полный скелетъ животнаго, о которомъ послѣдовательно были дѣлаемы различныя заключенія. По мнѣнію однихъ ученыхъ, это была птица; другіе говорили, что это млекопитающее, которое принадлежало къ промежуточному виду, подобному летучей мыши, которая находится между млекопитающими и птицами. Одинъ натуралистъ былъ въ этомъ такъ увѣренъ, что нарисовалъ цѣлое животное, покрытое волосами. Другой натуралистъ призналъ его за пресмыкающееся. Послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса, и смотря на скелетъ этого животнаго, удивляешься ошибочнымъ заключеніямъ натуралистовъ; но удивленіе исче-

Digitized by Google

заетъ, когда замѣтимъ, что животное соединяло въ себѣ признаки, принадлежащіе каждому изъ трехъ классовъ, къ которымъ его относили. Дѣйствительно, животное имѣло, какъ птица, длинную шею и сравнительно съ нею весьма короткій корпусъ. Оно имѣло крылья летучей мыши. По формѣ прочихъ членовъ и хвоста, оно такъ походило на млекопитающихъ, что до сихъ поръ многіе натуралисты не рѣшаются признать его за пресмыкающееся. Черепъ его малъ, какъ у послѣднихъ; оно имѣло 60 зубовъ въ птичьемъ клювѣ. Кювье, посвятившій этому странному животному цѣлую главу своего безсмертнаго сочиненія, доказалъ, что оно, безъ сомнѣнія, принадлежало къ летучимъ пресмыкающимся, и потому назвалъ его *птеродактилемъ*. «Вотъ — говоритъ Кювье — животное, которое, по своей остеологіи, начиная съ зубовъ до оконечности костей, имѣетъ всѣ признаки ящерицъ; нельзя сомнѣваться, чтобъ оно не сходствовало съ ними и въ покровахъ, и въ мягкихъ частяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, животное снабжено было органами летанія, и въ покоѣ, мало пользы приносили бы ему переднія оконечности, если бы оно не складывало ихъ подобно крыльямъ; притомъ, помощію короткихъ переднихъ когтей, оно могло цѣпляться за вѣтви деревьевъ; по землѣ же оно должно было ходить на заднихъ ногахъ, подобно птицѣ, и держать шею прямо, чтобъ сохранить равновѣсіе съ огромной головой.» По этимъ даннымъ можно сдѣлать заключеніе объ его образѣ жизни; но удивительная его форма съ перваго взгляда покажется произведеніемъ больнаго воображенія, которое участвовало въ составленіи нѣкоторыхъ фантастическихъ Китайскихъ картинокъ. Кювье видѣлъ такую картинку, вырванную изъ Китайской естественной исторіи: тутъ нарисована летучая мышь съ голубинымъ клевомъ и съ длиннымъ хвостомъ фазана. Въ птеродактилѣ всего удивительнѣе крѣпкія крылья, которыя считались изобрѣтеніемъ поэтической фантазіи, создавшей драконовъ, которые оспоривали землю у человѣка, и которыхъ уничтоженіе относили къ подвигамъ героевъ, полубоговъ и боговъ. Нынѣ только одно пресмыкающееся имѣетъ крылья; въ память баснословныхъ преданій натуралисты назвали его дракономъ. Но но-

Digitized by Google

нѣйшіе драконы не могутъ идти въ сравненіе съ птеродактилемъ; ихъ крылья весьма слабы и помогаютъ только перепрыгивать съ вѣтви на вѣтвь. Всѣ драконы суть животныя мелкія, живутъ въ глубинѣ лѣсовъ, которыми покрыты нѣкоторыя страны Африки и часть острововъ Индійскаго океана, въ особенности Ява и Суматра. Въ этихъ пустыняхъ драконы питаются насѣкомыми, прыгая или, если угодно, перелетывая съ вѣтви на вѣтвь; они рѣдко спускаются на землю, потому что ползаютъ съ большимъ трудомъ. Механизмъ летательнаго снаряда птеродактиля существенно отличается отъ летательнаго механизма и драконовъ, и птицъ, и летучихъ мышей. Въ крыльяхъ птицъ нѣтъ ничего сходнаго съ пальцами млекопитающихъ; крылья летучихъ мышей натягиваются между четырьмя длинными пальцами, оставляя пятый свободнымъ; крыло же птеродактиля поддерживалось однимъ длиннымъ пальцемъ.

Послѣдняя глава великаго сочиненія Кювье начинается слѣдующими словами: «мы дошли до тѣхъ животныхъ, которыя изъ всѣхъ пресмыкающихся, а можетъ быть изъ всѣхъ ископаемыхъ животныхъ, наименѣе походятъ на всѣхъ доселѣ извѣстныхъ обитателей земли, и которыя изумляютъ натуралиста комбинаціями своего строенія до того, что онъ не можетъ имъ вѣрить, пока не увидитъ собственными глазами.» Первый родъ этихъ животныхъ имѣетъ морду дельфина, зубы крокодила, голову и грудную кость ящерицы, лапы кита, и наконецъ позвонки рыбы. Въ другомъ родѣ тѣ же лапы кита, голова ящерицы, но длинная шея, подобная змѣиной. Вотъ что осталось намъ отъ *плезіозауруса* и отъ *ихтіозауруса*, погребенныхъ подъ грудами песку и мрамора. Остатки ихъ въ особенности многочисленны въ Англіи; жаль только, что они не такъ хорошо сохранились, чтобъ можно было составить изъ нихъ цѣлое животное. Впрочемъ, не смотря на это обстоятельство и на неправильность ихъ устройства, они походятъ на ящерицу болѣе, нежели на всякое другое извѣстное животное. Эти ящерицы жили въ морскихъ водахъ и плавали въ нихъ свободно. Ихтіозаурусъ имѣлъ посредственный хвостъ, длинную и острую морду, острые зубы; боль-

Digitized by Google

ніе глаза помогали ему видѣть ночью. Вѣроятно, онъ не имѣлъ ушей, и барабанная перепонка образовалась изъ кожи, какъ у хамелеона и саламандры. Онъ дышалъ прямо, а не чрезъ воду, и потому часто поднимался на ея поверхность. Повидимому, онъ не могъ ползать подобно тюленю, и попавшись на мель, оставался неподвижнымъ, какъ дельфинъ и китъ. Онъ жилъ въ морѣ. Длина его различна, начиная отъ трехъ футовъ до тридцати. Плезіозаурусъ величиною замѣчательнѣе ихтіозауруса; но главное его отличіе состояло въ огромной шеѣ, похожей на змѣиную, и которая оканчивалась головою ящерицы. Хвостъ плезіозауруса походилъ болѣе на хвостъ четвероногаго, нежели пресмыкающагося.

Теперь остается заключить статью нашу замѣчаніями о рыбахъ и молюскахъ древняго міра. Хотя давно были замѣчены слѣды этихъ животныхъ на нѣкоторыхъ горнокаменныхъ породахъ, особенно листоваго сложенія; однако палеонтологи начали поздно заниматься ими основательно. Отъ этого ихтіологія долго оставалась въ бо́льшемъ небреженіи, нежели другія вѣтви зоологіи. Главная причина такого опущенія состояла въ томъ, что слѣды рыбъ не столько примѣтны, какъ остатки, помощію которыхъ возпроизвели исчезнувшіе виды млекопитающихъ и пресмыкающихся. Въ самомъ дѣлѣ, ихтіолиты встрѣчаются не въ видѣ полныхъ скелетовъ, но въ видѣ отпечатковъ, въ которыхъ можно узнавать общую форму животнаго, но чаще только форму и расположеніе чешуи; иногда же находили самую чешую, потому что многія рыбы древняго міра имѣли чешую, менѣе подверженную разрушенію, нежели нынѣшнія. Разсматривія внимательно эти остатки, эти отпечатки, находятъ весьма много различій, и анологія не позволяетъ сомнѣваться, чтобъ различія въ наружныхъ признакахъ не отразились на всей организаціи. На такомъ основаніи, между ископаемыми рыбами открыли видовъ и родовъ гораздо больше, нежели подозрѣвали, и надѣялись возсоздать ихъ по тѣмъ правиламъ, которыя были столько полезны при изслѣдованіяхъ высшихъ позвоночныхъ. Но очевидно, что возсозданіе рыбъ исчезнувшихъ будетъ тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ основательнѣе

Digitized by Google

изучатъ живущихъ и чѣмъ лучше узнаютъ соотношенія ихъ костей. Можно сказать, что изслѣдованіе ихтіолитовъ заставило признать пропускъ въ зоологіи, и побудило Кювье приняться за исторію рыбъ, которую продолжаетъ нынѣ его сотрудникъ Валансьенъ. Во время составленія этой обширной исторіи, столь много было собрано матеріаловъ для исторіи рыбъ ископаемыхъ, что Агазисъ, натуралистъ, преимущественно посвятившій себя этому роду занятій, считалъ ихъ вполнѣ достаточными для ихтіологіи древняго міра. Изучая въ одно время рыбъ ископаемыхъ и живущихъ, и обращая особенное вниманіе на признаки первыхъ, Агазисъ открылъ между ними такіе, которыми пренебрегали его предшественники, и посредствомъ которыхъ онъ классифировалъ ископаемыхъ рыбъ удовлетворительнѣе, нежели Кювье и Артеди.

Объ остаткахъ молюсковъ, многочисленныхъ во всѣхъ почвахъ, образовавшихся въ моряхъ древняго міра, будемъ говорить какъ объ указаніяхъ температуры земной коры въ различныя геологическія эпохи. Многіе натуралисты съ этой точки зрѣнія разсматривали остатки органическихъ тѣлъ, но ихъ изслѣдованія наиболѣе относились или къ растеніямъ, или къ животнымъ позвоночнымъ и даже къ сухопутнымъ млекопитающимъ; между тѣмъ изъисканія надъ морскими животными, какъ живущими въ средѣ постоянной температуры, заслуживаютъ, кажется, особеннаго вниманія; потому что по причинѣ своей неподвижности, молюски и зоофиты способны указывать на температуру ихъ жилищъ. Это замѣтилъ первый Дешэ, въ запискѣ, въ которой онъ старался опредѣлить среднюю температуру эпохъ, соотвѣтствующихъ образованію различныхъ слоевъ Европейскихъ третичныхъ формацій, помощью сравнительнаго изученія раковинъ ископаемыхъ и новѣйшихъ. Полученные имъ результаты замѣчательны точностью, которой нельзя было ожидать отъ изъисканій относительно столь отдаленныхъ эпохъ. Когда разсмотримъ настоящее распредѣленіе молюсковъ, то увидимъ, что число ихъ видовъ увеличивается съ приближеніемъ къ экватору. При 80° широты, найдено только отъ 10 до 12 видовъ, и потомъ по-

Digitized by Google

степенно увеличивалсь, число ихъ доходитъ до 900 въ моряхъ Сенегальскомъ и Гвинейскомъ. Въ этихъ крайнихъ предѣлахъ, каждый поясъ представляетъ нѣкоторое число видовъ, находящихся въ поясахъ сосѣдственныхъ, болѣе въ странахъ, обращенныхъ къ экватору, и менѣе въ странахъ, лежащихъ къ полюсу; но каждый поясъ имѣетъ виды, собственно ему принадлежащіе, и которыхъ существованіе слѣдственно тѣсно связано съ его температурою. Если эти виды находятся въ ископаемомъ состояніи въ осадочной почвѣ, то они весьма удовлетворительно показываютъ температуру страны въ ту эпоху, когда образовалась упомянутая почва, и показаніе это тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе находимъ видовъ ископаемыхъ, сходныхъ съ видами, живущими въ той же морской странѣ.

Въ отношеніи геологическомъ, третичныя почвы раздѣляетъ Деца на три группы, изъ которыхъ упомянемъ только о двухъ, прямо относящихся въ нашей цѣли. Почвы новѣйшаго образованія въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, близъ Ниццы и въ одной части Сициліи заключаютъ всѣ ископаемые виды, которые нынѣ еще живутъ въ ближайшихъ моряхъ: — доказательство, что въ эпоху образованія этихъ почвъ температура была одинакова съ нынѣшнею. Впрочемъ должно замѣтить, что третичныя почвы около Средиземнаго моря не показываютъ полнаго согласія между раковинами ископаемыми и нынѣ существующими. Нѣкоторые ихъ виды, находимые въ ископаемомъ состояніи, не встрѣчаются болѣе въ Средиземномъ морѣ; ихъ надобно отъискивать въ тропическихъ моряхъ Африки и Индіи; другіе даже совсѣмъ исчезли. Кажется, что со времени образованія упомянутыхъ почвъ температура Средиземнаго моря понизилась. Во второмъ періодѣ третичныя почвы представляютъ небольшіе бассейны, собранные около центра Европы, каковы суть: Суперга, близъ Турина, бассейнъ Жиронды, известняки Турингіи, маленькій бассейнъ Анжера, Вѣнскій бассейнъ въ Австріи, Подоліи и Волыніи и нѣсколько другихъ участковъ на южной границѣ Европейской Россіи; нѣкоторые изъ этихъ участковъ, показываясь близъ Москвы, принадлежатъ тому же періоду, къ ко-

Digitized by Google

торому должно отнести почвы Мааса и береговъ Рейна. Ископаемыя этой второй формаціи судь виды, собственно принадлежащіе морямъ странъ теплыхъ, морямъ Сенегальскому и Гвинейскому. Въ эту геологическую эпоху, поименованныя мѣста находились подъ вліяніемъ тропической температуры, которая впрочемъ не была повсюду одинакова. Если въ Польшѣ ископаемыя этой эпохи принадлежали къ видамъ тропическимъ, то въ бассейнѣ Жиронды они относились къ видамъ экваторіальнымъ. Число видовъ, множество особей, ихъ объемъ, — все показываетъ, что температура этого бассейна была гораздо выше температуры другой оконечности того же хранилища однородныхъ ископаемыхъ.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ПИСЬМО ЗНАМЕНИТАГО НАШЕГО АКТЕРА

Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго

къ Петру Ивановичу Шубину.*

М. Г.

Петръ Ивановичь!

Хотя піеса ваша имѣла отъ цензуры, за отбытіемъ цензора и для другихъ причинъ, остановку, хотя сія піеса, переведенная Алексѣемъ Алфимовымъ, напечатана въ Москвѣ уже въ 1788 году: однако все сіе теперь прошло, и піеса напечатана быть можетъ. Того ради покорнѣйше васъ, Милостивый Государь, прошу увѣдомить меня, съ первою почтою, продолжать ли печатаніе вашей піесы, которое я теперь остановилъ, и которое въ шесть недѣль окончено быть можетъ. Ежели вамъ печатаніе не угодно, то я тотчасъ и піесу и деньги возвращу. Повѣрьте, Милостивый Государь, что не моя въ томъ вина, что піеса по сію пору еще не напечатана; но на то могу сказать, что переводъ вашей піесы былъ бы гораздо лутче напечатаннова, ибо я много отмѣнилъ, *и не мало сентиментовъ прибавилъ.* Впрочемъ имѣю честь всегда съ глубокимъ почтеніемъ быть,

М: Г.,

Вашего Высокородія
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Дмитревскій.

Октября 16
1795 года.
С.-Петербургъ.

---

* Автографъ находится въ моемъ хранилищѣ, благодаря усердію Шуйскаго гражданина Г. Борисова. *М. П.*

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

КТО ТАКОВЫ БЫЛИ МОНГОЛЫ.

При чтеніи исторіи Монгольскаго народа въ самомъ началѣ представляется вопросъ: *кто таковы были Монголы?* Вопросъ весьма естественный и простой: но точный отвѣтъ на него можетъ нѣсколько затруднить; особенно, если при изслѣдованіи принять въ руководство *словозвучіе, вѣроятность* и *авторитетъ*, которые въ продолженіе прошедшихъ двухъ столѣтій служили вѣрными путеводителями къ запутанности при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Ученые западные оріенталисты долго занимались изслѣдованіемъ сего вопроса; но ни одинъ изъ нихъ не могъ открыть точки, съ которой бы можно было рѣшить его удовлетворительно. Монгольскій народъ искони получалъ народное названіе отъ владѣтельнаго дома; а западные оріенталисты, напротивъ, ошибочно принимая каждый владѣтельный Монгольскій домъ за особенный народъ, уклонились отъ прямаго пути, и такимъ образомъ изъ единоплеменныхъ владѣтельныхъ домовъ составили нѣсколько разноплеменныхъ народовъ, которымъ не могли опредѣлить ни начала, ни конца. Наконецъ Клапротъ, въ его Memoires sur l'Asie, рѣшилъ ихъ недоумѣнія однимъ своимъ мнѣніемъ, что *все, написанное Китайцами о древнихъ среднеазійскихъ народахъ, есть заблужденіе*; и ученыя знаменитости во всей Европѣ преклонились предъ нимъ.

Digitized by Google

Монгольскія племена, искони гранича съ Китаемъ на югѣ, по необходимости должны были имѣть тѣсную связь съ государствомъ симъ; и потому съ вопросомъ о ихъ народности слѣдовало преимущественно обратиться къ Китайскимъ источникамъ, что и было сдѣлано западными оріенталистами; но при изслѣдованіи надлежало бы пристальнѣе вникать въ каждый предметъ, а не поверхностно и бѣгло разсматривать его. Вотъ въ чемъ состоялъ ихъ промахъ, котораго они въ продолженіе двухъ-сотъ лѣтъ не могли примѣтить.

Китайскіе источники, о которыхъ выше упомянуто, заключаются въ династійныхъ Исторіяхъ, въ государственной статистикѣ и государственной лѣтописи.

Династійная Исторія Дома Юань*, *Юань-шу*, представляетъ порядокъ предковъ Чингисъ-хановыхъ, до десяти колѣнъ, составлявшихъ прямую линію Дома Монголъ, но ни слова не говоритъ о происхожденіи самаго Дома, давшаго народное названіе племенамъ, сопредѣльнымъ съ Россіею отъ Аргуни на западъ до Бухтармы. Китайская статистика, *И-тхунъ-чжы*, показываетъ восемь единоплеменныхъ владѣтельныхъ Домовъ, отъ которыхъ Монголы въ продолженіе двѣнадцати** столѣтій получали народныя названія, послѣдовательно одно за другимъ. Сіи Домы были: *Хунну*, *Ухуань*, *Сяньби*, *Жужань*, *Дýлга*, *Ой-хоръ*, *Сѣяньто*, *Кидань*. Замѣтимъ, что Домъ Монголъ и въ статистикѣ не видѣнъ; одна только государственная лѣтопись, *тхунъ-гянь ганъ-му*, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о происхожденіи сего Дома. Изъ свѣдѣній, сохраненныхъ помянутой лѣтописью, открывается, что Домъ Монголъ вовсе не принадлежалъ къ племенамъ того народа, которому въ началѣ XIII столѣтія сообщилъ народное названіе, донынѣ имъ удержанное. *Первобытные Монголы были Тунгусы, пришедшіе въ южную*

---

* Домъ Чингисъ-хановъ, царствовавшій въ Китаѣ, съ 1260 года, принялъ названіе *Юань*.

** Съ третьяго столѣтія до Р. Х. до десятаго по Р. Х.

Digitized by Google

Монголію, съ *Амура*, что ниже увидимъ изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ лѣтопись кратко упоминаетъ о нихъ.

«Въ четвертое лѣто правленія Кянь-дэ *Татань* пред-«ставилъ дань *Дому Сунь*. Домъ Татань составлялъ одно «изъ поколѣній сѣверовосточныхъ Мохэсцевъ; при династіи «Тханъ послѣ правленія Юань-хэ перешелъ къ Инь-шань, а «въ семъ году представилъ дань».

Четвертое лѣто правленія Кянь-дэ соотвѣтствуетъ 966 году по Р. Х. *Татань* есть Маньчжуское слово, зн. шалашъ. *Мохэ* есть названіе владѣтельнаго Дома и народа его. Мохэсцы обитали по обѣимъ сторонамъ Амура, отъ Аргуни до Вост. океана. Земли со́лоновъ и да́хуровъ по рѣкѣ Ноньмурэнь принадлежали Мохэсцамъ. Домъ *Тханъ* вступилъ на Китайскій престолъ въ 618 году. Правленіе *Юань-хэ* продолжалось 806—821. Домъ *Сунъ* получилъ престолъ въ 960 г. Мохэсцы названы *Сѣверовосточными* въ отношеніи къ Кхайфынь-фу, Кит. столицѣ того времени. *Инь-шань* есть Кит. названіе обширной цѣпи горъ, которыя въ разныхъ направленіяхъ тянутся по южной Монлогіи отъ Хухэ-хота до западной межи Ордоса.

Еще во времена древней династіи Чжоу, въ странѣ, заключающей въ себѣ нынѣшнія Маньчжускіе губерніи Гиринь и Хэ-лунъ-гянъ, царствовалъ Домъ *Сушень*. Съ небольшимъ за два вѣка до Р. Х. мѣсто его заступилъ Домъ *Илу*, который въ четвертомъ столѣтіи по Р. Х. переименовался *Уги* и раздѣлился на семь большихъ Аймане́й.* Въ шестомъ столѣтіи изъ семи Угискихъ Аймане́й усилился Черноръчный Аймань, *Хэй-шуй-бу***, а въ началѣ седьмаго столѣтія онъ отдѣлился отъ Уги, принялъ народное названіе Черноръчнаго Мохэ, *Хэй-шуй-мохэ*, и въ непродолжительномъ времени

---

* *Аймань* есть Маньчж. слово, по Монг. *Аймань*, на Кит. *бу*; зн. удѣльное владѣніе.

** *Амуръ* издавна извѣстенъ Китаю подъ Кит. названіемъ *Хэй-шуй*; въ переводѣ: черная рѣка. Нынѣ онъ по-Маньчж. называется *Сохалянь ула*, черная рѣка; на Кит. *Хэй-лунъ-гянъ*, рѣка чернаго дракона.

Digitized by Google

раздѣлился на шестнадцать новыхъ Аймановъ. Въ сіе время Мохэ на югѣ смежень былъ съ царствомъ Бохай, на западѣ съ народомъ Шивэй.* Въ восьмомъ столѣтіи Бохайскій государь покорилъ ихъ подъ свою власть; а въ началѣ девятаго столѣтія одинъ изъ шестнадцати Мохэскихъ Аймановъ, называемый *Татань*, ушелъ въ южную Монголію, и осѣлъ на сѣверной сторонѣ хребта Инь-шань. Сей-то Домъ Татань въ 966 году, т. е. чрезъ полтора столѣтія по приходѣ его въ южную Монголію, представилъ дань Императору Тхай-цзу, основателю династіи Сунъ.

«Во второе лѣто правленія Цзинъ-да *девять Татанскихъ поколѣній представили дань Дому Кидань*».

Второе лѣто правленія Цзинъ-да соотвѣтствуетъ 1006 году по Р. Х. Домъ *Кидань* съ 915 года владѣлъ всею Монголіею; слѣдовательно Татанскія поколѣнія находились подъ его зависимостію. Изъ сего мѣста открывается: 1-е, что Айманъ Татань, первоначально состоявшій изъ одного рода, чрезъ два столѣтія по переселеніи, въ составѣ былъ раздѣлиться на девять Аймановъ, но еще не былъ столь силенъ, чтобъ не признавать верховной власти Киданей надъ собою; 2-е, что Татанцы во все это время кочевали по сѣверную сторону хребта Инь-шань, потому что Халка въ первой половинѣ девятаго столѣтія еще находилась подъ Ойхорами, исключая восточной части подъ Шивэйцами: по паденіи же Ойхоровъ остались въ Халкѣ поколѣнія Юйгэлюй и Шивэй, оба подъ зависимостію Киданей.

«Въ пятое лѣто правленія Шао-хинъ *Домъ Гинь объявилъ войну Монголамъ*. Монголы обитали отъ Нючжешей** «къ сѣверу. При династіи Тхонъ они составляли поколѣніе «*Мынъ-гу*; назывались также *Мынъ-гу-сы*. Это были люди «сильные, мужественные, искусные въ бояхъ; могли видѣть

---

* Народъ *Шивэй* обиталъ отъ Амура на сѣверозападъ, т. е. занималъ земли Нерчинской области. Еще находился *Малый Шивэй*, обитавшій отъ Хулунь-нора на юго-западъ.

** Тунгузскій Домъ *Нючжень* съ 1115 года принялъ названіе *Гинь*.

Digitized by Google

«въ темноте ночи; брони дѣлали изъ моржевой кожи, не-«проницаемой для стрѣлъ. Государь Дома Гинь предписалъ «темнику Хишаху идти съ войскомъ на нихъ.»

Пятое лѣто правленія Шао-хинъ соотвѣтствуетъ 1155 году по Р. Х. Домъ *Гинь* основалъ Имперію въ 1113 году, по ниспроверженіи Дома Кидань; а по прошествіи 20 лѣтъ вынужденъ былъ объявить войну Монголамъ. Изъ словъ: *Монголы обитали отъ Нючжетей къ сѣверу* и пр. открывается: 1) что Татаньцы въ началѣ XII вика перешли отъ хребта Инь-шань въ Халку, которая въ отношеніи къ южной Монголіи, уже завоеванной Нючженями, лежала на сѣверѣ; 2) что въ числѣ родовъ, первоначально составлявшихъ Татаньскій Аймань, давно находился Домъ *Монголъ*, и что сей Домъ, по своему могуществу, впослѣдствіи избранъ былъ главою Татаньскихъ поколѣній; потому что въ семъ мѣстѣ народное названіе *Татань* замѣнено названіемъ Дома *Монголъ*, и Нючжени имѣли дѣла съ нимъ, какъ представителемъ всего Татаньскаго народа. Хи-цзунъ, третій государь изъ Дома Гинь, по вступленіи на престолъ въ 1135 году, немедленно отправилъ войско противъ Монголовъ, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобъ съ одной стороны вытѣснить ихъ изъ Халки, а съ другой, пріостановивъ напоръ диверсіи съ сѣвера, придать болѣе силы своимъ военнымъ дѣйствіямъ въ югъ. Въ сіе время Домъ Гинь уже покорилъ Китай съ сѣвера до Желтой рѣки, и двѣ арміи его дѣйствовали на южной сторонѣ сей рѣки, одна въ Хэнань, другая въ Шань-си.

«Въ девятое лѣто правленія Шао-хинъ *Монголы не-«ожиданно напали на войско Дома Гинь у горъ Хай-линъ, «и совершенно разбили.* Хушаху, полководецъ Дома Гинь, «воюя съ Монголами, издержалъ съѣстные припасы, и по-«шелъ въ обратный путь. Монголы, преслѣдуя его, неожиданно «напали, и совершенно разбили войско его у горъ Хай-линъ.»

Девятое лѣто правленія Шао-хинъ соотвѣтствуетъ 1139 году по Р. Х. Хушаху четыре года стоялъ противъ Монголовъ. Въ прошломъ 1138 году открыты были мирные

Digitized by Google

переговоры между Домомъ Гинь и южнымъ Китаемъ, а въ настоящемъ году война была возобновлена съ большею силою. Монголы не воевали ли съ Нючженями какъ наемные союзники южнаго Китая? По времени и обстоятельствамъ войны это кажется очень вѣроятнымъ.

«Въ семнадцатое лѣто правленія Шао-хинъ *Домъ Гинь* «*и Монголы заключили миръ*. Въ прошлое время, какъ казнили Даланя, то сынъ его съ подданными отца отложился «отъ Нючженей, и вступилъ въ союзъ съ Монголами. Сіе «обстоятельство наипаче усилило Монголовъ. Нючженскій «полководецъ Учжу, посланный для усмиренія ихъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не могъ покорить ихъ, почему «заключилъ съ ними миръ, по которому уступлены были «Монголамъ 27 укрѣпленныхъ селеній на сѣверной сторонѣ «рѣки Си-пьхинъ-хэ, и положено ежегодно доставлять имъ «(Монголамъ) большое количество рогатаго скота, риса и «бобовъ; сверхъ сего Монгольскому старѣйшинѣ предложенъ «титулъ Мынфусскаго царя, но онъ не принялъ сего титула, «а далъ своему царству наименованіе *Великій Мынъ-гу*, т. е. «Монголъ*. Нынѣ заключили миръ, и ежегодно доставляли «великое множество вещей. Послѣ сего Монгольскій старѣйшина самъ принялъ титулъ *Цзу-юань-хуань-ди*; правленіе «переименовалъ *тьхянь-хинъ*.»

Семнадцатое лѣто правленія Шао-хинъ соотвѣтствуетъ 1147 году по Р. Х. Далань имѣлъ главное начальство надъ восточною Нючженскою арміею въ Хэ-нань. При открывшихся мирныхъ переговорахъ въ 1138 году, онъ съ князьями Фулуху и Элугуань полагалъ возвратить Дому Сунъ страну Хэ-нань. Учжу, управлявшій западною Нючженскою арміею въ Шань-си, подозрѣвалъ Даланя и Фулуху въ тайныхъ сношеніяхъ съ Домомъ Сунъ, и донесъ государю. Мирные переговоры были прерваны, и Учжу въ 1139 году получилъ главное начальство надъ арміею въ Хэ-нань съ предписаніемъ продолжать войну. Фулуху и Далань со-

* Здѣсь названіе *Монголъ* относится къ однимъ Татаньскимъ поколѣніямъ.

Digitized by Google

ставили заговоръ произвести бунтъ, но злоумышленіе ихъ открыто. Фулуху и Элугуань преданы казни, а Далань, какъ владѣтельный князь, освобожденъ отъ суда, и переведенъ къ другой должности. Огорченный неуваженіемъ заслугъ его, оказанныхъ при основаніи царства Гинь, онъ опять замышлялъ произвесть бунтъ; но замыслъ его также открытъ былъ, и Далань убитъ въ побѣгѣ на югъ. Учжу счастливо кончилъ войну въ южномъ Китаѣ, и въ 1141 году заключилъ миръ, по которому Домъ Сунъ уступилъ Нючженямъ Хэ-нань*, и призналъ себя вассаломъ ихъ. Въ слѣдующемъ 1142 году Учжу принялъ главное начальство надъ войсками противъ Монголовъ, и, потерявъ пять лѣтъ въ безуспѣшной войнѣ, кончилъ ее невыгоднымъ миромъ. Впрочемъ не должно тягостныя условія сего мира принимать въ прямомъ смыслѣ. Глава Монголовъ, титулуясь въ Татанскихъ поколѣніяхъ верховнымъ ханомъ или Императоромъ, въ письменныхъ сношеніяхъ съ домомъ гинь подписывался вассаломъ его; а Домъ гинь за такую уступчивость ежегодно производилъ ему большую плату скотомъ, рисомъ и бобами. Это искони донынѣ есть самое обыкновенное дѣло въ Китайской политикѣ. Желающій знать подробности подобнаго дѣла можетъ въ 11 части исторіи Тибета и Хухэнора прочесть страницы 28—46.

И такъ происхожденіе Монгольскаго народа и Дома Монголъ, отъ котораго сей народъ получилъ народное названіе, суть двѣ вещи совершенно различныя между собою. Начало Монгольскаго народа восходитъ слишкомъ за 28 столѣтій до Р. Х.; Домъ Монголъ, напротивъ, возникъ въ началѣ IX, усилился въ началѣ XII, основалъ Монгольскую имперію въ началѣ XIII столѣтія по Рождествѣ Христовѣ.

Полагая, что статья о происхожденіи Дома Монголъ еще не напечатана, посылаю окончаніе къ ней.

Покойный Клапротъ въ своихъ запискахъ объ Азіи вотъ что говоритъ о народахъ Монгольскаго поколѣнія: «разсма-

---

* Здѣсь подъ страною Хэ-нань разумѣются двѣ губерніи: Хэ-нань и Шань-си.

Digitized by Google

«тривая этнографическую таблицу народовъ внутренней и «средней Азіи до 1000 года, можно изумиться, что въ ней «не упоминается о Монголахъ. Причина сему заключается въ «томъ, что большая часть поколѣній, составляющихъ сей «народъ, жила на самомъ сѣверѣ, и потому не могла войдти «въ сію таблицу; ибо она представляетъ только народы, оби- «тавшіе въ той части Азіи, которая заключается между цѣпью «Гималая, простирающагося къ сѣверовостоку, и цѣпью горъ «Алтай, Танну, Хангай и Хингань, которыя отдѣляютъ Гоби «отъ рѣкъ, впадающихъ въ верхній Амуръ». И такъ Монголы, по мнѣнію Клапрота, искони занимали южные предѣлы во- сточной Сибири—отъ Аргуни на западъ до Енисея; а внутреннее пространство Монголіи все принадлежало разнымъ поколѣніямъ Тюркскаго племени, и самъ глава Монголовъ родомъ былъ Татаринъ, а подданные его были Тюрки. Изъ этой галиматьи ясно видно, что Клапротъ не читалъ съ дол- жнымъ вниманіемъ положительныхъ свѣдѣній о происхож- деніи Дома Монголъ, сообщаемыхъ Китайскою Исторіею, а въ основаніе принялъ предположенія собственнаго своего вымысла, и изъ сплетенія выводимыхъ отсюда умозаклю- ченій составилъ цѣпь, совокупляющую разноплеменныя по- колѣнія въ одинъ народъ. Нынѣ подобныя нелѣпости не- рѣдко называемъ серьезнымъ именемъ спорныхъ вопросовъ, разъясненіе же сихъ вопросовъ, изложенное въ витіеватыхъ критическихъ разысканіяхъ, считаемъ глубокою ученостью; а если будемъ основательно разбирать доводы обѣихъ сто- ронъ, то не рѣдко выходитъ изъ нихъ сводъ одного пусто- словія съ другимъ, изъ которыхъ впрочемъ оба опираются на древнихъ Греческихъ и Музульманскихъ писателей, часто кстати и не кстати приводимыхъ учеными нашего времени.

О. Іакинѳъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

137. Общенародная Геометрія. Сочиненіе Литтрова, съ 8-ю листами чертежей. Переведена съ Нѣмецкаго Ѳедоровымъ. Изданіе второе, С.-Петербургъ. 1850 г. Въ 12-ю долю листа, 197 стр., кромѣ «предисловія и оглавленія.»

Имя сочинителя, весьма извѣстнаго и уважаемаго въ *ученомъ* мірѣ, и оставившаго въ Россіи почетную память о своемъ полезномъ служеніи въ должности Профессора Астрономіи въ Казанскомъ Университетѣ, ручается вполнѣ за достоинство книги, такъ что рецензентъ, кажется, не имѣетъ надобности хвалить ее и рекомендовать Русскимъ читателямъ, изъ которыхъ многіе уже знакомы съ ней; книгопродавцы Кораблевъ и Сиряковъ не для своего удовольствія издали ее вторично. Это вторичное изданіе ясно доказываетъ, что книга понравилась и ея высокое педагогическое достоинство оцѣнено вѣрно. Дѣйствитольно «Общенародную Геометрію» Литтрова надобно считать прекраснымъ образцомъ того способа преподаванія Геометріи, которому должно слѣдовать безъ исключенія и въ низшихъ и въ среднихъ училищахъ. Что̀ есть *строгое* геометрическое доказательство? — Правильное объясненіе смысла *теоремы* вмѣстѣ съ показаніемъ ея происхожденія, какъ слѣдствія или изъ предъидущихъ теоремъ, или прямо изъ опредѣленія предмета. Литтровъ строго держался этого правила, и книга его отъ *ученыхъ* Геометрій отличается только легкимъ общеупотребительнымъ языкомъ, и краткостью, сообразной съ предположенной имъ цѣлью, состоявшею въ томъ, «чтобъ дать «большему числу людей, не имѣющихъ предварительныхъ «познаній въ Математикѣ, возможность читать общенародныя сочиненія о физическихъ и астрономическихъ наукахъ.» Поэтому Г. переводчикъ, въ своемъ скромномъ предисловіи, напрасно предупреждаетъ читателей, что переведенная имъ книга есть только *наглядная*, а не *строгая* Геометрія. На Русскомъ языкѣ есть «Геометріи», щеголяющія тяже-

Digitized by Google

лымъ и вмѣстѣ неправильнымъ языкомъ, и написанныя съ претензіею на геометрическую строгость, а между тѣмъ въ нихъ-то и нѣтъ этой строгости, потому что въ нихъ по большей части *опредѣленія* невѣрны, и потому бѣдные ученики, не видящіе связи между *опредѣленіемъ* и *теоремой*, осуждены на тяжкую работу — заучивать доказательства, не понимая ихъ смысла и цѣли; отъ этого бѣдная «Геометрія,» необходимая для каждаго образованнаго человѣка, какъ *практическая* логика, дается только не многимъ, получившимъ отъ природы твердое и непобѣдимое терпѣнье. Эти терпѣливые мученики науки, вступивъ въ высшія училища, по необходимости должны переучиваться.

Рецензентъ не можетъ согласаться и съ другою мыслью Г. переводчика, который говоритъ: «По ней (т. е. по «Общенародной Геометріи Литтрова) можетъ руковод«ствовать всякій, даже почти вовсе незнакомый съ Гео«метріей.» Боже избави отъ такого руководителя! Нѣтъ; надобно считать аксіомой, т. е. истиной, нетребующей доказательства: *всякой наставникъ долженъ имѣть полное и ясное понятіе о всей той наукѣ, которой часть предназначена его преподаванію.* Иначе, какое же будетъ согласіе между преподаваніемъ различныхъ частей науки? Безъ этого согласія и единства цѣлей наука покроется непроницаемымъ туманомъ. Какимъ же образомъ незнакомый съ Геометріей можетъ учить Геометріи? «Простота и ясность доказательствъ,» предложенныхъ Литтровымъ, не помогутъ ему. Напротивъ, незнакомый съ Геометріей, не слыхавшій, что Геометрія есть наука строгая, усомнится въ прекрасномъ способѣ Литтрова. Этотъ способъ можетъ понять и оцѣнить только знатокъ Геометріи. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не любоваться способами, которые Литтровъ употребляетъ для доказательства теоремъ, требующихъ наложенія одной фигуры на другую; рецензенту особенно нравится остроумное объясненіе теоремы о суммѣ угловъ треугольника, которое есть не иное что, какъ *вещественное строеніе* Эвклидова доказательства. Не съ меньшимъ успѣхомъ и основательностью предложены главныя теоремы пропорціональности фигуръ, и для примѣра, указываемъ на пропорціональность подобныхъ треугольниковъ.

Digitized by Google

И такъ Г. переводчикъ напрасно боялся за книгу Литтрова, которая должна быть въ рукахъ каждаго учителя Геометріи; она можетъ навести на истинный путь многихъ *умствующихъ* педагоговъ, которые напрасно обременяютъ своихъ учениковъ выписками своего рукодѣлья. Переводъ вообще весьма хорошъ, хотя и можно бы избѣжать нѣкоторыхъ не многихъ тяжелыхъ и неясныхъ выраженій, подобныхъ слѣдующему: «Но вообще они (смежные углы) происходятъ отъ того, что прямая ВС бываетъ сопряжена съ прямой АЕ.» Изданіе опрятно, особенно чертежи ясны и даже красивы. *Д. П.*

198. Библіографическое обозрѣніе Русскихъ лѣтописей, Д. Полѣнова. Спб. въ тип. Ак. Наукъ, с. 148, въ 8-ку.

«Статья сія составляетъ отрывокъ труда, предметомъ котораго будетъ подробное разсмотрѣніе книгъ, относящихся къ Русской Исторіи». Трудъ будетъ состоять изъ двухъ главныхъ частей:

I. *Источники*, подъ которыми разумѣются сочиненія, служащія матеріаломъ или пособіемъ для систематической Исторіи.

II. *Собственно Исторія*, т. е. сочиненія, болѣе или менѣе обработанныя по источникамъ.

Первую часть составятъ слѣдующія пять отдѣленій: 1) *Лѣтописи.* 2) *Сказанія и записки* (современныя): а) Отечественныя, б) иностранныя. 3) *Акты* и *сборники.* 4) *Изслѣдованія* и *Критика*, и 5) *Вспомогательныя знанія.*

Вторая часть раздѣлена будетъ на четыре отдѣленія: 1) *Исторія полная.* 2) *Исторія отдѣльныхъ событій.* 3) *Исторія лицъ* (жизнеописанія), и 4) *Исторія мѣстъ* (областей и городовъ).

Раздѣленіе, основанное на знаніи дѣла, правильное, удобное, сообразное съ цѣлію.

Предлагаемая здѣсь, въ видѣ опыта, статья содержитъ I отдѣленіе первой части. Въ ней разсмотрѣно 18 книгъ, заключающихъ въ себѣ изданныя отдѣльно *полныя Русскія лѣтописи.*

«Цѣль моего труда,» говоритъ авторъ «заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы собрать все изданное на Русскомъ

Digitized by Google

языкѣ по части Русской Исторіи, т. е. составить полный по возможности, каталогъ книгъ объ этомъ предметѣ; а главнѣйше въ томъ, чтобы изъ нѣсколькихъ страницъ, иногда изъ нѣсколькихъ строкъ, можно было получить полное понятіе о содержаніи книги».

И рецензентъ обязанъ засвидѣтельствовать, что эта цѣль достигнута авторомъ совершенно. Описаніе составлено тщательно. Ничего нужнаго не опущено, лишняго очень мало. Остается пожелать, чтобъ трудолюбивый авторъ кончилъ свой трудъ такъ успѣшно, какъ началъ, къ несомнѣнной пользѣ всѣхъ занимающихся Русской Исторіей. *М. П.*

199. Родовое или общественное явленіе былъ изгой? К. А. с. 16.

Статья эта напечатана была въ Москов. Вѣдомост. № 87. По случаю, она только теперь попалась мнѣ на глаза, и я скажу о ней нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что предметъ ея былъ обсуждаемъ въ Москвитянинѣ. (Да и вообще редакція съ будущаго года намѣрена разбирать, въ особомъ дополненіи критики, статьи журналовъ, въ кои переселяется болѣе и болѣе наша литература, какъ въ старину сборники были главными ея хранилищами).

Заключеніе этой примѣчательной статьи вотъ какое:

«Въ древней Россіи, по крайней мѣрѣ, въ тѣ времена, «когда встрѣчается слово Изгой, не было уже родоваго быта. «Напротивъ.... былъ бытъ общинный, гражданственный, 2) Разбирая историческое значеніе слова Изгой, видимъ, что «оно не имѣло значенія родоваго. Напротивъ того, всѣ свидѣ- «тельства говорятъ, что слово Изгой имѣло значеніе общест- «венное. И такъ, *изгой не былъ явленіемъ родовымъ, но явле- «ніемъ общественнымъ, гражданскимъ:* это былъ человѣкъ, «исключенный или самъ исключившій себя изъ общины «или сословія.»

Читатели знаютъ, что мы думаемъ о родовомъ бытѣ: мы считали его всегда призракомъ, о которомъ наговорить можно много (что и сдѣлано), и не сказать ничего. По поводу новой статьи Г. Бѣляева, который опровергаетъ его даже и въ предъисторической Руси, и между тѣмъ самъ впадаетъ въ новый лабиринтъ, мы рѣшились разобрать глав-

Digitized by Google

ныя статьи объ этомъ предметѣ. Но считаемъ за нужное и теперь, предъ тѣмъ, чтобъ говорить о статьѣ *К. А.*, сказать о немъ нѣсколько словъ, безъ которыхъ не ясна была бы наша рецензія.

Въ древней нашей исторіи мы видимъ:

1) Племена туземныя, Славянскія;

2) Племя пришлое Русь,

3) Въ пришломъ племени княжескій родъ;

4) Совокупность ихъ—Русскую землю, государство.

Гдѣ же замѣчается мнимый родовой бытъ: у Славянъ ли, у Руси ли, у Князей ли, или наконецъ у совокупности всѣхъ сихъ дѣйствователей, т. е. въ государствѣ, образовавшемся изъ всѣхъ сихъ составныхъ началъ? Утверждая и опровергая мнѣніе, надо бы прежде всего опредѣлять себѣ, о чемъ говорить хотимъ. У насъ, правда, сперва говорено было «о родовыхъ отношеніяхъ между Князьями Рюрикова дома», но потомъ родовой бытъ распространялся дальше и дальше, и обнялъ всю Русскую Исторію. Объ чемъбы ни заговорили изъ Русской Исторіи, вездѣ являлся какъ Deus ex machina родовой бытъ....

Въ этомъ смыслѣ, т. е. предполагая повсемѣстность родоваго быта въ системѣ, съ коей онъ не соглашается, авторъ статьи возражаетъ очень справедливо свидѣтельствами о договорахъ Олега и Игоря, заключенными отъ великого Князя Русскаго и отъ всякаго княжья и отъ всѣхъ людей Русской земли (отъ бояръ и купцевъ). «Здѣсь конечно не видать» основательно говоритъ онъ, «родоваго устройства». Разумѣется, не видать! Какое же тутъ родовое устройство, если говорится совершенно отдѣльно о Великомъ Князѣ, о Князьяхъ подручныхъ, о боярахъ, о купцахъ, о людяхъ земли? Къ мѣстамъ изъ договоровъ также очень правильно прилагаетъ онъ еще два свидѣтельства лѣтописей: 1) о сватовствѣ за Древлянскаго Князя Мала: «возмемъ Ольгу за Князя своего Мала,» говорятъ ихъ послы. 2) О съѣздѣ Кіевскомъ: Святополкъ и Мономахъ зовутъ двоюроднаго своего брата Олега на совѣтъ въ Кіевъ, распорядиться о Русской землѣ передъ Епископами, игуменами, мужами (или боярами) отцевъ своихъ и предъ людьми градскими. Родовъ невидать опять.

Digitized by Google

Все это ясно и вѣрно, и авторъ могъ сказать по праву, что общинное устройство является въ глубокой древности, еще со временъ Рюрика и даже прежде. Слово же «изгой» встрѣчается гораздо позднѣе, когда гражданственно-общественное устройство было еще сильнѣе, или, можетъ быть, опредѣленнѣе. За чѣмъ же его истолковывать родовымъ устройствомъ, когда въ то время существовало, и такъ явственно и твердо, уже другое?

Во второмъ отдѣленіи своей статьи авторъ также справедливо разбираетъ, что всѣ три или четыре рода изгойства, извѣстнаго по Всеволодову уставу, были не родовые, а гражданскіе.

Есть нѣкоторыя, если не мысли, то выраженія, коихъ мы одобрить не можемъ: но онѣ не относятся къ сущности дѣла. Мы осудимъ только распространяющійся у насъ теперь обычай умалчивать въ разсужденіяхъ, что о предметахъ ихъ говорено было прежде, согласно и несогласно. Все упоминаемо быть не можетъ, особенно въ какой нибудь краткой газетной или журнальной статьѣ, но главное — необходимо должно.

Желательно, чтобъ авторъ исполнилъ свое обѣщаніе поговорить подробнѣе о родовомъ бытѣ, выраженное имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Много и много можно бы возражать противъ мнѣнія о древнемъ родовомъ бытѣ Русскихъ Славянъ и Славянъ вообще. Удерживаюсь здѣсь и надѣюсь представить свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ въ особой статьѣ.» Чѣмъ больше мнѣній, тѣмъ лучше; чѣмъ съ множайшихъ сторонъ осмотрится предметъ, тѣмъ надежнѣе успѣхъ изслѣдованія. Мы ожидаемъ еще статьи отъ П. В. Кирѣевскаго, начатой имъ въ Москитянинѣ 1845 года. *М. П.*

200. Путеводитель къ Московской Святынѣ, сост. Д. Струковымъ. М. 1850, стр. 226 въ 8-ю д. съ литографованными изображеніями.

Книга сія, имѣющая цѣлію познакомить Русскихъ съ памятниками святыни въ первопрестольномъ градѣ Россіи, состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: 1. Чудотворныя иконы и св. мощи и мѣста, 2. всѣ церкви Московскія по азбучному порядку, 3. празднества въ храмахъ по числамъ, и 4. всѣ крестные ходы.

Digitized by Google

Намъ кажется, что сперва слѣдовало бы исчислить всѣ церкви, а потомъ заключающіяся въ нихъ святыни, наконецъ праздники и крестные ходы. У автора же иногда подъ одною рубрикой помѣщены разные предметы, на пр. *Андроникова монастырь* (стр. 25, 26), въ коему описаны святыни церквей въ Рогожской, на Воронцовомъ полѣ и въ Новоспасскомъ м. Время построенія, возобновленія или перестройки храмовъ не вездѣ опредѣлено съ точностію, а въ иныхъ мѣстахъ и пропущены свѣдѣнія о томъ. Краткости извѣстій объ исторіи церквей не соотвѣтствуетъ обширная статья о Спасскихъ воротахъ, заимствованная изъ «Памятниковъ Московской древности» Г. Снегирева. Въ однихъ мѣстахъ авторъ ссылается на источники, въ другихъ пропускаетъ имена своихъ руководителей.

Извѣстіе на стр. 72, будто «отъ первой игуменьи Елены Дѣвочкиной Новодѣвичій монастырь названъ Дѣвичьимъ, подвергается сомнѣнію: въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы быть названъ не *Дѣвичьимъ*, а *Дѣвочкинымъ*. Почему же онъ отличенъ отъ прочихъ дѣвичьихъ монастырей (Вознесенскаго, Рождествена, Зачатейскаго, Алексѣевскаго, прежде его основанныхъ) именемъ *Новаго*? Какъ будто тогда находился старый монастырь въ честь Дѣвочкиной. Но Дѣвичье поле существовало прежде Дѣвичьяго монастыря. *Дѣвичье поле* въ XIV вѣкѣ упоминается подъ Коломною. Извѣстно, что женскіе монастыри издревле назывались *дѣвичьими*. Такъ въ грамотѣ Царя Іоанна Васильевича 7109 г. этотъ монастырь именуется: *Пречистыя Одигитріи новый монастырь дивичій*. *Новый* предполагаетъ существованіе стараго; такъ Спасскій и Новинскій монастыри, перенесенные съ стараго мѣста на новое, слыли *на новомъ* и *новыми*. Подъ именемъ *новыхъ* извѣстны были не только переставленныя съ одного мѣста на другое, но и вновь основанныя обители. Такъ у Кирилова 1727 года въ Описаніи Россійскаго государства, стр. 29, встрѣчаемъ въ исчисленіи монастырей *старый дѣвичей монастырь*, т. е. Зачатейскій, основанный на мѣстѣ Алексѣевскаго, переставленнаго при Ѳеодорѣ въ Чертолье,—и *Ново-дѣвичій монастырь*. Дѣла Патріаршаго и Монастырскаго приказа намъ показываютъ, что изъ старыхъ монастырей въ новые, т. е.

Digitized by Google

вновь основанные, переводимы были монахи и монахини для устройства иноческаго порядка.

По мнѣнію автора, на стр. 62, Новоспасскій м. построенъ 1462 года, т. е. при самомъ вступленіи Іоанна III на престолъ. Но Гг. Снегиревъ и Строевъ доказали фактами, что еще въ 1482 и 1488 г. монастырь этотъ былъ на старомъ мѣстѣ, въ старомъ каменномъ городѣ, т. е. Кремлѣ, какъ значится изъ данной Архим. Елисею въ домъ Всемилостиваго Спаса на Москвѣ за дворомъ Велик. Князя, и жалованной Великокняжеской грамоты. При этомъ замѣтимъ несправедливость описанія, будто «всѣ Цари Россійскаго государства написаны на сводахъ паперти». Нѣтъ! не одни Цари, но и Великіе, и удѣльные Князья, начиная только съ равноапостольнаго Владимира I до порфиророднаго мученика Димитрія. Изображенія же Царей изъ дома Романовыхъ найдены на столпахъ храма, ими воздвигнутаго надъ гробами своихъ предковъ.

Между прочими достопамятностями сего первенствующаго монастыря авторъ упоминаетъ «о погребенныхъ тамъ боярахъ Романовыхъ». Ихъ именовали *свѣтлѣйшими царскими родителями*. См. Новоспасскій монастырь, соч. И. С. Изд. Архим. Аполлоса. Москва. 1843.

На стр. 81 читаемъ, будто «на Хлыновѣ былъ въ древнія времена мужескій монастырь, назыв. *Никола Старый*.» Дѣйствительно, въ Хлыновѣ былъ прежде монастырь, но не Николы Стараго, а Введенскій съ придѣльною церковью во имя святителя Николая, и не мужескій, но женскій. Въ 1629 году, Апрѣля 10, монастырь и церкви его сгорѣли. Что жъ касается до монастыря Св. Николы Стараго, то изслѣдованія объ немъ Аверина, Строева и Снегирева доказали, что онъ съ XIV вѣка существовалъ на Никольской улицѣ* до 1654 года, когда обращенъ былъ въ Аѳоно-Иверское подворье и съ тѣмъ вмѣстѣ въ Греческій Николаевскій монастырь. Такъ, напр., въ описи города Китая 1624 г. показано: «Монастырь Николы Чу-

* Помню, что и я писалъ о Николѣ Старомъ, кажется, въ Русскомъ Зрителѣ, 1828 года. Только я не знаю документа, изъ котораго было бы видно, что *этотъ* монастырь былъ отданъ Грекамъ. *М. П.*

Digitized by Google

дотворца Стараго, у крестнаго цѣлованья». Въ записныхъ книгахъ Патріаршаго приказа, прежде и послѣ его отдачи Грекамъ онъ именуется: монастырь Николы Чудотворца Стараго, что на Никольскомъ крестцѣ.»

Андрониковъ монастырь, на стр. 23, заимствовавшій свое имя отъ св. Андроника, своего перваго Настоятеля, несправедливо названъ *Андроньевымъ*.

На стр. 111 сочинитель утверждаетъ, будто «церкви бывшаго Крутицкаго Архіерейскаго подворья, во имя первоверховныхъ Апостолъ и успенія Богоматери, построены при В. К. Даніилѣ Александровичѣ и недавно возобновлены.» Г. Струковъ принимаетъ позднѣйшую постройку за первоначальную. Извѣстно, что Крутицкій Соборъ вновь построенъ между 1682 и 1688 годами, Митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ Варсонофіемъ Чертковымъ. См. Историч. и топогр. описаніе городовъ Москов. губерніи (Профессора Чеботарева). М. 1787 г.

О придѣлахъ въ церкви Спаса на бору, стр. 41, сочинитель замѣчаетъ, что «остальные четыре устроены были въ *главахъ* храма, *которыя* нынѣ не существуютъ.» Нѣтъ, главы сіи и донынѣ существуютъ, только придѣловъ въ нихъ не находится.

Не извѣстно, на какомъ актѣ основано показаніе, что церковь св. Николая въ Драчахъ «построена 1597 г. и потомъ вновь перестроена 1682 года.» Изъ лѣтописей видно, что въ началѣ XVI вѣка здѣсь былъ Драчевскій Никольскій монастырь, сгорѣвшій 1547 г. По преданію, на пепелищѣ монастыря (*на Старомъ городищѣ*, какъ сказано въ храмозданной грамотѣ) построена была деревянная церковь; но въ описи дворовъ и земель въ Москвѣ 1621 года упомянуто: «мѣсто церковное, что былъ храмъ Николы Чудотворца *Драчковъ*.» Урочище это въ писменныхъ памятникахъ XVII вѣка называется *Драчово*, какое встрѣчается въ Костромской, Владимірской и Нижегородской губерніяхъ. Каменная, донынѣ существующая, церковь, сооружена не прежде 1682 года.

На стр. 21 сказано, будто икона Знаменія Богородицы была *на груди* во всѣхъ походахъ у Князя Пожар-

Digitized by Google

скаго! Широка же должна быть у него грудь, если на ней помѣщалась шестилистовая икона! Иное дѣло, что сія святыня была съ нимъ въ ратныхъ походахъ, еслибъ только это подтверждалось актами. Но въ походахъ съ Пожарскимъ бывала икона Казанскія Богоматери, которая, до построенія Казанскаго Собора, стояла въ приходской его церкви Введенія на Лубянкѣ, что въ Псковичахъ. Изъ преданій и дѣлъ Коллегіи Экономіи извѣстно, что образъ сей принадлежалъ богадѣльнѣ Пожарскаго; по уничтоженіи ея онъ поставленъ на воротахъ его дома.

На стр. 29 авторъ указываетъ «мощи св. Іоанна Христа ради юродиваго Московскаго и Устюжскаго чудотворца въ придѣлѣ Покровскаго Собора.» Здѣсь смѣшаны два соименные святые, одинъ Московскій чудотворецъ, современникъ Бориса Годунова, прозванный *большимъ колпакомъ* и *водоносомъ*; другой Устюжскій чудотворецъ, преставившійся 1494 года.

Для знатоковъ въ художествахъ, вѣроятно, покажутся странными названія на стр. 1 барельефной работы, и на стр. 107 «Византійскій готическій стиль.»

Имена урочищъ въ Путеводителѣ не вездѣ одинаково пишутся, на пр. на стр. 88: въ Кадашевѣ, а на стр. 185: въ Каташевѣ, между тѣмъ какъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ описяхъ и грамотахъ всегда встрѣчается *Кадашево* и *Кадаши*.

Можно бы еще указать Путеводителю на нѣкоторые неточности и обмолвки, но это заняло бы довольно мѣста. Надѣемся, что наши благонамѣренныя замѣчанія не умалятъ достоинства книги и цѣны полезнаго труда, и будутъ не безполезны для издателя, которому желаемъ усовершенствованія и успѣха его труда въ новомъ изданіи.

201. Правила употребленія знаковъ препинанія. Соч. К. Смирнова. Спб. 1650. Стр. 24 въ 8 д. л.

Русская грамматика одна изъ самыхъ несчастныхъ наукъ. Скроенная по Латинской мѣркѣ, она безпрестанно подвергается пыткамъ, рѣжется, обрубается и вытягивается на ложѣ Прокрустовомъ. Неурядица въ ней страшная, до-

Digitized by Google

шедшая до того, что нѣкоторые, не шутя, стали опредѣлять грамматику слѣд. образомъ: «грамматика учитъ писать такъ, какъ никто въ свѣтѣ не говоритъ, а говорить такъ, чтобы всѣ со смѣху помирали, когда заговоришь по ея правиламъ.» Съ другой стороны, какъ ни усердно наставники вбиваютъ ее всѣмъ намъ въ голову, у большей части изъ насъ она испаряется вскорѣ по выходѣ изъ школы, оставляя кое-какія смутныя понятія о своихъ законахъ и правилахъ, которыя мы прилежно учили и даже *зубрили*.... Между тѣмъ, въ житейскихъ дѣлахъ безпрестанно приходится сталкиваться съ этой несносной грамматикой: чуть взялъ перо въ руки, безъ нея и не обойдешься, если не хочешь прослыть безграмотнымъ. Умные люди придумали, однако, хорошее средство для избѣжанія этого неудобства: такъ какъ законы Русскаго языка еще не установились, рѣшили они, то слѣд. пока у него нѣтъ и грамматики, слѣд. всякій воленъ писать по произволу, на томъ основаніи, что сколько головъ, столько и умовъ. Другіе, тоже неглупые люди, считающіе себя въ правѣ отвергать обыкновенныя условія жизни, которымъ подчиняется такъ называемая «толпа», опредѣлили, что знаніе грамматики должно предоставить однимъ прозаическимъ, обыкновеннымъ людямъ, педантамъ, а они сами могутъ писать какъ заблагоразсудится, по вдохновенію; что это и есть дозволяемая имъ licentia poëtica; что многіе геніи писали съ страшными грамматическими ошибками: напр. Державинъ (въ стихотвореніи Жизнь на Званкѣ) самъ сознается, что въ его рукописяхъ много «репейника»; про орѳографію же Наполеона и говорить нечего.... Но большинство, не смотря на эти убѣдительные доводы, знай твердитъ свое. Первымъ оно говоритъ, что грамматика у насъ есть; вторымъ доказываетъ, что извинительное для Державина и для Наполеона непростительно для нихъ; что если у Державина мелькалъ репейникъ въ рукописяхъ, за то блистали брилліанты въ поэзіи; что если Наполеонъ неправильно писалъ, за то хорошо мыслилъ. Что дѣлать! По неволѣ послушаешься большинства. Но какъ же помочь горю — незнанію грамматики? Не учиться же снова: вѣдь странно было бы увидѣть какого-нибудь господина

Digitized by Google

почтенныхъ лѣтъ и солидной наружности съ грамматикой Востокова въ рукахъ. Позвольте: кажется, всякому образованному человѣку слѣдуетъ знать грамматику на столько, на сколько встрѣчается въ ней надобности въ жизни; а эта надобность, какъ извѣстно, касается почти исключительно одного правописанія. Значитъ, затрудненіе не велико, и какъ есть такъ называемые «самоучители» для разныхъ языковъ, такъ точно есть и ключи къ правописанію. Напримѣръ, буква *ѣ*, одинъ видъ которой производитъ непріятное впечатлѣніе, эта злодѣйская буква побѣждена Руководствомъ къ употребленію ея, изданнымъ, лѣтъ пять тому, Г. Бѣлосоколовымъ. Знаки препинанія, эти страшные враги безграмотныхъ, камень преткновенія для полуграмотныхъ, они побѣждаются теперь «Правилами» Г. Смирнова. А важное дѣло знаки препинанія, служащіе межами здравому смыслу. Приступая къ своему предмету, авторъ разсказываетъ два анекдота:

«Нѣкто, умирая, сдѣлалъ завѣщаніе, что наслѣдники «его обязаны поставить ему *статую золотую пику дер-* «*жащую*. Недоброжелатели наслѣдниковъ поставили запя- «тую послѣ слова *золотую*, и наслѣдники, обязанные вы- «лить всю статую изъ золота, лишились всего наслѣдства. «Поставьте запятую послѣ слова *статуи*, и наслѣдники «не потеряли бы наслѣдства. Другой анекдотъ. При рѣше- «ніи одного дѣла, голоса раздѣлились совершенно поравну; «перевѣсъ зависѣлъ отъ послѣдняго. Сей послѣдній про- «тивъ мнѣнія тѣхъ, съ которыми соглашался, написалъ: *non* «*repugno*, т. е. не противорѣчу, согласенъ. Дѣлопроизводитель «послѣ *non* поставилъ запятую, и восторжествовала сто- «рона противная.»

Это былъ временъ давно минувшихъ; но подобные примѣры, хотя не въ этомъ родѣ и не столь значительные, могутъ повториться и въ наше время. Какъ же выучиться важному знанію разставлять знаки препинанія? Авторъ справедливо возстаетъ противъ машинальной разстановки ихъ предъ извѣстными словами, и всѣ свои правила выводитъ изъ разбора частей и формъ предложенія, замѣчая при этомъ, что кто отчетливо понимаетъ строеніе рѣчи, тотъ никогда не затруднится въ разстановкѣ знаковъ. Но

Digitized by Google

для того, чтобы понимать строеніе рѣчи, надобно учиться и думать, а для многихъ это трудъ, особенно для тѣхъ, которые, безъ предварительныхъ знаній, захотятъ по «Правиламъ» Г. Смирнова выучиться разстановкѣ знаковъ препинанія. Такимъ образомъ его трудъ, оставаясь, отчетливой монографіей, все-таки потребуетъ предварительнаго знакомства съ грамматикой, и полезный для учениковъ, особенно по полнотѣ и обилію примѣровъ, едва ли принесетъ пользу тѣмъ людямъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ рецензіи; впрочемъ объ нихъ нечего много заботиться: пусть промышляютъ о себѣ....

202. Живописный сборникъ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія. Изд. А. А. Плюшара Т. 1-й. Спб. 1850. Стр. 375, въ 8-ю д. л.

У насъ существовали два подобныя изданія: *Живописное Обозрѣніе* и *Живописная Энциклопедія*. Успѣхъ перваго оправдывался сколько новостью иллюстрированныхъ изданій въ нашей литературѣ, столько и разнообразіемъ содержанія, удачно приноровленнымъ къ извѣстному кругу и возрасту читателей. Неуспѣхъ *Живописной Энциклопедіи*, не смотря на то, что въ ней было довольное число оригинальныхъ статей, показалъ, что отсутствіе плана въ изданіи не можетъ быть вознаграждено красивыми картинками и нѣсколькими дѣльными статьями. Такая же участь постигла изданія: *Сборникъ для свѣтскихъ Людей* и *Любителямъ чтенія*, въ которыхъ картинки были очень хороши, а содержаніе чрезвычайно пусто. — Г. Плюшаръ предлагаетъ теперь «Сборникъ», который можетъ назваться потомкомъ «Обозрѣнія» и «Энциклопедіи», хотя нѣсколько, онъ уступаетъ имъ въ разнообразіи и занимательности содержанія. Многіе политипажные рисунки «Сборника» мы видѣли уже въ упомянутыхъ изданіяхъ: многія статьи, помѣщенныя въ немъ, также знакомы намъ, — но въ Живописномъ Обозрѣніи и Энциклопедіи онѣ были не просто переведены изъ Magasin Pittoresque, какъ сдѣлано большею частію это въ Сборникѣ, а дополнены разными свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Отсутствіе плана

Digitized by Google

и системы въ «Сборникѣ еще ощутительнѣе, нежели въ однородныхъ съ нимъ изданіяхъ, и мы не можемъ рѣшить, для кого бы именно была существенно полезна эта книга, особенно, если читатель ея уже знакомъ съ «Обозрѣніемъ» и «Энциклопедіею». Впрочемъ все-таки здѣсь есть много свѣдѣній полезныхъ и любопытныхъ. Какъ подарокъ впрочемъ, Сборникъ достигаетъ своей цѣли, потому что наружный видъ его — бумага, печать, картинки, обертка —словомъ, все превосходно. Но если внутреннія достоинства будутъ соотвѣтствовать наружному, то успѣхъ будетъ еще надежнѣе, а мы искренно желаемъ его Г. Плюшару, пожертвовавшему такъ много на изданія.

203. Американская всеобщая эксцентрическая мельница. Спб. 1850. Стр. 72 въ 16 д. л.

Слово «эксцентрическій» здѣсь не должно понимать въ томъ смыслѣ, какой даютъ ему обыкновенно. Эксцентрическая мельница — новое Американское изобрѣтеніе; жернова въ ней не имѣютъ одного общаго центра, а вертятся каждый на своей оси: поэтому она и названа эксцентрическою. Сверхъ того, для большей прочности, жернова ея не каменные, а желѣзные. Но на сколько эти нововведенія полезны и удобоприменимы къ дѣлу, долженъ рѣшить опытъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

167. Географическія извѣстія, издаваемыя Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Подъ редакціею В. В. Григорьева. Выпускъ 1 и 2. Спб. 1850. Стр. 310 въ 8 д. л.

Ученыя экспедиціи, преміи, изданіе сборниковъ и періодическихъ сочиненій, относящихся къ географіи и соприкосновеннымъ съ нею наукамъ — вотъ чѣмъ, въ немногое время, ознаменовалась дѣятельность Географическаго Общества, возбудившаго сочувствіе къ себѣ во всѣхъ краяхъ и во всѣхъ классахъ Земли Русской. Издаваемыя имъ «Извѣстія» имѣютъ цѣлію знакомить публику какъ съ дѣйствіями Общества, такъ и съ новостями по части наукъ, входящихъ въ кругъ его дѣятельности.

Любопытнѣйшая статья въ 1-мъ выпускѣ: «Очеркъ путешествія въ при-Балтійскія страны, Великій Новгородъ и Псковъ, совершеннаго рыцаремъ Гильбертомъ де-Ланноа, въ 1412—1414 гг.,» *П. С. Савельева.*—Ни Аделунгъ, авторъ «Критическо-литературнаго обозрѣнія путешественниковъ въ Россіи», ни издатель его не знали этого рыцаря, котораго отнынѣ должно поставить первымъ въ спискѣ путешественниковъ по Россіи XV вѣка, непосредственно передъ Іосафатомъ Барбаро. Рукопись его, писанная на Фламандско-Французскомъ нарѣчіи, издана въ 1840 г. въ Монсѣ, подъ заглавіемъ: Vogages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, etc.; потомъ Лелевель вновь издалъ ту часть его путешествія, въ которой говорится о Славянскихъ земляхъ, помѣстивъ ее въ собраніи критическихъ статей, изданныхъ

Digitized by Google

въ Познани, 1844 г. (Rozbiory dziel obejmujacych albo dzieje albo rzeczy Polskie zòznymi czasy).

«Фамилія де-Ланноа принадлежитъ къ извѣстнѣйшимъ дворянскимъ домамъ Нижней Германіи. Изо всей своей фамиліи и касты, Гильбертъ былъ самый многостранствующій: это типъ кочеваго рыцаря XV вѣка. Онъ родился въ 1386, умеръ въ 1462 году; имѣлъ трехъ женъ, съ которыми, не смотря на вѣчныя свои странствованія, успѣлъ обзавестись порядочнымъ потомствомъ; любилъ пожить весело, среди опасностей и трудовъ; въ самомъ девизѣ своего герба написалъ онъ: Vostre plaisir; то, для спасенія души, ходилъ на поклоненіе въ Іерусалимъ и другія Св. мѣста; то спѣшилъ на край Европы подраться, гдѣ есть пожива. Испанія, Франція, Англія, Пруссія, Ливонія, Русь, Польша, Греція, Турція, гдѣ бы ни дрались—Ланноа спѣшилъ туда, чтобы, по понятію вѣка и своей касты, искать тамъ «чести и славы.» Ни одна порядочная война не обходилась безъ его участія: онъ сражался и за домъ Ланкастера и Іорка, и противъ Мавровъ за Кастилію, и съ Нѣмцами, и во Франціи, и въ Греціи, и въ Бургундіи. Владѣтельныя лица знали этого удальца и употребляли его также для дипломатическихъ посылокъ. Генрихъ V, Король Англійскій, посылалъ его въ Польшу и въ Сирію и Египетъ. Во время странствованія своего къ Св. мѣстамъ онъ велъ особый дневникъ. Другія путешествія, повидимому, писалъ на память, по желанію разныхъ владѣтельныхъ особъ; всѣ они писаны на Французскомъ патуа, употреблявшемся во Фландріи, съ примѣсью многихъ Фламандскихъ словъ и выраженій, не весьма грамотно, какъ и подобало рыцарю. Въ Россію собственно де-Ланноа и не думалъ ѣхать: онъ ѣхалъ въ Пруссію за своимъ дѣломъ, т. е. подраться. Время съ 1409 по 1412 годъ провелъ онъ во Франціи, участвуя въ дракахъ Іоанна Безстрашнаго и Арманьяковъ. Послѣ осады Буржа не предвидѣлось вскорѣ работы его мечу, и Ланноа воротился въ одинъ изъ своихъ замковъ на рѣкѣ Слейсѣ, во Фландріи, чтобы повидаться съ женою, которой давно не видалъ.... Исполненіе семейныхъ обязанностей, разумѣется, не взяло много времени, и онъ вскорѣ полетѣлъ на восточный край Европы, гдѣ не звучалъ еще мечь его.»

Мы не послѣдуемъ за странствующимъ рыцаремъ въ пути его по Пруссіи, Лифляндіи, Литвѣ, Юго-западной Руси и Польшѣ, тѣмъ болѣе, что подлинный текстъ его путешествія будетъ напечатанъ въ «Запискахъ» Общества, слѣд. представитъ намъ возможность еще поговорить объ немъ; здѣсь же ограничимся лишь тѣми мѣстами, которыя относятся къ Новугороду и Пскову.

Digitized by Google

«Est la ville de la Grant Noegarde *merveilleusement grant ville:* такъ начинаетъ онъ свой первый *item* (параграфъ), посвященный Новгороду, и это замѣчаніе объ удивительной обширности тогдашняго Новгорода примѣчательно въ устахъ Европейца, видѣвшаго Лондонъ, Парижъ и другія столицы Европы. Впрочемъ, тутъ же изъявляетъ онъ недовольство тогдашними укрѣпленіями города, которыя называетъ *de meschans murs*, дѣлая однакоже исключеніе въ пользу башенъ.

«О правленіи Новгорода онъ говоритъ: «это вольный городъ и управленіе общинное (ville franche et seignourie de commune); есть въ немъ Епископъ, который какъ бы Государь у нихъ и живетъ онъ въ замкѣ, лежащемъ на рѣкѣ, тамъ гдѣ соборъ Св. Софіи. Сверхъ того, есть два правителя въ городѣ: Герцогъ и Бургграфъ.» Это, разумѣется, Князь и Посадникъ.

«И есть въ томъ городѣ, продолжаетъ нашъ странствователь, много большихъ господъ (molt grans seigneurs), которыхъ называютъ боярами. И есть даже простые граждане (bourgeois), у которыхъ земли до 200 миль въ длину, дивно богатые и сильные.» Показаніе это, при тогдашней обширности владѣній Новгородскихъ, заключавшихъ въ себѣ большей частью огромныя пустоши, приписанныя къ нѣсколькимъ населеннымъ пунктамъ, нисколько не должно казаться преувеличеннымъ. «Русскіе Великой Россіи (т. е. Великаго Новгорода) — замѣчаетъ рыцарь при этомъ случаѣ — не признаютъ другихъ Князей, кромѣ тѣхъ, кого призоветъ община. Монета Новгородская — говоритъ онъ далѣе — состоитъ въ слиткахъ серебра, вѣсомъ около 11 унцій, безъ штемпеля, и не чеканятъ они монеты золотой, а мелкою монетою служатъ куньи и бѣличьи мордки (testes de gris et de martres).» По сказанію же отечественной лѣтописи, еще до прибытія Ланноа, именно въ 1410 году, «начаша (Новгородцы) торговати промеже себе лобци и гроши Литовскими, и артуги Нѣмецкими, а куны оставиша.» Судя по извѣстію де-Ланноа, вѣроятно, что въ 1413 году постановленіе это не вполнѣ еще утвердилось въ народѣ.

«Де-Ланноа пробылъ въ Новгородѣ девять дней, и отдалъ визитъ Епископу, Князю и Посаднику. Владыко посылалъ ему ежедневно свѣжіе припасы, Князь и Посадникъ приглашали на обѣдъ. Кухня Новгородская показалась ему весьма *странною*, какой онъ нигдѣ не видалъ. Между тѣмъ ходилъ онъ и на торговую площадь наблюдать нравы жителей. Тутъ поразило его, что Новгородцы «по закону своему продаютъ и покупаютъ другъ у друга на рынкѣ женъ, за одинъ или два слитка серебра, по уговору, кто дастъ запросную цѣну.» Признаться, такое извѣстіе было бы и для насъ не менѣе поразительно, если бъ подтвержда-

Digitized by Google

лось фактами. Но въ извѣстіяхъ объ аукціонной продажѣ законныхъ даже женъ нѣтъ еще ничего удивительнаго: давно ли считалось несомнѣннымъ фактомъ, что подобная публичная продажа ихъ на веревкѣ существуетъ въ Англіи и теперь? Въ старину, при грубости несмягченныхъ образованіемъ нравовъ, чего не бывало? Но у насъ о подобномъ обычаѣ не осталось никакихъ, ни письменныхъ, ни даже устныхъ намековъ, не только что положительныхъ воспоминаній. Правда, въ Софійскомъ Временникѣ есть сказаніе, что во время ужаснаго голода, бывшаго въ землѣ Суздальской въ 1024 году, мужья отдавали женъ своихъ чернодинцамъ на прокормленіе; но это, во-первыхъ, было за 400 лѣтъ до прибытія де-Ланноа въ Новгородъ; во-вторыхъ — тутъ была не продажа женъ, а временная отдача ихъ на пропитаніе, въ слѣдствіе чрезвычайнаго бѣдствія, постигшаго народъ; наконецъ, и въ этомъ видѣ, событіе это замѣчено въ лѣтописи какъ особый, необыкновенный случай, а не въ видѣ общаго обычая или закона, какъ выражается объ этомъ благородный рыцарь, присовокупляющій притомъ съ гордостью, что «мы-де франкскіе христіане никакъ бы на сіе не дерзнули» (Nous les francs chrestiens ne l'oserions faire sur la vie). По всей вѣроятности, не дерзали на это и Новгородцы XV вѣка. Основаніемъ этой сказкѣ былъ, вѣроятно, обычай давать калымъ за жену, непонятый рыцемъ; или же онъ принялъ въ буквальномъ смыслѣ выраженія *купецъ* и *товаръ*, употребляемыя въ народѣ, когда говорится о женихѣ и невѣстѣ. Можетъ быть, впрочемъ, что въ Новгородѣ и существовалъ обычай — въ извѣстный день, на публичныхъ сборищахъ, подмѣчать невѣстъ, сохранившійся доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи. Современные намъ Европейскіе путешественники описываютъ же продажу невѣстъ, происходящую будто бы въ Духовъ день здѣсь въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду.

«О костюмѣ находимъ у де-Ланноа, что «женщины въ Новгородѣ распускаютъ *двѣ косы* на спинѣ, а мужчины носятъ *одну* косу.» Головной уборъ Новгородскій доселѣ не былъ еще никѣмъ описанъ, и изъ нашихъ сказаній мы не можемъ ни подтвердить, ни опровергнуть свидѣтельства рыцаря о косичкахъ Новгородцевъ, которыя нынѣ вообще на Руси остаются только удѣломъ церковныхъ причетниковъ.

«Большіе морозы особенно удивляли странствователя, и онъ разсказываетъ объ нихъ *чудеса* — въ родѣ того, что на рынкѣ рыба и мясо бываютъ въ эту пору мерзлыя; что борода, брови и вѣка покрываются инеемъ и сосульками, которыя едва можно оторвать, что отъ мороза деревья трескаются и зайцы бѣлѣютъ! Разсказываетъ, что однажды случилось ему развесть огонь на снѣгу и поставить на него горшокъ, наполненный водою: морозъ

Digitized by Google

былъ такъ великъ, что вода, кипѣвшая на днѣ горшка, замерзла въ то же время сверху. Тутъ также должно предположить недоглядѣ или недоразумѣніе со стороны рыцаря, который дѣлалъ это наблюденіе самъ полузамерзшій; конечно, въ горшкѣ разогрѣвалась вода прежде замерзшая, или налитая туда вмѣстѣ со льдинами. Эти-то льдины, или плававшій на поверхности слой льда, когда вода начала разогрѣваться снизу и по бокамъ сосуда, и привели рыцаря къ сдѣланному имъ замѣчанію.

«Бояре Великаго Новгорода — говоритъ онъ — могутъ выставить до 40,000 копій, а пѣшаго люду безъ счету. Часто воюя съ сосѣдями, въ особенности съ Ливонскими рыцарями, они одержали въ послѣднее время нѣсколько великихъ побѣдъ.» Память этихъ побѣдъ сохранена и современными лѣтописцами, какъ Русскими, такъ и Ливонскими.

«Мы сказали, что рыцарь пробылъ въ Новгородѣ только девять дней. Оттуда отправился онъ въ Псковъ, выдавая себя за купца, разумѣется Нѣмецкаго. До Пскова считаетъ онъ 30 Нѣмецкихъ миль, большими лѣсами.

«Псковъ нашелъ онъ также «весьма большимъ и сильно укрѣпленнымъ» городомъ; при чемъ замѣтилъ съ ужасомъ, что въ кремль города (chasteau) «никакая франко-христіанская душа (т. е. ни одинъ иностранецъ) не впускается подъ опасеніемъ смертной кары.» Такая осторожность относительно иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Псковъ, соблюдалась и долгое время послѣ Въ запискахъ Самуила Кихеля, путешествовавшаго съ 1585 по 1589 годъ, говорится о Псковѣ, что тамъ «въ городъ, ни Нѣмцевъ, ни другихъ иноземцевъ, не впускаютъ даже и тогда, когда принимаютъ отъ нихъ складные грузы и товары, и всѣ переговоры съ ними производятъ на мосту, ведущемъ въ городъ съ Завеличья, противъ Нѣмецкаго двора, и тамъ только позволяютъ имъ прогуливаться.»

«При описаніи мѣстоположенія, путешественникъ замѣчаетъ, что Псковъ лежитъ при сліяніи двухъ рѣкъ: *Moede* и *Plesko*. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ разумѣетъ здѣсь рѣки *Великую* и *Пскову*; но примѣчательно при этомъ, что рѣку Великую называетъ онъ *Moede* или *Moeude:* впервые встрѣчаемъ такимъ образомъ подлинное мѣстное и, конечно, древнее названіе этой рѣки, потому что названіе *Великая* несомнѣнно есть переводъ. Въ какихъ-нибудь Финскихъ или Латинскихъ нарѣчіяхъ и найдется, быть можетъ, слово *moede* къ значенію «великой;» въ тѣхъ, впрочемъ, которыя доступны намъ, не нашли мы его.

«О тогдашнемъ политическомъ состояніи Пскова рыцарь говоритъ, что онъ «составляетъ особое княжество, подъ верховною властью Московскаго Короля (roy), а своего Князя Псковя-

Digitized by Google

витяне изгнали и сослали; видѣлъ я его въ Великомъ Новгородѣ.» Это было дѣйствительно такъ: рѣчь идетъ о Князѣ Константинѣ Дмитріевичѣ, сынѣ Дмитрія Донскаго, который точно проживалъ тогда въ Новгородѣ, высланный изъ Пскова.

«А вотъ замѣчаніе о народномъ костюмѣ: «Русскіе этого города носятъ длинные волоса, разстилающіеся по плечамъ, а женщины круглую діадему позади головы (derrière leurs testes), словно какъ бываетъ на изображеніяхъ святыхъ.» Въ послѣднемъ случаѣ авторъ очевидно говоритъ о кокошникахъ, которые и теперь, гдѣ остались, носятся прикрѣпленные къ затылку головы, чуть не подъ прямымъ угломъ къ темени. Что касается до волосъ, то вотъ что говоритъ объ этомъ Герберштейнъ: «Жители (хотя уже переведенные изъ Москвы, съ Московскими развращенными обычаями) не во всемъ еще послѣдуютъ Москвичамъ: напримѣръ, волосы носятъ не по Русскому обычаю, а по-Польски, раздѣленные на двѣ стороны» (то есть не въ кружокъ, а съ рядомъ, или проборомъ на лбу).»

Эти немногія свѣдѣнія тѣмъ любопытнѣе, что о древнемъ Новѣгородѣ и Псковѣ мы почти ничего не находимъ въ разсказахъ другихъ иностранныхъ путешественниковъ.

Во 2-мъ выпускѣ главныя статьи: «О правописаніи въ дѣлѣ Русской номенклатуры чужеземныхъ мѣстностей и народовъ», *В. В. Григорьева*, и «Отчетъ о путешествіи въ Сѣверо-Восточный Суданъ», Г. *Ценковскаго*.

Г. Григорьевъ избралъ предметомъ своего разсужденія важный вопросъ. Въ дѣлѣ правописанія у насъ вообще господствуетъ странный хаосъ, — до того, что правописаніе стало означать *право писать* кому какъ вздумается, не справляясь съ грамматикою, а иногда даже и съ логикою. Въ правописаніи именъ чужеземныхъ та же запутанность и неурядица. Какихъ же основаній держаться при немъ? Писать по общему употребленію, большею частію, нельзя, потому что въ номенклатурѣ собственныхъ именъ у насъ нѣтъ *общаго* употребленія, и одно и то же слово пишется разно, смотря по произволу. Такъ пишутъ: Босфоръ, Босфоръ и Босфоръ; Аму-Дарья (или Дерья), Гигонъ, Джейхунъ, Оксъ и Оксусъ; Саара, Сагара, Сахара и Сахра; Эльборусъ, Эльбурзъ и Альборсъ; Индѣйцы, Индійцы и Индусы; Туркоманы, Туркмены, Трухмены и Трухменцы; Лапландцы, Лапонцы и Лопари; Мексика и

Digitized by Google

Мехика; Хили и Чили; Лузація, Лаузицъ и Лужицы; Гельсингеръ и Эльсенёръ; Заандамъ и Сардамъ; Лембергъ и Львовъ; Або и Абовъ, и проч. и проч. — всего не перечтешь. «То, говоритъ Г. Григорьевъ, называемъ мы рѣки, города, области и т. д. именами, какія носили они въ древности или въ средніе вѣка, и которыя давно уже вышли изъ употребленія и замѣнились другими; то употребляемъ для нихъ названія туземныя, то заимствованныя отъ народовъ сосѣдственныхъ; въ одномъ случаѣ сохраняемъ туземную форму названія, въ другомъ — придаемъ ей Русское окончаніе; одинъ и тотъ же звукъ того или другаго языка иногда передаемъ такъ, иногда иначе: и все это безъ разбора, безъ причины, безсистемно и большею частію безсознательно.»

Хорошаго географическаго словаря или учебника, которые могли бы служить авторитетомъ, у насъ нѣтъ; да если бы и были они, то все-таки не могли бы представить достаточныхъ правилъ для правописанія собственныхъ именъ, потому что «въ послѣднее время обнаружились у насъ въ области географической номенклатуры четыре направленія, которыя уже значительно потрясли зданіе ея, худо или хорошо, воздвигавшееся со временъ Петра Великаго.» Во-первыхъ, съ распространеніемъ изученія иностранныхъ языковъ, сильно начало проявляться стремленіе писать собственныя имена иностранныя какъ можно ближе къ туземному ихъ произношенію. Съ другой стороны, постоянное чтеніе Французскихъ книгъ преимущественно передъ Нѣмецкими, повело къ тому, что при-Рейнскія страны и мѣстности, стали писаться по Французской орѳографіи. Въ-третьихъ, ближайшее ознакомленіе съ языками и исторіею западныхъ Славянъ начало отражаться въ географической номенклатурѣ Германо-Славянскихъ земель замѣненіемъ Нѣмецкихъ названій первообразными Славянскими, изъ которыхъ произошли первыя путемъ перевода или искаженія. По той же причинѣ, и относительно Итальяно-Славянскихъ земель, названія урочищъ Итальянскія начинаютъ уступать мѣсто настоящимъ Славянскимъ. Наконецъ, стараніями нашихъ китаистовъ, преимущественно знаме-

Digitized by Google

нитаго о. Іакинѳа, принято теперь: всѣ Китайскія названія писать однообразно по произношенію Пекинскому.*

При такомъ разнообразіи и при безпрестанныхъ нововведеніяхъ, вопросъ уже не о томъ, какихъ правилъ держаться при оцѣнкѣ того или другаго правописанія, — а могутъ ли даже быть даны для этого какія-либо правила? — Разсматривая его, авторъ справедливо замѣчаетъ, что у каждаго народа географическая номенклатура болѣе или менѣе своеобразна. Причины этого разнообразія заключаются главнѣйше въ различіи фонетическаго состава и эвфоническихъ и этимологическихъ законовъ разныхъ семействъ человѣческаго слова. Поэтому «своеобразность географической номенклатуры у каждаго народа не есть дѣло невѣжества, не результатъ ошибокъ отдѣльныхъ лицъ, временемъ укорененныхъ, а необходимое слѣдствіе естественнаго, законнаго взаимнодѣйствія развивающихся жизненныхъ народностей.» — Самостоятельнымъ же путемъ образовывалась и неприкосновенною передавалась въ старину изъ рода въ родъ и наша географическая номенклатура.

«Начать съ того, что всѣхъ сосѣдей своихъ окрестили мы именами своего изобрѣтенія, или, если и усвоили ихъ собственныя, то не иначе какъ передѣлавъ на свой ладъ. Народы *Финскаго* племени прозвались у насъ *Чудью*, народы *Германскіе—Нѣмцами*, народы *Итальянскіе—Волохами;* узнавъ о существованіи *Норлановъ*, *Англовъ*, *Франковъ*, передѣлали мы ихъ въ *Урлянъ* или *Мурлановъ*, въ *Аглянъ*, въ *Фряговъ;* стали проходить черезъ землю нашу шайки сѣверныхъ удальцовъ, носившія въ Греціи имя *Варанговъ*, и мы переименовали ихъ *Варягами;* потянулся степями нашими изъ-за Волги къ Черному морю кочевой народъ *Бечнаковъ*, и мы переименовали его въ *Печенѣговъ;* Печенѣговъ въ свою очередь стали замѣщать *Узы*, и мы дали имъ имя *Половцевъ*, а единоплеменниковъ ихъ *Кара Калпаковъ* вѣрно и созвучно перевели *Черными Клобуками*.

---

* Г. Григорьевъ не упомянулъ еще о нововведеніи нѣкіихъ доморощенныхъ реформаторовъ, которые начали писать иностранныя имена иностранными буквами: Французскія по-Французски, Англійскія по-Англійски, и т. д., но съ Русскими окончаніями. Слѣдуя этой разумной методѣ, Китайское имя должно бы писать Китайскими буквами, Турецкое Турецкими, такъ что для разбора такой тарабарщины читателю приходилось бы сдѣлаться вторымъ Меццофанти.

Digitized by Google

Такимъ же образомъ, по мѣрѣ того какъ знакомились съ ними по слуху или лично, поступали мы и съ названіями чужеземныхъ странъ, городовъ, рѣкъ, горъ и другихъ географическихъ предметовъ: *Тамтарху* переименовали *Тмутараканью*, *Солдаію—Сурожемъ*, *Херсонесъ—Корсунью*, *Θессалоники—Солунью*, *Константинополь—Царьградомъ*, *Адріанополь—Ядриномъ*, *Дристру—Доростоломъ*, *Саркелъ—Бѣлою Вѣжею*, столицу папъ — *Римомъ* или *Рымомъ*; горы *Карпатскія* прозвались у насъ *Угорскими*, *Кавказскія—Ясскими*, *Уральскія—Каменнымъ поясомъ*; море *Каспійское — Хвалынскимъ*, *Азовское — Сурожскимъ*, *Черное — Гречевскимъ*, *Гандвикъ* Норманновъ — *Мурманскимъ*, или *Бѣлымъ*, *Балтійское — Варяжскимъ*; *Квенландію Шведовъ* перевели мы *Бабьею землею*, Финское *Веси-Ерви — Бѣло-Озеромъ*, и т. д. Утвердили Князья наши власть Русскую въ предѣлахъ Ливоніи и Эстоніи, и туземная номенклатура этихъ странъ подверглась такой же переработкѣ.... Равную самостоятельность, при усвоеніи себѣ чужеземной номенклатуры географической, оказывали мы постоянно до самаго XVIII столѣтія: Европейскія ли, Азіатскія ли имена урочищъ, когда доходили они до нашего слуха и не согласовались съ его требованіями, передѣлывали мы немедленно на свой ладъ, увлекаясь иногда при этомъ, какъ и другіе народы, нѣкотораго рода остроуміемъ: *Грейфсвальдъ* звучалъ для насъ *Хрипцволемъ*; *Магдебургъ — Майоромъ*; *Антверпенъ—Антрополемъ*; *Виборгъ—Выборомъ*, *Выборцемъ*; *Стокгольмъ—Стекольной*; *Остерботтнія—Остроболомъ*; *Мусульмане—Бесерманами*; *Хаджи-Терханъ — Хозитороканью*, *Астраханью*; *Дербендъ—Дербенью*; *Яркендъ — Ярканью*, *Иркетью*; въ *Кашгарѣ* слышался *Городъ-Шаръ*, и проч. и проч. По другому отдѣлу иноземной номенклатуры, та же лингвистическая самодѣятельность народа Русскаго проявлялась, въ то же время и столь же оригинально, въ претвореніи личныхъ собственныхъ именъ, заимствованныхъ съ христіанствомъ изъ Греко-Римскаго мѣсяцеслова....

«Какъ посмотримъ мы съ точки зрѣнія нынѣшней нашей образованности на эту работу предковъ, куда дикой, нелѣпой и безтолковой кажется намъ она. Результаты ея представляются намъ, просвѣщеннымъ Россіянамъ XIX вѣка, не иначе какъ слѣдствіемъ невѣжества старой Руси, тугаго уха нашихъ праотцевъ, ихъ черезъ-чуръ неповоротливаго языка. А между тѣмъ не такъ оно. На работу эту подвигали предковъ нашихъ тѣ же физіологическія и психическія требованія природы человѣческой, какія вызывали на тоже и другихъ народовъ; повинуясь этимъ требованіямъ, предки наши доказывали тѣмъ неиспорченность природы своей, были исполнителями ея неизмѣнныхъ законовъ, а не лич-

Digitized by Google

наго произвола своего, подверженнаго ошибочности. Вглядимся внимательно въ эту работу ихъ, и увидимъ, что она вовсе не топорная, напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ — даже художественная и всегда — систематическая. Въ этой передѣлкѣ иноязычныхъ именъ на свой ладъ, въ которой многимъ видится одно безсмысленное коверканье, властвуютъ во всѣхъ одинаковыхъ случаяхъ почти одни и тѣ же законы....»

Въ такомъ видѣ существовала и пополнялась географическая наша номенклатура до самаго конца XVII столѣтія. Притомъ она была совершенно одинакова какъ въ устахъ народа, такъ и въ рѣчи письменной. Съ XVIII столѣтіемъ настала для нашего языка такъ называемая реформа, когда въ Русскую рѣчь страшнымъ потокомъ хлынули иностранныя слова; учиться мы начали по книгамъ, переведеннымъ съ Голландскаго, Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ, переведеннымъ болѣе чѣмъ съ грѣхомъ пополамъ. Живыми учителями географіи явились тоже Голландцы, Шведы, Швабы, которые учили насъ всѣ собственныя имена, написанныя Латинскими буквами, читать по Латинскому произношенію на Нѣмецкій ладъ.... Съ конца XVIII столѣтія, Нѣмецкое вліяніе стало у насъ замѣняться Французскимъ. Потомъ пошли реформы, о коихъ мы упомянули выше. Теперь всякій, кто выучился по-Англійски на столько, чтобы понимать, что *ee* = нашему *и*, а *ch* произносится какъ наше *ч*, да знаетъ, сверхъ того, настоящее произношеніе нѣкоторыхъ буквъ въ Итальянскомъ и Испанскомъ языкахъ — считаетъ себя въ правѣ быть реформаторомъ географической номенклатуры. Рефоматорство это состоитъ въ стремленіи сохранить цѣлость и правильность каждаго иноземнаго звука при передачѣ его Русскими буквами. Не говоря уже о томъ, что такое стремленіе означаетъ глухоту къ требованіямъ народнаго уха и утрату чутья музыкальныхъ законовъ своего собственнаго языка, нельзя не замѣтить, что этого рода реформаторы обыкновенно не имѣютъ достаточныхъ свѣдѣній для своей дѣятельности, и по разумѣнію своему исправляя одно, портятъ вдвое, когда очередь реформы доходитъ до именъ собственныхъ изъ такихъ языковъ, которые имъ неизвѣстны: географы наши, пишущіе *Соутуэркъ* и *Тахо*, ре-

Digitized by Google

шительно теряются и не знаютъ, какъ имъ быть съ Азіатскими и другими мудреными именами въ Англійской и Французской транскрипціи, когда, напримѣръ, въ именахъ этихъ встрѣчаются въ началѣ или въ серединѣ буквы *h* и *kh*, а на концѣ — буквы *s* и *ng*....

Но что же намъ дѣлать? спрашиваетъ профанъ въ этомъ дѣлѣ, внимательно прочитавъ прекрасное разсужденіе Г. Григорьева:—вы дали задачу, вы и разрѣшайте ее. — На этотъ предполагаемый вопросъ авторъ отвѣчаетъ:

«Что прошло, того не воротишь. Старинная географическая номенклатура наша, возникшая путемъ самостоятельнымъ, едва ли когда можетъ быть возстановлена во всей ея полнотѣ: сохранимъ же изъ полученнаго отъ предковъ наслѣдства, узнавъ ему цѣну, хотя то, по крайней мѣрѣ, чего не растратили до настоящей минуты, что еще держится въ употребленіи. Столь же мало можно надѣяться, чтобы возвратилась къ намъ та способность лингвистической самодѣятельности, которою обладали наши предки, которая доселѣ еще жива въ простонародіи Русскомъ; претворять чужеземные звуки въ свою собственность, налагать на нихъ печать своей національности мы уже не можемъ, если бы и захотѣли: по крайней мѣрѣ остережемся впредь, при передачѣ нашею азбукою чужестранныхъ именъ, насиловать основные законы благозвучія въ языкѣ нашемъ. Особенности народныя, въ чемъ бы ни проявлялись онѣ, суть послѣдствія и съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельства жизненности народной.»

На основаніи этого, онъ предлагаетъ слѣд. формулу: «писать иностранныя географическія имена какъ можно ближе къ ихъ туземному произношенію, но съ уваженіемъ къ освященнымъ уже вѣковымъ употребленіемъ Русскимъ формамъ ихъ и къ законамъ языка нашего, руководствуясь: въ первомъ случаѣ — историческими памятниками отечественной словесности, въ послѣднемъ — трудами нашихъ ученыхъ языкоизслѣдователей.» *

Намъ кажется, что эта формула не рѣшаетъ всѣхъ пунктовъ спорнаго вопроса и можетъ подать поводъ ко многимъ недоумѣніямъ. Намъ надобно указку, какъ дѣ-

* Подписываемся и мы подъ этимъ основательнымъ правиломъ. Если бъ Географическому Обществу, на основаніи этого правила, угодно было составить Географическій Словарь, то оказалось бы великое благодѣяніе для нашей письменности. *М. П.*

Digitized by Google

тямъ въ азбукѣ.... И вотъ одно изъ многихъ доказательствъ тому. За статьею Г. Григорьева слѣдуетъ отрывокъ изъ путешествія Г. Ценковскаго. Здѣсь, между прочимъ, встрѣчаются: феллѣхъ, Ковтъ, Ѣменъ, Мерауе, Курдофанъ, — тогда какъ, сколько уже лѣтъ, мы пишемъ: феллахъ, Коптъ, Іеменъ, Мероэ, Кордофанъ. Разница, кажется, ничтожная: слѣд. къ чему же это нововведеніе, особенно когда оно касается до языка, всѣхъ звуковъ котораго, по словамъ оріенталистовъ, нельзя передать нашими буквами?

«Отчетъ о путешествіи въ Сѣверо-Восточный Суданъ» даетъ намъ право надѣяться, что въ авторѣ его, который, какъ извѣстно, сопровождалъ Г. Ковалевскаго во Внутреннюю Африку, литература наша пріобрѣтетъ наблюдательнаго путешественника. Сколько можно судить по отрывку, путешествіе Г. Ценковскаго написано легко и занимательно. Нѣкоторыя небрежности въ слогѣ и излишнее употребленіе иностранныхъ словъ могутъ быть извинены тѣмъ, что авторъ, вѣроятно, еще не успѣлъ приготовить окончательно своего труда къ печати.

Въ прочихъ отдѣленіяхъ «Географическихъ извѣстій» помѣщены слѣд. статьи: *Путешествія и экспедиціи.* Очеркъ десятилѣтнихъ странствованій по Южной Абиссиніи братьевъ д'Аббади; Результаты ученаго путешествія по Сѣверной Абиссиніи Роше д'Эрикура; Поѣздка по Западному Тибету, поручика Стрэчи; Новое вторженіе д-ра Гаукера въ южные предѣлы Тибета; Поиски за экспедиціею Франклина; Очеркъ Африканскихъ странствованій барона Мюллера; Поѣздка во внутренность Южной Африки миссіонера Ливингстона; Новая развѣдочная экспедиція къ озеру Ньяни; Ричардсоновы путешествія по Внутренней Африкѣ; О путешествіи Валлина по Сѣверной Аравіи; Новая экспедиція на Новую Землю (она предпринята, на собственный счетъ, сыномъ знаменитаго нашего мореплавателя, Капитаномъ П. И. Крузенштерномъ). *Замѣтки и выписки.* Бѣсъ и Бѣсиха, или Крестовый и Пелій мысы; Домашняя Ногайская утварь; Сосновское озеро; Чѣмъ живъ зимой медвѣдь; О полномъ солнечномъ затмѣніи въ 1851 году (*О. А. Семенова*) и Отзывъ объ этой статьѣ Проф. *Савича.* — Послѣднія двѣ статьи особенно любопытны: первая изъ нихъ и

Digitized by Google

приложенная къ ней карта* уже давно знакомы нашимъ читателямъ (Москв. № 9). Отзывъ о трудѣ Ѳ. А. Семенова, сдѣланный Проф. Савичемъ, совершенно сходенъ съ отзывомъ Д. М. Перевощикова. Рецензентъ сравнивалъ его вычисленія съ своими собственными и помѣщенными въ Англійскомъ морскомъ мѣсяцесловѣ (Nautical Almanac for the year 1851), и нашелъ между ними весьма незначительную разницу, которая «объясняется различіемъ таблицъ солнца, взятыхъ за основаніе Семеновымъ и Англійскими астрономами, и потому не можетъ быть принята за погрѣшность вычисленій.» Статья Ѳ. А. Семенова была напечатана въ нашемъ журналѣ; поэтому считаемъ не лишнимъ привести слѣд. слова Г. Савича:

«Семеновъ оканчиваетъ свою статью опроверженіемъ заключенія, приписываемаго газетою «Сѣверная Пчела» Французскому астроному Араго, относительно затмѣнія 1851 года. Весьма сомнительно, чтобы Араго могъ сказать оффиціальнымъ образомъ въ Академіи Наукъ, что это затмѣніе не будетъ полнымъ въ Европѣ; въ прибавленіяхъ къ Annuaire du Bureau des longitudes pour l'an 1842, Араго говоритъ: à Paris dans le XIX siècle il n'y en pas eu encore, et il n'y en aura pas d'eclipse totale du soleil. Вѣроятно, журналисты распространили на цѣлую Европу то, что надобно было разумѣть только о Парижѣ. Не утверждая, впрочемъ, ничего положительно, намъ непонятнымъ кажется, какъ возможно было г-ну Араго говорить такъ, какъ упоминаютъ журналисты, когда подъ руками у него находится богатая библіотека, въ которой вѣрно есть извѣстное всѣмъ астрономамъ сочиненіе Парижскаго профессора Галлашки: Elementa eclipsium ab 1816 ad 1900, гдѣ вкратцѣ вычислены всѣ затмѣнія текущаго столѣтія. Результаты этихъ вычисленій были потомъ перепечатаны Литровымъ въ его Colendariographie, изданной въ Вѣнѣ еще въ 1828 году. Въ ученыхъ статьяхъ, авторитетъ литературныхъ газетъ не можетъ быть допускаемъ иначе, какъ съ крайнею осторожностію, и потому полагаемъ нужнымъ выставить яснѣе, что нашъ ученый авторъ возражаетъ собственно противъ заключенія, *приписываемаго* журналистами г. Араго, который, можетъ быть, никогда его и не дѣлалъ.»

Въ *Смѣси* помѣщено 16, болѣе или менѣе, любопытныхъ статеекъ, а въ *Библіографіи* разобрано 10 сочиненій,

* Къ Географическимъ извѣстіямъ, сверхъ того, приложенъ портретъ нашего астронома-самоучки.

Digitized by Google

входящихъ въ кругъ наукъ, обнимаемый дѣятельностію Географическаго Общества. — Изъ извѣстія о пребываніи въ С.-Петербургѣ извѣстнаго миссіонера Гюцлафа, узнаемъ что одинъ изъ нашихъ синологовъ, З. Ѳ. Леонтьевскій, перевелъ на Китайскій языкъ первый томъ Исторіи Карамзина.

Словомъ, «Географическія извѣстія» — изданіе дѣльное и полезное, которому нельзя не радоваться и не желать успѣховъ.

168. О стеченіи нѣсколькихъ преступниковъ при одномъ и томъ же преступленіи. Сочиненіе (диссертація на степень магистра) А. Жиряева. Дерптъ. 1850. Стр. 146 въ 8 д. л.

«Опредѣлить обсуживаемый отвлеченный и притомъ спорный предметъ значитъ въ умозрѣніи тоже, что при чувственномъ созерцаніи какого-либо, находящагося въ состояніи движенія, колебанія или сотрясенія, физическаго предмета, отыскать центръ его тяжести и дать ему твердую точку опоры: послѣднимъ обусловливается правильность и точность опытнаго наблюденія, первымъ основательность и ясность философскаго анализа.»

Изъ этого дѣльнаго, хотя кудряваго, витіеватаго начала, мы могли заключить, что диссертація будетъ философская, и слѣдовательно метода строгая. Но, съ другой стороны, разсматривая заглавіе книги, мы не могли понять, что можно сдѣлать изъ выбранной авторомъ задачи, которая, повидимому, заключала сама въ себѣ два недостатка: неопредѣленность и противорѣчіе.

Неопредѣленность заключается въ выраженіи «*при* одномъ и томъ же преступленіи:» она уничтожилась бы, еслибъ авторъ замѣнилъ предлогъ *при* предлогомъ *въ*, но противорѣчіе и тогда осталось бы въ полной силѣ. И авторъ замѣтилъ бы его, еслибъ онъ не забывалъ опредѣленія преступленія, которое, во всякомъ случаѣ, должно лежать краеугольнымъ камнемъ постройки.

Какъ бы мы ни опредѣлили преступленіе, во всякомъ случаѣ надобно отличить его отъ факта, послужившаго поводомъ къ уголовному изслѣдованію.

Найденъ трупъ съ признаками насильственной смерти. Фактъ есть, уголовное слѣдствіе начинается, но преступ-

Digitized by Google

леніе только подозрѣвается или предполагается. Когда положительно дознано, что смерть произошла отъ насилія, то подозрѣніе получаетъ бо́льшую вѣроятность, но все еще можетъ быть оно ложно. Ибо насильственная смерть могла быть безъ преступленія со стороны другаго лица. Кто убиваетъ другаго или въ совершенномъ безуміи, или, защищаясь самъ противъ превосходной силы, или въ другихъ подобныхъ случаяхъ, тотъ, конечно, не совершаетъ преступленія. Кто убиваетъ другаго сознательно, произвольно, тотъ совершаетъ преступленіе. Между тѣмъ результатъ дѣятельности обоихъ совершенно одинъ — смерть человѣка. Стало быть, преступленіе состоитъ не въ результатѣ дѣятельности, а въ самой дѣятельности лица; преступленіе только тамъ, гдѣ преступникъ.

А изъ этого ясно, что если человѣкъ убитъ двумя лицами, то хотя результатъ дѣятельности обоихъ одинъ, но преступленій по крайней мѣрѣ два, потому что два преступника. Стало быть, въ одномъ и томъ же преступленіи двухъ преступниковъ быть не можетъ, и если есть нѣсколько преступниковъ, то есть и нѣсколько преступленій. Можетъ быть одинъ результатъ преступленій, напр. смерть человѣка, слѣдов. одинъ поводъ къ начатію уголовнаго слѣдствія; можетъ быть одно главное преступленіе, около котораго собирается нѣсколько мéньшихъ; но не можетъ быть одного преступленія при нѣсколькихъ преступникахъ. Развѣ не преступно подстрекнуть на убійство, укрыть убійцу, не донесть объ убійствѣ?

Этимъ разрушается философское значеніе диссертаціи Г. Жиряева, потому что на ложный вопросъ нельзя дать истиннаго, положительнаго отвѣта, и изъ ложнаго начала нельзя вывести истинныхъ слѣдствій логическимъ путемъ. Поэтому мы могли бы здѣсь остановиться и кончить статью, но считаемъ за лучшее въ литературѣ слѣдовать примѣру судебной практики и выслушивать автора до конца.

Подъ стеченіемъ преступниковъ (concursus delinquentium) разумѣется такое нѣсколькихъ лицъ къ одному и тому же преступленію отношеніе, въ слѣдствіе коего каждое изъ нихъ является или *заѣдомо участвовавшимъ въ его совер-*

Digitized by Google

шеніи, или же *учинившимъ другое какое-либо противозаконное дѣяніе, но по поводу и въ интересѣ перваго.* Уголовно-судопроизводственнымъ послѣдствіемъ такого отношенія бываетъ то, что находящіяся въ немъ лица *подвергаются одному и тому же общему изслѣдованію и сужденію.* На основаніи же уголовнаго права всѣ стекающіеся при одномъ и томъ же противозаконномъ дѣяніи преступники представляются въ такой внутренней связи между собою, по коей *вина одного болѣе или менѣе отражается и на всѣхъ прочихъ.*

Что одно преступленіе можетъ быть въ связи съ другимъ, можетъ быть совершено въ интересѣ другаго, спорить нельзя: и однакожъ, все-таки оно будетъ отдѣльное преступленіе. Что нѣсколько преступленій изслѣдуются и обсуживаются въ одномъ дѣлѣ, это ничего не значитъ. Бываетъ и такъ, что въ одномъ слѣдствіи изслѣдуются и въ одномъ приговорѣ обсуживаются преступленія совершенно различныя. Напр. N. N. поджегъ домъ у S. S.; S. S. для обличенія N. N. подкупаетъ свидѣтелей. По слѣдствію оказывается, что N. N. дѣйствительно поджегъ домъ и S. S. дѣйствительно подкупилъ свидѣтелей. Очевидно, что въ одномъ и томъ же приговорѣ (т. е. на одномъ и томъ же листѣ бумаги) опредѣлится виновность и наказаніе и N. N., и S. S., и подкупленныхъ свидѣтелей. Что жъ изъ этого? Что вина одного лица отражается болѣе или менѣе на другихъ, это совершенно ложно. Можетъ быть, когда-нибудь такъ и дѣлалось, но не нынѣ. Всякій отвѣчаетъ самъ за себя и въ той мѣрѣ, въ какой онъ виновенъ.

«Попустители, укрыватели и т. д. никогда не являются одни передъ лицемъ карающаго правосудія, но всегда въ сообществѣ съ виновниками главнаго преступленія.» Полно, такъ ли? Какъ вы будете судить слѣдующіе два случая:

а) Мой знакомый высказалъ мнѣ твердое намѣреніе убить своего врага, при мнѣ приготовилъ орудіе убійства и ушелъ, объявивъ мнѣ, что онъ непремѣнно приведетъ свое намѣреніе въ дѣйствіе. Я не принялъ никакихъ мѣръ къ отклоненію его отъ преступленія. Неужели не одинаково я виновать, будетъ ли его намѣреніе приведено въ дѣйствіе,

Digitized by Google

или нѣтъ, предполагая, что я увѣренъ въ возможности приведенія его въ дѣйствіе?

b) Человѣкъ, обрызганный кровью, приходитъ ко мнѣ, объявляетъ, что онъ зарѣзалъ своего сосѣда и проситъ убѣжища. Я даю убѣжище. Въ послѣдствіи оказывается, что онъ солгалъ на себя и зарѣзалъ не сосѣда, а теленка. Неужели однакожъ я виноватъ менѣе, чѣмъ еслибъ далъ пріютъ дѣйствительному убійцѣ, предполагая, разумѣется, что я совершенно вѣрилъ его разсказу?

Очень можетъ быть, что въ томъ и другомъ случаѣ, я не подвергнусь отвѣтственности, но единственно потому, что, за неимѣніемъ повода къ началію слѣдствія, оно не будетъ производиться: иначе было бы несправедливо или оправдать меня въ случаѣ несовершенія убійства, или наказать въ случаѣ совершенія.

Если и убійство не совершено, и человѣкъ, взведшій на себя убійство, неизвѣстенъ, то отвѣтственности подвергнусь я одинъ; да и во всякомъ случаѣ укрытый мною будетъ отвѣчать за то только, что обманулъ меня.

Авторъ продолжаетъ: «Другая, болѣе внутренняя связь первыхъ (прикосновенныхъ) съ послѣдними (главными виновниками) заключается въ томъ, что на наказуемость прикосновенныхъ къ преступленію лицъ имѣетъ вліяніе наказуемость участниковъ преступленія. При ненаказанности послѣднихъ остаются безъ наказанія и первые, потому что, если не окажется при уголовномъ изслѣдованіи главнаго преступленія, то не можетъ быть рѣчи ни о попустительствѣ, ни объ укрывательствѣ, ни о донесеніи. Обнаружено будетъ уголовнымъ разъисканіемъ преступленіе бо́льшее, нежели какимъ казалось оно при первомъ обозрѣніи, и преступность прикосновенныхъ къ нему лицъ возрастетъ въ той же самой пропорціи, и наоборотъ, открыто будетъ преступленіе мѣньшее, и вина прикосновенныхъ къ нему лицъ уменьшится на столько же.» Эти положенія частію опровергаются вышеприведенными примѣрами, частію слѣдующими: я домохозяинъ и тайно, за деньги, даю пріютъ человѣку неизвѣстному ни мнѣ, ни сосѣдамъ, ни полиціи. Можетъ открыться въ послѣдствіи: а) что этотъ

Digitized by Google

человѣкъ не объявляетъ своего имени и паспорта по причинамъ вовсе несоставляющимъ уголовнаго преступленія, напр. по любовной интригѣ; b) что онъ есть бѣглый и безпаспортный, и c) что онъ есть преступникъ и даже совершилъ преступленіе въ то время, когда проживалъ у меня, и проживалъ у меня для того, чтобы совершить преступленіе. Очень можетъ быть, что въ первомъ случаѣ, да и во второмъ я останусь безнаказаннымъ, потому что, за недостаткомъ повода, не будетъ уголовнаго слѣдствія: но если оно будетъ, то наказаніе мое во всѣхъ случаяхъ будетъ равное, т. е. опредѣлится моимъ поступкомъ и намѣреніемъ. Само собою разумѣется, что я предполагаю достаточныя средства суда для совершеннаго раскрытія истины.

Усиленіе или уменьшеніе виновности противъ перваго обозрѣнія ничего не значитъ, потому что ни одно дѣло не судится по первому обозрѣнію. Начинается слѣдствіе объ укрывательствѣ неизвѣстнаго человѣка; окажется потомъ, что этотъ человѣкъ есть убійца; естественно, на меня падетъ подозрѣніе въ укрывательствѣ убійцы, какъ убійцы, и если это подозрѣніе будетъ доказано, то я подвергнусь бо̀льшему наказанію, чѣмъ еслибъ доказано было, что я укрывалъ бѣглаго. Что жъ это значитъ? Конечно то только, что укрывать убійцу есть преступленіе бо̀льшее, чѣмъ укрывать бѣглаго. Но во всякомъ случаѣ виновность и наказуемость моя опредѣляется собственно моимъ поступкомъ, а не поступкомъ мною укрываемаго, слѣдов. укрывательство неизвѣстнаго, бѣглаго или убійцы суть особыя самостоятельныя преступленія.

Авторъ продолжаетъ: «изъ этого видно, какъ неосновательно мнѣніе Миттермайера и Росси, которые въ дѣйствіяхъ, входящихъ въ составъ понятія о прикосновенности, видятъ совершенно *самостоятельныя*, отдѣльныя преступленія. Согласившись съ ними, надлежало бы: 1) въ системахъ и уложеніяхъ говорить о сихъ дѣйствіяхъ не въ общей, а въ особенной части угол. права; 2) признать возможность покушеній на укрывательство, попустительство и т. д.; 3) допустить наказуемость пособничества къ прикосновенности, равно какъ прикосновенности къ прикосновенности.»

Digitized by Google

Что касается до перваго возраженія, автору конечно не безъизвѣстно, что составители уголовныхъ уложеній заботятся не столько о систематической (логической) строгости, сколько о простотѣ, краткости и практической примѣнимости законовъ. Этимъ требованіямъ невозможно бы было удовлетворить, если ввести подробные законы о прикосновенности въ уложеніе, потому что невозможно опредѣлить напередъ всѣ ея случаи, отчего законъ и предоставляетъ обыкновенно суду — судить и наказывать по мѣрѣ вины. Этого не могло бы быть по теоріи автора, по которой наказуемость напр. попустителя опредѣляется наказуемостію главнаго виновника, слѣдовательно *постоянно одинакова*. Второе возраженіе также несостоятельно. Покушенія на укрывательство, попустительство и т. д. совершенно возможны. Напр. a) Я приготовляю лошадей, чтобы дать способъ бѣжать преступнику, предполагая, что онъ успѣетъ прибыть въ мой домъ. Но его схватываютъ прежде. b) Имѣющій намѣреніе совершить преступленіе разсказываетъ мнѣ объ этомъ разъ—молчу, два—молчу, въ третій разъ принимаю мѣры остановить его. Третье возраженіе также не имѣетъ основанія. Если прикосновенность состоитъ въ a) укрывательствѣ, b) попустительствѣ, c) недонесеніи, то почему же не наказывать того, кто дастъ мнѣ *завѣдомо* средства къ укрывательству или кто не доноситъ на сосѣда, зная, что тотъ укрываетъ преступника и т. д.? Мы тутъ не видимъ никакого смѣшенія началъ права съ началами нравственности, которое угодно видѣть автору.

Авторъ дѣлитъ лица, стекающіяся при одномъ и томъ же преступленіи на a) участвовавшихъ въ его совершеніи, какъ-то: главнаго (физическаго) виновника, подстрекателя, пособниковъ и b) на прикосновенныхъ, т. е. aa) попустителей, bb) укрывателей, cc) недоносителей.

Дѣленіе это мы находимъ естественнымъ, хотя оно и не необходимо вытекаетъ изъ начала автора, а также точно и изъ начала группированія преступленій около одного центра. Но какъ скоро доходитъ до приложенія дѣленія къ болѣе частнымъ вопросамъ, ложное начало часто бу-

Digitized by Google

деть мѣшать дѣлу. Какъ, напримѣръ, отвѣчать на вопросъ: кто болѣе виноватъ—главный виновникъ или подстрекатель? Кто напр. болѣе виноватъ, въ великой драмѣ Шекспира, Отелло или Яго? По теоріи автора виновность Яго опредѣляется единственно виновностію Отелло. Помѣшай что-нибудь Мавру задушить жену, Яго былъ бы невиненъ!

Выслушаемъ теперь *основныя* правила и *основныя* истины, которыми, по мнѣнію автора, *надлежитъ* руководствоваться въ изложеніи *основныхъ* понятій всего ученія о стеченіи преступниковъ.

1. Цѣль изслѣдованія состоитъ единственно въ опредѣленіи *наказуемости* стекающихся при одномъ и томъ же преступленіи виновныхъ.

2. Надобно избѣгать двухъ равно односторонних и слѣдов. ложныхъ направленій, по преимуществу (?) объективнаго и по преимуществу (?) субъективнаго.

3. Надобно отъ понятій и выраженій, употребляемыхъ въ общежитіи, отличать строгія и точныя понятія и выраженія уголовнаго права.

4. Подстрекательство, пособничество, попустительство, укрывательство и недонесеніе *безъ наличности* главнаго преступленія или, по крайней мѣрѣ, покушенія на главное преступленіе, если и могутъ быть признаваемы виновными, то не какъ особенные виды стеченія, но какъ отдѣльныя, самостоятельныя противузаконныя дѣянія (delicta sui generis), наказуемыя безъ всякаго отношенія къ главному преступленію, которое по чему-нибудь не состоялось. Развивая это положеніе, авторъ говоритъ:

«Въ безплодномъ, т. е. не сопровождавшемся никакимъ преступленіемъ подстрекательствѣ лежитъ не болѣе, какъ одно лишь приготовленіе къ преступленію, нерѣдко одинъ лишь преступный умыселъ; а приготовленіе и умыселъ, по общему правилу, еще не составляютъ дѣяній наказуемыхъ»..... Не думаемъ, чтобъ это было правда. Если умыселъ и приготовленіе не наказываются, то единственно потому, что нѣтъ поводовъ къ началію слѣдствія. Другое дѣло, что они не наказываются наровнѣ съ совершеннымъ преступленіемъ или съ покушеніемъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, разобравъ первую главу, мы находимъ, что взглядъ автора не имѣетъ достаточной ясности и твердости, и что онъ противорѣчитъ основному понятію о преступленіи, какъ дѣйствіи *лица*, и слѣдовательно какъ дѣйствіи невозможномъ для многихъ лицъ вмѣстѣ. Съ своей стороны, мы полагаемъ, что гдѣ много преступниковъ, тамъ много и преступленій, которыя конечно могутъ состоять въ связи между собою, но не могутъ составлять одного, — и, повторимъ, преступленіе есть *дѣйствіе лица*, а не *результатъ дѣйствія*, и такъ какъ *два лица* не могутъ сдѣлаться *однимъ*, то и дѣйствія двухъ лицъ не могутъ сдѣлаться однимъ дѣйствіемъ. Мы думаемъ, далѣе, что если на дѣлѣ подстрекательство, пособничество, укрывательство и пр. безъ главнаго преступленія рѣдко наказываются, то потому единственно, что большею частію всѣ эти дѣйствія остаются въ безгласности, но при гласности будутъ наказаны въ той же мѣрѣ, въ какой были бы наказаны при дѣйствительности существованія главнаго преступленія, потому что совершено главное преступленіе, или нѣтъ со стороны подстрекаемаго, укрываемаго и пр., все-таки подстрекатель, укрыватель и пр. сдѣлали свое.

Въ слѣдующихъ главахъ, изъ которыхъ:

Во второй говорится о главномъ виновникѣ и подстрекателѣ;

Въ третьей о пособникахъ;

Въ четвертой о виновникахъ, дѣйствующихъ въ оном, заговоромъ и шайками;

Въ пятой о разныхъ родахъ прикосновенности къ преступленію, укрывательствѣ, попустительствѣ, недонесеніи,— много дѣльнаго, но много и спорнаго и даже ложнаго. Это, естественно, должно было произойдти отъ ложнаго начала; могло также произойдти и отъ того, что, руководствуясь большею частію одной логикой, авторъ не хотѣлъ искать примѣровъ. Можно ли напр. согласиться съ положеніемъ автора, что вмѣняемость преступленія одинакова, съ какою бы цѣлію оно ни было совершено? Все ли равно напр. будетъ, если одинъ человѣкъ убьетъ другаго изъ видовъ чи-

Digitized by Google

стой корысти, не будучи ничѣмъ инымъ побуждаемъ къ преступленію, или если онъ убьетъ своего смертельнаго врага, отъ котораго терпѣлъ въ продолженіе многихъ лѣтъ много тяжкихъ бѣдствій и при жизни его неизбѣжно потерпѣлъ бы еще большія, отъ котораго наконецъ грозитъ, по его мнѣнію, неминуемая гибель ему самому, его женѣ, дѣтямъ, обществу? Совѣсть запрещаетъ подобный судъ, да и законы постоянно опредѣляютъ для каждаго преступленія maximum и minimum наказанія.

Статья объ интеллектуальныхъ виновникахъ, подстрекателяхъ, обработана лучше другихъ и дѣйствительно была бы хороша, еслибъ опять не ложное начало автора. Онъ различаетъ *подстреканіе*, первую стадію подстрекательства, гдѣ нѣтъ еще физическаго преступленія, и подстрекательство, вторую стадію, когда подстрекатель соединяется съ физическимъ виновникомъ и становится интеллектуальнымъ виновникомъ преступленія. Притомъ *подстреканіе* можетъ сдѣлаться дѣйствіемъ наказуемымъ, какъ delictum sui generis потому что оно есть дѣйствіе опасное для спокойствія гражданскаго общества.

Но наказуемость опредѣляется не опасностію, а виновностію лица, слѣд. нельзя наказывать подстрекателя, если дѣйствіе его не есть дѣйствіе преступное. И такъ противъ подстреканія, по теоріи автора, могли бы быть только употреблены мѣры предупрежденія преступленій. Спрашивается теперь, какимъ же образомъ онъ можетъ сдѣлаться виновнымъ по совершеніи преступленія другимъ лицемъ, не бывши виновнымъ въ первую минуту и не дѣлавши ничего послѣ первой минуты? Если напр. *я* уговариваю кого-нибудь поддѣлать документъ, — *я* дѣлаю дѣло не преступное, а опасное, *я* стало быть *невиненъ*. Послѣ *я* не вижу лица, которое прежде уговаривалъ, и это лице дѣйствительно поддѣлываетъ документъ, *я* становлюсь *виновнымъ*. Что-то больно хитро.

По нашему — ошибка автора заключается въ самомъ понятіи объ *интеллектуальномъ виновникѣ* преступленія. Уговаривая другаго поддѣлать документъ, *я* дѣлаюсь самъ физическимъ виновникомъ своего собственнаго преступле-

Digitized by Google

нія, а не интеллектуальнымъ виновникомъ преступленія другаго. Правда, мое преступленіе можетъ состоять въ связи съ преступленіемъ другаго, тѣмъ не менѣе оно, и по сущности и по наказуемости, есть особенное преступленіе. Иное дѣло, замѣтимъ опять, что вѣроятно мое преступленіе безъ преступленія другаго не откроется по неимѣнію поводовъ къ начатію слѣдствія.

Въ исчисленіи видовъ подстрекательства мы искали и, къ сожалѣнію, не нашли одного, который стоилъ бы полнаго разсмотрѣнія. Вотъ примѣръ: *A* состоитъ во враждѣ съ *B* и желаетъ его гибели. *B* состоитъ въ непозволительныхъ связяхъ съ женою *C*, человѣка съ необузданными страстями. *A*, зная это, доводитъ до свѣдѣнія *C*, и *C*, убѣдившись въ преступленіи своей жены и *B*, убиваетъ обоихъ. Очевидно, что *A* есть подстрекатель, *C* физическій виновникъ убійства. Любопытно однакожъ было бы опредѣлить степень виновности и наказуемости обоихъ и особенно перваго. Въ дѣйствіяхъ его нѣтъ ничего видимо противузаконнаго, потому что нельзя почесть противузаконнымъ доведеніе до свѣдѣнія мужа преступленія жены. Спрашивается: что жъ тутъ дѣлать? Иначе — можно ли всегда отдѣлять *юридическое* начало отъ *нравственнаго*, какъ угодно автору и большей части криминалистовъ?

Смотря съ нашей точки зрѣнія, мы считаемъ неумѣстными всѣ споры о степени наказуемости физическаго и интеллектуальнаго виновника, такъ какъ наказуемость каждаго опредѣляется его собственной виной, въ чемъ совершенно согласенъ и авторъ, въ противность своему началу. Вообще во всей книгѣ замѣтно, что здравый смыслъ часто беретъ перевѣсъ и надъ началомъ и надъ логикою автора.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе слѣдующихъ главъ, остановимся только на нѣкоторыхъ тезисахъ автора, собственно не относящихся къ диссертаціи. Они очень любопытны.

Тезисъ 1. Несправедливыя наказанія безполезны, и наоборотъ, безполезныя несправедливы.

Что такое польза въ настоящемъ случаѣ? Если самое удовлетвореніе справедливости, то тезисъ превращается въ

Digitized by Google

слѣдующій: *несправедливыя наказанія не справедливы и, наоборотъ, несправедливыя не справедливы!* Если жъ что другое, то положеніе будетъ ложно. Какая польза можетъ быть напр. въ наказаніи преступника, убѣжденнаго, что онъ сдѣлалъ хорошее дѣло? Отецъ семейства, у котораго дѣти оставались нѣсколько дней безъ пищи, рѣшается на кражу. Онъ убѣжденъ, что онъ сдѣлалъ доброе дѣло, тѣмъ не менѣе онъ наказывается, и справедливо. Для кого жъ выйдетъ польза въ этомъ наказаніи? Кажется, ни для кого.

Тезисъ 5. Въ Русскомъ правѣ нѣтъ давностей наказаній.

Однакожъ законъ опредѣлительно говоритъ, что если въ продолженіе десяти лѣтъ преступленіе осталось совершенно безгласнымъ, а по истеченіи этого времени обнаружилось, то, съ нѣкоторыми исключеніями, оно предается вѣчному забвенію.

Тезисъ 7. Къ очнымъ ставкамъ надлежитъ прибѣгать только въ послѣдней крайности.

Ни одинъ наличный свидѣтель не приводится къ присягѣ безъ очной ставки съ тѣмъ, о комъ онъ долженъ показывать. Положимъ, здѣсь крайняя необходимость: но въ такомъ случаѣ выйдетъ, что спрашивать свидѣтелей да и вообще производить слѣдствіе должно только въ крайней необходимости. Это ли хотѣлъ сказать авторъ?

Если онъ ошибся, и разумѣлъ только тѣ очныя ставки, которыя даются для объясненія разнорѣчій, то и здѣсь онъ заблуждается. Очная ставка часто есть скорѣйшее средство обнаруженія истины. Если для опредѣленія, кто изъ двухъ разнорѣчащихъ лицъ говоритъ правду, нужно или свести ихъ лицемъ къ лицу, или вдаться въ продолжительныя разысканія окольнымъ путемъ, то думаемъ, что самъ авторъ, будь онъ слѣдователемъ, предпочелъ бы первый способъ.

Общее заключеніе наше, по прочтеніи диссертаціи Г. Жиряева, вышло слѣдующее: начало, принятое авторомъ и

Digitized by Google

выраженное въ самомъ заглавіи, ложно, а потому ложны и всѣ послѣдствія, прямо изъ него вытекающія. Гдѣ есть преступникъ, тамъ есть и преступленіе, и наоборотъ, хотя лице преступника можетъ быть неизвѣстно. Пособничество преступнику — въ его преступленіи, укрывательство, попустительство и проч. наказываются потому, что они преступны сами по себѣ, и въ той мѣрѣ, въ какой они преступны сами по себѣ. Конечно укрыть убійцу преступнѣе, чѣмъ укрыть прелюбодѣя, и потому мѣра наказанія за укрывательство будетъ различная.

Намъ кажется, что причиною основной ошибки автора въ этомъ разсужденіи было то, что, при обширномъ чтеніи сочиненій теоретическихъ, онъ не обратилъ должнаго вниманія на источники практическіе, на дѣйствительное судопроизводство. А здѣсь можно лучше и основательнѣе изучить право, чѣмъ въ Нѣмецкихъ книгахъ и статьяхъ....

169. Грамматика Зырянскаго языка. Соч. П. Савваитова. Спб. 1850. Стр. IX и 168 въ 8 д. л.

170. Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій словарь, сост. П. Савваитовымъ. Спб. 1850. Стр. VI и 496 въ 8 д. л.

Какъ ботаникъ съ одинаковымъ вниманіемъ наблюдаетъ развитіе дуба и гриба, съ равною любовію смотритъ на благоуханную розу и колючую крапиву, — такъ и филологъ съ одинаковою любознательностію изучаетъ языкъ богатый, мощный, который раздается въ устахъ нѣсколькихъ милліоновъ, и языкъ бѣдный, служащій для выраженія скудныхъ понятій какого-нибудь племени, уменьшающагося съ каждымъ годомъ. Языкъ, достигшій до возможно-совершенной степени развитія, обладающій богатѣйшею литературою, и языкъ, едва имѣющій зародыши словесности, и то въ не многихъ отрывкахъ народной поэзіи, оба они имѣютъ въ глазахъ его равную важность. Этотъ взглядъ, справедливости котораго нельзя отрицать, особенно развился въ послѣднее столѣтіе, и теперь уже не рѣдкость встрѣтить людей, которые, желая принести по-

Digitized by Google

сильную пользу наукѣ, посвящаютъ себя изученію какого-нибудь малоизвѣстнаго языка, даже нарѣчія, подслушиваютъ его говоръ, уловляютъ его законы.... Можетъ быть, не многія страны представляютъ въ этомъ отношеніи для любознательнаго человѣка такое обширное поприще, какъ наше отечество, вмѣщающее въ себѣ сотни разнообразныхъ племенъ. И хотя, сравнительно съ прочими науками, филологія не получила еще у насъ достаточной степени развитія, не смотря на прирожденныя Русскому человѣку лингвистическія способности, но и мы можемъ выставить нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ, посвященныхъ изученію нарѣчій, какія слышатся въ разныхъ краяхъ Царства Русскаго. — Отъ границъ Финляндіи до Урала, весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Европейской Россіи населенъ значительнымъ числомъ племенъ, принадлежащихъ къ Финскому и Татарскому племени. Зыряне живутъ въ смежныхъ уѣздахъ губерній Вологодской, Пермской и Архангельской. Святый Стефанъ считается просвѣтителемъ Перми. Онъ изобрѣлъ азбуку для Зырянъ, — а теперь, чрезъ пятьсотъ лѣтъ, Зыряне получаютъ грамматику и словарь. Еще прежде, съ языкомъ ихъ насъ познакомили труды Флерова, Габеленца, Видемана и въ особенности Шёгрена и Кастрена. Теперь, съ появленіемъ Грамматики и Словаря Зырянскаго языка, сост. Г. Савваитовымъ, можно сказать, что трудъ лингвистической обработки этого языка получилъ прочное основаніе. Г. Савваитовъ (извѣстный въ нашей литературѣ историческими трудами по части іерархіи) разсмотрѣлъ его по главнѣйшимъ нарѣчіямъ (Сысольскому, Вычегодскому, Удорскому и Ижемскому), съ чрезвычайною тщательностію и полнотою, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообразно современнымъ требованіямъ науки, такъ что оба труда его могутъ быть причислены къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ въ области филологіи. Предоставляя спеціальнымъ ученымъ подробный разборъ «Грамматики» и «Словаря Зырянскаго», намъ остается только отдать должную честь трудолюбію и добросовѣстности Г. Савваитова, который, при Шегренѣ, Кастренѣ, Регули и многихъ другихъ филологахъ, успѣлъ выдать такое обширное и значительное сочиненіе для Финновъ.

Digitized by Google

171. Статистическое описаніе Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи. П. Морозова. Спб. 1850.

Въ 1-й главѣ авторъ обозначаетъ границы и пространство уѣзда, описываетъ почву, рѣки и озера. Изъ 124 кв. миль болѣе $\frac{2}{5}$ или $61\frac{2}{3}$ заняты лѣсомъ, что значительно превосходитъ даже общую среднюю пропорцію лѣса къ поверхности въ Европейской Россіи; слѣдственно вообще уѣздъ принадлежитъ къ лѣсистымъ. — Во 2-й главѣ: климатъ и естественныя произведенія. Неизвѣстно, какимъ образомъ выведена средняя годичная температура $+4^{0}$ (Реом.?), т. е. изъ какихъ наблюденій, за сколько лѣтъ и т. д.—Разность со среднею температурою Москвы на 1 или 2 десятыхъ градуса, — хотя разность въ геогр. широтѣ значительная; но таковъ законъ распредѣленія тепла въ восточной Европѣ, и линія равнаго годичнаго тепла пойдетъ на Москву и почти на Псковъ и Ревель, а въ противную сторону южнѣе—къ верховьямъ Урала. Изъ хлѣбныхъ растеній пшеница разводится, но мало, кукуруза не поспѣваетъ. Въ 3-й главѣ: помѣщеніе. Тутъ обозначено число зданій и жилищъ какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ. Между прочимъ, авторъ говоритъ: «обыкновенный размѣръ крестьянскаго дома составляетъ 9 кв. саж.; въ такомъ домѣ помѣщается отъ 4 до 10 душъ. Слѣдовательно на душу приходится только около 11 кв. арш.» Мы не совсѣмъ понимаемъ этого вывода. — Въ 4-й главѣ: народонаселеніе. Жаль, что и здѣсь не показано, изъ какихъ источниковъ получены свѣдѣнія и по какое время собраны. Противъ всего количества, народа Мордвы приходится около $\frac{1}{4}$, а Татаръ около $\frac{1}{100}$. По сословіямъ, крестьянъ помѣщичьихъ до $\frac{2}{3}$, государственныхъ около $\frac{2}{7}$. Глава 5-я: движеніе народонаселенія. Ежегодный избытокъ числа родившихся предъ числомъ умершихъ составляетъ 1033, т. е. около $\frac{1}{100}$ всего количества. Главы 6, 7 и 8: физическое и нравственное состояніе жителей и преступленія. Учатся въ городѣ 46, въ уѣздѣ 1119; въ послѣдней цифрѣ значительнѣйшая часть, 1000 учащихся въ помѣщичьихъ школахъ, поставлена, кажется, приблизительно. Изъ этихъ цифръ выходитъ, что изъ всего народонаселенія учится 1 на 92; принявъ же число дѣтей въ учебномъ

Digitized by Google

возрастѣ за $\frac{1}{7}$ всего народонаселенія, получимъ, что изъ дѣтей учится 1 на 13. Въ продолженіе 9 лѣтъ состояло подъ судомъ 2056 мужчинъ и 308 женщинъ; изъ нихъ обвинено 391 мужчина и 59 женщинъ. Глава 9-я: производительныя силы. Около $\frac{5}{6}$ поверхности пахатной земли принадлежитъ помѣщикамъ, и около $\frac{2}{3}$ государственнымъ крестьянамъ. Изъ сходства этихъ чиселъ съ числами народонаселенія явствуетъ, что земледѣльцы всѣхъ разрядовъ почти одинаково богаты землею. Лошадей рабочихъ (слишкомъ 29,000) далеко не приходится и по двѣ на тягло, — чему, вѣроятно, причиною небольшое количество луговъ. Приведя всѣ употребленныя на земледѣліе живыя и мертвыя силы въ число работниковъ (какъ единицъ силы), авторъ получаетъ въ итогѣ болѣе 250,000 работ. А какъ человѣческія силы въ томъ числѣ составляютъ 29,676 единицъ, то земледѣліе въ уѣздѣ увеличило производительность въ $8\frac{1}{2}$ разъ; но тутъ принято, напримѣръ, въ механическихъ силахъ возможное количество силъ, которое въ дѣйствительности не все употреблено въ дѣло. Картофель сѣется болѣе государственными крестьянами — по $\frac{1}{2}$ четверти на тягло, нежели помѣщиками и ихъ крестьянами—менѣе $\frac{1}{5}$ ч. на тягло. Объ урожаѣ картофеля противъ посѣва нѣтъ свѣдѣнія; а это было бы любопытно. Средній урожай авторъ полагаетъ, не считая сѣмянъ: самъ-пятъ для ржи, овса и конопляного сѣмени, и самъ-семь для гречихи. Средніа цѣны: ржи 5 р. асс., овса 3 р., гречи 4 р., кон. сѣм. 7 р. асс. Лѣса истребляются, по замѣчанію автора, безпорядочно; но до недостатка въ лѣсѣ, вѣроятно, еще долго не дойдетъ. Въ промышленное употребленіе идетъ дровъ около 24,000 куб. сажень. — Въ мануфактурной промышленности главное мѣсто занимаетъ винокуреніе, для котораго даже скупается хлѣба въ другихъ уѣздахъ количество, превышающее въ $1\frac{1}{2}$ раза хлѣбный избытокъ мѣстнаго средняго урожая, за продовольствіемъ народа, составляющій по приблизительному разсчету, 113,000 четв. Торговля преимущественно производится хлѣбомъ, хлѣбною водкою, поташомъ, воскомъ и лѣсными произведеніями. Откупная сумма съ періода 1831—35 г. возрасла почти вдвое.

Digitized by Google

Въ приложеніяхъ важны исчисленіе селъ и деревень съ показаніемъ числа душъ, маршруты отъ города во всѣ стороны и красиво исполненная карта уѣзда.

Трудъ Г. Морозова заслуживаетъ полной благодарности какъ спеціалистовъ, такъ и почитателей всего полезнаго. Желательно, чтобы примѣру его послѣдовали вскорѣ многіе помѣщики, къ чему въ Пензенской губерніи вѣроятно много будетъ способствовать вызовъ Общества Сельскаго Хозяйства Юго-восточной Россіи. — Москвитянинъ долгомъ считаетъ рекомендовать своимъ читателямъ прекрасную брошюрку Г. Морозова, которая служитъ новымъ доказательствомъ просвѣщенной любознательности и рвенія къ пользѣ общей этого заботливаго хозяина и трудолюбиваго ученаго.

172. Размышленіе на Евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ. Спб. 1850. Стр. 84 въ 8 д. л.

Благочестивое размышленіе свое авторъ раздѣлилъ на четыре части: 1) Различіе участи евангельскаго богатаго и Лазаря въ здѣшней жизни; 2) Бѣдствіе злаго богача въ жизни будущей; 3) Бытіе будущей жизни съ ея вѣчнымъ блаженствомъ и вѣчными муками, и 4) Заключеніе. Чтобы дать понятіе объ изложеніи его, приводимъ нѣсколько строкъ изъ заключенія:

«Размышляя о бѣдственной участи богатаго и Лазаря, Лазаря — въ здѣшней жизни, богатаго въ жизни вѣчной, что помыслишь о себѣ, душа вѣрующая? Если участь твоя здѣсь подходитъ подъ участь Лазаря; то разумѣй, что безропотнымъ только терпѣніемъ въ скорбяхъ и крѣпкою вѣрою въ будущее воздаяніе, ты усвоишь себѣ вожделѣнную участь этого Лазаря и въ будущемъ. Если участь твоя здѣсь, въ дарахъ счастія, подходитъ подъ участь Евангельскаго богача; то осмотрись: нѣтъ ли у воротъ великолѣпнаго твоего дома бѣднаго Лазаря.... Сойди къ нему, не погнушайся его язвами, не погордись своею пышностію и красотою: это наслѣдникъ вѣчныхъ благъ Царя вѣчнаго! Можетъ быть, это самъ Богъ, благоволившій принять на себя образъ Лазаря!» (Матѳ. 25, 10).

Digitized by Google

173. Учебная книга для чтенія военнымъ кантонистамъ, сост. А. Ивановымъ и А. Яновскимъ Спб. 1850. Стр. 129 въ 8 д. л.

Содержаніе этой книги довольно удачно приноровлено къ ея назначенію. Въ ней заключаются: азбука, пословицы, мысли и совѣты, военные анекдоты и разсказы, письма Русскихъ солдатъ, нѣсколько басенъ Крылова, народныя пѣсни, народныя молитвы, и проч. Намъ кажется, что составители несправедливо назвали *народными* пѣсни, совершенно неизвѣстныя народу и написанныя въ очень недавнее время.

174. Полный Русскій опытный цвѣтоводъ (и проч.) Соч. И. Цигры. 2 ч. М. 1850.

Мы не выписали всего заглавія этой книги, потому что оно заняло бы четверть страницы. Кому принадлежитъ оно — автору ли (извѣстному съ выгодной стороны любителямъ садоводства) или переводчику — не знаемъ навѣрно; но имѣемъ причины думать, что послѣднему, потому что въ нашей литературѣ подобныя сочиненія, большею частію, составляютъ достояніе книжной промышленности и для бо́льшаго хода снабжаются самымъ пышнымъ заглавіемъ. Напр. «Русскій цвѣтоводъ» увѣряетъ, будто онъ содержитъ въ себѣ «соотвѣтственныя нашему климату наставленія содержать цвѣты *всѣхъ пяти частей свѣта!*» Шутка сказать: да одно исчисленіе этихъ цвѣтовъ заняло бы вдесятеро болѣе мѣста, чѣмъ ваша книга. Впрочемъ, за пятью частями свѣта мы не гонимся: довольно бы изложить наставленія о содержаніи хотя тѣхъ цвѣтовъ, которые привыкли мы видѣть въ нашихъ садахъ; но изложить ясно и понятно. А вашъ переводъ какъ-то дико читать: книга о *цвѣтахъ* и написанная *дубовымъ* слогомъ!

Digitized by Google

Разборъ анти-рецензіи Г-на К—на.

Г. Павловъ говорилъ, что Духовенство недоброхотствовало Годунову — 1) за ущербъ вещественныхъ интересовъ, 2) за расположеніе къ западному образованію, смѣшивая науку съ религіознымъ заблужденіемъ.

Я возражалъ, что: 1) Ущерба вещественнымъ интересамъ Духовенства Годуновъ не дѣлалъ, оставаясь при распоряженіяхъ Грознаго. 2) Расположенія къ западному образованію ни въ чемъ не успѣлъ еще показать, (намѣреніе выписать образованныхъ иностранцевъ, уже очень обыкновенное, обнаружилось гораздо послѣ), слѣд. недоброхотствовать Духовенству было не за что.

Гоняясь за частностями, ища подтвержденій своей системѣ, Г-нъ Павловъ и Г-нъ К—нъ теряютъ изъ виду общее положеніе Годунова: Годуновъ былъ уменъ, любилъ власть и желалъ престола. Ясно, что, до достиженія своей цѣли, онъ долженъ былъ стараться всѣми силами не раздражать никого въ частности, всего менѣе не возбуждать неудовольствія никакими общими распоряженіями такого рода. Такъ онъ и поступалъ, кромѣ необходимыхъ случаевъ, гдѣ принужденъ былъ, для самосохраненія, прибѣгать къ строгости.*

«(Учрежденіе патріаршества) поставляя во главѣ Духо«венства Іова, преданнаго Годунову, въ то же время навсегда «прекратило зависимость нашей церкви отъ Константино-

---

* А Г-нъ К., пропустивъ всѣ мои разсужденія и соображенія, произноситъ слѣдующій приговоръ: «Достойно при этомъ замѣчанія, что, нападая на «Г. Павлова тамъ, гдѣ Г. Павловъ дѣйствительно не правъ, Г. Погодинъ «*съ особеннымъ искусствомъ выбираетъ доводы самые слабые*, и, поправляя, «самъ тутъ же дѣлаетъ ошибки. Такъ сказанное Г. Павловымъ объ от«ношеніяхъ Годунова къ духовенству, конечно слишкомъ смѣлая гипо«теза.... а Г. Погодинъ считаетъ годы.... *Глубокая психологія и историче«ская критика, нечего сказать!*»

Digitized by Google

«польскаго Патріархата. Вотъ его существенное историче-«ское значеніе. Оно тѣмъ важнѣе, что задумано издавна и «было результатомъ и послѣднимъ звеномъ усилій, обнару-«женныхъ, начиная съ Ярослава, многими великими Князь-«ями Кіевскими и въ особенности Московскими. Это и го-«воритъ Г. Павловъ, только другими словами.»

Нѣтъ, Г-нъ Павловъ говоритъ вотъ что: «Почитая «прежнюю форму церковнаго управленія несообразною съ «новыми государственными потребностями, правитель счелъ «необходимымъ замѣнить ее другою, болѣе согласною съ «тѣмъ началомъ, котораго онъ самъ былъ живымъ олице-«творителемъ и поборникомъ.»

Константинополь въ сторонѣ, а что новая Годуновская власть, т. е. Патріаршая, была не болѣе согласна съ его государственнымъ началомъ, представленъ сильнѣйшій анти-критикъ въ лицѣ Никона.*

«....Правъ ли Г-нъ Погодинъ, приводя нѣсколько сви-«дѣтельствъ о многочисленности боярскихъ дѣтей при двухъ «Іоаннахъ и Ѳеодорѣ, и остроумно замѣчая при этомъ: это «все сироты! Каково они разродились! Г. Павловъ сказалъ: «древле, то есть въ старину, въ прежнія времена. За чѣмъ «же приписывать Г. Павлову нелѣпое мнѣніе, будто бы въ «XVI вѣкѣ всѣ дѣти боярскіе были боярскіе сироты? Вѣдь «онъ этого не говоритъ!»

Нѣтъ, говоритъ, и даже въ тезисѣ: «юридическій источ-никъ общественнаго разряда дѣтей боярскихъ — боярское изгойство.» Развѣ это не значитъ, что дѣти боярскіе (древле) происходятъ отъ боярскихъ изгоевъ? И если боярскихъ дѣтей оказываются послѣ тысячи; то какъ же не удивиться такому разрожденію изгоевъ! Иначе объясните это явленіе: боярскіе дѣти юридически происходятъ *древле* отъ изгоевъ; боярскихъ дѣтей оказались тысячи; откуда же набрались

---

* Г-нъ К—нъ, пропуская опять всѣ разсужденія, говоритъ: «Четыреста лѣтъ «Русской Исторіи, разложенныхъ по словамъ, не помогли Г. Погодину замѣ-«тить и уразумѣть это,» (т. е. прекращеніе зависимости отъ Константино-польскаго Патріархата!)

Digitized by Google

они *вновь* кромѣ изгоевъ? Повторяю: боярскіе дѣти есть особое сословіе, съ лиѳическими изгоями неимѣвшее ничего общаго!

Касательно срока крестьянамъ отказываться, (Юрьевъ день осенній, да послѣ Юрьева дня двѣ седмицы), мысль моя была та, что этимъ срокомъ началось ограниченіе ихъ свободы, то есть, что сначала они могли переходить когда хотѣли, а послѣ назначенъ былъ срокъ отказа.

Касательно срока пріѣзда — положимъ, я выразился не съ надлежащей точностью (и только); по закону, срока можетъ быть не было никакого, но отказавшись и съѣхавши съ мѣста, которое тотчасъ могло быть занято, гдѣ же имъ было оставаться? На дорогѣ?

«Мы думаемъ, вопреки утвержденіямъ Г. Погодина, «что около временъ Іоанна IV дѣйствительно стала было у «насъ развиваться бродячая жизнь, породившая шайки ли«хихъ людей, разбойниковъ, которые нападали на села и «чинили всякія неустройства. Отъ чего развелись эти «люди?.... Не отъ того ли, что переходы усилились, а съ «тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторыхъ, и бродяжество, склонность «къ гулячей, праздной жизни?»

Эти люди развелись, всего достовѣрнѣе предполагать можно, отъ многочисленныхъ боярскихъ опалъ и казней во время Іоанна Грознаго. Прочтите, сколько людей увелъ съ собою Курбскій! Дворовымъ людямъ опальныхъ и казненныхъ бояръ дѣваться было некуда, и дѣлать было нечего — они и пошли на промыселъ.

Вотъ всѣ *историческія* возраженія Г-на К—на.

Сколько въ нихъ внутренней силы читатели могутъ судить по представленнымъ отвѣтамъ. Но Г-нъ К—нъ не довольствуется историческою критикою съ ея дополненіями (нѣкоторыя изъ нихъ представлены въ выноскахъ), и идетъ еще дальше, въ область психологіи личной. Я долженъ бы былъ оставить ихъ безъ вниманія, но, по особеннымъ обстоятельствамъ, мнѣ нужно разобрать ихъ.

«Встрѣчая», говоритъ Г-нъ К—нъ, «на страницахъ Москвитянина одни возгласы противъ себя, презритель-

Digitized by Google

«ные, отрывистые отзывы о своихъ трудахъ, что должны «подумать молодые ученые?»

Во-первыхъ здѣсь не правда! Молодые ученые, какъ Гг. Бѣляевъ, Калачевъ, Буслаевъ, Григорьевъ, Шульгинъ, Забѣлинъ и проч. проч., встрѣчаемы были при всякомъ ихъ трудѣ со всѣми возможными знаками одобренія, радушія и похвалы.

Укажите мнѣ на одинъ умышленно-несправедливый отзывъ, о комъ бы то ни было. Можетъ быть, принимая слишкомъ горячо къ сердцу разныя вопіющія, по моему разумѣнію, нелѣпости о Русской Исторіи, опасаясь вреда для нихъ или по крайней мѣрѣ задержанія ея успѣховъ, я выражался рѣзко, (въ чемъ впрочемъ всегда извинялся); но никогда не скрылъ я ни одного доказательства противниковъ, никогда не старался разголковать ихъ криво, — и если въ чемъ ошибался, то всегда былъ готовъ сознаться въ своихъ ошибкахъ.

Объ опытѣ Г. Павлова, о которомъ идетъ споръ, отозвался я вотъ какъ, по сознанію самого Г. К—на: «Это опытъ молодаго человѣка, подающаго о себѣ прекрасныя надежды, съ примѣчательными, яркими проблесками ума, воображенія, знанія. Авторъ можетъ принести пользу Русской Исторіи, даже великую пользу» (за этимъ слѣдуютъ условія sine quibus, разумѣется, non).... Чего же болѣе?

Вы говорите, что мое оскорбленное самолюбіе побуждаетъ меня отзываться невыгодно о нѣкоторыхъ трудахъ молодыхъ ученыхъ. Спрашиваю—о чьихъ же? Напротивъ—самолюбіе мое (еслибъ оно играло здѣсь роль) получаетъ безпрерывное удовлетвореніе отъ подтвержденія на дѣлѣ моихъ словъ, кои произносилъ я, стоя на стражѣ Русской Исторіи, а именно:

Была школа *Козарская* и *Черноморская* — и я имѣлъ честь бороться, еще въ 1825 году, да не съ Г-ми NN., MM., SS., а съ Эверсомъ, и Эверсъ отказался отъ *Козарства*, и обломки своихъ убѣжденій передалъ Нейману, который также былъ разобранъ мною окончательно, послѣ чего *Черноморцы* умолкли.

Digitized by Google

Явилась школа *скептическая*. Тринадцать разсужденій ея я разобралъ подробно, и школа скептическая исчезла; вы сами не упоминаете даже объ ея существованіи, хотя Г-нъ Скромненко немного уступалъ вамъ въ смѣлости и прочихъ достоинствахъ.

Явилась школа *отрицательная*, которая не признавала Русской Исторіи до Петра — Москвитянинъ объявилъ ей войну. Многіе сотрудники вмѣстѣ со мною впродолженіе семи-восьми лѣтъ твердили противное, — и вотъ, въ Отечественныхъ Запискахъ являются нынѣ очень часто статьи изъ древней Русской Исторіи, а Современникъ вступается за Нестора, вмѣняя себѣ даже въ честь эту оборону.

Ратовалъ я съ *Славянистами* — и отъ нихъ уже нѣсколько лѣтъ не слыхать ни одного слова.

Наконецъ явилась послѣдняя школа *резонерства*, *умничанья*, съ громкими возгласами, съ надменными претензіями и съ совершеннымъ недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній. Я подалъ ей совѣты, сколько мнѣ помнится очень умѣренные, въ 1845 или 1846 году, — и объяснивъ ей дѣло, предрекъ ей неудачу, кромѣ Г. Кавелина, въ коемъ замѣтилъ болѣе ясности и послѣдовательности, — и предреченіе сбывается предъ нашими глазами: самъ Г. К—нъ не знаетъ, кажется, какъ ему отдѣлаться отъ родоваго быта, и вмѣсто родоваго быта употребляетъ патріархальность, а развѣ патріархальность и родовой бытъ—одно и тоже? Другіе усердные послѣдователи довели родовой бытъ до нелѣпостей, absurdum, и этотъ призракъ становится теперь смѣшнымъ. Теперь порядочные изслѣдователи боятся уже употребить это слово, чтобъ не сорвать невольной улыбки. Теперь надо опасаться, чтобъ реакція не увлеклась слишкомъ далеко, и чтобъ не стали отвергать родоваго быта и тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно былъ, послѣ неудачныхъ опытовъ Гг. NN. MM. и SS, искать его тамъ, гдѣ его не было.

И такъ: Козарство уничтожено, Черноморство предано забвенію, Скептицизму поставлены границы, Славянство умолкло, Отрицательность возвращается на прямую дорогу, Резонерство колеблется, — не позволятъ ли мнѣ

Digitized by Google

сказать объ этихъ результатахъ: quorum pars fui. И если позволятъ, то имѣю ли я полное право гордиться такими результатами, оставляю на судъ друзей Русской Исторіи.*

Нѣтъ, милостивый государь, не оскорбленное самолюбіе внушало мнѣ мои рѣчи, а глубокое, внутреннее огорченіе о томъ, что заблудились тѣ именно люди, отъ которыхъ я надѣялся дѣла; что увлеклись обстоятельствами или собственными побужденіями именно тѣ люди, отъ которыхъ я надѣялся истиннаго прогресса въ Русской Исторіи, вѣрнаго, отчетистаго поступленія впередъ. Разумѣется, я ожидалъ отъ нихъ слишкомъ много; слишкомъ велико было бъ мое ученое счастіе, если бъ оправдалась вполнѣ моя надежда, если бъ исполнилось совершенно мое желаніе! За то и ошибиться въ *такой степени* — было слишкомъ тяжело, слишкомъ несчастливо. Двадцать разъ согласился бы я лучше ошибиться и о Несторѣ, и о Козарахъ, и о Норманнахъ. Нравственное тяжелое потрясеніе произвели во мнѣ они своими неожиданными выходками всякаго рода, которое отзывалось, *можетъ быть*, и въ моихъ статьяхъ, и отъ котораго я теперь только успокоился, — а толки о родовомъ бытѣ, право, не стоятъ болѣе журнальной статьи или минутной досады!

«Боязнь быть опереженнымъ» вы приписываете мнѣ, милостивые государи!

Добрый путь, «Господа», добрый путь,— но вотъ бѣда, что вы убѣжали не далеко, и все еще на глазахъ у меня, только не впереди, а по сторонамъ, и я вижу ясно всѣ извилины вашихъ заблужденій, вижу даже, какъ нѣкоторые изъ васъ, не добѣжавъ ни до чего, возвращаются назадъ усталые, недовольные.... Не боюсь я опереженія, а желаю, ожидаю, зову, чтобъ кто-нибудь, NN, MM, или SS., ступилъ тотъ или другой впередъ, котораго я, по натурѣ изслѣдованій, въ постепенности развитія вопросовъ, ступить иногда не смѣю, не имѣю силы или воли. Я чув-

* Г. Бутковъ писалъ противъ нѣкоторыхъ вопросовъ, — хотя «Оборона» его вышла послѣ моего Нестора, и гораздо спустя послѣ моихъ статей о немъ,—но я охотно воздаю ему должную честь за его почтенныя усилія.

Digitized by Google

ствую это часто, во многихъ вопросахъ, — слѣдовательно ни что не было бы мнѣ такъ пріятно, какъ если бъ NN, MM, или SS, съ свѣжими силами, не потративъ столько труда на прохожденіе пути до этихъ моихъ точекъ препинанія, помогъ мнѣ перейдти ихъ, потому что за этими промежутками я могъ бы идти еще съ своимъ запасомъ далѣе. И я надѣюсь, по всѣмъ примѣтамъ, что еще доживу до этого удовольствія: всякій годъ появляются дѣлатели, которые берутъ по одному предмету Исторіи, и обдѣлываютъ его, безъ фантазій, безъ нелѣпыхъ предубѣжденій, безъ шальныхъ притязаній, и своими работами подвигаютъ науку впередъ. Укажу на трудъ Г. *Полѣнова* о лѣтописяхъ, Г. *Осокина* о пошлинахъ, Г. *Шульгина* о женщинѣ, Г. *Иванишева* о Курбскомъ, Г. *Савельева* о Мугаммеданской нумизматикѣ, Г. *Бѣляева* о древнемъ войскѣ, Г. *Горскаго* о нѣкоторыхъ духовныхъ лицахъ, Г. *Забѣлина* о частной жизни Царей. Найдутся со временемъ и такіе, которые, вникнувъ въ мои изслѣдованія, съ лучшими и разнообразнѣйшими приготовительными свѣдѣніями, пойдутъ по моему пути, и приблизятся къ желанной цѣли.

Наконецъ, вы стращаете меня «отсталостію и несостояніемъ въ наукѣ.» Есть Малороссійская поговорка: послѣ насъ не будетъ насъ, будутъ люди, да не мы. Наука живетъ и развивается безпрерывно. Мы прошли дальше нашихъ отцевъ; наши дѣти пойдутъ дальше насъ. Посвятивъ всю свою жизнь одному труду, не развлекаясь никакими другими занятіями, готовый отдать (и отдающій) отчетъ соотечественникамъ въ каждомъ своемъ днѣ, не только годѣ, я совершенно спокоенъ, и вслѣдъ за Педаретомъ, который воскликнулъ: хвала Богамъ, что въ Спартѣ нашлось триста гражданъ достойнѣе меня, — я всегда буду очень радъ, если не двое или трое, а триста изслѣдователей опередятъ меня на обширномъ полѣ Русской Исторіи, и если я успѣю увидѣть это поле воздѣланное, какъ бы мнѣ желалось, какъ бы то ни было. Я утѣшусь,

на наши глаза соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

Digitized by Google

Осыпавъ меня бранью (читатели видѣли за что, *За что?*), Г-нъ К—нъ произноситъ смертный приговоръ даже моему методу историческихъ изслѣдованій.

А мой методъ — собирать изъ всѣхъ памятниковъ всѣ свидѣтельства о всякомъ предметѣ разсужденія, и на основаніи всѣхъ мѣстъ, сравненныхъ и объясненныхъ, дѣлать о немъ заключеніе, а собраніе заключеній о всѣхъ вопросахъ Исторіи представлять философамъ, какъ матеріалъ для построенія какихъ имъ угодно системъ.

Спрашивается — какой методъ проще, естественнѣе, благонадежнѣе?

Г-нъ К—нъ старается обнести этотъ методъ предъ глазами молодыхъ друзей Исторіи. И вотъ, вступаясь за этотъ методъ, обѣщающій величайшую пользу наукѣ, я рѣшился разобрать обстоятельно его выходки, и показать, что безъ этого метода, не считая годовъ, не изучивъ *сторицею* источниковъ, не сообразивъ всѣхъ разнообразныхъ свидѣтельствъ о предметахъ разсужденій, съ одной фантазіей и логикой, можно найти сторонниковъ Феодору, зачислить къ отсталымъ Сильвестра, объявить Грознаго прогрессистомъ, цѣлое сословіе боярскихъ дѣтей назвать какими-то сиротами, — можно кричать громко, писать много, и *не сказать ничего*.

М. Погодинъ.

P. S. Принимавшись три раза за рецензію Г-на К—на, я имѣлъ случай перелистовать и всю книгу Отечественныхъ Записокъ, гдѣ она напечатана. Тамъ помѣщена еще статья о Москвитянинѣ: это никуда негодный журналъ, по мнѣнію Отечественныхъ Записокъ — и Смѣсь пуста, и Наукъ нѣтъ, и Повѣстей (!!!?) не бывало, и проч. и проч. Я вспомнилъ одно давнишнее объясненіе Г-на Булгарина, почему въ Октябрѣ и Ноябрѣ журналисты бранятъ особенно другъ друга, и улыбнулся, читая выходку О. З.—Не слишкомъ ли она стара, пошла, неловка! Что касается до меня, найдя въ О. З. множество разнообразныхъ свидѣній, ничего противнаго моимъ, литературнымъ и историческимъ, убѣжденіямъ, выраженнымъ въ

Digitized by Google

программъ Московитянина, начиная съ 1841 года, я рекомендую теперь этотъ журналъ своимъ читателямъ, (равно какъ и Современника, тѣмъ больше, что онъ и за Нестора вступается). Принадлежа къ числу Карамзина, который въ свое время сказалъ: хорошо, что наши публики и романы читаетъ, — помня стихи Князя Вяземскаго:

Дай Богъ вамъ болѣе журналовъ.
Плодятъ читателей они,

я желаю успѣха, то есть какъ можно болѣе подписчиковъ, и Отечественнымъ Запискамъ, и Современнику, и Сѣверной Пчелѣ, и Сыну Отечества, и Полицейскимъ, и Губернскимъ всякимъ вѣдомостямъ, по колику ими распространяются знанія, и увеличивается образованность. Я радъ объявить это въ Ноябрѣ, какъ въ Мартѣ и Августѣ.

Въ числѣ бранныхъ замѣчаній О. З. разскажу только читателямъ для смѣха о двухъ историческихъ: я назвалъ гдѣ-то сочинителя Ядра Россійской Исторіи С. Н. Глинкою 18 столѣтія. Ясно, что я употребилъ это имя въ нарицательномъ смыслѣ, ибо иначе какъ бы я могъ говорить объ 18 столѣтіи. Ясно, что я хотѣлъ сказать: Ядро Россійской Исторіи въ критическомъ смыслѣ равняется Россійской Исторіи С. Н. Глинки; авторы равны. А От. З. вывели заключеніе, что я Ядро Россійской Исторіи приписалъ С. Н. Глинкѣ! Но онѣ тутъ же получили и наказаніе за свою недобросовѣстность или за свою непонятливость: «всякому историку должно быть извѣстно,» восклицаютъ онѣ съ ученою гордостію, «что Ядро Россійской Исторіи сочинено Княземъ Андреемъ Хилковымъ». А уже лѣтъ сорокъ доказано, что Ядро сочинилъ не Хилковъ, а чиновникъ въ его Шведской миссіи!

Второе замѣчаніе: «При разборѣ Архива, изданнаго «Г-мъ Калачевымъ, Г. Погодинъ выдумалъ Германское «слово Usganja, котораго «нѣтъ и никогда не бывало на свѣтѣ, «что и доказано ему Г. Буслаевымъ».

Читатели! потрудитесь развернуть архивъ Г. Калачева, и прочесть на 60 страницѣ слѣдующее примѣчаніе:

«Съ другой стороны совершенно тождественное зна«ченіе съ нашимъ изгой, въ отношеніи къ быту Герман-

Digitized by Google

«своихъ народовъ, имѣетъ терминъ uss-gauja, которымъ, на «Готскомъ и Латинскомъ языкахъ, обозначается выходецъ, «изгнанникъ: существительное gauja (gau) указываетъ здѣсь «на ту форму общественнаго быта, какая у древнихъ Гер«манцевъ была преобладающею, такъ точно, какъ у Славянъ «такой преобладающей формой была кровная связь и пр.»

Помилуйте — кому же принадлежитъ uss-gauja?

Г. Буслаевъ долженъ бы былъ, разумѣется, адресовать свое посланіе къ издателю Архива, а не рецензенту, но я принялъ и напечаталъ его, потому что въ немъ заключалось дѣльное изслѣдованіе, сказавъ однако въ примѣчаніи, что uss-gauja и изгой съ прочими мертвыми душами принадлежатъ къ помѣстьямъ родоваго быта, — почему же О. З. обращаются опять ко мнѣ?

Наконецъ еще одно замѣчаніе: въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ, говоря безлично, я употребляю общія буквы NN., MM., SS. — Эти буквы попадаются подъ перо и другимъ, даже не давно кому-то въ Москвитянинѣ. — О. З. нашли здѣсь какой-то особый смыслъ. Я хотѣлъ было, въ угоду имъ, употребить нынѣ другія буквы, два како, КК.; но на бѣду статья, которую я теперь разбиралъ, подписана: К. К—нъ, слѣдовательно и за эти буквы пришлось бы отвѣчать мнѣ—и такъ лучше остаться при прежнихъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

175. Правила времясчисленія, принятаго Православною Церковію. Москва, въ Унив. Тип. 1850. С. 45 въ 8-ю д. л.

Авторъ сей книжки, Профессоръ Астрономіи Д. М. Перевощиковъ въ предисловіи своемъ говоритъ:

«Предлагаю благосклонному читателю небольшое сочиненіе, въ которомъ я старался объяснить таблицу, помѣщаемую въ церковныхъ мѣсяцословахъ подъ заглавіемъ: «Ключь вкратцѣ», и посредствомъ которой разрѣшаются всѣ вопросы, относящіеся до времясчисленія, принятаго и хранимаго неизмѣнно нашею Православною Церковію. Осмѣливаюсь думать, что мои объясненія удобопонятны для всѣхъ внимательныхъ читателей; понравятся, можетъ быть, тѣмъ изъ нихъ, которые изъ любопытства пожелаютъ узнать, по какимъ правиламъ составлена упомянутая таблица, и чѣмъ эти правила отличаются отъ основаній календаря Грегоріанскаго; и принесутъ пользу ученымъ, занимающимся Русскими лѣтописями, потому что они будутъ въ состояніи безъ труда повѣрять показанія годовъ, чиселъ, мѣсяцовъ и дней недѣли.»

Издавна православные люди пріискивали день Св. Пасхи и прочіе праздники, подвижные и неподвижные, кто по святцамъ, кто по мѣсяцослову, большею частію безсознательно. Потребность сознанія въ этомъ дѣлѣ удовлетворялась время отъ времени немногими, изрѣдка являвшимися у насъ руководствами для такого рода исчисленія. Кажется, первый капитанъ-командоръ *Гамалѣя* удовлетво-

Digitized by Google

рилъ этой потребности, путемъ науки, въ своей *Теоріи и практикѣ кораблевожденія*. Ч. III. стр. 227. Въ недавнее время П. В. Хавскій издалъ большой томъ, содержащій росписаніе православнаго времясчисленія отъ 188 года прежде Р. Х. до 1940 послѣ онаго — трудъ, мимоходомъ сказать, весьма полезный для безошибочнаго пріисканія дня Св. Пасхи и другихъ праздниковъ въ какомъ-либо году. Непосредственное исчисленіе, не смотря на его легкость, можетъ непривычнаго именно къ этому дѣлу, хотя бы исправнаго ариѳметиста, ввести въ погрѣшность. Нѣкоторые, правда, не признаютъ самую книгу Г. Хавскаго безошибочною, но входить въ разборъ этого здѣсь, конечно, не у мѣста. Кромѣ того почти ежегодно выходятъ въ свѣтъ, то стѣнныя, то настольныя таблицы въ родѣ зрячей пасхаліи, или въ замѣнъ ея; только эти таблицы не всегда удовлетворяютъ потребности сознанія.

Всѣ сочиненія сего рода, по существу предмета, приводятъ къ одному результату: потому единственнымъ требованіемъ читателя можетъ быть здѣсь ясность изложенія, дѣлающая ученый трудъ доступнымъ и для непосвященнаго въ таинства науки. Съ этой стороны «*Правила времясчисленія*» достигаютъ вполнѣ своего назначенія. Всякій предметъ можетъ казаться болѣе или менѣе яснымъ, судя по тому, съ какой стороны выбрана точка зрѣнія. Точка зрѣнія на времясчисленіе у нашего Русскаго, православнаго астронома выбрана самая выгодная, какъ только можетъ и должно быть, когда люди занимаются дѣломъ общеполезнымъ по призванію дѣйствительному.

Кромѣ I, введенія, въ которомъ излагается краткое обозрѣніе исторіи времясчисленія, книжка сія содержитъ: II, объясненіе воскресныхъ буквъ; III, опредѣленіе дня Св. Пасхи, празднуемой Православною Церковію, съ объясненіемъ ключевыхъ буквъ и зависящихъ отъ нихъ подвижныхъ праздниковъ и постовъ; наконецъ IV, опредѣленіе Св. Пасхи по календарю Грегоріанскому вмѣстѣ съ правиломъ Гаусса и таблицами Деламбра.

Намъ, православнымъ, любопытны эти запутанныя вычисленія по сравненію съ нашими, столь простыми. Они

Digitized by Google

невольно напоминаютъ, что когда звонятъ въ православныхъ церквахъ, то приводятъ въ движеніе языкъ, а самый колоколъ оставляютъ въ покоѣ; напротивъ—въ католическихъ. ворочаютъ колоколъ, а языкъ оставляютъ въ покоѣ. Перенимать нечего. Можно бы штиль поправлять прибавкою нѣсколькихъ дней, напр. 12-ти въ нынѣшнемъ столѣтіи, оставивъ Св. Пасху въ тотъ же день года, какъ постановлено на Никейскомъ соборѣ; а католики Св. Пасху передвинули для штиля.

Авторъ, какъ опытный наставникъ, снабдилъ свое сочиненіе многими примѣрами, изъ которыхъ любопытнѣе прочихъ повѣрка (стр. 35) года крещенія всея Русскія земли, который есть 988-ый по Р. Х., на основаніи указанныхъ въ Псковской лѣтописи, изданной М. П. Погодинымъ, ключа границъ, круга солнца и проч.; и еще обратный вопросъ о годѣ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба, по упоминанію Четіи-Минеи*.

Изъ обозрѣнія исторіи времясчисленія выпишемъ слѣдующія любопытныя строки: «Іудеи и Римляне, начиная съ «восхожденія солнца, раздѣляли день на четыре равныя ча«сти, которыя назывались часами: *первымъ, третьимъ, ше«стымъ* и *девятымъ*. Слѣды этого раздѣленія остались въ «церковномъ служеніи, извѣстномъ подъ именемъ «часовъ».

---

* Позволяю себѣ вступиться здѣсь за лѣтописи. Найдя своею повѣркою, что Пасха въ 988 году была точно 8 Апрѣля, какъ значится въ Псковской лѣтописи, и что прочія ея data вѣрны, Г. Перевощиковъ прибавляетъ: «вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ ошибку лѣтописи, которая 5 Апрѣля (жидовскую Пасху) относитъ къ пятницѣ вмѣсто четверга». Нѣтъ, это не ошибка, а обмолвка или описка, ибо въ томъ же извѣстіи говорится о воскресеньѣ въ 8 число; если воскресенье 8, то суббота 7, пятница 6, четвергъ 5.

Касательно втораго примѣра, Г. Перевощиковъ беретъ примѣръ изъ Чети-Минеи о пренесеніи мощей св. Бориса и Глѣба, и находитъ, по указанію мѣсяца и числа и недѣли Мироносицъ, что это было въ 1115 году.—Этотъ именно годъ и значится прямо въ Кіевской лѣтописи по Ипатьевскому списку, и въ моихъ Изслѣдованіяхъ, т. IV, с. 116, показано, что лѣтосчисленіе въ К. по И. въ этомъ промежуткѣ вѣрно. См. также стр. 90. *М. П.*

Digitized by Google

Исчисленіе Св. Православной Пасхи, по книжкѣ Д. М. Перевощикова, такъ удобно, что рецензентъ беретъ смѣлость продолжить свою статью, высказавъ главные его пріемы. Это, кажется, будетъ тѣмъ болѣе кстати, что теперь и математики, а особенно не математики, на этотъ вопросъ о столь драгоцѣнномъ для всякаго православнаго, нашемъ Свѣтломъ праздникѣ обращаютъ большое вниманіе, и, на бѣду, дѣло позапутали.

Здѣсь во-первыхъ, надобно найдти, *какого числа въ Мартѣ приходится новолуніе и слѣдующее полнолуніе.* Поелику же новолуніе за годъ до Р. Х., приходилось 1-го Января, и въ 19 лѣтъ фазы луны возобновляются въ тѣ же числа мѣсяцевъ; то къ данному году, напр. 1852, придаемъ 1, сумму 1853 дѣлимъ на 19, и получаемъ въ частномъ 97, а въ остаткѣ 10. Періодъ въ 19 лѣтъ называется *кругомъ луны*, а остатокъ 10 *золотымъ числомъ*. Выполненное дѣленіе показываетъ, что отъ упомянутой эпохи до 1852 года пройдетъ 97 круговъ луны и 10 лѣтъ 98-го круга. Иначе, за 10 лѣтъ до 1852, т. е. 1842 года, новолуніе было также 1 Января. — Правда, по мѣсяцослову С.-Петербургской Академіи, ближайшее новолуніе было 30 Декабря 1841; но не должно забывать, что новолунія, принятыя въ церковномъ времясчисленіи, только приближенныя, среднія, и отъ истинныхъ астрономическихъ разнятся только всегда немного. Причину допущенія сей неточности, необходимой для простоты, лучше всего объяснилъ знаменитый астрономъ *Деламбръ*, говоря объ усиліи Папы Григорія XIII удержать эту точность. Будучи самъ католикъ и аббатъ, онъ выразился такъ: Tout alliat assez bien jusques-là; mais la même raison qui avait porté Grégoire à cette reforme, le porta à gater son ouvrage, en le compliquant. Прибавимъ къ тому, что и при этой сложности, Западная Церковь не достигла точности.

Каждый годъ содержитъ 12 лунныхъ обращеній около земли (лунацій) и еще 11 дней: эти 11 прибавочныхъ дней въ 10 лѣтъ 98-го круга луны составятъ $11 \times 10 = 110$ дней. Поелику же каждая лунація принимается за 30 дней; то,

Digitized by Google

раздѣливъ 110 на 30, получимъ 3 лунаціи и еще 20 дней. Эти 20 дней въ церковномъ счисленіи называются *основаніемъ* и показываютъ возрастъ луны 1 Января 1852. Но какъ мѣсяцы Январь и Февраль принимаются за двѣ полныя лунаціи; то таковъ же возрастъ луны, т. е. 20 дней, будетъ и для 1 Марта. Слѣд. вычтя 20 изъ полной лунаціи, 30 дней, получимъ мартовское новолуніе 10 числа сего мѣсяца, а придавши половину лунаціи, т. е. 15 дней, найдемъ мартовское полнолуніе, 25 числа сего мѣсяца.

Рѣшивши этотъ *первый* вопросъ, надобно рѣшить *другой*: *въ какой день недѣли приходится это мартовское полнолуніе*, т. е. 25-го Марта. Въ книжкѣ дается способъ рѣшать этотъ вопросъ помощію воскресной буквы; но тамъ есть еще другое рѣшеніе, болѣе удобное, если не для выполненія, то для изложенія. Оно имѣетъ слѣдующія основанія: 1) Іисусъ Христосъ родился въ субботу, 25 Декабря, и въ субботу же было 1 Января 1-го года христіанскаго лѣтосчисленія; 2) простой годъ содержитъ 52 недѣли и 1 день. Этихъ остаточныхъ дней до 1852 года будетъ 1851 день, да прибавочныхъ къ высокоснымъ 462 дня (т. е. частное отъ дѣленія 1851 на 4), да въ Январѣ пройдетъ 31 день, въ Февралѣ 29 (ибо 1852 годъ высокосный), въ Мартѣ 24 дня: и того, кромѣ полныхъ недѣль, отъ Р. Х. до 25 Марта 1852, пройдетъ 2397 дней. Раздѣливъ ихъ на 7, найдемъ, что здѣсь, кромѣ полныхъ 342 (частное) недѣль, содержится еще 3 (остатокъ) дня. Если бы въ остаткѣ остался 1 день, то онъ былъ бы первый день слѣдующей недѣли, т. е. суббота; 2-й день—воскресенье, 3-й—понедѣльникъ, а слѣдующій за нимъ 25 Марта—вторникъ. Такимъ образомъ остатокъ 1 показалъ бы искомый день воскресенье, 2—понедѣльникъ, и пр.

За тѣмъ будущее воскресенье, т. е. 30 Марта, имѣетъ быть Св. Пасха 1852 года.

Такимъ же образомъ получится, что въ 1851 году Св. Пасха будетъ 8 Апрѣля.

Притомъ должно еще имѣть въ виду дополнительныя правила: 1) Если полнолуніе случится прежде 19 Марта, то Св. Пасху постановлено праздновать въ первое воскре-

Digitized by Google

сенье послѣ апрѣльскаго полнолунія. Такъ 1850 года мартовское полнолуніе приходилось 17 Марта: потому, придавши 30 дней, переходимъ къ апрѣльскому полнолунію которое было 16 Апрѣля. 2) Если полнолуніе мартовское или апрѣльское приходится въ пятницу, или въ субботу, или въ воскресенье; то празднованіе Св. Пасхи откладывается до слѣдующаго воскресенья. Такъ апрѣльское полнолуніе 1850, т. е. 16 Апрѣля, приходилось въ воскресенье: потому Св. Пасха 1850 года праздновалась въ слѣдующее воскресенье, т. е. 23 Апрѣля. Въ 1830 году мартовское полнолуніе, именно 28 Марта, приходилось въ пятницу: Св. Пасха праздновалась не въ ближайшее, а въ слѣдующее за нимъ воскресенье, 9 Апрѣля.

Ихъ этихъ правилъ, какъ слѣдствіе, выводится заключеніе, что самая ранняя Св. Пасха бываетъ 22 Марта, а самая поздняя 25 Апрѣля, т. е., что она можетъ помѣщаться на 35 различныхъ числахъ Марта и Апрѣля, соотвѣтствующихъ 35 ключевымъ буквамъ, кои даютъ 35 различныхъ порядковъ для подвижныхъ праздниковъ и постовъ.

Совѣтуемъ всѣмъ нашимъ православнымъ читателямъ запастись этою прекрасною и полезною книжкою.

176. О заслугахъ Святаго Аѳанасія Великаго для Церкви въ борьбѣ съ Аріанствомъ. Сочиненіе Баккалавра С.-Петербургской Духовной Академіи Магистра Евграфа Ловягина. Спб. 1850. Стр. 210 въ 8 д. л.

Сочиненіе это напоминаетъ прекрасное и ученое сочиненіе Мёлера «Athanasius der Grosze und die Kirche seiner Zeit.». Предметъ требуетъ огромнаго труда и большаго знанія исторіи и догмата, который защищалъ и раскрывалъ Св. Аѳанасій. Жизнь Аѳанасія составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ мѣстъ Церковной исторіи, потому что съ нею связаны почти всѣ важнѣйшія церковныя событія четвертаго вѣка, самаго богатаго событіями въ Церкви. Онъ стоялъ во главѣ защитниковъ Православія, и никто столько не потерпѣлъ за свою твердость, сколько онъ. Еще въ санѣ діакона онъ пріобрѣлъ знаменитость и

Digitized by Google

извѣстность между іерархами Восточной и Западной Церкви и въ народѣ. Его ученые труды преимущественно были посвящены тому же дѣлу, которому онъ посвятилъ и жизнь свою, т. е. защищенію догмата о Божествѣ Сына Божія. Писать о Св. Аѳанасіѣ значитъ писать исторію этого догмата и вмѣстѣ исторію тѣхъ событій, которыя касаются этого догмата и наполняютъ собою почти весь четвертый вѣкъ.

Сочиненіе почтеннаго автора и состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой онъ излагаетъ, что сдѣлалъ Св. Аѳанасій по поводу Аріанской ереси противъ ней—словомъ и писаніями своими, какъ христіанскій богословъ; во второй: что онъ сдѣлалъ для Церкви на этомъ поприщѣ, какъ пастырь ея.

Излагая ученіе Св. Аѳанасія о лицѣ Сына Божія, авторъ не разсматриваетъ сочиненій святителя, а выбираетъ изъ нихъ только то, что прямо относится къ догмату, и слѣдуетъ тому порядку, какой представляетъ сущность догмата. Такимъ образомъ ученіе Св. Аѳанасія о Сынѣ Божіемъ раскрывается многосторонне и вполнѣ; выраженія еретиковъ разбираются подробно, и догматъ представляется цѣлымъ и въ правильномъ развитіи.

Вторая часть сочиненія вся содержанія историческаго. Въ ней описаны всѣ страданія святаго защитника Православія, какія онъ потерпѣлъ въ продолженіе своего епископства отъ Аріанъ, при четырехъ Императорахъ.

Вообще о сочиненіи должно сказать, что оно удовлетворительно. Особенно трудно было сладить съ первою частію, которая, и по предмету и по плану, требовала большаго труда. И, кажется, противъ автора ничего нельзя сказать въ этомъ отношеніи. Сочиненіе его будетъ прекраснымъ пособіемъ и вообще при изученіи Церковной исторіи, и въ частномъ, при изученіи исторіи догматовъ. *Д. К.*

Digitized by Google

177. Записки о нынѣшнемъ состояніи Русскаго Пантелеймонова монастыря на Св. Горѣ Аѳонской. Изд. слѣпца Ширяева, въ пользу означеннаго монастыря. М. 1850. Стр. 58 въ 8 д. л.

Описаніемъ Русскаго монастыря нашъ почтенный Святогорецъ исполняетъ долгъ передъ многочисленными читателями своихъ «Писемъ», гдѣ недоставало этого описанія. Обитель, о которой говоритъ онъ, близка сердцу Русскому; поэтому не лишнимъ будетъ войдти въ нѣкоторыя подробности о ней.

По преданію, монастырь Св. Пантелеймона (называемый нынѣ Русскимъ) обязанъ своимъ основаніемъ благочестію Великихъ Князей Русскихъ Владимира и Ярослава. Въ настоящее время остались отъ него однѣ развалины; новый же монастырь воздвигнутъ въ началѣ этого столѣтія, усердіемъ Молдавскаго Господаря Князя Скарлата Каллимаха. Впрочемъ, съ половины минувшаго вѣка до 1835 года, пока Россія не приняла участія въ судьбахъ его, Пантелеймоновъ монастырь, особенно во время смутъ въ Молдавіи, терпѣлъ бѣдственную участь, и братія его едва могли существовать. Съ появленіемъ на Св. Горѣ (въ 1835 г.) блаженныя памяти іеромонаха Аникиты (Князя Шихматова-Ширинскаго), братство Русскаго монастыря начало дышать свободнѣе; а съ 1839 г., по вступленіи въ него О. Павла, положеніе его еще болѣе улучшилось, и тогда же былъ заложенъ собственно Русскій храмъ, во имя Св. Митрофанія Воронежскаго, который, при посредствѣ пособій собранныхъ въ Россіи, и благодаря усердію Петербургскаго купца Комарова (подвизающагося нынѣ на Аѳонѣ), былъ совершенно оконченъ черезъ семь лѣтъ. — Вообще состояніе монастыря улучшается по мѣрѣ увеличенія въ немъ числа Русскаго братства (коего теперь считается до 50 челов.), и въ настоящее время, кромѣ нѣкоторыхъ поправокъ и уплаты значительныхъ старыхъ долговъ, онъ уже не имѣетъ особенно важныхъ нуждъ.

Церквей въ Русскомъ монастырѣ десять, изъ которыхъ четыре принадлежатъ Русскому братству, и, за исключеніемъ кладбища, также до десяти насчитывается ихъ внѣ

Digitized by Google

монастыря, при отшельническихъ кельяхъ. Къ нему же принадлежитъ и Богородичный скитъ (древле монастырь Панагія Ксилургу). — Главный Греческій соборъ посвященъ имени Св. великомученика Пантелеймона, котораго честная глава (присланная, въ XIV вѣкѣ, Сербскимъ Царемъ Стефаномъ Душаномъ Сильнымъ) составляетъ безцѣнное сокровище обители.* Кромѣ главы Св. Пантелеймона, въ Русскомъ монастырѣ находятся части мощей многихъ другихъ святыхъ. — Въ утвари монастырской мало вещей особенно замѣчательныхъ. Впрочемъ, для Русскаго пріятно знать, что лучшимъ украшеніемъ Митрофаніева храма служатъ драгоцѣнные сосуды и Евангеліе, присланные отъ Великаго Князя Константина Николаевича, въ память его посѣщенія Русскаго монастыря въ 1845 г. Для Русскаго также отрадно слышать здѣсь нашъ колокольный звонъ, чего нѣтъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, не только на Св. Горѣ, но и на всемъ Востокѣ. Колокола въ обитель пожертвованы нашими соотечественниками. Библіотека Русскаго монастыря очень скудна. Замѣчательны въ ней до сорока царскихъ грамотъ, въ числѣ которыхъ четыре грамоты Русскихъ Царей и одна Патріарха Іова.

Братство Русскаго монастыря, простирающееся до 200 чел., разноплеменно: есть здѣсь Греки и Болгаре, Сербы и Молдаване, Русскіе и одинъ окрестившійся Еврей. — Въ настоящее время, когда въ предѣлахъ Россіи, на Крымскомъ полуостровѣ, возникаетъ пустынножительство по уставу горы Аѳонской, вѣроятно, для всѣхъ будетъ любопытно прочесть слѣдующія подробности о жизни иноковъ Русскаго монастыря.

«Что касается до молитвенныхъ занятій и чиноположеній, соблюдаемыхъ въ Русскомъ монастырѣ, — въ нихъ есть нѣчто особенное, и преимущественно отличаются онѣ своею продолжительностію. Въ глубокую полночь нѣсколькими ударами въ колоколъ братія возставляются здѣсь на келейное правило, за-

---

* Припомнимъ, что у Великаго Князя Изяслава Мстислава (+ 1154) на шлемѣ было изображеніе Св. Пантелеймона. *М. П.*

Digitized by Google

ключающееся въ 1200 поясныхъ и сотнѣ земныхъ поклоновъ, изъ коихъ послѣдніе оставляются въ дни праздничные, субботніе и понедѣльные. Нѣтъ въ братствѣ человѣка, который бы не былъ обязанъ исполнять келейное правило, съ тою только разностію, что правило вообще монашеское короче схимническаго. Въ часъ по полуночи ударяютъ на утреню, впрочемъ только въ зимнее время, а лѣтомъ она начинается въ 11 часовъ, т. е. за часъ до полуночи; по короткости ночей, тогда и келейное правило переносится на послѣобѣденное время, отъ котораго удѣляются два часа и для отдыха.

«Послѣ утрени, до литургіи, братія покоятся часъ, а иногда и менѣе, такъ что до восхода солнечнаго, кромѣ праздниковъ, почти всегда кончается литургія, въ подражаніе первымъ вѣкамъ христіанства, когда, по причинѣ гоненій на христіанъ, она обыкновенно совершилась ночью. По литургіи братія расходятся до обѣда на послушанія, на которыхъ трудятся всѣ, безъ изъятія іеромонаховъ и подъ наблюденіемъ эконома....

«Вечерня бываетъ здѣсь въ обыкновенное время, а повечеріе отдѣльно отъ нея, послѣ ужина, и всегда по закатѣ солнца, кромѣ св. четыредесятницы, когда чтутся великія повечерія. На повечеріи Русскими соблюдается обыкновеніе, послѣ послѣдней ектеніи (о благочестивѣйшемъ Государѣ и проч.), прикладываться къ животворящему кресту, нарочно на этотъ разъ полагаемому на налой. Въ стройномъ порядкѣ братія по-парно подходятъ къ налою, и, послѣ двухъ поясныхъ исклоненій, лобызая крестъ Христовъ, довѣряютъ себя на сонъ грядущій его божественной силѣ; а потомъ, покланяясь предстоящимъ, отходятъ на свои мѣста.

«Послѣ повечерія никто уже не въ правѣ не только что-либо съѣсть, но даже напиться воды. Если же у кого откроется слишкомъ мучительная жажда, особенно въ лѣтніе жары, то кто пожелаетъ удовлетворить ей, обязанъ или положить въ простое время сто, а въ великій постъ пятьсотъ поясныхъ поклоновъ съ молитвою Іисусовою, или вновь вычитать повечеріе. Равнымъ образомъ строго воспрещается братіи, послѣ повечерія, разговаривать, а тѣмъ болѣе сходиться въ кельи безъ крайней на то нужды и безъ благословенія настоятеля или духовника.

«По уставу Св. Горы, на дни воскресные и праздничные всегда совершается бдѣніе, начинающееся съ закатомъ солнца, а въ зимнее время часомъ или двумя позже; оно продолжается иногда десять, одиннадцать и двѣнадцать, но никакъ не менѣе осьми или девяти часовъ. А на память Св. великомученика Пантелеймона въ Русскомъ монастырѣ оно длится и до четырнадцати;

Digitized by Google

съ водосвятіемъ же и литургіею, не отдѣльными отъ него, вся служба тогда, въ непрерывномъ порядкѣ, простирается до семнадцати часовъ....

«Немощи братства и слабости исправляются неодинаково. Особенно важныхъ, разумѣется, не бываетъ, а не важныя, какъ напр. утрата или поврежденіе какой-либо монастырской вещи неизбѣжны. Но и виновный въ подобной неосторожности не остается безъ вразумленія: онъ полагаетъ поклоны во время братской трапезы, а по окончаніи ея, лежа ницъ у дверей, проситъ прощенія у выходящей братіи. Вины важныя остаются тайною для всѣхъ, кромѣ игумена и духовника. Но извѣстенъ ли проступокъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, братія, проходя изъ трапезы мимо умоляющаго о прощеніи, съ чувствомъ кротости и любви, говорятъ ему вполголоса: «Богъ да проститъ!»

«Трапеза поставляется для братіи дважды на день, кромѣ понедѣльника, среды, пятка и св. четыредесятницы, когда кушаютъ однажды, безъ масла и безъ лознаго вина. Предъ утренею трапезою постоянно поется Греками параклисъ, т. е. молебенъ Богоматери. Утренняя трапеза бываетъ въ десять часовъ, а вечерняя предъ закатомъ солнца; въ постные дни она поставляется во второмъ часу, кромѣ великаго поста, когда вкушаютъ пищу около трехъ часовъ за полдень, а иногда и позже. Кушанье состоитъ, исключая великіе праздники, изъ бобовъ и гороха, или изъ травъ и другихъ произведеній здѣшней природы; употребляютъ также маслины, стручковый перецъ въ уксусѣ, лукъ и чеснокъ, а судя по времени, сыръ и сельди. Идутъ въ пищу и нѣкоторыя изъ морскихъ черепокожныхъ, каковы октоподы, т. е. осьминогіе, или морскіе пауки, ёжики и пшины или большія раковины.

«Къ числу строгихъ положеній монастыря можно присовокупить здѣсь и то еще, что братство его обязано вкушать пищу непремѣнно на общей трапезѣ; а потому держать что-либо съѣстное или кушать не въ свое время, и притомъ безъ благословенія настоятеля, считается важнымъ иноческимъ грѣхомъ. Въ непремѣнную также поставляется обязанность трапезарю, повару и читающему житія святыхъ или поученія въ теченіе трапезы, по окончаніи ея, падать каждый разъ ницъ при двери и просить прощенія у выходящей братіи, если кому чѣмъ-нибудь не угодили или забылись въ точности исполненія своихъ обязанностей.

«Въ разсужденіи келейнаго поведенія, въ Русскомъ монастырѣ строго слѣдуютъ отеческимъ законоположеніямъ. Оставаться внѣ кельи, и тѣмъ болѣе за монастыремъ, безъ особенной нужды и благословенія настоятеля, совершенно не позволяется, равнымъ образомъ и собираться по кельямъ для бесѣдъ или угощеній. Въ

Digitized by Google

предупрежденіе слабостей подобнаго рода, воспрещено держать по кельямъ что-либо безъ вѣдома и позволенія игумена или духовника...

«Принять или подать милостыню никто изъ иночествующихъ Р. М. не можетъ безъ позволенія настоятельскаго. Цѣль такого воспрещенія та, чтобы пріучить молодыхъ подвижниковъ къ отсѣченію собственнаго своеволія, даже въ дѣйствіяхъ совершенно безкорыстныхъ и благонамѣренныхъ....

«Вечеромъ, по совершеніи всего церковнаго правила, не дозволяется здѣсь зажигать по кельямъ огня, развѣ только нѣкоторымъ, и то по уважительнымъ причинамъ: какъ-то іеромонахомъ, въ очередь ихъ священнослуженія, и проч. Для простаго же братства свѣтильникъ въ кельи признается излишнимъ, отъ того, что главное и необходимое, что требуется отъ инока въ отношеніи къ Богу, совершаетъ онъ вмѣстѣ съ другими въ церкви. По истолкованію святогорскихъ старцевъ, келья, образуя собою гробъ, должна быть, какъ гробъ, темна и служить для инока тихимъ напоминаніемъ смерти и мѣстомъ отдыха послѣ дневныхъ трудовъ монастырскаго послушенія.

«Заниматься бесѣдами, особенно праздными и предосудительными, а чѣмъ болѣе оскорблять словами честь ближняго и заводить ссоры, строго воспрещено. Если же кто дозволитъ себѣ нѣчто подобное, такавый къ вечеру обязанъ непремѣнно очистить свою совѣсть исповѣдію и испросить прощеніе у обиженнаго, а иначе будетъ наказанъ или поклонами, или, что всего важнѣе, отлученіемъ на время отъ причащенія Св. Таинъ. Къ чести братства Русскаго монастыря должно замѣтить, что сварливость въ немъ не можетъ имѣть мѣста: потому что всѣ, кромѣ развѣ находящихся въ отлучкѣ, обязаны пріобщаться Св. Таинъ каждую субботу, а болѣе ревностные подвижники и нѣсколько разъ въ недѣлю. Къ принятію Св. Таинъ пріуготовляются постомъ и очищеніемъ совѣсти, не только отъ явныхъ слабостей, но и отъ тайныхъ мыслей и пожеланій. Для этого собственно дверь духовнической кельи всегда отворена для братіи, такъ что нѣтъ времени, когда бы не представлялось каждому полной свободы и возможности раскрывать передъ духовникомъ свою совѣсть. Обязанность и существенный долгъ духовника въ отношеніи къ братіи быть доступнымъ во всякое время, что и соблюдается здѣсь въ изумительной точности. Случается даже, что болѣе наблюдательные за движеніемъ мысли, при случайной встрѣчѣ съ духовникомъ, гдѣ бы то ни было, исповѣдуютъ ему то, чѣмъ занятъ ихъ умъ и чѣмъ трогается ихъ сердце, а недовѣряющіе памяти иногда и записываютъ черты внутренней своей жизни для лучшаго раскрытія ея въ послѣдствіи предъ духовникомъ.

Digitized by Google

«Но если что, такъ всего строже въ Р. монастырѣ, какъ общежительномъ, наблюдается нестяжательность, — эта отличительная черта совершеннаго иночества. Никто изъ братіи не можетъ удерживать при себѣ никакой собственности; каждый, при самомъ вступленіи въ число братства, обязывается объявить все, что у него имѣется, и сложить къ ногамъ игумена, подобно какъ христіане первенствующей Церкви свои стяжанія полагали къ ногамъ Апостоловъ (Дѣян. 4, 34, 35). Сдавши такимъ образомъ съ рукъ своихъ собственность, поступающій въ братство тогда же получаетъ отъ игумена все потребное для келейной жизни. Если же, чего впрочемъ не случается въ настоящее время, кто-нибудь утаитъ при себѣ часть денегъ или какихъ бы то ни было вещей, и по смерти это откроется: таковаго хоронятъ не на братскомъ кладбищѣ, а гдѣ-нибудь на пустомъ мѣстѣ, въ знаменіе того, что онъ не достоинъ покоиться съ братіею, какъ нарушитель общаго для всѣхъ иноковъ правила о нестяжательности. Впрочемъ настоятель, не отказывая въ разрѣшеніи такимъ несчастнымъ, старается помочь имъ и за гробомъ, приношеніемъ Господу Богу безкровной за нихъ жертвы....

«По истеченіи трехъ лѣтъ кости умершихъ на Св. Горѣ отрываютъ и складываютъ въ общую усыпальницу. Въ день, когда исполнится трехлѣтній срокъ, собирается вся братія, и съ настоятелемъ, дружно помолившись Господу о памяти за три года прежде почившаго брата, приходятъ на могилу и отрываютъ его тѣло. По свойству костей опытные въ жизни духовной познаютъ загробную участь умершаго; а иногда и знаменательно свидѣтельствуется о достоинствѣ души его или благоуханіемъ, отъ костей исходящимъ, или самымъ даже цвѣтомъ ихъ. Но если найдутъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, тѣло въ нетлѣніи, отличномъ отъ общепринятаго Восточною нашею Церковію благодатнаго нетлѣнія, — то зарываютъ его снова, и вся братія возобновляютъ молитвы о душѣ умершаго: молитвенный вопль любви братской и болѣзнь о участи его преклоняютъ на милость правосуднаго Бога. По совершеніи канона поминальнаго, который назначается настоятелемъ, вторично отрываютъ тѣло, и, если услышаны молитвы, находятъ оное испепелившимся.

«Не смотря на то, что Русскій монастырь только что начинаетъ оправляться и отягощенъ долгами — странноприимство и подаяніе милостыни составляютъ трогательную черту его законоположеній. Оставаясь на Св. Горѣ исключительнымъ пристанищемъ для Русскихъ поклонниковъ, монастырь не требуетъ отъ нихъ ничего за ихъ въ немъ долгое иногда пребываніе и содержаніе, пріемля, впрочемъ, съ признательностію всякое добро-

Digitized by Google

хотное пожертвованіе. Для всякаго странника отворена дверь Р. монастыря, готова пища, виноградное вино и сладкій покой на архондарикахъ (гостиныхъ). Въ гостинницѣ васъ не спросятъ — кто вы и зачѣмъ; обязанность гостинника только оказывать услуги христіанскаго страннолюбія приходящимъ, а знать о чинѣ и родѣ ихъ — это право игумена и привратника. При выходѣ пришельцевъ изъ монастыря, въ напутствіе дается имъ хлѣбъ, а иногда и вино, по ихъ требованію. Для бѣдныхъ же и нищихъ привратникъ нарочно беретъ у игумена денегъ и раздаетъ имъ, предварительно стараясь точнѣе узнать нужды каждаго изъ нихъ.»

Отношенія Русскаго монастыря къ прочимъ обителямъ Аѳона авторъ сравниваетъ съ отношеніями скромнаго пришельца на земли чуждой къ важному туземцу. Впрочемъ, въ послѣднее время, благодаря вліянію Русскихъ поклонниковъ, Аѳонскій протатъ (собраніе властей, управляющихъ Св. Горою) сталъ болѣе внимателенъ къ нуждамъ и требованіямъ Русскаго монастыря.... «Можетъ быть, заключаетъ авторъ свое описаніе, настанетъ время, что этотъ монастырь въ полной силѣ, достойной его Русскаго имени, иногда станетъ на Св. Горѣ въ ряду съ первыми ея обителями, и, какъ въ счастливыя для него XIII и XIV столѣтія, вновь усвоитъ себѣ давно утраченное названіе — *βεβασμια λαβρα Βασιλικη*, честная Царская Лавра (какъ именовался онъ въ грамотахъ того времени)».....

178. Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи. Сочин. Э. О. Професс. Е. Осокина. Казань. 1850. Стр. 174 въ 8 д. л.

Не приступая еще къ изслѣдованію каждой внутренней таможенной пошлины отдѣльно, Г. Осокинъ предпосылаетъ имъ общій взглядъ на развитіе таможенныхъ пошлинъ на Руси; и во-первыхъ говоритъ: «Ежели допустить, что рано развилась въ нѣкоторыхъ частяхъ Руси торговля внутренняя и внѣшняя, то можно бы было подумать, что уже въ глубокой древности таможенныя пошлины съ товаровъ внутренняго и внѣшняго производства были значительны въ нашемъ отечествѣ. Однакожъ, до, временъ ига

Digitized by Google

Монгольскаго, мы встрѣчаемъ въ историческихъ памятникахъ очень не много извѣстій о таможенныхъ пошлинахъ; упоминается только о мытахъ, о вѣсчемъ, о торговомъ, о передмѣрѣ, о перевозѣ. Первыя извѣстія оныхъ относятся къ концу 10 вѣка. Духовенство, которому, по свидѣтельству приписываемаго Владимиру Святому церковнаго устава, былъ порученъ надзоръ за торговыми вѣсами и мѣрами, кажется, ввело обыкновеніе на Руси собирать таможенныя пошлины.» И въ примѣчаніяхъ (подъ N 3) замѣчаетъ: «не подтверждаются ли этимъ явленіемъ изслѣдованія Г. Егунова, которыхъ результатъ — мнѣніе о незначительности древнѣйшей Русской торговли.» Мы должны отвѣчать на это, при всемъ желаніи не противорѣчить трудолюбивому изслѣдователю, что такъ названныя изслѣдованія Г. Егунова не подтверждаются таковымъ явленіемъ; ибо и самое явленіе не существуетъ на дѣлѣ. Мы никакъ не можемъ утверждать, чтобы таможенныя пошлины не были разнообразны въ нашемъ отечествѣ до Монгольскаго ига, основываясь только на томъ, что не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ свѣдѣній о такомъ разнообразіи; ибо въ лѣтописяхъ и послѣ XIV вѣка подобныхъ свѣдѣній мы не находимъ; и ежели судить по однѣмъ лѣтописямъ, то о XV вѣкѣ мы должны будемъ сказать то же, что Г. Осокинъ сказалъ о X, XI и XII вѣкахъ, т. е. что у насъ на Руси таможенныя пошлины не были разнообразны. Чисто же административныхъ памятниковъ, относящихся собственно до сбора пошлинъ таможенныхъ, ранѣе конца XIII вѣка, мы не имѣемъ, точно также какъ не имѣемъ и многихъ другихъ памятниковъ законодательства за древнѣйшее время, что, впрочемъ, не доказываетъ, чтобы ихъ не было въ свое время. Слово мытъ, встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ довольно рано, отнюдь не должно принимать въ собственномъ частномъ значеніи слова, какъ оно принимается въ разныхъ таможенныхъ грамотахъ XV и XVI вѣка; но въ смыслѣ собирательномъ, т. е. означающемъ всѣ таможенныя пошлины. Это ясно утверждаетъ лѣтопись въ договорѣ Олега съ Греками, гдѣ сказано: Приходящіи (въ Константинополь) Русь да творятъ куплю якоже имъ надобѣ, неплатяче

Digitized by Google

мыта ни въ чемъ же.[1] Здѣсь лѣтописецъ говоритъ именно объ освобожденіи Русскихъ отъ всѣхъ торговыхъ пошлинъ въ Константинополѣ; неплатаче мыта ни въ чемъ же, и обозначаетъ ихъ однимъ собирательнымъ именемъ мыта. Точно также, при переводѣ Священнаго Писанія сборщикъ податей вообще названъ мытаремъ; конечно здѣсь нельзя разумѣть сборщика собственно мыта, portarium (portitor), но сборщика податей вообще (publicanus). Въ Западной Руси даже въ XV столѣтіи мытомъ назывались безъ различія всѣ торговыя и проѣзжія пошлины. Такъ напримѣръ въ грамотѣ Литовскаго Князя Александра Кіевскому войту, 1499 года (А. З. Т. I, N 170), или въ Литовскомъ Статутѣ.

Далѣе Г. Осокинъ, перечисляя пошлины, существовавшія до Монголовъ, опускаетъ два довольно значительные вида таковыхъ пошлинъ, именно *пятно*, упоминаемое еще въ Руской Правдѣ, и *пудъ вощаной*, встрѣчающійся въ грамотѣ Всеволода Мстиславича, относящейся къ началу XII вѣка, гдѣ пудъ именно отдѣленъ отъ вѣса, слѣдовательно составлялъ особую пошлину. Притомъ же здѣсь въ сборѣ вѣсчей пошлины является значительное разнообразіе: такъ низовый гость платилъ съ двухъ берковсковъ вощаныхъ полгривны серебра да гривенку перцу; Полочанинъ и Смольнянинъ по двѣ гривны кунъ отъ берковска; Новоторженинъ полторы гривны; Новгородецъ шесть мордокъ.[2] Это различіе въ платежѣ пошлины разными торговцами, сдѣланное на томъ же основаніи, на каковомъ таковое же различіе дѣлалось въ разныхъ таможенныхъ грамотахъ XV и XVI столѣтій, ясно говоритъ, что внутреннія таможенныя пошлины Руси и до Монголовъ были также разнообразны, какъ и при Монголахъ, и разнообразились въ то и въ другое время на одинакихъ основаніяхъ.

Потомъ Г. Осокинъ говоритъ, что, кажется, духовенство ввело обыкновеніе на Руси собирать таможенныя пошлины. Очень трудно допустить, чтобы духовенство, только что пришедшее изъ Греціи при Владимирѣ, при немъ же ввело и таможенныя пошлины; изъ Владимирова устава видимъ

[1] Пол. Собр. лѣт. Т. I стр. 13. [2] Рус. Дост. Т. I. стр. 79.

Digitized by Google

только, что оно получило привилегію пользоваться нѣкоторыми изъ сихъ пошлинъ; вводить же ихъ вновь оно не могло; ибо это повредило бы только что принятой Русскими христіанской религіи, что конечно очень хорошо понимали Греческіе духовные.

Далѣе съ мнѣніемъ Г. Осокина, что, «Монголы имѣли насильственное, но рѣшительное вліяніе на быстрое распространеніе таможенныхъ пошлинъ въ нашемъ отечествѣ; они даже ввели важнѣйшую изъ нихъ, тамгу,» — мы можемъ согласиться только отчасти. Въ ханскихъ ярлыкахъ, единственныхъ памятникахъ, по которымъ мы можемъ судить объ этомъ предметѣ, изъ новыхъ торговыхъ пошлинъ встрѣчается только одна тамга, другія же пошлины, упоминаемыя въ ярлыкахъ: мыть и мостовщина, были уже извѣстны и до Монголовъ. Слѣдовательно Монголы только ввели одну новую торговую пошлину тамгу, и этимъ ограничилось все ихъ вліяніе на развитіе торговыхъ пошлинъ; это доказывается еще и тѣмъ, что всѣ торговыя пошлины, кромѣ тамги, у насъ носятъ Русскія названія; если же бы онѣ были введены Монголами, то конечно ихъ, подобно тамгѣ, называли по-Монгольски а не по-Руски.

Далѣе, въ общемъ взглядѣ на развитіе таможенныхъ пошлинъ въ Россіи, Г. Осокинъ представляетъ и другія неправильныя положенія. Напримѣръ, онъ говоритъ, что съ XV столѣтія посошная подать замѣнила прежнія подворныя и поголовныя подати; но извѣстно, что посошная подать не была нововведеніемъ XV вѣка: она существовала еще при Димитріѣ Донскомъ, какъ значится въ жалованной его грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю.[3] Или даже онъ иногда противорѣчитъ самому себѣ; такъ прежде говорилъ, что Монголы имѣли рѣшительное вліяніе на быстрое распространеніе таможенныхъ пошлинъ въ Россіи, а потомъ пишетъ, что они только содѣйствовали ихъ распространенію, да и то не вездѣ и не въ равной степени (стр. 11). Или, по его мнѣнію, изъ того, что Князья въ договорахъ другъ съ другомъ ставили въ числѣ условій не замышлять новыхъ та-

[3] А. А. Э. Т. I. N 7.

Digitized by Google

моженныхъ пошлинъ, вытекаетъ доказательство, что при таможенныхъ сборахъ всегда обнаруживалась какая-то неподвижность, что привязанность къ старому поддерживала самую нестройную систему налоговъ: на дѣлѣ же договоры Князей здѣсь доказываютъ не привязанность къ старинѣ и неподвижность, а единственно заботу не отягощать торговлю новыми поборами, ибо въ сихъ же договорахъ не запрещалось отмѣнять пошлинъ.

Но мы оставимъ всѣ сіи невыгодныя стороны труда, представленнаго Г. Осокинымъ; онѣ собственно относятся только къ общему его взгляду, который не больше какъ введеніе къ изслѣдованію о внутреннихъ пошлинахъ, и обратимся къ самому изслѣдованію. Онъ его дѣлитъ на двѣ части: первая обнимаетъ исторію внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ до половины XVII столѣтія, т. е. 1653 г., а вторая отъ 1653 до 1757 г. Приступая собственно къ изложенію своихъ изысканій о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ, авторъ говоритъ, что онъ имѣетъ въ виду только опредѣлить характеръ и отличительныя свойства этихъ налоговъ. Слѣдовательно и намъ остается указать только то, на сколько онъ успѣлъ въ опредѣленіи характера сихъ пошлинъ. И такъ послѣдуемъ за нимъ шагъ за шагомъ.

Авторъ раздѣляетъ таможенныя пошлины на два главные разряда: пошлины *проѣзжія* и пошлины *торговыя*. Это дѣленіе вполнѣ обнимаетъ предметъ. Первою изъ проѣзжихъ пошлинъ была *мытъ*. Мытомъ съ половины XIII столѣтія обыкновенно называли пошлину, собираемую съ судовъ и возовъ съ товарами, безъ соображенія ихъ цѣнности. Это опредѣленіе правильно, и подтверждается всѣми дошедшими до насъ таможенными грамотами и другими административными памятниками. Но авторъ не позаботился опредѣлить, какъ постепенно развивалась раскладка мытной пошлины, съ возовъ и съ водоходныхъ судовъ, (у него только сказано, что съ большихъ судовъ больше брали пошлины, чѣмъ съ малыхъ). А это имѣетъ большое значеніе въ исторіи мытной пошлины, и въ дошедшихъ до насъ памятникахъ выражено довольно ясно; такъ напримѣръ, въ грамотѣ 1402 года положено съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга

Digitized by Google

съ набоемъ два алтына, а безъ набоя денга[4]. Слѣдовательно при раскладкѣ пошлины принимался счетъ досокъ въ лодьѣ и различіе струговъ съ набоемъ и безъ набой; тоже, только яснѣе, говорится въ таможенной грамотѣ 1521 года[5] но въ 1588 году, при разсчетѣ мытной пошлины принимали уже вѣсъ товара: «съ насада и дощаника, и сколько въ которомъ посадѣ или дощаникѣ какого товару будетъ, съ тысячи пудъ по два рубли и по двѣ гривны, а со ста пудъ по семи алтынъ и по двѣ денги, да съ того же судна велѣно имати посаженнаго по десяти алтынъ»[6].

Говоря о мытѣ, Г. Осокинъ, между прочимъ, опровергаетъ мнѣніе Гагемейстера, о томъ, что въ древности право на мытъ было соединено съ правомъ на поземельную собственность, и въ опроверженіи своемъ ссылается на то, что будто бы это мнѣніе не подтверждается источниками, и въ подтвержденіе противнаго мнѣнія указываетъ на Литовскій Статутъ и на Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. Новыя правила Литовскаго Статута относились только къ Западной Литовской Россіи, а уложеніе Царя Алексѣя Михайловича появилось въ XVII вѣкѣ; слѣдовательно и тотъ и другой законъ не могутъ ни утверждать, ни отрицать мнѣнія Гагемейстера о соединеніи права на мытъ съ правомъ поземельной собственности въ Московской Россіи XIV, XV и XVI столѣтій; слѣдовательно Г. Осокинъ не имѣлъ права на нихъ ссылаться. А во-2-хъ, чтобы увѣриться, что мнѣніе Гагемейстера подтверждается источниками, мы приводимъ здѣсь въ доказательство окружную Царскую грамоту 1596 года, гдѣ прямо сказано: «а иные мыты и перевозы устроили на себя наши бояре, и дворяне, и наши дьяки, и дѣти боярскіе, и всякіе люди, и монастырскіе люди, и крестьяне для своей корысти; а землю нашу пустошатъ безъ нашего указу.» Здѣсь ясно говорится, что мыты были не одни казенные или Государевы, но и частныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ состояній безъ

[4] Соб. Г. Гр. и Д. Т. I. N 36.
[5] Ак. Ар. Эк. Т. I. N 170. [6] Тамъ же N 338.

Digitized by Google

различія, и притомъ учреждались не по жалованію отъ Государя, а безъ Государева указу, по собственному соображенію землевладѣльцевъ. Называть же ихъ самовольствомъ, злоупотребленіемъ, мы не имѣемъ права; ибо само правительство въ приведенной нами грамотѣ не присвоивало имъ таковаго названія даже тогда, когда рѣшилось взять ихъ на Государя; причиною или поводомъ къ взятію частныхъ мытовъ на Государя въ грамотѣ выставлена не противозаконность ихъ учрежденія, а излишніе поборы. Грамота ясно говоритъ: «и тѣ всѣ перевозы и мѣста велѣли есмя вѣдати на себя, для того: слухъ до насъ дошелъ, что нашимъ посломъ и всякимъ проѣзжимъ людямъ волочанье и продажи великіе.»[7] Притомъ же и взявши ихъ на Государя, по свидѣтельству той же грамоты, правительство, назначивъ новую таксу для сбора, опредѣлило половину сбора отдавать вотчинникамъ, помѣщикамъ и монастырямъ, на чьихъ земляхъ были перевозы и мыты. Но конечно подобный раздѣлъ пошлины между казною и частными землевладѣльцами не имѣлъ бы мѣста, ежели бы учрежденіе мытовъ и перевозовъ первоначально не было соединено съ правомъ поземельной собственности.

Опредѣляя головщину, задніе колачи и костки. Г. Осокинъ, согласно съ памятниками, и слѣдовательно вѣрно, назвалъ задніе колачи проѣзднюю поголовною пошлиною, взимаемою на обратномъ пути; но онъ напрасно силится отличить головщину отъ костокъ, тогда какъ по грамотамъ видно, что сіи два названія означали одну пошлину, взимаемую съ торговыхъ людей при проѣздѣ, въ то же самое время, какъ мытъ сбирался съ возовъ и съ судовъ; названіе костокъ было древнѣйшее, а головщина появилась позднѣе. Доказательствомъ тому, что сіи два названія означали одну, а не двѣ пошлины, служитъ то, что онѣ не встрѣчаются вмѣстѣ ни въ одной грамотѣ. Г. Осокинъ думаетъ доказать различіе головщины и костокъ тѣмъ, что головщина не вытѣснила костокъ и не замѣнила ихъ; ибо ко-

[7] А. А. Э. Т. I. N 368

Digitized by Google

стки встрѣчаются въ грамотахъ даже въ началѣ XVII столѣтія, когда уже давно существовала головщина. Но это не доказательство, ибо хотя костки и встрѣчаются въ грамотахъ XVI столѣтія (въ XVII мы ихъ не видали), однако не какъ особая пошлина, а какъ та же головщина, только съ старымъ названіемъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ областяхъ, позднѣе поступившихъ подъ непосредственное распоряженіе Московской администраціи.

При объясненіи мостовщины и перевозовъ, Г. Осокинъ вообще привелъ очень много дѣльныхъ замѣчаній, и прослѣдилъ эту статью по древнимъ памятникамъ довольно отчетливо; но при всемъ томъ впалъ въ двѣ значительныя ошибки. 1-я изъ нихъ та, что онъ не допускаетъ существованія права содержать мосты и перевозы частнымъ землевладѣльцамъ; ошибка это произошла отъ того же, отъ чего выше Г. Осокинъ хотѣлъ опровергнуть мнѣніе Гагемейстера о соединеніи права на мыть съ правомъ поземельной собственности; а посему та же грамота 1596 года, которая оповергла мнѣніе Г. Осокина о мытахъ, опровергаетъ и настоящее его мнѣніе о мостовщинѣ и перевозахъ; 2-я ошибка состоитъ въ томъ, что Г. Осокинъ признаетъ участіе правительства въ расходахъ на содержаніе мостовъ и перевозовъ; тогда какъ содержаніе мостовъ и дорогъ составляло рѣшительно прямую повинность жителей; чему свидѣтельства находятся даже въ Русской Правдѣ, гдѣ сохранилась и разкладка этой повинности въ Новгородѣ; а а изъ грамотъ Московскаго періода довольно подробныя объясненія сей повинности находятся въ грамотѣ 1512 года, присланной на Ергольскій Ямъ [8], въ грамотѣ 1606 года въ Пермь [9] и во многихъ другихъ. А когда содержаніе мостовъ и дорогъ составляло повинность жителей, слѣдовательно мостовщина и перевозъ, какъ пошлины, составляли чистый доходъ правительства, и Г. Осокинъ напрасно старается отличить ихъ отъ мыта и головщины тѣмъ, что будто характеръ ихъ не есть чисто финансовый.

---

[8] А. А. Э. Т. I. N 156. [9] Ibid. T. II. N 54.

Digitized by Google

Мостовщиной и перевозомъ Г. Осокинъ оканчиваетъ исчисленіе пошлинъ при перевозѣ товаровъ; но въ разныхъ грамотахъ XV и XVI столѣтій встрѣчаются и еще пошлины при переѣздахъ торговыхъ людей. Такъ напримѣръ, въ жалованной грамотѣ, данной В. К. Иваномъ Васильевичемъ Сергіеву монастырю въ 1465 году, упоминаются пошлины: *побережное, ратное дѣло, дѣтинное,* и *церковная пошлина,* отъ которыхъ освобождались ладьи и паузки Сергіева монастыря при проѣздѣ ихъ на Угру и на Бѣлоозеро [10]. Онѣ собирались при переѣздахъ на дорогѣ, а не на мѣстѣ торга, слѣдовательно о нихъ должно бы было сказать здѣсь; а Г. Осокинъ о побережномъ упомянулъ въ торговыхъ пошлинахъ, о ратномъ же, дѣтинномъ и церковномъ вовсе не говоритъ, какъ будто бы ихъ и не существовало.

Въ числѣ торговыхъ пошлинъ Г. Осокинъ во-первыхъ говоритъ о замытѣ и явкѣ. Онѣ именно взимались первыя при пріѣздѣ на торгъ, и какъ бы оплачивали пошлины за проѣздъ, которыхъ не брали на торгу; но, кажется, онъ напрасно отдѣляетъ явку отъ головщины: онѣ не составляли отдѣльныхъ пошлинъ; явкой именно называлася головщина, взимаемая при пріѣздѣ на торгъ. Вотъ свидѣтельство таможенной грамоты 1571 года, гдѣ сказано: «А которые гости и торговые люди учнутъ пріѣзжати, и тѣмъ гостемъ и купцомъ являться таможникомъ; а таможникомъ съ тѣхъ гостей и съ торговыхъ людей явки, а съ товаровъ ихъ, тамга и всякіе пошлины имати... съ Новгородца съ городскаго человѣка съ рубля Московскаго противъ тамги, по полуторѣ Московки, да противъ замытные пошлины съ рубля по денгѣ, да сколько у него людей на суднѣ или на плоту, а съ тѣхъ со всѣхъ людей имати по старинѣ съ головы по денгѣ по Московской»[10].

Послѣ явки и замыта у Г. Осокина слѣдуютъ: *гостиное, анбарное, полавочное, поворотная, или подворная пошлина.* Въ опредѣленіи сихъ пошлинъ Г. Осокинъ показалъ большое знаніе въ этомъ дѣлѣ, и представилъ много вѣрныхъ выводовъ; но очевидно, не вполнѣ исчерпалъ этотъ предметъ: такъ онъ старается опредѣлить гостиную пошлину или личною пошлиною съ пріѣзжихъ торговцовъ, или пла-

[10] А. А. Э. Т. I. N 77.

Digitized by Google

тою за наемъ лавокъ или анбаровъ на гостиномъ дворѣ. Конечно, и то и другое объясненіе имѣютъ основаніе, но только въ позднѣйшихъ памятникахъ; въ древности же гостиная пошлина взималась не съ лица и не за наемъ анбара, но только за привозъ товара на торгъ; такъ въ Бѣлозерской грамотѣ 1497 года прямо сказано: «со всѣхъ (пріѣзжихъ иногородцевъ) имати тамга по старинѣ съ рубля по алтыну; да у всѣхъ же у тѣхъ имати съ саней по полуденгѣ, за церковную пошлину и за гостиное, что емлютъ на Москвѣ.»[12] Кромѣ того, онъ въ числѣ гостиныхъ пошлинъ не помѣстилъ *помѣстнаго*, которая взималась съ товаровъ въ такомъ случаѣ, когда кто-либо, купивъ на гостиномъ дворѣ привозный товаръ, не свозя его съ мѣста, продавалъ на гостиномъ же дворѣ. Объ этой пошлинѣ ясно сказано въ таможенной грамотѣ 1586 года: «А кто купитъ на гостиномъ дворѣ соль или рыбу, а съ гостина двора не повезетъ, а станетъ продавать на гостиныхъ дворѣхъ, и тѣмъ людемъ давати помѣстное, съ рогозины полденги, а съ бочки рыбы полденги, а съ лукна икры денга.»[13]

Далѣе Г. Осокинъ объясняетъ пошлины: *свальное, вѣсчее, контарное, подѣлнов, рукознобное, помѣрное, покорчное, пятно, писчее, розовое, привязное и узольцовое.* Объясненіе сихъ пошлинъ сдѣлано согласно съ памятниками, и Г. Осокину останутся благодарными всѣ, которымъ понадобится справляться съ его книгою при чтеніи подлинныхъ древнихъ памятниковъ старой Русской администраціи; они у него найдутъ удовлетворительное опредѣленіе всѣхъ сихъ пошлинъ.

Наконецъ Г. Осокинъ заключаетъ первую часть своего труда объясненіемъ тамги, *порядного* и *осминничаго*. При опредѣленіи тамги онъ задалъ себѣ 3 вопроса: 1-е, съ чего была взимаема тамга; 2-е, что служило масштабомъ ея разпредѣленія и какія лица подлежали ей, и 3-е, гдѣ и въ какое время она была взимаема и въ какой величинѣ. Всѣ сіи вопросы разрѣшены удовлетворительно и согласно съ источниками; отъ чего понятіе о тамгѣ получило опредѣленное и ясное значеніе. Но значеніе *порядного*

[11] ibid. N 282. [12] ibid. N 134. [13] А. А. Э. Т. I. N 331.

Digitized by Google

и осминничаго еще требуетъ многихъ объясненій; впрочемъ это вовсе не зависитъ отъ автора, ибо для сихъ двухъ пошлинъ мы еще очень мало имѣемъ указаній въ источникахъ. Въ настоящее время мы однако можемъ замѣтить автору, что онъ неправильно утверждаетъ, будто бы осминничее первоначально взималось въ одинаковомъ количествѣ съ тамгою; на это нѣтъ нигдѣ указаній въ источникахъ, ибо вездѣ или прямо говорится, что тамга гораздо менѣе осминничьего, какъ напримѣръ въ Дмитровской грамотѣ 1521 года: «тамга имати у всѣхъ у тѣхъ таможникомъ по старинѣ съ рубля по алтыну, да восминничье имати таможникомъ съ того жъ рубля по дензѣ«[14]; или тамга съ осминничимъ не отдѣляются, т. е. назначается за тамгу и осминничье нераздѣльно одна общая плата; такъ напримѣръ, въ договорной грамотѣ Московскаго Князя съ Тверскимъ, 1484 года сказано: «а тамги и восминичего отъ рубля алтынъ«[15]. Конечно, это свидѣтельство не значитъ, чтобы взималось по алтыну съ рубля и на тамгу и на осминничье; а какъ раздѣлался алтынъ между сими двумя пошлинами не видно; слѣдовательно и по свидѣтельству сей грамоты, и другихъ таковыхъ же, на которыя ссылается Г. Осокинъ; нельзя еще заключать, чтобы тамга и осминничье взимались въ одинаковомъ количествѣ, особенно когда другія грамоты, подобно выше приведенной 1521 года, всѣ единогласно утверждаютъ, что осминничье было гораздо меньше тамги.

Вторая часть книги Г. Осокина составляетъ подробное объясненіе и исторію преобразованія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ съ изданія торговаго устава, изданнаго Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, до уничтоженія сихъ пошлинъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Здѣсь авторъ, слѣдуя торговому уставу и другимъ узаконеніямъ, изданнымъ послѣ устава, старался опредѣлить и объяснить, какъ измѣнялись прежнія внутреннія таможенныя пошлины, или какія новыя пошлины замѣнили прежнія; и ссылаясь на торговый уставъ, говоритъ, что прежнія проѣзжія пошлины, мытъ, посаженное, полозовое и др. были замѣнены торговою рублевою пошлиною, взиманіе которой должно происхо-

[14] А. А Э. Т. I N 170 [15] Соб. Г. Г. и Д. Т. I. 120.

Digitized by Google

дить при самой продажѣ товаровъ. Впрочемъ въ эту пошлину не вошли мостовщина и перевозы, которые остались на прежнихъ основаніяхъ; только ограничено своеволіе при сборѣ сихъ пошлинъ частными лицами, и назначена такса, по чемъ брать съ возовъ на большихъ и на малыхъ рѣкахъ. Собственно торговыя пошлины, тамга, замытъ, гостиное, поворотное и другія также замѣнены рублевою пошлиною, которая съ 1653 года состояла изъ 10 денегъ съ рубля продажной цѣны всякихъ товаровъ, со всѣхъ торговыхъ людей, какъ съ мѣстныхъ жителей, такъ и съ иногородцевъ; а съ денегъ, привезенныхъ на покупку товаровъ по 5 денегъ съ рубля; въ эту пошлину не вошли однако вѣсчее, пятно и анбарщина, которыя и по изданіи торговаго устава остались отдѣльными пошлинами; только вѣсчее получило названіе перекупной, и существенно измѣнилось тѣмъ, что она прежде одинаково падала на продавца и покупателя; сдѣлавшись же перекупной пошлиной, она была взимаема только съ покупателя, и притомъ покупавшаго для перепродажи.

Чтобы познакомить читателей Москвитянина съ образомъ изложенія Г. Осокина, мы выписываемъ здѣсь какъ онъ говоритъ объ уничтоженіи внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ:

«Въ половинѣ XVIII столѣтія всѣ внутреннія таможенныя пошлины, какъ проѣзжія, такъ и торговыя, были уничтожены, за исключеніемъ пятенной пошлины. Важнѣйшее финансовое преобразованіе произведено въ Россіи самимъ Правительствомъ, безъ всякаго смятенія. Мысль и планъ уничтоженія внутреннихъ таможенъ принадлежатъ Графу Шувалову и составляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, самую блестящую его заслугу, которая одна въ состояніи увѣковѣчить въ памяти народной имя этого государственнаго мужа. Въ таможенныхъ сборахъ Шуваловъ находилъ источникъ безчисленныхъ бѣдствій народа, недостаточно вознаграждаемыхъ доходомъ, отъ пошлинъ получаемымъ. Не столько самыя пошлины были обременительны для народа, сколько были тягостны формальности, которымъ подвергались торговые люди при явкѣ и записке товаровъ, волокиты и остановки въ промыслахъ, лишніе сборы и прижимки казенныхъ сборщиковъ и откупщиковъ. Несправедливости и злоупотребленія тѣхъ и другихъ породили множество слѣдственныхъ дѣлъ, которыми наполнены были судебныя мѣста. Особенно пагубно было дѣйствіе таможен-

Digitized by Google

ныхъ сборовъ на мелкихъ продавцевъ, крестьянъ, торгующихъ своими издѣліями. Всякій товаръ, цѣною выше двухъ гривенъ, былъ записываемъ въ таможню. Происходила остановка въ продажѣ, потому что продавцевъ такихъ товаровъ было множество. Затруднительность разсчета пошлинъ съ мелочныхъ товаровъ, меньшихъ цѣною рубля, была причиною, что сборщики брали лишнія деньги, вдвое и втрое противъ надлежащей пошлины, а, въ случаѣ отказа въ платежѣ, отбирали у крестьянъ платье. Крестьянинъ, продавши дрова въ городѣ или сѣно, привозилъ домой не всегда даже половину полученныхъ денегъ, потому что, кромѣ рублевой пошлины, платилъ на дорогѣ во многихъ мѣстахъ мостовщину и перевозныя деньги, хотя бы и объѣзжалъ мосты и перевозы.

«Планъ Шувалова состоялъ въ томъ, чтобъ доходъ, дотолѣ получаемый отъ внутреннихъ таможенъ, собирать другимъ способомъ, подающимъ менѣе повода къ злоупотребленіямъ и менѣе обременительнымъ для народа. Онъ нашелъ этотъ способъ въ собираніи внутренней таможенной пошлины вмѣстѣ съ портовою при ввозѣ и вывозѣ товаровъ. По вычисленію Шувалова, Правительство получало, по сложности пати лѣтъ, разныхъ внутреннихъ сборовъ 903,537 руб. 32½ коп.; въ привозѣ и отвозѣ находилось товаровъ, по вѣдомостямъ разныхъ лѣтъ, ежегодно на сумму 8,911,981 руб. Разлагая предыдущую сумму на привозный и отвозный товаръ, приходилось брать съ него по 10 коп. съ рубля, чтобъ вознаградить отмѣну внутреннихъ сборовъ. Но какъ привозъ и отвозъ товаровъ не всегда могъ быть одинаковъ, то для предупрежденія недоборовъ, Шуваловъ предполагалъ брать по 13 коп. внутренней пошлины въ пограничныхъ городахъ вмѣстѣ съ внѣшними таможенными сборами. Планъ Шувалова былъ утвержденъ Императрицею Елисаветою 20-го Декабря 1753 года, и приведенъ въ дѣйствіе съ 1-го Апрѣля 1754 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ были уничтожены оставшіяся изъ торговыхъ пошлинъ рублевая перекупная, а изъ проѣзжихъ мостовщина и перевозы. Осталась только пятенная пошлина, отмѣненная при Екатеринѣ II, въ 1777 году. Указомъ 1754 г. Января 5-го повелѣно было отдавать мосты и перевозы желающимъ въ вольное всегдашнее содержаніе, съ ежегодною выдачею имъ суммъ, шедшихъ на мосты и перевозы по прежнимъ окладамъ. Содержателямъ было поставлено къ обязанность заботиться объ исправности мостовъ и перевозовъ, пропускать проѣзжихъ безъ всякаго задержанія и не требовать съ нихъ никакихъ пошлинъ. Въ 1754 году были уничтожены такъ же индукта и ввекта. Положено было собирать въ Малороссіи, какъ и въ Великой Россіи, вмѣсто внутренней пошлины, по 13 коп. съ рубля, въ пограничныхъ таможняхъ Турецкой и Польской. При изданіи новаго тарифа въ 1757 году

Digitized by Google

Апрѣля 29-го, подтверждено было уничтоженіе всѣхъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. Внутренняя пошлина, собираемая въ торговыхъ и пограничныхъ городахъ, слилась съ внѣшнею пошлиною. Остались однѣ внѣшнія таможни и внѣшнія таможенныя пошлины. Такъ исчезла въ Россіи сложная, запутанная система, существовавшая въ теченіе вѣковъ. При успѣхахъ гражданскаго образованія въ Россіи и уясненіи началъ государственнаго и народнаго богатства, она оказалась несогласною съ установившимся новымъ порядкомъ вещей и должна была уступить мѣсто лучшему финансовому устройству.» *И. Б.*

Приложимъ оглавленіе книги: Введеніе. Часть 1-я. О внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ до половины 17-го столѣтія. А. Проѣзжія пошлины. 1. Мытъ. 2. Головщина. 3. Задніе колачи. 4. Костки. 5. Мостовщина и 6, перевозы. Б. Торговыя таможенныя пошлины. 1. Замытъ или замытная пошлина. 2. Явка, или явленое. 3. Гостиное, 4, анбарное, 5, полавочное, и 6, поворотная, или подворная пошлина, 7. Свальное. 8. Вѣсчее (пудовое) и 9, контарное. 10. Подъемная и 11, рукознобная пошлины. 12. Помѣрное и 13, покоречное. 14. Пятно, 15, писчее и 16, сродныя имъ пошлины. 17. Роговое и 18, привязная пошлина. 16. Узолцовое, или поузолщина. 20. Тамга. 21. Порядное. 22. Осминничье. Часть II-я. О внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ съ половины 17-го до половины 18-го столѣтія А. Проѣзжія таможенныя пошлины. Б. Торговыя таможенныя пошлины, В. Уничтоженіе внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ.

Дѣльный, прекрасный трудъ, который смѣло можно внести въ нашу историческую литературу.

Къ № 91. Библіотека Восточныхъ Историковъ, издаваемая И. Березинымъ, Профессоромъ Казанскаго Университета. Томъ I: Шейбаніада. Исторія Монголо-Тюрковъ на Джагатайскомъ діалектѣ, съ переводомъ, примѣчаніями и приложеніями, изданная И. Березинымъ. Казань. 1849 (218 стр. Русскаго и 100 Тюркскаго текста въ 8 д. л.)

Россія, сравнительно съ другими Европейскими государствами, весьма небогата числомъ оріенталистовъ, какъ дѣйствующихъ на ученомъ поприщѣ, такъ и зарывающихъ талантъ свой: первыхъ, по всѣмъ отраслямъ Востоковѣ-

Digitized by Google

дѣнія наберется не болѣе какъ человѣкъ до тридцати*; послѣдніе тоже не многочисленны. Этого мало для Имперіи, заключающей въ себѣ Кавказъ, Закавказье, Сибирь, Киргизскія степи и, кромѣ того — нѣсколько Европейскихъ губерній съ Татарскимъ и Монгольскимъ народонаселеніемъ; для Имперіи, тысячеверстными линіями соприкасающейся Китаю и Монголіи, Бухарскимъ и Хивинскимъ владѣніямъ, Персіи и Турціи! Тогда какъ въ Германіи, не имѣющей никакихъ политическихъ связей съ Востокомъ, однихъ Арабистовъ или Санскритистовъ можно насчитать вдвое болѣе. Объ Англіи и Франціи нечего уже и говорить.

Но за то, къ дѣйствующимъ оріенталистамъ Русскимъ можно, по всей справедливости, приложить пословицу: «малъ золотникъ да дорогъ». Половина изъ нихъ суть звѣзды первой величины въ своей сферѣ. Именами Бичурина, Броссе, Казембека, Ковалевскаго, Сенковскаго, Френа, Россія

---

* Изъ занимающихся Мусульманскою Азіею: Гг. *Березинъ* (Професс. Казанск. Унив.), *Дорнъ* (Академикъ), *Ивановъ* (бывшій учитель въ Оренб. Неплюевскомъ училищѣ), *Казембекъ* (Професс. С.-Пет. Универс.), *Саблуковъ* (Професс. Саратов. Семинаріи), *Савельевъ* (Секретарь С.-Петерб. Археолог. Общества), *Сенковскій* (бывшій Професс. С.-Петерб. Университета), *Френъ* (Академикъ), *Ханыковъ* (Чиновн. по особ. поруч. при Кавказскомъ Намѣстникѣ), *Холмогоровъ* (Учитель въ Казанск. Гимназіи); разработывающіе Христіанскую Азію и языки Кавказскіе: *Броссе* (Академикъ), *Люлье* (Чиновникъ Министр. Иностр. Дѣлъ), *Назаріанцъ* (Професс. Лазар. Института Вост. Языковъ), *Чубиновъ* (Лекторъ въ С.-Петерб. Универс.), *Шегренъ* (Академикъ); Китаисты: Отецъ *Іакинѳъ Бичуринъ* (монахъ), отецъ *Аввакумъ Честный* (Архимандритъ), *Леонтьевскій* (Переводчикъ при Азіатскомъ Департаментѣ); Монголологи: *Банзаровъ* (Чиновникъ особ. поруч. при Генералъ-Губернаторѣ Восточной Сибири), *Бобровниковъ* (Профессоръ Казанской Духовной Академіи), *Ковалевскій* (Професс. Казанскаго Универс.), *Поповъ* (то же); Санскритисты: *Бетлингъ* (Академикъ), *Коссовичъ* (Библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки), *Петровъ* (Професс. Казанск. Унив.), *Шифнеръ* (Учитель въ третьей Спб. Гимназіи), *Болензенъ* (Преподаватель въ Спб. Педагогическомъ Институтѣ); занимающійся древностями и языками древней Персіи Г. *Бартоломей* (Капитанъ Гвардіи), и нѣкоторые другіе, менѣе извѣстные трудами своими.

Digitized by Google

можетъ гордиться, какъ знаменитостями Европейскими, стоящими на ряду съ именами Боповъ, Бюрнуфовъ, Вильсоновъ, Козегартеновъ, Ролинсоновъ, и т. п. О Бичуринѣ можно смѣло сказать, что онъ стоитъ во главѣ Европейскихъ Китаистовъ, какъ о Френѣ, что онъ имамъ въ дѣлѣ мусульманской нумизматики; Монгололога по плечу Г. Ковалевскому нѣтъ въ Европѣ, какъ нѣтъ въ ней и другаго такого Грузинолога, какъ Г. Броссе; и т. д. Не много появляется у насъ работъ по части оріенталиама, но за то работы эти большею частію первоклассныя, и не срамятъ себя оріенталисты наши изданіемъ такихъ пустыхъ диссертацій и дѣтскихъ текстовъ, какими на Западѣ пріобрѣтается нерѣдко ученая извѣстность, заставляющая непосвященныхъ, говоря объ авторахъ этихъ диссертацій и издателяхъ такихъ текстовъ, писать имена ихъ не иначе, какъ съ эпитетомъ «знаменитый», «многоуважаемый» и тому подобными. Ни по какой другой отрасли знаній, наука Русская не имѣетъ такой прочности и самостоятельности, какъ по части оріенталиама; даже въ области отечественной исторіи являемся мы бо́льшею частію не оригинальными дѣятелями, а послѣдователями тѣхъ или другихъ философскихъ и юридическимъ ученій Запада. Причиною тому—что Востокъ изучаемъ мы въ источникахъ, начиная, какъ слѣдуетъ, съ начала, тогда какъ во всемъ прочемъ, не работая надъ предметомъ исторически, спѣшимъ усвоить себѣ внѣшнимъ образомъ только послѣдніе результаты чужихъ трудовъ.

Самая сильная закваска Русскаго оріенталиама — въ Казани; потому въ Казани же обнаруживается и наибольшая ученая дѣятельность по этой части: тамъ появились всѣ превосходные труды Гг. Ковалевскаго и Казембека, и—что еще важнѣе—трудами этими и преподаваніемъ обоихъ Профессоровъ образовалась цѣлая школа молодыхъ оріенталистовъ, подающихъ самыя блистательныя надежды. Какое превосходное направленіе дано тамъ Монгольскимъ занятіямъ, можно видѣть изъ вышедшей въ концѣ прошлаго года «Калмыцкой Грамматики» Д. Бобровникова, а лучшимъ мѣриломъ процвѣтанія мусульманскаго языкоученія служатъ о-сю-пору многочисленные уже труды Г. Березина.

Digitized by Google

Воспитанникъ Казанской Гимназіи и Казанскаго Университета, Г. Березинъ, по окончаніи курса ученія со степенью магистра Восточной Словесности, отправленъ былъ въ 1842 году въ ученое путешествіе по мусульманскому Востоку, по возвращеніи изъ котораго въ 1845, назначенъ былъ вскорѣ въ тотъ же Университетъ Профессоромъ Тюркскихъ нарѣчій, или, какъ говорится по-просту, Турецкаго и Татарскаго языка. Съ тѣхъ поръ, независимо отъ ученыхъ отчетовъ о путешествіи, помѣщавшихся своевременно въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и литературныхъ отрывковъ изъ того же путешествія, явившихся въ другихъ Русскихъ журналахъ, Г. Березинъ успѣлъ напечатать слѣдующіе отдѣльные труды:

1. *Дополненія къ Тюркской Грамматикѣ Профессора Казембека. Спб. 1846 (93 стр. въ 8-ю д. л.)*
2. Recherches sur les dialectes musulmans. Première partie: Système des dialectes turcs. Casan. 1848 (95 стр. въ 8-ю д. л.)
3. *Путешествіе по Востоку: I. Путешествіе по Дагестану и Закавказью. Казань. 1849 (530 стр. въ 8-ю д. л.)*

И теперь принялся вотъ за изданіе «Библіотеки Восточныхъ Историковъ,» начавъ его съ Шейбаніады.

«Дополненія» и «Recherches,» не смотря на свой малый объемъ, составляютъ блистательныя пріобрѣтенія для науки. Для того, чтобы написать двѣ эти брошюры, надо было ознакомиться съ Тюркскими нарѣчіями изученіемъ ихъ въ мѣстахъ, куда рѣдко или и совсѣмъ не проникали оріенталисты, и гдѣ Г. Березинъ первый пожалъ обильную лингвистическую жатву; сверхъ того, надо было обладать знаніемъ письменной литературы этихъ нарѣчій, заключающейся въ рукописяхъ, доступныхъ изучающему предметъ въ Парижѣ или Лондонѣ еще труднѣе, чѣмъ самыя мѣстности, гдѣ говорятъ помянутыми нарѣчіями. Одна мысль прибавить что-либо къ работѣ такого мастера, каковъ Казембекъ, ручается уже за необыкновенную основательность и обширность свѣдѣній Г. Березина въ Тюркскихъ нарѣчіяхъ. Относительно же «Recherches» можно пожалѣть только, что рѣшившись писать по-Французски, Русскій ученый не обратилъ на отдѣлку формы труда своего

Digitized by Google

такого вниманія, какое требуется отъ человѣка, пишущаго на языкѣ націи, самой щекотливой на-счетъ этой статьи. Г. Березинъ видимо поторопился издать этотъ трудъ, и оттого вышелъ онъ изъ его рукъ далеко не столь совершеннымъ, какимъ бы мы желали его видѣть, какимъ при меньшей поспѣшности, явился бы онъ несомнѣнно.

Въ «Путешествіи по Дагестану и Закавказью», составляющемупервый томъ описанія странствованій и изслѣдованій Г. Березина на Мусульманскомъ Востокѣ, впалъ онъ, напротивъ, въ другую крайность—въ стремленіе придать книгѣ ученаго и дѣльнаго содержанія легкость путевыхъ замѣтокъ какого-нибудь туриста; стремленіе, которое вовсе не удалось автору, потому что шутить и острить легко и пріятно дается не всякому, кто захочетъ. Желаемъ, для пользы самого Г. Березина и его читателей, чтобы въ описаніи слѣдующихъ отдѣловъ своего путешествія онъ ограничился истинною своею ролью — поученіемъ—рѣшился на изложеніе болѣе сообразное съ достоинствомъ его труда. Намъ кажется, что въ черезъ-чуръ шутливый тонъ рѣчи, при описаніи путешествій своего, вовлеченъ былъ Г. Березинъ примѣромъ автора «Поѣздки въ Константинополь,» небольшой статейки, напечатанной, лѣтъ десять тому, въ «Одесскомъ Альманахѣ.» Но что идетъ къ лицу легонькой статейкѣ безъ притязаній на ученость и основательность, то же самое обезображиваетъ превосходный солидный трудъ, какимъ, отложивъ въ сторону приторное и натянутое любезничанье автора, является его Путешествіе по Дагестану, обильное любопытными фактами, свѣжими изслѣдованіями и увѣсистыми цитатами и приложеніями, свидѣтельствующими объ обширной географической и исторической начитанности автора.

Обращаемся теперь къ Библіотекѣ Восточныхъ Историковъ, за изданіе которой принялся Г. Березинъ, не окончивъ ни Recherches, ни описанія путешествій своихъ. Это, впрочемъ, не вредитъ ничему, и показываетъ только разнообразіе дѣятельности молодаго Профессора. «Не желая оставаться дѣятелемъ совершенно чуждымъ Русской Исторіи—говоритъ нашъ оріенталистъ въ предисловіи къ «Биб-

Digitized by Google

ліотекѣ — и сознавая въ то же время слабость силъ моихъ и ограниченность средствъ, я рѣшился приступить къ собиранію и обнародованію въ подлинникѣ и переводѣ сказаній восточныхъ писателей о Монголахъ, а также о Тюркскихъ и другихъ племенахъ, обитавшихъ въ первобытной Россіи, пополняя эти извѣстія извлеченіями изъ географовъ мусульманскихъ.» Въ слѣдствіе этого, издавъ теперь «Шейбаніаду,» въ слѣдующихъ выпускахъ «Библіотеки,» Г. Березинъ намѣревается помѣстить:

1. Сокращенный переводъ Татарской рукописи «*Изложеніе Болгарскихъ повѣствованій*», сочиненіе Шерефъ-Эд-Дина бенъ Хюсамъ-Эд-Дина Болгарскаго, съ примѣчаніями, мемуаромъ о Болгарахъ, Болгарскими надписями и небольшимъ отрывкомъ Татарскаго текста подлинника.

2. Текстъ и переводъ Татарской рукописи «*Собраніе хроникъ*,» принадлежащей Библіотекѣ Казанскаго Университета, съ примѣчаніями и географическими приложеніями.

3. Переводъ Исторіи Абуль-Гази, съ варіантами изъ рукописи Азіатскаго Музея С.-Петербургской Академіи Наукъ, съ примѣчаніями и географическими приложеніями.

4. Переводъ Исторіи Монголовъ Бенакети, по рукописямъ Азіатскаго Музея С.-Петербургской Академіи Наукъ и Библіотеки Казанскаго Университета, тоже съ примѣчаніями и географическими приложеніями.

Намѣреніе Г. Березина издавать въ текстахъ и переводахъ, съ приложеніями и объясненіями, мусульманскихъ писателей о Монголахъ, Тюркахъ и другихъ племенахъ, обитавшихъ или обитающихъ въ Россіи, какъ матеріялъ для поясненія Монгольскаго періода нашей исторіи,—намѣреніе превосходное, заслуживающее полнаго сочувствія и благодарности, тѣмъ болѣе, что едва ли у какого другаго оріенталиста въ Россіи стало бы рѣшимости взяться за это предпріятіе. Но выборъ предполагаемыхъ къ изданію матеріяловъ кажется намъ вовсе не совсѣмъ удачен.

Правда, мы не имѣемъ опредѣленнаго понятія о содержаніи и достоинствѣ «Изложенія Болгарскихъ повѣствованій», равно какъ и о «Собраніи хроникъ» неизвѣстнаго Татарскаго писателя: можетъ быть, и то и другое сочиненіе заключаютъ въ себѣ много новыхъ и достовѣрныхъ

Digitized by Google

историческихъ фактовъ (въ чемъ, впрочемъ, мы крѣпко сомнѣваемся, и по причинамъ достаточнымъ); но за то знаемъ что̀ такое «Исторія» Абуль-Гази, Бенакети, и, благодаря Г. Березину, изданная имъ «Шейбаніада». Въ историческомъ отношеніи, по мнѣнію нашему, не стоило бы издавать ни той, ни другой, ни третьей. Если бы можно было напечатать въ Европѣ всѣ мусульманскія рукописи историческаго содержанія, каково бы ни было ихъ достоинство, тогда другое дѣло; но и тогда, полагаемъ, все бы лучше было начать съ произведеній, составляющихъ товаръ, а потомъ ужъ издавать балластъ. Но мы думаемъ, не сомнѣваясь, чтобы и Г. Березинъ былъ другаго мнѣнія — что изданіе всѣхъ мусульманскихъ рукописей историческаго содержанія дѣло невозможное, безполезное и нелѣпое. А если нельзя и не стоитъ издавать всего, такъ, естественно, слѣдуетъ печатать и переводить то, что наиболѣе заслуживаетъ вниманія. Издавать цѣликомъ Шейбаніаду и компиляторовъ, подобныхъ Абуль-Гази и Бенакети, когда остаются еще не напечатанными Рашидъ-Эд-Динъ, Вассафъ, «Введеніе» (Мукаддеме) въ Шерефъ-Эд-Динову Исторію Тамерлана (*Фетхъ-Намэи-Джегангири*) и другіе такого же достоинства историческіе писатели о Монголахъ, значитъ тоже, если еще не хуже, что печатать Гольдсмитовъ, Мильфордовъ, Ролленей, оставляя въ рукописяхъ Геродотовъ, Оукидидовъ, Павзаніевъ. Абуль-Гази, правда, пользовался большимъ уваженіемъ; но это было во время о̀но, когда не знали источниковъ, изъ которыхъ онъ скомпилировалъ свое «Тюркское Родословіе.»

На это могутъ намъ возразить, что иногда, чтобы не сидѣть сложа руки, по неволѣ приходится издавать посредственное и третьестепенное вмѣсто первокласснаго, потому что послѣдняго, по рѣдкости рукописей, нѣтъ возможности достать. Съ этимъ мы согласны совершенно; но не видимъ, чтобы въ такомъ положеніи находился издатель «Библіотеки». Изъ программы его видно, что ему доступны рукописи С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, слѣдовательно, одинаково съ Абуль-Гази и Бенакети, были бы ему доступны, напримѣръ, и Рашидъ Эд-Динъ и Шеферъ-Эд-Динъ: *Джами-утъ-Теварихъ* перваго находится

Digitized by Google

въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи подъ N 556, а *Фетхъ-Налыи-Джеганги́ри* послѣдняго — подъ 568. Мы сами пользовались ими изъ этой библіотеки.

Не одобряя вообще выборъ издаваемыхъ Г. Березинымъ сочиненій, мы, впрочемъ, ни мало не ставимъ ему этого въ вину. По всему видно, что бо́льшая часть предположенныхъ къ помѣщенію въ «Библіотекѣ» трудовъ были начаты, или уже и изготовлены переводчиками, за неимѣніемъ подъ руками ничего лучшаго, прежде чѣмъ родилась у почтеннаго Профессора благая мысль объ изданіи Монголо-Тюркскихъ историковъ: чтобы труды эти не пропали, онъ и рѣшился дать имъ мѣсто въ своей «Библіотекѣ»; а тамъ, со временемъ, выкупитъ это неказистое начало изданіемъ писателей достойнѣйшихъ. Если предположеніе наше основательно, то для того, чтобы не вводить добрыхъ людей въ заблужденіе, не худо было бы упомянуть въ предисловіи, по какимъ причинамъ издается то, а не другое.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о Шейбаніадѣ въ особенности. До изданія этого произведенія Г. Березинымъ, оно было совершено неизвѣстно. Единственная рукопись, принадлежавшая прежде Г. Казем-Беку, находится нынѣ въ Азіатскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ. Писано оно на Джагатайскомъ нарѣчіи. Имя автора неизвѣстно. Казем-Бекъ почитаетъ эту исторію произведеніемъ знаменитаго Джагатайскаго писателя Миръ-Али-Шира. Г. Березинъ другаго мнѣнія, и доказываетъ весьма основательно, что это работа неизвѣстнаго Джагатайскаго писаки, жившаго не позже первой половины XVI столѣтія, произведенная на свѣтъ, повидимому, въ Бухарѣ, между 1510 и 1530 годами. Относительно содержанія и слога Шейбаніады, или собственно—Шейбани-Намэ, Г. Березинъ выражается, весьма справедливо, слѣдующимъ образомъ; положенія издателя, несогласныя съ нашимъ мнѣніемъ, печатаемъ мы курсивомъ:

«Авторъ дѣлитъ свою книгу на два отдѣленія: въ первомъ разсказывается коротко исторія Монгольскихъ и Тюркскихъ племенъ *сообразно съ мусульманскимъ преданіемъ* отъ Ноя до вступленія на императорство Чингизъ-Хана. Это отдѣленіе мо-

Digitized by Google

гло бы быть весьма интереснымъ, если бы авторъ имѣлъ подъ рукою *источники кромѣ Рашидъ-Эд-Диновой исторіи*, къ которой онъ часто отсылаетъ читателя, и еслибъ, даже при одной этой исторіи, съ умѣньемъ исполнилъ выборъ фактовъ. Только по тому обстоятельству, что составленная Рашидъ-Эд-Диномъ исторія древнихъ Тюркскихъ и Монгольскихъ племенъ донынѣ не издана, трудъ нашего автора имѣетъ значеніе для Средне-Азійской исторіи, значеніе, усиливаемое сомнительностью чтенія собственныхъ именъ у мусульманскихъ историковъ, для котораго настоящее сочиненіе представляетъ нѣсколько измѣненій, хотя иногда и неудачныхъ: напримѣръ Дибъ-Наккуй вмѣсто Дибъ-Баккуй, и другія. Но мы не можемъ не упрекнуть автора въ его наклонности къ сказочнымъ повѣствованіямъ о подвигахъ древнихъ героевъ, которымъ онъ, по особенной любви, посвящаетъ болѣе времени и труда, нежели важнымъ историческимъ событіямъ: такъ Чингизъ-Ханъ представляется у него не могущественнымъ монархомъ, завоевателемъ и законодателемъ, а какимъ-то искателемъ приключеній. Не смотря на этотъ упрекъ и на огромные пропуски въ упоминаніи Тюркскихъ и Монгольскихъ племенъ, я не могу считать лишеннымъ интереса первое отдѣленіе, и съ своей стороны старался придать ему занимательности примѣчаніями филологическими и другими.

«Второе отдѣленіе содержитъ въ себѣ неполныя историческія извѣстія о племени Гконгиратъ, состоявшемъ въ родствѣ по женской линіи съ многими Монгольскими Ханами. Устремивъ свое вниманіе преимущественно на это родство, авторъ весьма немного говоритъ о другихъ племенахъ, о Чингизъ-Ханѣ, его сыновьяхъ, но болѣе о Гконгиратскихъ Бекахъ, даетъ родословную Абуль-Хаиръ Хана и его наслѣдниковъ, и оканчиваетъ это отдѣленіе семью благочестивыми Сюльтанами. Это отдѣленіе изложено еще съ большею непослѣдовательностію, нежели предъидущее, но оно даетъ возможность пополнить и исправить родословіе Бухарскихъ Хановъ, изложенное у Абуль-Гази и Мухаммедъ Юсуфъ Эль-Мунши. Генеалогія потомковъ Абуль Хаира Хана доведена авторомъ до пятаго колѣна, т. е. до средины XVI столѣтія. Въ изложеніи родства Гконгиратскихъ Бековъ, авторъ слѣдовалъ опять Рашидъ-Эд-Дину, который, по извѣстію Г. Гаммера (Wien. Iahrbücher, 1837, B. LXXVII, 21), распространяется очень подробно объ этомъ племени.

«Собственно этимъ отдѣленіемъ и должно бы оканчиваться сочиненіе, но авторъ снова принимается за разсказъ и излагаетъ довольно подробно исторію междоусобій по смерти Абуль-Хаиръ Хана и походы Мухаммедъ Шейбани Хана, внука Абуль-Хаирова, заключая это повѣствованіе смертію Шейбани Хана въ битвѣ съ Персидскимъ Шахомъ Исмаиломъ, что случилось

Digitized by Google

въ 1510 году по Р. Х. Здѣсь авторъ объявляетъ титулъ своей книги — «Шейбани-Намэ», Шейбаніада; но ничего не говоритъ ни о себѣ, ни о времени появленія въ свѣтъ труда своего. Послѣ этого заключенія находимъ опять генеалогію потомковъ Абулъ-Ххаиръ Хана, въ частностяхъ нѣсколько отличную отъ прежней, но почти столь же подробную.

«Простота и непослѣдовательность изложенія заставляютъ думать, что авторъ Шейбаніады былъ не очень опытенъ въ литературномъ дѣлѣ, и едва ли что-нибудь писалъ кромѣ настоящаго сочиненія. Въ первомъ и второмъ отдѣленіи онъ довольствовался *буквальнымъ переводомъ Рашидъ-Эд-диновой исторіи Монголо-Тюркскихъ племенъ*, выбирая мѣста, не тѣ, которыя выбралъ бы опытный писатель и строгій критикъ, а тѣ, которыя пришлись болѣе по необразованному вкусу нашего автора: такимъ образомъ историческимъ важнымъ фактамъ онъ предпочиталъ баснословныя сказанія, а также весьма ему нравятся производства именъ дѣйствующихъ лицъ изъ Монгольскаго языка. Въ полной Рашидъ-Эд-диновой исторіи все это было кстати, но въ epitome Монголо-Тюркской исторіи такая многословность совершенно неумѣстна. Не смотря на всѣ эти недостатки, первое и второе отдѣленіе Шейбаніады, я думаю, не будутъ лишними *даже и по изданіи въ свѣтъ Рашидъ-Эд-диновой хроники*: изъ моихъ примѣчаній видно будетъ, какъ *иногда* Шейбаніада удовлетворительно возстановляетъ ошибочный текстъ Рашидъ-Эдиновой рукописи одного изъ Русскихъ оріенталистовъ. — Въ третьемъ отдѣленіи авторъ очень сухъ въ своемъ повѣствованіи, такъ что вниманіе читателя не можетъ быть не утомлено отрывистыми извѣстіями о походахъ Шейбани Хана и реестрами собственныхъ именъ: географія Тюркестана не выигрываетъ ничего отъ этого запутаннаго и темнаго изложенія, а *исторія теряетъ весьма много.*»

Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ въ мірѣ издатели чужихъ сочиненій, большее или меньшее пристрастіе къ издаваемому тексту было всегдашнею отличительною чертою издателей. Г. Березинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изъ нихъ, которые наименѣе страдали этою весьма почтенною, безвредною и простительною слабостію. Даже изъ собственнаго его отзыва видно, что Шейбани-Намэ есть одна изъ тѣхъ безтолковыхъ и полуграмотныхъ компиляцій, какими являются вообще историческія произведенія Татаръ и многіе историческіе сборники Персіанъ, украшающіеся у Европейцевъ титуломъ «исторій.» Но потому-то именно и непонятно, какъ могъ сказать онъ, что первое и второе

Digitized by Google

отдѣленіе Шейбани-Намэ не будутъ лишними даже и послѣ изданія въ свѣтъ Рашидъ Эд-Диновой исторіи Монголо-Тюркскихъ народовъ! Если при помощи Шейбани-Намэ, удалось Г. Березину, въ одномъ или двухъ случаяхъ, поправить ошибочное чтеніе одного изъ экземпляровъ Рашидъ-Эд-Динова труда, такъ это нисколько не доказываетъ историческаго достоинства Джагатайской компиляціи, кромѣ вздору нѣтъ въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ ея, за исключеніемъ родословной Абуль-Хаира и его преемниковъ, ни одного факта, котораго бы не нашлось у Рашидъ-Эд-Дина. Рашидъ-Эд-Диново *Джами-Эт-Теварихъ*—есть единственный чистый мусульманскій источникъ для древнѣйшей исторіи Монгольскихъ и Тюркскихъ народовъ въ предѣлахъ Средней Азіи. Потому, авторъ Шейбани-Намэ, если бы и хотѣлъ не могъ имѣть другихъ источниковъ для той части компиляціи своей, которая касается временъ до-Чингисовскихъ. То, что онъ имѣлъ и могъ имѣть, какъ сочиненія Мирхонда, Хондемира, Шерефъ-Эд-Дина, Бенакети и другихъ, не заключаютъ въ себѣ, въ отношеніи къ этимъ временамъ, (за исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о независимомъ Китайскомъ Тюркестанѣ), также ничего дѣльнаго, чего бы авторы ихъ не заимствовали у Рашидъ-Эд-Дина; все остальное, что находится у нихъ, какъ и въ Шейбани-Намэ, объ этомъ до-Чингисовскомъ періодѣ Средне-Азійской исторіи—есть чистѣйшая ералашь: сплетеніе Еврейскихъ преданій съ вымыслами собственной изобрѣтательности; ибо особаго мусульманскаго преданія о происхожденіи и развѣтвленіяхъ Средне-Азійскихъ народовъ нѣтъ никакого. Въ случаѣ надобности мы готовы доказывать подробно это положеніе, и можемъ указать даже, у какого писателя, и въ слѣдствіе какихъ обстоятельствъ, явилось впервые сплетеніе, которое Г. Березинъ называетъ «мусульманскимъ преданіемъ» о Монголо-Тюркскихъ родахъ и народахъ. Того, что находимъ въ Шейбани-Намэ о части этого quasi мусульманскаго преданія, у Рашидъ-Эд-Дина нѣтъ и въ поминѣ: стало быть, во всякомъ случаѣ, у автора этой компиляціи имѣлись подъ рукою и другія книги, кромѣ Рашидъ-Эд-Диновой, въ противность мнѣнію Г. Березина. Такимъ же образомъ, въ прямой противоположности съ достойнымъ ученымъ нашимъ, думаемъ мы, что если и въ Шейбани-

Digitized by Google

Нама есть что-либо своеобразнаго, ей исключительно принадлежащаго, чѣмъ обогащаетъ она запасъ историческихъ свѣдѣній нашихъ о Средней Азіи, что бы собственно, въ историческомъ отношеніи, и заслуживало въ ней быть изданнымъ, — такъ это третье ея отдѣленіе—о родословіи и дѣлахъ Абуль-Ххаирова потомства. Точно такъ же, по мнѣнію нашему, и у Абуль-Гази достойна изданія, какъ трудъ оригинальный, какъ источникъ, только послѣдняя треть его Тюркскаго Родословія, въ которой идетъ рѣчь о потомствѣ Джучи-Хана и преимущественно о властителяхъ Хивинскихъ; двѣ же первыя трети, заключающія въ себѣ древнѣйшую исторію Монголо-Тюркскихъ народовъ и событія временъ Чингиса, не имѣютъ никакого историческаго значенія. Да и о потомствѣ Джучи до временъ Тамерлана, все, что есть у Абуль-Гази въ сокращеніи, заимствовано имъ, безъ сомнѣнія, изъ пространнѣйшаго труда Улугъ-Бека: «*Тарихи-Чегарѣ-Улусѣ*», котораго, къ сожалѣнію, не имѣется доселѣ въ Европѣ ни одного экземпляра

Далѣе, говоря вообще объ издаваемой имъ «Библіотекѣ» Г. Березинъ прибавляетъ, что онъ нисколько не опасается за ея будущность, потому, между прочимъ, что Тюркскіе тексты печатаемыхъ имъ историковъ могутъ служить хрестоматіей для занимающихся изученіемъ Тюркскихъ нарѣчій. Это—другое дѣло: тутъ взглядъ нашъ на выборъ матеріаловъ для «Библіотеки» измѣняется совершенно, и мы находимъ, что издатель ея поступитъ превосходно, печатая цѣликомъ дрянныхъ Тюркскихъ компиляторовъ. Тюркскіе языки и нарѣчія, за исключеніемъ одного Оттоманскаго, обладающаго огромнымъ числомъ историческихъ, поэтическихъ и другихъ произведеній, имѣютъ вообще самую бѣдную литературу; да и изъ этого бѣднаго запаса напечатано доселѣ всего четыре, пять текстовъ. Если кому изъ Европейскихъ народовъ разработывать на пользу общую языки и литературы Тюркскіе, такъ безъ сомнѣнія намъ, Русскимъ: половина народовъ этого племени суть подданные Царя Русскаго, остальные живутъ съ нами бокъ-о-бокъ. Между тѣмъ доселѣ не обращаемо было на этотъ предметъ такого вниманія, какой заслуживаетъ онъ съ нашей стороны, хотя все, что сдѣлано въ Европѣ для облегченія средствъ къ изученію этихъ нарѣчій, сдѣлано почти исключительно

Digitized by Google

у насъ на Руси. Г. Березинъ является первымъ ревностнымъ дѣятелемъ на этомъ поприщѣ, и мы не знаемъ, какъ благодарить его за такое самоотверженіе; именно самоотверженіе, потому что предметъ самъ по себѣ не представляетъ ничего особенно занимательнаго, и ученый Профессоръ, съ его знаніемъ другихъ восточныхъ языковъ, могъ бы легко найдти пріятнѣйшую пищу своей дѣятельности.

Впрочемъ, если бы издаваемые Г. Березинымъ тексты не могли служить даже и хрестоматіями, для успѣха «Библіотеки» достаточно было бы однихъ филологическихъ примѣчаній, къ которымъ тексты эти могутъ подать ему поводъ, лишь бы примѣчанія эти постоянно отличались тою свѣжестію и сочностію труда, какія нашли мы въ комментаріѣ его на Шейбани-Намэ. Тутъ на каждой страницѣ встрѣчается что-нибудь новое и дѣльное; то объясняетъ Г. Березинъ происхожденіе и различныя значенія Тюркскихъ словъ сбивчиваго употребленія, то возстановляетъ сомнительное чтеніе собственныхъ именъ, то разоблачаетъ сущность того или другаго миѳическаго сказанія, и все это съ такимъ вѣрнымъ филологическимъ тактомъ, такою основательностію и разнообразіемъ знанія, такимъ приличіемъ въ отношеніи къ другимъ ученымъ противнаго мнѣнія, что примѣчанія его къ Щейбани-Намэ могутъ, по достоинству своему, стать совершенно рядомъ съ примѣчаніями Катрмера къ издаваемой симъ послѣднимъ Исторіи Персидскихъ Монголовъ Рашидъ-эд-Дина: выразить лучше наше уваженіе къ ученой работѣ Г. Березина мы не умѣемъ, потому что почитаемъ Катрмера первымъ между современными оріенталистами. Желательно только, что бъ эти достоинства, въ особенности послѣднее, то есть уваженіе къ чужимъ трудамъ, остались навсегда отличительными качествами ученыхъ работъ Г. Березина.

Въ приложеніяхъ къ переводу Шейбани-Намэ помѣщены: 1) статья о Мавераннагрѣ, переведенная издателемъ изъ *Джиганъ-Нюма* Кятиба Челеби, и четыре коротенькихъ мемуара молодаго Монголога нашего и природнаго Бурята Г. Дорджи Банзарова, именно: 2) о происхожденіи имени Монголъ; 3) о происхожденіи слова Чингисъ; 4) о названіи Эргене-Хонъ, и 5) объ Ойратахъ и Уйгурахъ. *Джиганъ-*

Digitized by Google

Нюма слишкомъ извѣстна, чтобы говорить объ ней. Что касается до замѣтокъ ученаго и даровитаго Монгололога нашего, то: a) имя *Монголъ* производитъ онъ отъ горы *Монъ* въ южной Монголіи, на сѣверномъ берегу Желтой рѣки, противъ области Ордосъ, гдѣ поколѣніе, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ этимъ именемъ, кочевало въ первой половинѣ IX столѣтія; b) объ имени *Чингисъ* думаетъ, что это древній Гуннскій титулъ *Ченъ-ю*, равный Китайскому *Хуанъ-ди*, возстановленный только Темучиномъ; c) знаменитая въ преданіяхъ Монгольскихъ гора *Эргене-Хонъ*, по мнѣнію его, находилась въ цѣпи горъ, идущихъ по южной Монголіи, рядомъ съ Великою Стѣною; и d) народныя имена *Ойратъ* и *Уйгуръ* производитъ онъ отъ словъ *ой-аратъ* и *ой-гуръ*, которыя оба значатъ одинаково «лѣсной народъ», подтверждая это производство сказаніями Рашидъ-Эд-Дина. Всѣ четыре мемуара весьма замѣчательны, обнаруживая въ молодомъ ученомъ большую сообразительность и мѣткость взгляда: всѣ вопросы, упражнявшіе до него проницательность многихъ заслуженныхъ оріенталистовъ, рѣшены имъ удовлетворительнѣе, чѣмъ всѣми его предшественниками. Если Г. Банзаровъ и впредь не откажется украшать «Библіотеку» такими мемуарами, то скоро древняя исторія Средней Азіи явится совершенно въ иномъ видѣ. Кого же впрочемъ, какъ не Русскихъ и ждало это поприще?

Въ заключеніе о самомъ переводѣ Шейбани-Намэ должно сказать, что онъ вѣрнѣйшій портретъ подлинника: ближе переводить не возможно, а изящнѣе не стоитъ и не должно. Не нравится намъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ система, принятая Г. Березинымъ для Русской транскрипціи Тюркскихъ буквъ: воля ваша, а странно видѣть посереди Русскихъ буквъ Латинское *H* (h) и не читать его за Русскій *н;* странно видѣть какъ Тюркскій *кафъ* передается буквами *ек*, или *хан-мен-кутэ* — двумя *х* сряду, напримѣръ въ словахъ *Бухара*, *Хаиръ*, тѣмъ болѣе, что и сами вы не всегда вѣрны своей системѣ, ибо пишете же *ханъ*, а не *хханъ*, *Гконгиратъ*, а не *Гконггиратъ*, тогда какъ вмѣсто *Огуза* является у васъ *Оггузъ*, и т. д. Для незнающихъ восточныхъ языковъ всѣ эти тонкости безполезны, а для знающихъ—тоже безполезны. Впрочемъ, *Аллагу ааламу*. «Господу лучше извѣстно!» *В. Григорьевъ.*

Digitized by Google

179. Исторія Юго-западной Руси отъ ея начала до половины XIV-го вѣка. Москва. 1850. Стр. 220 въ 8 д. (Отвѣтъ на рецензію книги, помѣщенную въ 9-ой книжкѣ Отечественныхъ Записокъ за 1850 годъ.)*

Г. критикъ такъ начинаетъ свою статью: «Заглавіе «книги и имя автора, до сихъ поръ почти неизвѣстное, «способны возбудить сильное любопытство. Является новый «дѣлатель на полѣ Русской исторіи, и какой предметъ на- «бралъ онъ для своей начальной дѣятельности: исторія Юго- «западной Руси отъ ея начала до половины XIII-го вѣка! «Значитъ, исторія всей собственно Руси, начальной, главной «сцены Русской жизни. Между новыми изслѣдованіями не «было ни одного съ такимъ обширнымъ содержаніемъ; «сколько здѣсь любопытныхъ вопросовъ, и для рѣшенія «каждаго изъ нихъ можно написать цѣлые томы.»

Не могу не пожалѣть, что заглавіе моей книги произвело на Г. критика такое впечатлѣніе и возбудило въ немъ надежды, которыхъ чтеніе самой книги не оправдало. Сочиненіе свое я написалъ въ видѣ академической диссертаціи, и имѣлъ цѣлью разсказать въ немъ по лѣтописямъ внѣшнія событія исторіи Юго-западной Руси отъ ея начала до половины XIV вѣка, представить «монографію» по избранному мною предмету. Пусть другіе строятъ системы и сообразно съ ними разсказываютъ событія. Моимъ желаніемъ было не болѣе, какъ изложить просто, безъ притязаній на новые взгляды, событія исторіи Юго-западной Руси такъ, какъ они представляются намъ въ современныхъ источникахъ. Г. критику показалось въ моемъ предисловіи страннымъ и темнымъ то, что я обѣщаюсь въ немъ «не измѣнять фактовъ и не представлять ихъ въ иномъ видѣ.» Этими словами я хотѣлъ только сказать, что изложеніе событій въ моемъ сочиненіи будетъ чисто фактическимъ,

---

* Читатели увидятъ изъ этого отвѣта содержаніе и планъ книги, а изъ нашихъ замѣчаній подъ текстомъ и въ заключеніи, мнѣніе наше объ ней, а равно и о рецензіи; почему особая рецензія наша становится уже лишнею. *Ред.*

Digitized by Google

что я устраняю отъ себя всякую мысль излагать событія сообразно какой-либо заранѣе составленной системѣ.

«Еще страннѣе, говоритъ критикъ, показалось намъ объявленіе, что авторъ даже рѣшился въ собственныхъ именахъ городовъ, рѣкъ и лицъ удержать древнія названія. Послѣ этого для чего же авторъ не излагаетъ вообще всѣхъ событій тѣмъ древнимъ языкомъ, на которомъ написана лѣтопись?» Если я старался, по возможности, при изложеніи событій сохранить собственныя имена въ ихъ древнемъ видѣ, то потому, что большая часть ихъ были въ употребленіи только тогда, а въ послѣдствіи были забыты. Множество городовъ, тогда существовавшихъ, нынѣ исчезли; да и относительно тѣхъ, которые и нынѣ сохранились, древнее названіе сохранить не можетъ быть неумѣстнымъ уже и потому, что оно большею частью указываетъ на корень, отъ котораго оно произошло; напр. *Дебрянскъ* названъ такъ отъ *дебрей*; а въ названіи *Брянска* этотъ корень едва можно узнать*. Точно также не лучше ли употребить древнее названіе рѣки *Вепрь*, чѣмъ нынѣшнее *Вепрьжъ*?** Употребляя названія древнія, мы болѣе остаемся вѣрны исторической точности, чѣмъ измѣняя ихъ. Притомъ, давно уже въ историческихъ сочиненіяхъ принято писать: Володимиръ, Данило, Юрій, и т. д. вмѣсто Владимиръ, Даніилъ, Георгій, и т. д. Неумѣстнымъ нахожу я замѣчаніе критика, что я, если хочу остаться вѣрнымъ принятому мною относительно обственныхъ именъ правилу, долженъ буду, говоря о событіяхъ XV, XVI XVII-го вѣка, писать: Стекольный, Копнаговъ, Хибирская страна, вмѣсто: Стокгольмъ, Копенгагенъ, Ирландія. Вовсе нѣтъ. Наши предки давали своимъ собственнымъ городамъ, рѣкамъ и лицамъ имена, наиболѣе согласныя или съ своимъ языка, или съ ихъ природою; но вмѣстѣ съ тѣмъ иностранныя собственныя имена искажали до крайности.

---

* Г. Клевановъ вообще правъ, но въ старину Дебрянескъ и Брянескъ употреблялись смѣшанно. См. Кіевскую лѣтопись подъ 1146 г. *Ред.*

** Вепремъ и прежде и теперь называютъ рѣку Русскіе, а Поляки выговариваютъ Вепржъ. Это не разныя названія, а разныя произношенія одного названія. *Ред.*

Digitized by Google

Выводить же изъ того, что если я пишу: Берестій вм. Брестъ, Судомиръ вм. Сендомиржъ и т. д., то буду писать Стекольный вм. Стокгольмъ, Копнагавъ вм. Копенгагенъ, также странно, какъ если бы я, видя, что критикъ въ правописаніи собственныхъ именъ иностранныхъ принимаетъ ихъ туземное, заключилъ, что онъ и Русскія собственныя имена будетъ писать такъ, какъ ихъ пишутъ иностранцы*.

Г. критикъ говоритъ, на стр. 3: «то, что въ предисловіи казалось намъ темнымъ, теперь становится яснымъ; «авторъ принадлежитъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые «въ древней нашей исторіи ничего не видятъ кромѣ без«смысленныхъ дракъ, по выраженію Карамзина.» Авторъ спѣшитъ увѣрить почтеннаго критика, что его заключеніе немного и рѣзко и поспѣшно; не принадлежа вовсе къ упомянутымъ изслѣдователямъ,** авторъ излагалъ событія словами лѣтописи, и не его вина, если дѣйствительно, онъ вывелъ изъ нихъ то заключеніе, которое такъ не понравилось Г. критику. На стр. 5 Г. критикъ говоритъ:

«Во второй главѣ излагаются событія въ Юго-западной Руси до Увѣтичевскаго съѣзда. Здѣсь между прочимъ встрѣчаются положенія, поражающія насъ своею новостью, напр. что «полезное лучше безполезнаго». Здѣсь почтенный критикъ ссылается на стр. 26 моей книги, но тамъ сказано вовсе не то; вотъ мои слова. «Всякая полезная дѣятельность «лучше безплоднаго умозрѣнія.» Спрашиваю почтеннаго критика, для чего онъ и сказилъ мою мысль и приписалъ мнѣ свои собственныя слова?*** — Критикъ продолжаетъ: «Или что исторія Руси до конца X вѣка и исторія ея послѣ конца X вѣка тѣмъ отличаются другъ отъ друга, что въ первой безпрерывная война и во второй была безпрерывная война.» Тутъ сдѣлана ссылка на стр. 12–27 моей книги; но подобныхъ словъ въ ней нѣтъ, и я прошу Г. критика указать мнѣ именно страницу (въ вышеупомянутой ссылкѣ показано 15 страницъ, какъ будто бы на нихъ на всѣхъ

---

* Точно такъ. *Ред.*

** Которые едва ли и существуютъ. *Ред.*

*** Видно для того, что онъ самъ умозритель безплодный. *Ред.*

Digitized by Google

находится нѣсколько строкъ, приведенныхъ, или правильнѣе *сочиненныхъ* Г. критикомъ!), на которой онъ нашелъ выписанныя имъ слова. — Та критика сильно заставляетъ подозрѣвать свое безпристрастіе, которая унижается до того, что измѣняетъ слова автора, или, еще лучше, влагаетъ ему въ уста, выраженія своего изобрѣтенія.

На стр. 5 критикъ говоритъ, что авторъ, сказавъ, будто Черные Клобуки при внукахъ Владиміра *располагали* судьбою Кіевскаго престола, сказалъ этимъ слишкомъ много.* Что Черные Клобуки дѣйствительно располагали судьбою Кіевскаго престола, это видно изъ словъ Изяслава Мстиславича (Ипат. Л. стр. 55): «аже уже въ Черныи Клобуки въѣдемъ и съ ними ся скупимъ, то надѣемся на Бога, то не боимся Гюрга ни Володимира.»** Какое сильное вліяніе имѣли Черные Клобуки на ходъ событій въ Юго-западной или Кіевской Руси видно изъ того, что они въ лѣтописи упоминаются рядомъ съ Русскою землею, напр: «и плакася (Ипат. л. стр. 74) по немъ (Изяславѣ Мстиславичѣ) вся Русская земля и вси Чернiи Клобуци». Далѣе (стр. 75): «и вся Русская земля и вси Чернiи Клобуци обрадовашася, оже Ростиславъ пришелъ въ Кіевъ.» Подобныхъ мѣстъ очень много въ лѣтописи.***

На стр. 6 критикъ говоритъ, что я ошибаюсь, утверждая, что Володимирко Галицкій могъ располагать столомъ Кіевскимъ, могъ бы самъ сѣсть на немъ, но не хотѣлъ того, не любя безпокойнаго характера жителей Южной Руси****. Два раза Володимирко изгонялъ Изяслава Мстиславича изъ Кіева, своимъ могущественнымъ посредствомъ не допустилъ Юрія Владимировича подавить совершенно Изяслава, и если наконецъ долженъ былъ уступить, то передъ соединенными силами Венгровъ и Изяслава Мстиславича.— Не могу не замѣтить, что Г. критикъ поступаетъ не очень хорошо, приводя мои слова и не указывая стра-

---

* Въ этомъ случаѣ мы согласны съ рецензентомъ О. З. *Ред.*

** Это значитъ только, что Изяславъ надѣялся поправить свои дѣла съ помощію Черныхъ Клобуковъ. *Ред.*

*** И онѣ также не подтверждаютъ положенія автора. *Ред.*

**** Подобныхъ догадокъ является у насъ много. По нашему мнѣнію онѣ совершенно безполезны. *Ред.*

Digitized by Google

ницы. Мы уже выше видѣли, что онъ цитуетъ слишкомъ произвольно.

Г. критикъ говоритъ далѣе, »что всѣ странности и противорѣчія автора происходятъ отъ того, что авторъ, увлеченный внѣшнимъ взглядомъ, не хочетъ смотрѣть на явленія, какъ на слѣдствія господствующаго порядка вещей, господствующихъ понятій и отношеній, именно родовыхъ отношеній между Князьями.« Итакъ, вотъ главная причина строгаго и пристрастнаго, чтобъ не сказать болѣе, отзыва Г. критика о моемъ сочиненіи (ибо онъ на каждой стран. своего разбора называетъ мои мысли *странными*, *темными*, *поверхностными*, меня же *врагомъ заранѣе составленныхъ воззрѣній* (стр. 5, и т. д). Достаточно, чтобы историческое сочиненіе о древней Руси было написано не съ точки зрѣнія родовыхъ отношеній, чтобы подвергнуться осужденію! И такъ Г. критикъ твердо вѣруетъ, что нѣтъ истины внѣ родовыхъ отношеній!* Не вдаюсь здѣсь въ споръ съ нимъ о нихъ, а замѣчу, что я уже въ предисловіи устранилъ отъ себя всѣ системы, и обѣщалъ просто излагать событія такъ, какъ они представляются въ лѣтописи. Приводя мои слова: «Князья забывали единство общаго рода, чтобъ удовлетворить своему *властолюбію*», критикъ понимаетъ *властолюбіе* въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова; но я употребилъ его въ томъ смыслѣ, какъ оно употребляется въ лѣтописи, т. е. «*любви къ волостямъ*», стремленію распространить свои владѣнія насчетъ другихъ Князей.

Критикъ, оспаривая мое мнѣніе, что «могущественные родичи сажали на Кіевскій столъ нерѣдко младшаго изъ среды себя, съ тѣмъ, чтобъ заранѣе оставилъ за ними спокойное обладаніе ихъ прежними волостями, или надѣлилъ ихъ новыми, отнятыми у другихъ,« говоритъ, что подобный случай былъ только *одинъ* разъ, когда Князья уступили старшинство Мстиславу Изяславичу. — Самъ критикъ соглашается, что то, о чемъ я говорю, было, хотя и *одинъ разъ*. Но изъ лѣтописи видно, что подобный случай былъ не одинъ разъ. По смерти Изяслава Мстиславича, который

---

* Такъ вотъ въ чемъ дѣло! А мы думаемъ, что Г. Клевановъ именно избѣгнулъ тѣмъ лишняго недостатка. *Ред.*

Digitized by Google

самъ не былъ старшій въ родѣ, Кіевляне пригласили на столъ брата его Ростислава; соискателемъ Кіевскаго престола явился Изяславъ Давидовичъ. Ростиславъ долженъ былъ отказаться отъ Кіева, въ слѣдствіе того, что Мстиславъ Изяславичъ, узнавъ, что Ростиславъ отнимаетъ у него Переяславль, сказалъ: «пусть же мнѣ не будетъ Переяславля; а тебѣ Кіева,» и оставилъ его. Такимъ образомъ Ростиславъ оставляетъ Кіевъ, въ слѣдствіе того, что не хотѣлъ удовлетворить Мстислава Изяславича. Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ привести еще болѣе примѣровъ изъ лѣтописи.*

Далѣе Г. критикъ говоритъ, что я ошибаюсь, утверждая, что Русскіе Князья ходили въ землю Половцевъ не за славою, а за добычею. Можетъ быть, я выразился слишкомъ обще; слѣдовало бы правильнѣе сказать, что Князья Русскіе ходили въ землю Половцевъ по крайней мѣрѣ столько же за добычею, сколько и за славою. Доказательствомъ служитъ обыкновенное выраженіе лѣтописи при этомъ случаѣ: «*и ополонившись* (т. е. набравши полону) возвратились съ честію и славою великою.» Выпишемъ для примѣра извѣстіе, находящееся въ лѣтописи подъ 1193 г., о походѣ въ землю Половецкую Ростислава Рюриковича: «и ополонишася Ростиславъ и Черніи Клобуцѣ скотомъ, и коньми и челядью и колодникъ много изымаша, княжичевъ ихъ и добрыи муже имаша, и колодники, и кони, и скота, и челяди и всякаго полона не бѣ числа.» Гораздо прежде, подъ 1103 годомъ, читаемъ: «взяша бо тогда скоты и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ съ добыткомъ и съ челядью. И придоша въ Русь съ полономъ великимъ и съ славою и съ побѣдою великою.« Такихъ примѣровъ въ лѣтописи очень много: по понятіямъ того времени самая слава заключалась въ большемъ или меньшемъ количествѣ добычи или полону.

---

* Только совершенное невѣдѣніе или совершенное ослѣпленіе можетъ утверждать подобныя вещи. Что, напримѣръ, скажетъ неизвѣстный рецензентъ о слѣдующемъ случаѣ: Георгій Владимировичъ, дядя, говоритъ племяннику, Изяславу Мстиславичу: царствуй въ Кіевѣ, а мнѣ дай Переяславль. *Ред.*

Digitized by Google

Не менѣе неосновательно критикъ оспариваетъ мое положеніе, что въ исходѣ XII-го вѣка между Половцами начало распространяться Христіанство. Между Князьями Половецкими встрѣчаются и такіе, которые носили христіанскія имена. Русскіе Князья безпрестанно вступали въ родственныя связи съ Половецкими; сношенія между Русскими и Половцами были самыя частыя. Естественно ли, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ Христіанство не могло проникнуть къ Половцамъ, естественно ли, чтобы и наше духовенство нисколько не старалось объ ихъ обращеніи, а если и старалось, то чтобы усилія его оставались безъ всякаго успѣха?

Г. критикъ говоритъ, на стр. 8: «утверждать, что подозрѣніе въ утайкѣ добычи было причиною воруженія Князей противъ Мстислава Изаславича и свержеиія послѣдняго съ Великокняжескаго стола, значитъ *измѣнять* факты, чего, повидимому, такъ остерегается Г. Клевановъ.» Прошу почтеннаго, критика прочитать слова лѣтописи (Полн. Собр. т. 2. стр. 98). «и толика взяша (Русскіе Князья) полона множество, якоже всимъ Русскимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодники, и чагами, и дѣтьми ихъ, и челядью, и скоты, и конми....*Братья же вси пожаловаша на Мстислава*, оже утаився ихъ пусти на воронъ сѣдельники своѣ и кощѣ, ночь заложився отай; *и сердце ихъ не бѣ право съ нимъ*». Далѣе, на стр. 9, Г. критикъ, утверждая, что я представилъ въ слишкомъ черныхъ краскахъ положеніе Руси въ XII вѣкѣ, говоритъ: «подробной статистики Южной Руси въ концѣ XII вѣка у насъ нѣтъ (да и у меня такъ же!); а въ лѣтописи не встрѣчается упоминовенія о невоздѣланныхъ поляхъ.» Конечно, прямо этого въ лѣтописи не говорится; но Владимиръ Мономахъ вредныя слѣдствія Половецкихъ набѣговъ на земледѣльческій классъ изображаетъ такъ (Ипат. л. стр. 1.): «но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ рати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и поиметъ лошадь ту и жону его и дѣти его и гумно его зажжетъ; то о семъ чему не мышлете?»* Святославъ

* Это только частный случай. *Ред.*

Digitized by Google

Ольговичь жалуется (т. 2. стр. 84), что въ его городахъ живутъ только *псари* да Половцы.* Г. критикъ продолжаетъ: «о сожженіи городовъ въ продолженіе всей второй половины XII-го вѣка лѣтопись упоминаетъ не болѣе 8 разъ.» Не имѣемъ времени повѣрить по лѣтописи слова критика; но замѣтимъ, что лѣтопись объ опустошеніяхъ Половцевъ говоритъ общими словами, напр. (т. 2, стр. 33): «Половци идоша по оной сторонѣ къ Путивлю, Каа у силахъ тяжкихъ и повоевавши волости ихъ и села пожгоша.» Такимъ образомъ каждый набѣгъ Половецкій былъ опустошителенъ для цѣлаго края, гдѣ они жгли села, уводили въ плѣнъ земледѣльцевъ и пр., хотя и избѣгали, укрѣпленныхъ городовъ, которые имъ было трудно брать по отсутствію стѣнобитныхъ орудій. Но были ли отъ того Половецкіе набѣги безвреднѣе, если нѣсколько городовъ оставались неприкосновенными посреди цѣлаго края, обращеннаго въ пепелъ? О гибельныхъ же послѣдствіяхъ набѣговъ Половецкихъ говорится почти на каждой страницѣ лѣтописи. Ольговичи именно тѣмъ навлекли на себя нелюбовь народную, что дѣйствовали нерѣдко вмѣстѣ съ Половцами противъ другихъ Князей. Критикъ говоритъ: «что касается до отношеній дружины къ остальному на«родонаселенію, то мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій «о нихъ, и потому не можемъ говорить о наглости друж«ины, равно какъ ничего не можемъ сказать опредѣлен«наго и о состояніи смердовъ. И Г. Клевановъ также «*не нашелъ ни одного свидѣтельства для подкрѣпленія «своихъ положеній.*» Г. критикъ видно не очень внимательно читалъ наши лѣтописи, когда рѣшился сказать, что нѣтъ *ни одного* свидѣтельства въ лѣтописи объ отношеніяхъ дружины Княжеской къ прочему народонаселенію. Что оно было не изъ самыхъ дружелюбныхъ, это ясно изъ поведенія Кіевлянъ по смерти Святополка Михаила: «Кіяне же разграбиша дворъ Путятинъ тысячскаго, идоша и Жиды и разграбиша я.» Далѣе послы Кіевлянъ говорятъ Владимиру Мономаху: «аще ли не пойдеши, то вѣси яко много зло уздвигнется, то та не Путятинъ дворъ ни сотьскихъ, но и Жиды грабити, и паки ти пойдутъ на вотчину твою, и на

* Также частный случай. *Ред.*

Digitized by Google

бояры, и на монастырѣ.» (П. С. Л. т. 2, стр. 4) По смерти Всеволода Ольговича, вотъ какъ поступили Кіевляне: «И почаша Кіяне складывати вину на тіуна на Всеволожа на Ратъшу и на другаго тіуна Вышегородскаго на Тудора, рекучи: Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ.» По смерти Юрья Владимировича случилось слѣдующее: «И много зла створися въ тотъ день, разграбиша дворъ его красный и другый дворъ его за Днѣпромъ разграбиша, его же знаешеть самъ раемъ, и Василковъ дворъ сына его разграбиша въ городѣ, избивахуть Суждалци по городомъ и по селамъ, а товаръ ихъ грабяче.» Что же касается до состоянія смердовъ, то о немъ находимъ слѣдующее мѣсто въ лѣтописи (П. С. Р. Л. т. 2 стр. 84): »и начаша ся бити крѣпко засадницы изъ города, а *смерди скачють черезъ заборола къ Иванови и перебѣже ихъ 300.*» Если бы имъ было хорошо, то не стали бы они *скакать черезъ стѣну городскую* къ иному Князю. Притомъ, самое уже названіе *смердъ* указываетъ на незавидное общественное положеніе, въ какомъ находилось это сословіе.**

Г. критикъ, на стр. 9, говоритъ: «далѣе Г. Клевановъ «высказываетъ неправильный взглядъ на отношенія Га«лицкаго Княжества къ остальнымъ частямъ Юго-запад«ной Руси».... Но если Ярославъ (Галицкій) *мало* прини«малъ участія въ Юго-западной Руси, то какъ вліяніе его «на нее могло быть велико?» Пусть отвѣчаетъ Г. критику Слово о полку Игоревѣ: «Галичкы Осмомысле Ярославле! «Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, под«перъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, засту«пивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота.... суды рядя «до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, *отворяеши Кіеву «врата*?» Сказавъ, что «вліяніе Ярослава (Князя Галицкаго) было очень велико на княжества Юга-западной Руси, но онъ мало принималъ въ ней участія», я хотѣлъ сказать, что непосредственно, лично Ярославъ не вмѣшивался въ дѣла Юго-зап. Руси, а участвовалъ въ нихъ своими вой-

* Это можно объяснить иначе. *Ред.*

** Смердъ было чуждое названіе, и о положеніи класса изъ имени заключать нельзя. *Ред.*

Digitized by Google

сками и могуществомъ. А что это могущество было велико, видно не изъ одного «Слова о полку Игоревѣ», но и изъ лѣтописи. Изяславъ Давидовичъ спокойно владѣлъ Кіевомъ, пока не вооружилъ противъ себя Ярослава Галицкаго, отказавъ ему выдать Ивана Ростиславича Берладника; Галицкое вспомогательное войско изгнало Изяслава изъ Кіева. Вообще оно или *Галицкая помощь* играетъ важную и рѣшительную роль въ событіяхъ Юго-западной Руси. Приведемъ примѣръ. Мстиславъ Изяславичь овладѣлъ Кіевомъ и осадилъ Давида Ростиславича въ Вышегородѣ: «Ксятинъ же съ Ярославичи бяше воевода съ Галичаны, и рече присла къ «Мстиславу: «велѣно ми своимъ княземъ Ярославомъ пять «дновъ стояти у Вышегорода, ити домови. И посла к нему «Мьстиславъ реча тако: мнѣ братъ Ярославъ тако молвить «до немъ же уладишися съ братьею, дотолѣ не пущай полковъ моихъ отъ себе. Они же списавше грамоту ложную и послаша къ нему и поидоша отъ него Галичане.» (П. С. Л. т. 2, стр. 101) Удаленіе вспомогательнаго Галицкаго войска совершенно обезсилило Мстислава, и онъ долженъ былъ отказаться отъ притязаній на Кіевъ.

Оспаривая мое положеніе, что «первоначальное дѣленіе Руси на княжества соотвѣтствовало главнымъ Славянскимъ племенамъ, вошедшимъ въ ея составъ», Г. критикъ говоритъ: «на это замѣтимъ: Кривичи главное племя Славянское, елѣд. по выводу Г. К. ихъ земли должны были бы «составлять особое княжество; тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что область Кривичей раздѣлена была между двумя «княжествами: Полоцкимъ и Смоленскимъ.» Отвѣтимъ на это Г. критику тѣмъ, что лѣтопись наша различаетъ Кривичей отъ Полочанъ: «и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье.... *а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи*, иже сѣдятъ на верхъ Волги,... ихъ же градъ есть Смоленскъ.» И такъ у Полочанъ былъ главнымъ городомъ Полоцкъ, а у Кривичей Смоленскъ. Далѣе Г. критикъ говоритъ что «Дреговичи никогда не образовывали особаго княжества.» А лѣтописецъ, говоритъ вотъ что: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, *въ Деревляхъ свое, и Дреговичи свое.*»

Digitized by Google

Но намъ просто не вѣрится, чтобы человѣкъ, знакомый съ источниками древней Русской исторіи, могъ сказать: «Древляне главное племя, *а между тѣмъ они постоянно принадлежали княжеству Кіевскому.*»* Не говоримъ уже о только что приведенныхъ словахъ лѣтописца, но просимъ Г. критика вспомнить войны Игоря и Ольга съ Древлянами, свидѣтельствующія о постоянномъ стремленіи Древлянъ къ самобытности. И уже послѣ окончательнаго покоренія Деревлянъ Ольгою, сынъ ея Святославъ сажаетъ у нихъ *особаго Князя* Олега. Сынъ Святослава Владиміръ посадилъ у Деревлянъ *особаго* же князя Святослава.

Г. критикъ заключаетъ свою статью словами: «такимъ «образомъ Г. К. *достойно* (?) оканчиваетъ свое сочиненіе «положеніями, лишенными *всякаго* основанія». Не говоримъ о неприличіи такого языка въ безпристрастной рецензіи; замѣтимъ, что Г. критикъ оспариваетъ изъ моихъ положеній 7-е, 9-е, 10-е, 11-е, 12-е и 13-е. Если они и неосновательны, все же Г. критикъ не имѣлъ права сказать, что сочиненіе мое *достойно* заканчивается положеніями, лишенными *всякаго* основанія. При моемъ сочиненіи 14 положеній; если бы *шесть* изъ нихъ и были неосновательны, то все-таки, не опровергнувъ остальныхъ *осьми*, Г. критикъ не могъ произнести такого общаго, голословнаго осужденія на *всѣ* мои положенія.

Не могу не признаться въ заключеніе, что меня непріятно поразилъ тонъ рецензіи на мою книгу; мнѣ грустно было подумать, что она, *заглавіе которой* и имя *автора почти неизвѣстное* (по словамъ Г. критика), могла бы, кажется, имѣть право на нѣкоторую снисходительность, — долго, напротивъ, не понравилась Г. критику, что онъ не усомнился приписывать мнѣ слова, которыхъ я не говорилъ (наприм. стр. 5: «полезное лучше безполезнаго»). Г. критикъ могъ оспаривать мои положенія, могъ назвать (стр. 5) разсказъ мой «сухимъ, безжизненнымъ переводомъ ли-

* Повторяемъ, что замѣчено намъ прежде: чего нельзя сказать, сирѣчь имя, анонимъ! *Ред.*

Digitized by Google

тописи»; но не долженъ былъ искажать моихъ словъ, а всего менѣе высказывать свои мнѣнія въ словахъ столь *рѣзкихъ*, чтобы не сказать болѣе. «Среди этихъ *странныхъ* выводовъ, говоритъ почтенный критикъ, производящихъ на читателя *такое непріятное* впечатлѣніе, *мы старались* (неужели?) *отыскать* достоинства въ сочиненіи Г. К. и нашли нѣсколько справедливыхъ замѣчаній, но *къ сожалѣнію (!)* должны сказать, что эти замѣчанія *не въ состояніи противодѣйствовать впечатлѣнію, производимому недостатками книги*».

Въ сочиненіи своемъ я имѣлъ въ виду не болѣе какъ разсказать по лѣтописи событія исторіи Юго-западной Руси, и сообщить тѣ выводы, которые, мнѣ казалось, вытекали изъ простаго, не предупрежденнаго никакими системами, взгляда на событія. Можетъ быть, мой разсказъ безполезенъ, можетъ быть, мои выводы лишены основанія; по крайней мѣрѣ я, писавъ свое сочиненіе, лучше познакомился съ древнею исторіею нашего отечества, и я почелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы моя книга хотя сколько-нибудь могла быть полезна тѣмъ, которые желаютъ познакомиться съ событіями исторіи Юго-западной Руси въ томъ видѣ, какъ они дѣйствительно были, а не такъ какъ они представляются съ точки зрѣнія *родоваго начала*.

А. Клевановъ.

1850 Октября 6.
Москва.

Отъ Ред. Соглашаясь съ нѣкоторыми отвѣтами автора, какъ видѣли читатели, мы, при всемъ уваженіи къ его труду, не можемъ одобрить его плана: онъ хотѣлъ передать событія въ Юго-западной Руси по лѣтописямъ; но въ лѣтописяхъ онѣ излагаются смѣшанно, слѣд. голая передача не можетъ принесть большой пользы: замѣшательство остается прежнее, изложенное только новымъ языкомъ вмѣсто стараго. Если бъ авторъ раздѣлилъ по крайней мѣрѣ по княжествамъ, или по князьямъ, или по городамъ, онъ вѣрнѣе и лучше достигнулъ бы своей цѣли познакомить съ событіями Южной

Digitized by Google

Руси. При доброй волѣ его и великомъ трудолюбіи, (прекрасные опыты мы видѣли въ Чтеніяхъ), ему не доставало, видно, опытнаго совѣтника, при началѣ его труда, а въ удѣльномъ нашемъ періодѣ заблудиться пока не мудрено. Притомъ, въ авторѣ боролись, кажется, два желанія: ему не хотѣлось удалиться отъ истины, но не хотѣлось имѣть и оскорбить родовой бытъ.

Согласиться нельзя съ нѣкоторыми и изъ частныхъ его мнѣній, напр. съ собирательностію племени Русь, «заключавшаго въ себѣ (будто) и Нѣмецкія, и Турецкія, и Славянскія стихіи, съ преобладаніемъ впрочемъ послѣднихъ»; съ противоположностію Галича Кіеву, который начинаетъ будто падать съ Увѣтицкаго съѣзда, 1101 г. (с. 14); съ уподобленіемъ казаковъ Половцамъ (с. 4).

Достойно всякой похвалы описаніе мѣстности, предложенное въ началѣ сочиненія, а изъ числа дѣльныхъ замѣчаній выпишемъ слѣдующее (с. 35):

«Почти единовременно въ Руси, Ляхахъ и въ Чехахъ обнаружилось стремленіе народовъ Словѣнскаго племени соединиться въ Государственные союзы: это не были Государства въ собственномъ смыслѣ, а только грубые очерки будущихъ Государствъ; народъ, который прежде принадлежалъ къ Чешскому союзу, впослѣдствіи переходилъ къ Ляшскому, и народъ Ляшскаго союза легко переходилъ къ Русскому. Такая неопредѣленность условливалась единствомъ происхожденія, еще живо остававшимся въ памяти, съ другой стороны отсутствіемъ рѣзкихъ природныхъ границъ, которыя бы заранѣе опредѣлили межи будущаго Государства. Оттого-то и происходитъ та легкость, съ какою народы Словѣнскіе примыкали то къ одному, то къ другому средоточію политической жизни. Другія отношенія обнаружились, когда одна семья Словѣнскихъ народовъ приняла Христіанство изъ Византіи, а другая изъ Рима: тогда народы Словѣнскіе раздѣлились на двѣ враждебныя половины. Антагонизмъ, господствующій между древнею Русью и Ляхами, основывается главнымъ образомъ на различіи вѣроисповѣданій»....*М. П.*

Digitized by Google

180. Альціа Паули. Романъ Поля Феваля. 4 Части. Переводъ съ Французскаго. Москва. 1850. Въ тип. В. Готье. Въ 18 д. л. Въ I-й части 208, во II-й — 226, въ III-й — 192, въ IV-й — 196 стр.

181. Графиня Салисбюри. Сочиненіе Александра Дюма. 4 Ч. Переводъ съ Французскаго А. М — вой. Москва. 1850 Въ тип. В. Готье. Въ 18 д. л. Въ I-й части 190, во II-й — 182, въ III-й — 216, въ IV-й 234 стр.

182. Докторъ Сервань. Романъ Александра Дюма. 2 Части. Переводъ съ Французскаго. Москва. 1850. Въ тип. Александра Семена. Въ 18 д. л. Въ I-й ч. 496, во II-й — 223 с.

Все, что, болѣе или менѣе основательно, называется изящною словесностію или литературою въ тѣсномъ смыслѣ, все это заключается теперь почти единственно въ журналахъ. А много ли у насъ журналовъ литературныхъ, или учено-литературныхъ? На этотъ вопросъ отвѣчать не трудно. Что существующіе журналы, если бы и удѣляли изящной словесности больше мѣста, нежели удѣляютъ и удѣлять могутъ, все-таки бы не удовлетворили увеличивающейся со дня на день потребности въ такъ называемомъ легкомъ чтеніи, это довольно понятно; не требуетъ поясненій и то, что удовлетворить этой потребности необходимо. А какъ это сдѣлать, если, за неимѣніемъ своего, не обратиться къ чужому, если не переводить иностранныхъ сочиненій? И является переводъ за переводомъ, романъ за романомъ, повѣсть за повѣстью. Но это все бы еще не бѣда, а грустно то, что выборъ переводчиковъ падаетъ большею частію не самыя плохія произведенія иностранныхъ литературъ: любимая литература — все-таки Французская, и въ ней-то, какъ будто нарочно, непремѣнно нападаютъ на вещи то вовсе дюжинныя, то имѣющія только мѣстный или минутный интересъ. Благодаря этому порядку, многіе романы Сю, Дюма, Феваля и нѣкоторыхъ другихъ Французскихъ писателей, изъ коихъ съ одними довольно было

Digitized by Google

познакомить нашу публику слегка, съ другими можно было не знакомить ея, съ третьими знакомить ее не слѣдовало, родились и продолжаютъ рождаться въ Русскомъ царствѣ,—и не рѣдко тогда уже, когда не только забыла объ нихъ Французская публика, но едва ли помнятъ ихъ и самые авторы. Одна часть Русской публики, та, въ которой уже сложились опредѣленныя понятія объ искусствѣ, о литературѣ, объ изящномъ, не читаетъ этихъ переводовъ; другая не имѣетъ надобности читать ихъ, потому что знаетъ по-Французски; третій родъ читателей, самый многочисленный, почерпаетъ въ подобномъ чтеніи чрезвычайно странныя понятія о литературѣ; для этого-то рода читателей такое чтеніе, стало быть, положительно вредно. Спрашивается, кому жъ оно нужно, и для кого переводятся всѣ эти «ужасти», расточаемыя гг. авторами Парижскихъ Таинъ, Вѣчнаго Жида, Графа Монте-Кристо и всей ихъ школою?.... Но предположимъ, что въ нашемъ взглядѣ на это дѣло слишкомъ мало опытнаго, что мы пренебрегаемъ торговою стороною разсматриваемаго вопроса, или, выражаясь «положительнѣе,» что переводчики и издатели упоминаемыхъ переводовъ убѣждены въ томъ, что труды ихъ не пропадутъ втунѣ, и что произведенія гг. Дюма, Сю, Февала и К° въ Русскихъ переводахъ найдутъ достаточное число читателей и покупателей. Пусть такъ. Но въ этомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе, съ прямымъ желаніемъ добра имъ же, гг. издателямъ: зачѣмъ назначать своимъ изданіямъ такія страшныя цѣны? Передъ нами лежатъ, напримѣръ, три романа, одинъ г. Поля Февала, два другихъ г. Александра Дюма: всѣ эти романы, какъ увидитъ читатель изъ выписанныхъ нами заглавій, изданы въ 18 д. л.; каждыя двѣ книжки Русскаго перевода составляютъ книжку извѣстнаго Брюссельскаго формата въ 12 д., въ какомъ печатаются Французскіе романы г-ми Meline, Cans et C-ie, и за каждыя двѣ Русскія книжки вы должны заплатить рубль серебромъ, т. е. вдвое почти дороже того, что въ Москвѣ берутъ за одну книжку того же романа на Французскомъ языкѣ; въ Петербургѣ тѣ же изданія дешевле, и въ Брюсселѣ и во всей Германіи продаются не дороже франка за томикъ: не удивительно, по-

Digitized by Google

этому, что Брюссельскія изданія расходятся и за границей и въ Россіи; не забудьте при этомъ, что раскупаются и тамъ, и у насъ, только тѣми людьми, которые знаютъ Французскій языкъ и слѣд. — per inductionem, — болѣе или менѣе, имѣютъ возможность располагать своими денежными средствами довольно свободно. Много ли же найдется на Руси читателей переводныхъ Французскихъ романовъ, которымъ бы ничего не стоило заплатить 2 рубля серебромъ за четыре тоненькія-претоненькія книжки, въ 18 д. л., и въ 200 страницъ каждая? Мы думаемъ, что такихъ людей найдется очень немного, и что, поэтому, издатели «Алиціи Паули,» «Графини Салисбюри» и «Доктора Сервана,» изъ коихъ два первыя сочиненія стоятъ по 2 руб. серебр. каждая, а послѣдняя 1 руб. сер., не достигнутъ и чисто-торговыхъ цѣлей. И мы надѣемся, что они не посѣтуютъ на насъ за искренность, имѣющую источникомъ единственное желаніе пользы имъ же.

О литературномъ достоинствѣ трехъ предлагаемыхъ произведеній распространяться не для чего. Мы даже не будемъ разсказывать ихъ содержанія: съ одной стороны, намъ не хотѣлось бы утомлять вниманіе нашихъ читателей, съ другой мы боимся отнять читателей у гг. Поля Феваля и Александра Дюма.

Отчего бъ не обратиться переводчикамъ къ Англійской литературѣ, которая и теперь производитъ столько прекраснаго, и въ прошедшемъ имѣетъ столько матеріаловъ для чтенія; нечего ужъ говорить о Диккенсѣ, Теккереѣ, авторѣ «Дженни Эйръ» и другихъ современныхъ писателяхъ, обращающихъ на себя вниманіе всей просвѣщенной Европы, съ которыми наши журналы могутъ знакомить публику только въ извѣстной мѣрѣ? Отчего бы не взяться за такія произведенія?

....Три предлагаемые романа изданы прекрасно; въ наружномъ ихъ видѣ замѣтенъ несомнѣнный успѣхъ противъ прежняго времени; далеко не такими раждались на свѣтъ еще недавно произведенія отечественной словесности въ мастерскихъ гг. Кирилова, Смирнова и ихъ братіи!....

Digitized by Google

183 Еще нѣчто большее объ искусствѣ наживать деньги. Соч. А. Б. Спб. 1850.

Что же тутъ *большее* о такомъ важномъ искусствѣ? и гдѣ же просто большое? Вѣроятно, подъ послѣднимъ авторъ разумѣлъ всѣ изданныя до сихъ поръ руководства къ наживанію денегъ, которыя, т. е. не деньги, а руководства, не принесли, однако человѣчеству никакой пользы, потому что оно не перестаетъ жаловаться на бѣдность и сходить съ ума отъ какой-нибудь Калифорніи. Не далѣе какъ въ прошломъ году, по объявленіямъ нашихъ издателей, знаменитый банкиръ Ротшильдъ, движимый состраданіемъ къ ближнимъ, издалъ «Искусство наживать деньги, способомъ простымъ пріятнымъ и доступнымъ всякому»: чего бы, казалось, лучше? Нѣтъ, и здѣсь дѣло не пошло на ладъ, и лишь одинъ издатель его «Искусства» нажилъ себѣ денегъ малую толику способомъ простымъ и пріятнымъ, но не всякому доступнымъ, именно, собравъ по 30 к. с. (цѣна книги) съ добрыхъ людей, которые имѣли неосторожность повѣрить громкому заглавію. Такъ изволите видѣть, если съ такимъ опытнымъ наставникомъ, какъ Ротшильдъ, мы попали въ просакъ, то куда же можетъ насъ завести Г-нъ А. Б.? Съ его «Нѣчто» не наживешь ничего, а только облегчишь карманъ 30 коп. сер., которыя слѣдуетъ заплатить за удовольствіе читать это «Нѣчто.» Впрочемъ, «Нѣчто» систематизируетъ не дурно, и однимъ словомъ рѣшаетъ важнѣйшія задачи политической экономіи, напр. предлагая средства къ отвращенію причинъ безденежья и нищеты, или правила какъ полагать основаніе капитала и *всегда* имѣть деньги.... Кому-нибудь изъ нашихъ читателей, можетъ быть, желательно знать эти безцѣнныя правила. Вотъ они....Нѣтъ, рука не подымается обижать книжную промышленность, и даромъ открывать тѣ секреты, что́ продаетъ она за деньги.

Digitized by Google

184. Похожденія четырехъ Русскихъ матросовъ на необитаемомъ островѣ. М. 1850. Стр. 31 въ 16. д. л.

185. Разсказъ солдата, бывшаго въ плѣну у Горцевъ. М. 1850. Стр. 40 въ 16 д. л.

Оба эти разсказа, написанные, повидимому, однимъ авторомъ, назначены, вѣроятно, для простонароднаго чтенія. Языкъ ихъ довольно грамотенъ, а изданіе чрезвычайно сѣро. Впрочемъ, послѣдній недостатокъ не бѣда, и простолюдину гораздо полезнѣе и занимательнѣе читать ихъ, чѣмъ какого-нибудь «Гуана» или «Битву Русскихъ съ Кабардинцами,» которая, сказать здѣсь кстати, печатается уже *десятымъ* изданіемъ.

186. Сара или вкусная цѣльна дружбы и смерть несчастныхъ любовниковъ. Повѣсть соч. А. Полевой. М. 1850. Стр. 81 въ 12-ю д. л.

Эта повѣсть, и по содержанію и по слогу, можетъ назваться *изліяніемъ* здравому смыслу, Русскому языку и читателю, который будетъ имѣть *несчастную* неосторожность познакомиться съ нею.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

187. Лекціи популярной астрономіи, читанныя публично, въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, Капитанъ-Лейтенантомъ С. Зеленымъ. Изданіе 2-е, дополненное новѣйшими открытіями. С.-Петербургъ. 1850 г. Въ типогр. Морскаго Кадетскаго корпуса. Въ 8-ю долю листа, 354 стр.

Второе изданіе этой книги доказываетъ, что вкусъ къ дѣльному чтенію распространяется среди свѣтской образованности, и что книга г. Зеленаго понравилась читателямъ, желающимъ чему нибудь научиться, а не убивать время за одними нелѣпыми Французскими романами, особенно въ Русскомъ переводѣ. Дѣйствительно, »Лекціи« Г. Зеленаго принадлежатъ къ сочиненіямъ весьма дѣльнымъ, и понравились бы всѣмъ, если бы въ ихъ расположеніи не было капитальнаго недостатка, который постараемся обнаружить примѣромъ. Положимъ, что вамъ, любознательный читатель, понадобилось узнать, какимъ образомъ солнце производитъ времена года. Вы открываете »оглавленіе« и подъ рубрикой »Лекція II« читаете: »Опредѣленіе свѣтилъ на »небѣ и пути солнца между звѣздами.« Должно быть тутъ, подумаете вы, и начнете перебирать страницы II-й лекціи; въ концѣ третьей страницы найдете: »Это насъ убѣждаетъ, »что звѣзды не могутъ имѣть еще особеннаго движенія, »кромѣ равномѣрнаго общаго движенія неба. Напротивъ »того, солнце ежедневно перемѣняетъ мѣста своего вос»хожденія и захожденія и притомъ бываетъ сверхъ (*надъ?*) »горизонта различное время, а потому должны заключить, »что солнце движется между звѣздами отъ правой руки

Digitized by Google

«къ лѣвой, переходя отъ одной звѣзды къ другой. И такъ »сверхъ (*кромѣ?*) общаго движенія отъ востока къ западу, »принадлежащаго всѣмъ свѣтиламъ, солнце имѣетъ еще »собственное движеніе отъ запада къ востоку.« Перевернувъ страницу, вы съ удивленіемъ остановитесь, потому что не найдете уже ни слова о движеніи солнца. Вы принуждены будете воротиться къ »оглавленію«, гдѣ подъ рубрикою »Лекція IV« напечатано: »явленія годоваго (*годичнаго?*) движенія солнца. — Времена года«. А! вотъ здѣсь, скажете вы, и дорывшись до 59 стр., вообразите, что она и слѣдующая удовлетворятъ вашему желанію. Тщетная надежда! На этихъ страницахъ вы прочитаете слѣдующее: »Будемъ слѣдить за движеніемъ солнца, примѣчая въ част»ности къ нему (*къ солнцу, или къ движенію?*) тѣ яв»ленія, о которыхъ говорили вообще для звѣздъ (*не уже»ли это по Русски?*); положимъ, во-первыхъ, что солнце »находится на экваторѣ, 9 Марта (*какъ, положимъ? солнце дѣйствительно бываетъ на экваторѣ 9 Марта; за тѣмъ же, положимъ?*), тогда на всей земли (*ѣ*) день бываетъ ра»венъ ночи, именно по 12 часовъ (*почему?*). Послѣ сего »солнце перейдетъ въ сѣверное полушаріе, и для жителей »сѣвернаго полушарія дни будутъ увеличиваться (*почему?*), »ночи уменьшаться (*почему?*), для жителей же южнаго по»лушарія обратно, дни будутъ уменьшаться, а ночи уве»личиваться (*почему? почему?*); пока 10 Іюня солнце до»стигнетъ самаго наибольшаго удаленія отъ экватора, тогда »(*вотъ и это не по Русски!*) для первыхъ жителей будетъ »долгайшій день и кратчайшая ночь; такъ напримѣръ въ »Петербургѣ день будетъ 18 ч. 45 м; ночь 5 ч. 15 м.; въ Москвѣ.....« Ахъ, Боже мой! скажете вы: жители Петербурга знаютъ это и безъ астрономіи; но отъ чего это происходитъ? — Положимъ, однакожъ, что вы не потеряли еще надежды, и съ терпѣньемъ продолжаете читать: »Въ »Москвѣ день 17 ч. 29 м., ночь 6 ч. 31 м.; въ Архангельскѣ »день 21 ч. 18 м., а ночь 2 ч. 42 м.; на мысѣ Горнъ (*ѣ?*), »самой южной оконечности Америки, будетъ въ это время, »напротивъ, кратчайшій день 6 ч. 53 м. и долгайшая ночь »17 ч. 7 м. Съ 10 Іюня солнце начнетъ приближаться къ

Digitized by Google

»экватору, для жителей сѣвернаго полушарія дни будутъ »уменьшаться, а ночи увеличиваться, первые становясь *(?)* »всегда больше 12 часовъ, вторыя меньше 12 часовъ; »для южнаго полушарія обратно, дни будутъ увеличиваться, »а ночи уменьшаться, бывъ *(?)* первые менѣе 12 часовъ, »а вторыя болѣе 12 часовъ. 11 Сентября солнце снова »вступитъ на экваторъ, тогда опять будетъ 12 часовъ день »и 12 часовъ ночь *(почему?)*. Послѣ этого дня...« Но прекратимъ эту длинную выписку; читатели и безъ нея повѣрятъ, что во всей IV-ой лекціи предложено только описаніе явленій четырехъ временъ года, а не объясненіе ихъ; такъ что снова надобно обратиться къ »оглавленію« и поискать въ немъ, гдѣ это желаемое объясненіе. Вотъ подъ рубрикой »Лекція VIII« наконецъ находимъ: »Объясненіе явленій суточнаго движенія звѣздъ, происхожденія *(?)* дня и ночи, временъ года, и пр. по системѣ Коперника.« Должно быть здѣсь. И дѣйствительно тутъ; но это объясненіе темно, и для незнающаго дѣла совершенно будетъ непонятно, если кто нибудь не научитъ его составить необходимый чертежъ. Мы не хотимъ наводить на читателей скуки новой длинной выпискою: пусть они сами повѣрятъ наши слова, прочитавъ въ книгѣ стр. 159—161.

Этотъ примѣръ, кажется, достаточно показываетъ, что въ »Лекціяхъ« Г. Зеленаго всѣ предметы, которые, по своей тѣснѣйшей связи, должны слѣдовать одинъ за другимъ непрерывно, размѣщены по разнымъ лекціямъ; такъ что желающій получить ясное понятіе объ этихъ предметахъ, долженъ самъ собирать раздѣленныя части и составлять изъ нихъ цѣлое. Работа трудная и, можетъ быть, превосходящая силы многихъ читателей! — Не можемъ дать себѣ отчета, почему Г. Зеленый принялъ такой способъ изложенія, и почему онъ нашелъ нужнымъ соединять въ одну и туже лекцію предметы совершенно разнородные. Напримѣръ, въ упомянутой VIII лекціи, послѣ объясненія временъ года по системѣ Коперника, онъ круто, неожиданно переходитъ къ закону Боде о разстояніяхъ планетъ отъ солнца. Такая неожиданность собьетъ съ толку

Digitized by Google

не только непосвященнаго въ тайны астрономіи, но и самаго знатока ея.

Показавъ этотъ общій, неоспоримый недостатокъ книги Г. Зеленаго, обращаемся къ ея частнымъ достоинствамъ и недостаткамъ.

Въ I-ой лекціи помѣщено историческое обозрѣніе астрономіи, начинающееся *эклогою* блаженной жизни кочующихъ народовъ въ благословенной Азіи; у этихъ-то народовъ началась астрономія, и единственно потому, что у нихъ не было никакого дѣла; отъ досуга смотрѣли они на небо и тѣмъ положили основаніе астрономіи. По нашему, не праздность, но нужда заставила людей заниматься астрономическими *примѣтами*; кочующіе счастливцы хотѣли ѣсть и одѣваться, и потому должны были замѣчать порядокъ временъ года, чтобъ пріурочить къ нимъ свои наступленія и земледѣльческія работы. Отъ этого произошли Халдейскіе періоды *сароса* и *неросъ*; отъ этого почти у всѣхъ древнихъ народовъ находимъ довольно точныя свѣдѣнія о продолжительности года и раздѣленіи его на четыре части. Вообще, о древней астрономіи надобно говорить или очень много, или ничего не говорить; никто не удовольствуется отрывочными замѣтками Г. Зеленаго о Халдеяхъ, Египтянахъ, о Китайцахъ, и пр. Даже о Греческой астрономіи слѣдовало бы написать что-нибудь пополнѣе и поточнѣе, на основаніи несомнѣнныхъ свидѣтельствъ; трудно, напримѣръ, повѣрить, что — какъ думаетъ Г. сочинитель — Пиѳагоръ открылъ ту систему міра, которую всѣ вообще приписываютъ Копернику. Чѣмъ это доказать? — Если неясныя, сбивчивыя идеи о какомъ нибудь предметѣ будемъ принимать за положительныя открытія, то и Ньютоновъ законъ тяготѣнія надобно будетъ считать принадлежностью Коперника, который также упоминаетъ о стремленіи вещества къ центру.

Правда, что астрономія, какъ наука, начинается съ Гиппарха: но гдѣ свидѣтельство, что онъ »принадлежитъ къ »числу *величайшихъ* наблюдателей?« Гдѣ свидѣтельства, что »онъ дополнилъ всѣ недостатки, которые оставались до тѣхъ »поръ въ знаніяхъ астрономическихъ?« Куда дѣвалась эта

Digitized by Google

совершенная астрономія? Какимъ образомъ и когда унизилась она до того хаотическаго состоянія, въ которомъ дошла до рукъ Коперника? — Послѣ поверхностныхъ замѣчаній объ астрономіи Арабовъ и объ ея переходѣ въ Европу, Г. Зеленый почти мимоходомъ говоритъ о великомъ преобразователѣ астрономіи — о Коперникѣ. Но этотъ недостатокъ, безъ сомнѣнія, умышленный; потому что въ IV-ой лекціи Г. сочинитель съ удовлетворительной подробностью изъясняетъ всѣ три системы міра, Птоломея, Тихо-де-Браге и Коперника, и такимъ образомъ онъ остается вѣренъ принятому способу изложенія—говоритъ объ одномъ и томъ же предметѣ въ разныхъ мѣстахъ своей книги. Мы не можемъ только согласиться съ мнѣніемъ Г. Зеленаго, который и въ I-ой и въ IV-ой лекціяхъ упорно настаиваетъ, что Коперникъ былъ »озаренъ свѣтомъ истины,« содержащейся въ отрывкахъ мнѣній, оставшихся отъ послѣдователей Пиѳагора; передъ нами лежатъ прекрасное сочиненіе Ив. Снядецкаго о трудахъ Коперника и оригинальное твореніе самого преобразователя астрономіи: изъ того и другаго ясно видимъ, что Коперникъ всѣмъ своимъ ученіемъ обязанъ одному своему генію, и что письмомъ своимъ къ Папѣ Павлу III, гдѣ дѣйствительно упоминается объ астрономическихъ мнѣніяхъ древнихъ философовъ, хотѣлъ онъ прикрыть или смягчить смѣлость своей мысли, которую не выдаетъ даже за истину, но предлагаетъ какъ гипотезу для объясненія принятаго въ то время ученія о явленіяхъ въ солнечной системѣ.

Въ концѣ I-ой лекціи находимъ замѣчаніе, что астрономія имѣла четыре эпохи: 1) Основаніе науки Гиппархомъ; 2) Открытія Кеплера; 3) Открытія Ньютона, и 4) Изслѣдованія В. Гершеля въ звѣздномъ пространствѣ. А развѣ совершенное преобразованіе астрономіи Коперникомъ менѣе значитъ открытій Кеплера? — Нѣтъ; между Гиппархомъ и Кеплеромъ непремѣнно должно помѣстить Коперника, и потому выходитъ, что астрономія имѣла пять эпохъ. Наконецъ въ той же лекціи Г. Зеленый говоритъ о частяхъ астрономіи, и принимаемое имъ раздѣленіе этой науки

Digitized by Google

было бы совершенно правильно, если бы изслѣдованія о звѣздахъ не отдѣлилъ онъ отъ »астрономіи теоретической«, которая занимается вообще собственными движеніями свѣтилъ въ пространствѣ. Впрочемъ объ этомъ не должно спорить, и можно допустить, что части астрономіи суть: 1) Астрономія сферическая, 2) Теоретическая, 3) Физическая и 4) Звѣздная. Но допустивъ это раздѣленіе, надобно уже держаться его строго и не смѣшивать предметовъ, принадлежащихъ къ каждой изъ упомянутыхъ частей.

II-я лекція, съ которой собственно начинается изложеніе астрономіи, содержитъ обозрѣніе неба и раздѣленіе свѣтилъ на *неподвижныя*, обращающіяся, повидимому, вмѣстѣ съ небомъ безъ перемѣны относительныхъ положеній, и на *подвижныя*, или имѣющія собственныя движенія, каковы суть: солнце, луна, планеты и кометы, и о которыхъ изслѣдованія привели астрономовъ къ тому великому заключенію, что *небо* есть безпредѣльное пространство, обнимающее всѣ свѣтила, размѣщенныя въ немъ въ различныхъ разстояніяхъ и содержимыя въ устройствѣ и порядкѣ одною силою, — силою всемірнаго тяготѣнія. По нашему мнѣнію, цѣль всякой »Популярной астрономіи« должна состоять въ объясненіи этого великаго результата, полученнаго вѣковыми трудами многихъ неутомимыхъ и геніальныхъ изслѣдователей, переходившихъ отъ истины къ заблужденіямъ, и обратно. Что жъ касается до средствъ, употребляемыхъ при этихъ изслѣдованіяхъ, то едва ли возможно изложить ихъ съ такою ясностью и простотой, чтобъ незанимающіеся астрономіей спеціально обратили на нихъ надлежащее вниманіе, и, напримѣръ, не поскучали бы описаніемъ древнихъ и новыхъ астрономическихъ снарядовъ, предложеннымъ въ концѣ II-ой лекціи, и которое покажется обременительнымъ еще потому, что его трудно понимать безъ чертежей. Впрочемъ это любопытное описаніе, свидѣтельствующее объ обширныхъ знаніяхъ Г. сочинителя, было бы не излишнимъ въ I-ой лекціи, т. е. въ историческомъ обозрѣніи астрономіи; во второй же лекціи слѣдовало бы объяснить, въ чемъ состоитъ сущность астрономическихъ наблюденій; потому что многіе воображаютъ, что въ астрономическихъ

Digitized by Google

наблюденіяхъ есть нѣчто необыкновенное, нѣчто таинственное и доступное только для избранныхъ, которые частехонько *пускаютъ пыль въ глаза*, иногда даже съ предосудительнымъ намѣреніемъ прикрыть свое невѣжество. Также, при историческомъ описаніи астрономическихъ снарядовъ, было бы весьма полезно растолковать, почему эти снаряды, повидимому, чрезвычайно разнообразны; что есть въ нихъ общаго; чего желали достигнуть астрономы, измѣняя ихъ строенія; на чемъ они остановились, и наконецъ, можно ли ожидать новыхъ усовершенствованій какъ въ *точности*, такъ и въ *силѣ* снарядовъ. Г. Зеленый читалъ свои публичныя лекціи въ С.-Петербургѣ, и въ то время, когда была уже устроена и находилась въ полномъ дѣйствіи знаменитая Пулковская обсерваторія: съ какимъ бы удовольствіемъ слушатели Г. Зеленаго, посѣтивъ это чудное заведеніе, разсматривали его снаряды, будучи приготовлены къ пониманію ихъ смѣлаго устройства по причинѣ ихъ огромныхъ размѣровъ. Тогда бы они вполнѣ поняли и оцѣнили услуги, оказанныя астрономіи великимъ современнымъ ея представителемъ, Струве; поняли бы, что наше просвѣщенное Правительство не тщетно издержало огромныя суммы; поняли бы, что для полнаго усовершенствованія въ наблюденіяхъ не должно ѣздить далѣе Пулковской горы, и что совѣты и мнѣнія Директора Пулковской обсерваторіи должно считать безапелляціоннымъ приговоромъ.

Въ III-ей лекціи описано звѣздное небо. Опять надобно замѣтить, что это описаніе должно непосредственно предшествовать лекціямъ XIII и XIV, посвященнымъ »звѣздной астрономіи.« Тогда было бы понятно, отъ чего зодіакальныя *созвѣздія* не соотвѣтствуютъ нынѣ *знакамъ* зодіака, потому что читатели имѣли бы уже понятіе о *предвареніи равноденствій* или о *прецессіи*, — о явленіи, которое объяснено въ VIII лекціи; тогда при началѣ XIII лекціи, не было бы надобности въ слѣдующей оговоркѣ: »но, упомянувъ о безконечномъ (?) числѣ звѣздъ, мы не »касались еще до разстоянія ихъ отъ насъ (?), истинной »величины этихъ по видимому блестящихъ точекъ и зна»ченія (?) ихъ во вселенной, тогда мы еще имѣли мало

Digitized by Google

данныхъ.« Эта оговорка есть прямое обвиненіе принятаго порядка въ изложеніи »Лекцій.« Что заставляло говорить о томъ, для чего не было еще положено основаній? — Переходя такимъ образомъ отъ лекціи къ лекціи, читатель вездѣ будетъ открывать этотъ недостатокъ расположенія, и почти на каждомъ шагу будетъ останавливаться, въ однихъ мѣстахъ на неполнотѣ изложенія, а въ другихъ — по причинѣ соединенія разнородныхъ предметовъ. Если же забудемъ, — что впрочемъ очень трудно, — недостатокъ расположенія, то въ книгѣ Г. Зеленаго найдемъ полное собраніе астрономическихъ результатовъ, совершенно соотвѣтствующее современному состоянію науки, чего и надобно ожидать отъ сочинителя, извѣстнаго въ Россіи своими астрономическими знаніями, доказанными въ особенности прекрасной »Морскою астрономіею«, и многолѣтнимъ изданіемъ »Морскаго мѣсяцослова.« Эти-то неоспоримыя ученыя достоинства Г. Зеленаго вооружили насъ нѣкоторой строгостью противъ его »Лекцій«; имъ слѣдовало бы выдти изъ-подъ его пера совершенно безъ недостатковъ, соблазнительныхъ для неопытныхъ читателей, которые, покорствуя авторитету Г. сочинителя, могутъ подумать, что »Популярную астрономію« нельзя иначе написать. Мы желали бы еще, чтобъ при третьемъ изданіи Г. сочинитель принялъ на себя трудъ дополнить значительный пропускъ въ его книгѣ, — объяснилъ бы, какимъ образомъ Ньютонъ вывелъ, или имѣлъ возможность вывести, свой великій законъ тяготѣнія изъ законовъ обращенія планетъ около солнца, открытыхъ Кеплеромъ по наблюденіямъ Тихо-де-Браге. Мы желали бы еще, чтобъ Г. сочинитель обратилъ вниманіе на чистоту языка и правильную разстановку знаковъ препинанія, — противъ этихъ двухъ пунктовъ »Лекціи« грѣшатъ безпрестанно, чему примѣры показаны выше. Наконецъ справедливость требуетъ, чтобъ Г. сочинитель упомянулъ, что онъ кое-что заимствовалъ изъ «Предварительнаго курса астрономіи», котораго 2-е изданіе вышло въ Москвѣ, 1847 года.

Digitized by Google

188. О самосгараніи человѣческаго тѣла. Сочиненіе Д. Граффа и Ю. Либиха. Перевелъ съ Нѣмецкаго Лекарь С. Ловцовъ. Спб. 1850. Стр. 52 въ 8 д. л.

Знаменитые судебные процессы, къ сожалѣнію*, повторяющіеся отъ времени до времени, обыкновенно оставляютъ послѣ себя слѣды въ наукѣ, обращая общее вниманіе на тотъ или другой ученый вопросъ. Процессъ Лафаржъ былъ причиною многочисленныхъ изслѣдованій надъ мышьякомъ, какъ ядомъ, и усовершенствованія способовъ его открытія и возстановленія въ металлическомъ видѣ. Процессъ о смерти Графини Гёрлицъ послужилъ къ ниспроверженію безотчетно передаваемаго до сихъ поръ устно и въ книгахъ мнѣнія о самосгараніи человѣческаго тѣла. Читателямъ Москвитянина извѣстенъ ходъ этого процесса и рѣшеніе присяжныхъ. Извѣстно также и опроверженіе самовозгаранія опытомъ и рѣчью Д—ра Бишофа. Чтобы помянуть добромъ покойное вѣрованіе въ возможность самовозгаранія, одинъ изъ экспертовъ, Г. Граффъ, подавшій впрочемъ въ процессѣ голосъ противъ дѣйствительности самовозгаранія, написалъ статью, въ которой силится доказать возможность и дѣйствительность самовозгаранія въ другихъ случаяхъ. Статья эта является теперь на Русскомъ языкѣ вмѣстѣ съ статьею знаменитаго сокрушителя самосгаранія, Ю. Ф. Либиха.

Изъ статьи Г. Граффа выписываемъ то, что онъ почитаетъ особенностями, замѣченными при самосгараніи.

1) Большая часть погибшихъ отъ самосгаранія были женщины. Число ихъ къ мужчинамъ было какъ 4 : 1.

2) Возрастъ ихъ, за небольшимъ исключеніемъ, былъ весьма престарѣлый: по большой части между 55-мъ и 80-мъ годами; рѣдко моложе 50-ти лѣтъ.

---

* Говоримъ *къ сожалѣнію*, потому что самая знаменитость процесса есть ясный признакъ его неправильности. Дѣло, правильно веденное, никогда не сдѣлается знаменитымъ. Не понимаемъ, почему переводчикъ поставилъ процессъ Праденъ въ одинъ рядъ съ процессами Лафаржъ и Гёрлицъ.

Digitized by Google

3) Образъ жизни ихъ былъ большею частію сидячій и бездѣйственный.

4) Субъекты почти во всѣхъ случаяхъ были тучные, жирные.

5) Почти всѣ долгое время были преданы непомѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ.

6) Сгоранію всегда почти предшествовало продолжительное пьянство.

7) Сгораніе случалось всегда ночью и зимою.

8) Сгорѣвшіе никогда не звали на помощь.

9) Въ бо́льшинствѣ случаевъ (но не во всѣхъ), находился по близости отъ сгорѣвшаго очень незначительный огонь, напр. горящая свѣча, раскаленные угли и т. п.

10) Сгораніе происходило неимовѣрно быстро, большею частію въ нѣсколько минутъ (Dictionnaire des sciences médicales) и даже нѣсколько секундъ (Encyklopäd. Wörterb d. med. Wissensch.).

11) Сгораніе происходило съ пламенемъ и съ трудомъ было гасимо водою.

12) Предметы, находившіеся вблизи сгорѣвшаго человѣческаго тѣла, сами по себѣ легко воспламеняющіеся, часто не загорались отъ этого огня.

13 и 14) Во всѣхъ случаяхъ горѣніе поражало только туловище, которое, за небольшимъ исключеніемъ, всегда все превращалось въ угли и золу.

15) Огонь щадилъ, въ большей части случаевъ, нѣкоторыя части головы и конечностей.

16) Конечности всегда расходились въ суставахъ и покрывалось пузырями отъ ожоги.

17) За сгораніемъ всегда слѣдовала смерть.

18) Оставшіеся угли сохраняли большею частію форму сгорѣвшихъ частей тѣла, были пористы, и при малѣйшемъ дотрогиваніи превращались въ пепелъ.

19) Пепелъ всегда былъ смѣшанъ съ желтоватою, маслянистою, клейкою жидкостью, которая покрывала собою полъ въ комнатѣ и распространяла проницательный пригорѣлый запахъ.

Digitized by Google

20) Комната была наполняема густымъ чадомъ; стѣны и мебель въ ней, большею частію остававшіяся цѣлыми, покрывались сажею.

Что касается до статьи доктора Либиха, она написана съ обыкновеннымъ искусствомъ автора и потому убѣдительна и легко читается. Авторъ прежде всего исчисляетъ значительнѣйшіе случаи самовозгаранія, описанные другими. Вотъ они:

Въ 1725 г. въ Реймсѣ нашли жену тамошняго жителя, по имени Миллье, сгорѣвшею въ кухнѣ въ разстояніи около полутора фута отъ открытаго камина. Отъ всего тѣла остались только нѣкоторыя части головы, ногъ и позвонковъ. Миллье имѣлъ хорошенькую служанку, на которую и пало подозрѣніе въ убійствѣ жены его. При слѣдствіи эксперты признали, что жена Миллье умерла отъ самосгаранія и что Миллье и служанка невинны.

Священникъ, по имени Бертоли, (1787) ночуя у своего зятя, положилъ себѣ подъ рубашку между плечами платокъ и, оставшись одинъ, занялся чтеніемъ молитвенника. Чрезъ нѣсколько минутъ услышали необыкновенный шумъ въ его комнатѣ, его крики, и прибѣжавшіе къ нему люди нашли священника лежащимъ на полу, окруженнымъ легкимъ пламенемъ, которое удалялось по мѣрѣ приближенія людей, и наконецъ исчезло. Кожа на правой рукѣ и на туловищѣ, начиная отъ плечъ внизъ до бедръ, была найдена отставшею отъ мышцъ. Плеча, которыя были покрыты платкомъ, не были повреждены, и платокъ не представлялъ слѣдовъ горѣнія; на поврежденныхъ частяхъ была уничтожена и рубашка, и вообще, гдѣ платье было цѣло, и на тѣлѣ подъ нимъ не замѣчалось слѣдовъ горѣнія.

Въ комнатѣ была масляная лампа. Масло и свѣтильня сгорѣли безъ остатка.

Либихъ думаетъ, что здѣсь загорѣлась рубашка и обожжено тѣло.

Въ другомъ случаѣ у одной особы сгорѣли пальцы правой руки, которые при соприкосновеніи зажгли собою нижнее платье и пальцы лѣвой руки. Этотъ огонь сильно горѣлъ въ пескѣ и не потухалъ отъ заливанія водой.

Digitized by Google

Въ третьемъ случаѣ, одинъ церковный служитель въ Америкѣ почувствовалъ въ лѣвой ногѣ колотье, какъ будто бы у него выдернули волосъ. На томъ же мѣстѣ онъ увидѣлъ слабое пламя, потухшее отъ прикрытія рукою, и пятно отъ ожеги. Платье прогорѣло, но кожа была какъ будто соскоблена, суха, темна, но безъ пузырей. Такіе случаи самосгаранія, замѣчаетъ Либихъ, всего чаще бываютъ у курителей сигаръ.

Принятіе самовозгорѣнія противорѣчитъ законамъ горѣнія и извѣстнымъ свойствамъ человѣческаго тѣла.

Объяснять его болѣзненнымъ состояніемъ нельзя, потому что для этого нужно было доказать, что такое болѣзненное состояніе дѣйствительно существуетъ, и что особы сгорѣвшія были именно въ этомъ болѣзненномъ состояніи. Ничего не доказано.

Мнѣніе о самовозгараніи основывается не на извѣстности, напротивъ на неизвѣстности причинъ несчастной смерти. Оно похоже на то, еслибъ экспертъ химикъ, по изслѣдованіи тѣла скоропостижно умершаго, гдѣ подозрѣвалось отравленіе, не нашедши яда, сказалъ, что дѣйствительно было отравленіе и что въ этомъ онъ увѣренъ именно потому, что онъ не нашелъ яда и что въ природѣ есть многое еще недоступное для науки.

Возможность самовозгаранія обыкновенно доказывается его дѣйствительностію, а дѣйствительность его возможностію. Значитъ ли это доказывать?

Говорятъ: количество горючихъ матеріаловъ было мало. Но ихъ могло быть найдено мало отъ того, что они сгорѣли.

Факты, приводимые въ доказательство возможности самовозгаранія, ложно толкуются, напр. Одинъ мясникъ закололъ больнаго быка, котораго тѣло было весьма раздуто. Изъ брюха быка вышелъ горючій воздухъ, который воспламенился и горѣлъ пламенемъ въ пять футовъ вышиною. Подобное явленіе наблюдаемо было надъ мертвою свиньею (Мормонъ) и надъ человѣческими трупами (Рюэль и Бальи).

Между фактомъ и заключеніемъ нѣтъ связи. Газъ скопился въ мертвомъ тѣлѣ и не проходилъ сквозь кожу,

Digitized by Google

но нужно было сдѣлать разрѣзъ. Въ живыхъ тѣлахъ такого раздутія не замѣчалось. Притомъ хоть газъ и горѣлъ, но тѣло не горѣло.

Другіе приписываютъ самовозгараніе болѣзненному образованію водофосфорнаго газа. Но присутствіе этого газа никогда не было наблюдаемо ни въ здоровыхъ, ни въ больныхъ организмахъ, ни въ трупахъ; даже фосфоръ въ человѣческомъ тѣлѣ не содержится въ такомъ видѣ, чтобы могъ образоваться этотъ газъ, а еслибъ образовался, то неминуемо былъ бы смертеленъ.

Объяснять усиленіе горючести тѣла большимъ количествомъ жара также нельзя. Тѣло можетъ сдѣлаться горючѣе не отъ присутствія горючаго вещества, а единственно отъ удаленія причинъ, препятствующихъ горѣнію, напр. воды. Жиръ могъ бы горѣть, но мясо, безъ просушки, не сгорѣло бы.

Послѣднее объясненіе состоитъ въ электричествѣ, разлагающемъ воду на элементы. Авторъ опровергаетъ его, обнаруживая совершенное противорѣчіе съ законами физики и физіологіи.

Не будемъ спорить съ знаменитымъ химикомъ въ настоящемъ вопросѣ: онъ совершенно, по нашему мнѣнію, правъ. Но замѣтимъ лишь одно: еслибъ самосгараніе дѣйствительно существовало; еслибъ Г. Либихъ былъ убѣжденъ въ фактѣ или видѣлъ его своими глазами, то мы увѣрены, что онъ первый придумалъ бы для него удовлетворительное объясненіе.

Одинъ фактъ, весьма недавній, ручается намъ за то, что мы многаго если не совершенно не знали, то не предвидѣли, хотя предвидѣть было и очень просто. Пропуская сильно горячій водяной паръ сквозь древесину, можно обуглить ее, притомъ безъ предварительной сухой перегонки. Кто бы подумалъ пять лѣтъ тому назадъ, что это возможно, что вода поддерживаетъ горѣніе? Но явленіе есть, тотчасъ явилось и объясненіе. Говорятъ: вода здѣсь разлагается, водородъ соединяется съ кислородомъ, кислородомъ съ водородомъ древесины. Изъ того и другаго образуется опять вода.

Digitized by Google

Пожалѣемъ также, что переводчикъ не прибавилъ къ брошюркѣ извѣстія объ опытахъ Бишоффа, весьма значительныхъ, хотя и не подтверждающихъ самосгаранія. Изъ этихъ опытовъ ясно, что тѣло человѣка при извѣстныхъ условіяхъ, не смотря на содержащееся въ немъ большое количество воды, можетъ сдѣлаться весьма горючимъ, горючѣе сухаго дерева и шелковаго платья. Это же доказываетъ и несчастная смерть Графини Гёрлицъ.

*189. О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи. Сочиненіе П. Леонтьева. М. Въ Ун. тип. 1850. Стр. VIII и 344. въ 8 д. л.**

Диссертація Г. Леонтьева представляетъ замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ и составляетъ, по собственнымъ словамъ автора, результатъ одной части трудовъ, вызванныхъ знакомствомъ съ Шеллинговымъ ученіемъ о философіи миѳологіи, хотя не можетъ быть названа приложеніемъ мыслей Шеллинга къ фактамъ, будучи сочиненіемъ чисто-фактическимъ; отъ философскихъ мыслей зависитъ она на столько, сколько онѣ помогаютъ при наблюденіи фактовъ, наводя вниманіе на такія стороны, которыя безъ ихъ благодѣтельнаго содѣйствія остались бы незамѣченными. Кромѣ того Г. Леонтьевъ воспользовался всѣми монографіями, прямо или косвенно относящимися къ предмету его изслѣдованія. Самое сочиненіе написано по Греческимъ и Латинскимъ источникамъ, и «ограничивается только Греческимъ поклоненіемъ, *не производя его ни откуда*» (стр. V). Вотъ самый краснорѣчивый отвѣтъ на всѣ хитросплетенія Г. Сенковскаго, самый краснорѣчивый—говоримъ мы, потому что порожденію необузданной фантазіи и ни на чемъ не основаннымъ выводамъ, кромѣ одного остроумія, противопоставляются свидѣтельства исторіи и выводы науки. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ Г. Леонтьевъ: «Стремленіе опознаться въ до-историческомъ хаосѣ сначала «отдѣльныхъ народовъ, потомъ и всего человѣчества, при-

* Мы виноваты предъ читателями, что знакомимъ ихъ такъ поздно съ этою примѣчательною книгою. *Ред.*

Digitized by Google

«надлежитъ къ самымъ важнымъ и занимательнымъ между «историческими попытками вообще. Въ Греческой и Латинской миѳологіи они легче, нежели въ другихъ, какъ по «обилію свидѣтельствъ, сохранившихся у древнихъ писателей и въ древнихъ произведеніяхъ образовательныхъ художествъ, такъ и по тому, что эти свидѣтельства, что касается до ихъ фактической стороны, въ наше время не «только собраны, но и значительно обслѣдованы. Кромѣ «того оба классическіе народа представляютъ намъ миѳологію въ самомъ полномъ и окончательномъ ея развитіи. «По этому надобно предполагать, что основательныя миѳологическія изслѣдованія должны начаться на Греціи «и Римѣ, и уже оттуда переходить къ другимъ народамъ, «чтобы имѣть возможность заключать отъ извѣстнаго къ «неизвѣстному. Но такова трудность этихъ вопросовъ, что «теперешнее состояніе миѳологіи, какъ науки, даже относительно Греческой и Римской древности, совершенно неудовлетворительно.» И далѣе: «Человѣкъ, хотя нѣсколько «знакомый съ трудами новѣйшихъ миѳологовъ, знаетъ, что «въ большей части миѳовъ еще неизвѣстна степень ихъ «подлинности, неизвѣстно, вымыселъ ли они поэтовъ или «народное повѣрье, и что еще менѣе объяснено ихъ значеніе, потому что для каждаго мива *можно найти по нѣскольку толкованій, имѣющихъ нѣкоторое правдоподобіе. «Пособить этому недостатку можно однимъ только способомъ.* Надобно найти твердыя точки, на которыхъ бы «можно было укрѣпиться, чтобы отъ нихъ распространять «далѣе монографическое изслѣдованіе частей, которыя менѣе тверды. Такими твердыми точками могутъ служить: 1) отношенія миѳовъ къ достовѣрнымъ историческимъ событіямъ и учрежденіямъ, и 2) связь миѳовъ съ религіозными обрядами.» Мы выписали это мѣсто, потому что, съ одной стороны, оно бросаетъ яркій свѣтъ на выводы Г. Сенковскаго, съ другой потому, что показываетъ методъ, которому слѣдуетъ Г. Леонтьевъ въ изложеніи исторіи поклоненія Зевсу.

Вся диссертація состоитъ изъ четырехъ главъ и краткаго вступленія. Въ 1 главѣ излагается происхожденіе по-

Digitized by Google

клоненія Зевсу у Грековъ; во 2 говорится о Пеласгическомъ, въ 3 о героическомъ, въ 4 о Эллинскомъ поклоненіи Зевсу.

Поклоненіе Зевсу у Грековъ явилось не вдругъ; до него главнымъ богомъ Греческой религіи былъ Кронось, требовавшій страшныхъ, человѣческихъ жертвъ, и прежде чѣмъ Греки перешли къ человѣчному поклоненію Зевсу, они должны были выдержать сильную борьбу. Эта борьба происходила въ сознаніи Греческаго народа и высказалась въ миѳѣ объ Іо, къ которой Зевсъ воззвалъ изъ Додонскаго дуба, нарекши ее своею невѣстою: враждебная этой связи богиня превратила ее въ корову, и вотъ Іо блуждаетъ, побуждаемая приставленнымъ къ ней Аргосомъ. Долговременное, мучительное блужденіе Іо изображаетъ, какъ мы уже сказали, душевное состояніе Греческаго народа въ переходное время отъ поклоненія Кроносу къ поклоненію Зевсу. «Въ миѳѣ объ Іо явленіе Зевса изображено со стороны его вліянія на человѣческое сознаніе» (стр. 11). То же самое событіе, та же самая борьба, изображена въ Гезіодовомъ сказаніи о Титаномахіи или борьбѣ Зевса съ Кроносомъ и титанами, но изображена съ реальной стороны. Извѣстно, что дѣти Кроноса стали въ послѣдствіи при Зевсѣ Олимпійскими богами; пока же онъ господствовалъ, они будто бы были имъ проглощаемы и оставались въ его внутренностяхъ. Значитъ, Греки могли знать объ нихъ очень смутно. Принужденный Зевсомъ, Кронось изрыгаетъ наружу дѣтей своихъ. «Это значитъ, говоритъ авторъ, что Зевсъ далъ Грекамъ возможность ясно узнать тѣ существа, которымъ они поклонялись въ историческое время. До побѣды Зевса надъ Кроносомъ Греки не знали ясно своихъ боговъ, не могли различать, не чувствовали значенія и силы каждаго изъ нихъ въ отдѣльности». Это объясненіе миѳа о поглощеніи Кроносомъ дѣтей, выводимое прямо изъ сказанія Гезіода, подтверждается и словами Геродота, которому Додонскія жрицы разсказывали, что Пеласги приносили жертвы богамъ, не давая имъ ни прозвищъ, ни именъ. Додонскій оракулъ велѣлъ уже призывать боговъ подъ отдѣльными именами, какъ Зевсъ принудилъ Кроноса выпустить дѣтей изъ вну-

Digitized by Google

треннюсти. Такимъ образомъ, до Зевса главнымъ, народнымъ богомъ Греціи былъ Кроносъ, вопреки мнѣнію Буттманна, который отрицаетъ это. Главнымъ характеромъ религіи Кроносовскаго времени было смутное, неясное сознаваніе боговъ. Миѳъ о Титаномахіи служитъ дополненіемъ и объясненіемъ миѳа о Кроносѣ. Титаны низвергаются въ тартаръ въ концѣ десятаго года, когда сторукіе дружно помогаютъ дѣтямъ Кроноса. Въ миѳѣ о сторукихъ указывается на дикую и грубую борьбу, которая должна была возникнуть въ переходное время отъ поклоненія Кроносу къ поклоненію Зевсу. Тогда вышли опять «на свѣтъ сторукіе образы дикой и грубой борьбы, которые бушевали въ мірѣ, прежде чѣмъ Кроносъ усилился, и начали опять бушевать съ его ослабленіемъ. Въ Зевсово время опять объ нихъ не слышно; ихъ только боятся боги и повинуются Зевсу, чтобы не нарушить всемірнаго чина» (стр. 41). Такое заключеніе подтверждается и сказаніемъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ жизни и бытѣ Грековъ въ до-историческое время, измѣненіяхъ, стоявшихъ, вѣроятно, въ связи съ великимъ переворотомъ въ Греческой религіи. Самое сказаніе находится въ «Работахъ и дняхъ» Гезіода, и повѣствуетъ о пяти поколѣніяхъ: золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ, героевъ и желѣзномъ. Если золотое поколѣніе создано было богами Кроносова времени, то серебряное и мѣдное соотвѣтствуетъ Титаномахіи, за которыми слѣдуетъ болѣе правдивое и лучшее поколѣніе героевъ: причина неожиданнаго улучшенія дѣлъ лежитъ въ благодѣтельномъ вліяніи поклоненія Зевсу, уже пріобрѣтшаго силу. Это сказаніе объ измѣненіи быта Грековъ подтверждается и другими, даже чисто историческими свидѣтельствами (4, 5 и 6 гл. исторіи Ѳукидида, миѳами о Флегіяхъ и Кентаврахъ, стр. 55—73). Объясненіе автора подтверждается наконецъ показаніемъ о Критскомъ лабиринѳѣ. Въ Критѣ, по самому географическому положенію его, должна была произойдти религіозная запутанность. «Вмѣстѣ съ вопросомъ объ имена«хъ долженъ былъ возникнуть у Критскихъ Грековъ во«просъ объ обрядахъ боговъ и аттрибутахъ, что и тогда бы «случилось, когда бы они не приняли къ себѣ прямо иноземныхъ боговъ. Но такъ какъ многіе иностранцы при-

Digitized by Google

«несли въ Критъ свою религію и свое искусство, то есте-«ственно, что такое сосѣдство не могло остаться безъ влія-«нія на Грековъ, не могло не искушать ихъ и не произве-«сти въ ихъ душѣ религіозной запутанности». Критскій лабиринеъ былъ умственнымъ лабиринеомъ и означалъ именно эту запутанность. Знакомство съ искусствомъ безспорно участвовало въ произведеніи этого умственнаго лабиринеа, и вотъ почему мнѣ приписываетъ построеніе Критскаго лабиринеа Дедалу, художнику, хотя дѣятельность художника бываетъ устремлена на очищеніе, уясненіе, а не запутываніе. Но тотъ же самый Дедалъ далъ Аріаднѣ нить, по которой Тезей могъ выдти изъ лабиринеа. «Это значитъ, что искусство, «сильно понравившись Грекамъ, нашло въ себѣ и дало имъ «средства побѣдить и чувственность и запутанность, и стать «орудіемъ прославленія Олимпійскихъ боговъ» (стр. 70). Стало быть, говоря общѣе, художественная дѣятельность приняла значительное участіе въ приготовленіи и совершеніи поклоненія Зевсу. Это подтверждается однимъ мѣстомъ Геродота, который говоритъ еще ясиѣе и опредѣленнѣе объ участіи поэзіи въ развитіи поклоненія Олимпійскимъ богамъ.

Вмѣстѣ съ происхожденіемъ поклоненія Зевсу, или почти одновременно съ нимъ, начался и героическій бытъ; оба они водворились на развалинахъ другаго быта и другаго поклоненія. Въ героическомъ бытѣ Греческаго народа необходимо должно видѣть не начало исторіи, а результатъ длиннаго процесса, продолжительнаго развитія (стр. 51). Но объ этомъ представится еще случай сказать ниже.

Самая исторія поклоненія Зевсу распадается на три отдѣла, согласно тремъ періодамъ Греческой исторіи: Пелазгическому, героическому и Гелленскому.

Первый шагъ къ гелленизму сдѣланъ былъ Додонскимъ оракуломъ. Можно даже думать, что самое имя «Гелленъ» «пошло отъ Додонскихъ толкователей воли Зевса» (извѣстныхъ уже у Гомера подъ именемъ Селловъ, Ил. XVI, 233) и распространилось въ связи съ новыми религіозными понятіями изъ Додоны. «Понятія древнихъ о томъ, какимъ «образомъ Греція стала изъ Пелазгической Гелленскою, не «только не противорѣчатъ такому заключенію, но даже

Digitized by Google

«его подтверждаютъ: У Геродота было твердое убѣжденіе, «что Геллены не существовали искони, а произошли изъ «Пеласговъ. Многихъ мѣстъ у него нельзя понять, если не «предположить, что Геллены отличались отъ Пеласговъ не «кровью, а степенью развитія» (стр. 83).

Общій характеръ Додонскаго поклоненія былъ нѣсколько мрачный и аскетическій; Додонскому Зевсу пріятно было видѣть жрецовъ своихъ необутыми, спящими на землѣ. Это видно уже изъ Гомера. Между знаками, служившими для объясненія думы Зевса (*βουλὴ Διός*), первое мѣсто занимали движенія самаго дуба и холодный источникъ, текшій періодически. (*ἀναπνάμενος*), какъ бы изъ корней деревъ, и журчаніемъ своимъ, которое растолковывала старуха, Пеліада, по внушенію боговъ, давалъ разные оракулы. Какія же главныя мысли руководили Додонскими жрецами при истолкованіи знаковъ, возвѣщавшихъ думу Зевса? Во 1-хъ изъ Додоны шло теогоническое ученіе, потому что понятіе Зевса въ ихъ сознаніи возникло прежде, нежели понятіе о прочихъ богахъ. Во 2-хъ, изъ нея же шло ученіе о законномъ порядкѣ міра, о жизни на землѣ, о семейныхъ отношеніяхъ и пр.; въ 3-хъ, Додонскій оракулъ провозглашалъ свою волю и въ древнѣйшихъ племенныхъ распряхъ, защищая и покровительствуя Пеласговъ. Не смотря на то, Додонскій оракулъ произошелъ (какъ уже было сказано выше) въ связи съ первыми движеніями геллениама, среди Пеласгической жизни. Новый шагъ на пути къ геллениаму видимъ уже въ поклоненіи Ликейскому Зевсу, съ которымъ (т. е. поклоненіемъ) соединены уже состязанія, упоминаемыя Павзаніемъ. «Свойства этого поклоненія были: простота «средствъ, отсутствіе храма, неприступность, таинственность, «все черты очень характеристическія». Ликейскій Зевсъ связанъ съ элементомъ воды (какъ и Додонскій: припомнимъ источникъ, журчаніемъ объявлявшій волю Зевса); но эта вода атмосферическаго происхожденія, какъ и самъ Ликейскій Зевсъ есть Зевсъ вершинный (*ἄκριος*). Замѣчательно, что Ликейскому Зевсу приносились въ историческое даже время человѣческія жертвы; изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, что это варварское приношеніе было необходимой при-

Digitized by Google

надлежностью поклоненія Зевсу, что такія жертвы требовались Зевсомъ. Въ этомъ авторъ видитъ воздѣйствіе Кроносовской религіи: на новаго бога (говоритъ онъ) «переносенъ былъ прежній страхъ, при чемъ конечно могли произойти для новаго бога новые символы; но ихъ характеръ долженъ былъ необходимо условливаться слѣдами прежнихъ представленій, еще никакъ не оставлявшими сознанія недавнихъ поклонниковъ Зевса и долго удерживавшими ихъ подъ вліяніемъ прежнихъ страшныхъ обычаевъ, къ числу которыхъ принадлежало и принесеніе людей въ жертву» (стр. 110).

Слѣды Пеласгическаго поклоненія Зевсу видны и въ другихъ мѣстахъ. Въ Идейскомъ или лѣсномъ Зевсѣ (Ἴδη не только имя горы, но и вообще лѣсъ, боръ) соединились принадлежности Додонскаго и Ликейскаго, съ преобладаніемъ однакожъ Додонскаго или древеснаго. Напротивъ ближе къ Ликейскому, вершинному, подходитъ поклоненіе Зевсу высочайшему (ὕπατος), что видно уже изъ самаго названія, а къ сему послѣднему долженъ быть близокъ Зевсъ исполинскій (πελώριος), которому поклонялись въ Ѳессаліи. Остается упомянуть о Зевсѣ треглазомъ. «Пока Посидонъ и Плутонъ еще не отдѣлялись отъ Зевса, Зевсъ былъ одинъ, и еще не распадался на ту тріаду, которая послѣ, по Греческимъ понятіямъ, господствуетъ надъ міромъ». Далѣе, «Зевсъ, еще обнимавшій въ себѣ Посидона и Адъ, назывался *треглазымъ*. Онъ приводится въ связь съ Идейскимъ поклоненіемъ, и потомъ еще, по разрушеніи Трои, его изваяніе ставится въ храмѣ Аѳины, богини, которой идолъ былъ подаренъ Зевсомъ Дардану, и о рожденіи которой отъ Зевса говорило Аркадское сказаніе. Все это указываетъ на Пеласгическій характеръ этого треглазаго Зевса и на близость поклоненія ему къ поклоненію Идейскому и Ликейскому Зевсу» (стр. 122). Теперь представляется вопросъ, «было ли явленіе поклоненія Зевсу слѣдствіемъ одного внутренняго развитія Греческихъ туземцевъ, или ему содѣйствовали и чужеземныя вліянія?» Кромѣ генеалогіи Амбракса у Стефана Византійскаго, киклопическія сооруженія, общимъ голосомъ ученыхъ приписываемыя Пеласгамъ, указываютъ

Digitized by Google

на тѣсное сродство жителей Эпира и Аркадіи, и на значительное соотвѣтствіе въ развитіи Пеласгической жизни, имѣвшемъ мѣсто въ этихъ двухъ странахъ. Далѣе эти чудовищно-громадные склады камней, извѣстные подъ именемъ киклопическихъ стѣнъ, лишенные всякаго изящества и гармоніи, свидѣтельствуютъ съ одной стороны, что порядка не было въ сознаніи Пеласговъ, что, «какъ боги представля-«лись еще имъ въ хаотической неясности, и потому не имѣли «именъ, такъ и все ихъ міросозерцаніе отличалось смут-«ностью; съ другой стороны уже одно сооруженіе городскихъ «стѣнъ предполагаетъ значительное развитіе Пеласгической «жизни, значительное измѣненіе родоваго быта на пути къ «государству». Основаніе городовъ предшествовало, какъ можно думать, процвѣтанію героической жизни. Но высшее развитіе Пеласгической жизни именно тамъ и находимъ, гдѣ явилось поклоненіе Зевсу. «Происхожденіе Додонскаго «и Ликейскаго поклоненія Зевсу именно и имѣло то об-«щаго, что совпадало съ послѣднею формою развитія Пе-«ласгической жизни; но въ обстоятельствахъ, сопровож-«давшихъ это событіе, была значительная разница.» Въ Додонѣ поклоненіе Зевсу водворилось мирно, въ Аркадіи замѣтно болѣе слѣдовъ борьбы.

Въ концѣ главы авторъ повторяетъ уже высказанное положеніе, что между Пеласгами и Геллenами не было кровнаго различія, и что «въ самой исторіи Пеласговъ можно «указать степени, приближавшія ихъ къ Геллenамъ: воззрѣніе, «ведущее начало съ Геродота, не отрицающее чужеземнаго «вліянія на развитіе Пеласгической жизни, но исключающее «мнѣніе, будто бы элементы чужеземной образованности ост-«лись въ Греціи непереработанными, и будто бы *всѣми* на-«чатками образованности Греки обязаны чужеземнымъ «колонистамъ.»

Вторую ступень въ исторіи поклоненія Зевсу составляетъ время героевъ. «Въ Критѣ болѣе чѣмъ въ другихъ «мѣстахъ, до сихъ поръ нами разсмотрѣнныхъ, Зевсъ явил-«ся въ связи съ героическимъ бытомъ.» Общею чертою Критской миѳологіи можно положить запутанность, не-

Digitized by Google

ясность религіозныхъ понятій, происшедшую отъ вліянія другихъ народовъ, о чемъ уже было сказано выше.

Эта чуждая примѣсь высказалась и въ зооморфизмѣ Зевса, элементѣ, чуждомъ и древнимъ Пеласгамъ и позднѣйшимъ Геллэнамъ, который обыкновенно носитъ жестокій и кровавый характеръ. Эта примѣсь чуждаго элемента видна и въ Талейскомъ Зевсѣ, который произошелъ отъ смѣшенія восточнаго Талоса съ Зевсомъ въ религіозномъ сознаніи; видна наконецъ и въ сказаніи о смерти Зевса, вѣроятно, перенесенной въ кругъ Зевсовой миѳологіи изъ миѳовъ объ Аттисѣ. Впрочемъ «эта запутанность и тем-«нота представленій о Зевсѣ со временемъ прояснились, и на «островѣ Критѣ положено начало анѳропоморфическому «поклоненію Зевсу и пластическому его изображенію въ «идолахъ школы Дедала» (с. 142); анѳрономорфизмъ Зевса «видѣнъ во многихъ сказаніяхъ; впрочемъ этотъ анѳромо-«физмъ не препятствовалъ ему являться въ безпредѣльномъ «міровомъ значеніи царя неба.» Общій характеръ Критскаго Зевса состоитъ въ томъ, что онъ является въ человѣческомъ видѣ, что вліяніе его направлено особенно на водвореніе гражданственности и смягченіе нравовъ. Зевсъ давалъ Миносу законы,—ясное указаніе на связь монархической власти героическаго періода съ религіею Зевса. Въ связи и подъ вліяніемъ понятій, соединенныхъ съ Критскимъ поклоненіемъ Зевсу, произошло Эпименидово ученіе объ Эпименидахъ и очищеніи. «Но (говоритъ авторъ) такъ какъ «естественно, что очищать отъ проклятія можно только «именемъ того, кто соединяетъ съ милующею властію и «власть карательную, то Критскій Зевсъ καθάρσιος или «μειλίχιος долженъ былъ имѣть и страшный, мрачный ха-«рактеръ бога мстящаго, гнѣвнаго.» Этою стороною онъ склоняется даже къ Кроносу; но при всемъ томъ, онъ выше всѣхъ предшествовавшихъ явленій Зевса. Окончательная геллэнизація Крита принадлежитъ древнѣйшимъ колонистамъ. Поклоненіе Зевсу въ Сикіонѣ являетъ новый шагъ въ геллэнизаціи. Въ этомъ городѣ происходилъ раздѣлъ почестей между богами, замѣчательный особенно тѣмъ, что теперь боги, скрывавшіеся во внутренностяхъ Кронова,

Digitized by Google

окончательно явились Греческому сознанію въ полной ясности. Въ этомъ же городѣ введенъ новый обычай относительно жертвоприношеній: лучшія части Греки потребляли, оставляя богамъ лишь негодныя части: это показываетъ, что исчезъ тотъ страхъ передъ богами, который нѣкогда побуждалъ къ самымъ дорогимъ жертвамъ.

У Эолійскихъ племенъ Зевсъ имѣлъ характеръ Плутоническій; это преисподній Зевсъ. Это подтверждается разсказами древнихъ о Зевсѣ Трофоніѣ (τρέφω—кормлю, богъ кормилецъ, изъ земли посылающій хлѣбъ; его оракулъ находился подъ землею) и Зевсѣ Аффіараѣ. Хаотическій же характеръ находимъ и у Миніевъ, что ясно изъ сказаній о Клименѣ, Персефонѣ и т. д. «Но у Миніевъ поклоненіе «Зевсу приняло уже обновленный, односторонній характеръ «религіи одного племени.» Въ Оивахъ находимъ антропоморфизмъ согласно съ сказаніемъ объ основаніи Оивъ Кадмомъ и о Сфинксѣ, убившемся, когда Эдипъ разрѣшилъ предложенную имъ загадку. Въ Оессаліи Зевсъ также имѣетъ подземный характеръ. Вотъ общее заключеніе: «Большія «несчастія въ жизни и тяжкія наказанія въ тартарѣ, при«писываемыя миѳами дѣтямъ Эола (Салмонею, Сисифу), по«казываютъ, что время этихъ героевъ было еще трудное, «время броженія неустановившихся элементовъ Греческой «и героической жизни. Миѳы говорятъ то же, что и исторія; «они подтверждаютъ, что Эолійцы, люди несвѣдомые по значе«нію своего имени, αἰολεῖς, и по своей разнохарактерности «и распространенію, по всей почти Греціи, стоя въ преддверіи Греческой исторіи, еще менѣе всѣхъ своихъ собратовъ умѣли возвыситься до свободнаго и спокойнаго быта, «возможнаго только послѣ установленія и уравновѣшенія «элементовъ жизни и обычая, находимыхъ въ борьбѣ у «всѣхъ народовъ въ началѣ исторіи. Борьба и броженіе «элементовъ Геллинскаго быта составляютъ общее отличіе «Эолійскаго племени» (с. 197—198).

Глава «Зевсъ у Ахеевъ» принадлежитъ къ важнѣйшимъ и любопытнѣйшимъ мѣстамъ книги Г. Леонтьева, по новизнѣ взгляда, извѣстнаго не многимъ и въ Германіи (не говоримъ объ насъ: для насъ часто ново то, что давнымъ

Digitized by Google

давно извѣстно Нѣмцамъ, преимущественно по Греко-Римскимъ древностямъ). Взглядъ этотъ высказанъ профессоромъ Берлинскаго Университета Бёкомъ въ его лекціяхъ (не напечатанныхъ), и состоитъ въ томъ, что Бёкъ не признаетъ Ахейцевъ отдѣльнымъ племенемъ. Это мнѣніе подробно доказываетъ Г. Леонтьевъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ его доказательствъ. Ахеи суть представители Греческаго народа въ героическій періодъ. «Въ нихъ, какъ они являются у Гомера, дѣйствительно нельзя замѣтить ни-«чего, что сколько нибудь указывало бы на характеръ от-«дѣльнаго племени, стоящаго наряду съ другими племенами. «Ахеи Троянской войны были не племя въ обыкновенномъ «смыслѣ, но соединеніе тѣхъ элементовъ всѣхъ Греческихъ «племенъ, въ которыхъ была наклонность къ героическому «образу жизни. Они могли имѣть много общаго между «собою не только во внѣшности, но даже и въ способѣ вы-«ражаться, и потому могли отличать себя отъ прочихъ на-«стоящихъ племенъ, но племенемъ они отъ того еще не были, «и напротивъ, скорѣе служили средою, въ которой соединя-«лись героическіе элементы всѣхъ племенъ, и въ которой «осуществлялась та степень сознанія Греческаго народа «о своемъ единствѣ, которая была возможна въ героическое «время» (стр. 205—208). Къ доказательствамъ этого мнѣнія можетъ относиться и то обстоятельство, что еще Страбонъ называетъ Ахеевъ и Эолійцами и Іонійцами, что «Гомеръ придаетъ имъ такія качества, которыя лучше «отнести къ отборной части многихъ племенъ, чѣмъ «къ одному какому-нибудь отдѣльному и обыкновенному «племени; наконецъ всѣ Ахеи не поклонялись особенно ни «какому второму богу, какъ прочія племена и города Гре-«ческіе, но обращали свои мысли преимущественно къ Зевсу, «въ его собственномъ значеніи царственнаго бога, чествя «прочихъ боговъ почти всѣхъ наровнѣ съ собою «(стр. 207). Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Ахейскій Зевсъ, изо-«бражаемый въ Гомерическихъ рапсодіяхъ, сталъ верхов-«нымъ богомъ въ собственномъ смыслѣ слова и совершенно «освободился отъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ, пересиливавшихъ «одинъ другой на прежнихъ степеняхъ явленія Зевса, и те-«перь устраненныхъ, особенно же отъ оттѣнковъ Плутоній-

Digitized by Google

«ческаго и Посидоническаго. Вслѣдствіе этого освобожде-«нія Ахейскій Зевсъ сталъ въ полномъ смыслѣ верховнымъ «владыкой на Олимпѣ, ὕπατος κρειόντων; и могъ привлечь къ «себѣ поклонниковъ и изъ Эолійцевъ и изъ Іонійцевъ, что «повело многихъ изъ нихъ къ принятію Ахейскаго имени и «къ выработкѣ Ахейскаго, т. е. героическаго въ полнѣй-«шемъ смыслѣ, обычая» (стр. 209). Вездѣ, гдѣ находимъ слѣды Ахеевъ, встрѣчаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поклоненіе Зевсу. Его находимъ и въ Каріи, въ Галикарнассѣ, Милассѣ съ Лабраидою, островѣ Родосѣ (Зевсъ Ἀταβύρων) и въ самой Греціи, въ Эгіалеѣ; при учрежденіи нижне-Италіянскаго союза религіознымъ средоточіемъ становится поклоненіе Зевсу и т. д. Эти мѣстныя поклоненія были впрочемъ второстепенными поклоненіями; средоточіемъ служенія Зевсу въ героическое время былъ Аргосъ, гдѣ героическая жизнь достигла самаго полнаго развитія. Дорійцы разрушили его, и мы ничего не знали бъ объ этомъ поклоненіи, еслибъ не имѣли Гомерическихъ рапсодій. Разсмотримъ подробнѣе это поклоненіе: при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда живо еще впечатлѣніе, произведенное Одиссеею, переведенною В. А. Жуковскимъ, когда еще въ памяти забавные толки г. Сенковскаго о Живѣ-Дивѣ и прочемъ, когда, стало быть, сильнѣе можетъ быть желаніе узнать Гомерову Ѳеологію, въ теперешнихъ обстоятельствахъ это поклоненіе можетъ быть для многихъ любопытно. Общую характеристику поклоненія Зевсу по Гомеру передадимъ словами самаго автора, прочее въ сокращеніи. «Ежели «сосредоточить въ себѣ впечатлѣнія, которыя оставляетъ «чтеніе Гомера относительно существа и дѣйствій Зевса, то «самымъ яркимъ его качествомъ представится, конечно, его «анѳропоморфизмъ, въ которомъ заключается съ одной «стороны, что Зевсъ у Гомера есть не существо, дѣйствую-«щее безсознательно, подобно силамъ природы, но существо «свободное, слѣдовательно духовное (въ смыслѣ человѣче-«ской духовности), съ другой же стороны, что онъ не есть «еще духъ, совершенно свободный, но что онъ еще связанъ «среди міра и еще не полный господинъ надъ нимъ. Судьба «иногда стоитъ выше его, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Иліады «онъ изображается простымъ исполнителемъ сужденнаго ею.

Digitized by Google

«Матерія иногда непроницаема для него, и потому случается, «что онъ не знаетъ, что около него самого происходитъ. «Онъ вообще не творецъ міра, но самъ продуктъ, и его «вѣчность не болѣе какъ безсмертіе, условливаемое употребленіемъ пищи нетлѣнія, амбросіи. По этому его существо «не исключаетъ возможности его низверженія.» (Стр. 220 – 221). Вотъ еще одно мѣсто. «Главный характеръ Гомерическихъ боговъ относительно людей состоитъ въ томъ, «что они гораздо сильнѣе, и Гомерическіе люди поклоняются имъ въ случаѣ нужды, потому что они могутъ ичъ «быть полезны.» «При такомъ образѣ мыслей богопоклоненіе ниспадаетъ на степень сдѣлки двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна сильнѣе другой, и потому другая постоянно за «ней наблюдаетъ и ей угождаетъ, заранѣе ее задобривая, «чтобы потомъ извлечь изъ нея пользу.»

Въ отношеніяхъ Гомерическихъ людей къ Зевсу видно уже то сводомысліе, которое отличало Грековъ отъ другихъ языческихъ народовъ. Это сводомысліе высказалось: 1) въ неуваженіи къ жрецамъ; нѣтъ безусловной вѣры въ слова гадателей, каждый самъ *μάντις*, самъ толкователь воли боговъ*; 2) въ томъ, что у нихъ нѣтъ безусловной вѣры въ знаменія (*τέρατα*); 3) въ самыхъ жертвахъ, которыя были, если можно такъ выразиться, задариваніемъ боговъ. Но съ другой стороны поклоненіе Зевсу принесло Гомерическимъ людямъ и существенныя блага, освятивъ клятву, обычай прощенія, защиту странниковъ, гостепріимство, и тѣмъ смягчивъ нравы.

Слѣдуетъ третья ступень въ исторіи поклоненія Зевсу, состоявшая отчасти въ очищеніи, отчасти въ дополненіи религіи, господствовавшей у Грековъ въ героическое время. «Эту ступень можно характеризовать именемъ Гелленовъ, «потому что геллинамъ одновременно съ нею доходитъ до «полнаго развитія и господства.» Религіозный ея характеръ состоитъ въ томъ, что каждый городъ предпочтительно

---

* Avis тѣмъ г-мъ, которые толкуютъ объ уваженіи Грековъ къ жрецамъ. Объемъ статьи не позволяетъ намъ распространяться объ этомъ; отсылаемъ къ диссертаціи г. Леонтьева стр. 225 —231.

Digitized by Google

поклоняется одному какому нибудь богу; Зевсъ служитъ общенароднымъ средоточіемъ.

Авторъ сначала говоритъ объ отношеніи Гелленскаго Зевса къ искусству очистительному и гадательному, потомъ переходитъ къ его внутреннему анѳропоморфическому существу. Остановимся пока здѣсь. Только совершивши необходимые обряды, могъ человѣкъ Гелленскаго времени вступить въ храмъ; здѣсь онъ чувствовалъ скорѣе удивленіе, чѣмъ благоговѣніе. Эта внѣшняя отдѣльность божества, заключавшагося въ идолѣ, его пластичность — удаляли божество отъ человѣка: оно было внѣ, не внутри его. «Сознаніе внутренняго сродства всего духовнаго не было достигнуто въ языческомъ мірѣ.» Но съ другой стороны, эта тѣлесность Зевса дала ему личность и возвысила надъ богами другихъ языческихъ народовъ. Такимъ образомъ въ немъ, въ Гелленскомъ Зевсѣ, слились физическое и нравственное значенія, такъ что нельзя дѣлить его идоловъ на такихъ, въ которыхъ преобладаетъ или физическій, или нравственный элементъ. Съ движеніемъ исторіи нравственное значеніе Зевса болѣе и болѣе выступало, болѣе и болѣе заслоняло физическое значеніе, во время процвѣтанія Греческаго народа Зевсъ былъ болѣе разсматриваемъ, какъ богъ гражданской жизни, нежели, какъ повелитель природы.

Отличительною чертою праздниковъ Гелленскаго времени была непринужденная веселость, поклоненіе въ радости и игрѣ. Тогда-то появляется и агонистика. «Чувственное направленіе, отличающее агонистику, стоящую въ связи «съ Зевсомъ и Геркулесомъ, очень хорошо характеризуетъ «го время, къ которому относится ея установленіе. Эта «чувственность не была ни грубая чувственность, замѣчаемая у нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, ни изнѣженная и «утонченная чувственность, господствовавшая у Грековъ и «Римлянъ въ позднѣйшее время. Она была возвышаема и «украшаема стремленіемъ къ изящному, внесшимъ въ нее «одушевленность, и пріобрѣтала необыкновенно здравый и «крѣпкій видъ отъ сильнаго напряженія, которымъ отличалась. Это была красивая и вмѣстѣ крѣпкая чувственность» (стр. 266).

Digitized by Google

Потомъ авторъ разсматриваетъ мѣстныя поклоненія въ Зевсовыхъ городахъ, Аргосѣ, Лаконикѣ, Мессеніи, Аттикѣ, Эгинѣ, Немеи и Олимпіи. Остановимся на послѣднемъ. Приведемъ здѣсь слѣдующее мѣсто: «Какъ бы то ни было, изъ «миѳической исторіи Олимпіи оказывается слѣдующее: во «1-хъ, что въ Олимпіи сохранялось яснѣе, нежели въ другихъ «мѣстахъ, воспоминаніе о борьбѣ Зевса съ Кроносомъ; во «2-хъ, что Олимпійское поклоненіе Зевсу родственно съ «Критскимъ и Піерійскимъ и есть какъ бы осуществленіе «тѣхъ поэтическихъ мыслей о Зевсѣ, которыя были рас«пространены по Греціи Піерійцами; въ 3-хъ, что оно «имѣетъ довольно длинную исторію еще до времени возвра«щенія Гераклидовъ, слѣдовательно до Дорійцевъ, и что «въ этой исторіи моментъ хѳоническаго поклоненія, олице«творяемый въ Клименѣ, предшествовалъ моменту покло«ненія Ахейскаго, котораго представителемъ надобно при«знать Пелопса. Этими чертами Олимпійское поклоненіе «примыкаетъ къ древнѣйшей исторіи поклоненія Зевсу, и «тѣмъ соединяетъ въ себѣ, какъ всякое истинно-заключи«тельное явленіе въ исторіи, результаты окончившагося раз«витія съ ясными указаніями на его начало» (стр. 302—303).

Описавши Олимпійскій праздникъ, священную рощу, Зевсовъ храмъ, Фидіевъ идолъ, авторъ такъ заключаетъ свою превосходную монографію: «Мы прослѣдили исторію миѳологическаго понятія Зевса только со стороны его самаго видимаго явленія въ обрядахъ поклоненія, и въ томъ, что съ ними было непосредственно связано. Мы видѣли, какъ эти обряды постепенно измѣнялись въ разныхъ мѣстностяхъ и у разныхъ Греческихъ племенъ, обусловливая собою особенности ихъ племеннаго характера; мы видѣли, какъ они всѣ болѣе и болѣе переходили отъ первоначальныхъ мрачныхъ и боязливыхъ Пеласгическихъ воззрѣній къ той совершенно свободной и изящной формѣ, которая имъ была дана въ центрѣ собственно-Геллѣнскаго поклоненія, въ Олимпіи. Измѣненія, которыя, соотвѣтственно этому движенію, происходили въ самой сущности понятія о Зевсѣ, не могутъ быть уяснены безъ опредѣленія самаго этого понятія, а это возможно только для сравнительнаго изученія всѣхъ языческихъ миѳологій въ связи

Digitized by Google

съ философскими изслѣдованіями о томъ, что̀ можетъ составлять содержаніе миѳологіи. Съ средствами однихъ Греческихъ и Латинскихъ источниковъ, которыми было предположено ограничиться въ этомъ сочиненіи, необходимо было отказаться отъ этой задачи. Потому мы въ заключеніе позволимъ себѣ только замѣтить, что въ исторіи поклоненія Зевсу въ древней Греціи довольно ясно видно, какъ Зевсъ становится съ теченіемъ времени все идеальнѣе и идеальнѣе, но что и въ самомъ совершеннѣйшемъ его явленіи вещественный элементъ еще очень силенъ, и что свобода человѣка, поклонявшагося Олимпійскому Зевсу и изящнымъ богамъ, его окружавшимъ, была не полная свобода духа, возвышеннаго надъ вещественнымъ міромъ, но только нѣкоторое одушевленіе вещества и плоти, облагороженныхъ и украшенныхъ духовнымъ элементомъ. Зевсъ идеальнѣе, нежели Кронось, но онъ все-таки его сынъ и наслѣдникъ его криводумія и связи съ тѣмъ началомъ всемірной матеріи, которымъ языческое человѣчество было отвлечено отъ поклоненія истинному Богу. — Рѣшительная побѣда надъ мірскимъ криводуміемъ принадлежитъ Христіанству, его одолѣвшему и предвозвѣстившему его окончательное искорененіе.»

*190. Столѣтіе Русской Словесности. Соч. Николая Мизко. Одесса. Въ т. Нитче. 1849, с. 340.**

Существенный *предметъ* этого очерка Русской словесности есть (по словамъ самаго автора) опытъ изложенія развитія отечественной словесности въ *объемѣ* столѣтія отъ Ломоносова до смерти Пушкина, съ *цѣлью* преимущественно общедоступности, (стр. 339). Періодъ очень удачно выбранный, опредѣленный событіями важными, и какъ бы живыми урочищами.

«Отъ того-то мы такъ равнодушны къ нашей литте«ратурѣ, что совсѣмъ не знаемъ ее, или знаемъ очень по-

* За неимѣніемъ новыхъ книгъ разбираемъ немногія пропущенныя нами вначалѣ года. *Ред.*

Digitized by Google

«верхностно.... Да, надо чаще обращать взоръ свой на про«шедшее: тогда больше будетъ у насъ сочувствія къ на«стоящему и больше надежды на будущее. Способствова«ніе этому, по мѣрѣ возможности, есть цѣль настоящаго «изложенія»

На основаніи этой цѣли (общедоступности) авторъ выбралъ «предметомъ своего изложенія одну изящную литтературу, или собственно словесность.»

Методъ изложенія автора соотвѣтствуетъ предположенной цѣли: онъ заставляетъ разбираемаго писателя говорить какъ бы за самаго себя, «выражаетъ характери«стику литературныхъ дѣйствователей и сущность идей, «господствовавшихъ въ каждомъ періодѣ, *фактически*, такъ «сказать, собственными словами литтературныхъ дѣйство«вателей». Это, повторимъ, соотвѣтствуетъ цѣли автора; а то наши прежніе критики (разумѣется, не всѣ) характеризовали нашихъ писателей такими туманными фразами, что читатель не зналъ, что ему и думать; эти характеристики составляютъ любопытный матеріалъ для исторіи нашей критики, и могутъ нѣкоторымъ образомъ объяснить причину тѣхъ сбивчивыхъ понятій, которыя недавно, отчасти и теперь еще, имѣли и имѣютъ многіе о нашихъ старыхъ писателяхъ.

Посмотримъ, какъ характеризуетъ г. Мизко главныхъ дѣятелей нашей литературы съ 1739 по 1839 годъ. Въ введеніи авторъ обозрѣваетъ дѣятельность Кантемира и Тредьяковскаго, «*которые были предтечами*» (предшественниками) Ломоносова. Сужденіе о Кантемирѣ не ново; но вотъ съ чѣмъ мы не можемъ согласиться. Авторъ говоритъ: «Намъ столько съ дѣтства, на школьной скамьѣ, «толкуютъ о *тяжелыхъ* стихахъ Кантемира, что не «диво, если, по словамъ Жуковскаго, рѣдкій изъ Рус«скихъ развертываетъ его сатиры. Между тѣмъ въ при«веденныхъ примѣрахъ безпристрастный читатель самъ «увидитъ, въ какой мѣрѣ мнѣніе о неудобочитаемости «стиховъ Кантемира преувеличено».... (стр. 19 — 20). Въ доказательство авторъ приводитъ четыре, пять примѣровъ въ 4 строчки. Но это ничего не доказываетъ: изъ множества стихотвореній «неудобочитаемыхъ» можно, ра-

Digitized by Google

зумѣется, выбрать 20 строкъ удобочитаемыхъ, но въ цѣломъ Кантемиръ все-таки неудобочитаемъ. Да и самъ авторъ впалъ при разборѣ литтературной дѣятельности Кантемира въ противорѣчіе: на стр. 9 онъ говоритъ: «Оба (Кантемиръ и Тредьяковскій) начали писать прежде Ломоносова, «и *оба писали тѣмъ языкомъ, который послѣ преобразованъ* «*былъ Ломоносовымъ*.» На страницѣ же 21 авторъ говоритъ: «Кантемиръ и по внѣшней формѣ, отдалъ дань своему вре«мени силлабическимъ размѣромъ стиха своего, онъ, по духу «языка, *опередилъ далеко свое время и принадлежитъ* «*позднѣйшему*» (!).

Выписываемъ сужденіе о Ломоносовѣ: «Ломоносовъ не «былъ чуждъ ни поэтическаго вдохновенія, ни ораторскаго «увлеченія. Нѣтъ, у Ломоносова не было недостатка ни «въ чувствѣ ни въ воображеніи: читайте его «утреннее» и «вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», его изо«браженіе воинства и флота Русскаго (въ 12 похвальной «одѣ), его олицетвореніе Россіи (въ 9 похвальной одѣ), на«поминающія Державина, его описаніе бури и сѣвернаго «сіянія (въ поэмѣ Петръ Великій), и его разсказъ о смерти «Мамая (въ трагедіи Тамира и Селимъ), или множество «мѣстъ въ панегирикахъ (стр. 37). Замѣтимъ, что всѣ эти указанія взяты со словъ г. Аксакова, который въ диссертаціи своей: «Ломоносовъ въ исторіи Русской литтературы и Русскаго языка» старался доказать ту же мысль, съ которою мы совершенно согласны, вопреки даже Пушкину, который не былъ достаточно знакомъ вообще съ Ломоносовымъ, и въ особенности съ его прозою, чтобъ могъ судить о немъ окончательно.

О *Сумароковѣ* осуждаемъ слѣдующее выраженіе Г. Миллю: «пародируя (?) универсальность Вольтера, онъ пи«салъ во всѣхъ родахъ словесности!» Потомъ авторъ говоритъ слѣдующее: «одна уже обширная литтературная дѣя«тельность Сумарокова могла изумлять его современни«ковъ; прибавьте къ этому далѣе, что онъ былъ въ то время «единственнымъ драматическимъ писателемъ для возникав«шаго театра, который, какъ новизна, могъ сильно возбу«дать современное любопытство; наконецъ, надо еще за«мѣтить, что Сумароковъ исключительно писалъ сочиненія,

Digitized by Google

«принадлежащія къ словесности, которыя могли быть об«щедоступнымъ чтеніемъ, тогда какъ большая часть со«чиненій Ломоносова и Тредьяковскаго были ученаго со«держанія, и слѣдственно только для избраннаго круга. «Этимъ объясняются современные восторги *ими* произве«деній Сумарокова, отголосокъ которыхъ остался въ «Сло«варѣ Новикова, и которыя (ея?) были потомъ, по преданію, «основаніемъ критики Мерзлякова.» Нѣтъ, не смотря на ложность основаній критики Мерзлякова, многія мнѣнія его поражаютъ и теперь еще своею истинностью. Мерзляковъ по языку и времени былъ ближе къ Сумарокову, и потому могъ быть къ нему нѣсколько пристрастнѣе нашего. «Лишь его (Сумарокова) сатиры, въ которыхъ онъ «подъ часъ ѣдко нападаетъ на невѣжество, дворянскую «спѣсь, канцелярское лихоимство, являютъ въ немъ писа«теля, проникнутаго жизненнымъ интересомъ, могущимъ «интересовать.» Нѣтъ, Сумароковъ имѣетъ еще многія другія интересныя стороны, кои доказываются и приведенными отрывками изъ сатиръ—о невѣжествѣ, дворянахъ и лихоимцахъ.

Сужденіе автора о Херасковѣ отличается полнотою, ясностію и вѣрностію изложенія: это одно изъ лучшихъ мѣстъ въ его книгѣ.

Не останавливаясь на изложеніи литтературной дѣятельности Богдановича, Хемницера, Аблесимова, перейдемъ прямо къ Державину. «Державинъ, «говоритъ авторъ, будучи избраннымъ поэтическимъ геніемъ въ «самыхъ исполинскихъ размѣрахъ, своими дивными соз«даніями не оставилъ, однакожъ, никакого слѣда въ нашей «литтературѣ (стр. 70)». Странное и ложное мнѣніе. Не противорѣчитъ ли Г. Мизко самъ себѣ, говоря, что «Державинъ явно вдохновляетъ Пушкина въ патріотическомъ его восторгѣ равною настроенностію чувства Русскаго, сознающаго себя самого, или въ изображеніи нашей Русской природы, у обоихъ прочувствованной истинно Русской симпатіей» (стр. 264). Нѣтъ! Державинъ былъ первымъ нашимъ поэтомъ, и могъ ли онъ пройдти въ литтературѣ незамѣтно, не оставивъ никакого слѣда? «Обращаясь же къ «поэтической характеристикѣ Державина, нельзя не видѣть

Digitized by Google

«въ немъ прямаго преемника Ломоносова: не даромъ онъ «постоянно питалъ къ нему благоговѣйную память и на«зывалъ себя его ученикомъ». Что Державинъ называлъ себя ученикомъ Ломоносова, это не доказываетъ еще мнѣнія автора, будто бы Державинъ былъ прямымъ преемникомъ Ломоносова. Что скажетъ Г. авторъ объ этихъ словахъ Державина: «всѣхъ прежнихъ своихъ произведеній *я не одобрялъ, потому что хотѣлъ* въ нихъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что талантъ мой не былъ внушаемъ его геніемъ»? «Дѣйствительно, продолжаетъ авторъ, «по историческому значенію Ломоносова и Державина, какъ «поэтовъ національныхъ, они находятся между собою въ «ближайшемъ отношеніи. Ломоносовъ, какъ христіанинъ, «былъ постоянный провозвѣстникъ небесныхъ истинъ и «святыхъ чувствъ; какъ Русскій, онъ былъ пѣвецъ совре«менной ему исторической славы своего отечества, но пре«имущественно задушевными думами его были великій «герой Россіи, Петръ, и науки, которыхъ Ломоносовъ былъ «представителемъ, Петромъ насажденныя и лелѣемыя дер«жавною дщерію его—покровительницею Ломоносова. Такъ «и Державинъ то проникается религіознымъ восторгомъ, «или въ божественномъ откровеніи находитъ утѣшеніе отъ (?) «скорбей сердечныхъ и успокоеніе отъ волненій душевныхъ, «то славитъ современные ему блистательные подвиги Рус«скаго оружія; то воспѣваетъ Екатерину II, учредитель«ницу благоустроенной гражданственности въ отечествѣ, «и свою покровительницу» (стр. 74). Вотъ данныя, на основаніи которыхъ Г. Мизко называетъ Державина прямымъ преемникомъ Ломоносова: общность содержанія. Но мало ли было *поэтовъ*, которые тоже писали торжественныя, похвальныя и духовныя оды; а ихъ никто не ставитъ преемниками Ломоносова? «Я хотѣлъ парить, говоритъ Державинъ, и не могъ постоянно выдерживать красивымъ наборомъ словъ, свойственнаго единственно Россійскому Пиндару велелѣпія и пышности. Для того, въ 1779 году, я набралъ совершенно особый путь, будучи предводимъ наставленіями Батте, и совѣтами Львова, Капниста и Хемницера». Замѣтьте: Державинъ самъ говоритъ, что выбралъ *особый* путь. Да и самъ Г. Мизко сознается, что это только внѣш-

Digitized by Google

нее сходство. А между тѣмъ обольщеніе внѣшнимъ сходствомъ привело автора къ слѣдующему заключенію: «Поэзія Русская, и по внутреннему духу своему и по внѣшней формѣ, не измѣнилась у Державина и осталась въ такомъ состояніи (,) какъ положилъ ей начало Ломоносовъ» (стр. 149). Кажется, нѣтъ нужды доказывать ошибочность этого мнѣнія.

Характеристика Фонъ-Визина не полна: обращено вниманіе на комедіи, письма, и только.

Жаль, что, при обозрѣніи литературной дѣятельности Карамзина и Ломоносова, авторъ мало коснулся исторіи языка, т. е. тѣхъ преобразованій нашего языка, которыхъ они являются представителями. Конечно, авторъ выбралъ предметомъ своего сочиненія лишь изящную словесность, но безъ того значеніе Ломоносова и Карамзина неполно. Да, и притомъ, если авторъ хотѣлъ излагать исторію одной только изящной литтературы, то почему, обозрѣвая дѣятельность Шишкова, онъ исключительно останавливается на филологическихъ его трудахъ, не упоминая между тѣмъ о его переводѣ Краледворской рукописи?

Характеризуя Муравьева (М. Н.), авторъ между прочимъ называетъ его «разсѣянныя черты изъ землеописанія Россійскаго» сочиненіемъ, которому подобнаго нѣтъ въ литературѣ нашей (стр. 206). Сочиненія Муравьева имѣютъ болѣе педагогическаго, чѣмъ литтературнаго значенія, изображая простымъ, чистымъ языкомъ, общія понятія о многихъ научныхъ предметахъ. Называть же его «черты» сочиненіемъ, которому подобнаго нѣтъ въ литтературѣ, т. е. повторять слова Батюшкова, давно уже нельзя.

Изъ сочиненій Озерова разсмотрѣны, и то очень, очень коротко, Эдипъ, Поликсена, Фингаль, Димитрій Донской, Объ одахъ, басняхъ, другихъ стихотвореніяхъ, Ярополкѣ и Олегѣ даже не упомянуто. Неужели трагедіи Озерова, не имѣющаго, по словамъ автора, соперниковъ въ нашей литературѣ, не стоятъ лучшей характеристики, чѣмъ напр. слѣдующая: «Русская трагедія «Димитрій Донской» проникнута горячимъ, патріотическимъ одушевленіемъ, подъ вліяніемъ «котораго безпрерывно высказываются въ ней подобныя

Digitized by Google

«тирады, дѣлающія честь Русскому сердцу поэта»..... За тѣмъ приводятся три отрывка.

Тоже должны мы сказать и о характеристикѣ Крылова и Гнѣдича. За то характеристики корифеевъ нашей литтературы, Жуковскаго и Пушкина, очень хороши. Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ дѣлать выписокъ; потому мы прямо обратимся къ послѣдовавшимъ за Пушкинымъ дѣятелямъ въ порядкѣ, принятомъ Г. Мизко. Вообще характеристика лирическихъ поэтовъ Пушкинскаго періода въ книгѣ Г. Мизко изложена довольно отчетливо. Нельзя сказать того же объ характерѣ драматической поэзіи. Вотъ что говоритъ авторъ объ «Ревизорѣ» Гоголя. «Единственное произведеніе собственнаго *нашего времени*, которое своими самобытными «достоинствами относится (!?) къ безсмертному творенію «Грибоѣдова и служитъ украшеніемъ нашего репертуара, «составляя, притомъ, истинное сокровище Русской драматической словесности, — это комедія Гоголя «Ревизоръ». «По своей патріотической цѣли она принадлежитъ къ «категоріи комедій Фонъ-Визина, и въ этомъ отношеніи «имѣетъ высокое значеніе». По исполненію она (эта комедія) могла бы быть комедіей образцовою, если бы частности ея гармонировали «съ цѣлымъ». А ниже авторъ говоритъ: «самый ходъ комедіи по строго выдержанной идеѣ и непосредственному ея развитію общности, *составляя гармоническое цѣлое*....» Одна и таже комедія составляетъ и гармоническое цѣлое, и цѣлое, съ которымъ не гармонируютъ частности? Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются иногда въ книгѣ Г. Мизко. «Изъ «двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой комедіи, въ «изображеніи ихъ *Городничій* неподражаемо естественъ «и художественно вѣренъ; между тѣмъ, какъ *Хлестаковъ*, «будучи — (по собственнымъ словамъ автора въ Письмѣ «послѣ перваго представленія Ревизора) типомъ многаго, «разбросаннаго въ Русскихъ характерахъ, но которое здѣсь «соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ часто попадается и въ натурѣ» — впадаетъ иногда въ идеальность — «не въ смыслѣ противорѣчія дѣйствительности, но какъ преувеличеніе дѣйствительности отъ соединенія въ одномъ

Digitized by Google

«фокусѣ разныхъ характеристическихъ чертъ. — Точно «также и лица второстепенныя — одни, какъ *Петры Ива*«*новичи Добчинскій* и *Бобчинскій*, и *Осипъ*, слуга ревизора,— «мастерскія изображанія, вѣрныя сами себѣ и своимъ образ«цамъ въ натурѣ, другія же, какъ *Судья* и *Смотритель* «*богоугодныхъ заведеній*, — болѣе смѣшныя, чѣмъ вѣрныя »натурѣ оригиналы, или созданія нерѣшительныя, какъ «*Почтмейстеръ* и *Смотритель училища*. Женскія лица— «*жена* и *дочь* городничаго, натурально подмѣчены, но не «вполнѣ очерчены.... Самый ходъ комедіи впадаетъ иногда «въ общій недостатокъ нашихъ комедій — сатирическое «направленіе, обнаруживающееся рѣзкостію сценъ и пре«увеличеніемъ положеній.» Нѣтъ, прочтите внимательно «Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія ко«медіи», вникните въ эту поэтическую исповѣдь самаго Гоголя, и тогда вы увидите, почему комедія *должна* впадать иногда въ сатиру, прочтите особенно глубокое, одушевленное сужденіе Гоголя о «*смѣхѣ*,» и вы замѣтите, почему *Судья* и *Смотритель богоугодныхъ заведеній* ужъ черезъ чуръ, какъ вамъ кажется, смѣшны. Прочтите наконецъ и письмо послѣ представленія «Ревизора», и вы поймете, почему Хлестаковъ показался вамъ идеальнымъ.

Движеніе журналистики и критики въ Пушкинскій періодъ изложено у Г. Мизко на *трехъ* страничкахъ!

Вообще, разсуждая о новомъ времени, авторъ, кажется, хотѣлъ угодить всѣмъ, не раздражая никого, особенно журналы, но это невозможно, и потому въ послѣдней части его сочиненія многихъ мѣстъ одобрить нельзя.

Замѣтимъ нѣкоторыя неправильныя выраженія, коимъ не слѣдовало бъ попадаться въ исторіи изящной словесности: а у Г. Мизко встрѣчаются, напр., такія фразы: «почуялъ «свою мощь исполинъ, нѣсколько вѣковъ таившій свои «силы *внутрь самаго* себя» (стр. 7). «Здѣсь-то источникъ «его (Кантемирова) патріотическаго одушевленія, *отличаю*«*щаго* его литтературную *характеристику* (?!) (стр. 15). «Стихи его (Хераскова) въ трагедіяхъ и комедіяхъ *гораздо* «*превосходятъ* стихи Сумарокова» (стр. 55). *Сравнивая* «прошедшее съ настоящимъ, *преимущество было* не въ

Digitized by Google

«пользу перваго» (стр. 184). «По отношенію къ нашей сло-«весности значеніе Крылова равно велико и какъ дивнаго «мастера въ томъ родѣ поэзіи, который, можно смѣло ска-«зать, имъ созданъ и послѣ него *не скоро существовать «можетъ*», и пр. и пр. (стр. 228).

Въ типографскомъ отношеніи изданіе прекрасно. Пожалѣемъ также, что къ книгѣ не приложено подробнаго толковаго указателя (raisonné). Не смотря на нѣкоторые свои недостатки, сочиненіе г-на Мизко заслуживаетъ похвалу и одобреніе. При второмъ изданіи, котораго мы желаемъ автору, онъ вѣрно исправитъ свои погрѣшности и представитъ его въ лучшемъ видѣ, для руководства молодымъ читателямъ.

191. Обозрѣніе Латинскихъ Словарей и планъ новаго Латинско-Русскаго Словаря. Ѳ. Ананьева. Москва. Въ Универс. Тип. 1849, въ 8-ю д. 64 стр.

Изъ одного заглавія можно видѣть важность и содержаніе брошюры г. Ананьева. Вышла она въ 1849 году, и между тѣмъ—надъ чѣмъ не смѣется судьба!—ни одинъ изъ журналовъ, представляющихъ полный отчетъ о новыхъ книгахъ, новыхъ изданіяхъ, сборникахъ, Московской, Петербургской и провинціальной литературъ, не упомянулъ объ этой замѣчательной книжкѣ. Журналы въ этомъ отношеніи похожи на »любопытнаго« Крылова: они старательно обходятъ всю кунсткамеру современной Русской литературы, высматриваютъ и разсматриваютъ всѣхъ букашекъ, козявокъ, мушекъ, таракашекъ, не замѣчаютъ только слона. Право, лучше бы ограничиться одними хоть чѣмъ нибудь замѣчательными явленіями въ литературѣ, чѣмъ браться представлять отчетъ о *всѣхъ* выходящихъ книгахъ: качество важно здѣсь, а не количество. Откуда и узнать публикѣ о замѣчательныхъ книгахъ, какъ не изъ журнала? Кому, какъ не журналу, и обращать вниманіе на добросовѣстный трудъ ученаго, особенно теперь, когда журналъ совсѣмъ убилъ книгу? Какъ, наконецъ, не сказать ни слова объ той книгѣ, въ которой авторъ счелъ за нужное, не издавая еще словаря, «предварительно объясниться «съ тѣми, для

Digitized by Google

кого онъ трудился, хотѣлъ объяснить планъ исполненнаго уже словаря, и съ признательностію принять всякое благонамѣренное о немъ сужденіе людей знающихъ?

Предлагаемая брошюра раздѣляется собственно на двѣ части: первая представляетъ прекрасный по добросовѣстности, вѣрности и дѣльности замѣчаній разборъ по сю пору вышедшихъ Латинско-Русскихъ словарей; во второй излагается планъ новаго Латинско-Русскаго Словаря. Та и другая половина равно важны.

Написать хорошій разборъ Словарей только и можетъ такой спеціалистъ, который »изучилъ« словарь вполнѣ: журнальные отзывы, по самой срочности работы, не могутъ представить совершенно вѣрнаго отчета о Словарѣ, котораго достоинства и недостатки можетъ показать одно время и частое употребленіе его.

Представимъ извлеченіе изъ этой первой половины книжки о Словаряхъ Латинско-Русскихъ; подробнѣе скажемъ о Словаряхъ Розанова и Кронеберга, потому что недостатки перваго отразились и въ послѣдующихъ Латинско-Русскихъ Словаряхъ; второй вышелъ недавно новымъ изданіемъ и тѣмъ далъ поводъ сказать объ немъ подробнѣе.

Алфавитный Словарь Розанова вытѣснилъ Словари Целларія и Геснера, расположенные въ этимологическомъ порядкѣ, употреблявшіеся до него въ Россіи. Розановъ составилъ свой Словарь по Дюбуа, и не смотря на пользу*, которую онъ принесъ въ свое время учащимся, въ немъ есть довольно важные недостатки. 1) Въ объемѣ предмета Розановъ переступилъ за черту древней Латинской литературы, внесши въ свой Словарь множество словъ, такъ называемыхъ варварскихъ, или введенныхъ новѣйшими учеными Будэемъ, Скалигеромъ и т. д. 2 Р. опустилъ много словъ, принадлежащихъ писателямъ классическимъ. 3) Этимологія словъ показана часто невѣрно, и вообще по неопредѣленности озна-

---

* Осмѣлюсь прибавить: великую; около сорока лѣтъ онъ былъ главнымъ, если не единственнымъ пособіемъ для изученія Латинскаго языка, — а недостатки его открываются только теперь чрезъ 50 лѣтъ. Онъ имѣлъ недостатки, это правда, но правда, и то, что лучше его не было. *М. П.*

Digitized by Google

ченія сбивчиво. 4) Первая форма слова часто показана невѣрно, такъ что или слову дано не принадлежащее ему окончаніе, или одно слово безъ всякаго основанія разбито на двѣ статьи, или на оборотъ слова отъ разныхъ корней поставлены въ одну статью и т. п. 5) Не рѣдко означеніе измѣненія словъ показано не вѣрно. 6) Неправильность измѣненія и старинныя формы словъ показаны рѣдко. 7) Значенія многихъ словъ или опредѣлены невѣрно, или выражены не точно, или расположены не въ надлежащемъ порядкѣ. 8) Значенія словъ и словосоединенія или фразы раздѣлены такъ, что напередъ исчислены всѣ значенія, а послѣ поставлены фразы, которыя сверхъ того переведены часто очень отдаленно. 9) Многія слова въ лексиконѣ поставлены безъ означенія именъ писателей, у которыхъ встрѣчаются. 10) Многимъ словамъ приписанъ авторитетъ несправедливо. 11) Во многихъ статьяхъ слова или значенія словъ основываются на невѣрномъ чтеніи текста, на различномъ толкованіи смысла писателей, и т. п.

Латинско-Россійскій Словарь Кронеберга, новое изданіе котораго не отличается отъ прежнихъ никакими перемѣнами, «есть тотъ же лексиконъ Розанова, составленный по «тому же Словарю Дю-Буа, пополненному Лаллеманами. «Кронебергъ не счелъ нужнымъ просмотрѣть предыдущій «трудъ» и исправить его ошибки, и ошибочное замѣнить дѣльнымъ; онъ безъ всякой повѣрки внесъ въ свой лексиконъ «все, что было написано Розановымъ. Весь трудъ его со«стоялъ въ пополненіи или прибавленіи нѣкоторыхъ словъ «нарицательныхъ, въ значительной прибавкѣ выраженій, и «наконецъ въ прибавкѣ собственныхъ именъ изъ миѳологіи «и исторіи. Фразы обыкновенно приставлялись къ концу «статей Розанова, рѣдко вставлялись въ середину» (стр. 15). Вотъ общія замѣчанія г. Ананьева о Словарѣ Кронеберга: уже по одному этому можно судить о его достоинствахъ, если сравнить эти слова съ представленнымъ выше отзывомъ о Розановѣ. Хотя Кронебергъ и дополнилъ словарь Розанова; но прибавки его незначительны, и при томъ не всегда удачны: въ числѣ собственныхъ именъ онъ вводитъ такія, которыя встрѣчаются у Греческихъ писателей, а у

Digitized by Google

Латинскихъ нѣтъ! У Кронеберга встрѣчаемъ недостатки общіе съ Розановскими; онъ, напр., или вовсе не показываетъ формъ словъ, или показываетъ невѣрно; значеніе словъ также показано не всегда вѣрно; умалчиваемъ уже о томъ, что невѣрно означены и имена писателей, которые будто бы употребляли то или другое объясняемое слово. О словарѣ Россійскихъ рѣченій, приложенныхъ къ его словарю, можно сказать только то, что онъ вовсе не соотвѣтствуетъ цѣли.

Изъ послѣдующаго разбора г. Ананьева видно, что всѣ прочіе Латинско-Русскіе Словари только представляли то же, что было сдѣлано Розановымъ, съ разными варіантами. Болдыревъ, напр., издалъ *карманный* Словарь и заблагоразсудилъ выкинуть значительную часть словъ, встрѣчающихся у классическихъ писателей. Наконецъ неизвѣстный авторъ Ручнаго Латинско-Русскаго Словаря, составленнаго по новѣйшему изданію Шеллерова Словаря, пересмотрѣнному Георгомъ, и по Словарямъ Фреунда, Гедерика, Керхера и Люнеманна,—авторъ этого Словаря между новѣйшими сочиненіями по части лексикографіи считаетъ и словарь Гедерика, изданный въ 1747 году, разбавляетъ, слѣдуя благому примѣру предшественниковъ, Словарь Розанова, перетолковываетъ слова, такъ что иной разъ трудно дойдти до смысла, пропускаетъ слова классическія, вноситъ барбаризмы, и, хотя не упоминаетъ о Розановѣ, но этотъ Русскій Словарь скорѣе напоминаетъ Розонова, чѣмъ новѣйшее изданіе Шеллерова и др. словарей.

Мы нарочно распространились объ этихъ трудахъ по Латинско-Русской лексикографіи, чтобы тѣмъ яснѣе выставить потребность новаго Латинско-Русскаго Словаря и показать всю важность предпріятія, или, скорѣе, труда г. Ананьева, и занимательность брошюры его. Дочитавъ до конца нашъ отчетъ, читатель самъ увидитъ, справедливо ли было наше негодованіе на журналы, которые не потрудились даже извѣстить, а тѣмъ менѣе приготовить (такъ сказать) публику къ оцѣнкѣ Словаря. По глубоко обдуманному плану, здраво созданной задачѣ, по умѣнью согласить трудъ съ настоящими потребностями (педагогическими и филологическими), наконецъ по отчетливому и прекрасному выпол-

Digitized by Google

ненію плана, сколько можемъ мы судить по приложеннымъ къ концу брошюры образчикамъ, предположенный Словарь доставитъ прекрасное пособіе при изученіи Римской литературы.

«Всякое учебное руководство, говоритъ авторъ, начинается обыкновенно изложеніемъ предварительныхъ понятій или введеніемъ, въ которомъ кратко показывается предметъ науки, способъ его разсматриванія, отношеніе этой науки къ другимъ, связь ея съ ними и пр., однимъ словомъ. введеніе знакомитъ приступающаго къ наукѣ съ содержаніемъ и формою ея. Словари до сихъ поръ не представляютъ ничего подобнаго. Они терпятъ одинаковую участь съ географическими картами, на которыхъ по недостатку мѣста составители не находятъ удобнымъ связно объяснить ихъ составъ, способъ черченія, правила для употребленія, разные виды картъ и т. под. Находя нужнымъ это упущеніе пополнить, мы рѣшились начать свой Латинско-Русскій Словарь изложеніемъ предварительныхъ понятій о Словарѣ, или введеніемъ» стр. (36—37).

Справедливости словъ г. Ананьева нѣтъ нужды и доказывать; она *ясна*, какъ день; между тѣмъ объ изложеніи этихъ основныхъ понятій о Словарѣ не подумалъ до сихъ поръ ни одинъ составитель Словаря. Самъ же составитель Словаря могъ имѣть самыя неясныя, сбивчивыя, ложныя понятія о Словарѣ, о разумномъ планѣ не было и рѣчи: руководствовались такъ.... *хотѣніемъ* вставить то слово, выкинуть другое и пр. Считаемъ необходимымъ представить читателямъ планъ Словаря г. Ананьева: въ немъ, конечно, для знакомаго съ трудами Нѣмцевъ по этой части, мало новаго; но у насъ *эти понятія* высказываются въ первый разъ, слѣд. новыя, и заслуживаютъ подробнаго изложенія. Къ плану автора нельзя дѣлать замѣчаній, и дѣлать спорными какія нибудь его положенія, потому что они являются результатомъ долгихъ изслѣдованій и споровъ по этой части Нѣмцевъ, точно также, какъ смѣшно было бы упрекать автора въ томъ, что онъ внесъ въ свой Словарь лишь слова, которыя находились въ языкѣ Латинскомъ, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ письменности до конца

Digitized by Google

VI вѣка по Р. Х., потому де, что нѣкоторымъ, можетъ быть, понадобится узнать какое нибудь Латинское слово, употреблявшееся въ средніе вѣка или выдуманное учеными въ наше время.

Цѣль Словаря г. Ананьева состоитъ въ томъ, «чтобъ доставить образующемуся юношеству пособіе для изученія языка Латинскаго и чтенія писателей Латинскихъ, а для не посвятившихъ себя филологіи книгу удовлетворительную на все время». Потому въ него вошли, какъ мы только-что сказали, слова, встрѣчающіяся съ древнѣйшихъ памятниковъ до конца VI вѣка по Р. Х.

Порядокъ—алфавитный. Въ Словарѣ должно быть показано одинаковое или различное правописаніе и произношеніе всякаго слова, потому что въ грамматикѣ разсматривается звуковой и буквенный составъ всякаго слова, и предлагаются правила изображать звуки. Отсюда въ Словарѣ должна быть и просодія (какъ сдѣлано во всѣхъ хорошихъ Нѣмецкихъ Словаряхъ). Словарь долженъ показать: каково слово по происхожденію, простое или сложное, долженъ показать слова заимствованныя, долженъ показать, къ какой части рѣчи принадлежитъ объясняемое слово, въ измѣняемомъ словѣ долженъ показать первую форму; *) долженъ показать всѣ уклоненія отъ аналогіи, если слово въ измѣненіи вида отступаетъ отъ нея; долженъ показать родъ именъ существительныхъ; наконецъ извѣстныя фразеологическія соединенія. Не будемъ говорить о томъ, какъ, по мнѣнію г. Ананьева, должно опредѣлять значенія словъ, ни о томъ, какія трудности представляетъ лексикографія, ни о томъ, какое мѣсто должны занимать въ Словарѣ слова синонимическія и проч. Обратимъ вниманіе только на двѣ стороны труда г. Ананьева.

Первымъ и безъ сомнѣнія самымъ виднымъ достоинствомъ его будетъ отчетливость и осторожность, а потомъ способъ размѣщенія значеній словъ. «Въ нашемъ Словарѣ, говоритъ авторъ, слова, формы и обороты обыкновенные

---

*) Г. Ананьевъ весьма основательно первою формою глагола принимаетъ неопредѣленное наклоненіе.

Digitized by Google

или встрѣчающіеся часто, поставлены только съ именами авторовъ, а слова, формы и обороты рѣдкіе, и особенно замѣчательные, съ полнымъ указаніемъ мѣста» (стр. 51). Въ примѣръ осторожности мы приведемъ слѣдующее мѣсто: разбирая Словарь Кронеберга, авторъ говоритъ: Aliquisquam, aliquaquam, aliquodquam и aliquidquam, i. q. aliquisquam« (цитата изъ Кронеберга). Теперь слѣдуютъ собственныя слова г. Ананьева: «Это слово встрѣчается у Ливія (41, 6) въ дат. падежѣ alicuiquam для означенія лица, и у Цицерона (de Div. 2,50) для означенія предмета вообще, слѣд. должно имѣть только форму существит. aliquisquam, aliquidquam.» Способъ распредѣленія значеній также весьма раціоналенъ. «Въ ряду нѣсколькихъ значеній слова первое мѣсто должно занимать значеніе собственное. Первое или собственное значеніе слова ко всѣмъ прочимъ имѣетъ такое же отношеніе, въ какомъ находится слово коренное къ производнымъ и сложнымъ. Какъ въ происхожденіи словъ есть разныя степени отдаленія отъ кореннаго слова, и на одной и той же степени разные виды происхожденія, такъ и въ размноженіи значеній слова есть своего рода генеалогія. Чтобы виды производныхъ значеній раздѣлить признаками болѣе явственными, въ Словарѣ необходимо принять разныя значенія и подраздѣленія значеній на основаніи понятій изъ логики, грамматики, реторики и пр. Такимъ образомъ значеніе можетъ быть *матеріальное* (конкретное), или *отвлеченное*, *общее* или *особенное*, *дѣйствительное* или *страдательное*, *субъективное* или *объективное;* оно можетъ быть различно въ языкѣ религіи, государственнаго управленія, правовѣдѣнія, врачебнаго искусства, военнаго дѣла, сельскаго хозяйства, у прозаиковъ и у поэтовъ и т. под. Всѣ такія разности исправный Словарь долженъ обозначать принятыми терминами» (стр. 47, 48). Положеніе неоспоримое, высказанное и почтеннымъ академикомъ нашимъ г. Грефе.

Въ заключеніе мы должны желать, чтобъ Словарь г. Ананьева, обѣщающій столько прекраснаго, скорѣе вышелъ въ свѣтъ и былъ оцѣненъ по достоинству. *Н. Т.*

Digitized by Google

192. О Галликанской церкви въ настоящемъ устройствѣ ея. Соч. Пр. Д. В. Спб. 1850. Стр. 76 въ 8 д. л.

Эта брошюра заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о современномъ устройствѣ церкви во Франціи, т. е., степени зависимости Французскаго духовенства отъ Папы, о составѣ духовенства, о привилегіяхъ и содержаніи его, о духовныхъ училищахъ и т. д. Свѣдѣнія эти, полныя и основательныя, сообщены были читателямъ Москвитянина въ одномъ изъ прошедшихъ годовъ, но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онѣ получаютъ новую цѣну. Рекомендуемъ брошюру нашимъ читателямъ. Желательно, чтобъ такое же опытное и искусное перо познакомило насъ съ состояніемъ Англійской церкви.

193. Совѣты и наставленія опытнаго заводчика, при подаваніи пособій въ конскихъ болѣзняхъ и увѣчьяхъ. Соч. Я. П. Спб. 1850.

Сочиненія по части коннозаводства въ послѣднее время стали появляться у насъ довольно часто; но, къ сожалѣнію, большая часть изъ нихъ неудовлетворительны. Одна изъ главныхъ причинъ этого недостатка не столько не полнота знаній сочинителей, сколько желаніе ихъ вмѣстить цѣлую науку на нѣсколькихъ страничкахъ, желаніе, можетъ быть условливаемое обстоятельствами, но вредящее успѣху дѣла. Этотъ недостатокъ замѣчается и въ трудѣ Г-на Я. П. Авторъ, повидимому, считаетъ ветеринарію роскошью, увѣренный, что его брошюра замѣнитъ лучшія руководства по этой части. «Могу увѣрить Гг. охотниковъ, заводчиковъ и ремонтеровъ, говоритъ онъ въ предисловіи, что всѣ предлагаемыя мною лекарства и леченія испробованы мною надъ множествомъ лошадей, и какъ лекарства самыя дешевыя и таковы, что всегда и во всякое время можно ихъ найти во всякой москательной лавкѣ, (!?), то и совѣтую оныя испробовать....» Испробовать можно, но вѣренъ ли успѣхъ? А не будучи увѣреннымъ въ немъ, кто изъ «заводчиковъ, охотниковъ и ремонтеровъ» рѣшится дѣлать пробы и, можетъ быть, дорогой цѣной покупать право знать, что такой-то опытъ не удался, что такой-то

Digitized by Google

«совѣтъ» не примѣнимъ къ дѣлу? Положимъ, что между множествомъ «Совѣтовъ и наставленій опытнаго заводчика» найдется нѣсколько, можетъ быть, и не мало такихъ, за которые авторъ заслужитъ ожидаемое имъ «спасибо»; но какъ отличить ихъ отъ тѣхъ, которые могутъ быть лишь испробованы, чтобы потомъ уже не повторяться болѣе?

194. Сборникъ для дѣтей. М. 1850. Стр. 64 въ 16 д. л.

Авторъ хотѣлъ въ видѣ бесѣдъ матери съ сыномъ изложить свѣдѣнія изъ разныхъ положительныхъ наукъ, преимущественно изъ астрономіи и географіи; но исполненіе этой мысли весьма неудовлетворительно. Разсказъ его сухъ, изложеніе не ясно. Приложенныя къ книгѣ картинки напоминаютъ покойную Суздальскую гравировку. — Впрочемъ, судя по заглавію, это, можетъ быть, только начало изданія, и мы совѣтовали бы автору, не измѣняя формы своего труда, придать ему больше занимательности.

195. О цѣли и дѣйствіяхъ перваго Россійскаго страхового отъ огня Общества, учрежденнаго въ 1827 году. Спб. 1850.

Старѣйшее изъ страховыхъ обществъ Русскихъ, Первое страховое, достигло такого процвѣтанія, что подобные примѣры рѣдки и за границею. Первоначальный основный капиталъ его, состоявшій въ 1827 г. изъ 571,428 р. сер. черезъ двадцать лѣтъ возросъ до 4 милл. р. с., не смотря на значительные пожарные убытки (болѣе 3 мил. р. сер.), которые выплатило Общество, расходы по управленію (слишкомъ 1 милл.) и дивиденды на акціи (болѣе 5,425,000 р. с.) Въ предлагаемой брошюрѣ подробно изложены всѣ дѣйствія Общества и правила страхованія.

196. Стихотворенія дѣвицы Е. С. Кіевъ. 1850.

Поэзія наша, повидимому, переселяется на югъ, и тогда какъ въ Москвѣ и Петербургѣ почти перестали выходить стихотворенія отдѣльными книгами, Одесса подарила насъ Греческими стихотвореніями Г. Щербины, а съ другой стороны стихотворными трудами Г-на Г. Р.; съ Кавказа откликнулся Г. Полонскій, и оттуда же прислалъ

Digitized by Google

намъ вирши «Изъ дѣйствительной жизни» Г. Шкарицъ. Кіевская муза шлетъ намъ теперь стихотворенія Г-жи дѣвицы Е. С. Признаемся, мы въ затрудненіи что сказать о книжечкѣ, въ заглавіи которой стоитъ.... читатель догадается, какое это слово. Вотъ почему у насъ недостаетъ смѣлости разбирать стихи въ родѣ слѣдующихъ.

Нюхательный табакъ,
Америки растенье,
Вошелъ въ употребленье.
Американскій чудакъ
Сперва поселился
Въ носахъ пожилыхъ;
Потомъ водворился
Въ носахъ молодыхъ.
Чтобы живительному табаку
Пристать къ безжизненному старику.
Не портить носовъ
Красивыхъ, прямыхъ;
Не марать платковъ
Тонкихъ, носовыхъ:
Но настоящій колпакъ
Не нюхательный табакъ.

Это рѣдкостное стихотвореніе называется: «Эпиграмма на табакъ,» и вѣроятно, заставитъ покраснѣть его, какъ краснѣетъ Кіевская муза, которую Г-жа дѣвица Е. С. рекомендуетъ съ самой *злой* стороны.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАМОКЪ МАРІЕНБУРГЪ ВЪ ПРУССІИ.

Маріенбургскій замокъ, памятникъ храбрыхъ Тевтонскихъ рыцарей, по красотѣ и великолѣпію своему можетъ назваться Прусскою Альгамброю. Входомъ въ него служитъ огромный портикъ, составленный изъ четырехъ крестомъ сведенныхъ сводовъ; передняя половина была въ развалинахъ и теперь приводится въ надлежащій видъ. Черезъ этотъ портикъ проходятъ на пространный дворъ, со всѣхъ сторонъ окруженный четырьмя крыльями, изъ которыхъ и составляется собственно замокъ.

Главный превосходно отдѣланный корпусъ замка составляетъ западное крыло. Въ немъ всего болѣе поражаетъ прекрасная колоннада, на которой лежитъ зубчатый гребень стѣны съ ходомъ на верху. Эти каменные столбы стоятъ, какъ исполины, съ гранями, отвѣсно поднимающимися вверхъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нихъ продѣланы узкія окна, смѣлый зодчій замѣнилъ ихъ огромную массу тонкими и статными гранитными колоннами, которыя въ сравненіи со столбами кажутся тонкими прутьями, и при всемъ томъ прекрасно выдерживаютъ громадную тяжесть сводовъ. — Тяжелая дубовая дверь ведетъ внизъ по каменной лѣстницѣ въ сѣни нижняго этажа, имѣющія видъ широкаго коридора. Семь большихъ стрѣльчатыхъ арокъ съ перекрестными сводами образуютъ потолокъ, и, кажется, будто ходишь между семью тріумфальными воротами. Громко отдается шаги, звукъ отражается такъ сильно, что нельзя разслышать словъ, а хоръ голосовъ здѣсь загремѣлъ бы подобно Гарлемскому органу.

Digitized by Google

Позади этого коридора лежатъ четыре смежныхъ комнаты, всѣ кубической фигуры. Здѣсь помѣщались высшіе орденскіе сановники. Къ этимъ покоямъ примыкаетъ зала суда, длинная, узкая, съ тремя колоннами посреди, въ которой еще и теперь все носитъ отпечатокъ важности и строгой торжественности. Въ противоположность этому общему характеру, на одной стѣнѣ нарисованъ ангелъ милосердія и подписано: «Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ»; этотъ замѣчательный контрастъ съ символомъ строгой богини справедливости, украшающимъ залу, очень характеризуетъ рыцарей, которые никогда не забывали своего двойственнаго призванія, военнаго и вмѣстѣ, такъ сказать, христіанскаго, и отъ «fiat justitia, pereat mundus,» часто переходили къ приведенному изреченію божественной благости.

Изъ залы суда каменная лѣстница ведетъ во второй этажъ, въ которомъ помѣщены двѣ парадныя орденскія залы, кабинетъ, молельня и утренній покой великаго магистра. Сначала идетъ коридоръ, длиною въ 63 фута, котораго прекрасные крещатые своды имѣютъ до 24 футовъ вышины.

Стеклянная живопись на окнахъ этого коридора очень красива; лучшія картины представляютъ Спасителя, поучающаго народъ, съ надписью: «Онъ поучалъ и любилъ.»— Лира и мечь, съ лавровымъ вѣнкомъ около нихъ, съ надписью: «Кто не воинъ, тотъ и не пастырь»—конечно, лучшій символъ Ордена.—Геній съ факеломъ, представляющій науку и подъ нимъ многозначительныя слова: «lumina spargo.»

На западной оконечности этого коридора высокая дубовая дверь, украшенная въ старинномъ вкусѣ рѣзьбою, ведетъ въ знаменитую большую орденскую залу, въ которой великій магистръ принималъ сильныхъ земли, королей, герцоговъ, пословъ отъ всѣхъ Европейскихъ державъ, гдѣ, при звукѣ кимваловъ и литавръ, звучали гимны во славу Божію и въ честь героевъ!

Двѣнадцать огромныхъ стрѣльчатыхъ арокъ, внизу оканчивающихся капителями изъ известняка, и сведенныхъ на высотѣ 30 футовъ, образуютъ громадный сводъ, поддерживаемый одною гранитною колонною. Здѣсь во всемъ

Digitized by Google

видно художественное совершенство, во всемъ господствуетъ высокая красота и великолѣпіе, удивительная гармонія и выразительность. Точно какъ будто бы Персей головою Горгоны мгновенно превратилъ здѣсь былую жизнь въ камень. И эта статная восьми-гранная колонна, которой бо́льшій радіусъ едва составляетъ 9 футовъ, одна, какъ будто шутя, держитъ огромную тяжесть; такъ удалось зодчему воплотить въ этой мысли существенный характеръ Ордена! Шлегель когда-то назвалъ зодчество «окаменѣвшею музыкою»; большую залу Ордена можно бы назвать диеирамбомъ зодчества.

Зала шириною 45 ф. длиною 144 ф., и, какъ уже сказано, вышиною 30 футовъ; полъ выстланъ поливными глиняными плитами, черными и бѣлыми. Подлѣ камина, котораго лицевая сторона состоитъ изъ цѣльнаго известняка, осталось еще всаженнымъ въ стѣну то каменное ядро, которое Поляки, при осадѣ замка въ 1410 г., направили въ большую залу, чтобы повалить среднюю колоону, и тѣмъ опрокинуть весь сводъ на головы собраннымъ рыцарямъ.

Прежде въ этомъ мѣстѣ стѣны было написано:

Als man zelet 1410 Jahr,
Dies ſag ich euch allen fürewahr,
Der Stein ward geſchoſſen in die want,
Hier ſoll er bleiben zum ewigen pfant.

Очень скрашиваютъ залу также и большія, широкія окна, вышиною въ 10 фут., съ прекрасною живописью на стеклахъ, изображающею сцены изъ исторіи Ордена. Четвертое окно представляетъ хищническій набѣгъ язычниковъ, какъ они толпами гонятъ передъ собою женщинъ и дѣтей, вырываютъ водруженные кресты, зажигаютъ монастыри и между прочими Оливскій, стоящій весь въ огнѣ; эта картина поражаетъ живостію и отличается особеннымъ изяществомъ. И девятая картина, осада Маріенбурга Поляками въ 1410 г., превосходно исполнена: въ выраженіи лицъ сражающихся рыцарей, какъ будто видно, что они бьются за свой кровъ и очагъ. Послѣдняя картина представляетъ Вормсскій сеймъ, на которомъ Лютеръ стоялъ предъ трибуналомъ Имперіи.

Digitized by Google

Въ нижнемъ ряду оконъ нарисованы гербы членовъ Ордена изъ дома Прусскаго; особенно хорошъ нынѣшній гербъ, съ орломъ, парящимъ къ солнцу, съ девизомъ: «nec soli cedis!» и съ дубовымъ вѣнкомъ вокругъ.

Малая орденская зала примыкаетъ къ большой; красиво сведенный потолокъ ея покоится также на восьмиугольной колоннѣ полированнаго гранита; по окнамъ изображены гербы тѣхъ великихъ магистровъ, которые съ 1309 г. жили въ Маріенбургѣ, и между прочимъ гербъ храбраго Гейнриха фонъ-Плауэнъ, изображающій льва, конечно приличнѣйшій образъ для щита того мужа, который, при страшной осадѣ 1410 г., сказалъ горсти храбрыхъ своихъ сподвижниковъ геройскія слова: «изъ Маріенбурга я «не выйду; Богъ и Пресвятая Дѣва спасутъ насъ!»

Изъ малой залы еще черезъ небольшую комнату входъ въ просторный и свѣтлый кабинетъ великаго магистра, со сводомъ, лежащимъ на двухъ колоннахъ.

Рядомъ съ этимъ кабинетомъ лежитъ красивый коридоръ со сводомъ, ведущій къ передовой комнатѣ молельни, которая къ верху красиво сведена крещатымъ сводомъ; окна расписаны картинами. Старинная дверь ведетъ изъ ней въ самую молельню.

Молельня въ малѣйшихъ подробностяхъ имѣетъ характеръ торжественности; на восточной сторонѣ стоитъ алтарь, покрытый богато вышитымъ покровомъ, превосходной работы распятіемъ изъ янтаря, шитымъ ковромъ,— все это дары современниковъ, — и вызолоченною древнею чашею изъ временъ Ордена.

На расписанныхъ окнахъ молельни представлены библейскія событія; стекла эти перемѣщены сюда изъ Гамбургскаго собора. Далѣе слѣдуетъ опочивальня великаго магистра съ небольшимъ крещатымъ сводомъ; за нею длинная оружейная и ризница съ полуцилиндрическимъ сводомъ. Здѣсь въ шкафѣ хранятся нѣкоторыя драгоцѣнныя принадлежности молельни, между прочимъ золотой алтарь, такъ называемый походный, изображающій Спасителя на крестѣ и двѣнадцать Апостоловъ; алтарь этотъ складывался подобно книгѣ, и потому рыцари брали его въ по-

Digitized by Google

ходы, чтобы совершать предъ нимъ въ полѣ свои молитвы, Поляки отняли его въ кровавой битвѣ при Танненбергѣ и отвезли въ Гнѣзно; а тамошній соборный капитулъ принесъ его въ даръ нынѣ царствующему королю.

Здѣсь же хранятся огромныя пищали, искусно изукрашенныя ружья, пистолеты и луки, которыхъ тетива, толщиною въ палецъ, никакъ не поддается усилію человѣческихъ мускуловъ, а потому древніе рыцари натягивали ее особо устроенными снарядами, изъ коихъ нѣкоторые тамъ еще и уцѣлѣли. Огромные лосиные рога напоминаютъ о прежнихъ обитателяхъ лѣсовъ восточной Пруссіи. — Изъ правой стороны этой оружейной широкая каменная лѣстница ведетъ внизъ въ залы собраній.

Какъ большая орденская зала самая красивая, такъ зала собранія самая огромная изъ всѣхъ залъ замка; длина ея 96 ф., ширина 48; великолѣпный сводъ, состоящій изъ 22 арокъ, возвышается на 28 ф., и смѣло сдерживается тремя статными гранитными колоннами.

Подъ первымъ этажемъ лежитъ замѣчательный подвальный этажъ, основный камень, на которомъ сооружено все зданіе, корень, изъ котораго разрослись всѣ эти вѣтви колоннъ, арокъ и сводовъ. Это одинъ исполинскій сводъ, подпирающій все зданіе; огромные камни связаны въ немъ необыкновенно крѣпкимъ цементомъ.

Узкій мостъ черезъ широкую и глубокую крѣпостную канаву ведетъ къ порталу, и черезъ него на дворъ верхняго замка, въ покояхъ котораго жили орденскіе братья и нѣкоторые сановники. — Теперь они обращены въ хлѣбные магазины и для этой цѣли перестроены при Фридрихѣ Великомъ. Изъ частей фасада уцѣлѣли въ первоначальномъ видѣ только двѣ башенки и красивая готическая арка посреди ихъ.

Надъ всѣмъ этимъ высоко возвышается главная башня замка, которой одно каменное строеніе достигаетъ вышины 154 футовъ; видъ съ зубчатыхъ стѣнъ ея великолѣпенъ, и въ свѣтлые дни можно оттуда замѣтить даже башню Данцигской церкви, а Данцигъ отъ Маріенбурга верстахъ

Digitized by Google

въ 50. Самая церковь представляетъ не много замѣчательнаго, высокіе своды ея поддерживаются однѣми стѣнами вовсе безъ колоннъ посрединѣ, окна расписаны, клиросы всѣ старинной работы. На сѣверо-западной сторонѣ противъ алтаря, украшеннаго образомъ Богоматери отличнаго письма, осталась еще маленькая дверь, которая вела въ залу капитула.—Извѣстно, что въ этой залѣ производился выборъ новыхъ великихъ магистровъ, и по его окончаніи, новоизбранный изъ залы проходилъ въ эту дверь и показывался въ церкви ожидавшему народу Подъ юго-восточнымъ угломъ церкви, въ подвальномъ этажѣ, находится такъ называемая Анненская часовня, служившая мѣстомъ погребенія великихъ магистровъ, которыхъ многіе надгробные памятники остались въ ней и донынѣ. — Надписи на трехъ камняхъ можно разобрать, и несомнѣнно, что эти памятники принадлежали Дитриху Альтенбургскому, Виниріху фонъ-Книпроде и Гейнриху фонъ-Плауэну, то есть именно тремъ самымъ замѣчательнѣйшимъ мужамъ изъ всѣхъ, сидѣвшихъ на магистерскихъ креслахъ.—Кажется, само безпощадное время уважило память этихъ трехъ великихъ людей.

Внѣшность Анненской часовни сохранилась совершенно такою, какъ она была въ древности; съ юго-восточной стороны въ стѣнѣ вдѣлана колоссальная мозаическая картина изображающая Божію Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ; величина первой фигуры 25 ф., второй 6 ф.

Фонды и капиталы, принадлежащіе замку, даютъ ежегодно 2000 талеровъ процентовъ, которые употребляются на его отстройку, продолжающуюся до сего времени, и на содержаніе его въ надлежащемъ видѣ. Еще заслуживаетъ быть упомянутымъ, что тяжба касательно права собственности на церковное зданіе, долго тянувшаяся между католическимъ духовенствомъ и вѣдомствомъ коронныхъ имѣній Прусской монархіи, теперь наконецъ рѣшена въ пользу послѣдняго вѣдомства.

Digitized by Google

ХЛОПЧАТАЯ БУМАГА.

Англійскіе журналы въ настоящее время очень заняты состояніемъ хлопчатобумажной торговли. «Наряду съ хлѣбомъ, говоритъ Times, хлопчатая бумага составляетъ важнѣйшую потребность новѣйшей цивилизаціи; Англійское народонаселеніе немногимъ меньше нуждается въ хлопчатой бумагѣ, чѣмъ въ хлѣбѣ. Ввозъ этой статьи производитъ земля чужая, лежащая на другомъ материкѣ, и которой народъ съ нами соперничаетъ. Это обстоятельство, на которое очень сильно напираютъ иные безпокойные умы, еще не такъ страшно. Многіе, кажется, думаютъ, что разведеніе хлопчатой бумаги въ Союзныхъ Штатахъ достигло крайняго своего предѣла, что, съ распространеніемъ мануфактуръ въ ихъ отечествѣ, Американцы будутъ вывозить все менѣе и менѣе хлопчатой бумаги въ Англію, и что нѣтъ другой земли, которая могла бы покрывать этотъ возрастающій недостатокъ, и удовлетворить нашей возрастающей потребности. Иные боятся, а иные даже надѣются, что Америка рано или поздо, по собственному побужденію, прекратитъ вывозъ отъ себя въ Англію хлопчатой бумаги, чтобы подорвать наши фабрики, а съ ними и наше могущество. Мы, съ своей стороны, считаемъ такое злоупотребленіе политики несбыточнымъ, и въ торговлѣ нашей съ Союзомъ скорѣе видимъ залогъ мира и дружества, нежели опасаемся остановки ея вслѣдствіе войны.—Сверхъ того, нѣтъ основанія полагать, что разведеніе хлопчатой бумаги въ Союзныхъ Штатахъ достигло своего предѣла. Начало этого разведенія еще въ памяти у многихъ нынѣ живущихъ людей, а въ этомъ-то періодѣ именно хлопчатая бумага сдѣлалась главнымъ матеріяломъ въ Англійской промышленности, и нѣсколько милліоновъ народонаселенія въ нашемъ отечествѣ зависятъ отъ этой отрасли фабричнаго дѣла. Хлопчатая бумага не требуетъ тучной почвы, она не истощаетъ ея. Пространныя полосы земли въ южныхъ и юго-западныхъ Штатахъ, годятся для разведенія этого растенія, и до сихъ поръ еще земли эти не употреблены въ дѣло. Разведеніе это не требуетъ работы невольниковъ, а географическое рас-

Digitized by Google

пространеніе его конечно пойдетъ вровень съ развитіемъ внутренней торговли, съ улучшеніемъ способовъ производства и съ возрастаніемъ цѣнъ. Если въ послѣднее время вывозъ въ Англію уменьшился, то это должно приписать отчасти неблагополучному урожаю, отчасти увеличенію числа фабрикъ въ самой Америкѣ, чему въ новѣйшія времена много способствовалъ покровительственный тарифъ, а отчасти и тому, что послѣ торговаго нашего кризиса 1847 г. цѣны на хлопчатую бумагу упали и снова поднялись не прежде половины прошедшаго года Еще должно взять во вниманіе и то, что Американскіе спекуляторы въ послѣдніе годы ударились въ другія стороны, представляющія болѣе выгодъ. Разведеніе хлопчатой бумаги уже много лѣтъ не имѣло такаго поощренія, каковы нынѣшнія высокія цѣны, и лучше выждать прежде результаты этого состоянія цѣнъ, чѣмъ пытаться опредѣлять границы привоза бумаги изъ Америки. Конечно: плантаторы въ южныхъ Штатахъ не очень любятъ расширять производство, и охотно ограничатся теперешнею своею торговлею; но большую часть капиталовъ получаютъ они изъ сѣверныхъ Штатовъ, гдѣ духъ безпредѣльной предпріимчивости, какъ извѣстно, часто отводитъ капиталы изъ прежнихъ не такъ прибыльныхъ каналовъ и пускаетъ ихъ въ новые, обѣщающіе большую наживу; ибо конечно въ послѣдніе годы хлопчатая бумага не вездѣ давала доходъ. Вообще мы не видимъ причины, почему бы Америка въ благополучные годы не могла болѣе и болѣе увеличивать свой вывозъ хлопчатой бумаги.— Сверхъ того, гдѣ же основанія къ опасеніямъ, тогда какъ большая часть обитаемаго пространства земнаго шара способна къ разведенію хлопчатой бумаги? Южные Штаты Союза, простирающіеся на 2,000 англ. миль (около 3,000 в.) отъ одного океана до другаго; обширныя области Мексики и Средней Америки, Аравія, Индія, Бирманская имперія, Китай, Индійскій архипелагъ и сѣверная часть Австраліи, по климату, способны для этой цѣли, и, сколько бы ни пришлось отбросить на горы и пустыни, во всякомъ случаѣ земли эти могутъ произрастить то количество хлопчатой бумаги, какое понадобится міру. Какъ еще недавно,

Digitized by Google

однимъ или двумя человѣческими вѣками назадъ, одна Индія производила все количество хлопчатой бумаги, которое тогда переработывалось въ мірѣ (уже Геродотъ упоминаетъ о деревѣ, т. е. кустарникѣ, въ Индіи, который приноситъ руно нѣжнѣе овечьяго, и Греко-Латинское слово carbasus, конечно не совсѣмъ опредѣленнаго значенія, происходитъ отъ древне-Индійскаго kârpâsâ); то нельзя сомнѣваться въ годности Индійской почвы для этой отрасли земледѣльческой промышленности, которую вѣроятно скоро разовьютъ желѣзныя дороги и духъ предпріимчивости. Многократныя попытки въ разныхъ пунктахъ полуострова и на Цейлонѣ развести Американскіе сорты хлопчатой бумаги очевидно начинаютъ увѣнчаваться успѣхомъ. На Африканскихъ берегахъ, какъ у Средиземнаго моря, такъ равно у Атлантическаго и Индійскаго океановъ, почти каждая миля земли отмѣнно удобна для этого производства, и опытъ, столь удачно сдѣланный въ Египтѣ, повторяется теперь въ Негрской республикѣ Либеріи, на Гвинейскомъ берегу и въ портѣ Наталѣ близъ Мыса Доброй Надежды. Что касается Вестъ-Индіи, то въ ней успѣшное начало положено уже не только на Ямайкѣ, но и въ Англійской Гвіанѣ. При столькихъ выгодныхъ возможностяхъ мы, не должны предаваться опасеніямъ, овладѣвшимъ нѣкоторыми умами. Это дѣло предпріимчивости: надобно пытаться, а успѣхъ будетъ. Если нуженъ поощряющій примѣръ, то взглянемъ на Союзные Штаты, которые, начавши такъ недавно, уже одѣваютъ полміра. Конечно, мы не можемъ ожидать, чтобы кипы хлопчатой бумаги, безъ всякаго труда и отваги съ нашей стороны, сами перелетѣли на наши берега. Въ настоящемъ же дѣлѣ заключается еще больше: случай сдѣлать самую Англію богаче и независимѣе.»

ФИНАНСОВЫЯ ДѢЛА ЛЮДОВИКА-ФИЛИППА.

Уже и прежде бывали обнародованы свѣдѣнія о государственномъ финансовомъ управленіи при королѣ Людовикѣ-Филиппѣ, свѣдѣнія, вполнѣ оправдывающія его отъ упрека въ корыстолюбіи. Имя сообщавшаго ихъ не было

Digitized by Google

извѣстно; но какъ свѣдѣнія подтверждались цифрами; то должно было заключать, что онѣ вышли изъ-подъ пера человѣка, стоявшаго близко ко двору. Иначе, кто могъ бы съ такою точностію обозначать суммы, употребленныя Людовикомъ-Филиппомъ на общественныя потребности? — а это представляетъ притязанія послѣдовавшаго правительства на частную собственность короля совершенно несправедливыми. Новая статья въ Revue des deux mondes, подписанная Монгаливе, показываетъ, что и прежнія свѣдѣнія сообщены именно этимъ бывшимъ интендантомъ королевскихъ доходовъ. Показавъ прежде въ подробностяхъ, что королевская казна (liste civile), кромѣ обыкновенныхъ расходовъ на дворцы и строенія въ коронныхъ имѣніяхъ, составляющихъ 19,800,000 франковъ, въ продолженіе 17-лѣтняго управленія Людовика-Филиппа издержала еще 33,600,000 фр. на другія необыкновенныя работы,—теперь онъ старается оправдать память короля и противъ многихъ другихъ обвиненій. Такимъ образомъ Европа узнаетъ факты, которые безъ Февральской революціи, можетъ быть, никогда не сдѣлались бы извѣстными, или сдѣлались гораздо позднѣе. Извѣстно, что король имѣлъ тогда 31 милліонъ долгу на вѣдомствѣ королевскихъ доходовъ и коронныхъ имѣній, но не столько извѣстно, по какому поводу возникъ этотъ долгъ. Не потому, какъ обыкновенно думали недоброжелатели, чтобы значительныя суммы были помѣщены въ иностранные банки. Авторъ завѣряетъ, что ни подъ какимъ видомъ, ни прямо, ни косвенно, ни одинъ франкъ не былъ переведенъ вонъ изъ Франціи. Каждый разъ, когда Людовику-Филиппу подавали мысль этимъ способомъ спасти хоть часть имѣнія своихъ дѣтей отъ перемѣнъ и превратностей революціоннаго времени, — онъ упорно противился; а при переговорахъ съ герцогомъ Фердинандомъ Саксенъ-Кобургскимъ отъ этого чуть-чуть не разстроился бракъ герцога Немурскаго съ дочерью этого государя. Отъ этого-то единственно временному правительству и было возможно по отъѣздѣ королевской фамиліи захватить все ея имѣніе, — начиная отъ приданаго королевы Бельгійцевъ и вдовьяго участка герцогини Орлеанской до всего имѣнія младшаго ея сына, герцога Шартрскаго,— состоявшаго въ 17,000 фр. дохода въ 5-процентныхъ обли-

Digitized by Google

гаціяхъ казны на имя неизвѣстнаго.—Противники короля приписывали недостатку въ немъ предусмотрительности, что онъ не принялъ мѣръ на случай извѣстныхъ политическихъ переворотовъ: авторъ, напротивъ, говоритъ, что король часто явно высказывалъ правило считать судьбу своего дома нераарывно связанною съ судьбою Франціи, вслѣдствіе чего, при бракахъ его дѣтей, онъ всегда желалъ, чтобы брачная собственность состояла во внесеніи претензіи въ большую книгу государственнаго долга Франціи. Начало затруднительнаго финансоваго положенія короля отнесено къ 1830 и вскорѣ послѣдовавшимъ годамъ. Въ то самое мгновеніе, какъ герцогъ Орлеанскій вступалъ на престолъ, чтобы избавить Францію отъ несчастія, которое обрушилось на нее чрезъ 17 лѣтъ, получилъ онъ (такъ разсказываетъ эксъ-интендантъ) посланіе, за подписью короля Карла X, съ извѣщеніемъ, что этому государю нужно 600,000 фр. золотомъ и что на подателя (генерала, котораго имя не упомянуто) возложено сыскать эту нужную сумму. Король тотчасъ написалъ къ министру финансовъ барону Луи, чтобы тотъ выдалъ эту сумму повѣренному Карла X, обязуясь лично уплатить казнѣ эту ссуду; такимъ образомъ Карлъ въ тотъ же день получилъ 600,000 франковъ. Спустя годъ Людовикъ-Филиппъ снова предстательствовалъ за свергненнаго короля, когда Англійскія газеты извѣстили, что графъ Пфаффенгофенъ, по старой долговой претензіи на Карлѣ X, исходатайствовалъ въ Эдинбургѣ оффиціальное позволеніе наложить арестъ на его собственность, при чемъ личная свобода должника могла подвергнуться опасности. — Со всевозможнымъ сохраненіемъ тайны, чрезъ К. Перье (псевдонимъ Эдуардъ Арнольдъ) предложилъ онъ графу сдѣлку, на которую тотъ согласился. Ему выплачено наличными 100,000 фр. и ассигновано пожизненно годоваго дохода 10,000 франковъ. Этого вовсе не подозрѣваетъ партія легитимистовъ; открытіе это должно горнильнымъ углемъ жечь ея самолюбіе. Также доказывается, что Людовикъ-Филиппъ всѣми силами противился закону объ изгнаніи старшей линіи; что К. Перьѣ, только грозя отказаться отъ управленія, одолѣлъ эти сомнѣнія короля; что король и послѣ того постоянно былъ первымъ защит-

Digitized by Google

никомъ интересовъ изгнанныхъ принцевъ, и именно, что графъ Шамборъ ему обязанъ тѣмъ, что удѣльное имущество его до сихъ поръ не продано и принадлежитъ еще ему. Равно упоминается о великодушіи Людовика-Филиппа къ фамиліи Императора Наполеона. Онъ помиловалъ и даже освободилъ Страсбургскаго мятежника: не задолго до революціи онъ далъ министрамъ своимъ приказъ предложить палатамъ назначить 150,000 фр. годоваго содержанія нуждавшемуся экс-королю Вестфальскому; и еще въ Бельгіи выкупилъ одного молодаго Бонапарта изъ тюрьмы за долги Поступки его съ Лафитомъ въ этой апологіи представлены не такъ, какъ обыкновенно о нихъ разсказывали. Какъ часто короля баррикадъ болѣе или менѣе открыто упрекали, что онъ выжалъ изъ Лафита, какъ изъ лимона, весь сокъ, и потомъ бросилъ его. Графъ Монталивѐ показываетъ, какъ многимъ онъ помогалъ въ нуждѣ: Бенжамену-Констану 200,000 фр., Одри-де-Пюираво такою же суммою, Лафиту поручительствомъ въ 6 милліонахъ франковъ передъ банкомъ, по которому послѣ дѣйствительно выплатилъ банку 1½ милл. фр., и еще кромѣ того 10 милліонами, назначивъ ему за Бретёльскій лѣсъ такую сумму, какой тотъ и не требовалъ. Безъ этой великодушной помощи оба Іюльскіе героя должны бы непремѣнно обанкрутиться; притомъ съ Лафитомъ онъ поступалъ такъ уже тогда, когда тотъ предъ Богомъ и людьми каялся въ своемъ участіи при основаніи гражданской монархіи. Но это еще не все: апологія высчитываетъ, что въ первые годы Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ произвести отъ 16 до 17 милл. совершенно непредвидѣнныхъ издержекъ, которыя принесли пользу всѣмъ составнымъ частямъ общества, глубоко потрясеннаго въ своемъ благосостояніи, и для которыхъ частныя коронныя имѣнія были бы совершенно недостаточны. Что скажетъ Тимонъ, критикъ Орлеанской плутократіи, когда узнаетъ, что коронныя имѣнія, начиная съ 1832 г., давали чистаго дохода не больше 1,300,000 фр., а съ 1840 г. по большей мѣрѣ 1½ милл. фр.? По мнѣнію Монталивѐ, Людовикъ-Филиппъ могъ бы еще просить удовлетворенія у правительства,—но правительство не въ правѣ было насчитывать на него никакихъ требованій. Этотъ

Digitized by Google

начетъ былъ непростительная неблагодарность, которую объяснить можно только обильно разсѣваемыми плевелами клеветы. Онъ старается довести это до очевидности, исчисляя необыкновенныя надержки на украшенія и новыя пріобрѣтенія въ коронныхъ имѣніяхъ: на строенія 33,615,000 ф., на имѣнія 1,560,000 ф.; на украшеніе дворцовъ и собраній 10½ милл.; на лѣса 2,715,000 ф.; на покупку земель съ подаренными 380,000 фр. — всего 48,770,000 фр. Людовикъ-Филиппъ писалъ къ нему: «Кажется, всѣ хотятъ, чтобъ я пожалѣлъ объ издержкахъ, сдѣланныхъ мною для украшенія и увеличенія коронныхъ имѣній, которыя остаются въ собственность Франціи; но людямъ не удастся довести меня до раскаянія въ томъ, что я имъ дѣлалъ добро.» Г. Монталивѣ восклицаетъ своимъ противникамъ: «Вы обвиняли Людовика-Филиппа въ хитрости и корыстолюбіи; вамъ отвѣтили факты изъ самой дружественной его переписки. Вы обвиняли его въ эгоизмѣ и скупости; вамъ отвѣтили его заботливость о знаменитыхъ несчастливцахъ и его щедроты, изливавшіяся на многихъ изъ вашихъ друзей. Вы обвиняли его въ своекорыстіи при дѣлахъ объ удѣлахъ для членовъ его семейства; онъ отвѣтилъ вамъ при министерскихъ совѣщаніяхъ объ этомъ предметѣ, являя въ себѣ скорѣе конституціоннаго монарха, нежели отца семейства. Вы обвиняли его въ томъ, что онъ расточилъ коронныя имѣнія; отвѣтъ его тотъ, что онъ по собственному произволу пожертвовалъ въ эти имѣнія 48½ милл., которыми, друзья ваши, въ 1848 году, овладѣли отъ имени Республики.»

ПРАЗДНЕСТВО ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТІЯ СТАТУИ «БАВАРІИ» ВЪ МИНХЕНѢ.— ....Противъ статуи, еще закрытой, поставлена была на возвышеніи крытая галлерея для короля и двора. Церемонія началась длинною процессіею ремесленныхъ цеховъ; каждая группа окружала торжественную колесницу, великолѣпно украшенную разными произведеніями ремеслъ. Эти эмблемы были чрезвычайно разнообразны, и каждая представляла какъ бы отдѣльное художественное произведеніе. Много вещей сдѣланы были нарочно по раз-

Digitized by Google

мѣру колоссальной статуи. То являлось огромное колесо въ діаметрѣ 20 футовъ, съ украшенными спицами; то—гигантская рука съ мечемъ; модель новой церкви, построенной щедротами короля; каменная часовня съ башней, и т. д. Послѣдняя подъѣхала колесница художниковъ; на ней, въ украшенной зеленью колоннадѣ, стояла статуя короля въ вѣнчальномъ нарядѣ, у ногъ его искусства, направо скульптура съ «Баваріей», налѣво живопись съ палитрою и кистями, передъ нимъ зодчество съ моделью Валгаллы; кругомъ, въ видѣ орнаментовъ, статуэтки Швантадера. Всѣ, участвовавшіе въ ходѣ, выстроились кругомъ галлереи. Начинается торжественная увертюра. До сихъ поръ изъ-за досчатой стѣны поднималась только рука съ вѣнкомъ. Вотъ застучали молоты, забѣгали канаты, по сигналу медленно опускается огромная стѣна, и, при громѣ пушекъ, клики многочисленнаго народа привѣтствуютъ колоссальную аллегорію родной земли.—Торжественной рѣчи, произнесенной А. Тейхлейномъ, конечно, никто кромѣ близъ стоявшихъ не могъ разслышать; шумъ и говоръ толпы былъ такъ силенъ, что едва можно было слышать даже хоръ.—Всѣ разошлись съ чувствами радости, гармоніи, съ давно неизвѣданными праздничными чувствами въ душѣ.

Въ началѣ письма корреспондентъ газеты Allgem. Zeit. говоритъ: «Минхенъ отпраздновалъ вчера прекраснѣйшее изъ бывшихъ въ немъ торжествъ, какъ по глубокой значительности, умному и изящному устройству, такъ еще болѣе по духу любви и благодарности, которымъ оно было внушено, и который сообщился цѣлому народу. Естественно было при окончаніи самаго смѣлаго и самаго изящнаго изъ сооруженій короля Людовика, колосса «Баваріи», дать художественный праздникъ; также естественно было дать торжеству этому значеніе, при которомъ бы вполнѣ выказалось благодѣтельное вліяніе обширныхъ и умно выполненныхъ художественныхъ предпріятій на жизнь народную вообще, такъ чтобы въ чувственныхъ и общепонятныхъ образахъ очевидно представилось, какъ эти предпріятія благодѣтельны для ремеслъ, въ ихъ умственныхъ и вещественныхъ интересахъ, и какъ съ ними необходимо связуется достиженіе важной, даже необходимой цѣли, упро-

Digitized by Google

чить благосостояніе рабочаго класса. — Главная идея торжества была выразить народную благодарность королю, который своими обширными художественными предпріятіями сдѣлался благодѣтелемъ Баваріи.»

Кстати мы предложимъ краткую вѣдомость объ этихъ предпріятіяхъ, съ показаніемъ суммъ, чего каждое изъ нихъ стоило:

Король Людовикъ, въ двадцати-трехлѣтнее свое правленіе, употребилъ на поощреніе художествъ слѣдующія суммы: на постройки собственно до 4,400,000 рубл. сер., на скульптурныя и живописныя вещи до 770,000, на расписанныя стекла до 175,000, на мебель до 350,000, на другіе художественные предметы до 395,000, всего же около шести милліоновъ рублей серебромъ на наши деньги, что составляетъ, среднимъ числомъ, въ годъ около 260,000 р., сер.— Валгалла стоила до 1,140,000 р. сер., дворецъ со всею живописью, скульптурою и другими украшеніями ок. 1,130,000, церковь Всѣхъ Святыхъ 200,000 р. сер. Всѣ эти расходы производились изъ суммъ королевскаго кабинета, который, какъ извѣстно, имѣетъ богатые доходы.

АНГЛІЙСКАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ. — Читатели наши знакомы съ біографіею Роберта Пиля. Его смерть покрыла всю Англію трауромъ, и сочувствіе къ такой великой потерѣ равно выразилось во всѣхъ классахъ, нашло отголосокъ вездѣ, гдѣ только умѣютъ цѣнить высокую правоту души. Подписки на сооруженіе памятника ему открыты во всѣхъ странахъ между Англичанами, и, конечно, лучшимъ свидѣтельствомъ передъ потомствомъ будетъ изъ нихъ тотъ, который соорудится подпискою между самымъ бѣднымъ классомъ Англійскаго народа, и получитъ названіе памятника бѣдныхъ людей: на этотъ монументъ каждый вноситъ всего одинъ пенни (менѣе 2½ к. сер. на наши деньги).... Теперь Англійскія газеты извѣщаютъ, что Юмъ получилъ 5000 ф. стерл. (30 т. р. с.), собранныхъ подпискою между Англійскими, ремесленниками въ С.-Петербургѣ, на сооруженіе памятника Роберту Пилю. Сумма эта собрана исключительно между одними Англійскими ремесленниками, и вѣроятно, была бы

Digitized by Google

гораздо значительнѣе, если бы ее начали не слишкомъ поздно.... Вотъ этой признательности, этому умѣнью цѣнить своихъ великихъ людей можно позавидовать и поучиться.... На памятникѣ Пилю предлагаютъ вырѣзать надпись: «дешевый хлѣбъ.»

ПРОЕКТЪ КАНАЛА МЕЖДУ СЕДАНОМЪ И ТРИРОМЪ.

Пишутъ о проэктѣ соединить Рейнъ съ Сеною, посредствомъ канала (въ 20 миль) между Седаномъ и Трировъ. Если онъ будетъ принятъ, то черезъ соединеніе Сены съ Рейномъ, и Рейна посредствомъ Людвигова канала съ Дунаемъ, откроется свободное плаваніе между Гавромъ и Чернымъ моремъ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЪѢЗДЪ НѢМЕЦКИХЪ ФИЛОЛОГОВЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

30-го Сент. н. г. (по н. ст.) въ Берлинѣ открылся одиннадцатый съѣздъ Нѣмецкихъ филологовъ, педагоговъ и оріенталистовъ. Изъ Южной Германіи сюда явились только Дедерлейнъ, Герлахъ, Рейсъ, Голцманнъ и Клейнъ (изъ Майнца); изъ Мюнхена, Вюрцбурга, Тюбингена, Фрейбурга, Гейдельберга, Бонна не было никого. Но странно, что вотъ уже много лѣтъ Тиршъ не является на съѣздъ; не было и Роста изъ Готы, и Германна и Шнейдевина изъ Геттингена. Представителями Іенскаго университета были: Гандъ, Геттлингъ, Гофманнъ, Вейссенборнъ. Вообще же, хотя число ученыхъ, прибывшихъ на одиннадцатый съѣздъ было не столь велико какъ прежде, однако оно при первомъ засѣданіи восходило уже до 300 человѣкъ. Оно началось рѣчью профессора Бека: *о значеніи филологіи въ новѣйшее время*. Ораторъ старался доказать, и съ успѣхомъ, что филологія, хотя, повидимому, мало приноситъ существенныхъ свѣдѣній, однако наиболѣе способствуетъ общему человѣческому образованію, развивая всѣ способности духа человѣческаго. По окончаніи засѣданія ученые обѣдали вмѣстѣ; а вечеромъ присутствовали при представленіи *Антигоны* Софокла, которое хотя и было не столь хорошо, какъ данное въ Дрезденѣ, однако удалось изрядно.

Digitized by Google

Во второе засѣданіе, 1-го Окт., были читаны статьи профессоровъ Герлаха (изъ Базеля), Гергарда и Мюллаха (изъ Берлина). Первый говорилъ объ отношеніи народныхъ сагъ и преданій къ исторіи; онъ избралъ главнымъ предметомъ сказаніе о Ромулѣ, и старался доказать, какъ любители миѳологіи не понимаютъ истиннаго смысла этого преданія. Герлахъ довольно рѣзко отозвался въ своей рѣчи о приверженцахъ отрицательной критики. Проф. Гергардъ говорилъ объ изученіи археологіи, о ея значеніи, объемѣ, методахъ. Въ послѣдствіи онъ развилъ еще подробнѣе свой предметъ въ рѣчи, говоренной имъ въ библіотекѣ музея. Проф. Мюллахъ предполагалъ говорить о новомъ изданіи Дюканжева: Lexicon mediae et infimae Graecitatis, но не успѣлъ.

НОВОЕ ПРІОБРѢТЕНІЕ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Со времени Анджело Майо ничего не было издано изъ рукописныхъ сокровищъ Ватиканской библіотеки, относящихся къ Греческой литературѣ. Въ нынѣшнемъ только году Д. Піетро Матранга издалъ Anecdota graeca; эта книга содержитъ въ себѣ доселѣ неизданныя сочиненія Византійскихъ ученыхъ и поэтовъ, жившихъ въ средніе вѣка. Первая половина книги содержитъ изслѣдованія Византійцевъ о Гомерѣ, какъ-то: аллегоріи Тцетцеса къ Гомеру, Гераклида аллегоріи же къ Гомеру, объясненія Никифора Грегоры, Христофа Контолеона и Льва Аллатія. Вторая половина книги содержитъ такъ называемыя anacreontica; тутъ находятся, между прочими, произведенія Константина Сикула и Родіуса, Льва Философа и др. Вообще же книга, изданная Матрангою, составляетъ важное дополненіе къ изданнымъ доселѣ памятникамъ Византійской учености, и необходима для ученыхъ, занимающихся классическою литературою.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Очень интересна вновь появившаяся книга: «Генріэтта Герцъ (Herz), ея жизнь и воспоминанія», изданіе Ч. Фирста. Сочинительница этихъ мемуаровъ въ продолженіе не од-

Digitized by Google

ного человѣческаго вѣка видѣла въ домѣ своемъ, и даже отчасти на дружеской ногѣ, всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей ученаго и литературнаго міра, бывшихъ въ Берлинѣ,— и въ ихъ средѣ прожила долгую жизнь, во многихъ отношеніяхъ похожую на жизнь г-жи Рекамьѐ. Вся книга состоитъ изъ множества мелкихъ статей, писанныхъ, правда, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но показывающихъ большую живость взгляда; въ нихъ сочинительница, всегда добродушно, но притомъ рѣзко, всегда снисходительно, но притомъ истинно, изображаетъ все, что ею было прожито. Въ высшей степени важны сообщаемыя ею подробности изъ времени ея дѣтства; ибо хотя политическая и военная исторія Фридриха II вполнѣ извѣстна, однакожъ и образованные люди нашего времени имѣютъ объ общественныхъ отношеніяхъ тогдашняго Берлина по большей части совсѣмъ превратныя понятія. Превосходно изображеніе Мирабо. Генцъ хорошо очерченъ и по справедливости осужденъ; за тѣмъ слѣдуютъ картины и анекдоты касательно Жанъ-Поля, историка Мюллера, къ которому сочинительница питаетъ довольно явное отвращеніе, Шлейермахера, Гумбольдта, Лудвига Бёрне, который изъ любви къ г-жѣ Герцъ хотѣлъ лишить себя жизни; затѣмъ сообщаются обстоятельства путешествія въ Италію, вскорѣ послѣ паденія Наполеона; а въ концѣ описано посѣщеніе К. М. Арндта въ тѣ дни, когда у него отобраны были его бумаги. Въ цѣломъ, равно какъ и въ приложенномъ къ книгѣ портретѣ г-жи Герцъ, какъ будто отражается необыкновенное умственное развитіе, а вмѣстѣ безпритязательность и прямо женственное чувство, душа любящая, умъ ясный и высокое нравственное достоинство: все это, въ совершенной гармоніи одно съ другимъ, оказываетъ на читателя самое благодѣтельное дѣйствіе.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 21 Августа оконченная аукціонная продажа картинной галлереи Короля Нидерландскаго доставила выручки около двухъ милліоновъ гульденовъ (или около 1,060,000 р. сер.)

Digitized by Google

— 30 Августа, въ Эдинбургѣ, Принцъ Альбертъ, супругъ Королевы Викторіи, положилъ основный камень зданія, предназначеннаго для Шотландской національной галлереи, которое вмѣстѣ будетъ постоянною выставкою произведеній еще живущихъ живописцевъ, а также и художественною школою. Парламентъ ассигновалъ для этого строенія 25,000 ф. ст., а городъ отъ себя прибавилъ 15,000.

— Въ Константинополѣ недавно найдена статуя Венеры Милона. По порученію Короля Прусскаго Гартунгъ въ Парижѣ приготовляетъ съ нея копію.

музыкальныя извѣстія.

— Дрезденскіе артисты и любители музыки, 28 Іюня, давали въ память Себастіана Баха музыкальный праздникъ. Выбраны были нѣсколько пьесъ самого Баха, Палестрины, Лютера, Бетховена и Мендельсона-Бартольди. При этомъ основана музыкальная консерваторія, названная именемъ великаго композитора. — Въ Лейпцигѣ основано «Баховское общество», котораго цѣль, подобно Лондонскому Haendel Society, издать полныя сочиненія Баха въ возможно лучшемъ видѣ. Въ годъ будутъ выходить 50—60 листовъ. Извѣстнѣйшіе знатоки пригласили всѣхъ любителей важной музыки принять въ этомъ участіе, а изданіе приняла на себя извѣстная фирма: Брейткопфъ и Гертель. Берлинъ, Магдебургъ и Гамбургъ также праздновали Баховъ 100-лѣтній юбилей (со дня кончины его). Въ Лондонѣ подобное торжество дано было вновь основавшимся Bach Society. Въ газетномъ объявленіи объ этомъ, Баха называютъ «величайшимъ музыкальнымъ геніемъ всѣхъ вѣковъ.»

— Замѣчательны въ Германіи частые праздники пѣвцовъ: 5 авг. въ Ульмѣ, 10 и 11 въ Клеве, куда сбирались пѣвцы и изъ городовъ Голландіи, 11 же въ Эгерѣ.

— Въ Аньерскомъ паркѣ близъ Парижа, 25 Августа, былъ музыкальный праздникъ, въ которомъ принимали участіе не менѣе 1,800 пѣвцовъ, изъ нихъ 1,200 членовъ Орфеона, сверхъ того 9 полковыхъ хоровъ музыки и 100 трубачей. По числу участниковъ не было еще равнаго этому празднеству.

Digitized by Google

— Большое Филармоническое Общество въ Парижѣ, состоящее подъ управленіемъ Берліоза, предполагало дать въ своемъ концертѣ, 20 Октября, (и вѣроятно, уже дало): «Херувимскую пѣснь» Бортнянскаго (Le Chant des Chérubins, de Bortniansky, choeur sans accompagnement, fragment du repertoire de la chapelle de S. M. l'Empereur de Russie, exécuté en France pour la première fois.) Нѣтъ сомнѣнія, что высокое произведеніе нашего геніяльнаго духовнаго композитора должно произвести глубокое впечатлѣніе на Парижанъ.

— Мастерское произведеніе Лорцинга «Царь и плотникъ», будетъ дано въ Лондонѣ въ будущій весенній сезонъ. Говорятъ, Итальянскій переводъ очень удался; фанъ-Бетта будетъ играть Лаблашъ, Марію — Фреццолини, Французскаго посланника — Гардони; Лорцингъ, какъ слышно, будетъ самъ дирижировать оркестромъ.

— Бельгійскій композиторъ Грегуаръ, изъ Антверпена, котораго лирическая драма «Потопъ» уже прежде дана была въ Парижѣ, написалъ историческую симфонію: «Крестовые походы.»

— Маэстро Паччини трудится надъ новою оперою: «La virtù premiata.«

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИСЬМО ИЗЪ КАЗАНИ.

М. Г. М. П. Прежде всего покорнѣйше прошу васъ выслушать и даже, если не поздно (впрочемъ — лучше поздно, чѣмъ никогда!) припечатать въ Москвитянинѣ или въ Московскихъ Вѣдомостяхъ слѣдующее поясненіе, или поправку:

Въ Губернскихъ Казанскихъ Вѣдомостяхъ я помѣстилъ статейку объ Университетскомъ (Казанскомъ) Минц-кабинетѣ. Между прочимъ я привелъ тамъ для сравненія цифры, показывающія число монетъ и медалей въ Минц-кабинетахъ прочихъ Русскихъ Университетовъ и Лицеевъ, цифры, заимствованныя мною изъ Отчета Его Сіятельства Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія. При печатаніи этой статьи изъ набора какъ-то *выпала цѣлая строка*, и отъ этого произошла нелѣпѣйшая ошибка, а именно, будто бы въ Московскомъ Минц-кабинетѣ находится 740 монетъ!!!!.... А слѣдовало быть, и было въ оригиналѣ и въ корректурѣ, такъ: «*въ Московскомъ — 14213, въ Ярославскомъ Демидовскаго Лицеѣ — 740*». Несчастная статья моя, не смотря на такую грубую опечатку и на прочіе ея недостатки, почему-то обратила на себя особенное вниманіе и была, въ извлеченіяхъ, перепечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Сѣверной Пчелѣ (съ прибавкою новыхъ пропусковъ), въ Русскомъ Инвалидѣ и въ 17-мъ нумерѣ вашего Москвитянина[1], къ досадѣ и къ удивленію моему, съ несчастною

[1] Habent sua fata libelli, также и статьи. *Ред.*

Digitized by Google

опечаткою!.... Пусть другіе могли не знать или не досмотрѣть этого, но мнѣ страннымъ кажется этотъ недосмотръ въ Москвитянинѣ* и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.... Изъ тѣхъ же Моск. Вѣд. нынѣ я вижу, что вышла 19-я книжка Москвитянина, содержащая въ себѣ «Замѣтку о Минц-кабинетѣ Московскаго Университета». Самаго Москвитянина я еще не получилъ (равно какъ и N 18-й; вѣроятно, задерживаютъ дурныя дороги), но уже догадываюсь по заглавію, что эта «Замѣтка» будетъ направлена противъ несчастнаго пропуска.... Что дѣлать! Принимаю всѣ упреки, хотя и знаю, что и въ столичныхъ изданіяхъ частенько попадаются типографскіе недосмотры, иногда страшно искажающіе смыслъ**. Но я считаю обязанностію объяснить происхожденіе этой ошибки, и желалъ бы, чтобъ мое объясненіе не осталось между нами, но сдѣлалось извѣстно всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ***.

Теперь со всею возможною осмотрительностію сообщу вамъ о нѣкоторыхъ особенно важныхъ событіяхъ Казанской жизни.

Лѣто все прошло безъ особенныхъ приключеній, если не считать важнымъ замѣчательное обиліе грозовыхъ дней. Но вотъ 7-го Октября произошло слѣдующее. Въ этотъ день совершено было освященіе церкви, устроенной при Домѣ призрѣнія неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ города Казани. Домъ этотъ открытъ былъ въ 1848 г., о чемъ въ свое время я и извѣстилъ вашъ Москвитянинъ. Уже тогда же предложено было создать храмъ, но исполнилось это предположеніе только нынѣ. По окончаніи божественной литургіи, послѣдовавшей за освященіемъ новосозданнаго храма, всѣ присутствовавшіе при освященіи приглашены были Попечителемъ Дома Призрѣнія, купцомъ В. П. Лошкинымъ, на завтракъ, данный въ самомъ домѣ Призрѣнія. Скромно

---

* Частный Редакторъ (Внутреннихъ Извѣстій) винится въ своемъ затмѣніи, а меня не было въ Москвѣ. *М. П.*

** Увы! грѣшные люди. *Ред.*

*** Вотъ какъ благонамѣренные и добросовѣстные ученые стараются объ исправленіи своихъ ошибокъ. Avis aux lecteurs! *Ред.*

Digitized by Google

было это пиршество, но оно заключилось новымъ прекраснымъ подвигомъ благотворенія. Послѣ того, когда прозвенѣли заздравные кубки во славу Державнаго Владыки Всероссійскаго и Его Августѣйшей Фамиліи, Попечитель Дома призрѣнія и главный виновникъ его учрежденія, В. М. Лошкинъ подалъ Г. Исправляющему должность Казанскаго Губернатора, Графу Е. П. Толстому, докладную записку. Записка эта прочтена была начальникомъ Губерніи во всеуслышаніе. Она заключала въ себѣ слѣдующее предложеніе: такъ какъ при открытіи Дома Призрѣнія, съ Высочайшаго соизволенія предположено имѣть помѣщеніе на 50 кроватей для лицъ обоего пола, и въ настоящую пору число призрѣваемыхъ комплектно, тогда какъ совершенно приведенный въ устройство этомъ Домъ позволяетъ безъ всякаго стѣсненія помѣстить до 120 кроватей, то Попечитель Дома, въ память свѣтлаго дня освященія храма, изъявилъ готовность устроить на свой счетъ еще 20 кроватей и просить Его Сіятельство, Г. Начальника Губерніи, употребить зависящее съ его стороны начальническое содѣйствіе на утвержденіе этого предложенія. — Нужно ли сказывать, что эта докладная записка выслушана была всѣми съ живѣйшими выраженіями восторга?....

Въ Университетѣ, въ послѣднее время, происходили два медицинскихъ диспута: одинъ—De cholera orientali, диссертацію для котораго представилъ Ординаторъ здѣшняго Военнаго госпиталя *Г-нъ Зедерштедтъ*; другой — De abortus aetiologia atque pathogenia ac nonnulla de processu graviditatis physiologico, гдѣ искателемъ степени Доктора Медицины явился лекарь 1-й степени *Гильтеръ*. Послѣдній диспутъ, не смотря на слишкомъ спеціальное содержаніе разсужденія, отличался особенною живостію и возбудилъ всеобщее любопытство. Можно сказать, что изъ всѣхъ медицинскихъ диспутовъ, бывавшихъ въ нашемъ Университетѣ, это былъ первый, веденный съ такимъ одушевленіемъ и искусствомъ, вполнѣ выказавшимъ силу свѣдѣній докторанта.

Изъ другихъ новостей самыя важныя: окончательная отдѣлка большой дамбы, соединяющей городъ съ слободою Адмиралтейскою. Ѣзда по ней откроется нынѣшнею

Digitized by Google

зимою. Это учрежденіе одно изъ благодѣтельнѣйшихъ для Казани.

Церковь Св. Николая Чудотворца, сгорѣвшая въ 1842 году, нынѣ отстроена вчернѣ по новому плану, значительно разширенная. Храмъ этотъ будетъ одинъ изъ красивѣйшихъ во всей Казани.

Еще забылъ интересную новость. В. П. Васильевъ, Магистръ здѣшняго Университета, бывшій Членомъ Пекинской миссіи (1840—1850), возвратился въ Казань. Къ новому году прибудетъ его обозъ съ богатѣйшими учеными пріобрѣтеніями ля Университета: будетъ что поразсказать вашему Москвитянину!

Снова прошу васъ, если можно, сообщить мое объясненіе на счетъ опечатки.

А. Артемьевъ.

1850 г. Октября 18.
Казань.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.—Медико-Хирургическая Академія возникла въ царстованіе Императора Павла I. Важнѣйшею задачею ея было приготовленіе военныхъ врачей, въ которыхъ правительство чувствовало настоятельную потребность при тогдашнихъ продолжительныхъ и славныхъ войнахъ. Бросивъ самый бѣглый взглядъ на всѣ преобразованія нынѣшней Медико-Хирургической Академіи, отъ ея основаніи въ 1800 г. до настоящаго времени, можно убѣдиться, что прежнія стремленія осуществляются только въ настоящее славное царствованіе, и Россія имѣетъ нынѣ учебное медицинское заведеніе, усердные питомцы котораго трудятся на пользу великой семьи необозримой монархіи. Не только въ блистательныхъ столицахъ и въ главныхъ городахъ Имперіи, не только въ арміи и во флотѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ областяхъ Европейской и Азіятской Россіи, въ Сѣверо-Американскихъ Колоніяхъ, вездѣ, гдѣ врачь дѣйствуетъ и творитъ съ самоотверженіемъ, найдемъ учениковъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи....50-лѣтній юбилей ея, отпразднованный 16 Сент. этого года, встрѣтилъ самое пламенное сочувствіе

Digitized by Google

въ обширнѣйшемъ кругу. — Въ 11-мъ часу утра началось въ Академической церкви молебствіе, совершенное Митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, послѣчего Архипастырь произнесъ сильное и убѣдительное слово. По окончаніи Божественной службы, всѣ присутствовавшіе отправились, при громѣ музыки, въ большую залу Академіи. Когда Его Высокопреосвященство занялъ мѣсто рядомъ съ Попечителемъ Академіи, Генералъ-Адъютантомъ П. Н. Игнатьевымъ, когда помѣстились и прочіе государственныя сановники, достойный Президентъ Академіи, Д. С. С. Докторъ Шлегель, открылъ празднество прекрасною Латинскою рѣчью, темою которой было высокое значеніе юбилея. За тѣмъ вступилъ на каѳедру Проф. Прозоровъ и прочиталъ на Русскомъ языкѣ историческую записку объ Академіи.

Величественное зрѣлище представляло многочисленное, блистательное собраніе въ залѣ, наполненной высшими сановниками, высшими медицинскими чинами и избраннымъ кругомъ ученыхъ, врачей и любителей науки. Бывшіе ученики Академіи составляли наибольшую часть присутствовавшихъ изъ сословія врачей. По обѣимъ сторонамъ каѳедры сидѣли Академики и Профессоры: Эйхвальдъ, Горяниновъ, Нарановичъ, Пироговъ, Дубовицкій, Беръ, Мяновскій Прозоровъ, Рклицкій, Шипулинскій, Загорскій, Заблоцкій, Китеръ, Олендзскій, Экъ, Зининъ — представители науки и врачебной дѣятельности, уважаемые товарищами, любимые учениками. Въ боковой галлереѣ помѣщались студенты, молодые поборники науки. Нѣкоторымъ изъ нихъ суждено, можетъ быть, присутствовать при столѣтнемъ юбилеѣ Академіи маститыми старцами, награжденными почестями, какъ это выпало на долю одному изъ присутствовавшихъ, Тайному Совѣтнику С. Ѳ. Гаевскому, который, за 50 лѣтъ, былъ студентомъ, и окончилъ курсъ съ особеннымъ отличіемъ. Мы видѣли предъ собою достойнаго мужа, а имя его, какъ перваго отличнаго воспитанника Академіи, блистало на мраморной доскѣ золотыми буквами съ цифрою 1800 года. Невдалекѣ отъ С. Ѳ. Гаевскаго видѣли мы еще двухъ достопочтенныхъ ветерановъ, Д. С. С. Громова и Кайданова, также, почти за полвѣка,

Digitized by Google

бывшихъ учениками Академіи, а въ послѣдствіи, подобно Гаевскому, отличными профессорами....

По произнесеніи рѣчей, вступилъ на каѳедру ученый Секретарь Академіи, Проф. Дубовицкій, и прочиталъ списокъ Монаршихъ наградъ по случаю юбилея. Въ заключеніе торжественнаго акта, онъ же провозгласилъ имена вновь избранныхъ Академіею почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ. Празднество окончилось роскошнымъ обѣдомъ на 350 человѣкъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ИЗЪ ОТЧЕТА АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ЗА 1849—1850 ГОДЪ.—Дѣятельность членовъ Академіи, подробно исчисленная въ отчетѣ, отличалась, какъ и всегда, многообразіемъ и неутомимостію. Поименованіе произведеній ихъ, болѣе или менѣе важныхъ (для чего, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ мѣста), составляетъ любопытный и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый матеріалъ для исторіи художествъ въ нашемъ отечествѣ. Не можемъ, однако, не выписать слѣдующихъ строкъ, относящихся къ нашему знаменитому художнику К. П. Брюлову. «Въ бытность на о. Мадерѣ онъ поправился, и могъ исполнить нѣсколько произведеній, въ которыхъ видны неослабѣвающая сила истиннаго таланта и воображеніе художника. Онъ написалъ портретъ Е. И. Высочества Президента Академіи Художествъ и нѣсколькихъ лицъ, бывшихъ въ свитѣ Его Высочества, а также сдѣлалъ довольно рисунковъ карандашемъ и акварелью въ историческомъ и портретномъ родѣ. Особенно достойны вниманія его рисунки, и въ числѣ ихъ необыкновенно замѣчательный, изображающій поле сраженія между христіанскими рыцарями и Сарацинами. Теперь Брюловъ въ Римѣ и тамъ не перестаетъ трудиться. Вотъ что онъ пишетъ объ одномъ исполненномъ имъ въ Римѣ рисункѣ: «Я сдѣлалъ рисунокъ, представляющій Римъ въ видѣ старой женщины, облокотившейся на руку. На колѣнахъ у нея бременящій ее шлемъ, щитъ съ буквами S. P. Q. R. (Senatus populusque Romanus) свалился съ лѣвой руки, у ногъ ея обломанная мраморная волчица съ Ромуломъ и Ремомъ; но ея стража охраняетъ ее! Это Микель-Анджело, держащій рисунокъ, на коемъ начерчена Capella Sistina, а съ дру-

Digitized by Google

гой стороны Рафаэль съ своимъ рисункомъ Ватикана. Позади видны тѣни Цесарей: Тита, Траяна, Марка-Аврелія и прочихъ, вдали неоцѣненные остатки древностей и куполъ церкви Св. Петра.»—Замѣтимъ еще, что почти всѣ профессоры и академики по части живописи исторической и ваянія заняты были работами для Исакіевскаго собора; а нѣкоторые, по части ваянія, для Храма Христа Спасителя, въ Москвѣ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ВЪ ПОЛОЦКѢ. — 26-го Августа, въ день Бородинской битвы и взятія штурмомъ Варшавы, открытъ былъ въ Полоцкѣ памятникъ, сооруженный тамъ въ воспоминаніе военныхъ событій 1812 года. При открытіи присутствовали: Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, и нѣкоторые изъ старыхъ воиновъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ 1812 года, и мѣстныхъ жителей, бывшихъ въ Полоцкомъ ополченіи того же времени. Памятникъ воздвигнутъ на плацъ-парадномъ мѣстѣ Полоцкаго Кадетскаго Корпуса.

ПОДВИГИ ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЯ И САМООТВЕРЖЕНІЯ.—Томской губ., въ Ялуторовскомъ округѣ, крестьяне Яковъ Канжинъ, Осипъ Мельниковъ, Мамонтъ Тучинъ, Андрей Канжинъ и братъ послѣдняго (10 лѣтъ), отправившись для перепашки земли въ поле, по окончаніи работъ истопили устроенную тамъ избушку и легли въ ней спать; во время сна загорѣлась около трубы соломенная крыша, а потомъ и самая избушка разгорѣлась такъ, что когда разбуженные наконецъ огнемъ крестьяне проснулись, не было уже никакой возможности спастись, ибо дверь избушки завалило обрушившеюся крышей; въ слѣдствіе того, изъ пяти человѣкъ остался въ живыхъ только десятилѣтній мальчикъ, котораго остальные четверо, обрекшіе уже себя на гибель, имѣли великодушное присутствіе духа выпихнуть въ тѣсное окно лачужки.

Московской губ., Коломенскаго у., крестьяне Андрей Воробьевъ и Тихонъ Орловъ, возвращаясь домой съ базара въ нетрезвомъ видѣ, вздумали, не снимая нижняго платья,

Digitized by Google

искупаться въ рѣкѣ Коломенкѣ, около моста, но едва только погрузились въ воду, какъ оба начали тонуть. Собравшійся на мосту народъ бросилъ имъ вожжи; но за нихъ успѣлъ ухватиться только одинъ Орловъ, да и тотъ всплыть уже не могъ. Тогда проѣзжавшій по мосту крестьянинъ Кириллъ Скучалинъ, увидѣвъ утопающихъ, тотчасъ же сбросилъ съ себя верхнюю одежду, и, вырвавшись изъ рукъ бывшей съ нимъ жены, съ полнымъ самоотверженіемъ бросился въ рѣку. На глубинѣ 11 арш., опустясь на дно, отыскалъ онъ Орлова, и вытащивъ его изъ воды, передалъ народу; потомъ, опоясавшись веревкой, снова бросился на дно рѣки, но, не смотря на всѣ усилія, другаго утонувшаго не могъ отыскать, и самъ вытащенъ былъ въ совершенномъ изнуреніи силъ. Спасеннаго крестьянина Орлова успѣли привести въ чувство; утонувшій же Воробьевъ отысканъ былъ багромъ послѣ того черезъ часъ, безъ всякихъ признаковъ жизни.

Въ городѣ Кронштадтѣ, унтеръ-офицеръ 1-го Штурманскаго полуэкипажа, Ѳедоръ Безруковъ, проходя по валу, увидѣлъ, что матросская жена Анна Егорова, для спасенія утопавшей 7-лѣтней своей дочери, бросилась въ Биржевой каналъ, и, не имѣя силъ выбраться изъ воды, начала тонуть сама. Немедленно кинулся Безруковъ къ берегу, сбросилъ съ себя только шинель — и бухъ въ каналъ. Господь помогъ доброму служивому вытащить изъ воды какъ мать, такъ и дочь: послѣдняя нѣсколько времени была безъ чувствъ и не могла говорить, но спаситель откачалъ ее на своихъ рукахъ и тѣмъ возвратилъ къ жизни.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ ВЪ ДЕРПТѢ И ХАРЬКОВѢ. — Нынѣшнюю зиму въ Дерптѣ предполагаютъ читать: Проф. Гебель — «Объ употребленіи металловъ и металлическихъ составовъ въ искусствахъ и ремеслахъ;» Проф. Кемцъ— «О явленіяхъ теплоты и о примѣненіи оной въ искусствахъ и ремеслахъ;» Проф. Петцольдъ — «О механической переработкѣ растительныхъ веществъ и о сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ.»—Въ Харьковѣ объявлены слѣдующія лекціи: Прикладной механики, Проф. Соколова; Технической химіи, Проф. Ходнева; Технологіи, Ад. Коссова; кромѣ того, желающіе могутъ посѣщать лекціи Сельск. хозяйства.

Digitized by Google

НОВАЯ АРМЯНСКАЯ ГАЗЕТА, подъ названіемъ «Араратъ», начала выходить въ Тифлисѣ съ 1-го Сентября этого года, еженедѣльно. Редакторъ ея — священникъ Паткановъ. Она раздѣлена на два отдѣленія: въ одномъ помѣщаются политическія и коммерческія извѣстія, а въ другомъ литературныя статьи. Это девятое Армянское періодическое изданіе, выходящее на земномъ шарѣ. Вотъ мѣста изданія ихъ: одно выходитъ въ Смирнѣ, два въ Венеціи, одно въ Вѣнѣ, два въ Константинополѣ, одно въ Сингапорѣ (Индіи) и одно въ Мадрасѣ (послѣднія два литографированныя).

НАГРАДЫ ФАБРИКАНТАМЪ ПО МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1849 ГОДА. — *Высочайшее благоволеніе*: 1) Почетной Гражданкѣ А. І. Барановой, за бумажную пряжу, крашеную въ Адріанопольскій цвѣтъ, за обширное производство бумажныхъ издѣлій и попеченіе о хорошемъ содержаніи и здоровьѣ рабочихъ. 2) Коммерціи Совѣтнику С. Л. Лепешкину, за производство бумажной пряжи на 15 т. веретенахъ и до 800 т. аршинъ плису, за устройство церкви, школы и содержаніе больницы. 3) Прусскому подданному А. Захерту, за управленіе суконною фабрикою брата его. 4) Мануфактуръ-Совѣтнику Ѳ. Х. Гинтеру, за обширное производство кожъ, за фаянсовыя и глиняныя издѣлія. 5) Каммергеру И. С. Мальцову, за обширное производство хрусталя, за учрежденіе больницы и вообще попеченія о фабричныхъ рабочихъ. 6) Гг. Ауербахамъ, за фаянсовую посуду. 7) Кн. В. И. Волконскому, за устройство первой фабрики для производства камеди, лейкома, и проч. — *Золотыя медали для ношенія на шеѣ на орденскихъ лентахъ. На Аннинской лентѣ*: 1) Купцу И. М. Ардамацкому, за обработку большаго количества льна для заграничнаго отпуска, за снисканное за границею довѣріе къ его штемпелю. 2) Купцу В. В. Филимонову, за обдѣлку ежегодно до 250 т. пуд. пеньки. 3) Купцу О. М. Сенькову за обширное производство фламскаго полотна и равендука. 4) Купцу И. П. Мельникову, за значительную обработку льна. 5) Купцу І. Г. Янке, за производство полотенъ и столоваго бѣлья. 6) Купцу Л. Рабенеку, за образцовые

Digitized by Google

пунцовые ситцы и платки. 7) Купцу С. И. Зубову, за значительное производство бумажной пряжи, крашеной въ Ардіанопольскій цвѣтъ. 8) Почетному Гражданину Я. П. Гарелину, за улучшенное устройство фабрики, производящей до 73 т. кусковъ ситца, за разныя устройства, имѣющія цѣлью сбереженіе здоровья рабочихъ и учрежденіе школы. 9) Почетному Гражданину В. П. Менщикову, за разнообразное и обширное производство льняныхъ и бумажныхъ издѣлій. 10) Почетному Гражданину В. И. Епанешникову, за отличныя ковровыя издѣлія. 11) Иностранцу А. Вольнеру, за превосходныя шерстяныя и смѣшанныя издѣлія. 12) Почетному Гражданину И. К. Савину, за превосходную юфть и за бумажную пряжу. 13) Почетному Гражданину Ф. Э. Гармсену, за пуговицы металлическія, и проч. 14) Купцу В. Корнилову, за фарфоръ. 15) Купцу А. Варгунину, за обширное производство разнообразной бумаги. 16) Купцу Г. С. Кузьмину, за деревянную мозаику.* *На Владимирской лентѣ:* 1) Купцу Ѳ. М. Ардашицкому, за обработку большаго количества льна для заграничнаго отпуска и снисканное за границею довѣріе къ его штемпелю. 2) Почетному Гражданину Ѳ. И. Попову, за производство бумажной пряжи и превосходныхъ миткалей, за образцовое устройство фабрики и заботливость о рабочихъ. 3) Почетному Гражданину Н. М. Гарелину, за первостепенное производство набивныхъ издѣлій, за попеченіе о фабричныхъ и устройство больницы. 4) Купцу М. А. Бабурину, за производство пунцовыхъ и кубовыхъ ситцевъ и содержаніе школъ для фабричныхъ. 5) Купцу Д. А. Борисову за издѣлія изъ накладнаго серебра. *На Александровской лентѣ:* 1) Купцу П. Г. Попову, за обширное производство кисей и отличное пике. *Большія золотыя медали:* 1) Купцу А. Г. Фидлеру за обширное производство тонкаго сукна. 2) Купца Сапожникова наслѣдникамъ, за парчи и богатыя штофныя матеріи. 3) Мануфактуръ-Совѣтнику Я. П. Рошфору, за большое разнообразіе отличнаго качества смѣшанныхъ издѣлій изъ шелка, шер-

* Этотъ искусный мастеръ приготовилъ на Лондонскую выставку картину изъ деревянной мозаики, изображающую Королеву Викторію съ дѣтьми.

Digitized by Google

сти и бумаги. 4) Кн. Н. В. Долгорукову, за отличныя кожи и юфть. 5) Г. А. М. Миклашевскому, за фарфоръ. 6) А. Энштейну, за отличную стеариновую массу и свѣчи изъ оной. — Сверхъ того, 79 лицамъ объявлена публичная похвала, тремъ даны преміи; 64 малыя серебряныя медали; 21 большія серебряныя медали; 32 малыя золотыя медали; и шести лицамъ данъ, на ихъ издѣнія, государственный гербъ.

ПРОИЗВОДСТВО ХИМИЧЕСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ВЪ РОССІИ. — Ежегодный оборотъ заводовъ, занимающихся производствомъ химическихъ товаровъ въ Россіи, составляетъ около 1,800,000 р. с. Главнѣйшихъ изъ этихъ товаровъ приготовляется въ годъ: купороснаго масла 260 т. пуд., купороснаго желѣза 130 т. п., купоросной мѣди 10 т. п., крѣпкой водки 25 т. п., соляной кислоты 15 т. п., квасцовъ 100 т. п., свинцоваго сахара 13 т. п., свинцовыхъ бѣлилъ 64 тыс. пудовъ.

ТОРГОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.—Изъ Троицка (Оренбургской г.) пишутъ, что, не смотря на значительную числительность Бухарскихъ и Ташкентскихъ каравановъ, мѣновая торговля наша съ Средне-Азіятскими народами нынѣшній годъ была не велика; еще бѣднѣе были наши сношенія съ Киргизами: главный источникъ ихъ богатства—бараны находили мало покупателей по своей дороговизнѣ, да и пригонъ ихъ былъ чрезвычайно маловаженъ. — Это неутѣшительное извѣстіе. Что дѣлать: годъ на годъ не приходитъ. — Но за то вотъ что пишутъ изъ Гродно. Нынѣшняя Зельвинская ярмарка не такъ успѣшна была для торговли, какъ въ прошедшемъ году. Товаровъ привезено было менѣе (всего въ привозѣ слишкомъ на милліонъ рубл. сер., а въ продажѣ едва половина); особенно замѣчаютъ купцы, что всѣ предметы роскоши постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, менѣе и менѣе привлекаютъ покупателей. Наилучшій сбытъ имѣли шерстяные и бумажные товары, чай и....КНИГИ! Признаемся, не ожидали такой радости. Книги предпочитаются предметамъ роскоши! О, если бы на всѣхъ ярмаркахъ были такіе покупатели, какъ на Зельвинской!....

Digitized by Google

ВОСХОЖДЕНІЕ НА АРАРАТЪ. — Со времени перваго восхожденія на эту гору, совершеннаго Проф. Парротомъ въ 1829 году, до вершины ея достигали Гг. Спасскій-Автономовъ и Абихъ. Въ нынѣшнемъ году, начальникъ треангуляціи Закавказскаго края, Полковникъ Ходзько, предположилъ совершить восхожденіе на Араратъ съ геодезическими инструментами, для измѣренія тамъ вертикальныхъ угловъ главныхъ пунктовъ тригонометрической сѣти. Предпріятіе это удалось вполнѣ. Послѣ восхожденія на Малый Араратъ, произведя тамъ рядъ метеорологическихъ и геодезическихъ наблюденій, Г. Ходзько, съ своими спутниками, приступилъ, 1-го Августа, къ восхожденію на Большой Араратъ. Чрезвычайныя трудности пути и климата были преодолѣны съ успѣхомъ, благодаря усердному содѣйствію ученыхъ, составлявшихъ эту экспедицію, и смѣлой находчивости нашихъ солдатъ, которые сопровождали ее. 6-го Августа, Г. Ходзько и его спутники достигли высшаго холма на вершинѣ Арарата, которой достигали доселѣ лишь Гг. Парротъ и Спасскій, но только съ другой стороны. Первымъ дѣломъ ихъ было водрузить крестъ съ надписью, и по утвержденіи этого христіанскаго символа обладанія библейскою горою, всѣ обнажили головы, и послѣ искренней молитвы, отправились въ обратный путь. — Нѣтъ сомнѣнія, что наука пріобрѣтетъ нѣсколько новыхъ данныхъ отъ наблюденій, произведенныхъ во время этого замѣчательнаго восхожденія.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБѢДЪ, ДАННЫЙ ВЪ МОСКВѢ,

Октября 21-го дня, въ честь Князя П. А. Вяземскаго.

Князь П. А. Вяземскій возвратился въ отечество, послѣ своего продолжительнаго путешествія по Востоку, гдѣ онъ долго жилъ въ Царьградѣ, посѣтилъ Малую Азію и поля Трои, поклонился въ Іерусалимѣ Гробу Господню и встрѣчалъ Христову Пасху. Лишь только въ Москвѣ узнали объ его возвращеніи, какъ многимъ друзьямъ его и литераторамъ пришла мысль угостить нашего писателя и паломника Русскимъ радушнымъ пиромъ. Эта мысль приходила еще и тогда, когда онъ въ первый разъ проѣзжалъ черезъ Москву на Востокъ. Но Іюнь мѣсяцъ неблагопріятенъ въ нашей столицѣ для прекрасныхъ явленій общественной жизни. Да и душа путника, собиравшагося на Востокъ, еще болѣвшая свѣжими ранами грусти, не была настроена для веселыхъ впечатлѣній. Теперь другое дѣло; онъ возвращался, болѣе свѣтлый и успокоенный, возвращался оттуда, гдѣ, если и не заживаютъ совсѣмъ глубокія раны души, то находятъ отрадное успокоеніе.

Честь и благодарность Одессѣ за то, что она предупредила Москву своимъ угощеніемъ. Мы ей вполнѣ сочувствовали въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ.

Нѣкоторыя изъ дамъ, знакомыхъ съ Княземъ Вяземскимъ, и въ томъ числѣ дамы-писательницы, оживили этотъ пиръ своимъ присутствіемъ. Если характеръ праздника долженъ отвѣчать характеру того, кого празднуютъ, то кому

Digitized by Google

же въ честь, если не Князю П. А. Вяземскому, должно было начаться такое нововведеніе? Кто, подобно ему, въ обществѣ соединялъ блистательныя литературныя дарованія съ самою простодушною любезностію свѣтскаго человѣка? Кто, остроуміемъ и чувствомъ, отнималъ праздную легкость у свѣтской бесѣды? Кого такъ внимательно слушали женщины? Имъ ли было отказаться отъ возможности выразить открыто свое сочувствіе писателю, который и въ поэзіи, и въ свѣтѣ, умѣлъ занимать и трогать женскій умъ и сердце? Вотъ какая мысль побудила учредителей пира — пригласить къ нему дамъ — и единодушная готовность приглашенныхъ принять въ немъ участіе совершенно оправдала мысль ихъ.

Въ субботу, 21-го Октября, устроенъ былъ обѣдъ, въ залахъ Училища Живописи и Ваянія. Старѣйшины изъ Московскихъ литераторовъ: М. Н. Загоскинъ, Д. Н. Бѣгичевъ, Ѳ. Н. Глинка, М. П. Погодинъ, Н. В. Сушковъ, А. Ѳ. Вельтманъ, встрѣтили гостя радушнымъ привѣтомъ. Объятія дружбы и многолѣтней пріязни здѣсь также ожидали его. Многіе члены Университета, первенствующій въ Москвѣ художникъ музыки, ветеранъ и слава нашей сцены, живописцы, писатели молодаго поколѣнія, — все соединялось здѣсь для того, чтобы этому празднику быть вполнѣ праздникомъ мысли. Сколько встрѣчъ! сколько возобновленныхъ рукожатій! сколько новыхъ знакомствъ для сѣвернаго гостя, который такъ давно не посѣщалъ Москву! Съ той поры, какъ онъ ее надолго покинулъ, успѣло воспитаться и созрѣть для дѣятельности новое поколѣніе литераторовъ!

Звуки музыки подали знакъ къ обѣду. Только пріютъ изящныхъ искусствъ могъ предложить такое достойное помѣщеніе для праздника, который давался во имя Поэзіи и Словесности. Превосходныя гипсовыя статуи, копіи съ древнихъ образцовъ Италіи, бѣлѣли кругомъ, изъ-за обильной зелени самыхъ разнообразныхъ деревьевъ, которыми извѣстный садовникъ Ѳоминъ, съ особеннымъ вкусомъ убралъ эту залу. При свѣтѣ канделябровъ выступали лики Лаокоона, Аполлона Бельведерскаго, Меркурія, Ватиканскаго Зевса, Венеры Милосской, Гладіатора, Арія и Пета. Но всѣ эти гре-

Digitized by Google

ческіе образцы уступали силу впечатлѣнія одному изъ чудесъ Христіанскаго искусства, картинѣ Тиціановой: Вознесеніе Богоматери, — которая въ копіи Яненко стояла тутъ, во всю вышину огромной залы: даръ Академіи молодому разсаднику искусства.

Пышноубранный столъ обсѣли участницы и участники пира. Первый мастеръ своего дѣла въ Москвѣ, русскій наслѣдникъ славы Вателей и Каремовъ, знаменитый Порфирій, изготовилъ обѣдъ, въ которомъ роскошь и вкусъ соединили все то, что могла предложить осень и наша страсть противорѣчить въ причудахъ стола временамъ года.

Замѣчено было, что бесѣда шла гораздо живѣе, нежели какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ собраніяхъ. Конечно, присутствіе дамъ много тому содѣйствовало. Музыка должна была умолкать, потому-что мѣшала живости разговоровъ.

Когда наступило время выпить здоровье Князя Вяземскаго, П. П. Новосильцевъ произнесъ слѣдующія слова:

«Отъ имени собравшихся здѣсь праздновать ваше между нами присутствіе, обращаюсь къ вамъ, почтенный Князь Петръ Андреевичъ, чтобы выразить передъ вами чувства, призвавшія сюда для насъ ознаменованія краткаго нашего свиданія съ вами. Эти чувства: уваженіе и дружба,—не доступныя всякому возрасту, два драгоцѣнные спутника человѣка въ той порѣ жизни, въ которой мы имѣемъ счастіе видѣть васъ здѣсь, въ той порѣ, когда очаровательные цвѣты поэтической молодости за тѣмъ только исчезли съ пути вашего, чтобъ замѣниться прекраснѣйшими плодами мудраго опыта, просвѣщеннаго ума вашего и всегда юнаго сердца. Спрашиваю всѣхъ и каждаго: кто изъ знавшихъ когда-либо любезнаго нашего гостя, не любилъ его? кто не сохранилъ къ нему чувства уваженія?

«Кромѣ сихъ чувствъ, есть еще поводъ къ искреннему одушевленію сердецъ нашихъ при видѣ васъ между нами. Вы недавно возвратились съ поклоненія тѣмъ священнымъ мѣстамъ, куда всегда влечется сердце Русскаго человѣка— сего христіанина по преимуществу. Вы принесли съ собою сюда, такъ сказать самое высокое, выраженіе Русской народной нашей жизни, выраженіе религіознаго чувства.

Digitized by Google

«Воздадимъ же мы всѣ, единодушно, съ еще большею любовію, и еще бо́льшимъ уваженіемъ, честь и славу вашей Русской душѣ, и на утѣшеніе себѣ и вамъ скажемъ во-едино: да здравствуетъ на многія лѣта Князь Петръ Андреевичъ!»

За этимъ тостомъ, который внушала горячая и многолѣтняя пріязнь, надобно было выразить мысль праздника отъ имени тѣхъ, которые угощали въ лицѣ Князя Вяземскаго Русскаго писателя. Это принялъ на себя и достойно исполнилъ Н. Ф. Павловъ въ слѣдующей рѣчи:

«Желая сказать вамъ нѣсколько словъ отъ имени присутствующихъ въ эту минуту, когда, по принятому обычаю, слѣдуетъ намъ пить ваше здоровье, я былъ бы очень радъ, еслибъ мнѣ удалось сколько-нибудь раскрыть ту мысль, выразить то чувство, которое соединило насъ въ этой залѣ, и опредѣлить значеніе этого обѣда. Вы видите, что я поставленъ въ необходимость, говоря съ вами, лицемъ къ лицу, пересчитывать впечатлѣнія, можетъ быть лестныя для васъ, какія вы, какъ литераторъ и какъ человѣкъ общественный, производили на душу вашихъ читателей, знакомыхъ, вашихъ друзей. Если нашей литературѣ суждено было пройдти черезъ горнило рабскаго подражанія, то нельзя отрицать, что и надъ многими личностями совершался черезъ воспитаніе процессъ пересотворенія, т. е. идеалъ этого воспитанія былъ нѣкогда или Французъ, или Нѣмецъ, или Англичанинъ. Я не раздѣляю мнѣнія, что этотъ опытъ удавался вполнѣ, но не въ томъ дѣло. Вашъ умъ и сердце развились въ ту эпоху, когда изумленные глаза наши были ослѣплены блистательными явленіями западной образованности, и между тѣмъ въ эту эпоху вы вступили на литературное поприще, вы горячо полюбили свой языкъ, вы съумѣли прислушаться къ его задушевнымъ звукамъ; между тѣмъ, мы читаемъ у васъ стихи, которыхъ безъ чистой, глубокой, истинной любви къ своей родинѣ, не могли бы внушить никакіе дары Провидѣнія. Въ оправданіе моей мысли, я позволю себѣ прочесть нѣсколько строкъ изъ вашего посланія къ Орловскому.

Но какъ весело, бывало,
Раздавался подъ дугой
Голосистый запѣвало,
Колокольчикъ разсыпной.

Digitized by Google

А когда на водку гривны
Ямщику не пожалѣть,
Что за пѣсни заунывны
Онъ начнетъ, сердечный, пѣть!

Сѣверъ блѣдный, Сѣверъ плоскій,
Степь, родныя облака —
Все сливалось въ отголоски,
Гдѣ слышна была тоска.

Но тоска, струя живая
Изъ роднаго тайника,
Полюбовная, святая,
Молодецкая тоска.

Сердце сердцу вѣсть давало,
И изъ тайной глубины
Все былое выкликало
И всѣ слезы старины.

Не увидишь какъ проскачешь
И не чувствуешь скачковъ,
Ни какъ сердцемъ сладко плачешь,
Ни какъ горько для боковъ.

А проѣхать ли случится
По селенью въ красный день,
Нашъ ямщикъ приободрится,
Шляпу вздернетъ на бекрень.

Какъ онъ гаркнетъ, какъ присвиснетъ,
Горячо по всѣмъ по тремъ,
Вороныхъ онъ словно вспрыснетъ
Вдохновительнымъ кнутомъ.

Тутъ знакомая свѣтлица
Съ росписнымъ своимъ окномъ:
Тутъ его душа-дѣвица
Съ подареннымъ перстенькомъ.

Digitized by Google

Поровнявшись, онъ немножко
Возжи въ руки приберетъ,
И растворится окошко,
Словно солнышко взойдетъ.

И покажется касатка,
Бѣлоликая краса:
Что́ за очи! за повадка!
Что́ за русая коса!

И поклонами учтиво
Размѣнялися они,
И сердца въ нихъ молчаливо
Отозвалися сродни.

А теперь, гдѣ эти тройки?
Гдѣ ихъ ухарскій побѣгъ?
Гдѣ ты, колокольчикъ бойкій,
Ты, повзія телѣгъ?

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
Вставшій съ темнаго утра,
И загнать готовый тройку
Изъ полтины серебра?

Духъ заморскій и въ деревнѣ!
И ямщикъ, забывъ кабакъ,
Распиваетъ чай въ харчевнѣ,
Или куритъ въ ней табакъ.

Пѣсню спѣть онъ не съумѣетъ,
Нѣтъ зазнобы ретивой,
И на шляпѣ не алѣетъ
Лента дѣвицы милóй.

По дорогѣ въ чистомъ полѣ
Колокольчикъ нашъ заглохъ,
И невиданный дотолѣ,
Молча, тащится, трехъ,... трехъ,

Digitized by Google

Словно чопорный Германецъ
При ботфортахъ и косѣ,
Неуклюжій дилижанецъ
По нѣмецкому шоссе.

Грустно видѣть, воля ваша,
Какъ у прозы подъ замкомъ
Поэтическая чаша
Высыхаетъ съ каждымъ днемъ!
. . . . . .

Но спасибо, нашъ кудесникъ,
Живописецъ и поэтъ,
Малодушнымъ внукамъ вѣстникъ
Богатырскихъ оныхъ лѣтъ!

Русь былую, удалую,
Ты потомству передашь:
Ты схватилъ ее живую
Подъ народный карандашъ.«

»Въ этихъ стихахъ про автора такъ и хочется сказать:

Русь ты понялъ удалую,
И глубоко и остро,
Ты схватилъ ее живую
Подъ народное перо.»

Эти стихи тронули за живое всѣхъ, разшевелили въ сердцахъ все то, что наше, что Русское, и когда порывъ единодушнаго восторга успокоился, Н. Ф. Павловъ продолжалъ:

„Эта способность понять молодецкую тоску дала вамъ силу такъ разительно, такъ отчетливо, съ фонъ-визинской мѣткостью, изобразить намъ Фонъ-Визина, Нѣмца по имени и самаго кореннаго Русскаго по идіотизмамъ языка и духа если можно такъ выразиться. Но не одни явленія Русской жизни дѣйствовали благотворно на вашу воспріимчивую душу; природа, суровая природа милой родины, ея широкая Волга околдовывала ваше воображеніе:

Digitized by Google

«Я твой, природа! твой отынѣ!
Отступника усынови!
Я подхожу къ твоей святынѣ
Съ сердечнымъ трепетомъ любви.«

»Въ твоихъ святилищахъ прохладныхъ
О, дай мнѣ, Волга, утолить
Тоску страстей слѣпыхъ и жадныхъ,
Дай жизнью новой мнѣ ожить!«

»Такимъ образомъ вы впали въ противорѣчіе съ направленіемъ, которое налагалось на васъ временемъ вашего воспитанія, но тутъ противорѣчія не было. Тутъ причина глубже. Внѣшнія обстоятельства, силы дѣйствующія кругомъ человѣка, посягаютъ всегда на его внутреннюю жизнь, стараются разорить его душевный міръ, который онъ, какъ существо разумное по своей природѣ, хлопочетъ безпрестанно создать для себя и не отдать никому на разоренье. Не всѣмъ удастся выдержать эту страшную борьбу. Вы въ превратностяхъ жизни сберегли то, что создали для себя въ глубинѣ вашего сердца, и чужеземное вліяніе не закрыло отъ васъ ни чудесныхъ красотъ нашего языка, ни величія нашего отечества. Этотъ бокалъ отъ имени присутствующихъ и отъ всего сердца поднимаю я въ честь вашу. Это привѣтствіе не пустой и пошлый обрядъ. Оно дань уваженія къ вашей литературной дѣятельности. Ваше имя тѣсно соединено съ памятными именами. Вы были другомъ Карамзина, Дмитріева, Батюшкова, Баратынскаго. Вы съ теплымъ вниманіемъ встрѣтили первые стихи Языкова, вы приняли послѣднія слова умирающаго Пушкина. Съ вами связана для насъ исторія Русской литературы, ея радостныя и горькія воспоминанія!—Вы, по выраженію Баратынскаго,

Звѣзда разрозненной Плеяды!

„Примите этотъ заздравный тостъ, какъ признаніе того внутренняго міра, который носили вы всегда въ душѣ, который сохранилъ въ васъ нравственную цѣльность. Онъ

Digitized by Google

далъ вамъ прочное значеніе въ общественномъ быту, пріобрѣлъ столько искреннихъ друзей; онъ водилъ васъ на берега святаго Іордана, и въ эту минуту мы, собравшіеся здѣсь, приносимъ ему дань нашего глубокаго, сердечнаго сочувствія."

Единодушное сочувствіе было отвѣтомъ на эти слова, въ которыхъ выражалась мысль обѣда. Тронутъ ими былъ гость. Они напоминали ему то, что тѣсно связано было съ лучшими минутами его жизни, то, въ чемъ высказались благороднѣйшія силы его души. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ обратилъ такое слово ко всѣмъ присутствующимъ.

„Какъ ни желалось бы мнѣ, а не умѣлъ бы я выразить передъ вами чувства живѣйшей признательности и глубочайшаго умиленія, съ коими принимаю радушное и обязательное свидѣтельство вниманія вашего ко мнѣ. Сердца ваши поймутъ и доскажутъ то, что я высказать не въ силахъ. Изъявленіе вашей благосклонности драгоцѣнно сердцу моему и лестно моему самолюбію. Но какъ сердце ни предается охотно всему, что пробуждаетъ въ немъ знакомыя и сладостныя сочувствія, какъ человѣческое самолюбіе ни легковѣрно, не могу однако же обманывать себя въ истинномъ значеніи вашей привѣтливости. Вы во мнѣ угощаете и празднуете не столько меня, не столько личность мою, не столько то, что я самъ по себѣ, сколько то и тѣхъ, которыхъ я вамъ собою напоминаю. Я старый Москвичъ, и вы во мнѣ видите и привѣтствуете одинъ изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ старой, допотопной, т. е. до-пожарной Москвы. Отрокомъ, зналъ я дѣдовъ вашихъ, въ гостепріимномъ и хлѣбосольномъ домѣ отца моего. Въ достопамятный для Россіи и славный для Москвы 1812 годъ, ходилъ я съ Московскою ратью на Бородинское поле. Съ отцами вашими праздновалъ я освобожденіе и возрожденіе нашей матушки-Москвы. Со многими изъ васъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, дѣлилъ я житейскія радости и горе. Я родомъ и сердцемъ Москвичъ. Въ ней родился я, въ ней протекло лучшее время моей жизни, моя молодость и мои зрѣлыя лѣта. Когда судьба и об-

Digitized by Google

стоятельства разлучили меня съ Москвой, и далеко отъ васъ не переставалъ я принадлежать вамъ моимъ сердцемъ, моими преданіями, моими сочувствіями.

»Въ дальнихъ моихъ странствіяхъ по Европѣ, на Востокѣ, всегда помнилъ я Москву. Въ Римѣ, въ Царьградѣ, въ Іерусалимѣ, съ радостнымъ сыновнимъ чувствомъ отыскивалъ я черты, мѣстности, краски, напоминавшія мнѣ картины и святыни нашей живописной, православной и святой Москвы. При нихъ сердце мое билось сильнѣе, и прелесть воспоминанья удвоивала цѣну настоящихъ впечатлѣній.

»Въ области литературы я также для васъ живое преданіе. Не даромъ Н. Ф. Павловъ въ своемъ привѣтствіи упомянулъ о моихъ литературныхъ связяхъ. Незначительное имя мое богато обстановлено именами, дорогими вашему сердцу и славѣ народной. Чувствую, что привѣтствуете вы во мнѣ не столько мои литературныя заслуги, сколько мои литературныя связи. Я былъ питомцемъ Карамзина: тѣснѣйшія узы родства и сердца связывали меня съ нимъ. У меня въ подмосковной, и на глазахъ моихъ, написалъ онъ нѣсколько томовъ своего безсмертнаго творенія. Нелединскій, Дмитріевъ также ласкали меня, отрокомъ, въ домѣ отца моего Послѣ, когда я возмужалъ, они удостоивали меня своей особенной пріязни. На дружескихъ и веселыхъ пирахъ обмѣнивались мы съ Денисомъ Давыдовымъ, риѳмами и бокалами. Я не дожилъ еще до глубокой старости, но грустно уже пережилъ многихъ друзей, многія литературныя поколѣнія. Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ, возрасли, созрѣли, прославились и сошли въ могилу при мнѣ. Во мнѣ привѣтствуете вы, старѣйшаго друга нашего перваго современнаго поэта, Жуковскаго, и другаго поэта, еще живаго, но къ сожалѣнію давно умолкшаго, Батюшкова! Созвѣздіе этихъ блестящихъ именъ проливаетъ нѣкоторый блескъ и на меня. Вотъ лучшія права мои на вниманіе и любовь вашу. Вотъ что особенно любите вы во мнѣ и чему хотѣли вы изъявить ваше теплое сочувствіе. Еще разъ, отъ полноты души, благодарю васъ за все, за себя, и за ту старину, и за тѣхъ, которыхъ вы почтили во мнѣ.

Digitized by Google

»Въ заключеніе, позвольте мнѣ предложить тостъ за благосостояніе Москвы, и въ особенности благодарный тостъ за здоровье Московскихъ дамъ, которыя насъ удостоили присутствіемъ своимъ.«

Рѣчь Кн. Вяземскаго, въ которой слышались слезы, проникнутая глубокимъ чувствомъ души, полной въ эту минуту самыхъ свѣтлыхъ для нея воспоминаній, и благороднымъ, непритворнымъ смиреніемъ, отдалась сильно въ умахъ и сердцахъ всѣхъ участниковъ пира. »Здоровье Князя Вяземскаго!« — громко потрясало своды залы, заглушая звуки музыки.

Послѣ нѣкотораго промежутка, С. П. Шевыревъ сказалъ слѣдующее:

»Мысль и чувство невольно просятся въ слово, при видѣ такого прекраснаго пира. Позвольте мнѣ, Мм. Гг., отвлечь вниманіе ваше отъ живой, разрозненной бесѣды, и сосредоточить его еще разъ на виновникѣ нашего собранія. Русское смиреніе ваше, Князь Петръ Андреевичъ, только увеличиваетъ ваши достоинства; но позвольте же тѣмъ, которые изучаютъ исторію Русской Словесности, не щадя вашей скромности, выразить, какъ понимаютъ они значеніе ваше литературное, въ настоящую минуту нашей жизни. Въ эту эпоху, когда разрывъ ума и сердца довелъ человѣка до самыхъ тяжкихъ страданій, и такими сильными вздохами отзывается онъ въ лучшихъ твореніяхъ современнаго слова, — намъ пріятно радушнымъ привѣтомъ встрѣтить Русскаго писателя, который, въ жизни какъ и въ словѣ, умѣлъ согласовать умъ и сердце. Въ то время, когда литература запуталась въ общественныхъ отношеніяхъ, намъ пріятно отдать справедливость тому, кто всегда благоразумно признавалъ эти отношенія и постигалъ, что Словесность должна быть столько же живымъ отголоскомъ общества, сколько и разумнымъ его руководителемъ. Въ это время, когда мыслящіе люди, въ произведеніяхъ современныхъ, нерѣдко съ благороднымъ сокрушеніемъ видятъ жалкую ссору писателя съ человѣкомъ, намъ пріятно поднять кубокъ въ честь того, въ комъ мы привыкли чтить и любить писателя съ чело-

Digitized by Google

вѣкомъ вмѣстѣ.« (Эти слова возбудили сильное сочувствіе, которое выразилось единогласнымъ одобреніемъ.) — »Наконецъ, въ этомъ кипѣніи текущей жизни, гдѣ поколѣнія бѣгутъ черезъ поколѣнія, какъ волны черезъ волны, по праву принадлежитъ сочувствіе тому, кто простиралъ его дружелюбно на всѣ поколѣнія, начиная отъ старшихъ до самыхъ младшихъ.

»Въ вашемъ Фонъ-Визинѣ вы простерли его на самыхъ древнихъ поэтовъ нашихъ, на этихъ бардовъ Русскаго народа, какъ вы ихъ назвали. Но особенное вниманіе и трудъ посвятили вы изученію того писателя, на дѣятельности котораго, ярче чѣмъ на другихъ, обозначалась любимая ваша мысль — связь Русской жизни съ Русскимъ словомъ, на Фонъ-Визинѣ, который своею прозою предсказалъ Карамзина. Вы были біографомъ Озерова и Дмитріева. Судьба доставила вамъ счастливый случай — родство съ Карамзинымъ, но васъ соединяло съ нимъ еще болѣе родство духовное, нежели кровное. Вамъ досталось быть дружкою и пропѣть счастливую пѣсню на золотой свадьбѣ съ Музою у дѣдушки Крылова. Ваше теплое слово участвовало въ сооруженіи ему памятника.

»Выражая сочувствіе другимъ, вы сами въ замѣну были предметомъ сочувствія вашихъ современниковъ, старшихъ и младшихъ. Пріятно мнѣ, ихъ же словами, высказывать вамъ его теперь. Вы съ грустью помните, какъ Батюшковъ, заживо умершій, въ порѣ своей и вашей молодости, васъ призывалъ, »вѣнчать друзей цвѣтами.« Вы, съ самыхъ первыхъ лѣтъ вашего литературнаго поприща, были другомъ и братомъ названымъ Жуковскому, по его жеслову. Васъ видимъ мы въ Евгеніи Онѣгинѣ Пушкина, какъ и на свѣтскомъ балѣ, вы успѣли занять душу прекрасной его Тани. Вамъ посвятилъ свои Сумерки Баратынскій. Васъ искалъ онъ, когда душа его, изъ тѣснаго міра жизни, стремилась въ міръ высшій: къ вамъ простиралъ онъ эти слова:

Вы, озарявшіе меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня.

Digitized by Google

»Вамъ посылалъ Русское «спасибо» болѣзненный страдалецъ Языковъ, когда на дальней сторонѣ,

Его тоску вы разгоняли,
Вы утѣшительно заботились о немъ.

»Живо всегда было сочувствіе къ вамъ въ томъ поколѣніи, которому принадлежу я. Молчу о присутствующихъ: они здѣсь сами лично вамъ выражаютъ его.

»Но какой же былъ источникъ этому сочувствію? Гдѣ оправданіе и настоящей минутѣ? Въ томъ, что чисто поняли вы славу, когда благородный лучь ея коснулся вашего юнаго сердца и призвалъ васъ на служеніе Русскому слову. Скажу вамъ тоже вашими же стихами:

И не вотще она вамъ голосъ подала,
Она вдохнула вамъ свободную отвагу,
Святую ненависть къ безчестному зажгла
И чистую любовь къ изяществу и благу.*

»Что же касается до тѣхъ чувствъ дружбы, которыя связывали васъ съ лучшими нашими поэтами, которыя участвуютъ такъ много въ этомъ пиру, которымъ обязаны мы и этимъ новымъ общественнымъ явленіемъ, что и дамы украшаютъ подобное собраніе, то разгадка ихъ силѣ и прочности въ вашемъ же словѣ, которое вы умѣли жизнію обратить въ дѣло. Ими заключу теперь и мое слово. Вы сказали,

Что чувство, брошенное скрытно
Залогомъ жизни въ нашу грудь,
Всегда одно и первобытно:
Чѣмъ было, тѣмъ оно и будь.**»

(*) Увяніе. Стихотвореніе Кн. Вяземскаго, напечатанное въ Сынѣ Отечества 1820 года.

(**) Изъ посланія къ Языкову, напечатаннаго въ Новосельѣ 1834 года.

Digitized by Google

Эти стихи, въ которыхъ такъ вѣрно выражена тайна дружбы постоянной, были причиною новыхъ, громкихъ и общихъ изліяній сочувствія къ виновнику праздника.

Обѣдъ кончился. Пріятны тѣ обѣды, которые, начинаясь съ обыкновеннаго удовлетворенія тѣлесной потребности, кончаются полнотою мысли и чувства. Къ числу такихъ, весьма рѣдкихъ у насъ обѣдовъ, принадлежалъ и данный Князю П. А. Вяземскому, Октября 21-го 1850 года.

По его желанію, участницы и участники пира записали имена свои на одномъ листѣ, на память незабвенному гостю.

Бесѣда длилась еще долго. Жизнь и послѣднее странствіе предлагали ему столько любопытныхъ воспоминаній. Говорили о многомъ, разсказывались анекдоты, читались стихи на память; но въ заключеніе, мысль все-таки устремлялась туда, откуда пріѣхалъ нашъ паломникъ, гдѣ нашелъ онъ отраду и отдыхъ въ тяжкой дорогѣ жизни, куда путь легокъ и скоръ, по его замѣчанію, куда приглашаетъ онъ всѣхъ и каждаго, гдѣ вся земля, по его же словамъ, пророчитъ до сихъ поръ, о какомъ-то великомъ будущемъ для всего человѣчества.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛУИЗА ОРЛЕАНСКАЯ КОРОЛЕВА БЕЛЬГІЙСКАЯ.

25 Ноября (н. с.) 1809 г. въ Палермо совершился бракъ изгнаннаго изъ отечества Людовика-Филиппа Орлеанскаго съ Маріею-Амаліею, дочерью Короля Обѣихъ Сицилій. Второе дитя этого брака была Луиза (род. 3 Апр. 1812 года) Вскорѣ послѣ ея рожденія воспослѣдовали важныя перемѣны возвратившія изгнанному Орлеанскому дому его наслѣдіе. Здѣсь въ образцовомъ семейномъ кругу совершилось воспитаніе принцессы Луизы. Вмѣстѣ съ младшею сестрою она росла, такъ сказать, у домашняго очага, успѣвала въ музыкѣ, вечера проводила возлѣ матери за семейнымъ столомъ, въ занятіяхъ рукодѣліемъ для благотворительныхъ цѣлей.

Принцессѣ Луизѣ было 19 лѣтъ когда Іюльская революція возвела отца ея на престолъ Франціи Извѣстно, что для Королевы и дочерей ея новая блистательная жизнь была очень тяжела. Онѣ должны были покинуть прежній семейный образъ жизни; начались представленія, церемоніи надо было пріучаться къ придворнымъ обычаямъ, мѣшаться въ политику.

Вскорѣ Принцесса Луиза вступила въ бракъ съ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ Королемъ Бельгійскимъ.

Digitized by Google

Она испытала много сердечныхъ утратъ: лишилась сестры своей Маріи; потомъ случилась ужасная катастрофа, лишившая ее старшаго брата, особенно нѣжно ею любимаго; потомъ еще потеря за потерею сильно разстроили ея слабое отъ природы здоровье, и породили тотъ недугъ, который медленно, но неотвратимо приближалъ ее къ гробу. Вскорѣ за смертію тетки ея принцессы Аделанды, которую Король называлъ своимъ добрымъ ангеломъ, послѣдовала Февральская революція, бѣгство родителей Луизы въ чужбину, соболѣзнованіе ихъ тяжкимъ страданіямъ, и наконецъ смерть престарѣлаго отца въ изгнаніи, — все это вмѣстѣ окончательно порвало нити жизни ея. Она скончалась, окруженная своимъ семействомъ, въ объятіяхъ глубоко-скорбящей, но спокойной, вѣрующей матери, 11 Окт. (н. с.) едва двумя мѣсяцами переживъ отца своего. Вся Бельгія въ траурѣ; такое всеобщее горестное участіе рѣдко замѣчалось... Говорятъ, особенно поразительно было то мгновеніе, когда умирающая при прощаніи взяла руку супруга и приблизила ее къ устамъ своимъ; особенно высоко, — когда престарѣлая мать утѣшала убитаго горестію супруга, указывая ему на радостное свиданіе въ другомъ мірѣ.

КАМБОДЖА. — Духъ торговой предпріимчивости Англійскаго народа въ наше время обратился въ особенности на восточныя страны Азіи. Посредствомъ Нанкинскаго трактата онъ мощно приложилъ рычагъ свой къ Китаю и послѣдняя неудачная миссія въ Пекинъ не помѣшаетъ ему стремиться къ достиженію его цѣлей; дѣятельный сэръ Джемсъ Брукъ отправился посломъ ко двору Сіамскому,— а теперь начинаютъ уже бросать взгляды и на большой полуостровъ, лежащій между Сіамомъ и Китаемъ, почти нетронутый еще въ коммерческомъ отношеніи, съ царствами Камбоджею, Анамомъ и Кохинхиною.

О новыхъ видахъ на Камбоджу въ газетѣ Singapur-Free Press пишутъ: «Пришла пора Англіи открывать новыя поприще для своей торговли, чтобы удержать въ этомъ краю земнаго шара свое положеніе великой торговой націи. Новыя узаконенія о мореплаваніи уже начинаютъ оказывать влія-

Digitized by Google

віе на Европейскую вывозную торговлю. Въ самое это мгновеніе три Голландскіе корабля, объемомъ вмѣстѣ болѣе 2000* тоннъ выгружаютъ въ Сингапурской гавани полные грузы изъ Британскихъ гаваней; отсюда они отплывутъ въ Яву, гдѣ торговое управленіе надзираетъ за отправками въ Европу и только Голландскимъ кораблямъ позволяетъ нагружать товары для тамошней торговли. Теперь первый мѣсяцъ новой системы, и если весь годъ дѣло пойдетъ также, то нельзя не предвидѣть, каково будетъ Англійскимъ шкиперамъ: они почти перестанутъ участвовать въ вывозной торговлѣ, потому что Голландцы, увѣренные въ высокой перевозной цѣнѣ при возвратномъ пути изъ Явы, будутъ въ состояніи брать за перевозъ изъ Европы сумму, едва покрывающую путевыя издержки. Такимъ образомъ для Англіи, очевидно, необходимо распространить свою торговлю. Къ этому сдѣланъ одинъ шагъ посольствомъ въ Банкокъ. Но когда эта гавань и откроется, все еще останется весь берегъ между Менамомъ и Макао длиною болѣе 1,800 англ. миль (2,700 верстъ) объемлющій весь Индо-Китайскій полуостровъ, гдѣ только въ одной гавани развѣвается иногда Англійскій торговый флагъ. Это гавань Кампотъ, или, какъ ее неправильно называютъ, Кунпутъ. Прежде Индо-Китайскій полуостровъ раздѣлялся на три владѣнія: Анамъ или Кохинхину на востокѣ, Сіамъ на сѣверо-западѣ и Камбоджу на югѣ и въ срединѣ. Два первыя, имѣвшія больше случаевъ запастись Европейскимъ оружіемъ и выучиться Европейскому военному искусству, сдѣлались страшными сосѣдями для Камбоджи, и съ обѣихъ сторонъ отрывали отъ ней область за областью, до тѣхъ поръ какъ обѣ завоевательныя державы близъ Кампота сошлись одна съ другою; полоса земли, на которой построенъ этотъ городъ, сдѣлалась неутральною землею между враждующими сторонами; во время войны обѣ разорили ее, во время мира обѣ оставляли въ покоѣ. Такими-то мирными періодами обыкновенно пользуются жители Камбоджи, чтобы возобновлять свои торговыя связи съ ино-

* До 125,000 пудовъ.

Digitized by Google

земными народами. Подобный періодъ наступилъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ, и еще продолжается. — Камбоджане, которыхъ плаванію на собственныхъ судахъ изъ единственной, еще принадлежащей имъ, гавани очень вредятъ Сіамскіе и Кохинхинскіе пираты, пригласили Китайскихъ купцовъ, живущихъ въ Сингапурѣ, предпринять плаваніе на корабляхъ, построенныхъ на Европейскій манеръ, — что до сихъ поръ и производится удачно. Они возили въ Камботъ грузы пушечнаго металла, желѣзныхъ издѣлій, опіума и т. п., и возвращались въ Сингапуръ съ сарачинскимъ пшеномъ, камбоджскою смолою, перцемъ, красильнымъ деревомъ и разною мелочью. — Уже одно сарачинское пшено, котораго разведеніе при нѣкоторомъ поощреніи могло бы очень распространиться, дало бы способы къ значительной торговлѣ. И такъ вотъ гдѣ можно бы приложить клинъ, чтобы открыть внутренность Индо-Китайскаго полуострова для Англійской торговли; ибо большая Камбоджская рѣка, Майконгъ, протекаетъ насквозь всю эту землю и даже дѣлаетъ возможнымъ сообщеніе со внутренностію Сіама. Открытіе этой торговли не сопровождалось бы такимъ громомъ, какъ военныя экспедиціи противъ Китая; но торговля была бы не менѣе прочна и выгодна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, нужно бы объѣхать и описать еще неизслѣдованный западный берегъ этого полуострова.

Тотъ же журналъ сообщаетъ, что нѣкто изъ состоящихъ на службѣ царя Камбоджскаго, христіанской вѣры, потомокъ Португальцевъ, въ 16 и 17 столѣтіяхъ поселившихся въ столицѣ этого царства, три мѣсяца живетъ въ Сингапурѣ, подъ предлогомъ занятій по изданію словаря Камбоджскаго языка, но вѣроятно для того, чтобы выпросить у Англичанъ помощи для прекращенія чрезвычайно усилившихся на тѣхъ водахъ морскихъ разбоевъ, а также чтобы завести торговыя связи.

Прежде берегъ Камбоджи простирался отъ мыса Лейанта въ глубинѣ Сіамскаго залива (12° 30′ с. ш. 100° 50′ в. д.) до мыса Ст. Джемса на восточномъ берегу полуострова (10° 20′ с. ш. 107° 10′ в. д.), и имѣлъ болѣе 500 миль длины, включая въ себѣ устья Майконга и много важныхъ торговыхъ городовъ, каковы: Сайгонгъ, Канкао или Атіенъ,

Digitized by Google

миль 25 южнѣе Кампота, и Шантибонъ, лежащій близко къ границѣ Сіама, и нынѣ, по изобилію растущаго тамъ тиковаго дерева, сдѣлавшійся большимъ морскимъ арсеналомъ этой державы. Береговыя владѣнія Камбоджи, какъ упомянуто, отъ завоеваній Сіамцевъ и Кохинхинцевъ очень уменьшились; но во внутренности полуострова, куда тяжелыя орудія можно возить только по рѣкамъ, Камбоджа сохранила еще всѣ владѣнія, принадлежавшія ей триста лѣтъ назадъ. Самый городъ Кампотъ лежитъ подъ 10° 33′ с. ш. и 104° 40′ в. д., при устьѣ рѣки Кампота; мѣсто для спуска якоря имѣетъ три сажени глубины и довольно хорошо защищена длиннымъ островомъ Ко-Додъ, — однако прибой въ извѣстныя времена года очень силенъ.

АВСТРАЛЬСКАЯ ШЕРСТЬ.

Изъ многихъ любопытныхъ вопросовъ, которые обсуживались на Магдебургскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ разсужденіе о ввозѣ Австральской овечьей шерсти въ Германію и Англію. Это неожиданное соперничество выгодамъ Нѣмецкаго хозяйства, котораго представители досѣлѣ, въ видахъ ограниченнаго эгоизма, не хотѣли почти ничѣмъ жертвовать для распространенія отечественной промышленности, есть очень важный для нихъ урокъ и подтерждаетъ истину стараго правила: что мануфактуры отечественной земли представляютъ наилучшій сбытъ для произведеній сельскаго хозяйства. Фабрика, лежащая въ сосѣдствѣ имѣнія овцевода, при одинаковой цѣнѣ и добротѣ товара, всегда предпочтетъ туземный продуктъ чужому; Англія же покупаетъ для себя сырой матеріалъ, «гдѣ только онъ дешевле обходится.» Это сужденіе, которое такъ часто приводили защитники свободной торговли, вредитъ теперь ихъ собственнымъ выгодамъ. Вопросъ, предложенный по сказанному предмету на съѣздѣ, былъ выраженъ такъ: «Ввозъ Австральской шерсти въ Англію постоянно увеличивается и доброта ея улучшается.» Нѣмецкія фабрики перерабатываютъ уже тамошнюю шерсть. Можетъ ли это со временемъ, и въ какой мѣрѣ можетъ, повредить Нѣмецкому овцеводству? Какого вознагражденія долженъ искать и

Digitized by Google

добиваться Нѣмецкій хозяинъ, если бы опасенія эти оказались основательными, если бы сдѣлалось необходимымъ ограничить, или и совсѣмъ уничтожить овцеводство? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, Графъ Шверинъ-Вольфсгагенъ, подробно изложивъ всѣ относящіяся сюда обстоятельства, возлагаетъ надежду на то, что Австральская чесаная шерсть уступаетъ въ добротѣ Нѣмецкой, и совѣтуетъ овцеводамъ заботиться наиболѣе о тонкихъ сортахъ. (Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Европу ввезено 300,000 центнеровъ* Австральскихъ шерстей, которыя мало годились въ дѣло суконъ, — а новыя Рейнскія газеты извѣщаютъ, что Англійскіе коммиссары въ Франкфуртѣ на Майнѣ выхлопотали позволеніе на значительный сбытъ Австральскихъ шерстей, и слѣдственно Англійскіе производители даже на Нѣмецкихъ рынкахъ вступили въ соперничество съ Нѣмецкими.) За тѣмъ Тэеръ и другіе изъявили мнѣніе, что рано еще опасаться за Нѣмецкое овцеводство; — что надо, по примѣру Англичанъ, стараться о разведеніи овецъ и для мяса.

Вагенкнехтъ изъ провинціи Саксоніи, по приглашенію предсѣдательствующаго, коснулся второй части вопроса — чѣмъ въ крайнемъ случаѣ замѣнить овцеводство. Для этого онъ совѣтуетъ усилить разведеніе рогатаго скота. (Пруссія принуждена ежегодно выпускать милліонъ талеровъ за ввозимый скотъ.) Газеты сѣверной Германіи сообщаютъ, что недавно учреждено особое пароходство изъ Бремена въ Гулль и Лондонъ, единственно для перевоза рогатаго скота въ Англію, какъ для той же цѣли пароходство уже нѣсколько времени существуетъ между Гамбургомъ и тѣми же пунктами Англіи. Первый грузъ состоялъ изъ 169 головъ скота, и въ сохранности прибылъ къ мѣсту назначенія. Нельзя сомнѣваться, что этотъ новый рынокъ, открывшійся для сѣверо-западной Германіи, возвыситъ въ ней цѣны мяса до Англійскихъ, уменьшенныхъ только издержками провоза. Но если это поощреніе къ усиленію скотоводства наоборотъ должно привести къ пониженію цѣнъ, то, съ другой стороны, справедливо, чтобы сельскимъ хозяевамъ

---

* Нѣсколько болѣе 900,000 пудовъ.

Digitized by Google

оказывались всякаго рода льготы, которыя дадутъ имъ возможность, съ ихъ стороны, сдѣлать для усиленія туземной промышленности необходимыя предварительныя пожертвованія.

курсъ золотой монеты въ англіи.

Газета Allgem Zeit. сообщаетъ письмо изъ Лондона, $\frac{1}{2}$ Окт., въ которомъ излагается предположеніе, что Англійское правительство скоро обратитъ вниманіе на притокъ золота въ Англіи, и приметъ дѣятельныя мѣры, чтобы остановить быстрый упадокъ его въ цѣнѣ. Какъ Англійскіе купцы производятъ всѣ свои платежи на материкѣ золотомъ, то при настоящей низкой цѣнѣ его всякая уплата влечетъ за собою значительную потерю, — тѣмъ болѣе, что серебряная монета напротивъ стоитъ еще $6\frac{0}{0}$ выше обыкновеннаго своего курса. Мѣра, принятая въ Голландіи, гдѣ золото объявлено просто товаромъ, совершенно неприложима въ Англіи, гдѣ и для внутренняго оборота и для внѣшнихъ уплатъ золотая монета необходима. Мѣсяцъ тому назадъ, въ газетѣ »Экономистъ,« которой редакторъ, Вильсонъ, состоитъ въ близкой связи съ министерствомъ, была статья о ввозѣ въ Англію Русскаго и Калифорнскаго золота, и въ концѣ ея замѣчено, что при окончаніи засѣданія палатъ, люди свѣдущіе ожидали закона о принужденномъ курсѣ золотой монеты; но что такая мѣра не нужна; въ послѣдовавшихъ за тѣмъ статьяхъ доказывается, что какъ Англійскій, такъ и Французскій банки были избавлены отъ затруднительнаго положенія временными принужденными курсами ихъ билетовъ. По закону 1844 года, предложенному Пилемъ, банкъ можетъ выпустить билетовъ только до суммы 14 милл. ф. ст. на кредитъ правительства, на всѣ же прочіе билеты обязанъ онъ имѣть постоянно для размѣна наличныя деньги. Уже тогда многіе богатые банкирскіе дома протестовали противъ этой мѣры и подкрѣпляли свой протестъ достаточными основаніями. Въ 1847 г., если бы не вступилось правительство, банкъ съ 8 милл. наличнаго капитала долженъ бы бы остановить свои операціи; не только это оправдываетъ доводы банкировъ, но притомъ вмѣшательство власти въ дѣла банка должно почитаться отказомъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ основанъ былъ Пилевъ

Digitized by Google

законъ.—Въ собранныхъ на этотъ предметъ комитетахъ въ Нижней палатѣ превозмогло еще вліяніе Пиля; въ Верхней напротивъ. Но постановленія тогда не состоялось. По мнѣнію Экономиста, теперь настоящая пора принять мѣру необходимую и рѣшительную. Если правительство, согласно мнѣнію банкировъ въ 1844 году, постановитъ извѣстный предѣлъ для выпуска билетовъ, хоть до 30 милл. ф. ст.,—какъ въ настоящее время и есть на дѣлѣ,—и притомъ избавитъ банкъ отъ необходимости имѣть наличныя деньги на всю сумму билетовъ, кромѣ 14 милл., то этимъ Англіи данъ будетъ постоянный денежный курсъ, независимый отъ колебанія цѣнъ золотой и серебряной монеты и вексельнаго курса,—кредитъ націи поддержитъ курсъ билетовъ, золото можетъ истекать изъ Англіи и разливаться по материку Европы, который въ такомъ случаѣ приметъ на себя извѣстную мѣру потери отъ упадка цѣны золота.

СОСТОЯНІЕ ЕГИПТА.

Австрійскія газеты сообщаютъ, что внукъ Мегемета-Али, Аббасъ-Паша, который довелъ Египетъ до замѣчательной степени упадка во многихъ частяхъ, процвѣтавшихъ при дѣдѣ его, между прочимъ преслѣдуетъ всѣхъ служившихъ Мегемету-Али христіанъ. На дняхъ бѣжалъ въ Турцію Армянинъ Артимъ-Бей, бывшій министръ торговли, который держался еще дольше всѣхъ на своемъ мѣстѣ. Порта милостиво приняла добровольнаго изгнанника, и поговариваютъ даже о намѣреніи ея удалить настоящаго Египетскаго Пашу за безпорядочное управленіе.

Конечно, это разстроенное положеніе должно быть знатною частію приписано въ вину самому Мегемету-Али. Аббасъ-Паша имѣетъ всѣ дурныя свойства своего дѣда; но его не оправдываетъ необходимость, и притомъ недостатки его не выкупаются блескомъ таланта. Мегеметъ-Али умеръ въ безуміи; Ибрагимъ, не дожившъ еще до старости, сошелъ прежде его въ могилу; долгое махіавелевское управленіе Армянина Богоса кончилось самоубійствомъ, — такъ говорятъ многіе: онъ уморилъ себя голодомъ, чтобы не признаться Ибрагиму-Пашѣ въ неслыханныхъ растратахъ денегъ. Другой Армянинъ Артимъ-Бей со

Digitized by Google

стыдомъ выгнанъ изъ Египта; и если бъ не Французы, то онъ на Абукирскихъ галерахъ терпѣлъ бы справедливую казнь за свое корыстолюбіе. Неизвѣстно, каковъ будетъ конецъ самого Аббаса-Паши. Но зданіе Египта, воздвигнутое Мегеметомъ-Али, близко къ своему паденію.

УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПОЛНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ФРИДРИХА ЛИСТА

(изданныя Л. Гейфферомъ).

Первое мѣсто занимаетъ писанное въ 1817 году мнѣніе объ основаніи въ Тюбингенѣ факультета политическихъ наукъ. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько статей по дѣламъ торговаго общества, которое составилось въ 1819 году и въ которомъ Листъ былъ главнымъ мыслителемъ и дѣйствователемъ. Ему принадлежатъ идеи, служащія нынѣ главными основаніями таможеннаго союза. Эти идеи, выраженныя въ видѣ просьбъ и желаній, встрѣтили тогда непреодолимыя препятствія и не могли осуществиться; но ясный, практическій умъ Листа былъ неистощимъ въ выборѣ средствъ къ достиженію предположенныхъ имъ цѣлей. Здѣсь авторская дѣятельность Фрид. Листа лѣтъ на 20 прекратилась, вслѣдствіе встрѣченныхъ превратностей счастія, и во весь этотъ періодъ онъ написалъ только нѣсколько журнальныхъ статей. Затѣмъ слѣдуетъ «Историческое изложеніе мѣръ для свободной внѣшней торговли и запретительной системы»; это сочиненіе можно почесть историческимъ введеніемъ къ вышедшей вскорѣ послѣ него «Системѣ политической экономіи.» Авторъ примѣрами многихъ торговыхъ государствъ въ среднихъ вѣкахъ и новой исторіи опровергаетъ теорію Адама Смита, по которой покровительственныя мѣры не признаются нужными для упроченія народнаго богатства и неразлучнаго съ нимъ политическаго могущества. Такъ напримѣръ, Англія, бывшая столько вѣковъ страною бѣдною, совершенно въ рукахъ корыстолюбивыхъ Ганзейцевъ и Фламандцевъ, при благоразумной покровительственной системѣ сдѣлалась одною изъ сильнѣйшихъ державъ. Теперь, въ настоящемъ своемъ положеніи, по мнѣнію Листа, Англія можетъ уже съ поль-

Digitized by Google

зою держаться системы свободнаго совмѣстничества, и даже этимъ доставить себѣ выгоды относительно другихъ народовъ, не столь успѣвшихъ въ промышленности. — Франція нынѣ держится системы охранительныхъ тарифовъ, и только этимъ въ послѣднія 15 лѣтъ удвоила дѣятельность свою по части мануфактурной промышленности. Въ Германіи мануфактуры и народное благосостояніе въ недавнее время созданы охранительнымъ, хотя и весьма умѣреннымъ тарифомъ таможеннаго союза. Въ промышленной жизни большихъ государствъ Листъ замѣчаетъ три главныхъ фазы. Въ первой фазѣ они безпрепятственно дозволали малочисленнымъ, по преимуществу и исключительно торговымъ народамъ, или городамъ, совершенно свободно ввозить и продавать издѣлія, при чемъ сбывалась собственные изобильно производимые, естественные продукты; неразвитый народъ и земледѣльческій классъ пріучались къ правильному размѣну избытковъ и знакомились съ торговлею, а вмѣстѣ пробуждался впервые дремлющій духъ своеземной промышленности. Потомъ, во второй фазѣ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ, болѣе и болѣе сознавалось, что юнымъ своеземнымъ мануфактурамъ невозможно бороться съ цвѣтущими и развитыми чужими; что своеземное мореплаваніе, а слѣдственно и морская сила, никогда не разовьются безъ особаго покровительства верховной власти, и что предпріимчивость своеземнаго купечества всегда будетъ встрѣчать непреодолимое препятствіе въ превозмогающемъ капиталѣ и большей опытности вполнѣ развитыхъ торговыхъ народовъ. Тогда наступаетъ пора запрещеній, поощреній и привилегій. — Въ третьей фазѣ, наконецъ, уже вполнѣ развитые торговые народы, водворяя мало по малу свободную торговлю, могутъ съ пользою подстрекать трудолюбіе своихъ промышленниковъ къ тому, чтобы они удерживали за собою пріобрѣтенный перевѣсъ, и не допускать ихъ до усыпленія промышленныхъ силъ. Въ первой фазѣ находятся Испанія, Португалія и Неаполь; во второй Германія, Австрія и Сѣверо-Американскіе Штаты; Франція близка ко вступленію въ послѣднюю фазу; достигла послѣдней фазы въ наше время одна только Великобританія. . . .

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

— Филаретъ Шаль издалъ «Etudes sur la littérature et les moeurs de l'Angleterre,» одну изъ немногихъ замѣчательныхъ книгъ, появившихся въ послѣдніе мѣсяцы во Франціи. Авторъ поставилъ себѣ цѣлію изобразить взаимное вліяніе Англійскаго и Французскаго обществъ одного на другое, съ конца 18-го столѣтія до нашей эпохи, и въ тщательно обрисованныхъ образахъ проводитъ предъ читателемъ, одну за другою, многозначительныя фигуры: Болинброка, Юма, Франклина, Байрона, Вальтера-Скотта, Карлейля, Маколе, Больвера. Важно признаніе Француза, что гегемонія въ области ума перешла отъ южныхъ народовъ къ сѣвернымъ.

— Въ Лейпцигѣ съ Ноября, подъ редакціею К. М. Арндта, будетъ выпусками выходить сочиненіе подъ заглавіемъ, «Германія,» котораго цѣль изобразить прошедшее: настоящее и будущее Германскаго народа, постепенное его развитіе въ отношеніи политическомъ и церковномъ, торговомъ и промышленномъ, художественномъ и ученомъ, относительно нравовъ и жизни народной, съ представленіемъ естественныхъ свойствъ земли и ея воздѣланія.

— Въ Лейпцигѣ печатается «Кола Ріензи,» трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Юліуса Гроссе. Она отличается отъ многихъ другихъ сочиненій на эту же тему энергіею языка, живымъ дѣйствіемъ и превосходною живописью характеровъ, — что свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, объ истинномъ талантѣ, съ другой — объ основательномъ изученіи Шекспира. Кажется, автору предстоитъ блистательная будущность.

— Въ Лейпцигѣ вышла повѣсть Александра Юнга: «Нищій Джемсъ-парка,» посвященная Фарнгагену-фонъ-Энзе. Розенкранцъ говоритъ о ней: «Эта повѣсть есть произведеніе самаго идеальнаго романтизма, которымъ несказанно наслаждались бы Гёте, Гофманъ, Жанъ-Поль и Арнимъ. Она преисполнена ума и фантазіи. Въ ней собрано множество вѣрныхъ снимковъ съ картинъ свѣтской жизни. Пестро и обильно смѣняются здѣсь пластическая образность, лирическія изліянія и замѣчательная острота разсудочной способности.»

Digitized by Google

художественныя извѣстія.

— Шванталерова «Баварія», конечно величайшая въ Германіи мѣдная статуя, имѣетъ 54 ф. вышины и поставлена на гранитномъ пьедесталѣ въ 30 ф. вышины на Теодельскомъ холмѣ близъ Мюнхена. Лицо такъ пріятно, какъ нельзя было ожидать при исполинскихъ размѣрахъ. Баварія поднятою лѣвою рукою держитъ дубовый вѣнокъ, а въ правой прямой мечь у бедра, возлѣ котораго сидячій левъ, въ 30 ф. вышины, занимаетъ около половины фигуры; все вмѣстѣ составляетъ удачную, во всѣхъ линіяхъ округленную группу. Грудь статуи покрыта медвѣжьею кожею, которой складки ниспадаютъ до бедръ, а изъ-подъ ней до самыхъ ступней спускается простое, красиво расположенное платье. — Волосы фигуры переплетены дубовыми листьями и роскошно возвышаются надъ лбомъ и висками, что придаетъ лицу выраженіе ума, а всей статуѣ почтенный видъ. Шванталеръ отдѣлалъ модель весною 1844 г., а 11 Сен. того же года отлита была голова статуи, вѣсомъ въ 380 пудовъ, которой внутренняя полость можетъ вмѣстить больше 20 человѣкъ. Туловище, которое отливали въ пяти главныхъ отдѣлахъ, вѣситъ около 4,400 пудовъ; средина его въ діаметрѣ 12 футовъ; лѣвая рука, поддерживающая вѣнокъ, въ діаметрѣ 5 футовъ и вѣситъ около 410 пудовъ; указательный перстъ толщиною въ 6 дюймовъ, а ноготь большаго пальца на ногѣ едво можно покрыть двумя ладонями. Въ пьедесталѣ сдѣлана дверь, ведущая къ чугунной лѣстницѣ, которая вьется сквозь всю фигуру до головы, гдѣ подѣланы лавки для отдыха. Внутренность головы освѣщается отверстіями между прядями волосъ; оттуда прекрасный видъ на городъ и окрестности. Вся мѣдная масса, по большой части слитая изъ Турецкихъ пушекъ, потонувшихъ при Новаринѣ и послѣ вынутыхъ изъ моря Греческими водолазами, вѣситъ около 8,000 пудовъ. Каждый квадратный футъ мѣди, при средней толщинѣ въ полдюйма, вѣситъ около 20 фунтовъ, и поэтому мѣдная поверхность, распростертая на плоскости, покрыла бы 10,500 квадратныхъ футовъ. Цѣна мѣди составляетъ 150,000 гульденовъ (ок. 75,000 р. сер.).

Digitized by Google

— Во Флоренціи составилось общество художниковъ, съ цѣлію награвировать лучшія *картины доминиканскаго монастыря Санъ-Марко*, который украсили своими твореніями Фра-Анджелико изъ Фіезоле и Фра-Бартоломео, а также Джотто и Доминико Гирландайо.—Художественною частію изданія завѣдываетъ Антоніо Перфетти, преемникъ Моргена и Гаравальи въ преподаваніи гравировальнаго искусства при Флорентинской академіи. Исполненіе превосходно. Доселѣ вышли еще только малые фрески; скоро должны появиться важнѣйшіе, и въ особенности знаменитое «Распятіе» Фіезоле, находящееся въ залѣ капитула.

— Г. Лабушеръ недавно купилъ остававшійся доселѣ въ неизвѣстности мраморный *бюстъ Мильтона*, пѣвца «Потеряннаго рая», снятый съ поэта во время пребыванія его въ Италіи однимъ тамошнимъ скульпторомъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВѢСТИ ИЗЪ КІЕВА.

.... Начало настоящаго академическаго 1850-51 года богато диспутами, происходившими въ здѣшнемъ Университетѣ для полученія ученыхъ степеней. Всѣ диспуты были интересны, каждый въ своемъ родѣ, всѣ были замѣчательны, достойны науки.... 5 Августа былъ диспутъ Адьюнкта Московскаго Университета Дрящусова, написавшаго диссертацію по астрономіи для полученія степени Магистра. 12 Августа диспутъ Помощника Директора Терапевтической клиники въ здѣшнемъ Университетѣ, А. И. Слободзинскаго, для полученія степени Доктора Медицины. 18 Августа были разомъ два диспута: первый Исправляющаго должность Адьюнкта И. Ѳ. Якубовскаго, написавшаго диссертацію: «*О трудѣ въ сельскомъ хозяйствѣ*,» для полученія степени Магистра сельскаго хозяйства и лѣсоводства, второй — учителя Одесской Гимназіи Г. Чугаевича, написавшаго диссертацію: *Объ алкоголяхъ, эѳирахъ и альдегидахъ*», для полученія степени Магистра Химіи. — Диспутъ Г. Якубовскаго, кажется, еще первый по сельскому хозяйству въ этомъ Университетѣ былъ увлекателенъ по достоинству возраженій и защищеній; это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ диспутѣ, кромѣ оппонентовъ, назначенныхъ факультетомъ, участвовали еще и другія лица. Диспутантъ блистательно отвѣтилъ на всѣ возраженія и признанъ вполнѣ достойнымъ степени Магистра. — 4-го Октября происходилъ диспутъ Г. Экстраординарнаго Професора Кіевской Духовной Академіи. С. С. Гоготскаго, написавшаго диссертацію: «*Философія Гегеля, ея достоинства и недостатки*» — съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ положеній, относящихся къ древней филологіи, для полученія степени Доктора философіи и древней филологіи.... Это былъ второй лишь диспутъ

Digitized by Google

въ нашемъ Университетѣ, съ самаго основанія его, на высшую степень Доктора, и диспутъ, чрезвычайно замѣчательный и интересный, какъ по достоинству предмета, такъ и по занимательности возраженій и опроверженій. Какъ увлекательна и достойна была эта импровизированная ученая, живая бесѣда, какъ дѣльны были возраженія, какъ систематичны, полны и неотразимы опроверженія! Диспутантъ въ своихъ 17 положеніяхъ высказалъ много важнаго, новаго.... Нельзя не замѣтить при этомъ, что только въ первыхъ двухъ положеніяхъ Г. Гоготскій призналъ неоспоримое достоинство и заслуги Гегеля въ философіи; въ слѣдующимъ 9-ти онъ показалъ неправильность нѣкоторыхъ Гегелевыхъ положеній, ложность понятій, неосновательность, ошибочность, невозможность и противорѣчіе кое-какихъ заключеній Гегеля; остальныя 6 положеній относятся къ древней филологіи. Повторяемъ, такъ полонъ былъ интереса этотъ диспутъ, такъ заманчивъ, что, не смотря на продолжительность его, въ теченіе 2½ часовъ, многіе оставили залу съ какимъ-то сожалѣніемъ и съ богатымъ запасомъ новыхъ и замѣчательныхъ мыслей, почерпнутыхъ въ оживленной и исполненной истиннаго интереса бесѣдѣ.... 14 Октября былъ диспутъ Адъюнкта здѣшняго Университета К. А. Митюкова, написавшаго диссертацію: «*О наслѣдствѣ по Римскимъ законамъ, со времени его открытія до пріобрѣтенія наслѣдникомъ* (*de hereditate nondum adita*)», для полученія степени Доктора юридическихъ наукъ. Диспутъ былъ не менѣе замѣчателенъ и интересенъ, какъ и предшествовавшій, по ловкости и достинству опроверженій, по неоспоримой важности избраннаго диспутантомъ предмета для своей диссертаціи и новости многихъ положеній его.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ распространиться объ этихъ диспутахъ, а только ограничиться почти однимъ упоминовеніемъ объ нихъ. Но какъ бы ни былъ подробенъ и строгъ отчетъ объ нихъ, мы непремѣнно пришли бы къ одному заключенію, какъ и теперь, т. е., что всѣ диспуты были увлекательны и достойны науки. Притомъ, мы увѣрены, что самый подробный экстрактъ диспутовъ не далъ бы истиннаго и полнаго понятія лицамъ, не бывшимъ на

Digitized by Google

никъ. Надо быть, надо видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить достоинство этихъ скромныхъ праздниковъ Университетской жизни, отличающейся молчаливою, но многоплодною дѣятельностію.... Къ сожалѣнію, эти праздники Университетскіе, эти занимательныя торжества мысли человѣческой, посѣщаются очень немногими изъ посторонникъ лицъ. Кромѣ того, диспутъ сохраняетъ строгую ученую форму, не выходитъ изъ ученой сферы: возраженій отъ посторонникъ лицъ никогда не бываетъ, они остаются безмолвными зрителями и слушателями. Между тѣмъ, по лицамъ видно участіе, принимаемое ими въ диспутахъ, и кажется, что вотъ вдругъ и выскажется это участіе въ словѣ.... но такія ожиданія напрасны. — Наука давно уже подала руку обществу, и посему должны бы быть болѣе оживляема ею. Только изъ совокупнаго дѣйствія произойдутъ благіе плоды.

Упомянемъ теперь о книгахъ, появившихся въ Кіевѣ, въ теченіе настоящаго года. 1) Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія Русскаго языка — второй семестръ — соч. Г. Костыря, бывшаго въ здѣшнемъ Университетѣ Адъюнктомъ, а нынѣ въ Харьковскомъ; 2) О состояніи женщинъ въ Россіи, первый выпускъ историческаго изслѣдованія Адъюнкта Университета Св. Владиміра, В. Шульгина; 3) Указатель святынь Кіева для богомольцевъ; 4) Седмица страстей Христовыхъ — нѣсколько духовныхъ стихотвореній; 5) Кругъ подвижныхъ праздниковъ Церкви — собраніе словъ и бесѣдъ Іеромонаха, Профессора Кіевской Духовной Академіи, Антонина; 6) Жизнь Князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, изданная Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ; 7) Тетушка-тевѣста, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Альфреда фонъ-Юнка; 8) Стихотворенія дѣвицы Е. С. — Скоро выйдетъ въ свѣтъ Чешская грамматика. Такъ какъ не всѣ книги, выходящія въ Кіевѣ, удостоиваются въ столичныхъ журналахъ разбора и упоминовенія, то мы укажемъ и на тѣ книги, явившіяся здѣсь въ 1849 году, которыя стоятъ большей извѣстности: 1) Собраніе словъ, бесѣдъ и рѣчей (томъ 1) Архимандрита, Ректора Кіевской Духовной Академіи, Димитрія; 2) Записки по Церковному Законовѣдѣнію; 3) О вліяніи христіанской вѣры на политическое могущество Россіи; 4) Практическія

Digitized by Google

наставленія въ пчеловодствѣ, соч. купца Ст. Пономарева.* Изъ этого перечня видно, что въ Кіевѣ выходитъ мало книгъ; но за то большая часть ихъ дѣльны и замѣчательны, какъ это подтвердила уже критика многихъ нашихъ журналовъ.

Скажемъ еще, для полноты очерка внутренней жизни Кіева, нѣсколько словъ о нашемъ театрѣ. Не вдаваясь въ отвлеченныя разсужденія и въ разборъ здѣшней труппы, мы безъ преувеличенія можемъ сказать, что водевильная труппа нашего театра, какъ уже было многими замѣчено, хороша; спектакли бываютъ два, три раза въ недѣлю, а иногда и каждый день. Мы не можемъ похвалиться хорошими декораціями, но «на нѣтъ и суда нѣтъ». Слышно, что скоро намѣрены воздвигнуть новое зданіе театра. Въ похвалу здѣшней труппѣ актеровъ можно сказать то, что значительная часть новыхъ піесъ, какія только появляются на столичныхъ сценахъ, преимущественно тѣ, которыя помѣщаются въ Репертуарѣ и Пантеонѣ и въ Библіотекѣ избранныхъ піесъ, появляются немедленно и на здѣшнемъ театрѣ; здѣсь была даже играна піеса, которая, какъ кажется, еще не была играна въ столицахъ, именно: Донъ Еврея, драма И. Лажечникова; кромѣ того, въ послѣднее время появились на нашей сценѣ и произведенія туземныхъ драматурговъ....

Вотъ все замѣчательное въ жизни и дѣятельности Кіева въ послѣдніе мѣсяцы.... Подобные же отчеты будутъ, время отъ времени, появляться и впредь.... *П. С.*

1839 года, Октябрь.
Кіевъ.

ПАМЯТЬ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.—Всякое воспоминаніе о великомъ Государѣ драгоцѣнно для Русскихъ. Поэтому болѣе чѣмъ съ удовольствіемъ прочли мы въ Воронежскихъ Губ. Вѣд. извѣстіе, что Валуйская купчиха А. Зудова купила существующій въ городѣ Валуйкахъ домикъ, въ которомъ имѣлъ пребываніе Петръ Великій, для помѣщенія въ немъ богадѣльни и съ обязательствомъ поддерживать это зданіе въ приличномъ видѣ на свой счетъ.

---

* Всѣ эти книги были разобраны въ Москвитянинѣ. *Ред.*

Digitized by Google

НОВАЯ ЗАДАЧА ОТЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. — Коллежскій Совѣтникъ П. В. Голубковъ препроводилъ въ Археологическое Общество 500 руб. сер. для учрежденія нумизматической преміи. Общество, утвердивъ предложенную имъ задачу, приглашаетъ отечественныхъ ученыхъ къ соисканію этой преміи, которая предлагается за лучшее сочиненіе на Русскомъ языкѣ *о монетахъ Саманидовъ*. Оно должно заключать въ себѣ: 1) полную монографію Саманидскихъ монетъ; 2) Историческое введеніе о царствѣ Саманидовъ и сношеніяхъ его съ древнею Русью; 3) Географическія извѣстія о городахъ, въ которыхъ чеканились монеты, и 4) Топографію кладовъ съ этими монетами, найденныхъ въ Россіи и на Сѣверѣ вообще. Къ сочиненію должны быть приложены нужные указатели и рисунки. Срокъ для соисканія преміи назначается полуторагодовой (съ 1 Января 1851 по 1 Іюля 1852 г.)

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ТУЛѢ. — Съ 17 Октября этого года открылись при Тульской гимназіи, два раза въ недѣлю, чтенія о механикѣ и химіи, приспособленныхъ къ производительности заводской и мануфактурной. Къ слушанію ихъ допускаются всѣ сословія города, безъ ограниченія какъ въ предварительныхъ знаніяхъ, такъ и въ самомъ возрастѣ, и притомъ безъ всякой платы.

ЗАКЛАДКА МОСТА ВЪ ДАРЬЯЛЬСКОМЪ УЩЕЛЬѢ НА ТЕРЕКѢ. — Всѣмъ проѣзжавшимъ въ Закавказскій край извѣстно, съ какими трудностями сопряжено было проведеніе Военно-Грузинской дороги чрезъ Кавказскій хребетъ. Въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ для работъ мѣстъ, на протяженіи двухъ верстъ, между станціями Ларсомъ и Казбекомъ, до 1849 г. были чрезъ Терекъ три деревянные моста. Съ устройствомъ новой, начатой за два года передъ тѣмъ дороги, въ скалѣ по правому берегу Терека, два моста сдѣлались не нужными и были разобраны; но должно было оставить третій мостъ близъ Дарьяльскаго укрѣпленія, тотъ самый, который въ прошломъ году разорвало напоромъ водъ Терека. Чтобы совершенно обезпечить дорогу въ этомъ мѣстѣ, Князь М. С. Воронцовъ предположилъ за-

Digitized by Google

мѣнить этотъ мостъ каменнымъ. По составленному проэкту, онъ будетъ стоить до 40 т. руб. сер.; а 24 Сентября этого года, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, въ проѣздъ свой въ Закавказскій край, изволилъ и заложить оный. Такимъ образомъ сообщеніе по Военно-Грузинской дорогѣ въ этомъ важномъ мѣстѣ очень скоро будетъ совершенно обезпечено.—Причемъ не излишне замѣтить, что въ послѣднее управленіе краемъ, для быстраго передвиженія войскъ съ Кавказской линіи въ горы, построены (въ 1848—1849 гг.) три постоянные деревянные моста на Терекѣ, въ болѣе важныхъ пунктахъ, а именно, у станицъ Екатериноградской, Николаевской и Шелкозаводской.

ДВИЖЕНІЕ СУДОХОДСТВА ПРИ РЫБИНСКОЙ ПРИСТАНИ въ навигацію этого года, окончившуюся 15 Октября, представляетъ слѣдующія цифры. Прибыло 2,150 судовъ (въ томъ числѣ 13 пароходовъ); отошло по Волгѣ 2,695 по Мологѣ 2,064 по Шекснѣ 1,615. На нихъ привезено товаровъ на 15,785,000 р. с., а отправлено всего на 19,580,000: именно вверхъ по Волгѣ на 7,757,000, по Мологѣ на 3,282,000, по Шекснѣ на 8,541,000; сверхъ того внизъ по Волгѣ отправлено разной клади слишкомъ на 346 т. р. с.

ИНОРОДЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ. — Извѣстно, что Академикъ П. И. Кеппенъ нѣсколько уже лѣтъ занимается составленіемъ этнографической карты Россіи. Многія части этого важнаго труда уже окончены совершенно, другія приводятся къ окончанію. Изданіе его предположено начать картою С.-Петербургской губерніи, объ инородческомъ населеніи которой, преимущественно Нѣмецкомъ, Г. Кеппенъ издалъ теперь любопытныя изслѣдованія. Изъ нихъ оказывается, что въ Спб. губерніи, исключая столицу, число инородческаго населенія простирается почти до 114 т. душъ об. пола; а именно: Воти слишкомъ 5 т., Ижоры до 18 т., Айремойсетовъ болѣе 29 т., Савакотовъ (два различные народа Финскаго племени, отрасль Кореловъ) болѣе 3½ т., Эстовъ слишкомъ 2½ т., Нѣмцевъ до 12 т., Цыганъ слиш-

Digitized by Google

ковъ 250 чел. Въ самой же столицѣ, въ прошломъ году считалось: Нѣмцевъ около 39 т. (въ томъ числѣ лютеранъ болѣе 31 т., реформатовъ до 2½ т., гернгутеровъ 22 чел., католиковъ слишкомъ 5 т.) Сверъ того, въ Спб. къ лютеранскому исповѣданію принадлежатъ слѣд. общины: Шведская (болѣе 6 т.), Финская (слишкомъ 11 т.), Эстонская (болѣе 5 т.), Латышская (2 т.), такъ что всѣхъ лютеранъ считается въ Спб. до 58½ т. д. об. пола. Реформатовъ въ столицѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ считается до 6½ т., а именно: въ Голландской общинѣ до 150 ч., въ общинѣ Французскихъ реформаторовъ болѣе 400 ч.; приходанъ Англійской церкви около 3 т., прихожанъ Американской церкви, или конгрегаціонистовъ (Англичанъ, Шотландцевъ, Ирландцевъ, Американцевъ) 380 ч. — Римско-католиковъ въ столицѣ (вмѣстѣ съ Нѣмцами) около 29 т., именно: Поляковъ слишкомъ 19 т., Французовъ болѣе 2700, Италіянцевъ 360, Англичанъ и Ирландцевъ 50, Испанцевъ и Португальцевъ 130, Армянъ и Грузинъ 170, прочихъ націй 250. Въ губерніи же, кромѣ столицы, всѣхъ католиковъ, со включеніемъ 470 Нѣмцевъ, болѣе 2 т.

ПЕТРОВСКІЙ ПОЛТАВСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ.—Нынѣ царствующему Государю Императору угодно было почтить имя Петра Великаго новымъ, достойнымъ его, памятникомъ. Въ Сентябрѣ 1829 года объявлено было Высочайшее предположеніе объ учрежденіи въ Полтавѣ Кадетскаго Корпуса. Дворянство Полтавской, Харьковской, Черниговской и Екатеринославской губерній приняло единодушное участіе въ составленіи пожертвованій, которыя обезпечили бы возведеніе зданій для Корпуса и будущее его содержаніе. Въ 1835 г. 27-Іюня, въ день Полтавской битвы, положено было основаніе Кадетскому Корпусу, а въ 1840 г., Декабря 6, послѣдовало торжественное открытіе его и первый пріемъ кадетъ. (Постройка Корпуса обошлась въ 2,620,000 руб. асс).—Зданія въ Корпусѣ состоятъ изъ одного главнаго корпуса въ три этажа, величественною колоннадою обращеннаго къ монументу Полтавской побѣды, двухъ большихъ, въ два этажа, флигелей по сто-

Digitized by Google

ронамъ его и нѣсколькихъ службъ. Кромѣ того, въ первое посѣщеніе Корпуса Государемъ Императоромъ (1842), Высочайше повелѣно передать въ вѣдомство Корпуса монументъ съ окружающимъ его садомъ и площадью, на которой происходятъ военныя экзерциціи кадетъ; въ это же время пожалованъ Корпусу сосѣдній съ нимъ домъ, бывшій Казенной Палаты.—Длина главнаго корпуса 55 саж., ширина 13, вышина, съ куполомъ и крестомъ, 16. Число всѣхъ комнатъ въ немъ простирается слишкомъ до 80. — Церковь корпусная, во имя Св. Самсона (празднуемаго 27 Іюня), отличается простою, но довольно красивою архитектурою. Иконостасъ въ ней украшенъ образами академической живописи. — Въ большой залѣ, назначенной для засѣданій воспитательнаго комитета, помѣщена корпусная библіотека, состоящая слишкомъ изъ 1100 сочиненій. Въ этой же залѣ находятся двѣ замѣчательныя картины: 1) портретъ Петра Великаго, работы Французскаго живописца Аржилья, писанный съ натуры въ бытность Государя въ Парижѣ, въ 1717 г., купленный у Княгини В. А. Репниной за 5 т. р. асс. и Высочайше пожалованный Корпусу предъ открытіемъ его; 2) большая картина, во всю стѣну, работы извѣстнаго нашего художника Шебуева, изображающая Полтавскую битву и пожалованная Корпусу Государемъ Императоромъ въ 1844 г. - Корпусъ образовался въ полномъ батальономъ составѣ только въ 1844 г. Въ это время Всемилостивѣйше пожаловано ему знамя. Теперь въ Петровскомъ Кадетскомъ Корпусѣ по штату состоитъ 400 кадетъ. Для окончательнаго воспитанія и выпуска въ офицеры, они переводятся отсюда на два года въ С. Петербургъ, въ Дворянскій полкъ. Первый переводъ ихъ былъ въ 1845 г.; съ этого времени переведено болѣе 200 кадетъ; изъ Дворянскаго же полка выпущено, по настоящее время, здѣшнихъ кадетъ офицерами до 140. Такимъ образомъ благосостояніе этого заведенія доказывается счастливыми успѣхами его питомцевъ. Обще довѣріе къ попечительности его начальства доказывается тѣмъ, что первомъ извѣстіи о дозволеніи принимать въ Корпусъ своекоштныхъ воспитанниковъ, въ настоящее время состоитъ ихъ уже до 40 чел.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРЕБЫВАНІЕ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ВЪ МОСКВѢ.

10-го Ноября, въ первомъ часу пополуночи, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ изволилъ прибыть въ здѣшнюю столицу.

Въ 12 часовъ утра, Его Императорское Высочество изволилъ шествовать изъ Николаевскаго Дворца въ большой Успенскій соборъ при громкихъ ура! обрадованнаго народа, съ ранняго утра уже наполнившаго Кремль. При входѣ въ храмъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ встрѣченъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ съ прочимъ Духовенствомъ Столицы со крестомъ и Св. водою. Высокопреосвященнѣйшій привѣтствовалъ Августѣйшаго гостя слѣдующею рѣчью:

«Благовѣрный Государь!

Изъ устъ Царя Пророка слышимъ молитву: *Боже судъ Твой Цареви даждь, и правду Твою Сыну Цареву: да воспріимутъ горы миръ людемъ и холми правду* (Пс. LXXI. 1. 3.)

И намъ кажется, что это молитва о Царѣ Русскомъ и о Его Первенцѣ, и что исполненіе сей молитвы—предъ нами.

Твой Августѣйшій Родитель употребилъ Твое око, чтобы Царскими взорами объять отдаленные предѣлы необъятнаго Царства: и Ты прошелъ край Кавказскій, и достигъ Арарата,—*да воспріимутъ горы миръ людемъ, и холми правду*,—чтобы Твое обозрѣніе принесло областямъ радость, и споспѣшествовало ихъ благу.

Digitized by Google

Привѣтствуемъ Тебя съ совершеніемъ сего подвига и молимъ Бога, да будетъ, какъ сей, такъ и всѣ Твои подвиги благоугодны Царю-Отцу, благотворны странамъ и людямъ Царства.»

По выслушаніи молебствія Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ присутствовать, во 2-мъ часу пополудни, при разводѣ отъ Суздальскаго пѣхотнаго полка.

11-го Ноября Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, въ 11 часовъ утра, изволилъ осматривать вновь строющееся зданіе для 3-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, откуда возвратясь въ Николаевскій Дворецъ, благоволилъ принять хлѣбъ-соль, поднесенную Купеческимъ, Мѣщанскимъ и Ремесленнымъ сословіями.

Въ часъ пополудни Его Высочество изволилъ произвести смотръ I-му Кадетскому Корпусу въ манежѣ 2-го Учебнаго карабинернаго полка, по окончаніи котораго изволилъ обходить 2-й Кадетскій Корпусъ и малолѣтнее отдѣленіе.

За тѣмъ въ 3 часа пополудни Его Императорское Высочество осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Императорскій Московскій Университетъ.

Здѣсь Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, его Помощникъ, Ректоръ, Инспекторъ Студентовъ и Деканы всѣхъ 4-хъ Факультетовъ имѣли счастіе встрѣтить Его Императорское Высочество при самомъ вступленіи въ зданіе Университета, а Профессоры и Студенты въ большомъ актовомъ залѣ.

Его Высочество изволилъ разспрашивать многихъ Членовъ Университета о ихъ занятіяхъ, и обратилъ Свое высокое вниманіе на рѣдкія рукописи и книги Библіотеки, гдѣ благоволилъ вторично вписать въ книгу Свое имя, и съ наслѣдованною отъ Августѣйшаго Родителя, отеческою заботливостію, изволилъ осматривать подробно вновь благоустроенный Педагогическій Институтъ, гдѣ полтораста Студентовъ принимаютъ благодѣтельные дары ученія и воспитанія отъ щедроты Монаршей, приготовляя себя на поприще врачей и наставниковъ. Его Императорское Высочество изволилъ входить

Digitized by Google

въ каждую комнату, радуя и ободряя всѣхъ Своимъ милостивымъ привѣтомъ. Въ заключеніе обозрѣнія Государь Наслѣдникъ, обратясь къ Начальству Университета, благоволилъ выразить Свое удовольствіе слѣдующими словами: «благодарю и остаюсь совершенно доволенъ, сколько могу судить по наружному виду: увѣренъ, что ему соотвѣтствуетъ и внутреннее достоинство: ученіе и нравственность, какъ основа ученію.»

Эти незабвенныя слова глубоко отозвались въ сердцахъ тѣхъ, къ кому они относились, и переданныя немедленно всѣмъ Членамъ Университета, одушевили ихъ къ новымъ трудамъ и возбудили столько прекрасныхъ надеждъ на процвѣтаніе разсадника наукъ древней столицы.

Между тѣмъ Студенты снова собрались при отъѣздѣ, и въ улыбкѣ Августѣйшаго привѣта прочли еще разъ одобреніе къ продолженію учебныхъ трудовъ и къ исполненію всякой обязанности, возлагаемой на нихъ волею Монарха. Такимъ образомъ Московскій Университетъ вписываетъ еще радостное событіе въ лѣтописи свои текущаго года.

Вечеромъ того же дня заботливость хозяина столицы дала и столичному обществу прекрасный случай увидѣть Того, за Кѣмъ въ продолженіе почти 3-хъ мѣсяцевъ оно могло слѣдить только чувствами, по радостнымъ отголоскамъ, доходившимъ изъ далекихъ областей Грузіи и Кавказа.

Въ 10 часу Государь Цесаревичъ удостоилъ Своимъ высокимъ присутствіемъ балъ Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора: милостивое участіе Августѣйшаго Гостя въ общественномъ веселіи, превратило балъ въ празднество, одушевивъ присутствовавшихъ однимъ общимъ чувствомъ радости. — Въ часъ пополуночи Государь Наслѣдникъ изволилъ оставить балъ и возвратиться во дворецъ, а черезъ полчаса оставилъ и древнюю столицу, чтобы равномѣрно обрадовать вѣрноподданныхъ жителей новой.

(*Изъ Московскихъ Вѣдом.*)

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ЧЕРЕЗЪ ПАНАМУ.

О пути между Чагресомъ и Панамою новыя извѣстія слѣдующія:

Цѣны за переѣздъ изъ Чагреса черезъ Горгону въ Панаму измѣняются каждую недѣлю. Это точь въ точь игра въ заклады на возвышеніе и пониженіе курса облигацій въ Парижскомъ оперномъ пассажѣ. За лодку, для двухъ или трехъ человѣкъ съ нѣсколькими кипами товара, на которыхъ ночью и спятъ, для переѣзда въ двое сутокъ изъ Чагреса въ Горгону, на разстояніи 12 или 13 легвъ (leguas) (около 50 верстъ), платятъ отъ 25 до 180 піастровъ, (отъ 33 до 240 рублей серебромъ), смотря по числу проѣзжающихъ и степени надобности съ ихъ стороны въ немедленной отправкѣ. За наемъ муловъ въ Горгонѣ обыкновенно платятъ по 8 піастровъ (ок. 11 р. сер.) за каждаго; путешественникъ, сообщающій это извѣстіе, заплатилъ 16 піастровъ (ок. 21 р. сер.); а къ вечеру того же дня платили уже 20 п. (ок. 27 р. сер.) Нѣсколько пассажировъ на пароходѣ Тевіотъ, на которомъ этотъ путешественникъ пріѣхалъ въ Чагресъ, были съ дамами, которыхъ кладь была въ большихъ кипахъ, такъ что нельзя было навьючить ее на муловъ. Индійцы взвалили ее на плеча и перенесли изъ Горгоны въ Панаму — на разстояніи около 30 верстъ — за цѣну отъ 33 до 40 р. сер. за каждую связку. Сѣверо-Американцы, которые привыкли дѣлать дальнія путешествія въ отдаленныхъ западныхъ странахъ, умѣютъ за

Digitized by Google

дешевую цѣну перебираться черезъ Панамскій перешеекъ; они собираются толпами въ 15 или 20 человѣкъ, берутъ съ собою только самую необходимую кладь, нанимаютъ проводника и переходятъ черезъ лѣса пѣшкомъ. Въ Панамѣ эти пришельцы, жадные до золота, наполняютъ биткомъ всѣ гостинницы; они питаются сарачинскимъ пшеномъ и чаемъ, ожидаютъ отправки парохода въ Санъ-Франциско и спятъ безъ крова на палубѣ.

Въ Панамѣ мѣновая цѣнность золота болѣе не понижается, но мелкая монета стоитъ дороже обыкновеннаго курса, и выгодно промѣнивать ее на піастры. Панама полна выходцами всѣхъ поколѣній: Чилійцами, Перуанцами, Колумбійцами, всего же больше Сѣверо-Американцевъ; каждую недѣлю подъѣзжаетъ отъ 1000 до 1200 новыхъ пассажировъ, такъ что переѣздные билеты на пароходахъ, ходящихъ между Панамою и Санъ-Франциско, постоянно возвышаются въ цѣнѣ; билетами этими завладѣли спекулянторы и продаютъ ихъ обыкновенно за 2000 и до 2200 франковъ; только по связямъ съ начальствующими лицами упомянутому путешественнику удалось достать билетъ за 1300 франковъ. Выходцы, которымъ и некогда ждать, и нечѣмъ заплатить за такой дорогой перевозъ, отправляются на парусныхъ судахъ; такой переходъ стоитъ отъ 500 до 600 франковъ, но за то можетъ продолжиться отъ 50 до 70 дней. Цѣны въ Панамѣ на все непомѣрныя: фунтъ плохаго сахару стоитъ полтора франка, восковая свѣча франкъ и т. д. Помѣщаются всѣ гдѣ попало; счастье еще, когда найдутъ какую-нибудь комнату, даже чуланъ, гдѣ можно протянуться не на голой землѣ.

ПОѢЗДКА ЛИВИНГСТОНА КЪ ОЗЕРУ НГАМИ ВЪ ЮЖНОЙ АФРИКѢ.

Миссіонеръ Ливингстонъ, со спутниками своими Освеллемъ и Корреемъ, 1-го Іюня 1849 вышелъ изъ Колобенга, лежащаго подъ 25° ю. ш. и 26° в. д., съ цѣлію пройдти пустыню и отыскать озеро. Эта пустыня почиталась доселѣ преградою, непереходимою для Европейцевъ, и даже съ годъ назадъ часть одного туземнаго племени Гриквасъ напрасно пыталась пройдти ее. Одинъ князекъ другаго племени, услышавъ о намѣреніи Ливингстона пройдти земли, лежащія по-

Digitized by Google

зади его области, велѣлъ своимъ подданнымъ прогнать съ дороги Бошмановъ и Бакаліаріевъ, чтобы они не помогали путешественникамъ въ отысканіи водъ. Пройдя съ большимъ терпѣніемъ болѣе 300 англ. миль (слишкомъ 450 вер.) пути, они, 4 Іюля, пришли къ великолѣпной рѣкѣ, прошли по ея берегу еще около 450 верстъ, и въ началѣ Августа достигли озера Батазама или Нгами. Племя Бакоба или Бейдже совершенно отлично отъ Бечуановъ и гораздо темнѣе ихъ. Изъ 300 словъ, собранныхъ Ливингстономъ, только 21 походили на Бечуанскія. «Мы любовались, говоритъ Ливингстонъ, гордою, мужественною осанкою этихъ природныхъ матросовъ: разъѣзжая по родной рѣкѣ и озеру въ лодкахъ, выдолбленныхъ изъ огромныхъ деревъ, они ловятъ рыбу въ сѣти, сплетенныя изъ ростущаго по берегамъ тростника, и гарпунами бьютъ бегемотовъ.» Берега чрезвычайно красивы, покрыты исполинскими деревьями, отчасти еще неизвѣстныхъ породъ, нѣкоторыя отъ 70 до 76 футовъ въ обхватѣ. Чѣмъ выше путники поднимались по теченію рѣки, тѣмъ она становилась шире,—такъ что наконецъ широкій разрѣзъ ея простирался на 100 ярдовъ (300 футовъ). Вода была прозрачна, какъ кристаллъ, мягка и холодна. Юга (Youga — имя рѣки), какъ слышно, сообщается не только съ озеромъ, но еще со многими большими рѣками, текущими съ сѣвера. Замѣчательный признакъ ея есть періодическая прибыль и убыль воды. Въ короткое пребываніе путешественниковъ она прибыла на три фута, и притомъ въ сухое время года. Очевидно, что прибыль бываетъ не отъ дождей, ибо вода такъ ясна; во время періодической прибыли великое множество рыбы идетъ внизъ по рѣкѣ. Положеніе озера въ сѣверо-восточной его оконечности 20° 20′ ю. ш. Долготу Ливингстонъ полагаетъ 24° в. Начиная отъ втеченія Юги, озеро расходится въ ширину на 15 миль (ок. 22 верстъ) и представляетъ на юго-западѣ большую водную поверхность.

НѢЧТО КАСАТЕЛЬНО ФРАНКЛИНОВОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

Сэръ Дж. Россъ взялъ съ собою изъ Шотландской гавани Эръ въ свое путешествіе къ сѣверному полюсу пять почтовыхъ голубей (carrier pigeons), чтобы пустить нѣсколь-

Digitized by Google

ко изъ нихъ назадъ въ томъ случаѣ, когда онъ либо отыщетъ слѣды Дж. Франклина, либо самъ замерзнетъ. Изъ этихъ голубей два вслѣдъ одинъ за другимъ прилетѣли въ Эръ, но, къ сожалѣнію, при нихъ не было ни письма, ни другаго знака; одинъ голубь очень изуродованъ, и кажется, что у него отстрѣлили прочь извѣстіе, которое онъ несъ. Замѣчателенъ инстинктъ и сила полета этихъ птицъ, которыя, руководствуясь однимъ зрѣніемъ, безъ помощи чувства обонянія, безошибочно перелетѣли около 3000 верстъ на свою родину. Часть журналовъ, основываясь на найденныхъ слѣдахъ предполагаемаго кочевья Франклиновой экспедиціи, все еще питаетъ радостныя надежды, что найдутъ его или хоть часть экипажа. Но «Спектаторъ» противъ этого замѣчаетъ: «если они не погибли во льду или въ морѣ, то навѣрное умерли съ голоду на корабляхъ, такъ какъ взятаго ими провіанта далеко не хватило бы на такое долгое время; а если бы они спаслись гдѣ-нибудь у береговыхъ Эскимосовъ то съ тѣхъ поръ вѣрно было бы получено отъ нихъ извѣстіе.»

ПОТРЕБЛЕНІЕ КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ ВЪ АНГЛІИ.

Извѣстный статистикъ Портеръ (очень кстати къ своему имени) собралъ по этому предмету замѣчательныя данныя въ брошюрѣ, подъ названіемъ «о налогахъ, которые рабочій классъ самъ на себя налагаетъ, въ Соединенныхъ Королевствахъ.»—Количество потребленнаго въ 1849 году туземнаго перегнаннаго питья разнаго рода было въ Русскихъ мѣрахъ:

Въ Англіи.....	до $3\frac{1}{2}$	милліоновъ ведръ.
— Шотландіи слишкомъ	$2\frac{1}{2}$	——— ———
— Ирландіи слишкомъ	$2\frac{1}{2}$	——— ———
Всего же около....	$8\frac{1}{2}$	милліоновъ ведръ,

которые, со включеніемъ акциза, стоили около 8 милл. фунтовъ стерл. (болѣе 50 милл. р. сер.). Въ Англіи по разсчету оказывается, что потребитель, именно въ розничной торговлѣ, платитъ за товаръ почти втрое противъ налога; поэтому эти $8\frac{1}{2}$ милл. ведеръ могутъ стоить около 17 милл. ф. ст. (болѣе 110 милл. р. сер.). Къ этому должно прибавить еще цѣну рома, потребляемаго вообще тѣми же классами, какъ джинъ и Ирландское хлѣбное вино;

Digitized by Google

(whiskey). Рому употреблено въ 1849 г. ок. 1,300,000 ведръ; собранный съ него налогъ составлялъ болѣе 1 милл. ф. ст. (слишкомъ 7 милл. р. сер.), слѣдственно потребители заплатили вѣроятно почти 3½ милл. ф. (до 23 милл. р. сер.) По числу душъ приходится въ Англіи на душу въ годъ ⅞ ведра, въ Шотландіи 4⅕, въ Ирландіи 1¼ ведра, разумѣя выпитое количество всѣхъ этихъ трехъ напитковъ: джина, виски и рома. Собственно водку (brandy) пьетъ не столько рабочій классъ, какъ люди болѣе зажиточные, и способъ продажи ея совсѣмъ другой, — ибо другіе упомянутые напитки большею частію расходятся въ рюмочной продажѣ, а водка отпускается въ домы въ количествахъ около ведра и болѣе. Въ 1849 году разошлось ея около 800,000 ведръ, стоившихъ производителямъ до 550,000 ф. ст. (ок. 3½ милл. р. с.) и съ которыхъ получено налогу болѣе 1,600,000 ф. ст. (до 10½ м. р. с.). Если принять, что потребители платятъ только 50 процентами дороже издержекъ, то на водку придется до 3,300,000 ф. ст. (до 22 милл. р. с.); а это, вмѣстѣ съ цѣною джина, виски и рома, составляетъ всего огромную сумму 24 милл. ф. ст. (болѣе 150 милл. рублей серебромъ).

ВСХОДЪ НА ПОПОКАТЕПЕТЛЬ.

Послѣ Гумбольдта, всходившаго на этотъ вулканъ въ бытность его въ Мексикѣ, никто не рѣшался на подобную попытку. Теперь три Англичанина исполнили это. Они шли вверхъ пять часовъ, внизъ спустились въ 1¼ часъ, пробывъ на верху 4½ часа. На плоскомъ верхнемъ краѣ кратера они могли свободно дышать, курить и пить, даже переходить съ мѣста на мѣсто. Кратеръ представляетъ величественный видъ, похожъ на огромный круглый колодезь почти съ отвѣсными боковыми стѣнами, глубиною около 1000 футовъ и въ окружности около 4 верстъ. На днѣ былъ прудъ или болото изъ растопленной сѣры, блестящаго желтаго цвѣта; она безпрерывно вскипала и испускала огромные клубы дыма, которые большею частію сгущались въ самомъ кратерѣ, еще не достигая вершины его. У кратера барометръ показывалъ 16,015 дюйма, стоградусный термометръ 2°, и вода вскипала при 184° Фар. (ок. 67½° Реом.), что показываетъ вышину около 17,000 футовъ.

Digitized by Google

ЕЩЕ О ЛЮДОВИКѢ-ФИЛИППѢ.

Какъ Биньконъ старался о славѣ Наполеоновой, такъ графъ Монталивѣ продолжаетъ въ Revue des deux mondes свою защиту Людовика-Филиппа. Теперь онъ изображаетъ частную жизнь въ Тюльерійскомъ дворцѣ.—Жизнь короля была правильно расположена сообразно его характеру и привычкамъ. Утренніе часы посвящались дѣламъ семейнымъ, интересамъ домашнимъ. Главноуправляющій королевскихъ доходовъ, главноначальствующій надъ коронными имѣніями и коронный архитекторъ, г. Фонтенъ, докладывали дѣла. Въ полдень доходило дѣло до государственныхъ; король предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, или занимался съ министрами. Къ 2-мъ часамъ, когда министры уѣзжали въ Люксамбургъ, или дворецъ Бурбонскій, присутствовать при совѣщаніяхъ палатъ, король садился за письменный столъ, подписывалъ приказы, или писалъ письма. Ровно въ четыре часа, когда тишина водворялась въ Луврскихъ галлереяхъ, его влекло туда желаніе развлечься; или для разнообразія предпринималась поѣздка въ Версаль, Сенъ-Клу, или Нёльи, а также — хоть рѣдко — была аудіэнція. Собственно для пріема, кромѣ вторниковъ и пятницъ, назначались часы вечерніе, отъ 8 до $11\frac{1}{2}$: тогда Тюльерійскія залы открывались для посланниковъ, членовъ обѣихъ палатъ и высшихъ чиновниковъ; а тѣ два дни въ недѣлю вечеръ посвящался тѣснѣйшему семейному кругу. Когда король съ вечера уходилъ въ свой кабинетъ, онъ обыкновенно занимался еще нѣсколько часовъ, именно тѣми вопросами, которые требовали большаго размышленія; наконецъ въ часъ или два ночи, королева или принцесса Аделаида входили напоминать ему, что пора успокоиться. Пріѣзжая въ Лувръ, онъ почти каждый разъ заказывалъ новыя художественныя работы. Г. Монталивѣ утверждаетъ, что во время управленія іюльской династіи сдѣлано было не менѣе 3000 заказовъ, и что при большей части ихъ самъ король обыкновенно назначалъ въ точности, какъ должно было выразить. Король передарилъ болѣе 1000 золотыхъ медалей и употребилъ 11 милл. франковъ собственныхъ денегъ для поощренія художниковъ. — Не менѣе интересовался онъ произведеніями Севрской, Гобеленевой и Бовэской мануфак-

Digitized by Google

туръ. Королевскія библіотеки получали отъ него безпрерывно новыя приношенія. Онъ безъ различія мнѣній и партій подписывался на литературныя произведенія. Король страстно любилъ театръ, но долженъ былъ отказаться отъ посѣщенія зрѣлищъ, вслѣдствіе революціоннаго фанатизма Французовъ. Поэтому онъ съ большими издержками велѣлъ возобновить театральныя залы въ Тюльери, въ Сенъ-Клу, Версали и другихъ королевскихъ дворцахъ. Съ 1833 по 1847 г. расходъ на театральныя представленія составляли слишкомъ 600 тысячъ франковъ. Одно изъ любимыхъ его развлеченій была музыка: въ 1847 году расходъ на нее составлялъ 100,000 франковъ. При многихъ случаяхъ болѣе двадцати разъ Пале-Рояль и Элизей принимали иностранныхъ царственныхъ гостей, — и король бралъ на себя всѣ издержки: однихъ почтовыхъ слишкомъ 400,000 франк., на дипломатическіе подарки болѣе 800,000 франк. О благотворительности короля г-нъ Монталивѣ предлагаетъ слѣдующее извѣстіе. Въ Парижскихъ коллегіяхъ и школахъ на счетъ короля и королевы воспитывалось болѣе 300 дѣтей, и бывшій главноуправляющій королевскими доходами исчисляетъ, что расходы по этой послѣдней статьѣ превышали расходы по предшедшей, — именно на тотъ предметъ во все время царствованія 21,200,000 фр., на послѣдній же 21,650,000 фр. Для полноты изображенія и защиты Людовика-Филиппа, въ которомъ авторъ видитъ одинъ только недостатокъ, *излишнюю* его *доброту*, онъ, съ Боссюэтомъ, восклицаетъ: онъ былъ справедливъ, умѣренъ, великодушенъ, зналъ превосходно свое дѣло и способы управленія, и проч., Caesari proprium et peculiare sit clementiae insigne, qua usque ad poenitentiam omnes superavit.

Digitized by Google

УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЕЩЕ НОВАЯ ПЛАНЕТА.

(Письмо къ Редактору.)

М. Г. М. П. Вотъ вамъ извѣстіе объ открытіи новой планеты, которое посчастливилось сдѣлать Неаполитанскому астроному Гаспарису, *четвертаго* Ноября (н. с.) текущаго г. Въ трубу открытеля, планета представляется звѣздою 9—10 величины; но Альтонскій наблюдатель Петерсенъ относитъ ее рѣшительно къ звѣздамъ 10 величины: эта разность, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ состоянія атмосферы, которая въ Альтонѣ посвѣже, нежели къ Неаполѣ. Имя планетѣ еще не дано; положеніе ея также не опредѣлено даже приблизительно. Но какъ, вѣроятно, она есть родная сестра астероидамъ, собраннымъ кучей между Марсомъ и Юпитеромъ, то теперь въ этомъ мѣстѣ найдено уже *тринадцать* планетъ. Это космогоническое явленіе начинаетъ возбуждать особенное вниманіе астрономовъ; и дѣйствительно, нельзя не думать, чтобъ оно не зависѣло отъ какого-нибудь общаго закона.

Вашъ, и проч. *Д. Перевощиковъ.*

БИНЬОНОВА ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА.

По смерти Биньона, изъ оставленныхъ имъ матеріяловъ Эрнуфъ составилъ послѣдній XIV томъ его Исторіи Наполеона. Этотъ томъ отличается тѣмъ же чисто-бонапартистскимъ взглядомъ, какъ и предшествовавшіе. Не даромъ знаменитый плѣнникъ въ завѣщаніи назначилъ Биньона своимъ историкомъ. Биньонъ, по личному участію въ дѣлахъ и по количеству доступныхъ ему источниковъ, конечно, превосходитъ всѣхъ другихъ историковъ Наполеона. Онъ притомъ не скрываетъ, подобно Тьеру, своихъ чувствъ къ императору: онъ открыто высказываетъ свое убѣжденіе, по которому Наполеонъ во всемъ и вездѣ правъ предъ своими противниками.

Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ событія отъ взятія Парижа въ 1814 г. до Ватерлооской битвы.

Digitized by Google

По мнѣнію Биньона, виною паденія Парижа въ Мартѣ 1814 г. были интриги и измѣна; но онъ забываетъ, что дѣйствія самого Наполеона уже столько лѣтъ вели къ тому, чтобы потрясенное зданіе могло обрушиться отъ такихъ мелкихъ причинъ.

Биньонъ думаетъ, что Наполеонъ могъ еще погубить союзныя арміи во Франціи, подобно тому, какъ Кутузовъ истребилъ Наполеонову армію въ Россіи въ 1812 г. Но, не говоря уже о недостаткѣ любви народной къ Наполеону, гдѣ былъ городъ, который, подобно геройской Москвѣ, обрекъ бы себя на жертву? и могъ ли истощенный наборами народъ выдержать войну, какова была для Русскихъ война 1812 года?

На Мармона обильно изливается потокъ негодованія Биньона, — и это даже составляетъ рѣзкое отличіе отъ приличнаго тона всей книги.

При отрѣченіи въ Фонтенебло Наполеонъ, по описанію Биньона, въ душѣ былъ убѣжденъ въ недѣйствительности этого акта. Биньону въ 1815 г. приказано было изложить это оффиціально; бумага была потеряна, но теперь приложена въ книгѣ. Любопытно, что и въ этомъ актѣ Биньонъ видитъ что-то великое.

Текстъ прощальныхъ словъ, сказанныхъ въ Фонтенебло, изъ матеріаловъ Биньона воспроизведенъ полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Касательно переговоровъ предъ Парижскимъ миромъ, Биньоновы матеріалы содержатъ документы, доставшіеся ему вѣроятно отъ Таллейрана; по крайней мѣрѣ поправки и приписки по краямъ сдѣланы его рукою. Биньону кажется, что союзники несправедливо поступили, что не оставили за Франціею Рейна и Бельгіи.

Биньонъ утѣшается еще въ то время выдуманною фразою: «однако насъ таки не побѣдили!» По его мнѣнію, всѣ пораженія Французовъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, взятіе Парижа и самое Ватерлоо—все это «de petits désastres», и неудачѣ всегда причиною какія-нибудь случайности.

Эпизодомъ между этими важными событіями вставленъ отдѣлъ чисто дипломатическій—дѣла Турецкія. Въ 1811 г. въ

Digitized by Google

концѣ Наполеонъ совѣтовалъ Турціи уступить Россіи Дунайскія провинціи, и тѣмъ расположилъ къ себѣ Турецкій дворъ неблагосклонно. Уже въ Мартѣ 1812 г. онъ началъ предлагать Турціи союзъ и даже обѣщалъ возвращеніе Крыма; но агентамъ было запрещено писать что-либо объ этомъ. Позднѣе, когда онъ открыто захотѣлъ сблизиться съ Турціей, было уже поздо; ибо Русское вліяніе превозмогло въ Константинополѣ.

Биньонъ входитъ въ подробности касательно отношеній къ Испаніи въ первое время реставраціи. Видно, что Людовикъ XVIII сильно сопротивлялся мѣрамъ Фердинанда VII. Чуть-чуть не дошло даже до разрыва между обѣими Бурбонскими линіями. Дѣло не было еще приведено въ ясность, когда Наполеонъ воротился съ Эльбы.

Этотъ походъ Биньонъ считаетъ политически совершенно оправданнымъ. Обозрѣвъ смуты, бывшія тогда во многихъ земляхъ, онъ говоритъ, что коалиція разрушилась, и что во всей Европѣ были обильно разсѣяны элементы бонапартовскаго союза. Но хотя и дѣйствительно не вездѣ было спокойно, однако стоило Наполеону появиться—и Европа единодушно возстала противъ него, позабыв мелкія причины распрей.

Важнѣйшія основанія для надеждъ Наполеона могли еще заключаться въ Датскомъ кабинетѣ и въ дипломатическихъ столкновеніяхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Наполеонъ получалъ изъ Вѣны тайными путями самыя свѣжія свѣдѣнія. Биньонъ и здѣсь утверждаетъ, что въ Вѣнѣ съ Франціей поступали несправедливо. Вся исторія Вѣнскихъ переговоровъ есть судебная защита Бонапарто-французской стороны.

Въ изображеніи приготовленій Наполеона къ Бельгійской кампаніи преобладаетъ у Биньона та же увѣренность, что только особенное несчастіе вырвало у Франціи побѣду. Это убѣжденіе обще ему съ большею частію Французскихъ писателей объ этой эпохѣ. Съ заранѣе составленнымъ ошибочнымъ мнѣніемъ, не зная иностранныхъ источниковъ, неспособные къ безпристрастной критикѣ, они дѣлаютъ изъ военныхъ событій послѣдняго времени Наполеона ка-

Digitized by Google

кую-то fable convenue, — которая безусловно принимается земляками ихъ за истину. Всякое предположеніе и предпріятіе Франціи, по ихъ мнѣнію, исполнено высокой мудрости и превосходства; но какое-то неумолимое malheur все ниспровергаетъ! Пока дѣла шли хорошо, капризы счастія и благопріятныя случайности прославлялись, какъ проявленія глубокой прозорливости и высокаго искусства Французовъ и вождя ихъ; теперь же все неудачное и бѣдственное приписывается враждебному произволу судьбы. «Nous n'avons pas été vaincus,» — повторяетъ авторъ на Ватерлооскомъ полѣ, равно какъ подъ Москвою и Лейпцигомъ. Наполеонъ и его защитники, какъ сказалъ Клаузевицъ, стараются представлять случайностями постигшія его великія катастрофы, и увѣряютъ читателей, что высшею мудростію соображеній и величайшею энергіею дѣло было доведено до того, что одна одного волоска не доставало для самаго полнаго успѣха; но что потомъ измѣна, случайности и еще, какъ они называютъ, судьба — все испортили. Ни онъ, ни они не хотятъ признать, что причиною гибели его были важныя ошибки, большое легкомысліе, а пуще всего то, что онъ уже давно перешелъ всѣ предѣлы возможнаго и естественнаго.

Въ описаніи подробностей Биньонъ отличается особеннымъ нежеланіемъ отдавать справедливость Нѣмцамъ: онъ уже лучше рѣшается въ чемъ-нибудь похвалить Англичанъ, но постоянно обходитъ случай, когда нужно приписать честь войскамъ Прусскимъ и вообще Германскимъ*.

Самое Ватерлоо описано слишкомъ легко, такъ что здѣсь даже нельзя узнать Биньона, историка важнаго и государственнаго человѣка. И здѣсь Биньонъ увеличиваетъ силы союзниковъ и оспариваетъ у нихъ славу побѣды.

Заключеніе книги уже не просто апологія, а панегирикъ, почти апоѳеоза его героя! Поэтому тутъ нечего и разсуждать съ исторической точки зрѣнія.

---

* То есть Биньонъ такъ поступаетъ съ Нѣмцемъ, какъ Нѣмецъ съ Русскимъ, преходя молчаніемъ или уменьшая ихъ дѣла. *Ред.*

Digitized by Google

О ЯЗЫКѢ МАДЖАРСКОМЪ.

Въ засѣданіи филологическаго отдѣленія Пестской академіи *Матрай* говорилъ объ одной мало извѣстной рукописи Пестскаго музея, въ особенности о ея языкѣ, и притомъ, какъ рукопись эта перешла въ музей изъ одного Венгерскаго картезіанскаго монастыря, то это дало поводъ привести нѣсколько замѣчательныхъ данныхъ относительно судебъ этого ордена въ Венгріи. За нимъ говорилъ *Рѣпицкій* объ отличительныхъ грамматическихъ свойствахъ и аналогіяхъ формъ въ языкахъ Персидскомъ и Санскритскомъ. Засѣданіе окончилъ *Бугатъ* сравненіемъ формъ Финнскихъ языковъ съ формами Венгерскаго. Финнскіе языки и вопросъ о сродствѣ ихъ съ Венгерскимъ съ нѣкотораго времени болѣе обыкновеннаго занимаютъ Венгерскихъ филологовъ. *Блохъ*, *Тольди*, *Каллай*, *Хунфальви* и *Бугатъ* въ послѣднее время ревностно занялись этимъ предметомъ, и излагали результаты своихъ изысканій большею частію въ академическихъ лекціяхъ. Для рѣшенія этого вопроса больше всѣхъ сдѣлалъ, и самый поводъ къ этимъ изысканіямъ подалъ, *Регули;* онъ въ 1839 г. молодымъ человѣкомъ выѣхалъ изъ отечества своего, и провелъ десять лѣтъ вдали отъ дома, друзей и родныхъ, по большей части въ самыхъ сѣверныхъ странахъ Азіи и Европы, среди Финнскихъ племенъ, Вогуличей, Остяковъ, Черемисовъ, Мордвы, Чувашей; живя между простымъ народомъ, собственными наблюденіями ознакомился съ ихъ нравами, обычаями; въ разговорахъ съ ними изучилъ ихъ языки, пѣсни и сказанія, а остальное время употребилъ, въ Казани и Петербургѣ, на филологическое изученіе другихъ Средне-Азійскихъ языковъ. Онъ твердо переносилъ всѣ трудности, лишенія и опасности, съ которыми долженъ былъ бороться часто по нѣскольку мѣсяцевъ, не имѣя ни извѣстій изъ дому, ни денежныхъ средствъ: его поддерживала только любовь къ наукѣ, а также ободреніе и помощь друзей и покровителей его: Академиковъ *Бера* и *Френа* и Ст. Сов. *Балугьянскаго,* Венгерца по происхожденію. Начавъ странствованіе въ цвѣтѣ юности, по прошествіи десяти лѣтъ, въ прошедшемъ году воротился онъ на родину съ разбитыми

Digitized by Google

силами и здоровьемъ, но за то богатый сокровищами науки. Его изысканія обогатили не только филологію, но вмѣстѣ этнографію и географію. На сѣверѣ Азіи онъ прошелъ дальше всѣхъ другихъ путешественниковъ, и до возвращенія своего въ Петербургъ, по приглашенію Географическаго Общества, составилъ въ большомъ размѣрѣ, на шестнадцати листахъ, въ четвертку, карту пятисотъ мѣстностей сѣвернаго Урала, въ предѣлахъ отъ 58 до 70 гр. с. ш. и 72 до 89 гр. в. д.; объ этой картѣ въ 20 N° С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1847 г., сказано, что этимъ трудомъ Регули для этно- и географіи Россіи *открылъ новую обширную область*. Еще до возвращенія своего онъ былъ заочно назначенъ хранителемъ университетской библіотеки, и послѣ нынѣшнимъ правительствомъ утвержденъ въ этой должности, гдѣ онъ теперь и занимается приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ. Въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ онъ изложитъ граматику и лексикографію каждаго изъ Европейскихъ и Азіятскихъ Финнскихъ языковъ, языка Вогуличей, Остяковъ, Чувашей, Черемисовъ и Мордвы, притомъ постоянно слѣдя аналогію этихъ языковъ съ Венгерскимъ. Какъ введеніе къ этимъ сочиненіямъ, Регули намѣренъ, въ отдѣльномъ филологическомъ трактатѣ, сначала издать собственный свой философскій взглядъ на организмъ языковъ. За тѣмъ послѣдуютъ этнографическія описанія племенъ, среди которыхъ онъ жилъ, собранія ихъ пѣсенъ и сказаній, наконецъ будетъ изданъ подробный разсказъ о его путешествіяхъ съ краткимъ изложеніемъ его ученыхъ трудовъ для большаго круга образованной публики. Все это приведено, чтобы исчисленіемъ его трудовъ и изысканій придать болѣе вѣса конечному ихъ результату, мнѣнію его *объ отношеніи Венгерскаго языка къ семейству языковъ* земнаго шара,—что конечно будетъ интересно и для Русскихъ читателей. Выводъ изъ его филологическихъ изысканій есть слѣдующій: *Средне-Азійскій*, или, какъ его иначе можно назвать, *Урало-Алтайскій* отдѣлъ языковъ раздѣляется на шесть вѣтвей или семействъ съ ихъ подраздѣленіями; на языки *Манджу*, *Монголовъ*, *Турецко-Татарскихъ* племенъ, *Самоѣдовъ*, *Финновъ* и *Маджаровъ*. Эти семейства языковъ состоятъ одно съ другимъ не въ ближайшей связи, какъ и

Digitized by Google

отдѣльные члены *Инде-Европейскаго* поколѣнія, языки: Индійскіе, Романскіе, Германскіе, Кельтскіе, Славянскіе и Персидскій относительно другъ друга. Однако, по его мнѣнію, изъ Средне-Азійскихъ языковъ Финскіе съ Мадьярскимъ всѣхъ ближе, но степень сродства ихъ недостаточна, чтобы заключить о единствѣ ихъ происхожденія.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Нѣкто Даніель Керръ пишетъ изъ Египта въ редакцію Англійскаго журнала Athenaeum: «Одинъ мой знакомый, путешествуя недавно по Египту, нашелъ въ развалинахъ Оивскихъ большую мѣдную монету, которая носитъ на себѣ признаки глубокой древности. Она гораздо больше доллара; съ одной стороны ея изображена сидячая фигура Аммона съ бараньей головой и рогами. Съ каждой стороны его стоитъ по одной птицѣ, похожей на коршуна, какъ обыкновенно птицы, сопровождающія Египетскихъ боговъ и осѣняющія крыльями ихъ царей; отъ каждой птицы по одному крылу поднято вверхъ и оба крыла эти сходятся надъ головою фигуры. — Выше этого мѣста изображенъ земной шаръ, а съ каждой стороны его по фигурѣ урея или василиска, какъ обыкновенно бываетъ. Внизу фигуры Аммона — рыба, и у ней во рту, кажется, растеніе лотосъ. На оборотѣ — человѣкъ, ведущій серну или сайгу; одна рука надъ головою животнаго, на спинѣ у котораго сидитъ обезьяна. Кажется, эти фигуры идутъ между грядъ лотоса, ибо вся эта сторона монеты покрыта этими растеніями. Монета красиво сдѣлана, фигуры выпуклы и правильно очерчены, но нѣтъ іероглифическихъ знаковъ, по которымъ можно бы опредѣлить древность монеты.»

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О ГЕЦѢ ФОНЪ-БЕРЛИХИНГЕНѢ.

Постоянно ученые обнаруживали сомнѣніе, справедливъ ли и сходенъ ли съ дѣйствительностью характеръ Геца Берлихингена въ томъ видѣ, въ какомъ его представилъ Гёте въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, или поэтъ изобразилъ его въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ представляютъ его дѣйствительныя событія,—основываясь на жизнеописаніи, которое составилъ самъ Гецъ, можетъ быть не совсѣмъ безпристрастіемъ къ самому себѣ.

Digitized by Google

Недавно Профессоръ Цюпфль издалъ сочиненіе,* въ которомъ излагаетъ дѣйствія Берлихингена въ 1525 году, по современнымъ актамъ, доселѣ неизвѣстнымъ. Результатъ изслѣдованій Цюпфля слѣдующій: «все, сказанное «Гецомъ въ своемъ жизнеописаніи, подтверждается свидѣтельствомъ подлинныхъ современныхъ актовъ, и вообще «это жизнеописаніе можно назвать скромнымъ и совершенно «правдивымъ. Просмотрѣть акты процесса, веденнаго противъ Геца, нужно было уже и для того, чтобы очистить «одну изъ благородныхъ историческихъ личностей отъ «сомнѣній, на ней тяготѣвшихъ. Тѣмъ живѣе интересъ, «возбужденный открытіемъ этихъ актовъ, что они вполнѣ «оправдываютъ и Гёте, который въ своемъ поэтическомъ «прозрѣніи представилъ характеръ своего героя совершенно «чистымъ, и отдаетъ ему справедливыя похвалы, въ коихъ «теперь не можетъ отказать ему и самая строгая исто«рическая критика.»

Главный источникъ, изъ котораго Профессоръ Цюпфль почерпнулъ доказательства для вышеприведеннаго положенія, представился ему въ бумагахъ процесса, веденнаго Куръ-Майнцомъ противъ Геца Берлихингена, въ слѣдствіе убытковъ, причиненныхъ его области этимъ послѣднимъ во время такъ называемой крестьянской войны. Извѣстно, что уже въ 1522 году Гецъ фонъ-Берлихингенъ, за помощь, оказанную имъ Герцогу Ульрику Виртембергскому противъ Швабскаго союза, принужденъ былъ дать клятву, что онъ впредь не будетъ принимать никакого участія въ чьихъ либо непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ упомянутаго союза. Тогда Гецъ и выпущенъ изъ города Гейльбронна, гдѣ онъ находился въ заключеніи. Въ слѣдствіе участія, которое принялъ Гецъ въ большой междоусобной войнѣ, возникшей въ Германіи, онъ былъ вызванъ на судъ въ Аугсбургъ, куда и явился; здѣсь онъ просидѣлъ 2 года въ заключеніи, и уже въ 1530 году выпущенъ, давъ новую присягу и обѣщаніе жить постоянно въ своемъ помѣстіи

* Die Hauptmannschaft des Goetz von Berlichingen im grossen Bauernkriege vom Jahr 1525. Nach bisher ungedruckten Processacten. Eine akademische Rede von Dr. H. Zapfl. 1850 4°;

Digitized by Google

Горнбергъ и не выѣзжать оттуда. Эту вторичную присягу, какъ и первую, Гецъ объявилъ вынужденною и недѣйствительною. Тогда Куръ-Майнцъ въ 1531 году, на сеймѣ въ Нордлингенѣ, подалъ жалобу на Геца и требованіе заплатить ему убытки. Проф. Цюпфль представляетъ обстоятельную выписку изъ отчета, поданнаго Іоанномъ Дайкфусомъ, объ управленіи Геца фонъ-Берлихингена. Изъ него явствуетъ, какъ неохотно, почти вынужденно и только въ интересахъ дворянства, Гецъ рѣшился принять управленіе надъ крестьянами, и что занимая эту должность, онъ старался соблюсть неприкосновенными всѣ выгоды своего сословія. Тоже самое доказывается и показаніями 33 свидѣтелей, призванныхъ Гецомъ, и 25 актами; содержаніе каждаго изъ нихъ Г. Цюпфль излагаетъ съ большою подробностью.

Конечно всѣ эти свидѣтельства нѣкоторые могутъ назвать свидѣтельствами въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Но для изслѣдователя, вникающаго безпристрастно въ смыслъ новыхъ открытыхъ ему фактовъ, не подвержено сомнѣнію, что Гецъ фонъ-Берлихингенъ въ продолженіе всей своей исторической дѣятельности былъ ревностнымъ защитникомъ правъ своего сословія (дворянства), и вовсе не былъ, какъ представляютъ нѣкоторые, измѣнникомъ и перебѣжчикомъ.

Университетъ Гейдельберскій ежегодно празднуетъ день рожденія своего знаменитаго основателя, Карла Фридриха, отца своихъ подданныхъ, память котораго и доселѣ имъ священна. Профессоръ Цюпфль читалъ свое изслѣдованіе во время торжественнаго собранія, коимъ Университетъ празновалъ память своего основателя.

КАМЕННОУГОЛЬНАЯ ФОРМАЦІЯ ВЪ АМЕРИКѢ.

По послѣднимъ изслѣдованіямъ оказывается, что каменноугольные пласты въ Америкѣ залегаютъ тремя главными массами: большая средняя полоса тянется изъ Тускалуа (въ Алабамѣ) въ Пенсильванію и, по всей вѣроятности, простирается до новаго Брауншвейга и Новой Шотландіи; вторая полоса тянется на сѣверо-западъ отъ Кентуки, пересѣкаетъ Огайо и по Иллиноису пролегаетъ до Миссисипи; третія, меньшая, лежитъ между большими озерами Эри, Гурономъ и Мичиганомъ. Знатоки геологіи утвер-

Digitized by Google

ждаютъ, что это отдѣльныя части большаго каменноугольнаго пласта, который на поверхности занимаетъ въ длину 720 миль (до 5000 верстъ), въ ширину 180 миль (болѣе 120 верстъ). Пространство его, по умѣренному разсчету, должно быть 63000 кв. миль. Кромѣ того есть много отдѣльныхъ копей антрацита въ восточной Пенсильваніи, которая представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстонахожденій каменнаго угля въ мірѣ; эти антрацитовыя копи занимаютъ около 200 кв. миль. Изъ нихъ въ 1847 г. добыло три милліона тоннъ (болѣе 240 милл. пудовъ); изъ Филадельфіи отплыло 11429 кораблей съ этимъ горючимъ матеріяломъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ВЫШЕДШІЯ ВЪ ГИССЕНѢ.

Отчетъ объ успѣхахъ въ химіи, физикѣ, минералогіи и геологіи, издаваемый Либихомъ и Коппомъ вмѣстѣ со многими профессорами, вышелъ въ Гиссенѣ въ полномъ составѣ за 1849 годъ, и опять отличается богатствомъ содержанія и дѣльнымъ направленіемъ. Гиссенскій корреспондентъ газеты Allgem. Zeit. заявляетъ сожалѣніе, что не прибавлено въ краткомъ обзорѣ особаго перечня важнѣйшихъ результатовъ, а вмѣстѣ картины настоящаго состоянія науки, и обозначенія того, что впредь должно составлять предметъ изысканій, и какая для нихъ главная точка зрѣнія. Кромѣ этого Гиссенскіе профессоры оказываютъ большую ученую дѣятельность, Кнобель издалъ сочиненіе объ этнографической росписи въ книгѣ «Бытія»; Леопольдъ Шмидъ о духѣ католицизма. Либихъ приготовляетъ новый рядъ писемъ о Химіи, въ которыхъ особенно будетъ изложено происхожденіе и развитіе этой науки въ связи съ общею исторіею образованности; Гилдебрандъ занимается переработкою извѣстной своей Исторіи Нѣмецкой національной литературы со временъ Лессинга, которой первый томъ былъ уже изданъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪ ОТКРЫТІИ НОВАГО ТОРГОВАГО ПУТИ ДЛЯ СНОШЕНІЙ СЪ КИТАЕМЪ.

Поселеніе въ Троицкѣ Татаръ, да и вообще на Оренбургской и Сибирской линіяхъ, имѣло и не могло не имѣть вліянія на нашу Средне-Азіятскую торговлю.... Не мѣсто здѣсь входить въ объясненіе, какоезто вліяніе, и на сколько простирается его значеніе. Всякій, знакомый съ этою торговлею, а главное, имѣвшій случай и охоту наблюдать ее на мѣстахъ производства, можетъ положительно сказать, имѣется ли отъ того ущербъ или польза для производителей Русскихъ. Одно, чѣмъ только могутъ похвалиться Троицкіе Татары, и за что въ правѣ ожидать себѣ полной признательности, это — открытіе новаго пути для сношеній съ Китаемъ.

Давно уже носились слухи, что члены Остъ-Индской Компаніи хлопотали объ открытіи торговли съ Китаемъ черезъ Тибетъ, еще раньше о томъ, что на границѣ Китайской имперіи, въ городѣ Чугучакѣ многіе Средне-Азіятскіе народы производятъ съ выгодою для нихъ торговлю. Троицкіе Татары не могли не знать, или лучше, знали болѣе другихъ, на сколько простирается основательность этихъ слуховъ; да наконецъ, и всякій могъ замѣтить, что вывозъ изъ Россіи чаевъ въ Среднюю Азію, лѣтъ за шестнадцать тому бывшій значительнымъ, мало по малу не

Digitized by Google

только совсѣмъ прекратился, но даже сами Бухарцы стали привозить ихъ на линіи, особенно зеленый чай,* и снабжать имъ во врёмя переходовъ черезъ степи кочующихъ народовъ.

Въ 1844 году, нѣкоторые изъ Казанскихъ Татаръ, поселившихся въ Троицкѣ, побуждаемые предпріимчивостію, задумали составить между собою нѣчто въ родѣ компаніи съ самымъ ограниченнымъ капиталомъ; и въ то время, когда Англичане силою оружія на восточной границѣ Небесной Имперіи вносили произведенія своихъ фабрикъ и мануфактуръ, Русскіе подданные мирно, спокойно тянулись незнакомымъ путемъ черезъ безжизненныя, безотрадныя Киргизъ-Кайсацкія степи, по направленію къ западной.... Предпріятіе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, я не помню, гдѣ бы говорено было о сношеніяхъ нашихъ съ Чугучакомъ, кромѣ «Видовъ торговли,» въ которыхъ упоминается о провозѣ черезъ Оренбургскую линію байховыхъ чаевъ; да и врядъ ли можно сообщить что-нибудь неоспоримо вѣрное о нихъ. Недостаточность свѣдѣній одна изъ главныхъ тому причинъ; а кому неизвѣстно, съ какимъ трудомъ, съ какими усиліями получаются они отъ Азіятцевъ, и на сколько имѣютъ правды.

Всматриваясь во всѣ виды нашей Средне-Азіятской торговли, въ продолженіе не одного года, въ Троицкѣ, и собирая все, что можно собрать, до нея касающееся, мнѣ удалось въ послѣднее время получить нѣсколько данныхъ о сношеніяхъ нашихъ съ Чугучакомъ, которыми и спѣшу подѣлиться съ читателями.

Вотъ что разсказываетъ о пути изъ Троицка въ Чугучакъ одинъ изъ главныхъ компаньоновъ, лично открывшій его.**

---

* По всей вѣроятности, зеленый чай, вывозимый Бухарцами и продаваемый въ незначительномъ количествѣ въ Троицкѣ (отъ 1 руб. 50 к.—2 р. за фунтъ), получается ими изъ плантацій Ость-Индской Компаніи, разводимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Гималайскихъ горъ. Чай на вкусъ жестокъ и нисколько не ароматенъ.

** Изъ нарочно составленнаго имъ дневника и сообщеннаго мнѣ на Татарскомъ языкѣ.

Digitized by Google

«До 1844 года, по разнымъ своимъ обстоятельствамъ и по безпокойствамъ, дѣлаемымъ въ Киргизской степи возмутившимся султаномъ Киниесарою, я не могъ исполнить своего желанія — проложить прямой путь для пользы всего Русскаго торговаго сословія; въ этомъ же году, взявъ 70 верблюдовъ, навьючивъ каждаго товарами лучшихъ мануфактурныхъ произведеній, и 15 лошадей для себя и 12 работниковъ, отправился я въ предпринятый мною путь.

«Черезъ 15 дней пути встрѣтилъ я на берегу р. Ишима аулы полудикихъ Киргизъ, гдѣ, раскинувъ палатки и зарѣзавъ семь барановъ, угостилъ, по обычаю Киргизскому, ихъ біевъ и прочихъ аксакаловъ; кромѣ того, бію подарилъ хорошую шубу и *бертугызъ*,* и онъ, въ благодарность, предложилъ мнѣ хорошую лошадь. Эти Киргизы Киджачалинскаго рода, и имя бія Санасапъ-батырь. На прощанья сказалъ я имъ, что я свободный купецъ великой Россіи, и чтобы отпустили меня и работниковъ моихъ безъ всякихъ обидъ; на что отвѣчали они, что Киргизы не дѣлаютъ обидъ своему гостю, и проводили меня на пять дней пути.

«Отсюда, по 15-дневномъ пути, достигнулъ я до горы Джанли-чуки, и черезъ широкій проходъ горы Ирамана, пришелъ къ Киргизамъ Туртавильскимъ, и остановился въ аулѣ султана ихъ Чунмуруна, котораго, съ почетными его Киргизами, угостивъ, подарилъ ему на 5 чапановъ алаго сукна и бертугызъ (изъ товаровъ). Понимая меня, онъ съ сожалѣніемъ спросилъ: зачѣмъ я хожу въ такое опасное въ степи Киниссаринской время съ большимъ количествомъ товаровъ и малымъ числомъ работниковъ? — Дѣлаю это, отвѣчалъ я ему, уповая на Аллаха и надѣясь на своего Великаго Государя, который могущественъ. Послѣ такого отвѣта, признавъ меня за друга, онъ предупредилъ, что впе-

---

* *Берб*—одинъ, *тузгыб*—девять. Азіятскій обычай дарить со всего каравана почетному лицу девять даровъ; напримѣръ: сукна на чапанъ, плису на шальвары, миткалю на рубашку, и проч., называется бертугызъ.

Digitized by Google

реди есть разбойники, назыв. *Тюря-балалари* (дѣти благородныхъ), и что ихъ пять ауловъ. Узнавъ объ этомъ, я вооружилъ своихъ работниковъ, благополучно прошелъ мимо этихъ ауловъ, и черезъ пять дней пути дошелъ до мѣста, назыв. *Худжа-курги*, въ окрестностяхъ котораго есть большія горы и рѣка *Ачи-су* (соленая). На горахъ этихъ растетъ можжевельникъ, а по берегамъ рѣки камыши. Ачи-су, вода въ которой соленаго вкуса, перешелъ я вплавь, а товары перевезъ на камышевыхъ плотахъ; тутъ только я узналъ, что верблюдъ плаваетъ на боку (на ребрахъ).

«Отсюда, проходя между горами Арсланъ-тагъ (львиная гора) и Кукча-тагъ, и мимо горъ Абрали и Идрамяджикъ и по вершинамъ горъ Тулнари-миадакъ, остановился на ранинѣ у горы Акча-тагъ (денежная гора), у могилы *Кузы-курпачъ*, куда пришли и біи Кирейскихъ Киргизъ, которые спросили меня: что мы за люди? Разбивъ палатки, я угостилъ ихъ аксакаловъ, а бію Тюлямишу подарилъ на 5 паръ (платья) плису и семь концовъ юфти; и они, называя меня *чикмышемъ** Бѣлаго Царя, чрезвычайно хвалили, и еще больше радовались, когда я насказалъ имъ о свободѣ и правосудіи въ Россіи; и проводили меня на нѣсколько дней пути. По описаніямъ, мнѣ извѣстнымъ, Акча-тагъ почитается высокою горою; въ окрестностяхъ ея имѣется много источниковъ съ пріятною водою, и растеній душистыхъ травъ, также сѣнокосныхъ луговъ. По берегамъ рѣчекъ растутъ: осина, тальникъ, и у Киргизъ здѣсь кочующихъ и гостепріимныхъ, много скота довольно сытнаго.

«Отсюда, по берегу рѣки Бакасъ, черезъ семь дней пути достигъ рѣки Аягуза, вода въ которой прекраснаго вкуса. На этой рѣкѣ есть *Аягузское* укрѣпленіе, въ которомъ можно имѣть всѣ удобства для безбѣдной жизни; по берегамъ ея растутъ разныя деревья.

«Отъ рѣки Аягуза, черезъ степь Баянъ-караганъ, поднялся я на вершину горы Тарбагатай, гдѣ предупреждали меня не встрѣтиться съ Кинассарою или его сообщниками, а на горахъ Ала-тага съ Кизайскими Киргизами, живу-

---

* *Чиклакъ*—выходить, *чикмышъ*—выходецъ.

Digitized by Google

щими грабежемъ. Съ 1847 года Киргизы эти находятся въ ладу съ Русскими подданными. Тарбагатай—чрезвычайно высокая гора, и на вершинѣ ея весною бываетъ снѣгъ, и когда внизу, на равнинахъ, падаетъ дождь, на верху подымается снѣжный буранъ. Воздухъ здѣсь свѣжъ, здоровъ, и притомъ нѣтъ мухъ (мошекъ). Тутъ водятся животныя: медвѣди, волки, лисицы, дикія козы и олени; по берегамъ рѣки растутъ: береза, яблоня, черемуха; на поляхъ: малина, черника, земляника. Черезъ Тарбагатай пять проходовъ: первый — *Куталь*, второй *Джаули*, третій — *Чагаракъ*, четвертый — *Сай-ашу* и пятый — *Чаулекъ*; я перешелъ черезъ второй. На восточномъ склонѣ Тарбагатая есть золотые рудники, гдѣ народъ, назыв. *Дюнгаия*, подвѣдомственный Китаю, промываетъ золото.

«На пути отъ Таганая встрѣтился я съ великимъ султаномъ *Дуланбаемъ*, сыномъ Сюка, Байджагитской волости, подвластной Китайскому правительству, который весною кочуетъ на границѣ, у Чугучака, въ мѣстечкѣ, назыв. *Кулусъ-тай*, а зимовку имѣетъ въ Китайской имперіи, въ 50 верстахъ за Чугучакомъ, въ мѣстечкѣ *Актаме*, при рѣкѣ Ишилѣ, въ камышахъ, которыми и топятъ. Дуланбай — человѣкъ умный, богатый и очень набожный; бывалъ въ Пекинѣ у Китайскаго Императора, отъ котораго получилъ чинъ *голодая* и бѣлый камень* на голову. Когда я разсказалъ ему про нашего Великаго Государя и отечество, онъ, полюбивъ меня, угостилъ какъ нельзя лучше. Оставивъ на храненіе у него все свое имущество, и взявъ провожатыхъ, отправился я съ работниками въ Чугучакъ.

«На пути встрѣтилъ Китайскій пикетъ, назыв. *дикирмикаравиль* (двадцать караульныхъ, при которомъ командиромъ голодай. Поздоровавшись, онъ спросилъ у меня:

— Что вы за люди?

— Нашъ Императоръ находится въ дружественныхъ сношеніяхъ, и я вѣрноподданный Его, отвѣчалъ я ему.

— Откуда же ты?

— Изъ великаго государства, изъ Россіи.

---

* Стеклянные шарики для украшенія шапокъ у Китайскихъ чиновниковъ.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ вы можете идти въ Чугучакъ, сказалъ онъ; и далъ мнѣ въ провожатые Калмыковъ, вооруженныхъ стрѣлами.

«Отъ этого пикета Чугучакъ въ 20 верстахъ.

«Когда я пріѣхалъ въ этотъ городъ, меня повели тотчасъ въ таможню, назыв. *муй-танезя*, гдѣ начальникомъ ту-голодай, на головѣ котораго камень сердоликоваго цвѣта.

Когда я поздоровался съ ту-голодаемъ, по обычаю Китайскому, съ колѣнопреклоненіемъ, онъ спросилъ меня Откуда?

— Изъ Россіи, отвѣчалъ я, прибавивъ: нашъ Императоръ находится въ дружественныхъ сношеніяхъ съ вашимъ.

— Для чего же ты сюда пріѣхалъ?

— Торговать.

— Какіе же ты привезъ товары?

— У меня есть: сукно, юфть, плисъ, корольки, нанка, миткаль, и другіе.

— Хорошо....Объ этомъ я дамъ знать *Хабъ-амбалю* и посовѣтуюсь съ нимъ.

— Все въ вашей волѣ, отвѣчалъ я, и съ колѣнопреклоненіемъ сказалъ еще ему, что привезъ изъ моего отечества: королекъ въ 12 золотниковъ въ 400 цѣлковыхъ, часы — въ 300, зеркало-туалетъ — во 100, и друг.

«Вся наша бесѣда происходила черезъ переводчика, состоящаго со стороны Коканскаго ханства, имѣющаго Китайскій чинъ (званіе) *шангіа* и печать (довѣренность); его зовутъ Мухаммеджаномъ Мухаммедшариповымъ.

Съ подарками моими представили меня въ городъ къ Хабъ-амбалю.

Когда я поздоровался съ нимъ съ колѣнопреклоненіемъ, онъ удостоилъ принять ихъ, и когда узналъ цѣль моего пріѣзда, то сказалъ своимъ: этотъ человѣкъ подданный Царя Русскаго и вовсе не похожъ на Андижанца или Кошкарца, и потому возьмите съ него пошлины меньше и имѣйте надзоръ за нимъ, чтобы не притѣсняли его.

«Послѣ этого приказанія, я ввезъ свои товары въ таможню, и съ меня взяли пошлины съ 50 штукъ одну, а съ прочихъ, какъ Андижанцовъ и др., берутъ по одной съ 10.

«Когда, кончивъ свои торговыя сдѣлки, я собирался въ обратный путь, мнѣ предложили за половину взятой съ

Digitized by Google

меня пошлины — серебромъ,* и когда я отказывался отъ этого, то голодай сказалъ, что у насъ, въ Чугучакѣ, ничего не берутъ лишняго; я принужденъ былъ взять.

«Однажды, передъ отъѣздомъ, мнѣ удалось долго побесѣдовать съ Хабъ-амбалемъ. Онъ говорилъ мнѣ, что Англичане просятъ ихъ, чтобы они прекратили торговлю въ Чугучакѣ.

— Не вѣрьте имъ, отвѣчалъ я ему съ коленопреклоненіемъ: Англичане хотятъ только стѣснить васъ,—съ чѣмъ онъ и согласился.

«Послѣ этого я просилъ его, чтобы они доставляли мнѣ хорошій фамильный чай, а я, съ своей стороны, лучшей доброты мануфактурныя произведенія моего отечества.

«До сихъ поръ для Бухарцевъ и Ташкентцевъ доставляли низшіе сорта; я же просилъ у нихъ слѣдующіе: джангъ-джангудай, вангъ-джангудай, фунгъ-джангудай, пи-чунга, юн-лунча, чу и хунми.

«Съ этого времени они доставляютъ мнѣ хорошіе чаи, и съ каждымъ годомъ торговля наша усиливается; Китайскіе же купцы, имѣя ко мнѣ довѣріе, стали давать ихъ срокомъ на годъ, въ кредитъ.

«Но не могу не сказать, что нынѣ цѣна въ Чугучакѣ на наши товары понизилась; причиною тому мелкіе торговцы—Киргизы, назыв. *Казакъ*, Андижанцы, и другіе степные народы, которые съ малымъ количествомъ товаровъ поспѣшаютъ ихъ сбытомъ, заставляя тѣмъ и капиталистовъ сбавлять цѣны съ своихъ товаровъ.

«Разстояніе отъ города Троицка, Оренбургской губерніи, до города Чугучака, по проложенному мною пути черезъ Киргизъ-Кайсацкія степи полагаю въ 1900 верстъ.»

Пробѣжавъ эти строки, я увѣренъ, что не одинъ изъ читателей подумаетъ очень и очень о многомъ; а тѣ, которые сами лично принимаютъ участіе въ Кяхтинской торговлѣ, или которые интересуются ею, готовы бы были мнѣ предложить много и много вопросовъ.... Какимъ образомъ такъ легко удалось завязать торговлю въ Чугучакѣ

* Таэлами—сереб. монета.

Digitized by Google

Троицкимъ Татарамъ? Всякому неизвѣстно, какого рода сношенія въ Кяхтѣ, какимъ образомъ они тамъ происходятъ, и сколько трудовъ, капиталовъ, и проч. стоило для нихъ поддержанія.... Таковаго ли рода они въ Чугучакѣ? Не имѣютъ ли они какихъ особенностей? Какіе товары отправляются туда, какой доброты, сколько стоютъ на мѣстѣ, и въ какую цѣну сбываются тамъ?.... Наконецъ, могутъ ли, если не подорвать, то по крайней мѣрѣ нанести значительный ущербъ производителямъ мѣны въ Кяхтѣ?.... На эти вопросы и на сотню другихъ вопросовъ да позволено мнѣ будетъ отвѣчать въ другомъ мѣстѣ, въ другой статьѣ болѣе обширнаго объема;* тамъ я поговорю объ всемъ подробно, а теперь только прибавлю, что производителямъ торговли въ Чугучакѣ далеко-далеко выгоднѣе, нежели въ Кяхтѣ, прибыльнѣе рудниковъ въ Калифорніи, и будь капиталы, составься компанія.... успѣхъ несомнѣненъ. Близость разстоянія Чугучака отъ Ирбити и Нижняго-Новгорода, удобство и чрезвычайная дешевизна провоза чаевъ черезъ Степи** и сотня тому подобныхъ другихъ выгодъ, говорятъ ясно въ пользу его, а сбытомъ ихъ нечего затрудняться.. Киргизскія степи, Астраханскій край Кавказъ и Новороссійскій край — пространство огромное по величинѣ, требуютъ не менѣе значительнаго количества и чаю.... Пока, въ настоящее время, Чугучакскіе чаи сбываются изъ Троицка въ Казань и на Ирбитскую ярмарку....

Матѣй Ястребовъ.

Троицкъ, 1850.

---

* О торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Азіятскими народами, которая будетъ сообщена въ ред. Москвитянина.

** За наемъ верблюда, навьючиваемаго обыкновенно отъ 14–17 пудовъ, платится въ оба пути, отъ Троицка до Чугучака, смотря по времени, отъ 9–15 р. сереб. Поэтому чаи, вывозъ которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ въ прогрессіи невѣроятной, должны продаваться и продаются чуть ли не въ половину дешевле Кяхтинскихъ, особенно фамильный. Мѣсто фамильнаго чаю, въ 80 и болѣе фунтовъ, стоитъ самому хозяину, за всѣми издержками, въ Троицкѣ не болѣе 60 р.

Digitized by Google

промышленность осташкова.—Не смотря на то, что съ небольшимъ 70 лѣтъ, какъ Осташковъ возведенъ на степень города, онъ весьма замѣчателенъ въ промышленномъ отношеніи. Въ немъ употребляется отъ 20—30 т. пудъ соли на соленіе частью рыбы, но болѣе на приготовленіе солонины, которая отправляется въ Новгородъ и С.-Петербургъ, въ количествѣ оного 18½ т. пудъ.—Ловимою въ озерѣ Селигерѣ рыбою и снятками снабжаются ближайшіе города на сумму отъ 5—6 т. р. с. Въ томъ же Селигерѣ ловятъ и отправляютъ въ Москву ежегодно до 400 т. раковъ. Селигеръ и вообще озера въ Осташковскомъ уѣздѣ сроднили мѣстный народъ съ занятіями рыбною ловлею. Слѣдствіе такой промышленности то, что крестьяне этого уѣзда на издѣліе рыболовныхъ сѣтей и неводовъ употребляютъ ежегодно пеньки до 3½ т. п., и въ одну Финляндію отправляется разныхъ сѣтей на сумму отъ 7—12 т. р. с.— Выдѣлка кожъ есть давній промыселъ Осташей. На кожевенныхъ заводахъ выдѣлывается до 60 т. кожъ. Кромѣ того на одномъ заводѣ братьевъ Савиныхъ (дѣтей учредителя городоваго Осташковскаго банка Савина) выдѣлывается, для Австріи, Италіи и Англіи, отъ 60—70 т. юфтяныхъ кожъ, которыя болѣе 30 лѣтъ они отправляютъ на свой счетъ для продажи въ тѣ страны. Отъ одной этой фабрикаціи поселяне Осташковскаго и ближайшаго уѣздовъ пользуются выручкою отъ 35—40 т. р. с. наличными деньгами, за привозимую въ Осташковъ ивовую кору на дубленіе кожъ. Фабрикація кожъ укоренила и распространила въ Осташковѣ сапожное ремесло. Въ большой части домовъ, въ нижнихъ этажахъ, мужчины, женщины, совершеннолѣтніе и подростки шьютъ сапоги, которыхъ продается на мѣстѣ и отправляется по разнымъ губерніямъ до 100 т. паръ. — Нѣкоторые отдаленные кварталы въ Осташковѣ усѣяны, можно, сказать, кузницами, на которыхъ переработывается ежегодно желѣза отъ 8—10 т. п. Изъ этого количества выдѣлываютъ: до 15 т. топоровъ, 130 т. отличныхъ косъ, около 50 т. серповъ и 5 т. ножницъ для стрижки овецъ. — Эта разнообразная промышленность по числу населенія Осташкова (10½ т. душъ обоего пола) довершается производствами на фабрикахъ Гг. Савиныхъ. Кромѣ выдѣлки юфти, на нихъ

Digitized by Google

выпрядается до 35 т. пудовъ клоччатой бумаги. Рафинировался прежде сахаръ до 15 т. п., но съ 1841 г. это производство прекращено. Существующія нынѣ производства у Гг. Савиныхъ занимаютъ ежедневно до 900 чел. рабочихъ. При фабрикахъ почти всѣ свои вспомогательныя заведенія: чугунно-литейная, модельная, токарная, слесарная. Больница на 30 кроватей. — Для перевозки товаровъ по озеру Селигеру ближайшимъ путемъ къ С.-Петербургу, устроенъ отъ Гг. Савиныхъ пароходъ въ 36 силъ, дѣлающій постоянно рейсы съ 1847 г. Въ пароходѣ нѣтъ винтика, который бы не былъ сдѣланъ дома, и по красивости и отчетливости отдѣлки онъ не уступитъ ни одному частному пароходу на Невѣ.—Доказательствомъ промышленной дѣятельности въ Осташковѣ служитъ, между прочимъ, и то, что основный капиталъ городоваго банка Савина возросъ, въ 31 годъ, изъ 25 т. р. асс. въ 500,000 р. асс. — Какъ особенную черту мѣстныхъ нравовъ, замѣтимъ, что торговля по лавкамъ въ Осташковѣ, особенно красными товарами, ведется женщинами и дѣвицами: въ рѣдкой такой лавкѣ видѣнъ торгующій мужчина.

ПОСТОЯННЫЙ МОСТЪ ЧРЕЗЪ НЕВУ.—Во вторникъ, 21-го Ноября, въ день празднованія Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, совершено было открытіе, на пользу общую, постояннаго моста чрезъ рѣку Неву, названнаго Благовѣщенскимъ: насупротивъ моста, на Адмиралтейской сторонѣ, находится церковь Лейбъ-Гвардіи коннаго полка, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Жители столицы всѣхъ сословій, въ слѣдствіе распространившагося въ городѣ слуха, что въ этотъ день произойдетъ открытіе моста, съ утра наполнили все пространство, съ котораго только былъ видѣнъ новый мостъ. Англійская набережная, набережная Васильевскаго острова, улица, ведущая отъ новаго моста къ церкви Благовѣщенія, рѣка Нева и всѣ балконы и окна окружающихъ домовъ были наполнены народомъ. Въ одиннадцатомъ часу совершено было молебствіе и освященіе моста. Во второмъ часу прибыли Его Императорское Величество Государь Императоръ, Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, Герцогъ Лейх-

Digitized by Google

тенбергскій и особы, составляющія Высочайшую Свиту, и въ сопровожденіи огромной толпы, стремившейся за своимъ Монархомъ, отправились пѣшкомъ по новому мосту на противоположный берегъ Васильевскаго острова. Всѣ взоры устремились на Государя Императора, когда Онъ переходилъ по мосту. На Васильевскомъ островѣ толпы народа встрѣтили Его громогласнымъ ура, не перестававшимъ во все время, пока Онъ находился на островѣ. Между тѣмъ по мосту проѣхали Императорскіе экипажи. Обратное шествіе было слѣдующее: въ первой коляскѣ ѣхалъ Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, сопровождаемые толпою народа, который цѣплялся за ихъ экипажъ, во второй коляскѣ Великіе Князья Константинъ Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, въ третьей Великій Князь Николай Николаевичъ, а въ четвертой Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій. Стоявшій по обѣимъ сторонамъ на мосту народъ и слѣдовавшій за экипажами, громогласнымъ ура! сопровождалъ поѣздъ Императора и Его Семейства. За тѣмъ мостъ былъ открытъ для всѣхъ, и долго еще не рѣдѣли толпы, окружавшія это превосходное сооруженіе.

Такъ совершилось открытіе новаго украшенія нашей столицы, новаго памятника достославнаго царствованія Монарха, составляющаго гордость и радость всѣхъ Его вѣрноподданныхъ. *(Сѣв. Пч.)*

ГАЗОВОЕ ОСВѢЩЕНІЕ ВЪ ОДЕССѢ. — Мысль освѣщенія Одесскихъ улицъ газомъ принадлежитъ Князю М. С. Воронцову; но, по разнымъ обстоятельствамъ, она не могла быть приведена въ исполненіе до настоящаго года. 1-го Ноября происходилъ первый опытъ этого освѣщенія, и удался вполнѣ. Замѣчательно, что все устройство газоваго освѣщенія, начиная отъ чугунныхъ трубъ до газометровъ, произведено мѣстными способами города. Матеріаломъ для извлеченія газа избрано сало, производимое въ значительномъ количествѣ Южною Россіею. Зданіе для газометровъ устроено на карантинномъ спускѣ внизу де-Рибасовской улицы. Отсюда проведены на первый разъ подземныя трубы по де-Рибасовской и Ланжероновской улицамъ до пересѣченія ихъ Екатерининскою, по Екатерининской до Приморскаго бульвара, вдоль по всему бульвару и по оконечностямъ, въ этой сторонѣ, Ришельевской и Итальянской улицъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НЕКРОЛОГЪ АРХИМАНДРИТА МИТРОФАНА.

Въ ночь съ 19 на 20 Ноября, скончался, 59 лѣтъ отъ рожденія, извѣстный въ Москвѣ проповѣдникъ, Архимандритъ Митрофанъ, настоятель Богоявленскаго монастыря. Покойный, въ мірѣ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, родился, 2 Ноября 1791 г., Московской губ. Дмитровскаго уѣзда, въ селѣ Ивановскомъ, гдѣ отецъ его былъ дьячкомъ. Въ 1815 г., по окончаніи курса въ Заиконоспасскомъ училищѣ, онъ былъ назначенъ учителемъ риторики и поэзіи въ Перервинское училище, гдѣ и находился до 1814 года, когда былъ рукоположенъ въ священники въ Москву къ храму Іоанна Богослова, что въ Бронной. Въ слѣдующемъ году онъ былъ переведенъ къ храму Св. Николая Явленнаго, что на Арбатѣ, и въ продолженіе 22 лѣтъ находился іереемъ при этомъ храмѣ. Въ 1837 году, принявъ санъ иноческій, онъ былъ наименованъ Митрофаномъ, и посвященъ въ Архимандрита въ Московскій Златоустинскій монастырь. Перемѣщенный отсюда съ небольшимъ черезъ года въ Знаменскій, въ 1845 г. онъ былъ переведенъ наконецъ въ Богоявленскій, гдѣ и окончилъ дни свои.

Съ свѣтлымъ умомъ и увлекательною рѣчью покойный соединялъ и научное образованіе. Свѣдущій въ нѣсколькихъ

Digitized by Google

иностранныхъ языкахъ, онъ въ послѣдніе годы своей жизни выучился по-Англійски, такъ что даже могъ писать на этомъ языкѣ. Все свободное отъ службы время онъ посвящалъ чтенію духовныхъ книгъ и собственнымъ духовнымъ сочиненіямъ и переводамъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ любилъ сочинять духовные стихи на Рускомъ и Латинскомъ языкахъ. Изъ проповѣдей своихъ, которыя онъ говорилъ въ продолженіе 38 лѣтъ, онъ издалъ только нѣкоторыя, по выбору (двѣ книги въ этомъ году, а третья осталась приготовленною къ изданію). Изъ прочихъ трудовъ его напечатаны: Наставленія христіанину, въ письмахъ, сост. по Блозію (М. 1849); Хвалебное приношеніе вѣры св. Митрофану, духовное стихотвореніе (М. 1836); Радонежскій пустынникъ Сергій чудотворецъ, дух. стих. (М. 1840). Въ послѣднее время онъ сочинялъ духовное стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Товій», и успѣлъ написать только 5 пѣсенъ объ этомъ библейскомъ лицѣ. Сверхъ того, послѣ Архимандрита Митрофана остались неизданныя разныя духовныя сочиненія и недокончанныя записки о собственной жизни, кои, разумѣется, должны быть гораздо любопытнѣе и важнѣе прочихъ его опытовъ.— Прибавимъ, что онъ искренно любилъ отечество и принималъ живое участіе во всѣхъ судьбахъ его, особенно въ отношеніи къ духовенству и образованію.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

СУДЕБНОЕ ДѢЛО

О НЕСЧАСТНОЙ КОНЧИНѢ ГРАФИНИ Ф. ГЕРЛИЦЪ.

V.

(Критическій разборъ).

Со времени процесса Лафаржъ, сколько намъ извѣстно, ни одно дѣло не возбуждало въ такой степени общаго любопытства, какъ дѣло Штауффа, и конечно не безъ причинъ. Кончина Графини была странная и страшная, и потому дѣйствовала сильно на воображеніе каждаго и заставляла предполагать насиліе, тогда какъ виновнаго не имѣлось въ виду. Но главное въ томъ, что этотъ случай подоспѣлъ къ тому времени, когда разсматривался вопросъ о публичномъ судопроизводствѣ и о присяжныхъ, и когда большинство Нѣмецкаго общества было недовольно прежнимъ ходомъ уголовнаго судопроизводства. Въ этомъ отношеніи разсматриваемое нами дѣло сдѣлалось мѣркою достоинства двухъ системъ, равно какъ и указаніемъ на рѣшеніе вопроса, чего можно ждать отъ суда присяжныхъ, вводимаго повсюду въ Германіи. Похожи ли будутъ присяжные Нѣмцы на присяжныхъ Англичанъ или на присяжных[redacted]Французовъ? Наконецъ, въ дѣло вмѣшалась наука въ лицѣ людей, изъ которыхъ одинъ справедливо почитается первымъ изъ химиковъ нашего времени.

Теперь приговоръ произнесенъ, и осужденные понесли наказаніе. Толки умолкли. За то дѣло стало достояніемъ литературы, и конечно не одинъ человѣкъ еще займется прилежно его разсмотрѣніемъ.

Digitized by Google

Наши читатели знаютъ, въ какомъ состояніи найдено было тѣло Графини Гёрлицъ. Они вѣроятно припомнятъ также, что думаютъ о ея смерти эксперты: Положительнаго ничего, гипотезъ нѣсколько. Они утвердились на одной: *вѣроятно, Графиня была сперва оглушена ударомъ въ голову, потомъ удавлена, за тѣмъ сдѣланъ поджогъ.*

Значитъ, убійство совершено безъ остраго оружія.

Чтобы убить кого нибудь въ комнатѣ подобнымъ образомъ, надобно было войдти въ комнату.

Чтобы войдти въ комнату Графини, надобно было пройдти напередъ черезъ переднюю.

Стеклянная дверь изъ коридора въ переднюю была заперта изнутри, и ключь былъ вынутъ.

Дверь изъ передней въ жилую комнату была заперта изнутри, и ключь былъ вынутъ.

Итакъ, чтобы войдти въ комнату Графини, убійца поддѣльнымъ ключемъ долженъ былъ отпереть двѣ двери. Когда ключь вынутъ изъ замка, это возможно; когда не вынутъ, нельзя.

Конечно онъ могъ видѣть, вынутъ ли ключь изъ замка наружной двери: но вынутъ ли ключь изъ замка внутренней, никакъ не могъ ни знать, ни видѣть, потому что внутренняя дверь, находясь на боковой стѣнѣ и за каминомъ, была невидна отъ наружной.

Итакъ, чтобъ войдти въ комнаты, кромѣ поддѣльнаго ключа, онъ долженъ былъ запастись напередъ орудіемъ для выломанія внутренней двери и рѣшиться на это дѣломъ. Возможно ли это? По нашему нѣтъ.

Пусть однакожь онъ рѣшился. Представьте теперь, что женщина сидитъ въ своей комнатѣ, заперши двѣ двери на ключь. Кто-то, слышитъ она, отпираетъ дверь поддѣльнымъ ключемъ. Добраго въ этомъ предположить [redacted] ничего. Естественно она или будетъ защищаться, въ такомъ случаѣ поранитъ убійцу, изорветъ его платье и пр., или растворитъ или выбьетъ окно и будетъ звать на помощь. Новая невѣроятность предположенія.

Digitized by Google

Положимъ, Графиня могла спать — но зналъ ли это убійца? И если зналъ, могъ ли онъ быть увѣренъ, что она спитъ такъ крѣпко, что звукъ двухъ отпираемыхъ замковъ не разбудитъ ее?

Наконецъ, не могъ ли убійца войдти черезъ другую дверь, которая вела въ кабинетъ Графини изъ парадныхъ комнатъ? Странно, что на этотъ вопросъ не обращено въ процессѣ надлежащаго вниманія. Для убійцы выгода могла состоять въ томъ, что онъ долженъ былъ отпирать одну, а не двѣ двери, и притомъ, подкравшись тихонько, могъ видѣть въ замочную скважину, спитъ или нѣтъ Графиня. Но вѣроятно, входъ этой дорогой былъ не такъ удобенъ, какъ кажется намъ издали, потому что вечеромъ Графъ и его слуги для входа въ комнаты рѣшились выломать переднія двери, а не пройдти черезъ заднюю.

Задняя дверь, кажется, была постоянно заперта: обстоятельство, чрезвычайно облегчавшее преступленіе, если оно совершено домашнимъ человѣкомъ. Онъ могъ отпереть ее прежде, и никто бы этого не замѣтилъ. Странно, повторимъ опять, что на это не обращено никакого вниманія.

Наконецъ, убійца могъ имѣть поддѣльный ключь постоянно и могъ имѣть право входа къ Графинѣ. Но еслибъ было такъ, то конечно объ этомъ заговорили бы въ процессѣ.

Допустимъ однакожь, что убійца вошелъ какимъ бы то ни было образомъ. Какъ теперь онъ совершилъ убійство? Эксперты говорятъ: онъ оглушилъ Графиню сперва ударомъ въ голову, потомъ удавилъ. На удавленіе указываетъ языкъ, вытянутый впередъ; на ударъ щель въ черепѣ, которая могла произойдти и отъ огня.

Но если щель въ черепѣ могла произойдти отъ огня, [illegible]ему жь нужно предполагать оглушеніе ударомъ?

Извольте видѣть, слабый мужчина, каковъ Штауффъ, безъ этого не могъ бы удавить сильную женщину, какова была Графиня.

Здѣсь гг. эксперты сыграли жалкую роль. Они видимо были пристрастны, иначе имъ слѣдовало бы говорить объ убійцѣ вообще, а не объ Штауффѣ.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, въ предположеніи экспертовъ, убійца, вошедши въ комнаты, находитъ Графиню въ кабинетѣ. Ударомъ въ голову онъ оглушаетъ ее. Она борется съ нимъ, теряетъ башмакъ и бѣжитъ въ жилую комнату. Здѣсь она хватается за снурокъ колокольчика и обрываетъ его. Убійца наконецъ давитъ ее, зажигаетъ бюро и уходитъ.

Если ударъ въ голову былъ столь силенъ, что отъ него произошла щель въ черепѣ, то могло ли у женщины остаться столько силъ и сознанія, чтобы бороться, перейдти въ другую комнату, оборвать снурокъ и пр.? Это больше, чѣмъ сомнительно.

Убійца, нанесши первый ударъ, долженъ былъ приготовить платокъ, шарфъ или что подобное для удавленія. Если жертва могла еще бороться, то въ это время она растворила или разбила бы окно, чего однакожь не оказалось.

Во всемъ невѣроятность за невѣроятностью.

Не было ли здѣсь самоубійства?

Предположеніе это отвергается экспертами на томъ основаніи, что психологически невозможно, чтобы кто нибудь рѣшился на мучительную смерть посредствомъ огня.

Г. Мецъ допускаетъ, что Графиня отравилась и зажгла огонь для уничтоженія слѣдовъ. Могло быть.

Могло быть еще, что она хотѣла прекратить свою жизнь посредствомъ угара. И такъ она затворяетъ наглухо двери и окна и зажигаетъ огонь. Скоро слѣдуетъ безчувствіе. Пробужденная дѣйствіемъ острыхъ газовъ, она вскакиваетъ съ дивана, теряетъ башмакъ, бѣжитъ въ другую комнату, обрываетъ шнурокъ колокольчика, наконецъ падаетъ передъ горящимъ бюро безъ силъ.

Но не было причинъ для самоубійства.

Не былъ ли несчастный случай причиною смерти Графини?

Странное дѣло! То, что было вѣроятно въ Іюнѣ 1847 г., во время самаго событія, въ виду всѣхъ его слѣдовъ,

Digitized by Google

стало невѣроятнымъ въ Ноябрѣ того жъ года, когда всѣ слѣды истреблены. Страннѣе еще, что въ продолженіи всего процесса не нашлось человѣка, который бы вздумалъ развить предположеніе несчастнаго случая съ надлежащей полнотой и отчетливостью!

Не изслѣдовано:

a) Не имѣла ли покойная Графиня обыкновенія курить сигары, папиросы или что подобное?

b) Не держала ли она въ бюро витой свѣчи?

c) Не держала ли она горючихъ жидкостей, напр. одеколона, Гофманскихъ капель?

d) Не держала ли она въ бюро фосфорныхъ спичекъ?

Послѣднее особенно вѣроятно по образу жизни покойной.

Теперь можно составить нѣсколько весьма вѣроятныхъ предположеній. Во всѣхъ причиною несчастія будетъ загорѣвшееся бюро.

Самое несчастіе могло произойдти такъ и иначе.

Во-первыхъ — кому не случалось, зажигая фосфорную спичку, зажечь цѣлую коробку? Если теперь на Графинѣ былъ завязанный шейный платокъ, шарфъ или что подобное, если загорѣлась верхняя часть платья, то остальное будетъ ясно. Бросивъ горящую коробку спичекъ куда попало, на этотъ разъ въ бюро, она бѣжитъ къ двери, но находитъ ее запертою. Хочетъ звонить, но обрываетъ шнурокъ; тогда она бѣжитъ въ другую комнату, чтобы выйдти въ заднюю дверь — заперто. Она бросается на диванъ, думая потушить огонь, но и диванъ загорается. Вставши съ дивана, она теряетъ башмакъ и бѣжитъ опять въ жилую комнату, думая, можетъ быть, выброситься въ окно, или черезъ окно звать на помощь, или вспомнивъ, гдѣ ключь; но передъ горящимъ бюро падаетъ безъ силъ и умираетъ отъ задушенія. Въ этомъ предположеніи усиліе сорвать шейный платокъ могло произвесть признаки удавленія.

Во-вторыхъ, въ жаркое время года фосфорныя спички могли загорѣться сами собою. Извѣстно, что онѣ свѣтятся въ темнотѣ, значитъ горятъ. Всякому, вѣроятно, случалось замѣтить, что кончики цѣлой коробки спичекъ обугли-

Digitized by Google

вались въ тепломъ мѣстѣ. Предположимъ теперь, что спички загорѣлись въ нижнемъ ящикѣ бюро, а Графиня спала или сидѣла въ кабинетѣ. Замѣтивъ дымъ и смрадъ, она бросается къ бюро, и, наклонившись, открываетъ ящикъ. При вольномъ доступѣ воздуха пламя вспыхиваетъ и зажигаетъ верхнюю часть платья и волосы. Все остальное сдѣлается также, какъ и въ первомъ предположеніи.

Присутствіе эѳира, одеколона, духовъ, спирта, разумѣется, должно было усилить горѣніе и ускорить бѣдствіе.

Въ-третьихъ — въ пожарѣ и смерти Графини могло играть важную роль висѣвшее надъ софой зеркало. Это предположеніе, съ перваго раза странное, теперь кажется намъ самымъ вѣроятнымъ. Жаръ отъ горѣнія бюро былъ столь великъ, что на разстояніи двухъ футовъ обуглилось человѣческое тѣло, а на разстояніи девяти футовъ обгорѣли свѣтильни стеариновыхъ свѣчъ. Дерево, которымъ оклеена была рама зеркала, скороблено и отстало. Опытъ Бишофа показалъ, что теплота здѣсь дѣйствовала лучами. И такъ неминуемо лучи отразятся отъ зеркала. А отразившись, они достигнутъ, или почти достигнутъ дивана въ кабинетѣ. При маленькой неправильности зеркала лучи могутъ сосредоточиться. Этому сосредоточенію могутъ содѣйствовать и самыя окраины (фацеты) зеркала, даже самый воздухъ, спертый и химически измѣненный продуктами горѣнія. Итакъ

Я представляю себѣ страшную картину. Бюро загорается и разгорается, тогда какъ Графиня спокойно спитъ на диванѣ. Несчастная, зажженная отраженными отъ зеркала лучами, просыпается объятая пламенемъ. Испуганная, не понимая ничего, задушаемая газами, она бѣжитъ, теряетъ башмакъ, выходитъ въ другую комнату къ двери—дверь заперта, обрываетъ снурокъ—нѣтъ помощи, бѣжитъ къ окну, но здѣсь, близъ центра пожара, падаетъ обезсиленная, задушенная. Скоро за тѣмъ слѣдуетъ смерть.

Жаль, что г. Бишофъ не дополнилъ своего прекраснаго опыта зеркаломъ.

Digitized by Google

Но еще болѣе жаль того, что эксперты, обсуживая вопросы о смерти Графини, не обратили вниманія на совокупность обстоятельствъ. Допустимъ по ихнему, что смерть не могла произойдти отъ огня. — Но она могла произойдти отъ удушенія, отъ угара, даже отъ испуга или отъ усилій сорвать съ шеи пылающій платокъ, наконецъ отъ всего вмѣстѣ.

Какъ бы то ни было, предположеніе несчастнаго случая проще, естественнѣе, правдоподобнѣе, чѣмъ предположеніе внѣшняго насилія или самоубійства. Въ немъ объясняются всѣ обстоятельства, до послѣдней мелочи, тогда какъ въ предположеніи внѣшняго насилія не объясняется ничто. Въ пользу нашего предположенія говоритъ и то, что оно, какъ замѣчено выше, пришло первое въ голову всѣмъ: Графу, его прислугѣ, Надворному суду, врачамъ, свидѣтелямъ. А первое впечатлѣніе всегда самое чистое и надежное.

Положимъ, однакожь, что оба предположенія, т. е. внѣшнее насиліе и несчастный случай, одинаково правдоподобны. Не знаю, какъ по-Нѣмецки, а по-человѣчески изъ двухъ равносильныхъ предположеній то лучше, въ которомъ не обвиняется никто. Мы знаемъ, что есть много людей, даже мужчинъ, которымъ постоянно грезятся насиліе, отравленіе, злоумышленіе; но знаемъ также, что большая часть бѣдствій происходитъ отъ неосторожности, а не отъ злодѣйства. Но если бъ каждый случай изслѣдовать и обсуживать такъ, какъ изслѣдована и обсужена смерть Графини Гёрлицъ, то число бѣдствій отъ суда чуть ли не сравнилось бы съ числомъ бѣдствій отъ неосторожности и злоумышленія, вмѣстѣ взятыхъ. Вѣдь на каждый случай нашелся бы одинъ, на иные два, три, четыре виноватыхъ. А если прибавить еще къ виновнымъ за *Begunstigung* отцевъ, братьевъ, дѣтей, то много ли осталось бы правыхъ?

На чемъ основывается обвиненіе Штауффа?

Во-первыхъ, на его прежней жизни и характерѣ;

Во-вторыхъ, на томъ, что онъ одинъ былъ дома въ день смерти Графини;

Digitized by Google

Въ-третьихъ, на дикихъ взглядахъ, нѣсколькихъ словахъ, на сильномъ потѣ въ слѣдующую ночь.

Въ-четвертыхъ, на вещяхъ, найденныхъ у его отца и дошедшихъ къ послѣднему отъ него.

Въ-пятыхъ на покушеніи отравить Графа.

1. *Жизнь вѣтреная, характеръ лживый.* Вѣтреность видна изъ связи съ одной дѣвушкой, Христиной Борнъ, и невѣрности ей, что доказывается употребленіемъ *balzamum copaivae.* Лживость характера видна изъ показаній свидѣтелей и изъ самаго слѣдствія. Онъ путался въ отвѣтахъ.

Не знаемъ, принялъ ли бы кто нибудь серьезно подобныя вещи, и не для шутки ли онѣ поставлены на видъ присяжнымъ. Что за связь между *balzamum copaivae* и причиною его употребленія съ убійствомъ и грабежемъ? По чести никакой. Но съ другой стороны нѣтъ ли связи между balzamum copaivae и уксуснокислой мѣдью? Не употреблялъ ли Штауффъ послѣднее вещество съ тою же цѣлію, какъ и первое? Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что иногда употребляютъ это лекарство въ нашемъ простомъ народѣ. Почему жь въ этомъ случаѣ онъ не сказалъ правды передъ судомъ? Да потому, что боялся, что ему развратъ поставятъ въ тяжкую вину, и въ доказательство главнаго обвиненія, *какъ и случилось.* Это глупо, но не для Штауффа.

Сколько мы можемъ судить, Штауффъ человѣкъ пустой, болтливый, неспособный связно думать и говорить, также какъ и дѣйствовать. Такіе люди, у которыхъ, по Русской пословицѣ, на недѣлѣ семь пятницъ, способны къ тысячѣ проступковъ, но рѣдко способны къ тяжкимъ преступленіямъ. Слѣдовательно характеръ, лживый по выраженію, принятому въ процессѣ, болтливый и вздорный по нашему, скорѣе служилъ бы къ оправданію его въ настоящемъ случаѣ, чѣмъ къ обвиненію. Что касается до показаній передъ судомъ, запутанность ихъ объясняется съ одной стороны недостаткомъ ума и образованности, съ другой самымъ ходомъ дѣла. Умный и образованный человѣкъ взвѣшиваетъ фактъ, о которомъ его спрашиваютъ, и потомъ не отпирается, а объясняетъ его, потому что очень хорошо понимаетъ, что, отпираясь, онъ навлечетъ на себя большее подозрѣніе: человѣкъ слабаго ума и недо-

Digitized by Google

статочнаго образованія отпирается отъ каждаго факта, въ которомъ ему представляется что нибудь опасное. Въ воскресенье, въ полдень, въ одинъ домъ приходитъ плотникъ спрашивать работы. Его видѣли всѣ. Въ ночь на понедѣльникъ въ этомъ домѣ зарубленъ хозяинъ. Утромъ по чему-то подозрѣніе падаетъ на этого плотника. Его берутъ. Онъ знаетъ объ убійствѣ.

«Былъ ты въ воскресенье въ этомъ домѣ?

— Нѣтъ, знать не знаю.

«Лжешь. Тебя видѣли.

— Знать не знаю.

«Гдѣ жь ты былъ въ полдень?

Чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, онъ говоритъ, что онъ былъ на другомъ концѣ города. Справка. Разумѣется, оказалась ложь.

«Ты солгалъ. Ты не былъ тамъ, гдѣ показываешь.

— Былъ, ей-Богу, былъ.

«Лжешь. Вотъ улики.

Послѣ нѣкотораго времени онъ говоритъ, что былъ въ другомъ мѣстѣ. Опять таже исторія. Подозрѣніе ростетъ и ростетъ.

Это вымыслъ. Но думаетъ ли кто нибудь, что такіе случаи рѣдки? Напротивъ, они встрѣчаются почти въ каждомъ процессѣ и въ каждомъ допросѣ.

А въ настоящемъ случаѣ самыя обстоятельства дѣла, какъ мы увидимъ ниже, располагали подсудимаго къ запирательству и путаницѣ.

2. *Онъ былъ одинъ дома въ день смерти Графини.*

Надобно замѣтить, что помѣщеніе служителей было въ нижнемъ, а помѣщеніе Графини во второмъ этажѣ. По этому онъ могъ быть дома и не знать, что тамъ дѣлается. Притомъ онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ дому. Несчастіе могло совершиться въ то время, когда его не было, и въ этомъ случаѣ онъ не могъ слышать звонка. Въ девятомъ часу, именно въ то время, когда видѣли пламя въ кабинетѣ, онъ ужиналъ: вещь странная для человѣка, совершившаго въ первый разъ столь страшное преступленіе. Жена Шиллера, пришедши въ домъ, нашла дверь не запертою. Оставитъ ли незапертою дверь человѣкъ, рѣшившійся

Digitized by Google

на убійство, во время самаго совершенія убійства? Какъ-то мудрено.

Это доказательство однакожъ было бы сильно и важно, если бы положительно было извѣстно, что покойная погибла отъ стороннаго насилія. Но вѣроятно (wahrscheinlich) не значитъ вѣрно (gewiss), и о вѣроятномъ судитъ каждый по своему, тогда какъ о положительно-вѣрномъ всѣ одинаково. Читатели видѣли это выше.

3. *Дикіе взгляды, слова, потъ итп.* Не надобно быть ни психологомъ, ни наблюдателемъ, чтобы убѣдиться, что такія доказательства совершенно ничтожны. Они обыкновенно основываются на показаніяхъ свидѣтелей съ раздраженнымъ воображеніемъ, большею частію женщинъ или женоподобныхъ мужчинъ. Особы такого рода одарены сильною способностію увѣряться *добросовѣстно*, что они видѣли то, чего вовсе не видали, даже видятъ то, чего вовсе не видятъ. Прошло полгода или болѣе между смертью Графини и допросомъ свидѣтелей, и въ эти полгода въ домѣ постоянно толковалось о несчастномъ событіи, припоминались и, разумѣется, преувеличивались всѣ мелочныя обстоятельства. Мудрено ли, что г-жѣ Шиллеръ стали грезиться и дикіе взгляды, и необыкновенный потъ, и разные слова?

Мужъ ея показываетъ, напр., что во время его прогулки ему какъ будто шепталъ кто-то, что дома несчастливо. Онъ жалѣетъ, что не послушался этого внутренняго голоса.

Можетъ быть, но принимать подобныя вещи за что-нибудь въ уголовномъ дѣлѣ нелѣпо.

Если и правда, что Нитауферъ странно взглянулъ на г-жу Шиллеръ, что онъ сильно потѣлъ, что когда-то онъ сказалъ въ сердцахъ: *желалъ бы я, чтобы Графиня сгорѣла со всѣми своими драгоцѣнностями*, все-таки это ровно ничего не значитъ. Что сильный потъ могъ быть послѣдствіемъ тѣлесной усталости и душевнаго потрясенія, это очень просто. А то и другое было необходимо во всякомъ случаѣ. Нельзя не быть равнодушнымъ при видѣ трупа, обезображеннаго огнемъ, нельзя не утомиться при тушеніи

Digitized by Google

пожара. Далѣе, за нѣсколько времени у Графини загорается бюро *съ драгоцѣнностями*. Служители тушатъ огонь и, разумѣется, по общему обычаю всѣхъ служителей въ мірѣ, ждутъ подарка. А его нѣтъ. Разсердившись, одинъ изъ нихъ говоритъ: я желалъ бы, чтобы она сгорѣла со всѣми своими драгоцѣнностями.

Впрочемъ подобныя доказательства въ среднихъ вѣкахъ принимались серьезно. Если кто-нибудь говорилъ другому сегодня: *чортъ тебя побери*, а черезъ годъ чортъ побиралъ его въ самомъ дѣлѣ, то виновнымъ почитался не чортъ похититель и не человѣкъ похищенный, а тотъ, кто сказалъ: «чортъ тебя побери.»

Не знаемъ, право, смѣяться ли или сѣтовать объ томъ, что подобныя вещи дѣлаются въ Германіи въ половинѣ XIX вѣка.

4. У Штауффа-отца нашлись вещи, происхожденія которыхъ онъ удовлетворительно объяснить не могъ. Оказанныя Графу Гёрлицу, эти вещи признаны послѣднимъ принадлежавшими его женѣ и пропавшими во время пожара и кончины Графини. По позднѣйшему сознанію подсудимыхъ эти вещи дошли къ отцу отъ сына, кромѣ платиноваго кольца, которое будто бы принадлежало умершей женѣ Штауффа и было у ней уже до брака, совершеннаго въ 1815 году. Но по показанію Берлинскаго ювелира Госзауера и доктора Либиха платина тогда еще не обработывалась на подобныя издѣлія.

Изъ этого слѣдуетъ, что *вещи похищены Штауффомъ во время убійства изъ бюро, гдѣ онѣ хранились, и самое убійство совершено именно для ихъ похищенія.*

Доказательство важное. Признаемся, что на минуту мы сами были увлечены имъ, и только впослѣдствіи оно потеряло силу въ нашихъ глазахъ.

Еслибъ Штауффъ задумалъ убить Графиню, для того чтобы завладѣть ея драгоцѣнностями, то конечно напередъ онъ подсмотрѣлъ бы, гдѣ онѣ хранились, и въ такомъ случаѣ не похитилъ бы вещей, стоющихъ нѣсколько сотъ, и не оставилъ бы вещей, стоющихъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Положеніе Штауффа, какъ служителя Гра-

Digitized by Google

фини, давало ему всю возможность знать, гдѣ хранятся ея драгоцѣнности. Онъ могъ украсть ихъ и безъ убійства, а при убійствѣ какая была причина ограничиться похищеніемъ мелочей?

Уже адвокаты замѣтили, что, далѣе, Штауффъ могъ украсть эти вещи: а) во время разбора кучи угольевъ послѣ пожара, и въ этомъ случаѣ вещи послѣ могли быть отчищены; b) прежде смерти Графини; c) послѣ смерти ея, буде онѣ хранились гдѣ-либо отдѣльно отъ другихъ вещей. Всѣми этими предположеніями разрывается связь между пріобрѣтеніемъ вещей и убійствомъ: онѣ дѣлаютъ Штауффа заподозрѣннымъ въ покражѣ.

Такъ, кажется, думали и оба адвоката; а потому, отклоняя отъ своего кліента обвиненіе въ убійствѣ и поджогѣ, они не заботились объ отклоненіи отъ него обвиненія въ воровствѣ.

Сами подсудимые долго запирались и путались, наконецъ Іоганнъ Штауффъ объявилъ, что эти вещи подарены ему Графомъ Гёрлицомъ тайно для доставленія отцу, и доставлены послѣднему черезъ другаго сына Якоба.

Объясненіе странное, которое кажется сказкой. Но

Le vrai n' ẽst pas toujours vraisemblable.

Надобно замѣтить, что Штауффъ самъ не могъ осмыслить своего показанія, стало быть не понималъ всей его важности. А важность оно имѣло слишкомъ большую.

Мы съ своей стороны не знаемъ, правду ли говоритъ Штауффъ или нѣтъ, и такъ не говоримъ ничего утвердительно. И потому наши слова не должно считать за обвиненіе, а только за сближеніе показанія Штауффа съ обстоятельствами дѣла.

Графиня умерла 13-го Іюня.

Страховое общество спрашиваетъ Графа, не пропало ли чего драгоцѣннаго во время пожара? Графъ отвѣчаетъ, что не пропало ничего.

Штауффъ показываетъ, что 20 Іюня, слѣдовательно черезъ недѣлю по смерти Графини, онъ получилъ отъ Графа въ подарокъ нѣкоторыя туалетныя вещи покойной. На вопросъ Штауффа: что онъ будетъ изъ нихъ дѣлать?

Digitized by Google

Графъ отвѣчалъ, что онъ можетъ передать ихъ отцу, а тотъ продастъ; но что онъ долженъ строго хранить тайну, потому что эти вещи въ завѣщаніи Графини предоставлялись третьему лицу.

Въ ожиданіи отца Штауффъ держалъ эти вещи дома, но чрезъ нѣсколько дней Графъ спросилъ его: гдѣ вещи? И потомъ велѣлъ удалить ихъ куда-нибудь изъ дому. По этому Штауффъ спряталъ ихъ въ кустарникѣ за городомъ, указалъ мѣсто своему брату Якобу, и тотъ передалъ вещи отцу.

Въ показаніяхъ онъ путался потому, что обѣщалъ Графу строгую тайну.

Генрихъ Штауффъ (отецъ) показываетъ, что 7-го Іюля онъ встрѣтился съ Графомъ, при чемъ послѣдній сказалъ ему: «я подарилъ кое-что твоему сыну для передачи тебѣ. Ты можешь продать подъ рукой. Не безпокойся, не краденое». Послѣ этого вещи переданы ему его сыномъ Якобомъ. Якобъ Штауффъ подтверждаетъ показанія отца и брата. Въ отвѣтахъ они путались потому, что боялись повредить Іоганну Штауффу.

Спрашивается теперь: была ли причина Графу дарить вещи Штауффу съ тѣми приказаніями, какія онъ будто бы далъ при этомъ Штауффу?

Графъ отвѣчаетъ, что если бы онъ хотѣлъ сдѣлать подарокъ служителю, то далъ бы деньги, а не вещи, и притомъ безъ всякой тайны.

Глупость Штауффа доказывается ясно его показаніемъ. Графъ велѣлъ ему хранить тайну, потому что эти вещи, стоившія 600 флориновъ, завѣщаны другому лицу. Причина, можетъ быть, годная для Штауффа, которому 600 флориновъ могли быть дороги, но конечно не для Графа. Кто повѣритъ этому? Очевидно для всѣхъ, даже для г. Эммерлинга, что Штауффъ лжетъ.

Но не очевидно для насъ. За этой причиной могла крыться другая, гораздо важнѣйшая.

Графиня умерла, сгорѣла. Производится изслѣдованіе. Одинъ изъ производителей слѣдствія, г. Пургольдъ, предполагаетъ насильственную смерть, и составляетъ 26 пунктовъ доказательствъ.

Digitized by Google

Графъ хлопочетъ о потушеніи дѣла. Надворный судъ рѣшаетъ слишкомъ поспѣшно и опрометчиво, что Графиня умерла и сгорѣла отъ несчастнаго случая. Тѣло преждевременно предано землѣ.

Для общественнаго мнѣнія опредѣленіе Надворнаго суда конечно не могло быть закономъ. Извѣстно далѣе, что болтливость, сплетничанье стараются всегда представить дѣло съ дурной стороны, а легковѣріе принимаетъ все безъ разбора.

Заговорили въ обществѣ, что дѣло не чисто. Графъ заподозрѣнъ общественнымъ мнѣніемъ. Его старанія о скорѣйшемъ погребеніи, его сопротивленіе вскрытію трупа, можетъ быть, и его прежняя жизнь, усилили подозрѣніе.

Это не могло не быть извѣстнымъ, по крайней мѣрѣ не придти въ голову Графу. Не могло не придти въ голову и то, что слухи современемъ могутъ возбудить судебное преслѣдованіе. Да и безъ того для свѣтскаго человѣка общественное мнѣніе не шутка.

Въ случаѣ судебнаго преслѣдованія на кого падетъ обвиненіе? Или на Графа, или на Штауффа, или на обоихъ вмѣстѣ. Доказательствъ нѣтъ ни противъ кого, тѣмъ не менѣе подозрѣніе возможно.

Чтожъ теперь дѣлать, чтобы отклонить подозрѣніе отъ себя? Лучшее средство извести его на Штауффа.

Если у Штауффа найдутся вещи, принадлежавшія Графинѣ, то подозрѣніе будетъ имѣть нѣкоторое основаніе.

Вотъ цѣль, для которой Графъ могъ подарить Штауффу вещи, и подарить такъ, какъ, по словамъ Штауффа, онъ подарилъ ихъ въ самомъ дѣлѣ, т. е. подъ глубокой тайной.

Если Штауффъ передастъ эти вещи также подъ секретомъ отцу, если тотъ будетъ задержанъ при продажѣ, то очевидно, что онъ и сынъ спутаются въ показаніяхъ. Ничего не могло быть вѣрнѣе этого разсчета, особенно при извѣстномъ характерѣ обоихъ.

И такъ, вещи, по словамъ Штауффа, вещи отданы ему Графомъ тихонько. Черезъ недѣлю подтвержденіе, чтобы онъ не держалъ ихъ дома, и Штауффъ дѣлаетъ глу-

Digitized by Google

пость,—прячетъ вещи за городомъ. Могло быть, что онъ и не передастъ ихъ отцу. И такъ Графъ дично увѣдомляетъ и отца, что онъ подарилъ кой-что сыну именно для передачи ему.

Во всемъ этомъ покуда не видно намѣренія взвести формально уголовное обвиненіе; видно только желаніе отклонить отъ себя ложное подозрѣніе взведеніемъ его на другаго.

Чей-то невидимый глазъ слѣдитъ за Штауффомъ-отцемъ, такъ что, при первой попыткѣ его продать вещи, его задерживаютъ, хотя не было ни малѣйшихъ причинъ подозрѣвать его въ незаконномъ ихъ пріобрѣтеніи. Ибо ни отъ кого не было объявлено объ ихъ пропажѣ.

Въ домѣ между тѣмъ разыгрываются иныя сцены. По мѣрѣ того, какъ въ обществѣ растетъ подозрѣніе противъ Графа, здѣсь растетъ подозрѣніе противъ Штауффа. По смерти Графини Штауффъ хочетъ выйдти изъ службы въ домѣ, потому конечно, что ему, какъ служителю именно Графини, нечего было дѣлать. Его удерживаютъ. Кромѣ его оставались: старый, преданный Графу камердинеръ Фр. Шиллеръ съ маленькимъ сыномъ (жена Шиллера жила не подалеку); кучеръ Шембсъ, недругъ Штауффа, и кухарка Марія Гаубахъ. Послѣдняя была предана Штауффу. Ее удаляютъ неизвѣстно почему, и вмѣсто ея помѣщается другая, Маргарита Эйрихъ, пріятельница Шембса, да вступаетъ въ домъ въ званіи экономки Марія Кафенбергеръ. Эта женщина искала мѣста въ графскомъ домѣ еще при жизни Графини. При самомъ вступленіи ее увѣрили, что она и получила бы его, еслибъ Штауффъ не задержалъ у себя посланнаго къ ней Графинею письма (вещь, кажется, невозможная).

Теперь Штауффъ окруженъ людьми ему враждебными, которые подсматриваютъ за нимъ, прислушиваются къ его словамъ, ловятъ его взгляды, осматриваютъ его комнату, напр. напр. Къ нимъ присоединяется, по простодушію, и семейство Шиллеръ.

Шембсъ сооритъ Штауффа съ его любовницей. Глупецъ предается грубому разврату.

Digitized by Google

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 1 Октября по поводу дѣла Праленъ подозрѣніе противъ Графа Гёрлица высказано печатно.

6 Октября два событія. Въ Касселѣ схватили отца Штауффа съ вещами, (слѣдовательно начинается обвиненіе Штауффа); въ Дармштадтѣ Графъ отвѣчалъ печатно на обвинявшую его статью Deutsche Zuschauer, (слѣдов. начинается оправданіе Графа.)

Совпаденіе числа очень просто. Для доставленія извѣстія изъ Касселя въ Дармштадтъ нужно нѣсколько часовъ. Итакъ 6 числа Графъ легко могъ знать, что Штауффъ задержанъ съ вещами.

Разумѣется, слухъ объ арестѣ и о причинахъ ареста отца Штауффа возбудилъ подозрѣніе противъ сына. Штауффъ сынъ узнаетъ объ немъ и говоритъ Графу. Графъ успокоиваетъ его.

Можетъ быть, на томъ дѣло бы и остановилось. Подозрѣніе осталось бы подозрѣніемъ. Но заговорили другія газеты. Пошла рѣчь о томъ, что Графъ долженъ очистить себя отъ подозрѣнія судебнымъ порядкомъ.

19-го Октября, когда дѣло Штауффа отца было уже въ ходу, Графъ напечаталъ слѣдующее объявленіе. «Нѣкоторыя газеты занимаются до сихъ поръ дѣломъ о смерти моей жены. Я счелъ поэтому нужнымъ просить Великогерцогскій надворный судъ объ изслѣдованіи.»

Судъ отказалъ, по неимѣнію достаточныхъ причинъ. Но достаточныя причины найдти теперь было нетрудно. Стоило соединить два дѣла. Графъ настаиваетъ, и судъ наконецъ наряжаетъ въ слѣдователи одного изъ своихъ членовъ.

Какой-то знакомый солдатъ говоритъ Штауффу, что его скоро позовутъ къ допросу. Встревоженный этимъ и зная объ арестѣ своего отца, Штауффъ въ другой разъ является къ Графу; и въ другой разъ Графъ успокоиваетъ его, хотя и говоритъ утвердительно, что Надворный судъ производитъ слѣдствіе. Это обстоятельство, повидимому, маловажное, доказываетъ, что подозрѣніе, если не явно, не письменно, то тайно, словесно уже заведено было на Штауффа передъ судомъ, и слѣдоват. напрасно Графъ пока-

Digitized by Google

зываетъ, что до покушенія на отравленіе его самого ни онъ, никто другой не подозрѣвали и не заподозривали Штауффа. За тѣмъ слѣдуетъ

5. *Покушеніе на отравленіе Графа.* Фактъ постановленный, что у Штауффа была ярь. Для чего? По его объясненію, для окрашенія въ зеленый цвѣтъ жилета. Эксперты объявили, что тѣмъ способомъ, какимъ хотѣлъ красить Штауффъ, нельзя было окрасить ткани въ зеленый цвѣтъ. А передъ ассизнымъ судомъ одинъ красильщикъ окрасилъ именно этимъ способомъ сукно въ весьма сносный зеленый цвѣтъ.*

Впрочемъ мы сами плохо вѣримъ Штауффу въ этомъ случаѣ. Выше замѣчено, что ярь могла быть у него для тойже цѣли, для которой balzamum copaivae. Отчего жъ онъ не признался въ этомъ? Ничего не можетъ быть понятнѣе. Если взгляды, потъ, пустыя слова считаются доказательствами преступленія, то тѣмъ болѣе болѣзнь, обличающая въ развратѣ. Онъ былъ такъ поставленъ въ продол-

---

* Это не единственная ошибка экспертовъ въ этомъ дѣлѣ. Странно одно, что всѣ ихъ ошибки направлены противъ подсудимаго. Вотъ другой образчикъ въ томъ же родѣ.

У Штауффа отца между другими вещами было кольце. Сознаваясь, что другія вещи дошли къ нему отъ сына, онъ объявилъ, что это кольце есть его собственность, и дошло къ нему отъ его покойной жены, которой принадлежало еще до брака, совершеннаго въ 1815 г. Оказалось, что кольце было платиновое. Докторъ Либихъ и г. Госзауеръ, директоръ Берлинской фабрики металлическихъ издѣлій, законнѣйшій (competenteste) судья въ этихъ дѣлахъ, по выраженію Либиха, объявили, что платина до 1820 г. не обработывалась на подобныя издѣлія. Изъ этого сдѣлалось яснымъ для суда, что Штауффъ лжетъ.

Спорить было некому и нечего. Дѣло ясно.

Вотъ однакожъ маленькое сомнѣніе. Мнѣ попалась въ руки Naturgeschichte und Technologie von C. Ph. Funke, 5 Auflag 3 Band. Brauns schweig 1806 г. На ст. 316 авторъ говоритъ «In Paris verfertigt man bereits aus der reinen Platina Tabatieren, *Uhrketten*, Löffel, Zahnstocherb uehseund dergl. m. zu sehr billigen Preisen und äussert sauberst undgeschmackvoll gearbeitet unp. Итакъ въ 1806 г. въ Парижѣ съ большимъ искусствомъ дѣлали уже изъ платины многія очень мелкія вещи, а въ 1815 не могли?

Эта маленькая ошибка великаго химика была бы забавна, еслибъ явилась въ печатной статьѣ. Но въ уголовныхъ процессахъ маленькіе промахи великихъ экспертовъ доводятъ порой маленькихъ подсудимыхъ до великихъ бѣдствій.

Digitized by Google

женіи всего процесса, секретнаго и публичнаго, что не могъ признаться въ самой ничтожной вещи, не опасаясь навлечь на себя вредныхъ послѣдствій.

Предположимъ, что Штауффъ сказалъ, что у него была ярь, какъ лекарство отъ bloenorrhoea syphylitica. Эксперты во-первыхъ объявили бы, что syphylis не лѣчится ярью — и въ самомъ дѣлѣ, это простонародное средство не употребляется учеными врачами, потому что у нихъ есть средства вѣрнѣйшія, хотя въ большомъ пріемѣ и болѣе ядовитыя (ртуть, хлористое золото). Штауффа спросили бы: кто тебѣ это присовѣтовалъ? Тотъ, на кого онъ бы сослался, навѣрно отопрется изъ опасенія отвѣтственности, такъ какъ ярь есть вещество при извѣстныхъ условіяхъ ядовитое. Тутъ нѣтъ исхода, по крайней мѣрѣ для Штауффа.

Какъ бы то ни было и для чего бы то ни было, ярь была у Штауффа, и это могло быть извѣстно всѣмъ въ домѣ. Выше мы видѣли, что въ домѣ были трое людей враждебныхъ Штауффу: Шембсъ, М. Эйрихъ и экономка Марія Каффенбергеръ.

Извѣстно было, что на другой день начнется слѣдствіе надобно было окончательно приготовить подсудимаго.

Къ аптекарю доктору Винклеру приходитъ солдатъ и проситъ у него яри для одного служителя Графа Гёрлица. Аптекарь отказалъ. Черезъ нѣсколько часовъ приносятъ къ нему же отравленный соусъ для изслѣдованія.

Штауффъ гуляетъ въ саду съ женой и сынкомъ Шиллера. Звонокъ. Графъ посылаетъ его въ кухню, чтобы скорѣе подавали обѣдъ. Онъ говоритъ кухаркѣ, чтобы она давала кушанье: кухарка отвѣчаетъ, что у ней еще не мыты тарелки, а между тѣмъ ей нужно мѣшать соусъ. И такъ она проситъ Штауффа помѣшать соусъ, а сама принимается мыть тарелки. Оглянувшись, видитъ она, что Штауффъ держитъ другую (лѣвую) руку надъ соусомъ такъ, какъ будто всыпалъ что-нибудь изъ бывшей въ рукѣ стклянки. Она спрашиваетъ, что онъ дѣлаетъ, и тотъ отвѣчаетъ, что онъ грѣетъ руку. По выходѣ его изъ кухни кухарка пробуетъ соусъ и находитъ, что онъ очень дурнаго вкуса. Она выливаетъ или отставляетъ его. Въ ту же

Digitized by Google

минуту является Шембсъ, и кухарка разсказываетъ ему. Онъ замѣчаетъ, что это что-нибудь ядовитое. На огонь ставятъ кострюлю, совершенно подобную первой. Штауффъ вошелъ посмотрѣть на кострюлю и вышелъ. Тутъ является Каффенбергеръ и находитъ Шембса и кухарку въ неописанномъ ужасѣ. Съ общаго совѣта Шембсъ отправляется къ аптекарю Винклеру, ипр. ипр.

Неоспоримо истинно, что ярь была въ соусѣ, потому что г. Меркъ нашелъ ее и опредѣлилъ количественно.

Неоспоримо истинно, что ярь есть вещество ядовитое, хотя и невозможно отравить ею человѣка здороваго и трезваго, по причинѣ отвратительнаго вкуса всѣхъ мѣдныхъ солей.

Въ маломъ количествѣ ярь могла образоваться отъ дѣйствія содержащагося въ соусѣ уксуса на кострюлю, — но въ настоящемъ случаѣ количество было слишкомъ большое. Итакъ

Неоспоримо истинно, что кто-нибудь всыпалъ ярь.

Вопросъ въ томъ, кто именно? Штауффъ, или кухарка, или Шембсъ, или кухарка вмѣстѣ съ Шембсомъ, или кухарка вмѣстѣ съ Шембсомъ и Каффенбергеръ?

Оставляя въ сторонѣ послѣднее предположеніе, какъ невѣроятное, разсмотримъ первыя.

Если это сдѣлалъ Штауффъ, то конечно для того, чтобы отравить Графа.

Если другіе, то для того, чтобы дать силу обвиненію противъ Штауффа.

Что касается до Штауффа, спрашивается:

a) Могъ ли онъ знать, что, пришедши въ кухню, онъ будетъ имѣть случай всыпать ядъ? Что тарелки не вымыты? Что его будутъ просить мѣшать соусъ?

b) Для чего нужно было ему отравить Графа? Могъ ли онъ изъ этого извлечь какую-либо выгоду для себя?

c) Какая была причина избирать для отравленія именно уксуснокислый окисъ мѣди?

d) Не долженъ ли онъ былъ думать, что вмѣстѣ съ Графомъ будутъ отравлены и другіе?

Digitized by Google

Понятно, что Шембсъ или М. Эйрихъ, если они оба, или кто-нибудь изъ нихъ всыпалъ ярь, выбрали это вещество потому, что знали, что оно было у Штауффа и что можно было уличить его въ покупкѣ. Отравлять кого-нибудь никто изъ нихъ не думалъ, слѣдовательно всѣ предъидущіе вопросы къ нимъ относиться не могутъ. Дѣйствовать же такъ они могли не иначе, какъ въ интересѣ Графа.

За чѣмъ вошелъ въ кухню Шембсъ, именно въ то время, когда вышелъ изъ ней Штауффъ? Скажутъ—случайно. Но вѣдь не всегда можно вѣрить случайности. Случайно могъ бы войдти кто-нибудь другой, а не человѣкъ, который, какъ изъ дѣла видно, былъ во враждѣ съ Штауффомъ и подсматривалъ за нимъ съ самаго начала процесса. Случайно также Графъ подарилъ ему мебель Графини, конечно цѣнную.

И посмотрите на самыя ихъ дѣйствія. Кухарка замѣчаетъ, что Штауффъ всыпалъ что-то въ соусъ. Шембсъ говоритъ, что это какой-нибудь ядъ. Они ставятъ на огонь точно такую же кострюлю. Для чего? Хитрость вовсе неумѣстная. Напротивъ—не было ли заготовлено двухъ кострюль и двухъ соусовъ?

Приходъ солдата въ аптеку Винклера и приходъ туда же Шембса наводятъ еще большее подозрѣніе. Что этотъ солдатъ не могъ быть Якобъ Штауффъ, врядъ ли можно спорить. Неужели человѣкъ, покусившійся на отравленіе, захочетъ нарочно выказать себя? Очевидно, этотъ солдатъ подставной. Черезъ нѣсколько часовъ является Шембсъ съ соусомъ. Здѣсь прямо можно сказать:

Qui nimium probat, nihil probat.

Гдѣ покупалъ Штауффъ ярь, неизвѣстно. Впрочемъ ее можно получить всюду. Можетъ быть, знали, что она получена именно черезъ его брата Якоба. Итакъ подсылается солдатъ.

Наконецъ разберите психологически. Надъ тѣломъ зарѣзаннаго стоятъ два человѣка съ ножами. Одинъ говоритъ, что другой убилъ,— другой говоритъ, что онъ только что подошелъ, и кто убилъ, не знаетъ. Не всегда ли можно полагать съ вѣроятностію, что первый убійца?

Штауффъ не обвиняетъ ни Шембса, ни кухарку. Шембсъ и кухарка обвиняютъ Штауффа. Но еслибъ Штауффъ

Digitized by Google

зналъ, что онъ всыпалъ ядъ, то конечно обвинилъ бы въ этомъ кухарку. Вѣдь онъ не могъ сомнѣваться, что ядъ найденъ и слѣдов. кто-нибудь долженъ всыпать его?

Можно ли повѣрить, что кухаркѣ и Шембсу дана свидѣтельская присяга? Не только дана, но когда Штауффъ сказалъ, что Маргарита Эйрихъ сдѣлала ложное показаніе, Президентъ запретилъ ему обвинять ее въ лжесвидѣтельствѣ.

Говорятъ наконецъ: при слабости каждаго доказательства, отдѣльно взятаго, противъ Штауффа говоритъ ихъ совокупность (ensemble).

Это общее положеніе уголовнаго судопроизводства могло быть приложено только въ томъ случаѣ, когда доказательства, какъ бы они ни были слабы и непрямы, составляютъ однакожъ непреложные факты. Таково въ настоящемъ случаѣ только одно доказательство, что Штауффъ въ день смерти Графини долго былъ съ нею одинъ въ домѣ. Все остальное или не относится къ дѣлу, или сомнительно, или совершенно невѣроятно. О какой же совокупности тутъ можетъ быть рѣчь?

Въ нашихъ глазахъ, напротивъ, эта совокупность доказательствъ не только не подтверждаетъ, но опровергаетъ обвиненіе, показывая, что важнѣйшія доказательства подстроены извнѣ.

Какъ началось, продолжалось и кончилось все это дѣло?

Дѣло начато по просьбѣ того самаго лица, которое прежде хлопотало объ его прекращеніи и по желанію котораго оно прекращено было преждевременно. Въ интересѣ этого лица, именно для того, чтобы избавить его отъ общественнаго подозрѣнія, оно и производилось. И такъ Графъ Гёрлицъ есть истецъ или доносчикъ, а въ публичномъ процессѣ онъ является свидѣтелемъ.

Послѣ смерти жены Графъ Гёрлицъ объявляетъ, что во время пожара бюро не пропало ничего, а только повреждены многія вещи: въ послѣдствіи онъ объявляетъ, что вещи, ему оказанныя, принадлежали его женѣ, хранились въ бюро и пропали во время пожара.

Скажутъ: сначала онъ не обратилъ вниманія на эту пропажу по ея малозначительности. Но въ настоящемъ случаѣ этого не могло быть, ибо эти вещи были обозначе-

Digitized by Google

ны въ завѣщаніи и предоставлены Бальдеровскому благотворительному заведенію въ Гиссенѣ. Слѣдовательно, зная содержаніе завѣщанія, Графъ не могъ не обратить на нихъ вниманія.

Зналъ ли Штауффъ содержаніе завѣщанія? Онъ могъ знать главное, т. е. что Графъ наслѣдуетъ имѣніе Графини, но врядъ ли могъ знать подробности. Итакъ если онъ говоритъ, что Графъ сказалъ ему, что эти вещи завѣщаны стороннему лицу, и это оказалось справедливымъ, то не наложена ли этимъ самымъ на показаніе Штауффа печать истины?

Почему Графъ не просилъ объ изслѣдованіи дѣла прежде Октября? Да потому, что въ этомъ изслѣдованіи не было бы для него никакой пользы. Тогда процессъ пошелъ бы вѣроятно противъ него самого по недостатку причинъ подозрѣвать кого-либо другаго. Между тѣмъ была рѣшительная необходимость возобновить процессъ, что можно было сдѣлать съ выгодою только тогда, когда будетъ заведено подозрѣніе на другаго.

А завести подозрѣніе можно было только на одного Штауффа.

Итакъ для Графа были важныя побужденія къ обвиненію Штауффа, для Штауффа не было никакихъ побужденій ни къ убійству, ни къ покражѣ мелочи, ни къ отравленію Графа. Объясненіе Прокурора, что Штауффъ былъ побужденъ къ отравленію статьею Deutsche Zuschauer, въ которой авторъ, проводя параллель между Гёрлицемъ и Праленомъ, замѣчаетъ, что первому недостаетъ только самоубійства, что слѣдов. Штауффъ хотѣлъ взвести на Графа обвиненіе въ самоубійствѣ, смѣшно и жалко. Какое жъ было бы самоубійство, если бъ вмѣстѣ съ Графомъ отравились сынокъ Шиллера, кухарка и экономка? Когда притомъ между обѣдомъ и смертію прошло бы не менѣе полусутокъ?

Всѣ свидѣтели, сколько-нибудь важные, состояли въ услуженіи у Графа, кромѣ одной Шиллеръ. А каково должно быть чувство этой женщины, когда ей сказали: Штауффъ всыпалъ ядъ въ соусъ, чтобы отравить Графа вмѣстѣ съ твоимъ сынкомъ? И когда она узнала, что ядъ найденъ въ самомъ дѣлѣ?

Digitized by Google

Слѣдствіе продолжалось больше двухъ лѣтъ. Эти два года подсудимые были подъ арестомъ. При запирательствѣ слѣдователь по нѣсколько недѣль содержалъ ихъ на хлѣбѣ и водѣ, налагалъ на нихъ цѣпи ипр. Не значитъ ли это *допытываться* признанія? Президентъ увѣряетъ, что это позволительно, — можетъ быть.

Подсудимые путались въ отвѣтахъ—но причина этого ясна и показана выше. Окончательно—Іоганнъ Штауффъ, Генрихъ Штауффъ, и Якобъ Штауффъ показали относительно вещей одно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слѣдователь не давалъ имъ сговариваться: какъ же это сдѣлалось, если они показали неправду? Мы не постигаемъ. Сговориться прежде они не могли, ибо въ этомъ случаѣ они показали бы все съ перваго раза. Потомъ — спросите каждаго, что онъ дѣлалъ напр. ровно за шесть мѣсяцевъ назадъ въ продолженіе цѣлаго дня. Конечно не скажетъ никто, хотя бы время это и было для самаго спрашиваемаго памятно по важнымъ причинамъ. Вѣдь только тотъ, кто готовится къ чему-нибудь, замѣчаетъ его въ подробности. А Штауффъ долженъ былъ объяснять, что онъ дѣлалъ 13-го Іюня изъ часу въ часъ!

Прокуроръ говоритъ: «въ продолженіе всего слѣдствія не нашлось ни одного факта противъ Графа». О какихъ фактахъ здѣсь идетъ рѣчь? Если о доказательствахъ убійства, ихъ напрасно бъ было искать; потому что врядъ ли было самое убійство. Если о другихъ, именно о доказательствахъ ложнаго обвиненія, мы ихъ видѣли выше. При томъ кому неизвѣстно, что собраніе фактовъ въ рукахъ слѣдователя? Отъ него зависѣло выводить или не выводить наружу то и другое. Самъ президентъ ассизнаго суда замѣтилъ, что если бы Штауффъ съ перваго раза сталъ обвинять Графа, то слѣдствіе получило бы другое направленіе, именно противъ Графа.

Пристрастіе слѣдователя могло быть поправлено безпристрастіемъ президента; но очевидно, что г. Вейзъ во все не обладаетъ этой добродѣтелью. «Слѣдователь, говоритъ подсудимый, отнялъ у меня способы къ оправданію.» — Вамъ запрещается обвинять слѣдователя, замѣчаетъ преаидентъ. «Маргарита Эйрихъ дала ложное показаніе.»

Digitized by Google

Вамъ запрещается обвинять кого-либо въ ложномъ показаніи. (Но вѣдь это все равно, что сказать: вамъ приказывается сознаться въ преступленіи). «Графъ часто ссорился съ женой. Однажды....» «Это не относится сюда.» «Г-жа Шиллеръ ошибается» — Г-жа Шиллеръ есть честная женщина, а вашу честность нужно доказать. — «Слѣдователь заключалъ меня въ цѣпи.» — Ваши показанія настоящая цѣпь лжи и противорѣчій. (Остроумно, не правда ли?) Свидѣтель, показывающій противъ подсудимаго, противорѣчитъ самъ себѣ. Президентъ объясняетъ это слабоуміемъ, какъ будто для свидѣтеля нужно что-нибудь, кромѣ чувствъ и памяти! Свидѣтель показываетъ въ пользу подсудимаго. Президентъ замѣчаетъ, что онъ не заслуживаетъ вѣры (тогда какъ по закону учрежденія ассизныхъ судовъ и присяжныхъ сужденіе объ этомъ не дѣло президента). При такомъ направленіи дѣла можно ли было ожидать оправданія подсудимаго?

Мы съ своей стороны изъ всего того, что открыто и обнародовано по дѣлу, выводимъ:

1) Что несчастная смерть Графини фонъ Гёрлицъ легко объясняется случайностью и трудно внѣшнимъ насиліемъ или самоубійствомъ;

2) Что противъ осужденнаго Іоганна Штауффа нѣтъ ни одного что-нибудь значащаго доказательства въ отношеніи къ главному обвиненію, и потому, по законамъ здраваго смысла, осужденіе его нелѣпо;

3) Что обвиненіе въ покушеніи на отравленіе Графа Гёрлица не представляетъ ничего ни основательнаго, ни правдоподобнаго, и напротивъ есть причины думать, что оно намѣренно подстроено и ложно взведено на Штауффа Шембсомъ и Маргаритой Эйрихъ въ интересахъ Графа Гёрлица, и можетъ быть, при его участіи;

4) Что наконецъ есть причины думать, что вещи, найденныя у Штауффа отца и доше шія къ нему отъ сына дѣйствительно противозаконно подарены послѣднему Графомъ Гёрлицомъ съ тою цѣлію, чтобы посредствомъ этихъ вещей взвести на Штауффа подозрѣніе въ убійствѣ, грабежѣ и поджегѣ, какъ и случилось, и въ слѣдствіе каковаго подозрѣнія Штауффъ осужденъ, тогда какъ вина его

Digitized by Google

могла состоять единственно въ тайномъ принятіи отъ Графа не принадлежавшихъ сему послѣднему вещей.

При слѣдственномъ судопроизводствѣ очень могло быть, что Штауффъ былъ бы оставленъ въ сильномъ подозрѣніи въ покражѣ вещей у Графа Герлица, но не у Графини и не во время ея кончины, потому что послѣ, по объявленію самого Графа, эти вещи были цѣлы. — Онъ могъ быть оставленъ въ подозрѣніи и во всемъ прочемъ, но никогда не могъ быть осужденъ положительно за недостаткомъ положительныхъ доказательствъ. Съ другой стороны, врядъ ли и самъ Графъ могъ бы остаться свободнымъ отъ подозрѣнія, по крайней мѣрѣ въ ложномъ обвиненіи Штауффа, равно какъ Шембсъ и Маргарита Эйрихъ.

Мы сказали выше, что подобные процессы могутъ служить мѣркою для оцѣнки системы судопроизводства. Вопросъ важный теперь, когда публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ введены въ Германіи въ замѣнъ прежней слѣдственной системы.

P. S. Статья эта была написана вскорѣ по окончаніи процесса, но печатаніе ея по нѣкоторымъ причинамъ замедлилось, а между тѣмъ получено извѣстіе, что Штауффъ сознался въ убійствѣ и сожженіи трупа Графини Герлицъ. Конечно многіе повѣрили этому сознанію; что до меня, я остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Сознаніе, сдѣланное послѣ объявленія приговора, въ уголовныхъ дѣлахъ не рѣдкость. Осужденные обыкновенно этимъ способомъ думаютъ облегчить свою участь, или, по крайней мѣрѣ, продлить исполненіе приговора на неопредѣленное время. Въ настоящемъ же случаѣ Штауффъ имѣлъ и высказалъ опредѣленную надежду освободиться отъ работы и быть переселеннымъ въ Америку. Мы не вѣримъ ни корыстному сознанію, ни корыстному запирательству.

Замѣтимъ одно по этому случаю: сознаніе Штауффа произвело значительное впечатлѣніе на читающее общество — знакъ, что это общество *не было убѣждено въ его виновности.*

А. Студитскій.

Digitized by Google

КУРФЮРШЕСТВО ГЕССЕНСКОЕ.

Курфюршество Гессенское, земля лѣсная и холмистая, со всѣхъ сторонъ окруженная горными хребтами, безъ значительныхъ промысловъ и мануфактуръ, не принадлежитъ къ благословеннымъ полосамъ Германіи, и довольство можно найдти только мѣстами, въ равнинѣ Майнской, въ долинѣ Верры и т. п. Есть даже старинная поговорка:

«Im Lande zu Heſſen
Hats große Berg' und nichts zu eſſen,
Große Krüge und ſauern Wein,
Wer wollte gern im Land zu Heſſen ſeyn?«

(Въ землѣ Гессенъ большія горы, а ѣсть нечего, — большія кружки, а вино кислое: кому охота жить въ этой землѣ?) и еще: «Когда у нихъ неурожай на ягоды терновника и на лѣсныя яблоки, то имъ нечего ни жарить, ни варить.» Какъ выражается старинный Гессенскій лѣтописецъ В. Диллихъ, въ землѣ этой «воздухъ суровъ и почва грубовата», «и во многихъ мѣстахъ добрый, трудолюбивый народъ въ потѣ лица едва добываетъ изъ неблагодарной земли дневное пропитаніе, а хлѣбъ замѣняетъ картофелемъ. Кромѣ земледѣлія многіе жители принуждены заниматься пряжею льна; о жителяхъ округа Фульдскаго извѣстно, что бѣднѣйшіе изъ нихъ, обоего пола, каждый годъ въ большомъ числѣ уходятъ въ Веттерау и даже на Рейнъ, гдѣ поденною работою пріобрѣтаютъ кое-какъ необходимое. Въ такихъ дѣлахъ всего лучше говорятъ цифры. — Изъ четырехъ уѣздовъ округа Фульдскаго, собственно въ Фульдскомъ уѣздѣ, имѣющемъ до 48,000 душъ населенія и занимающемъ пространство около десяти кв. миль, только ок. 19,000 десятинъ лѣсу и ок. 17,000 десятинъ воздѣланной земли; въ уѣздѣ Герсфельдскомъ, при 35,000 слишкомъ народа и ок. десяти кв. миль пространства, обработывается всего ок. 15,000 десятинъ, то есть немного болѣе ½, и ок. 26,000 десятинъ занято лѣсами; въ уѣздѣ Гюнфельдскомъ, при 29,000 населенія и пространствѣ 6½ кв. миль, до 17,000 дес. пахатной земли и ок. 11,000 дес. лѣсу. Въ уѣздахъ Фульдскомъ и Гюнфельдскомъ жители нѣсколько вознаграждаютъ себя большимъ скотоводствомъ; за то Герс-

Digitized by Google

фельдскіе ткачи, при всемъ своемъ трудолюбіи, остаются въ крайней бѣдности. Конечно въ округѣ Ганаускомъ, самой теплой и благодатной полосѣ въ Курфиршествѣ, гдѣ все созрѣваетъ дней десять раньше, чѣмъ даже въ самыхъ плодоносныхъ долинахъ Нижняго Гессена, и слишкомъ дней двадцать раньше чѣмъ на возвышеніяхъ, дѣла идутъ гораздо лучше. Но округъ этотъ занимаетъ всего отъ пяти до шести кв. миль и народонаселеніе здѣсь наибольшее. Притомъ особенно суровы и бѣдны принадлежащія къ Ганускому округу выше лежащія полосы въ уѣздахъ Гельнгаузенъ и Шлюхтернъ, особенно въ горахъ Шнессартскихъ. Первый изъ этихъ уѣздовъ имѣетъ почти 36,000 жителей, занимаетъ пространство въ семь или восемь кв. миль, изъ котораго до 9000 десятинъ пашни и до 20,000 дес. лѣсу. Уѣздъ Шлюхтернъ съ 32,000 населенія и на пространствѣ до восьми кв. миль — считаетъ до 10,500 дес. пашни и слишкомъ 18,000 десят. лѣсу. Эти цифры могутъ дать читателямъ понятіе о томъ, въ какомъ состояніи должны находиться теперь части Гессена, занятыя Баварскими войсками.

ЕЩЕ О ДЕНЕЖНОМЪ КУРСѢ ВЪ АНГЛІИ.

На Лондонскомъ денежномъ рынкѣ совершаются странныя вещи: серебро безпрерывно истекаетъ, и даже отъ золота всѣми способами стараются избавиться. Года за четыре или побольше лежало еще въ банкѣ около трехъ съ половиною милліоновъ ф. ст серебряною монетою, въ началѣ 1848 г. — около полутора милліона, осенью 1848 г. этотъ запасъ уменьшился до полумилліона, а въ теченіе 1849 г. количество серебра понизилось до 270,000 ф. ст; изъ нихъ до начала Октября вышло изъ банка ок. 50,000, и теперь въ немъ лежитъ только незначительная сумма въ 45,000 ф.; слѣдственно въ этомъ году еще извлечено изъ банка ок. 225,000 ф., и курсъ серебра (серебряныхъ кронъ въ 5 шиллинговъ штука) стоитъ теперь на 5 ш. $\frac{1}{2}$ пенса или ок. 9 процентовъ выше монетной цѣны. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣднія 4 недѣли убыло и золота въ количествѣ болѣе полумилліона, не смотря на то, что курсъ на Ньюіоркъ облегчаетъ притокъ въ Англію Калифорнійскаго золота, и Амстердамскій банкъ продаетъ свою золотую монету какъ

Digitized by Google

товаръ, что заставляетъ понижаться курсъ на Амстердамъ, Парижъ и Гамбургъ. Въ Парижѣ золото ходитъ почти $\frac{1}{8}$ процента выше, въ Гамбургѣ бездѣдицею, почти $\frac{1}{12}$ проц., ниже Лондонскаго курса, что, можетъ быть, скоро измѣнится. А какъ вмѣстѣ слышно, что изъ Лондона посылаютъ въ Бразилію золото вмѣсто векселей, то изъ этого несомнѣнно можно заключить, что банкъ считаетъ поддержаніе въ Англіи курса золотой и серебряной монеты дѣломъ невозможнымъ, и всѣми мѣрами старается избавиться отъ притекающаго въ него золота. Но онъ не можетъ долго бороться съ этими невыгодными обстоятельствами; ибо онъ принужденъ постоянно принимать золото по той же цѣнѣ, тогда какъ оно уже четыре или пять мѣсяцовъ падало въ цѣнѣ, теперь стоитъ ниже около $1\frac{1}{2}$ процента, и по всей вѣроятности будетъ еще падать; до какой степени банкъ избавится и можетъ избавиться отъ излишества въ золотѣ, опредѣлить нельзя, но по всей вѣроятности онъ употребитъ всѣ мѣры, чтобы сдѣлать это въ возможно большемъ размѣрѣ. Это стараніе банка есть почти несомнѣнное предзнаменованіе правительственныхъ мѣръ въ денежномъ курсѣ, а мѣра единственно вѣроятная, и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ почти единственно возможная, есть та, чтобы освободить банкъ отъ обязанности имѣть въ наличности золотую монету на цѣнность всѣхъ его билетовъ, исключая 14 милл. ф. ст. Въ такомъ случаѣ банкъ будетъ продолжать сбывать свой излишекъ въ золотой монетѣ до послѣдневозможной мѣры. Позднѣе непремѣнно нужно будетъ постановить неизмѣнный курсъ на серебро, какъ единственное основаніе для оборотовъ.

МОСТЪ ЧРЕЗЪ НІАГАРУ.

Проводится мостъ чрезъ Ніагару, между Левистономъ на Американскомъ и Квинстономъ на Канадскомъ берегу. Это будетъ одинъ изъ величайшихъ мостовъ въ свѣтѣ. Пространство между основными, подпорными столбами (т. е. длина) моста будетъ около 1050 футовъ, возвышеніе надъ водою болѣе 75 и ширина въ 20. Онъ будетъ выдерживать 48,000 пудъ (800 тоннъ) вѣса.

Digitized by Google

ПЕКИНСКАЯ ГАЗЕТА.

Въ недавно появившемся во Франціи сочиненіи г. Вада есть чрезвычайно любопытная статья о *Пекинской Газетѣ*— названіе, подъ которымъ принято разумѣть оффиціальный журналъ имперіи. — Вотъ содержаніе этой статьи. Когда именно началось изданіе *Пекинской газеты*—опредѣлительно сказать трудно. Преданіе говоритъ, что она явилась впервые при династіи Суиговъ, во второй половинѣ X вѣка нашей эры.—Повидимому, она не иное что, какъ ежедневная афиша, каждый день, прибиваемая къ стѣнамъ столицы, и копіи съ которой разсылаются къ главнымъ чиновникамъ провинціи. — Въ Кантонѣ, по крайней мѣрѣ Кантонскою публикою, она получается путемъ неоффиціальнымъ и уже напечатанною. Тамъ же перепечатывается она еще и въ видѣ брошюръ, отъ 10 до 12 страницъ каждая, и расходится черезъ день по другимъ городамъ. *Пекинская газета* состоитъ изъ трехъ частей: первыя двѣ страницы заключаютъ извѣстія придворныя и объ Императорской фамиліи, вторая часть посвящена постановленіямъ Императорской власти; третья содержитъ мемуары или донесенія мандариновъ, исходящія вообще отъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ властей, по всѣмъ частямъ управленія.

ИЗЪ НОВАГО САДА.

Въ Бѣлградской Газетѣ пишутъ изъ Новаго Сада (Нейзаца):

«Вотъ уже прошелъ годъ, какъ кончилась несчастная война, которая столько стоила пожертвованій и крови вѣрнымъ Сербамъ Австрійскимъ. Около двадцати тысячъ изъ нихъ погибли отъ ранъ, холеры и тифуса, или убиты на войнѣ съ Венгерцами.

«Сверхъ того, по оффиціальному именному списку, 346 человѣкъ мирныхъ поселянъ и городскихъ жителей убиты по приказанію революціонныхъ судей, большею частію за ихъ сочувствіе къ Императорской Австрійской партіи, а иногда за то только, что они «Сербы;» двадцать шесть человѣкъ, между коими семь женщинъ, просто взяты въ Вербашѣ, поставлены во *фронтъ*, и разстрѣляны безъ вся-

Digitized by Google

наго даже *предлога* и безъ суда[1]. Въ Сенти, 22-го Марта 1849 года, убиты сорокъ пять человѣкъ земледѣльцевъ съ женами и дѣтьми[2]. Въ Суботницѣ въ одинъ день двадцать три человѣка вдругъ разстрѣляны[3]. Въ Арадской епархіи православный священникъ разстрѣлянъ за то, что прочелъ прокламацію извѣстнаго Румунскаго партизана Янку, въ пользу Императорскаго Австрійскаго Дома[4].

«Другой православный священникъ Новакъ Стефановичь повѣшенъ въ Бечкерекѣ уже въ Сентябрѣ 1849 г., оставивъ жену и троихъ сиротъ[5].

«Довольно, кажется, доказали Сербы свою вѣрность, а Чайкаши[6] первые вступили въ бой за святое дѣло защиты Престола и Православія, и послѣдніе сошли съ поля брани, ибо когда Гёргей уже приближался къ Вилагошу, гдѣ положилъ оружіе предъ Русскими и тѣмъ кончилъ войну, Сербы подъ Мошориномъ еще сражались съ двадцатью тысячами непріятелей, и на томъ же мѣстѣ, гдѣ началась война Сербовъ, прогремѣла и послѣдная ихъ битва.

---

[1] Въ Вербашѣ въ то же время Православная церковь Введенія Пресвятыя Богородицы ограблена и отчасти разрушена.

[2] Въ Сенти, какъ въ Вербашѣ, Провославная церковь Св. Архистратига Михаила разграблена.

[3] Въ Суботницѣ Православная церковь Св. Іоанна Предтечи разграблена и повреждена.

[4] Янку Хора, который вмѣстѣ съ Авксентіемъ и своими партизанами отличался въ Трансильваніи и о которомъ отзывался съ похвалою и Генералъ Лидерсъ въ своихъ реляціяхъ.

[5] Церковь (Введенія во храмъ) тоже ограблена и повреждена.

[6] Чайкашскій Баталіонъ (Tschaikisten-Bataillon) входитъ въ составъ Австрійской Военной Границы, и поселенъ при впаденіи Тиссы въ Дунай. Чайкаши содержатъ военную флотилію на Дунаѣ. Въ одномъ этомъ небольшомъ округѣ, одиннадцать церквей и одинъ древній монастырь ограблены, разрушены или сожжены: двѣ церкви во имя Св. Чудотворца Николая, три Вознесенія Господня, двѣ Св. Первомученика Стефана, остальныя во имя Св. Іоанна Предтечи, Св. Великомученика Димитрія, Св. Апостола Ѳомы, Св. Стефана Сербскаго и Архистратига Михаила. Это все служитъ доказательствомъ, что Сербы столько же защищали православіе, сколько и народность свою противъ ожесточенныхъ враговъ ихъ Церкви. Шайки Перцеля болѣе другихъ свирѣпствовали, рѣзали мирныхъ жителей и ругались надъ святынею.

Digitized by Google

«Земля Чайкашскаго баталіона вся выгорѣла и остается опустошенною и безъ всякихъ средствъ. Изъ двухъ милліоновъ, пожалованныхъ прошлую зиму Императоромъ Австрійскимъ на пострадавшія южныя провинціи Чайкашамъ пришлось по два гульдена на человѣка (полтора рубля серебромъ) а нынче и того нельзя ожидать. Чайкаши даже не молятъ о прямой помощи: имъ только дать бы средства сдѣлать заемъ подъ залогъ своей плодоносной, хорошней земли. Они люди честные, трудолюбивые; имъ необходимы средства обзавестись опять нужнымъ для хлѣбопашества, и чрезъ нѣсколько лѣтъ они уплатили бы и капиталъ и проценты. Но до сихъ поръ они и на то не могутъ надѣяться. Одни ихъ забыли, другіе честятъ то республиканцами, то реакціонерами, то зовутъ суевѣрами, потому что они православные, то коммунистами, какъ недавно Аугсбургская Allgemeine Zeitung, потому что въ Январѣ мѣсяцѣ въ Вуковарѣ де-скать лѣсъ покрали. Нѣкто изъ Вуковара писалъ въ «Allgemeine Zeitung» точное и справедливое опроверженіе этой статьи, и послалъ въ письмѣ пять гульденовъ серебромъ для напечатанія; но «Allgemeine Zeitung» не сочла нужнымъ помѣстить опроверженіе, не сочла нужнымъ и возвратить деньги. Вотъ какъ любятъ правду, и какъ безпристрастны «unparteiisch» Нѣмецкіе журналы! Вся Германія бунтовала противъ законной власти въ то время, какъ Чайкаши проливали кровь свою за своего Государя, а теперь эти Нѣмцы насъ ругаютъ и клевещутъ на насъ. Можетъ быть, Чайкаши не такъ умны и не такъ учены, какъ другіе народы; но если и справедливо, что Чайкаши не очень хорошо владѣютъ перомъ и чернилами, справедливо однако же и то, что штыки ихъ во сто разъ болѣе пригодились Австріи, и могутъ ей пригодиться болѣе, нежели всѣ перья и чернила, которыя употребляются на клевету противъ Сербовъ, между прочимъ и противъ Чайкашей. Богъ намъ судья, мы на Него надѣемся и будемъ терпѣть и ждать, чтобъ наконецъ обратили вниманіе на наше праведное дѣло. Православному народу не надобно отчаяваться, а воистину у Сербовъ мысль о Православіи тѣсно соединена съ мыслью о народности, или лучше сказать, эти два чувства совершенно слились въ одно чувство, которое и жизнь народную, и имя,

Digitized by Google

и языкъ, и вѣру сохранило среди вѣковыхъ бурь и потрясеній, и которое, съ Божіею помощію, такъ же и нынѣ, какъ и въ далекомъ будущемъ, останется цѣло и неповрежденно. Эта набожность, эта любовь къ Православію есть отличительная черта Сербовъ, такъ сказать, врожденное имъ свойственное чувство.» (*Изъ Сѣвер. Пч.*)

Ученыя извѣстія.

Лѣтопись естественныхъ наукъ.

Вѣсъ атома желѣза и золота. Извѣстно, что въ таблицахъ Берцеліуса вѣсъ атома желѣза принятъ въ 339,23. Эта цифра въ послѣдствіи оказалась невѣрной, и найдено, что атомъ желѣза вѣситъ около 350. Ошибка могла произойдти частію отъ трудности имѣть чистое желѣзо, частію же отъ самаго способа опредѣленія. Для этого пользовались окисленіемъ металла, и изъ формулы Fe^7O^8 вычислили вѣсъ атома желѣза. Способъ, подверженный весьма многимъ случайностямъ. Г. Э. Момене (Maumené), получивъ порученіе разложить желѣзную проволоку, представленную для электрическаго телеграфа при *сѣверной* желѣзной дорогѣ, и убѣдившись въ совершенной чистотѣ металла, сдѣлалъ нѣсколько опытовъ съ этою цѣлію. Онъ растворялъ желѣзо въ царской водкѣ, осаждалъ аммоніакомъ, и осадокъ тщательно промывалъ, сушилъ и прокаливалъ. Средній выводъ изъ шести опытовъ Fe=350,01.

Вѣсъ атома золота опредѣленъ Берцеліусомъ посредствомъ осажденія его изъ раствора ртутью. Такимъ образомъ найдено, что Au=1243,01, если ртуть 1265,82. Но доказано, что атомъ ртути былъ опредѣленъ Зефстремомъ ошибочно, и что ошибка произошла отъ несовершеннаго окисленія ртути (явленіе весьма обыкновенное), что наконецъ ртуть почти=1250. Отсюда по вычисленію вѣсъ атома золота=1227,45. Берцеліусъ, не довѣряя вычисленію и прежнимъ опытамъ, опредѣлилъ вѣсъ атома золота другимъ способомъ изъ двойной соли хлористаго золота и хлористаго потассія, и нашелъ, что Au=1239,41.

Нынѣ г. Леволь, возстанавливая золото изъ хлористой соли посредствомъ сѣрнистой кислоты, нашелъ, что Au=1227,01.

Digitized by Google

ОБРАЗОВАНІЕ НѢКОТОРЫХЪ УГЛЕКИСЛЫХЪ СОЛЕЙ И СѢРНИСТЫХЪ МЕТАЛЛОВЪ. *Опыты г. Сенармона.* Въ природѣ есть много такихъ веществъ, составъ которыхъ извѣстенъ, но которыхъ химики до сихъ поръ не могли получить искусственно въ своихъ лабораторіяхъ, или, если и получали, то при одинаковомъ составѣ съ разными внѣшними признаками. Такимъ образомъ способъ образованія этихъ веществъ не былъ удовлетворительно объясненъ, и всѣ объясненія основывались единственно на догадкахъ. Сюда относятся многіе сѣрнистые металлы (блески и колчеданы) и многія углекислыя соли, (напр. углекислый закисъ желѣза, углекислая магнезія и другія).

Г. Сенармону удалось образовать нѣкоторыя изъ этихъ веществъ мокрымъ путемъ посредствомъ двойнаго разложенія при помощи высокой температуры и усиленнаго давленія.

Стеклянныя трубки, герметически запаянныя, уже и сами по себѣ выдерживаютъ значительное давленіе. Но можно усилить его до высочайшей степени, если уравновѣсить давленіе внутренняго газа, или пара съ давленіемъ наружнаго. Если напр. маленькую стеклянную трубочку наполнить водою, запаять и положить въ ружейный стволъ, также наполненный водою и герметически закрытый, и все вмѣстѣ подвергнуть сильному нагрѣванію, то давленіе внутренняго пара въ стеклянкѣ уравновѣшивается давленіемъ наружнаго, и стеклянка его выдерживаетъ.

Г. Сенармонъ клалъ вещества, долженствовавшія подвергнуться взаимному разложенію, въ трубочку изъ зеленаго стекла, запаянную на лампѣ, по предварительномъ разрѣженіи въ ней воздуха; иногда, если вещества способны взаимно разлагаться при незначительной температурѣ, въ двѣ отдѣльныя трубочки. Трубочки опускались въ стволъ, наполненный водою. Небольшаго потрясенія достаточно, чтобы разбить трубки и привести вещества въ соприкосновеніе при желаемой температурѣ. Впрочемъ иногда въ трубкахъ былъ оставляемъ воздухъ, который и разрывалъ ихъ.

Другой способъ основывается на свойствѣ угольной кислоты медленно отдѣляться изъ горячей воды. Стеклянка изъ толстаго стекла наполнялась водой, насыщенной уголь-

Digitized by Google

ной кислотой и растворомъ углекислой соли. Другое растворимое вещество въ трубочкѣ погружалось въ стклянку, и за тѣмъ стклянка затыкалась пробкою, которая бы трудно пропускала газъ, не будучи однакожъ для него совершенно непроницаемою. Стклянка нагрѣвалась постепенно до весьма высокой температуры.

Такимъ образомъ получены:

1. *Углекислая магнезія* ($MgOCO^2$) черезъ взаимное разложеніе углекислаго натра (соды) и сѣрнокислой магнезіи (горькой соли) при 160—175 градусахъ Цельса. Таже соль получена чрезъ раствореніе основной углекислой магнезіи (бѣлой магнезіи) въ растворѣ угольной кислоты при 155° Ц.

2. *Углекислый закисъ желѣза* ($FeOCO^2$) черезъ двойное разложеніе хлористаго желѣза и углекислой извести при температурѣ отъ 135 до 180° Ц., поддерживаемой отъ 12 до 18 часовъ. Та же соль получена чрезъ двойное разложеніе сѣрнокислаго закиса желѣза (купороса) и кислаго углекислаго натра при 200°, также чрезъ двойное разложеніе хлористаго желѣза и кислаго углекислаго натра при 150°.

3. *Углекислый закисъ марганца* ($MnOCO^2$) чрезъ двойное разложеніе хлористаго марганца и углекислой извести, при температурѣ во 150°, поддерживаемой 18 часовъ, чрезъ двойное разложеніе хлористаго марганца и углекислой соды при 160°, и кислой углекислой соды при 150°.

4. *Углекислый кобальтъ* ($CoOCO^2$) чрезъ двойное разложеніе при 150°, въ продолженіе 18 часовъ, хлористаго кобальта и углекислой извести, чрезъ двойное разложеніе при 140° хлористаго кобальта и кислой углекислой соды съ избыткомъ кислоты.

5. *Углекислый никкель* ($NOCO^2$) тѣмъ же способомъ.

6. *Углекислый цинкъ* ($ZnOCO^2$) тѣми же способами, какими и углекислый марганецъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ солей представляются съ замѣчательными свойствами. Большая часть изъ нихъ кристаллическаго сложенія; углекислый закисъ желѣза тѣмъ постояннѣе, чѣмъ выше температура, при которой образованъ. Соли никкеля и кобальта не разлагаются при обыкновенной температурѣ кислотами соленою и селитреною.

Digitized by Google

Сѣрнистыя соединенія получены г. Сенармономъ изъ солей и сѣрнистыхъ соединеній калія и натрія, при высокой температурѣ.

1. *Двусѣрнистое желѣзо.* ($Fe S^2$) Чрезъ двойное разложеніе сѣрнокислаго закиса желѣза (купороса) и пятисѣрнистаго потасеія при 165°, или хлористаго желѣза и пятисѣрнистаго потассія при 180°.

Порошекъ чернаго цвѣта, иногда являющійся въ видѣ желтой металловидной оболочки на стѣнкахъ стеклянной трубочки, на воздухѣ, въ сухомъ состояніи не измѣняется. Соленая кислота на него не дѣйствуетъ. Вѣроятно это желѣзный колчеданъ.

2. *Односѣрнистый* и

Двусѣрнистый марганецъ. Первое соединеніе получено при 183, послѣднія при 160 и 180°.

Также получены сѣрнистый никкель, кобальтъ и цинкъ.

Въ природѣ эти вещества окристаллованы, значитъ, они образовались медленно или были растворены. Г. Сенармонъ своими опытами убѣдился, что растворяющимъ средствомъ для нихъ можетъ служить водосѣрная кислота при высокой температурѣ и давленіи.

Г. Сенармонъ такимъ образомъ становится между нептунистами и плутонистами, или лучше, соединяетъ обѣ теоріи въ одну. Дай Богъ успѣха.

УПОТРЕБЛЕНІЕ ВОДОРОДА ПРИ РАЗЛОЖЕНІИ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ. *Опыты г. Риво.* Извѣстно, что окислы разныхъ веществъ, встрѣчающіеся въ природѣ, обыкновенно разлагаются и отдѣляются другъ отъ друга посредствомъ весьма сложныхъ дѣйствій, отчего становится подозрительною самая точность анализа. По этому весьма важно было найдти простое средство возстановленія, и Г. Риво нашелъ его для многихъ веществъ въ сухомъ водородѣ. Газъ этотъ при высокой температурѣ разлагаетъ одни окислы, оставаясь безъ дѣйствія на другіе. Такимъ образомъ,

Подвергая дѣйствію его окислы желѣза и алюминія, г. Риво получилъ смѣсь глинозема съ металлич. желѣзомъ.

Подобнымъ образомъ раздѣлены окислы желѣза съ цирконою и глициною. На глиноземъ, цирконъ и глицину водородъ не дѣйствуетъ.

Digitized by Google

Тѣмъ же дѣйствіемъ водорода Г. Риво воспользовался для отдѣленія окисла олова отъ кремнезема и вообще для разложенія оловянныхъ рудъ. На кремнеземъ газъ не дѣйствуетъ.

Наконецъ подобнымъ способомъ онъ отдѣлилъ окисъ желѣза отъ окисла хромія и разложилъ хромистое желѣзо.

Мы не думаемъ однакожъ, чтобы результаты Г. Риво были послѣдними въ этомъ вопросѣ. Вѣроятно, при другихъ условіяхъ водородъ разложитъ и тѣ окислы, которые теперь отъ дѣйствія его не измѣняются. Большее возвышеніе температуры, усиленіе давленія, наконецъ и самыя вещества, съ которыми окислы соединены, измѣнятъ, конечно, и результаты. Наконецъ иное явленіе выйдетъ отъ дѣйствія чистаго, иное отъ дѣйствія углеродистаго, сѣристаго, хлористаго, фтористаго водорода.

РАЗЛОЖЕНІЕ ДРЕВНЕЙ БРОНЗЫ ГАЛЛО-РИМСКОЙ ЭПОХИ. *Г. Сальвета.* Въ одномъ кольцѣ найдено на сто частей

Олова	23,52
Мѣди	75,55
Свинца	0,47.

Въ другомъ, не столь хрупкомъ и болѣе блѣднаго цвѣта,

Олова	15,73
Мѣди	79,93
Свинца	3,50.

НОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ ХИМІИ КЪ УГОЛОВНЫМЪ ПРОЦЕССАМЪ. *Опыты г. Гюгуленя.* Слѣды человѣка или животнаго или иного предмета на пескѣ, пыли и пр. легко истребляются Сохраненіе ихъ весьма важно и до сихъ поръ было весьма трудно. По этому способъ г. Гюгуленя конечно не останется безполезнымъ въ этомъ дѣлѣ.

Экспертъ, заставшій слѣдъ нетронутымъ, можетъ укрѣпить и сохранить его слѣдующимъ образомъ. Онъ растворяетъ въ винномъ спиртѣ стеариновую кислоту, растворъ льетъ въ воду и мѣшаетъ палочкой, потомъ сушитъ осадокъ на цѣдилкѣ. Такимъ образомъ получается порошекъ столь тонкій, что бросая его на самую легкую пыль, нельзя измѣнить на ней слѣда.

Digitized by Google

Слѣдъ нагрѣваютъ, приближая къ нему жаровню съ сильно раскаленными углями. Когда температура слѣда достигла до 100°, порошокъ стеариновой кислоты сѣютъ сквозь тонкое сито. Кислота проникаетъ въ пыль или песокъ. Охлаждаютъ. Тогда слѣдъ можно снять съ мѣста и хранить.

Впрочемъ для этой цѣли можетъ служить дагерротипъ. Обыкновенно нужно знать форму слѣда и мѣру. Для узнанія послѣдней достаточно положить подлѣ слѣда предметъ извѣстной мѣры, напр. металлическій футъ. Способъ этотъ выгоднѣе предъидущаго въ томъ отношеніи, что имъ можно сохранить слѣдъ, положенный на снѣгу или грязи.

Такимъ образомъ химія нынѣ приложена:

a) Къ изслѣдованію отравленій большею частію ядовъ;

b) Къ изслѣдованію подлога въ вещахъ изъ благородныхъ металловъ и въ краскахъ;

c) Къ изслѣдованію бумаги въ случаѣ подозрѣнія вытравленія чернилъ;

d) Къ изслѣдованію кровавыхъ пятенъ;

e) Къ изслѣдованію крови живо- и мертворожденныхъ младенцевъ, въ случаяхъ, гдѣ легочная проба неудовлетворительна;

f) Наконецъ къ сохраненію слѣдовъ.

НОВОЕ САХАРНОЕ ВЕЩЕСТВО, ДУЛЬКОЗЪ. Г. Лоранъ изслѣдовалъ сахарное вещество, привезенное изъ Мадагаскара и повидимому находящееся тамъ въ большомъ количествѣ. Это вещество, названное *дульказомъ*, есть бѣлая масса волокнистая въ изломѣ, на поверхности грязная отъ посторонннихъ примѣсей. Для очищенія его растворяютъ въ кипяткѣ, процѣживаютъ и кристаллизуютъ. Она раздѣляется на кристаллы и сиропъ, почти безцвѣтный, и неспособный къ кристаллизаціи.

Дульказъ безъ цвѣта и запаха, вкусомъ походитъ на маннитъ; хруститъ на зубахъ. Кристаллы его очень блестящи и имѣютъ форму косвенной призмы съ ромбомъ въ основаніи. Плавится при 190°. Выше этой температуры

Digitized by Google

теряетъ воду, остается безцвѣтнымъ, и если растворить въ водѣ, то можетъ кристалловаться снова. При дальнѣйшемъ нагрѣваніи разлагается подобно манниту, не оставляя угля въ ретортѣ.

Онъ мало растворяется въ кипячемъ алкоголѣ и при охлажденіи кристаллизуется въ ромбоктаедры. Основный уксуснокислый свинецъ не осаждаетъ его изъ растворовъ.

Онъ растворяется въ кипящемъ слабомъ растворѣ ѣдкаго кали, и при охлажденіи осаждается безъ измѣненія. Съ крѣпкимъ растворомъ даетъ сиропъ густой и безцвѣтный, въ которомъ алкоголь не производитъ осадка.

Слабая сѣрная кислота растворяетъ его весьма медленно. Окончательно послѣ кипяченія образуется камедистое вещество.

Формула дулькоза $C^{14} H^{34} O^{15}$.

О КОСМОГРАФІИ И КАРТОЛОГІИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Виконтъ Сантаремъ, издавшій, начиная съ 1842 г. много картъ, морскихъ указателей и другихъ географическихъ памятниковъ, изъ временъ до XVI вѣка, изложилъ теперь свое мнѣніе о нихъ въ сочиненіи, вышедшемъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Essai sur l'histoire de la Cosmographie et de la Cartographie pendant le moyen âge et sur les progrés de la Géographie après les découvertes du 15-me siecle.» Въ первой части, вышедшей уже въ истекшемъ году, онъ изложилъ общій планъ труда, также свои мнѣнія объ открытіяхъ Португальцевъ до 15-го столѣтія, и изобразилъ, какія свѣдѣнія имѣли Европейскіе космографы и географы въ средніе вѣка. Эти ученыя изслѣдованія составляютъ предисловіе къ тексту, который заключаетъ въ себѣ замѣчанія и разборъ превосходнаго собранія ландкартъ, морскихъ указателей и пр., изданныхъ имъ, какъ упомянуто, съ 1842 года. Г-нъ Сантаремъ избралъ способъ чисто-хронологическій: онъ разбираетъ картографическіе памятники отъ младенчества этого искусства да его полнаго развитія въ 14 столѣтіи, отъ первой извѣстной ландкарты въ Среднихъ вѣкахъ — карты Космы, — до великолѣпной всемірной карты Герефордской. При этомъ онъ методически разби-

Digitized by Google

раетъ всѣ перемѣны, происшедшія въ изученіи мѣстностей, и побѣждаетъ всѣ доселѣ непреодолимыя трудности, встрѣчавшіяся въ сравнительной географіи относительно послѣдовательнаго обозначенія различныхъ мѣстъ. Къ этому главному результату, столь важному для каждаго историка и географа, авторъ умѣлъ присоединить еще другіе, не менѣе важные почти для всѣхъ возможныхъ отраслей знанія. Здѣсь физикъ найдетъ самыя занимательныя указанія на свѣдѣнія древнихъ въ климатологіи, какъ ее понимали средневѣковые картографы; естествоиспытатель— объясненія различныхъ растеній и животныхъ, которыхъ картографы изображали у различныхъ земныхъ поясовъ; минеологъ — баснословныхъ животныхъ, а астрономъ—неожиданное богатство астрономическихъ воззрѣній, существовавшихъ до и послѣ 13 столѣтія, и ихъ приложеніе; космографъ удивится искусству, съ какимъ г. Сантаремъ подвелъ подъ общую точку зрѣнія космографическія понятія древности языческой и христіанской, показалъ аналогіи у писателей церковныхъ со свѣтскими, классифировалъ извѣстные уже факты, и тѣмъ соорудилъ систему съ чисто-ученымъ основаніемъ. Г-нъ Сантаремъ этимъ какъ бы основалъ новую науку, для чего нужно не одно постоянное прилежаніе, но и высшій взглядъ, связующій цѣлое съ частями.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА.

При устьѣ рѣки Аргуненона, (во Франціи) есть чрезвычайно любопытный Галло-Римскій памятникъ, къ которому уже около двухъ мѣсяцевъ стекаются путешественники. Этотъ памятникъ долженъ быть остатокъ великолѣпной Римской виллы и занимаетъ многихъ археологовъ Франціи, гдѣ до сихъ поръ не было образчика подобной архитектуры.—Не подалеку находится памятникъ Карны (Галльской Діаны или Луны), близъ котораго отрыты медали съ изображеніями коней Апполлона или Митры.

Вскорѣ появятся въ Парижѣ, на счетъ правительства, *археологическія изысканія надъ Алжиріею*. Найдены слѣды Римскаго дѣла всюду, внутри Алжиріи и по берегамъ, тамъ

Digitized by Google

гдѣ этого до сихъ поръ никто не предполагалъ. Алжирія станетъ богаче Римскими древностями — цѣлой сѣверной Италіи. Надписи, могильные памятники, улицы, мосты, храмы, тріумфальныя арки, доказываютъ совершенное и долгое владычество Римлянъ въ этой странѣ, и много произойдетъ важныхъ открытій отъ изысканій коммиссіи, назначенной съ этою цѣлію Французскимъ правительствомъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ФАРШИРОВАТЬ ДОМАШНІЯ ПТИЦЫ ТРУФЕЛЯМИ

Изобрѣтено недавно однимъ Тулузскимъ гастрономомъ и предлагается имъ во всеобщее свѣдѣніе и на пользу человѣчества. Онъ просто сбираетъ все то, что счищается съ труфелей, и эти обрѣзки мѣшаетъ съ обыкновенной пищею птицъ. Отъ этого птица не только жирѣетъ, но, сверхъ того, битая имѣетъ тотъ удивительный аромать, который такъ цѣнится знатоками.

СЕРБСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Близъ города Сини въ Кроатіи — между остатками отъ бывшаго тамъ Турецкаго праздника — найдена государственная печать Сербскаго короля Твартко I. Эта печать мѣдная съ изображеніемъ св. муч. и поб. Георгія, поражающаго змія, съ короною и надписью: Tvartus D. g. Ras.(ciae) Ser(biae) Bos. Illyr. Dal. et Croat. Rex.

ИЗОБРѢТЕНІЯ.

— Въ Парижѣ нѣкто Делёль (Deleul) разрѣшилъ задачу электрическаго освѣщенія. Существеннымъ улучшеніемъ въ Вольтовомъ столбѣ ему удалось произвести свѣтъ, котораго возобновленіе совершается чрезвычайно быстро и который освѣщаетъ такъ хорошо, что никакой другой съ нимъ не можетъ сравниться. Ожидаютъ, что скоро площади Парижскія будутъ освѣщены такимъ образомъ.

— Ньюіоркскій профессоръ Педжъ (Page) думаетъ, что разрѣшилъ задачу употребить электромагнетизмъ движущею силою. Онъ построилъ машину въ 5 лошадиныхъ силъ, дѣлающую 114 подъемовъ поршня въ минуту, и у которой баттарея имѣетъ не болѣе 3 куб. футовъ объема, при чемъ потребляется только 3 фунта цинка въ сутки на каждую силу. Въ противность прежнимъ опытамъ,

Digitized by Google

нынѣ оказывается, что чѣмъ больше машина, тѣмъ больше экономіи. Изобрѣтатель намѣренъ поставить машину въ 100 силъ.

— Уже лѣтъ пять назадъ, Августъ Шевалье предложилъ для локомотивовъ сигналы изъ хлопушекъ или коробочекъ съ гремучимъ составомъ. До сихъ поръ ихъ употребляли только на Лондонско-Бирмингамской желѣзной дорогѣ. Коробочки эти жестяныя; въ діаметрѣ онѣ 2 дюйма и вышиною ок. $\frac{1}{3}$ дюйма; онѣ укрѣпляются на рельсахъ и, какъ скоро колесо должно перекатиться черезъ это мѣсто, производимый ими взрывъ непремѣнно слышенъ машинисту. Тогда останавливаютъ поѣздъ, посылаютъ одного изъ людей по направленію назадъ, чтобы въ извѣстныхъ разстояніяхъ положить по рельсамъ такихъ же коробочекъ для предостереженія слѣдующихъ поѣздовъ; потомъ поѣздъ медленно подвигается впередъ до пункта, гдѣ остановился предшедшій поѣздъ. — Это изобрѣтеніе представляетъ столько выгодъ и до такой степени устраняетъ возможность опасности, какъ ни одинъ изъ другихъ существующихъ сигнальныхъ способовъ.

Литературныя извѣстія.

Вышелъ первый годовой выпускъ альманаха «Германія.» Въ немъ заключаются: повѣсть Луизы Галль (г-жи Левинъ Стюкингсъ), другая «Луція» Адольфа Стара (Stahr), третья «Фернанда» Бернда-Фонъ-Гусекъ; далѣе «Филэллинъ,» разсказъ извѣстнаго путешественника Г. Прёле (Pröhle) и, кромѣ многихъ маловажныхъ статей, еще повѣсть Альфреда Мейснера, подъ названіемъ «Вина юности.»

— Ламартиновы Nouvelles Confidences заслуживаютъ очень неблагопріятные отзывы критиковъ. Таланта замѣчаютъ менѣе, нежели въ прежнихъ его произведеніяхъ, а эффектовъ и тщеславія гораздо больше.

— Въ Германіи выходитъ въ недѣлю около 175, стало быть въ годъ 9100 книгъ. Сколько ихъ нихъ будутъ еще читаться черезъ десять лѣтъ, когда послѣ нихъ выйдутъ еще тысячь сто?

— Съ Января будущаго года Пруцъ въ Галле и Вольфзонъ въ Лейпцигѣ будутъ издавать «Германскій Музей» литературную, художественную и политическую газету

Digitized by Google

художественныя извѣстія.

Въ Минхенской Королевской Академіи художествъ выставлено нѣсколько произведеній живописца Хальбрейтера, который долго трудился въ Аѳинскомъ дворцѣ, по порученію Короля Греческаго. Кромѣ картона къ тамошнимъ его картинамъ художникъ представилъ зрителямъ нѣсколько батальныхъ сценъ изъ войны за независимость и рядъ видовъ Палестины, снятыхъ имъ съ натуры. Изо всего собранія самая замѣчательная картина есть Вознесеніе Божіей Матери, отличающаяся эффектнымъ распредѣленіемъ свѣта, а также гармоніей въ колоритѣ и превосходными мотивами въ исполненіи. Послѣднее въ особенности относится къ самой прославленной Богоматери, которой весь образъ ясно выражаетъ таинственное значеніе ея вознесенія, попраніе смерти.

— Штатъ Виргинія поручилъ скульптору Кравфорду въ Ньюіоркѣ(ученику Торвальдсена) соорудить колоссальный памятникъ Вашингтону, основателю союза, предназначенный для города Ричмонда. Памятникъ будетъ вышиною около 60 футовъ, и вполнѣ достоинъ великаго имени, которому посвящается. Вашингтонъ будетъ представленъ верхомъ на высокомъ и просторномъ пьедесталѣ, кругомъ будутъ поставлены геній Виргиніи и статуи пяти славнѣйшихъ изъ сыновъ ея: президентовъ Джефферсона и Мадисона, одушевленнаго оратора Патрика Генри, храбраго кавалерійскаго генерала Ли и прославленнаго верховнаго судьи Союзныхъ Штатовъ Джемса Маршала. Статуи будутъ изъ бронзы, все остальное изъ красиваго краснаго гранита, находимаго близъ Ричмонда. Идея цѣлаго произведенія, на которое штатъ ассигновалъ 100,000 долларовъ (болѣе 130,000 р. с.), отличается, подобно всѣмъ сооруженіямъ Кравфорда, оригинальностію изобрѣтенія, художническимъ спокойствіемъ и гармоніей. Отливка будетъ производиться въ Минхенѣ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫПИСКА

изъ письма къ отцу въ Москву, отъ чиновника, служащаго при Кавказскомъ Намѣстникѣ.

Нарядившись въ мундиръ, я отправился въ понедѣльникъ 24 числа, въ 4 часа, въ Соборъ, куда изволилъ прибыть прямо Государь Цесаревичь; слѣдовательно, не видѣвши самъ, могу о въѣздѣ Его Высочества въ городъ передать вамъ только то, что слышалъ отъ другихъ. Въ двухъ верстахъ отъ заставы Его Высочество пересѣлъ изъ экипажа своего на лошадь, и такимъ образомъ, съ огромнѣйшимъ эскортомъ и при стеченіи почти всего Тифлисскаго народонаселенія, Цесаревичь ѣхалъ верхомъ до Собора болѣе часа. При вшествіи въ Соборъ встрѣченъ Онъ былъ Экзархомъ Грузіи съ крестомъ и святою водою. Отслушавъ молебенъ, Его Высочество сѣлъ опять на лошадь, и тѣмъ же порядкомъ поѣхалъ въ домъ Князя Намѣстника, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для весьма малаго числа приглашенныхъ особъ.

Въ этотъ день никто уже болѣе не имѣлъ счастія видѣть Его Высочество, за то на улицахъ происходило, совершенное торжество и богатѣйшая иллюминація; домы были совершенно пусты, всѣ жители толпились на улицахъ, кои оглашались радостными восклицаніями. Взирая на это газовое освѣщеніе, шкальчики и плошки, на народное это волненіе, скорѣе можно было подумать, что находишься

Digitized by Google

въ которой-нибудь изъ первѣйшихъ Европейскихъ столицъ, а не въ отдаленномъ Тифлисѣ, ежели не мелькали бы по временамъ бараньи шапки и не раздавалась неумолкаемая Грузинская музыка и крики.

На другой день въ 11 часовъ было общее представленіе военныхъ и гражданскихъ чиновъ до 8 класса включительно; но такъ какъ я въ оном участвовать не могъ, состоя въ 9 классѣ, то оставалось мнѣ только вмѣшаться въ толпу народную и замѣчать искреннюю радость, изображавшуюся на всѣхъ лицахъ, и слушать разговоры, коими изъявлялась сердечная радость видѣть Августѣйшаго Гостя. Въ тотъ же день былъ офиціальный обѣдъ на 120 человѣкъ, а послѣ онаго маленькій вечеръ у Княгини Е. К. Воронцовой. Его Высочество изволилъ принимать участіе въ танцахъ и не оставилъ никого безъ милостиваго привѣтствія, даже меня ничтожнаго человѣка, и подозвавъ къ себѣ, изволилъ разспрашивать о службѣ моей, говорилъ о любезной нашей Москвѣ и сообщилъ подошедшему къ Его Высочеству Князю-Намѣстнику нѣкоторое обстоятельство, касающееся до самой первой моей юности, и которое полагалъ я совсѣмъ изгладившимся изъ памяти Его Высочества.

На другой день, въ среду, былъ утромъ разводъ, а вечеромъ знаменитый балъ съ ужиномъ, данный Грузинскимъ Дворянствомъ въ саду Тифлисскаго Гражданина Тершмованова, въ честь Его Императорскаго Высочества, и окончившійся блистательнымъ фейерверкомъ. Здѣсь конечно поражать могла всякаго богатая, великолѣпная и различная Азіатская одежда; но отъ наблюдательнаго глаза не скрывалось также, что чувства, коими всѣ тутъ находившіеся одушевлялись, были истинно Русскія.

Въ четвергъ 28 числа утромъ, въ Мезенцовскихъ владѣніяхъ былъ смотръ всѣмъ войскамъ, которыя находились на лицо, въ Тифлисѣ, а вечеромъ былъ праздникъ въ Караванъ-Сараѣ (то есть въ гостиномъ дворѣ). Не льзя было избрать приличнѣйшаго мѣста. Тутъ Азіатская роскошь: ковры, парчи, золото, серебро и алмазы явились во всемъ своемъ блескѣ; кромѣ того видъ изъ Караванъ-Сарая

Digitized by Google

съ балкона на Куру, гдѣ на противолежащемъ берегу былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, представлялъ нѣчто совершенно волшебнаго и достойнаго разсказовъ Тысячи одной ночи. Внутри были устроены фонтаны изъ Кахетинскаго вина. Въ десяти мѣстахъ гремѣла Грузинская зурна и плясали лезгинку. Всѣ были въ восхищеніи, и восхищеніе сіе еще болѣе умножалось отъ одобренія, которое угодно было Государю Цесаревичу нѣсколько разъ изъявлять хозяевамъ. Многіе оставались тутъ еще долго послѣ отъѣзда Его Высочества. Казалось, что никто не хотѣлъ оставлять этого очаровательнаго праздника.

Наконецъ въ пятницу 29 числа, всѣ военные и гражданскіе чины собрались опять въ той же залѣ, дабы откланиваться Его Императорскому Высочеству. Желая насладиться до самаго нельзя счастіемъ видѣть Государя Цесаревича, я сѣлъ на лошадь и отправился за заставу ожидать проѣзда Августѣйшаго Гостя. Въ 9 часовъ показалось свита. Впереди въ коляскѣ ѣхалъ Цесаревичъ съ Княземъ Вебутовымъ, который долженъ совершить съ Его Высочествомъ путешествіе до Дербента. За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ разныхъ экипажей Его свиты, а около коляски нѣсколько Генераловъ, сынъ Князя Намѣстника, Дворянскій Предводитель съ 20 щегольскими всадниками изъ дворянъ; всѣ они сидѣли на кровныхъ, славныхъ Азіатскихъ лошадяхъ, и проводили Государя Цесаревича версты за три отъ города, а потомъ возвратились въ Тифлисъ, кромѣ однако же дворянъ, которые сопровождали Его Высочество до станціи; къ симъ примкнулъ и я, дабы насладиться еще хотя издалека счастіемъ видѣть Государя Цесаревича; но Онъ, узнавъ меня въ толпѣ, къ Себѣ подозвалъ, хвалилъ мою лошадь и изволилъ дѣлать разные вопросы. На подставѣ слѣзъ я съ своего коня, и когда поклонился Цесаревичу, пожелавъ Ему искренно въ душѣ моей благополучнаго дальнѣйшаго пути, то удостоился услышать изъ устъ Его Императорскаго Высочества ласковое: *прощай!* Такимъ образомъ былъ я послѣдній изъ жителей Тифлисскихъ, имѣвшихъ счастіе слышать Его голосъ.

Къ подробностямъ симъ долженъ я прибавить, что на смотру Великій Князь подъѣхалъ къ Князю и громко

Digitized by Google

сказалъ Намѣстнику: «отъ имени Государя благодарю васъ, Князь Михаилъ Семеновичъ, за Кавказъ!» Потомъ, оборотясь къ войскамъ, прибавилъ: «и васъ, господа офицеры и храбрые воины, Государь поручилъ мнѣ благодарить за доблестную и вѣрную службу вашу!» Послѣ сего Цесаревичъ опять подъѣхалъ къ Намѣстнику, обнялъ его, поцѣловалъ и прибавилъ: «въ лицѣ Князя Михаила Семеновича Я цѣлую весь Кавказскій Корпусъ!»

Я не знаю, извѣстно ли уже у васъ, что Князь Намѣстникъ зачисленъ Л. Гвардіи въ Преображенскій полкъ, и Цесаревичъ привезъ ему Преображенскій мундиръ, который Князь носилъ на себѣ всѣ эти дни.

Я не могу вамъ передать того глубокаго впечатлѣнія, которое произвело на всѣхъ безъ изъятія жителей здѣшняго края краткое пребываніе Государя Цесаревича въ Тифлисѣ. Храброе здѣшнее войско, пылающее безъ того вѣрностію, единодушнымъ и примѣрнымъ усердіемъ къ Государю Императору, получило отъ посѣщенія, сдѣланнаго Цесаревичемъ столь отдаленному отряду Россійскаго воинства, какъ бы новыя силы къ заслуженію благоволенія и милостей Царскихъ. Воспоминаніе о четырехъ сихъ дняхъ не изгладится никогда изъ памяти моей, и я считаю особеннымъ для себя счастіемъ, что случился на это время въ Тифлисѣ. Вы найдете большія подробности въ журналѣ нашемъ Кавказѣ, и которыя Москва будетъ читать, вѣрно, съ особеннымъ удовольствіемъ.

Тифлисъ
29 Сентября 1850.

БОГАДѢЛЬНЯ СКРОВОЛЬНЫХЪ СЕСТЕРЪ ВЪ ОДЕССѢ. — 21 Ноября открыто было въ Одессѣ новое богоугодное заведеніе для безмезднаго служенія больнымъ, и вмѣстѣ происходило освященіе устроенной при немъ церкви во имя Богоматери всѣхъ скорбящихъ радости. — Надѣемся скоро сообщить нѣкоторыя подробности объ этомъ прекрасномъ учрежденіи.

Digitized by Google

ИЗЪ ТАРЫ. — За 200 передъ симъ лѣтъ стрѣлецъ Самсоновъ, волею или неволею, переселился въ Тару, и принесъ съ собою икону Святителя Николая Чудотворца Можайскаго. Икона стояла въ домѣ Самсонова сперва въ Тарѣ, а потомъ, по переселеніи его на новое мѣсто, въ деревнѣ Самсоновой, въ 6 верс. отъ Тары. Благоговѣйные христіане прибѣгали съ мольбами къ Святителю, и усердныя молитвы не оставались тщетными. Умножающееся число поклонниковъ заставило потомка Самсонова построить для иконы часовню, а приношенія дали возможность украсить икону серебряною ризою.

Въ нынѣшнемъ году чтители скораго помощника и молитвенника начали строить храмъ, который и достроивается уже нынѣ; но много еще надобно къ совершенію его. Отъ жителей деревни Самсоновой, по бѣдности ихъ, не требуется ничего. Приношенія могутъ присылаться на имя Тарскаго мѣщанина Ивана Андреева Залѣвина въ Тарѣ. *И. Т.*

ЕЩЕ ПОЖЕРТВОВАНІЕ КРАШЕНИННИКОВА. — Городъ Клинъ (Москов. губ.) получилъ недавно отъ душеприкащиковъ незабвеннаго благотворителя *пятнадцать тысячъ рублей серебромъ*, для выдачи процентовъ съ этой суммы въ приданое бѣднымъ мѣщанскимъ дѣвицамъ при выходѣ ихъ въ замужство. — Москвитянинъ нѣсколько разъ обращался съ усердною просьбою къ знавшимъ покойнаго о сообщеніи извѣстій касательно его жизни. Наконецъ, просьба эта исполнена, и благодаря просвѣщенной готовности душеприкащиковъ покойнаго, одна изъ первыхъ книгъ Москвитянина будущаго года украсится жизнеописаніемъ М. И. Крашенинникова и, можетъ быть, его портретомъ.

ДѢТСКІЙ ПРІЮТЪ ВЪ УГЛИЧѢ. — С.-Петербургскій купецъ В. А. Пивоваровъ, желая ознаменовать добрымъ дѣломъ всерадостнѣйшій для Россіи день двадцатипятилѣтія благословеннаго царствованія Государя Императора, пожертвовалъ 5,500 руб. сер, на учрежденіе Дѣтскаго пріюта въ мѣстѣ родины своей, Ярославской губ. г. Угличѣ.

Digitized by Google

КАѲЕДРА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПАЛЕОГРАФІИ открыта въ Училищѣ Правовѣдѣнія (въ С.-Петербургѣ). Начальство этого заведенія, усматривая, что при дѣлопроизводствѣ въ Сенатѣ и другихъ судебныхъ мѣстахъ, весьма часто встрѣчается необходимость разсматривать старинные акты, грамоты и другіе документы, требующіе особеннаго знанія и навыка, и имѣя въ виду спеціальную цѣль Училища Правовѣдѣнія въ образованіи юристовъ, нашло нужнымъ учредить особую каѳедру для объясненія воспитанникамъ Училища свойствъ и особенности старинныхъ Русскихъ письменъ. Каѳедра новой науки, подъ именемъ «юридической палеографіи», поручена извѣстному нашему археологу И. П. Сахарову.

СТРАШНЫЙ УРАГАНЪ. — Изъ Оренбурга пишутъ, что 20 и 21 Сентября, свирѣпствовалъ сильный ураганъ, сперва съ дождемъ, потомъ съ снѣгомъ, въ степи въ Дгортъ-Коринскомъ родѣ (Средней орды), располагавшемся въ то время при вершинѣ Иргиза. Отъ него погибло: до 170 чел. Киргизовъ, слишкомъ 205 т. головъ барановъ, почти 1,300 лошадей и нѣсколько сотъ верблюдовъ и рогатаго скота. Снѣгу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нанесено было около 3 аршинъ, и онъ лежалъ до 7 дней.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЮБИЛЕЙ ГЕНЕРАЛА М. И. ЧЕОДАЕВА.

8-го Декабря совершилось 50 лѣтъ служенія со времени производства въ первый офицерскій чинъ Командира 6-го пѣхотнаго Корпуса, Генерала отъ инфантеріи Михаила Ивановича Чеодаева. Подчиненные генералы, штабъ-и оберъ-офицеры сего Корпуса, во изъявленіе искреннихъ чувствъ высокаго уваженія къ Его Высокопревосходительству, праздновали день полувѣковой службы достойнаго своего начальника.— Принявъ приглашеніе ихъ на обѣдъ, приготовленный въ залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія, Михаилъ Ивановичъ прибылъ съ Его Сіятельствомъ Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ. Въ большой залѣ Собранія стоялъ роскошно убранный столъ на 120 приборовъ. Среднее мѣсто противъ портрета Государя Императора было занято виновникомъ торжества, сидѣвшимъ между Графомъ А. А. Закревскимъ и Княземъ А. И. Горчаковымъ. Обѣдъ былъ полонъ одушевленія. Во время стола тостъ за здравіе Его Величества и Августѣйшаго Семейства былъ принятъ съ восторгомъ при звукахъ народнаго гимна, по окончаніи коего, Начальникъ корпуснаго штаба, Свиты Его Величества Генералъ-Майоръ Фонъ-Бринъ поднесъ Михаилу Ивановичу Высочайшій рескриптъ и табакерку съ портретомъ Государя Императора, брилліантами украшенную. Съ горячими слезами, восторженными благоговѣйною признательностію, цѣловалъ Михаилъ Ивановичъ рескриптъ великодушнаго Монарха, и восторгъ этотъ и признательность мгновенно перелились въ сердца всѣхъ присутствовавшихъ.... Громкое *ура*! огласило залу, сливаясь съ звуками повтореннаго гимна. — Когда окончился обѣдъ, посѣтители разбирали на память этого дня листки съ краткимъ

Digitized by Google

обзоромъ служебнаго поприща Михаила Ивановича. Опредѣлясь на службу въ 1799 г. въ гарнизонный Генерала Пущина полкъ, онъ за 50 лѣтъ предъ симъ, 1800 г. Декабря 8, произведенъ въ прапорщики. Въ чинѣ штабсъ-капитана за отличіе при взятіи Свеаборга (1808 г.) награжденъ орденомъ Св. Анны 4 ст. Въ блистательную эпоху отечественной войны, награды, полученныя Михаиломъ Ивановичемъ, въ возмездіе подвиговъ мужества и храбрости, сливаются съ воспоминаніемъ славныхъ дней Русскаго оружія: такъ въ началѣ 1812 года произведенный въ майоры, онъ награждается за Бородино орденомъ Св. Владимира 4 ст. съ бантомъ, за Тарутино орденомъ Св. Анны 2 ст., за занятіе Вязьмы золотою шпагою съ надписью: «за храбрость», за отличіе при Красномъ чиномъ подполковника. Въ 1813 году новая дѣятельность: Люценъ украсилъ его Анною 2 ст. съ алмазами, отличіе въ арріергардныхъ дѣлахъ при движеніи отъ Бауцена награждено Прусскимъ орденомъ за военное достоинство; сраженіе при Кульмѣ даетъ еще Прусскій орденъ Краснаго Орла 3 ст., но полученная здѣсь рана въ ногу прекращаетъ военную его дѣятельность въ продолженіе этой кампаніи. Въ 1831 г. уже въ чинѣ Генералъ-Майора, Михаилъ Ивановичъ награжденъ былъ за Гроховское дѣло шпагою, бриллiантами украшенною, а за штурмъ Варшавы орденомъ Св. Владимира 2 ст., и наконецъ за послѣднюю кампанію противъ Венгерскихъ мятежниковъ, командуя 4 пѣхотнымъ Корпусомъ, удостоенъ орденовъ: Св. Князя Александра Невскаго съ алмазными украшеніями, и Императорско-Австрійскаго Леопольда большаго креста. 10 Января этого года Его Высокопревосходительство назначенъ Командиромъ 6 пѣхотнаго Корпуса.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

БРЮССЕЛЬСКІЙ АНТИКВАРІЙ ФЕРБЕЙСТЪ.

Въ концѣ Ноября 1849 года Брюссель лишился одной изъ своихъ литературныхъ знаменитостей со смертію книгопродавца и антикварія Фербейста, уважаемаго старца, котораго имя было извѣстно большей части Европейскихъ библіофиловъ, библіографовъ и библіомановъ. Фербейстъ посвятилъ книгамъ всю свою жизнь и дѣятельность, и провелъ среди ихъ вѣрно четыре пятыхъ своей 80-лѣтней жизни. Природа одарила его необыкновенною памятью, такъ что онъ безъ каталога могъ съ удивительною точностію обозначить заглавіе, годъ изданія и самую исторію нѣсколькихъ сотъ тысячъ томовъ, которыхъ помѣщеніе въ магазинахъ его занимало цѣлыя улицы. Онъ питалъ невыразимую привязанность къ своимъ книгамъ. На лицѣ его изображалось какое-то особенное одушевленіе, когда отворялась дверь, ведущая въ его обширныя книжныя залы. Онъ снова запиралъ ее накрѣпко и каждому, вступавшему съ нимъ въ это тихое, молчаливое, но не безжизненное уединеніе, взглядъ хозяина показывалъ, какъ будто онъ вводилъ его въ какой-то кругъ, очерчивающій всю сферу умственныхъ знаній и, казалось, говорилъ: теперь, любезнѣйшій, теперь радуйтесь!

Почти невозможно было спросить у Фербейста какую-нибудь книгу, или изданіе, котораго бы у него не было, или котораго бы онъ не зналъ. Хотя онъ не получилъ большаго ученаго образованія, однако легко могъ вести бесѣду съ умнѣйшими людьми всѣхъ эпохъ и націй.

Digitized by Google

Часто онъ даже велъ очень ученые споры о важнѣйшихъ библіографическихъ вопросахъ; онъ могъ даже состязаться съ Шарлемъ Нодье, и это видно изъ слѣдующаго анекдота, въ которомъ прекрасно изображаются и Фербейстъ и Французскій бельлетристъ.

Много лѣтъ тому назадъ Шарль Нодье пріѣхалъ въ Брюссель.

Одно изъ первыхъ его дѣлъ было, разумѣется, побывать у Фербейста. Свиданіе ихъ было необыкновенно странно. Фербейстъ, нѣсколько грубоватый въ пріемахъ, а можетъ быть, и гордившійся своимъ книжнымъ богатствомъ, откинувъ назадъ голову, спросилъ входящаго:

— Кто вы такой?

— Я Шарль Нодье, — отвѣчалъ библіофилъ,

— Шарль Нодье! — имя мнѣ неизвѣстно.

И дѣйствительно, привыкши жить въ прошедшемъ, окруженный книгами прежняго времени, старинными изданіями, однимъ словомъ, роясь въ архивной пыли, Фербейстъ мало заботился о новыхъ писателяхъ, какъ бы они ни отличались въ своей средѣ. Нужно было пройдти по крайней мѣрѣ столѣтію, чтобы обратить на что-нибудь его вниманіе. Поэтому-то онъ не зналъ имени Шарля Нодье. Этотъ, съ своей стороны, былъ такъ скроменъ, что не показалъ при его отзывѣ ни малѣйшаго удивленія, и только прибавилъ:

— Ш. Нодье, библіотекарь Парижскаго Арсенала.

— А, вы библіотекарь, — возразилъ Фербейстъ.

— И библіофилъ, — прибавилъ Нодье.

— Позвольте, — прервалъ его Фербейстъ,—кажется, трудно быть вмѣстѣ тѣмъ и другимъ.

— А почему, смѣю спросить?

— Потому, что библіофилъ всегда будетъ плохой библіотекарь. Какую-нибудь цѣнную и рѣдкую книгу онъ никогда не купитъ для ввѣренной ему библіотеки, а припасетъ для себя. Не правда ли?

Нодье смѣшался и не зналъ что отвѣчать. Тонкая и плутоватая улыбка показалась на лицѣ Фербейста; онъ поспѣшно обратился къ своему магазину со словами:

Digitized by Google

— Пожалуйте же; коли вы библіофилъ, то я покажу вамъ все, что у меня есть. —И онъ повелъ гостя въ книжныя залы. Нодье на минуту былъ ошеломленъ при видѣ безконечныхъ рядовъ книгъ, тянувшихся предъ нимъ во всѣ стороны. Дверь была заперта.

— Теперь мы будемъ останавливаться только на томъ, что всего больше можетъ занять васъ. Хотите видѣть рѣдкія книги?

При этомъ онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана маленькій ключь, отперъ имъ старый дубовый шкапъ, вдѣланный въ стѣнѣ, гдѣ безпорядочно лежали большія, среднія и маленькія книги, взялъ одну изъ нихъ, положилъ ее на столъ и спросилъ:

— Знаете вы эту?

— Знаю, изданіе 1496 г.,—отвѣчалъ Нодье.—Другое, 1493 г., рѣже.

Черты Фербейста на мгновеніе выразили неудовольствіе.

Онъ взялъ другую книгу.

— А эту? — сказалъ онъ.

— Края узки, — отвѣчалъ Нодье.— Мой экземпляръ 7-ю или 8-ю миллиметрами пошире.

Негодованіе Фербейста усилилось. Когда онъ вытаскивалъ изъ шкапа, одну за другою, книгъ 9 или 10, показывая ихъ Нодье, и тотъ каждую ставилъ на столъ, говоря: «знаю», то Фербейстъ не могъ долѣе удержать порывовъ гнѣва.

— Найду же я, чего вы, Французы, не знаете, — проворчалъ онъ про себя. Фербейстъ былъ библіофилъ-патріотъ, и убѣжденъ, что Франція библіографическими рѣдкостями не превосходила Бельгію.

Онъ сталъ обдумывать свой послѣдній и рѣшительный ударъ, нагнулся къ нижней полкѣ, обѣими руками взялъ съ ней маленькую книжку, положилъ ее на столъ и такимъ голосомъ, какъ будто его душили, спросилъ: а эту?

Онъ сдерживаетъ дыханіе. По лбу его катится потъ, взоръ его глубоко вперяется въ лице Нодье.

Нодье, съ своей стороны, съ особеннымъ любопытствомъ разбираетъ заглавіе книги: онъ никогда не встрѣчалъ

Digitized by Google

его ни въ цитатахъ, ни просто упомянутымъ. Прочтя это неизвѣстное заглавіе, сталъ онъ перелистывать книгу, счелъ страницы, осмотрѣлъ примѣты и переплетъ, еще и еще разъ прочелъ заглавіе, какъ будто не вѣря глазамъ своимъ.

Чѣмъ дольше продолжался этотъ осмотръ, тѣмъ болѣе прояснялось чело Фербейста, и наконецъ оно приняло торжественное выраженіе. Грудь его расширилась, онъ сталъ дышать свободнѣе, и веселая улыбка озарила его лице.

— Ну что? — спросилъ онъ.

—Этой книги я не знаю, я никогда ее не видалъ,—отвѣчалъ Нодье, все еще не переставая перевертывать листы, пожелтѣвшіе отъ трехсотлѣтней древности.

—Такъ я и думалъ,—сказалъ торжествующимъ голосомъ Фербейстъ,—я зналъ, что съ Французами намъ еще можно помѣряться.

Нодье поблѣднѣлъ; руки его, казалось, срослись съ драгоцѣнною книжкою.

—Не продадите ли вы мнѣ эту книгу? — спросилъ онъ, запинаясь.

— Нѣтъ.

— Сто франковъ.

— Нѣтъ.

— Полтораста франковъ.

— Нѣтъ.

— Двѣсти франковъ.

— Нѣтъ.

— Двѣсти пятьдесятъ франковъ.

— Ни за какую цѣну въ мірѣ!—вскричалъ торжественно Фербейстъ, съ неописанною радостію слѣдя глазами за постепенно возрастающимъ внутреннимъ волненіемъ, которое выражалось на лицѣ Нодье. Это была почти жестокая радость. Нодье былъ какъ будто уничтоженъ. Онъ выпускаетъ изъ рукъ книжку, роняетъ ее на столъ, и поборовъ непреодолимое желаніе, которому удовлетворить онъ не имѣлъ средствъ, прощается съ Фербейстомъ и уходитъ почти въ отчаяніи. Фербейстъ проводилъ его до дверей, и при этомъ показалъ такую учтивость, какой въ немъ прежде никогда не замѣчали, и которая объясняется только одержанною имъ побѣдою.

Digitized by Google

Нодье въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Брюсселя и отправился въ Антверпенъ, чтобы разсѣяніемъ избавиться отъ неописанной досады, которую онъ чувствовалъ.

Фербейстъ же сталъ жалѣть, что такъ съ нимъ обошелся.

Въ тотъ же день онъ отыскалъ извѣстнаго въ городѣ коммиссіонера.

— Что сталось съ Нодье? — спросилъ онъ.

— Онъ уѣхалъ въ Антверпенъ.

— Не знаете ли вы, гдѣ онъ тамъ остановится?

— Думаю, въ «Grand Laboureur». Эту гостинницу я рекомендовалъ Нодье и въ ней онъ уже и останавливался.

На другой день у воротъ Grand Laboureur остановилась пакетная телѣжка Брюссельской желѣзной дороги и оставила пакетъ съ адресомъ Шарля Нодье. Пакетъ открыли: въ немъ была книжка, которую такъ горячо торговалъ библіотекарь Арсенала.

На бѣломъ листѣ предъ заглавнымъ написано было: »Souvenir du bouquiniste Verbeyst au célèbre bibliophile Charles Nodier.»

свѣжія вѣсти изъ калифорніи. — Калифорнія, это новое Эльдорадо, но уже не сказочное, а настоящее, не перестаетъ быть предметомъ толковъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ и во всѣхъ возможныхъ журналахъ. Между Французами, какъ болѣе другихъ падкими на все блестящее, отчаянное, продолжаются и составленіе компаній для переселенія, и самыя переселенія, и письма изъ Калифорніи во всѣхъ журналахъ, и самые небывалые разсказы о нищихъ, возвращающихся милліонерами изъ той же Калифорніи, кредиторахъ, получающихъ уплату отъ должниковъ, до того вовсе безнадежныхъ....все по милости той же Калифорніи. Трудно опредѣлить, на сколько лжи въ самыхъ дѣльныхъ статьяхъ о Калифорніи, и на сколько правды въ самыхъ пустыхъ фельетонахъ. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что Калифорнія лѣтъ черезъ десять, пятнадцать, можетъ быть, дальше, можетъ быть, ближе, сдѣлается предметомъ чрезвычайно любопытныхъ монографій,—такъ же, какъ она теперь уже стала обѣтованной землей для многихъ охотниковъ и охотницъ до приключеній. Не желая обременять читателей подробнымъ

Digitized by Google

отчетомъ обо всемъ, что намъ случается безпрестанно читать о Калифорніи, тѣмъ болѣе, что многое, быть можетъ, уже и извѣстно имъ изъ другихъ журналовъ и газетъ, мы упомянемъ здѣсь о томъ, что Калифорнія уже вошла въ составъ союза Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и посылаетъ отъ себя двухъ представителей-сенаторовъ въ Вашингтонъ. Одинъ изъ этихъ сенаторовъ—бывшій алкадъ Сан-Франциско: онъ избранъ въ настоящее званіе за особенную распорядительность его въ прежнемъ. Такъ, замѣчательно въ числѣ дѣлъ его прошедшаго слѣдующее. Приводятъ на судъ къ нему преступника; выслушавъ обвиненіе, алкадъ говоритъ:

— Повѣсить!

— Постойте!—говоритъ его товарищъ,—надо же вникнуть въ дѣло, разсмотрѣть его: можетъ быть, обвиненный и найдетъ средство оправдаться....

— Пустое! — возражаетъ судья-исполнитель,—навѣрно виноватъ, а коли не теперь, такъ былъ виноватъ прежде, коли не здѣсь, такъ тамъ (преступникъ былъ переселенецъ).

И съ извѣстной точки зрѣнія, экс-алкадъ пожалуй былъ совсѣмъ не такъ не правъ, какъ это можетъ показаться инымъ съ перваго взгляда: большая часть переселенцевъ, къ какому бы классу они ни принадлежали въ Европѣ, какого бы ни были пола, не только не принадлежатъ къ цвѣту своихъ сословій, но не рѣдко прямо ищутъ въ переселеніи, кромѣ средства къ обогащенію, возможности избѣжать преслѣдованія полиціи и заслуженной кары закона. Есть слухи, что на этомъ основаніи Французское правительство начинаетъ исподоволь наблюдать за этими переселеніями, а всего болѣе, препятствовать открытію новыхъ компаній, имѣющихъ столько возможности употреблять въ зло довѣрчивость людей недальновидныхъ. Кромѣ La Fortune, о которой, въ видѣ образчика, мы сообщали въ одной изъ предыдущихъ нашихъ книгъ, есть еще слѣдующія: «La France, Compagnie française et americaine de San-Francisco, l'Orifère, Le Mineur и нѣк. др.

Къ числу выгоднѣйшихъ промысловъ въ этой странѣ, гдѣ всего дешевле золото, принадлежатъ, на сколько знаемъ мы, занятія врачей и модныхъ торговцевъ. По поводу послѣдней статьи, вотъ что говоритъ одинъ изъ послѣднихъ нумеровъ Парижскаго «Moniteur de la mode»:

Digitized by Google

«Мадмуазель Ортансъ, швея, береть 100 франковъ за фасонъ платья, и не находитъ никакой возможности удовлетворять всѣмъ требованіямъ, потому что дамы Сан-Франциско всѣ отличаются чрезвычайно похвальнымъ кокетствомъ. Самыя простенькія шляпки работы мадмуазель Люсиль покупаются по 150 франковъ, и ей едва даютъ додѣлать ихъ. Корсетница, недавно пріѣхавшая, объявила страшныя цѣны на свои произведенія, и, не смотря на это, за ея работу только что не дерутся: необходимо замѣтить, что она первая пріѣхала въ Калифорнію съ этимъ промысломъ. Но все это дымъ и суета въ сравненіи съ барышами магазина мелкихъ туалетныхъ и галантерейныхъ вещей, открытаго г-жею Жюбе. Магазинъ этотъ, устроенный по образцу Парижскихъ, въ сущности однако содержитъ только косыночки, воротнички, кошелечки, сѣточки, мѣшечки, и тому подобныя мелочи. За эти мелочи платятъ по нашему невѣсть какія деньги; выворачиваютъ карманы для того, чтобъ только посмотрѣть на кошелечекъ; даютъ цѣну мантильи за воротничекъ, цѣну бриллiантовой булавки—за сотню простыхъ мѣдныхъ.

Прибытіе многочисленнаго транспорта дамъ оживило всѣ эти отрасли промышленности новою дѣятельностью. Нѣкоторыя изъ путешественницъ, пріѣхавшія съ совершенно другими цѣлями, обратились къ рукодѣлію, отъ чего выиграли во всѣхъ отношеніяхъ....Но не всѣмъ, разумѣется, удается вдругъ нажиться въ Калифорніи; счастье прихотливо и за моремъ, и тому, кому хорошо дома, все-таки лучше дома и остаться.»

Послѣднія слова «Moniteur» подтверждаются извѣстіями изъ другихъ журналовъ. Въ послѣднее время было въ Калифорніи нѣсколько, болѣе или менѣе важныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ, безпорядковъ. Такъ въ Morning Herald пишутъ изъ Калифорніи о страшной борьбѣ въ Сувра между Американцами и иностранцами: «убійства, безпорядки, покражи дошли до послѣдней степени. Рудокопы, день и ночь тревожимые шайками убійцъ, воровъ и разбойниковъ, рѣшились выгнать безусловно всѣхъ иностранцевъ, за исключеніемъ лицъ, снискавшихъ право на общее уваженіе и имѣющихъ опредѣленныя занятія. Работы были прерваны, и Американцы дружно соединились, чтобъ избавить страну отъ бездѣльниковъ. Полиція хорошо устроена. Въ продолженіе 25 дней было не менѣе 20 убійствъ, покражи безпрестанныя, но мы скоро избавимся

Digitized by Google

отъ виновниковъ всего этого. Законы наши безсильны противъ такого порядка вещей: повидимому, многіе мужчины и женщины закалены въ преступленіи и порокѣ. Одна женщина нашего города вышла замужъ три дня спустя послѣ того, какъ похоронила своего мужа; другая, которой мужъ, послѣ ссоры съ нею, уѣхалъ въ Столтонъ, вступила въ бракъ въ тотъ же день.»

ДИЛЛЕТАНТИЗМЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНЦЕВЪ. — Восторги, возбуждаемые въ Европѣ жрицами и жрецами разныхъ музъ, даютъ весьма слабое понятіе о томъ, какъ подобныя чувства выражаются въ Америкѣ. Мы бросали цвѣты и г-жѣ Андріановой и Рубини, бросали г-жѣ Иркѣ-Матіасъ и г-жѣ Фанни-Эльслеръ. Петербургъ дѣлалъ то же самое и въ отношеніи къ Фанни-Эльслеръ, и въ отношеніи къ Италіанской оперѣ, и вѣроятно подобнымъ же образомъ встрѣчаетъ теперь г-жу Карлотту Гризи; Парижъ, Лондонъ, всѣ Европейскія столицы, каждая въ свою очередь, приносили обильныя дани своей любви къ искусству: но, повторяемъ, всѣмъ этимъ столицамъ далеко еще до Нью-Йорка.

Въ Ливерпулѣ Женни-Линдъ провожали съ пушечными выстрѣлами, въ Нью-Йоркѣ ее ждали на берегу. Когда она сѣла въ карету, давка была такая, что кучеръ ея хотѣлъ разгонять толпу бичемъ. Женни-Линдъ этого, разумѣется, не допустила.— Оставьте ихъ: это мои друзья!—сказала она. Неистовыя рукоплесканія и восклицанія были отвѣтомъ на эти слова. Директоръ трансатлантической линіи, г. Коллинз встрѣтилъ Женни-Линдъ съ букетомъ въ рукахъ, который былъ такой величины и тяжести, что Коллинз не устоялъ бы на ногахъ, если бы его не поддержали. Посреди набережной возвышалась тріумфальная арка изъ зелени, на самомъ верху которой сидѣлъ орелъ, къ сожалѣнію только не живой; этому орлу поручено было привѣтствовать пѣвицу отъ всего пернатаго царства, къ которому уже давно была причислена она пишущими диллетантами, изъ коихъ многіе зовутъ Женни-Линдъ не иначе, какъ соловьемъ. Американскія газеты не нашли инаго средства передавать впечатлѣнія, произведенныя пѣвицею въ Нью-Йоркѣ, какъ разсказывать, изо дня, въ день все, что случилось въ городѣ съ первой минуты ея пріѣзда. Такимъ образомъ торжество ея, подобно Иліадѣ, Генріадѣ и всевозможнымъ древнимъ и новымъ эпопеямъ, распадается на дни или пѣсни. Мы

Digitized by Google

сообщимъ здѣсь краткое извлеченіе изъ десяти пѣсней пролога, заключающаго въ себѣ исторію пребыванія Женни-Линдъ въ Нью-Йоркѣ до ея перваго дебюта.

Три первые дни посвящены извѣстному уже отчасти пріему, серенадѣ, данной оркестромъ Филармоническаго общества, представленію Женни-Линдъ пяти-сотъ дамъ, которымъ она должна была поочередно жать руки, выбору помѣщенія въ отелѣ Ирвингъ, гдѣ мебель одна для ея квартиры стоила 30,000 Ф., найму въ Кастль-Гарденѣ концертной залы, вмѣщающей до 8000 человѣкъ, присылкѣ безчисленнаго множества букетовъ и другихъ приношеній, которыя отвергалъ соловей, движимый чувствомъ благородной скромности; но по истеченіи трехдневнаго срока, измученный всѣми изъявленіями восторга, сочувствія, уваженія и преданности, онъ сталъ себѣ искать новой клѣтки и, говорятъ, склонился въ пользу отеля Йоркъ.

На четвертый день, встрѣчающіеся на улицахъ не справляются другъ у друга ни о здоровьѣ, ни о чемъ, а спрашиваютъ: видѣли вы соловья?—«Женни-Линдъ вторая Жанна-д'Аркъ, взявшая городъ приступомъ». Паровозы и пароходы извергаютъ потоки путешественниковъ, жаждущихъ посмотрѣть на невиданное чудо.

На пятый день слѣдуетъ описаніе соловья. Жанна-Линдъ не имѣетъ красоты классической: въ ея чертахъ есть и что-то Нѣмецкое, и что-то Шотландское; 1000 Ф. предложено за лучшее стихотвореніе въ честь соловья; является сейчасъ же 750 соискателей. Барнумъ измѣняетъ условія перваго контракта своего съ Женни-Линдъ: по прежнему, она должна была получать около 5000 Ф. (1300 р. сер.) за вечеръ; теперь онъ предлагаетъ получать ей сверхъ того половину своей выручки, съ тѣмъ, чтобъ она пѣла не только въ Америкѣ, но гдѣ ему вздумается: Барнумъ намѣренъ давать концерты въ Лондонѣ во время выставки 1851 года. Потомъ Женни-Линдъ отправляется покупать лошадь; ту, которую показываютъ ей, она не покупаетъ, и требуетъ старой лошади (въ подлинникѣ: a sensible old horse). Въ будущее воскресенье Женни-Линдъ поѣдетъ въ церковь св. Тройцы.

Шестой день: продажа концертныхъ билетовъ съ публичнаго торга. Въ Англіи и въ Америкѣ издавна заведено, что спекуляторы покупаютъ билеты на различныя представленія, и продаютъ ихъ публикѣ. Барнумъ дѣлаетъ это самъ.

Digitized by Google

Седьмой день воскресенье. Газеты наполняются повѣствованіями о вчерашнемъ аукціонѣ. Былъ страшный дождь; не смотря на это, болѣе 5000 человѣкъ тѣснилось въ концертной залѣ для полученія билетовъ. Первоначальная цѣна 3 доллара (15 ф.). Аукціонеръ выходитъ на сцену, и прежде всего объявляетъ, что онъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ стоять соловей. Первый билетъ даетъ право выбрать самое удобное мѣсто. Сейчасъ же предлагаютъ 25 долларовъ; завязывается горячее соревнованіе между повѣренными жильцовъ двухъ отелей соперниковъ, отеля Ирвингъ и отеля Йоркъ. Но и тѣхъ и другихъ затираетъ въ грязь нѣкто г. Женень (Genin), шляпныхъ дѣлъ мастеръ: онъ получаетъ первый билетъ за 225 дол. По произнесеніи аукціономъ его имени, все собраніе встаетъ, и раздается въ честь его троекратное ура! Остальные билеты продаются по 25, 15, 10 долларовъ. Начинается новая борьба за четыре билета ложи, называемой собственною ложею соловья; они остаются за отелемъ Йоркъ и идутъ въ 140 дол. На первый день продали 1400 билетовъ, на сумму 9,919 дол. Журналы сообщаютъ даже имена покупщиковъ. Отъ этихъ подробностей мы считаемъ себя въ правѣ избавить нашихъ читателей.

Восьмой день. Продажа продолжается. Женни-Линдъ, надо признаться, нѣсколько забыта. Стоустая молва прокричала имя славнаго шляпныхъ дѣлъ мастера, который купилъ первый билетъ. Спрашиваютъ, съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ. Рождаются разныя догадки. Не штука ли это Барнума; не стакнулся ли онъ съ покупщикомъ. Нѣтъ. Хитрый торговецъ просто прошелъ философію афишекъ. Ему говорятъ, что онъ сдѣлалъ глупость: онъ отвѣчаетъ, что найдетъ въ ней свои выгоды. Даютъ ему 50 дол. барыша: онъ объявляетъ, что не отдастъ своего билета за 500 д. Конкуренты его—два аптекаря, которые нажили себѣ состояніе афишами; они отъ души завидуютъ ему, потому что теперь слова: Женень, шляпныхъ дѣлъ мастеръ, вскружатъ всѣ головы. Утверждаютъ, что въ день концерта онъ намѣренъ отличиться, и, для этого, повѣсить надъ своимъ мѣстомъ шляпу необъятной величины.

Девятый день. Конецъ аукціона. Время дорого, билеты продаются партіями въ 20, въ 50 штукъ. Послѣдняя партія доходитъ до 93 билетовъ. Одинъ господинъ купилъ 1,800 билетовъ;

Digitized by Google

ему предлагаютъ 2,000 дол. барыша: онъ отказывается. Въ этотъ же день первая репетиція на сценѣ. Бенедиктъ, пріѣхавшій изъ Лондона нарочно, становится на свое мѣсто впереди оркестра. Въ это время соловей прогуливается и любуется прекраснымъ видомъ взморья, бесѣдуя со двумя-тремя дамами, получившими право доступа къ нему. Соловей въ клѣтчатомъ платьѣ, красномъ платкѣ и зеленой, шелковой шляпѣ. Когда соловей является на сцену, раздается громъ рукоплесканій. Пѣвица нѣсколько блѣднѣетъ: естественное послѣдствіе смущенія. Она начинаетъ «Casta Diva»: восторговъ на этотъ разъ, описать невозможно. «Оркестръ забываетъ, что она существо земное, и готовъ пасть на колѣни и поклоняться ей.» У дверей толпа и крикъ: соловей вынужденъ улетѣть потаенною дверью.

Десятый день. Вторая и послѣдняя репетиція. Соловей объявляетъ, что отъ роду такъ не былъ въ голосѣ: истина этихъ словъ подтверждается торжественнымъ выраженіемъ голубыхъ его глазъ. Въ то время, какъ онъ поетъ «Casta Diva,» раздается пушечный выстрѣлъ. Соловей изволитъ смѣяться и продолжаетъ пѣть. Другой выстрѣлъ. Оказывается, что это салютъ во сто пушечныхъ выстрѣловъ въ честь присоединенія Калифорніи къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Соловей любезно замѣчаетъ, что онъ очень радъ этой остановкѣ, «потому что это для блага страны.» Всѣ очень довольны наивностію и дѣтскими пріемами соловья.

Этимъ кончается прологъ. Но вотъ еще одно событіе; мы, къ сожалѣнію, только не знаемъ навѣрное, къ которому дню его отнести. Соловей стоитъ на балконѣ вмѣстѣ съ двумя другими дамами. Одна изъ дамъ, т. е. одна изъ трехъ, скушавъ персикъ, бросаетъ косточку на мостовую. Завязывается драка изъ-за косточки: всякому хочется имѣть эту косточку; боятся, нѣтъ ли убитыхъ или по крайней мѣрѣ раненыхъ. Въ тотъ же день или наканунѣ кто-то поднялъ перчатку соловья: этотъ кто-то беретъ шилингъ съ желающихъ поцѣловать перчатку снаружи, и два съ тѣхъ, кому угодно поцѣловать изнанку.

Весь этотъ отчетъ, повторяемъ, принадлежитъ одному Нью-Йоркскому журналу, и представленъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ. Все это можетъ казаться неправдоподобнымъ; но если Американцы способны выдумать такія вещи, кто докажетъ, что они всего этого не сдѣлали?

Въ «Weekly-Herald» отъ 20 Сентября пишутъ:

Digitized by Google

«Первый концертъ Женни-Линдъ далъ сборъ въ 26,000 дол. (135,000 фр.): восторгъ слушателей, удостоившихся присутствовать на немъ, не выражается словами. Крикъ, шумъ, рукоплесканія, не умолкали. Мы думали, что, того и гляди, обрушится зала. Г. Барнумъ вышелъ на сцену и объявилъ, что г-жа Женни-Линдъ пожертвовала свою часть, т. е. половину сбора, на благотворительныя цѣли. За второй концертъ, бывшій два дня спустя послѣ перваго, собрано 22,000 дол. Женни-Линдъ объявила, что ей не нравится продажа билетовъ съ аукціона, и чтобы впредь билетъ стоилъ не дороже 2 дол. Это требованіе уже исполнено при третьемъ концертѣ. — Не смотря на то, что всѣ журналы наполнены похвалами удивительному голосу и превосходной методѣ Женни-Линдъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже есть нѣсколько критикъ: самая серьёзная и въ то же время самая справедливая, замѣчаетъ, что голосъ ея не трогателенъ и не вызываетъ сочувствія. Что касается до насъ, она насъ поразила, но пѣніе ея ни мало не задѣло насъ за живое. Нѣкоторые согласны съ нами. Послѣ трехъ или четырехъ концертовъ, которые еще дастъ въ Кастль-Гарденѣ Женни Линдъ, она отправится въ Бостонъ и Филадельфію, гдѣ будетъ выжидать времени, когда достроится назначенная для нея зала.»

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБЕЗНОСТЕЙ НЕПАЛЬСКАГО ПОСЛА И ОТЪѢЗДЪ ЕГО.—Читатели наши, вѣроятно, помнятъ разсказанное нами по поводу посѣщенія Парижскаго Опернаго театра Индійскимъ гостемъ, пребыванія его въ директорской ложѣ и любезности, которою оно было ознаменовано. То, что видѣлъ Юнгъ-Багадуръ изъ ложи, родило въ немъ довольно понятное желаніе поближе ознакомиться съ кулисами. Онъ изъявилъ это желаніе г. Рокплану, который съ своей стороны предоставилъ ему выборъ времени и дня. Вслѣдствіе этого Юнгъ-Багадуръ со всей своею свитой явился въ Оперный театръ, часовъ около 11 утра, въ одну изъ субботъ прошлаго Октября. Не нужно говорить, что и онъ и его свита были одѣты чрезвычайно богато: драгоцѣнные камни, которыми были украшены ихъ наряды, ничего не теряли при солнечномъ свѣтѣ, въ противоположность тѣмъ, которые обыкновенно блестятъ на сценѣ и родятся въ мастерскихъ г. Гранже. Г. Рокпланъ провелъ гостей въ учебную танцовальную залу, гдѣ молодые артисты обоихъ половъ, одѣтые въ

Digitized by Google

костюмы, присвоенные мѣсту и времени, занимались обыкновенными своими упражненіями, т. е. репетировали разныя па и движенія. Багадуръ помѣстился на приготовленномъ для него бархатномъ съ позолотою креслѣ, и съ живымъ участіемъ слѣдилъ за упражненіями кордебалета. Спустя часъ, когда спросили у него, не скучно ли ему, онъ приказалъ отвѣчать, что онъ готовъ просидѣть тутъ до ночи. Директоръ не хотѣлъ употребить во зло снисходительность Юнгъ-Багадура, и его съ церемоніей провели на самую сцену, и посадили подъ балдахинъ, можетъ быть тотъ самый, который употребляется для императора въ третьемъ дѣйствіи «Жидовки». Принцъ помѣстился подъ балдахинъ, посадилъ возлѣ себя обольстительную Фанни Черитто, и началось для него представленіе дивертисементовъ «Найденыша», новой оперы Обера, о которой говорятъ чудеса. Юнгъ-Багадуръ пришелъ въ рѣшительный восторгъ, и просилъ, чтобъ ему представили всѣхъ танцовавшихъ. По окончаніи этого представленія принцъ произнесъ небольшую рѣчь, которая на мѣстѣ же была переведена съ Непальскаго языка на Англійскій, а съ Англійскаго на Французскій. Изъ этого двойнаго перевода оказывается, что Индійскій принцъ никогда не видалъ женщины въ томъ очаровательномъ видѣ, въ какомъ явилась она ему на сценѣ Парижскаго Опернаго театра, и что онъ никогда не забудетъ всего видѣннаго имъ, какъ бы далеко ни находился онъ и какъ бы ни длинны были годы жизни, его ожидающіе. Во время дивертисемента директоръ послалъ за самыми лучшими фруктами, которые и предложилъ гостямъ. Юнгъ-Багадуръ приказалъ сказать, что если хозяинъ обидится отказомъ, онъ исполнитъ его желаніе, какъ ни непріятно ему нарушить правила своего закона, недопускающаго поклонника Брамы ѣсть при иновѣрцахъ; но что онъ сочтетъ за особенное одолженіе, если г. Рокпланъ позволитъ юнымъ красавицамъ, его окружающимъ, раздѣлить между собою превосходные плоды, ему предложенные. Г. Рокпланъ согласился на это, и корзины были очищены съ быстротой истинно-волшебной, повидимому чрезвычайно понравившейся принцу. При прощаньи Юнгъ-Багадуръ съ живостью схватилъ руку директора, и крѣпко пожалъ ее, оставивъ въ ней богатый платокъ, въ которомъ оказалось 2,500 франковъ Англійскимъ золотомъ: эта сумма была сейчасъ же раздѣлена между кордебалетомъ и машинистами; корифеи получили по 60 фр., воспитанники и машинисты по 30.

Digitized by Google

Этимъ кончилось посѣщеніе принцемъ Опернаго театра, но и здѣсь еще не конецъ его любезности. Принцъ послалъ, сверхъ того, великолѣпное парчевое платье г-жѣ Лолла Монтесъ. Лолла Монтесъ, если вѣрить одному Французскому журналу, единственная женщина во Франціи и въ Англіи, съ которою принцъ Юнгъ-Багадуръ могъ объясняться на своемъ родномъ языкѣ, и въ бесѣдахъ съ графинею Ландсфельдъ нашелъ особенную прелесть. Поговаривали даже объ отъѣздѣ графини въ Непалъ. Онъ не состоялся однако же въ силу договора съ Великобританніею, подписаннаго Юнгъ-Багадуромъ послѣ трехъ-лѣтней войны съ Англіею, и въ которомъ, между прочемъ, воспрещается Европейцамъ проникать въ Непалъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Изъ этого правила не исключены Англійскіе подданные: иначе нѣтъ сомнѣнія, что принцъ увезъ бы съ собою болѣе двухъ-сотъ человѣкъ, для распространенія на его родинѣ Европейскаго просвѣщенія.

2-го Октября Непальскій принцъ, т. е. самъ генералъ Юнгъ-Багадуръ Кунваранаже, съ двумя своими братьями, генераломъ Тугутъ-Шумъ-Багадуромъ, полкевникомъ Шу-Юнгъ-Багадуромъ, и всею свитой, на пароходѣ-фрегатѣ Остъ-Индской компаніи, отправился прямо въ Александрію. При немъ состоятъ двое Англичанъ: капитанъ Кавенагъ и Мак-Леодъ, частный секретарь принца. До возвращенія въ Непалъ, Юнгъ-Багадуръ предполагаетъ искупить невольные грѣхи противъ закона, въ какіе могъ впасть во время своего путешествія въ Европу, посѣщеніемъ храмовъ Бомбея, Цейлана, Мадраса и Калькутты, высоко чтимыхъ поклонниками Брамы.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КО ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ. — Въ числѣ разныхъ приготовленій къ Лондонской выставкѣ, о которой, въ свое время, мы надѣемся представить нашимъ читателямъ подробный отчетъ, иностранные журналы упоминаютъ о намѣреніяхъ мистера Стаунтона, знаменитаго шахматнаго игрока: онъ составилъ проэктъ объ учрежденіи состязанія между любителями шахматовъ всѣхъ націй. Первый призъ назначенъ въ 500 Ф. стерл. Проэктъ принятъ съ восторгомъ всѣми шахматными клубами Великобританіи и колоній, и уже извѣстно, что одинъ Калькуттскій набабъ подписалъ огромную сумму.

Digitized by Google

НОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ ГУТТА-ПЕРЧИ. — Въ «Daily-Neews» пишутъ, что въ Плимутѣ одинъ докторъ рядомъ съ ручкой колокольчика повѣсилъ у входа въ свою квартиру трубу изъ гутта-перчи. Трубка изъ того же матеріала проведена къ постели доктора. Ночью, когда приходятъ за нимъ, онъ разговариваетъ съ посѣтителемъ при помощи этой трубки. Такимъ образомъ докторъ избѣгаетъ простуды, которой такъ часто подвергаются врачи.

МУДРЕНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ. — Въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ города Руана отдана на сохраненіе духовная г. Мари, который оставляетъ по ней 20,000 ф. Руану и столько же Каэну. Завѣщатель желаетъ, чтобы ежегодные проценты съ каждой суммы были выдаваемы въ награду за самый достохвальный поступокъ, въ продолженіе года совершенный въ каждомъ изъ двухъ городовъ. Но непремѣннымъ условіемъ постановлено, чтобъ эти награды выдавались не иначе, какъ въ день именинъ короля, и входили въ составъ программъ по случаю этого торжества.

ЦѢННОСТЬ НѢКОТОРЫХЪ ВЕЩЕЙ. — Въ Парижѣ, по смерти нѣкоего господина, Дебрюжъ Дюмениль, распроданъ съ аукціона превосходный кабинетъ предметовъ искусства и рѣдкостей. Аллегорическій барельефъ, представляющій Генриха VIII, принимающаго при своемъ дворѣ императора Карла V въ 1512 году, работы Ганса Доллингенъ, славившагося въ то время скульптора и гравера, проданъ за 4100 франковъ; ножикъ Діаны де Пуатье съ ножнами — за 2000 фр.; буква F, вырѣзанная въ кускѣ дерева, 13 миллиметровъ толщины и 7 вышины, за 600 фр. (Обѣ стороны буквы украшены превосходными арабесками; буква раскрывается на шарнирѣ и представляетъ такимъ образомъ два F, прислоненныхъ другъ къ другу и украшенныхъ пятью рѣзными медаліонами, которые соединяются между собой группами дѣтей и саламандръ, что заставляетъ думать, что эта вещь была дѣлана для Франциска I); рукомойникъ (кувшинъ и тазъ), вырѣзанный изъ слоновой кости, работы XVII вѣка, проданъ за 2,747 фр.; четвероугольная табакерка, сдѣланная изъ пластинокъ старой Японской живописи, времени Людовика XV, продана за 3,550 фр.; великолѣпный молитвенный листъ (missel) формата самаго большаго in folio, сдѣланный въ половинѣ XV в., для Жака-Жювенадезъ-Юрсинъ, епископа Реймса и Пуатье, проданъ за 9,900 фр. —

Digitized by Google

На другомъ аукціонѣ, гдѣ продавались преимущественно автографы и рукописи, цѣны были за то сравнительно очень не велики: за одно слово принцессѣ де-Ламбалль, безъ числа и безъ подписи, заплачено 56 фр.; за письмо Байрона 63 франка; за автографъ Ансеніуса 40 франковъ; за десять строкъ Маріи Антуанетты къ г-жѣ де-Ламбалль слишкомъ 100 фр.; за автографъ Марата 40 фр.; за Лафонтена 103 фр. Любители автографовъ пренебрегаютъ современными писателями, но, если вѣрить Французскому журналу, цѣнятъ рукописи послѣднихъ не столько по внутреннему ихъ достоинству, сколько по какой-нибудь сблазнительной особенности, предполагаемой въ томъ или другомъ произведеніи: такъ всякій автографъ Ламартина можно имѣть дешевле экю; Викторъ Гюго цѣнится не дороже; Жоржъ Сандъ цѣнится нѣсколько выше; больше всего платятъ за автографы Беранже. — Замѣчательно, что Французскій журналъ, откуда заимствованы эти данныя, жалуется на то, что одинъ богатый Русскій баринъ не давалъ никакого приступа къ предметамъ искусства на аукціонѣ послѣ Дебрюжа. «Нѣтъ въ цѣлой Франціи — заключаетъ статью свою Парижскій фельетонистъ, — человѣка, который бы могъ равняться съ этимъ новымъ Монте-Кристо. Ему ничего не стоитъ бросить въ годъ за свои прихоти 1,000,000 фр., и онъ безусловно распоряжается повышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ предметовъ искусства. Такъ было, недавно, съ блюдами работы Бернара Палисси, которыя теперь украшаютъ буфетъ князя-любителя.»

СРЕДСТВО ОТЛИЧАТЬ ЯДОВИТЫЕ ГРИБЫ ОТЪ НЕВРЕДНЫХЪ. — Есть много, болѣе или менѣе простыхъ, средствъ для этого, и бо́льшая часть изъ нихъ извѣстна. Но мы случайно прочли въ «Times» письмо одного охотника до грибовъ, предлагающаго средство, до сихъ поръ нами неслыханное: дѣло въ томъ, что, прежде нежели снимать съ гриба кожицу, должно потереть ее золотымъ кольцомъ; если она сдѣлается желтою или померанцевою, это значитъ, что грибъ ядовитъ. Корреспондентъ «Times» утверждаетъ, что это средство никогда не измѣняло ему.

«НѢТЪ БОЛѢЕ ХОЛОДА ВЪ КОМНАТАХЪ.» — Механикъ Клинфусъ изобрѣлъ самый простой аппаратъ, который вставляется въ обыкновенныя комнатныя печи, не производя ни нечистоты, ни

Digitized by Google

пыли въ комнатахъ; ½ часть дровъ сгораетъ менѣе, но теплота возвышается. Эти аппараты пріобрѣли одобреніе въ публикѣ. За каждый аппаратъ съ придѣлкою на мѣсто 3 р. сер.» (Объявленіе, слово въ слово, въ Спб. Вѣдомостяхъ, N 228, этого года). Вѣрить или не вѣрить, радоваться или удивляться? Вѣрить, если напечатано, и особенно съ такимъ громкимъ заглавіемъ; радоваться, что всѣмъ намъ отнынѣ тепло будетъ жить — если не на свѣтѣ, то хоть въ комнатахъ; удивляться, что умъ человѣческій дѣлаетъ такія важныя, благодѣтельныя изобрѣтенія.... Сколько до сихъ поръ было хлопотъ съ холодомъ! По словамъ любознательныхъ путешественниковъ, въ Московіи даже улицы топили и очки снѣжныя носили: нѣтъ, и это не помогало, вѣроятно потому, что, по сказанію тѣхъ же туристовъ, у насъ замерзалъ умъ, слѣдов., дѣлался негоднымъ къ мышленію и къ изобрѣтенію. За то теперь Г. Клифусъ разомъ выдумалъ за насъ. Касательно холода на улицахъ мы уже отложили всякое попеченіе:

Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ....

Ну, а что касается до холода въ комнатахъ, такъ это другое дѣло, другая матерія. На улицѣ зябнетъ лицо, а въ холодной комнатѣ, дрожитъ весь *индивидуумъ*; тамъ цыганскій потъ выступаетъ на тѣлѣ, а здѣсь страдаетъ *организмъ*. Не нормально! Жили наши дѣды съ печами кирпичными и изразцовыми, сработанными не хитро, безъ всякихъ аппаратовъ, и на холодъ не жаловались.... Мы завели калориферы и пневматическое отопленіе, и вотъ уже потребовались аппараты.... Впрочемъ и у стариковъ нашихъ былъ искусственный аппаратъ для теплоты, о которомъ извѣстіе сохранилось въ пословицѣ: шило грѣетъ!

Подумали мы еще кое о какихъ изобрѣтеніяхъ.... и вдругъ глаза наши остановились на зловѣщихъ строкахъ: «Фабрика надгробныхъ монументовъ....», которыя, какъ, можетъ быть, вамъ не безъизвѣстно, три года не даютъ намъ покоя, — и точно на зло, эти строки напечатаны были рядомъ съ объявленіемъ, что «Нѣтъ болѣе холода въ комнатахъ....» Несчастное предзнаменованіе! По твоей милости у меня кровь застыла въ жилахъ, морозъ пошелъ по кожѣ, и.... въ комнатѣ стало такъ холодно, что даже и аппаратъ Г. Клифуса не привелъ бы ни ее, ни меня въ нормальное состояніе....

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНАЯ УТРАТА случилась въ Одессѣ. «Не нашелъ ли кто-нибудь, 2-го Октября, поутру, сѣрой тетради, листовъ въ десять, написанной начерно; заглавіе: *Маленькія проказы, ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Рыла Гавриловича Безъименнаго.* Нашедшаго просятъ обратиться къ самому автору (слѣдуетъ адресъ), за что получитъ приличное вознагражденіе.» (Объявленіе въ Одесскомъ Вѣстникѣ, № 79) Аполлонъ! смилуйся надъ нашею литературою! Давно ли, всего вѣдь въ прошломъ году потеряла она, такимъ же образомъ, Ораторію Наполеонъ, произведеніе пера Г. Ѳедота Кузмичева! И вотъ, еще не успѣли мы порядкомъ оплакать драгоцѣнную потерю, какъ новая утрата, и какая же? Оригинальная комедія, достойная, пожалуй, быть начертанною на пергаментѣ или на атласѣ, а не на сѣрой бумагѣ, стоящая не «приличнаго вознагражденія,» а золота и славы.... Смилуйся Аполлонъ! Не дай Русской литературѣ растеряться въ конецъ, и гдѣ же? на улицахъ! Пошли, хотя на этотъ разъ, бойкаго Меркурія отыскать комедію господина Рыла Гавриловича Безъименнаго!

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ. — Журналистика наша увеличивается въ слѣдующемъ году однимъ новымъ изданіемъ. Это «Журналъ для дѣтей», который будетъ выходить, подъ редакціею Г. Чистякова, еженедѣльно по одному печатному листу. Программа его довольно обширна.—Хотя у насъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ прекрасный дѣтскій журналъ («Звѣздочка» съ своимъ отраженіемъ: «Лучи»), издаваемый извѣстною нашею писательницею А. О. Ишимовою; но хорошее изданіе въ этомъ же родѣ не можетъ быть лишнимъ уже и потому, что дѣти — самые усердные потребители своей литературы, и если не много читаютъ книгъ, за то не мало рвутъ ихъ. А этимъ обстоятельствомъ, какъ извѣстно, дѣдушка Крыловъ объяснялъ успѣхъ своихъ басенъ.

Статьи, полученныя отъ Гг. *И. Д. Бѣляева*, *Б—аго*, *В. В. Григорьева*, *Д. М. Перевощикова*, *С. К. Смирнова*, *П. П. Сумарокова*, помѣстятся въ слѣдующихъ книгахъ.

Статью Г. *Клеванова* (отвѣтъ Отечественнымъ Запискамъ), по необходимости, должны мы отложить до слѣдующей книги.

О примѣчательной книгѣ Профессора *Осокина* (Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи) помѣщена будетъ статья также въ слѣдующей книгѣ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ НОВЫМЪ СОСѢДОМЪ.

Теперь, когда сочиненіе Реута о псовой охотѣ выходитъ вторымъ изданіемъ – знакъ, что книга зачитывается — а Г. Вѣнцеславскій трактуетъ о томъ же предметѣ, позвольте и мнѣ, ветерану охоты, вмѣшаться съ своимъ анекдотомъ, быть можетъ и по привычкѣ большей части нашего брата перебивать чужую рѣчь. Во всякомъ случаѣ, предупреждаю моего благосклоннаго слушателя, что я разскащикъ рѣшительный, и отнюдь не боюсь прослыть за остряка, за балагура, а пожалуй и хуже того.... доскажу, за лгуна. Но подумайте, сколько неожиданныхъ, негаданныхъ приключеній совершается въ очью съ отважнымъ охотникомъ на его дѣятельномъ поприщѣ, и вы поймете, почему такъ часто можно примѣнить къ нему извѣстный стихъ:

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.

Потому-то и слыветъ онъ, межъ такъ называемыхъ солидныхъ людей, за вертопраха, за ничтожнаго человѣка; потому-то и говорятъ о немъ свысока, презрительно, кабинетные умники, и сомнительно покачиваютъ головою столичные поэты — величайшіе лжецы въ мірѣ, которымъ вѣрятъ однако же!

Но, сами посудите, какъ не быть охотникомъ Русскому человѣку, обитателю такого пространства, обладателю такого простора, такихъ необозримыхъ равнинъ, такихъ отъёмовъ и лѣсовъ, такихъ горъ, камышей и лощинъ? Есть гдѣ развернуться, есть гдѣ потѣшиться, есть чѣмъ похвастаться предъ Нѣмцемъ инымъ, когда онъ заведетъ неосторожно рѣчь о своей охотѣ, о своихъ сосчитанныхъ зайцахъ да кроликахъ! Иной нашъ русачекъ-ковыльничекъ, легко, не переводя духа, пробѣжалъ бы герцогство-другое, если бъ онъ только жаловалъ тамошніе края; но ему, какъ и мнѣ, родная степь дороже всего! За то, найдутся и собаки по немъ; не съ чутьёмъ, а съ ногами, да еще съ какими!—

Digitized by Google

вытянутыми въ струнку, поставленными на сухихъ пальцахъ, собранныхъ въ комокъ!....Да здравствуетъ Русская псовая охота!

Въ Октябрѣ нынѣшнаго года, въ Калужской губерніи, въ два часа по полудни, сидѣлъ въ халатѣ, за обѣденнымъ столомъ, помѣщикъ съ женою и кучею дѣтей, какъ говорится, малъ мала меньше. Онъ былъ человѣкъ кроткій, мирный; служилъ, когда-то, въ одномъ изъ тѣхъ отдаленныхъ угловъ матушки Россіи, что чуть не на краю свѣта: много проложилъ дороги на своемъ вѣку, и все по казенной надобности, а теперь, женившись, обзаведясь хозяйствомъ и ребятишками, привыкнувъ и къ лѣни, и къ негѣ, онъ, какъ нельзя лучше, оправдывалъ на дѣлѣ поговорку: *привычка другая натура.* Деревня его лежала въ лощинѣ, возлѣ рощи, край небольшаго пруда, а домъ стоялъ не много поодаль; о ландшафтномъ видѣ съ крыльца хозяинъ и не заботился.—Дороги, кромѣ проселочной, что вела съ незапамятныхъ временъ съ поля въ деревню и обратно, другой не пролегало. Мирно жилъ да поживалъ Калужскій помѣщикъ и не старался опережать своего вѣка, находя какъ-то неприличнымъ, да и не по чину, слишкомъ забѣгать разсудкомъ впередъ; въ чемъ нисколько не былъ похожъ на Аммоса Ѳедоровича, судью, въ Ревизорѣ Гоголя, который, какъ извѣстно, до всего доходилъ собственнымъ умомъ. Напротивъ, его *сегодня* рѣдко разнило съ его *вчера.* Утромъ самоваръ и трубка; въ двѣнадцать часовъ — адмиралтейскій часъ—рюмка травнику и трубка; потомъ обѣдъ, чай, нарядъ, ужинъ и все съ трубкою, а тамъ завидный сонъ, а тамъ, посмотришь, день да ночь, еще сутки прочь.... Великій былъ философъ Калужскій помѣщикъ, и ничѣмъ не уступалъ знаменитѣйшимъ мудрецамъ древности!

И такъ, я уже сказалъ, что помѣщикъ обѣдалъ въ халатѣ съ семействомъ. Какъ вдругъ,—въ то самое время, когда Филька вносилъ въ столовую любимое блюдо барина, бараній бокъ съ кашею, — раздался оглушительный крикъ, свистъ, звукъ роговъ, хлопанье арапниковъ, и ворвалася въ непритворенную дверь цѣлая стая неистовыхъ гончихъ, съ страшнымъ завываньемъ и лаемъ. Стая, что называется, варила по зрячему: *Галка* такъ и заливается! *Соловей* звенитъ! *Набатъ* просто реветъ! ну концертъ, да и только! хотя, правду молвить, и не совсѣмъ комнатный. И вотъ, словно какое-то адское видѣніе, все это пронеслося мимо совершенно растерявшагося, оторопѣлаго хозяина,

Digitized by Google

и прямо въ спальню, и прямо подъ кровать, откуда съ торжествующимъ видомъ, раздосадованный доѣзжачій вытащилъ *косаго* за его длинныя уши, причитывая ему такія наставленія и замѣчанія, отъ которыхъ не совсѣмъ какъ-то становилось ловко непривычному уху хозяйки и прочихъ домочадцевъ.

Вскорѣ сбѣжалась въ попыхахъ вся босоногая челядь; даже мужики и бабы, не исключая старосты съ десятскимъ, покинули на время молотьбу, и столпились возлѣ барскаго крыльца, къ которому шагомъ подъѣхалъ на сѣромъ донцѣ, молодой всадникъ, одѣтый въ щегольской казакинъ, перехваченный черкесскимъ ремнемъ, съ сворою черезъ плечо, съ кинжаломъ въ богатой восточной оправѣ при боку. Выслушавъ терпѣливо всѣ возгласы сильно растревоженнаго и отчасти обиженнаго помѣщика, только что успѣвшаго успокоить дражайшую свою половину, да унять разревѣвшихся дѣтокъ, не мало способствовавшихъ къ усиленію *fortissime* въ общемъ концертѣ, — молодой охотникъ, едва скрывая невольную улыбку, всячески старался, однакоже, изъявить помѣщику свое сожалѣніе о случившемся, и увѣрить его въ принимаемомъ имъ участіи. Но тщетно: чѣмъ больше разсыпался онъ въ извиненіяхъ, тѣмъ болѣе выходилъ изъ себя помѣщикъ. Тогда-то, видя неудачу, молодой охотникъ подозвалъ къ себѣ стремяннаго и спросилъ его:

— А много ли, Ѳедотъ, заполевали мы сегодня?

— Да трехъ бѣлаковъ, сударь, отвѣчалъ стремянный.

— Такъ позвольте же мнѣ предоставить ихъ вамъ, сказалъ баринъ-охотникъ, вѣжливо обращаясь къ хозяину.

— А русакъ-то? воскликнулъ послѣдній, вѣдь онъ мой, по всѣмъ правамъ мой; хотя загляните въ X томъ Свода законовъ. Развѣ онъ не былъ пойманъ въ моихъ владѣніяхъ, даже въ моей спальнѣ? Филька! отнесть его тотчасъ въ кухню! А васъ милостивый государь, прошу завтра удостоить меня чести пріѣхать отобѣдать со мною: это будетъ единственнымъ условіемъ для заключенія мировой.

Разумѣется, согласіе было дано, и на другой день, новый сосѣдъ-охотникъ, уже не то, чтобы подавляя невольную усмѣшку, но и разразивъ ее въ настоящій хохотъ, не разъ принимался за разспросы о подробностяхъ вчерашней охоты, похваливая между тѣмъ жаренаго русака, геройски затравленнаго наканунѣ.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ, въ домѣ Калужскаго помѣщика, двери стали отмѣнно плотно притворяться, а самъ онъ, какъ я слышалъ стороною, раздобылъ себѣ отъ сосѣда свору борзыхъ: полвопѣгаго *Нахала* да муругую *Кутишку*, и хочетъ непремѣнно, какъ только выпадетъ пороша, сводить заячій маликъ. *Г.*

СЛУЧАЙ ИЗЪ АНГЛІЙСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Это было очень недавно, въ Лондонѣ. Въ уголовный судъ Old Bayley собралась толпа народа: всѣ мѣста заняты зрителями; многіе тѣснятся у входа и ломятся въ залу. Въ двѣнадцать часовъ является главный судья, лордъ Линдаль, и садится на свое мѣсто. Вводятъ обвиненнаго, присутствіе котораго возбуждаетъ живое любопытство и видимое участіе во всѣхъ. Два адвоката его пожимаютъ ему руку и говорятъ ему слова утѣшенія. Обвиненный — мужчина средняго роста, сложенія довольно слабаго; голубые кроткіе глаза его опущены. На лицѣ его и въ его позѣ выраженіе тихой грусти и смиренія. Голосъ его мягокъ, пріемы свидѣтельствуютъ о хорошемъ воспитаніи, не смотря на бѣдность и безпорядокъ одежды.

Главный судья. Имя ваше, лѣта, ремесло?

Обвиненный. Жоржъ Гаммонъ; мнѣ сорокъ три года; я портретный живописецъ.

Главный судья. Вы знаете страшное обвиненіе, которое лежитъ на васъ: вы преднамѣренно убили канатнаго плясуна, по имени Жоржа Балдыша. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Обвиненный. Правда, я убилъ его.... Это — несчастіе, о которомъ я сожалѣю: но въ душѣ и по совѣсти я не считаю себя виноватымъ.

Главный судья. Такъ какъ вы признаете истину обвиненія и оспариваете только вмѣняемость, садитесь. Ваши сограждане будутъ судить васъ. Да защититъ васъ Богъ!

Секретарь прочелъ обвинительный актъ; старшій адвокатъ, обязанный подтвердить обвиненіе отъ всего графства, произноситъ нѣсколько словъ, въ которыхъ объясняетъ, что никогда никакой обвиненный не заслуживалъ бо́льшаго участія, но что приговоръ необходимъ, помимо возможности прибѣгнуть къ милости верховной власти, — для того, чтобы доказать всенародно, что въ просвѣщенномъ обществѣ никто не имѣетъ права своевольной расправы.

Digitized by Google

Главный судья Можете ли вы сказать что-нибудь въ свое оправданіе?

Обвиненный. Милордъ, мое оправданіе будетъ въ разсказѣ всего происшествія. Три года тому назадъ, я потерялъ 4-лѣтнюю дочь, единственный залогъ воспоминанія, оставленнаго мнѣ любимою женою, которой Богу угодно было лишить меня. Я потерялъ ее, но она не умерла, какъ ея мать: она исчезла, ее украли у меня. Господа, какъ я страдалъ, этого нельзя описать, этого вы не поймете! На объявленіе, на розыски, которые всѣ не повели ни къ чему, я прожилъ все, что имѣлъ; мебель, картины, платья — я продавалъ и продалъ все. Три года, одинъ, пѣшкомъ искалъ я своего ребенка во всѣхъ селеніяхъ, во всѣхъ городахъ Трехъ королевствъ. Какъ только, написавъ портретъ, я получалъ деньги, я возвращался въ Лондонъ, и начиналъ снова публикаціи во всѣхъ газетахъ. Наконецъ, 14 прошлаго Апрѣля, въ пятницу, я проходилъ по Смитсфильдскому рынку, гдѣ продаютъ скотъ. Посреди рынка давали свои представленія фигляры; между ними одинъ ребенокъ, стоя на головѣ и опираясь на что-то похожую на алебарду, выкидывалъ разныя штуки ногами. Вѣрно лучь души его матери пробился въ мою душу для того, чтобы я узналъ моего ребенка въ этомъ положеніи.... Это была точно моя несчастная дочь!.... Ея мать, можетъ быть, бросилась бы къ ней.... сжала бы ее въ своихъ объятіяхъ.... я.... у меня въ глазахъ сдѣлался туманъ.... я кинулся на хозяина фигляровъ! Не знаю какъ это сдѣлалось: я, по природѣ добрый до слабости, схватилъ его за платье, приподнялъ его, бросилъ наземь.... еще.... И его не стало.... Послѣ я раскаялся въ моемъ поступкѣ. Но въ ту минуту, я жалѣлъ о томъ, что могъ убить только одного.

Главный судья. Это — чувства не христіянскія, и для личной же вашей выгоды, вамъ не слѣдовало бы выражать ихъ. Какъ же вы хотите, чтобъ и Богъ и присяжные простили васъ, коли сами прощать не умѣете?

Обвиненный. Я не знаю, милордъ, каковъ будетъ приговоръ вашъ. Вы не знаете, а тогда и я не зналъ, до чего простиралось зло, которое сдѣлалъ мнѣ этотъ человѣкъ....

НУЖДАЮЩИМИСЯ ВЪ ВСТАВНЫХЪ ГЛАЗАХЪ любопытно будетъ прочесть слѣдующее объявленіе, напечатанное въ 307 N

Digitized by Google

Allgemeine Zeitung: Искусственное наполненіе глазной впадины, г. Буассоно (изъ Парижа) основалъ на совершенно-новой методѣ, которая, по своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ, обращаетъ на себя вниманіе врачей, и вѣроятно скоро распространится повсемѣстно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается падобность въ вставномъ глазѣ, особенно большею частію страдаютъ атрофіею глазнаго яблока, отчего, вслѣдствіе происшедшихъ поврежденій, система зрительныхъ органовъ болѣе или менѣе бываетъ разстроена, глазное яблоко теряетъ свою округлость, и остается въ глазной впадинѣ масса и безполезная и безобразная. Вѣки или вовсе закрываютъ глазъ, или болѣе или, менѣе, оставляютъ его на на виду: въ обоихъ случаяхъ рождаются неудобства всякаго рода. Если вѣки закрываютъ глазъ, то онъ конечно защищенъ отъ вредныхъ атмосферическихъ вліяній, но за то нарушается гармонія цѣлаго лица; большое число больныхъ въ подобномъ случаѣ предпочитаютъ носить черную повязку. Въ противномъ случаѣ, т. е. когда вѣки открыты, они пропускаютъ въ глазъ свѣтъ, вѣтеръ и т. д., производятъ отдѣленіе слезы, иногда нагноеніе и воспаленія. Метода г. Буассоно имѣетъ ту особенность, что по ней искусственный глазъ совершенно наполняетъ отверстіе, оставленное по извлеченіи поврежденнаго глазнаго яблока, и замѣняетъ настоящій совершенно, т. е. удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ изящества и красоты. Понятно, что нельзя видѣть эмалевымъ глазомъ; но г. Буассоно при его искусствѣ, умѣетъ соединить удобство и сходство. Поэтому нельзя не назвать его изображенія пластическимъ, и при совершенствѣ его выполненія, недостаточное описаніе только повредило бы ему.

САМОЕ ДЕШЕВОЕ СРЕДСТВО КЪ ОБОГАЩЕНІЮ предлагается въ настоящее время въ Парижѣ За одинъ франкъ можно взять билетъ въ «Лотереѣ золотыхъ слитковъ». Капиталъ — 7,000,000 Ф. Первый выигрышъ 400,000 Ф.; второй 200,000 Ф.; третій 100,000 Ф.; два по 50,000 Ф; четыре по 25,000 Ф.; пять по 10,000 Ф.; десять по 5,000 Ф.; двѣсти по 1,000 Ф. Сумма, полученная за билеты, которые разбираются на-расхватъ, назначена для отправленія въ Калифорнію пяти тысячъ переселенцевъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 14-го 1850 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

НЕУТѢШНАЯ ВДОВА.

РАЗСКАЗЪ ЭЖЕНА ГИНО.

Одинъ изъ нашихъ лучшихъ скульпторовъ былъ недавно приглашенъ къ одной молодой дамѣ, принадлежащей по рожденію къ богатому банкирскому семейству, а по замужству къ имени, не мало прославленному въ военной лѣтописи Имперіи.

Союзъ ея, заключенный подъ самыми счастливыми предзнаменованіями, былъ, увы! далеко не продолжителенъ: неумолимая смерть разорвала его, преждевременно похитивъ молодаго супруга.

Скульпторъ былъ приглашенъ уже вдовой.

Когда онъ явился по назначенному адресу, его, черезъ длинный рядъ безмолвныхъ покоевъ, провели въ комнату, гдѣ онъ очутился передъ женщиной, молодой и прекрасной, одѣтой въ глубокій трауръ, и съ лицемъ орошеннымъ слезами.

— Вы знаете,— сказала она ему съ усиліемъ и голосомъ, прерывавшимся отъ рыданій, — вы знаете, какое несчастіе меня постигло?

Художникъ поклонился съ выраженіемъ почтительнаго сочувствія и состраданія.

Вдова продолжала:—Я хочу воздвигнуть моему мужу, моему безцѣнному другу, надгробный памятникъ. Я выбрала васъ по вашему таланту и вашей славѣ.

Художникъ поклонился еще.

— Я хочу, чтобы памятникъ былъ великолѣпенъ, достоинъ того, кого я оплакиваю, соотвѣтственъ вѣчному страданію, въ которое я погружена. Мнѣ нѣтъ дѣла до цѣны: я богата, и, если

Digitized by Google

бы встрѣтилась надобность, охотно бы пожертвовала всѣмъ моимъ состояніемъ, чтобы прославить память обожаемаго супруга. Я хочу, чтобъ вы сдѣлали храмъ, мраморныя колонны, а въ серединѣ, на пьедесталѣ, его статую.

— Постараюсь всѣми силами исполнить ваше желаніе,— отвѣчалъ художникъ; — но я не имѣлъ чести знать покойнаго, а для статуи мнѣ необходимо видѣть его изображеніе. Вы, конечно, имѣете его портретъ?

Вдова подняла руку и, съ жестомъ отчаянія, показала на превосходный портретъ работы Амори-Дюваля.

— Чудная живопись!—сказалъ художникъ, — и имя мастера избавляетъ меня отъ обязанности спросить у васъ, на сколько портретъ похожъ на оригиналъ.

— О, это онъ, онъ! Недостаетъ только жизни! Боже, отчего не могу я возвратить ему ее цѣною всей моей крови!

— Я пришлю за портретомъ, и обѣщаю вамъ, что мраморъ воспроизведетъ его въ точности.

При этихъ словахъ, вдова вскочила и бросилась къ портрету, протягивая руки, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобъ защитить его, и воскликнула:

— Отдать этотъ портретъ! отнять у меня мое единственное утѣшеніе, все мое счастіе! О, никогда! никогда!

— Но я лишу васъ его не надолго.

— Ни на часъ, ни на минуту! Развѣ я проживу безъ этого милаго образа! Вы видите, я повѣсила его здѣсь въ моей комнатѣ, для того чтобы онъ былъ подлѣ меня и день и ночь, чтобъ глаза мои, сквозь слезъ, могли безпрестанно любоваться на него. Нѣтъ, этотъ портретъ не выйдетъ отсюда ни на минуту, и все мое несчастное существованіе я посвящу на то, чтобы смотрѣть на него.

— Если такъ, вы позволите мнѣ снять съ него копію. Но успокойтесь, я не надолго нарушу ваше уединеніе: довольно эскиза и одного сеанса.

Вдова согласилась на послѣднее, и потребовала, чтобъ художникъ пришелъ никакъ не дальше завтрашняго дня. Ей хотѣлось, чтобъ онъ сейчасъ же принялся за дѣло; до того мучило ее нетерпѣнье поскорѣе увидѣть осуществленіе мавзолея: но художникъ замѣтилъ ей, что ему сперва надо кончить другую работу. Она хотѣла уничтожить и это затрудненіе, и предложила страшную сумму денегъ.

Digitized by Google

—Никакъ нельзя:—отвѣчалъ скульпторъ—я далъ уже слово. но будьте покойны, я такъ поспѣшу вашимъ заказомъ, что онъ будетъ исполненъ во столько времени, сколько бы нужно было другому художнику, который бы сейчасъ же принялся за него.

—Вы видите весь ужасъ моего положенія—сказала вдова:—вы должны понять мое нетерпѣнье. Торопитесь же, а, главное, употребите все ваше умѣніе: не жалѣйте издержекъ, и сдѣлайте мнѣ чудо искусства.

Нѣсколько писемъ, послѣдовавшихъ за свиданіемъ, подкрѣпили всѣ требованія дамы.

Спустя три мѣсяца, художникъ вернулся. Онъ нашелъ вдову все еще въ черномъ, но нѣсколько менѣе блѣдною и одѣтою съ бо́льшимъ кокетствомъ, нежели въ первый разъ.

— Теперь я весь къ вашимъ услугамъ — сказалъ онъ.

— Наконецъ-то! Пора — отвѣчала вдова съ граціозной улыбкой.

— Я снялъ эскизъ, но нуженъ еще сеансъ для сходства. Позвольте же мнѣ войдти въ вашу комнату.

— Въ мою комнату? Это зачѣмъ?

— Чтобъ взглянуть на портретъ.

— А! такъ пройдите въ эту гостиную: онъ тамъ теперь.

— А-а?

— Да, знаете, онъ тутъ больше на мѣстѣ, и лучше освѣщенъ, нежели въ моей комнатѣ.

— Угодно вамъ видѣть эскизъ памятника?

— Покажите. Что за великолѣпіе, что за роскошь въ украшеніяхъ!

— Не сами ли вы говорили, чтобъ не жалѣть ничего? Я и не думалъ объ издержкахъ, и вотъ счетъ, чего весь памятникъ будетъ стоить.

— Господи! — воскликнула вдова, взглянувъ на итогъ — да это ужасно!

— Вы приказали ничего не жалѣть.

— Конечно, я и хочу, чтобъ это было прилично; но за чѣмъ же дѣлать глупости.

— Да вѣдь это только смѣта, проэктъ, и еще есть время измѣнить, убавить.

Digitized by Google

— Какъ вы думаете: если обойдтись безъ храма, безъ колоннъ, безъ всей архитектуры, и удовольствоваться одной статуей, не правда ли, это будетъ очень прилично?

— Безъ сомнѣнія.

— Ну-такъ такъ. Одну статую.

Вскорѣ послѣ этого втораго посѣщенія, скульпторъ опасно заболѣлъ; онъ былъ вынужденъ отложить свои занятія, и, уже вернувшись изъ путешествія въ Италію, предпринятаго имъ по совѣту врачей, онъ опять явился къ вдовѣ, которая, въ это время, доживала десятый мѣсяцъ своей печали.

За то и нашелъ же онъ нѣсколько розъ межъ кипарисомъ, нѣсколько веселыхъ и яркихъ цвѣтовъ, разнообразившихъ полутемный фонъ.

Художникъ принесъ маленькую гипсовую модель, по которой онъ хотѣлъ дать заказчицѣ понятіе о статуѣ.

— Какъ вамъ кажется сходство? — спросилъ онъ у вдовы.

— Мнѣ кажется, что вы немножко польстили ему: мужъ мой, конечно, былъ не дуренъ; но вы изъ него хотите сдѣлать Аполлона.

— Въ самомъ дѣлѣ? Если такъ, я исправлю мою работу по портрету.

— Стоитъ ли того! Побольше или поменьше сходства — есть изъ чего хлопотать!

— Нѣтъ, ужь это предоставьте мнѣ: это дѣло моего самолюбія.

— Если вы непремѣнно хотите....

— Сюда, въ эту гостиную? Не такъ ли?

— Нѣтъ, тутъ ужь нѣтъ его, — отвѣчала вдова, дергая за сонетку. — Батистъ — сказала она, обращаясь къ вошедшему слугѣ: — принеси портретъ твоего господина.

— Тотъ, что вы, на прошлой недѣлѣ, изволили приказать вынесть на чердакъ?

— Ну да.

Въ это самое время отворилась дверь, и вошелъ, съ непринужденнымъ видомъ, молодой человѣкъ щегольски одѣтый, поцѣловалъ руку прекрасной вдовы, и спросилъ о ея здоровьѣ, съ участіемъ столько же любезнымъ, сколько нѣжнымъ.

— Это что за кукла? — спросилъ онъ, показывая на статуэтку, которую художникъ поставилъ на каминѣ.

— Это модель памятника моему мужу.

Digitized by Google

— Вы ставите ему статую? Какое великолѣпіе!

— Вы думаете?

— Помилуйте, только великихъ людей изображаютъ изъ мрамора и во весь ростъ, а, мнѣ кажется, покойникъ былъ человѣкъ очень обыкновенный.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, довольно сдѣлать бюстъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно — сказалъ художникъ.

— Такъ ужь бюстъ. Сдѣлайте бюстъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого рѣшенія, скульпторъ, принесшій бюстъ, встрѣтился на лѣстницѣ съ веселой компаніей: вдова, объ руку съ благовиднымъ денди, тѣмъ самымъ, который измѣнилъ планъ и величину памятника ея мужа, отправлялась къ мэру, гдѣ должна была произнести вторичный обѣтъ супружеской вѣрности.

Если бы бюстъ не былъ сдѣланъ, обошлись бы и безъ него. Позднѣе, когда художникъ потребовалъ уплаты за свою работу, поднялся ужасный шумъ изъ-за цѣны, и пришлось было почти погрозить процессомъ, чтобъ заставить вдову, утѣшенную и вновь замужнюю, заплатить за приношеніе, столько уже уменьшенное, сдѣланное ею памяти покойнаго.

ИСТОРІЯ ПЬЕРРО.

Съ далекаго Запада перебрался къ намъ проказникъ Пьерро. Когда онъ явился у насъ, опредѣлительно сказать трудно; видно только то, что, переименованный нашимъ простонародіемъ въ Петрушку, онъ до сихъ поръ смѣшилъ доупада дѣтей и невзыскательную публику темныхъ и сырыхъ балагановъ гулянья подъ Новинскимъ. Не всегда Петрушка имѣлъ такую участь; было время когда лучшіе актеры Франціи и Италіи брались за эту роль, и прославились въ ней. Предлагаемъ читателямъ краткую исторію этого комическаго типа.

Типъ Пьерро не встрѣчался въ древнихъ италіанскихъ комедіяхъ; онъ былъ созданъ извѣстнымъ арлекиномъ *Доминико*, и въ первый разъ выведенъ на сцену въ 1684 г. въ Парижѣ. До этого времени Доминикъ исполнялъ роль арлекина по-старому, выставляя его жадными, трусливымъ и неуклюжимъ малымъ; однакоже, чтобы понравиться французской публикѣ, которая вездѣ ищетъ остроумія, онъ измѣнилъ характеръ этого типа, вставляя при случаѣ каламбуры, остроты, и такъ что подъ арлекиномъ стали понимать остряка тонкаго, живаго

Digitized by Google

читающаго иногда мораль. Но какъ италіанская сцена не хотѣла разстаться съ старымъ типомъ арлекина, то Доминикъ сообщилъ этотъ характеръ Пьерро и далъ эту роль сначала Жозефу Жератону, который для нея составилъ особенный костюмъ, похожій на костюмъ неаполитанскаго пульчинелля, состоявшій изъ широкаго-бѣлаго камзола, широкихъ панталонъ, парика и сѣрой остроконечной шляпы. Онъ не удержалъ черной полумаски пульчинелля, и лице свое обсыпалъ мукой, что уже давно употреблялось въ балаганахъ. Первая пьеса, гдѣ встрѣчается роль Пьерро, была: «Арлекинъ, императоръ на Лунѣ», ком. въ 3-хъ актахъ, соч. Дюфрени, игранная въ первый разъ въ 1684 г. на Парижскомъ театрѣ Бургонскаго отеля. Впослѣдствіи этотъ типъ видимъ мы и на Комическомъ театрѣ. Съ появленія этой роли Жератонъ всегда исполнялъ ее на Французскомъ и Италіанскомъ театрахъ, и всегда съ большимъ успѣхомъ. По закрытіи Италіанскаго театра въ 1697 г., онъ удалился съ женой въ свое помѣстье, не далеко отъ Парижа, и провелъ тамъ въ тишинѣ остатокъ дней своихъ. Не многимъ изъ людей, игравшихъ роль на міровой сценѣ, суждено было такъ покойно окончить свою жизнь вдали отъ смутъ и треволненій житейской сцены, какъ этому Пьерро. По закрытіи Италіанскаго театра, значительная часть его репертуара перешла въ руки содержателей площадныхъ балагановъ. Прежніе типы вставляли они въ свои новыя пьесы, называвшіяся у нихъ комическими операми, но ихъ врядъ ли можно называть и водевилями въ теперешнемъ смыслѣ. Арлекинъ и Пьерро были здѣсь главными лицами. Въ 1698 году Роже былъ первый Пьерро Сенъ-Жерменскаго театра; въ 1700 г. занималъ тамъ эту роль Бреонъ, а на театрѣ Сенъ-Лоранскомъ - знаменитый Антони. Въ 1704 году появился Беллони, ученикъ знаменитаго Пьерро Маганокса, игравшаго въ Тулузѣ на Сенъ-Лоранской сценѣ, гдѣ Ла-пласъ былъ его предшественникомъ, а Бреонъ — преемникомъ.

Въ 1709 году пріѣхалъ въ Ліонъ Доминикъ Біаконтелли (сынъ знаменитаго Доминика старой италіанской труппы): директоръ Сенъ-Лоранской комической оперы вызвалъ его оттуда въ Парижъ, гдѣ онъ былъ великолѣпно принятъ и игралъ до 1717 года. Въ Октябрѣ того же года онъ дебютировалъ въ новой италіанской труппѣ, вновь собранной по повелѣнію регента, герцога Орлеанскаго. Съ этихъ поръ Пьерро сталъ неотъемлемымъ спутникомъ арлекина; въ 1712 году Гамохъ сдѣлалъ себѣ имя этою

Digitized by Google

ролью, и до 1732 г. постоянно пользовался благосклонностью публики. Упоенный ея восторженнымъ пріемомъ, онъ рѣшился появиться и на Италіанскомъ театрѣ, и дебютировалъ тамъ 1-го Октября того же года. Онъ ошибся однакожъ въ своихъ надеждахъ: забылъ онъ, видно, что знаменитое на второмъ планѣ нерѣдко исчезаетъ вовсе на первомъ. Публика была недовольна его появленіемъ, и онъ принужденъ былъ опять перебраться въ Комическую оперу, гдѣ въ 1743 году былъ отлично принятъ при возобновленіи «Королевы Баростанъ» Лесажа и Орневаля. Онъ умеръ въ 1756 г. въ провинціи. Гамохъ былъ знаменитѣйшій Пьеррò площадныхъ балагановъ. Онъ своимъ талантомъ сдѣлалъ роль Пьеррò первостепенною, и поставилъ даже выше роли арлекина. Собственно для него писали пьесы, и особенно пародіи, гдѣ ему назначалась первая роль: таковы были, напр. *Пьерро-Танкредъ*, *Пьерро-Селадонъ*, *Пьерро-Кадмъ*, *Пьеррс-Роландъ*, и многія другія.

Въ Комической оперѣ, уничтоженной и вновь возстановленной на площади Сенъ- Жерменской, роль Пьеррò занималъ Дешанъ, въ то время какъ на Сенъ-Лоранской сценѣ другой Пьерро, Парònъ, приводилъ въ восторгъ своимъ искусствомъ. Позднѣе уже въ комической оперѣ «Живая Картина» роль Пьеррò потребовала пѣвца, и ее исполнялъ Клерваль, а за нимъ Еллвіу, — съ блистательнымъ успѣхомъ.

Мы сказали о Пьерро какъ о принадлежности Италіанскаго театра и комической оперы; но была еще пантомимная труппа, гдѣ Пьеррò и арлекинъ занимали тоже не послѣднее мѣсто. Въ репертуарѣ этой труппы, для Пьеррò были богатыя роли въ балетѣ «Торжество Гименея», «Салернская Школа», «Комическіе Таланты», и. др.; отсюда, благодаря Николэ, въ 1770 г. роли арлекина и Пьеррò перешли на сцену Бульварнаго театра, находившагося на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ La Gaieté. Уже въ началѣ настоящаго столѣтія мелодрама вытѣснила собой мимика-арлекина. Въ 1796 г. на роляхъ арлекина стоялъ Италіанецъ Лацари, но ни онъ, ни Николэ не пріобрѣли особенной извѣстности въ народѣ.

До сихъ поръ роль Пьерро была смѣсью прсстоты и неповоротливости, переходившей подъ-часъ въ каррикатуру. Только знаменитому Дебюрò удалось измѣнить этотъ характеръ и приспособить его къ современнымъ понятіямъ. И въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

онъ отбросилъ маску и отказался отъ прежней физіономіи Пьеррò съ его надутыми щеками и вѣчно-искривленнымъ ртомъ: постоянно холодное и неподвижное лице его, казалось, было изсѣчено изъ мрамора. Только изрѣдка тонкая улыбка пробѣгала по концамъ его губъ, сверкали на минуту глаза, и эта почти незамѣтная игра физіономіи не ускользала ни отъ одного зрителя. Съ какой-то особенной граціей принималъ онъ безчисленные удары отъ арлекина, и, когда ему самому приходилось угощать другихъ толчками и пощечинами, удивительное разнообразіе, ловкость и комизмъ отличали всѣ его движенія. Въ его игрѣ было много общаго съ игрой Тальмы, Брюне или Потье; та же умѣренность въ тѣлодвиженіяхъ, то же хладнокровіе, та же комическая интонація въ голосѣ. Но что особенно замѣчательно — Дебюро, нисколько не владѣвшій тайной костюмировки, вѣчно бьющій или получающій удары Пьеррò, этотъ повидимому однообразный Дебюрò постоянно смѣшилъ до-упада своихъ зрителей. Только разъ въ балетѣ Le diable à quatre промѣнялъ онъ бѣлый плащъ на камзолъ башмачнаго чинильщика, и знаменитый актеръ былъ такъ же хорошъ въ парикѣ и шерстаной шапкѣ, какъ и въ черной ермолкѣ или сѣрой шляпѣ.

Жанъ-Гаспаръ Дебюрò родился 31 іюля 1796 года въ Нейколлинѣ, въ Богеміи. Отецъ его служилъ солдатомъ, и по дѣламъ наслѣдства былъ вызванъ во Францію. Человѣкъ не богатый и обремененный большимъ семействомъ, онъ обучилъ своихъ дѣтей канатной пляскѣ, чтобы хоть этимъ добывать себѣ хлѣбъ въ своемъ странствованіи. Уже на седьмомъ году Дебюрò занималъ въ первый разъ роль паяца, а сестры его и братья плясали на канатѣ и мѣдной проволокѣ. Наслѣдство, за которымъ переселялось семейство съ родины въ Аміенъ, было очень незначительно, и черезъ нѣсколько недѣль пришлось всей компаніи возвращаться домой съ пустыми карманами. Съ пѣньемъ, пляской и фигляричаньемъ обошли они большую часть Европы, и воротились наконецъ въ Парижъ около 1811 года, въ блестящую эпоху Имперіи. Отецъ Дебюро устроилъ театръ на одномъ изъ дворовъ улицы Сенъ-Моръ, гдѣ его труппа отличалась особенно въ великіе дни императорскихъ торжествъ. Въ 1815 году Дебюрò сдѣлался вождемъ ученыхъ собакъ, заставлялъ ихъ плясать на канатѣ и исполнять роль арлекина, а за собой удержалъ роль Пьеррò въ ихъ труппѣ.

Digitized by Google

Больше 30 лѣтъ Дебюро игралъ на театрѣ канатныхъ плясуновъ. Въ первые годы онъ почти не отличался отъ своихъ товарищей. Въ 1826 году еженедѣльное жалованье его не превышало 35 франковъ, которыми онъ не могъ прокармливать жену и дѣтей. Онъ хотѣлъ уже оставить сцену, гдѣ такъ мало его цѣнили; директоръ театра тоже намѣренъ былъ его отпустить. Но случай подоспѣлъ на подмогу къ Дебюро въ лицѣ четырехъ знаменитыхъ мужей того времени. То были живописецъ Жераръ, архитекторъ Фонтенъ, и юмористы Пикаръ и Редутъ, случайно посѣтившіе балаганъ, гдѣ игралъ Пьерро съ своими товарищами. Они оцѣнили талантъ Дебюро и сложились помогать ему деньгами. Шарль Нодье вызвался быть его панегиристомъ, но ни возванія академика, ни книга Жюль-Жанена о театрѣ à quatre sous, не были причиной народной любви къ Дебюро. Эта книга указываетъ только на то, что въ 1836 году Дебюро былъ на высшей точкѣ своей славы. Была, однакожъ, и трагическая сторона въ жизни этого Пьерро. Дебюро убилъ одного человѣка, но Пьерро не былъ намѣреннымъ убійцей. Этотъ человѣкъ оскорбилъ его, и Дебюро хотѣлъ ударомъ кинжала доставить себѣ удовлетвореніе; ударъ былъ такъ неудаченъ, что человѣкъ палъ мертвый на мѣстѣ. Между тѣмъ Дебюро былъ оправданъ, и возвращеніе его въ Парижъ было для него новымъ торжествомъ: его встрѣтила любовь народная! Прославленный до-нельзя, страстнолюбимый народомъ, онъ утвердилъ счастье своего театра и вмѣстѣ его директора.

Какъ Пьерро, онъ былъ по преимуществу народный актеръ,— Росціусъ между канатными плясунами, и слава его проникла даже въ салоны свѣтскаго круга Парижанъ. Высшее дворянство, аристократія чиновная, литературная и артистическая не гнушались забираться въ тѣсную и узкую залу, и лицо, осыпанное мукою, заставляло смѣяться не однихъ зрителей въ куркѣ или блузѣ.

Жалованье его увеличилось, но его недоставало на удовлетвореніе всѣхъ потребностей: послѣ смерти не на что было похоронить этого Пьерро. Дебюро былъ еще боленъ, какъ слухъ о его смерти пробѣжалъ уже въ толпѣ. Скачокъ съ опускной кулисы усилилъ его болѣзнь. Не смотря на это, онъ снова появился на сценѣ. Разсказываютъ, что, играя въ послѣдній разъ, онъ проговорилъ съ большимъ усиліемъ послѣдній стихъ извѣстной аріи: «N'en demandez pas davantage!», дополнилъ ее мимикой и

Digitized by Google

упалъ, чтобы никогда не подняться болѣе. Дебюро̀ умеръ въ половинѣ Іюня 1849 года, проживъ полстолѣтія. Изъ этихъ пятидесяти лѣтъ, сорокъ три года прожилъ онъ арлекиномъ, иначе сказать: онъ посвятилъ себя глупости съ тѣхъ самыхъ лѣтъ, когда пробуждается разумъ въ человѣкѣ....

РОСКОШНАЯ ДАЧА БУЛЬВЕРА. — Сэръ Эдуардъ Бульверъ Литтонъ, извѣстный Англійскій романистъ, владѣетъ въ Ланкастерѣ дачею, которую «Preston Chronicle» описываетъ такъ: «Приведите себѣ на память, любезный читатель, прекраснѣйшій покой, который вы когда нибудь видѣли; превратите мысленно всю мебель въ драгоцѣннѣйшіе образцы античнаго искусства, какими когда-либо любовались ваши глаза, и пройдите воображеніемъ рядъ комнатъ: «западную гостиную», «овальную комнату», «главную гостиную», съ коридорами, будуэрами и клозетами, гдѣ потолки подъ мраморъ, или позолочены, стѣны увѣшаны богатыми старинными коврами и картинами, надъ мраморными каминами великолѣпная скульптурная работа, а на расписанныхъ стеклахъ нарисованы гербы и историческія картины. Помните притомъ, что вся домашняя утварь принадлежитъ отчасти къ лучшей работѣ нашихъ Англійскихъ предковъ, отчасти же привезена изъ дворцовъ Медичи во Флоренціи, изъ Венеціи, Рима, Неаполя, Германіи, Франціи, Испаніи и Греціи. Тогда вы можете составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ великолѣпномъ дворцѣ одного изъ современныхъ геніевъ. Даже спальныя комнаты могутъ занять на нѣсколько недѣль вниманіе художника. Въ одной все—изъ временъ нашихъ Генриховъ; въ другой кажется, что мы перенесены въ дѣвственную опочивальню королевы Елисаветы; въ третьей насъ окружаетъ комфортъ кавалера временъ Карла I или Карла II; а въ четвертой находимъ мы всѣ роскошныя принадлежности французскаго coucher изъ временъ Людовика XIV.» Стало быть Эженъ-Сю и Дюма не одни литературные набабы нашего столѣтія. Конечно Шекспиръ и Мильтонъ не имѣли и мысли о подобномъ авторскомъ великолѣпіи, а спальни и кабинеты Шиллера и Гёте были такъ просты, какъ только можно себѣ представить. По крайней мѣрѣ, по описанію «Preston Chronicle» бульверовская роскошь должна быть пестра до безвкусія.

Digitized by Google

СТРАННАЯ ЛЕГЕНДА. — Французскому путешественнику, г. Праксу, показали въ Тунисѣ, на одномъ изъ городскихъ кладбищъ, одинъ памятникъ, по словамъ туземцовъ, поставленный надъ христіанкою. Немало былъ удивленъ путешественникъ, но на всѣ вопросы онъ получилъ въ отвѣтъ только разсказъ, который и передаетъ во всемъ его безпримѣсномъ простодушіи:

Въ то время, когда мусульмане вели войну съ невѣрными, экипажъ Тунисскаго судна былъ отправленъ въ плѣнъ въ столицу одного христіанскаго государства. Дочь князя, отличивъ изъ всего экипажа одного молодаго Араба, котораго красота и наружность обличали знатное происхожденіе, влюбилась въ него безъ памяти, и до того, что опасно заболѣла. Тогда она послала за тѣмъ, который, и въ цѣпяхъ, умѣлъ плѣнить ея сердце, и сказала ему: «Я скоро умру; когда придетъ послѣдній день мой, ты получишь свободу. Ты откроешь мою могилу, и возьмешь брилліанты и жемчугъ, которые найдешь на мнѣ; съ ними ты можешь вернуться на родину».—Арабъ принялся утѣшать княжну, сулилъ ей лучшее будущее... но она умерла. Онъ получилъ свободу. Передъ отъѣздомъ на родину, онъ пошелъ въ послѣдній разъ проститься съ тою, которая такъ любила его. Онъ раскрылъ могилу, но каково было его удивленіе, когда, вмѣсто княжны, онъ увидѣлъ тѣло мусульманина, а вмѣсто ея сокровищъ — четки. Онъ взялъ четки, и поѣхалъ въ Тунисъ. Уже нѣсколько времени былъ онъ на своей сторонѣ, когда, въ одну пятницу, въ мечети, подошли къ нему двое молодыхъ людей и стали требовать отъ него, чтобъ онъ отдалъ имъ четки, узнавъ въ нихъ четки своего отца, умершаго тому нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Арабъ не хотѣлъ отдать четки; молодые люди настаивали, и дѣло было отдано на судъ бея. Бей приказалъ открыть могилу мусульманина, которому принадлежали четки. Къ невыразимому удивленію всѣхъ присутствовавшихъ въ этой могилѣ нашли тѣло дочери христіанскаго князя, со всѣми драгоцѣнностями, о которыхъ говорила она Арабу. Нынѣ эта княжна считается у мусульманъ святою. Арабы объясняютъ, что княжна была перенесена въ святую землю въ награду за ея любовь къ правовѣрному.... Но любопытно бы знать, какимъ образомъ она попала въ Тунисъ.

Digitized by Google

РОМАНИЧЕСКАЯ ДРУЖБА. — Не стоимъ за вѣрность слѣдующаго происшествія, заимствованнаго нами изъ Французскаго журнала «Voleur» (№ отъ 10 Ноября): Двѣ молодыя дѣвушки, въ Парижѣ, изъ коихъ старшей не было и двадцати лѣтъ, были работницами одной изъ набивальныхъ фабрикъ. Всѣ звали ихъ за тѣсную между ними дружбу, и уважали за безукоризненное во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе. Одна изъ нихъ уже нѣсколько разъ получала изъ провинціи отъ родныхъ своихъ письма, въ которыхъ ее звали домой, и, такъ какъ она оказывалась не расположенною исполнить ихъ желаніе, то пріѣхалъ за ней отецъ. Сперва она не соглашалась ѣхать съ нимъ, потомъ сказала, что поѣдетъ, но завтра. Вечеромъ того же дня обѣ дѣвушки исчезли, а на другой день рыбаки вытащили изъ Сены ихъ тѣла, привязанныя одно къ другому платками и веревками. Записка, найденная на одной изъ нихъ, содержала нѣсколько словъ, въ которыхъ было сказано, что онѣ предпочли смерть разлукѣ.

ГЕЙНРИХЪ ГЕЙНЕ. — Г. Альфредъ Мейснеръ, недавно вернувшійся изъ Парижа, публикуетъ въ «Deutsche Zeitung aus Boehmen» извѣстія о Гейне: мы заимствуемъ изъ нихъ главное и самое любопытное. Два года уже Гейне не встаетъ съ постели. Впродолженіе послѣдняго года, параличъ, которымъ онъ одержимъ, не усилился, правда, но и не облегчился ни мало. Вотъ уже скоро два года, какъ онъ едва можетъ повернуться въ постели. Одинъ глазъ у него закрылся, другой едва отрытъ и не выноситъ дневнаго свѣта. Страшныя страданья мучатъ его по ночамъ, и только пріемы морфина нѣсколько облегчаютъ его и поддерживаютъ. Надежды на исцѣленіе для него давно нѣтъ: онъ самъ объ этомъ знаетъ и говоритъ какъ нельзя болѣе спокойно. Въ послѣднее время онъ понесъ многія матеріальныя потери, вслѣдствіе довѣрія къ неблагонамѣреннымъ спекуляторамъ, неразъ умѣвшимъ завлечь его въ такія предпріятія, отъ которыхъ значительно потерпѣло его состояніе, собранное не легкимъ подъ-часъ трудомъ. Гейне все еще пишетъ. Этого мало, — врядъ ли занимался онъ столько когда нибудь прежде. Нѣсколько часовъ сряду онъ каждый день занятъ своими записками, которыя живо растутъ подъ рукою его секретаря. Изъ нихъ-то болѣе всего видно, что если плоть его и ослабѣла, духъ не упалъ: онъ исхудалъ, рука у него отнялась, но жива его сатира, и жива его грація. Кромѣ мемуаровъ, въ эти два года набрал ся у него цѣлый томъ новыхъ стихотвореній; онѣ появятся не какъ по смерти поэта.

Digitized by Google

ЗНАМЕНИТОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ. — Оно заключается въ слѣдующемъ объявленіи: у Коллмана въ Аугсбургѣ, у Пальма въ Мюнхенѣ, у Монтаха и Вейса въ Регенсбургѣ, у Креднера и Клейнбубе въ Прагѣ, у Гартлебена въ Пештѣ, у Мюнстера въ Венеціи, и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, можно имѣть въ большомъ количествѣ только что вышедшую книгу: «Galanthomme,» изданную профессоромъ С....тъ. Эта книга, *для молодыхъ людей необходимая*, и которой уже продано 11,000 экземпляровъ, есть наставленіе о томъ, какимъ долженъ быть человѣкъ въ обществѣ, или систематическое руководство къ тому, чтобы сдѣлаться любезнымъ и пріятнымъ, и въ особенности пріобрѣсть благосклонность дамъ. Она содержитъ въ видѣ прибавленій: 40 образцовыхъ любовныхъ писемъ; 24 стихотворенія на дни рожденія; 40 пьесъ для декламаціи; 28 игръ для удовольствія общества; 18 занимательныхъ фокусовъ; 30 смѣшныхъ анекдотовъ; 22 пріятныя стихотворенія на разные случаи; 45 тостовъ, поговорокъ и остроумныхъ замѣчаній! — Шестое улучшенное изданіе, цѣна 1 флоринъ 30 крейцеровъ. Каждый, кто возметъ въ руки эту книгу, будетъ доволенъ ею сверхъ своего ожиданія, ибо она содержитъ все, что необходимо для образованнаго человѣка, какъ члена общества.

Покуда мы еще не запаслись этой книгой, къ чему впрочемъ уже приняты нами всѣ зависящія отъ насъ мѣры, мы не можемъ ничего болѣе сказать о ней нашимъ читателямъ, кромѣ предложеннаго здѣсь объявленія, переведеннаго буквально изъ № 295 «Allgemeine Zeitung,» къ которому и отсылаемъ невѣрующихъ.

ИЗОБРѢТЕНІЕ, СТОЯЩЕЕ ГРЕЧЕСКАГО ОГНЯ. — Въ «Lorientais» пишутъ: г. Лагранжъ, аптекарь въ Лоріанѣ, пятнадцать лѣтъ трудился надъ составленіемъ страшно-убійственныхъ ядеръ; достигнувъ желаемаго совершенства, онъ произвелъ первый опытъ своему изобрѣтенію въ присутствіи гг. вице-адмирала Лассосса, контръ-адмирала Ла-герра, артиллерійскаго генералъ-лейтенанта Ла-пласа, и другихъ не менѣе важныхъ лицъ. Успѣхъ превзошелъ общее ожиданіе. Ядра г. Лагранжа чрезвычайно сильны и разрушительны: каждое, если не убиваетъ сразу, непремѣнно ослѣпляетъ, или душитъ всѣхъ близкихъ къ мѣсту удара. На всякомъ

Digitized by Google

тѣлѣ, представляющемъ твердое сопротивленіе, ядро лопается мгновенно и съ ужасною силой. Послѣ перваго опыта, члены ученой коммиссіи сказали Лагранжу: «имя ваше навсегда должно быть записано въ лѣтописяхъ мира, потому что послѣ вашего изобрѣтенія нельзя думать вести войну». Утверждаютъ, что г. Лагранжъ берется съ канонирской шлюбкой и четырьмя пушками пустить ко дну сто-двадцати-пушечный корабль. Слышно, что Французское правительство покупаетъ секретъ г. Лагранжа.

ПИСЬМО ШАФАРИКА КЪ М. П. ПОГОДИНУ.

Прага, 16 Ноября н. с. 1850 г. — ....Безъ силы съ однимъ желаніемъ ничего не сдѣлаешь. Это я вижу и на нашей перепискѣ. Какъ давно сбираюсь я писать къ вамъ, а между тѣмъ вотъ и новое письмо отъ васъ. И такъ сперва de negotiis. Къ искреннему моему сожалѣнію, я не могу исполнить, по крайней мѣрѣ вполнѣ, желанія г. Микуцкаго*. Работу его я совершенно одобряю, и можетъ быть скоро ему это напишу. Но войду ли въ критику или анализъ при этомъ случаѣ, очень сомнительно: право я теперь не въ состояніи дѣлать что-либо подобное, хоть и очень желалъ бы быть для молодаго человѣка полезнымъ такъ или иначе.

О ходѣ нашихъ трудовъ, нашей литературы, не могу я сказать вамъ ничего удовлетворительнаго. Время, кажется, неблагопріятно работамъ этого рода. Можетъ быть вновь опредѣленные профессоры успѣютъ въ чемъ нибудь со временемъ: искренно того желаю, но на то нужно время, ибо искусства и науки могутъ люди легко, очень легко, и въ короткое время, убить до смерти, но пробудить ихъ можетъ только Богъ, и созрѣть, вырости, могутъ онѣ только медленно въ продолжительномъ теченіи времени. Потому я и не надѣюсь, чтобъ мои глаза увидѣли изъ того много, хотя я и не отчаяваюсь, ибо prudens futuri temporis exitum caliginosa nocte premit Deus ridetque si mortalis ultra trepidat.

И такъ изъ Миклошичева и Вукова до сихъ поръ вы еще ничего не получали. Я увѣдомилъ ихъ объ этомъ. Такимъ образомъ и я не могу впродолженіе цѣлаго года получить книгъ изъ Петербурга, кои заказалъ для нашей библіотеки чрезъ книгопро-

---

* Г. Микуцкій посылалъ на судъ Шафарика этимологическую свою работу, и желалъ получить разборъ ея, въ руководство для продолженія.

Digitized by Google

давцевъ. Чему удивляться! Изъ Кракова, который находится въ предѣлахъ нашего государства, нѣтъ никакой возможности получить что нибудь. Надежду на улучшеніе Славянской книжной торговли должны мы предоставить уже нашимъ дѣтямъ, или лучше внукамъ. За то съ запада Прага наводняется настоящимъ потопомъ книгъ дважды въ недѣлю.

Мое время и моя жизнь раздѣлены теперь совершенно между служебными и семейными занятіяти. Ученыя и литературныя работы должны спать и ожидать лучшихъ временъ. Хлопотъ домашнихъ у меня безъ числа: дѣти выросли, — и я вижу передъ собою только заботы. Живъ въ идеяхъ, не занимавшись житейскими дѣлами, я слишкомъ пренебрегалъ вещественныя выгоды въ молодости: потеряннаго теперь не воротишь, а сожалѣніе безплодно. Старшаго сына своего Адальберта отправилъ я 1-го Ноября въ Брюннъ—заниматься Химіей практически въ тамошнемъ Техническомъ институтѣ, подъ руководствомъ профессора Квадрата. Можетъ быть, если не удастся ему получить какое учебное мѣсто, найдетъ онъ себѣ содержаніе на Фабрикѣ. Второй, Ярославъ, оканчиваетъ курсъ въ Лицеѣ, и съ слѣдующаго года начнетъ заниматься медициной или хирургіей, чтобъ сдѣлаться лекаремъ или хирургомъ. Третій, меньшой, примется также за что нибудь практическое; по крайней мѣрѣ я желаю того отъ всего сердца.

Здоровье мое во всю осень было плохо. Пребываніе въ старомъ городѣ, и особенно въ очень нездоровомъ зданіи нашей библіотеки (Clementinum) увеличило слишкомъ много мои подагрическія и нервозныя страданія, а объ основательномъ леченіи и думать нечего. Даже и для временнаго облегченія я не могу ничего сдѣлать, не имѣя возможности предпринять путешествіе, или воспользоваться водами. И такъ остается одно....

Я думаю, что многое вы знаете изъ газетъ о нашихъ дѣлахъ, хоть я и не знаю, какія вы читаете. Коляровы Италіано-славянскія изслѣдованія печатаются съ пособіемъ Вѣнской Академіи Наукъ. Онъ читаетъ объ Оботритскихъ древностяхъ, ибо вѣритъ Машевымъ выдумкамъ. А я, другъ, для Фантазій уже устарѣлъ, и разсудокъ мой слишкомъ жестокъ. Нашъ N. нашелъ недавно въ абраксасѣ древнѣйшую исторію Чеховъ: abra—xas = образъ чехъ! Чего же лучше!

О Гаѣ я ничего не знаю, кромѣ того, что Гай печатаетъ для другихъ книги въ своей типографіи.

Digitized by Google

О собранномъ синодѣ въ Вѣнѣ Сербскихъ и Волошскихъ епископовъ также не знаю ничего, кромѣ того, что есть въ газетахъ, то есть существенно ничего. Дѣятельный Вукъ печатаетъ вторымъ изданіемъ свой словарь. Впрочемъ не выходитъ ничего значительнаго. Ежедневные листы рождаются и исчезаютъ какъ мыльные пузыри. Молотится мякина. Однакожъ вышло новое отдѣленіе Чешской Исторіи Палацкаго, коего я еще не читалъ.—Надѣюсь, нынѣ я написалъ вамъ довольно о нашихъ мизеріяхъ....

Въ Могодинскомъ древлехранилищѣ поступили:

Подлинный указъ *И. Петра Великаго*, за его подписью, о рѣшеніи дѣлъ коллегіальномъ.

Подлинное порученіе *его же* Люберасу вызывать въ Россію разныхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ.

Опись (реестръ) *его* писемъ съ первыхъ семисотыхъ годовъ, по предметамъ (большая книга въ листъ).

Рукописная жизнь Украинскаго философа *Сковороды*, писанная его ученикомъ и другомъ Ковалинскимъ въ 1794 году, (по благосклонности В. И. Аскочинскаго, изъ Каменецъ-Подольска).

Собственноручная большая бумага Графа *Каннрина*.

Нѣсколько писемъ собственноручныхъ Граф. *А. А. Орловой*.

Рисунокъ, представляющій различія въ богослуженіи между православными и старообрядцами.

Рисунокъ, представляющій будто бы хожденіе св. Ефросина въ Царьградъ за уставомъ, иконнаго письма, на бумагѣ.

Старый Латинско-Русскій *Словарь*, принадлежавшій въ 1724 г. Матвѣю Вишневскому.

Древній большой мѣдный *крестъ*.

Замѣтка.

Въ „Ж. М. Н. П.“ за Октябрь, въ обозрѣніи Губернскихъ Вѣдомостей, г. Боричевскій говоритъ, что «Агаѳія, дочь Смоленскаго Князя Мстислава Романовича.... по политическимъ разсчетамъ Всеволода Георгіевича, Великаго Князя Владимирскаго, съ Князьями Южной Россіи, *какъ бы въ залогъ примиренія враждовавшихъ Мономаховичей съ Ольговичами*, вступила въ бракъ съ старшимъ сыномъ Всеволодовымъ, Константиномъ, въ 1196 году.»

Digitized by Google

Нѣтъ: здѣсь не было никакихъ политическихъ разсчетовъ, не было примиренія и не было залога, по причинѣ очень простой: и Смоленскіе Князья и Владимирскіе были Мономаховичи, и происходили отъ *одного* корня, Владимира Мономаха: Смоленскіе чрезъ старшаго его сына, Мстислава, а Владимирскіе чрезъ меньшаго, Георгія. *М. П.*

поправка. Хронологіи Русскихъ лѣтописей я посвятилъ цѣлую главу въ 4 томѣ моихъ Изслѣдованій о древней Русской Исторіи, слѣд. говорить о ней съ Г. Хавскимъ болѣе мнѣ не нужно. Но въ замѣчаніяхъ своихъ на книгу Г. профессора Перевощикова онъ справедливо замѣтилъ, что издавая, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, Псковскую Лѣтопись, я ошибочно въ переводѣ Славянскихъ чиселъ, букву Р., означающую ключь границъ, перевелъ на соотвѣтствующее ей число сто: она, разумѣется, должна была оставаться безъ измѣненія. *М. П.*

отъ редакціи.

Между нѣкоторыми читателями, какъ видно по журналамъ и слышно въ публикѣ, обнаруживается неудовольствіе, зачѣмъ журнальныя статьи раздѣляются по многимъ нумерамъ. На насъ упрекъ этотъ долженъ падать менѣе, потому что мы раздѣляемъ иногда по необходимости, издавая двѣ книги въ мѣсяцъ, а не одну, и не имѣя физически возможности въ половинной, такъ сказать, книгѣ занимать всѣ отдѣленія полными статьями. Притомъ нѣкоторыя раздѣленныя нами сочиненія, какъ, наприм., романъ графини Ростопчиной и путешествіе князя Салтыкова, такого рода, что каждая ихъ часть составляетъ особое цѣлое. Мы, впрочемъ, будемъ стараться, въ удовлетвореніе справедливыхъ требованій, избѣгать какъ можно болѣе замѣченнаго недостатка, напр. вмѣсто того, чтобъ въ двухъ нумерахъ, принадлежащихъ къ одному мѣсяцу, печатать по половинѣ повѣсти Русской и иностранной, мы будемъ печатать въ одномъ нумерѣ всю повѣсть Русскую, а въ другомъ всю повѣсть иностранную.

Читатели видятъ также наше стараніе помѣстить въ текущемъ году всѣ не только обѣщанныя, но и объявленныя нами статьи (а равно и кончить всѣ начатыя.) Въ прошломъ нумерѣ,

Digitized by Google

напримѣръ, мы имѣли возможность напечатать двѣ таковыя, а именно: «Слово о Полку Игоревомъ» Г. Мея, и «Утро молодаго человѣка» Г. Островскаго. Нынѣ печатается одинъ біографическій очеркъ изъ Русской Исторіи Г. Погодина, и окончено «Второе путешествіе по Индіи» Князя Салтыкова. Въ слѣдующемъ нумерѣ кончится непремѣнно весь романъ Графини Ростопчиной, — такъ что мы исполнили предъ нашими подписчиками всѣ свои обѣщанія, и даже слишкомъ, давъ вмѣсто обѣщанныхъ 300 листовъ съ прибавленіями около 400.

Двѣ-три статьи остаются въ редакціи до слѣдующаго года, потому что онѣ должны были уступить мѣсто другимъ, сверхъ ожиданія полученнымъ нами, а именно: повѣсти «Тюфлякъ», въ 2 частяхъ, занявшей три нумера.

Въ послѣдней книгѣ Временника помѣщено пространное разсужденіе Г. Бѣляева: Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. Тема ея — доказать, что родоваго начала у насъ не видать даже между Славянскими племенами, (не только въ княжескомъ періодѣ). Я однакожъ во все не согласенъ съ многими положеніями автора, (котораго «Москвитянинъ» имѣетъ честь считать въ числѣ своихъ сотрудниковъ), и разберу эту статью, (заключающую впрочемъ нѣсколько дѣльныхъ мыслей) вмѣстѣ съ статьями Гг. Тюрина, Кавелина и Соловьева объ одномъ съ нею предметѣ,—въ первыхъ книгахъ «Москвитянина» 1851 г. *М. П.*

—

«Сестра Марія», повѣсть «неизвѣстнаго автора», помѣщенная въ «Revue de deux mondes», и переведенная въ «Москвитянинѣ» (NN 21 и 22) принадлежитъ Графинѣ д'Арбувиль, скончавшейся въ прошломъ году.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 3-го 1850 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ПРИЗНАНІЯ МОЕГО ЗНАКОМАГО.

I.

Тысяча восемь-сотъ сорокъ седьмой годъ составляетъ эпоху въ моей жизни. Въ началѣ этого года домашнія обстоятельства, принудивъ меня оставить службу, которая совершенно соотвѣтствовала моимъ наклонностямъ, положили предѣлъ моему честолюбію. Долго я не хотѣлъ увѣриться въ тщетѣ моихъ честолюбивыхъ замысловъ, созданныхъ еще на студенческой скамейкѣ; однако, получивъ отставку, принужденъ былъ убѣдиться въ этомъ и ограничиться чиномъ губернскаго секретаря. Проговоривъ при этомъ съ грустной улыбкой какое-то мудрое изреченіе, которое теперь не помню, я рѣшился сосредоточиться въ самомъ себѣ и прикинуться разочарованнымъ. Прослыть разочарованнымъ, по моему, чрезвычайно легко: стоитъ только пріучить себя смѣяться тому, отъ чего другіе плачутъ, дѣлать презрительныя гримасы тогда, когда большинство восхищается, однимъ словомъ, притвориться безчувственнымъ невѣждой, что многимъ весьма сподручно. Я совершенно поступилъ такъ, и въ короткое время получилъ названія: Печорина, Чайльдъ-Гарольда, Лары и другіе подобные титулы. Къ тому же и природа, надѣливъ меня байроновской наружностью, кажется, имѣла въ виду выпустить на свѣтъ въ лицѣ моемъ Чайльдъ-Гарольда: вообразите лицо, хотя не прекрасное, но привлекательное, — небольшіе глаза, въ которыхъ пропасть огня; потомъ вообразите носъ, совершенно байроновскій носъ; далѣе—подбородокъ, тоже байроновскій, раздвоенный; наконецъ высокое чело;

Digitized by Google

осѣненное думой; прибавьте къ этому улыбку презрѣнія, постоянно пребывающую на устахъ — и вы, читатель, будете имѣть самый вѣрный портретъ вашего покорнѣйшаго слуги. Праздная жизнь, которую я велъ, чрезвычайно способствовала мнѣ возвыситься до идеала разочарованія. Я таскался по всѣмъ трактирамъ и ресторанамъ, изумляя скромныхъ посѣтителей толщиною моихъ сигаръ и моимъ обѣдомъ, состоящимъ изъ одной яишницы, которую я запивалъ старымъ рейнвейномъ. Въ то время я всѣхъ увѣрялъ, что кромѣ рейнвейна ничего не пью. Въ ясные дни послѣ завтрака отправлялся гулять на Тверской бульваръ, гдѣ любовался дѣтьми, щеголевато одѣтыми, выказывая убійственное равнодушіе къ ихъ маменькамъ и гувернанткамъ. Въ театрахъ я находилъ особенные случаи ярко выказывать свое разочарованіе: послѣ патетическихъ мѣстъ, передаваемыхъ тѣмъ или другимъ актёромъ, я съ флегмой Британца вынималъ табакерку, и медленно нюхалъ табакъ, между тѣмъ какъ всѣ со слезами на глазахъ апплодировали; и когда, разъ, одинъ почтенный сосѣдъ, умиленный до глубины души игрой Г-жи К., оборотился ко мнѣ съ восклицаніемъ: «не правда ли какъ это чувствительно!» я отвѣчалъ, зѣвнувъ занавѣсъ: «не слыхалъ».

Вездѣ и во всякое время я ни на шагъ не выступалъ изъ принятой роли. Однажды, на выставкѣ, передъ картиной извѣстнаго художника собралась огромная толпа народа. Я протѣснился до самой картины, быстро взглянулъ на нее, и, къ несказанному удивленію всѣхъ предстоящихъ, оборотился къ ней спиной, сдѣлавъ презрительную гримасу; толпа съ почтеніемъ разступилась передо мною, и я съ удовольствіемъ услышалъ за собой слова: «вотъ знатокъ-то!»

Изъ числа замѣчательныхъ случаевъ, въ которыхъ вполнѣ выразилась моя разочарованность, я сообщу здѣсь одинъ.

Одна капризная баронесса, за которой я постоянно въ продолженіе года ухаживалъ, добиваясь ея благосклонности, назначила мнѣ неожиданно свиданіе; вѣроятно, тронуло ее мое долговременное терпѣніе. Я явился. На кушеткѣ въ одномъ пеньоарѣ лежала моя прекрасная баронесса. Я взялъ подушку съ дивана и сѣлъ у ногъ красавицы. Кровь бросилась мнѣ въ голову, когда я локтемъ случайно дотронулся ея маленькой ножки. Однако я скоро оправился, и, не глядя на соблазнительныя ножки, проговорилъ довольно равнодушно:

Digitized by Google

— Ты звала меня, Lise?

— Да, звала, чтобъ побранить тебя за твое непостоянство.

— Я постоянно полтора года былъ въ числѣ твоихъ поклонниковъ.

— И бросилъ меня въ то время, когда *я для тебя* хотѣлъ забыть всѣхъ.

— Я не зналъ этого.

— А теперь знаешь?

— Быть-можетъ; но теперь я не требую отъ тебя такой жертвы.

Какъ ужаленная змѣей, баронесса быстро приподнялась. Я всталъ тоже. Она была прекрасна съ распущенными волосами! Я невольно отступилъ, и готовъ былъ броситься передъ ней на колѣни, чтобы вымолить прощеніе, но мой демонъ удержалъ меня. Я спокойно досталъ сигару, и подошелъ къ столику закурить ее. Слабый, едва слышный крикъ заставилъ меня обернуться: баронесса лежала безъ чувствъ. Мнѣ стало жалъ красавицу: я было хотѣлъ уже напечатлѣть примирительный поцѣлуй на ея блѣдномъ челѣ, но мой демонъ шепнулъ мнѣ: «не порти, Чайльдъ-Гарольдъ, прекраснаго вечера». — Отвернувшись отъ баронессы и кликнувъ горничную, я уѣхалъ. А между тѣмъ надо сознаться, что я въ то время любилъ эту женщину, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, что я любилъ ее, и потому послѣ немало сердился на самого себя за такое глупое самоотверженіе, и проклиналъ вслухъ Чайльдъ-Гарольдовъ и Печориныхъ; однако утѣшился тѣмъ, что иначе поступить не могъ: *я* Печоринъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, я самъ наконецъ убѣдился въ своемъ полномъ разочарованіи, и призналъ себя за дѣйствительнаго Чайльдъ-Гарольда; почему на запискахъ къ моимъ пріятелямъ безъ зазрѣнія совѣсти сталъ подписывать уже — не Сосулькинъ, а *Чайльдъ-Гарольдъ* или *Печоринъ*.

И долго бы я прожилъ на свѣтѣ въ полномъ убѣжденіи, что я Чайльдъ-Гарольдъ, и умеръ бы, можетъ быть, съ этимъ убѣжденіемъ, если бы не перемѣнилъ квартиры и не встрѣтилъ бы нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя ускорили мое паденіе съ высоты моего величія. Это-то мое позорное паденіе я и хочу разсказать вамъ, читатель, въ томъ убѣжденіи, что вы не будете видѣть моего стыдливаго румянца, а я, съ своей стороны, не увижу вашей улыбки, при чтеніи этой простодушной исторіи.

Digitized by Google

II.

Въ одинъ воскресный день я зашелъ въ церковь. Двѣ-три лампады и нѣсколько свѣчъ едва освѣщали своды храма. Посреди тишины явственно раздавался тихій, дрожащій голосъ стараго священника. Народа было немного; барыни и барышни стояли вдоль стѣнъ церкви на нѣкоторомъ возвышеніи.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на нарядныхъ красавицъ, что̀, вѣроятно, имъ очень не нравилось, я стоялъ у клироса, углубившись въ созерцаніе одной старинной иконы, какъ вдругъ легкій ударъ по плечу заставилъ меня обернуться. За мной стояла старушка съ предобрымъ лицомъ.

— Извините, батюшка — сказала она съ поклономъ, протягивая мнѣ руку, передайте на свѣчку Спасу-Милостивому.

Я взялъ машинально монету, и не зналъ, что̀ съ ней дѣлать. Я вновь обернулся къ старушкѣ; между тѣмъ ея сосѣдка, дѣвочка, засмѣялась, закрывъ ротикъ платочкомъ. Я готовъ былъ совершенно сконфузиться; къ счастію, старушка надоумила меня передать монету сосѣду, впереди меня стоявшему; тотъ, не оборачиваясь, взялъ отъ меня скромное подаяніе, и въ свою очередь передалъ его дѣвочку. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ богомольной старушки, я снова углубился въ созерцаніе древней иконы; вдругъ слова: «посторонитесь, батюшка», — заставили меня опять обернуться. Та же самая старушка, которая передала мнѣ монету, вела подъ руку какую-то больную, въ огромномъ чепцѣ съ желтыми лентами. Я посторонился, и случайно посмотрѣлъ на дѣвочку, которая разсмѣялась моей недогадливости при передачѣ монеты. Черные, блестящіе глаза встрѣтили мой дерзкій взглядъ. Я невольно опустилъ свои глаза. Какъ ни мгновененъ былъ взглядъ, брошенный мною на сосѣдку, однако я успѣлъ разсмотрѣть ея блѣдное, нѣсколько смуглое личико, ея маленькій ростъ, стройную талію. Какъ ни убѣждалъ я себя, что глупо заниматься какой нибудь гризеткой, особенно мнѣ, однако лукавый подстрекнулъ меня еще разъ обернуться на прекрасную сосѣдку. На этотъ разъ я увидѣлъ только ея бѣлую шляпку и дикій бурнусъ, потому что она, желая, вѣроятно, избѣжать моего взгляда, клала земные поклоны, стоя на колѣняхъ. По окончаніи службы я подошелъ къ одной старухѣ, которая съ деревяннымъ ящикомъ сбирала подаянія.

Digitized by Google

— Послушай, тетушка—сказалъ я ей,—скажи пожалуйста, что это за старушка, что вонъ возится около барыни?

— Это — Ивановна — отвѣчала она, и не разсудила больше ничего прибавить къ этому, безъ сомнѣнія, вѣря, что комментарія къ этому имени не нужно.

Оставивъ старуху, я вышелъ на паперть, и увидѣлъ Ивановну, которая, спровадивъ барыню въ огромномъ чепцѣ, сажала въ это время въ карету какого-то маленькаго, лысаго старичка. Прекрасная сосѣдка стояла тутъ же, недалеко отъ меня, поджидая, должно быть, свою маменьку, или бабушку. Я же не дожидался никого, однако остановился, увѣряя себя, что еще рано ѣхать домой, а между тѣмъ питалъ въ душѣ замыселъ — проводить сосѣдку, и узнать мѣсто ея жительства. Проводивъ съ поклонами лысаго старичка, Ивановна подошла къ моей сосѣдкѣ, и сказавъ: «пойдемъ, Варенька», пошла съ ней отъ церкви. — «Варенька! Какое милое имя!» — подумалъ я. Я пошелъ за ними въ приличномъ отдаленіи. Пройдя нѣсколько домовъ, старушка и Варенька вошли на одинъ довольно-большой дворъ. Остановившись у воротъ и проводивъ глазами бѣлую шляпку и дикій бурнусъ, я взглянулъ на верхъ, чтобы узнать, кому принадлежитъ этотъ желтый домъ, и прочелъ: *Отставнаго Коллежскаго Ассессора Ивана Ивановича Пѣтушкова;* внизу же на клочкѣ бумаги было начертано ребяческой рукой: *отдается внаймы комната съ отопленіемъ спросить ивановну.*

На другой день утромъ я говорилъ себѣ: «Послушай, Чайльдъ-Гарольдъ, ты поступишь чрезвычайно глупо, если промѣняешь прекрасную свою квартиру на какой нибудь грязный уголокъ. Ты любишь комфортъ. И отъ чего тебѣ вдругъ пришла на умъ дороговизна твоей теперешней квартиры? Ты прежде не былъ такъ разсчетливъ».

Но, разсуждая такимъ образомъ, я одѣлся и вышелъ на улицу, и, неизвѣстно какимъ образомъ, очутился въ знакомомъ уже мнѣ переулкѣ, гдѣ стоитъ, покачнувшись отъ ветхости желтый домъ, принадлежащій господину Пѣтушкову. Приписавъ это обстоятельство одному случаю, я обратилъ вниманіе на клочокъ бумаги, трепетавшій на воротахъ. Узнавъ изъ него еще разъ, что въ этомъ домѣ отдается комната съ отопленіемъ, я съ радостною улыбкою вошелъ на дворъ.

Digitized by Google

Встрѣтивъ у колодца мужика въ нагольномъ тулупѣ, я обратился къ нему съ вопросомъ — гдѣ живетъ Ивановна?

— Послѣдняя дверь на лѣво, за угломъ, — отвѣчалъ онъ.

Отворивъ показанную дверь, я очутился лицомъ къ лицу съ Ивановной, которая, въ засаленномъ передникѣ и съ круглыми очками на носу, занималась стряпней. Мое неожиданное появленіе, вѣроятно, удивило ее, потому что она стояла передо мной молча, держа въ рукѣ картофель, который не успѣла дочистить.

Здѣсь отдается комната съ отопленіемъ? — спросилъ я ее, вѣжливо поклонившись.

— Здѣсь, батюшка, пожалуйте въ горницу.

Въ комнатѣ, которую Ивановна назвала горницей, я увидѣлъ дѣвушку, сидѣвшую за пяльцами, спиною къ дверямъ. Услышавъ мои шаги, она обернулась. Это была, — я думаю, вы угадали, — Варенька, которую я видѣлъ въ церкви. Она пристально посмотрѣла на меня, и улыбнулась.

«Ага! — подумалъ я — вѣрно ты, плутовка, думаешь, что твои глазки заставили меня сдѣлать вамъ визитъ? Ошибаешься!»

— Садитесь, — проговорила она, краснѣя, вѣроятно, за свою улыбку, которую не могла удержать, — маменька сейчасъ выйдетъ.

Я сѣлъ, и окинулъ взглядомъ комнату. Въ лѣвомъ углу стояла на треугольномъ постанцѣ кіота съ образами, выкрашенная подъ красное дерево. Передъ скромнымъ диваномъ былъ ломберный столъ, покрытый синей скатертью. Напротивъ дивана, у противоположной стѣны, стоялъ комодъ, украшенный туалетомъ подъ орѣхъ. По стѣнамъ висѣли гравированныя картины въ узенькихъ рамкахъ. Ближе къ дверямъ, напротивъ шкафа, помѣщалась огромная, высокая кровать; бѣлымъ подушкамъ кровати, казалось, хотѣлось достать до потолка. Окна были украшены резедой и еранью.

Какъ ни бѣдно было убранство этой комнаты, однако вездѣ было чисто и каждая вещь стояла на своемъ мѣстѣ. Осмотрѣвъ комнату, я мелькомъ взглянулъ на Вареньку, которая, не обращая, по видимому, никакого вниманія на гостя, углубилась въ свою работу. Она была въ полиняломъ ситцевомъ платьѣ, съ черной косынкой на шеѣ.

Digitized by Google

Я обратился къ ней съ довольно глупымъ вопросомъ:

— Я, кажется, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ вчера въ церкви?

— Можетъ быть, но я васъ не замѣтила, — отвѣчала Варенька, не поднимая глазъ.

«А, да ты плутовка»,—подумалъ я; однако, чувствуя вполнѣ неумѣстность сдѣланнаго мною вопроса, который нѣсколько портилъ въ моей роли Чайльдъ-Гарольда, я хотѣлъ сказать какую нибудь колкость, какъ вдругъ вошла Ивановна. Она была уже безъ передника и безъ очковъ, въ бѣломъ чепцѣ.

— Не угодно ли вамъ, батюшка, посмотрѣть комнату, — сказала она.

Я пошелъ за ней, и она указала мнѣ чуланчикъ, который я не замѣтилъ при входѣ въ кухню. Всего одно окно освѣщало эту квартиру съ отопленіемъ; она была такъ мала, что три человѣка съ трудомъ бы повернулись въ ней. Ивановна, замѣтивъ, вѣроятно, гримасу, которую я сдѣлалъ при взглядѣ на эту комнату, поспѣшила прибавить:

— Маленькая, но свѣтленькая и сухая комнатка, и цѣна-то не дорога, батюшка. Иванъ Ивановичъ, котораго вы, вѣрно, изволите знать, не разстался бы съ этой квартирой, если бы, бѣдный, не слегъ въ больницу.

Невольно представилась моему воображенію моя квартира, въ сравненіи съ которой чуланчикъ Ивановны казался просто собачьей конурой.

Другой порядочный человѣкъ на моемъ мѣстѣ плюнулъ бы на эту квартиру съ отопленіемъ, но я поступилъ совершенно иначе: я спросилъ о цѣнѣ и далъ задатокъ. Напутствуемый благословеніями старушки, я отправился домой, и распорядился перевозкою вещей.

Первые дни моего пребыванія въ желтомъ домѣ не ознаменовались ни чѣмъ особенно важнымъ. Въ эти дни, вникая мало по малу въ однообразную и хлопотливую жизнь моихъ хозяекъ, я предавался изученію нравовъ и обычаевъ этихъ бѣдныхъ людей, желанія которыхъ ограничивались только насущнымъ хлѣбомъ и чайкомъ; къ этимъ скромнымъ желаніямъ Ивановна присоединяла еще одно: какъ бы приличнѣе принарядить Вареньку въ праздничный день при выходѣ въ церковь. Сначала мнѣ все казалось страннымъ въ этомъ семействѣ: и образъ мыслей моихъ

Digitized by Google

хозяек, и разговоръ ихъ, и надежды, которыя были такъ безкорыстательны, что, кажется, стоило мнѣ только протянуть руку, чтобъ ихъ удовлетворить. Сперва все это вызывало во мнѣ презрительную улыбку, но потомъ мало по малу я сталъ свыкаться съ ихъ взглядомъ на жизнь и на вещи, сталъ прислушиваться къ ихъ разговору, сталъ уважать ихъ скромныя желанія; наконецъ мнѣ многое стало нравиться въ этомъ простомъ быту. Нравилась мнѣ, напримѣръ, неутомимая дѣятельность Ивановны, которая, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, не только успѣвала ежедневно сбѣгать на рынокъ, изготовить кушанье для себя и для Варенькн, сходить съ работой и за работой, но почти всякій день служила молебны и панихиды по разнымъ своимъ благодѣтелямъ, не забывая при томъ навѣщать своихъ пріятельницъ и принимать ихъ къ себѣ. Нравилась мнѣ также необыкновенная набожность этой старушки, которая, кажется, во всю свою жизнь ни разу не проспала заутрени, ни разу не прогуляла обѣдни или вечерни; она даже не начинала ни одного дѣла, не призвавъ сперва на помощь одного изъ угодниковъ. Особенную любовь и уваженіе питала она къ тѣмъ людямъ, которые исключительно посвятили себя молитвѣ или служенію церкви. Старцы, сбирающіе подаяніе на построеніе храмовъ, погорѣвшихъ или вновь созидаемыхъ, и тѣ странники и странницы, которые безъ гроша въ карманѣ путешествуютъ по цѣлому свѣту, имѣя единственною цѣлію посѣщеніе разныхъ обителей, во всякое время находили у ней пристанище. Этихъ людей Ивановна встрѣчала съ необыкновеннымъ радушіемъ, — тотчасъ ставила для нихъ самоваръ, и на часокъ съ видимымъ наслажденіемъ слушала ихъ разсказы о дальнихъ и многотрудныхъ странствіяхъ. Часто, умиленная до слезъ ихъ разсказами, старушка поднимала глаза къ небу, и, обращаясь къ своей дочери, говорила: «Ну, Варенька, какъ отдамъ тебя замужъ, такъ уйду молиться во святыя обители». Странники нерѣдко гостили у ней по цѣлымъ недѣлямъ; для нихъ ночлега Ивановна отводила кухню, гдѣ они и располагались по своему усмотрѣнію. А какъ ходъ къ моей комнатѣ былъ черезъ кухню, то я нерѣдко, возвращаясь поздно и крадясь въ темнотѣ въ своей каморкѣ, наступалъ или на ногу пилигрима, возвратившагося съ Аѳонской горы, или на руку сборщика подаяній. Впрочемъ я никакъ не стѣснялся обществомъ этихъ людей, тѣмъ болѣе, что

Digitized by Google

бесѣдою съ ними дополнялъ мои довольно скромныя познанія въ географіи.

Не безъ удовольствія видѣлъ я также, что въ семействѣ Ивановны хранились во всей свѣжести и исполнялись съ безукоризненною точностію старинные Русскіе обычаи, въ которыхъ подъ часъ столько простоты и величія.

Разъ, когда я стоялъ въ церкви, въ Троицынъ день, возлѣ Варенькн, которая молилась съ цвѣтами въ рукахъ, я вспомнилъ, что тому лѣтъ пятнадцать, въ деревнѣ, на берегу Волги, и я хаживалъ въ церковь въ этотъ день также съ цвѣтами, и старался даже, по совѣту няни, плакать надъ ними, не зная, разумѣется, за чѣмъ. И вспомнилъ я въ первый разъ давно забытые годы моего дѣтства; прошедшее раскрылось передо мною длиннымъ рядомъ картинъ. Сперва, не знаю почему, явился передо мной послѣдній день масляницы; — Былъ вечеръ. Батюшка читалъ какую-то книгу, а я, осьмилѣтній ребенокъ, строилъ городки на коврѣ. Вдругъ дверь отворилась: входитъ, кланяясь, приказчикъ Савельичъ, за нимъ бурмистръ Филипъ, потомъ изъ-за плеча бурмистра показалась небритая борода земскаго, за нимъ появилась нянюшка Кондратьевна, за нею высунулъ голову кучеръ Петрушка. Вдругъ всѣ они выстроясь въ шеренгу, повалились въ ноги моему папенькѣ, съ словами: «простите насъ Христа ради, батюшка Петръ Ивановичъ!» — Папенька, къ удивленію моему, поклонился имъ низко, и также сказалъ: «простите и вы меня Христа ради!» — Потомъ всѣхъ перецѣловалъ. — Вспомнилъ я потомъ печальные дни великаго поста, когда кормили насъ только грибками и картофелемъ, когда священникъ, отецъ Филипъ, задавалъ намъ съ сестрой ежедневно написать по двѣ страницы *палокъ*, которыя мы, во избѣжаніе лишнихъ трудовъ, проводили съ помощію линейки по цѣлому листу. Вспомнилъ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали Свѣтлаго праздника, какъ въ послѣдніе дни поста мы бѣгали въ дѣвичью справляться, выкрашены ли яица, приготовлена ли пасха! Вспомнилъ, какъ въ вербное воскресенье няня, воротясь отъ заутрени, будила меня вербой, приговаривая: *верба хлестъ, бей до слезъ.* И вспомнилъ я наконецъ послѣдній вечеръ страстной недѣли: — папенька читалъ вслухъ псалтырь; маменька слушала чтеніе, качая на рукахъ маленькаго Алёшу, а мы съ сестрой Катей сидѣли, обнявшись, въ углу, и дремали: спать намъ очень хо-

Digitized by Google

тѣлось, но папенька велѣлъ дожидаться заутрени. Вдругъ загудѣлъ колоколъ. Папенька всталъ, закрылъ книгу и перекрестился; маменька и мы сдѣлали тоже. Выходимъ на улицу; народъ толпами бѣжитъ къ церкви. Папенька кричитъ намъ: «Николя, Катя, не отставайте!» Подходимъ къ церковной оградѣ; на встрѣчу намъ священныя пѣсни, запахъ ладона. Двери отворены настежъ. Входимъ, церковь полна народа; православные стоятъ со свѣчами; вся церковь освѣщена, даже паникадило, которое никогда не зажигалось, блистаетъ десятками свѣчъ. Отецъ Филиппъ, отецъ діаконъ въ золотыхъ ризахъ, пономарь Семенъ въ новомъ синемъ сертукѣ; всѣ поютъ хоромъ. Вотъ народъ заколыхался: нѣкоторые взяли хоругви, другіе — иконы, и всѣ за отцемъ Филиппомъ пошли съ пѣніемъ, крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Папенька, вмѣстѣ съ Иваномъ Безпалымъ, понесъ икону Богородицы; и я тоже протянулъ рученку къ иконѣ, стараясь помочь папенькѣ. Наконецъ заутреня кончилась; народъ сталъ христосоваться сперва съ отцомъ Филиппомъ, потомъ съ папенькой, потомъ съ нами. По всей церкви пошелъ говоръ: «Христосъ воскресе! воистину воскресе! — и за тѣмъ громкія лобызанія. — И вспомнилъ я многое въ это время, чего прежде никогда не вспоминалъ.

Простите меня, читатель, что я увлекся воспоминаніемъ моего дѣтства. Я вообще не люблю вспоминать это время, а если Варенька и напомнила мнѣ его, то, надѣюсь, въ первый и послѣдній разъ.

Возвращаюсь къ моему житью-бытью въ желтомъ домѣ. Въ короткое время я успѣлъ пріобрѣсть полную довѣренность Ивановны: она не только никогда не косилась на меня за то, что я по цѣлымъ днямъ просиживалъ съ Варенькой, но, напротивъ, увѣряла всѣхъ, что она съ бо́льшимъ аппетитомъ пьетъ чай, когда я сижу у нихъ. Обыкновенно я приходилъ къ нимъ съ книгой, которую читалъ вслухъ, останавливаясь по временамъ для объясненія Варенькѣ тѣхъ словъ, которыхъ она не понимала. Иногда по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ я на Вареньку, которая, не поднимая глазъ, вышивала въ пяльцахъ. Иногда любовался ея работой, для чего не рѣдко, чтобъ разсмотрѣть узоръ, я нагибался къ пяльцамъ черезъ плечо Вареньки такъ, что мои волосы касались ея блѣдной щеки, отъ чего, сознаюсь, я краснѣлъ всякій разъ. Наши разговоры съ Варенькой обыкно-

Digitized by Google

венно были непродолжительны: горизонтъ ея свѣдѣній былъ не обширенъ, и я не разъ попадалъ въ просакъ, когда развивалъ передъ ней мои любимыя темы. Иногда она перерывала мою рѣчь такимъ наивнымъ вопросомъ, что я долго съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на нее. Однажды, когда я совершенно не кстати, доказывалъ ей, что я уже все пережилъ, что я въ настоящее время ничему уже не сочувствую, что никого полюбить уже не могу,— она озадачила меня слѣдующимъ вопросомъ: Неужели у васъ, Николай Петровичъ, вмѣсто сердца кусокъ дерева?

Въ другое время, когда я высказалъ ей мысль, что женщина создана для любви, она вопросительно на меня посмотрѣла, какъ будто требуя объясненія этихъ простыхъ словъ.

Изъ этого вы видите, читатель, что Варенька была вполнѣ необразованная дѣвушка, которой не стоило бы заниматься, особенно же мнѣ. Но я непремѣнно хотѣлъ покорить это дѣвственное сердце, хотѣлъ причислить къ жертвамъ моей могущественной воли. Сопротивленіе, встрѣченное мною въ ней на первомъ шагу, еще болѣе меня раздражило. Я рѣшился употребить всѣ способы, всѣ хитрости, которые были у меня въ запасѣ, для достиженія моей цѣли. На первый разъ я положилъ не ходить къ ней въ продолженіе мѣсяца.

Прошло семь дней съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ ходить къ Варенькѣ. Въ продолженіе этихъ семи дней, которые показались мнѣ мѣсяцами, мое воображеніе исключительно было занято этой дѣвочкой. Въ театрѣ, на гуляньяхъ, словомъ, вездѣ, куда только являлась моя разочарованная личность, я противъ воли думалъ о ней.

Разъ, я такъ разсуждалъ самъ съ собою: »Неужели я увлекся дѣтскими прелестями этой дѣвочки до такой степени, что имѣлъ глупость влюбиться въ нее? Влюбиться! Мнѣ ли влюбиться въ простую, необразованную дѣвушку? Это совершенно несогласно съ моей натурой! Влюбиться! Это слово рѣшительно неприменимо къ моей персонѣ. Скорѣй оскорбленное самолюбіе вопіетъ во мнѣ объ удовлетвореніи. Оно требуетъ уничтоженія этой гордой дѣвочки, которая не хочетъ смотрѣть на меня, — на меня, передъ кѣмъ самыя дерзкія львицы потупляютъ глаза. Унижу Вареньку! заставлю же ее склониться передъ моей неотразимой волей! Не будь я Чайльдъ-Гарольдъ!

Digitized by Google

Закончивъ этимъ мои размышленія, я, какъ съумасшедшій, вскочилъ, какъ будто въ эту минуту Варенька стояла передо мной, ожидая съ невозмутимымъ спокойствіемъ моего нападенія, — и лицомъ къ лицу встрѣтился съ докторомъ К., однимъ моихъ хорошимъ знакомымъ.

— Ты ли это? Я долго смотрѣлъ на тебя и не рѣшился подойдти къ тебѣ, боясь ошибиться. Скажи, сдѣлай одолженіе, что съ тобой сдѣлалось? Ты, или пишешь философическій трактатъ, или влюбился.... Виновать, я и забылъ, что ты влюбиться не можешь. Но, право, мы всѣ теряемся въ догадкахъ, когда рѣчь зайдетъ о тебѣ! —

— Что же вы нашли непонятнаго во мнѣ? — спросилъ я доктора.

— Ты совершенно забылъ своихъ пріятелей, сталъ ихъ чуждаться, переѣхалъ чортъ знаетъ куда!.... Я какъ-то заѣзжалъ на твою прежнюю квартиру узнать о твоемъ мѣстопребываніи, и собралъ самыя неопредѣленныя свѣдѣнія. Мнѣ назвали только какой-то странный переулокъ, и я даже не умѣю запомнить названія. Сдѣлай одолженіе, дай мнѣ свой адресъ.

Если бы К. высказалъ это требованіе вдругъ, до своего разсказа о томъ, что искалъ меня, онъ, сознаюсь, крѣпко смутилъ бы меня. Но какъ я уже по началу разговора ожидалъ послѣдняго вопроса, то и отвѣчалъ ему, ни сколько не конфузясь:

— Пожалуй, я дамъ тебѣ мой адресъ, но только не знаю, успѣешь ли ты сдѣлать мнѣ визитъ.

— Почему же не успѣю? — спросилъ съ изумленіемъ К.

— Потому что я завтра ѣду въ Петербургъ, откуда намѣренъ отправиться на лѣто или въ Баденъ пить воду, или въ Ревель купаться,—отвѣчалъ я самымъ равнодушнымъ тономъ, какъ говорилъ о поѣздкѣ за городъ.

— А-а! — только произнесъ К.

Простившись съ нимъ, я отправился домой въ веселомъ расположеніи духа. Дорогой я такъ громко засмѣялся моей выдумкѣ, произведшей такое сильное впечатлѣніе на доктора, что одинъ чиновникъ, который шелъ мнѣ на встрѣчу, поспѣшно поворотилъ на другой тротуаръ, и долго смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, считая меня, по всей вѣроятности, помѣшаннымъ.

Digitized by Google

И такъ, прошли семь дней съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ ходить къ Варенькѣ, — семь дней самыхъ долгихъ, самыхъ скучныхъ!

На осьмой день (было воскресенье) я отправился къ обѣднѣ въ нашъ приходъ, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ Вареньку. Помѣстясь на прежнемъ мѣстѣ, то есть возлѣ клироса, я сталъ частенько поглядывать на одну тоненькую барышню, имѣя невинное намѣреніе посердить Вареньку. Мое намѣреніе должно было увѣнчаться вожделѣннымъ успѣхомъ, потому что тоненькая барышня отвѣчала на мои взгляды тѣмъ же, то есть, искоса умильно поглядывала на меня. Варенька, стоявшая позади меня, не могла не замѣтить этого маневра, который, по моему, не могъ не привести къ предположенной цѣли; потому что не разъ уже я употреблялъ его въ дѣло въ прежнихъ моихъ побѣдахъ, и всегда съ успѣхомъ. Я воображалъ уже, какъ Варенька отворотится при встрѣчѣ, какъ надуетъ свои маленькія губки! О! тогда успѣхъ будетъ несомнѣнный! Но каково же было мое удивленіе, когда по окончаніи обѣдни я подошелъ къ Варенькѣ, и увидѣлъ на ея лицѣ такую милую и привѣтливую улыбку, какъ будто бы исключительно былъ занятъ ею, а не тоненькой барышней! На вопросъ ея о моемъ здоровьи я пробормоталъ что-то самымъ убійственнымъ тономъ, и обратилъ все вниманіе на тоненькую барышню. Это тоже, кажется, не произвело никакого дѣйствія на Вареньку. Она, замѣтивъ мнѣ, что я ихъ забылъ, вышла изъ церкви съ Ивановной, которая, въ свою очередь, не замедлила освѣдомиться о моемъ здоровьи и поздравить меня съ праздникомъ.

Возвратясь домой, я заперся въ своей комнатѣ съ твердымъ намѣреніемъ составить лучшій планъ дѣйствій для покоренія сердца гордой Вареньки, имѣвшей смѣлость противостоять человѣку искусившемуся въ побѣдахъ. Какъ ни ломалъ я голову, однако ничего не могъ придумать, кромѣ средствъ уже испытанныхъ, которые, какъ извѣстно, оказались совершенно безполезными. А между тѣмъ желаніе поговорить съ Варенькой послѣ семидневной разлуки такъ сильно заговорило во мнѣ, что я рѣшился тотчасъ его исполнить вопреки твердому намѣренію не ходить къ ней въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, мѣсяца. Я взялся за ручку двери, но мысль — не ужели я такъ низко палъ, что не могу прожить мѣсяца, не поговоривъ съ хорошенькой гризеткой—

Digitized by Google

остановила меня на порогѣ. Я сѣлъ на свое мѣсто, торжествуя въ думѣ побѣду надъ самимъ собою. Вдругъ я вспомнилъ, что одна изъ моихъ книгъ осталась у Вареньки.—„Чего добраго,— подумалъ я—книга можетъ затеряться. Съ быстротою молніи отперъ я дверь, и очутился въ комнатѣ сосѣдки. Варенька была одна, и занималась гаданьемъ на картахъ. Какъ ни скоро смѣшала она карты при моемъ появленіи, я успѣлъ разсмотрѣть, что она гадала на трефовомъ королѣ. Изъ этого я вывелъ тотчасъ заключеніе, что Варенька гадала обо мнѣ, что мнѣ очень польстило. Однако я счелъ нужнымъ притвориться, что видѣлъ бубноваго короля, а совсѣмъ не трефоваго. Вслѣдствіе этого у насъ завязался слѣдующій разговоръ:

— Вы, вѣрно, гадали о женихѣ? — спросилъ я.

— Почему вы это думаете?

— Вы гадали на бубновомъ королѣ, вы сами растолковали мнѣ намѣдни, что на этомъ королѣ гадаютъ о бѣлокуромъ молодомъ человѣкѣ.

Она пристально посмотрѣла на меня, какъ будто сомнѣваясь въ правдивости моихъ словъ. Я не могъ вынести ея свѣтлаго взгляда, и улыбнулся, совершенно не кстати.

— Нѣтъ, вы ошиблись — сказала она, угадавъ, вѣроятно, хитрую ловушку, которую я ей поставилъ, — я гадала на трефовомъ.

— А позвольте спросить, о комъ вы гадали? — Сдѣлавъ этотъ вопросъ, я устремилъ на Вареньку самый проницательный взглядъ, который и безъ содѣйствія этихъ словъ долженъ былъ ее смутить.

— Я гадала о дядюшкѣ, онъ уѣхалъ въ Саратовъ на управительское мѣсто. Онъ давно что-то не пишетъ, и мы съ маменькой боимся, не случилось ли съ нимъ чего?

Въ голосѣ, которымъ были произнесены эти слова, было столько родственнаго участія, что я тотчасъ же отказался отъ предположенія, что она гадала обо мнѣ.

— Мы съ вами ни разу не говорили о вкусахъ, — началъ я, имѣя въ виду запастись на этотъ вечеръ хотя маленькой надеждой на любовь Вареньки,—скажите мнѣ: кого бы вы выбрали въ женихи, если бъ вамъ предложили брюнета и блондина съ равными достоинствами?

Digitized by Google

— Блондина, — отвѣчала серьёзно Варенька: — брюнеты точно цыгане.

Разумѣется, мнѣ этотъ отвѣтъ не понравился: я брюнетъ.

— А глаза какіе вамъ нравятся? — спросилъ я.

— Голубые. Какъ бы я была рада, кабы у меня были голубые глаза.

Впрочемъ я и не надѣялся, что она назоветъ аквамариновые, какими наградила природа меня.

Надо вамъ замѣтить, читатель, что прежде, въ простотѣ сердца, я считалъ свои глаза сѣрыми, что нерѣдко за туалетомъ заставляло меня роптать на судьбу. Но однажды художникъ, который удостоился счастія списать мой портретъ, назвалъ, къ моему несказанному удовольствію, мои глаза аквамариновыми. Съ этаго радостнаго открытія я уже съ презрѣніемъ смотрю на черные и голубые глаза, которымъ прежде завидовалъ.

Почти въ отчаяніи пришелъ я въ свою комнату. Этотъ вечеръ разрушилъ мои остальныя надежды, за которыя я еще держался. «О Боже! — воскликнулъ я, падая на диванъ, — зачѣмъ я не созданъ рыжимъ? зачѣмъ у меня не голубые глаза?» — Въ первый разъ со времени моего открытія мнѣ показались противными мои аквамариновыя очи.

Послѣ такого страшнаго пораженія на всѣхъ пунктахъ, другой бы на моемъ мѣстѣ непремѣнно упалъ духомъ, но я, надѣленный отъ природы порядочнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, рѣшился ждать благопріятнаго случая. Такъ поступали въ подобныхъ обстоятельствахъ всѣ почти герои романтическихъ поэмъ.

На другой день этого событія были именины Ивановны.

Никакъ не могу удержаться, и не описать этого семейнаго праздника.

Когда я въ этотъ день вошелъ въ комнату моихъ хозяевъ, то неожиданно очутился въ довольно многолюдномъ обществѣ.

На самомъ почетномъ мѣстѣ, на диванѣ, помѣщался толстый пирныхъ дѣлъ мастеръ; рядомъ съ нимъ сидѣла, я думаю, всякій угадаетъ, его супруга, маленькое, кругленькое существо съ румянцемъ во всю щёку и съ косыми глазами. Напротивъ этой четы сидѣла на стульяхъ другая чета: то были двѣ Варенькины тетушки, скромныя, тихія старушки. Между ними было поразительное сходство, такъ что съ трудомъ можно было угадать, которая изъ нихъ Лукерья Ивановна, и которая Аниська Ивановна.

Digitized by Google

Къ тому же онѣ имѣли привычку всегда одѣваться одинаковымъ образомъ: такъ, напримѣръ, на этотъ разъ на Лукерьѣ Ивановнѣ было полосатое платье, и на Аннѣ Ивановнѣ тоже было полосатое платье; на плечахъ Лукерьи Ивановны былъ накинутъ большой желтый платокъ, и на плечахъ Анисьи Ивановны тоже былъ накинутъ большой желтый платокъ. — Ближе къ дверямъ сидѣлъ уединенно въ простомъ зипунѣ долговязый мужикъ съ клинообразной бородкой; въ этомъ гостѣ не трудно было узнать собирателя подаяній на погорѣвшую церковь.

Ивановны и Вареньки въ комнатѣ не было: онѣ хлопотали на кухнѣ около самовара.

При моемъ появленіи все общество встало и поклонилось. Я тоже поклонился.

За тѣмъ всѣ усѣлись по мѣстамъ, наблюдая строгое молчаніе.

Сидимъ и поглядываемъ другъ на друга.

Моя фигура въ особенности была предметомъ наблюденій всего собранія; болѣе же всѣхъ интересовался мною лѣвый глазъ шорницы: онъ безпрестанно устремлялся на меня, и казалось, спрашивалъ меня: «какъ ты сюда попалъ, любезный?»

Мое положеніе казалось мнѣ нестерпимымъ: лѣвый глазъ шорницы страшно меня безпокоилъ; я было уже рѣшился убѣжать изъ этого общества, какъ вдругъ шорныхъ дѣлъ мастеръ, посмотрѣвъ въ окно, прервалъ молчаніе слѣдующими словами:

— Инъ вѣдь жары-то какія, — совсѣмъ нѣтъ дождя!

За этимъ восклицаніемъ глаза гостей тотчасъ устремились на окна.

— Да, вотъ и травы-то всѣ посохли — замѣтилъ собиратель подаяній.

— Сохрани Господи! — проговорили въ одинъ голосъ дѣвѣ тетушки, устремивъ со вздохомъ глаза въ потолокъ.

Я обрадовался, что завязался разговоръ, — но радость моя была непродолжительна: за восклицаніемъ тетушекъ снова водворилось молчаніе, и лѣвый глазъ шорницы опять отыскалъ меня.

Я устремилъ взоръ утопающаго на шорныхъ дѣлъ мастера, но почтенный человѣкъ, казалось, не рѣшался въ другой разъ помочь мнѣ.

Стиснуло сердце, я закурилъ сигару и повернулъ свой стулъ бокомъ къ шорницѣ.

Digitized by Google

Сидимъ.

А вотъ слышно антихристъ народился, — неожиданно проговорилъ собиратель подаяній.

— Господи! — воскликнули вмѣстѣ обѣ тетушки.

За тѣмъ опять водворилось молчаніе, и вѣроятно, никто бы изъ насъ уже не осмѣлился его нарушить, если бы не явилась Ивановна съ самоваромъ, и за ней Варенька. За чаемъ бесѣда оживилась. Только глаза шорницы немного путали разговоръ. Когда она дѣлала какой нибудь вопросъ, то я, видя ея лѣвый глазъ, устремленный на меня, и полагая, что слова ея относятся ко мнѣ, спѣшилъ отвѣчать; собиратель подаяній, съ своей стороны, видя правый глазъ шорницы, устремленный на него, и думая, безъ сомнѣнія, что она спрашиваетъ его, тоже спѣшилъ удовлетворить ея любознательности. Такимъ образомъ мы съ нимъ разомъ, въ одинъ голосъ, отвѣчали шорницѣ, что никакъ между собою не клеилось.

«Что бы сказалъ докторъ К. — подумалъ я — если бы открылъ мое убѣжище и нашелъ меня въ этой компаніи? Сколько бы насмѣшекъ посыпалось на мою бѣдную голову! Какія смѣшныя исторіи выдумали бы на мой счетъ мои пріятели! Теперь же они, безъ сомнѣнія, живутъ въ увѣренности, что я пью воду въ Баденѣ, или купаюсь въ Ревелѣ! Пусть думаютъ! Воображаю, сколько зависти изобразилось на лицѣ знакомца моего Залетаева, когда К. сказалъ ему: А, вѣдь Сосулькинъ-то уѣхалъ на лѣто въ Баденъ!»

Мои размышленія были прерваны появленіемъ новаго лица, совершенно мнѣ незнакомаго. Это былъ молодой человѣкъ небольшаго роста, но съ руками и ногами огромнаго размѣра.

— Ахъ, Ѳедоръ Ѳедорычь! — закричала Ивановна, вскочивъ со стула,—просимъ покорнѣйше! Я ужъ думала, что вы не будете! —

Ѳедоръ Ѳедорычь ловко разшаркался передъ старушкой, поздравилъ ее со днемъ ангела, и вручилъ ей при этомъ что-то такое завернутое въ бумагу. Потомъ онъ окинулъ орлинымъ взглядомъ все общество, которое стояло въ эту минуту униженно у своихъ мѣстъ, ожидая привѣтствія отъ новаго гостя. Но Ѳедоръ Ѳедорычь не счелъ нужнымъ поклониться обществу, а кивнулъ головой мнѣ одному, проговорилъ при этомъ «бонъ журъ»,

Digitized by Google

вѣроятно, во уваженіе того, что я не всталъ при его появленіи, и за тѣмъ подошелъ къ Варенькѣ.

— Комантъ ву портеву? — спросилъ онъ Вареньку, раскланиваясь передъ ней самымъ обязательнымъ образомъ.

— Вы знаете, Ѳедоръ Ѳедорычь, что я не говорю по-французски, — отвѣчала Варенька.

— Миль пардонъ, мадмуазель, — я все забываю, — сказалъ на это съ улыбкой Ѳедоръ Ѳедорычь.

Костюмъ этого молодца не могъ не обратить на себя вниманія наблюдательнаго человѣка. На немъ былъ широкій, черный фракъ съ такой низкой таліей, что затруднительно опредѣлить мѣсто, гдѣ она кончилась; пестрый жилетъ его былъ длиною чуть не съ фракъ, а крѣпко накрахмаленные воротнички такъ высоко торчали изъ-подъ чернаго галстуха, что закрывали его уши. Прочія части наряда Ѳедора Ѳедорыча были не менѣе *по послѣдней модѣ*.

Впрочемъ не одного меня привелъ въ изумленіе костюмъ этого господина. Шорныхъ дѣлъ мастеръ велъ втихомолку жаркій споръ со своей супругой, предметомъ котораго былъ фракъ Ѳедора Ѳедорыча. Мастеръ утверждалъ, что это совсѣмъ не фракъ, а жокейская куртка, а супруга его, должно быть, болѣе свѣдущая въ мужскомъ одѣяніи, говорила напротивъ, что на молодомъ человѣкѣ самый модный фракъ.

— Не спорь, Груша, — говорилъ шорныхъ дѣлъ мастеръ, — я тебѣ говорю, что куртка. Намедни у князя я видѣлъ жокея, такъ точь въ точь такая.

— Тебя не переспоришь, Кузьма Кузьмичъ, — съ досадой проговорила шорница, и отвернулась отъ своего супруга.

Супругъ замолчалъ, но когда Ѳедоръ Ѳедорычь, говоря съ Варенькой, обернулся къ нему спиной, онъ толкнулъ свою супругу, и, указавъ ей безцеремонно на предметъ спора, сказалъ:

Ну, посмотри, Груша—вишь какая оборка!

Глаза шорницы разбѣжались страннымъ манеромъ, такъ что правый глазъ ея устремился на Ѳедора Ѳедорыча, а лѣвый смотрѣлъ въ окно на пѣтуха съ ощипаннымъ хвостомъ; можно было подумать, что она сравнивала.

Digitized by Google

— Ужъ повѣрь ты, Груша,—началъ опять шорникъ,— объ закладъ побьюсь: жокей, да и все тутъ. Шорница обернулась къ своему супругу, и собралась что то сказать, когда, одна изъ тетушекъ предложила Ѳедору Ѳедорычу колоду картъ, прося его показать какую нибудь штуку.

— Шорныхъ дѣлъ мастеръ замѣтилъ своей супругѣ: Нѣтъ, такъ, знать, фокусникъ.

Но и на этотъ разъ Кузьма Кузьмичъ ошибся. Ѳедоръ Ѳедорычъ, какъ я узналъ послѣ, былъ просто прикащикъ изъ моднаго магазина. А между тѣмъ дѣйствительно можно было принять его за фокусника; — онъ съ такимъ искуствомъ дѣлалъ разныя штуки на картахъ, что привелъ въ изумленіе почти все собраніе. Варенька была въ восхищеніи.

Одинъ я не принималъ никакого участія въ общемъ весельи, и сидѣлъ въ углу задумавшись. Мнѣ было даже досадно на Вареньку, что она приходила въ восторгъ отъ ничтожныхъ фокусовъ Ѳедора Ѳедорыча, и потому, когда она подошла ко мнѣ и спросила съ участіемъ—отъ чего я такъ печаленъ?—я отвѣчалъ ей съ насмѣшливой улыбкой: — Я потому печаленъ, Варенька, что не владѣю искуствомъ выкидывать штуки.

Варенька улыбнулась, и, подойдя снова къ столу, гдѣ Ѳедоръ Ѳедорычъ, засучивъ рукава своего фрака, показывалъ свое искусство, стала болѣе прежняго восхищаться его фокусами.

Взбѣшенный этимъ, я ушелъ въ свою комнату и легъ, проклиная Ѳедора Ѳедорыча и его искусство.

III.

Читатель! смѣю напомнить вамъ, что я пишу не повѣсть, а описываю только обстоятельства, ускорившія мое паденіе съ высоты разочарованія, на которой я держался въ продолженіе двухъ лѣтъ съ достодолжною славою. А потому не ищите въ этомъ разсказѣ ни романической завязки, ни развитія страстей, ни подробной обрисовки характеровъ. Я мало объ этомъ думалъ, выдавая въ свѣтъ мои признанія.

Ко многимъ, еще сноснымъ, неудобствамъ моей квартиры присоединялось одно довольно важное: изъ-подъ пола такъ дуло,

Digitized by Google

что я, въ одно майское утро, только что не отморозилъ ноги. Я понялъ тогда, почему мой предшественникъ по этой квартирѣ, нѣкто Иванъ Иванычь, слегъ въ больницу. Не желая оставлять эту квартиру, и вмѣстѣ сберегая здоровье, я прибѣгнулъ къ помощи плотника, который и взялся въ два дня настлать новый полъ.

Увѣдомивъ объ этомъ Ивановну, я сообщилъ ей также, что на время передѣлки пола съѣду въ гостинницу. Но старушка, не дослушавъ даже, въ какую гостинницу я хочу съѣзжать, къ удивленію моему, сказала:

И, батюшка, Николай Петровичь! за чѣмъ это вамъ съѣзжать въ гостинницу? На это время можно и въ нашей горницѣ побыть. А насчетъ дѣла-то, тамъ вамъ никто мѣшать не будетъ.

А ночевать-то мнѣ гдѣ?— возразилъ я.

Ночь-то, одну-то ночь! И, Николай Петровичь! А диванъ-то вѣдь знаете; чего вамъ еще? мы васъ заставимъ ширмами, и славно будетъ. Я на печкѣ, а Варя-то... вѣдь это ребенокъ: и спитъ-то какъ птичка.

Разумѣется, я согласился на предложеніе Ивановны.

Въ ожиданіи вечера, я вышелъ помечтать о предстоявшей ночи.

Какая добрая эта Ивановна— думалъ я, сидя на бульварѣ,— и какимъ умѣньемъ узнавать людей обладаетъ она! Какъ будто кто сказалъ ей, что я и въ умѣ не держу заниматься ея Варенькой! Она можетъ спать спокойно на своей печкѣ, хотя напрасно думаетъ, что ея Варенька ребенокъ. Многія нѣжныя маменьки, считавшія своихъ дочекъ дѣтьми, нерѣдко разувѣрялись въ этомъ.

Въ числѣ гулявшихъ по бульвару я замѣтилъ доктора К., который прохаживался съ одной старой генеральшей.

Разумѣется, я постарался не быть замѣченнымъ К.

Настали уже сумерки, когда я возвратился съ бульвара. Первая вещь, которая бросилась мнѣ въ глаза при входѣ въ комнату моихъ хозяекъ, была моя постель, заставленная ширмами. Варенька была въ бѣломъ пеньюарѣ и въ бѣломъ чепчикѣ съ узенькой оборкой. Въ этомъ нарядѣ она показалась мнѣ еще лучше прежняго. Ивановна съ круглыми очками на носу читала вслухъ какую-то большую книгу духовнаго содержанія.

Digitized by Google

— Наконецъ-то вы воротились, Николай Петровичь,—сказала мнѣ старушка, положивъ очки на раскрытую книгу, — а мы, признаться, давненько васъ ждали; мы ложимся лѣтомъ засвѣтло.

Я извинился, что заставилъ себя ждать, и поблагодарилъ старушку за ея попеченія.

— Теперь, батюшка Николай Петровичь, располагайтесь, какъ вамъ угодно — хотите, читайте книжку, — хотите, ложитесь. —

Я взялъ книгу и легъ, не раздѣваясь, за ширмами на диванъ, о которомъ Ивановна говорила, что мнѣ будетъ на немъ славно.

Машинально перелистывая книгу, я прислушивался къ словамъ молитвы, которую шопотомъ читала Варенька, стоя за моими ширмами. Слова молитвы мнѣ были знакомы: когда-то я зналъ наизусть эту молитву, но только не помню когда; должно быть очень давно.

— Маменька, я погашу свѣчку — сказала Варенька, кончивъ молитву.

— Гаси—сказала Ивановна.

— Варенька погасила свѣчу: вѣроятно, она знала, что ширмы прозрачны.

Я мысленно слѣдилъ за всѣми движеніями Вареньки, за шумомъ одеждъ, которыя она снимала; наконецъ я услышалъ скрипъ кровати.

Послѣ этого сдѣлалось совершенно тихо въ маленькой комнаткѣ; только раздавались вздохи Ивановны, творившей въ углу обыкновенную молитву. Лампада тускло освѣщала предметы.

Кончивъ свою молитву, старушка подошла къ Варенькѣ, перекрестила ее и поцѣловала; потомъ, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, отправилась на печку.

О, какъ я желалъ въ эту минуту, чтобъ добрая Ивановна подошла къ моему изголовью, чтобы она также перекрестила меня своей дряхлой рукой, какъ Вареньку, и также бы съ любовью поцѣловала меня, какъ ее. И вспомнилъ я — опять воспоминанія! — и вспомнилъ я, что когда-то (давно уже) моя

Digitized by Google

добрая матушка также каждый вечеръ подходила къ моей кроваткѣ и цѣловала меня. И вспомнилъ я тоже, къ стыду моему, что не разъ я, неразумный ребенокъ, отвертывался отъ ея непрошенныхъ поцѣлуевъ!

— Спокойной ночи, Николай Петровичъ! — раздался серебряный голосокъ Вареньки.

— Спокойной ночи, Варенька.... — проговорилъ я, и хотѣлъ прибавить къ этимъ словамъ какое-нибудь теплое привѣтствіе, хотѣлъ назвать Вареньку милой, очаровательной Варенькой.... впрочемъ въ это время въ умѣ моемъ возникли странныя и неопредѣленныя желанія, напримѣръ, мнѣ хотѣлось подойдти къ Варенькѣ, сказать ей, что я люблю ее много....но не могъ! Я не былъ увѣренъ въ любви Вареньки. А вѣдь только пять шаговъ раздѣляли насъ!....

Спать мнѣ не хотѣлось, и я, чувствуя себя вдохновеннымъ въ это время, рѣшился написать въ воспоминаніе этой ночи стихотвореніе подъ заглавіемъ — *Было насъ двое.* Но дѣло шло неуспѣшно: вѣрно творчество не дано мнѣ въ удѣлъ. Перебирая въ головѣ всѣ извѣстныя риѳмы: ночи, очи, младыя, ночныя, — я сталъ мало по малу забываться. Вдругъ мнѣ показалось, что Варенька, оставивъ постель, едва слышными шагами подошла къ моему изголовью; не открывая глазъ, я чувствовалъ ея взглядъ, полный любви, устремленный на меня; потомъ, — потомъ я почувствовалъ тихій поцѣлуй! Дрожа отъ восторга, я вдругъ открылъ глаза: чья-то тѣнь мелькнула по стѣнѣ. «Варенька!» — проговорилъ я шопотомъ. Но мнѣ никто не отвѣчалъ. — Какое милое видѣніе! — подумалъ я — авось оно повторится!» — Съ этимъ желаніемъ я заснулъ.

Утромъ, открывши глаза, я услышалъ пріятное ворчанье самовара и стукъ чайныхъ чашекъ. Проворно накинувъ пальто, я вышолъ изъ своей засады.

— Доброе утро, Николай Петровичъ! — сказала мнѣ Варенька, разчесывая свою длинную косу.

Я привѣтствовалъ ее въ свою очередь.

— Не видали ли чего во снѣ? — спросила меня потомъ Варенька.

— Я видѣлъ дѣвицу съ черными, прекрасными глазами, — отвѣчалъ я, устремивъ на Вареньку проницательный взоръ.

Digitized by Google

— Это должно быть къ счастію, — подумавъ, сказала Варенька; — спросите маменьку; — она растолкуетъ вамъ, что это значитъ.

Къ назначенному сроку полъ въ моей квартирѣ былъ настланъ. Послѣ этого я хотѣлъ приступить къ исправленію стѣнъ, но Ивановна замѣтила мнѣ, что игра не стоитъ свѣчъ. Разумѣется я не настаивалъ, хотя мнѣ и хотѣлось исправить стѣны.

— Мы идемъ къ Троицѣ, Николай Петровичъ, — сказала Варенька на третій день послѣ извѣстной ночи.

— Къ Троицѣ? то есть въ Сергіеву Лавру?

— Да, — не хотите ли вы съ нами?

— Съ большимъ удовольствіемъ! — возразилъ я съ восторгомъ, совершенно ненужнымъ въ этомъ случаѣ.

— А дѣла васъ не задержатъ?

Это была явная насмѣшка надъ моею праздностью.

— Ни сколько, — отвѣчалъ я: — съ вами я готовъ отправиться на край свѣта.

Этотъ превосходный, по моему, комплиментъ (увы!) прошелъ незамѣченнымъ.

— И вы не устанете? — спросила Варенька.

— Развѣ вы идете пѣшкомъ?

— Мы туда съ маменькой каждое лѣто ходимъ пѣшкомъ. А назадъ иногда нанимаемъ телѣжку.

Изъявивъ готовность слѣдовать за Варенькой хоть на край свѣта, я совершенно не имѣлъ въ виду, что она отправляется къ Троицѣ пѣшкомъ. Это обстоятельство заставило меня задуматься.

— Что вы задумались, Николай Петровичъ? Не хотите ли отказаться?... Впрочемъ я напередъ знала, что вамъ трудно пуститься въ такой дальній путь. Вамъ не дойдти.

— Напротивъ, мнѣ хочется доказать вамъ, Варенька, что этотъ походъ мнѣ совсѣмъ не страшенъ.

— Такъ вы рѣшились идти съ нами пѣшкомъ?

— Рѣшаюсь.

И вотъ, въ одно прекрасное іюньское утро, вышли изъ желтаго дома три путешественника съ легкими ношами на плечахъ и длинными посохами въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ, другіе два — хорошенькая дѣвушка въ пестромъ платьѣ, повязанная бѣлымъ платочкомъ, и старушка въ какой-то

Digitized by Google

кацевейкѣ необыкновеннаго покроя. Эти три путешественника, поворотивъ изъ одного переулка, который, почему-то, издавна пользуется недоброй славой, потянулись къ Сухаревой башнѣ.

Вы сряду, конечно, угадали, что эти путешественники были Вареньки, Ивановна и я.

Замѣтивъ, что узелокъ Вареньки нѣсколько безпокоилъ ея плечи, я тотчасъ взвалилъ его на свои, хотя совершенно не былъ пріученъ къ перенесенію тяжестей. Разумѣется, двѣ ноши нѣсколько безобразили мою стройную фигуру. Но я все-таки бодро шелъ возлѣ Вареньки, которая, освободившись отъ своей ноши, забавляла меня своимъ разговоромъ, и былъ совершенно доволенъ своею судьбою. Я не зналъ тогда, что насмѣшливая улыбка одного моего хорошаго знакомаго, который держался неумѣстнаго обычая вставать рано, провожала меня въ это время. Я былъ бы въ полномъ смыслѣ счастливъ, не смотря на тяжесть двухъ узловъ, если бы былъ увѣренъ, что не встрѣчу до заставы никого изъ моихъ знакомыхъ. На каждый стукъ экипажа я боязливо оглядывался, или проворнѣе опускалъ глаза, или оборачивался спиной къ мостовой. Въ особенности боялся я встрѣтить Залетаева, который, къ моему несчастію, и житель на этой улицѣ. Я вспомнилъ также что и К. ѣздитъ аккуратно каждый день съ визитомъ по этой улицѣ къ старой генеральшѣ. Я уже представлялъ себѣ, какъ Залетаевъ будетъ разсказывать, что видѣлъ меня съ посохомъ въ рукѣ, съ двумя ношами на плечахъ, возлѣ хорошенькой дѣвочки, которая, надо сознаться, одѣта была не очень нарядно. Я представлялъ уже себѣ впечатлѣніе, какое произведутъ его слова на моихъ знакомыхъ, которые будутъ рады случаю посмѣяться на мой счетъ. Къ счастію, до самой Сухаревой башни не встрѣтилось ничего непріятнаго. Я вздохнулъ немного свободнѣе. Творя въ душѣ молитву, я шелъ за моими хозяйками, которыя не забыли у Сухаревой запастись сайками и калачами. Перебравшись за эту башню, я вздохнулъ еще свободнѣе, — какъ вдругъ прямо на встрѣчу намъ знакомый мой Пироговъ, не тотъ Пироговъ, который имѣлъ прескверную исторію со слесарныхъ дѣлъ мастеромъ, а другой, впрочемъ на того даже похожій и имѣющій привычку также, къ несчастію моему, таскаться по предмѣстіямъ. Другой бы на моемъ мѣстѣ совершенно потерялся въ эту критическую минуту, но я, опустивъ глаза

Digitized by Google

при видѣ улыбавшагося лица Пирогова, тотчасъ своротилъ съ тротуара, не смотря на то, что Варенька и Ивановна, удивленныя, кричали мнѣ: Куда вы, Николай Петровичь? куда? Я своротилъ на мостовую, имѣя намѣреніе перебраться на другой тротуаръ и тѣмъ избѣжать гибельной встрѣчи съ Пироговымъ. Я уже достигъ благополучно тротуара, ни разу не оглянувшись назадъ, и, ни слова не отвѣчая на крики Ивановны, быстро пошелъ впередъ. Вдругъ слышу, что Пироговъ бѣжитъ за мной и кричитъ: «кудажъ это ты! постой!»—Я не оглядываюсь, иду себѣ впередъ, держа на мысли, что Пироговъ подумаетъ, что ошибся, и вернется назадъ. Но Пироговъ не удовольствовался моимъ упорнымъ молчаніемъ и быстро настигалъ свою жертву, крича во все горло: „Сосулькинъ! да что ты, оглохъ что-ли? Остановись!"—Холодный потъ выступилъ у меня на лицѣ; Пироговъ быстро приближался ко мнѣ. Что мнѣ было дѣлать? Я вдругъ остановился, обернулся къ нему, и проговорилъ по вдохновенію слѣдующую фразу:

— Милостивый государь! вы ошибаетесь!

Вѣроятно, много было величественнаго въ моемъ лицѣ и много силы въ этихъ словахъ, потому что Пироговъ остановился, и только прошепталъ слабымъ голосомъ:

— Извините, я ошибся.

Разумѣется, я не позаботился приводить его въ полное сознаніе, и побѣжалъ впередъ. Пробѣжавъ порядочное пространство, я не утерпѣлъ, чтобъ не оглянуться: Пироговъ, какъ статуя, стоялъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ я его оставилъ, и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ.

Уже внѣ преслѣдованія Пирогова, я гордо поднялъ голову и улыбнулся съ самодовольствіемъ.

«И такъ, — думалъ я про себя, — я сохранилъ свою репутацію, не смотря на явную опасность потерять ее навсегда! Теперь Пироговъ постоитъ немного на томъ мѣстѣ, гдѣ я его оставилъ, скажетъ: какое сходство! настоящій Сосулькинъ! потомъ пожметъ плечами и отправится разсказывать это происшествіе.»

Соединившись съ моими спутницами, я растолковалъ имъ довольно нескладно причину моего отступленія передъ Пироговымъ, и, очутившись за заставой, буквально перекрестился.

Digitized by Google

»Опасность миновалась! — подумалъ я — Теперь мнѣ нечего болѣе бояться встрѣчи ни съ Залетаевымъ, который никогда не выѣзжаетъ за заставу, ни съ докторомъ К. презирающимъ деревенскій воздухъ. Отерши съ лица, потъ, я съ веселой улыбкой подалъ руку Варенькѣ, и мы пошли съ ней по дорогѣ, любуясь, какъ дѣти, каждымъ полевымъ цвѣткомъ и сокращая путь пріятными разговорами, въ которыхъ я умѣлъ такъ ярко выказывать мое врожденное остроуміе. Вдругъ .... (рѣшительно это былъ несчастный день въ моей жизни) вдругъ показалась кавалькада приблизительно изъ десяти всадниковъ и всадницъ. Но все бы ничего, — дурно было то, что впереди всѣхъ ѣхала баронесса, съ которой, мѣсяца три назадъ, я поступилъ такъ строго, и которая, можно вообразить, съ тѣхъ поръ не очень была ко мнѣ благосклонна. Я оглянулся по сторонамъ, отыскивая пристанища, гдѣ бы можно было укрыться отъ глазъ баронессы, но увы! мой печальный взоръ не встрѣтилъ ни деревца, ни кустарника; по сторонамъ шоссе тянулись рвы, да и тѣ были наполнены водою.

Не найдя никакихъ средствъ избѣжать встрѣчи съ баронессой, я выпустилъ руку Вареньки, шепнувъ ей, чтобъ она шла впередъ, а самъ пошелъ на встрѣчу опасности, скрѣпя сердце и твердо рѣшившись не уронить себя и славы, пріобрѣтенной столькими трудами и пожертвованіями. Баронесса приближалась ко мнѣ, весело разговаривая со своимъ кавалеромъ.

Я шелъ къ ней, заломивъ фуражку и насвистывая арію изъ Нормы: какъ видите, я не потерялъ присутствія духа, хотя и чувствовалъ, что колѣни у меня подгибались.

— М-г Сосулькинъ! — закричала баронесса, сдерживая свою лошадь, — вы ли это? —

— Вы не ошиблись, баронесса, — отвѣчалъ я, приподнявъ фуражку, — я путешествую.

— Путешествуете! И скажу вамъ откровенно, — вы теперь, съ посохомъ въ рукѣ и съ двумя узлами на плечахъ, болѣе похожи на Чайльдъ-Гарольда, чѣмъ въ театрѣ или въ гостиной, гдѣ вы рѣдко себя выдерживаете. —

— Вы, баронесса, кажется, имѣли случай убѣдиться, что я вездѣ одинаковъ.

Digitized by Google

На эту колкость баронесса не мигнула и глазомъ, прочія же амазонки не могли удержаться отъ улыбки. (Имъ едва-ли не извѣстна была сцена моя съ баронессой).

Баронесса поворотила лошадь и, кажется, хотѣла ѣхать, но вдругъ, какъ будто вспомнивъ что-то, обратилась ко мнѣ и сказала, насмѣшливо улыбаясь:

— А я думала, что вы въ Баденѣ или въ Ревелѣ?

Я отвѣчалъ ей самымъ разсѣяннымъ тономъ:

— Я ѣздилъ въ Ревель, гдѣ и намѣренъ былъ провести нынѣшнее лѣто, но къ несчастію, тамъ на купаньи схватилъ лихорадку, которая заставила меня вернуться.

— А, такъ вы были въ Ревелѣ, — проговорила въ раздумьи баронесса, и потомъ, вѣроятно, сомнѣваясь въ истинѣ моихъ словъ, спросила:

— Кого вы тамъ встрѣтили изъ общихъ знакомыхъ?

Я тотчасъ понялъ, къ чему клонится этотъ вопросъ, и потому поспѣшилъ отвѣчать на него неопредѣленно.

— Совершенно никого; впрочемъ это, вѣроятно, потому, что я былъ въ Ревелѣ изъ числа раннихъ гостей; безъ всякаго сомнѣнія, если бы я прожилъ цѣлое лѣто, то встрѣтилъ бы многихъ.

— Такъ вамъ, вѣрно, было очень скучно!

— Напротивъ, — я встрѣтился тамъ съ семействомъ князя Г...., — сказалъ я, желая придать болѣе вѣроятности поѣздкѣ въ Ревель, — и признаюсь....

— Какого князя Г....? — перебила баронесса.

— Петра Ильича, — отвѣчалъ я на удачу.

— Петра Ильича, — повторила въ раздумьи баронесса; потомъ прибавила: — я никогда не слыхала о князѣ Петрѣ Ильичѣ.

— И не мудрено, баронесса, потому что князь Петръ Ильичъ безвыѣздно десять лѣтъ жилъ въ своей деревнѣ, кажется, въ Курской губерніи, и только прошлой зимой пріѣхалъ въ Петербургъ, вѣроятно, искать жениховъ для своихъ дочерей.

— А сколько ихъ у него?

— Двѣ.

— И вы, конечно, ухаживали за ними въ Ревелѣ?

— Итакъ усердно, баронесса, что, какъ сказалъ, схватилъ лихорадку.

Явно было видно, что мои рѣзкіе отвѣты не нравились баронессѣ. Она, встрѣтивъ меня пѣшеходомъ и съ котомками за

Digitized by Google

плечами, безъ сомнѣнія, хотѣла извлечь изъ моего положенія что-либо достойное осмѣянія и тѣмъ отомстить мнѣ за сцену съ нею.

Угадавъ эти намѣренія и не считая свое положеніе вполнѣ безопаснымъ, я было хотѣлъ извиниться передъ ней и отправиться въ путь, какъ вдругъ она опять оборотилась ко мнѣ и спросила.:

— А куда вы теперь?

— Къ Троицѣ.

— Пѣшкомъ?

— Да, для разнообразія.... для наблюденій надъ нравами и обычаями сельскихъ жителей. И признаюсь вамъ, это путешествіе мнѣ очень нравится.

— Я вамъ вѣрю, М-г Сосулькинъ, — потому что путешествіе въ обществѣ такой хорошенькой дѣвушки не можетъ не нравиться...

— Какой дѣвушки? — спросилъ я, стараясь выразить на лицѣ сколько можно больше удивленія.

— Той, которая шла съ вами подъ руку, — отвѣчала, улыбаясь, баронесса.

— Я не знаю этой дѣвушки, — возразилъ я безъ малѣйшаго смущенія, — а шелъ съ ней потому, что мы оба идемъ къ одной цѣли.

Этимъ бы и кончился нашъ разговоръ, и я бы отдѣлался отъ нея довольно счастливо, если бы на бѣду мою не приблизилась къ намъ Ивановна, которая со своими калачами и сайками нѣсколько отстала.

— Батюшка, Николай Петровичъ — сказала недогадливая старуха, подойдя ко мнѣ, — передайте мнѣ узелокъ Вареньки, а то онъ вамъ мѣшаетъ разговаривать съ господами.

Мысленно пославъ ее къ чорту, я спустилъ съ плечъ узелъ, и передалъ его ей.

Поднявъ голову, я увидалъ торжествующее лицо баронессы и смѣющуюся фигуру ея кавалера.

.....

Надо сознаться, что въ эту минуту я не былъ уже похожъ на Чайльдъ-Гарольда. Постараюсь поскорѣй забыть эту скорбную минуту въ моей жизни. Впрочемъ, утѣшусь: вѣдь отъ величественнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ.

Digitized by Google

Зачѣмъ пошелъ я пѣшкомъ!—думалъ я, догоняя Вареньку. — Благоразумнѣе бы было совсѣмъ не ходить, или нанять коляску. А хорошо бы я сдѣлалъ, если бы остался въ желтомъ домѣ: я не сдѣлалъ бы этихъ встрѣчъ, отъ которыхъ непремѣнно пострадаетъ моя репутація! Что скажетъ теперь Пироговъ? А баронесса непремѣнно постарается его увидать — даже, пожалуй, нарочно пошлетъ за нимъ, чтобъ только разсказать нашу встрѣчу. Да, Пироговъ не пощадитъ меня!»

И долго я размышлялъ въ этомъ духѣ о томъ, какъ легко уронить себя во мнѣніи товарищей, о томъ, какія важныя слѣдствія происходятъ иногда отъ малыхъ причинъ. Добираясь до источниковъ зла, я задалъ уже себѣ вопросъ: зачѣмъ я поселился въ желтомъ домѣ? Вдругъ нестерпимая боль въ ногахъ заставила меня остановиться и прервать нить моихъ размышленій... (рѣшительно это былъ несчастный день въ моей жизни!) Моя обувь, сапоги на высокихъ каблукахъ, оказалась совершенно негодною къ дальнѣйшему путешествію.

Здѣсь поставляю себѣ долгомъ остановиться. Вы, благосклонный читатель, прочитавъ эти строки, быть можетъ, спросите себя: за чѣмъ у него сапоги на высокихъ каблукахъ? Ужъ не малъ ли онъ ростомъ?—Спѣшу вывести васъ изъ недоразумѣнія: мой ростъ хотя не высокій, но по всей справедливости можно назвать его среднимъ. А сапоги у меня съ высокими каблуками совершенно безъ моего вѣдома.

Еле-еле дотащился я до первой деревни; тутъ я съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что мнѣ нельзя идти дальше. Посовѣтовавшись съ Варенькой и Ивановной, я нанялъ лошадей и отправился обратно въ городъ.

Такъ кончилось это несчастное путешествіе, не принесшее мнѣ ни малѣйшей пользы, а причинившее, напротивъ, много зла. А между тѣмъ надо признаться, я крѣпко надѣялся на этотъ походъ, разсчитывая на путешествіе вдвоемъ, рука-объ руку съ Варенькой, и на разные случаи, могущіе встрѣтиться въ дорогѣ.

Скучно мнѣ было одному въ желтомъ домѣ. Я никогда не любилъ одиночества, а въ это время возненавидѣлъ его. Желтый домъ безъ Вареньки казался мнѣ тюрьмой. Воображеніе мнѣ не давало покоя, представляя безпрестанно то Пирогова, разсказывающаго въ кругу смѣющихся общихъ знакомыхъ до стопамятную встрѣчу со мной за Сухаревой башней, то баро-

Digitized by Google

нессу съ ея насмѣшливой улыбкой. Я искалъ разсѣянія въ чтеніи; но книги, составлявшія мою библіотеку, я почти зналъ наизусть. Выходить я боялся болѣе всего, чтобы не встрѣтить Пирогова и баронессу.

На этихъ же дняхъ я получилъ отъ отца приказаніе ѣхать въ Петербургъ на службу. Это извѣстіе хотя и не было для меня неожиданно, потому что по окончаніи курса я и самъ просилъ батюшку дозволить мнѣ служить въ Петербургѣ, но въ послѣднее время, поселившись въ желтомъ домѣ, я совершенно забылъ о своемъ намѣреніи, а потому можете судить, читатель, объ удивленіи, съ какимъ прочелъ я письмо отъ отца. Получи я его шестью мѣсяцами раньше, я бы обрадовался ему, потому что въ то время служба въ Петербургѣ вполнѣ согласовалась съ честолюбивыми планами, которые я любилъ создавать въ простотѣ сердца; но съ перемѣною квартиры, мои мысли о нѣкоторыхъ предметахъ много измѣнились. Подъ кровлею желтаго дома я уже не мечталъ о честолюбіи; мои мысли сосредоточивались на болѣе опредѣленныхъ предметахъ, на счастіи вдвоемъ, на взаимной любви. Не знаю, что помогло перемѣнѣ моего образа мыслей, неудача ли на первомъ моемъ служебномъ поприщѣ, благотворный ли воздухъ желтаго дома, бесѣды ли съ Варенькой, право, не знаю, но только я мечталъ и думалъ въ желтомъ домѣ совершенно иначе, нежели на прежней квартирѣ. Батюшка, безъ сомнѣнія, не зналъ объ этой перемѣнѣ, и, прішскавъ мнѣ мѣсто, думалъ, что исполняетъ мое желаніе. Ослушаться его приказанія я никакъ не могъ, тѣмъ болѣе, что самъ же просилъ его позволить мнѣ служить въ Петербургѣ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я Вареньку, чтобъ подѣлиться съ ней этимъ извѣстіемъ, и въ послѣдній разъ выѣдать ея чувства.

Измученныя, усталыя, съ узломъ просвирокъ, вернулись наконецъ мои хозяйки. Я далъ имъ отдохнуть нѣсколько времени, и когда Ивановна, напившись чаю, отправилась спать на печку, я вошелъ въ комнату Вареньки.

— Прощайте, Варенька, я ѣду. —

— Куда? — спросила Варенька, нѣсколько поблѣднѣвъ.

— Въ Петербургъ. Батюшка зоветъ. —

— Когда же вы.... — Варенька не договорила и нагнулась поднять клубокъ нитокъ, который уронила, кажется, нарочно, чтобъ скрыть свое смущеніе.

Digitized by Google

Я торжествовалъ. Смущеніе Вареньки ясно говорило, что она неравнодушна ко мнѣ.

— Я ѣду послѣ завтра,— сказалъ я, подходя ближе къ Варенькѣ,— и, можетъ быть, навсегда!

— Навсегда!— повторила Варенька; потомъ прибавила, между тѣмъ какъ я сжималъ ея маленькую ручку: —отчего вы не хотите вернуться?

— За чѣмъ? меня никто не будетъ ждать здѣсь.

— А можетъ быть, и будутъ,—проговорила тихо Варенька, вырывая у меня свою руку.

Я бросился передъ ней на колѣни, взялъ ее за руки, и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Варенька! Варенька! я люблю тебя! скажи мнѣ, свободно ли твое сердце?

Но, къ изумленію моему, Варенька, вмѣсто отвѣта на мое признаніе, посмотрѣла только на меня съ какимъ-то оскорбительнымъ недоумѣніемъ.

Удивленный этой холодностью и огорченный до глубины души тѣмъ, что высказался передъ дѣвочкой, я убѣжалъ въ свою комнату.

Вечеромъ, наканунѣ предположеннаго мною выѣзда, я въ своей комнатѣ трудился надъ укладкой моихъ вещей. Въ числѣ этихъ вещей были нитяные носки, подаренные мнѣ Ивановной; я приготовился уже съ обыкновеннымъ стараніемъ уложить ихъ въ дорожный ящикъ, какъ вдругъ попалась мнѣ на глаза розовая ленточка, единственная вещь, принадлежавшая Варенькѣ. Я долго смотрѣлъ на эту ленточку, и многое мнѣ пришло на умъ въ эти минуты.

— Варенька, Варенька, — думалъ я — и отчего ты меня не полюбила? Право, я бы умѣлъ тебя сдѣлать счастливой!—

Грустно стало мнѣ, читатель; слезы невольно потекли на розовую ленточку. Сознаюсь, мнѣ не хотѣлось разстаться съ желтымъ домомъ: я привыкъ къ его обитательницамъ.

Вдругъ я услышалъ за дверью тихое рыданіе. Поспѣшно отворивъ дверь, я увидѣвъ Вареньку, почти полуодѣтую, въ ночномъ чепчикѣ и въ одной черной мантильѣ.

— Что съ вами, Варенька? — спросилъ я, остановившись передъ ней въ недоумѣніи.

Digitized by Google

Не уѣзжай, я люблю тебя, — неужели ты не замѣтилъ этого? — проговорила, рыдая, Варенька.

Услышавъ это признаніе, я забылъ, и кто я, и что; я взялъ Вареньку на руки и посадилъ ее на диванъ. И долго мы плакали вдвоемъ, въ тихомолку, не говоря ни слова ...

Этотъ-то вечеръ доказалъ мнѣ, что я далеко не Чайльдъ-Гарольдъ!

Спустя двѣ недѣли я выѣхалъ. При прощаніи съ Варенькой, я далъ ей слово возвратиться какъ можно скорѣе.

Такъ совершилось мое паденіе. И я нисколько не пожалѣлъ о моей прежней роли, когда увидѣлъ себя обладателемъ сердца Вареньки. Я неожиданно открылъ въ душѣ своей дотолѣ невѣдомый мнѣ родникъ любви и преданности, который только искалъ сердца, чтобъ излиться въ него. Я вдругъ увидѣлъ себя такимъ же обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ и Пироговъ, напримѣръ. Любовь къ Варенькѣ ясно доказывала мнѣ, что моему сердцу тоже доступны высокія чувства, и что мой вкусъ еще не притупился.

Здѣсь я имѣю полное право остановиться и кончить мои признанія. Я исполнилъ, кажется, мой долгъ, который клонился къ тому, чтобъ доказать, почему я слагаю съ себя названіе Чайльдъ-Гарольда: я убѣжденъ, что не достоинъ его. Но, быть можетъ, читатель, вамъ любопытно знать послѣдствія глубокой страсти, внушенной мнѣ Варенькой. Предполагая въ васъ это желаніе, я рѣшаюсь окончить эти признанія, какъ разсказъ или повѣсть.

IV

Спустя полтора года я прямо съ почты летѣлъ къ желтому дому. Сердце трепетно билось въ груди «Ждетъ ли меня Варенька? — думалъ я — вѣрна ли она своему слову? Любитъ-ли меня по прежнему? Или, можетъ быть, мое отсутствіе заставило ее усомниться въ любви моей! Что, если усплія, какія я употреблялъ для того, чтобы устранить препятствія со стороны батюшки, окажутся напрасными?» — Скорѣй, скорѣй, — кричалъ я извощику, который и то уже летѣлъ по мостовой. Когда мы своротили съ большой улицы, и предсталъ передо мной во всей своей прежней простотѣ желтый домъ господина Пѣтушкова, я, какъ стараго знакомаго, привѣтствовалъ его улыбкой и

Digitized by Google

не мало обрадовался, увидѣвъ, что наружность его нисколько не измѣнилась въ мое отсутствіе. «Быть можетъ, и въ судьбѣ обитательницъ его тоже не произошло никакой перемѣны» — подумалъ я.

Едва переводя дыханіе, я отворилъ знакомую мнѣ дверь. Увы! не Ивановна встрѣтила меня, а другая, совершенно не знакомая мнѣ, старуха. Я остановился въ дверяхъ.

— Кого тебѣ, баринъ? — спросила старуха.

— Гдѣ же Ивановна? — проговорилъ я едва слышнымъ голосомъ. Предчувствіе чего-то недобраго давило мнѣ грудь.

— Ивановна? — повторила старуха, — она давно живетъ у зятя, у Ивана Тимоѳеича.

— А Варенька?

— Варенька? Варенька съ ней; да вѣдь она-то и есть жена Ивана Тимоѳеича. Фу! какой безтолковый! — Съ этимъ словомъ старуха захлопнула дверь.

Можете судить о моемъ отчаяніи, когда я услышалъ эти вѣсти.

— Измѣнница! — кричалъ я на весь переулокъ, идя самъ не зная куда. — Вотъ и вѣрь любви простой дѣвушки! Хлопочи до поту лица, бросай службу, бранись съ родными, — а та, для кого всѣмъ жертвовалъ, выходитъ преспокойно за какого-то Ивана Тимоѳеича! Впрочемъ надо узнать истину, узнать непремѣнно! Быть можетъ Варенька не виновата!

Воротившись къ дому господина Пѣтушкова, я узналъ отъ дворника, что Иванъ Тимоѳеичъ не кто другой, какъ сапожникъ, имѣющій впрочемъ мастерскую на Тверской. Съ меня этого было довольно.

На другой день я, вооружившись хладнокровіемъ, явился въ магазинъ Ивана Тимоѳеича.

Меня встрѣтилъ пожилой человѣкъ, самой обыкновенной наружности, въ пальто неопредѣленнаго цвѣта.

— Вы хозяинъ?

— Я-съ, что вамъ угодно?

Я молча смотрѣлъ на мужа Вареньки, и мысленно спрашивалъ себя въ эту минуту: «такой ли долженъ быть у тебя соперникъ?»

— Что вамъ угодно? — спросилъ меня хозяинъ магазина, удивленный моимъ молчаніемъ.

— Мнѣ нужны.... сапоги — отвѣчалъ я нерѣшительно.

Digitized by Google

— На высокихъ каблукахъ? — спросилъ меня Иванъ Тимоѳеичь, снимая мѣрку.

— Почему же непремѣнно на высокихъ? — возразилъ я, и глаза мои заблистали отъ досады.

— Я....я....ничего....я спросилъ васъ, глядя на ваши прежніе сапоги.

— А, это дѣло другое! Если всѣ носятъ сапоги на высокихъ каблукахъ, такъ пожалуй....то есть, какъ хотите.

Когда онъ снялъ мѣрку, я прошелся по комнатѣ: мнѣ хотѣлось спросить хозяина магазина о Варенькѣ, но я не зналъ, какъ приступить къ этому. Наконецъ надумался.

— Послушайте, Иванъ Тимоѳеичь! Вы вѣрно знаете меня хоть по слуху?

— Не имѣю чести.

— А ваша тёща, Ивановна, никогда вамъ не говорила обо мнѣ?

Иванъ Тимоѳеичь уставился въ меня своими глазами.

— Такъ, между разговоромъ, не говорила она при васъ, что у ней нанималъ квартиру Николай Петровичь....

— Такъ это вы?

— Да, я.

— Такъ съ, — пробормоталъ Иванъ Тимоѳеичъ, замѣтно смутясь.

Я стоялъ довольно спокойно, и не зналъ, чему приписать смущеніе моего собесѣдника.

Вдругъ отворилась дверь изъ внутренней комнаты, и явилась Варенька.

Не смотря на присутствіе Ивана Тимоѳеича, я невольно вскрикнулъ: — Варенька!

Она что-то шепнула на ухо мужу, потомъ подошла ко мнѣ, и протянула мнѣ свою маленькую ручку.

— Здравствуйте, Николай Петровичь! Вы возвратились таки наконецъ!

Потомъ, не дождавшись отъ меня отвѣта, она взяла меня за руку и ввела въ другую комнату.

Когда мы остались наединѣ, Варенька пристально посмотрѣла на меня, потомъ сказала со вздохомъ:

— За чѣмъ ты не воротился раньше?

— У меня достало силы вырвать свою руку изъ рукъ Варенькиныхъ и сказать:

Digitized by Google

— Варвара Ивановна! Если бы вы знали, сколько усилій я употреблялъ на то, чтобъ сдержать мое слово, — если бы вы знали, чего стоило мнѣ кончить дѣла и по службѣ и домашнія, то вѣрно не упрекнули бы меня въ продолжительности моего отсутствія.

— Зачѣмъ же вы не писали ко мнѣ.

— Какъ не писалъ! Всякую недѣлю я увѣдомлялъ васъ о своихъ дѣлахъ, увѣрялъ....

До насъ не дошло ни одного письма.

— Ну, а вы теперь скажите мнѣ, что заставило васъ поспѣшить выйдти за̀ мужъ? Или вы ужь такъ обрадовались первому жениху? Побоялись, что и этого упустите? Странно! прибавилъ я насмѣшливымъ тономъ.

Варенька посмотрѣла на меня, и ея черные глаза заблистали необыкновеннымъ огнемъ.

Потомъ показались слезы. Мы молчали.

— Прощайте! — сказалъ я, спустя нѣсколько минутъ.

— Такъ вы не знаете? — спросила Варенька:

— Если бы зналъ, такъ не спросилъ бы, — отвѣчалъ я.

Варенька взяла меня за руку, и выводя въ другую комнату, показала на колыбель, въ которой лежалъ ребенокъ: ребенку было болѣе года.

Я остолбенѣлъ.

Варенька отвернулась.

Скрипъ отворившейся двери заставилъ меня обернуться: въ дверяхъ стоялъ мужъ Вареньки.

— Николай Петровичъ! — сказалъ Иванъ Тимоѳеичъ, повертывая въ рукахъ мѣрку, — я хоть и взялся вамъ сшить сапоги, да работы много теперь, вотъ хоть ее спросите. Вы бы ужь въ другомъ мѣстѣ заказали....

— Прощайте! — сказалъ я — успокойтесь: я не возмущу вашего мира. Прощайте навсегда. Простите....

Я поцѣловалъ у Вареньки руку, которая была холодна, какъ ледъ, поклонился Ивану Тимоѳеичу, сунулъ ему свой бумажникъ и вышелъ на улицу.

Я хотѣлъ застрѣлиться, но остался жить. Въ настоящее время хожу часто въ ту церковь, гдѣ увидѣлъ въ первый разъ Ва-

Digitized by Google

реньку; становлюсь всегда на прежнемъ мѣстѣ, возлѣ клироса, и часто оглядываюсь назадъ — не увижу ли Вареньку, мою милую Вареньку. Теперь на запискахъ къ моимъ пріятелямъ подписываю уже просто: Сосулькинъ. Впрочемъ теперь пріятелей у меня не много: Пироговъ уже вышелъ въ отставку и женился на баронессѣ. Въ приданое эта прекрасная дама принесла ему, какъ мнѣ говорилъ Залетаевъ, три мельницы: одну въ Эстляндіи, другую въ Курляндіи, а третью въ Лифляндіи. На дняхъ счастливые супруги оставили Москву: они уѣхали, вѣроятно, въ Эстляндію, Курляндію и Лифляндію.

Трудъ мой конченъ.... да забылъ: докторъ К. по прежнему ѣздитъ къ старой генеральшѣ. Трудъ мой конченъ. Не знаю только, успѣлъ ли я въ своемъ намѣреніи доказать этими признаніями всему свѣту: почему я теперь не Чайльдъ-Гарольдъ, а Сосулькинъ?

Н. И. Л.

къ извѣстіямъ о лондонской выставкѣ. — Лондонская выставка составляетъ предметъ разговоровъ всевозможныхъ журналовъ и газетъ. Русскіе журналы и газеты не отстаютъ отъ иностранныхъ, а потому читатели наши уже весьма многое знаютъ о ней. Изъ послѣднихъ извѣстій выписываемъ слѣдующія. Первое. Зданіе выставки, которое уже называется не иначе, какъ хрустальнымъ дворцомъ, занимаетъ поверхность въ 752,532 □ ф. На него не употрблено ни кирпича, ни камня, ни извести. Единственные матеріалы 900 т. □ ф. стекла, 3000 чугунныхъ колоннъ, поддерживаемыхъ арками также чугунными, и дерево для стѣнъ rez-de-chaussée. Сверхъ огромнаго зданія выставки, на сѣверъ отъ главнаго строенія — особенная зала для машинъ. Будутъ еще три особыхъ двора, гдѣ посѣтителямъ предоставится отдыхать и прохлаждаться разными средствами и напитками. Одинъ дворъ, внутренній, будетъ усаженъ деревьями, и назначается для аристократіи; другой — для средняго класса; третій — для низшаго. Кругомъ дворца будетъ желѣзная рѣшетка. Надъ этимъ зданіемъ трудятся уже мѣсяцъ девять-сотъ работниковъ; число это еще увеличится до полуторы тысячи. Работа продолжается иногда до полуночи, при свѣтѣ газа, который уже проведенъ сюда. Надѣются, что послѣ выставки хрус-

Digitized by Google

тальный дворецъ будетъ сохраненъ въ цѣлости и обращенъ въ зимній садъ, который превзойдетъ все до сихъ поръ извѣстное и неизвѣстное въ этомъ родѣ, и что сады Семирамидъ, Армидъ, Гесперидъ и проч. послѣ этого сада не будутъ даже и упоминаться въ исторіи. — Второе извѣстіе. Гг. Элаузъ (Elowes), знаменитые Лондонскіе типографщики, взялись печатать каталогъ выставки и заплатили за право 4000 ф. стерл. Кромѣ того съ каждаго проданнаго экземпляра они обязались вносить въ пользу зданія выставки по 2 шиллинга. Каталогъ будетъ продаваться по шиллингу. Составленный на разныхъ языкахъ можетъ стоить до 10 шилл. — Третье извѣстіе. Составилось уже общество, учредившее клубъ для всѣхъ націй: общество это имѣетъ единственною цѣлью принимать и угощать пріѣзжихъ, и сдѣлать пребываніе въ Лондонѣ возможно-пріятнымъ для всѣхъ иностранцевъ. — Четвертое извѣстіе. Одна дама, Англичанка, собирается послать на выставку шарфъ, связанный изъ шелку отъ шелковицы, воспитанной ею въ Англіи. При шарфѣ будетъ и объясненіе ея способа воспитывать шелковицу: она утверждаетъ, что строеніе, въ которомъ она держитъ шелковицу въ своемъ саду, нисколько не защищено отъ воздуха и отъ неблагопріятныхъ измѣненій погоды, которая, послѣднею осенью, была еще холоднѣе и непостояннѣе обыкновеннаго. Шелковица у ней питалась листьями шелковичнаго дерева, весьма часто встрѣчаемаго въ Англіи. — Пятое извѣстіе. Привезены уже въ Лондонъ, между прочимъ: часы, сдѣланные въ Бичестерѣ, близъ Оксфорта, которые заводятся черезъ 400 дней; карета, которая запрягается парой, изъ которой сей-часъ же можно сдѣлать двѣ кареты, каждая въ одну лошадь; ручная машина, которая списываетъ письма, написанныя простыми чернилами; комнатный свистокъ, который играетъ арію *Hod save the Queen*. — Одинъ книгопродавецъ обѣщается выставить коллекцію втѣхъ, падающихся нынѣ на свѣтѣ, журналовъ.

ВѢСТЬ О КАЛИФОРНІИ. — Въ Сан-Франциско (прекрасномъ портѣ Новой-Калифорніи), выставленъ первый изготовленный въ Калифорніи книгопечатный станокъ. Это служитъ доказательствомъ, какъ постепенно стекаются туда мастеровые всѣхъ ремеслъ, если могли сдѣлать такое сложное орудіе.

Digitized by Google

ДОСТОИНСТВО ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ ПРИЗНАННОЕ ЧЛЕНОМЪ АНГЛИКАНСКАГО ВѢРОИСПОВѢДАНІЯ. — Въ послѣдней книжкѣ «Твореній Св. Отцевъ», въ прибавленіяхъ, помѣщена статья подъ этимъ заглавіемъ, заимствованная изъ «Введенія въ Исторію Св. Восточной Церкви», соч. Ниля (A History of the Holy Eastern Church. Iohn mason Neale, M. A., Warden of Sackville Collegii, East Grinsted. London. 1850. Part. 1.) Извлекаемъ нѣсколько мѣстъ изъ этой примѣчательной статьи, которая получаетъ особое значеніе при современномъ вопросѣ, возникшемъ въ Англіи.

Очень вѣрно слѣдующее замѣчаніе: «Извѣстно, что послѣ раздѣленія Востока и Запада Церковная исторія почти исключительно занималась изображеніемъ судебъ Церкви Римской. Для писателей, принадлежащихъ къ Римскому вѣроисповѣданію, могли казаться невѣрными лѣтописи той церкви, которую они считали схизматическою. По этому въ сочиненіяхъ Баронія и Флёри, Райкальда и Орси, Александра и Рорбахера, о Восточной Церкви упоминается весьма рѣдко, исключая тѣхъ случаевъ, когда вынужденное или кажущееся временное примиреніе съ Римомъ заставляло говорить о ней. Если мы обратимся за необходимыми свѣдѣніями къ восточнымъ писателямъ, то найдемъ, что у нихъ нѣтъ общей исторіи Восточной Церкви. Правда, каждая патріархія имѣетъ свои собственныя, болѣе или менѣе удовлетворительныя, лѣтописи (ибо другаго наименованія сіи исторіи не заслуживаютъ). Но взаимное дѣйствіе сихъ патріархій — одной на другую, существованіе ихъ, какъ единаго цѣлаго тѣла, ихъ внутренняя жизнь и дѣйствіе единаго духа въ каждомъ членѣ, — все это опущено. По этому лѣтописи восточныхъ патріархій суть не что иное, какъ историческіе скелеты. Кости сіи нужно собрать, одѣть плотію и жилами, и, если можно будетъ, оживить дыханіемъ жизни....»

Главныя черты различія между Восточною и Западною Церковію, особенно отчужденіе первой отъ дѣлъ свѣтской власти и сильное вмѣшательство въ нихъ второй, выставлены авторомъ кратко, но сильно.

Статья оканчивается слѣдующими словами: «Въ своемъ прошедшемъ Британія весьма много обязана Востоку, и тѣсно связана съ нимъ. Почти нельзя сомнѣваться, что первые проповѣдники Евангелія пришли къ намъ изъ Франціи, Франція получила просвѣщеніе христіанствомъ изъ Ліона, Ліонъ—изъ Смирны.

Digitized by Google

Такъ чрезъ Поликарпа даръ Св. Духа восходитъ до Св. Іоанна. Мы видимъ, что Св. Кольманъ, на соборѣ въ Штреншалхѣ, производитъ пасхальное вычисленіе, тогда употреблявшееся въ Британіи, отъ Св. Іоанна. Въ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ частностяхъ Англійскія литургіи весьма близко подходятъ къ восточнымъ, и даже въ такомъ, сравнительно, не важномъ дѣлѣ, какъ употребленіе двухъ свѣщей на престолѣ, можемъ усматривать слѣды первоначальнаго вліянія Востока, или точнѣе, Св. Ѳеодора Тарсійскаго, когда онъ взошелъ на престолъ Архіепископа Кентерберійскаго. И какъ бы ни были мы обязаны Св. Августину (который самъ принялъ просвѣщеніе чрезъ Францію отъ Азіи), мы не должны забывать своего долга, по отношенію къ Востоку первенствующихъ временъ, за первое просвѣщеніе нашей страны, навсегда сохранившееся въ Валлисѣ, за спасеніе тысячъ душъ въ вѣка предшествующіе Римской проповѣди, а можетъ быть, въ нѣкоторой степени, и за ту готовность, съ которою принята была самая эта проповѣдь.»

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ. — Вышла *четвертая* книжка «Военнаго журнала», о занимательности и разнообразіи котораго мы уже говорили не разъ. Содержаніе ея слѣдующее: I. Военныя науки вообще. Генеральный штабъ, практически согласованный съ арміею (окончаніе). II. Исторія военнаго искусства. Прежде и теперь. III. Библіографія. 1) Любопытныя военныя событія новыхъ временъ, разобранныя Г. Висселемъ; 2) Солдатъ и его обязанности; 3) Обзоръ сочиненій о военныхъ событіяхъ 1848—49 гг.; 4) Исторія старинной Французской пѣхоты, соч. Л. Сюзана; 5) Памятная книжка военнаго инженера. IV. Смѣсь. 1) Лагерь и казармы Британской арміи; 2) О субординаціи; 3) Огнестрѣльная хлопчатая бумага, какъ средство для бросанія артиллерійскихъ снарядовъ и ружейныхъ пуль. V. Разныя извѣстія. Нынѣшняя Перуанская армія. — Новое сочиненіе о войскѣ 1812 и 1813 г. — Отзывъ Американца о Наполеонѣ. — Рисунки изъ компаніи Австрійцевъ въ Италіи. — Новѣйшія свѣдѣнія о Китаѣ. — Австрійскій военный календарь на 1850 годъ. Есть что почитать даже и не военному человѣку. И шесть книжекъ, составляющихъ годовое изданіе Военнаго журнала, стоятъ всего *три* рубля серебромъ!

Digitized by Google

Петербургскія журналы и газеты стараются всѣми силами умалчивать о примѣчательныхъ статьяхъ, которыя въ Москвитянинѣ появляются. Если же иногда бываютъ принуждены дѣлать для нихъ исключеніе, то стараются ослабить какъ нибудь, такъ или иначе, ихъ дѣйствіе. Такъ, напримѣръ, Петербургс. Вѣдомости, упоминая въ послѣдній разъ о повѣстяхъ Москвитянина, приписываютъ ихъ появленіе зимнимъ мѣсяцамъ, забывая, что лѣтомъ были помѣщены „Говорящія статуи“ Рамазанова, „Лицо и Изнанка“ Сумарокова, „Вашъ старый знакомый“ Колошина, а весною комедія Островскаго! Москвитянинъ не разбираетъ временъ года и не измѣняется по погодѣ.

Въ *Современникѣ* напечатана была статья о Катуллѣ. Въ *Москвитянинѣ* эта статья была разобрана. *Отечественныя записки* приняли на себя званіе судьи, и указали на какія-то ошибки той и другой статьи. Все это было бы очень хорошо, но на бѣду судья самъ вновь ошибся, и очень смѣшно, заговоривъ о *Тибуллѣ*, вмѣсто Катулла! Нѣтъ, господинъ судья, Катуллъ самъ по себѣ, и Тибуллъ самъ по себѣ. Есть еще Проперцій.

Г. Погодинъ, разобравъ подробно всѣ замѣчанія Г. К—на, и доказавъ ихъ совершенную несостоятельность, легкость и слабость, въ отношеніи къ наукѣ, къ источникамъ, къ изслѣдованіямъ, противъ которыхъ онѣ были направлены, согласился въ справедливости одного замѣчанія Г. К., одного изъ пятидесяти, и вотъ Отечественныя Записки восклицаютъ съ торжествомъ: «въ «отвѣтныхъ пунктахъ его, какъ и всегда, обращаетъ на себя осо«бенное вниманіе — сознаніе въ своихъ ошибкахъ, которыя тутъ «же и исправляются.» А что же вы молчите о вашихъ пятидесяти ошибкахъ? Развѣ ихъ нѣтъ? Не худо бъ сознаться, подражая доброму примѣру.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 14-го 1850 года.

Цензоръ Флеровъ.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Опять появились суконныя платья, шитыя шелкомъ гладью, снурками, или бархатцемъ. Вышивка эта, какъ и прежде, отдѣлываетъ весь передъ юбки и лифа и низъ полушироких рукавовъ à la grecque. Суконныя платья, которыя теперь къ такой модѣ, дѣлаются также иногда съ лифами, оканчивающимися небольшими четвероугольными фалдами, наподобіе кофточки. Фалды эти кругомъ также вышиваютъ, какъ и юбку. Для утреннихъ прогулокъ дѣлаютъ много этихъ суконныхъ платьевъ, съ одинаковыми плащами, также шитыми, какъ и самое платье. Къ такому наряду очень идетъ простенькій капотъ изъ пунцоваго или зеленаго бархата съ букетомъ небольшихъ перышекъ того же цвѣта.

— Говоря о шляпахъ, невольно приходитъ на память имя г-жи А., великой артистки, изобрѣтательности и вкусу которой мы обязаны нашей прекрасной формой модныхъ шляпъ, придающихъ столько граціи даже самому простому лицу. Но чтобъ вполнѣ оцѣнить ея талантъ, надо видѣть ея магазинъ, гдѣ каждую простую шляпу, каждый утренній чепчикъ можно, безъ всякаго прибавленія, назвать chef d'oeuvres въ своемъ родѣ. Судите сами по этому описанію нѣсколькихъ наколокъ ея работы, которыми всѣ восхищались на послѣднемъ представленіи «Пророка.» Одна изъ нихъ была составлена изъ пунцовыхъ и зеленыхъ газовыхъ лентъ, съ золотыми и серебряными разводами, которые образовали двойную торсаду, обвивающую косу и упадающую съ одной стороны длинными концами, оканчивающимися широкой бахрамой изъ пунцоваго и зеленаго шелку, золота и серебра.

Digitized by Google

— Другой уборъ, самый оригинальный и красивый до чрезвычайности, былъ сдѣланъ изъ самыхъ узенькихъ газовыхъ золотыхъ и зеленыхъ лентъ, образующихъ небольшія кольца, продѣтыя одно въ другое и составляющія блестящую сѣтку, которая покрывала косу, какъ шапочки Греческихъ женщинъ, и оканчивалась съ правой стороны цѣлымъ каскадомъ золотыхъ и зеленыхъ колецъ изъ лентъ, низко упадающихъ на плеча.

— Еще куафюръ, въ такомъ же родѣ, былъ изъ розовыхъ и серебряныхъ газовыхъ лентъ, образующихъ также цѣпь, которая была положена въ три ряда отъ одного уха къ другому, и оканчивалась, съ обѣихъ сторонъ, букетами розовыхъ и серебряныхъ колецъ.

— Не менѣе этихъ уборовъ заслуживаютъ вниманія ея пуховыя шляпки, сѣрыя, отдѣланныя перомъ «casoar» (казоаръ) и цвѣтныя, такъ напр. зеленыя, голубыя, гранатовыя, съ букетами перьевъ марабу того же цвѣта, формы которыхъ она разнообразитъ точно такъ же, какъ формы своихъ бархатныхъ шляпъ и атласныхъ капотовъ.

Digitized by Google

МОДЫ.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читательницъ на нѣсколько нарядовъ, видѣнныхъ нами на этихъ дняхъ.

Первый состоялъ изъ чернаго атласнаго платья съ тремя богатыми кружевными оборками; на гладкомъ и открытомъ лифѣ — двойная черная кружевная берта, приколотая спереди букетомъ розъ съ темными бархатными листьями и небольшими брилліантовыми виноградными лозами. Головной уборъ, также изъ розъ и брилліантовыхъ виноградныхъ вѣтокъ, былъ сдѣланъ гирляндою à Marie Stuart и удивительно идетъ въ особенности къ чернымъ волосамъ. Коса была приколота брилліантовымъ гребнемъ. — Другой нарядъ — черное муаровое платье съ атласными полосами; лифъ этого платья былъ спереди отдѣланъ бархатными перетяжками, вышитыми стеклярусомъ и оканчивающимися съ каждой стороны черной стеклянной пуговкой, съ кисточкой. На голсвѣ — легкая сѣтка изъ стекляруса, оканчивающаяся двумя букетами пышныхъ розъ. Это — нарядъ для блондинокъ.

Мы видѣли еще два платья изъ тафты, затканной мелкими букетами маргаритокъ, на одной по розовому полю, на другой по голубому. Платья эти были сшиты во вкусѣ Pompadour, и отдѣланы, въ видѣ фартучка на юбкѣ и лифу, представлявшими вмѣстѣ два французскія V, поставленныя одно на другое, оборочками изъ лентъ подъ цвѣтъ платья, которыя, съ каждой стороны, были приколоты бантомъ въ видѣ розетки. Рукава, очень короткіе и изъ-подъ которыхъ были выпущены другіе изъ тюля illusion, доходящіе до половины руки, гдѣ они были застегнуты на обшивку, скрытую другой небольшой тюлевой буфой. — Этотъ

Digitized by Google

совершенно новый фасонъ подрукавниковъ очень граціозенъ и много краситъ руку особенно если прибавить хорошіе браслеты.— Голова одной изъ дамъ была убрана вѣнкомъ маргаритокъ бѣлыхъ, розовыхъ и коричневыхъ, другая преоригинальной гирляндой различныхъ цвѣтовъ мелкихъ и яркихъ, которая, обвивъ три раза голову, упадала, съ одной стороны тремя большими кольцами.

Шелковыя матеріи для бальныхъ платьевъ до того роскошны и богаты теперь, что гладкій бархатъ употребляется большею частью только для утреннихъ редингготовъ и т. п.

— Тюлевыя платья все еще въ модѣ для дѣвицъ; но отдѣлка ихъ совершенно должна измѣниться. Теперь мы еще не знаемъ, чѣмъ именно ихъ будутъ отдѣлывать: надо подождать еще нѣсколько недѣль.

— Мѣхъ въ большомъ употребленіи: муфты, палатины, кацавейки, кофточки, sorties de bal, все это мѣховое или отдѣлано мѣхомъ. Впрочемъ эти дорогія вещи, не всѣми употребляемыя, будутъ всегда считаться признакомъ истиннаго изящества

Digitized by Google

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ

МОСКВИТЯНИНА

ЗА 1850 ГОДЪ.

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Стихотворенія.*

	Часть.	Стран.
Н. В. Берга: Гладіаторъ (изъ Байрона).....	I	185
— Четыре Чешскія пѣсни.....	III	133
— Фанни Эльслеръ, въ день ея отъѣзда изъ Москвы..	—	176
— Новыя Сербскія народныя пѣсни (С.).....	V	55
Н. И. Брамы: Изъ Байрона.....	III	138
Ѳ. Н. Глинки: Славное погребеніе.....	I	184
— Къ древнимъ курганамъ въ Тверской г.....	II	291
А. П. Давыдова: Пѣснь о колоколѣ. Шиллера.....	III	69
В. А. Дементьева: Подражаніе восточнымъ.....	III	179
М. А. Дмитріева: Старикъ къ юношамъ.....	I	183
— Золото (изъ балладъ Фогля).....	—	265
— С. Е. Раичу, по случаю кончины его супруги....	II	167
Ю. В. Жадовской: Сомнѣніе.....	I	281
— Напоминаніе.....	—	—
Л. А. Мея: Русалка.....	VI	94
— Слово о полку Игоревѣ.....	—	97
Ѳ. Б. Миллера: Двѣ Руснацкія пѣсни: Примиреніе и Одиночество.....	II	165,166

* Стихотворенія, помѣщенныя въ отдѣлѣ Смѣсь, означены здѣсь же подъ буквою *С.*

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Д. Е. Мина: Двѣ пѣсни изъ Дантова Ада.....	III	11
М. И. Михайлова: Разставаніе (изъ Кернера).....	IV	6
К. К. Павловой: Сцены изъ Промееея, Эсхила.....	II	153
Графини Е. П. Ростопчиной: Нелюдимка, драма въ 5 дѣйствіяхъ.....	I	1
— Версальскія ночи, въ 1847 году.....	—	187
— Поэзія и проза жизни. Дневникъ дѣвушки. Романъ въ стихахъ:		
Гл. I. Письмо Зинаиды къ ея бывшей наставницѣ.		
— II. Начало записокъ: Семейство Столбиныхъ...	II	1
— III. Пусто и скучно. Поэзія въ гостиной.....	—	137
— IV. Новое знакомство. Елена.....	III	2
— V. Пробужденье сердца.....	—	157
— VI. Она любитъ.....	IV	7
— VII. Недоумѣнья.....	—	47
— VIII. Ревность.....	—	101
— IX. И то и сё.....	—	155
— X. Отсутствіе.....	V	69
— XI. Воспоминанья.....	—	245
— XII. Переписка.....	—	293
— XIII. Вступленье въ свѣтъ.....	VI	127
— XIV. Свѣтскія искушенья.....	—	217
— XV. Сватовство.....	—	245
— XVI. Возвратъ Владиміра.....	—	263
— XVII. Отреченье.....	—	273
— XVIII. Отчаяніе.....	—	279
— XIX. И она тоже.....	—	290
— XX. Эпилогъ.....	—	311
М. И. Серебрякова: Пѣснь слѣпца-математика (С.)..	I	121
Ѳ. И. Тютчева: Три стихотворенія.....	IV	3
— Наполеонъ.....	II	162
— Поэзія.....	—	163
— Плаваніе.....	—	164
— Осемь стихотвореній.....	—	288
А. И. Фета: Какъ геній, нежданный, стройный.....	I	186
— Шепотъ сердца, устъ дыханье.....	—	—
А. С. Хомякова: Кремлевская заутреня на Пасху..	III	1
Стихотвореніе въ честь Фанни Эльслеръ (С.).....	III	88

Digitized by Google

2. Проза.

а) *Оригинальныя повѣсти, сцены, разсказы, отрывки и проч.*

А. Ѳ. Вельтмана: Чудодѣй. Романъ, часть пятая. I 107,203
В. П. Горчакова: Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ и другихъ современникахъ..... I 146,233; II 169
Е. Э. Дріанскаго: Одарка-Квочка. Повѣсть..... V 3,83
М. Н. Загоскина: Поѣздка за границу. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ..... II 199
С. П. Колошина: Вашъ старый знакомый. Повѣсть. III 21,82
— Бывалое дѣло. Очеркъ..... VI 233
А. Н. Островскаго: Свои люди—сочтемся! Комедія въ 4 дѣйствіяхъ..... II 33
— Утро молодаго человѣка. Сцены..... VI 149
А. Н. Писемскаго: Тюфякъ. Повѣсть..... V 161,255; VI 3
М. П. Погодина: Св. Игуменъ Ѳеодосій..... VI 169
Н. А. Рамазанова: Говорящія статуи. Разсказъ.... IV 23
Князя А. Д. Салтыкова: Письма объ Индіи (путешествіе второе)..... III 139; VI 193
А. С. Стурдзы: Духовная жизнь и духовная словесность на Востокѣ (современные очерки)..... I 267
П. П. Сумарокова: Лицо и изнанка. Повѣсть..... IV 59, 115
— Неудачный маскарадъ. Разсказъ..... VI 313

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Графини д'Арбувиль: Сестра Марія (Голл. процесш.). VI 1,49
Бульвера: Семейство Каустонъ. Романъ въ 18 част. III 21,75; IV 1,59—137,201; V 1,57,91—135
А. де-Валлона: Каталина Ераузо. Повѣсть..... II 27
А. де-Мюссе: Марго. Повѣсть..... VI 99

Путешествія:

Валлона: Путешествіе въ Андалузію..... I 53; II 1; III 1
Митчелля: Путешествіе по Австраліи..... I 1,29

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
III. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.		
П. И. Б-го: Арабы и ихъ философія	III	13
Ѳ. И. Буслаева: Объ эпическ. выраж. Укр. поэзіи	V	19
М. А. Дмитріева: О характерѣ поэзіи, ея идеѣ и формѣ	I II	47 10
И. Е. Забѣлина: Археологическая находка. Рѣшеніе вопроса о Мономаховомъ тронѣ	III	53
О. Іакинва: Кто таковы были Монголы?	VI	85
П. И. Мельникова: Новыя свѣдѣнія о смутномъ времени, о Козьмѣ Мининѣ, Кн. Пожарскомъ и Патр. Ермогенѣ	VI	1
Кн. М. А. Оболенскаго: Посланіе Патріарха Фотія, и Половецкія слова	II	7
Н. С. П-ва: О Славянскомъ элементѣ въ Греціи, соч. Фальмерайера	V VI	129 13
Д. М. Перевощикова: Программа для люб. Астрон.	III	35
И. Д. Перевощикова: Очеркъ исторіи Химіи (2 ст.).	IV V	67 77
М. П. Погодина: Свидѣтельство о походѣ Святослава на Кавказъ	I	41
— — Историческія замѣчанія: 1) О родинѣ Князей Пожарскихъ; 2) За Палицына; 3) О правѣ Княжескаго наслѣдства	II	1
4) О единствѣ земли Русской	—	21
А. Н. Попова: Душеприкащики Донскаго	III	1
П. М. Преображенскаго: О подпочвѣ	V	1
— — О химическомъ разложеніи почвъ	—	48
В. И. Родиславскаго: Стрѣльцы	I	15
Ѳ. А. Семенова: Карта солнечн. затмѣнія въ 1851 г.	III	5
С. К. Смирнова: За Палицына	II	4
И. О. Т.: Дажбогъ	V	107
И. П. Ф-го: О намѣреніяхъ въ природѣ	III	57
Z: О Половецкихъ словахъ	—	31
Объ училищахъ на Западѣ Европы съ VI до IX в. по Р. Х. Статья *Озанама*	IV	3,31,63
Объ ископаемыхъ животныхъ. Статья *Бертрана*	VI	55
Матеріалы историческіе и литературные.		
Дмитревскій И. А., письмо его къ П. И. Шубину.	VI	84

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Давыдовъ Д. В., письмо его къ Гр. Хвостову о Суворовѣ	I	78
Костровъ Е. И., извѣстіе объ немъ	V	74
Ломоносовъ М. В., черты и анекдоты изъ біографіи его, собранные *Штелинымъ*	I	1
Сперанскій Графъ, два слова къ біографіи его (*А. Росницкаго*)	IV	85
Суворовъ, 8 стиховъ его къ А. И. Брежинскому	V	72
Тихонъ, Еписк. Воронежскій, письмо его	—	71
Херасковъ М В., черты изъ его жизни	I	72
— Дополненія къ его біографіи	III	32
Торжествующая Минерва, общенар. зрѣлище 1763 г. (сообщ. *С. П. Шевыревымъ*)	V	109

IV. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

а) *Богословіе, Исторія Церкви, духовное краснорѣчіе, и пр.*		
Православно-догматическое Богословіе, Ар. *Макарія.*	I	35
Догматическое Богословіе, Архим. *Антонія*	—	—
Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій	—	16
Сравнительное обозрѣніе Четверо-Евангелія, Свящ. *Гречулевича*	I	89
Проповѣди на Малоросс. языкѣ, *его же*	—	85
Палладія Епископа Лавсаикъ	—	121
Св. Левъ, Папа Римскій	—	123
Творенія Св. Отцевъ, въ Русскомъ переводѣ	II	1
О таинствахъ Церкви, *Игнатія*, Арх. Воронежскаго.	—	54
Чтенія о Апостолѣ Петрѣ, *его же*	—	—
О богослуженіи Западной Церкви, *Т. Серединскаго.*	—	57
Христіанскія бесѣды отца съ сын., *Ѳ. Дмитревскаго.*	—	59
Необходимость Христіанс. поведенія, *Г. Дебольскаго.*	—	99
О говѣніи, по уставу Правосл. Церкви, *его же*	—	100
Собраніе словъ Архим. *Димитрія*	—	102
Поученія къ сельск. прихожанамъ, Свящ. *Пискарева.*	—	—
Свѣдѣніе о существующихъ въ Россіи монастыряхъ	—	145
Сказаніе о Абалацкой иконѣ Божіей Матери	III	123
Жизнь Іоанна Максимовича, Митроп. Тобольскаго	—	—
Слова и рѣчи Архим. *Митрофана*	—	126
Избранныя мѣста изъ Св. Исторіи	—	192
Историческое сказаніе о чудотворныхъ иконахъ	IV	62
Бесѣды и слова Архим. *Варлаама*	—	93

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
О таинствѣ крещенія, *Г. Рубцова*	—	126
О литургіи преждеосвящен. дар., *Н. Малиновскаго*	—	—
Церковныя поученія, Прот. *Нордова*	—	127
Новое небо съ новыми звѣздами	V	11
Церковно-историческій мѣсяцесловъ Троицкой Лавры.	—	58
Размышленія предъ Св. причащеніемъ	—	61
Окружное посланіе Соборной Церкви	—	107
Кругъ подвижныхъ праздниковъ Церкви	—	—
Собраніе словъ Архим. *Аполлоса*	—	157
Размышленія на двѣ Евангельскія притчи	—	—
Размышленіе на притчу о богатомъ и Лазарѣ	VI	29
О заслугахъ Св. Аѳанасія Великаго, *Е. Ловягина*	—	46
Путеводитель къ Московской Святынѣ, *Д. Струкова*.	—	150

б) *Русская Исторія.*

И. Н. Березина: Историко-филологическая замѣтка (о ярлыкахъ)	III	196
Ѳ. И. Буслаева: Лингвистическое недоразумѣніе (объ изгояхъ)	—	29
И. Д. Бѣлаева: Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи, Проф. *Осокина*	VI	54
В. В. Григорьева: Библіотека восточн. историковъ. изд. *И. Березинымъ*	—	67
А. С. Клеванова: Исторія Юго-Западной Руси (отвѣтъ на рецензію От. З.)	—	81
М. П. Погодина: Русскій Музей П. Ѳ. Карабанова.	I	1
— — Письма Царевича Алексѣя Петровича къ его родителямъ, изд. Проф. *Мурзакевичемъ*	—	57
— — Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Проф. *Калачовымъ*	II	71
— — Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова, *Н. Павлова*	II III	117 66
— — Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ	—	1
— Кіевлянинъ (на 1850 г.) изд. *М. Максимовичемъ*.	—	43
— — О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго, соч. *В. Шульгина*	—	97
— — Дворцовые разряды	—	151
— — Библіотека восточн. историк. изд. *И. Березин.*	IV	55
— — Жизнь Кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни.	V	1

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
— Библіографич. обозр. Русск. лѣтоп. *Д. Полѣнова.*	VI	147
— Родовое или общественное явленіе былъ изгой? *К. А.*	—	148
А. Е. Студитскаго: О всенародномъ распространеніи граматности въ Россіи	I	111
Д. О. Ш-га: Нѣсколько словъ о статьѣ Г. Соловьева въ «Архивѣ»	II	85
Описаніе музея П. Ѳ. Карабанова	I	90,104
Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго округа, *А. Воронова*	II	59
Основаніе Русскаго театра, *А. Карабанова*	—	66
Исторія Черноморской торговли	—	145
Статейный списокъ посольства въ Крымъ	III	127
Жизнь Графа Румянцова-Задунайскаго, *Чихачова*	IV	57
Русская старина, изд. *А. Мартынова*	— / V	121 / 9
Описаніе Государственаго архива старыхъ дѣлъ, *П. Иванова*	—	95
Ярлыкъ Тохтамыша къ Польскому Королю Ягайлу, изд. Кн. *Оболенскимъ*	—	149
Келарь Авраамій Палицынъ	—	157

в) *Русская Словесность.*

А. Ѳ. Вельтмана: Отблески поэзіи, *І. Грузинова.*	I	29
— — Сочиненія Императрицы Екатерины II	—	59
— — Очерки, *Н. Жеребея*	—	66
М. Н. Лихонина: Русскія народныя пѣсни, собр. *П. Кирѣевскимъ*	V	158
А. Н. О-го: Ошибка, повѣсть *Е. Туръ*	II	89
Воспоминанія Ѳ. *Булгарина*, ч. VI	—	24
Милліонъ, водевиль Гг. *Тарновскаго* и *Руднева*	—	32
Стихотворенія *А. Фета*	—	37
Воспоминанія о Скобелевѣ, *Ѳ. Булгарина*	—	68
Сазандаръ, стих. *Я. Полонскаго*	—	147
Краткій очеркъ Петербурга, стих. *С. Павлова*	III	26
Москва и Москвичи, вып. 4, *М. Загоскина*	—	164
Странная ночь, ком. *А. Жемчужникова*	IV	24
Сказка о сынѣ откупщика	—	28
Битва Русскихъ съ Кабардинцами, *Н. Зрянова*	—	—
Греческія стихотворенія, *Н. Щербины*	—	69

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Проба пера, *К. Картамышева*.....	—	82
Очерки современной жизни, т. 8-й, *М. Корсини*.....	—	83
Послѣдняя дань благоговѣнія къ Вел. Кн. Михаилу Павловичу.....	—	121
Елисавета Кульманъ, соч. *Гросгейнриха*.....	—	122
Раздѣлъ, ком. Кн. *Эристова*.....	V	11
Домашняя исторія, ком. *П. Григорьева*.....	—	16
Причуды, ком. *П. Менщикова*.....	—	21
Крушеніе корабля Невы, *А. Маркова*.....	—	58
Стихотворенія *Г. Г. Р*.....	—	66
Абулъ-Касемъ Фердауси Тусскій, *С. Назаріанца*.	—	143
Женитьба Царя Михаила Ѳеодоровича, пов. въ стих.	—	157
Похожденія четырехъ Русскихъ матросовъ.....	VI	98
Разсказъ солдата, бывшаго въ плѣну у Горцевъ.....	—	—
Сара, повѣсть.....	—	—
Стихотворенія Е. С.....	—	143

г) *Иностранная Словесность.*

Бандиты, романъ Феваля.....	II	33
Poésies de M. Illopoff.....	III	140
Одушевленные цвѣсты, водевиль.....	IV	64
Минеральныя воды, водевиль.....	V	16
Непродолжительность любви, романъ Поль-де-Кока..	—	19
Алиція Паули, романъ Феваля.....	VI	94
Графиня Салисбюри, романъ Дюма.....	—	—
Докторъ Серванъ, романъ Дюма.....	—	—

д) *Всеобщая Исторія.*

П. М. Леонтьева: Аѳинская игем., *М. Стасюлевича.*	III V	130 175
М. П. Погодина: Аббатъ Сугерій, *Т. Грановскаго.*	I	4
М. И. Стасюлевича: Разборъ того же сочиненія....	III	67
Латинскіе Императоры въ Констант., *П. Медовикова.*	II	13
О поклоненіи Зевсу, *П. Леонтьева*.....	VI	112
О Галликанской церкви въ настоящемъ ея устройствѣ.	—	142

е) *Географія и Статистика.*

Вѣдомость о народонаселеніи Россіи, *А. К*.....	III	20
Справочная книжка Архангельской губ.....	—	192

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи, *Г. Небольсина*	V	10
Географическо-статистическое описаніе Калифорніи, *Г. Блока*	—	155
Географическія извѣстія, вып. 1 и 2	VI	1
Статистическое описаніе Городищенскаго уѣзда, *П. Морозова*	—	27

ж) *Путешествія.*

М. П. Погодина: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, Проф. *Шевырева*	III	60
Письма Святогорца о Св. Горѣ Аѳонской, Ч. 1-я	II	136
То же, Ч. 2-я	IV	84
Путешествіе по Дагестану и Закавказью, *И. Березина.*	II	137
Поѣздка на Синай, *А. Уланца*	III	6
Путешествіе по Египту, *А. Рафаловича*	—	106
Мысли о Православіи, *А. Муравьева*	IV	101
Записки о Русскомъ Пантелеймоновѣ монастырѣ	VI	48

з) *Естественныя науки съ ихъ приложеніями.*

Г. Е. Щуровскаго: Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго. — Опытъ прикладной геологіи, преимущественно сѣвернаго бассейна Европейской Россіи	III IV	155 1,37,131
Растеніе и его жизнь, Проф. Шлейдена	I	62
Трактатъ о подсѣдахъ лошадей, *О. Пашкевича*	III	195
Анатомич. изображенія человѣч. тѣла, *Н. Пирогова.*	IV	97
Ученіе о переломахъ костей, Мальгеня	—	99
Зоотерапія, *В. Зейберлинга*	V	112
Опытъ опредѣленія совершенствъ и недостатковъ лошади, *его же*	V	65
Сперматорея, *Иноевса*	—	113
О самосгораніи человѣческаго тѣла, соч. Граффа и Либиха	VI	107

и) *Науки математическія и военныя.*

Общенародная геометрія, *Литтрова*	VI	145
Природа съ ея таинствами и богатствами. Астрономія.	II	19
Общенародный курсъ механики, *Э. Перцова*	—	23
Руководство къ черченію машинъ, пер. *Демерцикова.*	IV	95

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Звѣздное небо, *М. Хотинскаго*.....	V	41
300-лѣтній показатель дней недѣли, *В. Орденова*....	—	151
Правила времясчисленія, Проф. *Перевощикова*.....	VI	41
Лекціи популярной астрономіи, *С. Зеленаго*.....	—	99
Алжирія въ новѣйшее время, *М. Богдановича*.....	II	103
Очеркъ Венгерской войны, *Богдановича* и *Лебедева*.	III	23
Описаніе воен. дѣйст. въ сѣв. Дагест., *П. Милютина*.	—	180
Графъ Радецкій и его походы, *П. Лебедева*.....	V	52
Начертаніе малой войны, *А. Энгельгардта*.....	—	108
Малая война, *П. Вунча*.....	—	153

i) *Науки юридическія и политическія.*

Н. В. Калачова: О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до Царя Алексѣя Михайловича, соч. *Ф. Деппа*.....	I	37,69
М. Н. Капустина: Руководство къ Россійскимъ законамъ, сост. *Н. Рождественскимъ*.....	I	132
— — Правила и формы о производствѣ слѣдствій, *Е. Колоколова*.....	—	—
— — Систематическое изложеніе узаконеній о домахъ, сост. *В. Лукинымъ*.....	—	—
— — Опыты. стряпчій и письмовникъ, сост. *В. П-мъ*.	—	—
А. Е. Студитскаго: О стеченіи нѣсколькихъ преступниковъ, *А. Жирѣева*.....	VI	14

к) *Филологія.*

М. А. Максимовича: О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужницкихъ нарѣчій, *Е. Новикова*.....	I	19
Н. И. Т-ва: О статьѣ Современника: »Кай Валерій Катуллъ«.....	V	114
— — Обозрѣніе Латинскихъ словарей, *А. Ананьева*.	VI	135
Грамматика Зырянскаго языка, *П. Саввaитова*.....	—	25
Словарь Зырянскаго языка, сост. *имъ же*.....	—	—

л) *Сельское Хозяйство.*

П. М. Преображенскаго: Обзоръ дѣйствій Департамента Сельскаго Хозяйства.....	I	124
	II	5
Хозяйственный календарь для любителей огородовъ, *И. Цигры*.....	—	148
Полный Русскій садовникъ, *его же*.....	—	—

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Практич. наставленія въ пчеловодствѣ, *С. Пономарева.*	III	61
О значеніи кровной Англійской лошади, *И. С.*.....	IV	31
О употребленіи соли въ сел. хоз., *А. Заблоцкаго.*	—	127
Правила къ руковод. при покупкѣ лошадей, *Г. Іонсона.*	—	129
Сочиненія *Ф. Майера*.....	V	61
Искусственныя удобренія, *Либиха*.....	—	64
Правила земледѣлія для простонароднаго чтенія.....	—	109
Изслѣдованія запаса и прироста лѣсонасажденій.....	—	113
Полный Русскій цвѣтоводъ, *И. Цигры*.....	VI	30
Совѣты и наставленія опытнаго заводчика.....	—	142
Американская всеобщая эксцентрическая мельница....	—	158

м) *Учебныя книги.*

М. Н. Капустина: Мнемоника по методѣ Ревентлова.	IV	17
Священная Исторія, Прот. *Богданова*.....	—	94
Краткая Исторія Церкви, Прот. *Нордова*.....	IV	127
Историческій атласъ, *К. Твелькмейера*.....	V	9
Краткій обзоръ царствованія благословеннаго Дома Романовыхъ, сост. *З. Воробьевъ*.....	—	10
Англійскій словарь, *Ф. Рейфа*.....	—	67
Учебная книга для чтенія кантонистамъ, сост. *А. Ивановымъ* и *А. Яновскимъ*.....	VI	30
Столѣтіе Русской словесности, *Н. Мизко*.....	—	127
Правила употребл. знак. препинанія, *К. Смирнова.*	—	154

н) *Дѣтскія книги.*

Кое-что, альбомъ для дѣтей.....	I	32
Фанты, географическая игра.....	—	33
Двѣ жизни, пов., пер. *А. Ишимовой*.....	—	65
Галлерея Монтіоновскихъ премій.....	II	26
Случайности жизни, разсказы.....	III	64
Дѣтскій сборникъ.....	VI	43

о) *Смѣсь.*

Живописный альманахъ.....	I	31
Сколько лѣтъ, сколько зимъ, или Петербург. времена.	II	29
Русскій Парнасъ.....	—	35
Волшебная мастерская Фауста.....	—	36
Новороссійскій календарь на 1850 г.....	—	68
Игра тарокъ.....	—	105

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Дѣв. Ленорманъ хиромантія	III	24
Стряпуха, *К. Авдѣевой*	—	65
Указатель статей Горнаго журнала	IV	62
Новый способъ истребленія клоповъ	—	67
Магазинъ всѣхъ увеселеній	—	99
Хиромантія и гороскопъ	—	100
Карманная поваренная книга, *К. Авдѣевой*	—	129
Правила къ изученію шашечной игры	—	130
Таблицы для вычисленія процентовъ	—	—
Бабушка-ворожея, *П. Татаринова*	V	20
Новыя гадательныя картинки Ленорманъ	—	67
Каталогъ дублетовъ Публичной Библіотеки	—	108
Новѣйшая поваренная книга	—	154
Еще нѣчто большее объ искусствѣ наживать деньги.	VI	97
О дѣйствіяхъ 1-го страховаго отъ огня Общества	—	143
Живописный сборникъ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія, *А. Плюшара*	—	157

Иностранныя книги.

Кузенево изданіе твореній Абеларда	II	69
Исторія Испанской литературы, Тикнора	—	107
Географическое сочиненіе Мартино Сануто	—	112
Исторія Англіи Лингарда	III	41
Das Heldenbuch, К. Зимрока	—	—
Сочиненія объ исторіи Вальденсовъ	IV	108

Антикритика.

А. Ѳ. Вельтмана: Нѣсколько словъ объ историческихъ замѣчаніяхъ Г. Погодина на книгу: »Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ«	III	144
Н. П. Кирова: Отвѣтъ М. Ѳ. Спасскому и »Отеч. Запискамъ«	IV	101
М. П. Погодина: О новой статьѣ Г. Вельтмана	V	35
— Посланіе къ Г. К-ну	—	135,164
	VI	31,82
М. И. Стасюлевича: Отвѣтъ Г. Леонтьеву на его рецензію »Аѳинской гегемоніи«	V	69

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
V. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.*		
а) *Политическія.*		
Маршалы Франціи	I	111
О послѣдствіяхъ коммерческой реформы Пиля	II	124
Бюджетъ Англіи	—	151
Таблица Министровъ Франціи	V	73
Состояніе Египта	VI	54
Изъ Новаго Сада (о Сербахъ Австрійскихъ)	—	129
б) *Историческія.*		
Мормоны	II	30
Поминки въ Англіи по Шекспирѣ	III	75
Замокъ Маріенбургъ въ Пруссіи	VI	1
Достоинство Восточной Церкви, признанное членомъ Англиканскаго вѣроисповѣданія (С.)	—	80
в) *Біографическія.*		
Лордъ Джеффри	II	86
Шарль Бернаръ	—	138
Великодушіе Лапласа	III	1
Робертъ Пиль	IV	55
	V	5
Погребеніе Неандера	—	8,35
Эдуардъ Біотъ	—	10
Эндихеръ	—	14
Людовикъ-Филиппъ	V	39
	VI	76
Финансовыя дѣла его	—	9
Оноре де-Бальзакъ	V	43
Кончина воздухоплавателя Галя	—	63
Луиза Орлеанская, Королева Бельгійцевъ	VI	47
Новыя свѣдѣнія о Гецѣ фонъ-Берлихингенѣ	—	84
Францъ Листъ (С.)	II	25
г) *Географическія и Статистическія.*		
Калифорнія въ послѣдніе мѣсяцы 1849 г.	II	15
Четыре года въ Тихомъ океанѣ	—	21

* Этотъ V отдѣлъ состоитъ изъ 3-хъ подраздѣленій: 1) Разныя Извѣстія, 2) Внутреннія Извѣстія и 3) Московская Лѣтопись, и счетъ страницъ веденъ по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ общій.

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Открытіе озера въ Африкѣ	—	28
Морская сила Англіи	—	32
Мостъ чрезъ Менайскій проливъ	—	93
Желѣзныя дороги въ Англіи	—	127
Желѣзная дорога изъ Вѣны въ Мультанъ	—	133
Воздушная дорога изъ Вашингтона въ Калифорнію	—	134
Мостъ на рѣкѣ Св. Лаврентія	—	—
Извѣстія объ обитателяхъ центральной Америки	III	47
Цифры изъ таможенныхъ таблицъ Англіи	—	76
Потребленіе табаку въ Испаніи	—	—
Камбоджа	VI	48
Великое переселеніе черезъ Панаму	—	71
Поѣздка Ливингстона къ озеру Нгами	—	72
О Франклиновой экспедиціи	—	73
Потребленіе крѣпкихъ напитковъ въ Англіи	—	74
Каменноугольная формація въ Америкѣ	—	86
Курфиршество Гессенское	—	126
Мостъ чрезъ Ніагару	—	128
О космографіи и картологіи въ Средніе вѣка	—	138

А) *Извѣстія по Естественнымъ наукамъ.*

М. Ѳ. Спасскаго: Письмо къ редактору Москвитянина о электрической машинѣ Г. Кирова	I	15
— Метеорологическія замѣчанія	—	72
А. Е. Студитскаго: Лѣтопись естественныхъ наукъ.	I	1,19,67,104
	II	8,71,105
	III	21
	IV	9,33
	V	1
	VI	132
— Химія чистая и прикладная; 14 опытовъ и теорій.	I	1
— Естественная Исторія; 1) алмазы, 2) образованіе грибовъ	—	11
— Естественная Исторія; Физіологія; Метеорологія.	—	19
— Усовершенствованія въ добываніи сахара	—	67
— Толки о происхожденіи азота въ растеніяхъ. Опыты *Гольдмана*	—	69
— Еще два слова о барометрѣ	—	104
— Азотистые металлы	—	107

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
— Дѣйствіе фосфорной кислоты на слоновую кость..	—	108
— Опредѣленіе колич. хрома въ хромовокисл. соляхъ.	—	—
— Изслѣдованія надъ нѣкоторыми мышьяковистыми соединеніями, г. *Кочубея*.....	—	109
— Алкоголистыя соли; изслѣдов. г. *Ходнева*.....	—	110
— Виноградная кислота; изслѣдов. г. *Пастера*.....	II	8
— Присутствіе свинца, мѣди и серебра въ морской водѣ и нахожденіе серебра въ тѣлахъ органическихъ, изслѣд. гг. Малегути, Дюроте и Сарзо.	—	—
— Сфероидальная форма жидкостей и минутная несгараемость органическихъ тканей, опыты *Бутиньи д'Эвре*.....	—	9
— Нѣкоторыя особенности кольчатыхъ животныхъ. Поліофталмъ. (Извлеч. изъ статьи *Катрефажа*).	—	71
— Опыты г. Депре надъ плавленіемъ углерода.....	—	105
— Дѣйствіе эѳира, хлороформа и подобныхъ веществъ на организмъ.....	—	109
— Способъ добыванія этила и его свойства; изслѣд. *Франкленда*.....	—	111
— Новый способъ добыванія бензола и приложенія его къ освѣщенію..	—	112
— Способъ оплодотворенія папоротниковъ. Наблюденіе Графа *Сулимскаго*.....	—	114
— Дѣйствіе магнетизма на тѣла; опыты *Беккереля*.	III	21
— Распространеніе электричества въ непроводникахъ твердыхъ и газообразн. Опыты г. *Маттеуччи*.	—	24
— Изслѣдованіе г. Сенармона объ электропроводности кристалловъ..... ..	—	27
— Утробная жизнь животныхъ; изслѣд. *Мандля*....	IV	9
— Водородъ какъ матеріалъ для отопл. и освѣщенія.	—	10
— Вѣсъ атома нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ, диссерт. г. *Струве*.....	—	33
— Вѣсъ атома хромія.....	—	36
— Дѣйствіе сжатаго воздуха на жидкости — искусственное замораживаніе воды.....	—	—
— Дѣйствіе хлора на хлористые металлы въ присутствіи хлористыхъ щелочныхъ солей.....	V	1
— Вольтовъ столбъ для электрическихъ телеграфовъ.	—	2
— Поправленіе окисшаго вина.....	—	4

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
— Дѣйствіе животнаго угля на яды	—	—
— Деготь и ржаной червь	—	—
— Вѣсъ атома желѣза и золота	VI	132
— Образованіе нѣкоторыхъ углекислыхъ солей и сернистыхъ металловъ; опыты *Сенармона*	—	133
— Употребленіе водорода при разложеніи минеральн. веществъ; опыты *Рио*	—	135
— Разложеніе древней бронзы Галло-Римской эпохи, *Салвета*	—	136
— Новое приложен. Химіи къ уголовнымъ процесс.; опыты *Гюгуленя*	—	—
— Новое сахарное вещество, дулькозъ	—	137
Изобрѣтенія	—	140
Электрическіе телеграфы въ С. Штатахъ	I	17
О новомъ минералогическомъ сочиненіи Кобелля	—	30
Опыты надъ разложеніемъ торфа	—	31
Электрическій телегр. между Англіею и Америкою.	II	93
Вѣсть о хлороформѣ	IV	15
Ученыя извѣстія.		
Д. М. Перевощикова: Новыя планеты	III (С.)	90
	V	53
	VI	78
Пріобрѣтенія Англійскаго музея въ 1849 г.	I	32
Нитрійская библіотека въ Британскомъ музеѣ	II	13
Смитсоновъ институтъ въ Вашингтонѣ	—	82
Дѣятельность Британскаго Библейскаго Общества	—	92
Новый городъ	—	135
Изобрѣтеніе пороха	—	136
Публичныя библіотеки за границей	IV	14
Парижская Академія Наукъ	—	—
Новая звѣзда	V	62
Съѣздъ Нѣмецкихъ филологовъ въ Берлинѣ	VI	16
Новое пріобрѣтеніе Греческой литературы	—	17
Всходъ на Попокатепетль	—	75
О языкѣ Маджарскомъ	—	82
Замѣчательная Египетская монета	—	84
Археологическая находка во Франціи	—	139
Археологическія изысканія надъ Алжиріею	—	—
Сербская печать	—	140

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
ж) *Библіографическія и литературныя.*		
Исторія Англіи, Мекодея	I	83
Исторія Франціи въ продолж. средн. вѣковъ, Мишле.	II	1
Остъ-Индская литература	—	151
Литературныя вѣсти изъ Парижа	III V	45 53
Новости иностранной литературы	— VI	78 17,57,141
Сочиненія Фридриха Листа	—	55
Биньонова Исторія Наполеона	—	78
Новыя книги, вышедшія въ Гиссенѣ	—	87
Пекинская газета	—	129
з) *Художественныя.*		
Галлерея Нидерландскаго Короля	V	64
Преміи Парижской школы художествъ	—	—
Художественныя извѣстія	V VI	83 18,58,142
Празднество при откр. статуи »Баваріи« въ Минхенѣ.	VI	13
Музыкальныя извѣстія	—	19
и) *Смѣшанныя.*		
А. Е. Студитскаго: Судебное дѣло о смерти Графини Гёрлицъ	II III VI	115 8,35,69 101
Военный пароходъ	IV	13
Вечеръ въ церкви Негровъ-методистовъ	V	11
Славянскія новости	—	46
Ураганы въ Швейцаріи и Америкѣ	—	56
Игорные домы въ Германіи	—	63
Магометанская терпимость	—	64
Произведенія Остъ-Индской промышленности	—	—
Обращеніе векселей въ Англіи	—	76
Выдѣлка шалей въ Кашмирѣ	—	77
Длинный объѣздъ	—	78
Хлопчатая бумага	VI	7
Англійская признательность	VI	15
Проэктъ канала между Седаномъ и Триромъ	—	16
Австральская шерсть	—	51

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Курсъ золотой и серебряной монеты въ Англіи.....	—53,	127
Экономическое средство фаршировать домашнюю птицу трюфелями.....	—	140
Журналы въ Лондонѣ (С.).....	I	114

Внутреннія извѣстія.

Извѣстія изъ: Архангельска (Судоходство).....	III	19
Воронежа (Память о Петрѣ Великомъ).....	VI	63
Дерпта (Публичныя лекціи).....	—	28
— (Новый горючій матеріалъ).....	V	19
Епифани (Памятникъ Димитрію Донскому)....	—	49,66
Зарайска (Крестьян. д. училище въ с. Струпнѣ).	—	67
Ирбита (Ярмарка).....	III	32
Кавказа (Письмо къ отцу въ Москву).....	VI	143
Казани (*А. И. Артемьева:* Новости).	I	115
	IV	16
—— (Минцъ-кабинетъ Казанск. Университета.	VI	21
	V	17,72
Калуги (Извозничество).....	IV	65
Кіева (Новости).....	VI	60
Коврова (Справочная уѣздная книжка).....	IV	17
Курска (Коренная ярмарка).....	V	49
Мценска (*И. М. Снегирева:* Слова, идіотизмы и пословицы) (С.).	I	1
Нерчинска (Даурская весна).....	V	18
———— (Первыя плодовыя деревья).....	—	50
Нижняго Новгорода (Новости)..... ..	I	33
Николаева (Дѣвичье училище).....	IV	40
Одессы (Юбилей Стевена).....	I	78
——— (Торговля при портѣ).....	— 81,121	
——— (Ученая и литературная дѣятельность).	II	94
——— (Новости).....	III	30
——— (Винодѣліе въ Крыму).....	IV	18
——— (Скотоводство въ Новороссійск. краю).	IV	39
——— (Новая часовня)	—	64
——— (Выставка картинъ Айвазовскаго).....	V	49
——— (Водохранилища при церквахъ).....	—	95
——— (Богадѣльня сердобольныхъ сестеръ)..	VI	46

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Одессы (Газовое освѣщеніе).....	VI	98
——— (Бѣдствіе съ забродчиками на Азовскомъ морѣ) (С.).....	II	22
Оренбурга (Страшный ураганъ).....	VI	148
Осташкова (Промышленность).....	VI	96
Пензы (*П. Т. Морозова:* Съѣздъ Общ. С. Х. Юго-восточной Россіи).....	V	85
Полоцка (Памятникъ 1812 г.).....	VI	27
Полтавы (Производство вина).....	IV	18
——— (Петровскій Кадетскій Корпусъ).....	VI	66
Ромень (Ильинская ярмарка.).....	V	69
Ростова на Дону (Торговля).....	III	19
Рыбинска (Судоходство).....	VI	65
Самары (Женская община).....	V	15
С.-Петербурга (Движеніе торговли при портѣ).	I —	81 121
—— (Выставка сельскихъ произведеній).....	— IV	82 38
—— (Публичная Библіотека).....	III	16
—— (Годовые часы).....	—	20
—— (Сберегательная касса).....	IV	7
—— (Общество посѣщенія бѣдныхъ).....	—	63
—— (Новый крестный ходъ).....	V	15
—— (Демидовскій домъ призр. трудящихся).	—	16
—— (Городскіе доходы и расходы).....	—	69
—— (Инородческое населеніе Спб. губ.).....	VI	65
—— (Постоянный мостъ чрезъ Неву).....	—	97
—— (Каѳедра Юридической палеографіи).....	—	148
Саратова (*Л. И. Леопольдова:* О равновѣсіи водъ въ Каспіѣ).....	II	95
Симбирска (Дворянскіе выборы).....	—	152
Тары (Храмъ Св. Николая Чудотв.).....	VI	147
Тифлиса (Золотыя розсыпи въ Грузіи).....	II	95
—— (Закавказская торговля).....	—	162
—— (Мѣновая торговля съ Горцами).....	IV	18
—— (Новая Армянская газета).....	VI	29
—— (Восхожденіе на Араратъ).....	—	32
—— (Мостъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ).....	—	64

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Троицка (*М. И. Ястребова:* Объ открытіи новаго пути для сношеній съ Китаемъ).....	VI	88
Тулы (Самовары).....	I	36
—— (Публичныя чтенія).....	VI	64
Углича (Дѣтскій пріютъ).....	—	147
Харькова (Публичныя лекціи).....	—	28
Херсона (Вербное воскресенье).....	III	29
——— (Пріюты для странниковъ).....	—	77
Шуи (О трудахъ В. А. Борисова).....	I	120
Ѳеодосіи (Картины Айвазовскаго).....	III	17
Извлеченіе изъ отчета по Почтовому Управленію.....	IV	37
——— — —— Академіи Художествъ.....	VI	26
50-лѣтній юбилей С.-Петерб. Медико-Хирург. Акад..	—	24
Награды фабрикантамъ по выставкѣ 1849 г.....	—	29
Число православныхъ епархій, церквей и монастырей въ Россіи.....	I	78
Приказы Общественнаго Призрѣнія.....	—	120
Города Россіи.....	II	34
Свеклосахарное производство въ Россіи.....	III	18
Производство химическихъ заводовъ въ Россіи.....	VI	31
Блаженный Іоаннъ Власатый.....	II	33
С. П. Шевырева: Нилосорская пустынь.....	—	139
Вьясская пустынь.....	—	150
О приношеніяхъ въ пользу Сербовъ и церквей въ Бачкѣ и Банатѣ.....	IV	1
Пожертвованія: Крашенинникова.....	II V — VI	161 68 95 147
Белизарова.....		95
Въ пользу науки.....	I	80
Князя Н. Б. Юсупова.....	III	77
Подвиги человѣколюбія и самоотверженія.....	V VI	16, 68 27
Примѣры честности простолюдиновъ.....	I	33
Безкорыстіе Русскаго солдата.....	V	68
Некрологъ: *Іаковъ,* Арх. Нижегородскій.....	III	77
——— *П. П. Прокоповичъ*.....	—	32
Люди прошлаго вѣка.....	I	81

Digitized by Google

	Часть	Стран.
115-лѣтняя повивальная бабка	V	69
Русскіе поклонники ко Св. мѣстамъ	—	16
Число журналовъ и газетъ въ Россіи (С.)	II	24
Собраніе надписей съ древн. Русскихъ памятниковъ	—	160
Задачи отъ Археологическаго Общества	I (С.)	76
	III	62
	VI	64
Награда Ѳ. А. Семенову	III	64
Первый Русскій микроскопъ	II	34
Справочныя губернскія книжки	III	31
Статистика домашнихъ животныхъ въ Ц. Польскомъ	V	19
Торговыя извѣстія	VI	31
Новая мужикъ-полька	V	96

Московская лѣтопись.

А. П. Глинки: Воспоминан. о *Е. В. Новосильцевой.*	I	50
И. Е. Забѣлина: Царскій выходъ въ день Богоявл.	I	19
——— Замѣтки о старинной масляницѣ	II	35
——— Вербное Воскресенье въ старину	—	163
И. Н. Муромцева: Больница для приходящихъ въ Москвѣ	III	65
Н. Н-ва: Повседневная хроника	IV	41
	V	21
М. П. Погодина: Воспоминанія о *А. В. Рихтерѣ*	I	27
—— 12-е Января въ Имп. Московск. Университетѣ	—	45
—— Некрологъ: *Д. П. Голохвастовѣ*	—	62
—— Растопчинская галлерея	—	66,122
—— Нѣсколько словъ по поводу Универс. концерта	II	50
А. И. Полунина: Некрологъ: *П. С. Нахимовѣ*	IV	52
М. Ѳ. Спасскаго: Метеорологическія замѣчанія о характерѣ погоды за истекшее полугодіе	IV	25
С. П. Шевырева: Обѣдъ, данный Кн. Б. Д. Голицыну, 10-го Января	I	39
—— Концертъ Гг. Студентовъ Моск. Университета.	II	45
—— Учебное заведеніе П. И. Цвѣткова	IV	19
Дворянскіе выборы	I	37
5-е Февраля въ Пересыльномъ замкѣ	—	125
Нѣсколько словъ о Д. П. Бантышъ-Каменскомъ	—	128

Digitized by Google

	Часть	Стран.
Нѣск. словъ о современномъ состояніи Моск. театра.	II	58
Картинная галлерея Графа А. Ѳ. Ростопчина.....	—	96
Картины и эскизы П. А. Ѳедотова.....	—	173
Эстетическое кое-что по поводу ихъ (С.).....	III	21
Лотерея въ Московскомъ художественномъ училищѣ.	II	177
Некрологъ: *Е. О. Мухинѣ*.....	—	178
——— *В. И. Тимоѳеевѣ 1-й*.....	—	179
——— *Архимандритѣ Митрофанѣ*.....	VI	99
Первая медаль въ Россіи за открытіе кометы.....	IV	8
О Порѣцкомъ памятникѣ Графа С. С. Уварова.....	—	51
Обѣдъ, въ честь Князя П. А. Вяземскаго.....	VI	33
Пребываніе Государя Наслѣдника въ Москвѣ.....	—	95
Юбилей Генерала М. И. Чеодаева.....	VI	149

VI. СМѢСЬ.

а) *Разсказы оригинальные.*

Н. В. Берга: Ледъ идетъ! Рѣка тронулась.....	III	1
А. Ѳ. Вельтмана: Отр. изъ Иліады пис. на папирусѣ.	I	11
—— Мода.....	—	79
А. П. Глинки: Домашняя знакомая.....	—	62
И. Т. Кокорева: Публикаціи и вывѣски.....	—	12,67
—— Похожденія самовара.....	—	85
—— Мужикъ-полька.....	II	10
—— Пчелиный разговоръ.....	—	65
С. П. Колошина: Изъ записокъ праздношатающагося:		
I. Лихачь.....	II	31
II. Постоялый дворъ.....	—	68
III. Некогда. IV. Бракъ по страсти и страсть по браку. V. Гостинн. для проѣзжающ..	III	65
VI. Три встрѣчи.....	IV	1
Н. И. Л.: Признанія моего знакомаго.....	VI	43
Л. А. Мея: Сборное Воскресенье	II	49
—— Медвѣжья трава.....	—	84
Рукопись старицы игуменьи Маріи.....	I	29
Неожиданное знакомство съ новымъ сосѣдомъ.....	VI	19

б) *Разсказы переводные.*

А. де Бомона: Каиръ.....	III	100
Е. Гино: Неутѣшная вдова.....	VI	25

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
А. Карра: На берегу моря	III	69
С. Турнера: Послѣдній ужинъ	IV	12
П. Шевалье: Первая красавица въ мірѣ	V	23
Мертвая и живая	III	33
Три вмѣсто одного	—	93
Червонная дама	V	1
Лондонскій почтамтъ въ день Св. Валентина	—	37
Брюссельскій антикварій Фербейстъ	VI	1
Исторія Пьерро	—	39

в) *Литературныя замѣчанія.*

Стихотворенія Я. И. Полонскаго	II	1
Журнальные промахи	—	17
Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. мон., Проф. Шевырева	—	42
Возраженіе Сѣв. Пчелы	—	53
Русскій языкъ для Славянъ	III	51
Русское правописаніе, приведенн. къ одному правилу.	—	54
Еще объ изгояхъ	III	57
Письмо Г. Хотинскаго къ редактору Москвитянина	—	58
Письмо Шафарика къ М. П. Погодину	VI	38
Библіографическія извѣстія	IV V VI	22 14 18,81
Археологическія пріобрѣтенія М. П. Погодина	III V VI	57 68 40
Замѣтки	I VI	28 40
Ученыя и литературныя новости	I II III	8,77,88 83 91
Журнальныя замѣтки	VI	82

г) *Мелочи и анекдоты.*

Телеграфическая музыка	I	5
Неизданное твореніе Россини	—	—
Французскія перчатки изъ крысьей кожи	—	6
Разсѣянность дѣловаго писателя	—	7
Микроскопическая литература	—	24

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Два важныхъ пріобрѣтенія	—	25
Парламентскія дуэли во Франціи	—	—
Сочиненіе А. Гумбольдта въ Веймарскомъ альбомѣ	—	26
Суженаго и конемъ не объѣдешь	—	72
Убійцы Заиры	—	73
Пѣвица Негритянка Донна Мартинецъ	—	—
Золоченіе и серебр. шелку посредст. гальванопласт.	—	74
Средства предохраненія картофеля отъ заразы	—	75
Лола Монтесъ и проч. мелочи	—	77
Первый шагъ Талейрана къ извѣстности	—	119
Судъ Бетховена о Севильскомъ цырюльникѣ	—	120
Выходцы съ того свѣта	II	7
Скрипачь Рачинскій	—	12
Паганини въ Парижѣ	—	13
Возобновленіе дѣятельности Россини	—	14
Общество сожиганія мертвыхъ въ Парижѣ	—	—
Холодныя зимы въ Англіи	—	—
Кіевская рѣдкость (театральная афиша)	—	15
Компендіумъ Русской Словесности	—	16
Спортъ иностранный и Русскій	—	19
Публикація Парижская и Московская	—	20
Стрѣлокъ, какихъ не много	—	—
Двѣ шарады и одинъ анекдотъ	—	21
Искусственная рыба	—	36
Полька въ Пруссіи	—	40
Новый танецъ скотишъ	—	—
Что дѣлаютъ Александръ Дюма съ сыномъ	—	—
Еще новый способъ освѣщенія	—	41
Извѣстія съ Запада о зимѣ	—	—
Концертъ слѣпца-скрипача г. Шлетынскаго	—	48
Странная игра случая	—	79
Еще выдумка на бѣдныхъ эксцентриковъ	—	—
Замѣчаніе Гаррика	—	—
Корнесловіе	—	—
Предусмотрительность мужа	—	80
Остроумный отвѣтъ	—	—
Судьба - индѣйка	—	—
Англійская криминалистика	—	81

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Настоящій врачь	—	82
Заклады между скаковыми охотниками	—	83
Англійскій шерстяной союзъ	III	15
Неосторожность	—	16
Язъ и Евріаль	—	17
Число театровъ и актеровъ въ Германіи	—	18
Любопытный физіологическій фактъ	—	19
Знаніе Латинскаго языка	—	—
Чудеса иголки	—	—
Продолженіе скаковыхъ закладовъ	—	—
Археологическое открытіе	—	20
Нѣсколько словъ о г-жѣ Зонтагъ	—	44
Брачный договоръ, единственный въ своемъ родѣ	—	46
Исполнившееся предсказаніе Наполеона	—	48
Нѣмецкая черта	—	—
Письмо г. Грима, вѣчнаго кандидата Франц. Академ.	—	49
Любопытные факты Мадридской масляницы	—	50
Отъ часу не легче	—	—
Двѣ героини на новѣйшій ладъ	—	—
Открытія изъ области древняго искусства	—	—
Библіографическое открытіе	—	51
Задача филологамъ	—	56
Протестъ	—	57
Любителямъ Французскихъ романовъ	—	81
Объявленіе для тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ.	—	83
Занимательное сравненіе	—	—
Отзывъ Ген. Пепира о 9-мъ томѣ «Исторіи Консульства и Имперіи,» Тьера	—	84
Еще о Калифорніи	—	—
Ремни изъ гутта-перчи	—	85
Страшное убійство	—	86
Турецкія прав. для того, кто желаетъ быть повтомъ.	—	87
Новое свойство табаку	—	107
Вотъ-такъ журналъ!	—	108
Несгараемый картонъ	—	109
Публика и артисты	—	—
Обращикъ фельетона по поводу папиросовъ	—	111
Опять эксцентрики!	IV	20

Digitized by Google

	Часть	Стран.
Математическое чудо	—	—
Мантія Сулука и колыбель будущ. Принца Астурійск.	—	21
Примѣръ долголѣтія	—	—
Новое пріобрѣтеніе Версальскаго музея	—	—
Жокей Робинсонъ	—	—
Долина тайны	—	22
Объясненіе одного недоразумѣнія	—	—
Самоубійство отъ любви	—	23
О новой оперѣ Галеви	—	—
Госпожи Жоржъ Сандъ и Лолла Монтесъ	—	25
Александръ Дюма	—	26
Ламартинъ	—	—
Еще всякій вздоръ о Калифорніи	—	27
Неслыханный меломанъ	—	30
Нѣсколько словъ о г-жѣ Рашель	—	—
Если не вздоръ, такъ правда	—	31
Скрибъ у Роберта Пиля	—	33
Гомеопатія въ Испаніи	—	35
Англійскій водевиль	—	—
Миссиссипи или 1,500 льё въ два часа	—	36
Восточный подарокъ	—	37
Нѣкоторыя новости Парижскихъ театровъ	—	38
Охота на медвѣдя	—	—
Вотъ что значитъ гласность	—	39
Алжирскій музей	—	—
Необыкновенная карета	—	—
О троичной скачкѣ въ Москвѣ	—	40
Виноградъ въ комнатахъ	—	43
Подземный пожаръ	—	45
Коза въ водобоязни	—	—
Вѣсть о подводномъ телеграфѣ	—	—
Новаго рода спортъ	—	46
Средство отъ холеры	—	—
Воспитатель пчелъ и осъ	—	—
Ткани изъ стекла	—	—
Нѣсколько цифръ изъ статистики Парижа	—	47
Любезный и ученый воръ	—	49
Неслыханное сложеніе	V	11

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Картинная галлерея Неаполитанскаго Короля	—	—
Мѣры противъ ясновидѣнія	—	12
Супружеская раздѣлка	—	13
Докторскій дипломъ, поднесенный Мейерберу	—	—
Владѣнія Ламартина, пожалованныя ему Турецкимъ Султаномъ	—	—
Археологическое открытіе	—	14
Страшная гроза въ Пиринеяхъ	—	—
Фаустъ и Маргарита	—	15
Карта сельскаго завтрака, даннаго гг. Скрибу и Галеви.	—	16
Женни Линдъ	—	17
Надгробная Французскихъ журналовъ	—	—
Электрическій телеграфъ въ Средніе вѣка	—	—
Цифры изъ отчетовъ о Лондонскихъ пожарахъ	—	18
Какъ доятъ коровъ въ Австраліи	—	20
Эпитафія Англійской леди	—	21
Патріархальное семейство	—	—
Причуды рѣки	—	22
Мысль о новомъ приложеніи электрическ. телеграфа.	—	—
Воззваніе къ крысоистребителямъ	—	35
Любезность Непальскаго посла	—	36
Эксцентричность изъ эксцентричностей	—	48
Страсть къ игрѣ при Дворѣ Людовика XIV	—	—
Игра природы	—	49
Artes emolliant mores	—	—
Современники Лаперуза и Кука	—	50
Памятникъ Вордсворту	—	51
О новомъ приложеніи дагерротипа	—	—
Ловля сардинъ	—	—
Новое зрѣлище въ Парижѣ	—	—
Шайка разбойниковъ	—	52
Фортепіано въ счетѣ ресторана	—	—
Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро	—	53
Замѣтка о Курскомъ астрономѣ Ѳ. А. Семеновѣ	—	68
Свѣжія вѣсти изъ Калифорніи	VI	5
Диллетантизмъ Сѣверо-Американцевъ	—	8
Продолж. любезностей Непальск. посла и отъѣздъ его.	—	12
Приготовленіе ко Всемірной выставкѣ	—	14,79

Digitized by Google

	Часть.	Стран.
Новое приложеніе гутта-перчи	—	15
Мудреное завѣщаніе	—	—
Цѣнность нѣкоторыхъ вещей	—	—
Средство отличать ядовитые грибы отъ безвредныхъ	—	16
Нѣтъ болѣе холода въ комнатахъ	—	—
Литературная утрата	—	18
Случай изъ Англійскаго судопроизводства	—	22
Извѣстіе для нуждающихся въ вставныхъ глазахъ	—	23
Самое дешевое средство къ обогащенію	—	24
Роскошная дача Бульвера	—	34
Страшная легенда	—	35
Романтическая дружба	—	—
Генрихъ Гейне	—	—
Знаменитое произведеніе — книга Galanthomme	—	37
Изобрѣтеніе, стоющее Греческаго огня, г. Лагранжа	—	—
Вѣсть о Калифорніи	—	79
Моды съ картинками	III № 11, 12 IV № 13, 15, 17 V № 19 VI № 23.	

=

Въ подарокъ читателямъ Москвитянина на 1850-й годъ были розданы

два альманаха: *На Новый годъ* и *Гостинецъ*, въ которыхъ были помѣщены статьи Г-дъ: Б-ва, Берга, Бѣляева, Вельтмана, Зонтагъ, Красова, Мея, Миллера, Пасекъ, Погодина, Графини Ростопчиной, Студитскаго, Сушкова, Шевырева и друг.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JUN 24 1935

Digitized by Google

Digitized by Google